

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1908-мъ
ГОДУ НА ПРЕЖНИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

1.

Стр.

5. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра: Наполеонъ передъ походомъ въ Россію. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.
25. Письмо князя А. А. Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому: Россія и Европа. 1833.
48. Учрежденіе Верховнаго Временнаго Совѣта въ Герцогствѣ Варшавскомъ 1813. Переписка князя М. Л. Кутузова съ Н. Н. Новосильцовымъ.
64. Конрадъ Валеродъ. Переписка Н. Н. Новосильцова съ графомъ Д. Д. Бурутою и донесеніе Великому Князю Константину Павловичу о Мицкевичѣ. 1828.
75. Семейныя прозвища Великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. В. В. Шереметевскаго.
98. Письмо императрицы Маріи Феодоровны къ Хавыкову о Павловскомъ дворцѣ.
99. Масонскія собранія, торжества и стихи въ честь императора Александра Павловича. Сообщено Т. О. Соколовскою.
105. Императоръ Александръ Павловичъ въ послѣдніе свои годы (изъ Записокъ г-жи Буавъ).
107. Полузабытая могила (Кулибина). П. А. Россіева.
109. В. А. Жуковскій: его замѣтки о Великомъ Князѣ Александрѣ Николаевичѣ, завѣщательное письмо къ супругѣ своей и записка о рожденіи своей дочери.
115. Баронъ Пасхинъ А. А. Голомбѣвскаго.
131. Прожитое и пережитое. Воспоминанія доктора П. С. Алексѣева.
134. А. С. Хомяковъ и М. А. Максимовичъ (новыя письма А. С. Хомякова). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.
141. Поправки и мелочи.

Внутри сорочки—отзывы о книгахъ.

Приложены полулисты Предметной Росписи „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы. (Писатели).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1908.

Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Н. Глаголева. Съ масонскими рисунками. С.-Пб. (1907), Малая 8-ка, 182, и 2 нен. стр. Цѣна 80 к.

Отмѣнно-любопытная книжка эта написана по разысканнымъ въ разныхъ архивахъ Петербурга, Москвы, Ревеля и Юрьева доселѣ малоизвѣстнымъ бумагамъ. Нельзя не воздать чести умному трудолюбію и прекрасному изложенію Т. О. Соколовской, особенно въ исторической части ея изслѣдованія. Пожелаемъ ей успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ ея по исторіи масонства, которымъ такъ долго занималось Русское (преимущественно высшее) общество. Въ него уловлялись и такіе умы, какъ Сперанскаго и Филарета. Масонство всегда отзывалось заговорщичествомъ, и правительство вынуждено было закрыть его такъ называемыя ложи. Т. О. Соколовская упоминаетъ про свидѣтельство графа Ростопчина объ умыслѣ на жизнь Екатерины Великой; но коробка съ показаніями о нихъ, которая была у него въ рукахъ, доселѣ не отыскана. Мнѣ случилось спрашивать о ней покойнаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, разбиравшаго тайныя бумаги Государственнаго Архива, но онъ отозвался невѣдѣніемъ о томъ. Около времени закрытія ложъ увезенъ былъ въ Суздаль изъ дома на Невскомъ Проспектѣ, въ особой каретѣ со всякими удобствами Кондратій Селивановъ (скопецъ, въ 1775 г., въ годъ казни Пугачева, провозгласившій себя Петромъ

III-мъ); а къ нему, по свидѣтельству Ѳ. П. Лубяновскаго, пріѣзжалъ благословляться императоръ Александръ Павловичъ, отправлявшійся на первую войну свою, въ 1805 году. Не мудрено, что тогда расплодилось всякія тайныя ученія. Заговорщичествомъ ознаменовалось цѣлое царствованіе, съ перваго дня его.

Любопытно было бы распределить масоновъ по двумъ отдѣламъ, на которые указывалъ партизанъ Д. В. Давыдовъ, т.-е. *датусовъ* и *биратусовъ*. Сколько извѣстныхъ богатыхъ Русскихъ людей разорилось на масонствѣ! Но настоящіе *биратусы* и очень немногіе *тайные* руководители, въ ловушку которыхъ попадались люди достойные полного уваженія и сочувствія, доселѣ не отысканы. Исторіею Франціи обличена вредоносность масонства. Они выпущены на материку изъ Англии, гдѣ и доселѣ явна подкладка Финикійско-Еврейская.

*

Записки генераль-маіора Ивана Васильевича Чернова. Оренбургъ 1907. Большая 8-ка, 224 стр.

Эта книга издана благодаря трудамъ И. С. Шукшинцева Оренбургскою Архивною Комиссіею. И. В. Черновъ—Оренбургскій старожилъ, составилъ цѣлый рядъ жизнеописаній, по собственнымъ воспоминаніямъ и по разсказамъ мѣстныхъ старыхъ людей. Изложеніе его просто и толково. Передъ читателемъ проходятъ за цѣлое слишкомъ столѣтіе правители обширнаго Оренбургскаго края, начиная съ И. И. Неклюева, этого „птенца

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

1908.

І.

РУССКІЙ ЭРМИНЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

Такъ говорилъ Господь: остановитесь на путяхъ своихъ и рассмотрите и разпросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душамъ вашимъ.

Иеремія, VI, 16.

1908.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1908.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.

Очеркъ его жизни.

Графъ Филиппъ-Павелъ Сегюръ (сынъ того графа Сегюра, Записки котораго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1907 года), генералъ и историкъ, родился въ Парижѣ въ 1780 г., умеръ въ томъ же городѣ въ 1843 г. Первыми воспитателями его были отецъ и дѣдъ, оба люди высокаго ума, которые съ его дѣтства развивали въ немъ вкусъ къ знаніямъ и словесности. Въ 14 лѣтъ онъ уже сочинялъ стихи. Отецъ побуждалъ его къ болѣе дѣльнымъ занятіямъ, особенно къ изученію исторіи и великихъ учителей древности: Фукидиды, Ксенофонта и преимущественно Полибія, который впоследствии служилъ ему образцомъ. Внукъ маршала Франціи, сынъ чловѣка, который, прежде чѣмъ вступить въ дипломатію, сражался подъ начальствомъ Ласайета и Рошамбô за свободу Сѣверной Америки, молодой Сегюръ естественно помышлялъ о военномъ поприщѣ и вступилъ на него скромно, простымъ гусаромъ (Февраль 1800 г.). Подъ начальствомъ Морô, онъ участвовалъ въ Баварскомъ походѣ революціонной Франціи и въ Гогенлинденскомъ сраженіи. Затѣмъ перешелъ онъ въ армію Макдональда, сражался съ Австрійцами въ Швейцаріи и тогда написалъ первое свое произведеніе „Письма о походѣ Макдональда“ (Парижъ, 1802), гдѣ уже проглядывали отличное дарованіе и большое знаніе военнаго искусства. Въ 1804 году онъ имѣлъ случай, благодаря своему отцу (оберъ - церемоніймейстеру), видѣть иногда тогдашній Французскій дворъ.

Молодой графъ Сегюръ повалился Наполеону, который далъ ему полу-дипломатическое порученіе въ Данію, потомъ, по устройству Булонскаго лагеря, надсмотръ надъ военными работами береговъ Ламанша, Бельгійскихъ и Рейнскихъ границъ. Сегюръ былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи и затѣмъ сопровождалъ короля Іосифа въ Неаполь. Онъ отличился при осадѣ Гаеты и заслужилъ эполеты, какъ начальникъ эскадрона. Отозванный въ Парижъ, онъ женился на дочери графа Люсея, главнаго префекта дворца, потомъ участвовалъ въ сраженіи при Іенѣ и въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ боевъ съ Русскими войсками съ 23 Декабря 1806 по 6 Февраля 1807 годовъ. Раненый два раза, онъ попался въ плѣвъ и былъ увезенъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до Тильзитскаго мира. Получивъ свободу, онъ немедленно от-

правился въ Испанію въ чинѣ майора, въ нѣсколько дней заслужилъ своею храбростію въ битвѣ при Сомо-Сіера чинъ полковника, но, весь израненный былъ вынужденъ вернуться во Францію и нѣсколько отдохнуть. Наполеонъ давалъ ему дипломатическія порученія (1810 г.) при Сѣверныхъ дворахъ. Произведенный въ бригадные генералы 2 Іюня 1811 года, онъ поступилъ въ главный штабъ императора и находился въ немъ во время губительнаго похода въ Россію. Въ 1813 году ему поручено было сражаться на Рейнѣ во главѣ 5-го полка почетной гвардіи, и онъ много способствовалъ къ защитѣ границъ передъ Ландау и Страсбургомъ.

Тутъ кончается военная служба графа Филиппа Сегюра. Реставрація оставила ему его чинъ, но лишила дѣятельности въ наказаніе за приверженность къ Наполеону по возвращеніи его съ Эльбы. Человѣкъ войны сдѣлался историкомъ великихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Описаніемъ похода въ Россію въ видѣ обширнаго историческаго сочиненія занимался онъ въ теченіи восьми лѣтъ. Только въ 1824 г. появилась его „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 году“. Эта книга имѣла необычайный успѣхъ и до сихъ поръ занимаетъ видное мѣсто между частными исторіями Имперіи. Ея появленіе вызвало жаркую полемику. Описывая съ уваженіемъ человѣка, на службѣ которому онъ провелъ полжизни, графъ Сегюръ первый имѣлъ смѣлость и честь высказаться самостоятельно о Наполеонѣ и о разгромѣ 1812 года. Онъ показалъ Наполеона, какимъ видѣлъ его вблизи, продолженіе всего этого губительнаго похода, въ полномъ упадкѣ моральномъ и физическомъ и съ потухавшимъ гениемъ. Полная ужасовъ картина этого знаменитаго отступленія даетъ гр. Сегюру полное право на имя историка. Строгой слогъ ярко рисуетъ образы, а глубокое чувство придаетъ жизнь страницамъ, написаннымъ съ краснорѣчивой и горестной правдою. Между его противниками былъ генералъ Гурдо, который предпринялъ опроверженіе „Исторіи Наполеона и великой арміи“. Рѣзкія выраженія вызвали поединокъ между двумя генералами, и графъ Сегюръ былъ раненъ.

Графъ Сегюръ сталъ членомъ Французской Академіи 25 Марта 1830 года, на мѣсто Леви. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, затѣмъ въ пэры Франціи правительствомъ Людовика-Филиппа, онъ имѣлъ случай произнести въ Палатѣ нѣсколько замѣчательныхъ рѣчей. На другой день по его кончинѣ появилась его книга „Исторія и воспоминанія“. Въ ней описываетъ онъ совместно жизнь Наполеона и свою собственную.

(Извлечено изъ большого Всеобщаго Словаря Ларуса).

*

Съ плѣнными въ Россіи всегда обращались милосердно, и пребываніе графа Сегюра въ Вологдѣ, въ 1807 году, могло внушить ему нѣкоторое сочувствіе къ Русскимъ. При Людовикѣ XVIII-мъ, въ Парижѣ, онъ долженъ былъ нерѣдко видѣться съ проживавшимъ тамъ нашимъ графомъ Растончиннымъ, на дочери котораго женился родной его племянникъ. П. Б.

З а п и с к и.

Въ какомъ униженіи ни держалъ Наполеонъ престолы Южной и Западной Европы, но онъ зналъ, что Сѣверный престолъ Александра, благодаря своему вѣчно-грозящему положенію, все-таки можетъ преобладать надъ нимъ. На этихъ ледяныхъ вершинахъ Европы, съ которыхъ нѣкогда страшными потоками низвергались варвары, Наполеонъ усматривалъ всѣ признаки нашествія. До сихъ поръ Австрія и Германія служили достаточными преградами; но онъ самъ унижилъ ихъ, оставшись такимъ образомъ на виду и единственнымъ охранителемъ просвѣщенія, богатства и всѣхъ народныхъ правъ Европейскаго населенія противъ невѣжественной грубости и алчныхъ вождельнѣй бѣдныхъ народовъ Сѣвера, противъ честолюбія ихъ Императора и его дворянства. Очевидно было, что только война могла рѣшить этотъ великій споръ, эту великую и вѣчную борьбу бѣднаго съ богатымъ. И тѣмъ не менѣе, съ нашей стороны, эта война не была ни Европейской, ни даже національной. Европа шла на нее противъ воли, такъ какъ цѣлью похода было усиленіе могущества ея завоевателя. Франція была истощена и жаждала покоя; высшіе ея сановники, составлявшіе дворъ Наполеона, страшились возобновленія войны и разбросанности нашей арміи отъ Кадикса до предѣловъ Россіи. Хотя они понимали неизбежность великой распри, но не находили доказанною ея безотлагательность.

Въ этихъ видахъ графъ Молліенъ предъявлялъ, что финансы Франціи требуютъ покоя. На это Наполеонъ отвѣчалъ: «напротивъ, если они въ разстройствѣ, то для нихъ нужна война». Герцогъ Газта прибавлялъ, что дѣйствительно, нѣкогда еще государственные доходы не были въ болѣе удовлетворительномъ состояніи (удивительно, что по отчету, сданному въ 3-хъ или 4-хъ миллиардахъ, не было долговъ ко взысканію), но что такому благополучію приходитъ конецъ, такъ какъ видимо, съ 1812-мъ годомъ начнется разорительная война. До сихъ поръ война питалась войной, вездѣ мы находили все готовое; на будущее время намъ нельзя будетъ жить на счетъ Германіи, сдѣлавшейся нашей союзницей: напротивъ, придется кормить еще и эту часть арміи, безъ надежды на возмездіе, каковъ бы ни былъ успѣхъ, потому что придется въ Парижѣ оплачивать каждый паекъ хлѣба, сдѣданный въ Москвѣ.

Послѣ побѣды съ новыхъ полей сраженія нельзя будетъ ничего собрать кромѣ конопля, дегтя и мачтоваго лѣса, а это, конечно, не пойдетъ на уплату расходовъ для войны на материкѣ. Франція не въ состоянн расплачиваться за Европу, особенно въ настоящее время, когда ея средства идутъ въ Испанію; это значило бы зажигать сразу съ двухъ концовъ огонь, который въ стремленн къ центру, истощенному такимъ большимъ напряженіемъ, можетъ истребить и насъ самихъ.

Этотъ министръ былъ выслушанъ. Императоръ глядѣлъ на него смѣющимся взглядомъ со свойственной ему привѣтливостью. Министру казалось уже, что онъ подѣйствовалъ, какъ вдругъ Наполеонъ отвѣчаетъ ему: «Такъ! вы думаете, что я не сумѣю заставить кого слѣдуетъ заплатить расходы на войну?» Герцогъ старался догадаться, на кого должно было пасть это бремя; но императоръ, однимъ словомъ, обнаружилъ всю широту своихъ замысловъ и зажалъ ротъ удивленному министру.

Онъ слишкомъ, впрочемъ, хорошо оцѣнивалъ всѣ трудности своего предпріятія. Быть можетъ, этимъ онъ и навлекъ на себя упрекъ, будто воспользовался средствомъ, которое отвергъ въ войнѣ съ Австріей и примѣръ которому подалъ въ 1793 году знаменитый Питтъ. Говорятъ, будто, къ концу 1811 года, префектъ Парижской полиціи узналъ, что какой-то типографчикъ секретно поддѣлывалъ Русскія ассигнаціи. Наполеонъ посылаетъ его схватить, тотъ сопротивляется, но, наконецъ, въ его домъ ворвались и ведутъ его къ судѣ, котораго онъ изумляетъ самоувѣренностью и еще больше ссылками на министра полиціи. Типографчикъ былъ тотчасъ отпущенъ; прибавляли даже, будто онъ продолжалъ свою поддѣлку и что, при первомъ нашемъ появленн въ Литвѣ, мы распустили слухи, что въ Вильнѣ нами захвачено изъ кассы непріятельской арміи нѣсколько милліоновъ Русскихъ ассигнацій. Каково бы ни было происхожденіе этихъ фальшивыхъ денегъ, Наполеонъ смотрѣлъ на нихъ съ отвращеніемъ. Неизвѣстно даже, согласился ли онъ на ихъ употребленіе; достоверно, по крайней мѣрѣ, что во время нашего отступленія, когда мы оставляли Вильну, большинство этихъ ассигнацій было найдено нетронутыми и что по приказанію Наполеона ихъ сожгли» *).

Понятовскій, которому эта война, казалось, сулила престоль, имѣлъ великодушнѣ присоединиться къ мнѣнію министровъ императора,

*) Тутъ графъ Сегюръ сознательно или умышленно щадитъ своего повелителя. Фальшивыя Русскія сторублевныя ассигнаціи печатались съ вѣдома Наполеона, и доска для ихъ тисненія, была найдена въ захваченной нами коляскѣ у Бертье. Въ Москвѣ печатаніе было поручено безповоцамъ Преображенскаго кладбища. См. статью И. П. Липравди въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. П. Б.

указывая ему на опасность его предпріятія. Въ этомъ Польскомъ князѣ любовь къ родинѣ была сильной и благородной страстью, что онъ и доказалъ своей жизнью и смертью. Тѣмъ не менѣе это чувство не ослѣпляло его. Онъ изобразилъ Литву пустынной и неудобной для проѣздовъ; Литовское дворянство, по его словамъ, полуобрусѣло, характеръ жителей равнодушный и непривѣтливый. Императоръ, въ нетерпѣннѣи, остановилъ его; онъ желалъ получить свѣдѣнія, побуждающія предпринять походъ, а не воздерживающія отъ него.

Правда, большинство подобныхъ возраженій были лишь слабымъ повтореніемъ всего, что уже давно приходило на умъ Наполеону. Никто не зналъ, до какой степени онъ считался съ опасностью, сколько усилий онъ употребилъ съ 30-го Декабря 1810 года, чтобы изучить страну, которая рано или поздно неминуемо должна была сдѣлаться театромъ рѣшительной войны; сколько было имъ послано туда развѣдчиковъ, сколько онъ доставалъ сочиненій о дорогахъ къ Петербургу и Москвѣ, о свойствахъ народа, главнымъ образомъ купческаго сословія и, наконецъ, всякаго рода надеждахъ, какія можно было возлагать на эту страну. Если онъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, то потому, что, далеко не обманываясь въ силѣ своей, онъ не раздѣлялъ сомнѣнія въ ней, что, можетъ быть, и мѣшало ему усмотрѣть, насколько ослабленіе Россіи было нужно для будущаго существованія великой Французской Имперіи.

Въ этихъ видахъ онъ еще разъ обратился къ тремъ высшимъ сановникамъ, всѣмъ извѣстныя заслуги и преданность которыхъ давали имъ право говорить безъ стѣсненія. Всѣ трое, въ качествѣ министровъ, посланниковъ и пословъ, знавали Россію въ различное время. Наполеонъ всячески старался ихъ убѣдить въ пользѣ, справедливости и необходимости войны. Тѣмъ не менѣе, въ особенности одинъ изъ нихъ, графъ Сегюръ часто и нетерпѣливо прерывалъ его.

Полный горячей и непоколебимой искренности, происходившей отъ военнаго воспитанія, а можетъ быть свойственной людямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ родился*), графъ Сегюръ воскликнулъ: «Не слѣдуетъ ни самому обманываться, ни стараться обмануть другихъ. Захвативъ материкъ Европы и даже владѣнія, принадлежація родственникамъ союзника, нельзя обвинять его въ нарушеніи континентальной системы. Какъ можно, въ то время когда Французская армія покрываетъ всю Европу, упрекать Русскихъ за ихъ армію? Наполеоновскому ли честолюбію указывать на честолюбіе Александра? Впрочемъ, этимъ госу-

*) Старый замокъ гр. Сегюръ въ кантонѣ Люберзакъ (близъ Орлеана). П. Б.

даремъ уже принято рѣшеніе. Въ случаѣ, если одолѣютъ Россію, нечего будетъ ожидать мира до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ Французъ останется на Русской землѣ; въ этомъ національная и упорная гордость Русскихъ согласуется съ гордостью ихъ Императора. Дѣйствительно, его подданные обвиняютъ его въ слабости; но это напрасно, такъ какъ нельзя о немъ судить по тѣмъ любезностямъ, которыя онъ расточалъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, неопытно поддавшись чувству удивленія и отчасти честолюбія. Монархъ этотъ любитъ справедливость; онъ желаетъ, чтобы правда была на его сторонѣ и нерѣшителенъ только до тѣхъ поръ, пока не увѣренъ въ своей правотѣ, за то, убѣдившись въ ней, онъ дѣлается непоколебимъ. И наконецъ, по отношенію къ его подданнымъ, для него опаснѣе заключить позорный миръ, чѣмъ выдержать несчастную войну. Какъ возможно не видѣть, что въ этой войнѣ намъ приходится опасаться всего, даже своихъ союзниковъ? Развѣ Наполеонъ не слышитъ, какъ встревоженные короли говорятъ, что состоятъ у него лишь намѣстниками? Чтобы возстать противъ Наполеона, всѣ ждутъ только случая. Къ чему же рисковать доставленіемъ этого случая?»

Поддержанный обоими своими товарищами, графъ Сегюръ прибавилъ, что съ 1805 года система веденія войны, заставляющаго самаго дисциплинированнаго солдата заниматься мародѣрствомъ, посѣяла ненависть по всей Германіи, черезъ которую Императоръ намѣревался теперь пройти. Неужели же онъ перекинетъ свою армію черезъ всѣ эти народы, у которыхъ не зарубцевались еще нанесенныя нами раны? Сколько ненависти, сколько мести это значило бы поселить между ними и Франціей! А у кого искать поддержки? У Пруссіи, которую мы разоряемъ въ теченіе уже пяти лѣтъ и союзъ съ которой вынужденъ и притворенъ. Итакъ, Наполеонъ проведетъ линію военныхъ дѣйствій небывалой длины въ странѣ, гдѣ царитъ безмолвный страхъ, работѣнный и вѣроломный, подобно лавѣ вулкана, скрывающей подъ собой страшное пламя, которое отъ малѣйшаго толчка можетъ произвести изверженіе!

И наконецъ, что получить онъ отъ столькихъ завоеваній? Придется ему королей замѣнить намѣстниками; а эти, будучи властолюбивые генераловъ Александра, пожалуй, станутъ имъ подражать, не дожидаясь смерти своего повелителя. Смерть же онъ неминуемо долженъ встрѣтить на столькихъ поляхъ сраженія и раньше, чѣмъ успѣетъ упрочить свое дѣло, такъ какъ каждая война будитъ внутри страны надежду всѣхъ партій и подвергаетъ новымъ сомнѣніямъ прежнія рѣшенія.

«Угодно ли ему знать, какіе разговоры ведутся въ арміи? Тамъ говорятъ, что лучшіе его солдаты въ Испаніи; что вслѣдствіе частыхъ

наборовъ, въ полкахъ нѣтъ единства; солдаты не знаютъ другъ друга и не увѣрены въ возможности, на случай опасности, рассчитывать одинъ на другого; первый рядъ тщетно прикрываетъ слабость двухъ слѣдующихъ за нимъ рядовъ; вслѣдствіе неподходящаго возраста и недостаточнаго здоровья, большое число солдатъ умираетъ въ первыхъ же походахъ единственно отъ тяжести ранцевъ и оружія. И между тѣмъ, въ предстоящемъ походѣ солдата раздражить не столько сама война, сколько страна, въ которой придется ее вести. Литовцы насъ зовутъ, говорятъ они, но на какую почву? въ какой климатъ? въ страну съ какими нравами? Все это слишкомъ извѣстно по кампаніи 1806 года. Гдѣ же останавливаться въ этихъ плоскихъ равнинахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было естественно или искусственно укрѣпленныхъ позицій? Развѣ же неизвѣстно, что съ 1-го Октября по 1-е Іюня всѣ стихіи служатъ защитою для этихъ странъ; неизвѣстно развѣ, что если завести армію въ эти пустыни грязи и льдовъ во всякое время, кромѣ съ Іюня до Октября, она можетъ вся погибнуть и безъ всякой славы! При этомъ онъ прибавилъ, что Литва скорѣе можетъ считаться Азіей, чѣмъ Испанія Африкой; Французская же армія, будучи непрерывной войной какъ бы изгнана изъ Франціи, желаетъ остаться, по крайней мѣрѣ, Европейскою. И наконецъ, когда нашей арміи придется въ этихъ пустыняхъ стоять лицомъ къ лицу съ непріателемъ, какъ различны будутъ побудительныя причины, вдохновляющія тѣхъ и другихъ? Для Русскихъ—родина, независимость, всѣ выгоды, частныя какъ и общественныя. Для насъ, и противъ столькихъ преградъ,—единственно слава, даже безъ корысти, которой нечѣмъ поживиться при страшной бѣдности тѣхъ странъ. Тогда какая цѣль для такихъ трудовъ? Французы уже не узнавали другъ друга: до такой степени стали разнообразны обычаи, лица и языки въ этой державѣ, предѣлы которой не опредѣлены ни одной естественной границей.

Старшій изъ сановниковъ, гр. Сегюръ, говорилъ еще, что нельзя арміи такъ растягиваться, не ослабляясь: это значило растворить Францію въ Европѣ, такъ какъ, если бы Франціей сдѣлалась вся Европа — то самой Франціи уже не было бы. Развѣ съ этимъ отъѣздомъ Франціи же останется пустынною, покинутою своимъ главою, безъ арміи, представленная возможности всякихъ переменъ? Кто же защититъ ее? «Моя слава! воскликнулъ Императоръ: оставляю во Франціи свое имя и страхъ, внушаемый вооруженнымъ народомъ!»

Всѣ эти возраженія, казалось, вовсе не поколебали его рѣшенія. Онъ объявилъ, что установить въ имперіи всеобщее народное ополченіе и безъ недовѣрія предоставить Французамъ защиту Франціи,

своей короны и своей славы. Что касается до Пруссіи, онъ обезпечилъ себя ея спокойствіемъ, поставивъ ее въ невозможность двинуться, даже въ случаѣ пораженія или высадки Англичанъ на берегъ Сѣвернаго моря, либо въ тылу нашей арміи. Въ его рукахъ была и гражданская и военная полиція Пруссіи, онъ былъ властелиномъ Штеттина, Кюстрина, Глогау, Торгау, Шпандау и Магдебурга; у него зоркіе офицеры, а въ Берлинѣ войско. Съ такими средствами и при вѣрности Саксоніи, ему нечего бояться непріязни со стороны Пруссіи. Что касается остальной Германіи, то ее связываетъ съ Франціей давящая политика, а также браки съ членами королевскихъ фамилій Баденской, Баварской и Австрійской; поэтому онъ разсчитываетъ на тѣхъ изъ этихъ государей, которые обязаны ему своимъ новымъ титуломъ. Послѣ того какъ онъ подавилъ анархію и сталъ на сторону государей, при томъ могуществѣ, какое въ его рукахъ, они могутъ возстать противъ него, не иначе какъ возбудивъ въ населеніяхъ начала народовластія; конечно, монархи не вступятъ въ союзъ съ этимъ естественнымъ врагомъ престоловъ, который, не будь Наполеона, ниспровергъ бы ихъ. Онъ одинъ можетъ ихъ защитить отъ этого.

Къ тому же Нѣмцы тупы и педантичны, съ ними онъ всегда успѣетъ справиться; онъ владѣетъ всѣми Прусскими крѣпостями, при чемъ Данцигъ—второй Гибралтаръ. (Это невѣрно, особенно зимой).

«Россія должна пугать Европу своимъ военнымъ и завоевательнымъ правительствомъ, точно такъ, какъ дикимъ народонаселеніемъ которое уже теперь очень многочисленно и кромѣ того ежегодно увеличивается на полъ-милліона. Развѣ армію ея не видѣли во всей Италіи, въ Германіи и даже на берегахъ Рейна? Требуя очищенія Пруссіи, она жаждетъ невозможнаго; потому что выпустить изъ рукъ Пруссію, послѣ нанесенныхъ ей столькихъ ранъ, значило бы отдать ее Россіи, которая воспользовалась бы ею противъ насъ».

Затѣмъ, продолжая съ большимъ жаромъ, онъ воскликнулъ: «Къ чему угрожать моему отсутствію разными еще существующими внутри имперіи партіями? Гдѣ онѣ? Я вижу противъ себя всего одну, состоящую изъ нѣсколькихъ роялистовъ, въ большинствѣ принадлежащихъ къ старинному дворянству, людей старыхъ и неопытныхъ. Но они больше боятся моей гибели, чѣмъ желаютъ ея. Вотъ, чтò я имъ сказалъ въ Нормандіи: Меня высоко превозносятъ какъ великаго полководца и искуснаго политика, за то почти совсѣмъ не говорятъ обо мнѣ, какъ объ администраторѣ; и однако, самое трудное, чтò я сдѣлалъ, это то, что остановилъ революціонный потокъ, который погло-

тилъ бы все, и Европу, и васъ! Я примирилъ самыя противоположныя партіи, соединилъ соперничавшіе классы общества; а между тѣмъ, среди васъ, нѣкоторые упорные дворяне сопротивляются, отказываясь отъ предлагаемыхъ мною мѣстъ! Ну, какая мнѣ въ этомъ нужда? Вѣдь я предлагаю вамъ мѣсто для вашей пользы, для вашего спасенія. Что вы дѣлали бы одни, безъ меня? Вѣдь васъ горсть противъ цѣлыхъ массъ! Не видите вы развѣ, что эту войну третьяго сословія противъ дворянства нужно прекратить полнымъ смѣшеніемъ лучшаго, что есть въ обоихъ классахъ? Я вамъ протягиваю руку, а вы отгадываете ее! Да развѣ я въ васъ нуждаюсь? Поддерживая васъ, я врежу самому себѣ въ народномъ расположеніи, ибо кто же я? Я—государь третьяго сословія. Развѣ этого недостаточно?»

Затѣмъ, перейдя болѣе спокойно къ другому вопросу, онъ сказалъ, что ему извѣстно честолюбіе его генераловъ, но что оно отвлечено войною, доведенное же до крайности, не найдетъ поддержки у Французскихъ солдатъ, которые слишкомъ горды и преданы своей прекрасной родинѣ. Если война опасна, то и миръ представлялъ также опасности, такъ какъ, при водвореніи войска обратно, внутри страны сосредоточилось бы слишкомъ много корыстныхъ и дерзкихъ страстей, которыя могли бы придти въ броженіе, и тогда онъ не могъ бы обуздать ихъ. Нужно дать волю всему этому честолюбію, дѣйствию котораго онъ менѣе опасается извнѣ, чѣмъ внутри страны.

Наконецъ онъ прибавилъ: «Вы боятесь войны, видя въ ней опасность для моей жизни? Во времена заговоровъ меня хотѣли также пугать (Жоржемъ *), который всюду слѣдовалъ за мною по пятамъ. Этотъ несчастный долженъ былъ стрѣлять въ меня. Ну, и что же! Онъ убилъ бы моего адъютанта, это самое большее; меня же убить было невозможно! Вѣднѣя судьбы въ то время не были еще исполнены. Я чувствую, что меня что-то влечетъ къ невѣдомой мнѣ цѣли; какъ только достигну ея и не буду больше для нея годенъ, тогда пылинки будетъ достаточно, чтобы сразить меня; но до того — всѣ человѣческія усилія не могутъ ничего со мной сдѣлать. Поэтому, что Парижъ, что армія—все едино; настанетъ мой часъ, и тогда лихорадка, либо паденіе съ лошади на охотѣ, погубятъ меня такъ же, какъ и ядро. Жизнь наша предопредѣлена!»

И такимъ образомъ Наполеонъ отвѣчалъ на всѣ возраженія. Искусная рука его умѣла пользоваться и кстаги управлять всѣми ума-

* Жоржъ Бадуаль въ 1804 году, когда Наполеонъ былъ еще первымъ консуломъ составилъ заговоръ, чтобы погубить его такъ называемою *оскою машинкой*. П. Е.

ми; и дѣйствительно, когда онъ желалъ убѣдить, въ его бесѣдѣ появлялось какое-то очарованіе, отъ котораго невозможно было остеречься: собесѣдникъ чувствовалъ себя слабѣе его и точно принуждался подчиняться его вліянію. Въ немъ, если можно такъ выразиться, была какая-то притягательная сила; пылкій и подвижной умъ его со всею силой проявлялся въ каждомъ изъ его желаній, какъ въ самомъ маломъ, такъ и въ самомъ важномъ; если онъ чего нибудь захотѣлъ, всѣ силы, всѣ способности его сосредоточивались для исполненія этого желанія, а потому большинство тѣхъ, кого онъ имѣлъ въ виду склонить, увлекались до самозабвенія. Лестно было видѣть, что властитель всей Европы не имѣлъ, казалось, другого желанія, другого стремленія, кромѣ желанія васъ убѣдить; видѣть, что эти черты, для столькихъ людей страшныя, для васъ выражаютъ только нѣжную и трогательную доброжелательность; слышать, какъ этотъ скрытный человѣкъ, каждое слово котораго было историческимъ, уступалъ, какъ бы только для васъ, неодолимому влеченію къ самому чистосердечному и довѣрчивому изліянію; а голосъ его, такой ласковый, не тотъ ли самый, котораго малѣйшій звукъ оглашалъ всю Европу, объявляя войну, рѣшая битвы, опредѣляя судьбу государствъ, создавая и уничтожая имена! Какое самолюбіе могло не поддаться чарамъ столь великаго обольщенія? Онъ захватывалъ васъ всецѣло; краснорѣчіе его было тѣмъ убѣдительнѣе, что онъ самъ казался убѣжденнымъ.

Человѣку военному, который дивился возможности столь отважнаго похода, но котораго можно соблазнить величіемъ честолюбиваго замысла, онъ говоритъ: миръ—въ Константинополѣ, то-есть въ концѣ Европы. И военный человѣкъ начинаетъ думать, что ему легко добиться не только маршальскаго жезла, но даже скипетра.

Министру *) который получилъ старинное воспитаніе и котораго ужасала необходимость пролить столько крови для удовлетворенія столь великаго честолюбія, онъ отвѣчаетъ, что эта война исключительно политическая, что онъ идетъ въ Россію только для того, чтобы напасть на Англичанъ, что походъ будетъ весьма непродолжительный и за нимъ послѣдуетъ отдыхъ; что это уже пятый актъ, то-есть развязка.

Другимъ онъ говоритъ, что его втягиваютъ въ войну могущество, властолюбіе Русскихъ и сила обстоятельствъ, противъ его желанія. Передъ людьми поверхностными и неопытными, съ которыми ему не

*) Графу Мола.

хочется ни высказываться, ни дать себѣ труда притворяться, онъ внезапно вскрикиваетъ: «вы ничего во всемъ этомъ не понимаете; вамъ неизвѣстны ни предыдущее, ни послѣдующее!»

По принципамъ своей фамиліи онъ давно открылся. Онъ сѣтовалъ на то, что они недостаточно оцѣниваютъ его положеніе. «Не соображаете вы развѣ, говорилъ онъ имъ, что я не родился на престолѣ и долженъ держаться на немъ съ помощью славы, которая возвела меня на него? Развѣ вамъ непонятно, что слава моя должна расти; что частный человѣкъ, сдѣлавшись, какъ я, монархомъ, не можетъ уже остановиться? Онъ долженъ непрерывно восходить или погибнетъ какъ только остановится» *). И тогда онъ указывалъ на всѣ старинныя династіи, вооруженныя противъ него, замышлявшія заговоры, готовившія войну и старавшіяся уничтожить въ немъ опасный примѣръ монарха, создавшагося самимъ собою. Вотъ почему всякій миръ, въ его глазахъ, былъ заговоромъ слабыхъ противъ сильнаго, побѣжденныхъ противъ побѣдителя, а въ особенности людей великихъ по своему рожденію противъ великихъ самихъ по себѣ.

Такое понятіе въ немъ утвердили послѣдовательно одна за другой составлявшіяся коалиціи. Поэтому онъ часто думалъ о томъ, чтобы не допускать больше существованія въ Европѣ прежнихъ властителей. Онъ хотѣлъ самъ составить эпоху, быть новой эрой для престоловъ; однимъ словомъ, ему хотѣлось, чтобы все начинало свое лѣтосчисленіе съ него.

Такимъ образомъ, въ глазахъ своей семьи, онъ выказывалъ себя откровенно этими живыми изображеніями своего политическаго положенія, которые теперь, можетъ быть, уже не покажутся ложными и преувеличенными; а между тѣмъ кроткая Жозефина, всегда старавшаяся сдержать его и успокоить, часто говорила ему, что при сознаніи превосходства своего ума, у него, казалось, никогда не было достаточнаго сознанія своего могущества и, подобно ревнивцамъ, онъ нуждался въ постоянныхъ доказательствахъ. Какъ могло до безпокойнаго слуха его доходить среди шумныхъ и радостныхъ восклицаній всей Европы нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ, оспаривавшихъ его законное право на престолъ! Она говорила ему, что безпокойный умъ его, такимъ образомъ, постоянно искалъ тревоги, какъ своей стихіи; что, будучи сильнымъ въ желаніяхъ, онъ слабъ, чтобы наслаждаться.

*) Вспоминаются стихи А. С. Хомякова: Главу самозданнымъ владомъ увѣнчалъ помазанникъ собственной силы. П. Б.

Но въ 1811 году Жозефина была разведена съ Наполеономъ и, хотя онъ еще часто навѣщалъ ее въ ея уединеніи, но голосъ императрицы уже утратилъ то вліяніе, какое даютъ постоянное присутствіе, нѣжная привязанность и потребность въ задушевномъ изліяніи.

«Русскій Императоръ, говорилъ онъ, единственный монархъ, гнетущій еще вершину огромнаго зданія. Онъ молодъ, полонъ жизни; силы этого соперника растутъ, тогда какъ мои уже слабѣютъ». Ему казалось, что, съ береговъ Нѣмана, Александръ только и ждалъ извѣстія объ его смерти, чтобъ ухватиться за скипетръ Европейскій и вырвать его изъ рукъ младенца, его наслѣдника. «Когда вся Италія, Швейцарія, Австрія, Пруссія и вся Германія идутъ подъ его орлами, чего же ему медлить съ предупрежденіемъ этой опасности, и почему, для обезпеченія великой имперіи, не отбросить по ту сторону Днѣпра Александра и Русское могущество, ослабленное потерю всей Польши?»

Таковы были его слова, сказанныя искренно, въ частной бесѣдѣ; въ нихъ-то, безъ сомнѣнія, и заключалась истинная причина этой ужасной войны. Что касается его стремленія начать ее, то казалось, что къ этому побуждало его предчувствіе близкой смерти. Его снѣдало острое разлитіе желчи, которымъ онъ и оправдывалъ свою вспыльчивость, прибавляя, что «безъ этого не выигрываютъ сраженій».

Кто изъ насъ достаточно сумѣлъ проникнуть въ сущность чело-вѣческую, чтобы утверждать, что этотъ скрытый недугъ не былъ одною изъ причинъ безпокойной дѣятельности Наполена, ускорившей событія и создававшей его величіе и паденіе?

Внутренній врагъ этотъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свое присутствіе глухою болью и сильными спазмами въ желудкѣ. Уже въ 1806 году, въ Варшавѣ, графъ Лобъ слышалъ, какъ, во время одной изъ такихъ мучительныхъ схватокъ, Наполеонъ воскликнулъ, «что въ немъ лежитъ начало преждевременнаго конца и что онъ умретъ отъ той же болѣзни, отъ которой умеръ его отецъ».

Небольшое передвиженіе на охотѣ, ѣзда въ галопъ на самыхъ покойныхъ лошадяхъ уже утомляли его. Такъ какъ же выдержать ему долгіе переходы и быстрыя передвиженія, которыми подготавливается война? Поэтому, въ то время, какъ даже большинство окружавшихъ его думали, что въ Россію его влекутъ страшное честолюбіе, безпокойство ума и любовь къ войнѣ, самъ онъ, почти безъ свидѣтелей, взвѣ-

пшивалъ всю тяжесть этой войны и, движимый необходимостью, рѣшился на нее послѣ тяжелыхъ раздумій.

Наконецъ, 3-го Августа 1811 года, на торжественномъ приѣмѣ, среди посланниковъ отъ всей Европы, онъ разразился. Но такая вспышка, вызванная предчувствіемъ войны, служить еще однимъ доказательствомъ его отвращенія къ необходимости начать ее. Быть можетъ, пораженіе Русскихъ въ Рущукѣ усилило его надежды, и онъ думалъ угрозами остановить приготовленія Александра.

Онъ обратился къ князю Куракину. Только что этотъ посолъ началъ его увѣрять въ мирныхъ намѣреніяхъ своего государя, какъ Наполеонъ прервалъ его словами: «Нѣтъ, вашъ государь хочетъ войны! Я черезъ своихъ генераловъ знаю, что Русскія войска стекаются къ Нѣману. Императоръ Александръ обольщаетъ и подкупаетъ всѣхъ моихъ пословъ!» Замѣтивъ Коленкура, онъ быстро перешелъ къ нему на другой конецъ залы и рѣзко сказалъ: «Да, и вы тоже сдѣлались Русскимъ. Васъ обольстилъ императоръ Александръ». На это герцогъ твердо отвѣчалъ: «да, ваше величество, потому что въ данномъ вопросѣ я считаю его Французомъ». Наполеонъ замолчалъ, но съ той минуты сталъ обращаться съ этимъ сановникомъ холодно; однакожь онъ не удалялъ его отъ себя и даже неоднократно пробовалъ, перемѣшивая свои разсужденія дружескими ласками, склонить его снова къ себѣ, но это оказалось напраснымъ: каждый разъ онъ находилъ Коленкура непоколебимымъ, готовымъ служить Наполеону, въ тоже время не одобряющимъ его.

Въ то время, какъ казалось, что Наполеонъ, увлеченный своимъ правомъ, положеніемъ и обстоятельствами, желалъ войны и старался ускорить начало ея, онъ хранилъ тайну своей нерѣшительности. 1811-й годъ проходилъ въ переговорахъ о мирѣ и приготовленіяхъ къ войнѣ. 1812-й годъ только что наступилъ, а уже горизонтъ помрачился. Въ Испаніи наши войска сплеховали, Сіудадъ-Родриго былъ только что взятъ Англичанами (19-го Января 1812 г.). Споры Наполеона съ Папой усиливались; Кутузовъ уничтожилъ Турецкое войско на Дунаѣ (8-ое Декабря 1811); сама Франція начинала беспокоиться о пропитаніи войска: однимъ словомъ, все, казалось, отвращало взоръ Наполеона отъ Россіи, направляя его на Францію; и онъ, далеко не ослѣпясь, усматривалъ въ этихъ невзгодахъ предостереженія все еще вѣрной ему судьбы.

Особенно въ долгія зимнія ночи, когда человекъ долго остается одинъ самъ съ собой, звѣзда его, казалось, свѣтила ему особенно яркимъ блескомъ; она указывала ему на различные характеры столѣтнихъ, имъ побѣжденныхъ, народовъ, втайнѣ поджидавшихъ минуты

для отмщенія своихъ обидъ; на опасности, которымъ онъ подвергаетъ себя впереди и на тѣ, что оставляетъ позади и даже у самого себя; на то, что списки, какъ его арміи, такъ и народонаселенія его имперіи, были неточны, не по численности, а по дѣйствительной своей силѣ; въ счетъ пошли только люди, состарѣвшіеся отъ времени или отъ войны, да дѣти, людей средняго возраста почти не было. Гдѣ же они? Объ этомъ достаточно говорятъ слезы женъ и вопли матерей! Съ трудомъ склонившись надъ землею, которая безъ нихъ оставалась бы необработанной, онъ шлуетъ проклятія войнѣ въ лицѣ Наполеона. Между тѣмъ онъ пойдетъ на Россію, не покоривъ еще Испаніи, забывъ правило, держаться котораго самъ такъ часто подавалъ поучительный примѣръ, а именно: «что никогда не слѣдуетъ предпринимать чего-либо одновременно въ двухъ разныхъ мѣстахъ, но въ одномъ и всегда всѣми силами сразу.» Наконецъ, зачѣмъ бы ему выходить изъ положенія столь блестящаго, хотя и непрочнаго, чтобы бросаться въ такое опасное положеніе, въ которомъ малѣйшая неудача могла все погубить и малѣйшая превратность судьбы дѣлалась рѣшительной? Въ это время никакая необходимость, вызванная обстоятельствами, никакое чувство самолюбія не могла заставить Наполеона вступать въ борьбу съ своими личными разсужденіями и помѣшать ему слушать самого себя. Онъ собираетъ разные отчеты о положеніи каждой Европейской державы, велитъ составить себѣ изъ нихъ точный и полный, но краткій, выводъ и погружается въ чтеніе его; мучительное безпокойство въ немъ растетъ, тогда какъ именно для него нерѣшительность составляетъ пытку.

Часто можно было его видѣть полулежащимъ на диванѣ, на которомъ онъ оставался по нѣскольکو часовъ, погрузившись въ глубокое размышленіе. Онъ выходилъ изъ него внезапно, точно судорожно, съ восклицаніями; ему чудилось, что его называютъ по имени, и онъ вскрикивалъ: «кто меня зоветъ?» Затѣмъ, вставъ и взволнованно ходя по комнатѣ, онъ, наконецъ, восклицалъ: «нѣтъ, конечно, вокругъ меня, даже у меня самого, ничто еще не готово для такой дальней войны! Нужно ее отложить года на три». И онъ отдаетъ приказаніе, чтобы на его столѣ всегда оставалось краткое изложеніе отчетовъ, освѣщающее ему опасности его положенія. Онъ часто перечитываетъ его и каждый разъ съ одобреніемъ повторяетъ свои первоначальныя заключенія.

Неизвѣстно, что именно внушило ему спасительное вдохновеніе; но достоверно, что около этого времени (25 Марта 1812 г.) Чернышевъ отвезъ своему государю новыя предложенія. Наполеонъ предлагаетъ открыто заявить, что не будетъ ни прямо, ни косвенно способствовать

возстановленію Польскаго королевства и что относительно прочихъ неудовольствій придетъ къ соглашенію.

Позднѣе, 17-го Апрѣля, герцогъ Бассано предложилъ Каствльрею сдѣлку относительно полуострова и королевства Двухъ Сицилій, съ тѣмъ, чтобы въ остальномъ договориться на томъ основаніи, что каждое изъ двухъ государствъ оставить за собой то, чего вторая держава не можетъ отнять у него войною. Но Каствльрей отвѣчалъ, что обязательства, чистосердечно принятыя на себя Англійей, не позволяютъ ей договариваться безъ предварительнаго признанія Фердинанда VIII королемъ Испаніи.

25-го Апрѣля, Марз, пересылая графу Румянцеву это сообщеніе, снова изложилъ неудовольствія Наполеона противъ Россіи, которыя состояли, во-первыхъ, въ указъ отъ 31-го Декабря 1810 года, воспрещавшемъ ввозъ въ Россію большинства Французскихъ произведеній и разрушавшемъ континентальную систему; во-вторыхъ, въ заявленіи Александра противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго; въ-третьихъ, въ вооруженіи Россіи.

Министръ этотъ напомнилъ, что Наполеонъ предлагалъ дать Ольденбургскому герцогству вознагражденіе и формально обѣщать никогда не содѣйствовать возстановленію Польши. Онъ напомнилъ еще о томъ, что въ 1811 году Наполеонъ предложилъ Александру дать князю Курякину необходимыя полномочія для обсужденія съ герцогомъ Бассано ихъ взаимныхъ неудовольствій; но Русскій Императоръ уклонился отъ этого приглашенія обѣщаніемъ послать въ Парижъ Нессельроде (обѣщаніе это не было исполнено).

Почти одновременно Русскій посоль передалъ рѣшительное заявленіе Александра, требовавшаго полнаго очищенія Пруссіи и Шведской Помераніи, а также уменьшенія гарнизона въ Данцигъ; впрочемъ, онъ соглашался принять вознагражденіе за герцогство Ольденбургское. Соглашался онъ и на торговый договоръ съ Франціей и, наконецъ, на ничтожныя измѣненія въ указъ отъ 3-го Декабря 1810 года.

Но было слишкомъ поздно. При настоящемъ положеніи вещей, это заявленіе вызывало за собою войну. Наполеонъ былъ слишкомъ гордъ самимъ собою и Франціей и слишкомъ хорошо сознавалъ свое положеніе, чтобы уступить угрожавшему посреднику, предоставить Пруссіи свободу броситься въ объятія, протянутыя ей Русскими, и покинуть Польшу. Онъ слишкомъ далеко зашелъ впередъ, чтобы придти къ какому нибудь рѣшенію. Приходилось вернуться вспять, а Наполеону въ каждомъ попятномъ шагѣ видѣлось начало рѣшительнаго паденія.

Обозрѣвая громадность своихъ военныхъ силъ, Наполеонъ возвра-

пался къ воспоминаніямъ о Тильзитѣ и Эрфуртѣ и получалъ при этомъ неточныя свѣдѣнія о характерѣ своего соперника.

Онъ то надѣялся, что Александръ смирится передъ такимъ грознымъ нашествіемъ, то снова поддавался своему побѣдоносному воображенію и съ самодовольствомъ позволялъ ему летать отъ Кадикса до Казани. И тогда ему представлялось, что онъ почувствуетъ себя хорошо только въ Москвѣ. Этотъ городъ находился въ 800 миляхъ отъ него, а онъ уже собиралъ о немъ свѣдѣнія, точно наканунѣ занятія его. Какой-то Французскій докторъ возвратился изъ Москвы, и Наполеонъ сталъ его спрашивать о господствующихъ тамъ болѣзняхъ. Въ своихъ вопросахъ онъ добрался даже до чумы, нѣкогда опустошившей этотъ городъ. Онъ желалъ знать происхожденіе этой болѣзни, исторію ея распространенія и прекращенія и, оставшись доволенъ отвѣтами доктора, взялъ его къ себѣ на службу.

Между тѣмъ во Франціи начался голодъ. Внутренняя всеобщимъ страхомъ мѣры предосторожности противъ него скоро углубили это бѣдствіе. Алчность, всегда готовая воспользоваться всякими путями къ наживѣ, захватила все зерно въ то время когда оно еще было дешево, ожидая, чтобы голодъ сталъ брать его назадъ уже на вѣсъ золота. Тогда поднялась всеобщая тревога. Наполеонъ былъ вынужденъ отложить свой отъѣздъ. Въ нетерпѣніи онъ торопилъ Совѣтъ; но ему отвѣчали, что нужно принять настоятельныя мѣры и что его присутствие необходимо. Такимъ образомъ война, въ которой потеря каждаго часа была непоправима, откладывалась на два мѣсяца.

Императоръ не остановился передъ этимъ препятствіемъ; къ тому же такое запозданіе давало возможность рассчитывать на новую жатву въ Россіи. Этими всходами можетъ кормиться его кавалерія, и арміи придется тащить меньше обоза за собой, а разъ передвиженіе арміи легче, то и ходъ ея будетъ быстрѣе: значить, до непріятеля она доберется, и этотъ великій походъ, подобно многимъ другимъ, окончится сраженіемъ.

Время разсужденій прошло; наступило, наконецъ, время дѣйствій. 9-го Мая 1812 года, Наполеонъ, до той поры всегда побѣдоносный, вышелъ изъ дворца, куда не суждено уже было ему возвратиться иначе, какъ побѣжденнымъ.

Проѣздъ его изъ Парижа въ Дрезденъ былъ не прекращавшимся триумфомъ. Сначала ему приходилось пересѣчь восточную Францію, а эта часть имперіи была ему предана: она совсѣмъ не походила на Западъ и Югъ Франціи и знала его лишь по его благодѣяніямъ и торжествамъ.

Въ Германіи онъ встрѣтилъ меньше изъявленій преданности, за то, быть можетъ, больше благоговѣйнаго чувства. Побѣжденнымъ и покорнымъ Нѣмцамъ, изъ самолюбія или по ихъ склонности къ чудесному, хотѣлось видѣть въ Наполеонѣ существо сверхестественное. Какъ бы выгнъ себя отъ удивленія, увлеченное всеобщимъ движеніемъ, это добродушное населеніе старалось добросовѣстно быть тѣмъ, чѣмъ слѣдовало казаться.

Нѣмцы шли по обѣимъ сторонамъ долгаго пути Императора; ихъ государи выѣзжали изъ своихъ столицъ, наполняя города, въ которыхъ на нѣсколько минутъ долженъ былъ остановиться властитель ихъ судебъ. Наполеона сопровождали императрица и многочисленный дворъ. Онъ шелъ на ужасныя случайности дальней, рѣшительной войны словно торжествующій побѣдитель, возвращавшійся съ нея. Не таковъ онъ былъ въ прежнихъ походахъ.

Онъ пожелалъ, чтобы Австрійскій императоръ, нѣсколько королей и множество принцевъ явились въ Дрезденъ на время его проѣзда, и желаніе его было исполнено. Всѣ стеклись къ нему: одни, руководимые надеждой, другіе страхомъ. Наполеонъ хотѣлъ убѣдиться въ своемъ могуществѣ, показать его и насладиться имъ. Онъ хотѣлъ противъ поставить этотъ блестящій сѣздь монарховъ одиночеству Русскаго Государя, надѣясь, что Александръ устрашится, видя, какъ всѣ его покинули. И, наконецъ, такой сѣздь союзныхъ государей могъ служить какъ бы признаніемъ, что война его съ Россіей есть война Европейская. Находясь въ центрѣ Германіи, онъ показывалъ, такимъ образомъ, всей странѣ рядомъ съ собою дочь цезаря, свою супругу. Цѣлыя селенія перемѣщались для того, чтобы спѣшно слѣдовать за нимъ; богатые и бѣдные, благородные и простолюдины, друзья и недруги, всѣ торопились любопытными толпами, тѣснясь на улицахъ, дорогахъ и площадяхъ. Они проводили дни и ночи напролетъ, устремляя свои взоры на двери и окна Наполеонова помѣщенія. Не на его корону, не на санъ его и роскошь его двора, они приходили смотрѣть, а только, чтобы поглядѣть на него самага; они старались запомнить его черты; имъ хотѣлось имѣть возможность сказать своимъ соотечественникамъ, своимъ менѣе счастливымъ потомкамъ, что они видѣли Наполеона.

Въ театрахъ поэты унижались до обоготворенія его; народныя толпы льстили ему *). Между тѣмъ онъ былъ воздерженъ и даже ста-

*) Вѣроятно, въ это время выбита была медаль съ изображеніемъ Наполеона и Господа Бога и съ надписью: „Небо Тебѣ, земля мнѣ“. П. Б.

рался правиться, хотя для этого ему приходилось дѣлать надъ собой усиліе, и онъ все-таки обнаруживалъ скуку, которую все это наводило на него. Эти государи и ихъ подданные такъ унижались передъ нимъ только для того; чтобы несоразмѣрно усилить его возношеніе и тѣмъ на него подѣйствовать. На собраніяхъ они видомъ, словами, даже звукомъ голоса свидѣтельствовали о его превосходствѣ надъ ними. Всѣ они собрались для него одного! Они почти не возражали, всегда готовые признать его величіе, которое самъ онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ. Его утренній выходъ представлялъ зрѣлище еще болѣе замѣчательное. Лица державныя являлись къ этому времени дожидаться аудіенціи у покорителя Европы; они такъ смѣшивались съ его офицерами, что тѣмъ часто приходилось предупреждать другъ друга и быть осторожными, дабы невольно не оскорбить этихъ новыхъ царедворцевъ. Такъ, въ присутствіи Наполеона, исчезали всякія различія онъ столько же былъ ихъ главою, сколько и нашимъ. Общая зависимость, казалось, все уравнивала вокругъ него. Отъ того, быть можетъ, плохо сдерживаемая военная гордость нѣкоторыхъ Французскихъ генераловъ оскорбляла этихъ эксъ-государей: генералы считали себя по положенію сравнявшимися съ ними, ибо каковы бы ни были родъ и санъ побѣжденнаго, побѣдитель все-таки ему ровня.

Тѣмъ не менѣе болѣе благоразумные изъ насъ чувствовали опасеніе. Они говорили, но тайкомъ, что нужно себя считать сверхъестественнымъ, чтобы такъ все извратить и перемѣстить безъ боязни самому быть увлечену этимъ всемірнымъ потрясеніемъ. Они видѣли, какъ эти монархи выходили изъ дворца съ самымъ горькимъ чувствомъ обиды въ сердцахъ и во взглядѣ. Намъ казалось, что они слышатъ, какъ тѣ, ночью, одни предъ своими министрами, изливаютъ горе, сѣдавшее ихъ сердца. Все кругомъ ожесточало ихъ боль. Какъ несносна была эта толпа, сквозь которую имъ приходилось пройти, чтобы добраться до двери ихъ неподобнаго властелина; а между тѣмъ, къ ихъ дверямъ никто не ходитъ; всѣ и все, казалось, измѣнило имъ, даже ихъ слуги. Развѣ не видно было, что, провозглашеніемъ Наполеонова счастья толпа надругивалась надъ ихъ злополучіемъ? Итакъ они пріѣхали въ Дрезденъ для того, чтобы усилить блескъ Наполеонова торжества; вѣдь такимъ образомъ, надъ ними же онъ торжествуетъ, ибо каждый крикъ удивленія, обращенный къ нему, былъ крикомъ упрека противъ нихъ; его величіе было ихъ позоромъ, его побѣды—ихъ пораженіемъ. Они, конечно, распространяли всюду свою скорбь, и ненависть съ каждымъ днемъ все глубже вкоренялась въ ихъ сердца. Сначала одинъ изъ нихъ избѣгъ этой тяжелой муки послѣшнымъ отъѣздомъ. Австрійская императрица, у родственниковъ которой генералъ Бонапартъ отнялъ вла-

дѣнія, отличалась отвращеніемъ къ Наполеону; тщетно она старалась его скрывать: оно обнаружилось въ первыхъ же ея движеніяхъ, поразившихъ Наполеона, и онъ съ улыбкою укропалъ въ ней это чувство. Но, пользуясь своимъ умомъ и пріятностью, она осторожно проникала въ сердца, чтобы сѣять въ нихъ свое чувство ненависти. Французская императрица, на глазахъ у всѣхъ, невольно усиливала это несчастное расположеніе затмевая ее роскошью своего наряда; когда Наполеонъ требовалъ отъ нея больше осторожности, она противилась этому, даже плакала, и онъ уступалъ, то отъ умиленія, то отъ усталости или по разсѣянности. Увѣряють еще, будто, несмотря на свое Нѣмецкое происхожденіе, императрица оскорбляла самолюбіе Нѣмцевъ неосторожными сравненіями между прежней и новой своей родиной. За это Наполеонъ журилъ ее, но слегка, ибо такого рода патріотизмъ, имъ же внушенный, правился ему; онъ думалъ подарками загладить подобныя неосторожности.

Французскій посолъ въ Петербургѣ, генералъ Лористонъ, получилъ приказаніе испросить у Русскаго императора дозволеніе пріѣхать въ Вильну, чтобы сообщить ему окончательныя предложенія Наполеона; а адъютантъ Наполеона, генералъ Нарбоннъ, отправился въ главную императорскую квартиру Александра, чтобы увѣрить этого государя въ мирныхъ намѣреніяхъ Франціи и, говорятъ, чтобы заманить его въ Дрезденъ. Архіепископъ Мехельскій былъ отправленъ направлять стремленія Польскаго патріотизма. Саксонскій король ожидалъ, что потеряетъ Великое Герцогство; его обнадежили болѣе прочнымъ вознагражденіемъ.

Между тѣмъ, съ первыхъ же дней были удивлены, не видя Прусскаго короля при императорскомъ дворѣ; вскорѣ услышали, будто пріѣздъ ко двору былъ ему запрещенъ. Король тѣмъ болѣе испугался этого, чѣмъ менѣе былъ повиненъ въ чемъ-либо. Его присутствіе, вѣроятно, стѣсняло Наполеона. Тѣмъ не менѣе, поощренный Нарбонномъ, онъ рѣшается пріѣхать. Императору докладываютъ о немъ. Раздражившись, Наполеонъ сначала отказывается принять его: «Что ему нужно отъ меня? Не достаточно ли того, что онъ беспокоитъ меня своими письмами и постоянными требованіями? Къ чему онъ преслѣдуетъ меня еще своимъ присутствіемъ?» Но Дюрокъ настаиваетъ и напоминаетъ, что Наполеонъ нуждается въ Пруссіи противъ Россіи. Тогда двери Императора открываются для монарха, къ которому все относится съ должнымъ его высокому сану почетомъ. Приняты были новыя увѣренія преданности, которую король многократно уже доказывалъ. Говорятъ, что тутъ ему подана надежда на владѣніе Русско-Нѣмецкими областями, завоеваніе которыхъ должно было быть поручено его войскамъ. Увѣряють даже,

будто до ихъ завоеванія Прусскій король попросилъ отъ Наполеона ввести его во владѣнїе. Говорили еще, но неопредѣленно, будто Наполеонъ предоставилъ Прусскому наслѣдному принцу искать руки одной изъ своихъ племянницъ. Это должно было быть цѣною услугъ, которыя ему окажетъ Пруссія въ новой войнѣ. Онъ хотѣлъ исполнить его. И такъ, Фридрихъ, сдѣлавшись союзникомъ Наполеона, могъ бы сохранить за собой корону; не имѣется достаточныхъ доказательствъ, чтобы утверждать, что этотъ союзъ такъ же соблазнилъ Прусскаго короля, какъ соблазнила надежда на подобный союзъ Испанскаго принца.

Наполеонъ надѣялся побѣдить Александра однимъ видомъ свое соединенной арміи и особенно грознымъ блескомъ своего пребыванія въ Дрезденѣ. Нѣсколько дней спустя, въ Познани, онъ самъ сознался въ этомъ, отвѣчая генералу Дессолю: «такъ какъ Дрезденское собраніе не склонило Александра къ миру, то можно ожидать этого только отъ войны».

Лористонъ не былъ принятъ. Что касается Нарбонна, онъ, возвратившись, доложилъ, что нашелъ Русскихъ не въ уныніи, но и безъ самохвальства. Изъ всего, что ему отвѣчалъ ихъ Императоръ, явствуетъ, что тамъ войну предпочитаютъ позорному миру; что будутъ весьма остерегаться подвергать себя опасности вступленіемъ въ бой съ грознымъ противникомъ, и, наконецъ, что сумѣютъ рѣшиться на всевозможныя жертвы для того, чтобы затянуть войну и тѣмъ обезсилить Наполеона.

Наполеонъ оставался въ Дрезденѣ до 29 Мая, гордый изъявленнымъ ему благоговѣніемъ, которое онъ умѣлъ цѣнить, показывая Европѣ, что принцы и короли, происходящіе изъ самыхъ старинныхъ родовъ Германіи, составляли многочисленный дворъ ему, создавшему свое величіе.

Наконецъ, горя нетерпѣніемъ побѣдить Русскихъ и избѣжать изъявленій почтенія отъ Нѣмцевъ, Наполеонъ уѣхалъ изъ Дрездена *).

*) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, на прогулкѣ по окрестностямъ Дрездена, Наполеонъ захватилъ помолиться въ церковь Божіей Матери. Почти тогда же Александръ Павловичъ, на прогулкѣ въ окрестностяхъ Вильны, захватилъ помолиться въ деревенскую церковь. (См. Vandal, Napoléon et Alexandre I-er, III, 428). П. В.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. А. ШАХОВСКОГО КЪ КНЯЗЮ Е. П. МЕЩЕРСКОМУ.

Авторъ біографіи князя А. А. Шаховскаго, И. А. Кубасовъ, въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (1905 г.), замѣчаетъ, что дѣятельность сего достопамятнаго человѣка ждетъ безпристрастной и должной оцѣнки. Для сего помѣщаемъ здѣсь письмо его къ князю Елиму Петровичу Мещерскому.

Князь Е. П. Мещерскій, умершій за границей въ 1844 г. былъ единственныи сынъ оберпрокурора Св. Синода, т. совѣтника, князя Петра Сергѣевича Мещерскаго. Его сослуживецъ, синодскій секретарь, Измаиловъ, говоритъ такъ: „Въ Синодѣ при Мещерскомъ въ каждомъ углу разстигались тишь, гладь и Божія благодать“ *). Уволенный въ 1833 г. отъ прокуровства, князь П. С. Мещерскій былъ присутствующимъ въ Сенатѣ и умеръ въ 1856 г. Онъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на Екатеринѣ Ивановнѣ Чернышевой, родной сестрѣ Николаевскаго военнаго министра. Его сынъ Елимаъ Петровичъ (род. 1808 году) съ самаго дѣтства воспитывался за границей, гдѣ и провелъ почти всю свою недолгую жизнь. Онъ былъ камергеръ и служилъ при Русскомъ посольствѣ въ Туринѣ и Парижѣ. Любя, какъ всѣ аристократы, проживающіе за границей, своеобразною любовью свою родину, князь старался на чужбинѣ знакомиться съ Россіей и написалъ о Русской литературѣ нѣсколько Французскихъ статей, и его стихотворенія имѣли успѣхъ. Перечень его сочиненій и переводовъ съ Русскаго помѣщенъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Эфрона (т. XIX, стр. 230). Въ одномъ изъ альманаховъ 30-хъ годовъ было напечатано два его стихотворенія, кажется, единственныя на Русскомъ языкѣ. Князь Елимаъ Петровичъ былъ женатъ на Варварѣ Степановнѣ Жихаревой (дочери автора извѣстныхъ Записокъ), вышедшей послѣ его смерти за графа Борбонъ-дель-Монтѣ. Единственная его дочь княжна Марія Елимовна была замужемъ за княземъ Павломъ Павловичемъ Демидовымъ Санъ-Донатомъ и умерла въ Вѣнѣ въ 1868 г.

Ростовъ-Великій, 1907. Ноября 6.

А. Титовъ.

*

Милостивый государь князь Елимаъ Петровичъ.

Прочтя, на Французскомъ языкѣ, письма Русскаго, я почувствовалъ нужду облегчить сердце мое, исполнившееся умиленіемъ радости

*) Истор. Вѣст. 1882 г. XI, стр. 373.

и даже отечественною гордостью *). Миѣ было больно, что я не зналъ, кому излить мою благодарность за убѣдительное оправданіе нашей святой родины, и, признаюсь въ авторскомъ чванствѣ, за выборъ эпиграфа изъ моей комедіи, писанной почти съ тою же цѣлью и съ тѣми же чувствами, которыми поборникъ Русской правости уничтожаетъ чужеземное злословіе и обнаруживаетъ древнюю тайну нынѣшняго могущества Россіи. Филиппъ Филипповичъ Вигель очень меня обрадовалъ, назвавъ ваше сіятельство. Уваженіе къ вашему имени и роду, давнишнее знакомство съ вашими родителями, старинныя связи съ ближними вашими, сдѣлали еще пріятнѣйшимъ для моего сердца сочувствіе, находимое имъ въ письмахъ вашихъ. Я открылъ почтеннѣйшему Филиппу Филипповичу душевное желаніе изъяснить вамъ мою благодарность. Онъ, хвалясь вашимъ короткимъ знакомствомъ, предложилъ миѣ свое посредничество и убѣдилъ сообщить вамъ изъ пріобрѣтенной мной долгой и дѣятельной опытности что ему показалось пригоднымъ къ начатому вами отечественному дѣлу. Вы догадываетесь, что это убѣжденіе не стоило ему большаго труда; но прошу васъ не счесть меня насильственнымъ пайщикомъ, придирающимся даже къ эпиграфу, чтобы пощетиться хоть подерочной выноской отъ пріобрѣтаемой вами извѣстности. И ради Бога, не причтите меня къ тѣмъ словоохотнымъ проповѣдникамъ, которыхъ Св. Апостолъ .Іаковъ именуетъ *не творцами слова, но токмо слушателями прельщающими самихъ себя*, и кои не только изобилуютъ, но роскошествуютъ нашъ велеречивый вѣкъ. Нѣтъ, самолюбіе того, кто около 40 лѣтъ ведетъ тяжкую, но не вовсе безуспѣшную войну противъ самодурства, бездушія, обезьянства и прочихъ порчъ высокой природы человѣка, не можетъ быть подозрѣваемо въ прищипкѣ къ чужой извѣстности и, вступая въ переписку по русски къ Русскому, въ защиту Русскаго имени, я уже вѣрно не хлопочу о какомъ-то Европействѣ, которымъ хотятъ намъ вскружить голову сумасшедшіе на чужестранствѣ или бѣснующіеся отъ исполинскихъ успѣховъ Русскаго досужества, въ которыхъ они не могутъ участвовать по старинной пословицѣ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Вы не можете сомнѣваться, что уста моя глаголятъ отъ избытка сердца, и если у насъ не даромъ говорится, что сердце сердцу вѣсть подаетъ, то ваше конечно согрѣто тою любовью, безъ которой, по благовѣстію избранника Господня, всѣ человѣческіе глаголы яко мѣдъ звенящая или кимвалъ бряцающій. И письма ваши объясняютъ, что это любовь, кото-

*) Къ сожалѣнію, этихъ писемъ князя Е. П. Мещерскаго не могли мы найти. П. Б.

рая, какъ продолжаетъ Св. Павелъ, долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ-си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ. Эта любовь, въ ней же, по изъясненію вдохновеннаго богослова, нѣсть страха, отдѣляя нашу церковь отъ Ватиканскаго самовластія, правящаго угрозами, гоненіемъ и ужасомъ, и отъ реформы возрожденной угнетеніемъ и распространенной ненавистью къ ея гонителямъ, была и будетъ чистымъ источникомъ нашей народной силы и благоденствія. Справедливость, которую вы отдаете благодѣтельницамъ нашего отечества, собственной его Православной церкви, возбуждала во мнѣ пылокое желаніе бесѣдовать съ вами о любимомъ предметѣ моихъ думъ; но Филиппъ Филипповичъ Вигель прочелъ уже написанное имъ, и я, видя, что мнѣ нечего къ тому прибавить, удержалъ мое бесполезное рвеніе; но не могу удержаться, чтобы не сообщить нѣкоторыхъ довольно любопытныхъ разговоровъ моихъ съ Католиками-священниками и съ Лютеранскимъ пасторомъ.

При началѣ народной войны войдя въ ополченіе, я находился по томъ въ должности дежурнаго генерала при главнокомандующемъ въ Ригѣ, гдѣ часто разговаривалъ съ Французомъ, настоятелемъ тамошняго Іезуитскаго отдѣленія. Однажды, стараясь доказать преимущество своей церкви противъ нашей, отецъ Куень увѣрялъ меня, что у насъ бы не могло быть ни расколовъ, ни раскольниковъ, если бы мы не отступали отъ святого единовластія намѣстника Христова. Наши расколы, возразилъ я, существуютъ только между чернью, и наши раскольники закоренѣлые певѣжды; но ваши расколы сдѣлались вѣроисповѣданіемъ цѣлыхъ просвѣщенныхъ народовъ, и ваши раскольники ученѣйшіе люди и великіе государи. Развѣ Лютеране, Кальвинисты, Реформаты и всѣ Протестанты не такіе же точно отступники отъ вашей церкви, какъ старовѣры отъ нашей? И единовластіе Папы удержало ли ихъ отъ раздробленія Христовой церкви на многія исповѣданія? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но это самое доказываетъ необходимость и святость духовнаго пастырства преемниковъ Св. Петра: Лютеранская ересь, возбужденная адекой гордыней и попущенная гнѣвомъ Божиимъ въ казнь и поученіе народамъ, могла ли хотя малое время просуществовать въ полнотѣ и цѣлости? Нѣтъ, пораженная проклятіемъ святого отца, она, какъ глыба грязи, разсыпалась на множество сумасбродствъ, враждующихъ между собою. Тутъ началъ онъ называть Кальвинистовъ, Гугенотовъ, Пуританцевъ, Методистовъ, Квاکеровъ и проч.

Не видя конца сему исчисленію, я прервалъ его: Точно такъ, Протестантская церковь раздробилась на многіе толки; однакожь Во-

сточная, пораженная тѣмъ же проклятіемъ, въ разныхъ земляхъ, на разныхъ языкахъ, подъ разными духовными властями, въ покорности разнымъ свѣтскимъ правителямъ, изъ которыхъ нѣкоторые и не-Христіане, существуетъ во всей своей полнотѣ и цѣлости. Стало быть, эта Лютеранская ересь раздробилась не отъ освобожденія своего отъ ига тѣары, а, кажется, отъ пренебреженія постановленій святыхъ отцевъ, которыми, и не въ зависимости отъ папскаго единовластія, крѣпко наше вѣроисповѣданіе. Я уважаю высокій умъ и сильное краснорѣчіе Мартина Лютера, вижу въ подвигъ его мужественныя дѣйствія пламенной души, но жалѣю, что онъ, какъ опрометчивый ученикъ, переломившій безщадную лозу нестерпимаго пѣстуна, вздумалъ опрокинуть всѣ столы училища, созданнаго по божественному вдохновенію, изъ мудрой опытности. Онъ, устреми воспаленный негодованіемъ взоръ свой на самовластіе папъ, не хотѣлъ вникнуть съ Христіанскимъ смиреніемъ въ богомудрое сотвореніе вселенскихъ соборовъ, пріудобившихъ людское общежитіе къ слову Божію, ниспосланному всему человѣку, а въ предусмотрительной прозорливости святыхъ отцевъ видѣлъ только стѣсненіе свободной его воли. Новые законоустановщики глумились надъ велелѣпіемъ древняго Христіанскаго богослуженія. Они забыли, что всѣ чистѣйшія, всѣ выпреннія наслажденія души, что самое ея богопостиженіе, сообщаются ей посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ; что они проводники ея отъ ощущаемаго къ постигаемому; что соучастіе ихъ, связующее дольний міръ съ горнимъ, необходимо въ соединеніи видимой церкви съ невидимою; ея же священнодѣйствіе-тайнообразующее воплощеніе Искупителя, поража чувства, согрѣваетъ сердце, возноситъ духъ, внушаетъ благоговѣніе, осуществляетъ вѣру, дѣлаетъ, такъ сказать, ощутительнымъ присутствіе Божества и какъ бы доступнымъ Его величіе, котораго отблескъ, отголосокъ и благоуханіе, кажется, обоготворяетъ храмъ, посвященный славѣ и благодати Создателя міра; и исполненный всѣмъ богодѣшіемъ, какое вдохновенныя Имъ же искусства могутъ извлечь изъ Его же созданий.

Не помню, точно ли эти слова или нѣчто сказанное въ этомъ же смыслѣ, очень обрадовало Іезуита возможностью вернуться отъ перваго его предложенія; и онъ, прицѣпясь къ нимъ, обратилъ разговоръ на божественность догматовъ, извлеченныхъ изъ Евангельскаго и Апостольскаго ученія; однакожь, по давнишней привычкѣ или по обязанности своего ордена, толковалъ ихъ въ пользу христонамѣстничества на землѣ и старался какъ-нибудь меня окатоличить. Но я остановилъ его вопросомъ: не правда ли, что папа Евгений IV послѣ Флорентинскаго собора торжественно призналъ нашу церковь (при-

соединенную тогда къ Римской) святою апостольскою и католическою, не препятствуя въ ней ни женитьбѣ священниковъ, ни закрытію алтаря, ни совершенію по прежнему евхаристіи, ни даже древнему чтенію Символа Вѣры, словомъ, ничему, за что предшественники его отлучали насъ отъ Православія и наслѣдія царствія небснаго. Іезуитъ задумался, но принужденъ былъ прошептать: «правда». Стало быть, продолжалъ я, по признанію самого намѣстника Христова, различіе нашихъ церквей не состоитъ въ догматахъ и обрядахъ, а просто въ признаніи или непризнаніи святости и непогрѣшимости папъ. И такъ тотъ только можетъ почестся истиннымъ Католикомъ, кто признаеть эту святость и непогрѣшимость? «Точно; въ строгомъ смыслѣ такъ», отвѣчалъ отецъ Куень, «но»... Испугавшись Іезуитскаго *но*, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ предѣльные отводы отъ настоящаго вопроса, я опять прервалъ его: Скажите же мнѣ, почтенный отецъ, много ли въ этомъ строгомъ смыслѣ знаете вы Католиковъ, и я вамъ ихъ уступаю, а всѣхъ прочихъ, сомнѣвающихся въ томъ, что составляетъ единственное различіе между Греческимъ и Римскимъ исповѣданіями, присоединяю къ нашей (по привнанію папы Евгенія IV) Православной церкви. «Прощайте», вскричалъ отецъ Куень съ своей національной любезностью: «я боюсь, чтобъ вы и меня не захватили въ ваши священники и не повѣчали на какой-нибудь поповнѣ; вижу, что вы безвозвратно погибшій человекъ, съ которымъ я радъ говорить обо всемъ кромѣ религіи, и отрекаюсь отъ спасенія вашей души».

Въ Ригѣ же пасторъ Зонтагъ, бывшій въ ней суперъ-интендентомъ Лютеранской церкви, жаловался военному губернатору маркизу Паулуччи на министра народнаго просвѣщенія, который запрещеніемъ новаго Нѣмецкаго перевода Евангелія будто разрушалъ правъ, дарованныя Лифляндіи Петромъ Великимъ, и стѣснялъ свободу Аусбургскаго исповѣданія. Я, приглашенный къ слушанію сей жалобы, спросилъ пастора Зонтага: позволено ли имъ читать въ ихъ церкви во время богослуженія другой переводъ Евангелія кромѣ Лютерова? Онъ принужденъ былъ отвѣчать: нѣтъ. А если сама церковь ваша, замѣтилъ маркизъ Паулуччи, не признаеть иныхъ переводовъ, то министръ въ полномъ правѣ запрещать ихъ, какъ всякія другія книги. Но онъ не въ правѣ, возразилъ пасторъ, отнимать у насъ свободу совѣсти, на которой основаны всѣ Протестантскія исповѣданія, и не можетъ запрещать Лютеранску переводить Священное Писаніе по собственному своему понятію или совѣсти. Видя, что не одни Іезуиты искусны въ переголкованіи церковныхъ уставовъ по своему, я не вытерпѣлъ, чтобы не обличить кривотолка, и сказалъ ему: «Кажется, свободу совѣсти самъ Мартинъ Лютеръ не распространяеть такъ далеко и разумѣеть подъ этимъ сло-

волю исповѣдывать грѣхи свои вслухъ священнику, или мысленно каяться въ нихъ передъ Богомъ; но я не думаю, чтобы позволено было Лютеранину искажать по своему хотѣнію Божіе Слово и чтобы вы сами признали Христіаниномъ того, кто не вѣритъ въ Христово Божество». «А почему же нѣтъ», отвѣчалъ разгоряченный моимъ противорѣчіемъ пасторъ, «если онъ слѣдуетъ Евангельскимъ правиламъ?» Маркизь Паулуччи, вѣсивъ отъ досады, всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «Я, господинъ суперъ-интендентъ, признаю Христіанъ по ихъ вѣрѣ, не нахожу вашей жалобы дѣльною, и не совѣтую вамъ проповѣдывать безвѣріе нашимъ добрымъ Лифляндцамъ». Послѣ этого короткаго рѣшенія онъ взялъ меня подъ руку и вышелъ, а господинъ Зонтагъ въ непродолжительномъ времени оставилъ Ригу, и Богъ съ нимъ!

Въ Неаполѣ я очень хорошо познакомился съ архіепископомъ Тарантскимъ (Cappetolacci) знаменитымъ своими обширными знаніями, покровительствомъ художниковъ, дѣятельнымъ участіемъ въ отмѣненіи постыдной для Неаполитанскаго королевства дани Бѣлаго Коя и печеніемъ во время своего министерства при Мюратѣ объ открытіи Помпей и сохраненіи ея зданій. Этотъ почтенный старецъ, оказавшій немалыя услуги ученому свѣту и отечеству своему, былъ чрезвычайно уважаемъ всѣми просвѣщенными людьми и очень любимъ своей епархіей, въ доказательство чего я сохранилъ списокъ (руки самого архіепископа) съ письма, присланнаго ему отъ разбойничьяго атамана Фуріо, который именемъ всего своего почтеннаго общества (respetabile contrania) просилъ архипастыря осчастливить свою паству пріѣздомъ и благословеніемъ, а для безопасности къ пути представлялъ себя и своихъ товарищей въ охранители его священной особы. Такое услужливое предложеніе и самое явное существованіе почтеннаго общества разбойниковъ показалось бы невозможнымъ нашимъ варварамъ, не выѣзжавшимъ изъ своей темной земли, если бы военныя путешествія многихъ тысячъ Русскихъ не познакомили и ихъ съ разными обычаями просвѣщенныхъ Европейцевъ. Но возвратимся къ архіепископу Тарантскому. Ни лѣта, ни знаменитость, ни даже покровительство Наполеона, надѣвавшаго самопроизвольно короны, не могли принудить святѣйшаго отца надѣтъ на него кардинальскую шляпу; и вы тотчасъ догадаетесь, отъ чего. Однажды я, зашедши къ нему съ набережнаго гулянья, засталъ его одного и, завтракая съ нимъ въ его библіотекѣ, не помню къ чему-то, сказалъ: Ваше высокопреосвященство почитаете насъ отступниками. Нѣтъ, возразилъ онъ, я почитаю отступниками не васъ, а насъ; а чтобы объяснить вамъ вполнѣ, по какимъ причинамъ, я вамъ повѣрю книгу, которой одинъ только экземпляръ уцѣлѣлъ отъ Римскаго всеожженія. Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ шкафа не очень боль-

шое in octavo и, подавая мнѣ его, просилъ прочесть для себя и возвратить ему на другой же день. Я, пришедъ домой, принялся за чтеніе и крайне удивился, найдя, кажется, въ сочиненіи самого каголицкаго святителя убѣдительнѣйшія доказательства отпаденія Римской церкви отъ Вселенской и претворенія Евангельской любви и смиренномудрія въ страхъ и любоначаліе, увидѣлъ явныя улики въ неправедномъ присвоеніи духовными пастырями царской власти, въ злоупотребленіяхъ этой похищенной власти. Мнѣ очень прискорбно, что я не успѣлъ сдѣлать изъ нея извлеченій, но надѣюсь, что со временемъ она какъ-нибудь покажется въ свѣтъ, и не безъ пользы, во всѣхъ безчинствахъ, происходящихъ отъ холостой жизни священника, въ несообразности глухой обѣдни съ священной цѣлью литургіи, учрежденной для совокупнаго и единодушнаго прославленія имени и слушанія Слова Божія, и еще во многихъ отпаденіяхъ отъ смысла и духа Христова ученія. Читая эту книгу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ и чувствовалъ, что со всѣмъ усердіемъ моимъ къ нашему Православію я не могъ бы написать ничего такъ сильнаго въ его пользу.

Описывая мои богословскіе подвиги, я почувствовалъ справедливость Французской пословицы: *Vappetit vient en mangeant*. Такъ, мнѣ очень захотѣлось сообщить исторію собственнаго моего обращенія отъ впушеній прошлаго вѣка къ нашей святой церкви; но, боясь быть принужденнымъ наконецъ кончить мое письмо, не поговоря о вашихъ, я придержался Русской поговорки: на всякое хотѣніе есть терпѣніе и, предавая времени исполненіе моего желанія, тороплюсь благодарить васъ за наслажденія, доставленныя моему Русскому сердцу вашими письмами, а особливо первымъ и послѣднимъ. Я въ нихъ нашелъ, какъ нѣкогда въ разсужденіяхъ Шлегеля о древнемъ театрѣ, краснорѣчивое убѣжденіе въ собственныхъ моихъ мысляхъ, а это очень утѣшительно и не для одного авторскаго самолюбія. Искренность, вѣрное доказательство душевнаго къ вамъ почтенія, не позволяетъ мнѣ сказать того вообще о литературныхъ вашихъ сужденіяхъ, право, не потому, что не встрѣтилъ въ нихъ моего имени. Я знаю, что вамъ предстояло многое сообщить, прежде чѣмъ вы могли, по вѣрной оцѣнкѣ, добраться до него; но удаленіе ваше изъ Россіи, какъ вы сознаетесь, не позволяетъ вамъ самимъ обозрѣть все пространство и вникнуть въ нынѣшніе и прежніе успѣхи и направленіе нашей литературы; въ сужденія же современниковъ, часто поверхностныя или пристрастныя, а пуще въ журнальныя похвалы и брани, не можно и не должно. Русское слово красиво, богато, сильно, но еще ново, и время его критиковъ не пришло. Аристархъ и Аристотель не жили вмѣстѣ съ Омеромъ, Эсхиломъ и Аристофаномъ. Давно ли разжѣстили Корнеля, Расина и Вольтера по

ихъ достоинству. Еще Боало называлъ Тассово золото мишурою, самъ Шекспиръ надолго былъ согнанъ съ созданнаго имъ театра, и Нѣмецъ Шлегель признаетъ и, кажется не безъ толка, что Нѣмецкая драматургія будетъ завтра. Я увѣренъ, что врядъ ли кто лучше васъ можетъ убѣдить иностранцевъ въ способностяхъ Русскихъ ко всему изящному; но для этого нужны средства, которыхъ вы теперь не имѣете, и время, котораго ваша любовь къ отечеству не теряетъ даромъ. Вы избрали благую часть, да не отымется она отъ васъ. Чтѣ можетъ быть благороднѣе возстанія за правость своей родины противъ иноземной клеветы, и чтѣ славнѣе побѣды надъ завистью и недоброжелательствомъ одною силою пламенной души и краснорѣчіемъ истины?

Къ сказанному вами о Польшѣ, кажется, трудно что-нибудь прибавить и невозможно ничего отвергнуть: правда яснѣ солнца. Давнишняя легковѣрность, строптивость и опрометчивая готовность на бой храбрыхъ Поляковъ раздробляли и разрушали Польшу. Она утратила все излітія судоходныхъ рѣкъ, потеряла торговлю и промышленность, и наконецъ вытѣсненная изъ лучшей части своего древняго достоянія и втѣсненная въ промежутокъ сильныхъ державъ, сдѣлалась по частямъ ихъ собственностью и не могла надѣяться приобрѣсти политическаго существованія. Наполеонъ, за котораго Поляки мужественно лили кровь свою, могъ только сдѣлать изъ сердца ихъ отчины удѣлъ короля Саксонскаго подъ фирмою Варшавскаго Герцогства. Александръ, противъ котораго они враждовали, сдѣлалъ для Польши едва ли возможное. Онъ возвратилъ ей имя, даровалъ свободные уставы, права, преимущества, вооружилъ собственнымъ ея воинствомъ, оградилъ ее присоединеніемъ къ сильной имперіи своей отъ чуженародныхъ вторженій, открылъ на вспоможеніе ей Русскія сокровища, далъ средства къ обогащенію, воскресилъ давно умершую торговлю и промышленность, восстановилъ довѣренность къ казнѣ, и наконецъ Польша, чего никогда въ ней не бывало, имѣла уже свой банкъ, доходы ея слишкомъ были достаточны на государственныя издержки, и Варшавскіе капиталисты съ радостью пускали въ ростъ деньги свои (чего никто изъ живыхъ не запомнить) только изъ пяти процентовъ! Я спрашиваю у всей Европы, у самихъ Поляковъ, правда ли это, ... и чего естественно возможнаго могли они желать? Имъ оставалось броситься братски въ объятія своихъ радушныхъ соплеменниковъ, основать на силѣ Россіи прочность своего благосостоянія и слить съ предстоящей ей славой древнюю славу своего мужества. Что же они начали? И чѣмъ кончили? Но должно ли винить цѣлый народъ въ преступленіи нѣсколькихъ злоумышленниковъ и въ необдуманности нѣсколькихъ слабоумцевъ обманутыхъ дальними призраками. Нынѣшнее сердцевопаленіе Польши—привитая болѣзнь. Эта

нравственная холера, нанесенная западнымъ вихремъ. Тотъ же, кто съ прародительскаго престола, изъ объятій благодатнаго семейства, полетѣлъ орломъ противъ физической холеры для спасенія вѣрныхъ подданныхъ своихъ, исцѣлить язвы заблудшихъ и искоренить прочнымъ благомъ привитое зло. Пусть Поляки говорить, что они ненавидятъ Русскихъ: я не вѣрю ихъ словамъ и сужу по дѣйствіямъ о ихъ самородныхъ чувствахъ. Въ Варшавѣ, занятой Русскою запасной арміею, еще до взятія Парижа, я былъ свидѣтелемъ множества свадебъ нашихъ воиновъ съ пригожими Поляками и по достовѣрнымъ справкамъ узналъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вышло въ десять разъ больше за проклятыхъ Москалей, чѣмъ во все продолженіе Прусскаго и Саксонскаго владѣнія, за Нѣмцевъ. Кто жъ меня увѣритъ, чтобъ это было дѣйствіе ненависти; и кто не увидитъ въ такомъ взаимномъ магнетизмѣ души если не любовь, то по крайней мѣрѣ влеченіе единородства, которое доказываетъ, что вражда Поляковъ къ намъ въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ, и подтверждаетъ Русскую пословицу: свой своему поневолѣ другъ? А что мы свои Полякамъ, то, для прерванія томительной прозы нѣсколькими стихами, я вамъ объясню отрывкомъ сцены изъ моей, хотя давно сочиненной, но еще неигранной трагедіи (Смоляне).

Новодворскій.

Ты вспомни, кто причиною убійствъ,
Кто ввелъ Дмитрія, или вѣрнѣе, Отрепьева?

Дороостайскій.

Не мнѣ то разбирать.
Мой братъ убитъ въ Москвѣ: я мщу за брата.
А прежде кто и въ чемъ былъ виноватъ,
Пусть судитъ Богъ.

Новодворскій.

Такъ не ужели же враждою,
Въ которой, можетъ быть, и правыхъ нѣтъ,
Мы будемъ ввѣкъ губить своихъ единокровныхъ,
Чтобъ чуждымъ племенамъ добычей быть? *)
Нѣтъ, я надѣюся, придетъ то время.
Когда, какъ братьевъ, насъ любовь соединитъ.

*) Польская Пруссія неозвратно сдѣлалась Нѣмецкимъ королевствомъ, а Галліція, древне-Русское княжество, подъ владѣніемъ Австрійскимъ.

Дорогостайскій.

Какъ, братьевъ?

Новодворскій.

Да, все наши роды
Ужъ перемѣшаны давно между собой.
Потомки Ягелая,
Голицыны и многіе въ Москвѣ,
А Русскіе князья въ Литвѣ,
Изъ родинъ нынѣшнихъ, вражду въ сердцахъ питаю,
На древнее свое отечество идутъ,
Братоубійствуютъ, жилища предковъ жгутъ,
И ихъ же кровію ихъ гробы обливаютъ.

Такъ князья Голицыны, Трубецкіе, Куракины, Масальскіе, Четвертинскіе, Друцкіе, Огинскіе и многіе потомки знатныхъ и незнатныхъ переселенцевъ еще существуютъ живыми памятниками кровной связи между Россіей и Польшей. Все это знаютъ. Но кто знаетъ, гдѣ находится между нами естественная граница? Кто можетъ безпристрастно, къ прекращенію новыхъ обоюдныхъ требованій ихъ, показать узы давно стертыхъ взаимными ихъ переходами? Кто рѣшитъ, гдѣ кончается Россія, гдѣ начинается Польша? Кому въ этомъ можно повѣрить? На какихъ обнародованіяхъ утвердиться? Еще умершій въ Петербургѣ Станиславъ Августъ II, писался государемъ Кіевскимъ, Черниговскимъ, Смоленскимъ Бѣлорусскимъ, Краснорусскимъ и даже просто Русскимъ; при немъ Польскими грамотами магнаты жаловались въ воеводы Русскіе, Кіевскіе и прочіе. И вотъ письменныя права Польши на вытѣсненіе Россіи изъ Россіи, такъ же-какъ она сама была вытѣснена изъ королевской Польши въ Россію. Съ другой стороны, названія всѣхъ, Русскій языкъ, самое вѣроисповѣданіе показываютъ наше древнее достояніе во всѣхъ областяхъ, возвращенныхъ своему отечеству при раздѣленіи Польши. Но языкъ Русскій, постепеннымъ измѣненіемъ разныхъ мѣстныхъ нарѣчій, сливается съ Польскимъ вездѣ, гдѣ не разрѣзываетъ ихъ Литва, говорящая по своему, однакожь управляемая законами, писанными по-русски. Унія, вынужденная временнымъ владычествомъ Католиковъ, смѣшиваетъ обѣ народныя церкви; словомъ, Россія и Польша неудобораздѣлимы, и необходимость ихъ соединенія давно уже ощутительна. Владиславъ былъ призванъ на престолъ Мономаховъ, цари наши избирались Литвою и многими Поляками на тронъ Ягелавъ; ни то, ни другое не сдѣлалось потому, что оба независимыя отъ чуждыхъ державъ Славянскія племена, хотя и чувствовали взаимную нужду въ соединеніи,

но судьба еще не рѣшила, которое должно присоединиться. Теперь судъ ея произнесенъ, и неужели старыя воспоминанія невозвратныхъ утратъ, или нетерпимость Католицизма, очень терпимаго нашей Церковью, будутъ еще мѣшать благу единокровцевъ? Нѣтъ; я не могу сомнѣваться, чтобы наши кровные братья наконецъ не съединодушились съ нами къ посрамленію козней общихъ нашихъ недоброхотовъ.

Ваше послѣднее письмо порадовало меня надеждою скорого умирненія не только нашихъ семейныхъ несогласій, но и всего Христіанства. Да благословитъ Богъ благовѣстителей Его святаго слова, и да поможетъ имъ обратить заблудшихъ на истинный путь! А я, примѣняя къ новымъ умствователямъ и жертвамъ велерѣчія молебное пѣніе нашей вселюбящей Церкви, возопію изъ глубины души: «Въ напасти лютыя по уму падшихъ, недоумѣніемъ одержимыхъ всюду, въ бѣды различныя впадающихъ, и яко лады въ морскомъ волненіи обуреваемыхъ, Преблагій Утѣшителю, изъ лютаго сего обуреванія исхити!»

Оставляя мудрости вдохновенныхъ благовѣстителей славу возвратитъ къ Богу Божіе, я очень буду радъ, если успѣю по моему разуменію воздать Кесарю Кесарево.

Иностранцы распространили по свѣту два противорѣчащіяся, но оба равно ложныя мнѣнія о нашемъ отечествѣ и его великомъ преобразователѣ. Философы прошлаго столѣтія рѣшили, что Петръ I создалъ Россію изъ ничего, не такъ однакоже какъ Богъ создалъ міръ. Они вѣрили всему кромѣ Бога, благоговѣли предъ всѣми бреднями матеріализма, но глумились надъ библейскимъ: *рече и бысть*, и сочинили міросозданіе по теоріямъ физики, которую худо знали, а еще по худшему знанію нашего отечества; торжественно провозгласили, «что Иперборейскую степь, занимающую всю плоскость между древняго Кавказа и Новой Землею, отъ Кимврическаго полуострова до Понта Эвксинскаго, т. е. Россію, населили варварскія станицы и приняли, по дикой любви одного изъ ея хановъ или князей къ Греческой принцессѣ, какое-то Христіанство смѣшанное съ прежнимъ своимъ идолопоклонствомъ и магометанствомъ, занесеннымъ покорившими ее Татарами. И вдругъ сія мерзлая земля съ ея дикарями, намагнитизированная желѣзнымъ скиптромъ своего деспота, преобразилась почти въ Европейское государство. И такъ одинъ человекъ, одной своей сильной волей, безъ всякаго сверхестественнаго наитія, безъ всякой религіозной фатасмагоріи, сдѣлалъ чудо, стоящее всѣхъ баснословныхъ чудесъ, и этотъ человекъ, нашъ Петръ-благодотворитель, былъ варваръ, тиранъ, но чудесный геній».

Я не отвѣчаю за буквальность припомненных мною выражений, но ручаюсь за точность ихъ смысла, сообразнаго съ понятіемъ прошлаго философическаго вѣка, и увѣряю, что это рѣшеніе было принято такъ же безусловно, какъ нынѣ принимается новое и совершенно въ духѣ нашего времени открытіе, будто Петръ Великій, по строптивости своей, ускоря естественный ходъ просвѣщенія, истребилъ древнюю народность Русскихъ, стеръ ихъ родовой характеръ и составилъ изъ Россіи безобразную и непрочную смѣсь Европейства съ Азіатствомъ.

Все, что сдѣлала сама Россія въ Европѣ и для Европы съ 1812 года и все то, что вы достаточно объяснили въ вашихъ письмахъ, несомнѣнно доказываетъ прочное сохраненіе древней народности ея, покорной священной власти царя и не поддающейся ни силѣ, ни обольщенію враговъ ея, убѣждаетъ въ неизмѣнности родоваго характера ея вѣры и вѣрности и живо изображаетъ твердую связь ея богатырскихъ мышцъ, взрачность возвышенной головы и плотность всего исполнискаго тѣла, одушевленнаго непоколебимымъ благочестіемъ ея же собственной Церкви.

Каждый человѣкъ, не чуждый просвѣщенія, одаренный здравымъ смысломъ и не отдавшій глаза и слухъ свой во власть своекорыстныхъ умствователей, конечно увидитъ въ нынѣшней Россіи не безобразную и безпрочную смѣсь противоположностей Европы и Азіи, но цѣлый и полный слитокъ ея собственныхъ благородныхъ металловъ, красиво образованныхъ мощной рукою Великаго Петра и закаленныхъ въ горнилѣ боговдохновенной вѣры. Но я хочу, чтобы даже и тѣ иностранцы, которые видѣли только свою разуряненность въ нашихъ столицахъ, и, какъ вы называете, наши веснушки въ своей сторонѣ, не могли и въ этомъ поверхностномъ хамелеонствѣ винить благодетеля нашего отечества, и потому, не считая мои мысли и наблюденія неоспоримыми истинами, я сообщаю ихъ вамъ, передаю въ полную вашу волю и очень буду радъ, если успѣю заплатить вамъ тѣмъ же удовольствіемъ, которое мнѣ доставило сочувствіе вашему Русскому сердцу.

Пытливость нашихъ современниковъ, обращенная на Россію, кажется, уже должна имъ открыть, что естественный ходъ ея просвѣщенія продолжился за долго до Петра Великаго. Я не говорю о томъ счастливомъ времени, когда Владимиръ, Ярославъ и Мономахъ водворяли у насъ знанія, сохранившіяся въ Восточной Имперіи. Нашествіе Татаръ истребило всѣ благопріобрѣтенія ихъ и наложило тяжкій гнетъ на сердца и умы нашихъ предковъ. Одна православная Церковь, сокровищница Русскаго единодушія и въ самой пагубѣ удѣльнаго раздѣленія,

долго хранила подъ спудомъ тотъ священный огонь, который, наконецъ, воспламенилъ остывша сердца, оживилъ замерзлыя члены и освѣтилъ померкшіе умы. Послѣ уничиженія нашего отечества до совершеннаго воостанія его, въ краткіе отдыхи отъ угнетенія и заботъ о сверженіи позорнаго ига, промелькали нѣкоторые вспыхи любви къ просвѣщенію нашихъ великихъ князей; но они еще не въ силахъ были отоплотворить и оплодотворить природнаго толка и досужества своихъ подданныхъ. Со времени великаго князя Іоанна Васильевича начали проявляться новогреческіе ученые, Фряжскіе художники и Нѣмецкіе военныискусники; но только Борисъ Годуновъ, постигнувъ совершенно, что не силою рукъ, а силою ума тверды государства, и почувствовавъ все преимущество и необходимость просвѣщенія, можетъ почестся у насъ первымъ его возобновителемъ. Самъ Петръ Великій (какъ дошло до меня, по семейнымъ преданіямъ отъ его любимца, прадеда моего) отдавалъ царю Борису эту справедливость, и кому же въ этомъ можно болѣе повѣрить? Годуновъ, только еще замышляя прибрать въ свои руки Русскую державу, вызвалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началъ сблизать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ Русское любознаніе на продолженный имъ путь. Мы уже видимъ въ сказаніи Авраамія Палицина, исполненномъ силою краснорѣчія, свѣдѣнія о бывшемъ въ мірѣ; находимъ во многихъ боярскихъ рѣчахъ примѣры изъ древней и Римской исторіи и ссылки на законы другихъ государствъ. Царствование Алексѣя Михайловича ознаменовано гражданскими, воинскими и учебными переобразованіями, доказывающими уже нескучное пріобрѣтеніе знаній, необходимыхъ для государственнаго дѣла. Если бы Богъ продлилъ жизнь царя Феодора Алексѣевича, воспитаннаго свѣдущими наставниками, то вѣроятно Петръ Великій, пріуготовленный имъ, наслѣдникъ его обширнаго царства и высокихъ думъ, продолжая постепенно усовершенствованіе начатаго Годуновымъ, могъ обычнымъ или естественнымъ ходомъ приблизиться къ указанной имъ цѣли, и не былъ бы принужденъ, упорнымъ противодѣйствіемъ мрачной крамолы, выбивать, какъ говорится у насъ, влинь клиномъ.

Въ быстромъ воспаленіи внутренности, гомеопатическое леченіе нигде не годится, и потеря времени убиваетъ больного, котораго отчаянное положеніе требуетъ рѣшительныхъ средствъ; а положеніе Русскаго просвѣщенія по кончинѣ Феодора было крайне отчаянно: чугунное изувѣрство пѣрло, а свинцовое невѣжество тянуло его въ бездонную топь. Одинъ только Петръ, исполинъ духомъ, богатырь волею, былъ въ силахъ схватить, вырвать и поставить его на твердой высотѣ;

мо не иначе какъ Колумбъ поставилъ на столъ яйцо: онъ долженъ былъ раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить, ни смягчить. Вотъ какъ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины немовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что мудрыя рѣчи и помыслы отца, напоминаемые умною матерью, разсужденія просвѣщеннаго брата и толки свѣдущихъ бояръ уже съ младенчества заронили въ сердце Петрово искры, которыя потомъ превратились въ пламенное изверженіе, освѣтившее наше отечество. Видѣнное имъ еще въ дѣтствѣ ученіе по Европейскому образцу регулярныхъ полковъ внушило ему желаніе собрать изъ сверстниковъ своихъ потѣшную роту. Забавлявшія его отрочество, въ теремахъ царицы Софьи Алексѣевны, театральныя представленія духовныхъ драмъ Димитрія Ростовскаго и, какъ увѣряютъ, ея собственныя сочиненія и переводы внушили ему понятіе о словесности, и такимъ образомъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія были очеркомъ того великаго творенія, къ которому онъ былъ предназначенъ. Умъ его, какъ удостоверяютъ вѣрныя преданія, думалъ и постигалъ, а душа ощущала и дѣйствовала не по годамъ, а по благодати, или по тому, что нынѣ называется гениемъ. Юное воображеніе наследника возрастающаго могущества, оживляемое надеждою и предвидѣніемъ всѣхъ его окружавшихъ, должно было уже съ дѣтскою радостію вкушать плоды сѣянія его предшественниковъ и насажденій его отца и брата, какъ вдругъ съ безвременной кончиной царя Феодора Алексѣевича дальнія картины благоденствія и величія исчезли, и адское позорище крамоль, мятежей и кровопійства представилась предъ самими взорами упредившаго свой возрастъ отрока:

Властолюбіе Софій возжигаетъ киченіе скорбящихъ о мѣстничествѣ и Бархатной Книгѣ бояръ, распаляетъ зависть старинныхъ стрѣльцовъ къ новымъ регулярнымъ полкамъ, потворствуетъ изступленію непримиримыхъ съ просвѣщеніемъ расколовъ, остервеняетъ противъ ближнихъ царицы-мачихи всегда и вездѣ прислужную крамоль и готовую къ самоуправству чернь. Словомъ, царица, одаренная всеми прелестями, всеми любоначалиемъ и всею хитростью своего пола, вздымая, съ грузной засуши невѣжества черную пыль и взвивая вихремъ чадный дымъ изувѣрства, затемняетъ просвѣтъ Русской славы, раздуваетъ, тушитъ и вновь воспламеняетъ Московскіе мятежи и стрѣлецкіе бунты. Юный Петръ, Царь по наименованію, а въ сущности плѣшникъ сестры своей, подъ ножами убійць, обрызганный кровью своихъ родныхъ, облитый слезами беззащитной матери, слышалъ ревъ изверговъ, грозивъ-

шихъ истребить всѣ новизны, искоренить всю иноземщину и не оставить на Святой Руси духа еретическаго. Онъ видѣлъ въ своемъ царскомъ дворѣ, въ храмѣ Божиѣмъ и въ самомъ святомъ алтарѣ, исполненіе сихъ звѣрскихъ угрозъ надъ его родственниками и мудрыми сподвижниками его отца и брата. Что же ретивое сердце его должно было тогда чувствовать? Какими ужасными воспоминаніями должна была потомъ возмущаться свѣтолюбивая душа его? Какіе справедливыя опасенія должны были впечатлѣть во всеобъемлющій умъ его святотатскія буйства разъяреннаго невѣжества? Вотъ чего не постигли и не хотѣли постичь его обвинители, а безъ того бѣ они уразумѣли, могъ ли онъ, послѣ столь сильнаго опыта, предать естественному дѣйствию времени возсозданіе святилища, которое едва не сорвали съ лица земли дуновенія бури, возбужденной неугомоннымъ властолюбіемъ женщины. Нѣтъ, онъ обязанъ былъ не дорожить ничѣмъ кромѣ времени, не падить ни себя и ничего для предупрежденія уже испытаннаго зла, и во что бы ни стало ускорить несомнѣнное благо своего отечества. Такъ, необходимость принудила его дѣйствовать по своему: схватить могучею рукой влачима въ крови и прахѣ бразды правленія; скрѣпить въ одной царской волѣ всѣ государственныя силы и власти, опрокинуть разомъ всѣ неизбѣжныя препоны и не по накатанному пути, а цѣликомъ, давя закоренѣлыя предрасудки, суевѣрія, старообрядства и даже самыя народныя привычки, прямо и быстро возвелъ Россію на лучезарную высоту, прозрѣнную его орлинымъ взглядомъ. Онъ то и сдѣлалъ: упразднилъ патріаршество, превозносившееся владычествомъ, которымъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ дѣлился съ патріархомъ Филаретомъ (не съ духовнымъ, а съ роднымъ отцомъ своимъ), подчинилъ церковную управу Синоду, а Синодъ, царскому соизволенію; вмѣсто боярской думы, кичившейся не очень давнимъ выборомъ царей, составилъ Сенатъ изъ мужей ревнующихъ прочному благу отечества; замѣнилъ уже истребленное братомъ его мѣстничество въ государственной службѣ прикрѣпленію къ престолу его цѣпью чиновпроизводства, коей звенья и теперь еще представляютъ не только военную и гражданскую, но и личную постепенность его подданныхъ; обратилъ помѣстья въ вотчины вѣрнымъ его слугамъ или удержалъ въ казнѣ, опредѣливъ съ ихъ доходовъ жалованье своимъ чиновникамъ. Но, чтобъ сдѣлать еще болѣе споручными всѣ средства къ совершенію необходимаго для могущества Россіи переворота и приноровить къ временнымъ нуждамъ самый скорый, удобный и наименѣе изнурительный способъ набора войскъ и взысканія податей, онъ слилъ ревизскими сказками и подушнымъ окладомъ крестьянскій бытъ съ холопскимъ и, возложивъ ответственность за рекрутскія и казенныя повинности на вотчинниковъ, безъ огласки, успѣлъ

исполнить то, что придумывалъ исполнить бояринъ Борисъ Годуновъ, а отмѣнилъ царь Борисъ и на что государь, искавшій правовѣдѣнія въ Голландіи и Англіи, совѣтовавшійся въ законодательствѣ съ Лейбницемъ, конечно не рѣшился безъ крайней надобности и безъ надежды по времени и при возможности переиначить дѣло необходимости.

Принужденный однажды и навсегда сплотить распатанное и связать распадающееся государство свое, Петръ Великій не имѣлъ ни времени, ни выбора; рѣшительныя и скорѣйшія средства были единственными и удобными только для него. Онъ дѣйствовалъ какъ могъ и какъ не могъ дѣйствовать никто кромѣ его: не только по дарованной ему свыше мудрости, но даже и по земнымъ обстоятельствамъ. Оставшись одинъ отъ воцареннаго народнымъ единодушіемъ рода и уже облагодетельсвавшаго Россію тремя достойными ее государями, Петръ, ихъ сирота и послѣдышъ, былъ сокровищемъ любви и упованія Русской земли, видѣвшей въ жизни юнаго надѣжи-царя все свое благо, а въ утратѣ его весь ужасъ недавно минувшаго безначалія, сумятицы, вторженіе иноземцевъ, уничтоженіе и незабытое еще порабощеніе. Бѣдствія, угнетенія и опасности его отрочества совокупили великодушнымъ состраданіемъ все царство съ царемъ. Петръ это зналъ и, ощутивъ въ себѣ всю силу дара Божія, любви и нужды народной, онъ только одинъ могъ вздумать, дерзнуть и совершить подвигъ не Александровъ, Кесарей, Чингисовъ и другихъ завоевателей чужихъ странъ или своихъ родинъ, но подвигъ, каковому бытописанія представляютъ два отдаленные примѣра столь же въ источникахъ своихъ противоположные какъ свѣтъ и мгла. Но первый, какъ таинство небеснаго Промысла совершенный по глаголу Предвѣчнаго святымъ мужемъ изведшимъ изъ мрака и озаконившимъ народъ Божій, не долженъ быть уподоблено человѣческому дѣлу даже и Петра Великаго. Второй же, какъ народовосторженіе, произведенное обманомъ, лжепророчествомъ, изувѣрствомъ, не можетъ почестся равнымъ государственному преобразованію, сотворенному смертельнымъ врагомъ суевѣрія и невѣжества. Нашъ Петръ, постигшій безсмертнымъ духомъ волю Провидѣнія, чистою вѣрою, силою ума и убѣжденіемъ истины, основалъ на просвѣщеніи могущество Россіи, безъ сомнѣнія благотворное всему Христіанству и ужасное только варварству поклонниковъ Магомета, потемнившему нѣкогда свѣтлый Востокъ.

Испытавъ необлѣжность Русскихъ пословицъ, я увѣренъ, что гдѣ была вода, тамъ оцять будетъ, и что рано ли, поздно ли, а правда

свое возьметъ и, не сомнѣваясь въ будущемъ разсвѣтъ нечужого намъ Востока, возвращаюсь къ крутому повороту нашего Сѣвера. Не знаю, читалъ ли Петръ Великій въ Телемакѣ своего современника Фенелона про государственный урокъ о сильномъ дѣйствии одежды надъ духомъ народнымъ, но твердо убѣжденъ, что онъ, не хуже никого, самъ умѣлъ соображать минувшее съ настоящимъ и управлять будущимъ *) и конечно не по прихоти обрилъ бороды и одѣлъ въ Нѣмецкое платье своихъ дворянъ и служилыхъ разночинцевъ. Не спорю, что такое внезапное превращеніе заставило горько охатъ какъ названныхъ тогда кургузой Нѣмчурой, такъ и прозванныхъ вскорѣ потомъ бородатую неучью. Согласенъ, что въ перемѣнѣ платья Петръ встрѣтилъ гораздо больше упорства, чѣмъ во всѣхъ государственныхъ перемѣнахъ и не отрицаю даже, что бритва и ножницы были самыми ужасными.

Простодушный Хемницеръ не спроста совѣтовалъ начинать мести лѣстницу съ вышнихъ ступеней; онъ зналъ, какъ умные люди принимаютъ за дѣло и, можетъ быть, замысловатостью басни исподтишка указывалъ кое-кому на Петра Великаго, который всѣ нововведенія начиналъ съ самого себя и уже потомъ спускалъ ниже и ниже. Дворяне, очутившіеся, положимъ, что и нехотя, сходными по наружности не съ простымъ народомъ, а съ самимъ Императоромъ и его приближенными, пріосанились, вытряхнули изъ головъ старинную дурь и, захотя совершенно къ нимъ поддѣлаться, сказали перекрестясь: ученье свѣтъ, а неученье тьма, и чтобы не ударить себя въ грязь лицомъ передъ батюшкою Петромъ Алексѣевичемъ, нечего дѣлать, надо догнать въ умномъ дѣлѣ, а буде Богъ поможетъ и перегнать окаянныхъ Нѣмцевъ, и чуть-ли еще не примолвили: за Богомъ молитва, а за Го-

*) Гораздо больше 20-ти лѣтъ назадъ, просматривая съ А. Н. Оленнымъ хронологическія таблицы Блера, мы придумывали составить по нимъ, на нашемъ языкѣ, лѣтописные листы, съ исправкой ошибокъ, съ пополненіемъ Русскимъ временникомъ, съ прибавкою географическихъ картъ и рисунковъ одежды по эпохамъ ихъ измѣненія. Намъ хотѣлось, представя очевидно постепенное превращеніе бездоннаго мѣшка съ прорѣхами и лоскутка тьвы, сперва въ хитонъ и хламиду, а тамъ мало-по-малу въ нынѣшній фракъ и жилетъ, прояснить запыленную временемъ плетеницу человѣческихъ понятій. Сличая между собой снимки съ памятниковъ различныхъ земель и вѣковъ, мы замѣтили всегдашнюю общую одежду современныхъ и сближенныхъ просвѣщеніемъ народовъ; наконецъ, удостовѣривъ, по видимому намъ, что тѣлесное образованіе было всегда вывѣской уметвеннаго, мы душевно поблагодарили Петра Великаго за нашу переодѣвку по образцу западной Европы, съ которой тогда было нужно сдвинуть наши понятія, чтобы обогатиться благотворными знаніями. Теперь?... другое дѣло. У насъ есть пословица: сожолу не стать поспиничи летать, и есть ли вамъ угодно, вы можете прибавить для риемы и правды и посорочья щебетать.

сударемъ служба не пропадетъ. Не могу утвердить, точно ли пошла эта пословица съ Петра Великаго, а что онъ ей никогда не измѣнялъ, такъ это также вѣрно, какъ и то, что не при немъ заговорили: близъ царя, близъ смерти, или до Бога высоко, до царя далеко.

Петръ Великій былъ правдолюбивъ, доступенъ, даже, можно сказать престопагоденъ, но повелителенъ и строгъ при новости своего государства, какъ Римскіе консулы въ началѣ ихъ республики; однакоже западные умствователи, благоговѣя предъ упругими доблестями Римлянъ, злословятъ ихъ въ нашемъ царѣ. Они не умѣли провидѣть, что одинъ и тотъ же духъ твердоначалія окрылилъ и древнихъ и новыхъ орловъ къ завоеваніямъ; что онъ творецъ той мужественной стойкости, которую не могли опрокинуть ни удачества безстрашныхъ Галловъ, ни храбрость ихъ воинственныхъ потомковъ. Миѣ, можетъ быть, возразятъ однакожъ, что Французскіе писатели отдавали справедливость Петру Великому. Не правда: они только къ несправедливой брани подмѣшивали своекорыстную похвалу. Такъ они хвалили его и порицали не по его царскимъ добродѣтелямъ и не по житейскимъ слабостямъ (одинъ Богъ безъ грѣха), а по тому, какъ онъ приходился имъ къ слову о разныхъ философическихъ умозрѣніяхъ, которыя всѣ клонились къ одному: что все давно и долго существующее на землѣ мракъ и ложь, и возродившееся въ ихъ головахъ звѣтъ и истина. Имъ явился Питеръ Бассъ въ Гарлемѣ съ долотомъ въ рукахъ и очень былъ противенъ царь Петръ въ возведенной имъ Россіи со скипетромъ, утверждающимъ ея благоденствіе, хотя онъ былъ и тутъ и тамъ тѣмъ же неутомимымъ работникомъ прочнаго существованія и славы своего отечества.

Возставшіе противъ заблужденій своихъ покойныхъ энциклопедистовъ, вышшіе безпокойные теористы доказали (пока еще будущіе, не знаю, кого Богъ пошлетъ, не учили ихъ самихъ въ заблужденіи), что философія, вышедшая изъ моды вмѣстѣ съ пудрой и пуклями, мало знала и много болтала, что сужденія ея были поверхностны. Однакоже, повторяя отголоскомъ почти тѣже сужденія, настаиваютъ на томъ, что нашъ безсмертный благодетель конечно былъ человекъ быстрого ума, твердаго духа и сильной воли, но со всѣмъ тѣмъ безжалостный, строгитивый, жестокий деспотъ, не щадившій ни жизни, ни имущества, ни самой правственности своихъ подданныхъ для предполагаемой пользы ихъ сиротъ. Я самъ слышалъ это, слава Богу, не отъ Русскихъ. И, въ слѣдъ за сей наглою клеветой, тѣже сострадательные и правственные оплакиватели нашихъ предковъ восхищались не пользою принесенною просвѣщенію вообще реформой, но именно благодѣянiями Парижской

революціи, этой безчеловѣчной и безбожной развратительницы всякой святости и губительницы всякой законности и благочестія вездѣ, куда достигалъ разливъ ея кроваваго потопа. Я ихъ спросилъ, какія же могутъ быть благодѣянія отъ всеразрушенія и кровопійства, гдѣ или кто ими пользуется, и они мнѣ съ самодовольнымъ видомъ, отрывисто, отвѣчали: ученія открытія и изобрѣтенія, новыя идеи, новыя понятія, которыми пользуются и будутъ пользоваться Европейскіе умы. Но безъ разрушенія гнилого строенія нельзя на его мѣстѣ воздвигнуть новое, и застарѣлыя язвы не излѣчатся безъ нѣсколькихъ капель крови. Сказали, взглянулись, ухмыльнулись и оставили меня бесѣдовать съ самимъ собою. Я воспользовался ихъ неучтивостью и вслѣдъ имъ началъ думный съ самимъ собою разговоръ, въ родѣ Шекспировыхъ монологовъ: какъ эти люди, возмущенные крутостью переворота, котораго благотворнаго дѣйствія они не могутъ не видѣть, столь жестоко ослѣплены и оглушены блескомъ и трескомъ ужаснаго фейерверка, который быстрою перемѣною разноогненныхъ картинъ, кружеголовнымъ верченіемъ искрометныхъ колесъ, лопащемъ бураковъ, шутихами и щелкушками не даетъ имъ очнуться, пока совсѣмъ не загаснетъ потѣшной огонь и не обнажитъ своего закоптѣлаго и обгорѣлаго остова. Авось хоть тогда они узнаютъ свое заблужденіе и разсудятъ: 1) Что не до открытій и изобрѣтеній было ученымъ головамъ, въ то время, когда всѣ здравомыслящіе головы принуждены были прятаться отъ благодѣянія гильотины и убѣгать отъ изувѣровъ, изобрѣтавшихъ съ звѣрскою радостію и адскимъ хохотомъ позорныя убійства для распространенія свободы, равенства и братства и изведеніемъ цѣлаго поколѣнія своихъ соотичей. 2) Что ученые люди, обогатившіе многими открытіями и изобрѣтеніями конецъ прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго, почти всѣ, по вѣрному счету ихъ лѣтъ, родились, выросли, образовались и успѣли надуматься до кроваваго потопа всегубительной благодѣтельницы. 3) Что кромѣ только одной, совершенно новой и собственно ей принадлежащей законодательной идеи сперва вовсе уничтожить Бога, а потомъ народнымъ декретомъ позволить желающимъ Ему вѣрить, все прочее есть перековерканья изъ древнихъ демократизацій трибунства, консульства и республиканскаго императорства, выродыши, перемѣшанные съ неудачными придумками и съ антрактами анархіи, безъ милосердія толкали одинъ другаго съ революціонной сцены, и наконецъ, что нѣкоторые хотя немного похожія на дѣло государственныя идеи, мелькавшія изъ черной тучи налегшей на многострадаальный Парижъ, принадлежатъ, по большей части, вѣку реформъ и небезбожія, уже давно въ другихъ земляхъ приведенныя въ дѣйствіе безыменно, существуютъ несравненно долѣе многихъ и многихъ перемѣнъ революціонныхъ дѣйствій,

явленій и декорацій, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, была съ изступленьемъ аплодирована и потомъ съ бѣшенствомъ освистана смертельными охотниками до всякихъ, а особливо ужасныхъ, позорищъ. Конечно можно бы еще было согласиться съ людьми восхищенными благодареніями революціи, если бы они подъ этимъ словомъ разумѣли отразительное дѣйствіе этой кровопролитной мелодраммы надъ поколѣніемъ, уцѣлѣвшимъ отъ ея убійственныхъ эффектовъ или поражений; но они рѣшительно не вѣрятъ, чтобы и Мольеровы комедіи приносили нравственную пользу, и въ своихъ театральныхъ зрѣлищахъ тѣшутся только поддѣлкою подъ извергство ихъ любезной революціи, истребившей понятіе о всемъ, что составляло нѣкогда связь и благоденствіе семействъ, одушевленіе общества и изящную прелесть поэзіи, замѣненную теперь родомъ сочиненій, новымъ во Франціи и давнимъ въ другихъ земляхъ. Кромѣ духа разврата, неотъемлемо принадлежащаго Парижской революціи, нынѣшній Французскій романтизмъ давно и очень давно проявился за Альпами и около Пиринейскихъ горъ, проникъ въ Гишпанію, занесенъ въ Англію, оттуда переплылъ не безъ подмочки въ Германію и въ ней уже схваченный, переуродованъ нынѣшними Французами. Не подумайте, чтобы я держался какого нибудь литературнаго раскола; нѣтъ, для меня всѣ роды хороши, когда ими хорошо пользуются; я радуюсь искусственнымъ твореніямъ классицизма и романтизма; а больше еще радовался бы, если бы изъ нихъ составился, укоренился и распространился руссизмъ, въ чемъ и не отчаиваюсь. Приглашаемый въ Парижъ еще до императорства Наполеонова на завтраки тогдашнихъ словесниковъ, я, всходя по лѣстницѣ къ Александру Дювалю, встрѣтился съ поэтомъ Андрію, который мнѣ сказалъ: вотъ наша участь; вы всходите, а мы сходимъ. Я отвѣчалъ ему отрицательной улыбкой, и еще не помню какой-то обыкновенностью, которая въ такихъ случаяхъ говорится; но между тѣмъ думалъ: авось и взойдемъ, а вы знаете, что Русское авось много уже начудесило. Насъ упрекаютъ, что мы пользуемся чужимъ, готовымъ, но пусть покажутъ мнѣ народъ, просвѣтившійся безъ заимствованія; уже такъ давно все перенимается, переправляется и улучшается, что память человѣческая не достигаетъ до временъ самодѣлія: все, что видимъ, кромѣ сотвореннаго Богомъ, преобразовано множествомъ вѣковъ и людскихъ поколѣній, и даръ слова съ самаго созданія человѣка растетъ, распространяется, обогащается передачами изъ рода въ родъ, изъ страны въ страну.

Высокій умъ великаго Корнеля пользовался Латынцами и перенималъ у Испанцевъ; краснорѣчивое сердце Расина заимствовало трагическое умиленіе отъ Грековъ; глубокій умъ Мольера, изощренный

Аристофаномъ, бралъ, какъ онъ самъ говоритъ, все и у всѣхъ, ему пригодное. Они оставили послѣ себя славныя творенія, но не очень славныхъ подражателей, и Французскій классицизмъ, нѣжась подъ пахучими розами на бархатныхъ, будто древнихъ ложахъ, кутаясь въ пухлое одѣяло придуманныхъ ими правилъ и приличій, разслабъ, одряхлѣ и, кажется, при послѣднемъ издыханіи. Лучезарный геній Шекспира извлекалъ иногда изъ поддѣлокъ забытыхъ писателей и давно истлѣвшихъ Итальянскихъ новостей основы своихъ безсмертныхъ тканей, изображающихъ живыми и яркими красками все бытіе челоуѣка и всю благодѣтельность божества. Онъ умудрилъ Вальтеръ-Скотта, возобновившаго благочестивый романтизмъ и породившаго у насъ удачныхъ послѣдователей; но многогрѣшный демонъ Байрона бурнымъ геенствомъ омрачилъ и окровавилъ литературный горизонтъ, прокатываясь по немъ дальнозвучнымъ громомъ, раздиралъ яркой молніей и остался багровымъ мѣсяцемъ одинъ одинехонекъ, среди черныхъ тучъ и звѣздочныхъ пробрызговъ. Его племенное бушеваніе возмутило души, засушило сердца и привело въ бѣснованіе романтическую словесность. Не совсѣмъ добрая слава его вскружила, и умныя головы, выкидыши революціи, въ припрыжку пустились за нимъ, взревѣли и зарыкали позвѣрски. Байронъ тѣшился кровожадностью тигровъ, а они, какъ сказалъ мнѣ однажды Иванъ Андреевичъ Крыловъ, куда сдѣлались падки на мертвечину. Однако нельзя не согласиться, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Французскихъ урокователей Байрона богаты дарованіемъ, но тѣмъ хуже для читателей и самой литературы. Сочиненія ихъ оскорбляютъ рассудокъ своей нелѣпницей, сдавливаютъ сердца судорожнымъ ужасомъ, притупляютъ чувствительность, гнетомъ тяжкихъ и рѣзкихъ впечатлѣній, одервеняютъ жалость, вынужденнымъ состраданіемъ къ сочиненнымъ ими жертвамъ неестественной людямъ кровожадности возбуждаютъ ненависть къ челоуѣчеству, заводя на него всякія омерзительныя звѣрства; убиваютъ поклопами на Провидѣніе единственную надежду истинно страждущихъ, сквернятъ воображеніе гнусными списками убійцъ и палачей и, кажется, дѣлаются сами убійцами и палачами благороднѣйшаго изъ изящныхъ искусствъ, дарованныхъ къ наслажденію и возвышенію боговдохновенной души. Я, можетъ быть, пустился бы въ предсказаніе судебъ и не одной развратной словесности, есть ли бы смѣлъ думать, что Богъ хоть нѣсколько надѣлилъ меня тѣмъ провидѣніемъ, которымъ щедро одаренный нашъ Петръ предсказалъ Парижскую революцію, что я слышалъ отъ покойнаго принца Конде и вотъ какъ.

Отправленный по службѣ въ Кондейскій корпусъ, я имѣлъ честь много разъ обѣдывать у принца и однажды за столомъ къ разговору

о революции онъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ: «Петръ Великій на вопросъ, какъ онъ находитъ Парижъ? отвѣчалъ: прекраснымъ городомъ, но слишкомъ многолюднымъ и шумнымъ, чтобъ со временемъ ему не захотѣлось давать законъ своему государю. Это было при отцѣ моемъ, и онъ самъ мнѣ рассказывалъ» *).

Какъ же тотъ самый провидецъ, который за 70 лѣтъ мимоходомъ прозрѣлъ судьбу чужого города, не предусмотрѣлъ бы слѣдствія заводимаго имъ же въ своемъ отечествѣ? Могъ ли высокій умъ испортить го, о чемъ онъ безпрестанно думалъ, для чего онъ (оставя не въ безопасное время свой престолъ), путешествовалъ по чужимъ краямъ и въ нихъ, ни на минуту не переставая быть Русскимъ Государемъ, устраивалъ будущую судьбу своего государства? Изъ Шампаніи онъ прислалъ лозы нынѣшняго Донскаго винограда, изъ Голландіи предковъ нынѣшнихъ Холмогорскихъ коровъ и Бѣлоозерскихъ сельдей; изъ Саксоніи сѣмена для богатой Тамбовской жатвы; изъ Фландріи многія картины; изъ Парижа образчики для заводимой имъ ковроткальной фабрики и прочихъ издѣлій, а изъ Рима статую древней Венеры, которую, какъ онъ писалъ къ Владиславу, досталъ съ большимъ трудомъ и за большія деньги и потому приказывалъ ее вести въ Берлинъ; наконецъ, отсюду приманивалъ людей годныхъ для приспособленія Русскаго досужества къ тогдашнему Европейскому дѣлу. Вникнувъ въ дѣянія Петра Великаго и сравнивая ихъ со всѣмъ дошедшимъ до насъ въ бытописаніяхъ, нельзя, кажется, не удостовѣриться, что нашъ истинный отецъ отечества, названный Великимъ, заслужилъ это проименованіе не только завоеваніями, но что онъ былъ однимъ изъ очень малаго числа мудрыхъ законодателей облагодетворившихъ человѣчество, самымъ прочнымъ учредителемъ настоящаго блага и будущаго вліянія своей святой родины, первѣйшимъ трудолюбомъ народнаго устройства и единственнымъ государственнымъ хозяиномъ во всей обширности слова и по всѣмъ частямъ сей важной царской обязанности.

Смѣло и не безъ ясныхъ доказательствъ могу сказать, что все и до сей поры истинно полезное нашему отечеству было имъ сдѣлано, предусмотрѣно или замышлено, что за всякимъ важнымъ отступленіемъ отъ его предначертаній слѣдовали ошибки и раскаяніе, что во всемъ

*) Адмиралъ Чичаговъ писалъ графу С. Р. Воронцову, что въ 1717 году Петръ Великій удивлялся роскоши Парижа и Версаля съ бѣдностью Французскаго деревенскаго населенія и выразился такъ: Если я что-либо подобное замачу за мною Петербургомъ, зажгу его съ четырехъ сторонъ. (См. „Арх. Кн. Воронцова“). П. Б.

существенно полезномъ для нашей земли вѣрно найдется хотя зародышъ въ его постановленіяхъ, запискахъ или изустныхъ преданіяхъ его сужденій. И мы съ душевнымъ наслажденіемъ усматриваемъ во многомъ нынѣ совершенномъ или учреждаемомъ для блага отечества исполненіе его народолюбивыхъ думъ, чувствуемъ сердцемъ въ оживотвореніи Русскимъ духомъ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній, ремеслъ и промышленности, его стараніе обрусить и окоренить у насъ еще вводимое имъ просвѣщеніе и, наконецъ, постигая во всей силѣ благотворенія предка, радуемся, прозрѣвая въ душѣ и дѣлахъ потомка настоящее продолженіе его царствованія, такъ прочно основанное и такъ сильно пущенное въ ходъ, что никакія повременныя порчи и отступленія не могли его вовсе остановить, или совершенно сшибить съ прямого пути не подъ гору, а на гору.

Объясня, сколько умѣлъ, необходимость нашего державнаго просвѣтителя дѣйствовать не иначе какъ онъ дѣйствовалъ и одинъ только могъ дѣйствовать, и очень желаю, пользуясь тѣмъ, что прочелъ печатнаго или письменнаго, слышалъ по вѣрнымъ преданіямъ, или отъ самовидцевъ и узналъ самъ собою, объяснить по возможности историческія причины сбивчивости нашего образованія, котораго поверхностная плена, заносимая противнымъ вѣтромъ къ чужой странѣ, мелькая въ глазахъ иностранцевъ, вводитъ ихъ въ заблужденіе, клевету на Петра Великаго и стоившее очень дорого Наполеону. Но, взглянувъ на кипу листовъ уже исписанныхъ мною, я припомнилъ дѣдовскія слова: старость болтлива, а молодость нетерпѣлива, и не безъ вздоха принуждаю себя кончить первое мое письмо, надѣясь во второмъ дать волю моей правдологіи, которую прошу покорнѣйше удостоить искреннимъ отвѣтомъ. Право, если не по исполненію, то по намѣренію того стѣдить и по поговоркѣ моего Рижскаго начальника: *Le tems est trop court pour le perdre en compliments*, безъ околичныхъ словосплетеній, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и душевною благодарностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Александръ Шаховской.

С.-Петербургъ

1833 года, Августа 20 дня.

УЧРЕЖДЕНІЕ ВЕРХОВАГО ВРЕМЕННАГО СОВѢТА ВЪ БЫВШЕМЪ ГЕРЦОГСТВѢ ВАРШАВСКОМЪ.

(Изъ архива Н. Н. Новосильцова).

Среди дѣлъ бывшей канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ находятся дѣла, такъ называемаго „архива сенатора Новосильцова“, обвиняющаго собою періодъ времени съ 1813 г. по 1831, т. е. съ начинаніи учрежденія Верховнаго Временнаго Совѣта (Rząd tymczasowy), для управленія бывшимъ Герцогствомъ Варшавскимъ и кончая Польскимъ возстаніемъ.

Къ этому именно времени относится дѣятельность извѣстнаго Н. Н. Новосильцова въ бывшемъ Герцогствѣ Варшавскомъ и затѣмъ Царствѣ Польскомъ¹⁾, сначала въ качествѣ вице-президента Верховнаго Временнаго Совѣта, президента комитетовъ высшаго надзора за госпиталями, полиціей, финансами, потомъ въ качествѣ главнаго делегата въ Правительственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго, завѣдывающаго комитетомъ по учебной части и, наконецъ, состоящаго при великомъ князѣ цесаревичѣ Константиѣ Павловичѣ. Всѣ дѣла архива Новосильцова носятъ на себѣ слѣды многосторонней и вѣщней дѣятельности этого государственнаго человѣка, котораго противники называли, въ насмѣшку, *le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, le prétendu philosophe, l'anglomane fiéffé* и пр., а сторонники уподобляли Атласу, несущему на головѣ своей земной шаръ²⁾.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ (1761—1836) былъ человѣкъ свѣтлаго ума и высокообразованный, прожившій долгое время въ Англии. Какъ извѣстно, онъ пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра I, котораго всячески старался отклонять отъ увлеченій Лагарповскимъ ультралиберализмомъ. До своего назначенія въ Варшаву, Новосильцовъ прошелъ цѣлый рядъ служебныхъ положеній. Онъ состоялъ при Государѣ для особыхъ порученій, былъ членомъ извѣстнаго неофіціального комитета, президентомъ И. Академіи Наукъ, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, докладчикомъ по Сенату, Синоду и рекетмейстерской части;

¹⁾ Устройство Царства Польскаго послѣдовало на основаніи конституціи 15 Ноября 1815 года.

²⁾ Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго (изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. „Русская Старина“, 1903 г. Февраль.

былъ товарищемъ министра юстиціи, начальникомъ комиссіи составленія законовъ и пр. По оставленіи въ 1831 г. Царства Польскаго, Новосильцовъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго, а затѣмъ предѣвателемъ этого Совѣта и Комитета Министровъ, въ каковой должности и умеръ, за три года до того возведенный въ графское достоинство.

Поляки обвиняли Новосильцова въ строгости и даже жестокости по отношенію къ молодежи, что якобы способствовало ускоренію возстанія 1831 г.; но это обвиненіе оказывается одностороннимъ, если вспомнить о тѣхъ многочисленныхъ тайныхъ обществахъ, которыя въ то время, какъ събыю, покрывали собою Польшу, поддерживая и питая въ молодежи несбыточные мечты и непримиримую ненависть къ Русскимъ.

Шатобріанъ, бесѣдая въ 1814 г. съ посѣтившимъ Парижъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и стараясь доказать августѣйшему гостю, что престолъ Людовика XVIII повисъ надъ бездною, въ которой кипятъ тайныя общества и заговоры, порожденные атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ, говорилъ: „Впрочемъ, теперь все государства въ такомъ положеніи; революція подводитъ подъ нихъ подкопы. И у васъ въ Россіи имѣются свои минеры; но когда настанетъ время зарядить мину и воспламенить зарядъ, Франція, будьте въ томъ увѣрены, надѣлитъ васъ своими пальниками“ *). Великій князь передалъ впоследствии императору Александру зловѣщее предсказаніе Шатобріана, которое, конечно, было извѣстно и Новосильцову.

Всѣхъ дѣлъ въ архивѣ Новосильцова, по описи этого архива, числится 816. Изъ нихъ нѣкоторая часть передана въ архивъ Варшавскаго учебнаго округа, а остальные, въ обложкахъ бывшей канцеляріи намѣстника, значатся подъ двойной нумераціей, за исключеніемъ дѣлъ о масонствѣ, выдѣленныхъ въ особый отдѣлъ. Ведѣдвіе этого, дѣло, напр., объ учрежденіи Верховнаго Временнаго Совѣта по Новосильцовой описи значится подъ № 2, а по распределенію бывшей канцеляріи намѣстника—подъ № 1; между тѣмъ по описи Новосильцова этимъ послѣднимъ обозначено дѣло, заключающее въ себѣ протоколы засѣданій Великаго Востока масонскаго (du dit dit ancien Eecossais) съ 12 Апрѣля 1812 по Января 1818.

Слѣдуетъ прибавить, что въ маленькомъ музеѣ, надъ устройствомъ котораго трудится заведующій архивами канцеляріи Варшавскаго г.-губернатора, Н. Н. Чигинъ, находятяся двѣ весьма любопытныя вещи, непосредственно относящіяся къ дѣламъ Новосильцоваго архива. Это—масонскіе передникъ и перевязь. Передникъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ большаго дѣтскаго нагрудника. Верхняя часть его сдѣлана изъ черной шелговой

*) Н. К. Шальдеръ. Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 годъ. „Русская Старина“, 1901. Июль.

ткани съ вышитыми на немъ серебромъ тремя адамовыми головами, расположенными въ видѣ треугольника, и съ крупными слезами; нижняя часть— изъ бѣлаго, уже пожелтѣвшаго атласа, обшитаго черною шелковою каймою, на атласѣ большое кровавое пятно. Перевязь: широкая черная лента, съ бѣлыми полосками по краямъ, въ родѣ орденскихъ лентъ первой степени. Концы перевязи соединены большою кокардой изъ того же матеріала, и на кокардѣ, въ видѣ аграфки, прикрѣпленъ маленькій золотой кинжалъ. Вдоль перевязи, на нагрудной сторонѣ, вышиты серебромъ слова: *vincere aut mori* (т. е. побѣдить или умереть).

**Дѣло № 1 (по описи № 2) 1813 г. 4 Марта. Объ учрежденіи
Верховнаго Временнаго Совѣта. На 34 листахъ.**

Письмо (копія) князя Кутузова-Смоленскаго къ В. С. Ланскому ¹⁾.

Получено 4 Марта 1813 г. въ Калишѣ.

Милостивый государь мой, Василій Сергѣевичъ.

Его Императорское Величество, въ 1-ый день настоящаго мѣсяца удостоивъ высочайшей конфирмаціи поднесенное отъ меня образованіе Верховнаго Временнаго Совѣта, учреждаемаго для управленія Варшавскимъ Герцогствомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, особымъ рескриптомъ на мое имя, соизволилъ назначить ваше высокопревосходительство предѣдателемъ сего Совѣта, съ званіемъ генералъ-губернатора Герцогства Варшавскаго; тайнаго совѣтника Новосильцова вице-президентомъ; совѣтниками: тайнаго совѣтника Вавржецкаго ²⁾, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Любецкаго ³⁾, и совѣтникомъ же по части финансовъ, управляющаго нынѣ имѣніями короля Саксонскаго въ Герцогствѣ Варшавскомъ, де-Коломба.

Препровождая при семь точныя копіи съ образованія Совѣта и высочайшаго ко мнѣ рескрипта, прошу васъ, милостивый государь

¹⁾ Ланской, Вас. Серг., впоследствии министръ внутр. дѣлъ въ Россіи; умеръ въ 1831 г.

²⁾ Вавржецкій, Томашъ, замѣститель Костюшки. Потерпѣвъ пораженіе подъ Радощицами, Вавржецкій сдался Суворову, съ обязательствомъ не сражаться болѣе противъ Русскихъ войскъ. Былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ оставался два года. Съ воцареніемъ Павла I, получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину, въ Литву. Въ 1815 г., при устройствѣ Царства Польскаго, былъ назначенъ министромъ юстиціи; умеръ въ 1818 г.

³⁾ Кн. Любецкій, Францисекъ (1778—1848). При устройствѣ Царства Польскаго получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Во время возстанія въ 1831 г. ѣздилъ въ Петербургъ въ качествѣ посла революціоннаго правительства, для переговоровъ съ императорскимъ правительствомъ.

мой, отправиться немедленно въ Варшаву и вступить въ должность вамъ назначенную.

Крайняя и необходимая нужда требуетъ ускорить сколь можно открытіемъ Совѣта и настоящимъ дѣйствіемъ онаго, на основаніи высочайше конфирмованнаго образованія. Потому, сверхъ того, что предварительно уже писано ко всѣмъ чинамъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ Совѣтъ состоятъ имѣющимъ, о прибытіи къ занятію въ Совѣтъ должностей, нынѣ вновь о томъ же имъ отъ меня подтверждается. Но тѣмъ не менѣе, по точной и неперемѣнной волѣ Его Императорскаго Величества, вашему высокопревосходительству по прибытіи въ Варшаву надлежитъ съ того же времени заняться, при исправленіи должности генераль-губернатора, и самымъ образованіемъ Совѣта. Въ семь вспомоществовать вамъ будетъ г. де-Коломбъ, находящійся въ Варшавѣ и имѣющій достаточныя свѣдѣнія не только по части финансовъ, но и по всѣмъ прочимъ важнѣйшимъ предметамъ, разсмотрѣнію и уваженію Совѣта подлежащимъ.

Для открытія Совѣта нѣтъ нужды ожидать всѣхъ гг. членовъ; но коль скоро, кромѣ г. де-Коломба, прибудетъ хотя одинъ еще совѣтникъ, то Совѣтъ тогда же возымѣтъ долженъ настоящее свое дѣйствіе; а между тѣмъ ваше высокопревосходительство, яко генераль-губернаторъ, обнародуете образованіе Совѣта; предпишете выборъ въ центральный комитетъ депутатовъ и къ замѣщенію праздныхъ должностей въ префектурахъ чиновниковъ, прикажете отыскивать желающихъ изъ людей способныхъ и неподозрительныхъ для опредѣленія, по 16-му § образованія, въ секретари, въ писцы и въ прочія канцелярскія должности.

Чтобы вы не были затруднены и при самомъ даже началѣ прибытія вашего въ Варшаву по производству дѣлъ, къ должности генераль-губернатора относящихся, и въ распоряженіяхъ къ открытію Совѣта недостаткомъ письмоводителей, я позволяю вамъ взять съ собою всѣхъ чиновниковъ, къ канцеляріи вашей по званію главноуправляющаго интендантскою частію принадлежащихъ; дѣла же по сей части приказать сдать въ порядкѣ генераль-интенданту Канкрину.

О прибытіи вашемъ въ Варшаву и о начальныхъ занятіяхъ не оставьте поспѣшить увѣдомленіемъ вашимъ, для доклада о томъ Государю Императору. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь

имѣю быть вашего высокопревосходительства всепокорный слуга (на подлин. подписано) князь Кутузовъ-Смоленскій.

№ 1. 4 Марта, 1813 г.

Гл. кв. г. Каляшъ.

Его высокопревосходительству

В. С. Лянскому.

*

На подлинномъ подписано собственной Его Императорскаго Величества рукою
быть по сему. *Александръ.*

Каляшъ. 1-го Марта 1813.

Образованіе Вѣрховнаго Временнаго Совѣта, для управленія Варшавскимъ Герцогствомъ учреждаемаго.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Всероссійскій, при самомъ вступленіи побѣдоносныхъ армій своихъ въ Герцогство Варшавское, всемилостивѣйше соизволилъ обнародовать правила умѣренности, кои долженствовали сопровождать занятіе края сего, въ видахъ военныхъ предпріятое. Вслѣдствіе сего даны были настрояннѣйшія приказанія о миролюбномъ обхожденіи войскъ съ жителями; и войска, привыкшія отличатся на полѣ чести, не менѣе отличились подчиненностію, послушаніемъ и поведеніемъ своимъ. Обращеніе съ ними жителей доказываетъ признательность ихъ къ великодушнымъ намѣреніямъ Государя Императора. Съ радостію встрѣчали они повсюду Россійское войско, и повсюду пребыли и пребываютъ спокойны. Теперь, когда занята уже большая часть Варшавскаго Герцогства, то тѣ же самыя правила умѣренности должны быть обращены на гражданское онаго управленіе. Занятая войсками земля требуетъ для собственнаго ея сохраненія, для благоденствія частныхъ людей, для облегченія народа, который стоналъ отъ угнетеній различныхъ и въ особенности отъ сильныхъ налоговъ: чтобы устранена была анархія, установились равныя и не отяготительныя поборы и обезпечилось общественное спокойствіе. Для достиженія сей благотворной, полезной и великодушной цѣли, угодно всемилостивѣйшему Монарху нашему учредить Вѣрховный Временный Совѣтъ для управленія Герцогствомъ Варшавскимъ. По особенному повелѣнію Его Императорскаго Величества, начертываются здѣсь правила образованія Совѣта и занятій онаго.

§ 1. Вѣрховный Совѣтъ составляютъ: одинъ президентъ, одинъ вице-президентъ и три совѣтника. Всѣ они опредѣляются непосредственно Его Императорскимъ Величествомъ.

§ 2. Совѣту сему ввѣряется управление, именемъ Императорскаго Величества, всѣми землями Герцогства Варшавскаго, занятыми уже войсками нашими, и тѣми, кои впредь заняты будутъ. Мѣстопробываніе Совѣта назначается въ Варшавѣ.

§ 3. Кромѣ пмянныхъ высочайшихъ указовъ и предписаній главнокомандующаго арміями, Совѣтъ ни отъ чьихъ болѣе повелѣній не зависить.

§ 4. Всякаго рода дѣла, къ разсмотрѣнію Совѣта вступающія, рѣшаются большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства оныхъ, на чьей сторонѣ будетъ мнѣніе президента, та получить перевѣсъ, и по оному дѣлается исполненіе.

§ 5. Президентъ Совѣта пользуется всѣми преимуществами предсѣдательствующаго. Съ званіемъ президента соединяется званіе генераль-губернатора Герцогства Варшавскаго, и въ отношеніи къ части полицейской и вообще тѣхъ дѣлъ, кои по существу своему и по экстренности не могутъ входить въ разсмотрѣніе Совѣта, онъ пользуется властію генераль-губернатора.

§ 6. Согласно съ тѣмъ, какъ обнародовано уже, существовавшій до вступленія войскъ нашихъ порядокъ гражданскаго управленія остается ненарушимымъ; всѣ мѣстные начальства признаются законными и сохраняются въ настоящихъ правахъ своихъ. Но дабы придать управленію силу и единство, которыхъ оно лишилось съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторыя начальства оставили Герцогство, то на обязанность Вѣрховнаго Совѣта возлагается строгое и бдительное наблюденіе за порядкомъ въ производствѣ дѣлъ, всѣми мѣстными начальствами и лицами на службѣ состоящими, взысканіе за упущеніе отъ безопасности и нерадѣнія и преданіе суду за злоупотребленіе должности. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ префектуры, подъ-префектуры, всѣ учрежденныя мѣста и лица при должностяхъ всякаго рода въ занятыхъ и въ занимаемыхъ впредь земляхъ состоящія подчиняются непосредственно Вѣрховному Совѣту и исполняютъ повелѣнія его безпрекословно.

§ 7. Дабы могло быть извѣстно во всей точности состояніе земель, управленію Совѣта ввѣряемыхъ, нужды въ пособіяхъ правительства, средства или возможности и невозможности въ исполненіи требованій военныхъ и повинностей гражданскихъ каждаго состоянія обывателей, однимъ словомъ, весь кругъ дѣлъ, разсмотрѣнію и рѣшенію Совѣта подлежащихъ: на сей конецъ вызваны будутъ отъ каждой префектуры въ Варшаву по одному депутату, кои должны быть избраны изъ почтеннѣйшихъ жителей съ свѣдѣніями и познаніями, предназначенію ихъ соответственными.

§ 8. Депутаты сіи совокупно составляютъ центральной комитетъ въ Варшавѣ подь предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, кто утвержденъ будетъ Совѣтомъ. Сей центральной комитетъ войдетъ во всѣ подробности дѣлъ, которыя требовать будутъ разсмотрѣнія и постановленій Совѣта, а Совѣтъ съ своей стороны опредѣлитъ положительно родъ занятій комитета, и между прочимъ вмѣнитъ въ обязанность, дабы при сужденіи дѣла депутатъ этой профектуры, до коей оное касаться будетъ, являлся по приглашенію въ Совѣтъ для поясненій, какія по обстоятельствамъ могутъ быть надобны.

§ 9. Государственная экономія или доходы и расходы, яко источникъ при хорошемъ управленіи благоденствія народнаго, должны обратитъ на себя особенное вниманіе Совѣта съ того самаго дня, какъ онъ восприметъ свое дѣйствіе. Сколько извѣстно, доходы Герцогства состоятъ изъ таможенныхъ сборовъ, изъ откупа и продажи соли отъ казны, изъ сборовъ, называемыхъ подымные, положенныхъ за транзитную торговлю, за судоходство по рѣкамъ и каналамъ, дорожныхъ, мостовыхъ, взимаемыхъ при въѣздѣ въ города, и отъ продажи гербовой бумаги, такъ же съ недвижимыхъ имѣній короля Саксонскаго, владѣльцевъ тѣхъ земель, кои находятся въ войнѣ съ Россіею, и съ помѣстьевъ, принадлежащихъ Французскимъ и прочимъ генераламъ, на службѣ у Французовъ находящимся, кои однѣ стоятъ по цѣнѣ до 12-ти милліоновъ золотыхъ. Вѣрнѣйшій способъ для полученія съ оныхъ дохода есть тотъ, чтобы сіи имѣнія безъ отлагательства отданы были въ аренду съ благоразумною осторожностію въ охраненіи ихъ отъ разоренія и въ исправномъ полученіи за аренду платежа, соразмѣрно достоинства имѣній. Впрочемъ самыя имѣнія не должны быть конфискованы впредь до повелѣнія.

§ 10. Поелику желаніе Государя Императора есть непреложно, чтобы въ занятыхъ нами земляхъ Герцогства Варшавскаго сколь возможно облегчена была участь народа, то Совѣтъ, слѣдуя сему благотворному намѣренію, и имѣя въ виду, что расходы Герцогства по военной части вовсе прекращены, а на гражданской штатъ чувствительно уменьшились, обязывается поспѣшить приведеніемъ въ извѣстность налоговъ, народъ наиболѣе обременяющихъ, и ограничить подати съ помѣщиковъ, поселянъ и ремесленниковъ до такой соразмѣрности, дабы всѣ состоянія возчувствовали попеченіе объ нихъ Его Императорскаго Величества и симъ самымъ, равно какъ и прекращеніемъ всякаго набора рекрутъ, удостовѣрились, сколь велико различіе между отеческимъ управленіемъ и такимъ, которое принуждено грабить, дабы удовлетворить ненасытной жадности властелиновъ, называющихъ себя союзниками.

§ 11. Одинъ изъ совѣтниковъ Верховнаго Совѣта, который наименуется при назначеніи, будетъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи казенныя имущества, подати и всѣ вообще доходы. Онъ въ Совѣтъ имѣетъ наравнѣ съ прочими совѣтниками голосъ совѣщательный въ дѣлахъ всякаго рода; но касательно дѣлъ по финансамъ, собственно его управленію подлежащихъ, по онымъ совѣтникъ сей подаетъ доклады Верховному Совѣту, отъ рѣшенія коего зависитъ будетъ исполненіе. Торги и всякаго рода условія по части экономической и по всѣмъ принадлежностямъ до финансовъ производитъ совѣтникъ въ своемъ отдѣленіи; но контракты и условія, имъ на мѣрѣ положенныя, утверждаетъ Совѣтъ. Равнымъ образомъ установитъ Совѣтъ строгій контроль по всѣмъ частямъ доходовъ и расходовъ. Къ нему префектуры представлять будутъ отчеты свои, какъ къ верховному начальству управленія въ Герцогствѣ, и по его только постановленіямъ назначаемы и собираемы будутъ налоги.

§ 12. Во всякихъ сомнительныхъ случаяхъ предоставляется право совѣтникамъ подавать письменно мнѣніе свое Совѣту, которое вмѣстѣ съ рѣшеніемъ Совѣта представляется къ свѣдѣнію Его Императорскаго Величества и главнокомандующему арміями.

§ 13. Сообразуясь съ тѣми правилами, кои Государь Императоръ имѣетъ въ виду относительно управленія землями Герцогства Варшавскаго, Совѣтъ въ самоскорѣйшемъ времени составитъ роспись всѣмъ государственнымъ доходамъ и расходамъ и представитъ оную на разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Кромѣ того должна быть составлена особенная табель, съ показаніемъ: гдѣ, и сколько, на какіе сроки въ настоящемъ положеніи герцогства, можетъ быть взято безъ утѣсненія жителей провіантомъ, фуражемъ и прочими припасами, для пропитанія войскъ потребными.

§ 14. Въ особенное вниманіе Верховнаго Совѣта поставляется исправность и безопасность почтоваго сообщенія въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Настоящій почтъ-директоръ Сарторіусъ можетъ быть оставленъ въ семъ званіи; но Совѣту предоставляется, ежели признано будетъ нужнымъ, учредить подъ непосредственнымъ своимъ вѣдѣніемъ особый комитетъ почтоваго сообщенія изъ жителей Варшавскихъ, или придать въ помощь директору чиновника по избранію Совѣта.

§ 15. Новый образъ управленія долженъ въ полной мѣрѣ обезпечить общественное спокойствіе; но ежели бы встрѣтилось, что мѣстныя начальства не будутъ имѣть достаточныхъ способовъ и власти для приведенія въ дѣйствіе законовъ, для исполненія въ точности повелѣній Совѣта и своихъ собственныхъ постановленій: въ такомъ случаѣ, по требованію президента, начальники войскъ обязаны давать онымъ во

временное его распоряженіе столько, сколько по обстоятельствамъ потребно будетъ. Можно даже учредить на пунктахъ по назначенію Совѣта пикеты для наблюденія сообщенийъ между корпусами, для препровожденія военно-плѣнныхъ и для того, чтобы захватывать людей, обличенныхъ въ недоброжелательствѣ къ арміи Россійской, или подозрительныхъ.

§ 16. Верховный Совѣтъ по теченію дѣлъ, на его разсмотрѣніе и рѣшеніе вступать имѣющихъ, учредить наилучшій порядокъ и строго наблюдать будетъ, дабы оный всегда ненарушимо сохранялся, какъ того требуютъ обстоятельства. Ему предоставляется расписать дѣла по роду ихъ на отдѣленія, сочинить постановленіе со всѣми подробностями для успѣшнаго оныхъ производства; составить штатъ содержанія президента, присутствующихъ въ Совѣтъ, секретарей, чиновниковъ и служителей канцеляріи, и представить оный главнокомандующему арміями; отъ Совѣта же зависѣть будетъ избраніе и опредѣленіе сихъ чиновниковъ въ должности, отвѣтственно познаніямъ и способностямъ ихъ.

§ 17. Такъ какъ нѣкоторые чиновники въ префектурахъ удалились отъ своихъ должностей, то Совѣтъ предпишетъ неукоснительный выборъ на ихъ мѣста другихъ изъ сословія дворянскаго, по большинству голосовъ. Въ должности нижнихъ степеней выбранные чиновники допустятся самими префектами; но мѣста префектовъ займутся не иначе, какъ тѣми чиновниками, кои избраны будутъ Совѣтомъ и утверждены Его Императорскимъ Величествомъ.

§ 18. До того времени, когда Совѣтъ открытъ будетъ и вступить въ свои права и дѣйствіе, военныя реквизиціи потребностей для войскъ чинимы будутъ на тѣхъ правилахъ, какъ и теперь, по назначенію генералъ-интендантовъ армій и по ихъ предписаніямъ префектурамъ и мѣстнымъ начальствамъ, основаннымъ на распоряженіяхъ главнокомандующаго арміями и на существенной необходимости. Впослѣдствіи же Совѣтъ, войдя въ ближайшія свѣдѣніе и разсмотрѣніе способовъ земли и сообразуясь съ учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи, изложитъ свое мнѣніе о средствахъ, коими могутъ быть удовлетворяемы потребности армій съ лучшею елико можно удобностію и для войска, и для жителей, и сіе мнѣніе представить главнокомандующему арміями.

§ 19. Президенту Совѣта, яко генералъ-губернатору Герцогства Варшавскаго, предоставляется употреблять по его избранію, чиновниковъ вездѣ въ префектурахъ, гдѣ онъ надобнымъ признаетъ, для наблюденія за скорымъ и точнымъ исполненіемъ армейскихъ требованій по интендантской части.

§ 20. Необходимое число переводчиковъ вытребовано будетъ изъ

пограничныхъ Россійскихъ губерній, изъ коихъ и въ самыя префектуры можетъ Совѣтъ опредѣлять, смотря по надобности.

§ 21. Для скорѣйшаго обозрѣнія предметовъ въ начальномъ образованіи Верховнаго Совѣта, особеннаго вниманія требующихъ, прилагается при семъ записка, заключающая въ себѣ тѣ предметы съ разными объ нихъ свѣдѣніями и нѣкоторыми замѣчаніями.

Подлинное подписалъ: фельдмаршалъ, князь Кутузовъ-Смоленскій. Съ подлиннымъ свѣрилъ генералъ-маіоръ Безродновъ.

Записка о предметахъ въ начальномъ образованіи Верховнаго Совѣта, особеннаго вниманія требующихъ.

Временное занятіе Герцогства Варшавскаго Россійскими войсками требуетъ, чтобы военныя магазены были снабжены припасами, и чтобы устроено было внутреннее управленіе, которое можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: 1) управленіе полиціи; 2) управленіе финансовъ, 3) сохраненіе различныхъ магазиновъ, какъ-то соляныхъ, хлѣбныхъ и проч. 4) смотрѣніе за публичными зданіями; 5) управленіе лѣсовъ, казенныхъ и имуществъ и земель, Французскимъ генераламъ розданныхъ; 6) обратное возвращеніе процентовъ съ розданныхъ государственнымъ казначействомъ суммъ, куда относятся суммы принадлежащія правленію училищъ, суммы улучшенія земель, сохраненныя суммы и такъ называемыя Байонскія *), кои весьма значительны; 7) управленіе табака; 8)—почтъ; 9)—юстиціи; 10)—тюремъ; 11)—госпиталей; 12) надзоръ за духовенствомъ и ихъ училищами, дабы они не были вредны; 13) наблюденіе за удобностію сообщеній, пересылкою рекрутъ, лошадей, скота, кожь, сукна и проч.

Не теряя времени должно приступить къ управленію финансовъ и къ снабженію магазиновъ всѣмъ нужнымъ; но для означенія вышеупо-

*) Байонскія суммы (les sommes de Bayonne) состояли изъ капиталовъ, конфискованныхъ Французскими властями (par les autorités françaises) во время войнъ 1806—1807 годовъ и на основаніи Байонскаго договора 10 Мая 1808 года переданныхъ Наполеономъ Саксонскому королю съ цѣлью улучшенія финансовъ Варшавскаго Герцогства. Капиталы эти состояли изъ суммъ, принадлежавшихъ Берлинскому банку, а также разнымъ благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ. Въ списокъ такихъ учрежденій-собственниковъ звѣчатся: La caisse générale des veuves, la caisse municipale des pauvres de Königsberg, l'Académie des arts et sciences à Berlin, l'Université de Königsberg, le Directoire général des pauvres à Berlin, la caisse des pauvres à Marienwerder, la caisse générale des invalides à Berlin. Общая цѣбра Байонскихъ суммъ достигала въ 1808 году 43.466,220 фр. 51 сант. (Дѣло арх. сен. Новосильцова, № 2 (по описи № 15), о Байонскихъ суммахъ).

мянутых статей нужно прибавить: къ 1-ой, для управления полиціею довольно будетъ нѣсколько нижнихъ чиновъ, но только не подъ предсѣдательствомъ какого либо чиновника префектуръ, уже почти уничтоженныхъ. Нужно, чтобы оныя были подъ надзоромъ мѣстныхъ или уѣздныхъ начальствъ. Къ 2-ой, всѣ свѣдѣнія, относящіяся до финансовъ, отосланы были изъ Плоцка и изъ другихъ мѣстъ въ Краковъ; но въ Плоцкѣ и другихъ уѣздахъ находятся чиновники, могущіе объ оныхъ подать свѣдѣнія. Сверхъ того можно вытребовать отъ жителей квитанціи, изъ коихъ удобно видѣть можно, сколько имъ слѣдуетъ еще заплатить. Весьма нужно узнать состояніе казначействъ уѣздныхъ, солянаго откупа, таможенъ, сбора пошлинъ за гербовую бумагу и обезпечить порядочное теченіе финансовъ.

Съ большою пользою могъ бы по сей части быть употребленъ нѣкто Носсаржевскій, служащій въ государственномъ казначействѣ, если бы по извѣстному характеру своему не былъ онъ опасенъ. Нѣкто Францъ Міоцкевичъ, живущій въ деревнѣ своей близъ Саренска, хотя и не служитъ болѣе по части финансовъ, но весьма честенъ и способенъ ими управлять. Сверхъ того можно употребить начальниковъ различныхъ казначействъ и другихъ чиновниковъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ.

Живущіе въ Варшавѣ отставные таможенные совѣтники Шрадеръ и Дитмаръ съ пользою употреблены быть могутъ.

Къ 3-ей, соляные магазейны будучи важнѣйшими источниками доходовъ, заслуживаютъ величайшее вниманіе.

Множество малыхъ магазейновъ въ уѣздахъ находящихся, могутъ быть вовсе уничтожены; ибо не предвидится большихъ переходовъ войскъ; а если таковыя и случатся, то выгоднѣе будетъ, если войска прямо отъ жителей требовать будутъ для нихъ нужное продовольствіе; а для наблюденія порядка стоитъ опредѣлить исправныхъ комиссаровъ: потому что плутовства чиновниковъ, находящихся при малыхъ магазейнахъ, столь велики, что они стоятъ въ двое, сверхъ угнетеній, кои они причиняютъ многимъ частнымъ людямъ.

Къ 4-ой, что касается до публичныхъ зданій въ Плоцкѣ, то туда относится префектура, домъ епископа, Францишканская церковь, обращенная префектомъ въ театръ, прежде бывший доминиканскій монастырь.

Сія зданія не должны быть подвергнуты грабежу, равно какъ и находящіяся въ главныхъ уѣздныхъ городахъ магазейны и конюшни,

построенные Пруссаками. Въ Варшавѣ, Калишѣ и Позенѣ находится болѣе общественныхъ зданій. Сохраненіе мостовъ и дорогъ, а равно и получаемый съ нихъ доходъ заслуживаетъ такъ же вниманіе.

Къ 5-ой, казенныя имущества отданы были арендаторамъ, коихъ счеты и списки находятся въ порядкѣ. Имѣнія короля Саксонскаго подъ вѣдѣніемъ умнаго и честнаго совѣтника Коломба въ цвѣтущемъ состояніи. Сіе управленіе можетъ равномерно завѣдывать имѣніями, розданными Французскимъ генераламъ и кои ими отданы арендаторамъ.

Весьма полезно какъ можно поспѣшише учредить сіе управленіе, дабы воспользоваться дорогою цѣною хлѣба и получить съ арендаторовъ слѣдующія по контрактамъ деньги. Нужно такъ же рассмотретьъ требованія сихъ послѣднихъ, происшедшія по случаю войны.

Относительно до лѣсовъ, выгодно, что чиновники по сей части находятся на своихъ мѣстахъ. Срубленный и въ разныхъ мѣстахъ находящійся лѣсъ нужно въ скорѣйшемъ времени взять подъ присмотръ и по возможности имъ воспользоваться.

Къ 6-ой, что относится до обратнаго полученія процентовъ, то о томъ можно узнать подробно въ закладныхъ книгахъ (*livres d'hypothèques*); но такъ какъ онѣ отосланы, то лучше призвать всѣхъ должниковъ и подъ наказаніемъ предписать имъ объявить, сколько процентной суммы они должны. Такъ же можно оное видѣть по актамъ. Въ прочемъ нужно весьма спѣшить, потому что нынѣшній годъ былъ весьма плодороденъ; и такъ какъ цѣна на хлѣбъ высока, то и удобно должникамъ выплатить проценты.

Къ 7-ой, изрядно дать полезные совѣты относительно до управленія табака, потому что Польское правительство поступало по сей части весьма неосновательно; можетъ быть, лучше уступить продажу табака, съ коего подать назначить по мѣстамъ, судя, гдѣ продажа оныхъ выгоднѣе.

Къ 8-ой. Почтовое управленіе приносило мало дохода; а теперь оно принесетъ болѣе убытку, нежели прибыли; но надобно оное сохранить въ порядкѣ; къ тому же по сей части много искусныхъ людей.

Къ 9-ой. Касательно управленія юстиціи во время войны, то Варшавскимъ Государственнымъ Совѣтомъ изданъ былъ декретъ, по силѣ коего учрежденъ комитетъ для соблюденія правосудія.

Къ 10-ой. Продовольствіе содержащихся въ гражданскихъ тюрьмахъ обезпечено на одинъ мѣсяць, по прошествіи коего нужно снова озаботиться о продовольствіи.

Къ 11-ой. Еще нужнѣе имѣть смотрѣніе за гражданскими госпиталями, гдѣ больные вѣроятно бы умерли съ голода, если бы докторъ Юри, весьма честный человекъ, и нѣсколько благомыслящихъ гражданъ, не помогли больнымъ Полякамъ и Баварцамъ.

Къ 12-ой. Высшая полиція озаботится, чтобы духовенство и училища ихъ не были вредны правительству.

Къ 13-ой. А такъ же и о томъ, чтобы пути сообщенія, пересылки рекрутъ, лошадей, скота, кожъ, сукна и проч. находились въ надлежащей исправности.

Подлинное подписалъ: фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій.

Копія съ рапорта къ его свѣтлости князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому генераль-губернатора Герцогства Варшавскаго. 6 Марта 1813 г. № 1.

Долженствуя по повелѣнію вашей свѣтлости отъ 4 Марта подъ № 1 обнародовать высочайше подтвержденное Его Императорскимъ Величествомъ образованіе Верховнаго Совѣта для управленія Герцогствомъ Варшавскимъ, имѣю честь просить разрѣшенія вашей свѣтлости: выдавать ли въ публику весь 14 § образованія, или публиковать только выписку изъ онаго, ибо по мнѣнію моему предположеніе о назначеніи г. Серторіуса, кажется, до свѣдѣнія народнаго не касается.

Копія съ письма князю Петру Михайловичу Волконскому *) генераль-губернатора Герцогства Варшавскаго отъ 8 Марта 1813. № 4.

Съ Высочайшимъ опредѣленіемъ меня генераль-губернаторомъ княжества Варшавскаго и президентомъ Верховнаго Временнаго Совѣта я въ слѣдствіе повелѣнія г. генераль-фельдмаршала имѣю обязанность

*) Волконскій, кн. Петръ Михайловичъ (1776—1852), начальникъ главнаго штаба, сопровождалъ Государя на Вѣнскій конгрессъ; когда же засѣданіе конгресса прервалось, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, то на кн. Волконскаго были возложены всѣ распоряженія по передвиженію Русской арміи съ Вислы на Рейнъ.

опубликовать образование того Совѣта; но находя изъ 14 § сего образования предположеніе о г. Серториусѣ не касающемся до народнаго свѣдѣнія, 6-го сего Марта № 1 вошелъ я съ представленіемъ къ его свѣтлости и просилъ разрѣшенія, не получивъ однакожь такового не могу приступить и къ распубликованію означеннаго образования, котораго экземпляры конечно нужно здѣсь напечатать. По неимѣнію въ Варшавѣ Русской типографіи, прошу ваше сіятельство исходатайствовать скорѣйшее разрѣшеніе на упомянутое мое представленіе.

Копія съ письма его свѣтлости князя Кутузова-Смоленскаго генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго отъ 11 Марта 1813 г., за № 23, изъ г. Калиша.

Въ свѣдѣствіе личныхъ объясненій со мною вашего высокопревосходительства по предмету обнародованія Высочайше - подтвержденнаго образования Верховнаго Временнаго Совѣта для управленія Герцогствомъ Варшавскимъ учреждаемаго, въ разрѣшеніе даю знать вамъ, милостивой государь мой, что изъ сего образования обнародовать надлежитъ одни тѣ пункты, которые заключаютъ въ себѣ благотворное попеченіе Его Императорскаго Величества о благосостояніи народа здѣшняго, о водвореніи спокойствія общаго и объ облегченіи участи вообще обывателей герцогства; прочія правила въ образованіи начертанныя оставаться должны для руководства и точнаго по онымъ исполненія съ вашей стороны и со стороны Совѣта.

Копія съ письма его свѣтлости, князя Кутузова-Смоленскаго генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго отъ 15 Марта подъ № 43, изъ г. Калиша.

Вашему высокопревосходительству извѣстно постановленіе въ образованіи Верховнаго Временнаго Совѣта для управленія Герцогствомъ Варшавскимъ учреждаемаго; чтобы для доставленія свѣдѣній по всемъ предметамъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію Совѣта относящимся, вызваны были отъ каждой префектуры по одному депутату изъ почетнѣйшихъ жителей, которые вмѣстѣ должны составлять центральной Комитетъ въ Варшавѣ.

Въ томъ уваженіи, что при самомъ началѣ управленія Герцогствомъ, все тѣ свѣдѣнія, которыя депутаты сіи обязаны представить, Совѣту необходимо будутъ нужны, дабы не тратить времени на новый

выборъ депутатовъ, тогда когда въ каждомъ департаментѣ, какъ извѣстно, есть по нѣскольку избранныхъ уже чиновниковъ, именующихся послами на случай составления по здѣшнимъ правамъ въ Варшавѣ сейма,—Его Императорское Величество соизволяетъ, чтобы въ депутаты Центрального Комитета призваны были изъ сихъ самыхъ пословъ тѣ, которыхъ Верховный Совѣтъ признаетъ достойнѣйшими, соображаясь, кому изъ нихъ наиболѣе извѣстно настоящее положеніе дѣлъ, разсмотрѣнію Совѣта подлежащихъ. Дальнѣйшія подробности по сему предмету объяснить вамъ лично дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Любецкій, которому и дать въ томъ вѣру.

(Объявляя сіе высочайшее повелѣніе къ должному съ вашей стороны исполненію, остаюсь и пр.

*

Верховный Совѣтъ былъ открытъ 24 Марта 1813 года. Въ этотъ же день д. г. с. Данскимъ были посланы соответственныя извѣщенія президенту Варшавской полиціи, меру г. Варшавы и префектамъ: Варшавскому, Ломжинскому, Плоцкому, Люблинскому, Радомскому, Бромбергскому, Познанскому, Калишскому и Сѣдлецкому.

Рапортъ (черновикъ) генераль-губернатора Герцогства Варшавскаго—его свѣтлости господину генераль-фельдмаршалу главнокомандующему арміями и разныхъ орденовъ кавалеру князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, отъ 28 Марта 1813 г. № 162.

По прибытіи въ Варшаву 20 сего Марта я вступилъ въ исправленіе должности генераль-губернатора а вслѣдствіе повелѣнія вашей свѣтлости отъ 4 Марта № 1 обнародовалъ изъ образованія Верховнаго Временнаго Совѣта одни тѣ пункты, которые заключаютъ въ себѣ благотворное попеченіе Его Императорскаго Величества о благосостояніи народа здѣшняго.

Затѣмъ я долженъ былъ приступить къ распоряженіямъ о выборѣ въ Центральный Комитетъ депутатовъ, но получивъ чрезъ князя Любецкаго повелѣніе вашей свѣтлости отъ 15 Марта подъ № 43 оставляю исполненіе по предмету сему Верховному Совѣту.

По прибытіи князя Любецкаго я пригласилъ г. Деколomba и 24 числа сего мѣсяца открылъ Верховный Временный Совѣтъ, о чемъ

повсемѣстно въ княжествѣ Варшавскомъ посредствомъ газетъ и повелѣній отъ имени Совѣта дѣлается обнародованіе. Между тѣмъ Верховный Совѣтъ занимается постановленіемъ о распоряженіяхъ какія предлежитъ учинить по всѣмъ статьямъ образованія сего Совѣта. Дабы привести въ устройство всѣ части внутренняго здѣсь управленія, поручено г. совѣтнику Деколомбу: безъ малѣйшаго промедленія заняться приглашеніемъ всѣхъ чиновниковъ канцелярій существующихъ здѣсь департаментовъ, какъ-то финансовъ, юстиціи и прочихъ, ко вступленію въ прежнія ихъ обязанности, назначивъ помѣщеніе съ актами и дѣлами въ домъ опредѣленномъ для Совѣта. По исполненіи всего того велѣно ему представить Совѣту подробное донесеніе со списками наличныхъ чиновниковъ и тѣмъ, кои въ отсутствіи.

Собственно, послѣднимъ рапортомъ заканчивается дѣло объ учрежденіи Верховнаго Совѣта, если не считать еще одного документа, находящагося въ немъ, именно подлиннаго письма графа А. А. Аракчеева къ В. С. Ланскому. Письмо это слѣдующаго содержанія.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Въ свое время имѣлъ я честь сообщить вашему высокопревосходительству Высочайшія разрѣшенія по нѣкоторымъ статьямъ представленія Верховнаго Совѣта для управленія Герцогствомъ Варшавскимъ учрежденнаго, отъ 4-го Августа *). Остальные предметы оставались для соображенія съ различными бумагами, до Его Величества дошедшими, и соединены нынѣ въ одинъ проектъ указа, прилагаемаго при семъ.

Прежде нежели приступлено будетъ къ рѣшительному положенію, Государю Императору угодно, чтобы проектъ означеннаго указа разсмотрѣли вы, милостивый государь, вмѣстѣ съ г. тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ и сообщили мнѣ общее заключеніе по оному для всеподданнѣйшаго доклада.

Исполняя симъ Монаршую волю, я неизлишнимъ почитаю съ своей стороны упомянуть здѣсь о числѣ войскъ, для коихъ должно по силѣ упомянутаго указа, составить запасы въ Герцогствѣ, дабы въ сужденіяхъ по статьѣ сей не встрѣтилось какого затрудненія:

*) Упомянутыхъ въ этомъ Высочайшихъ разрѣшеній и затѣмъ проекта указа въ дѣлѣ не оказалось.

1) Резервную армию полагать надлежитъ въ числѣ людей и лошадей по особому положенію объ ней, извѣстному г. генералу отъ инфантеріи князю Лобанову-Ростовскому ¹⁾, не исключая ополченія и иррегулярныхъ войскъ при ономъ состоящихъ.

2) О количествѣ артиллеріи при дѣйствующихъ и резервной арміяхъ свѣдѣніе подробное получить можно отъ г. инспектора артиллеріи.

3) Дѣйствующія же арміи заключаютъ въ себѣ 128 полковъ кавалерійскихъ, 152 пѣхотныхъ и 100 казачьихъ, да 16 піонерныхъ ротъ.

4) Сверхъ того считается въ дѣйствующихъ арміяхъ ополченія: коннаго до 15 т. и пѣхоты до 60 т. человекъ.

Пропорція, на сколько мѣсяцевъ содержать въ запасѣ: муки, крупъ и овса опредѣлена быть должна способами земли.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопревосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

№ 22. Гор. Карлеру.
Декабря 9 дня 1813 г.

«КОНРАДЪ - ВАЛЕНРОДЪ».

(Матеріалы изъ архива Н. Н. Новосильцова).

Секретное дѣло о сочинителѣ и поэтѣ Мицкевичѣ. Марта 3 дня 1828 года. № 41 (по описи № 200) на 33 листахъ.

Письмо (черновикъ) Новосильцова къ г.-лейт. графу Курутѣ ²⁾ отъ 3 Марта 1828 г., № 372.

Милостивый государь графъ Дмитрій Дмитріевичъ.

Напедъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ здѣшнихъ Польскихъ вѣдомостей Korrespondent Warszawski, довольно замѣчательную статью,

¹⁾ Кн. Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій (1758—1838).

²⁾ Курута, Д. Д., гр., начальникъ главнаго штаба великаго князя, цесаревича Константина Павловича; по происхожденію Грекъ; былъ опредѣленъ къ цесаревичу для обученія Новогреческому языку. Въ графское достоинство Курута былъ возведенъ въ 1826 году.

я имѣю честь препроводить переводъ оной на Россійскій языкъ къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшею просьбою представить о семъ Его Императорскому Высочеству Цесаревичу ¹⁾. Неизлишнимъ считаю присокупить, что упоминаемый въ статьѣ сочинитель и поэтъ Мицкевичъ ²⁾, принимаемый съ столь чрезмѣрнымъ торжествомъ въ кругу жительствовавшихъ въ С.-Петербургѣ Поляковъ, есть тотъ самый Мицкевичъ, который за принадлежность его къ Филаретскому тайному обществу ³⁾, по высочайше утвержденному положенію, въ 1824 году высланъ изъ Польскихъ губерній во внутрь Россіи съ запрещеніемъ возвращаться въ означенныя губерніи впредь до разрѣшенія.

Выписка изъ письма, полученнаго изъ С.-Петербурга (переводъ изъ Польскихъ вѣдомостей: Gazeta Warszawska, № 26, 1828 г.).

«Мицкевичъ пріѣхалъ сюда ⁴⁾ по литературнымъ своимъ занятіямъ, а также дабы разсѣяться и повеселиться. Принятый Поляками съ восхищеніемъ, Россіянами съ уваженіемъ, приводитъ онъ дарованіемъ своимъ всѣхъ въ изумленіе. Онъ привезъ съ собою въ рукописи свою поэму, подъ заглавіемъ Валенродъ, которая уже отчасти напечатана, въ Польской типографіи. Онъ еще ничего тому подобнаго не написалъ и литература наша еще ничего не имѣетъ, что можно бы было сравнить съ сею поэмою. Я не въ состояніи входить въ разбирательство совершенствъ сего стихотворенія, ибо общее мнѣніе любителей и про-

¹⁾ Великій князь Константинъ Павловичъ (1779—1831), съ образованіемъ Царства Польскаго былъ назначенъ въ 1816 году главнымъ начальникомъ Польскихъ войскъ. Въ 1819 году ему было предоставлено главное наблюденіе надъ гражданскимъ управленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составили территорію прежняго Польскаго королевства, т. е. въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и въ Бѣлостокской области. Подобный же порядокъ установился и въ Царствѣ Польскомъ на мѣстѣ котораго, князь Заіончекъ, по всѣмъ дѣламъ, болѣе важнымъ и въ особенности представляемымъ на высочайшее разрѣшеніе, входилъ въ предварительное соглашеніе, съ цесаревичемъ. Какъ братъ императора, Константинъ Павловичъ скоро сдѣлался какъ бы вице-королемъ Царства Польскаго (П. Майковъ. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. „Русская Старина“, 1902 г. Октябрь, и 1903 г., Июль).

²⁾ Адамъ Мицкевичъ, род. въ 1798 г., ум. въ 1855 г.

³⁾ Тайное общество университетской молодежи въ Вильнѣ, образованное въ цѣляхъ нравственнаго и политическаго возрожденія Польскаго народа.

⁴⁾ Изъ Москвы, гдѣ онъ служилъ въ канцеляріи ген.-губернатора. У С. А. Соболевскаго, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ Лопыревскаго, давалъ ему прощальный улаивъ, на которомъ молодой С. П. Шевыревъ провозгласилъ: Самодержавія скипетръ желѣзнымъ перекуемъ въ кинжалъ свободы. Такъ перемѣнчивы люди и переходчивы времена. Собравшіеся конечно не разумѣли по польски. П. Б.

тивниковъ дарованій Мицкевича единодушно признаётъ ему стихотворческій вѣнокъ. Онъ имѣлъ уже и передъ симъ способность импровизации, однакожъ рѣдко импровизовалъ, выбирая предметы маловажные; нынѣ усовершенствовалъ онъ сію способность въ наивысшей степени. Если находится онъ въ пріятельской бесѣдѣ, если звукъ фортепіано, флейты или отечественной пѣсенки возбуждаетъ его чувствованія, то проситъ задать ему тему и въ тоже время начинаетъ произносить стихи съ такою силою воображенія, такъ изящно и стремительно, что слушатели ни своимъ ушамъ, ниже душѣ своей вѣрить не могутъ. Вечеръ передъ Рождествомъ проводили мы вмѣстѣ. Былъ то день именинъ Адама х. I. S., S. hr. J. Нашъ любезный Орловскій *) и множество Поляковъ, жительствовавшихъ въ Петербургѣ, собрались въ домъ Адама Р Кто въ сей несравненной день не былъ съ нами, да сожалѣетъ о томъ, ибо ничего подобнаго не увидитъ во всю свою жизнь. Два отличныя дарованія состязались одинъ съ другимъ. Первый нарисовалъ въ продолженіе двухъ часовъ карандашемъ 14 рисунковъ, плоды вдохновенія и гения; другой силою творческаго поэтическаго дарованія импровизовалъ нѣсколько сотъ стиховъ. Торжествомъ его дарованія была трагедія. Онъ просилъ, чтобы изъ отечественныхъ событій задать ему тему. Его окружили съ восторгомъ. Стихотворецъ всталъ посреди насъ, и я ему предложилъ тему: Самуила Зборовскаго. Онъ вышелъ въ другую комнату; мы ожидали въ молчаніи его возвращенія и едва успѣли мы въ нашей памяти собрать современныхъ особъ и событій, какъ онъ опять къ намъ возвратился, и трагедія была уже готова. Казалось, что какое-то божество говоритъ его устами: съ непостижимою стремительностію произносилъ онъ сцены, которыя со стороны силы и изящности стиховъ равняются съ превосходнѣйшими сценами Шекспира. Онъ произнесъ безъ остановки нѣсколько сотъ стиховъ и окончилъ бы сіе превосходное твореніе гения, но въ рѣчи Замоискаго къ Самуилу упалъ онъ почти въ обморокъ на кресла. Раздался въ одно мгновеніе плачь удивленія и гласъ удивленія, а нѣкоторые стояли подобно окаменѣвшимъ, обративъ взоры свои на предметъ своего обожанія.

Замѣчаніе. Самуилъ Зборовскій, мужъ знатной породы и нрава безпокойнаго, бѣжалъ изъ Польши по поводу учиненнаго имъ смертоубійства. Осужденъ будучи на смерть, возвратился онъ впоследствии въ отечество, презирая приговоръ суда, и умножилъ свои преступленія, покушаясь на жизнь своего благодѣтеля, короля Стефана Баторія и грозя смертію канцлеру Замоискому. Сей послѣдній, схвативъ его въ

*) Извѣстный художникъ, питомецъ Императорской Академіи Художествъ; род. въ Варшавѣ въ 1777 г., ум. въ 1836 г.

предѣлахъ вѣрненнаго ему Краковскаго судебнаго округа, приказалъ его казнить смертію, что и было исполнено».

Рапортъ (черновикъ) Новосильцова великому князю Константину Павловичу, отъ 10 Апрѣля 1828 г., № 582 *).

Въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ вмѣнилъ я себѣ въ обязанность довести чрезъ начальника главнаго штаба Вашего Императорскаго Высочества, графа Куруту, до Вашего Высочества свѣдѣнія статью, помѣщенную въ Варшавскихъ Вѣдомостяхъ о Польскомъ стихотворцѣ Мицкевичѣ. Въ сей статьѣ упоминалось, что Мицкевичъ, принятый жителями въ столицѣ Поляками съ толикимъ отличіемъ, пріѣхалъ туда для напечатанія новой своей поэмы, названной имъ Конрадъ Валенродъ.

Впослѣдствіи получилъ я напечатанный въ С.-Петербургѣ экземпляръ сей поэмы и нашелъ содержаніе оной заслуживающимъ вниманія правительства до такой степени, что осмѣливаюсь представить объ ономъ Вашему Императорскому Высочеству съ моими заключеніями.

Извѣстно, и уже неоднократно замѣчаемо было, что Польскіе писатели превозносятъ дѣянія предковъ, твердятъ о народной славѣ, о великихъ подвигахъ Польскихъ полководцевъ и правителей и тѣмъ стараются питать Польскій патріотизмъ. Доколѣ такое стремленіе остается въ надлежащихъ границахъ, оно не заключаетъ въ себѣ еще ничего предосудительнаго. Въ областяхъ прежней Польши, къ Россіи присоединенныхъ, не отмѣнено ни прежнее законодательство, ни судопроизводство, ниже употребленіе Польскаго языка. Полякъ оставленъ Полякомъ и, будучи вѣрнымъ подданнымъ нынѣшнихъ своихъ государей, можетъ любить свой языкъ и переданные отъ отцовъ обычаи и уставы. Ежели патріотизмъ его не выходитъ изъ сего круга, то онъ не есть преступнымъ и имѣетъ основаніе свое въ всемілостивѣйшихъ государей Россійскихъ о присоединеніи Польскаго края объявленіяхъ.

* Этотъ рапортъ уже былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ за 1903 г. (Ноябрь) въ сообщеніи г. Н. Д.: „Н. И. Гречъ, Ф. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ“ (Матеріалы для ихъ біографій). Тамъ же помѣщено составленное, повидимому, не безъ участія самого Ф. В. Булгарина, весьма интересное „Объясненіе на представленіе дѣяств. тайнаго совѣтника Новосильцова о вредномъ духѣ сочиненія Польскаго писателя Мицкевича, подъ заглавіемъ „Конрадъ Валенродъ“ и о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина“. Авторъ сообщенія, очевидно, имѣлъ въ рукахъ подлинникъ рапорта Новосильцова потому что, по сравненію съ черновикомъ, въ напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ рапортѣ встрѣчаются нѣкоторыя, правда, весьма маловажныя, измѣненія въ текстѣ, въ родѣ: „магистръ“, вмѣсто „иسترъ“, и выпущенъ Итальянскій текстъ эпитафіи къ поэту. Мы помѣщаемъ здѣсь черновикъ рапорта Новосильцова лишь въ видахъ цѣлостности нашего сообщенія.

Но дѣло пріемлетъ другой видъ, коль скоро съ таковымъ патриотизмомъ соединяются мечтанія о будущей независимой Польшѣ, и когда сочиненія Польскихъ писателей клонятся къ питанію въ душахъ своихъ соплеменниковъ подобныхъ мыслей; ибо въ такомъ случаѣ они противны вѣрноподаннической преданности, отторгая сердца ихъ отъ дѣйствительнаго отечества и привязывая къ какому-то еще несуществующему и будущему.

Если таковыя сочиненія вредны и даже преступны, то какъ назвать тѣ, которыя, будучи облечены въ заманчивую красоту поэзіи, учатъ питать скрытную вражду, притворную преданность и готовить соотечественникамъ, почитаемымъ за иноземцевъ, потому что они не соплеменники, самую коварнѣйшую измѣну? Къ сочиненіямъ сего рода принадлежитъ поэма Мицкевича, подъ названіемъ Конрадъ Валенродъ, содержаніе коей я осмѣлюсь вкратцѣ представить. Сочинитель назвалъ книгу свою историческою повѣстію и чтобы связать исторію съ стихотворческими своими вымыслами, дѣлаетъ онъ слѣдующія предположенія, истинной Исторіи совершенно противныя.

Онъ предполагаетъ, что Литва и Пруссія составляли одно государство, находившееся подъ владѣніемъ Литовскихъ князей, и что извѣстный рыцарскій орденъ, называемый Тевтоническимъ (l'ordre Teutonique, der deutsche Ritterorden), завладѣвъ въ XI столѣтіи Пруссією и Лифляндією, отнялъ у Литовцевъ ихъ достояніе. За симъ предполагаетъ онъ, что жившій въ XIV столѣтіи (1392) начальникъ означеннаго ордена или великой мистръ Конрадъ Валенродъ, неудачно съ Литвою воевавшій, былъ не Нѣмецъ, а природный Литвинъ. Будучи въ юности своей плѣненъ рыцарями, онъ у нихъ воспитанъ и мистромъ облагодѣтельствованъ какъ родной сынъ; однакоже воспитаніе и благодѣянія не переѣмили его мыслей: онъ оставался въ душѣ своей Литвиномъ и, желая отмстить рыцарямъ, скрылся въ свою родину, но вторично къ нимъ возвратился и, питая въ сердцѣ мщеніе, подъ ложнымъ Нѣмецкимъ названіемъ Валенрода, до такой степени въ войнахъ съ Испанцами отличился, что былъ избранъ орденомъ великимъ свѣимъ мистромъ. По снисканіи сего верховнаго достоинства, уже въ преклонномъ вѣкѣ и въ сѣдинахъ, употребляя всю свою жизнь къ приуготовленію своего умысла, онъ приводитъ наконецъ въ исполненіе ужасное предпріятіе, о которомъ помышлялъ съ юныхъ лѣтъ. Уговоривъ орденъ начать войну съ Литвою, собираетъ онъ, какъ полководецъ, всю орденскую силу, даетъ о томъ знать Литовцамъ, устраиваетъ съ ними вмѣстѣ скрытныя засады, ведетъ затѣмъ воинство, которое вѣрять ему какъ своему начальнику, и предаетъ оное неизбѣжной гибели, посредствомъ измѣны, голода и холода.

Вотъ ужасный герой, котораго г. Мицкевичъ выбралъ для своей поэмы, украсивъ ее всѣмъ блескомъ поэзіи, коимъ токмо могъ располагать. Не нашедъ и, можно сказать, къ чести историческихъ лицъ, въ дѣйствительной исторіи столь гнуснаго характера, онъ самъ его выдумалъ, въ чемъ признается въ замѣчаніяхъ къ своему сочиненію. Наперсникомъ его дѣлаетъ онъ стараго пѣвца, именемъ Галбана, подъ личиною котораго вѣроятно изображаетъ самого себя. Когда тайное судилище, узнавъ о измѣнѣ Валенрода, осуждаетъ его на смерть и посылаетъ исполнителей своего приговора, тогда Валенродъ, предпочитая умереть отъ собственныхъ рукъ, выпиваетъ чашу съ ядомъ, половину коего предлагаетъ пѣвцу; но сей смерть сію отвергаетъ, говоря: «Нѣтъ, я переживу и тебя, сынъ мой, я хочу жить и закрыть тебѣ очи, жить, чтобы славу твоего поступка (т. е. вышеописанную неблагодарность и гнусную измѣну) сохранить въ памяти людей и разгласить по всему свѣту. Я обойду Литовскія села, замки и города, а куда не дойду—туда достигнетъ моя пѣснь. Бардъ будетъ пѣть ее воинамъ въ сраженіяхъ, а мать, въ домѣ, своимъ дѣтямъ. Такъ я буду воспѣвать твой подвигъ, и изъ пѣсни моей возстанетъ въ грядущемъ времени мститель нашихъ костей».

Обращая теперь вниманіе на то, что Мицкевичъ выдумалъ прославляемый имъ подвигъ Валенрода, коего, по свидѣтельству историковъ и самаго Мицкевича, онъ никогда не совершалъ, а также на то, что Нѣмцы никогда въ Литвѣ не владычествовали, что напротивъ того, во времена Валенрода Литва имѣла своихъ независимыхъ и могущественныхъ князей (владѣнія коихъ заключали въ себѣ области, составляющія нынѣ губерніи Литовскія, Минскую, Бѣлорусскія, Подольскую и Волынскую и даже часть Херсонской губерніи и Царства Польскаго) не должно ли за тѣмъ заключать, что Мицкевичъ мечтаетъ о какомъ-либо будущемъ Валенродѣ, который имѣетъ мстить за разрушеніе Литовской независимости, на которую рыцари никогда и не покушались? Прославляя впередъ мнимаго выдуманнаго Валенрода, надѣется онъ, можетъ быть, возбудить дѣйствительно и оживитворить въ будущей исторіи героя, въ его мечтаніяхъ возникшаго. Къ такому заключенію ведетъ, кромѣ двусмысленнаго содержанія многихъ стиховъ въ его poemѣ, Итальянскій эпиграфъ на заглавномъ листѣ, гдѣ сказано: *Dovete adunque sapere como sono due generazioni di combattere.... bisogna essere volpe e leone, т. е. вы должны еще знать, какъ должно сражаться съ двумя поколѣніями.... надлежитъ быть лисицею и львомъ.* На что подобное изреченіе, взятое вѣроятно изъ Махіавеля или другихъ подобныхъ политическихъ писателей, помѣщать на заглавномъ листѣ сказки,

писанной въ стихахъ, есть ли она дѣйствительно одна сказка и не имѣеть другой сокровенной цѣли ¹⁾?

Но цѣль сія обнаружена. Она состоитъ въ стремленіи согрѣвать угасающій патриотизмъ, питать вражду и приготавливать будущія происшествія, учить нынѣшнее поколѣніе быть нынѣ лисицею, чтобы со временемъ обратиться во льва.

Вотъ въ кратцѣ изложеніе о политической цѣли сочиненія.

Теперь осмѣлюсь я представить еще нѣсколько замѣчаній относительно вліянія, которое оно можетъ имѣть на нравственность.

Герой, похвалу котораго будутъ пѣть во всѣхъ Литовскихъ селахъ, замкахъ и городахъ, и матери поставляютъ въ примѣръ своимъ дѣтямъ, описываетъ самъ себя слѣдующимъ образомъ.

«Внезапно раздается вопль, кричатъ: «Непріятель въ городѣ, берите оружіе!» Отецъ мой устремился имъ навстрѣчу и болѣе уже не возвращался. Нѣмцы вбѣжали въ нашъ домъ; одинъ изъ нихъ схватилъ меня, посадилъ на коня и увезъ. Лѣта юности проходили, я жилъ посреди Нѣмцовъ, какъ Нѣмецъ, имя было Нѣмецкое, но душа осталась Литовскою; сердце питало тоску по отчизнѣ и ненависть къ чужеземцамъ. Винрихъ, мистръ рыцарей *воспиталъ меня въ своихъ чертогахъ, онъ самъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ, любилъ и лобызалъ какъ сына;* но я скучалъ въ его дворцѣ и убѣгалъ его, обращаясь съ старымъ Литовскимъ пѣвцомъ, взятымъ Нѣмцами въ полонъ; *онъ ²⁾ внушалъ мнѣ ненависть къ врагамъ и мсть.* Помню, какъ я, возвращаясь въ замокъ, *точилъ скрытно ножъ,* съ какимъ восторгомъ мщенія рѣзалъ ковры Винриха, билъ зеркала и на свѣтлый щитъ его металъ песокъ и плевалъ. Когда я, слушая рассказы стараго пѣвца, внутренно терзался и хотѣлъ рѣзать рыцарей, то пѣвецъ мнѣ говорилъ: *подожди еще и присмотри къ военному искусству Нѣмцевъ, старайся снискать ихъ довѣріе, а потомъ увидимъ, что нужно будетъ дѣлать».*

Вотъ признанія молодаго Литвина, которому, по собственнымъ его словамъ, рыцари спасли жизнь и мистръ воспиталъ у себя какъ сына. Теперь выписываю еще послѣднія слова его, когда, сдѣлавшись главнымъ полководцемъ и погубивъ измѣною все войско, онъ самъ превозноситъ свой подвигъ.

¹⁾ Замѣчательно, что, полвѣкъ спустя, извѣстный Польскій критикъ, Леонъ Роговскій, разбирая Конрада Валенрода (Hystorya Literatury Polskiej. Warszawa 1871. tom II, str. 382) и, понятно, преклоняясь предъ Мицкевичемъ, все таки не могъ не воспутъся вопроса объ имморальности этой поэмы, высказавъ въ общемъ, хотя и осторожно, тоже самое, что говорилъ Новосильцовъ. „Poemat Kanrad Welenrod ma wiele niedostatków... Moralność utworu bardzo niebezpieczna; zarówno tez watpliwa jak epigraf wzięty z Machiawela: sono due generazioni di combattere, bisogna essere volpe e leone“...

²⁾ Слово „онъ“ подчеркнuto два раза.

«Я готовъ умереть, чего вы болѣе требуете? Хотите ль отчета въ томъ, какъ я начальствовалъ по вѣренному мнѣ званію? Смотрите на столь многія тысячи погибшихъ воиновъ, на города въ развалинахъ, на горячія села. Слышите ли ревъ вѣтра? Онъ гонитъ снѣжную вьюгу, тамъ мерзнуть остатки вашихъ полковъ. Слышите ли? Воютъ стаи голодныхъ псовъ, они грызутся между собою за остатки труповъ. Я совершилъ сіе, я горжусь и удивляюсь самому себѣ, что однимъ ударомъ могъ отрубить у гидры толикое множество головъ.»

Мнѣ кажется, что подобныхъ характеровъ не слѣдуетъ поставлять въ примѣръ, и есть ли съ одной стороны допустить, что враждебныя помышленія и стремленіе къ свободѣ суть чувствованія, свойственныя побѣжденнымъ, оправдывающія даже неблагодарность и самую измѣну, то изъ того слѣдовало бы съ другой стороны заключеніе, что побѣдители обязаны совершенно истреблять побѣжденныхъ, ибо сіи послѣдніе не хотятъ мира, но готовятъ скрытымъ образомъ войну, воспитывая къ тому и послѣдующія поколѣнія.

С.-Петербургская цензура, дозволивъ напечатаніе поэмы Мицкевича, поступила, по моему мнѣнію, не только не съ надлежащею осмотрительностію, но даже въ противность § 164 Устава о Цензурѣ 1826 года, гдѣ сказано, что произведенія словесности, противныя нравственности, подлежатъ запрещенію. Характеръ же коварнаго измѣнника Валенрода, выставляемый образцомъ къ подражанію, безъ всякаго сомнѣнія не токмо совершенно противенъ нравственности, но есть высочайшая степень развращенія ума и сердца человѣческаго.

Я представляю о всемъ вышеизложенномъ Вашему Императорскому Высочеству не съ тѣмъ, чтобы обратить какое-либо взысканіе на Мицкевича, ибо мнѣніемъ моимъ есть, что подобные умыслы слѣдуетъ не столько прекращать наказаніями, какъ предупреждать надѣжными мѣрами, но единственно для той причины, чтобы поставить на видъ, какого неослабнаго вниманія заслуживаютъ сочиненія лицъ, дѣйствующихъ по внушеніямъ мнимаго патріотизма.

Мицкевичъ ознаменовалъ образъ мыслей своихъ соучастіемъ своимъ въ тайномъ обществѣ Филаретовъ, къ основателямъ коего онъ принадлежалъ и, будучи вслѣдствіе того, по высочайшему повелѣнію, высланъ изъ Польскихъ губерній, безъ всякаго, впрочемъ, взысканія, описываетъ себя въ предыдущихъ своихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ на Польскомъ языкѣ въ Москвѣ, какимъ-то политическимъ страдальцемъ, изгнанникомъ изъ своего отечества и скитающимся съ скорбящею душою въ странѣ иноземцевъ. О пріѣздѣ его нынѣ въ С.-Петербургъ увѣдомляли Польскія газеты съ необыкновеннымъ восторгомъ. Въ Россійскихъ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ природ-

нымъ Полякомъ Булгариномъ ¹⁾, подъ названіемъ *Съверной Пчелы*, помѣщена въ № 22 слѣдующая статья: «Въ Петербургѣ отпечатано новое сочиненіе *перваго современнаго Польскаго поэта* Адама Мицкевича: Конрадъ Валенродъ, историческая въ стихахъ повѣсть, почерпнутая *изъ событій Литвы и Пруссіи*. Мы давно уже намѣревались поговорить о произведеніяхъ сего поэта; теперь, при изданіи сочиненія, которое *займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ* въ литературѣ Славянскихъ народовъ, мы познакоимъ съ ними нашихъ читателей. Новое сіе сочиненіе съ 3-мя литографическими картинами продается въ книжной лавкѣ Графа ²⁾ по 10 рублей за экземпляръ и проч.»

На что всѣ сіи эмфатическія объявленія о сочиненіи посредственномъ, которое хотя и вмѣщаетъ въ себѣ мѣстами весьма хорошіе стихи, но также и много слабыхъ и незначущихъ и составлено какъ бы изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, съ неравностію къ своимъ частямъ, чего не должно быть въ сочиненіи толико превозносимомъ? Не оказывается ли тѣмъ явное пристрастіе къ сочиненіямъ и сочинителямъ сего рода? Въ Мицкевичѣ видятъ мнимые патріоты репрезентанта тайныхъ своихъ помышленій и, хваля и превознося его сочиненія, распространяютъ мысленно въ другихъ собственныя свои чувствованія.

Осмѣляясь изложить Вашему Императорскому Высочеству сужденіе мое о семъ предметѣ, полагаю заключеніемъ, что для предупрежденія распространенія подобныхъ мыслей посредствомъ печатанія, соотвѣтственно съ цѣлю было бы: предписать Цензурнымъ Комитетамъ, чтобы сочиненія Мицкевича и другія сего рода произведенія Польской словесности, которыя заключаютъ въ себѣ предметы, позаимствованные изъ Польской исторіи или относящіяся до Польскаго націонализма, отсылались къ разсматриванію въ Виленскій Цензурный Комитетъ. Таковою мѣрою можно будетъ безъ огласки и съ успѣхомъ, безъ излишняго, впрочемъ, стѣсненія для словесности, преградить издаваніе вредныхъ сочиненій вышеописаннаго рода.

Небезызвѣстно Вашему Императорскому Высочеству, какое сильное впечатлѣніе и вредное вліяніе имѣла на умы молодыхъ людей Шиллера трагедія: *Разбойники*. Во многихъ мѣстахъ, и именно въ горо-

¹⁾ Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ (1789—1859) Полякъ по происхожденію. Отецъ его, товарищъ Косцюшки, за убійство Русскаго генерала Воронова, былъ сосланъ въ Сибирь въ 1794 году, а мать привезла малолѣтняго сына въ Петербургъ и помѣстила въ Сухопутный кадетскій корпусъ. Выйдя въ офицеры и служа затѣмъ въ Финляндіи, Ѳаддей Булгаринъ бѣжалъ въ Варшаву и поступилъ въ Польскій легіонъ, входившій въ составъ арміи Наполеона. Въ 1820 году онъ появляется въ Петербургѣ какъ литераторъ и впоследствии издатель „Съверной Пчелы“, „Сына Отечества“ и проч.

²⁾ По сообщенію г. Н. Д.: въ книжной лавкѣ Гресе.

дахъ, гдѣ находится университеты, правительства нашлись вынужденными запретить представленіе сей трагедія. Далекое вреднѣйшаго вліянія должно однакожь ожидать отъ сочиненій въ родѣ Валенрода, ибо оно относится къ сильнѣйшимъ чувствованіямъ чловѣческаго сердца и учитъ коварнѣйшей измѣнѣ, непримиримѣйшей враждѣ, представляя оныя благороднѣйшими стремленіями великодушнаго патріотизма.

О всемъ вышепредставленномъ имѣю счастье повергнуть на благоуваженіе Вашего Императорскаго Высочества ¹⁾.

Отъ главнокомандующаго Литовскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича ²⁾ господина дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову.

Изъ розысканія, учиненнаго въ слѣдствіе отношенія вашего высокопревосходительства къ начальнику главнаго штаба моего отъ 3-го прошедшаго Марта за № 372 относительно напечатанной въ Варшавскихъ газетахъ статьи о импровизаціи въ С.-Петербургѣ Польскаго писателя Мицкѣвича, какъ досель извѣстно, оказывается, что служившій въ канцеляріи Министерства Финансовъ Царства Польскаго и посланный по моему распоряженію въ Виленскую губернію на мѣсто родины шляхтичъ Михайло Контковскій сочинилъ оную статью изъ собранныхъ свѣдѣній по пропесшимся здѣсь о импровизаціи Мицкѣвича слухамъ, не имѣя намѣренія припечатать ее въ газетахъ, а отдалъ только для прочтенія сослуживцу своему состоящему и нынѣ въ вышесказанной канцеляріи, шляхтичу Рейнольдъ (Суходольскому ³⁾), который сообщилъ

¹⁾ Въ 1834 году князь Паскевичъ писалъ графу Уварову, что при разсмотрѣніи, по его приказанію, книгъ изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ во время мятежа и послѣ оного, особенное вниманіе обратили на себя стихотворенія Мицкѣвича и, главнымъ образомъ, поэма „Конрадъ Валенродъ“. Содержаніе и цѣль сего сочиненія подробно описаны въ найденномъ въ дѣлахъ въ Бозѣ почивающаго Государя Цесаревича рапортѣ д. с. с. Новосильцова. Справедливость изложенныхъ въ этомъ рапортѣ заключеній подтвердилась вполнѣ послѣдними событіями въ Польшѣ. Къ сему присовокупить можно слѣдующее: бывшій попечитель Краковскаго университета, отставной генералъ-маіоръ, графъ Залусскій, въ объясненіи своемъ комитету мятежниковъ, разсматривавшему дѣйствія разныхъ лицъ, въ подтвержденіе патріотизма своего и содѣйствія къ воспламененію умовъ и приготовленію молодыхъ людей къ возстанію, приводилъ главнѣйшимъ доказательствомъ то, что по распоряженію его перепечатана была въ Краковѣ и распространена въ публикѣ, до мятежа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, поэма „Валенродъ“. (Цензура въ царствованіе императора Николая I. „Русская Старина“, 1903, Май).

²⁾ Печатный бланкъ въ ширину листа (двѣ строчки).

³⁾ Суходольскій, Райнольдъ: поэтъ, авторъ военныхъ и политическихъ пѣсень. Вслѣдствіи служилъ въ Польской арміи; умеръ въ 1831 году. У него былъ братъ Январій, считающійся творцомъ Польской исторической живописи. Онъ тоже служилъ въ арміи, во послѣ 1831 года поселился въ Парижѣ, гдѣ и началъ заниматься искусствомъ, подъ руководствомъ Ораса Верне.

ея тоже для равномернаго употребленія редактору издаваемой въ Варшавѣ газеты подъ названіемъ Польской, Бенедикту Цѣплинскому, а сей уже (какъ объясняется) статью сію, какъ заключающую въ себѣ литературную новость о появленіи между Польскими писателями импровизатора, призналъ заслуживающею помѣщенія въ газетахъ, почему, испросивъ на то позволеніе и одобреніе отъ здѣшней цензуры, приказалъ помянутую статью напечатать въ издаваемой имъ Газетѣ Польской, изъ которой она взята и помѣщена и въ прочихъ издаваемыхъ въ Варшавѣ періодическихъ сочиненіяхъ.

О семъ имѣю честь вашего высокопревосходительства увѣдомить и просить сдѣлать распоряженіе, чтобы поставлено было здѣшней цензурѣ на видѣ, что давать дозволенія на припечатаніе оной статьи въ газетахъ не слѣдовало. Варшава. Маія 29 дня 1828 года.

Генераль-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ.

№ 3111.

**Изъ отвѣта Новосильцова (черновикъ). 3 Декабря 1828 г.,
№ 2025. Графу Дмитрію Дмитріевичу Курутѣ.**

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 1-го сего Декабря за № 6453, о сообщеніи вамъ мнѣнія моего по вступившей къ вамъ просьбѣ отъ удаленнаго отъ должности по Министерству Финансовъ Царства Польскаго и высланнаго на прежнее жилище въ Виленскую губернію подъ надзоръ полиціи за сочиненіе и помѣщеніе въ Варшавскихъ газетахъ статьи о Польскомъ писателѣ Мицкевичѣ, шляхтича Михайла Контковскаго, коею онъ проситъ о дозволеніи ему Контковскому отлучиться изъ настоящаго мѣстопробыванія своего во внутреннюю Россію для присканія мѣста въ государственной или партикулярной службѣ, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что поелику изъ упомянутаго прошенія Контковскаго усматриваю я, что ваше сіятельство въ отвѣвѣ своемъ къ г. статскому совѣтнику, графу Платеру *), отъ 9 (21) Іюня за № 390, изволили объявить соизволеніе Его Императорскаго Высочества Цесаревича, что онъ, Контковскій можетъ ходатайствовать о полученіи себѣ мѣста въ Россійскомъ Государствѣ, то по сему и не нахожу я съ моей стороны препятствія къ удовлетворенію означенному прошенію, его, Контковскаго.

Сообщилъ И. Г. Попруженко.

*) Платеръ, Людвигъ, гр. (1776—1846). Въ 1805 году былъ визитаторомъ Виленскаго университета; въ 1816 г. главнымъ директоромъ государственныхъ имуществъ въ Царствѣ Польскомъ (dóbr i lasow rządowuch); считался правой рукой князя Любецкаго: послѣ возстанія 1831 года уѣхалъ въ княжество Познанское, гдѣ и умеръ.

ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВИЩА ВЕЛИКОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

Въ Московской Руси священнослужители во всѣхъ дѣлахъ писались однимъ именемъ или именемъ съ отчествомъ, а церковнослужители полуименемъ или полуименемъ съ отчествомъ: попь Иванъ, попь Василей, попь Миняй, попь Иванище, попь Иванъ Григорьевъ, пономарь Ивашка, пономарь Ивашка Алексѣевъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ отчествъ на первый взглядъ походятъ на фамиліи, потому что произведены или отъ некалендарныхъ или отъ испорченныхъ Русскимъ говоромъ календарныхъ именъ. Извѣстный расколучитель Иванъ Нероновъ имѣлъ одно отчество, такъ какъ имя отца его Миронъ по Вологодскому говору произносилось, какъ Неронъ. Встрѣчающіеся въ документахъ XVII вѣка Хотмышскій священникъ Иванъ Курбатовъ и Курскій протопопъ Григорій Истоминоу названы такъ по отцамъ ихъ, носившимъ некалендарныя имена Курбата и Истома. Немногіе сверхъ календарнаго отчества имѣли еще некалендарное прозвище, какъ извѣстный расколучитель Суздальскій священникъ Никита Константиновъ Добрынинъ. Нѣкоторые священно и церковнослужители сверхъ отчества или вмѣсто отчества имѣли прозвище, выраженное именемъ существительнымъ, напр. Ростовскій священникъ Георгій Скрипица, ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Васильевъ Насѣдка, Углицкій пономарь (вдовый попь) Ѳедотъ Аѳанасьевъ Огурецъ. Иные имѣли по два прозвища, напр. тотъ же Успенскій ключарь прозывался и Насѣдкой, и Шевелемъ ²⁾.

Такія прозвища были не болѣе, какъ уличныя клички шутивого или уничижительнаго характера. Такія клички имѣли раскольничій попь Иванъ Голубчикъ, распопъ Иванъ Андреевъ (Охлеста ³⁾), расколучитель попь Никита Пустосвятъ и встрѣчающійся въ одномъ архивномъ дѣлѣ попь с. Ратчина Добренскаго уѣзда Григорій Отрепьевъ ⁴⁾. Сынъ боярскій Максимъ Кривцовъ, оговоренный попомъ Григоріемъ въ принадлежности къ расколу, официально называлъ

¹⁾ Оп. Док. и Бум. М. А. М. Ю., XIII, 117, 286.

²⁾ Филаретъ, Обз. Дух. Лит., I, 318.

³⁾ Тупиковъ, Словарь, 13.

⁴⁾ М. Арх. М. Ю., Приказн. стола столбецъ 793, лл. 173—191, 416—422.

его «воромъ и стакавщикомъ попомъ Гришкою», но безъ прозвища Отрепьевъ, которое лишь случайно промелькнуло въ приведенныхъ на справку пыточныхъ рѣчахъ пойманныхъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разбойниковъ: эти послѣдніе показали, что «въ прошломъ въ 183 г. въ селѣ Ратчинѣ разбойнику Сенькѣ Буликѣ прїѣздъ былъ у Покровскаго попа Григорья Отрепьева, и вино пивали»¹⁾.

Среди Московскаго духовенства за XVII и первую половину XVIII вѣка лица съ фамильными прозвищами представляли исключеніе и даже, имѣя прозвища, не писались ими. Составитель «Кирилловой книги» протопопъ Московскаго собора Черниговскихъ чудотворцевъ Михаилъ Стефановъ Роговъ и извѣстный по одному архивному дѣлу священникъ ц. Николы въ Мыльникахъ Павелъ Яхонтовъ²⁾ въ дѣлахъ нагрѣшшихъ приказовъ именовались просто протопопомъ Михаиломъ и попомъ Павломъ³⁾; только извѣстному Успенскому ключарю въ этихъ документахъ официально присвоивается прозвище Насѣдка, да еще Комодаміанскому въ Кремлѣ попу Матвѣю дается совсѣмъ странное прозвище Бова⁴⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка не увеличилось число духовныхъ съ фамиліями: попадаются ц. Елисея Пророка священникъ Иванъ (Сухлянской (1638 г.), ц. Юанна Богослова въ Бронной бывшій протопопъ Иванъ Шматковскій (1670 и 71)⁵⁾ и ц. Покрова въ Левшинѣ священникъ Ѳедоръ Папугаловъ (1693—94 гг.). Въ позднѣйшее время встрѣчаются Благовѣщенскаго собора священникъ Иванъ Шеховъ (1716 г.), Спасскій за Петровскими воротами священникъ Григорій Друковцевъ (1732 г.) и Старопименовскій діакопъ Филиппъ Каретниковъ (1707 г.)⁶⁾. Церковнослужители чаще имѣли прозвища, чѣмъ священнослужители⁷⁾, при чемъ причетники изъ поповичей нерѣдко писались Поповыми⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, л. 188.

²⁾ М. Арх. М. Ю., Бѣлгор. стола, столбецъ 232, л. 232.

³⁾ Забѣлицъ, Матер. для ист. г. Москвы, I, 200, 517.

⁴⁾ Тамъ же, 23, 205.

⁵⁾ Малороссіянинъ, бывшій Глуховскій протопопъ.

⁶⁾ Забѣлицъ, I, 615, 619, 620, 693. Петроп. Книги Москвы 1638 г., 70, 1716 г., 19.

⁷⁾ Напр. с. Домодѣдова пономарь Гаврила Назаровъ сынъ Пузаповъ, с. Васильевскаго дьячскъ Василій Максимовъ сынъ Бѣльской, г. Брянска соборный дьячекъ Ѳедоръ Васильевъ Шпунцовъ (Холмогоровъ, Матер., VIII, 40, 60; Арх. М. Ю. Прик. стола ст. № 817, л. 36). Причетники иногда поступали въ годы „въ церковную дьячковскую службу“ изъ другихъ сословій, напр. изъ посадскихъ людей (М. А. М. Ю., Приказнаго стола, ст. 1044, лл. 149—165). Священники же, поставленные изъ служилыхъ людей по посвященіи назывались только именами и отчествомъ: напр. Добренскій площадной подьячій Ив. Памфил. Присловъ по посвященіи въ попу въ соборную церковь назывался не иначе какъ Ивановъ Памфиловымъ (М. А. М. Ю., Прик. стола столб. 1105, л. 399); братъ землица-сына боярскаго Сем. Ѳед. Окулова, посвященный въ попу, назывался попомъ Романомъ, а не Романомъ Ѳедоровымъ Окуловымъ (Тамъ же, ст. 1065, лл. 44—59).

⁸⁾ Оп. Док. и Бум. М. А. М. Ю., томъ XII, XIII и XIV, указатель.

Употребленіе фамилій среди духовенства распространялось вмѣстѣ съ распространіемъ школьнаго обученія дѣтей духовенства.

Въ немногочисленныхъ духовныхъ школахъ фамиліи учениковъ были исключительно патронимическія, т. е. были тождественны съ отчествами. Всѣ 282 ученика, учившіеся въ Новгородской школѣ съ 1706 по 1729 годъ, имѣли фамиліи патронимическія ¹⁾; такія же фамиліи имѣли въ 1722 г. всѣ 39 учениковъ Тверской школы кромѣ одного «швѣческаго брата» Ключарева, равно какъ и всѣ 40 учениковъ Суздальской семинаріи въ 1744 г. кромѣ одного также «швѣческаго брата» Троицкаго ²⁾; всѣ ученики богословія Смоленской семинаріи въ 1747 г. не имѣли фамилій и перечислялись въ спискѣ просто такъ: «попа Алексѣя Иродіонова сынъ Іаковъ, священника Іосифа сынъ Михайлъ» и т. д. ³⁾. Въ многочисленныхъ школахъ необходимость опознаться среди безчисленныхъ Ивановыхъ и Петровыхъ заставляла давать особое прозвище каждому ученику. Въ Московской Академіи съ Русской школой, имѣвшей въ 1737 г. болѣе 700 учениковъ, только около 200 учениковъ назывались по именамъ ихъ отцовъ, прочіе же имѣли особыя прозвища ⁴⁾.

Въ этомъ дѣлѣ сказывалось и Малороссійское вліяніе, сильное въ то время во всѣхъ областяхъ церковной жизни. Наставники-Малороссы, имѣвшіе фамиліи и писавшіеся ими и въ свѣтскомъ, и въ духовномъ чинѣ, находили страннымъ неимѣніе фамилій учениками и снабжали ихъ фамиліями по Малороссійскимъ образцамъ. Изъ списка учениковъ пѣн-тики и синтаксисы Казанской семинаріи 1738 г., составленнаго Малороссами ⁵⁾, видно, что всѣ ученики имѣли фамиліи на *скій* и совсѣмъ не имѣли фамилій патронимическихъ, если не считать таковыми фамиліи Пльнскій, Ивановскій, Петровскій, замѣнившія, можетъ быть, фамиліи

¹⁾ Оп. Док. и Дѣлъ Арх. Синода, VII, XCVI—CVII.

²⁾ Колосовъ, Ист. Твер. сем., 365; Малицкий, Ист. Сузд. сем. (Гр. Влад. Арх. Ком., VII, 151—154.

³⁾ Сперанскій П. Ист. Смол. дух. сем., I—IV.

⁴⁾ Оп. Арх. Синода, XVI, 846—854. Надо помнить, что въ школахъ того времени были не одни «духовныхъ персонъ дѣти», но значительный процентъ другихъ сословій, начиная съ князей Борятинскихъ и сыновей „советника Топильскаго“ и кончая „служебническими, столярскими и малярскими“ сыновьями и бродягами, „проставшими въ школу въ учителямъ Греческимъ“. Въ Новгородской школѣ при извѣстной жалостливости митрополита Іова къ неприютнымъ дѣтямъ было много „подкидышей“ и „изъ крестьявъ-сиротъ“, а иногда попадались и „сирота, взятый съ мосту“. (Оп. Арх. Свп. VII, СIII—СVII, Сменновскій, Братья Лихуды, 71. 81).

⁵⁾ Кромѣ подписей экзаменаторовъ это видно изъ употребленія и вмѣсто *ы*, напр. фамиліи Сизравскій, Малмижскій, Сувдирскій.

Шльинъ, Ивановъ, Петровъ ¹⁾). Впрочемъ, обычай писаться отчествомъ такъ укоренился среди духовенства, что лица, получившія фамиліи въ школахъ, избѣгали писаться ими. Въ 1728 году въ Москвѣ было семь священниковъ, учившихся въ школахъ, и всѣ они, какъ видно изъ одного синодальнаго дѣла ²⁾, имѣли фамиліи кромѣ священника Успенскаго собора Ивана Христофорова ³⁾; но въ мѣстномъ церковномъ дѣлопроизводствѣ они писались по старому одними отчествами, напр. Колохамовнической священникъ Андрей Гарлецкій—Андреемъ Семеновымъ, Космодамианскій въ Кадашевѣ священникъ Антипа Пещеровъ—Антипой Евдокимовымъ ⁴⁾).

Присвоеніе особой фамиліи или, какъ тогда говорили, прозвища каждому ученику въ теченіе второй половины XVIII вѣка сдѣлалось необходимой формальностью при поступленіи въ духовную школу; но оставалось совершенно неяснымъ, кто и на какихъ основаніяхъ имѣетъ право давать прозвище новичку. Въ этомъ дѣлѣ царили полный произволъ и безпорядокъ. Неученые сельскіе клирики, не имѣвшіе прозвищъ, испытывали большія затрудненія при опредѣленіи въ училища своихъ сыновей.

«Привозить какой-нибудь отецъ своего мальчика въ училище, рассказываетъ въ «Запискахъ сельскаго священника», ставитъ на квартиру, непременно въ артель. Въ артельной квартирѣ непременно уже господствуетъ какой-нибудь великанъ синтаксистъ.... Иногда такихъ господъ собиралось и по нѣскольку на одной квартирѣ. Отецъ обращается къ какому-нибудь и спрашиваетъ: какую бы, милостивый государь, дать фамилію моему парнишкѣ? Тотъ въ это время долбитъ: типто, типтись, типти. Какую фамилію дать?—Типтовъ. Другой такой же атлетъ сидитъ въ это время гдѣ-нибудь верхомъ на конькѣ сѣновала и долбитъ: diligenter—прилежно, male—худо. Слышитъ, о чемъ спрашиваютъ, и оретъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Дай своему сыну прованіе Дилigentеровъ!»... Третій... сидитъ верхомъ на заборѣ и оретъ урокъ изъ географіи: Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ, Гага... «Нѣтъ, нѣтъ, перебиваетъ, дай прозвище сыну Амстердамовъ!» Сбѣгаются всѣ, дѣлается совѣтъ, т. е. крикъ, ругань и иногда и съ зуботрещинами, и, чья возьметъ, того фамилія и останется. Дикій малецъ не можетъ и выговорить-то, какъ его окрестили эти урванцы. Ему пишутъ на бумажку, и онъ

¹⁾ Оп. Свн. Арх., XVI, 605—609.

²⁾ Оп. Свн. Арх., VIII, 404.

³⁾ Слонскій, Буавнянскій, Мишота, Пещеровъ, Гарлецкій и Голенищевъ.

⁴⁾ Забѣлинъ, I, 739, 889.

ходитъ и заучиваетъ иногда чуть не мѣсяць. Съ мѣсяць, по крайней мѣрѣ, было, что спросить кого-нибудь учитель, и человекъ десять бросятся въ карманы за запиской, чтобы справиться, не его ли вызываютъ¹⁾.

Иногда отецъ, имѣвшій фамилію, находилъ ее недостаточно благозвучной и глубокомысленной и выражалъ желаніе дать сыну другую фамилію. Простодушному о. Петру Никитскому «не нравилась» его фамилія, и съ учителемъ Коломенскаго Духовнаго Училища «попомъ Захаромъ» онъ занялся «за рюмочкой» изобрѣтеніемъ фамиліи для своего поступавшаго въ училище старшаго сына. «Обратились къ Латинской грамматикѣ Лебедева, рассказываетъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, стали перелистывать: Celer—скорый, Iucundus—пріятный, не то; Honor, Honestus... А, стой, что онъ у тебя веселый мальчикъ?—Да ничего.—Хочешь Hilaris—веселый? Гиляровъ, какъ тебѣ кажется? Петръ Матвѣевичъ одобрилъ, и сынъ его, шедшій изъ дома Никитскимъ и просто поповичемъ; возвратился Александромъ Гиляровымъ, ученикомъ низшаго грамматическаго класса»²⁾. Но нѣкоторые смотрители и ректоры находили особое удовольствіе въ изобрѣтеніи фамилій для учениковъ³⁾ и не допускали въ это дѣло ничьего вмѣшательства, они давали ученикамъ не тѣ фамиліи, какія родители обозначали въ прошеніяхъ, и мѣняли фамиліи, наслѣдованныя учениками отъ родителей. Фамиліи мѣнялись произвольно безъ всякой видимой причины. Понятно, напримѣръ, почему Раменскій переименовался въ Парнасцова, Сверчковъ—въ Пурикордова, Шалюхинъ—въ Городенкаго; но совсѣмъ не понятно, почему Богословскій дѣлался Орловымъ, Романовскій—Пановымъ и т. п.⁴⁾ Полученная при поступленіи въ училище фамилія далеко не всегда удерживалась въ теченіе всего училищнаго и семинарскаго курса. Иногда ректоръ семинаріи перемѣнялъ фамилію ученика перешедшаго въ семинарію изъ училища: отецъ и дядя протоіерея Пѣвницкаго, называвшіеся въ училищѣ, первый—Грандовымъ, а второй—Фортуатовымъ, въ Тамбовской семинаріи были переименованы, первый—въ Пѣвницкаго, второй—въ Сладкопѣвцева, ректоромъ, не любившимъ Латинскихъ фамилій⁵⁾. Слу-

¹⁾ Рус. Ст. XXVI, 556—557.

²⁾ „Изъ пережитаго“, 68—69.

³⁾ Иные ректоры придавали этимъ перемѣнамъ какое-то непонятное символическое значеніе. Бывшій ректоръ Вологодской семинаріи архіеп. Гавріилъ Розановъ писалъ своему ученику извѣстному прот. Нордову (Телятьеву), что онъ закрылъ „свѣтильникъ“, представляемый протоіереемъ, „покрываломъ подъ именемъ Нордова“ (Волог. Еп. Вѣд. 1897, 73 нео.).

⁴⁾ Малицкий, Ист. Влад. сем., III, 184, 193, 195; Агидевъ, Ист. Ряз. сем., 230.

⁵⁾ Записки пр. Пѣвницкаго, Р. Ст. 1906 г., № 7, 119.

чалось, что фамиліи мѣняли сами преосвященные: епископъ Тамбовскій Іона (1812—1821) на экзаменѣ переименовалъ ученика Шацкого училища Дм. Копобѣвскаго (впосл. Филаретъ, архіеп. Черниговскій) въ Гумилевскаго за смиреніе и малый ростъ, а двоюродному брату Гумилевскаго Никитѣ Тартарову далъ прямо противоположную по значенію фамилію Ангеловъ ¹⁾; на публичномъ экзаменѣ въ Казани въ 1828 г. благочестивый архіепископъ Филаретъ возмутился духомъ, усмотрѣвъ среди училищныхъ учениковъ, носившаго нехристіанское имя Аристотеля Витевскаго ²⁾ и тутъ же перемѣнилъ ему и фамилію и имя, нарекиши Андреемъ Аристотелевымъ ³⁾. Архіепископъ Рязанскій Амвросій Яковлевъ-Ординъ (1804—1809) не любилъ фамилій, оканчивавшихся на скій, и мѣнялъ это окончаніе на въ или нъ; въ желаніи буквально исполнить волю владыки ректоръ архимандритъ Іеронимъ доходилъ до того, что ученикъ Полотебенскій по отсѣченіи скій получилъ фамилію Полотебенъ, которую самъ преосвященный счелъ нужнымъ замѣнить фамиліей Полотебновъ. Не менѣе исполнительны по отношенію къ правиламъ о перемѣнѣ фамилій были у Амвросія и ученики: назначенные въ 1808 г. къ поступленію въ С.-Петербургскую Академію 5 Рязанскихъ семинаристовъ получили дозволеніе перемѣнить фамиліи, послѣ того какъ они изъяснили въ прошеніи слѣдующее: «какъ мы назначены въ С.-Петербургскій Духовный институтъ и должны вступить въ оный такъ, какъ въ новую семинарію, то, приспособляясь къ приказанію, желаемъ перемѣнить свои прозванія» ⁴⁾.

Фамиліи мѣнялись учениками во всѣхъ классахъ и иногда по нѣскольку разъ въ теченіе курса: ученикъ Рязанской семинаріи Яковъ Чувиковскій въ Августѣ перемѣнилъ свою фамилію на Бенедиктовъ, а въ Июль слѣдующаго года оказался уже Бенедиктовымъ. Поводомъ къ перемѣнѣ фамиліи выставлялось иногда неприличіе прежней фамиліи. Въ 1823 г. ученикъ Рязанской семинаріи Кобылинскій былъ переименованъ въ Богословскаго, послѣ того, какъ онъ изъяснилъ въ прошеніи слѣдующее: «воля родителей налагаетъ проименованія на малолѣтнихъ дѣтей. Такъ и я проименованъ Кобылинскимъ отъ моихъ родителей. Но, какъ сіе проименованіе показываетъ нѣчто смѣшное и какъ бы низкое, того ради прошу дозволить прозываться мнѣ Богословскимъ». По той же причинѣ ученикъ Злобинъ получилъ противополож-

¹⁾ Рус. Арх. 1887 г., II, 425.

²⁾ Вѣроятно, искаженіе имени Аристотелій.

³⁾ Благовѣщенскій А. Ист. Казан. дух. сем., 289.

⁴⁾ Аглицевъ, 102—103.

ную по значенію фамилію Добронравовъ вмѣсто просимой имъ фамиліи Гомеровъ ¹⁾.

На ряду съ перемѣнами фамилій по начальственному усмотрѣнію такія перемѣны происходили иногда, такъ сказать, путемъ эволюціоннымъ, вслѣдствіе постепеннаго видоизмѣненія фамиліи ученика. Въ Казанской семинаріи ученикъ Столбищенскій при поступленіи былъ названъ Роевымъ, затѣмъ фамилія его измѣнилась въ фамилію Раевъ, а въ концѣ концовъ въ Ройевъ, подъ которой онъ и былъ исключенъ въ 1849 г. изъ семинаріи ²⁾. Иногда ученикъ самовольно и незамѣтно измѣнялъ свою фамилію въ продолженіе училищнаго курса. В. И. Аскоченскій и его братья при поступленіи въ Воровежское училище назывались Отскоченскими ³⁾; но такъ какъ мальчиковъ стали дразнить «отскочками», то В. Отскоченскій сталъ вездѣ подписываться Аскоченскимъ и, несмотря на сопротивленіе отца, приучилъ учителей видѣть въ тетрадяхъ выдуманную имъ фамилію и укрѣпилъ ее за собою и братомъ ⁴⁾.

Несмотря на обязательное присвоеніе фамиліи каждому воспитаннику духовныхъ школъ, среди духовенства долго ощущался недостатокъ въ фамиліяхъ. Еще въ 30-хъ годахъ XIX вѣка въ иныхъ епархіяхъ «ученые» члены клира въ городахъ составляли половину, а въ селахъ четверть всего наличнаго духовенства ⁵⁾; пропорціоально этому было и число духовныхъ съ фамиліями, полученными въ училищахъ, и въ одномъ, напримѣръ, благочиніи Саратовской епархіи въ 1832 г. изъ всѣхъ 66 наличныхъ членовъ клира только 28 обладали фамиліями. Духовное начальство принимало мѣры къ тому, чтобы фамиліями обзаводились и члены клира, не бывшіе въ училищахъ: въ Іюль 1832 г. Саратовская консисторія разослала по епархіи указъ, въ которомъ говорилось, что при рукоприкладствахъ къ метрикамъ члены клира обязаны писаться именемъ, отчествомъ и фамиліей, «а, какъ многіе изъ священноцерковнослужителей фамилій не имѣють, то указомъ и предписывается избрать себѣ таковыя» ⁶⁾. Само собой разумѣется, что многія изъ этихъ придуманныхъ на-спѣхъ фамилій едва ли были выбраны удачно.

¹⁾ Тамъ же, 289—290.

²⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. сем., 289.

³⁾ По селу Аскошному (Отскочному) Землянск. у.

⁴⁾ Ист. Вѣстн., VII, 89.

⁵⁾ Труды Саратов. Арх. Ком. 1888 г., II, 185.

⁶⁾ Тамъ же, 190.

Всѣ эти обстоятельства до крайности запутывали генеалогію духовныхъ семействъ. Самые близкіе родственники среди духовенства носили не одинаковыя фамиліи: одинъ братъ назывался Оивейскимъ, другой — Казанскимъ, одинъ — Аѳинскимъ, другой — Кастальскимъ, одинъ — Воиновымъ, другой — Борзцовскимъ. Случалось, что изъ семи братьевъ одинъ носилъ фамилію Пѣвницкій, другіе же всѣ назывались Сладкопѣвцевыми ¹⁾. Случалось на оборотъ, что изъ шести братьевъ каждый имѣлъ особую фамилію: въ одномъ духовномъ семействѣ одинъ братъ назывался Петропавловскимъ, другой — Преображейскимъ, третій — Смирновымъ, четвертый — Миловидовымъ, пятый — Скородумовымъ и шестой — Съдуновымъ ²⁾. Въ одномъ извѣстномъ въ Москвѣ духовномъ семействѣ два брата назывались Беневоленскими, третій въ Русскомъ переводѣ Благоволинымъ. Въ семействѣ проф. Ростиславова одинъ братъ назывался Тумскимъ (или Мартиновымъ), второй — Весельчаковымъ, третій — Крыловымъ; при этомъ у Тумскаго сына были Ростиславы, а у Весельчакова — Добровольскіе. Иногда выходили курьезы: напр. у инспектора Солигаличскаго духовнаго училища Скворцова одинъ сынъ былъ Соколовъ, и другой Орловъ ³⁾.

Отличительную черту духовныхъ фамилій составляетъ необыкновенная громоздкость и вычурность. Подражая ученымъ XV и XVI вѣка, передѣлывавшимъ себя изъ Рейхлина въ Каппіона, изъ Шварцерде въ Меланхтона, составители духовныхъ фамилій съ особымъ удовольствіемъ брали ихъ изъ иностранныхъ языковъ и прежде всего изъ Латинскаго, бывшаго языкомъ преподаванія, и изъ Греческаго. Среди учениковъ Московской Академіи и Казанской семинаріи 1737—1738 гг. такія фамиліи, какъ Грацинскій, Хризолитскій, Касторацкій, Робустовскій, Урбаиновскій и Зонарскій, составляютъ еще исключеніе, но потомъ все болѣе и болѣе получаютъ право гражданства и наконецъ дѣлаются преобладающими. Языки Французскій и Нѣмецкій, слабо поставленные въ духовныхъ школахъ ⁴⁾, дали сравнительно немного фамилій, хотя уже въ Суздальской семинаріи въ періодъ 1759 — 1788 гг.

¹⁾ Рус. Ст. 1935 г., № 7, 19.

²⁾ Костром. Еп. Вѣд. 1890 г., неоф. 275.

³⁾ Въ Малороссійскихъ епархіяхъ, наоборотъ, ученики сохраняли фамиліи отцовъ какъ это видно изъ списка учениковъ Волынской семинаріи (Геодоровичъ, Ист. Волын. Сем.). Перемены фамилій тамъ были рѣдки, каковы напримѣръ переименованіе воспитанника Кіевской Академіи Кавунника въ Вельвисккаго (Геннади, I, 138) и Сивачки въ Леванду (Геп., II, 221), послѣднiго въ честь свящ. Леванды, опредѣлившаго его въ Академію.

⁴⁾ Агацъ, 120—121.

встрѣчается нѣсколько фамилій, образованныхъ отъ Французскихъ корней, напр. Бланшевъ, Глоарскій, Дрольскій ¹⁾).

Фамиліи составлялись часто безъ соблюденія какихъ-либо правилъ словообразованія. Отъ существительныхъ женскаго рода образовывались фамиліи съ окончаніями мужескими: напр. отъ имени Паллада—фамилія Палладовъ, отъ Аврора—Авроровъ, т. е. тоже самое, если бы отъ Анна произвести фамилію Анновъ, отъ Надежда—Надеждовъ. Окончаніе приставлялось безразлично и къ корню существительнаго, и къ окончанію именительнаго падежа, напр. Урановъ, Ураносовъ, къ основъ глагола и къ окончанію неопредѣленнаго наклоненія, напр. Толеровъ отъ *tolero*, Фатигаровъ отъ *fatigare*. Лучше всего это видно на примѣрѣ образованія фамилій отъ Латинскихъ существительныхъ *paupertas*, *trinitas* и *tranquillitas*. Всѣ эти существительныя женскаго рода и неравносложныя, т. е. имѣющія въ основъ косвенныхъ падежей одинъ лишній слогъ сравнительно съ основой именительнаго падежа, *paupertas*, род. *paupertatis*. Отъ *paupertas* произведена фамилія Павпертовъ, т. е. отъ основы имен. падежа съ мужескимъ окончаніемъ, подобно тому, какъ, если бы отъ слова дитя произвести фамилію Дитятевъ.

Отъ слова *trinitas* наравнѣ съ образованной отъ основы имен. падежа Триницкій изъ Тринитскій ²⁾ произведена фамилія Тринитатовъ, т. е. отъ основы косвенныхъ падежей, но съ мужескимъ окончаніемъ, подобно фамиліи Дитятевъ. И только отъ слова *tranquillitas* есть фамилія Транквилилатинъ, образованная правильно отъ основы косвенныхъ падежей и съ женскимъ окончаніемъ, подобно фамиліи Дитятинъ.

Обычай произвольно присвоивать ученикамъ мудренныя иностранныя фамиліи господствовалъ среди духовенства до половины XIX вѣка, и за это время составился изрядный наборъ такъ называемыхъ духовныхъ фамилій, нерѣдко съ трудомъ поддающихся толкованію. Съ одной стороны эти фамиліи по ихъ замысловатости весьма часто перевираются и подвергаются опечаткамъ, съ другой стороны объясненія ихъ надо искать въ дебряхъ запутанныхъ библейскихъ родословій, въ именахъ забытыхъ ученыхъ и учебныхъ авторитетовъ и героев не читаемыхъ теперь литературныхъ произведеній, въ особенностяхъ бурсацкаго жаргона и

¹⁾ Малицкій, Ист. Сузд. сем., 158, 171.

²⁾ Нижегород. Епарх. Вѣд. 1868 г., 270.

эпизодах бурсацкой жизни, не известных теперь даже темъ, которые носят эти фамилии и по справедливости иногда тяготеютъ ими ¹⁾).

Новыя фамилии не вытѣснили совершенно прежнихъ, и до сихъ поръ среди духовенства встрѣчается много лицъ съ патронимическими фамилиями, какъ Петровъ, Васильевъ, Марковъ, Гурьевъ и. т. п. ²⁾. Многія изъ этихъ фамилій, испорченныя ранѣ просторѣчьемъ, получили теперь строго календарную форму. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка многіе Московскіе священники стали писаться календарными именами и отчествами, какъ напр. Іоаннъ Іоанновъ, Алексій Антоніевъ, Іоакимъ Іосифовъ, Савва Мелетіевъ ³⁾; точно также и ученики Новгородской школы носили имена и отчества, образованныя согласно со всеми требованіями календаря, какъ напр. Василіевъ, Леонтіевъ, Алексіевъ, Емельянъ Іоаннікиевъ, Феодоръ Дометіевъ и т. п. ⁴⁾. Духовная школа усиленно способствовала такому облагороженію патронимическихъ

¹⁾ Однимъ изъ главныхъ источниковъ послужила давшая официальнаго отдѣла Церковныхъ Вѣдомостей, изд. при Св. Синодѣ (съ 1868 по 1907 г.) и Церковнаго Вѣстника (съ 1875 по 1887 г.); оба эти изданія цитируются просто указаніемъ года и страницъ, напр. 88, 250, 0 (вмѣсто 900), 250, 1 (вмѣсто 901), 250. Также цитируются в Епархіальныя Вѣдомости (обыкновенно официальныя отдѣла или общія нумерація, кромѣ Пензенскихъ и Саратовскихъ, гдѣ съ 1897 г. разумеется отдѣла неофициальный, если не сдѣлано ого ворки). Другіе главнѣйшіе источники цитируются слѣдующимъ образомъ: Бл.—Благовѣщенскій А. Исторія Старой Казанской Академіи; Вл.—Малицкій, Исторія Владимирской дух. семинаріи; Вор.—Памятныя книжки Воронежской губерніи: Ген.—Геннади. Библиографическій Словарь; Д.—Добролюбовъ, Историкостатистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи; Зи.—Знаменскій, Исторія Казанской Дух. Академіи; Каз.—Благовѣщенскій А., Исторія Казанской дух. семинаріи; Каз. Кн.—Богословскія Г., Справочная книга для Казанской епархіи 1904 г.; Каз. Оп.—Историкостатистическое описаніе Каз. епархіи, вып. VI; Костр.—Самариновъ, Памятная книжка Костр. епархіи 1868 г.; Кут.—Кутеновъ, Справочная книга для С.-Петербургской епархіи 1899 г.; М.—Кедровъ П., Московская дух. семинарія; М. А.—Смирновъ С., Исторія Московской Дух. Академіи; Мож.—Можаровскій, Старая Каз. Академія (Чт. О. И. Др. 1877 г., II); О. Р.—Общая роспись Рос. Имп. 1904 г.; Род.—Родосскій, Біографическій словарь студентовъ С.-Петербургской Дух. Ак.; Ряз.—Агицевъ, Исторія Ряз. дух. сем.; С. А.—Смирновъ С., Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи; Сар. кн. 80. Памятная книжка Саратов. губ. 1880 г.; Сзд.—Малицкій, Исторія Суздальской дух. сем. (Труды Вл. Арх. Ком. VII); См.—Сперанскій И., Исторія Смол. дух. сем., С.-пб.—Надеждинъ А., Исторія С.-Петербургской дух. сем.; Тв.—Колосовъ, Ист. Твер. дух. сем.; Теод.—Теодоровичъ, Исторія Волынской дух. сем.; Терп.—Терновскій С., Историческая записка о Каз. Дух. Акад.: Тр. А.—Смирновъ С., Исторія Троицкой Лаврской семинаріи. Фил.—Филаретъ, Обзоръ духовной литературы; Ч.—Чистовичъ, Исторія С.-Петербург. Дух. Акад.

²⁾ Какъ на рѣдкихъ случаяхъ, можно указать на замѣну известному едописцу В. П. Петрову въ Академіи фамиліи Посьпѣловъ патронимическою Петровъ.

³⁾ Забѣлицъ I. 437, 444, 465, 834.

⁴⁾ Оп. Спб. Арх., VII. XCVI—XCVII.

фамилій, замѣняя Ивановъ—Іоанновымъ (Пенз. 68, 330), Васильева—Василіевымъ (Пенз. 68, 208), Еремѣева—Іереміевымъ (З, 164), Малафеева—Малахіевымъ (6, 232), Псаева—Псаіевымъ (Симб. 80, 459), Іевлева—вполнѣ церковнославянскимъ Іовлевымъ (93, 157). Нѣкоторыя фамиліи передѣлывались на Греческій ладъ, напр. Порфирьевъ оказывался Порфиридовымъ (78, 121). При погонѣ за велелѣпіемъ нѣкоторыя фамиліи получили неправильную форму въслѣдствіе вставки лишнихъ буквъ, напр. Иларіоновъ (Вор. 903, 104) вмѣсто Иларіоновъ, Аммосовъ (0, 167) вмѣсто Амосовъ, Осіевъ (З, 181) вмѣсто Осіевъ; нѣкоторыя фамиліи получили форму, не похожую ни на календарную, ни на употребляющуюся въ просторѣчій, напр. вмѣсто Русскаго Вонифатьевъ или Вонифантьевъ явилась фамилія Бонифатіевъ (99, 156), нѣчто среднее между Латинской Бонифаціевъ и Греческой Вонифатіевъ. Наряду съ правильными календарными формами продолжали существовать и старыя испорченныя: наравнѣ съ Евтихіевымъ (2, 138) Евтисеевъ (5, 157), наравнѣ съ Онисифоровымъ (Мож. 99) Анциферовъ (97, 122) наравнѣ съ Уваровымъ—Уаровъ (79, 120), Изотовъ (Сам. 2, 97) вмѣсто Зотиковъ, Ампелоговъ (Орл. 5, 280) вмѣсто Амфилохіевъ¹⁾.

Встрѣчаются фамиліи, произведенныя отъ уменьшительныхъ мужскихъ именъ, напр. Петинъ, Мишинъ, Пашинъ, Яшинъ, (Род., 77, 187, 273), или отъ именъ женскихъ, напр. Мавринъ (Бл. 147), Любвинъ (1, 149), Поликсеніевъ (М. А., 533), Софійскій (Бл., 147). Эти послѣднія фамиліи произведены отъ именъ матерей, напр. Софійскій въ Казанской Академіи былъ сынъ пономарицы Софы (Бл., 147)²⁾. Встрѣчаются даже фамиліи, произведенныя отъ уменьшительныхъ женскихъ именъ, напр. Ганинъ (93, 135), Лидинъ (95, 154), Олюнинъ (97, 172)³⁾.

¹⁾ Г. Баловъ въ статьѣ „Великорусскія фамиліи“ (Р. Арх. 1906 г., № 8, почему то считаетъ изысканіемъ имя Онциферъ, происшедшее изъ имени Онисифоръ черезъ Ансифоръ (Заб. I. 357), равно какъ имена Гордѣй (Мч. Гордѣй, 3 Января), Дѣй (Пр. Дѣй, 19 Юля) и Юда (Ап. Юда, 19 Юля). Впрочемъ, отъ подобныхъ ошибокъ не свободенъ и Словарь Тупякова, считающій некалендарными имена Дѣй (стр. 522), Далматъ (стр. 124), тогда какъ 3 Августа празднуется память преп. Далмата, отличнаго отъ празднуемаго вмѣстѣ съ нимъ Исаакія, Тарахъ (стр. 317), тогда какъ есть мученикъ Тарахъ (12 Октября) и Северианъ (стр. 352), тогда какъ есть мученикъ Северианъ (1 Юня). В. Н. Сторожевъ (Тверское дворянство) также считаетъ „некалендарнымъ“ имя Дѣй (III, 63) и еще имя Зотичъ (IV, 171)—Ζωτικός при пяти мученикахъ в одномъ преподобномъ съ этимъ именемъ.

²⁾ Фамилія Оривинскій (Каз. Кн., 505) отъ с. Оривино-Никольское Козьмодем. у.

³⁾ М. б., фамиліи эти принадлежатъ „иносоставнымъ“. Сравни также названія пастырей: Лдино, дер. Брѣвниц. и Мокшан. уу., Олюнино—2 деревни въ Ярослав. губ. Отъ с. Катина Скопн. у. образована фамилія Катинскій (90, 143).

Патронимическія по формѣ фамиліи давались иногда ученикамъ независимо отъ именъ ихъ отцовъ. Патронимическія фамиліи производились отъ именъ святыхъ, казавшихся оригинальными или благозвучными, напр. Эводовъ (79, 122), Кифинъ (87, 58), Марисовъ (М. 130), Хрисогоновъ (Каз., 291), Альвіанскій (Новг. 4, 1092), Салафилевъ (77, 134) вмѣсто (Салафилевъ ¹⁾). Такія же фамиліи получали воспитанники-стипендіаты по имени духовныхъ лицъ, учреждавшихъ стипендіи. Въ Московской Академіи «на коштѣ» митрополита Платона сохранились пять стипендіатовъ, и учредитель стипендіи поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы «всѣмъ имъ и будущимъ по нимъ именоваться по фамиліи Платоновъ, какимъ прозваніемъ имъ писаться, не только будучи въ Академіи, но и по выпускѣ изъ оной, въ какомъ бы они состояніи ни были» ²⁾). Стипендіаты митрополита Платона именовались или двойной фамиліей, напр. Платоновъ-Музалевскій, Платоновъ-Грещищевъ и наоборотъ Крыловъ-Платоновъ, Иванцовъ-Платоновъ, или просто Платоновыми ³⁾). Въ С.-Петербургской семинаріи была учреждена одна стипендія митрополитомъ Михаиломъ, и стипендіаты назывались Михайловыми, напр. Шабровъ-Михайловъ ⁴⁾, Михайловъ-Аліеновъ, Михайловъ-Георгіевскій, Михайловъ-Флоринскій (Род., 278); въ той же семинаріи стипендіаты митрополита Серафима назывались Серафимовыми, напр. Серафимовъ-Боголюбовъ (Род., 429). Независимо отъ пользованія стипендіями воспитанники получали патронимическія по формѣ фамиліи въ честь особо-уважаемыхъ или покровительствовавшихъ имъ духовныхъ лицъ: напр. ученикъ Иркутской семинаріи Иванъ Поповъ-Ангинскій (впослѣдствіи Иннокентій, митрополитъ Московскій) былъ переименованъ въ Веніамина въ честь управлявшаго четверть вѣка Иркутской епархіей (1789—1814) епископа Веніамина Багрянскаго. Такого же, повидимому, происхожденія фамиліи, произведенныя отъ такъ называемыхъ «монашескихъ» именъ, какъ напр. Серапіонскій (М. А., 563), Гедеоновскій (Орл. 5, 348). Былъ случай, что одно духовное семейство, именно Астраханскаго протоіерея Чумички, получило фамилію Александровыхъ въ 1813 году въ честь Императора Александра I съ дозволенія самого Государя ⁵⁾).

¹⁾ Ап. Евода—7 Сентября, Ап. Кины—8 Декабря. Мч. Мара или Мариса—28 Марта Мч. Хрисогона—22 Декабря, Свмч. Альвіана, еп. Анейскаго—4 Мая. Салафилъ имя архангела. Фамилія Марисовъ, какъ видно изъ примѣра родственника патріарха Николая Ѳедота Марисова, употреблялась и въ XVII вѣкѣ.

²⁾ Смирновъ, Ист. М. Слов. Гр. Лат. Аж., 418.

³⁾ Напр. протопресвитеръ В. И. Заболотскій-Платоновъ официально именовался Платоновымъ (Адр. Кал. 1844 г., 108).

⁴⁾ Надежинъ, Ист. С.-Истерб. сем., 247, 642.

⁵⁾ Родосскій, Біограф. Словарь, 168.

Самыя употребительныя патронимическія фамиліи произведены отъ старорусскихъ некалендарныхъ именъ Бѣляй, Любимъ, Некрасть, Нечай и Смирной—Бѣляевъ, Любимовъ, Некрасовъ, Нечаевъ и Смирновъ. Это объясняется тѣмъ, что 1) эти фамиліи всегда были употребительны во всѣхъ классахъ Русскаго общества и, какъ ходовыя, давались ученикамъ тѣмъ болѣе, что онѣ заключали въ себѣ указанія на извѣстныя физическія и нравственныя особенности учениковъ, 2) эти фамиліи носили нѣкоторые ученики, поступавшіе въ духовныя школы изъ «иносословныхъ»¹⁾, 3) отъ этихъ именъ получили названія многія селенія, и отъ нихъ уже получили фамиліи воспитанники, уроженцы этихъ селеній²⁾. По тѣмъ же причинамъ довольно много фамилій произведено отъ некалендарныхъ именъ Бажень, Безсонъ, Богданъ, Булгакъ, Вешнякъ, Воинъ, Добрыня, Дружина, Жданъ, Истома, Поспѣлъ, Постникъ, Суббота и Третьякъ. Нѣкоторыя сравнительно мало употребительныя некалендарныя имена дали начало довольно употребительнымъ духовнымъ фамиліямъ: Базаръ—Базаровъ, Воронежъ—Воронцовъ, Копосъ—Копосовъ, Неудача—Невдачинъ и Недачинъ, Говоръ (Тупиковъ, 108)—Говоровъ, Глаголь (Тупиковъ, 104)—Глаголевъ, Величко (Тупиковъ, 82)—Величковъ, Величковскій и Величкинъ, Совѣтъ—Совѣтовъ³⁾. Фамиліи этого типа составляютъ переходъ къ фамиліямъ, произведеннымъ отъ названій мѣста родины учениковъ. Въ спискахъ учениковъ вслѣдъ за именемъ и отчествомъ указывалось обыкновенно и *domicilium*, т. е. мѣсто родины (Теод., 218), и было естественно образовать для безфамильнаго ученика фамилію отъ названія этого *domicilium*.

Фамиліи, произведенныя отъ именъ городовъ, встрѣчаются въ двухъ формахъ: онѣ или произведены отъ имени самого города Петропольскій (Каз. кн., 505), Москвинъ, Костроминъ (Тул. 5, 4) или отъ имени его жителей, Казанцевъ, Болховитиновъ, Ростовцевъ (З, 172), Суздальцевъ (Костр. 90, 82), Холмогорцевъ (Уф. 5, 1223). Сравнительно немногія фамиліи, какъ Тамбовскій (Тамб. 35, 714) въ Тамбовской же епархіи,

¹⁾ Архіеп. Псковскій Иннокентій Нечаевъ († 1799 г.) былъ сынъ двороваго чело-
вѣка Нарышкиныхъ.

²⁾ Селенія съ названіемъ Бѣляево встрѣчаются во многихъ губерніяхъ, напр. Твер-
ской, Тульской, Тамбовской и Курской, съ именемъ Нечаево и Нечаевка—въ губерніяхъ
Московской, Саратовской, Пензенской, Курской и Тамбовской.

³⁾ Баженово и Бажановка—села во Влад. и Сарат. губ., Базарово—с. Подол. у.,
Моск. г., Булгаково—села въ Сузд., Саран. и Бузулук. уу. и сельцо въ Дмитріев. у. Кур.
губ., Величково—село Яросл. у., Говорово—села Подол. у. Моск. губ. (Теплые Ставы,
въ Яросл. и Саран. уу., Глаголево—с. Верейск. у., Дружинино—с. Вытегор. у., Копосово—
с. Валахв. у., Воронежъ—с. Кром. у., Добрынь—села Кром. и Сѣв. уу.

произведены отъ именъ епархіальныхъ и вообще большихъ городовъ, такъ какъ не было основанія при большомъ числѣ учениковъ изъ уроженцевъ этихъ городовъ давать кому-либо одному изъ нихъ фамилію по имени общаго для нихъ всѣхъ города; фамиліи, произведенныя отъ именъ такихъ городовъ, обозначаютъ большею частью пришельцевъ изъ другихъ епархіи, напр. Галицкій въ Вятской епархіи (2, 135), Пензенскій въ Томской епархіи (2, 157). Томскій (80, 227) въ Костромской епархіи. Большая часть фамиліи произведена отъ именъ уѣздныхъ городовъ, какъ напр. Дмитровскій (Моск. Некрол., I, 381), Лаишевскій (Каз. 5, 758) и Цивильскій (4, 206), Моршанскій (Тамб. 5, 404) и Темниковскій (Тамб. 5, 442), Сапожковъ (Д. III, 76) и Сапожковскій (Д., II, 293), Опочкій (Род., 8) отъ г. Опочки, Холмогорскій (Каз., 157) и очень любимая фамилія Холмогоровъ¹⁾. Нѣкоторыя фамиліи, произведенныя на первый взглядъ отъ названій городовъ, на самомъ дѣлѣ произведены отъ названій сель, напр. Бронницкій (Род., 54) отъ с. Бронницъ Новг. у., Елецкій (Сзд., 172) отъ с. Елецъ Юрьев. у., Новгородовъ (Тул. 5, 185) отъ с. Новгородскаго Богородиц. у., Новгородскій (Вл., 179) отъ с. Новгородскаго Владим. у., Пронскій (Д. I, 304) отъ с. Прони Зарайск. у. Нѣкоторыя фамиліи произведены отъ названій сель, которыя сами получили названія отъ личныхъ именъ своихъ основателей или владѣльцевъ, нпр. Глѣбовъ (Д., I, 79) отъ с. Глѣбова Рязан. у., Клементьевскій отъ с. Клементьева Дмитр. у. Моск. г., Нектарьевскій отъ с. Нектарьева (бывшій Нектаріевъ монастырь) Твер. у., Алексинскій отъ какого-нибудь изъ нѣсколькихъ сель съ этимъ названіемъ Владимирской губ.²⁾ Фамиліи Красновъ, Красновскій, Красносельскій, Красносельцевъ, Красивскій (Тамб. 95, 381), Добросельскій (О. Р., II, 924) Отрадинъ (87, 56) и Отрадинскій произведены отъ названій, указывающихъ на общій характеръ мѣстности, какъ Красное, Красивое³⁾, Отрада, Отрадное. Весьма многочисленны фамиліи, произведенныя отъ топографическихъ названій, указывающихъ на характеръ устройства поверхности: Высокія и Высоцкія дали фамиліи Высоковъ, Высоковскій (Вол. 97, 232) и Высоцкій, Верхи и Вершины—Верховскій и Вершинскій, Выш-

¹⁾ Бродъ города есть село Холмогоры Задонск. у. Фамилія эта, кажется, давалась независимо отъ мѣста родины. Вообще встрѣчаются фамиліи на *изъ* вмѣсто *скій* отъ имени городовъ, напр. Чебоксаровъ (Каз. 86, 327), Сургутское (3, 182).

²⁾ Иногда отъ названій селъ на свое образуется фамилія въ *въ*, нпр. экзархъ Грузіи Моисей Антиповъ-Богдановъ (†1837) получалъ вторую фамилію отъ с. Богдановскаго Колом. у. (Ген.; II, 336). Иногда отъ села съ названіемъ на *во* или на производятся двѣ фамиліи на *зъ* и на *скій*, нпр. отъ Костина—Костинъ и Костинскій (87, 93).

³⁾ С. Красивое Козлов. у.

нія (многочисленныя въ Тульской, Орловской и Курской губерніяхъ)—Вышнеговскій, Горы, Горки и Горицы (с. Влад. и Шуйск. у.у.), Загорья, Нагорныя (с. Кинешем. у.), Нагорья (с. Пересл. у.), Подгорья (с. Ростов. у.)—Горскій, Горицкій (Вл., 83) ¹⁾, Загорскій, Нагорновъ и Нагорновъ (Костр. 85, 9), Подгорненскій (2, 155) и сложныя Доброгорскій, Глѣбогорскій (Спб., 654), Златогорскій (Сар. 2, 375), Крѣпкогорскій (Сар. 2, 375), Высогорскій (Каз. Оп., 410) ²⁾, Зеленогорскій (Нж. 4, 203) ³⁾, Лысогорскій (Тамб. 95, 384) ⁴⁾; Холмы—Холмскій Холмовскій (78, 111), Курганы—Кургановъ и Курганскій (Тамб. 5, 408), Крутцы (Крутець, с. Вязник. у.) и Крутицы (Крутицы, с. Крапивен. у.)—Крутецкій (Вл. 4, 320) и Крутицкій (Тул. 5, 218), Дебри (с. Вязник. у.)—Дебрскій (2, 132). Вершины (въ губерніяхъ Орловской и Тульской такъ называются овраги)—Вершинскій, Враги (нѣсколько сель въ Саратовской губ.)—Врацкій (Пенз. 71, 233), Приклонъ (Приклонъ, с. Меленков. у.) и Уклоны (т. е. склоны, покатости)—Приклонскій и Уклонскій (См., IX), Логи—Логовскій (Пенз. 71, 270) и Красноложскій (Вор. 903, 15) ⁵⁾, Долы, Дольцы (Дольцы с. Бѣлев. у.), Подолы (Подолець, с. Семен. у.) и Удолы (2 деревни Вязник. у.) и тому подобныя названія низменныхъ и ровныхъ мѣстностей—Дольскій, Долинскій (Пенз. 0, 580), Долецкій (Тул. 5, 217), Подольскій (Нж. 4, 329) и Удольскій (Вл. 4, 454), Понизовскій (Род., 370) отъ с. Понизовье Корчев. у., Ровенскій (Род., 399) отъ с. Ровно Борович. у., Поля (съ эпитетами), Поляны и т. п.—Польскій (Яр. 70, 241), Полянскій, Запольскій, Краснопольскій, Великопольскій, Круглополевъ (86, 77), Высокополянскій (7, 173), Перелого (заброшенная пашня-паръ) — Перелоговъ (Ген., III, 130) ⁶⁾, Луга, Лужки и т. п.—Лужковъ и Лужецкій, Луганскій (83, 54) по с. Луганъ Мещов. у., Елани (открытыя мѣста)—Еланскій (3, 181), передѣлываемую иногда въ Еланскій, Исады ⁷⁾—Исадскій (Арх. 5, 115). Фамилія Лузинъ (Сп. арх., 66) происходитъ отъ лужь—лугъ (Влад.) или лужа (Рязан.). Не менѣе многочисленны фамиліи, указывающія на составъ

¹⁾ Въ Костромской епархіи Горицкій (86, 74) по селу Никольскому-Горицкихъ Нерехт. у. Архіеп. Херсонскій Іоанникій Горскій (†1877) былъ родомъ изъ с. Малаго Погородскаго на Горъ Данилов. у. (Род., 183).

²⁾ Высокая Гора—с. Казан. у.

³⁾ Спасъ-Зеленыя Горы—с. Нижегород. у.

⁴⁾ Лысыя Горы—с. Тамбов. у.

⁵⁾ Красный Логъ—с. Ворон. у. Логъ кромѣ значенія оврагъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Новг. губ.) имѣетъ значеніе лугъ.

⁶⁾ Круглое Поле—с. Мензелин. у., Перелого—с. Сузд. у.

⁷⁾ Исада въ Архангел. губ.—лугъ, Исады въ Поволжьи (село Макарьев. у.)—пристань, рынокъ, Исады въ Пермской губ.—отмель.

и характеръ почвы: Пески и Песочни дали фамиліи Песковъ (Д., II, 110) Песоцкій (Нж. 4, 132) и Песоченскій (Д., I, 61), Каменки и Каменцы—Камневъ, Каменевъ, Каменновъ, Каменскій и Каменецкій (Сам. 2, 112) ¹⁾ Глиница и Глинки—Глинковъ (76, 151), Глинскій, Грязи съ производными—Загряжскій, Болота и Заболотья—Болотовъ и Заболотскій. Ржавцы и Коржавины (мокрыя мѣста, Коржавинскій починокъ Ветлуж. у.) Ржавенскій (7, 399) Коржавинъ (Вол. 97, 209) ²⁾, Суходолы и Суходы (Сухода, с. Сузд. у.)—Суходольскій и Суходскій; Рудни съ производными, означающія мѣста съ рудными залежами, а также и мокрыя, — весьма употребительную фамилію Рудневъ и Рудаковъ, Зарудскій (7, 140), Руднинскій (86, 177), Усолья (2 села Пересл. и Ковров. у.у.)—Усольскій (Вл. 4, 457), Солонцы (Солонецъ с. Яросл. у.)—Солонцевъ (Яр. 70, 243). Въ епархіяхъ приморскихъ встрѣчаются фамиліи, произведенныя отъ названій морей и острововъ: въ С.-Петербургской Балтійскій (2, 153) и Аландскій (Спб., 645), въ Астраханской—Каспиевъ (88, 91); есть и общая фамилія Приморскій (3, 192). Изъ другихъ фамилій гидрографическаго характера попадаютъ слѣдующія: Рѣкинъ (Д., II, 234), Струйскій (87, 48), Порѣцкій (Яр. 5, 5), Великорѣцкій (0, 196), Краснорѣцкій (Тери., 516), Рыборѣцкій (Олон. 3, 828), Сухорѣцкій (Каз. 5, 760), Зарѣцкій Заволжскій (Зн. III, 341), Москворѣцкій (Ген., II, 346), Угорскій (Кал. 5, 221) по р. Угръ, Иргизовъ (85, 44) по р. Иргизу, Лигскій (Яр. 70, 405) отъ с. Иванькова на Лигѣ Ростов. у., Синскій (87, 55), по погосту Синское устье (р. Синяя) Остров. у., Колпскій (79, 134) по р. Колпи, Заколпскій (Вл. 4, 84) отъ с. Заколпья. Меленк. у., Зачеренскій (84, 62) по пог. Зачеренью (р. Черная) Псков. у., Завазальскій (Вл. 4, 397) отъ с. Егорія за Вазалью Ковров. у., Закедскій (Яр. 4, 329) отъ з. Закедь Ростов. у. и т. п., Верховскій и Вершинскій ³⁾, Рѣпновершинскій (82, 50) по с. Рѣпной Вершинѣ Балашев. у. при истокѣ р. Рѣпной, Верхокамскій (Вят. 69, 221), Истокскій (82, 49) ⁴⁾, Устьянскій, Устьяволгскій (Олон. 3, 447) ⁵⁾. Городенскій (отъ Городня въ значеніи свай), Бережковъ (Сзд., 157), Бережковскій (Пенз. 68, 250), Береговскій (Тамб. 63, 42), Прилуцкій ⁶⁾, Криволуцкій (Тамб. 95, 105) ⁷⁾,

¹⁾ Сюда же можно отнести и фамилію Кременскій (7, 113).

²⁾ Того же происхожденія фамилія Лягинъ (Арх. 5, 160) отъ ляга—лужа.

³⁾ Отъ словъ Верховье и Вершина въ смыслѣ истока рѣки.

⁴⁾ Отъ с. Истокскаго Екатеринбург. у.

⁵⁾ Или Устьявольскій (Олон. 3, 452) отъ Устьявольскаго погоста на Онегѣ (притокъ ея Волошка) Каргопол. у.

⁶⁾ Прилукъ изгибъ рѣки, соотвѣтствующій мысъ—луна.

⁷⁾ Криволучье дер. Кирсан. у.

Лимановъ (76, 146), Затонскій (87, 65), Чернозатонскій (Сам. 2, 86) ¹⁾, Надпорожскій (Олон. 3, 447) ²⁾, Ключевъ (Пенз. 0, 5 оф.), Ключевскій, Ключанскій (Вор. 903, 55), Бѣлоключевскій (Пенз. 0, 370 оф.) ³⁾, Криницкій (97, 461), Кладезевъ (Пенз. 97, 512), Студенцовъ, Студенскій и Студенецкій (Тул. 5, 228), Ручьевъ и Заруцкій, Источниковъ, Родниковъ и Родниковскій (Пенз. 2, 568), Гремяченскій (Тамб. 63, 226) отъ с. Гремячка Кирсан. у. и Гремячкинъ (Каз. кн., 201) отъ с. Гремячки-Покровскаго Лаишев. у. Весьма многочисленны фамиліи, произведенныя отъ названій стоячихъ водъ: Озера, Озерки, Озерища и Заозерья дали фамиліи Озеровъ, Озерскій (77, 128), Озерковъ (Вол. 69, 342), Озерецкій (Зн., III, 422), Озерецковскій ⁴⁾, Озерицкій (Ряз., XXXV), Заозерскій, въ Славянскои формѣ Езерскій и Езеровъ (Сад., 172); тѣже имена съ разными эпитетами дали фамиліи Святоезерскій (Вол. 5, 238), Черноозерскій (Псков. 2, 177) по с. Черноозерье Остров. у., Кубенскій (Вол. 69, 343), Ильменскій (39, 163) ⁵⁾, Селигерскій (Новг. 4, 1037), Глубоковскій (Вол. 69, 505) по с. Глубокому Кадник. у. на о. Глубокомъ ⁶⁾.—Пруды, прудки, прудища и запрудки дали фамиліи Прудковъ (Р. Ст. XXXIII, 666), Прудовскій (Тул. 5, 239), Сухопрудскій (Сам. 2, 92), Запруденскій, Запрудскій (Яр. 5, 376).—Въ Великорусскихъ епархіяхъ, въ недавнее еще время покрытыхъ лѣсами, нетрудно встрѣтить фамиліи: Лѣсковъ (3, 146), Лѣсеницкій (Кут., 219), Залѣссскій, Вышелѣссскій (Ряз., XXXVI) отъ с. Вышелѣса Егор. у., Полѣссскій (Род., 368), Борковъ (Ряз. 5, 495), Боровскій, Борецкій (3, 185), Боровицкій (81, 122), Заборовскій, Красноборскій (Вят. 69, 150 неоф.), Борголышкинскій (Яр. 5, 50) отъ с. Бора-Голышкина Данил. у., Дубровинъ, Дубровскій, Дубравицинъ (Фил. II, 141), Дубравицкій (6, 256), Стародубровскій (Ряз. 5, 192), Краснодубровскій (84, 62) ⁷⁾ Задубровскій (Ряз., XXXVI) отъ с. Задубровья Спас. у.—Гаевъ (Ряз. 5, 191), Гайскій (Нж. 4, 336) и Гаевскій (Ряз. 5, 431)—Рамени и раменя ⁸⁾ дали

¹⁾ Черный Затонъ—с. Хвалын. у. Саратов. г.

²⁾ Надпорожскій погостъ на Онегѣ въ Каргопол. у.

³⁾ Въ Пензенской и Саратовской епархіяхъ до сорока селеній съ названіями Ключи и Ключищи.

⁴⁾ Отъ с. Озерецкое Дмитр. у. Моск. губ. (Ген., III, 61).

⁵⁾ Фамилія Ильменскій и Ильменевъ (Тамб. 4, 842) встрѣчается вездѣ гдѣ имѣются Ильмени—озера (проточныя), заросшія по берегамъ камышомъ, нпр. въ Тамбов. у. два селенія.

⁶⁾ Въ богатыхъ озерахъ епархіяхъ, какъ нпр. Олонецкой, весьма часты фамиліи въ родѣ Пидьмозерскій, Почезерскій и т. п. (Олон. 3, 451).

⁷⁾ Пос. Красная Дуброва Спас. у. Тамб. г.

⁸⁾ Рамень—лѣсъ, соседній съ полемъ, Раменье—деревья на опушкѣ (Даль); по другимъ (Обл. сл. 188) Раменье—дремучій лѣсъ, Раменье—деревья на полугорѣ.

фамилии Раменскій, Краснораменскій (Яр. 5, 375) по с. Красно-Раменью Ростов. у.—Гривы (рощи)—Гривскій (Пск. 2, 177) по с. островскаго у.; части лѣса, окруженныя безлѣсными пространствами, равно какъ заповѣдныя и отмежеванныя отъ другихъ, называемыя островами, клинами и осѣками, дали фамилію Островскій, Заостровскій (80, 154 ¹⁾), Высокоостровскій (Спб. указ., церковей 1895 г. 23), Островитиновъ (96, 199), Заклинскій (Сп. арх. 1896 г., 78) по с. Заклинамъ Порхов. у., Лѣсоклинскій (95, 186), Спасоклинскій (Пск. 2, 251) по с. Спасову Клину Холм. у., Осѣцкій (Сп. арх., 55) пос. Осѣкъ-Богородскому Любим. у. и Осѣченскій (Тв. 4, 455) ²⁾.

На характеръ мѣстной растительности указываютъ также фамиліи Парусниковъ отъ слова парусники или паросники, означающаго въ губерніяхъ Орловской ³⁾, Смоленской и Псковской небольшою лѣсъ, и Вересняговъ (Вол. 69, 430) отъ слова вереснягъ, означающаго въ сѣверныхъ губерніяхъ мѣсто, поросшее можжевеловыми кустами. О мѣстностяхъ съ выжженнымъ или вырубленнымъ лѣсомъ напоминаютъ фамиліи: Пожарскій (Нж. 4, 301, отъ с. Пожарков. Сергч. у., Гарскій (Костр. 90, 178) по 2 селамъ Гари Большія Макар. у., Гаровскій (4, 216), Гарицкій (Ряз., XXXII) отъ с. Гариць Спасск. у. Загарскій (Вят. 69, 138) отъ с. Загаръ Вят. у., Погорѣльскій (Яр. 5, 424) ⁴⁾, Пеньковскій (Каз. 67, 252) отъ с. Пеньковъ Мамадыш. у. и Пенскій (Вл. 4, 460) отъ с. Пенья Юрьев. у.

Указаніе на породы деревьевъ, преобладающія въ извѣстной мѣстности, даютъ въ фамиліи, Ельцовъ (Ряз. 5, 324), Елецкій (Псков. 2, 178), Ельниковскій (Яр. 5, 367) отъ с. Георгіевскаго Ельниковъ Углицк. у., Ельцынскій (Вл. 105) отъ с. Ельцына Покров. у., Елоховскій (Яр. 70, 233) отъ с. Елохова Рыбин. у., Соснинъ (4, 199), Сосняковъ (Род., 468), Сосновскій, Соснецкій, Сосницкій, Хвоинскій (Псков. 2, 178) отъ погоста Хвойно Опочец. у., Березинъ, Березкинъ, Березовскій, Березницкій, Березскій (Псков. 2, 301) ⁵⁾, Дубовъ, Дубковъ

¹⁾ По с. Заостровью Архангел. у.

²⁾ Акакій Завяинскій, еп. Енисейскій, былъ родомъ изъ Рижской епархіи, до 1850 г. соединенной съ Псковской, Германъ Осѣцкій, еп. Кавказскій († 1895 г.) былъ родомъ изъ самаго села Богородскаго Любим. у.

³⁾ Парусное дер. Елецкаго у.

⁴⁾ Многочисленныя Погорѣлки и Погорѣлья въ Ярослав. губ. указываютъ не на одніе лѣсныя, но и на деревенскіе пожары.

⁵⁾ Въ одной Псковской губ. 17 названій селеній отъ слова береза: Береза, Березо, Березна, Березкино, Березки, Березники, Березница, Березно, Березюги, Березия, Березовель, Березовицы, Березовка, Березово, Березуги, Березы и Березье.

(Астр. 5, 192), Дубенскій (Кут, 387). Поддубскій (Тв. 4, 456) отъ с. Поддубовъ Вышневол. у., Липинъ (Ряз. 5, 45). Липовскій (Тамб. 5, 479) Липяговъ (83, 71)¹⁾ и Подлинскій (Сп. архіер., 29) отъ с. Подлипы Переслав. у., Хмѣльницкій (Яр. 70, 245) отъ с. Хмѣльники Рост. у., Лапушинскій (Яр. 70, 406) отъ с. Лапушкамъ Пошехон. у., Рѣпенскій (87, 61) отъ с. Рѣпнаго Чернск. у. Насажденія искусственныя, какъ-то Сады, Садки, Вишенки, Вишняки, Яблонки и пр., дали фамиліи Садовъ, Садовскій, Садковскій, Садиковъ (Тв. 4, 10), Вишняковъ, Вишневскій, Яблонскій и т. п. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ и на фауну мѣстности, нпр. Волчанскій (Род., 87) отъ с. Волчья Лебедни. у., Лебязевъ (76, 154)²⁾.

Многія фамиліи указываютъ на характеръ поселеній: Городки, Городцы, Городица, Городни (въ значеніи ограда) и т. п. дали фамиліи Городенкій, Городковъ³⁾, Городенскій (Сп. рект. 1906, 21), Городчанноовъ (Ген., 1, 245; тѣ же названія съ эпитетами дали фамиліи Вышегородскій (Ряз., XXXVII) отъ с. Вышгорода Ряз. у., Милоградскій (Вор. 903, 84) и т. п. Пригороды дали фамилію Пригородовъ (Сзд. 201), сѣла (Село, с. Олон. у), Селища, Сельцо и т. п., Сельскій (Каз. 67, 315), Селецкій (Сзд., 205), Селицкій, Селищенскій (Р. 5, 85), Селяниновъ (91, 131)⁴⁾. Сѣла съ эпитетами Великое, Старое, Новое⁵⁾ и т. п. дали фамиліи Великосельскій, Старосельскій, Новосельскій, Новоселовъ, Новскій (М. 87), Новенскій (СШ., 649), Новоусуенскій (Кут. 267), Новоникольскій (Ряз., XXXIV). Слободы—Слободскій, приселки—Приселковъ (Тв. 4, 338), Деревни⁶⁾ Деревенскій, Весн и Вески—Вескскій (Тв. 4, 348), Весинъ (Род., 73), Весковъ (83, 67), хутора—Хуторскій (Пенз. 83, № 13, 38), погосты—Погостовскій (Тамб. 5, 328), монастыри и монастырщины—Монастыревъ и Монастырскій⁷⁾, Пустыни, пустыньки—Пустынскій, кресты и крестцы (перекрестки) — Крестовъ, Крестовскій, Пятикре-

¹⁾ По с. Липигамъ Скопин. у.

²⁾ Въ Сибирской епархіи. Срав. села съ названіемъ Лебязе въ Лаишев., Николаев. и Ставроп. у. у.

³⁾ Архіеп. Рязанскій Гавриилъ Городковъ († 1862 г.) былъ рождѣнъ изъ с. Городковичей Спас у. Ряз. губ. (Род. 93). Псковская фамилія Городовицкій (81, 105) происходитъ отъ с. Городовика въ Порхов. у.

⁴⁾ Селяниново—с. Черн. у.

⁵⁾ Новое, Ново, Нови, Новинки и т. п.

⁶⁾ Деревенское—с. Спас. у. Ряз. губ.

⁷⁾ Отъ названій подмонастырскихъ слободъ получились нѣкоторыя фамиліи, нпр. Одринскій (Орд. 5, 247) по Одрину монастырю Карачев. у., Флориневскій (Вл. 4, 317) во Флориневой пустыни Гороховец. у.

стовскій (М. 98) отъ погоста Пять Крестовъ Колом. у., Кстовскій (Нж. 68, 246) отъ с. Кстова (Крестово) Нижегород. у. ¹⁾ Стежки (дороги) гумна и загуменья (дер. Устюжск. у.), Гуменскій (80, 161) и Загуменскій (83, 61). Сюда же можно отнести и фамиліи Граничновъ (85, 39. и Пограничскій (86, 77). Стеженскій (Род., 479) отъ с. Стежки Козлов. у). Села, названныя по титуламъ своихъ духовныхъ владѣльцевъ, какъ Владыкино, Владычино, Владычня, Митрополье ²⁾, Игумново (нпр. села Брон., Мож. и Серпух. у. у.), Синодское (села Петров. и Вольск. у.), дали фамиліи Владыкинъ, Владычкинъ, Владыковъ (2, 141), Владычинскій (Яр. 70, 408) и Владыченскій (Яр. 5, 367), Митропольскій, Митрополевскій (76, 131), Игумновъ (95, 176), Синодскій (З. и. III, 433).

Кромѣ фамилій, которыхъ топографическое происхожденіе болѣе или менѣе ясно, существуютъ фамиліи, происхожденіе которыхъ дѣлается яснымъ только послѣ указанія на имя соответствующаго села. Таковы, напримѣръ слѣдующія фамиліи, или вообще употребительныя среди духовенства, или сдѣлавшіяся извѣстными благодаря іерархическому возвышенію или ученой и литературной дѣятельности ихъ носителей: Ангушевъ—с. Ангушева Вѣлозерск. у. и др., Бакшевскій—с. Бакшево Александр. у. Влад. губ. ³⁾, Бичуринъ—с. Бичурино Чебоксар. у. ⁴⁾, Бѣлавинъ (и испорченная Беллавинъ и Вѣлавинъ)—с. Бѣлавино Муромск. у. и др., Бѣлавинская пустынь Вологод. еп., Бѣлинскій, собств. Бѣлинскій, отъ с. Бѣлынъ Нижнеомск. у., гдѣ былъ священникомъ дѣдъ В. Г. Бѣлинскаго (Пыпинъ, 1, 7); Вадковскій и Вадовскій (Тамб. 95, 447)—с. Вадовскіе Селищи на р. Вадъ Спасск. у. Тамб. губ. ⁵⁾; Горьтовскій—села въ разныхъ губерніяхъ, и нр. въ Рязанской и Ярославской, Грибановскій и Грибановъ (Тамб. 95, 390)—сс. Большая и Малая Грибановка Борисогл. у. Тамб. г. ⁶⁾; Дарскій—с. Дарищи Ефрем. у. ⁷⁾, Дебольскій—с. Дебола Ростов. у.; Елпатьевскій—с. Елпатьево Переясл. у.;

¹⁾ Къ тому же роду фамилій относится Замыцкій (Ген. I, 199) отъ с. Замытъ (мытъ) Бѣжецк., у.

²⁾ Нпр. с. Митрополье Дмитр. у. Москов. губ. Тамбов. у. с. Воскресенское, что въ Митропольѣ Вологод. у.

³⁾ Епископъ Черниговскій Лаврентій Бакшевскій († 1837) былъ родомъ изъ Влад. г. (Ген., II, 210).

⁴⁾ Извѣстный синодальн. Іакинъ Бичуринъ былъ родомъ изъ этого села.

⁵⁾ Митр. С.-Петербургскій Автолій Вадковскій уроженецъ Спасск. у.

⁶⁾ Епископы Таврическій Михаилъ Грибановскій и Серпуховскій Анастасій Грибановскій уроженцы Тамбовской епархіи.

⁷⁾ Епископъ Камчатскій Макарій Дарскій († 1892 г.) уроженецъ Тульской епархіи.

Жмакинъ ¹⁾—с. Жмакино - Дмитріевское Бугудьм. у.; Извѣковъ—с. Извѣково Мещов. у., Ильминскій—с. Ильмино Городищен. у. Пенз. губ.; Карелинъ—с. Карелино Ряз. у. ²⁾, Каринскій—с. Карино и Каринское въ разныхъ губерніяхъ, и пр. Въ уу. Звенигородскомъ и Александровскомъ Влад. губ., Кутеповъ—с. Кутепоно Малояроsl. у., с-цо Кутепоно Тульск. у.; Люперсолевскій (Род. 253)—с. Люперсола Яранск. у.; Микулицкій—с. Микуличи Ряз. у. ³⁾, Мышцынъ—с. Мышца Касим. у.; Павскій—Павскій погостъ Лужск. у. ⁴⁾, Полотебновъ—с. Полотебна Скопин. у.; Помяловскій (Род. 369) отъ с. Помялова Новоладож. у.; Раевъ—многочисленныя села и пр. въ уу. Моложскомъ, Чернскомъ и Моршанскомъ ⁵⁾; Сменцовскій (Яр. 70, 95)—с. Сменцово Мышкин. у.; Ундольскій—с. Ундоль Владим. у.

Фамиліи, произведенныя отъ названія сель, положительно преобладаютъ среди духовенства. Если взять списокъ духовныхъ лицъ той или другой епархіи, то въ немъ встрѣтишь почти всю топографическую номенклатуру этой епархіи. Для примѣра можно указать слѣдующія малоупотребительныя, рѣдко выходящія за предѣлы своей епархіи духовныя фамиліи, объясняемыя названіями сель нерѣдко инородческаго происхожденія: Абоносимовъ (Тамб. 5, 411)—Абоносимово, с-цо Козловск. у., Адикаевскій (Пенз. 68, 279)—с. Адикаево Нижнедомов. у., Азановскій (Каз. кн. 97)—с. Азаново Царевококш. у., Аратскій (3, 171)—с. Аратъ Арзам. у., Асакасинскій (Каз. 67, 384) и Асакасовъ (Каз. 74, 234)—с. Асакасы Ядр. у., Атмисскій (1, 140) ⁶⁾—с. Атмисъ Пензенск. у., Баклушинскій (Сар. 2, 315)—сс. Баклуши Балашев. и Вольск. у. ⁷⁾; Берсутовъ (Каз. Оп., 63)—с. Берсутъ-Куюкъ Мамдышск. у., Брынскій (Кал. 5, 277)—2 села Жиздринск. и Мещевск. у. (Брынь), Бушневскій (Костр. 90, 138)—с. Бушнево Чухлом. у.; Вазерскій (Пенз. 90, № 12, 5)—с. Покровскія Вазерки Мокшан. у. Варзугинъ (Арх. 5, 161)—с. Варзуга Кем. у., Вельдемановскій (Род. 69)—с. Вельдеманово Книгин. у., Воецкій (Сам. 2, 21)—с. Воецкое Карсун. и Сенгил. уу. Симб. г., Вошенскій (Сзд. 166)—с. Вошня Юрьевск. у.,

¹⁾ Покойный прот. В. П. Жмакинъ, былъ родомъ изъ Самарской епархіи. Въ смежныхъ съ Самарской епархіяхъ есть мѣстности съ такимъ же названіемъ, Жмакино, с. Саран. у., Жмакино, дер. Сердоб. у.

²⁾ Епископъ Рязскій Веніаминъ Карелинъ (†1874 г.) уроженецъ Рязанской епархіи.

³⁾ Епископъ Вологодскій Израиль Микулицкій (†1894 г.) уроженецъ Рязанской епархіи.

⁴⁾ Оттуда былъ родомъ прот. Г. П. Павскій. Въ Тверской епархіи есть фамиліи Павскій (Гв. 4, 346) отъ Павскаго погоста Весьегон. у.

⁵⁾ Рай въ Нижегородской епархіи, гдѣ много Раевыхъ, значить гуль.

⁶⁾ Подобныя же инородческія фамиліи Колаисовскій (95, 175) отъ с. Колаисъ Кирсан. у., и Катмисскій (Пенз. 90, № 9, 4) отъ с. Катмиса Городищен. у.

⁷⁾ Баклуша—вымошн.

Вышелейскій (Пенз. 90, № 19, 13) и Пролейскій (Пенз. 68, 273)—сс. Вышелей Городищен. у. и Пролей-Салма Саранск. у., Гапоновъ (М. А. 563)—с. Гапоново Рыльск. у.; Долоцкій (Род., 142) отъ пог. Долоцко-Гдов. у.), Дягилевъ (87, 60) отъ с. Дягилова Рязан. у.; Ембовскій (Вол. 69, 343), Ембскій Никольскій погостъ Кадник. у., Ерахторинъ (Ряз. 5, 494) или Рахторинъ (Ряз. 5, 498)—с. Ерахторъ Касим. у.; Ибердусовъ (Ряз. 5, 338)—с. Ибердусъ Касим. у., Икскій (Вят. 69, 32)—с. Икское Устье Елабуж. у.; Иловойскій (Тамб. 5, 407) и Иловаевскій (86, 39)—три села Иловой, Козловскаго у., Кайдалинскій (4, 220)—сс. Большая и Малая Кандаля Ставроп. у. Самар. губ., Кармальскій (Каз. 5, 805)—с. Кармалы Чебоксар. у., Кевдвинъ (1, 140)—с. Кевда Чембар. у., Киватскій (Симб. 80, 78)—с. Кивать Сенгил. у., Киструсскій (Сп. религ. 906, 45)—с. Киструсь Спасск. у. Ряз. губ., Кондаратскій (Каз. 5, 1414)—с. Б. Кондарать Карсун. у. Симб. губ., Коралинскій (Яр. 5, 327)—с. Корала Данил. у., Купленскій (47, 159)—с. Спасъ-Куля Подол. у. Моск. губ., Кутлинскій (Пенз. 90, № 5, 15)—с. Кутля Мокшан. у., Лаидеховскій (89, 372)—сс. Верхній и Нижній Лаидехъ Гороховец. у.; Мегорскій (Род., 269) и Мегринскій (6, 263)—с. Мегро Бѣлозер. у., и Мегорскій погостъ Вышегор. у. ¹⁾, Меликовъ (Сар. 3, 332)—3 села съ именемъ Меликъ въ Балаш. у., Мельцанскій (88, 113)—с. Мельцана Инсар. у., Можаровъ (Род., 202) отъ с. Можары Сапожск. у., Музалевскій (Ген. I, 334) сд. Музалевка Козельск. у., Мясинскій (Яр. 70, 244)—с. Спасъ-Мякса Пошех. у., Недригайловъ (Род., 293)—заштатн. г. Харьков. губ. Недригайловъ ²⁾; Осьминскій (3, 154).—с. Осьмино Гдов. у., Оточевъ (Каз. 67, 475)—с. Оточево Ядрич. у.; Позельскій (Пенз. 3, 557)—с. Пазелки Городищен. у., Пельскій (Сзд. 197)—с. Пеля Лукоян. у., Перевлѣскій (Ряз. XXXV)—с. Перевлѣвъ. Происх. у., Подхвагидовскій (Пенз. 68, 279)—с. Подхвятиловка Цивисломов. у., Поимскій (Пенз. 97, непр. 989)—с. Поимъ Чембир. у. Поникаровскій (сп. рект. 98, 117)—3 с. Поникарова въ Яросл. губ., Потменскій (95, 161)—нѣсколько селеній съ названіемъ Потыма въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ, Правозамскій (0, 187)—с. Правыя Ламки Моршан. у. ³⁾, Разказовскій (96, 286)—с. Разказово Тамб. у, Ракобольскій (Яр. 70, 360)—с. Ракоболь Пошех. у., Рудовскій (Тамб. 5, 442)—с. Рудовка Кирсан. у., Ручимскій

¹⁾ Прот. Г. И. Мегорскій былъ родомъ изъ Олоонецкой епархіи (Род., 268) прот. Е. И. Мегорскій изъ Новгородской (Род. 269).

²⁾ Студентъ XXIII курса П. Е. Недригайловъ обучался въ Курской семинаріи. Недригайловъ, старинный пригородъ Путивля находится на самой границѣ Курской и Харьковской губерній.

³⁾ Есть въ Тамбовской епархіи и фамилія Ламскій (Тамб. 95, 470), вѣроятно, не с. Лавныя Ламки того же уѣзда.

(Пенз. 97, 241)—с. Ручимъ Городищен. у., Саваренскій (Вл. 4, 324)—погость Саварнея Вязник. у., Савватимскій (Тамб. 5, 615)—с. Саватьма Елатом. у., Сакулинь (Сѣд. 204) и Сакулинскій (Вл. 4, 320)—с. Сакулино Вязник. у., Сельдинскій (Симб. 80, 479)—с. Сельдя Симбир. у., Симанейскій (Сар. 2, 615)—с. Симанщина Сердоб. у., Солотчинъ (Д. I, 12)—с. Солотча Ряз. у., Сотемскій (Яр. 6, 375)—с. Сотьма Яросл. у., Стандровскій (5, 206)—с. Стандрово Темник. у., Старосивильскій (Пенз. 90, № 14, 14)—с. Старосивильскій Майданъ Инсар. у., Сцѣпенскій (Вор. 903, III)—с. Сцѣпное Землин. у.; Таболовскій (М., 66)—с. Таболово Подол. у., Тавельскій (Каз. 5, 813)—с. Тавели Мамадыш. у., Тавлинскій (Пенз. 2, 87)—с. Тавла Сарап. у.; Тамицкій (Арх. 5, 166)—с. Тамицы Онежск. у., Танаевскій (Вят. 69, 168)—с. Танайка Елабужс. у., Токмовскій (Пенз. (Пенз. 68, 280)—с. Токмоко Инсар. у., Толпинъ (Д., III, 174)—с. Толпино Скопин. у., Топильскій (Род. 494) отъ с. Тоилы Скопин. у., Торонкій (Сѣд. 211)—с. Торки Сузд. у., Тоцкій (Каз. 5, 841)—с. Тоцкое (Тоцкая крѣпость) Бузулук. у. Самар. губ., Толбинскій (Каз. 5, 804)—с. Б. Толба Тетюш. у., Туношенскій (Род. 502)—с. Туношино Яросл. у., Турдакинъ (Пенз. 0, 579)—с. Турдаки Сарап., Турминскій (зн. III, 339)—с. Турма Свияж. у., Туршинскій (Сѣд. 213)—с. Туртино Сузд. у., Тюрлеминскій (Каз. 5, 702)—с. Тюрлема Чебоксар. у. Ублинскій (3, 146)—с. Ублинскіе Лѣски Нижнедѣвиц. у.; Унимеринъ (Яр. 70, 246)—с. Унимеръ Яросл. у.), Упирвицкій (78, 140)—с. Упирвичи Новоторж. у.), Уреевскій (Сар. 2, 472)—с. Урей Краснослобод. у., Холуйскій (Вл. 4, 303)—с. Холуй Вязник. у., Шаренскій (Яр. 70, 315)—с. Шарна-Успенское Любим. у., Ширскій (Род., 531) отъ Ширь-Никольскаго погоста Кологрив. у., Шкинскій (М. 64)—с. Шкинъ Коломен. у., Юминъ (Каз. Ол., 279)—с. Отторма-Юмья Мамадыш. у. ¹⁾.

Безъ указанія на одноименныя села были бы непонятны сложныя топографическія фамиліи, какъ Бѣлорастовъ—отъ с. Бѣлый Растъ (Ростъ) Москов. у. ²⁾, Добросоговъ (Ряз., XXXVI) отъ с. Добрый Соть Пронск. у., Долгомостовъ (Ряз. XI) отъ с. Долгомостье Зар. у., Селоустьевъ (Каз. 5, 807) с. Село-Устье Ядрин. у., Туголуковъ Борисоглѣб. у., Чернобаевъ (Д., II, 77) отъ с. Чернобаева Пронск. у.

Нѣкоторыя фамиліи произведены не отъ имени села, но отъ имени его жителей, напр. Кандалицовъ (Сам. 2, 35), Рамзайцевъ 2, 147).

В. Шереметевскій.

¹⁾ Вслѣдствіе, вѣроятно, нелюбви архіеп. Амвросія къ фамиліямъ на скій въ Рязанской епархіи многія фамиліи неправильно имѣють окончаніе *овъ* или *изъ* вмѣсто *скій*, напр. отъ Пески Песковъ, вм. Песковскій, Ростисловъ (Ряз. XXXII) вм. Ростисловскій, отъ с. Ростислово Зар. у.; даже отъ названій сель съ окончаніемъ *ское*, *искій*, и пр. Санское (Спас. у.), Рѣчинскій погость (Михайл. иначе Ходяиново), образовалъ фамиліи Сановъ (Ряз., XLII), Рѣчинъ (Д., I, 351).

²⁾ Въ 1794 г. студентъ Никиморъ Бѣлорастовъ былъ изъ Троицкой семинаріи переведенъ въ С.-Петербургскую (Смирновъ, Ист. Тр. Б. сем., 549).

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

(Въ Дрезденъ, къ посланнику Ханыкову).

Monsieur le conseiller privé de Khanikoff. J'ai eu le déplaisir sensible de voir mon palais de Pavlovsk la proie des flammes. Un tuyau de cheminée crevé a mis le feu au bel étage, et tout le corps de logis se trouve réduit en cendres. Mon attachement pour ce séjour me fait désirer de le rétablir, autant qu'il est possible tel qu'il était avant ce désastre, et comme mon ancien architecte Brenna, qui doit se trouver dans ce moment ou à Berlin, ou à Dresde, ou à Leipzig, est en possession des dessins de l'arrangement intérieur des chambres, je vous saurai bon gré, si vous voulez bien lui faire parvenir la lettre ci-jointe, par laquelle je les lui fais demander, et vous charger aussi de me les expédier en cas qu'il préférât de vous les adresser. Je vous prie d'être d'avance persuadé de ma reconnaissance, ainsi que des sentimens d'estime avec lesquels je suis votre affectionnée «Marie».

St.-Pétersbourg, ce 14 Janvier 1803.

Переводъ.

Господинъ тайный совѣтникъ Ханыковъ. Я испытала чувствительное неудовольствіе, видя, что мой Павловскій дворецъ сталъ жертвою пламени. Донувшая печная труба произвела пожаръ въ бель-этажѣ, и все зданіе превращено въ пепель. Моя привязанность къ этому мѣстожителю заставляеть меня желать возстановленія его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до этого бѣдствія, а такъ какъ планы внутренняго устройства комнатъ находятся у моего прежняго архитектора, который въ данное время долженъ быть или въ Берлинѣ, или въ Дрезденѣ, или въ Лейпцигѣ: то я вамъ буду обязана, если вы будете добры доставить ему прилагаемое при семъ письмо, которымъ я ихъ у него спрашиваю и переслать ихъ мнѣ, въ случаѣ, если онъ предпочтетъ направить ихъ къ вамъ. Прошу васъ быть впередъ увѣреннымъ въ моей признательности, равно какъ и въ чувствахъ уваженія, въ коихъ пребываю расположенная къ вамъ Марія.

Петербургъ, 14 Января 1803 г.

Сообщено съ подлинника графомъ С. Д. Шереметевымъ.

О МАСОНСКИХЪ ТОРЖЕСТВАХЪ ВЪ ЧЕСТЬ АЛЕКСАНДРА I.

Императоръ Александръ I, въ дни его именинъ и восшествія на престолъ, воспѣвался масонами и въ пышныхъ одахъ, и въ витеватыхъ пѣняхъ, полагаемыхъ на музыку.

Въ протоколахъ масонскихъ собраній встрѣчаются записи о подобныхъ торжествахъ. Такъ, 12 Декабря 1818 г., распорядительницею торжества, которое устроилось совмѣстно всѣми ложами обоихъ союзовъ, являлась Великая Провинціальная ложа. 12 Марта 1819 г. предсѣдающею ложею была Великая ложа Астрей. Такого рода распределение главной роли между ложами на торжествахъ было заранѣе обусловлено по взаимному соглашенію.

По черновику протокола, розысканнаго мною въ рукописномъ отдѣленіи Академіи Наукъ (въ бумагахъ Великой ложи Астрей), я приведу схему торжества 12 Марта 1819 г., поскольку это торжество касалось особы Государя.

Въ два часа пополудни, въ помѣщеніи ложи Петра къ Истинѣ (слѣдуетъ отмѣтить, что Великая ложа Астрей по очереди совершала свои собранія въ помѣщеніяхъ союзныхъ своихъ ложъ въ Петербургѣ) собрались братья обоихъ союзовъ. Пригласительные билеты разосланы были всѣмъ членамъ великихъ ложъ и множеству братій. Ложа была открыта по староанглійскому обряду. Братья вошли въ ложу, слѣдуя своему масонскому достоинству. Предсѣдательствовалъ великій мастеръ Великой ложи Астрей графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ при содѣйствіи князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Великій мастеръ Великой Провинціальной ложи графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій не присутствовалъ: онъ прислалъ письмо съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія, что лишень возможности быть на столь великомъ торжествѣ. Графъ Мусинъ - Пушкинъ обратился къ братьямъ со словомъ о причинѣ собранія, которою была годовщина восшествия на престолъ императора Александра I, и о благодареніяхъ, которыми пользовалось въ его царствованіе все человѣчество и въ особенности масонство; онъ предложилъ присоединиться къ нему, чтобы воздать благодареніе Высочайшему Строителю міра и поручить Его всемогущей защитѣ семью августѣйшаго повелителя, недавно столь

сильно пораженную преждевременной кончиной королевы Виртембергской. Затѣмъ братья гармоніи исполнили кантату. Великій витія Великой Провинціальной ложи братъ Степанъ Григорьевичъ Волховскій сказалъ на Русскомъ языкѣ рѣчь, соответствующую торжеству. Другой великій витія братъ Фридрихъ Фольбартъ (докторъ теологіи, лютеранскій пасторъ церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ) со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ; въ своей рѣчи онъ тщился изобразить чувства почтенія и признательности, которыми полны сердца всѣхъ подданныхъ, въ особенности же масоновъ, къ великодушному Государю; послѣднему масоны много обязаны, и потому они возносятъ Высочайшему Существо пламенные молитвы за счастье и благоденствіе Государя. Вслѣдъ затѣмъ братъ Андрей Петровичъ Поморскій по-русски говорилъ о достоинствахъ, украшающихъ Государя, и о проистекающихъ отсюда обязательствахъ содѣлаться достойными его благорасположенія чрезъ истинно-масонскія дѣла. Графъ Салтыковъ очертилъ портретъ истиннаго масона и указалъ, что всѣ эти идеальныя масонскія качества соединились въ особѣ Александра I. По предписанному ритуалу собраніе было закрыто въ четыре часа. Въ пользу бѣдныхъ было собрано 266 р.

Особеннымъ блескомъ отличалось торжество 12 Марта 1822 г. Черновикъ протокола этого собранія, тоже хранящагося въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ*), отмѣчаетъ, что собраніе имѣло мѣсто въ помѣщеніи ложъ союза Астреи, приглашенія были разсланы по распоряженію Великаго Мастера Великимъ секретаремъ частью циркулярами, частью именными письмами. Братья обоихъ союзовъ, въ парадной одеждѣ, собрались въ 1 часъ дня. Работы велись по церемоніалу Шведской системы. Представителемъ Великой Провинціальной ложи явился великій намѣстный мастеръ Сергій Степановичъ Ланской. Въ блестящей рѣчи графъ Мусинъ-Пушкинъ представилъ тѣ чувства глубокой признательности къ Государю, которыя должны одушевлять всѣхъ его подданныхъ, а въ особенности масоновъ, получившихъ въ его славное царствованіе право держать ложи, и предложилъ братьямъ доказать свою благодарность не только словами, но и дѣлами, достойными истинныхъ масоновъ. Въ заключеніе Мусинъ-Пушкинъ обратился къ Величайшему Строителю міра съ мольбою о сохраненіи на долгіе годы драгоценныхъ дней Александра Благосло-

*) Вотъ заголовокъ протокола: *Protocole de la G-de [] Astrée en commun avec la G-de [] Provinciale de 12 Mars 1822 pour célébrer la fête de l'anniversaire de l'avènement du trône de Sa Majesté Alexandre I-er.* Начинается же протоколъ словами: *Au nom et à la gloire du Trois Fois Grand Architecte de l'Univers, dans un lieu très éclairé où règnent le silence, l'amitié et l'harmonie la plus parfaite* и т. д.

«словеннаго; собраніе вставаніемъ присоединилось къ его мольбѣ. Четыре брата исполнили музыкальную кантату въ честь Государя. За тѣмъ были произнесены рѣчи на четырехъ языкахъ. Братьевъ, изъяснившихъ желаніе сказать «слово» было такъ много, что великій мастеръ не могъ удовлетворить всѣхъ желаній и просилъ большинство братьевъ въ другой разъ озарить свѣтомъ ложу; слово было дано только четыремъ ораторамъ; князь Гагаринъ говорилъ по-французски, Коллинсъ—по-нѣмецки, Боровковъ—по-русски и Гирловичъ—по-польски. Сказанныя рѣчи, проникнутыя истинно-масонскимъ духомъ и на рѣдкость краснорѣчивыя, вызвали всеобщій восторгъ, и великій мастеръ просилъ ораторовъ не отказать въ представленіи для архива Великой ложи списковъ съ ихъ рѣчей.

Торжествованіе тезоименитства Государя, 30-е Августа, совпадало съ годовымъ торжествомъ дня основанія великой ложи Астреи и также праздновалось рѣчами и кантатами. Судя по протоколу ложи Астреи, 30 Августа 1821 г., въ помѣщеніи союза Астреи состоялось торжественное собраніе членовъ ложъ обоихъ союзовъ; исполнялась по обыкновенію кантата. Въ этотъ же день праздновалась годовщина основанія ложи Бѣлаго Орла *).

Упоминаемыхъ выше кантатъ мнѣ розыскать не удалось. Другая кантата, на Французскомъ языкѣ, была пѣта 12 Марта 1818 г. и хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Масонская Муза рисуетъ намъ идеальнаго мудраго правителя; цѣль Александра — счастье его подданныхъ; въ ихъ счастьѣ онъ обрѣтаетъ свое счастье; наполняетъ масонскія пѣсни восторгъ современниковъ передъ царемъ-миротворителемъ, вѣнчаннымъ героемъ борьбы съ великимъ Наполеономъ; воспѣвается, наконецъ, въ Александрѣ первый благосклонный покровитель вольнаго каменничества въ Россіи. Замѣчу еще, что кромѣ Русскихъ пѣсень въ честь Государя имѣются пѣсни на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, сообразно тѣмъ языкамъ, на которыхъ работали Русскія масонскія ложи.

30 Августа былъ днемъ основанія еще двухъ ложъ: Александра къ тройственному благословенію въ Москвѣ (учреждена въ 1817 г.) и Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ (учреждена въ 1813 г.), а 12 Марта былъ днемъ основанія ложи Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ (учреждена въ 1818 г.).

Тира Соколовская.

*) Такъ по протоколу ложи Астреи, сохранившемуся въ черновикѣ въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ; но въ печатномъ спискѣ членовъ великой ложи Астреи день основанія ложи Бѣлаго Орла указывалъ другой: 24 Іюня 1818 г.

I.

**Письмо великаго секретаря Лерхе князю М. П. Баратаеву,
съ приглашеніемъ на засѣданіе 12 Марта 1817 г.**

На В(остока) С.-Петербурга, 2 Января 5817 ¹⁾

Великая [] Астреи положила праздновать въ Понедѣльникъ 12 Марта торжественною и столовою ложею день, въ который Государь Императоръ, вынѣ благополучно царствующій къ счастію подданныхъ своихъ и всего чело-вѣчества, принялъ бразды правленія.

Желая, чтобы въ празднествѣ семь вѣхъ истинные масоны, на здѣшнемъ Востокѣ находящіеся, приняли участие, высокопочтенная Великая [] Астреи приглашаетъ васъ присутствіемъ своимъ украсить работы ея, кои начнутся въ торжественной []-ѣ никакъ не позже двухъ часовъ въ полдень.

Имѣю удовольствіе привѣтствовать васъ. Св.: Н.: Ч.: ²⁾

По повелѣнію высокопочтеннѣйшаго великаго мастера графа Мусина-Пушкина-Брюса. Лерхе, великій секретарь.

Р. С. Собраніе будетъ въ домѣ Мааса, № 86, въ Киришномъ переулкѣ, идущемъ изъ Большой въ Малую Морскую. Билеты для столовой [] по 10 руб. получать можно, какъ обыкновенно, у бб. служителей до 11-го числа.

Пѣснь въ честь императора Александра I.

Тебѣ поемъ, герой вѣнчанный,
Въ сей день землѣ во благо данный
Благотворящимъ Божествомъ
И день отнынѣ всей вселенной торжествомъ!
Молчали правда и законы,
Свирѣпой власти легионы
Сбивали честь съ главы царей,
И міръ вертепомъ былъ рабовъ и палачей,
И въ прахъ растоптаны оковы.
Земля пріяла образъ новый,
И царь нашъ, давъ народамъ миръ,
Ты съ ними празднуешь свободы братскій пиръ.
Свершай великое начало!
Твой тронъ царямъ земнымъ зеркало,
Ко правдѣ твердостью великъ.
Стражъ блага, предѣдай въ судилищѣ владыкъ.
И мы среди торжествованья
Свою любовь и упованья
Привосимъ здѣсь на твой алтарь.
Прими отъ братій даръ, Мпротворитель-Царь!
Будь долго памъ въ залогъ спасенья,

¹⁾ Т. е. 2 Марта 1817 г.

²⁾ Т. е. священнымъ нашимъ числомъ.

Святой дорѡгой Провидѣнья
 Ко благу насъ и мѣръ веди.
 Звѣзда прекрасная земли, не заходи!

**Ода на всерадостнѣйшій день рожденья Государя Импера-
 тора Александра I, 12 Декабря 1821 г.**

Ликуй, о сонмъ друзей священный!
 Сей день на радость обреченъ:
 Въ сей день Монархъ нашъ несравненный
 Для блага поданныхъ рожденъ.
 Въ сей день природа торжествуетъ,
 Она ярчайшій свѣтъ даруетъ
 Полночнымъ счастливымъ странамъ,
 И мракъ скрывается ужасный,
 И солнца лучъ крестообразный
 Скорѣй является очамъ.

Не считать твои дѣянья,
 Благословенный Царь сердецъ,
 Не обращать другихъ вниманье
 На твой безсмертїа вѣнецъ,
 Сїяющій въ звездахъ ээира,—
 Моя стремится нынѣ лира!
 Ей не достигь сей высоты.
 Хочу въ сердечныхъ выраженьяхъ
 Вѣщать о тѣхъ благотвореньяхъ,
 Какія намъ являешь ты.

Судьбы всегда неостижимы.
 Почто отъ первыхъ мѣра лѣтъ
 Бывали мудрые гонимы?
 Ужели ненавистенъ свѣтъ,
 Намъ обличающій пороки?
 Ужель высокіе уроки
 Любить и ближнихъ, и Творца
 И отгонять зловредны страсти
 Могли вовлечь людей въ напасти,
 Въ развратъ повергнуть ихъ сердца?

О, памятни еще тѣ годы,
 Возлюбленные братья, вамъ.
 Какъ не было и здѣсь свободы
 Масонамъ посѣщать свой храмъ,
 Какъ суевѣрье угрожало,
 Простерши ядоносно жало
 На кругъ избранныйшихъ мужей,
 И какъ въ обманѣ самовластья

Ввергало съ радостью въ несчастье
 Сихъ доблестныхъ опоръ властей!
 Но днесь.... угодно Вышей волѣ—
 Дѣ насъ ничто ужъ не страшить,
 Днесь съ Александромъ на престолѣ
 Сама премудрость возседить.
 Она свой взоръ къ намъ обращаетъ
 И съ видомъ благоднымъ вѣщаетъ:
 „Я знаю вашихъ цѣль работъ,
 Она священна и полезна;
 Васъ не постигнетъ участь слѣзна,
 Отъ прежнихъ бѣдъ—я вамъ оплотъ!“
 Какъ мореходецъ отъ волненья.
 Обрѣтши въ пристани покой,
 Лишь чувствуетъ восторгъ спасенья,
 Благословляя жребій свой:
 Такъ мы забудемъ всѣ страданья.
 Прошли години испытанья,
 И радость, радость—нашъ удѣлъ!
 Связуйся крѣпче, узелъ братства.
 Мы счастливы, намъ нѣтъ препятства
 Для добрыхъ и великихъ дѣлъ.

Какое же благодаренье
 Мы Александру воздадимъ?
 Ему не нужны прославленья:
 Онъ славнымъ подвигомъ своимъ
 Причину свыше полагаетъ
 И енимамъ отвергаетъ.
 Одно осталось намъ молить,
 Дѣ дни его міровъ Строитель,
 Монарховъ добрыхъ Покровитель,
 Для насъ благословить прохити!
 А мы любовь его, щедроты
 Къ толпѣ потщимся оправдать.
 Усилимъ, братія, работы,
 Чтобъ храмъ начатый окончатъ,
 Дѣ чрезъ сіе созданье храма
 Воздвигнемъ надшаго Адама
 И воскресимъ здѣсь вѣкъ златой,
 И, наконецъ, Великій Боже,
 Отверзи двери намъ въ той ложѣ.
 Чтò освѣщается Тобой! *)

*) Эта пѣснь сочинена Николаемъ Остолоповымъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ СВОИ ГОДЫ.

Послѣдніе годы этого Государя были отравлены тревогами, которые поддерживались, быть можетъ, людскимъ лукавствомъ, но проистекали отъ наслѣдственныхъ къ этому расположеній. Какъ бы то ни было, кончина его произвела впечатлѣніе и огорчила Парижанъ. Онъ былъ къ намъ великодушень въ 1814 г., а въ 1815 очень полезенъ для Франціи. Сожалѣнія объ Императорѣ были бы продолжительны, если бъ мы стали вѣрить тѣмъ совершенствамъ, которыми украсилъ его брата Николая вернувшійся изъ Москвы, послѣ коронаціи, герцогъ Рагузскій. Онъ очень преувеличивалъ ихъ, какъ доказало время.

Императоръ Александръ скончался въ Таганрогѣ, въ 1825 г., отъ мѣстной лихорадки, которой пренебрегъ съ большой неосторожностью. Его послѣдніе годы были отравлены подозрительностію, которая доходила до умоизступленія и боролась въ немъ съ прирожденнымъ великодушіемъ.

Г-жа Нарышкина *) была вызвана въ Петербургъ къ предстоящей свадьбѣ ея дочери, которую Александръ страстно любилъ. Молодая дѣвушка эта скончалась за нѣсколько дней передъ днемъ своей свадьбы. Императоръ былъ въ отчаяніи. Общее его съ Нарышкиной горе сблизило ихъ вновь. Г-жа Нарышкина передавала мнѣ невѣроятныя подробности того состоянія, до котораго дошелъ Государь, когда-то столь довѣрчивый. Онъ не только боялся за свою безопасность, но достаточно было ему услышать смѣхъ на улицѣ или подмѣтить улыбку

*) Рожденная княжна Четвертинская, полюбившаяся Государю не задолго до кончины Екатерины Великой, когда сдружился онъ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ. Государь привязанъ былъ къ ней до 1812 года, и тогда убѣдился въ ея невѣрности. Въ письмѣ къ герцогу Ришелье онъ называетъ ее и дочь ея Союю Дмитріевну (р. 1809 г. † 1824 г.) самыми дорогими для него существами. Она много лѣтъ пережила Александра Павловича и по кончинѣ своего супруга вышла за нѣкоего Брозина.

кого-нибудь изъ своихъ придворныхъ, чтобъ придти къ убѣжденію, что это надъ нимъ смѣялись, и онъ обращался къ г-жѣ Нарышкиной, умоляя ее, во имя прежней привязанности, сказать ему, что именно было въ немъ смѣшного.

Однажды вечеромъ, когда у Нарышкиной сидѣла одна Полька, ея родственница, подали чай, и Государь поспѣшилъ налить одну чашку Нарышкиной, а другую этой барышнѣ. Нарышкина нагнулась къ кухинѣ и говорить ей: «Когда вы вернетесь въ замокъ къ отцу вашему, надѣюсь, будете хвалиться тѣмъ, кто наливалъ вамъ чай». О! непременно, возразила та. Государь, по своей глухотѣ, не слышалъ ихъ разговора, но увидѣлъ только, что онѣ улыбались. Онъ тотчасъ же нахмурился и какъ только остался вдвоемъ съ Нарышкиной, сказалъ ей: «Вы видите, я всюду дѣлаюсь смѣшнымъ; даже вы, расположенная ко мнѣ и въ которой я увѣренъ, даже вы не можете удержаться, чтобы не высмѣивать меня. Скажите же мнѣ, чѣмъ я вызвалъ ваши смѣшки?» Ей стоило немалого труда успокоить больное воображеніе Государя.

Довѣрялъ онъ одному кн. Меттерниху, съ которымъ почти ежедневно переписывался. Австріякъ пользовался у него гораздо бѣльшимъ довѣріемъ, чѣмъ его собственный министръ, и онъ безусловно вѣрилъ его совѣтамъ, особенно же его полицейскимъ донесеніямъ. При немъ постоянно была записная книжечка, которую прислалъ ему князь; въ ней были вписаны въ азбучномъ порядкѣ всѣ политически подозрительныя личности Европы, съ доказательствомъ и степенью ихъ ненадежности. Когда Государю докладывали о неизвѣстномъ лицѣ, онъ тотчасъ прибѣгалъ къ книжечкѣ и, если того имени не находилъ, то относился къ нему милостиво; если же, по несчастью имя это было въ нее занесено, предубѣжденіе Государя дѣлалось безповоротнымъ. Нарышкина передавала мнѣ, что часто видѣла какъ Александръ справлялся съ этими сибиллическими страничками.

(Изъ 3-го тома, главы XIII-й, стр. 194-й новой книги *Mémoires de m-me de Boigne, née d'Osmond, récits d'une tante*).

ПОЛУЗАБЫТАЯ МОГИЛА.

Эта полузабытая могила—могила знаменитаго члена и механика Императорской Академіи Наукъ, Ивана Петровича Кулибина. Исторіографъ Нижняго-Новгорода Н. И. Храмцовскій (род. 1818, ум. 1890) писалъ въ 1859: „Иванъ Петровичъ родился въ 1735 г. Читать и писать его училъ дьячекъ Успенской церкви, въ приходѣ которой стоялъ домъ Кулибина“. Изъ теперешнихъ Нижегородцевъ, кажется, немногіе могутъ указать мѣсто кончины ихъ знаменитаго гражданина. Сгорѣвшіе въ 1814 г. домъ отца Ивана Петровича (мучного торговца) и двухъ-этажный домъ, построенный имъ самимъ стояли вправо отъ церкви Успенія Божіей Матери.

Проживъ на свѣтѣ 83 года, Кулибинъ умеръ въ такой бѣдности, что вдовѣ его (отъ третьяго брака) пришлось заложить послѣдніе стѣнные часы и занять еще у знакомыхъ 175 р., чтобы достойно похоронить его. И. П. Кулибинъ скончался 30 Іюня 1818 г., и 4 Іюля, въ день похоронъ, стеклось такое множество народа, что не только домъ, но и самый дворъ покойнаго (на Ильинкѣ, недалеко отъ Перваго Дѣтскаго Приюта) не могли вмѣстить прибывшихъ. Въ тоже время явились, безъ приглашенія, учителя Нижегородской гимназіи, въ муштрахъ, и гимназисты, чтобы проводить великаго механика до могилы. Старшій изъ учителей несъ подушку съ медалью, а прочіе съ Пятериковымъ¹⁾ и почетными Нижегородскими купцами несли гробъ²⁾.

Кулибина похоронили на Всѣхсвятскомъ или Петроавловскомъ кладбищѣ передъ церковной папертью. Надъ могилою былъ поставленъ деревянный памятникъ съ портретомъ Кулибина, писаннымъ масляными красками, но въ 1833 году памятникъ и портретъ сгорѣли (какъ говоритъ Храмцовскій) „отъ неосторожности мальчика, прислуживавшаго въ церкви, который послѣ обѣдни выбросилъ изъ жаровни угли близъ полѣнницы дровъ, лежавшихъ на кладбищѣ“. Лѣтъ десять спустя, статская совѣтница Елисавета Ивановна Попова (р. Кулибина) поставила надъ отповской могилою незатѣйливый каменный памятникъ въ видѣ суживающагося кверху четырехгранника, съ вѣнчающей его урною и крестомъ о четырехъ концахъ.

¹⁾ Часовыхъ дѣлъ мастеръ Пятериковъ былъ благодарнымъ ученикомъ Кулибина. Въ бытность императора Павла въ Н. Новгородѣ (1797 г.) Пятериковъ исправлялъ оставшіеся часы Государя, который, узнавъ, что у мастера нѣтъ собственнаго дома, пожаловалъ ему 500 р. Пятериковъ на эти деньги построилъ домъ (на Телячьей ул.) и пока владелъ имъ самъ и его наследники, на дому красовалась черная доска съ надписью золотыми литерами: „Домъ сей отъ щедротъ Монарха“. Отъ Пятерикова домъ перешелъ въ собственность купца И. Я. Курочкина.

²⁾ „Кратк. оч. исторія и опис. Н.-Новгорода“. Здѣсь кстати будетъ сказать что Н. И. Храмцовскій записалъ мѣстную легенду о „Кумѣ“ и „Кунавнѣ“, которою воспользовался И. В. Шпагинскій для своей известной драмы „Чародѣйка“. П. Р.

Этотъ памятникъ потускнѣлъ и былъ весь въ свѣжныхъ сугробахъ, когда я въ Ноябрь 1907 г. пробирался къ нему. Съ восточной стороны онъ украшенъ цвѣтнымъ портретомъ Кулибина, съ окладистой сѣдою бородой, которую графъ Орловъ совѣтовалъ ему сбрить, если Кулибинъ желаетъ получать чины и ордена, но съ нею талантливый Нижегородецъ ни за что не хотѣлъ разстаться. И Екатерина II, выражавшаяся не иначе, какъ *мой Кулибинъ*, сказала ему, что „она уважаетъ его еще болѣе за такое почтеніе къ обычаю предковъ“. Окладистая сѣдая борода не скрывается, однако, золотой медали на Андреевской лентѣ. Это одна изъ тѣхъ трехъ медалей (съ надписью: „достоинному“), которыя, кромѣ другихъ льготъ, открывали входъ во дворецъ наравнѣ съ штабъ-офицерами. Передъ Кулибинымъ— физическій приборъ. Внизу значится: „И. П. Кулибину Кулибнское училище“. На южной сторонѣ памятника блестящая серебряная доска гласитъ: „Вѣрный сынъ святой церкви и отечества, добрый отецъ семейства, другъ добродѣтели, утѣшитель несчастныхъ, честь Нижняго-Новгорода, красота согражданъ, посвятившій Россіи шестьдесятъ лѣтъ полезныхъ изобрѣтеній, удостоенный благоволенія царей земныхъ. О, да сподобится на небеси милости Царя Царей“. Надпись характеризуетъ жизнь и труды того, кому завидовали ученые Петербургскіе академики, къ кому цитали уваженіе и дружескія чувства императоры, короли и „Екатерининскіе орлы“. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству того же Храмовскаго, „великолѣпный князь Тавриды“ постоянно былъ къ нему благосклоненъ и принималъ его запросто, во всякое время; Суворовъ обходился съ нимъ дружески и называлъ его: „ваша милость“, „ваша честь“, „ваша премудрость“ и свидѣтельствовалъ почтеніе съ глубокими поклонами; императоръ Священной Римской имперіи Иосифъ II, на придворномъ балу, пожимая руку Нижегородскому бородачу, сказалъ въ присутствіи императрицы Екатерины и всего двора ея, „что за счастье считатьъ видѣть такого человѣка, какъ Кулибинъ“. Густавъ IV, король Шведскій, также жалъ руку Ивану Петровичу и осыпалъ его похвалами; Екатерина II постоянно благоволила къ нему, а Павелъ Петровичъ, встрѣчаясь съ Кулибинымъ во дворцѣ или на улицѣ, всегда называлъ его не иначе, какъ *Иваномъ Петровичемъ* и спрашивалъ о здоровьѣ, а иногда подолгу удостоивалъ разговоромъ: Александръ Благословенный даже два раза удостоилъ поцѣловать его.

Что касается до Нижегородцевъ, то они, кажется, не цѣнили своего земляка достойно. Не знаю, сохранился ли въ мѣстной семинаріи, въ ея физическомъ кабинетѣ, Кулибинскій фонарь; но общезвѣстно, что устроенное въ 1782 г. Кулибинымъ механическое судно впоследствии продано было Нижегородскимъ городскимъ самоуправленіемъ на дрова.

Усердно я искалъ вида Кулибинскаго памятника, да такъ и не нашелъ ни у фотографовъ, ни въ книжныхъ и „художественныхъ“ магазинахъ Нижняго-Новгорода. Едва ли его и снимали когда-нибудь, — сказалъ мнѣ букинистъ на Большой Покровкѣ. Я пожалѣлъ объ этомъ.

Павелъ Россіевъ.

В. А. ЖУКОВСКИЙ.

І. Изъ его замѣтокъ.

Жуковскій провелъ слишкомъ двадцать лѣтъ при дворѣ. Благодаря князю А. Н. Голицыну (черезъ А. П. Тургенева) и Ю. А. Нефединскому-Мелецкому, онъ получилъ должность чтеца при императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ. Неизвѣстно, какъ происходили эти чтенія; знаемъ только изъ письма Жуковского къ А. П. Елагиной, что Русская рѣчь Государыни была ему едва понятна: такъ плохо говорила она по-русски, хотя въ ту пору протекло уже около сорока лѣтъ съ ея пріѣзда въ Россію. Въ 1817 году Жуковскому поручено было обучать Русскому языку молодую великую княгиню Александру Θεодоровну. Объ этомъ сама она шуточно говоритъ въ прекрасныхъ письмахъ своихъ къ нему („Русскій Архивъ“ 1897). Она знала по-русски несравненно лучше своей свекрови, не могла усвоить себѣ произношеніе, но любила нашъ языкъ, восхищалась Русскими стихами (ей особенно нравилось у Пушкина „къ Бахчисарайскому Фонтану“), молилась по церковному молитвеннику, заставляла фрейленъ читать себѣ вслухъ Русскія книги, даже поправляла ихъ въ удареніяхъ. Сумѣвъ оцѣнить Жуковского, она, конечно, была довольна его назначеніемъ къ ея первенцу, Наслѣднику Престола. Наставникомъ къ нему взяли изъ кадетскаго корпуса К. К. Мердера, а обученіе поручено Жуковскому, которому и предоставленъ выборъ учителей. Этимъ собственно и назначена его обязанность. Онъ никогда не былъ наставникомъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ; но самъ онъ былъ таковъ, что разливалъ вокругъ благоуханіе своей души (которую Пушкинъ называлъ „чертовски-небесною“). Въ сознаніи важности своего назначенія, онъ работалъ до истощенія силъ и два раза (1826 и 1832 годы) долженъ былъ лечиться въ чужихъ краяхъ. Въ тоже время, пользуясь благорасположеніемъ матери своего ученика, неволью выходилъ онъ изъ опредѣленнаго ему круга дѣятельности и заботился не только объ ученіи, но и о воспитаніи Александра Николаевича. Мы знаемъ, что онъ совѣтовалъ поручить графу Каподистрии его политическое обученіе; знаемъ также, какъ возмущался онъ тѣмъ, что съ раннихъ поръ ученика его мучила военною исправкою и заставляли принимать участіе въ военныхъ оказательствахъ. Онъ грозилъ тѣмъ, что при такихъ условіяхъ можетъ со временемъ повториться 14-е Декабря. День молодого Великаго Князя былъ строго размѣренъ по часамъ. Онъ никогда не видалъ восхожденія солнца, и ему захотѣлось полюбоваться имъ. В. И. Даль передавалъ намъ, со словъ Жуковского, что это удовольствіе Жуковскій ему доставилъ съ большою опасностью зысканія. Кромѣ классныхъ часовъ Жуковскій рѣдко и видалъ своего ученика; но когда онъ подростъ, во время путешествій по Россіи и чужимъ краямъ, онъ успѣвалъ дѣлать ему благодѣтельныя внушенія. Однажды на вечерѣ у Н. А. Милютина, бывшій министръ государственныхъ имуществъ Зеленый, рассказывалъ при мнѣ, что императоръ

Александръ Николаевичъ, говоря съ нимъ о Жуковскомъ, указалъ ему на своемъ рабочемъ столѣ переплетенныя тетради объ разныхъ важныхъ дѣлахъ, полученныя имъ отъ Жуковскаго. Поэтому цѣнны помѣщенныя ниже отмѣтки Жуковскаго объ его отношеніяхъ къ будущему царю. II. Б.

13 Іюня 1838. Въ Берлинѣ. Поутру замѣчательный разговоръ съ Великимъ Княземъ. Вечеромъ весьма пріятныя минуты съ В. К.

14 Іюня 1838. Чтеніе и долгій разговоръ съ Великимъ Княземъ. Надобно часть отъ часу быть къ нему ближе для его же пользы.

3 Февраля 1839. Въ Пизѣ обѣдали у князя Реннина. Его больная дочь. Реннины весьма недовольны В. Княземъ. На дорогѣ изъ Роггивонсі въ Пизу встрѣча съ фельдъегеремъ, который привезъ намъ Орлова ¹⁾ и убилъ всю надежду остаться въ Италіи. Урокъ Великому Князю.

7 Февр. Въ Туринѣ (за обѣдомъ у короли Сардинскаго) подлѣ Тютчева, который опять духомъ Карамзинъ ²⁾.

26 Марта 1839. Въ Гагѣ. Весь день больной, и В. Кн. по обыкновенію и не вспомнилъ обо мнѣ.

С.-Пб. 25 Іюня 1839 ³⁾. Всѣ наши пожалованы, а мнѣ не знаю, оплеуха или нѣтъ.

27. Про возобновленный послѣ пожара Зимній дворецъ. Дворецъ чудно воздвигнутый снова, въ одицъ годъ. Совершенный образецъ Россіи. Огромный безъ точности, безъ общей связи; выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражается тотъ характеръ, который далъ Россіи Петръ Великій: *скорѣй во чтобы то ни стало*. Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ ли, назадъ ли—все равно.

13 Окт. 1839. Государь невыразимо жалокъ ⁴⁾.

26 Окт. 1839. Возращеніе Калиновской ⁵⁾. Толстой возьметъ свое:

¹⁾ Графъ А. Ф. Орловъ, въ завѣдываніи заграничнымъ путешествіемъ Александра Николаевича, заступилъ мѣсто скончавшагося князя Ливена.

²⁾ Знаменательный отзывъ. Ф. И. Тютчевъ служилъ тогда въ нашемъ посольствѣ при Сардинскомъ дворѣ. Много позднѣе онъ рассказывалъ, что Великій Князь, пріѣхавъ въ Туринъ, случайно выразился, что желалъ бы имѣть Анунциату (высшій Сардинскій орденъ). Анунциата значитъ Благовѣщеніе. На другой день въ помѣщеніи Великаго Князя возня: привезли огромную картину Благовѣщенія на показъ высокому гостю.

³⁾ День свадьбы великой княжны Маріи Николаевны; Жуковский преподавалъ ей Русскую словесность.

⁴⁾ Почему, не знаешь.

⁵⁾ Дѣвица Калиновская, первая любовь Великаго Князя, жила тогда у сестры своей, супруги генерала-адъютанта Павнатина. Тогда Соболевскій сочинилъ:

О юныя лѣта
Младаго Наслѣдника...
Ему Калиновская

человѣкъ безъ ума, знанія и характера, а имѣеть искусство и махнеть далеко. Государь уже поручаетъ ему В. Князя и видитъ въ немъ что-то необыкновенное.

27 Окт. 1839. Нельзя безъ негодованія думать о вѣтрениости, съ коюю жертвуютъ жизнью В. Князя, и чему жъ? Царской игрушкѣ, которая неприлична царю, Россіи вредна и убиваетъ всѣ способности государственныя. В. Князя, съ самаго его возвращенія, съ утра до вечера, заставляютъ командовать. Здѣсь играемъ въ войну и любимъ парадными, а внутри государства рѣжутъ и жгутъ, и некого послать, чтобы унять разбойниковъ.

15 Юня 1846. У насъ Бодэ ¹⁾ съ женою. Разговоръ, приводящій въ трепеть, о состояніи бѣдной Россіи. И помощи никакой! Одна вѣра небесная. Но, можетъ быть, намъ за наше всеобщее развращеніе посылается наказаніе.

Какое бѣдствіе для государя и государство дворъ; но Французскій дворъ былъ неизбѣжная бѣда, произведеніе вѣковъ. Нужна была бѣдственная революція, чтобы уничтожить это бѣдствіе.

II. В. А. Жуковскій о рожденіи своей дочери ²⁾.

11 Ноября. Въ 11¼ часовъ родилась Александра. Наканунѣ поутру, въ 11-ть часовъ, начало первыхъ мукъ. Жена, несмотря на нихъ, еще въ постели работала, она дошла муфту своей сестры. Въ шесть часовъ началось сильнѣе и чаще... Я былъ одинъ съ женою въ темнотѣ. Молчаніе. Устройство горницы для родинъ. Сильныя муки... Измѣненіе лица. Мое положеніе. Послѣдніе полчаса были страшны и для бабушки. Ребенокъ родился синій и безъ голоса: ровность бабушки. Цѣлый день тревожный..., волненіе. Въ вечеру Гребень и Пиландъ ³⁾. Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ къ роднымъ. Ночь спалъ покойно. Жена, кажется, совсѣмъ здорова, сколько можно въ ея положеніи, послѣ такого сильнаго боренія всѣхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, продолжавшагося почти 10 часовъ непрерывно. Богъ показалъ гибель вблизи и милосердно удалилъ ее. Чтò было бы съ нею, если бы младенецъ умеръ въ минуту рожденія?

Всю душу мутить.

Она бы таковская.

Папаша сердить.

¹⁾ Баронъ Левъ Карловичъ и Наталья Федоровна, рожд. Колычова.

²⁾ Александра Васильевна Жуковская (род. 11 Ноября 1824 † 14 Сентября 1899), баронесса Вѣрманъ. Въ Баденъ-Баденъ, надъ ея могилою, гдѣ похороненъ былъ ея отецъ до перевезенія въ Невскую Лавру, воздвигнутъ прекрасный памятникъ братомъ ея. П. Б.

³⁾ Докторъ. Графъ Гребень—пріятель Жуковского.

12 Ноября, Суббота. Чувствъ отца угадать нельзя. Что-то подобное теперешнему чувствовалъ я въ ту минуту, когда клалъ въ землю частицу самого себя*) « > Октября 1841. Теперь, хотя и не нахожу въ себѣ живого пламеннаго чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ, но чувствую, что нѣчто прибавилось къ существу моему и дало ему большее значеніе; привязанность къ милой моей женѣ стала сильнѣе, нѣжнѣе, для меня самого трогательнѣе. А на дочь не могу смотрѣть безъ особеннаго движенія, мнѣ доселѣ неизвѣстнаго: какъ будто душа подымается отъ радости.

Въ ребенкѣ для отца и матери выражаются на дѣлѣ слова апостола Павла: и будете два въ плоть едину. Нѣтъ собственности столь милой, столь рѣшительно принадлежащей намъ и въ тоже время столь съ нами тѣсно соединенной и насъ какъ будто увеличивающей, какъ наше дитя: чувствуешь всю сладость и силу слова *мое*, которое выше и значительнѣе, нежели *я*. Я не посмотрѣлъ на нее тотчасъ послѣ ея рожденія, кинулъ только боковой взглядъ, увидѣлъ синяго, неподвижнаго, молчащаго ребенка; я занялся женою, у которой вдругъ изъ страдающаго лица сдѣлалось живое, сіяющее радостью...

III. Письмо Жуковскаго къ его супругѣ.

Писано въ 1848 году, когда Жуковскій былъ тяжело боленъ. Найдено въ его бумагахъ.

Dans l'idée que mon heure dernière est peut-être proche, je t'écris, je veux te dire quelques mots de consolation.

D'abord je te remercie de fond de mon âme d'avoir voulu devenir ma femme. Le tems que j'ai passé dans notre union a été le meilleur et le plus heureux tems de ma vie. Malgré plusieurs moments tristes, venus des circonstances de dehors ou produits par nous-mêmes (et qui ne peuvent manquer à aucune vie, parce qu'ils en sont les épreuves bienfaisantes), j'ai joui avec toi de mon existence dans la pleine acception de ce mot: j'en ai mieux compris la valeur et je devais de plus en plus ferme d'en atteindre le but, qui n'est autre que celui d'apprendre à obéir à la volonté de Notre Seigneur. C'est à toi que je le dois. Reçois ici mes remerciements et en même tems l'assurance que je t'ai aimé comme le plus cher trésor de mon âme.

Tu pleureras de m'avoir perdu; mais ne te désole pas. Die Liebe ist stark wie der Tod. Il n'y a pas de séparation dans le royaume de Dieu. Je crois que je serai plus intimement avec vous qu'avant la mort. Dans cette persuasion, pour que la paix de mon âme ne soit

*) Это былъ веѣоносекъ.

pas troublée, conserve la paix de la tienne. Vis en Dieu et en soins pour nos enfants. Dans leurs coeurs je te lègue le mien. Le reste est dans la main de Dieu. Je te bénis. Pense à moi sans douleur et console-toi de notre séparation par l'idée qu'à chaque instant je suis avec vous et que je partage tout ce qui se fait dans votre âme.

Am Abend aber desselbigen Sabatts, da die Jünger versammelt und die Thüren verschlossen waren, kam Jesus und trat mitten ein, und spricht zu ihnen: Friede sei mit euch! Und als Er das sagte, zeigte Er ihnen die Hände und seine Seite.

П е р е в о д ъ.

Думая, что часъ моей смерти близокъ, пишу тебѣ и хочу сказать нѣсколько словъ утѣшенія.

Прежде всего отъ души благодарю тебя, что ты захотѣла стать моей женой. Время, проведенное мною въ нашемъ союзѣ, было лучшимъ и счастливейшимъ временемъ моей жизни. Не взирая на нѣсколько печальныхъ минутъ, происшедшихъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ или отъ насъ самихъ (и неизбежныхъ въ каждой жизни, ибо онѣ служатъ благотворнымъ испытаніемъ), съ тобою я пользовался жизнью въ полномъ значеніи слова: я лучше понялъ ей цѣну и все болѣе и болѣе крѣпъ въ достиженіи цѣли, которая есть не что иное, какъ стараніе поступать согласно волѣ Божіей. Тебѣ я этимъ обязанъ. Прими мою благодарность и въ то же время увѣреніе, что я тебя любилъ, какъ самое дорогое сокровище моей души.

Ты будешь плакать, потерявъ меня, но не отчаявайся. Любовь сильна, какъ смерть. Нѣтъ разлуки въ царствѣ Божьемъ. Я вѣрю, что буду ближе къ вамъ, чѣмъ при жизни. Съ этой увѣренностью, дабы миръ моей души не былъ нарушенъ, сохрани миръ въ своей. Живи въ Богѣ и въ заботѣ о дѣтяхъ. Въ ихъ сердцахъ завѣщаю тебѣ свое. Остальное въ рукахъ Божьихъ. Благословляю тебя. Думай обо мнѣ безъ горечи и утѣшайся въ нашей разлукѣ мыслію, что я во всякую минуту съ вами и раздѣляю все, что происходитъ въ вашихъ душахъ.

Вечеромъ той же субботы, когда были собраны ученики и двери заперты, явился Іисусъ, сталъ между ними и сказалъ имъ: Миръ вамъ и съ этими словами показалъ имъ свои руки и ребра.

*

В А. Жуковскій скончался 12 Апрѣля 1852 г. Его супруга Елисавета Алексѣевна (рожд. Рейтернъ) свято исполнила то, что онъ высказалъ ей въ этомъ завѣщательномъ письмѣ: она отдалась воспитанію дѣтей, для чего и перѣехала въ Москву, гдѣ скончалась 27 Нобря 1856 года, съ небольшимъ 30 лѣтъ отъ рожденія. Свѣтлый образъ ея незабвененъ для знавшихъ ее. П. Б.

БАРОНЪ ПАСХИНЪ.

Баронъ Алексѣй Андреевичъ Пасхинъ, поздне приписанный къ Московскому дворянству, былъ единственный человѣкъ, носившій эту фамилію, произведенную отъ слова «Пасха». Для него она была придумана, затѣмъ снабжена баронскимъ титуломъ; съ нимъ же, умершимъ 20 Іюня 1863 г., безъ потомства, она отошла въ пропедшее. Для исторіи Русской генеалогіи небезъинтересно будетъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой оригинальной фамиліи, промелькнувшей только и не оставившей слѣда среди Русскихъ дворянскихъ родовъ ¹⁾.

Происхожденіе барона Пасхина неизвѣстно, покрыто таинственностью и не чуждо интересныхъ подробностей.

Въ Пасхальную ночь, съ 9 на 10 Апрѣля 1832 года, во время Свѣтлой заутрени, на «дѣвичьемъ» крыльцѣ (находившемся около воротъ) дома дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта Ивана Васильевича Тутолмина ²⁾ оставленъ былъ кѣмъ-то маленькій, около года отъ рожденія, мальчикъ. Плачь («воплъ и рыданія») былъ услышанъ въ домѣ; вышли и увидѣли ребенка посаженнаго на крыльцѣ; за спиной у него былъ ларчикъ, къ которому его прислонили. Рыдаваго ребенка внесли въ ту комнату, гдѣ совершалась торжественная Пасхальная заутрени. Ребенокъ («едва годовою»), хорошо одѣтый, тотчасъ пересталъ плакать и «казалось, что онъ съ умиленіемъ соединялъ свои молитвы ко Всевышнему, вмѣстѣ съ молящимися». Надо сказать, что въ этотъ день въ домѣ, кромѣ Свѣтлаго праздника, было еще особое торжество: ко дню Пасхи семидесятилѣтній хозяинъ дома пожалованъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго,

¹⁾ Въ Родословной книгѣ, кн. II. Долгорукова, т. III, о баронѣ Пасхинѣ сказано всего нѣсколько словъ, при чемъ онъ ошибочно названъ Алексѣемъ Ивановичемъ, вмѣсто Андреевича.

²⁾ Д. т. совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, родившійся 9 Ноября 1760 г., былъ членомъ Государственнаго Совѣта (съ 1810 г.) и почетнымъ опекуномъ; пользуясь особеннымъ расположеніемъ императрицы Маріи Феодоровны, онъ былъ назначенъ ея попечителемъ Маріинской больницы для бѣдныхъ. Тутолминъ имѣлъ большое состояніе, будучи женатъ на дочери графа Петра Ивановича Панина, Софѣи Петровнѣ (рожд. 18 Октября 1772 г. † 22 Мая 1834 г.).

вмѣстѣ съ милостивымъ рескриптомъ Государя, который, давая Тутолмину «безсрочный отпускъ» вмѣсто отставки, просилъ его «не оставлять полезной отечеству службы». Настроение у всѣхъ было радостное, «приносились всѣми теплыя молитвы за Монарха-благодѣтеля и, казалось, (младенецъ) соединялъ молитвы съ предстоящими». Ребенокъ сразу завоевалъ всеобщія симпатіи присутствовавшихъ и особенно самой хозяйки дома бездѣтной Софіи Петровны Тутолминой. «По совершеніи молитвъ, прекрасный ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки обнимающихъ его съ восторгомъ умиленія, обливая слезами». Всѣхъ интересовало узнать: «кто онъ, какъ прозывается, откуда?» Въ это время замѣтили «подъ капоромъ» у него на голубой лентѣ ключъ, которымъ и отперли ларчикъ; въ немъ нашли два письма, при чемъ одно было (на Французскомъ языкѣ) на имя самой Софіи Петровны, другое, по-русски, обращеніе матери къ сыну. Изъ этихъ писемъ узнали, что «дѣтя зовутъ Алексѣемъ». Софья Петровна, его «покровительница», тотчасъ рѣшила дать ему отчество «Андреевича» въ честь пожалованной мужу Андреевской звѣзды, и тутъ же «нарекла его Пасхинымъ, потому что онъ представился на сцену въ день Пасхи». Между тѣмъ разобрали ларчикъ и тамъ еще нашли: дворянскую медаль 1812 г., серебряную шпору, «прекрасную» руку изъ гипса (женскую?), силуэтъ (какой?) и дѣтскія игрушки, въ числѣ которыхъ была пушка. Между тѣмъ, въ письмѣ, на Французскомъ языкѣ, несчастная мать писала ¹⁾: «Христось Воскресе! Любезнѣйшая и высокопочтеннѣйшая графиня ²⁾! Ради Бога и всего, что для васъ свято въ сей жизни, я умоляю ваше сіятельство, не оставьте этого миленькаго ангела, который все становится забавнѣе, начинаетъ все понимать, немного ходить и лепетать: «папа» и «мама», а его злополучные родители его болѣе не увидятъ и можетъ быть никогда, никогда!.. Сколь это слово ужасно въ устахъ несчастной матери...—оно раздираетъ мое сердце! Пока слезы мои, кои служатъ мнѣ вмѣсто чернилъ, не изсыкли въ глазахъ моихъ отъ глубокой печали, я поспѣшаю предупредить ваше сіятельство, что (дабы малютка напрасно не плакала) мы пріучили его пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ въ 5-ть часовъ утра, за обѣдомъ даемъ ему немного супу. Конекъ на колесахъ, котораго онъ могъ бы двигать предъ собою и даже на него садиться верхомъ, напомнить ему его старыя игрушки;

¹⁾ Французскій текстъ подлинника неизвестенъ; письмо приводится здѣсь въ современномъ переводѣ, сдѣланномъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ С. П. Тутолмина была рожденная графиня Пакина. Въ старину часто такимъ образомъ сохраняли дѣвичій титулъ, особенно при выходѣ замужъ за нетитудованное лицо.

ради Бога не позволяйте нянѣкъ быть столь жестокою, какъ была его кормилица, которая заставляла его плакать, чтобы любоваться его хо-рошенькимъ ротикомъ, даже и тогда, когда онъ искажаетъ его грима-сами! Благородите еще приказать, чтобы при воспитаніи его находи-лись только Русскіе, дабы онъ былъ такимъ же добрымъ патриотомъ, какъ былъ его отецъ отъ души и сердца и чтобы..., но мнѣ кажется я теряю разсудокъ. Въ радости моей воображаю васъ, графиня, дер-жащею моего малютку на колѣняхъ, какъ я видѣла однажды во снѣ, по прїездѣ моемъ въ Петербургъ. Я обременяю васъ столькими прось-бами, не бывъ еще увѣрена, рѣшится ли вы принять его къ себѣ, *какъ то вы сдѣлали въ 1814 или 15 году* *). Я молю Всевышняго, чтобы Онъ внушилъ вамъ столь прекрасную и великодушную мысль, для на-ступающаго высокотожественнаго дня. Не нанесите мнѣ смертельнаго удара вашимъ отказомъ! Въ маленькой шкатулкѣ сынъ мой найдетъ описаніе нашихъ несчастій и послѣдніе мои совѣты. Еще разъ умоляя васъ, графиня Софья Петровна, такъ равно и васъ, Иванъ Васильевичъ, замѣнить моему малюткѣ мѣсто его родителей, какъ вы нѣкогда были для его отца. 10 Апрѣля 1832 года. Несчастливая мать Н. Е.».

Въ другомъ письмѣ она же писала «на Россійскомъ языкѣ»: «Христось Воскресе! Христось съ тобою! Милый, неоцѣненный другъ мой, Алексѣй. Разставаясь съ тобою, любезный сынъ мой, въ сей ра-достный для всѣхъ день, одна я несчастная должна утопать въ слезахъ при одной мысли, что быть можетъ навсегда. Но какъ эта великая жертва для твоего же счастья, то Богъ подкрѣпитъ меня. Вотъ твоя исторія. Всевышнему благоугодно было послѣ трехлѣтняго союза на-шего и блаженнѣйшаго времени моей жизни даровать намъ тебя въ самыя смутныя минуты, когда только что вспыхнула безумная Поль-ская революція. Долгъ чести и службы отца твоего, который былъ тогда въ чинѣ подполковника, требовалъ безпрестанныхъ тяжкихъ для меня переходовъ. Но, забывая собственную боль и нужды, я думала только о его успокоеніи и о той неописанной радости, какую принесу ему вмѣстѣ съ тобою. Минута сія настала; но увы, отца твоего уже не было при насъ: онъ пропалъ безъ вѣсти во время жаркой стычки съ врагами Россіи, на берегу той самой рѣки, гдѣ нѣкогда отличался одинъ изъ его предковъ (Польскій выходець) и получилъ за то пржи-домекъ и украшенія къ гербу, кои и понышѣ сохранились въ родѣ его. Оставшись одна съ тобою, я снова блуждала съ нуждою и горемъ по-поламъ, заботясь только объ устройствѣ судьбы твоей. Наконецъ, при-

*) Какой тутъ смыслъ — неизвѣстно. Можетъ быть, благодаренія Тутюминыхъ въ отношеніи отца Пасхина?

бывъ сюда и не зная никого, я вспомнила, что отецъ твой говорилъ о благотвореніяхъ Софьи Петровны и Ивана Васильевича. Три раза была у дверей ихъ, но не могла рѣшиться: сердце обливалось кровью, духъ замиралъ и только что нынѣ, благодаря Всевышнему, имѣла силы, разцѣловавъ у тебя сто разъ лобъ, руки, ноги, отдать судьбу твою ихъ попеченію. И такъ, Богъ съ тобою, будь щастливъ, и для того: I) Люби Бога, паче всего и исполняй свято правила Греко-Россійскія нашей церкви. II) Будь вѣрнымъ слугою Царю и, по примѣру отца твоего — менѣе общай, а болѣе дѣлай. III) Люби и почитай благодѣтелей твоихъ: ты имъ обязанъ нравственнымъ образованіемъ—залогомъ счастія сей и будущей жизни; слѣд., болѣе чѣмъ самимъ родителямъ. IV) Держись правила матери: терпи лучше самъ, а не допускай другихъ терпѣть чрезъ тебя. Впрочемъ, Христосъ и Ангель-Хранитель съ тобою! Молись за насъ, какъ мы за тебя ежедневно. Въ ящикѣ найдешь медаль, форму руки и шпору, кои да напоминаютъ тебѣ предметы, кои отецъ твой любилъ болѣе всего на свѣтѣ. 17 Апрѣля ¹⁾ я буду молить Ангела твоего за тебя и за благодѣтелей твоихъ. Снова цѣлую тебя сто разъ. Богъ съ тобою! Прости, быть можетъ, на вѣки! Но если Ему угодно будетъ, чтобы и еще разъ тебя обняла: то по купону сего письма узнаешь меня. По гробъ любящая тебя мать Н. Эмжеуери ²⁾. 10 Апрѣля 1832 года».

Ребенкомъ, къ которому сразу такъ привязались старики Тутолмины, остался у нихъ на воспитаніи, а мать его такъ и не явилась и не открыла своего имени, несмотря на то, что Софья Петровна, съ этой именно цѣлью, уѣзжая въ томъ же 1832 году изъ Петербурга «напечатала въ газетахъ о способахъ получать извѣстія о дитяти». Скоро, однако, ребенку пришлось лишиться своей «покровительницы» и «благодѣтельницы». Софья Петровна, давко уже хворавшая, скончалась 22 Мая 1834 года; передъ смертью она не забыла о своемъ приемышѣ и «оставила по завѣщанію сиротѣ безбѣдное состояніе». Объ этомъ было также оповѣщено, но никто не откликнулся, и «не открылось подозрѣнія о существованіи матери въ живыхъ».

По смерти жены, Н. В. Тутолминъ, также привязавшійся къ своему воспитаннику, принялъ на себя всѣ о немъ заботы. Его беспокоила неизвѣстность происхожденія мальчика и съ цѣлью со временемъ провести его въ число Русскаго дворянства, онъ рѣшилъ прежде всего выхлопотать ему документъ на иностранное дворянское достоинство

¹⁾ Вѣроятно—17 Марта, день св. Алексія, Человѣка Божія.

²⁾ Очевидно: или перестановка буквъ еашили, или просто прочитаны названія буивъ М. Ж. у. р. и.

которое значительно облегчило бы ему возможность приписаться къ Россійскому дворянству.

Съ этой цѣлью престарѣлый Тутолминъ подалъ Государю въ Мартѣ 1836 года такое всеподданнѣйшее прошеніе.

Всемилоствѣйшій Государь.

Примѣры великодушія и милости Вашего Императорскаго Величества подають смѣлость семидесятипятилѣтнему старцу обременить вниманіе милосердаго Монарха всеподданнѣйшею просьбою моею ниже-слѣдующаго содержаніи.

О судьбѣ невиннаго сироты.

Несчастный сирота, именуемый Пасхинъ, не имѣетъ никакого званія и не принадлежитъ никакому состоянію; хотя по частнымъ бумагамъ, при колыбели его найденнымъ, видно, что онъ родился въ походѣ, во время Польской кампаніи, и что отецъ его, будучи въ чинѣ подполковника, погибъ въ сраженіи противъ Поляковъ на какой-то рѣкѣ; но въ какомъ сраженіи и котораго числа, не видно и неизвѣстно.

Въ 1832 году, Апрѣля 9 дня, въ ночь Святыя Пасхи, принесенъ былъ ребенокъ, хорошо одѣтый, и при немъ ларчикъ съ бумагами и вещами, въ домъ Тутолмина.

Дитя посаженъ былъ на дѣвичьемъ крыльцѣ, находящемся близъ воротъ, чрезъ которые весьма легко было принесшему ребенка скрыть свое предпріятіе, и удобно было, произведя оное въ дѣйствіе, мгновенно самому скрыться.

Тутъ услышаны были вопль и рыданіе невиннаго. Скоро открыли его и принесли въ ту комнату, гдѣ совершалася торжественная заутреня Свѣтлаго Христова Воскресенія. Ребенокъ, едва годовою, не только пересталъ плакать, но казалось, что онъ съ умиленіемъ соединялъ свои молитвы ко Всевышнему вмѣстѣ съ молящимися.

По совершеніи молитвъ, прекрасный ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки обнимавшихъ его съ восторгомъ умиленія, обливая слезами. Кто онъ? Какъ прозывается? Откуда?

Вскорѣ замѣтили у ребенка на голубой лентѣ подъ капотомъ привязанные къ шеѣ ключъ и письмо къ Софѣ Петровнѣ Тутолминой на Французскомъ языкѣ.

Ключъ принадлежалъ къ ларчику, поставленному между ребенка и стѣнки, чтобъ его поддерживать.

Изъ письма узнали, что дитя зовутъ Алексѣемъ. Покровительница его опредѣлила дать ему отчество Андреевича, потому что, за часъ передъ симъ происшествіемъ, мужъ ея удостоился получить орденъ Св. Андрея Первозваннаго. И ребенокъ, принесенный въ ту минуту,

когда приносимы были теплыя молитвы за Монарха-благодѣтеля, казалось, соединялъ молитвы съ предстоящими. Покровительница его въ то же время нарекла его Пасхинымъ, потому что онъ представился на сцену въ день Пасхи.

Въ шкатулкѣ находились, а именно: наставленіе сыну, истинно назидательное, писанное на Русскомъ языкѣ; дворянская медаль 1812 года, серебряная шнора, изъ гипса рука прекрасная, силуэтъ, и дѣтскія игрушки, между которыми была пушка.

Изъ бумагъ видно, что мать несчастнаго сироты, послѣ трехлѣтняго супружества, слѣдуя за дѣйствующею арміею, въ походѣ родила сына, и по выздоровленіи, спѣшила съ ребенкомъ и кормилицею на свиданіе съ мужемъ, чтобъ доставить ему счастье видѣть дитя свое, столь драгоценное и столь долго ожидаемое; но поражена была жесточайшимъ несчастіемъ, узнавъ, что мужъ ея погибъ въ сраженіи.

Повидимому, несчастная супруга и мать, пылкихъ чувствъ и воображенія, не о себѣ помышляла, а о ребенкѣ своемъ заботилась. Написала трогательное письмо къ С. П. Тутолминой, поручая ребенка своего въ покровительство ея и особое наставленіе сыну, исполненное религиозныхъ чувствъ и любви къ Монарху и Отечеству.

Здѣсь оканчиваются факты. Остаются, однако, многія вѣроятія, чтобъ истребить невыгодное мнѣніе нѣкоторыхъ людей о незаконно-рожденіи несчастнаго сироты, одареннаго плѣнительными качествами.

Весьма естественно, что несчастная супруга не медлила отыскивать своего мужа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пропалъ безъ вѣсти. Безъ сомнѣнія, на такое предпріятіе не нужно было брать ребенка, а здравый смыслъ заставляетъ оставить его съ кормилицею въ тихомъ пристанищѣ. Сама же она отправилась отыскивать обожаемаго мужа, пробиваясь между толпами мятежниковъ и употребляя всѣ средства отыскать, по крайней мѣрѣ, тѣло усопшаго.

Съ тѣхъ поръ никакого событія не замѣтно о существованіи несчастной матери. Въ такомъ положеніи обстоятельствъ невольно представляется вѣроятнымъ, что она сама была убита мятежниками, въ поискахъ ея.

Невольнымъ образомъ сіе вѣроятіе укореняется потому болѣе, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ, послѣ водворенія Пасхина, нѣтъ никакого свѣдѣнія о его матери. Безъ малаго четыре года назадъ, покровительница ребенка, отъѣзжая изъ С.-Петербурга, напечатала въ газетахъ о способѣ получать извѣстія о дитятѣ. Три года назадъ, по кончинѣ покровительницы его, также сдѣлалось извѣстно, что она оставила, по завѣщанію, сиротѣ безбѣдное состояніе. Никто однако не по-

являлся, и ни малѣйшаго подозрѣнія не открывається о существованіи матери въ живыхъ.

Между тѣмъ прекрасное дитя, отличными качествами одаренный отъ природы, сдѣлался извѣстнымъ въ обществахъ обѣихъ столицъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и то извѣстно, что въ семействѣ, гдѣ воспитывается дитя, ни за какія сокровища не согласятся съ нимъ разлучиться и повѣрить воспитаніе его постороннимъ лицамъ: столь нравственность ребенка счастливо образуется и разумъ его преуспѣваетъ.

Когда бы мать его была въ живыхъ, можно ли себя представить, чтобъ она одна была равнодушна къ невинному существу, ею порожденному, котораго красота, любезность, остроуміе и правильный разумъ удивляютъ окружающихъ его? Могла ли бы мать не видѣть подъ какимъ-нибудь предлогомъ сына своего, котораго любопытствуютъ видѣть посторонніе люди по одной наслышкѣ?

Итакъ, обращаясь къ постепенности несчастія невиннаго младенца, представляется самымъ вѣроятнымъ событіемъ то, во первыхъ, что мать, сдѣлавъ распоряженія объ участи сына своего и вручивъ кормилицѣ письма, отправилась отыскивать мужа и, пробиваясь между толпами мятежниковъ, сама погибла; во-вторыхъ, что кормилица, оставаясь на мѣстѣ перваго пребыванія неразлучно съ ребенкомъ и послѣ долговременнаго ожиданія матери полагая ее погибшею, рѣшилась, наконецъ, безгласнымъ образомъ привести ребенка въ домъ Тутолмина и самой скрыться, опасаясь ответственности и отчета въ имуществѣ, которое въ рукахъ ея находилось, родителямъ ребенка принадлежавшемъ *).

Столь несчастное происшествіе заслуживало бы не только общее состраданіе, но и несомнѣнное покровительство сиротъ, по благотельнымъ законамъ нашимъ. Все сіе, однако, основывается на частныхъ бумагахъ, не имѣющихъ законной силы. Главнѣйшій недостатокъ есть метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, котораго нѣтъ возможности отыскать. Отыскать же оное и подкрѣпить всѣ вышеприведенныя событія лучшими доводами, дабы получить установленныя свидѣтельства на дворянскія преимущества бѣднаго сироты, потеряна вся надежда, послѣ четырехлѣтняго изысканія оныхъ. Одно неизреченное милосердіе Вашего Императорскаго Величества можетъ воскресить политическое состояніе невиннаго, дозволеніемъ исходатайствовать индигнать Пасхину въ иностранномъ государствѣ и сопчислить къ Россійскому дворянству при вступленіи его въ службу. Безъ сомнѣнія, опредѣлить состояніе ребенка, безъ метрическаго свидѣтельства про-

*) Тутъ противорѣчіе: письмо матери отъ 10 Апрѣля 1832 года, т. е. писано въ самый день, когда ея ребенокъ отвесенъ къ Тутолминой; или оно нарочно помѣчено впередъ днемъ Св. Пасхи. П. Б.

тивно уставамъ, но не противно великодушному Императору услышать послѣднее моленіе семидесятипятилѣтняго старца, облагодѣтельствованнаго милостями Вашего Императорскаго Величества свыше мѣръ заслугъ.

Заботливость воспитателя сироты, судьбою поставленнаго, столько же естественна, какъ и надежда на счастливыя дарованія ребенка, дворянину свойственныя. Будучи въ семь убѣжденіи, возможно ли остаться беззаботливымъ къ будущности существа, столь драгоценнаго сердцу христіанскому и мнѣ въ особенности?

Основаніе судьбы невиннаго сироты усладить послѣдніе дни жизни моей; я безъ роптанія переселюся въ вѣчность съ неумолкаемыми молитвами ко Всевышнему за Государя-благодѣтеля.

Съ сими чувствами и глубочайшимъ благоговѣніемъ я есмь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный Иванъ Тутолминъ.

Марта дня 1836 г. Москва.

На прошеніе эго послѣдовало высочайшее соизволеніе; вице-канцлеръ графъ Нессельроде получилъ высочайшее повелѣніе войти въ сношеніе чрезъ Русскаго посла въ Вѣнѣ (д. т. совѣтника Дмитрія Павловича Татищева) съ Австрійскимъ министерствомъ относительно пожалованія Пасхину отъ Вѣнскаго двора баронскаго достоинства.

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, не дождавшись окончанія дѣла, 7 Апрѣля 1839 года скончался въ Москвѣ, «отъ нервической горячки» (погребенъ въ Донскомъ монастырѣ). Онъ поручилъ заботы о своемъ горячо любимомъ воспитаникѣ своему душеприказчику, д. с. совѣтнику Камынину ¹⁾. Дипломъ Австрійскаго императора на баронское достоинство Пасхину былъ слѣдующаго содержанія ²⁾:

„Мы, Фердинандъ I, Божіею милостію, императоръ Австрійскій, король Венгрии и Богеміи, сего имени пятый, король Ломбардіи и Венеціи, Далмаціи, Кроаціи, Славоніи, Галиціи, Лодомиріи и Иллиріи, эрцгерцогъ Австрійскій, герцогъ Лотарингскій, Зальцбургскій, Стирійскій, Каринтійскій, Крайнскій, Верхней и Нижней Силезіи, великій князь Трансильванскій, маркграфъ Моравскій, окняженный графъ Габсбургскій и Тирольскій, и проч. и проч. и проч. По примѣру Австрійскихъ монарховъ, нашихъ доблестныхъ предковъ, всегда почитали одною изъ существеннѣйшихъ обязанностей нашихъ и однимъ изъ знатнѣйшихъ преимуществъ нашей державной власти. тѣмъ, которые вѣрностію и преданностію къ государству, къ нашему лицу и фамиліи отличались и при доброй нравственности похвально озаменовали себя на службѣ

¹⁾ Василій Дмитріевичъ Камынинъ, р. 2 Марта 1777 г., † 25 Ноября 1842 г. былъ женою на Аишъ Васильевнѣ Тутолминой, † 23 Августа 1844 г., на 74 году (см. изданіе Великаго Кнзя Николая Михайловича „Московскій Неурополь“).

²⁾ Современный переводъ, сдѣланный въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

военной, въ должностяхъ гражданскаго управленія, въ наукахъ, или инымъ образомъ способствовали къ благу общественному, всенародно изъявлять милость нашу и въ особенности награждать ихъ почетнымъ возвышеніемъ званія, чѣмъ да поощряется другіе къ похвальному усердію о благѣ общемъ; въ особенности же потомки, наслѣдующіе славную награду, которую стяжали ихъ предки своими заслугами, да всегда памятують свою обязанность, подражая онымъ, являть себя достойными дворянскаго происхожденія. По сему собственное наше вниманіе постоянно обращено къ тому, чтобы отличныя заслуги нигдѣ не укрывались, и мы всемъ нашимъ правительственнымъ мѣстамъ и ихъ начальникамъ вмѣнили въ обязанность доводить до нашего свѣдѣнія о лицахъ и предметахъ, заслуживающихъ нашей всемилостивѣйшей награды. Равнымъ образомъ мы всегда расположены уважать представленіе тѣхъ, кои прошенія свои о такомъ почетномъ отличіи подтвердятъ достаточными доказательствами своихъ заслугъ. До нашего свѣдѣнія дошло, что Императорскій Россійскій д. т. с. Туттолминъ достоинъ отличной награды и особеннаго ознаменованія нашей милости и благоволенія. По сему, мы на всенижайшее прошеніе помянутаго Туттолмина всемилостивѣйше соблаговолили его воспитанника Алексея Пасхина, вмѣстѣ съ законнымъ его потомствомъ обоюга пола по нисходящей линіи, возвести въ Австрійское баронское достоинство, на употребленіе коего мы ему и его законнымъ потомкамъ, отъ нынѣ навсегда, даемъ право. Итакъ, мы хотимъ и постановляемъ, чтобы баронъ Алексѣй Пасхинъ и его законные потомки обоюга пола, нынѣ и впредь, всеми и каждымъ, были признаваемы баронами и баронессами Австрійской Имперіи и пользовались бы баронскому состоянію присвоенными правами и преимуществами. Дабы увѣковѣчить такую нашу милость и возведеніе его въ баронское званіе, мы барону Алексею Пасхину пожаловали предстоящій, посреди сей баронеской грамоты надлежащими красками изображенный, баронскій гербъ, а именно: лазоревый щитъ, посреди коего изображенъ отвисно поставленный серебряный якорь съ отогнутымъ внизъ на лѣвую сторону кольцомъ его. Сверхъ щита положена баронская корона, надъ коей поставлены три открытыя дворянскихъ турнирныхъ шлема, средній прямо, а оба крайніе обращенными во внутрь, каждый изъ нихъ украшенъ золотыми оковкою и ожерельемъ и золотую короною, съ обѣихъ сторонъ шлемовъ ниспадають лазоревые съ серебромъ наметы. Сверхъ короны средняго шлема поставленъ якорь, подобный означенному въ щитѣ, а изъ коронъ двухъ крайнихъ шлемовъ выходятъ по парѣ сложенныхъ орлиныхъ крылъ, пошеремѣнно накрестъ означенныхъ серебромъ и лазоревымъ цвѣтомъ, крылья локотками обращены во внутрь. По сему мы уполномочиваемъ барона Алексея Пасхина и его законныхъ потомковъ обоюга пола отъ нынѣ на вѣчныя времена владѣть и пользоваться вышеописаннымъ гербомъ, по безъ предосужденія правъ другихъ, кои, можетъ быть, имѣють таковой же гербъ. Въ особенности же мы повелѣваемъ всемъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ начальствамъ нашей Имперіи, чтобы они его, барона Алексея Пасхина и его законныхъ потомковъ почитали дѣйствительными баронами и баронессами, ихъ таковыми чествовали, безпрепятственно имъ дозволяли пользоваться баронскимъ состояніемъ и въ томъ имъ ни сами не мѣшали, ниже дозволяли другимъ подданнымъ государства сіе учинять; ибо тѣ, кои бы противу сего нашего постановленія поступать стали, подверглись бы царской опалѣ и приличному наказанію. Въ удостовѣреніе чего мы сію нашу грамоту утвердили нашею собственноручною подписью и привѣшеною тайною большою государственною печатью, которую мы употребляемъ по сану императора Австрійскаго, и повелѣли оную грамоту барону Алексею Пасхину и его законному потомству

выдать. Дано двадцать девятого Апрѣля, въ лѣто послѣ Рождества Христова тысяча восемьъ сотъ тридцать девятое и выдано нашимъ любезновѣрнымъ графомъ Антономъ-Фридрихомъ Митровскимъ-фонъ-Митровичъ и Немишль, владѣтелемъ имѣнія Визенбергъ, въ Моравіи, кавалеромъ Золотого Руна, кавалеромъ I-й степени и канцлеромъ Императорскаго Австрійскаго ордена Леопольда, почетнымъ командоромъ и кавалеромъ I-й степени державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, нашимъ д. т. совѣтникомъ и камергеромъ, верховнымъ канцлеромъ соединенной надворной канцеляріи, председателемъ надворной училищной комисіи, почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и проч. Въ нашемъ императорскомъ главномъ и столичномъ городѣ Вѣнѣ, тридцатаго Октября, въ лѣто послѣ Рождества Христова тысяча восемьъ сотъ тридцать девятое, нашего же царствованія въ пятое. Подписали: Фердинандъ. Верховный канцлеръ графъ Антоуъ Фридрихъ Митровскій-фонъ-Митровичъ и Немишль. Графъ Карлъ фонъ Инцаги. Баронъ Францъ фонъ-Пиллерсдорфъ. Баронъ Иванъ Лямбекъ-фонъ-Лиліенау. По именному его императорскаго королевскаго апостольскаго величества повелѣнію им. кор. надворный совѣтникъ кавалеръ Францъ-фонъ-Педерни. Записано: директоръ регистратуры имп. кор. соединенной надворной канцеляріи Іосифъ Фридрихъ Эмиль Приммель.

Получивъ этотъ дипломъ, душеприказчикъ Тутолмина, В. Д. Камынинъ, «согласно изустной воли покойнаго», обратился къ министру юстиціи *) съ просьбой «объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора, какъ на принятіе Пасхину баронскаго достоинство и герба, пожалованное ему Австрійскимъ императоромъ, такъ и на сопричисленіе его къ Россійскому дворянству». Министръ Юстиціи, ордеромъ 25 Октября 1846 г. поручилъ геролдмейстеру доложить дѣло Правительствующему Сенату.

Сенатъ, въ общемъ собраніи, на основаніи 381 и 382 ст. Св. Т. V-го Учреж. Государ., большинствомъ голосовъ, опредѣлялъ: поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ объ утвержденіи Алексѣя Пасхина въ баронскомъ достоинствѣ Австрійской Имперіи.

По этому дѣлу, представленному при меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта 17-го Мая, послѣдовала на меморіи, 10-го Іюня 1843 г., въ Петергофѣ, высочайшая резолюція: «По смыслу прошенія д. т. с. Тутолмина слѣдуетъ ему даровать Россійское дворянское достоинство только при вступленіи въ службу; нѣтъ причины отступать отъ сего желанія; къ поступленію же въ воспитательное заведенія достаточно и иностраннаго дворянства».

Указъ Правительствующему Сенату отъ 18 Іюня 1843 года данъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Снисходя къ принесенному намъ отъ покойнаго д. т. совѣтника Тутолмина прошенію, воспитанника его, Алексѣя Пасхина, возведеннаго въ Австрійское баронское достоинство грамотою Австрійскаго императора отъ

*) Министромъ Юстиціи былъ въ то время графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, родной племянникъ жены И. В. Тутолмина и свойственникъ В. Д. Камынина.

29 Апрѣля 1839 года, всемилостивѣйше повелѣваемъ: признавать въ семь достоинствѣ, съ тѣмъ, чтобы къ дворянству Россійской Имперіи онъ, по смыслу упомянутого прошенія, сопрічисленъ былъ уже при вступленіи его въ службу. „Николай“.

Въ Петергофѣ
18 Іюня 1843 г.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о баронѣ А. А. Пасхинѣ, извлеченнымъ изъ Архива Государственнаго Совѣта (Деп. гражд. дух. дѣлъ, 1843 г., № 103), считаемъ нелишнимъ сообщить еще нѣкоторыя данныя о дальнѣйшей его судьбѣ и служебной дѣятельности, которыя удалось пока найти.

Вскорѣ Пасхинъ лишился и своего опекуна В. Д. Камышка, умершаго 25 Ноября 1842 г., въ Москвѣ (похороненъ въ Андроніевомъ монастырѣ), а затѣмъ, 23 Августа 1844 г. скончалась, 74 лѣтъ, и его жена, родная сестра И. В. Тутолмина, Анна Васильевна (погребена въ Донскомъ монастырѣ). При нихъ, или уже послѣ ихъ кончины, мальчикъ былъ отданъ учиться въ Московскую *Реальную* гимназію, гдѣ, однако, изучалъ, въ числѣ прочихъ наукъ, и Латинскій языкъ. 25 Сентября 1850 г., приблизительно 20 лѣтъ, Пасхинъ поступилъ, на правахъ вольноопредѣляющихся, унтеръ-офицеромъ въ гусарскій полкъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, и 6 Декабря былъ произведенъ въ юнкера 21 Мая 1851 г. въ эстандартъ-юнкера. Въ 1852 г., 30 Декабря, Пасхинъ былъ произведенъ, «имѣи», какъ сказано въ формулярномъ его спискѣ, «отъ роду 21 годъ». Въ 1854 г. онъ участвовалъ въ Крымской кампаніи, переведенъ, 5 Февраля этого года, въ лейбъ-кирасирскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича (нынѣ кирасирскій Ея Величества, «синіе кирасиры»), гдѣ и произведенъ въ поручики 11 Апрѣля 1854 же года. Черезъ полтора года, 12 Января 1856 г., баронъ Пасхинъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ 4-й резервный дивизионъ, корнетомъ. Служа въ лейбъ-гусарахъ, онъ былъ произведенъ 7 Апрѣля 1857 г. въ поручики, 12 Апрѣля 1859 г. въ штабы-ротмистры, и 3 Апрѣля 1860 г. въ ротмистры ¹⁾. Баронъ Пасхинъ въ 1855 г., съ 30 Октября, бралъ отпускъ на 28 дней (затѣмъ продолженный на 1 мѣсяцъ и 2 дня) «по случаю смерти диди» ²⁾. Позднѣе онъ ѣздилъ за границу: 4 Марта 1862 г. онъ былъ уволенъ

¹⁾ Общ. Архива Главнаго Штаба, книга формул. списковъ лб.-гв. Гусарскаго Ея Величества полка, 1861 г., № 3730.

²⁾ Кто этотъ дядя, — намъ неизвѣстно.

въ отпускъ въ Германію, Францію, Англію и Италію, на 11 мѣсяцевъ, «для излѣченія болѣзни».

21 Іюня 1863 г. командующій лейбъ-гвардіи гусарскимъ Его Величества полкомъ полковникъ Лашкаревъ, рапортомъ за № 682, доносилъ Государю: «Вашему Императорскому Величеству доношу, что командуемаго мною полка ротмистръ баронъ Пасхинъ, пользовавшійся на квартирѣ въ С.-Петербургѣ отъ болѣзни прилива крови къ головъ, вчерашняго числа умеръ» (г. Царское Село) ¹⁾.

По формулярному списку 1861 г. баронъ А. А. Пасхинъ «31 года, изъ дворянъ Московской губерніи» ²⁾, показанъ холостымъ.

На памятникъ барона Пасхина въ Сергіевой пустынѣ (близъ Петербурга) значится: «родился 17 Апрѣля 1831 г., умеръ 20 Іюня 1863 г.».

Вѣроятно еще многіе помнятъ барона Пасхина, равно какъ живы еще и его сослуживцы по полку. Было бы интересно, если бы они сообщили имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія и воспоминанія о немъ, а равно также и о томъ, не сообщалъ ли онъ какихъ-либо подробностей или предположеній о своемъ происхожденіи.

А. Голомбѣвскій.

¹⁾ Общ. Архива Главнаго Штаба, 1/4, 1863 г. № 24. Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства.

²⁾ 22 Августа 1861 г. С.-Пб. Двор. Деп. Собрание представило, за № 1101, въ Сенатъ опредѣленіе свое отъ 22 Декабря 1860 г. о внесеніи барона Пасхина въ V часть родосл. книги, что и было утверждено Сенатомъ 12 Сентября 1861 г. (указъ 2 Ноября 1861 г. за № 8695).

ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ.

Смутны воспоминанія изъ дѣтства. Они отрывочны и непослѣдовательны. Связи между запомненными событіями не удержишь: все забъгаешь впередъ. Руководить скорѣе мѣсто, гдѣ было событіе, чѣмъ время самаго событія. Трудно опредѣлить, какое первое ощущеніе запомнилось; кажется, чувство жара, страшнаго сухого жара внутри и снаружи во время лежанія на колѣняхъ у кормилицы или няни въ дѣтской на Трехгорной, было, по времени первое, чтò я помню *). То былъ вѣроятно жаръ во время скарлатины, которую перенесъ я очень рано, еще до четырехлѣтняго возраста. Второе, чтò помню, были (когда мнѣ шель четвертый годъ) крестины сестры Анеты въ общей гостинной Рогожскаго дома. Малелькій Трехгорный домъ и большой Рогожскій домъ того времени рисуются ясно въ воспоминаніяхъ. Въ послѣднемъ я родился въ 1849 году 17 Марта, въ Четвергъ, въ послѣобѣденное время, мѣсяцемъ раньше срока беременности матери.

Родъ нашъ, родъ именитыхъ Московскихъ купцовъ Алексѣевыхъ, ведетъ начало отъ предковъ не-Москвичей. По достовѣрнымъ историческимъ даннымъ знаменитые купеческіе роды, процвѣтавшіе въ половинѣ XIX вѣка, вели свое начало изъ мелкихъ городовъ средней полосы Россіи.

Такъ Вишняковы (свидѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ, собранныя Н. Вишняковымъ. М. 1903) вели родъ свой отъ Кашинскихъ стрѣльцовъ (Иванъ Гавриловъ 1682—1750). Крестовниковы (Семейная хроника Крестовниковыхъ. М. 1903) отъ монастырскихъ служебниковъ Даниловскаго монастыря въ Переяславль-Залѣскомъ (Левъ Михайловъ Крестовникъ 1677; Козьма 1753—1814 умеръ въ Москвѣ купцомъ; въ Москву Крестовниковы прибыли въ 1772 году, почетными гражданами стали съ 1833 года) Москвины (Мячкины) съ 1714 года Московскіе купцы изъ посадскихъ города Тулы. Котовы (Катовы) изъ города Переяславля. Куманины изъ Переяславля-Залѣскаго: Алексѣй Александровичъ Куманинъ былъ городскимъ головою въ Москвѣ въ 1812 г. (1751—1818); Константинъ Алексѣевичъ Кума-

*) С. Т. Аксаковъ также помнилъ себя, когда былъ у кормилицы. П. Б.

нинъ былъ городскимъ головою города Москвы во время коронаціи императора Николая I.

По письму ко мнѣ Семена Ивановича Алексѣева (двоюроднаго дяди моего по матери) изъ Кисловодска въ 1904 г., я узналъ, что Алексѣевы-Покровскіе т. е. жившіе у Покровскаго моста переѣхали туда изъ за Москвы-рѣки, изъ прихода Николы-Голутвина. Когда и откуда переѣхали въ Рогожскую наши, т. е. отцовскіе Алексѣевы, неизвѣстно. Домъ въ Рогожской купленъ при праѣдѣ моемъ (Семенъ Алексѣевичъ (1746—1823) вѣроятно отъ нѣкоего вельможи Екатерининскихъ временъ, и онъ уцѣлѣлъ въ пожаръ Москвы 1812 г. Алексѣевы, строгоновскіе Алексѣевы, по матери моей, фабриканты-суконщики, купили дома графа Строгонова и поздиѣ рядомъ, князя Репнина. По прямой линіи я происхожу отъ Алексѣя, Семена, Петра, Семена Алексѣевыхъ. Въ Ново-Спасскомъ монастырѣ памятники надмогильные: Московскаго I гильдіи купца коммерціи совѣтника Семена Алексѣевича Алексѣева (1746—1823); жены его Вѣры Михайловны рожденной Вишняковой (8 Сентября 1774—28 Апрѣля 1849) *); Петра Семеновича Алексѣева (1794—1850); второй жены его Анны Герасимовны, урожденной Четвериковой (1804—1873); Семена Петровича Алексѣева (1821—1885) и второй жены его Анисіи Александровны, р. Алексѣевой, троюродной сестры (1830—1897).

Преданіе гласитъ, что родоначальникъ нашъ, Алексѣй, былъ огородникомъ, разнощикомъ, на головѣ носилъ горохъ на продажу. Вѣра Михайловна, прабабушка, очень умная и энергичная купчиха, царица въ Рогожскомъ домѣ, сохранила и умножила богатство и была персоной, выдающеюся личностью стараго закона. Она между прочимъ не чужда была и френологіи и, ощупывая мою голову, высказала свое предположеніе, что я стану механикомъ-изобрѣтателемъ. Исполнилось ея предсказаніе лишь въ скромной мѣрѣ: я доселѣ изобрѣлъ только носилки, кровать для увѣчныхъ и раненыхъ съ переломами спины и таза (модель) носилокъ въ 1883 г. представлена въ складъ Краснаго Креста въ Петербургъ, гдѣ находится и понынѣ). Кромѣ сего я усовершенствовалъ тазомѣръ (Французскій) портативный, карманный; въ

*) Первая жена Петра Семеновича Алексѣева была Лухманова. Отъ нея у него былъ сынъ Дмитрій Петровичъ, дочь котораго за Алексѣемъ Николаевичемъ Мухинимъ (прѣдъ Новинскимъ, свой домъ). Слышано отъ многоуважаемой Елисаветы Михайловны Алексѣевой (рожд. Бостанжого), матери присвопаятнаго Московскаго головы, Николая Александровича Алексѣева. П. Б.

каталогъ фирмы О. Швабе въ Москвѣ въ числѣ акушерскихъ инструментовъ имѣется тазомѣръ доктора Алексѣева.

Кромѣ жилыхъ домовъ въ Москвѣ (Рогожскаго на Большой и Малой Алексѣевскихъ улицахъ около Рогожской площади и Трехгорнаго на бумагопрядильной фабрикѣ за Трехгорной заставой, купленной Семеномъ Петровичемъ, отцемъ моимъ, у Усачевыхъ за 350 тысячъ въ 1850 году) у Алексѣевыхъ, во времена дѣтства моего, были домъ противъ Александровскаго сада (трактиры), домъ на углу Тверской и Моисеевской площади, противъ Охотнаго ряда, заводъ салотопленный за Крестовской заставой, фабрика бумагопрядильная и писчебумажная въ Глинкахъ Богородскаго уѣзда, около Лосиннаго острова на Клязьмѣ, въ имѣніи бывшемъ Брюса съ памятникомъ сему послѣднему въ церкви и съ дворцомъ его. Имѣніе это въ 40 верстахъ отъ Москвы, оно съ фабриками перешло къ Колесовымъ. Въ Глинки въ пятидесятыхъ годахъ помню возилъ самолично отца моего Ечкинъ, ямщицья фирма котораго до селъ существуетъ близъ Эрмитажа.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1893 г. (кн. 2 и 5-я), въ статьѣ Покровскаго «Очерки Москвы» (стр. 397), сказано: «Именитые граждане Алексѣевы вмѣстѣ съ Боткиными, Карзинкиными и Шеваддышевыми были одни изъ крупныхъ жертвователей на военныя надобности въ 30 годахъ, на 28 стѣнъ Храма Спасителя. По 50 тысячъ р. пожертвовали въ 1812 г. князь Юсуповъ, Крестовниковы, почетный гражданинъ Алексѣй Куманинъ, коммерціи совѣтникъ Семень Алексѣевъ и Григорій Абрамовичъ Кирьяковъ. Фирму Алексѣевыхъ предоставляли два сына Семена Алексѣевича: Петръ и Владимиръ. Они въ свое время прославились тѣмъ, что для раздѣла послѣ отца наслѣдства вынудили изъ Опекунскаго Совѣта принадлежавшій имъ вкладъ свыше ста милліоновъ р.»

Преданіе гласитъ, будто бы богатству Мазуриныхъ положили основаніе довѣренныя имъ капиталы, между прочимъ и сбереженія мелкаго люда во время 1812 г.; послѣ Француза Мазуринъ будто бы подъ торжественной клятвой при колокольномъ звонѣ въ Кремлѣ отрекся отъ этихъ капиталовъ, и народная молва приписала послѣдующія злополучія Мазуриныхъ этому обстоятельству. Устроительница Ивановскаго монастыря на Солянкѣ (въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ я въ теченіи трехъ лѣтъ былъ врачомъ при этомъ монастырѣ) М. А. Мазуринъ травилъ собаками принесшаго ей повѣстку полицейскаго пристава, за что, несмотря на заступничество митрополита Филарета, подвергнута была по высочайшему повелѣнію вмѣсто тюремнаго заключенія домашнему аресту. То было въ шестидесятыхъ годахъ. Въ старинномъ

Ивановскомъ монастырѣ при Екатеринѣ Великой въ клѣткѣ сидѣла Салтыкова (Салтычиха, которой приписывали 139 убійствъ), содержалась въ заточеніи принцесса Доротея, княжна Тараканова, и въ теченіи 25 лѣтъ монахиня Досноѳея. Покровский продолжаетъ: «25 Сентября 1859 г., дѣти Петра Семеновича самымъ радикальнымъ образомъ разорились, такъ что навсегда сошли съ коммерческой арены и дожили свой вѣкъ прикащиками у богатой родни; наследники же Владимира Семеновича сохранили свое богатство и доселѣ: Александръ Владимировичъ уже скончался въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ («Золотая рѣшетка», на дверяхъ), оставивъ Москвѣ въ наследство своего сына Николая Александровича, недавняго городского голову, погибшаго трагическою смертію».

Родился я въ спальней Рогожскаго дома; позднѣе комната эта была нашей дѣтской. Рядомъ съ этой зеленой спальней безъ обоевъ съ окрашенными стѣнами и расписаннымъ цвѣтами плафономъ была диванная комната съ двумя лишь углами и полукруглой стѣною, вдоль которой прежде вѣроятно тянулись диваны. По другую сторону спальни, была комната въ одно окно, предназначенная вѣроятно первоначально быть уборной. Изъ этой угольной комнаты дома выходилъ крошечный балконъ съ золотыми перилами. Когда говорили о богатствахъ Алексѣевыхъ, помнили эти перила и серебряныя подковы рысаковъ, которыми будто бы щеголяли не знавшіе счета своимъ деньгамъ Алексѣевы. Диванная комната долгое время была моею и брата моего Саши (на два года моложе меня) спальней, но лишь зимней: лѣтомъ мы жили на Трехгорной, куда окончательно переѣхали въ 1856 г., въ большой вновь выстроенный отцомъ моимъ домъ (теперь лечебное заведеніе, дача Тьетова). Въ диванной я хворалъ горячкою, болѣлъ скарлатиною и корью рано, но не помню когда; оспой вѣтренной я хворалъ когда мнѣ было 10 лѣтъ; тогда лечилъ насъ съдой докторъ Виноградскій. Когда во время выздоровленія просили позволенія погулять мнѣ въ саду, онъ посоветывалъ развѣсить по стѣнамъ комнаты картины изображающія сады. Оспой настоящей хворалъ я на пятomъ курсѣ въ 1872 г. (осталнсь двѣ рябины надъ правой бровью); заразился я въ Екатерининской больницѣ, не видѣвъ ни одного оспеннаго больного, черезъ студента Контрима, близъ котораго сидѣлъ на лекціяхъ и который былъ кураторомъ оспенной больной въ терапевтическомъ отдѣленіи, тогда какъ я тогда былъ въ хирургическомъ отдѣленіи. Захворалъ я оспой, когда жилъ у Флѣровыхъ (Наталія Андреевна Флѣрова, ур. Пятницкая, родная тетка моей матери. Василій Павловичъ Флѣровъ, воспитатель графовъ Строгановыхъ и цензоръ; сынъ его Сергій Васильевичъ одинъ изъ первыхъ

по времени мировыхъ судей въ Москвѣ, позднѣ почетный мировой судья и болѣе 20 лѣтъ театральнй и музыкальнй рецензентъ Московскихъ Вѣдомостей подъ псевдонимомъ Васильева). Первымъ докторомъ видѣлъ меня другъ дома Флёровыхъ Алексѣй Ивановичъ Полуниинъ (деканъ, анатомопатологъ, переводчикъ Вирхова и пр.). Чтобы не заразить внучатъ Флёровыхъ, меня перевезли на Трехгорную. Сыпнымъ тифомъ я хворалъ въ 1873 г., заразившись отъ тифозныхъ, которыхъ самъ по малоопытности своей сконцентрировалъ въ своихъ палатахъ Временной Городской больницы (Титы, фабрика бывшая Алексѣя Ивановича Титова, пріятеля отцу моему; часть этой фабрики тогда была подъ арестантскимъ домомъ; быть въ Титахъ значило тогда быть арестованнымъ; теперь это Вторая Городская больница). Захворалъ я тифомъ, временно живя въ самой больницѣ; по дорогѣ на Трехгорную, сидя на извозчикѣ на Крымскомъ мосту, потерялъ сознание; пріѣхавъ домой къ своимъ, потребовалъ остричь себя голову и подъ руками цирюльника впалъ въ безпамятство на много дней. Лечившій тогда бабушку акушеръ Николаевъ посовѣтывалъ припустить мнѣ къ поздравъ півки. Помню купаніе (по господствовавшему тогда методу леченія тифа водою, по Брандту) въ холодной и постепенно охлаждаемой ваннѣ: дворникъ Ермолай вынималъ меня посинѣвшимъ изъ ванны. Въ Октябрѣ 1875 г. захворалъ я лѣвостороннимъ эксудативнымъ плевритомъ съ поворотомъ сердца вокругъ оси его вправо.

Обмороки и упадокъ силъ сопровождали это страданіе. Случай этотъ доложенъ былъ Физико-Медицинскому Обществу лечившимъ меня ассистентомъ профессора Захарьина Васиіемъ Васильевичемъ Чирковымъ. Мнѣ ставили громадныя Шпанскія мушки на спину. О пункціи грудной клѣтки при плевритѣ тогда уже поговаривали, но ея даже въ клиникѣ Захарьина еще не дѣлали. Сколько и какъ ни давали хинину, лихорадка не унималась и прошла у меня лишь отъ переменъ воздуха: меня изъ зданія клиники перевезли на Прѣсню въ Голохвастовъ домъ при температурѣ тѣла въ 39°, въ Ноябрь мѣсяцѣ. Хворалъ я съ Октября по Январь. Въ 1893 г., въ городѣ Читѣ, въ Забайкальи, у меня было небольшое воспаленіе праваго легкаго; оно прошло, какъ проходятъ пневмонія въ Сибири, быстро и безслѣдно. Въ 1899 г. появилось у меня печеночная колика съ отхожденіемъ камня и съ упорной желтухой; послѣдовательно отъ истощенія образовался тромбъ венъ лѣваго бедра. Лежалъ два мѣсяца и доселѣ бинтую ногу. Въ Октябрѣ 1900 г. дѣвъ недѣли пробылъ въ Карлсбадѣ.

Въ Рогожскомъ домѣ, когда я хворалъ горячкой, которую тогда звали первнѣй горячкой (по теперешнему вѣроятно брюшной тифъ или

тифондъ) мнѣ было лѣтъ около семи, и за мною ходила уже не нянюшка Юлія Васильевна (кормилица моя Ольга дожила до 80 годовъ, я ее видѣлъ въ послѣдній разъ въ раковой палатѣ чернорабочей, т. е. Староекатериненской больницы), а бонна-Нѣмка изъ Гамбурга Тереза Ивановна Янсень (она пробыла въ семействѣ нашемъ 20 лѣтъ и скоронена на Введенскихъ горахъ). Лечилъ меня нашъ дальній родственникъ по женѣ Дмитрія Петровича (дяди моего) Елисаветъ Николаевнѣ докторъ Московской Духовной Семинаріи и врачъ митрополита Филарета Владиміръ Ивановичъ Рахмановъ. Онъ назначилъ мнѣ для оттяженія жара отъ головы Шпанскія мушки на икры. Во время выздоровленія отъ этой болѣзни меня пользовалъ Юлій Юльевичъ Швейкартъ гомеопатъ. Онъ былъ врачомъ Вдовьяго Дома и прописалъ мнѣ мыльный спиртъ для растиранія сочлененій. Помню, какъ Тереза Ивановна растирала мнѣ колѣна этимъ скользкимъ, пѣнистымъ спиртомъ. Я, какъ бы въ благодарность за это пріятное леченіе, особенно часто назначалъ мыльный спиртъ во Временной Городской и Екатерининской больницахъ. Докторъ Швейкартъ лечилъ насъ и гомеопатіей: помню капли аконита и белладонны и бѣлыя крупинки. При боли въ горлѣ онъ съ помощью гусиного пера вдувалъ порошокъ въ ротъ, мазалъ горло ляписомъ; при расстройствѣ пищеваренія давалъ магнезію и древесный уголь чайными ложками; касторовое масло запивали огуречнымъ рассоломъ.

Рядомъ съ диванной была обширная общая гостиная, отдѣлявшая нашу половину отъ половины, гдѣ жило семейство дядюшки Алексѣя Петровича, женатаго на Анастасіи Николаевны Мазуриной. Дѣти ихъ, Маша, моя ровесница, Петя и Варя, жили этажемъ выше въ антресоляхъ. Къ нимъ вела витая, широкая, деревянная лѣстница; у нихъ въ низкой дѣтской всегда пахло анисомъ и постоянно вертѣлась Матреша-забавница, ихъ дѣвочка для игры, прозванная также «затѣйкой», потому что на ней лежала обязанность затѣвать игры. Большая общая гостиная была полна мебели, стоявшей чинно и по стрункѣ вдоль стѣнъ, и среди комнаты разставлена была мебель противно господствующему нынѣ вкусу по этой части: артистическаго безпорядка не было. Диваны стояли другъ противъ друга по стѣнамъ рядомъ, съ ними тѣсно другъ воалъ друга кресла; креслами же обставлены были круглые столы передъ диванами; все было симметрично и правильно, но не уютно, а холодно-чопорно. Исчезнувшія нынѣ изъ употребленія плевательницы были единственною мелкою мебелью и онѣ стояли симметрично какъ парные часовые у дверей. Чахлы изъ бѣлой матеріи и зимою покрывали обивку мебели и снимались только по праздникамъ или при пріемѣ гостей. Обоевъ въ этомъ домѣ не было; плафоны были чудно распи-

саны; все указывало на постройку этого дома въ концѣ XVIII вѣка. Гостиная по стѣнамъ вся увѣшена была писанными маслянными красками старинными картинами въ золоченыхъ потускнѣлыхъ отъ времени рамахъ. Вся обстановка Рогожскаго дома перешла отъ тѣхъ баръ, у которыхъ этотъ домъ былъ купленъ богачемъ Алексѣевымъ.

Въ 1736 г. упоминается о винномъ откупщикѣ Алексѣевѣ. Если я пятого поколѣнія (а именно: Петръ Семеновичъ, Семень Петровичъ, Петръ Семеновичъ, дѣдъ мой Семень Алексѣевичъ, отецъ Алексѣй): то послѣдній сынъ его Симеонъ (Памятникъ въ Новоспасскомъ монастырѣ) родившійся въ 1746 г., могъ быть откупщикомъ, а отецъ его или дѣдъ легендарнымъ Алексѣевымъ-разнощикомъ, огородникомъ или мелкимъ торговцемъ, переселившимся въ Москву.

Прадѣдушка мой Семень Алексѣевичъ былъ вѣроятно уже очень богатымъ человѣкомъ и кромѣ большого состоянія имѣлъ и вѣсь и значеніе въ обществѣ. На портретѣ, находящемся въ Шераповѣ, имѣни дѣтей моей сестры, онъ изображенъ въ жабѣ и мундирѣ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, на пуговицахъ мундира гербъ города Москвы.

Москвѣ служилъ не онъ одинъ изъ Алексѣевыхъ въ качествѣ выборныхъ: въ Городской Думѣ служилъ мой дѣдъ по матери (тоже Алексѣевъ, Александръ Васильевичъ), отецъ мой въ Судѣ близъ Иверской, троюродный братъ мой Николай Александровичъ городскимъ головою.

Отецъ мой родился въ 1825 г. въ Рогожскомъ домѣ, когда инициалы дѣдушки моего Петра Семеновича уже красовались на фронтонѣ этого дома. Отецъ мой крещенъ былъ приходскимъ священникомъ церкви Алексѣя Митрополита, стоящей на стрѣлкѣ, гдѣ сходятся Малая Алексѣевская и Николаямская улицы. Архитектура этой церкви (по положенію и разстоянію отъ Рогожскаго дома вѣроятно бывшая церковью помѣстья владѣльцевъ, баръ Рогожскаго дома) архитектура временъ Растрелли; она очень походитъ на церкви въ Останкинѣ, на Филихъ, на улицѣ Покровкѣ и рѣзко разнится отъ архитектуры созданныхъ церквей: Николаи-Ямы болѣе древней (теперь перестроенной), Симеона Столпника, Мартына Исповѣдника и Сергія въ Рогожской. Священника, крестившаго отца моего, хорошо помню; то былъ старецъ, у котораго тряслась голова; онъ пилъ горячую воду вмѣсто чая и приходилъ каждое первое число мѣсяца служить молебень въ комнату бабушки Анны Герасимовны. При немъ былъ причетникъ въ длинномъ темносинемъ сюртукѣ-кафтанѣ съ съдою косичкою. Въ городѣ Оттавѣ на обѣдѣ у вице-короля Канадскаго лорда Ленсдауна въ 1886 г. я видѣлъ тоже косичку у верховнаго судьи (кромѣ косъ у прислуживающихъ въ пудреныхъ парикахъ лакеевъ). Этотъ послѣдній былъ человѣкомъ пожилымъ, но не старымъ и потому предполагаю, что косичка его была

принадлежностью его формы, такъ какъ и мундиръ его былъ очень старомоденъ. Эти двѣ косички были тѣ немногіе остатки Zopfhaum's, которые мнѣ пришлось видѣть. Засталъ я мало стародавняго на вѣку моемъ: если не считать дамскіе кринолины, немного измѣнилось въ костюмахъ. Трубку-стамбулку на длинномъ черешневомъ чубукѣ съ янтарнымъ мундштукомъ или гусиномъ пѣрышкомъ и табакомъ Жукова я помню только у двухъ курильщиковъ: у Ивана Васильевича Живаго (магазинъ офицерскихъ вещей на Тверской) и у Алексѣя Яковлевича Кожевникова (бухгалтера Алексѣевыхъ во время процвѣтанія фирмы ихъ); видѣлъ послѣдняго больнымъ въ клиникѣ профессора Алексѣя Яковлевича Кожевникова въ Екатерининской больницѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Остатки старинны помню и на официантахъ; они при большихъ оказіяхъ носили короткіе до колѣнъ панталоны, чулки и башмаки съ пряжками. Ташкины, Александръ и Сергѣй Романовичи, были главные официанты; съ ними являлась толпа ихъ помощниковъ, которые, какъ и повара, всѣ были бритые. Мы дѣти любили глядѣть, какъ накрываютъ столы: притаскивали складныя «штуги», привезенныя откуда-то вмѣстѣ съ кухонной посудой, многоедернымъ самоваромъ и сервизомъ. Скатерти тщательно выравнивали, прикалывая ихъ булавками, столы ставились глаголемъ или покоемъ. Отецъ мой любилъ угощать, заказывать обѣды и составлять меню; въ сіе послѣднее онъ всегда старался помѣстить любимое свое блюдо салатъ изъ ершей. Ташкины являлись всегда, когда бывало что-нибудь особенное, а во времена до 1859 года особенныя обѣды, гости, пиршества на именинахъ бывали часто. Съ Ташкиными въ воспоминаніяхъ моихъ связано у меня представленіе о чемъ-то торжественномъ, веселомъ. Потому пріятно мнѣ было вспомнить старину и веселье бывшее, когда изъ клиникъ (гдѣ я жилъ съ 1873 по 1876 годъ) я приглашенъ былъ сыномъ Ташкина къ больной въ Кузьминки. Тамъ я встрѣтилъ земскаго врача доктора Константина Константиновича Толстаго; онъ мнѣ памятенъ, потому что позднѣ лежалъ во время одиаторства моего въ Екатерининской больницѣ (1878—1882) у профессора Остроумова съ хроническимъ интерстиціальнымъ воспаленіемъ почекъ. Читали лекцію надъ нимъ, и онъ приговоренъ былъ къ смерти; однако въ 1888 г. я видѣлъ его на Милліонной въ Петербургѣ среди его дѣтей. На порогѣ кабинета я оступился и чуть не задавилъ ползавшаго ребенка, на диванѣ кормилица пеленала другого младенца, тогда какъ изъ столовой доносился веселый звонкій дѣтскій смѣхъ...

Д-ръ П. С. Алексѣевъ.

г. Рига, Августъ 1807.

А. С. ХОМЯКОВЪ И М. А. МАКСИМОВИЧЪ.

Письма А. С. Хомякова къ М. А. Максимовичу.

Въ 1839 году М. А. Максимовичъ, въ то время бывшій профессоромъ Русской словесности въ молодомъ Кіевскомъ университетѣ, задумалъ изданіе повременныхъ сборниковъ историко-литературнаго содержанія подъ названіемъ: „Кіевлянинъ“. Статьи историческія, по мысли Максимовича, должны были имѣть отношеніе къ Кіеву, а произведенія собственно литературныя, стихи и проза, предполагались общаго характера. Для послѣдняго отдѣла Максимовичу необходимо было постороннее содѣйствіе.

На приглашеніе Максимовича откликнулись нѣкоторые изъ современныхъ писателей, въ числѣ которыхъ были В. А. Жуковскій, Ф. Н. Глинка, его супруга А. Н. Глинка, А. И. Подолинскій, А. С. Хомяковъ, В. Г. Бенедиктовъ, Е. П. Гребенка и другіе. Всѣ они прислали Максимовичу свои стихи, при чемъ Бенедиктовъ и Хомяковъ подарили издателя стихами, имѣвшими живое отношеніе къ дѣли самаго сборника, выраженной въ предисловіи къ первой книгѣ „Кіевлянина“. Оба написали стихотворенія на тему объ историческомъ значеніи Кіева въ многовѣковой жизни Русскаго народа.

Изданіе „Кіевлянина“ встрѣтило большія цензурныя затрудненія, хотя онъ нисколько не противорѣчилъ тому, что незадолго передъ тѣмъ было провозглашено графомъ С. С. Уваровымъ (т. е. „Православію, Самодержавію и Народности“). „Мнѣ и теперь грустно вспоминать, писалъ Максимовичъ въ 1868 году, подъ какою цензурною тяготою и съ какими ущербами въ статьяхъ, печатались тѣ двѣ книжки моего „Кіевлянина“¹⁾. Такъ цензоръ Фодотовъ не разрѣшилъ статьи Надеждина: „Палладій Роговскій“, и стиховъ И. К. (Ивана Кирѣевского?), такъ какъ послѣдніе носили духовный характеръ, а статья Надеждина заключала въ себѣ „части церковной исторіи“ и „предметы, относящіеся къ церковному управленію“²⁾. Между прочимъ, цензурныя стѣсненія постигли также стихотвореніе А. С. Хомякова „Кіевъ“. Это вызвало справедливое сѣтованіе преосвященнаго Иннокентія, который былъ съ Максимовичемъ въ постоянной дружеской перепискѣ. „Весьма жаль мнѣ

¹⁾ „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ Михаила Максимовича“, 1871, стр. 15.

²⁾ Письмо А. Фодотова къ Максимовичу отъ 1-го февраля 1840 года.

вашего и нашего Кіева. Тутъ, право, нельзя не поѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ!. Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благого¹⁾. Едва ли слова преосвященнаго о меценатахъ не относились къ графу Уварову. Первая книга „Кіевлянина“, вышла такимъ образомъ безъ стихотворенія Хомякова, появившагося только въ слѣдующемъ 1841 году, во второй книгѣ „Кіевляна“, хотя генераль-губернаторъ старался затормозить появленіе „Кіева“ Хомякова и во второй книгѣ²⁾.

Письмо, съ которымъ Хомяковъ посылалъ Максимовичу стихотвореніе „Кіевъ“, было напечатано еще самимъ Максимовичемъ въ его „Письмахъ о Кіевѣ и воспоминаніяхъ о Тавридѣ“ откуда было перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій А. С. Хомякова“ (VШ, 463). Но Максимовичъ въ своей книгѣ опустилъ добрую половину письма. Приводимъ его вполнѣ.

1.

Милостивый государь Михаилъ Александровичъ!

Извините медленность моего отвѣта на ваше любезное письмо. Оно пришло ко мнѣ въ такое время, когда я рѣшительно ничѣмъ заняться не могъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней я имѣлъ несчастіе лишиться сестры и сына, и обѣ потери были совершенно неожиданны. Я знаю, что вы пожалѣете о моемъ горѣ и примете участіе въ тяжеломъ испытаніи, которое досталось на мою долю. Двое дѣтей меня порадовали, и обоихъ нѣтъ. Братъ и сестра выросли со мною, и я остался одинъ. Очень грустно!

Хвала и честь вамъ за ваше намѣреніе. Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе *Кіевлянина*, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отозваться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнію³⁾. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный, между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Вы начинаете дѣло прекрасное, и я увѣренъ, что трудъ вашъ будетъ плодотворенъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые впушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала и которые (дурны ли, хороши ли) вылились изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце нѣсколько успокоились отъ недавнихъ ударовъ. Желаю, чтобы полученіе

¹⁾ „Письма о Кіевѣ“, стр. 14.

²⁾ Дозволены были только первыя семь строфъ.

³⁾ Здѣсь, какъ и дальше, разумѣются Польскія стремленія въ Кіевъ и Юго-Западную часть края, съ которыми вело борьбу правительство императора Николая I.

этой пьесы было вамъ хотя вполонину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее и надѣяться, что мое имя и мой посильный трудъ будутъ въ вашемъ изданіи свидѣтельствомъ уваженія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Ноября 24-го дня 1839 г.

Къ этому прибавимъ, что стихотвореніе „Кіевъ“ было сообщено Хомяковымъ Максимовичу и напечатано въ „Кіевлянинѣ“ 1841 г., съ перемѣнами противъ того, какъ оно теперь печатается.

Такимъ образомъ въ значительной степени Русская словесность обязана Максимовичу однимъ изъ лучшихъ произведеній, вошедшимъ въ школьныя книги для чтенія и потому извѣстнымъ всѣмъ и каждому.

Впоследствии, въ концѣ жизни Хомякова, они сошлись съ Максимовичемъ очень близко, подружески. Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызванъ Московскими друзьями въ Москву для завѣдыванія „Русскою Бесѣдою“. Здѣсь Максимовичъ прожилъ до весны 1859 г., за исключеніемъ только лѣта 1858 г., когда онъ ѣздилъ на свою Михайлову Гору, надъ Днѣпромъ. Это пребываніе Максимовича въ Москвѣ, кромѣ участія его въ „Русской Бесѣдѣ“, сблизало его съ Хомяковымъ по ихъ совмѣстной дѣятельности въ „Обществѣ любителей Россійской словесности“. Заглохшее въ тридцатыхъ годахъ, Общество это было возобновлено въ 1858 г. стараніями неутомимыхъ Русскихъ древнелюбцевъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали Погодинъ, Хомяковъ и Максимовичъ, при чемъ предѣвателемъ Общества былъ Хомяковъ, а секретаремъ Максимовичъ, а послѣ него М. Н. Лонгиновъ; а назначаемъ и размѣстителемъ гостей—С. А. Соболевскій *).

При томъ же, только отъ этого времени мы имѣемъ письма Хомякова къ Максимовичу, указывающія на ихъ дружбу, проникнутую глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ. Вотъ Максимовичъ пишетъ какіе-то стихи и посылаетъ ихъ своему другу, поэту признанному (самъ Максимовичъ въ своей жизни мало написалъ стиховъ). Хомяковъ въ свою очередь шлетъ Максимовичу стихотвореніе „Труженикъ“ („По жесткимъ нивамъ сорной нивы“) и дѣлаетъ слѣдующую приписку: „Благодарю за милые стихи, которые бережно спрятали и хранить буду“ (1858 г.).

*) Члены сѣдѣли за длиннымъ столомъ, а гости-посѣтители вокругъ стола. Однажды прибывшіе на засѣданіе С. П. Шиповъ и супруга его Анна Евграфовна (рожд. графиня Комаровская) заняли два членскія мѣста. Соболевскій пригласилъ ихъ пересѣсть на посѣтительскія. Когда началось чтеніе, Соболевскій кинулъ мѣчъ черезъ столъ бумажку, на которой было написано:

Такъ, въ немилость я попалъ
Къ мудрой генеральшѣ,
Хоть всегда себя держалъ
Отъ нея подальше.

Во второй половинѣ 1859 г. Максимовича уже не было въ Москвѣ: онъ навсегда поселяется въ своемъ нагорномъ уединеніи, надъ Днѣпромъ-Славутою. Въ слѣдующемъ году преобразилось изданіе „Русской Бесѣды“ основанной А. И. Кошелевымъ. Объ этомъ извѣщаетъ Максимовича прежде всего И. С. Аксаковъ, на которомъ лежала „нравственная отвѣтственность изданія“, какъ было сказано въ „Заключительномъ Словѣ“ журнала. И. С. Аксаковъ прислалъ Максимовичу это „Заключительное Слово“ со слѣдующею надписью: „Вотъ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, и отвѣтъ на вашъ вопросъ о „Бесѣдѣ“. Въ теченіе года А. И. Кошелевъ намѣренъ издать самъ отъ себя два или три сборника, а черезъ годъ надѣюсь и я добиться дозволенія учредить свой собственный журналъ или газету... Но какъ ужасно грустно, какъ неказанно грустно!“

Это грустное настроеніе руководителей „Бесѣды“ сказалось и въ „Заключительномъ Словѣ“, хотя оно проявлено вѣрою въ жизненность и развитіе Славянофильскихъ воззрѣній. „Съ тяжелымъ чувствомъ, говорится въ немъ, разстаемся, хотя и на время, съ нашею журнальною дѣятельностью. Намъ дорого было это періодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служеніе нашей народности; мы свято чтимъ наше литературное знамя, знамя народнаго самосознанія во всѣхъ областяхъ жизни и духа; намъ жаль нашего прерваннаго труда“.

„Русская Бесѣда“ закрылась потому, что издатель А. И. Кошелевъ не имѣлъ возможности лично руководить журналомъ, а утвердить редакторомъ И. С. Аксакова Министерство Народнаго Просвѣщенія не соглашалось. Кошелевъ звалъ и другихъ главныхъ сотрудниковъ взять на себя завѣдываніе журналомъ и предлагалъ даже ежегодную помощь въ количествѣ шести тысячъ рублей въ годъ; но никто не согласился принять на себя такое отвѣтственное въ то время дѣло, какъ руководство журналомъ. Въ этомъ случаѣ, надо думать, имѣли значеніе также тѣ нравственныя причины, на которыя указывалъ Хомяковъ въ приводимомъ ниже письмѣ къ Максимовичу, т. е., равнодушіе публики и трудность борьбы за Славянофильскія идеи съ изданіями западнаго наклонна.

Мы намѣренно остановились на превращеніи „Русской Бесѣды“, чтобы полнѣе освѣтить начало слѣдующаго письма Хомякова къ Максимовичу.

Отчего пришла въ азартъ
На меня Шипиха?
Что Шяповъ не Бонапартъ
Она не Монтихо. П. Б.

2.

Любезный другъ.

Давно получилъ я письмо твое и, разумѣется, давно собрался отвѣчать, да все-таки до сихъ поръ не отвѣчалъ. Странное, право, какое-то совпаденіе встрѣчь съ тобою или какого-то таинственнаго вліянія съ моею стихопроизводительностью. Вотъ и въ этотъ разъ. Въ самый день, какъ я отъ тебя получилъ письмо, написалъ я стихи, которые теперь уже напечатаны въ «Бесѣдѣ», и эти стихи, надѣюсь, поправятся. Я знаю, что ты любишь, чтобы стихъ былъ чисто отдѣланъ (въ чемъ, разумѣется, ты и правъ), а эти отдѣланы съ особеннымъ щегольствомъ и пѣвучестью. Не посылаю ихъ къ тебѣ, потому что уже печатаются. Что наша «Бесѣда» покончила житіе, иначе и быть не могло, и я изъ первыхъ объявилъ ей приговоръ; а жаль и очень жаль. Когда я читалъ Заключительное Слово, ужасно стало грустно, а все-таки я убѣжденъ, что продолжать было нельзя. Публика наша—«аспидъ глухъ, иже не обавается отъ премудра»; не знаешь, какъ и вѣзаться за нее. Впрочемъ, я думаю, что насъ особенно зарѣзало отсутствіе газеты. Мнѣніе, которое идетъ наперекоръ общему мнѣнію одною тяжелою артилеріею, не собьетъ непріятели съ позиціи. Нужны застрѣльщики. А право, какъ-то во всемъ этомъ видна особенная, какъ будто испытывающая судьба. Надобно же запретить «Парусъ» за такія статьи, которыя вовсе не сильнѣе многихъ ежедневно пропускаемыхъ ¹⁾. Кончила, впрочемъ, «Бесѣда» со славою (Записки Державина—важнѣйшій историческій памятникъ) и съ скандаломъ (дѣло Якушкина). И то хорошо ²⁾.

Я было и забылъ, что ты писалъ ко мнѣ именно о моей ногѣ, дружески спрашивая объ ней. Помучился таки я съ нею. Отъ безопасности своей вылетѣлъ я изъ тарантаса и, не переломивъ, даже не вывихнувъ ноги, такъ вытянулъ жилы въ вертлугъ (что очень опасно), что долженъ былъ ожидать продолжительной хромоты. Къ несчастію, сгоряча показалось мнѣ боль сносною, а я былъ въ полѣ: не хотѣлось вернуться, не потравивши. Я проѣздилъ еще часовъ пять съ болями, которыя наконецъ стали нестерпимыми; кажется, этимъ-то я себя и употчивалъ. Долго не могъ я вовсе ходить; сидѣть также не могъ, да и въ лежачемъ положеніи очень сильно страдалъ. Всѣ натиранія, всѣ наружныя средства усиливали боль; наконецъ натура ли, гомеопатія

¹⁾ „Парусъ“ П. С. Аксакова былъ закрытъ въ томъ же 1859 году.

²⁾ Извѣстный случай ареста П. И. Якушкина Псковскою полиціею.

ли, сталъ я оправляться и теперь хожу почти безъ хромоты; но быстрыя движенія еще невозможны, боль еще есть, хотя и легкая, и нога нѣсколько ссохлась и исхудала въ мускулахъ. Затѣмъ прибавлю тебѣ, какъ и всѣмъ друзьямъ: не браните! Я уже и такъ наказанъ: не только долго мучился, но, что еще хуже, прогулялъ такую великолѣпную осень, какой не скоро доживетъ охотникъ. Дни, какъ на заказъ, тепловатые, тихіе, только бы въ поле. Такой осени и такого, можно сказать, милаго начала зимы я не запомню. Кстати объ исхуданіи мускуловъ: я теперь фехтую, чтобы укрѣпить ногу. Исхуданіе я приписываю отчасти боли, отчасти неподвижности. Доктора безтолковы: они на это не обращаютъ достаточно вниманія. Вѣдь теперь дознано, что венозная темная кровь, которою питается тѣло (мускулы) при напряженіи члена обращается въ алую quasi-артеріальную. Одинаково ли питаніе въ обоихъ случаяхъ? Быть не можетъ. Вотъ почему движеніе необходимо, и почему больной членъ часто худѣетъ и ссыхается не столько, думаю, отъ боли, сколько отъ неподвижности, къ которой онъ осужденъ для избѣжанія боли. Что скажешь? Вѣдь я медикъ не изъ послѣднихъ; зато я и бѣшусь на всѣ медицинскіе журналы и газеты. Почти ни одного путнаго замѣчанія. Такъ напр. въ моей практикѣ изъ болѣе чѣмъ тысячи острыхъ болѣзней было у меня только три смертные случая (кромѣ двухъ или трехъ неосторожностей), и всѣ три были отъ скарлатинной или тифозной заушницы. Она убиваетъ съ небольшимъ въ сутки людей, повидимому, уже выздоравливающихся; и объ этомъ ни слова нигдѣ! Вылѣчивать ее нѣтъ средства: надобно предупреждать, а какъ предупредить? Думаю, что покуда только и есть одно средство—натираніе за ухомъ свинымъ саломъ всѣхъ больныхъ скарлатиною или тифомъ. Если переписываешься съ какимъ медикомъ, сообщи это.

Третьяго дня кончилъ я нѣкоторое писаніе, подъ которымъ хочется видѣть подпись друзей, именно Соборное Посланіе къ Сербамъ. Я разумѣется даю его на разсмотрѣніе всѣхъ пріятелей въ Москвѣ, такъ какъ предлагаю подписать. Это совѣты и предостереженія. Такъ какъ хотѣлось бы дѣло сдѣлать поскорѣе, а твоей подписью дорожу, то позволь ее поставить заочно, и если хочешь, назначь кому вѣришь въ дѣлѣ критики и слѣд. подписи за тебя *).

Наше дѣло по Обществу все еще не ладится. Министерство отказало. Иные совѣтуютъ жаловаться въ Сенатъ, другіе (и я въ томъ

*) „Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы“, было напечатано въ Лондонѣ. Подпись Максимовича подъ нимъ не было. См. Сочиненія Хомякова, 1900 г. т. 1, 377—406.

числѣ) Голударю. Лонгиновъ написалъ просьбу, но я ее забраковалъ: длинна и имѣеть видъ слишкомъ судебный. По газетамъ вижу еще собраніе: вѣроятно, по этому дѣлу. Досадно, что еще не могу быть въ Москвѣ. Разумѣется, безъ меня просьбы на высочайшее имя не пошлютъ, но неловко и критиковать заочно ¹⁾).

Прощай, дорогой другъ. Благодарю за помощь и за заботу. Кланяйся Марьѣ Васильевнѣ ²⁾). Правда ли что есть надежда?.. Дай Богъ и видѣть осуществленное, и вырастить, и радоваться.

Твой А. Хомяковъ.

Декабря 2 д. 1859 ³⁾).

3.

Москва, 21-го Марта 1860 года.

Поздравляю тебя, дорогой мой Максимовичъ, поздравляю Марью Васильевну, радуюсь за васъ душевно. Цѣлую маленькаго казачка Алексѣя (благодарю за выбранное имя), а все-таки, хоть и Алексѣй, онъ Богданъ, какъ Хмельницкій, какъ всякая радость Богъ—дана. Не такъ ли? Вѣдь странная и престранная вещь. Какая это радость въ кусочкѣ мяса безмысленнаго, каковы поворожденные дѣти, а есть ли на свѣтѣ радость чище и больше? Рѣшительно нѣтъ. Какъ глубоко Евангеліе выражаетъ ее, или, лучше сказать, ея духовное начало: «яко человекъ родился въ міръ». Эта крошка, ужъ онъ человекъ, новый сынъ — не вашъ только, Михаила и Маріи, а Божій. Молюсь, какъ умѣю за него: молюсь, чтобъ Богъ далъ вамъ на него радоваться, а тебѣ съ нимъ еще люльку курить. Я своему Мигѣ не запрещаю (это не въ моемъ обычаѣ), но и не совѣтую курить трубку; а чувствую, что, будь я хохоль, какъ ты, непременно далъ бы ему трубку, да еще съ коротенькимъ чубучкомъ. Вотъ какіе пустяки составляютъ и очерчиваютъ народность. У насъ трубка ничего, а въ Малороссіи она вещь историческая: она имѣеть характеръ преданія, характеръ, который въ Англии я бы назвалъ торіизмомъ, и вовсе не курящій Малороссъ миѣ казался бы какимъ-то выродкомъ, нововводителемъ, готовымъ отступить даже отъ Кириллицы. Хоть и у васъ духовенство не очень-то

²⁾ Общество Любителей Россійской Словесности хлопотало объ изданіи своихъ ученыхъ трудовъ безъ предварительной цензуры, но Министерство Нар. Пр. не согласилось на это.

¹⁾ Супруга М. А. Максимовича. Максимовичъ женился въ старости. Молодая супруга его была дочерью той особы, въ которую онъ влюблялся будучи юношею (слышано отъ него самого). П. Б.

³⁾ Годъ поставленъ нами; онъ приписанъ въ началѣ письма рукою Максимовича.

къ люлкѣ благоволило, но въ ней выразилась свобода казачья, и она получила нравственное значеніе. Дай Богъ Михаилу и Алексѣю выкурить несчетное число люлекъ подъ черешнями, или какимъ тамъ ни есть деревомъ, вашей милой Малороссіи!

У васъ небось теперь во всю пору весна, а у насъ еще снѣгъ до крышъ, и ждемъ наводненія, какого не бывало. Такихъ снѣговъ никто не запомнитъ: крестьяне радуются, говоря, что Богъ на старое ворочаетъ. Вѣдь старые люди всегда увѣряютъ, что въ старину все было лучше, а тогда были и жары жарче, и морозы злѣе, и снѣга глубже, и хлѣба рослѣе, и люди здоровѣе. Значитъ, коли Богъ на старое ворочаетъ, то всего добраго можно ждать. Такъ ли, не такъ ли будетъ, а въ этомъ видно одно: умъ народный настроенъ на надежду. И все это приписываю эмансипаціи, и точно также готовъ ждать лучшаго.

Вотъ хоть бы въ нашемъ Обществѣ .І. Р. Сл., несмотря на пагостную штуку, сыгранную съ нами Бодянскимъ, и на уменьшеніе нашихъ правъ, сдѣланное, очевидно, по просякамъ Главнаго Ценз. Комитета, несмотря на то, что печатная наша дѣятельность убита разомъ, и что конкуренція Общества вспоможенія бѣднымъ литераторамъ отняла у насъ множество статей для чтенія, дѣятельность не только не прекратилась, но значительно усилилась. Никогда такого стѣсненія слушателей не было: просто давка, если бы не соблюдали строгаго порядка по части билетовъ; никогда такихъ серьезныхъ чтеній не бывало. Вчерашнее засѣданіе было настоящимъ триумфомъ, и, вправду, очень и очень занимательнымъ. Цѣлый день въ клубахъ и по домамъ только и было рѣчи, что объ немъ. Чисто-Славянофильское.

Списокъ блюдъ.

Рѣчь президента.

Стихи Вяземскаго.

О Смутномъ времени К. С. Аксакова.

Стихи о Смутномъ времени П. С. Аксакова).

Раскольничья поэзія—Безсонова.

Рѣчь президента.

Я только сѣлъ, какъ вспомнилъ про составъ угощеній и 'составъ рѣдъ четверостишіе:

Горя надеждой и отвагой,
Давая слову полный ходъ,
Густой Славянофильской брагой
Мы угостимъ честной народъ.

Однакоже я ихъ не сказалъ громко, но передалъ сосѣдямъ, тѣ другимъ, и скоро всѣхъ обошли стихи. И точно, это была гуща славянофильства. Но эффектъ огромный. Чтеніе длилось безъ малаго три часа. Суди же, какъ длинны были статьи—всего двѣ; и за всѣмъ тѣмъ ни минуты не слабѣло вниманіе. Такое засѣданіе сдѣлало бы честь хоть бы Лондону; одни только западники бѣсятся. Еще другое торжество Москвы. Приѣхалъ сегодня Молинару ¹⁾, извѣстный политико-экономъ. Ему въ Питерѣ давали обѣдъ, и рѣчи говорили; а здѣсь его лекціи совершенно уничтожены лекціями Бабста ²⁾ о тѣхъ же предметахъ. Это успѣшное соперничество сильно подняло вѣру въ домашнюю науку. Бабстъ же, какъ извѣстно, черезъ Чицова ³⁾ примкнулъ къ Славянофиламъ, а Молинару подъ покровительствомъ Р. Вѣстн. И ты боишься читать лекціи! Это курамъ на смѣхъ. Ты, съ своею горячею любовью къ Малороссіи, съ своимъ знаніемъ объ ея прошедшемъ, съ своимъ даромъ слова, сомнѣваешься въ успѣхѣ! Да у тебя будутъ драться за мѣста; у всѣхъ на лекціяхъ толпятся: по ухабамъ, о которыхъ ты и понятія имѣть не можешь, съ конца въ конецъ Москвы скачутъ, вечеромъ, чуть-чуть не съ опасностью жизни, а къ тебѣ не привалитъ валомъ? Полно: рѣшайся! Миѣ этого смерть бы хотѣлось не потому только, что хочу тебя здѣсь видѣть и Марью Васильевну, но и потому, что тебя лучше и больше бы знали, и что твои лекціи были бы великимъ приобрѣтеніемъ для литературы исторической. Прощай, милый мой Максимовичъ, рѣшайся и давай слово твердо.

Твой А. Хомяковъ.

По смыслу этого письма, Хомяковъ уже раньше обращался къ Максимовичу съ предложеніемъ приѣхать въ Москву читать лекціи. Приѣздъ Максимовича однако не только не состоялся, а онъ даже больше не увидѣлся съ Хомяковымъ, почившимъ черезъ полгода послѣ приведеннаго письма. Судьба, награждая Максимовича знаменитыми друзьями и единомышленниками, въ тоже время поражала его, заставляя переживать кончину большинства ихъ.

В. В. Даниловъ.

¹⁾ Густавъ Молинару, Бельгійскій политико-экономъ, сотрудничавшій въ Русскихъ журналахъ.

²⁾ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ (1824—1881) извѣстный Русскій политико-экономъ и ученый писатель.

³⁾ Федоръ Васильевичъ Чицовъ (1811—1877) экономистъ и писатель-Славянофилъ.

Приводимъ стихи Хомякова въ томъ видѣ, какъ они появились въ „Кіевлянинѣ“ 1841 года. П. Б.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Силы Русской колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися;
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

—„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей.“
—„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей“.

—„Край мой—теплый берегъ Евксина!“
—„Край мой—берегъ тѣхъ дальныхъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Заковала океанъ.“

—„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Въченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ земли моя родная!“
„Мнѣ отчизной—старый Псковъ.“

—„Я отъ Ладоги холодной.“
—„Отъ лазурныхъ волнъ Невы.“
—„Я отъ Камы многоводной.“
—„Я отъ матушки-Москвы“ *).

*) Дальнѣйшее не было дозволено Бибиковскою цензурою.

ПОПРАВКИ И МЕЛОЧИ.

Въ XI книжкѣ „Русскаго Архива“ 1907 года, на стр. 558-й, допущена грубая ошибка: митрополитъ Филаретъ, въ Пасхальную заутреню въ Успенскомъ соборѣ, ходилъ къ мощамъ Московскихъ святителей Петра, Ионы и Филиппа, отъ одного угла собора къ другому, не съ дикиріемъ и трикириемъ въ рукахъ, а съ Распятіемъ въ лѣвой рукѣ и съ кадломъ въ правой.

*

Къ статьѣ „Московское купечество XVIII и XIX вѣковъ“. Въ 12-й тетради „Р. Архива“ 1907 года, на стр. 498 напечатано, что Салаевы вступили въ Московское купечество въ 1905 г. Въмѣсто этого года слѣдуетъ читать 1805.

*

На стр. 496 высказано предположеніе, что сенаторъ В. П. Зубковъ происходилъ изъ Московскаго купеческаго рода. Предисловіе Б. Л. Модзалевскаго къ „Запискамъ В. П. Зубкова“ подтверждаетъ это предположеніе; хотя г. Модзалевскій и не указываетъ, что дѣдъ Василія Петровича Авраамъ Васильевичъ былъ Московскій купецъ (у него онъ названъ прапорщикомъ), но всѣ имена и фамиліи, находящіяся въ ревизскихъ сказкахъ, тождественны съ упоминаемыми въ предисловіи къ Запискамъ. Невѣрно только указаніе Б. Л. Модзалевскаго о томъ, что Петръ Абрамовичъ Зубковъ—сынъ (р. 1762) Авраама Васильевича отъ брака съ А. А. Бабушкиной (р. 1749): онъ происходилъ отъ перваго брака его отца съ Пелагеей Ивановной Уткиной († 1774 г.).

*

Нѣкоторые изъ благосклонныхъ читателей выражаютъ намъ (иные и не безъ упрека) недоумѣніе, зачѣмъ посильныя замѣтки наши объ изданіяхъ и вѣдкахъ, показавшихся намъ достопамятными, появляются не въ самомъ „Русскомъ Архивѣ“, а внутри сорочекъ онаго, которыя-де иногда, особливо для переплета, уничтожаются. Это происходитъ отъ того, что въ листахъ „Русскаго Архива“ помѣщаются историческія бумаги, говоряція сами за себя, либо статьи, за которыя отвѣчаютъ писавшіе ихъ; наши же отзывы и замѣтки могутъ нравиться или не нравиться и во всякомъ случаѣ не имѣютъ значенія строго-исторіографическаго. Кому они любы, пусть сберегаетъ ихъ и прикажетъ переплетчику не срывать сорочекъ съ книжекъ. П. Б.

4192. О докторѣ Герасимѣ Ивановичѣ Кораблевѣ. Николая Левашова. 1885. II, (8), 584.
4193. Н. И. Костомаровъ, Александра Корсунова. 1890. III, (10), 199—221.
4194. О Костровѣ и о переводѣ Золотого Осла. 1870. (3), 0709—0716.
4195. Письмо Е. И. Кострова (со стихами) къ Суворову. Сообщ. Н. Н. Мазуркевичемъ. 1874. (7), 4—6.
4196. Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу. Сообщ. П. А. Ефремовымъ. 1868. (6), 970—972.
4197. Г.-лейт. Н. В. Креницынъ. 1898. II, (8), 644—648. Здѣсь посланіе къ нему Е. А. Баратынскаго.
4198. Крестовскій - псевдонимъ. Воспоминаніе В. Горленка. 1897. I, (4), 658—663.
4199. О Крыловѣ. Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. 1863. 68—73.
4200. Разказы о Крыловѣ. Н. М. Колмакова. 1865. (8), 1007—1012.
4201. Къ біографіи И. А. Крылова (молодая любовь его къ А. А. Константиновой). П. Алабина. 1868. (4—5), 860—866.
4202. Замѣтки о Крыловѣ. В. В. Каллаша. 1902. I, (4), 568—571.
4203. Письмо Крылова къ М. П. Сумароковой. Сообщ. И. Д. Деляновымъ. 1865. (8), 991—994.
4204. Несбывшіеся творческіе замыслы Крылова. В. В. Каллаша. 1903. III, (11), 499—506.
4205. Ложныя сочиненія Крылова. Д. Д. Языкова. 1879. III, (12), 486—487.
4206. О басняхъ Крылова. М. Н. Лонгинова. 1864. (11—12), 1246—1251.
4207. Хронологическій списокъ басенъ Крылова. В. Кеневича. 1865. (4), 501—514. (8), 993—998). Замѣтка М. Н. Лонгинова. 1865, (7), 871—872. (10—11), 1407—1408.
4208. О заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. Кеневича. 1865. (8), 999—1008.
4209. Басня Крылова „Прихожанинъ“. В. Кеневича. 1866. (2), 255—259.
4210. Маскеральныя стихотворенія Крылова. В. Кеневича. 1866. (8—9), 1335—1340.
4211. Басня Крылова. „Пестрыя Овцы“. В. Кеневича. 1867. (3), 386—392.
4212. Эпиграмма Крылова. И. И. Хаченка. 1869. (4), 074.
4213. Левъ Андреевичъ Крыловъ. В. Кеневича. 1868. (2), 239—266. Переписка съ братомъ Иваномъ.
4214. Изъ писемъ В. Д. Кудрявцева къ гр. А. Д. Блудовой. Сообщ. гр. А. Д. Блудовой. 1901. II, (5), 155—160. Объ иновѣрцѣ Ренардѣ. О книгѣ Ренана „Vie de Jesus“.
4215. Н. В. Кукольникъ на Дону. А. А. Карасева. 1894. II, (8), 590—591. Здѣсь стихи Кукольника „къ Дону“.
4216. Шуточное посланіе Н. В. Кукольника И. П. Мятлеву. 1891. II, (8), 500.
4217. „Рука Всевышняго отечество спасла“. Драма Н. В. Кукольника. Изъ воспоминаній Теобальда (В. А. фонъ-Роткирха). 1889. III, (12), 509—511.
4218. Новый поборникъ отжившихъ теорій. Замѣтка Д. И. Иловайскій. 1898. I, (4), 632—636. О трудахъ Ю. А. Кулаковскаго.
4219. Поимка В. К. Кюхельбекера. (Два распоряженія цесаревича Константина Павловича). Съ предисл. М. О. Шугурова. 1870. (2), 404—408.
4220. Приключенія съ В. К. Кюхельбекеромъ. Сообщ. Н. А. Поповъ. 1880. I, 490.
4221. Письмо В. К. Кюхельбекера къ Жуковскому. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. 1872. (5), 1004—1008.

4222. Письмо Кюхельбекера къ женѣ. 1901. II, (6), 239—240. Здѣсь стихи его.
4223. А. Ѳ. Лабзинъ. П. А. Безсонова. 1866. (6), 817—836.
4224. А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка (Письма А. Ѳ. Лабзина къ З. Я. Карнѣеву и его переписка съ княземъ А. Н. Голицынымъ). Сообщ. Г. Г. Примѳ. 1892. III, (11), 353—392.
4325. Воспоминанія о Лабзинѣ. М. А. Дмитріева. 1866. (6), 837—860). Стихи А. Ѳ. Лабзина „къ женѣ моей“.
4226. Для біографіи И. И. Лажечникова, М. Н. Лонгинова. 1869. (12), 2101—2103.
4227. Письмо И. И. Лажечникова къ П. В. Побѣдоносцеву 1897. I, (2), 306—307.
4228. Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго. С. В. Лазаревскаго. 1894. II, (8), 537—580. Его знакомство съ Далемъ и переписка съ нимъ.
4229. Шуточные стихи Д. Т. Ленскаго. 1899. III, (9), 174—175.
4230. Прадѣль Лермонтова Г. П. Данилевскаго. 1875. III, (9), 107.
4231. Лермонтовъ. В. П. Бурнашева. 1872. (9). 1770—1850.
4232. О Лермонтовѣ. Эмилиіи Шахъ-Гирей. 1887. III, (11) 348. 1889, II, (6), 315—320 и III, (12) 572—574.
4233. Къ біографіи Лермонтова. Е. И. Козубскаго. 1893. III, (II), 380; 1901. I, (3), 505—512.
4234. Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. А. Маркевича. 1900. III, (12), 622—624.
4235. Лермонтовъ въ Тамани. О. Арканникова. 1891. III, (12), 575.
4236. О поединкѣ Лермонтова. * * * 1893. III, (9), 125—126.
4237. Письма Глѣбова и кн. А. И. Васильчикова къ Н. С. Мартынову. 1885. I, (3), 461—462.
4238. О кончинѣ Лермонтова. Кн. А. И. Васильчикова. 1872. (1), 205—213 и (2) 446.
4239. Нѣсколько словъ П. А. Висковатову о Лермонтовѣ. А. Д. Зиссермана. 1885. II, (8), 570—573.
4240. Отповѣдь Мартыанову о кончинѣ Лермонтова. Кн. Д. Д. Оболенскаго. 1894. III, (11), 460.
4241. Императоръ Николай Павловичъ о кончинѣ Лермонтова. 1891. II, (7), 403.
4242. Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль. Кн. П. П. Вяземскаго. 1887. III, (9), 129—142.
4243. Неизданные стихи Лермонтова. 1864. 1087—1088. (Поправка А. Петрова. (7), 1175).
4244. Новонайденные стихи Лермонтова къ Н. Н. Арсеньеву. Изъ альбома Е. Н. Ляссотовичъ. 1871. (7—8). 1271—1272.
4245. Неизданное стихотвореніе Лермонтова. („Ужасная судьба отца и сына...“). 1872. (9), 1849—1852.
4246. Новые стихи М. Ю. Лермонтова („И ты думаешь, будто я хладенъ и нѣмъ...“). Сообщ. А. Н. Бахметевой. 1887. III, (12), 580.
4247. Новые стихи Лермонтова „Сердце“. 1888. I, (1) 129. Поправка. (2), 320.
4248. Осмистишіе Лермонтова. Передъ отъѣздомъ на Кавказъ. („Прощай, немытая Россія...“). 1890. III, (11), 375.
4249. Объясненіе къ стихотворенію Лермонтова. „Казоть“. В. Н. Г(орленка). 1892. II, (7), 383—386.
4250. Письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной. 1863. 417—436
4251. Еще письмо М. Ю. Лермонтова со стихами. (Сообщ. В. Д. Арнольди. 1864. (10), 1089—1091. Къ М. А. Лопухиной.
4252. Письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной 1863. (3), 265—268; (4), 292—295.
4253. Письма Ѳ. П. Литке къ Жуковскому. 1897 II, (5), 157—166. О воспитаніи в. кн. Константина Николаевича.

4254. Кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій. В. Теплова. 1896. III, (12), 593—630.
4255. Нѣмецкіе стихи на Ломоносова. (Сообщ. М. П. Погодинымъ). 1865. (1), 87—90; (4) 518.
4256. Грамматическая замѣтка Ломоносова, съ предисл. Л. Н. Майкова. 1866. (3), 324—329.
4257. Шуточное посланіе М. Н. Лонгинова М. П. Погодину. Сообщ. Н. А. Ратынскимъ. 1886. I, (4), 534.
4258. Анекдоты. (М. А. Лонгинова). 1863. (2), 170. 1884. (2), 228. О гр. А. С. Строгановѣ и Гнѣдичѣ.—1864. (2), о И. Ф. Мойерѣ о кн. А. К. Разумовскомъ.
4259. Анекдоты. Изъ записной книги М. Н. Лонгинова. 1863. (5—6), 466—467. О Грибоѣдовѣ и Заголкинѣ.
4260. И. В. Лопухинъ. Его письма къ Александру Павловичу и кн. Е. П. Львовой 1884. II, (3), 33—36.
4261. Письмо И. В. Лопухина къ Д. Л. Бобарыкину. Съ предисл. Н. П. Барышникова. 1877. III, (9), 110—112.
4262. Письма И. В. Лопухина къ Д. П. Руничу. 1870. (7), 1215—1236.
4263. Письма И. В. Лопухина къ М. М. Сперанскому. 1870. (3), 609—622.
4264. Замѣтка о Н. И. Лоранѣ. Е. И. Козубскаго. 1897. III, (9), 148—149.
4265. О. О. Львовъ. Некрологъ. 1895. II, (5), 123.
4266. Рѣчь у гроба О. О. Львова. П. П. Пашкова. 1895. II, (5), 123—124.
4267. Н. Э. Лясковскій. В. Н. Лясковскаго. Съ портретомъ. 1884. II, (3), 61—98.
4268. Воспоминаніе о М. Л. Магницкомъ. А. С. Стурдзы. 1868. (6), 926—938.
4269. Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ. П. Морозова. 1875. III, (3), 241—250.
4270. Показанія Магницкаго. (Изъ бумагъ М. М. Попова). XIX вѣкъ I, 235—255. Письмо Миллера.
4271. Одесскія замѣтки о М. Л. Магницкомъ. Л. Мацѣвича. 1898. I, (2), 223—230.
4272. Два мнѣнія Магницкаго. 1864. (3), 321—329.
4273. Инструкція Магницкаго Д. М. Макшееву. 1867. (12), 1643—1646.
4274. Письмо Магницкаго къ гр. Аракчееву. Сонъ въ Грузинѣ. 1863. (12), 930—937.
4775. М. А. Максимовичъ. Н. А. Чаева. 1874. II, (12), 1065—1087.
4276. Письмо М. А. Максимовича къ Г. Е. Щуровскому. 1906. II, (8), 632—633.
4277. Исторія съ профессоромъ М. Л. Маловымъ. Д. М. Щепкина 1901. I, (2), 316—324. Письма кн. С. М. Голицына, гр. Бенкендорфа и кн. К. А. Ливена.
4278. Памяти Н. А. Мартынова, 1895. II, (5), 122.
4279. Изъ бумагъ Н. С. Мартынова. Съ послѣсл. кн. Д. Д. Оболенскаго. 1893. II, (8), 585—613. Замѣтка А. Л. Зиссермана. III, (9), 126.
4280. С. А. Масловъ. Некрологъ. 1879. II, (6) 258—264.
4281. П. П. Мезенцевъ. Некрологъ. 1901. II, (8), 563—567.
4282. Письма Н. А. Мельгунова къ Жуковскому. 1899. I, (4), 632—642.
4283. П. И. Мельниковъ. Д. И. Иловайскаго. 1875. I, (1), 77—85.
4284. Къ біографіи А. О. Мерзлякова. Сообщ. гр. Д. А. Толстымъ. 1881. I, (2), 422—423.
4285. Замѣтка о Мещерскомъ. Н. П. Барсукова. 1868. (6), 938—939.
4286. Матеріалы для полного собранія сочиненій М. В. Милонова М. П. Лонгинова. 1864. (3), 334—344.
4287. Письмо (А. И.) Михайловскаго-Данилевскаго къ Я. И. Ростовцеву. 1905. III, (9), 69.

4288. Адамъ Мицкевичъ. (Записано со словъ М. А. Максимовича). 1898. II, (7), 480.
4289. Къ біографіи Алама Мицкевича. 1899. III, (10), 301.
4290. О руссофильствѣ Мицкевича. А. А. Чумикова 1872. (2), 426—432.
4291. Мицкевичу. Къ открытію памятника ему въ Варшавѣ. Стихи (Н. М. Павлова). 1903. III, (9), 82.
4292. Жуковский о Мицкевичѣ. Изъ письма къ А. П. Елагиной. 1898. I, (1), 83.
4293. Объ отношеніи Мицкевича къ Пушкину. Письмо А. А. Елагина къ его матери (Мицкевичъ вызывалъ на подинокъ Дантеса). Сообщено М. В. Безръ. 1905. II, (8), 607.
4294. Стихи М. Я. Мудрова читанные въ день юбилея Лодера. 1903. I, (3), 435.
4295. А. П. Муравьевъ. С. Сулимы. 1876. II, (7), 353—356.
4296. Забѣтка объ А. Н. Муравьевѣ. П. В. Путятъ. 1876. II, (7), 357—358.
4297. А. П. Муравьевъ въ послѣдніе года жизни. Н. О. Семенова. 1895. II, (5), 55—85. (6), 139—178.
4298. Письмо А. Н. Муравьева къ гр. А. Д. Блудовой, 1881. II, (4), 421—424.
4299. Письмо А. Н. Муравьева къ Константинопольскому патриарху. 1905. I, (2), 312—314.
4300. Письмо А. Н. Муравьева въ Грецію. 1888. III, (12), 597—598.
4301. Письмо А. Н. Муравьева къ А. П. Озерову. 1895. II, (6), 178.
4302. Два письма А. Н. Муравьева къ К. П. Побѣдоносцеву. 1905. II, (7), 415—416.
4303. Письмо А. Н. Муравьева къ гр. Н. А. Протасову. 1876. III, (10), 170—174.
4304. Стихи А. Н. Муравьева на разбитую статую. 1885 I, (1), 132.
4305. Письма А. А. Муханова къ брату его Николаю. 1899. III, (10), 295—298.
4306. О моемъ знакомствѣ съ П. А. Мухановымъ. Я. И. Березина-Ширяева. 1879. I, (2), 236—245. Поправка. (3), 400.
4307. Шуточныя записки И. П. Мятлева къ А. О. Смирновой. 1889. III, (11), 410—414.
4308. Шутка Мятлева въ отвѣтъ Лермонтову. 1893. III, (9), 127.
4309. Остроловіе И. П. Мятлева. Надпись внутри шляпы. 1886. III, (10), 271.
4310. Къ біографіи Н. И. Надеждина. 1885. II, (8), 573—583.
4311. Письмо Н. И. Надеждина къ Ю. П. Бартеневу (о Крымѣ и о своихъ работахъ). 1864. I, 41—48.
4312. О сочинителѣ описанія происшествій въ Москвѣ въ 1812 г. Записаны Н. С. Налетовымъ. 1896. II, (7), 400—402.
4313. Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину. 1904. III, (11), 433—453.
4314. Изъ писемъ П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину. XIX вѣкъ. I, 402—405.
4315. Письмо М. И. Невзорова къ Жуковскому. 1870. (10), 1952.
4316. Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ. Е. В. Барсова. 1873. I, (5), 0846—0860.
4317. Возраженіе г-ну Барсову. 1873. II, (7), 01343—01344. О К. И. Невоструевѣ.
4318. По поводу 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова. В. Я. Брюсова). 1903. I, (сорочка вып.).
4319. Некрасовъ и Тютчевъ. Забѣтка В. Я. Брюсова. 1900. I, (2), 312—315.
4320. Стихи Некрасова гр. М. Н. Муравьеву. 1885. II, (6), 202—203.
4321. Некрасовъ про П. В. Анненкова. 1884. III, (5), 235. „За то что ходитъ онъ въ фуражкѣ“...
4322. Ю. А. Нелединскій - Мелецкій. 1867. (1), 101—120.

4323. Изъ писемъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ Е. П. Нелидовой. Сообщ. кн. Д. А. Оболенскимъ. 1873. II (11), 2172—2202.
4324. О стихахъ къ портрету С. Д. Нечаева. Н. П. Барсукова. 1896. II (8), 615.
4325. Посланіе С. Д. Нечаева къ И. С. Мальцову и С. А. Соболевскому. 1904. II (8), 615.
4326. Посланіе С. Д. Нечаева къ С. А. Соболевскому. 1894. I, (1), 117—118.
4327. „У всякаго свой рай“. Стихот. С. А. Неѣлова. Сообщено А. Г. Ермоловымъ. 1875. III, (9), 109.
4328. Экспромпты Неѣлова. Сообщены кн. Ю. А. Оболенскимъ. 1874. I, (5), 1357.
4329. Два письма А. В. Никитенки къ Н. П. Гилярову (Изъ бумагъ Н. П. Гилярова). 1895. II (7), 369—374. О. М. Н. Катковъ.
4330. Записка А. В. Никитенки о направленіи „Русскаго Слова“. 1895. I, (2), 225—228.
4331. О жизни и дѣятельности И. С. Никитина. М. Ѳ. Де-Пуле. 1863. 453—459.
4332. Позту-обличителю. Стихи И. С. Никитина. 1865. (10—11), 1359—1360.
4333. Староста. Стих. И. С. Никитина. (Сообщ. П. П. Курбатовымъ). 1865. (3), 317—320.
4334. Молитва въ саду Геосиманскомъ. Незданное стихотвореніе И. С. Никитина. 1865. (7), 805—810. Біографическая замѣтка къ предыдущимъ стихамъ М. Ѳ. де-Пуле. 1865. (7), 809—814.
4335. Либераль. Разказъ И. С. Никитина. 1867. (7), 1169—1175.
4336. *Pia desideria*. Бар. А. П. Николаи 1899. II (8), 607—632. О классическомъ образованіи.
4337. И. Н. Новацкій. Поминка. 1903. I, (2), 288.
4338. Разныя разности. Н. Н. Новикова. 1887. II, (8), 524—527. Стихи Л. И. Арнольди.—Острота С. И. Неѣлова.—Правдивость К. С. Аксакова.
4339. Письма Н. И. Новикова къ Я. И. Булгакову. 1864. (7—8), 737—747.
4340. Письма Н. И. Новикова къ Д. П. Руничу. 1871. (7—8), 1013—1094.
4341. О имѣніи и долгахъ Н. И. Новикова. Сообщ. В. П. Рогожинъ. 1900. I, (4), 488—490.
4342. Новиковскія книги. Записка о книжномъ складѣ Новикова. 1897. I, (3), 425—429. Походяшинъ.
4343. А. С. Норовъ. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. 1895. III, (11), 346—368. Изъ дневника бар. М. А. Корфа.—Письма М. Ѳ. Раевского къ А. С. Норову.
4344. А. С. Норовъ. Н. П. Поливанова. 1898. III, (9), 148—149.
4345. Бумаги А. С. Норова. 1857 годъ. Сообщ. Н. П. Поливановымъ. 1888. III, (9), 151—161. Письма Е. П. Ковалевскаго, Е. Ѳ. фонъ-Брадке, П. А. Муханова и О. М. Бодянского.
4346. Г-ну Михельсону. Н. П. Поливанова. 1898. III, (12), 600. Объ А. С. Норовъ.
4347. Черта изъ жизни А. С. Норова. М. Н. Лонгинова. 1869. (4), 066—068.
4348. Памяти А. С. Норова. (Стих. кн. П. А. Вяземскаго. 1869. (4), 067—074.
4349. Стихи А. С. Норова на кончину Пушкина. Сообщ. Н. Е. Панинымъ. 1871. (4—5), 0948.
4350. Письмо А. С. Норова къ А. О. Смирновой. 1897. III, (11), 377—378.
4351. Изъ автографовъ, въ собраніи А. С. Норова. (Петра Великаго, Екатерины I-й, Аяны Іоанновны, Анны Петровны, кн. Багратіона, Ермолова, Востокова, И. И. Дмитріева, Батюшкова, Жуковского, Сибѣирева). Сообщ. П. И. Савваитовымъ. 1902. II (8), 633—642.

- 4352.** Е. Э. Нотбекъ, некрологъ. 1901. II, (8), 591.
- 4353.** Кн. Михаилъ Андреевичъ Оболенскій. (Некрологъ). Н. И. Костомарова. 1873. I. (4), 667—672, 0641—0655.
- 4354.** Письма кн. М. А. Оболенскаго къ В. А. Полѣнову. Съ примѣч. Н. П. Барсукова и бар. Э. А. Бюлера. 1882. I, (2), 249—296.
- 4355.** Князь Михаилъ Александровичъ Оболенскій. Н. Н. Новикова. 1886. I, (4), 536—544.
- 4356.** Стихи А. И. Одоевскаго. Сообщ. кн. П. А. Вяземскимъ. 1873. I. (1), ХСІХ—СІІІ.
- 4357.** Кн. В. Э. Одоевскій. Общество посѣщенія бѣдныхъ. Н. В. Путяты. 1874. I. (2), 257—360, съ портретомъ.
- 4358.** Черта въ характерѣ кн. В. Э. Одоевскаго, съ письмомъ Н. В. Путяты. 1870. (4—5), 927—931.
- 4359.** Кн. В. Э. Одоевскій о себѣ самомъ. 1897. I, (2), 327.
- 4360.** Изъ воспоминаній о кн. В. Э. Одоевскомъ. О. О. (Я. О. Орла-Ошмянцова). 1892. I, (1), 86.
- 4361.** Гражданскіе завѣты кн. В. Э. Одоевскаго. Сообщено К. А. Бутеневымъ. 1895. II, 5, 36—54.
- 4362.** Изъ бумагаъ кн. В. Э. Одоевскаго. 1864. (7—8), 804—849. Письма Д. М. Велланскаго, кн. А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, А. Измайлова, кн. В. Э. Одоевскаго къ Пушкину, Пушкина къ кн. В. Э. Одоевскому, Записка Жуковскаго по кончинѣ Пушкина, А. Э. Восейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной.
- 4363.** Изъ бумагаъ кн. В. Э. Одоевскаго. 1874. II, (7), 11—54, 1897, II, (6), 283.—О цензурѣ.
- 4364.** Четыре статьи кн. В. Э. Одоевскаго. Съ предисл. Я. О. О-ва (Орла-Ошмянцова). 1881. II. (4), 475—493. Сегеліель. Объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ. Объ адресѣ Московскаго дворянства.
- 4365.** Письмо кн. В. Э. Одоевскаго къ М. И. Глинкѣ. Сообщ. П. П. Дубровскимъ. 1890. II, (7), 317.
- 4366.** Письмо кн. В. Э. Одоевскаго къ Жуковскому 1906. I. (3), 368.
- 4367.** Письмо князя В. Э. Одоевскаго къ пріятелю-помѣщику. 1879. I, (4), 525—526.
- 4368.** Фельетонъ о Зефиротахъ. Кн. В. Э. Одоевскаго. 1866. (2), 268.
- 4369.** О приложенной фототипіи: кн. В. Э. Одоевской и его супруга въ бесѣдѣ съ бар. Е. Э. Раденъ. 1893. II, (7), 432.
- 4370.** Къ біографіи В. А. Озерова. И. Варпаховскаго. 1869. (12), 2029—2032.
- 4371.** Письмо В. А. Озерова къ Э. А. Голубцову. 1869. (1), 151—152.
- 4372.** Письмо В. А. Озерова къ книго-продавцу. Сообщено Е. С. Некрасовой. 1877. III. (11), 279.
- 4373.** Письма В. А. Озерова къ А. Н. Оленину. Сообщ. В. А. Олениной. 1869. (1), 123—151.
- 4374.** Два письма П. А. Осиповой къ Жуковскому (о Пушкинѣ) 1872. (12), 2358—2363. Здѣсь письмо Пушкина къ Б. А. Адеркасу.
- 4375.** Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. Н. А. Кропачева. 1888. I, (3), 491—502. (4), 629—640.
- 4376.** И. М. Остроглазовъ. Некрологъ. 1892, III, (12), 434—437.
- 4377.** Напоминаніе о Павскомъ. М. П. Погодина. 1870. (10), 1948—1951.
- 4378.** Письмо къ издателю (о семействѣ протоіерей Павскаго). М. П. Погодина. 1870. (12), 1—4, особ. прил.
- 4379.** К. К. Павлова. (Некрологъ). 1894. I. (1), 119—123.
- 4380.** Наше переходное время. Сборникъ статей Н. М. Павлова (Н. Бицына). М. 1888. 8. Прилож. ко 2-му вып. 1888 г.
- 4381.** Н. М. Павловъ. Ю. П. Бартенева. 1906. I, (4), 641—648.

4382. Стихи Н. Ф. Павлова въ долговой ямѣ. 1885. I, 1, 142. „Онъ вытерпѣлъ всю горечь срама...“
4383. Изъ писемъ къ Н. Ф. Павлову его друзей. 1894. I, (2), 214—219. А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановскаго, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, А. И. Кошелева.
4384. Письма Н. Ф. Павлова къ Гоголю. 1890. II, (2), 285—309.
4385. Письма Н. Ф. Павлова къ А. А. Краевскому. 1897. I, (3), 445—463.
4386. Письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву. 1897. I, (4), 556—578.
4387. Новая тяжба о буквѣ зъ А. А. Перовскаго, съ предисл. кн. П. А. Вяземскаго. 1865. (9), 1128—1137.
4388. Письма А. А. Петрова къ Карамзину, съ примѣч. М. Н. Лонгинова. 1863. 473—486 и 1866, 1756—1763.
4389. Письма В. П. Петрова къ кн. Потемкину-Таврическому. 1871. (2), 071—073.
4390. Н. И. Пироговъ въ Кіевѣ. Г. Д. Стоцкаго. 1890. II, (7), 363—368.
4391. Два письма Н. И. Пирогова къ б. Э. О. Раденъ. Съ предисл. А. Тимрота. 1892. I, (2), 185—200.
4392. А. О. Писемскій. Б. Н. Алмазова. 1875. I, (4), 453—467.
4393. Литературный вечеръ у П. А. Плетнева. Н. С. Тургенева. 1869. (10), 1663—1676.
4394. П. А. Плетневъ. Я. К. Грота. 1869. (12), 2067—2089.
4395. Изъ писемъ П. А. Плетнева къ Жуковскому. 1870. (7), 1273—1334 и 1875, II, (8), 466—469.
4396. Письма П. А. Плетнева къ Д. И. Коптеву. В. И. Коптева. 1877. III, 12, 357—374.
4397. Письмо П. А. Плетнева къ К. А. Коссовичу. Съ предисл. Н. П. Барсукова. 1877. III, (11), 321—323.
4398. Изъ письма К. П. Побѣдоносцева. 1904. I, (1), 189. О кн. В. О. Одоевскомъ.
4399. Переводы сочиненій К. П. Побѣдоносцева на иностранныя языки. 1905. III, (12), 607.
4400. Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. И. П. Татлина. 1898. II, (6), 333—334.
4401. М. П. Погодинъ. Къ столѣтію со дня его рожденія. I, (3), 479—480.
4402. Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. П. И. Бартенева. 1900. III, (11), 478—479.
4403. М. П. Погодинъ. Первые его шаги на ученомъ поприщѣ. 1900. III, (11), 476—478.
4404. Изъ записокъ М. П. Погодина, о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. 1865. (7), 887—895.
4405. Литературно-историческія замѣчанія. М. П. Погодина. 1869. (12), 2092—2101.
4406. Царское время. М. П. Погодина. 1882. I, (2), 557—559. Тоже. 1900, I, 645—648.
4407. Памяти М. П. Погодина. Стихи кн. П. А. Вяземскаго. 1876. I, (2), 262—263.
4408. М. П. Погодину. По поводу слуха, что онъ намѣревается издавать газету „Радуга“. (Стихи). 1884. III, (5), 234.
4409. Записка М. П. Погодина къ С. Т. Аксакову. Сообщ. В. И. Шенрокомъ. 1903. I, 3, 445. О пропускѣ Пушкинскаго Фауста.
4410. Изъ письма М. П. Погодина къ издателю „Русскаго Архива“. 1885. I, (2), 299—300. По поводу запрещенія „Записки Карамзина о древней и новой Россіи“.
4411. Письмо М. П. Погодина къ О. М. Бодянскому съ приписками Шевырева и Гоголя. 1895. II, (5), 115—116.
4412. Письма М. П. Погодина къ Жуковскому. 1899. III, (10), 302—310.
4413. М. П. Погодинъ О. И. Иноземцову. 1901. III, 571—573.

4414. Письмо М. П. Погодина къ кн. В. А. Черкасскому (про его статью о розгахъ). 1901. III, (10), 257.
4415. Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву. Съ прим. Н. П. Барсукова. 1882. III, (5), 67—126. (6), 127—202 и 1883. I, (1), 77—144. Н. И. Любимовъ. С. Е. Раичъ. Ив. Вас. Кирѣевскій. А. П. Елагина. Фед. С. Хомяковъ. Д. В. Веневитиновъ. Н. Н. Рожалинъ. И. С. Мальцовъ. А. С. Хомяковъ. М. А. Максимовичъ. Е. А. Баратынскій. Н. И. Надеждинъ. С. Т. Аксаковъ. Адамъ Мицкевичъ. П. М. Строевъ. В. Л. Пушкинъ. Н. М. Языковъ. Шеллингъ. Ю. Ив. Венелинъ. Н. Ф. Павловъ. А. С. Шишковъ. М. А. Дмитриевъ. Гр. Паскевичъ. И. И. Дмитриевъ. С. А. Соболевскій. Калайдовичъ. кн. А. А. Шаховской. А. Г. Ротчевъ. М. Н. Загоскинъ. о. Иоанкинъ Бичуринъ. кн. З. А. Волконская. А. М. Кубаревъ. Грибоѣдовъ. К. Ф. Калайдовичъ. А. Ф. Малиновскій. П. П. Бекетовъ. П. В. Кирѣевскій. М. Г. Павловъ. И. И. Давыдовъ. А. Ф. Воейковъ. Вас. Петр. Андреевъ. кн. Д. В. Голицынъ. Мерзляковъ. А. Ф. Томашевскій. С. Н. Глинка. С. Г. Строгановъ. С. А. Волковъ. В. И. Оболенскій. П. А. Мухановъ. А. А. Елагинъ. Ф. А. Голубинскій. И. А. Гуляновъ. П. В. Побѣдоносцевъ. И. Бутырскій. А. Г. Глаголевъ. А. С. Пушкинъ. Пасквиль на Пушкина. Н. С. Всеволожскій. Н. А. Мельгуновъ. М. Я. Мудровъ. Г. Е. Дядьковскій. Гр. А. А. Закревскій. И. П. Бекетовъ. гр. Д. Н. Шереметевъ. Мицкевичъ. Г. Ежовскій. кн. Е. А. Трубецкая. Д. П. Голохвастовъ. Гоголь. Ю. П. Ульрихъ. Шафарикъ. Бенардаки. Прот. С. К. Сабининъ. О. М. Бодянский. И. Н. Даниловичъ. А. И. Меншиковъ. В. Н. Лешковъ. М. Ф. Спасскій. И. В. Варвинскій. И. Н. Лобко. Гр. Н. А. Протасовъ. Г. Лелсвель. Д. В. Дашковъ. К. А. Неволинъ. С. О. Богородскій. А. Д. Чертовъ. Людевитъ Гай. Янъ Коляръ. Людевитъ Штуръ. К. С. Аксаковъ. Н. Н. Страховъ. И. С. Аксаковъ. П. С. Казанскій. кн. П. А. Вяземскій. Б. Н. Чичеринъ. Герценъ. гр. Д. Н. Блудовъ.
4416. Замѣтки на письма Погодина къ Шевыреву (А. Ф. Томашевскаго). 1882. III, (6), 203—204.
4417. Письмо М. П. Погодина къ Н. П. Семнову. 1881. III, (6), 442—445.
4418. Полежаевъ. Д. Д. Рябинина. 1881. I, (2), 314—365. Дополненіе С. А. Карпова. III, (6), 459—460.
4419. Новыя свѣдѣнія о Полежаевѣ. Н. А. Попова. 1881. II, (4), 471—474.
4420. Встрѣча съ Полежаевымъ. Старушки изъ степи (Е. И. Раевской). 1882. III, (6), 233—243.
4421. О матеріалахъ для изданія сочиненій Полежаева. П. А. Ефремова. 1887. III, (9), 144.
4422. Письмо Я. П. Полонскаго къ К. П. Побѣдоносцеву 1902. II, (6), 312.
4423. Стихи Я. П. Полонскаго-гимназиста. 1905. I, (3), 533—534.
4424. М. П. Полуденскій. В. С. Неклюдова. 1868. (9), 1483—1486.
4425. Письмо В. А. Полѣнова къ П. И. Мартынову 1866. 11—12, 1763—1765. О Н. М. Карамзинѣ.
4426. А. Я. Полѣновъ. Русскій законѣвъ XVIII в. Д. В. Полѣнова. 1865. (4), 445—470. (5—6), 703—736.
4427. Воспоминаніе о Н. В. Путятѣ. 1878. I, (1), 125—127.
4428. Письма Н. В. Путятѣ къ Е. А. Баратынскому. 1878. I, (2), 215—222 и 1905, I, (3) 531.

4429. Письма Н. В. Цутыты къ А. А. Муханову. 1905. I, (3), 524—530.
4430. Письмо Н. Н. Пушкиной къ П. В. Нащокину. 1904. III, (12), 602.
4431. Письмо В. Л. Пушкина къ Д. Н. Блудову. 1899. II, (7), 459—463.
4432. Эпиграфъ „Опаснаго Сосѣда“. 1889. III, (9), 144.
4433. Письма Пушкина къ С. А. Соболевскому. 1878. III, (11), 395—398.
4434. О прадѣдѣ Пушкина, Ганнибалѣ и о деньщикѣ А. К. Древникѣ. Съ предислов. А. П. Барсукова. 1891. II, (5), 101—104.
4435. Посединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ въ Триестѣ. (Сообщ. М. Е. Гутмансталь). 1874. I, (4), 01096.
4436. О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо А. И. Тургенева къ А. Я. Булгакову. 1864. (4), 469—471.
4437. Оправданіе іезуита Гагарина по поводу смерти Пушкина. 1865. (8), 1031—1036. Замѣтка М. Н. Лонгинова. (10—11), 1408—1400.
4438. Изъ письма Жуковского о кончинѣ Пушкина (Сообщ. гр. А. С. Уваровымъ). 1864. (1), 48—54.
4439. Замѣтки о Пушкинѣ. Н. П. Барсукова. 1887. III, (12), 576—579. Замѣтки кн. П. А. Вяземскаго о „Евгениі Онѣгинѣ“.
4440. Замѣтки по поводу новыхъ свѣдѣній о жизни Пушкина. Н. П. Барсукова. 1874. II, (12), 1088—1094.
4441. Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. 1865. (3), 390—391.
4442. Пушкинъ въ южной Россіи. Матеріалы для его биографіи, собираемые П. И. Бартеновымъ. 1866. (8—9), 1089—1214. Поправка къ этой статьѣ, (10), 1506.
4443. Изъ дневника И. П. Липранди о Пушкинѣ. 1866. (8—9), 1213—1284. (10), 1393—1491.
4444. Замѣтки на статью „Пушкинъ въ южной Россіи“. М. Н. Лонгинова. 1866. (11—12), 1749—1753.
4445. Еще загробный голосъ А. С. Пушкина. 1887. I, (1), 146—148.
4446. Разныя замѣтки о Пушкинѣ. 1899. II, (6), 354—357.
4447. Нѣсколько замѣчаній о Пушкинѣ. 1899. III, (12), 613—617. Пушкинъ и Александръ Павловичъ.
4448. Пушкинъ и Баратынскій. В. Я. Брюсова. 1901. I, (1), 158—164.
4449. Пушкинъ на Кавказѣ. Е. Вейденбаума. 1905. I, (4), 675—680.
4450. А. С. Пушкинъ. Статья кн. П. П. Вяземскаго. 1884. II, (4), 375—440. Е. М. Хитрова. Графиня Фикельмонъ. Гречъ. Булгаринъ, Сеньковскій. А. О. Смирнова.
4451. Изъ рассказовъ кн. П. А. и кн. В. Ѳ. Вяземскихъ о Пушкинѣ. 1888. II, (7), 305—312.
4452. Н. П. Гиляровъ о Пушкинѣ. Д. Х. 1900. III, (12), 640—642.
4453. Удаленіе Пушкина изъ С.-Петербурга. Разсказъ Ѳ. Н. Глинки. 1866. (6), 917—922.
4454. Канцлеръ кн. Горчаковъ о Пушкинѣ. (Изъ письма кн. А. И. Урусова). 1883. II, (3), 205—206.
4455. Пушкинъ въ Кишиневѣ (записано со словъ В. П. Горчакова). 1900. I, (3), 403.
4456. Пушкинъ на Бердахъ. Н. Г. Иванова 1900. I, (1), 149—151.
4457. По поводу статьи о пребываніи Пушкина въ Бердѣ. П. Л. Юдина. 1900. II, (5), 106—109.
4458. Пушкинъ въ Болградѣ. А. П. К. 1900. I, (3), 400—402.
4459. А. С. Пушкинъ. (Стихи). Крестьянина С. А. Краснова. 1903. I, (3), 436.
4460. Пушкинъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Записано со словъ А. А. Кудинскаго. 1900. I, (3), 449—450.

4461. Пушкинъ и Родзянко. Н. О. Лернера. 1900. III, (9), 145—148.
4462. Обь отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину. М. Н. Лонгинова. 1863. (12), 898—900.
4463. Встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ. П. И. Миллера. 1902. III, (10), 232—235.
4464. Мицкевичъ о Пушкинѣ. (Собщено кн. П. А. Вяземскимъ). 1873. I, (6), 1057—1088.
4465. Чѣмъ была для Пушкина его женитьба? А. Новицкаго. 1889. III, (9), 125—130.
4466. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ. М. П. Погодина. 1865. (1), 95—108.
4467. Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. Забѣтка М. П. Погодина. 1870. (10), 1947.
4468. Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина. 1882. I, (2), 245—248.
4469. Забѣтки о Пушкинѣ. В. Саводника. 1904. II, (5), 135—163.
4470. А. С. Пушкинъ въ Михайловскомъ. Со словъ А. Д. Скоропосты и крестянина Аванасія. Записываль послужникъ Владимировъ. 1892. I, (1), 96—97.
4471. Пушкинъ по запискамъ А. О. Смирновой. Ю. П. Бартенева). 1899. II, (5), 146—158. (6), 310—339.
4472. Тайнственныя примѣты въ жизни Пушкина. С. А. Соболевскаго. 1870. (7), 1277—1388.
4473. Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. (С. М. Сухотина). 1864. (10), 1083—1087.
4474. А. И. Тургеневъ о кончинѣ Пушкина (письмо къ И. С. Аржевитинову). Сообщ. М. Н. Островскимъ. 1903. I, (1), 143—144.
4475. Воспоминаніе о Пушкинѣ. Изъ Записокъ А. Г. Хомутовой. Сообщ. Е. И. Розе. 1867. (7), 1065—1068.
4476. Изъ воспоминаній (П. И. Ларія) о Пушкинѣ. П. Е. Эрдели. 1889. III, 404—405.
4477. Памяти А. С. Пушкина. П. Л. Юдина. 1899. II, (5), 137—141.
4478. Памяти Пушкина. М. В. Юзефовича. 1880. III, 431—446. Забѣтка 1881. I, (1), 216.
4479. А. С. Пушкинъ въ Кишиневѣ. 1899. II, (6), 340—348.
4480. Пушкинъ у А. П. Ермолова. 1863. 441—442.
4481. Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. (Изъ записокъ Нѣмецкаго путешественника). 1873. II, (11), 2204—2212.
4482. Черта изъ жизни Пушкина. (Полицейскій надзоръ). 1876. II, (6), 236—237.
4483. Сношенія Пушкина съ правительствомъ. В. Я. Брюсова. 1906. I, (2), 323—328.
4484. Анекдотъ о Пушкинѣ. 1899. II, (6), 348.
4485. Анекдотъ о Пушкинѣ. Изъ записокъ П. М. Языкова. (Пушкинъ во время холеры). 1870. I, (3), 799—800.
4486. Анекдотъ о Пушкинѣ. Кн. А. О. Голицына-Прозоровскаго. 1888. III, (11), 468.
4487. Анекдотъ о Пушкинѣ. М. О. Де-Пуле. 1879. III, (9), 135—136.
4488. О памятникѣ Пушкину. П. И. Миллера. 1871. (11), 1939—1942.
4489. И. С. Аксаковъ о Московскихъ праздникахъ по поводу Пушкина. 1891. II, (5), 90—99.
4490. А. С. Пушкинъ. (По поводу открытія памятника ему въ Москвѣ). 1880. II, 457—687. Рѣчи: И. С. Аксакова и П. И. Бартенева.
4491. Послѣ Пушкинскихъ торжествъ. Стихи С. Бердяева. 1899. III, (12), 612.
4492. 22 Мая 1880 г. Стихи сообщ. А. И. Козловой. 1891. II, (5), 100.
4493. Новые отрывки изъ Записокъ Пушкина. 1880. (II), 488—499.
4494. Рукописи А. С. Пушкина. Съ примѣч. П. И. Бартенева). 1880.

- Ш, 218—228. 1881. I, (1), 216—232. (2), 446—452. Ш, (6), 466—474.
- 4495.** Къ биографіи Пушкина. Изъ черновыхъ его рукописей. 1884. Ш, (5), 188—201. Письмо къ А. И. Казначееву. Черн. пис. изъ Михайловскаго въ Одессу, къ доброй знакомой, вскорѣ по пріѣздѣ въ ссылку. Черновое письмо къ Александру Павловичу. Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ. Письмо къ Н. В. Всеволожскому. Наброски въ стихахъ.
- 4496.** О Пушкинскихъ рукописяхъ, печатаемыхъ г. Якушкинымъ. (Ш. И. Бартенева). 1884. I, (2), 473—474.
- 4497.** Изъ рукописи Пушкина. Разговоръ съ Англичаниномъ о Русскихъ крестьянахъ. 1881. II, (3), 249.
- 4498.** Вновь найденныя рукописи Пушкина. Д. Сапожникова. 1899. I, (2), 337—358.
- 4499.** Заявленіе П. В. Жуковскаго о рукописяхъ Пушкина. 1904. I, (3), 544.
- 4500.** Изъ рукописей Пушкина. Три неизданныя стихотворенія. Сообщ. Н. П. Вилинскимъ и Я. К. Гротомъ. 1865. (12), 1528—1530.
- 4501.** Два автографа Пушкина. Съ объясн. М. Н. Лонгинова. 1869. (6), 1063—1068. Дополненіе Н. П. Барышникова. (10), 1725.
- 4502.** Четыре новые стиха Пушкина. 1876. I, (4), 489.
- 4503.** По поводу новыхъ стиховъ Пушкина. 1893. Ш, (11), 378—379.
- 4504.** Бессарабія въ произведеніяхъ Пушкина. А. П. К. 1901. II, (5), 129—133.
- 4505.** Стихи, приписанныя Пушкину (про гр. Бролю и Кристина). 1882. II, (4), 310.
- 4506.** Два стиха Пушкина изъ „Будрысь и его сыновья“ 1885. I, (3), 460.
- 4507.** Пушкинъ. Рана его совѣсти. В. Я. Брюсова. 1903. II, (7), 473—478.
- 4508.** Городъ Кишиневъ. Стихи Пушкина. 1863, 384.
- 4509.** Четыре неизданныхъ стиха Пушкина. Сообщ. С. А. Соболевскимъ. 1874. II, (8), 463—464.
- 4510.** Новая погудка на старый ладъ. Н. О. Лернера. 1900. II, (8), 518—522. По поводу статьи В. В. Сиповскаго: „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій“
- 4511.** „Египетскія ночи“ Пушкина. 1882. I, (1), 221—226.
- 4512.** О происхожд. стиховъ „Земля и Море“. Н. О. Лернера. 1899. Ш, (11), 451.
- 4513.** Еще о стихахъ Пушкина „Земля и Море“. Н. О. Лернера. 1899. Ш, (12), 612.
- 4514.** Новое стихотвореніе Пушкина. 1893. Ш, (10), 255. „И берегъ Сороти отлогій...“ Поправка. 1894. II, (6), 304.
- 4515.** Неизданные стихи Пушкина. 1869. (10), 1724—1726. Опущенное мѣсто въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“.
- 4516.** Новые стихи Пушкина (къ Н. Д. Киселеву). Сообщ. Ш. С. Киселевымъ. 1874. I, (6), 1579.
- 4517.** Мадонна Пушкина. 1863. (1), 20.
- 4518.** Неизданные стихи Пушкина. („Надеждой сладостной съ младенчества дыша...“). Записаны М. В. Юзефовичемъ. 1874. II, (7), 221—222.
- 4519.** Неизданное четверостишіе Пушкина (къ князю А. А. Мещерской). Сообщ. Н. П. Барсуковымъ. 1875. Ш, (9), 109.
- 4520.** „Мѣдный всадникъ“ Пушкина. Вновь найденные стихи. 1881. Ш, (5), 228—240.
- 4521.** О „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкина. 1877. II, 424—425.
- 4522.** Четверостишіе А. С. Пушкина къ портрету Н. Х. Молодцова. Сообщ. Н. Г. Молодцовъ. 1898. II, 6), 332.
- 4523.** О стихотвореніи Пушкина „Памятникъ“. Со снимкомъ подлин-

- ника. 1881. I, (1), 233—237. Поправка 1882. II, (4), 508—509.
4524. Пушкинскій „Пророкъ“ въ Польскомъ переводѣ Одынца. 1878. II, (7), 391—392.
4525. О стихахъ Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ. В. Я. Брюсова. 1900. III, (9), 148.
4526. Русалка А. С. Пушкина. Полное изданіе. По современной записи Д. П. Зуева. Съ замѣткой П. И. Бартенева. 1897. I, (3), 341—372.
4527. Текстъ Пушкинской Русалки. В. Я. Брюсова. 1902. I, (2), 354—360.
4528. Сценическій текстъ Пушкинской „Русалки“ В. В. Каллаша. 1904. I, (2), 368.
4529. Неизданные десять стиховъ Пушкина (изъ Руслана и Людмилы). Сооб. Н. П. Хвицкимъ. 1876. II, (8), 453.
4530. Русскія народныя пѣсни во Французскомъ переводѣ Пушкина. Сооб. И. И. Курисомъ. 1885. I (3), 451—460.
4531. Стихи Пушкина: 1) На статую играющаго въ свайку и 2) На статую играющаго въ бабки. Сообщ. И. И. Ханенко. 1869. (4), 073—074.
4532. Новонайденное стихотвореніе Пушкина. Посланіе къ А. И. Тургеневу. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1895. III, (12), 498—500.
4533. За Пушкина. И. Ханенко. 1888. II, (8), 500—501. О стихотвореніи „Эхо“.
4534. Описки Пушкина. Н. О. Лернера. 1906. II, (8), 636—638.
4535. Докладъ В. А. Жуковскаго Николаю Павловичу объ изданіи сочиненій Пушкина. 1881. III, (6), 465.
4536. Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина подъ редакц. П. А. Ефремова, Г. С. Чирикова. 1881. I, (1), 175—215. Поправка III, (6), 464.
4537. Замѣтка А. Н. Островскаго о картѣ, приложенной къ 6-му тому новаго изданія сочиненій Пушкина. 1881. I, (1), 216.
4538. Какъ слѣдуетъ издать Пушкина. X. (И. И. Ханенка). 1881. III, (6), 461—464.
4539. О первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина. Сообщилъ П. Л. Юдинъ. 1893. III, (9), 121—124. Письмо министра внутрен. дѣлъ къ Оренбургскому губернатору А. П. Гевличу.
4540. Для будущаго полнаго собранія сочиненій Пушкина. Н. Гербеля. 1876. III, (10), 205—244.
4541. Что даетъ академическое изданіе сочиненій Пушкина? В. Я. Брюсова. 1899. III, (12), 618—631.
4542. Замѣтки о Пушкинѣ. Пушкинъ и Царскосельскій лебедь. Гр. А. Д. Блудова о Пушкинѣ.—Дядька Пушкина.—Пушкинъ и Англійскій языкъ.—Пушкинъ въ Москвѣ въ 1826 г.—Пушкинъ на вечерѣ у Греча. В. В. Каллаша. 1901. II, (6), 247—254.
4543. Мелкія замѣтки о Пушкинѣ. В. В. Каллаша. 1902. II, (6), 306—311.
4544. Оцѣнка Пушкина. В. В. Каллаша. 1903. II, (5), 144.
4545. Письма къ Пушкину. 1880. II, 500—518. I. Бар. Дельвига, Гоголя, Кавалеристъ-дѣвицы А. А. Дуровой.
4546. Литературныя сношенія Пушкина. Письма къ нему разныхъ лицъ. 1880. III, 47—480. А. А. Шишкова, К. Шишковой, Н. А. Полеваго, Д. Н. Бантыша-Камскаго, Н. И. Греча, А. А. Фукса, И. И. Лажечникова. Булгарина, В. В. Измайлова. Э. Н. Глинки, И. П. Мятлева, М. П. Розберга, М. П. Погодяна, В. И. Дала.
4547. Дружескія сношенія Пушкина. Письма къ нему. 1881. I, (1), 137—174. В. К. Кюхельбекера. П. А. Катенина, М. А. Корфа, А. Н. Раевского, Н. Н. Раевского-

- сына, Н. С. Алексѣева. Н. И. Гнѣдича.
- 4548.** Письма къ Пушкину. Съ прим. Я. Опра Ошмянцева). 1881. I, (2). 424—445. кн. С. Г. Волконскаго, А. А. Марлинскаго, кн. Волконской, П. Я. Чадаева. фонъ-Фока, О. И. Сенковского.
- 4549.** Письма Пушкина къ гр. А. Х. Бекендорфу. 1864. (2), 192—195, 1870, (7). 1373—1376.
- 4550.** Забѣтка къ письмамъ Пушкина. 1864. (2), 195—197.
- 4551.** Пушкинъ и Великопольскій. Три письма Пушкина (со стихами). 1884. I, (2), 465—469.
- 4552.** Письмо Пушкина къ композитору А. Н. Верстовскому. 1874. I, (5), 1376.
- 4553.** Письма Пушкина къ А. Н. Вульффу. 1867. (1), 154—160.
- 4554.** Письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому. 1874. I, (1), 111—160, (2). 419—450.
- 4555.** Письма А. С. Пушкина къ Гончаровымъ. Сообщ. О. К. Гончаровой. 1881. II, (4), 496—504. Здѣсь письма С. Л. и Н. Н. Пушкиныхъ.
- 4556.** Письмо жениха - Пушкина къ его будущей тещѣ. Сообщ. Н. О. Эминымъ. 1873. I, (5), 736—740.
- 4557.** Письмо Пушкина къ тещѣ его Н. И. Гончаровой. 1897. I, (1), 116.
- 4558.** Письмо Пушкина къ б. Дельви-гу. 1874. I, (2), 450.
- 4559.** Записка Пушкина къ кавалеристъ-дѣвицѣ А. А. Дуровой. Съ послѣсл. бар. Ф. А. Бюлера. 1872. (1), 199—204.
- 4560.** Три письма Пушкина къ Жуковскому. 1872. (12), 2354—2357.
- 4561.** Еще новыя письма Пушкина къ Жуковскому. 1870. (7), 1366—1373.
- 4562.** Новыя письма Пушкина къ Жуковскому и другимъ лицамъ. 1870. (6), 1169—1183. Къ И. Ф. Майеру, къ неизвѣстному лицу, В. К. Кюхельбекеру, П. А. Плетневу.
- 4563.** Три письма Пушкина къ гр. Е. Ф. Канкрину. 1890. II, (5), 97—104.
- 4564.** Записка Пушкина къ бар. М. А. Корфу. Сообщ. К. Д. Шидловскимъ. 1872. (1), 198.
- 4565.** Письмо Пушкина къ бар. М. А. Корфу. Съ примѣч. бар. Ф. А. Бюлера. 1872. (7—8), 1601—1603.
- 4566.** Два письма Пушкина къ Н. И. Кривцову. 1864. (10), 1076—1081.
- 4567.** Письмо Пушкина къ Е. П. Люценку. Съ зам. Н. О. Лернера. 1900. III, (9). 143—144.
- 4568.** Письмо Пушкина къ И. И. Мартынову. 1889. III, (12), 507—508.
- 4569.** Письма Пушкина къ П. В. Нащокину. 19-й в. I, 383—402.
- 4570.** Письмо Пушкина къ А. И. Осиповой. 1899. III, (9), 172—173.
- 4571.** Письма Пушкина къ П. А. Осиповой, съ замѣткою М. И. Семевского. 1867. (1), 119—153.
- 4572.** Письма Пушкина къ Г. М. Пенковскому. Съ предисл. А. Труворова. 1890. I, (3), 435—438.
- 4573.** Письмо Пушкина къ П. А. Плетневу. 1902. I, (2), 353.
- 4574.** Письма Пушкина къ кн. Н. Р. Репину. 1864. (10), 1081—1083.
- 4575.** Письмо Л. С. Пушкина къ С. А. Соболевскому. 1906. II, (5). 126—127.
- 4576.** Письмо Пушкина къ С. Соболевскому. 1878. III, (11), 393—395.
- 4577.** Письмо Пушкина къ гр. Г. А. Строганову. 1866. (11—12), 1748—1749.
- 4578.** Письмо Пушкина къ М. О. Суденкѣ. 1898. I, (1), 165—168.
- 4579.** Письмо Пушкина къ В. Д. Сухорукову. 1899. II, (5), 159.
- 4580.** Два письма Пушкина къ Вас. И. Туманскому. 1890. III, (9), 95—96.

4581. Письмо Пушкина къ А. И. Тургеневу. 1867. (4), 671—672.
4582. А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ. 1884. II, (4), 441—452.
4583. Письмо Пушкина къ П. Я. Чадаеву. По поводу его „Философическихъ писемъ“. 1884. II, (4), 453—461.
4584. Письма Пушкина къ И. А. Яковлеву. 1882. II, (4), 309.
4585. О Радищевѣ. М. О. Шугурова. 1872. (5), 927—953.
4586. Радищевъ и его „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. М. Н. Лонгинова. 1868. (11), 1811—1817.
4587. Альфредъ Рамбô. (Некрологъ). 1905. III, (12), 608.
4588. Княжна В. Н. Репнина. Гр. С. Д. Шереметева. 1897. II, (7), 473—477.
4589. Изъ Записокъ княжны В. Н. Решиной. 1897. II, (7), 478—490.
4590. Письмо А. Г. Родзянки къ Пушкину. 1884. I, (2), 470—471.
4591. Изъ писемъ Н. М. Розалина къ С. П. Шевыреву. 1906. I, (2), 221—259.
4592. А. П. Розбергъ. М. Р. 1873. II, (9), 1705—1715.
4593. Н. П. Розоновъ. 1884. I, (1), 244.
4594. И. В. Росковшенко. *** 1890. I, (2), 310—315.
4595. Изъ писемъ А. О. Россета къ А. О. Смирновой. Сообщ. Н. Н. Сорень. 1896. I, (2), 278—310. (3), 360—392.
4596. О графинѣ (Евдокіи Петровнѣ) Растопчиной. Изъ записной книжки Н. В. П(утятъ). 1865. (7), 815—816.
4597. Запѣтка о гр. Е. П. Растопчиной. Старушки изъ стени (Е. И. Раевской). 1885. III, (10), 299—303.
4598. Отповѣдь кн. П. А. Мещерскаго „Старушкѣ изъ степи“. 1886. I, (2), 219—221.
4599. Нездан. стихи гр. Растопчиной. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. 1874. I, (2), 497—498.
4600. Стихи гр. Е. П. Растопчиной. I, 905. III, (9), 143—144.
4601. Стихотворная автобіографія гр. О. В. Растопчина. Изъ бумагъ А. О. Брокера. 1873. I, (5), 779—780.
4602. Запѣтки и воспоминанія о гр. Растопчинѣ. Кн. П. А. Вяземскаго. 1877. II, (5), 69—78.
4603. Для біографіи и собранія сочиненій гр. О. В. Растопчина. М. Н. Лонгинова. 1868. (4—5), 851—859.
4604. Охъ Французы! Наборная повѣсть изъ былей, по-русски писанная. Гр. О. В. Растопчина. 1902. II, (5), 5—58.
4605. Письма гр. О. В. Растопчина къ С. Н. Глинкѣ. 1876. III, 430—432.
4606. Апологія публичныхъ лекцій К. Ф. Рудье, написанная М. Н. Катковымъ, съ предисл. Н. П. Барсукова. 1895. II, (5), 30—35.
4607. К. О. Рылѣвъ. А. Н. Сиротинина. 1890. II, (6), 113—208.
4608. Воспоминаніе о К. О. Рылѣвѣ. Кн. Е. П. Оболенскаго. XIX Вѣкъ. I, 312—332.
4609. По поводу воспоминаній о Рылѣвѣ. Е. Я. XIX Вѣкъ I, 351—361.
4610. К. О. Рылѣвъ. Изъ Записокъ Н. А. Бестужева. XIX Вѣкъ. I, 338—350.
4611. Рылѣвъ и Нѣмцевичъ. А. Н. Сиротинина. 1898. I, (1), 67—82.
4612. Изъ бумагъ Рылѣва. XIX Вѣкъ. I, 362—375. Письма Рылѣва къ своему отцу и къ Булгарину. Письмо Булгарина къ Рылѣву
4613. Письма Рылѣва къ Пушкину XIX-й В. I, 376—382.
4614. Самаринъ-ополченецъ (Изъ воспоминаній его дружиннаго начальника) В. Д. Давыдова. 1877. II, (5), 42—49.
4615. Письма Ю. О. Самарина. Съ предисл. Д. О. Самарина. 1880. II, 241—332. Къ К. С. Аксакову, г. Могену, А. Н. Попову, къ матери, отцу и сестрѣ, кн.

- Н. С. Гагарину, къ кн. В. М. Гагарной, А. С. Хомякову, къ кн. Д. А. Оболенскому. Приложения: Письмо проф. Д. Крюкова. Изъ отчетовъ Московскаго университета за 1843—1844 гг., съ послѣсл. Н. А. Попова и поправки Д. Д. Изыкова. 1880. III, 483.
4616. Письма Ю. О. Самарина къ кн. I. А. Мещерскому. 1877. II, (5), 103—107.
4617. Изъ дневника Ю. О. Самарина въ Кіевѣ, 1877. II, (6), 229—232.
4618. Отповѣдь Д. О. Самарину. 1899. I, (2), 368.
4619. Списокъ сочиненій доктора Саншеса. 1894. I, (2), 277—279.
4620. Для біографіи И. П. Сахарова. П. И. Савваитова. 1873. I, (6), 897—1017.
4621. Дополненія къ указаніямъ трудовъ И. П. Сахарова. (С. А. Соболевскаго). 1865. (4), 518.
4622. Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго. И. Н. Корсунскаго. 1891. II, (7), 365—401.
4623. Сенковскій и Мицкевичъ. *** 1873. I, (4), 632—638. По поводу воспоминаній Ципринуса.
4624. Выкупъ стихотворца Ивана Сибирякова. Сообщ. А. А. Красильниковымъ. 1873. I, (4), 638—643. Письмо гр. Милорадовича.
4625. С. С. Слущкій. (Некрологъ). Н. Ч. (Н. П. Чулкова). 1903. II, (6), 302—304.
4626. Изъ писемъ А. О. Смирновой. Сообщ. Н. Н. Сорень. 1897. II, (8), 615—630. III, (9), 123—133.
4627. Изъ переписки А. О. Смирновой съ Аксаковыми. Съ предисл. Н. М. Павлова. 1896. I, (1), 143—170.
4628. Изъ писемъ А. О. Смирновой къ издателю „Русскаго Архива“ 1889. III, (11), 407—409.
4629. Письма А. О. Смирновой къ Жуковскому. 1902. II, (5), 95—127.
4630. Письма А. О. Смирновой къ Я. П. Полонскому. 1898. III, (11), 445—452.
4631. Письма А. О. Смирновой къ гр. Е. П. Гастопчиной. 1905. III, (10), 212—232.
4632. Изъ писемъ Н. М. Смирнова къ Жуковскому 1899. I, (4), 623—627.
4633. Извѣты Снѣгирева. 1901. I, (3), 527—528.
4634. С. А. Соболевскій. (Некрологъ). 1870. (11), 2140—2144.
4635. О С. А. Соболевскомъ. Я. Березина-Ширяева. 1871. (10), 1738—1740.
4636. Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевскаго. Гр. А. О. Ростопчина. 1871. (2), 383—384.
4637. Мое знакомство и переписка съ С. А. Соболевскимъ. Я. О. Березина-Ширяева. 1878. III, (11), 374—392.
4638. Письма С. А. Соболевскаго къ А. П. Елагиной и И. В. Кирѣевскому. 1906. III, (12), 561—570.
4639. Семь шуточныхъ стихотвореній С. А. Соболевскаго. 1874. II, (8), 461—464.
4640. Стихотворенія С. А. Соболевскаго. По поводу дворянскихъ собраній 1864—1865 гг. 1881. II, (4), 494.
4641. Легенда. Стихи С. А. Соболевскаго. 1884. III, (6), 350—351.
4642. Орель съ его уѣздами, стихи С. А. Соболевскаго. 1885. I, (1), 143—144.
4643. Стихи С. А. Соболевскаго на засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности. 1886. III, (10), 272.
4644. Стихи С. А. Соболевскаго про кн. В. О. Одоевскаго. 1888. III, (10), 295—296.
4645. Стихи С. А. Соболевскаго. 1904. II, (6), 308. На кончину Н. Ф. Павлова и на чтеніе К. К. Павловой.
4646. Четверостишіе С. А. Соболевскаго. 1905. III, (9), 144.

4647. С. А. Соболевскаго. Пославіе къ С. П. Шевыреву. 1906. I, (1), 158.
4648. Изъ бумагъ С. Д. Нечаева. Стихи и записочки С. А. Соболевскаго. 1894. II, (1), 113—116.
4649. Стихотворныя шутки С. А. Соболевскаго. 1888. II, (8), 505. III, (9), 176. 1891. I, (3), 431—432. 1897. III, (10), 297—298. 1898. III, (12), 600. 1899. I, (1), 206. 1902; II, (6), 368. 1904; III, (9), 144.
4650. О кончинѣ В. И. Собчакова. 1865. (8), 1037—1038.
4651. Нѣсколько словъ о В. И. Соловковомъ. Ф. Н. Фортунатова. 1865. (10—11), 1396—1399.
4652. „Въ саняхъ“. Стихи гр. В. А. Сологуба. Сообщ. А. С. Козловымъ. 1887. III, (12), 581—584.
4653. Шутка гр. Сологуба („Глава Россійскаго посольства“). 1888. III, (11), 468.
4654. Горячая пора. (И. П. Колошину). стихи гр. Сологуба. Сооб. Д. С. Нечаевымъ. 1894. I, (4), 597—598.
4655. Поэзія Владимира Соловьева. В. Я. Брюсова. 1900. II, (8), 546—554.
4656. Отзывъ В. С. Соловьева о спиритизмѣ и о Ренанѣ. В. Я. Брюсова. 1903. II, (6), 289.
4657. Письмо В. Д. Соломирскаго къ А. С. Пушкину. Съ предисл. Л. Н. Майкова. 1894. III, (11), 455—456.
4658. Письмо О. М. Сомова къ В. Г. Теплякову. 1904. III, (12), 621.
4659. Н. С. Соханская (Кохановская). Некрологъ. 1885. I, (4), 629—631.
4660. Автобіографическое письмо Н. С. Соханской къ А. В. Плетневой. 1885. I, (4), 631—637.
4661. Изъ писемъ Н. С. Соханской къ М. В. Вальховской. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ, съ примѣч. С. И. Пономарева. 1900. I, (1), 108—140. (Поправка. (4), 655).
4662. Изъ письма къ П. М. Строеву. Н. П. Барсукова. 1870. (12), 6—8, особое прил.
4663. О Пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ. (Изъ Записокъ кн. И. М. Долгорукаго). М. Н. Лонгинова. 1865. (4), 481—488. Дополненіе 1866. (2), 265.
4664. Письмо Н. Струйскаго къ кн. Потемкину. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. 1871. (2), 073—075.
4665. Письмо А. С. Стурдзы къ М. П. Сумароковой. 1892. II, 482. Сообщ. кн. М. А. Гагаринной. 1892. II, (8), 482—485.
4666. Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова. М. Н. Лонгинова. 1871. (10), 1637—1717.
4667. Поправки и дополненія къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ. В. И. Родиславскаго. 1871. (11), 1955—1956.
4668. Дополненія о Сумароковѣ. М. Н. Лонгинова. 1871. (11), 1956—1960.
4669. Собственноручная записка А. П. Сумарокова. (Сообщ. М. М. Евреиновымъ). 1867. (1), 100.
4670. Анекдотъ о Сумароковѣ. (Сообщ. М. М. Евреиновымъ). 1874. I, (4), 01097.
4671. Два доношенія А. П. Сумарокова. Съ предисл. Л. Н. Майкова. XVIII В. III, 182—186.
4672. Михаилъ Сухановъ, крестьянинъ поэтъ. Н. Добротворскаго. 1888. II, (7), 0367—0368.
4673. Автобіографическая записка С. М. Сухотина. 1884. III, (9), 69—77.
4674. Н. В. Сушковъ. (Некрологъ). 1871. (10), 1743—1744.
4675. Извѣстіе о смерти А. В. Терещенка. 1865. (8), 1037.
4676. Письма Г. Н. Теплова. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. 1869. (2), 216—220.
4677. Графу А. К. Толстому (стихи). 1889. III, (9), 133—134.

Петра Великаго“, и кончая Крыжановскимъ, съ любопытными о нихъ подробностями, съ чертами быта и управления. Приложены портреты самого Чернова и Оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ. Переданы рассказы о жестокости Неплюева по отношению къ Башкирамъ, про чудачества князя Г. С. Волконскаго, про Хивинскій походъ Перовскаго (неудавшійся благодаря тому, что Перовскій, вопреки предостереженію Государя, допустилъ къ себѣ Поляка Цюлковскаго и отдалъ въ его завѣдываніе верблюдовъ), про крутыя мѣры Перовскаго и про его сына. Читатели видятъ передъ собою историческій ростъ края. Въ книгѣ нѣсколько рисунковъ. Они весьма любопытны не для мѣстныхъ только жителей, но и для всего читающаго люда.

*

Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1906 годъ. Псковъ. 1907. Малая 8-ка, 191 стр.

Въ этомъ Обществѣ усердно трудится секретарь его, г. Окуличъ-Казаринъ, составившій опись свитковъ, находящихся въ Музеѣ Общества. Въ книгѣ этой напечатано 266 народныхъ пѣсень, записанныхъ въ Псковской губерніи И. К. Копановичемъ. Большинство этихъ пѣсень свидѣтельствуесть, до какой степени упало въ томъ краю (да, кажется и не въ немъ одномъ) народное пѣснотворчество, нѣкогда столь художественное и выразительное. Вопреки вѣрнопостному праву, пѣсня не умолкала въ нашемъ простонародѣ и у строгихъ помещиковъ. Нынѣ воспѣваются наприм. король бубновый и папироски!

*

Насъ обрадовала статья А. П. Ариповой въ приложеніи къ № 11406-му „Новаго Времени“: „Наталья Николаевна Пушкина-Ланская“ съ портретами ея отца, матери, бабушки и дѣда (красота, видно, у Гончаровыхъ въ роду). Вдова Пушкина была женщина вполне достопочтенная. Она вышла вторично замужъ, можно сказать, по завѣщанію Александра Сергѣевича, который, умирая, далъ ей нѣсколько умныхъ совѣтовъ и даже опредѣлилъ характеръ челоуѣка, котораго бы она избрала себѣ въ супруга. Объ этомъ передавали мнѣ княгиня Вѣра Федоровна Вяземская и Екатерина Алексѣевна Долгорукая. Наталью Николаевну почитали близкія къ поэту лица. Князь Вяземскій ѣздилъ къ ней въ Псковскую деревню, гдѣ она прожила первые годы вдовства своего. Въ Петербургѣ императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ ее и справлялся о воспитаніи дѣтей ея.

А. П. Арипова излагаетъ любопытныя преданія Гончаровыхъ и Загряжскихъ; но она ошибается, говоря, что прадѣдъ ея Иванъ Александровичъ Загряжскій женатъ былъ на графинѣ Строгановой: супруга барона Александра Николаевна Строганова Елисавета Александровна, была родомъ Загряжская. Брошена тѣнь на знаменитую „богородицину дочку“, графиню Анну Родионовну Чернышеву, и невѣрно говорится, что блестящее поприще князя А. И. Чернышева началось съ Полотняныхъ Заводовъ: онъ былъ родной племянникъ Екатеринына любимца Ланскаго, а умѣнно возвышаться обучился въ Парижѣ при дворѣ Наполеона. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1908 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыхъ подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—90 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—30 коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣе просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ находится искомая статья.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепьевъ.**

(46-й годъ съ основанія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

2.

Стр.

145. Записки архіепископа Никанора: „Моя хиротонія“. 1871 годъ.
249. Изъ записной книжки издателя „Русскаго Архива“ (объ отноше-
неніи духовныхъ властей къ свѣтской).
251. Фамильные прозвища Великорусскаго духовенства въ XVIII и
XIX столѣтіяхъ. Изслѣдованіе В. В. Шереметевскаго.
274. Завѣщаніе Н. Г. Чернышевскаго. (Сообщилъ П. А. Юдинъ).
277. Изъ записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ на походъ въ
Россію. Весна 1812 года.
286. Изъ архива Н. Н. Новосильцова. (Попытка всеобщаго воору-
женія въ Варшавскомъ Герцогствѣ. 1813.—Польскіе Карбона-
ріи). Сообщилъ И. Г. Попруженко.
295. Письмо графа Ѳ. В. Росточина къ одной просительницѣ. 1797.
297. Письмо Ю. Ѳ. Самарина къ А. О. Смирловой. 1868.
293. Московскій бульварный стихотворецъ-сатирикъ. А. А. Голож-
бевскаго.

Внутри сорочки: Новая Польская книга о Маринѣ Мншкскѣ.

Приложенъ 21 полулистъ „Предметной Росписи Русскаго Ар-
хива“ (Писатели).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1908.

Maryna Mnischkowna. Alexander Kirshberg. Русскій переводъ съ предисловіемъ Андрея Титова. Изданіе Ивана Александровича Вахромѣева. Москва 1908. 8-ка, IV, 355 и XX стр. (Указатель собств. именъ) съ двумя портретами Маринны, съ портретомъ перваго ея супруга, Петра Сапѣги, съ видами башни Маринны въ Коломнѣ и Посольскаго двора въ Москвѣ.

Хоть бы въ области историографіи сходились намъ почаше съ Поляками, у которыхъ, какъ и у насъ, работы по розысканіямъ старины оживились въ послѣдніе годы: у нихъ по досто-почтенному народолюбію (хотя и лихо-радочному), у насъ вслѣдствіе распа-денія узъ цензурныхъ, которыя еще недавно такъ были тяжки, что и „Русскій Архивъ“ подвергался много-кратнымъ задержкамъ.

За книгу о Маринѣ Мнишекъ обя-заны мы неутолимой дѣятельности достопочтеннаго Ростовскаго архео-лога А. А. Титова.

Г-нъ А. Кирхбергъ написалъ эту книгу по-польски на основаніи неиз-данныхъ большею частью бумагъ, найденныхъ въ архивахъ Польскихъ вельможъ, и она должна быть встрѣ-чена съ особымъ любопытствомъ историками смутнаго времени, кото-рое не перестаетъ занимать собою вниманіе и всего читающаго люда. О прославившейся на весь міръ Польшѣ Маринѣ заглавіе даетъ больше, не-жели даетъ книга: ни одной новой черты въ характерѣ и дѣятельности Маринны не находимъ. Важны только

письма ея къ королю Сигизмунду и изложеніе семейной ея обстановки. Это Русско-Польская исторія за первые годы XVII столѣтія, но тутъ нѣтъ от-вѣтовъ на главные вопросы. Для уяс-ненія дѣла было когда-то предположено составить въ порядкѣ мѣсяцевъ и дней сборникъ всѣхъ сохранившихся из-вѣстій объ одиннадцатимѣсячномъ цар-ствованіи того, кто называлъ себя Дмитріемъ Ивановичемъ и царство-валъ въ Россіи (Доселѣ еще не пе-ревелось помѣщики, владѣющіе евоими землями по его грамотамъ, какъ напр. Веселкины въ Новгородской губерніи). Говорятъ, что сохранились и доселѣ неизданные его указы. Но у насъ лю-бить больше дѣлать скороспѣлые вы-воды и обобщать, нежели, разыскивая, отдѣлять сомнительное отъ непре-ложнаго.

Нѣкоторыя страницы книги ужа-саютъ подробностями. Такъ Кіевскій купецъ Богданъ Балыка, очутившій-ся въ Кремлѣ, осажденномъ войсками князя Пожарскаго, записалъ: „Когда пѣхотѣ выдали больше десяти Мо-сковскихъ плѣнныхъ, она сейчасъ же убила ихъ и съѣла. Черезъ нѣсколько дней случилось, что Москвичи несли уголь рабочимъ, занятымъ при Ни-кольскихъ воротахъ. Гайдуки, выско-чивъ изъ стѣнъ, схватили одного изъ нихъ и, убивъ его, тотчасъ же съѣ-ли. Вскорѣ послѣ этого одинъ сол-датъ Воронеца и казакъ Щербина ворвались въ домъ князя Феодора Метиславскаго, отыскивая чего бы по-ѣсть; а когда Метиславскій началъ ихъ усовѣщевать, одинъ изъ нихъ ударилъ его кирпичемъ по головѣ

ЗАПИСКИ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА.

Моя хиротонія.

(Никаноръ, епископъ Ахсайскій, викарій Донской).

1871 годъ.

Теперь я въ Ново-Черкасскѣ. Сегодня 5-е Августа 1871 г. Сижу за своимъ письменнымъ столомъ, во временномъ помѣщеніи, въ Донскомъ архіерейскомъ домѣ. Помѣщеніе, конечно, не болѣе какъ временное, т. е. въ каждомъ уголкѣ встрѣчается то или другое неудобство. Мебели никакой. Чтò привезъ изъ Казани по части мебели, то разставилъ, кое-что прикупилъ здѣсь, кое-что изъ прикупленнаго доставлено уже въ квартиру, кое-что изъ магазина не доставлено. Главный недостатокъ: совершенное отсутствіе книжныхъ шкафовъ, а поэтому нельзя раскупорить ящики съ книгами и бумагами. А поэтому, хотя и есть всѣ документы, относящіяся къ дѣлу, которое намѣренъ я описать, но нѣтъ ихъ подъ руками.

И потому начинаю по памяти. Оказалось, что, по желанію и представленію преосвященнаго Платона архіепископа Донскаго, на Донъ для собесѣдованія съ раскольниками посланъ былъ священно-инокъ Пафнутій, бывший старообрядческой епископъ Австрійскаго священства. Сдѣлалъ ли онъ что либо здѣсь доброе, не знаю; узнаю и раскопаю здѣсь. Но неловкость, если только не пакость, сдѣлалъ онъ таковую. Разъ (это было въ концѣ прошлаго 1870 г. осенью), пріѣзжаю къ своему владыкѣ, преосвященному архіепископу Казанскому Антонію вечеромъ, и здѣсь послѣ перваго взаимнаго привѣтствія слышу отъ него вопросъ: «А читали»? Держитъ онъ въ рукахъ и показываетъ мнѣ только что полученные листы «Современной Лѣтописи»^{*)}; тамъ о. Пафнутій соизволилъ помѣстить свой отчетъ о поѣздкѣ своей на Донъ, при чемъ разсуждаетъ о причинахъ недостатка вліянія православнаго духовенства на народъ. Между этими причинами поставлены, сколько помню: 1) без-

^{*)} Издававшейся М. Н. Катковымъ при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. П. Б.
I, 10

„Русскій Архивъ“ 1908.

чинность въ отправленіи православнаго богослуженія, 2) парикмахерство, съ какимъ православное духовенство расчесываетъ свои длинные волосы (при этомъ мнѣ припомнился священно-игумень Павелъ Прусскій, котораго, въ 1870 году 5-го Юля, видѣлъ я въ Сергіевой Лаврѣ; именно вспомнилось въ немъ то, что, когда онъ снималъ съ головы своей кругленькій старообрядческій клобучекъ, то изъ подъ клобучка разсыпались въ совершенномъ безпорядкѣ всклокоченные, нерасчесанные, примятые, войлочные волоски, очень похожіе на Жидовскіе пейсики, рассыпавшіеся изъ подъ случайно снимаемой ермолки; такъ между прочимъ въ этомъ поставляется идеалъ раскольниковской святости, и это неблагообразное благообразіе рекомендуется намъ, какъ правило и способъ привлеченія раскольниковъ къ Православію). 3) Между дальнѣйшими причинами упадка вліянія православныхъ на Донскихъ раскольниковъ значилось и то, что архипастырь Донской въ маститыхъ лѣтахъ уже преуспѣлъ, а викарія не имѣеть. При этомъ даже кроткій, благостный и сдержанный преосвященный Антоній Казанскій замѣтилъ: «вѣдь вотъ, подумаешь, откуда громъ....» А мнѣ подумалось невольно, что священно-инокъ Пафнутій, бывшій старообрядческій епископъ, себя самого рекомендуетъ въ епископа, православнаго викарія Донскаго: тогда бы-де и воспрятали у насъ и дѣсь, и горы, т. е. всѣ Донцы сейчасъ же обратились бы ну хоть въ единовѣріе, что, пожалуй, и вышло бы на самомъ дѣлѣ, только въ ту сторону, что и послѣдніе православные ушли бы сначала въ единовѣріе, а потомъ дѣтъ черезъ двадцать и въ расколъ. Погрустили мы тутъ съ преосвященнымъ архіепископомъ Казанскимъ на счетъ сочувственнаго обоимъ намъ архіепископа Донскаго, естественно предполагая, что «ему такая выходка Пафнутія должна быть крайне непріятна». Затѣмъ я и уѣхалъ.

Съ 1858 г. состоя въ постоянной корреспонденціи съ преосв. архіепископомъ Платономъ, когда былъ я въ Саратовѣ до 1864 г., потомъ въ Петербургъ во второй половинѣ 1865 г. (по выbytіи преосв. Платона изъ С.-Петербурга на епархію), а наконецъ изъ Витебска сначала въ 1865—1866 г.г., я писалъ къ нему многими книгами; но несчастное для многаго 4-е Апрѣля*) имѣло и на меня то между прочимъ прискорбное вліяніе, что я сжегъ большую часть своихъ бумагъ и записокъ, между которыми письма къ преосв. Платону составляли главную существенную часть, а все прочее было только дополненіемъ. Послѣ же этой катастрофы у меня отпала охота слѣдить за современностью, да и самая современность, ставъ на старинную основу развитія Русской

*) День покушенія Каракозова. П. Б.

исторіи, сдѣлавшись пугливо-консервативною въ словѣ и идеѣ, хотя и продолжая быть по данному направленію прогрессивною въ дѣлѣ реформы Русской жизни, самая современность перестала быть интересною. Мы были фразированы, разломаны, больны; нужно было успокоиться послѣ кипучей идеяи жизни. Затѣмъ съ переводомъ моимъ въ Казань на мѣсто ректора Академіи, я, имѣя на плечахъ 50 лѣтъ, вынужденъ былъ сдѣлать крайнее усиліе, чтобы стать по возможности въ уровень съ совершившимся и у насъ на Руси въ 15—20 лѣтъ развитіемъ богословской мысли, слова и науки. Оттого всякія стороннія диллетантскія занятія нужно было рѣшительно кинуть и всякую корреспонденцію ограничить только само-нужнѣйшими извѣщеніями само-нужнѣйшихъ лицъ о само-нужнѣйшемъ; о томъ, что-де живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю и съ праздникомъ поздравляю.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ послѣднее время моей Казанской жизни мои писанія къ пр. Платону сузились почти только въ поздравленія съ праздниками именинъ, Св. Пасхи и Рождества Христова. Да и матеріи для распространенной корреспонденціи не оказывалось. А между прочимъ было какъ-то совѣстно предъ старымъ и всегдашнимъ моимъ благодѣтелемъ и доброжелателемъ, такъ какъ могло показаться нѣсколько неблаговиднымъ, что я осаждалъ его писаніями, когда былъ въ угнетеніи, а когда сталъ твердою ногою на жизненной дорогѣ, то и началъ забывать его, какъ будто въ тайной мысли, что безъ васъ, молъ, обойдемся. Тутъ вдругъ открылся такой рѣдкій случай выразить его в-ву старое и всегда неизмѣнное сочувствіе.

При первой возможности я сѣлъ за почтовый листъ бумаги и началъ къ его в-ву свое писаніе такъ: «Не знаю, что въ этотъ разъ побуждаетъ меня утрудить ваше в-во своимъ писаніемъ», послѣ чего коснулся выше-описаннаго случая, какъ достопочтенный о. Пафнутій позволилъ себѣ какъ-то двусмысленно отнестись къ лицу его в-ва и какъ мы съ преосв. архіеп. Казанскимъ по этому поводу разсуждали сочувственно о лицѣ в.-преосв. Платона.

Отвѣтомъ на это мое посланіе было писаніе ко мнѣ в.-преосв. Платона съ слѣдующимъ началомъ: «Вы недоумѣваете, что побудило васъ на этотъ разъ писать ко мнѣ; такъ я вамъ скажу: то, что въ послѣднее время я много думалъ о васъ и именно о томъ, почему это вы ничего не пишете ко мнѣ». Послѣ сего владыка объяснялъ, что подобныя сочувственныя отраженія мыслей и думъ въ его жизни сказывались не разъ, а въ существенномъ содержаніи своего письма извѣщалъ, что въ послѣднее время, при посѣщеніи Ново-Черкаска, синодальный

оберъ-прокуроръ, великій реформаторъ графъ Д. А. Толстой, обошелся со всѣмъ «благосклонно», между прочимъ обѣщавъ свое содѣйствіе къ учрежденію въ Ново - Черкасскѣ викаріатства. Въ заключеніе письма в. преосв. Платонъ предлагалъ мнѣ, не угодно ли мнѣ занять мѣсто викарнаго на Дону, о чемъ просилъ меня ему телеграфировать.

Это неожиданное предложеніе заставило меня задуматься. Подумавши, я телеграфировалъ, помнится, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Судьбы Божіей не избѣжишь. Отвѣтъ сложенъ. Препровождается письмо». И теперь, когда все уже совершилось, когда я пересталъ быть ректоромъ Академіи и сталъ архіереємъ! А было время, что архіереємъ быть я не желалъ; было другое время, когда я всѣмъ и каждому на право-нальво громко говорилъ, что архіереємъ никогда ни подъ какимъ видомъ не буду. Послѣдній періодъ моей жизни предъ архіерействомъ былъ временемъ, когда быть архіереємъ я и боялся и не надѣялся и не находилъ нужнымъ желать, потому что высоко цѣнилъ свое мѣсто ректора Академіи. Озираясь назадъ на эту имѣвшую въ моей жизни существенное значеніе телеграмму, нахожу, что она достаточно передаетъ мое душевное состояніе, при какомъ она формулирована: «Судьбы Божіей не избѣжишь». Это значитъ: хочешь, не хочешь, если суждено, будешь, если не суждено, не будешь, это вѣрно, хотя бы и не желалъ. Желать нескромно, а отбиваться опасно: настоящее мѣсто можно потерять, лучшаго не нажить, и опуститься морально, а затѣмъ пропасть и въ житейскомъ смыслѣ, т. е. кончить жизненную карьеру бѣдственнымъ паденіемъ.

За телеграммой послѣдовало письмо къ его в - ву въ цѣльныхъ три листа. Тутъ нужно сдѣлать ретроспективный взглядъ назадъ. По многимъ отношеніямъ плохи бывали мои житейскія дѣла. Направляя свое Московское величіе въ Витебскъ, преосв. Савва разнообразными внушеніями былъ предубѣжденъ противъ меня; но я разбилъ это предубѣжденіе, что началъ въ ту пору, когда преосв. Савва, назначенный въ Витебскъ, находился еще въ Москвѣ. Я написалъ ему туда прѣобширное письмо, въ которомъ подробно изобразилъ состояніе его новой паствы, особенно же относительно скудной съ остатками уніятства постановки богослуженія. Это было, по его личному признанію, толчкомъ, почему онъ, пока еще не выѣзжалъ изъ Москвы, обратилъ главное свое вниманіе на постановку богослуженія въ Витебскѣ, при чемъ взялъ съ собою нѣсколько нужныхъ для цѣльности архіерейскаго служенія лицъ, какъ-то письмоводителя, знатока пѣнія и отличнаго пѣвца, двухъ иподіаконовъ, регента, запаса большимъ количествомъ богослужебныхъ

принадлежностей, облачений, утварей и т. п., а главное запаса рѣшимостью учредить въ Витебскѣ, какъ онъ выражался, «истинное богослуженіе» и со всѣмъ этимъ запасомъ и лицъ и вещей и нужной рѣшимости величественно появился въ Витебскѣ.

Встрѣчу мы устроили ему препышную, въ чемъ со стороны духовенства опять я же былъ первымъ двигателемъ. При устроеніи чипности богослуженія въ Витебскѣ я же опять, какъ ректоръ и архимандритъ, былъ первымъ и ревностнымъ пособникомъ, собственнымъ лицомъ участвуя въ архіерейскихъ службахъ такъ часто, какъ со мною того ни прежде, ни послѣ не бывало, и особенно пріучая семинаристовъ къ участию въ богослуженіи въ качествѣ чтецовъ, пѣвцовъ и прислужниковъ. Семинарія дѣлала его п-ву всегда торжественную рамку его появленія въ священнодѣйствіяхъ. Преосв. Савва не могъ не признать моихъ трудовъ и, пожалуй, даже заслугъ и не быть признательнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ не разъ давалъ мнѣ понять, что ему стоить только слово сказать, чтобъ меня убрали изъ Витебска, и вообще держалъ себя со мною довольно верховно, какъ съ человѣкомъ опальнымъ.

Тѣмъ не менѣе открылась еще одна статья, въ которой я умѣлъ угодить его п-ву: именно, съ прибытіемъ его въ Витебскъ въ Консисторіи оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ немало, и между ними немало дѣлъ сложныхъ и грязныхъ, а дѣльцовъ-то, на оборотъ, оказалось мало, т. е. истинно-дѣльцовъ ни одного. Онъ опять обратился ко мнѣ съ просьбою заняться нѣкоторыми самыми сложными изъ дѣлъ. Нѣсколько такихъ дѣлъ я рассмотрѣлъ и рѣшилъ къ полному его удовольствію. Свое же собственное семинарское дѣло вообще велъ я рукою крѣпкою.

Заручившись всѣми подобными данными, лѣтомъ 1864-го года, отбывъ въ Москву на юбилей великаго Московскаго іерарха Филарета, (на пути туда ли, оттуда ли, не помню), преосв. Савва заѣзжалъ въ С.-Петербургъ къ митрополиту Исидору и просилъ его дать мнѣ Владимира 3-й степени. Но первосвятитель Русской церкви и слушать объ этомъ не хотѣлъ. Изъ товарищей моихъ одинъ уже вышелъ въ архіереи, Германъ Сумскій; другой, Іосифъ Виленскій, былъ на пути къ архіерейству; я же оставался ректоромъ смиренной, одной изъ послѣднихъ, Полоцкой семинаріи, безъ всякихъ видовъ на улучшение своей участи. Тутъ судьба моя чуть было не перемѣнилась. Въ эту пору, по случаю преобразования семинарій, составлялся Духовно-Учебный Комитетъ, при чемъ былъ поднятъ вопросъ, не нужно ли, не полезно ли

было бы имѣть при Учебномъ Комитетѣ одного или двухъ членовъ-ревизентовъ изъ монашествующихъ лицъ. Были голоса за положительное рѣшеніе этого вопроса.

Узнавъ объ этомъ, я сталъ рекомендовать на такое мѣсто себя чрезъ И. А. Чистовича, ректора С.-Петербургской Семинаріи, о. Павла, ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, И. Л. Янышева и самого о. протоіерея Іосифа Васильевича Васильева. Друзья не совѣтовали мнѣ брать это мѣсто, проча меня на мѣсто ректора Казанской Духовной Академіи, тѣмъ не менѣ дѣйствовали согласно съ моими видами. Новоротился изъ своего созерцательнаго по Россіи путешествія великій Сергіевскій *), насаждалъ въ Петербургѣ на мой счетъ какихъ-то Саратовскихъ сплетней и погубилъ мое дѣло. Впрочемъ меня извѣстили, что оберъ-прокуроръ отказалъ мнѣ въ назначеніи на мѣсто члена-ревизента не по личностямъ, а по принципу: «разъ-де постановлено, чтобы члены-ревизоры были свѣтскіе, а не монахи, нѣтъ особой нужды сейчасъ же отступить отъ состоявшагося закона». И резонно, и я спасся отъ тягостнаго положенія: свѣтскимъ членамъ-ревизентамъ естественно, отставивъ доброе о себѣ мнѣніе оберъ-прокурора, выметать Семинаріи отъ старья, особенно же отъ монашества; а мнѣ было бы тягостно до невыносимости налагать свою руку на свою братію. И слава Богу, друзья повели и устроили мое дѣло иначе.

Одинъ другъ, ректоръ С.-Петербургской Семинаріи, о. архимандритъ Павелъ, дѣйствуя въ С.-Петербургѣ, влиялъ на преосвященнаго архіепископа Казанскаго Антонія, при которомъ самъ служилъ ректоромъ Семинаріи въ Смоленскѣ, убѣждая его взять меня къ себѣ въ ректора Академіи; другой другъ, Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, влиялъ на преосв. Нектарія, архіепископа Нижегородскаго, который не только присутствовалъ тогда въ Св. Синодѣ, но по особой благосклонности графа-оберъ-прокурора и орудовалъ многими синодскими дѣлами.

Вліянія и хлопоты друзей кончились однакоже тѣмъ, что, по смерти ректора Казанской Духовной Академіи о. архим. Иннокентія, преосвященный Антоній назвалъ отъ себя трехъ кандидатовъ на ректорство, именно, о. инспектора Московской Академіи Михаила, о. ректора Виенской Семинаріи Сергія и самого о. Павла, ректора Семинаріи С.-Петербургской; меня же (какъ извѣщаль о. Павелъ) поопася представить кандидатомъ. Но былъ мой другъ еще въ самой Казани, лично

*) Попечитель Виленскаго учебнаго округа? П. Б.

вообще мнѣ хорошо вѣдомый, но невѣдомый какъ другъ, викарій Казанскій епископъ Гурій, который въ эту пору назначался самостоятельнымъ епископомъ въ Тавриду.

Сей ратовалъ за меня предъ преосвященнымъ Антоніемъ. А въ Петербургѣ дѣла сложились такъ, что Павелъ, при покровительствѣ митрополита Исидора, рѣшительно отъ Казани отказался; Михаилъ былъ отвергнутъ, какъ неудобный оберъ-прокурору и больной ногами; Сергій былъ отринутъ, какъ больной головой; а друзья дали понять преосв. Антонію, что если онъ не поспѣшитъ рекомендовать меня, то къ нему въ ректора Академіи будетъ назначенъ кто-либо изъ заграничныхъ протоіереевъ. Тогда преосв. Антоній поспѣшилъ попросить за меня. Преосв. Нектарій поспѣшилъ устроить дѣло въ мою пользу до прибытія оберъ-прокурора, который былъ тогда за границую. Митрополитъ Исидоръ числился въ отпускѣ.

Какъ ни спѣшили, но закончить дѣла не успѣли до прибытія оберъ-прокурора, который прибылъ, взглянулъ взглядомъ Юпитера-громовержца и—ни слова не сказалъ.

Такъ и очутился я ректоромъ Казанской Духовной Академіи! 23-го Августа 1868 г. былъ я уже въ Казани.

Тутъ слѣдуетъ не всю мою Казанскую жизнь рассказать, а только перечислить вкороткѣ мои заслуги для Казанской Академіи.

Ни слова о томъ, что я не злоупотреблялъ хозяйствомъ, но слово о томъ, что я привелъ въ ясность употребленіе суммъ и экономическую отчетность, кое-что улучшилъ въ постановкѣ ученія, а въ академической церкви не сдѣлалъ многого по рѣшительному недостатку суммъ. Слово о томъ, что не безъ противорѣчій со стороны своихъ я настоялъ провести дѣло о перестройкѣ и распространеніи зданій Академіи, на что испрошена ассигновка до 70000 р. Съ наставниками Академіи съ первыхъ же дней сталъ на братскую, дружескую ногу, на которой утверждался съ каждымъ днемъ больше и больше и продержался благополучно до конца, чему доказательства будутъ представлены ниже.

Со студентами же я сталъ воевать съ перваго дня вступленія моего въ Академію, замѣтивъ, что студенты способны къ небрежному со мною обращенію или даже къ враждебнымъ противъ меня выходкамъ. Такъ, помнится, въ первый же день моего пребыванія въ Казани, одинъ студентъ, столкнувшись со мною въ корридорной двери, не только не

посторонился, но, пробѣжавъ впереди меня, кинулъ мнѣ дверь подъ носъ. Когда въ первый и послѣдній разъ вечеромъ однажды пошелъ я по студенческимъ комнатамъ, одинъ студентъ (Владимиръ Соколовъ) на самый невинный мой вопросъ сталъ говорить какимъ-то возбужденно-раздражающимся тономъ; я сдержался и пошелъ дальше. Въ другой комнатѣ другой студентъ (Охотинъ) сталъ въ отношеніи ко мнѣ въ такую небрежную позу (съ руками въ карманахъ пиджака), вздернулъ носъ такимъ вызывающимъ образомъ, заговорилъ такимъ раздражительнымъ тономъ, что тутъ уже и я заговорилъ: «Да откуда вы взяли становиться въ отношеніи ко мнѣ въ такую позу и говорить со мною такимъ тономъ, да съ чего? Чѣмъ я оскорбилъ васъ? Да я наконецъ 14 лѣтъ состою на службѣ (подразумѣвалось здѣсь почти столько лѣтъ, сколько вы живете на свѣтѣ). Съ этими словами я вышелъ и съ тѣхъ поръ въ присутствіи студентовъ никогда уже не ходилъ по ихъ комнатамъ.

Такъ какъ я началъ ходить ежедневно на утреннія и вечернія молитвы, то, тяготясь моимъ присутствіемъ и желая отъ него отдѣлаться, студенты вели себя предо мною нарочито несдержанно. На вечернія молитвы многіе не ходили, на утреннія ходили немногіе, а нѣкоторые (напр., Аркадій Цвѣтковъ) не ходили почти никогда, особенно же на утреннія молитвы. Къ дисциплинѣ заведенія относились особо небрежнымъ образомъ. Въ городъ изъ заведенія уходили во всякую пору дня и ночи, на моихъ глазахъ, это все равно. Уходили въ городъ, ходили въ баню на моихъ глазахъ во время классовъ. Къ богослуженію въ праздники ходили, но далеко не всѣ и не всегда. Въ аудиторіяхъ во время классовъ нерѣдко оставалось 2—3 человѣка; полностью же или въ составѣ по крайности благовидномъ студенты бывали на лекціяхъ только ректора архимандрита Никанора, бѣ бо сердить вельми, и профессора Русской Исторіи Петра Васильевича Знаменскаго, бѣ бо мудръ вельми и словесень, ну и немножко съ радикальнымъ закальцемъ; а у прочихъ наставниковъ бывало студентовъ отъ половины и ниже до 2 слушателей въ классѣ, индѣже до одинаго. Кутежи въ Академіи были явленіемъ постояннымъ до ежедневности, и мнѣ не было нужды узнавать о студенческихъ дебошахъ со стороны, такъ какъ, при аммосовскомъ отопленіи академическихъ зданій съ соединенною съ нимъ вентиляціею, всѣ стѣны изрѣзаны были трубами, и въ ректорской квартирѣ весьма отчетливо слышно было почти все, что дѣлается у студентовъ, а студенты съ своей стороны не находили нужнымъ, напротивъ, считали унизительнымъ, прятаться. Ко мнѣ, въ мою квартиру студенты являлись съ разстегнутыми сюртуками, становясь полубокомъ, заявлять,

что въ моихъ мѣропріятіяхъ то или другое имъ «не нравится», буквально. Съ этими заявленіями, что я имъ не нравлюсь, они приходили ко мнѣ три раза, пока наконецъ нѣкому извѣстному сплетнику Васенькѣ Попову я, по поводу такого заявленія, не задалъ баталію; тогда перестали. Вообще же я возвысилъ противъ своеволія студентовъ гласъ свой яко трубу.

Къ концу Рождественской трети въ 1868 г. я собралъ конференцію изъ всѣхъ наставниковъ Академіи, при чемъ выразилъ конференціи свое недоумѣніе на такую постановку дисциплины въ Академіи. Конференція судила-рядила и ничѣмъ не кончила. Къ концу учебнаго года, къ каникуламъ 1869 г., по поводу положительнаго погруженія въ пьянственную страсть выше-поименованнаго студента Н. Охотина, я снова возвышалъ на полной конференціи голосъ свой противъ своеволія студентовъ; конференція, существеннѣйшіе члены оной, только руками развели, и больше ничего. Студенты, очевидно, били на рѣшительную свободу отъ всякой дисциплины, завоеванную себѣ студентами Университета и уступленную имъ правительствомъ; а наставники, по прежнему порядку, установившемуся въ д. Академіяхъ при прежнемъ уставѣ, и себя самихъ въ строгѣ академіи, особенно же дисциплинарномъ, считали безотвѣтственными, и ректора въ его настояніяхъ поддерживать не считали себя обязанными. Тѣмъ не менѣе этотъ духъ упорства не выстоялъ.

Сокрушить этотъ духъ отрицанія дисциплины помогли мнѣ два обстоятельства: одно частное, домашнее, то именно, что совсѣмъ спившійся Охотинъ оказался пьянымъ въ Среду вечеромъ на Страстной, а въ Великій Четвергъ случайно найденъ мною въ безчувственно пьяномъ положеніи предъ причастіемъ. Тогда уже нашли неизбѣжнымъ задать ему и всему студенчеству баталію, уже не словесную, а письменную. А другое обстоятельство болѣе общее: введеніе въ Академіяхъ С.-Петербургской и Кіевской новаго Академическаго Устава съ учрежденіемъ отвѣтственныхъ и полноправныхъ совѣтовъ, которые сейчас же начертали для студентовъ самыя строгія дисциплинарныя правила, названныя мною Драконовскими. Это сейчасъ же отразилось и у насъ въ Казани. Студенты поняли, что прать противъ рожна невозможно. Старшій курсъ, прожившій при мнѣ ровно два послѣднихъ года изъ четырехъ академическихъ годовъ, весело жили, весело и курсъ кончили. Но слѣдующій за ними курсъ вступилъ въ новую эру Академіи, уже преобразованной въ 1870 году, покорились Уставу самыми кроткими овечками, и въ самомъ дѣлѣ повели себя такъ сдержанно, такъ тихо, что мнѣ даже жаль ихъ стало....

Въ эту-то пору, когда я, одинъ я, вынесъ на своихъ плечахъ борьбу противъ духа цѣлой Академіи и все укротилъ безъ малѣйшей ломки, когда и Совѣтъ наставниковъ и студенты ясно и твердо сознали необходимость поставить дисциплину Академіи въ положеніе твердо-почтенное, вдругъ отъ оберъ-прокурора получается форменная бумага: «по частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, что дисциплина въ Казанской Духовной Академіи находится въ совершенномъ упадкѣ, ректоръ противъ распушенности студентовъ не принимаетъ никакихъ мѣръ, отъ инспектора также нельзя ждать никакихъ мѣропріятій, потому что онъ человѣкъ старый и слабый».... Мы отписались по благодати архипастыря нашего. Но отъ Юпитера-громовержца новые громы: «нѣтъ, ему-де совершенно извѣстно, что ректоръ положительно не принимаетъ никакихъ мѣръ». Эти грубыя и совершенно несправедливыя укоризны даже не огорчили меня, а напротивъ только оскорбили: вѣдь такой языкъ со стороны того же Толстого, какъ министра, невозможенъ былъ бы въ отношеніи къ ректору Университета, который завѣдомо былъ человѣкъ и старый, и слабый; но тотъ же графъ, какъ оберъ-прокуроръ, не задумывается употребить самый грубый языкъ въ отношеніи къ ректору Академіи, человѣку, какъ всѣмъ ближайшимъ вѣдомо, и не старому и въ извѣстномъ смыслѣ вовсе неслабому. Возмущала всѣхъ насъ эта грубость, а мнѣ кромѣ нанесенія оскорбленія показала непрочность моего положенія.

Всѣ эти обстоятельства я изъяснилъ въ отвѣтномъ посланіи преосв. Платону, указавъ между прочимъ на обстоятельство, о которомъ слышалъ нѣкогда изъ его собственныхъ устъ и которое осталось мнѣ крѣпко памятнымъ, именно, что на его памяти только два человѣка отказались отъ предложеннаго архіерейства, одинъ—Макарій Калязинскій, а другой—отецъ Аввакумъ Китайскій; участи ни того, ни другого позавидовать я не могъ. Въ концѣ концовъ, въ заключеніи посланія къ преосв. Платону я предоставлялъ дѣло волѣ Божіей и усмотрѣнію многоопытнаго моего стараго благодѣтеля. Онъ не замедлилъ почтить меня увѣдомленіемъ, что онъ ходатайствуетъ о возведеніи меня въ епископскій санъ викаріемъ на Донъ, какъ человѣка даровитаго, дѣятельнаго и знающаго расколъ, о чемъ онъ пишетъ къ митрополитамъ Исидору и Арсенію Кіевскому и г. оберъ-прокурору Св. Синода. Мнѣ между прочимъ поручилъ сообщать ему, если я что либо узнаю объ общемъ нашемъ дѣлѣ изъ С.-Петербурга.

Произошло тутъ около этого времени повидимому незначительное обстоятельство, но такое, которое сдѣлало на меня извѣстное тревожное

впечатлѣніе. Воротимся нѣсколько назадъ. Когда, въ половинѣ Мая 1856 г. прибылъ я въ Ригу юнымъ ректоромъ и архимандритомъ, въ Ригѣ тогда ожидали прибытія Государя Императора. Около нашего владыки и преосвященнаго Платона, въ Ригѣ, какъ и вездѣ въ ту пору, озабочены были возможно-лучшимъ пріемомъ Высокаго Гостя. Между прочимъ соборный ключарь, Ѳома Ивановичъ Зарницкій, озаботился и мною, именно въ какой митрѣ я долженъ выйти навстрѣчу Государю. Заказанная мною въ С.-Петербургѣ митра была еще неготова; въ Ригѣ же на первыхъ порахъ мнѣ пригнали митру изъ старенькаго зеленого полинялаго бархата. Ключарь говорилъ, что въ этой не годится встрѣчать Государя, а нужно надѣть посвѣтлѣе митру, именно митру владыки изъ краснаго бархата. Почему и не надѣть? Но митра къ сожалѣнію оказалась велика на мою голову. Ключарь говоритъ, подложить ватю. Я заупряился. Ключарь сталъ настаивать. Мнѣ не хотѣлось спорить: подложили митру ватю. Оказалось послѣ этого, что, когда стоишь прямо, митра виситъ на головѣ; но когда кланяешься, она шатается. Говорятъ: Вы осторожнѣй кланяйтесь. Я и думалъ осторожнѣе поклониться; но когда архіепископъ подвелъ къ намъ Государя и говоритъ: «имѣю честь представить Семинарію и ректора оной, я забылъ, что думалъ, и поклонился такъ усердно, что митра совсѣмъ пошатнулась и полетѣла бы къ ногамъ Государя, если бы я не подхватилъ ея руками и не придержалъ на головѣ. Государь, тогда прелестный почти молодой человекъ, улыбнулся кроткою ангельскою улыбкой.... Эта пустошь облетѣла тогда всю Россію и серьезными людьми наприм., Анатолиемъ архіепископомъ Могилевскимъ, принята была какъ несчастное преданаменованіе. Сбылось ли оно, нѣкоторымъ это извѣстно. Тутъ случилось нѣчто подобное и именно въ первый день Новаго 1871-го года.

Въ этотъ день человекъ бываетъ невольно суевѣренъ. Я служилъ со владыкою Антономъ въ соборѣ. Послѣ обѣдни по обычаю пили у владыки чай, ради праздника по обычаю у владыки обѣдали. Послѣ обѣда зашелъ я сдѣлать доброду, но несчастному архимандриту Самуилу визитъ; послѣ него пошелъ съ визитомъ къ несчастному (и нельзя сказать также доброду) о. іеромонаху Сергію; отвизитовался, выхожу и сталъ надѣвать шубу. Только въ этотъ моментъ вдругъ вижу, что за диво? Нѣтъ коронки на моемъ Аннинскомъ крестѣ. Тутъ мгновенная невольная ассоціація идей, что-де потерялъ архіерейскую митру. Ну, Богъ съ нею, хотя въ Новомъ Завѣтѣ она по многимъ отношеніямъ стбитъ первородства Исавова. Есть въ такой потерѣ своя грустная сторона. Но когда совсѣмъ надѣлъ шубу, смотрю, что за диво опять?!

Коронка у меня въ рукѣ... Съ тревожнымъ предчувствіемъ именно относительно потери и обрѣтенія архіерейства поѣхалъ я домой въ Академію.

И не обмануло предчувствіе! По порученію архіепа. Платона написалъ я къ И. А. Чистовичу, прося его послѣдить за ходомъ этого дѣла и въ случаѣ вступленія его въ какой-либо опредѣленный фазисъ извѣстить меня. И извѣстили! Содержаніе письма было слѣдующее: «Вы просили извѣстить о томъ-то; но я поведу рѣчь о другомъ, что имѣетъ однакоже нѣкоторую связь съ вашимъ вопросомъ. Друзья ваши съ изумленіемъ и страхомъ за васъ прочитали вашу рѣчь при погребеніи академическаго сторожа. Удивляться можно, какъ она сорвалась съ вашего языка и пера; но еще удивительнѣе, что вы рѣшились выступить съ нею въ печать. Друзья рѣшились было по возможности затушить это дѣло молчаніемъ; но вдругъ къ сожалѣнію поднялась объ этомъ рѣчь въ высшихъ синодскихъ сферахъ. Митрополитъ говорилъ объ этомъ громко въ Синодѣ.—«Что видимъ? Что дѣлаемъ? Не великаго человѣка погребаемъ, а малаго.... Осипъ Петровичъ вчера и днесъ той же!» Въ этомъ видятъ не неприличіе, а кощунство. Ну и прочая.... Отругали таки достаточно. Я немедленно же сообщилъ объ этомъ арх. Платону, поставивъ свое сообщеніе такъ, что-де и «ваше в-ство изволили поручить мнѣ извѣстить васъ, что речеть о мнѣ Господь устами рѣшающихъ нашу судьбу, речеть ли миръ на люди... И вотъ что изречено».... *).

Правду сказать, я, много разъ битый за свои письменныя, словесныя произведенія, сталъ крайне трусливъ, когда рѣшаюсь что либо свое напечатать, или даже когда подаю высшей власти на цензуру писанную по заказу проповѣдь. Можно сказать, что въ отношеніи къ своимъ писаніямъ я потерялъ вкусъ, это чутье, за что могутъ и за что не могутъ побить: мнѣ всегда чувствуется, что за все могутъ побить. Такъ, рѣшившись по обстоятельствамъ предать тисненію свою рѣчь надъ гробомъ юной супруги профессора Ивановскаго, я отважился напечатать ее не въ «Собесѣдникѣ», а только въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» и держалъ Извѣстія не выпуская въ свѣтъ больше недѣли, въ ожиданіи, пока просмотритъ свой № архіепа. Антоній. И рѣшилъ выпустить только тогда, когда убѣдился, что владыка противъ моей

*) Поученіе при погребеніи Юсифа Петровича Самохвалова. Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, томъ V, стр. 355—356, изд. посмертное. Одесса 1891 г.

рѣчи не имѣеть ничего. Тѣмъ не менѣе она и у насъ въ Казани и въ С.-Петербургѣ возбудила сильное словопреніе: одни были въ восторгѣ и проливали надъ нею слезы, другіе видѣли въ ней не болѣе какъ «ребячество» (буквальное выраженіе профессора Александра Ивановича Гренкова). Напечатавъ свою рѣчь, произнесенную при выпускѣ студентовъ въ 1870 г., я также трусилъ и также маневрировалъ, опасаясь особенно приговора архіеп. Антонія; но вмѣсто того услышалъ отъ него: «У-у-у... какое вы сильное прочитали имъ внушеніе!... Назидательно!» Зато И. А. Чистовичъ обругалъ и ее, и меня крѣпко; а другіе, каковы профессоръ Нильскій и преосв. Павелъ, были рѣшительно за нее и за меня (какъ я теперь узналъ въ Петербургѣ). Произнесши рѣчь 15-го Августа того же 1870 г. при молебствіи по случаю введенія новаго Устава, я не посмѣлъ ее напечатать, опасаясь опять тронуть тонкое чувство владыки Антонія, который былъ сильно противъ новаго Устава; она напечатана только въ этомъ году властною и благосклонною ко мнѣ рукою правящаго нынѣ должность ректора Казанской Академіи Наѳанайла Петровича Соколова. Сказавши же эту рѣчь надъ гробомъ Осипа Петровича и напечатавъ ее единственно потому, что смерть его и похороны совпали со смертью и похоронами студента Дмитревскаго, для того, чтобы сообщить описаніе кончины Дмитревскаго его товарищамъ и роднымъ, я рѣшительно не воображалъ, чтобы такая незначительность могла обратить на себя вниманіе высшихъ Петербургскихъ сферъ и существенно мнѣ повредить.

Когда по случаю этой рѣчи полученъ былъ изъ Петербурга грозный афронгъ, я съ письмомъ И. А. Чистовича въ рукахъ пошелъ къ Наѳанайлу Петровичу, который былъ у насъ *factotum*, и редакторъ, и цензоръ, и правитель дѣлъ, и корректоръ по «Собесѣднику», и носилъ на своихъ плечахъ по этому дѣлу 20-лѣтнюю опытность. «Скажите, кинулось ли вамъ что либо въ глаза, когда вы читали мою рѣчь надъ гробомъ Осипа Петровича?» — «Ничего...» солидно отвѣчаетъ онъ мнѣ подумавши, «развѣ только первая фраза: «что видимъ...» подумалось, какъ бы не обратили вниманія». А потомъ махнулъ рукою: пустое! — «Вообразите, вѣдь въ С.-Петербургѣ въ Синодѣ нашли въ этой рѣчи кощунство!» Да... написалась эта фраза, какъ и вся рѣчь такъ себѣ съ плеча. Смерти Осипа Петровича ждали уже недѣли двѣ со дня на день; въ холерное время, страдая старческою диссентеріею, онъ былъ и для прислуги невыносимъ и для заведенія опасенъ, какъ бы не развилъ холеру; думалось, что похоронимъ его вмѣстѣ съ студентомъ Дмитревскимъ, который умиралъ отъ ревматизма; между тѣмъ Дмитревскаго надо хоронить, а старикъ еще дышетъ; но лишь только юнаго молодца

схоронили, мнѣ докладываютъ, что и старикъ поспѣлъ; а день—Суббота къ вечеру, завтра Воскресенье. Когда же хоронить? я спрашиваю. «А завтра, ваше в-біе», отвѣчаетъ комиссаръ, «зачѣмъ его держать?» Я согласился. Поутру пришло мнѣ на мысль повѣстить всѣхъ наставниковъ о смерти и быстрыхъ похоронахъ Осипа Петровича, такъ какъ онъ для Академіи былъ личностію нерядовою, но во многихъ отношеніяхъ всѣмъ памятною и почтенною. Затѣмъ, подумалось дальше, вотъ соберемся мы всѣ, вся Академія, хоронить кого? Сторожа! И ни единого слова съ нашей стороны, чтобы объяснить это рѣдкое и довольно странное явленіе. Я сѣлъ уже предъ самую обѣдню и началъ набрасывать рѣчь. «Что видимъ, что дѣлаемъ, о братія святаго храма сего... Не великаго человѣка погрѣбаемъ, а малаго, Осипа Петровича, правленскаго служителя Казанской Духовной Академіи и. т. д.» Написано было съ доброю совѣстію, всѣмъ въ Академіи понравилось, какъ слово умѣстное и назидательное. И вдругъ кощунство!... Я написалъ къ Иларіону Алексѣвичу: «Кощунство противъ общечеловѣческой совѣсти вообразить, что я въ моемъ положеніи могу написать, сказать въ церкви и потомъ напечатать кощунство».

Впрочемъ самому себѣ я сознаюсь, что въ этомъ случаѣ достала меня невидимая рука таинственной Немезиды за давній грѣхъ. Извѣстно, что мы воспитались на исторіяхъ Смарагдовыхъ-Устряловыхъ, на одахъ Ломоносова и *tutti quanti*, выросли въ благоговѣйномъ преклоненіи предъ Петромъ, какъ предъ богомъ Россіи: «онъ богъ твой, Россія!» Вдругъ тотъ же Устряловъ печатаетъ ужасающія закулискости этого свирѣпаго царствования. Вдругъ Семевскій разоблачаетъ цѣлые потоки, цѣлое болото крови, пролитой буквально рукою этого бога и цинической, вакхической, пріаповской грязи, взболтанной всѣми его членами и, во-первыхъ, изобрѣтательностію его истинно гигантски-геніальной (на всѣ отъ величайшихъ до подлѣйшихъ и позорнѣйшихъ штуки), головы. И вдругъ сей великанъ, устроивавшій въ Москвѣ гигантскія посмѣшища надъ вѣрою и церковію его отцовъ, умираетъ со словами, обращенными къ небу: «Боже, помилуй меня, хоть ради добра, которое сдѣлалъ я Россіи», словами, предъ которыми фарисейское: «нѣсмъ якоже прочіи человѣцы» только блѣдная тѣнь, и этотъ фарисей предъ Русскимъ царемъ, исполиномъ добра и зла и самоувѣренности и самопоклоненія, только ребенокъ, забавный Жидишка. И вдругъ единый изъ современниковъ, сверстникъ, клеветъ, по плечу своему господину, Теофанъ льетъ надъ его гробомъ крокодиловы слезы: «Что видимъ, что дѣлаемъ, о Россіане, Петра Великаго погрѣбаемъ!».... Познакомившись лично со мною въ Саратовѣ, Семевскій прислалъ мнѣ изъ Петербурга

всѣ свои дивныя писанія объ эпохѣ Петра съ лестнымъ письмомъ. Отвѣчая ему на это письмо, я выразилъ чувства ужаса и омерзѣнія, какія были тогда возбуждены во мнѣ, какъ и во всѣхъ мыслящихъ людяхъ, этими ужасающими и отвращающими открытіями, и между прочимъ по какой-то, не помню по какой, ассоціаціи идей спародировалъ слова Теофана: «Что видимъ, что дѣлаемъ, о Россіяне, к-та великаго погрѣбаемъ!».... И вотъ оно, когда грѣхъ мысли и слова отозвался карою. Не судите да не судими будете! Не судите особенно людей, окруженныхъ, по дѣйствию Промысла, ореоломъ историческаго величія. Пигмеи въ своей гражданской дѣятельности, вы пигмеи же и въ болотѣ вашихъ тайныхъ грѣхопаденій; а поставьте васъ на мѣсто Петровъ и Теофановъ, то очень можетъ быть, что изъ васъ вышли бы только Каракаллы да Александры Борджіи, а Петровъ и Теофановъ не вышло бы никакъ....

Господи, прости имъ и намъ великія наши прегрѣшенія и помяни ихъ великою Своею милостію за ихъ истинно-великія дѣла, а насъ за ними за наше ничтожество!

Дѣло о моемъ архіерействѣ такимъ образомъ затормозилось, и сверхъ того посыпались непріятности весьма разнообразнаго качества. Прислалъ письмо преосв. Павелъ, викарій С.-Петербургскій, конечно другъ, человекъ безспорно благорасположенный, письмо конечно преблагожелательное, тѣмъ не менѣе съ расчлененіемъ моихъ разнообразныхъ вишь по пунктамъ: 1) Владыка Исидоръ говоритъ: «вотъ докторомъ его сдѣлали, а онъ пишетъ тамъ все какіе-то пустяки о своемъ двуперстіи»; 2) Друзья боятся, какъ бы вы не вздумали выступить въ свѣтъ съ особымъ печатнымъ изданіемъ вашего двуперстія, какъ выступили со вторымъ изданіемъ вашего разбора о главенствѣ, къ которому, впрочемъ, относятся хорошо. 3) Просказываетесь въ аудиторіи предъ студентами. 4) Не смѣтрите за студентами и. т. д. > Всѣхъ пунктовъ 7 или 8. Я пишу ему, что о двуперстіи я продолжаю писать потому, что началъ писать и половину написалъ, еще будучи бакалавромъ С.-Петербургской Академіи; что, продолжая заниматься этимъ, я сдѣлалъ истинныя открытія; что у насъ по этому вопросу никто серьезно ничего не знаетъ, начиная съ первосвятителя Русскія церкви; что да, дѣйствительно, я думалъ издать въ свѣтъ особое сочиненіе о двуперстіи, а послѣ этого займусь приведеніемъ въ порядокъ своихъ идей, организовавшихся во мнѣ при преподаваніи основнаго богословія. На это послѣдовалъ отвѣтъ съ другой стороны, отъ И. А. Чистовича. «Слышно, что вы хотите издать особымъ изданіемъ ваше двуперстіе.

Друзья ваши опасаются, что доктору богословія это изданіе особой чести не сдѣлаетъ, что этому произведенію совершенно достаточно разъ увидѣть свѣтъ на страницахъ «Собесѣдника». Н-ну-съ, разбить по всѣмъ пунктамъ, по административной части, какъ ректоръ, начальникъ Академіи (не могу смотрѣть за студентами), по іерархической части какъ кандидатъ на архіерейство (не сдержанъ въ словѣ и дѣлѣ и потому не благонадеженъ), наконецъ какъ докторъ богословія, ученый и профессоръ (пишу-де сочиненія, которыя не дѣлають чести доктору богословія; дали Христа ради убогому человѣку, какъ и дѣльному, степень доктора богословія, а онъ кропаетъ тамъ какіе-то пустяки о двуперстіи).

Читаю эти Петербургскія писанія преосв. Антонію. «Да не обращайтесь вы на нихъ никакого вниманія и не пишите къ нимъ. Дѣлайте свое дѣло. Писанія о двуперстіи пустяки!.. Отчего же пустяки? Напротивъ, полезныя вещи. Сами-то они тамъ дѣлають и пишутъ и выдумываютъ только полезныя вещи!» Говорю объ этихъ вещахъ нашему специалисту раскола Н. И. Ивановскому, а онъ замѣчаетъ категорически и весьма мѣтко: «Странное дѣло! Почему нужно отъ доктора богословія желать, чтобъ онъ писалъ именно докторскія, а не просто полезныя вещи?» И плюнули бы вы въ Казани на этотъ Петербургъ и на его вѣтромъ нагоняемое мнѣніе. «Да бѣда, ваше в-во», возражалъ я своему благостному и мудрому владыкѣ, «бѣда, что они начальство, сила. Наше мнѣніе о нихъ они легко могутъ презирать и охотно презирають. Мы же, положимъ, и охотно презрѣли бы ихъ мнѣніе, да нельзя: они сила».

Въ отвѣтъ на эту, можно сказать, жестоко-безпощадную выходку моего стараго друга И. А. Чистовича я отвѣтилъ чѣмъ-то еще болѣе жесткимъ на свой собственный счетъ, такъ что даже ему жаль меня стало; онъ понялъ, что пересолилъ и поспѣшилъ извиниться въ самыхъ не только теплыхъ, но и приличныхъ выраженіяхъ, сквозь которыя просвѣчивало, что «конечно, дружеское усердіе постегать по спинѣ, какъ скотину, солиднаго и превозрастнаго и высокопоставленнаго человѣка, какъ осла, все же не годится». вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ, что въ Синодѣ рѣшено представить меня первымъ кандидатомъ на Донское викаріатство.

Письмо это получено было вечеромъ въ Великую Субботу. Не могу сказать, чтобъ я не принялъ его, какъ Богомъ ниспосланное мнѣ утѣшеніе къ такому великому и отрадному дню. Накопившаяся за все это время, отъ Рождества до Пасхи, тягота и горечь отъ сердца отпа-

ли. Съ другой стороны архіерейство не манило меня съ молодю, отвращало въ зрѣлыя годы мужества, стало пугать подъ старость. Но тутъ уже становилось ясно, что хочешь-не-хочешь, приходится вкладывать голову въ это ярмо. Накипѣвшая и за послѣдніе дни и за многіе годы борьба чувствъ разразилась свирѣпымъ истерическимъ припадкомъ въ первый день Пасхи за богослуженіемъ: утреню, которую совершалъ я дома въ Академической церкви, я кое-какъ вынесъ; но за литургію, въ которой соучаствовалъ въ кафедральномъ соборѣ, я истерически прорыдалъ отъ начала и до конца, такъ что послѣ обѣдни владыка Антоній предложилъ мнѣ вопросъ: «Что ужъ вы такъ?»—«Такъ, ваше в—во, нервы, истерика, болѣзненный припадокъ, не больше». Но тѣмъ не менѣе тутъ была пресложная смѣсь, а не одни нервы, смѣсь и нервовъ, и безсоницы, и истерики, и массы мыслей, навѣваемыхъ сколько и праздникомъ, столько же и воспоминаніями дѣтства (а пѣвчіе какъ нарочно пѣли то самое Веделевское «Да воскреснетъ Богъ», которое я пѣвалъ въ дѣтствѣ въ Могилевѣ въ 30-хъ годахъ и непостижимымъ путемъ услышалъ 30 лѣтъ спустя, гдѣ же? въ Казани!), а также предстоящую слишкомъ серьезною переменною въ жизни, переменною академическаго ректорства на викарное архіерейство, и наконецъ, взаимно сталкивающихся чувствъ, которыя въ свѣтлый день должны бы быть свѣтлыми и отрадными, но на дѣлѣ въ моей душѣ всегда бывають смѣсью грустной отрады съ неисчерпаемою бездною тоскливой тяги назадъ ли, къ невинному восторженному дѣтству, впередъ ли, къ тихой могилѣ, въ которой рѣшатся или окончательно не рѣшатся всякіе вопросы, всякіе порывы тревожнаго духа.

Послѣ Пасхи дѣло объ архіерействѣ выяснилось. Въ отвѣтъ на пасхальное поздравленіе митрополиту Кіевскому нашъ владыка Антоній получилъ отъ владыки Арсенія между прочимъ извѣщеніе, что ректора Казанской Академіи рѣшено назначить на Донское викаріатство съ приглашеніемъ, чтобы нашъ владыка занялся изысканіемъ кандидата на мое мѣсто.

Первымъ словомъ мы оба назвали...

Впрочемъ это, какъ мы съ преосв. Антоніемъ перебирали кандидатовъ на мое мѣсто, это къ моей исторіи относится, положимъ, стороною. Скажемъ только, что преосв. Антоній остановился на трехъ кандидатахъ: Кіевскомъ Фаворовѣ протоіерей, Казанскомъ Александрѣ Поликарповичѣ Владимірскомъ протоіерей, и Виленскомъ ректорѣ архимандритѣ Августинѣ. Помнится, 16-го Мая, получилъ я отъ Иларіона Алексѣевича телеграмму: «Избраніе ваше состоялось». Но потомъ опять пошли дни за днями, а дѣло не двигалось.

Со 2-го Іюня по 16-е нашъ владыка предполагалъ уѣхать по епархіи, и распоряженія къ поѣздкѣ были уже сдѣланы, и маршрутъ объявленъ и напечатанъ; а указа нѣтъ. Наконецъ, ровно въ полдень 1-го Іюня получилъ я изъ Свят. Синода пакетъ. Указъ Его Императорскаго Величества ректору Казанской Д. Академіи архимандриту Никанору: «Святѣйшій Синодъ»...

А надо сказать, секретно я просилъ Иларіона Алексѣича, нельзя ли устроить, чтобы моя хиротонія совершилась въ Казани.

Отчего, зачѣмъ я просилъ объ этомъ? Такъ, какая-то боязнь и отвращеніе къ Петербургу. Въ Петербургѣ я объяснялъ это сравненіемъ: «скотина не любитъ палку, которою ее бьютъ».

На мое желаніе не обратили ни малѣйшаго вниманія, и когда я въ Петербургѣ въ хозяйственномъ управленіи заговорилъ объ этомъ Викентію Захарычу Маньковскому, то старый придворный Константинъ Константиновичъ Платоновъ далъ мнѣ преубѣдительно понять, что я говорю нѣчто неумѣстное и неосторожное: «Ахъ, ваше высоко—біе, ра-адоваться должны, что сюда-а вызвали. Людей посмѣтрите, ва-асъ увидятъ. Ра-адоваться нужно, благодарить Господа». Хорошо-съ!

Съ указомъ въ рукахъ поѣхалъ я къ своему благостному владыкѣ Антонію въ загородный домъ, поспѣшая тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ Казани послѣдній день, а на завтра въ раннее утро предполагалъ уѣхать по епархіи. Я поклонился ему въ ноги, благодаря за все милости; онъ поздравилъ, какъ умѣетъ дѣлать это только онъ. Я по своей слезливости прослезился, и у него появились красные круги около глазъ: «Дай Богъ... Душевно поздравляю... хотя и жаль»... и прочіе весьма немногіе некруглые, отрывчатые, но полные душевной полноты глаголы. Успокоились, стали разсуждать о дѣлѣ. «Не получалъ», говоритъ, «указа». Должно-быть, въ городѣ. Къ вечеру я туда переѣду. Какъ быть? Когда вы намѣрены уѣхать?—Не ранѣе 16-го Іюня, дня возвращенія вашего в—ва въ Казань, потому что и экзамены идутъ, и годичный курсъ не кончился, и постройки только еще должны начаться; и скажутъ: экъ его—обрадовался! Не дождался даже конца экзаменовъ.—Да, и я такъ думаю; а выраженіе указа—прибыть въ Петербургъ немедленно—просто казенная фраза, не болѣе. Потомъ опять стали разсуждать о кандидатахъ на мое мѣсто. Пообѣдавши, расстались съ тѣмъ, чтобы вечеромъ пожаловалъ я къ нему въ городской домъ переговорить и проститься. Вечеромъ порѣшили на томъ же, что рѣшено было утромъ.

Указъ владыка получилъ, и явно было, что въ ночь намѣренъ писать къ митрополиту Исидору, рекомендуя съ своей стороны кандидатовъ на занятіе мѣста ректора Казанской Академіи. 2-го Іюня рано поутру онъ выѣхалъ изъ Казани.

Я сталъ собираться къ отъѣзду. Въ чемъ должны были состоять сборы? Служебныя дѣла свои велъ я въ порядкѣ. Казенныя книги сдалъ быстро (6, 7 Іюня кончились у насъ послѣдніе экзамены). 10-го Іюня сказалъ я свою прощальную рѣчь, которая составляетъ мою profession de foi, въ которой высказаны смѣлыя вещи, кои Наѳанаиль Петровичъ и имѣлъ великодушіе напечатать по моему отъѣздѣ. Сдѣлано было небольшое количество визитовъ, т.-е. къ преосв. викарію, ректору (Семинаріи, небольшому количеству духовныхъ лицъ Казани и своимъ академическимъ всѣмъ).

Прощанье съ нашими академическими было для меня глубоко-трогательно и осталось для меня, смѣло могу сказать, драгоценнѣйшимъ изъ воспоминаній моей жизни. Я смотрю на нихъ, какъ на людей наиболѣе развитыхъ, серьезныхъ, сознающихъ свое достоинство, дающихъ всѣмъ своимъ словамъ и поступкамъ. Въ выраженіяхъ къ чувству вины, конечно, болѣе солидной сдержанности, чѣмъ мѣшающей высказаться говорливости, и уже конечно ни тѣни заискиванья, котораго здѣсь и быть не могло. На первомъ при мнѣ въ Казанской Академіи публичномъ обѣдѣ 8-го Ноября я имѣлъ случай высказаться, что меня вездѣ лучше провожали, чѣмъ встрѣчали. На этотъ разъ я не былъ обманутъ. Тутъ были трогательнѣйшія подробности. Иванъ Яковлевичъ и Августъ Гордѣевичъ, серьезно озабоченные, чтобы я преподалъ ихъ дѣтямъ свое благословеніе, обременивши себя тонкою деликатною заботою снять и вручить мнѣ фотографическую карточку всей своей семьи; эти—де-плачущіе, стараясь удержаться и скрыть слезы. Василій Васильевичъ Миротворцевъ и Александръ Александровичъ Некрасовъ; эта умѣющая и говорить, и многозначительно вздыхать, за себя и за своего умѣющаго краснорѣчиво молчать супруга (Петра Васильевича Знаменскаго) блистательная для моихъ глазъ юная Антонина Михайловна, заблаговременно уже «возненавидѣвшая изъ-за послѣдняго монаха всѣхъ возможныхъ женатыхъ ректоровъ». Особенно же поразилъ меня по рѣшительности выраженія прощанье со мною семейства профессора Михаила Яковлевича Красина. Ближайшій изъ профессоровъ, быть можетъ, по единству специальности, *по расколовѣдѣнью* собесѣдникъ мой Николай Ивановичъ Ивановскій, какъ-то проговорился и сталъ заговаривать не разъ, что Михаилъ Яковлевичъ и Анна Андреевна

собираются попить меня добрымъ винцомъ, такъ въ небольшомъ кружкѣ.

А надобно сказать, что когда стало официальнымъ фактомъ, что я перестаю быть ректоромъ Академіи, исправляющій должность ректора старѣйшій изъ помощниковъ его и профессоровъ Наѳанаиль Петровичъ Соколовъ предложилъ мнѣ отъ лица Академической корпораціи объѣдъ. Я, напередъ обдумавши и рѣшившись, столь же энергически отказался, сколько Наѳанаиль Петровичъ рѣшительно настаивалъ. «Да почему?» Почему? Знаете, я съ какою-то трусостию приступаю къ принятію на себя архіерейства. Мнѣ такъ и думается, что вотъ-вотъ выйдетъ какое-либо несчастье, которое превратитъ все мое дѣло во Всероссійскій скандалъ. Мнѣ и такъ уже изъ одного города пишутъ, что тамъ публично изумлялись назначенію меня въ архіереи и говорили, что я предъ самымъ посвященіемъ долженъ наговорить, натворить, вообще накуралесить чего либо такого, что поможетъ дѣлу моего архіерейства кончиться срамомъ. Боюсь, какъ бы изъ нашего объѣда не вышло какой-либо сплетни, которая добѣжитъ до Петербурга или даже тамъ и составится. Изъ того, если объѣда не будетъ, бѣды не выйдетъ никакой: скажутъ, что Академическая корпорація была такъ великодушна, предлагала объѣдъ, а ректоръ такъ странень-трусливъ, что отказался, и только; а изъ объѣда можетъ выйти сплетня и т. п.

Наѳанаиль Петровичъ допрашивалъ меня, не думаю ль я, что онъ одинъ только отъ своего лица предлагаетъ объѣдъ, на что я отвѣчалъ ему: «не думаю, но тѣмъ не менѣе рѣшился поблагодарить свою братію и отказаться».

Такимъ образомъ и оказалось, что, вслѣдствіе неожиданнаго моего сопротивленія, объѣдъ состояться не можетъ. Пробовали и другіе изъ нашихъ братій заговаривать объ объѣдѣ; но я возражалъ всѣмъ тоже, что и Наѳанаилу Петровичу. Вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ ѣдемъ по приглашенію съ Н. Ив. Ивановскимъ къ Михаилу Яковлевичу. Встрѣчаетъ вся семья. Садимся. Садимся съ Анною Андреевною за шахматы. Исторія моего шахматоигранія. Въ шахматы я игралъ какъ студентъ Академіи и былъ побиваемъ; какъ бакалавръ съ 1851 по 1856-й г. не помню, чтобы когда либо игралъ; какъ ректоръ Рижской Семинаріи съ 1856 по 1858 г. никогда не игралъ; въ Саратовѣ въ семь лѣтъ сыгралъ нѣсколько разъ съ однимъ человѣкомъ женска пола и всегда почти былъ побиваемъ; въ С.-Петербургѣ съ 1864 по конецъ 1865 г. случилось нѣсколько разъ тоже; въ Витебскѣ въ три года сыгралъ только нѣсколько игръ да, одинъ разъ на именинахъ у наставника Николая Васильевича В—ва. Вижу, послѣ объѣда играютъ въ шахматы;

подсѣлъ и я, и гордаго своимъ шахматовѣдѣніемъ, помнится, Михаила Ивановича Лебедева, разбилъ въ пухъ; много упражнявшася хозяина разбилъ въ пухъ и постыдилъ при всѣхъ; изучавшаго шахматологію научно доктора Гартмана посрамилъ такъ, что отъ сраму, не зная куда глаза скрыть (а горы и холмы не падали на него, чтобы прикрыть срамоту лица его), въ туже минуту уѣхалъ. Въ Казани не игралъ никогда, но въ послѣднюю пасху заѣхалъ къ институтскому законоучителю протоіерею, вижу—шахматы. Играете?—«Играемъ-съ», бойко отвѣчаетъ. Можно сыграть? «Можно-съ», бойко отвѣчаетъ. Я сажусь разставлять шахматы. «А умѣете разставлять?» вопрошаютъ бойко. «Учился», скромно я отвѣчаю. «Ну, такъ и мнѣ разставьте, а я вотъ займусь по хозяйству». Вдовецъ, а хлѣбосоль; нужно было раскупорить бутылочку-другую. Съели, двинули по пѣшкѣ. «А, по всѣмъ правиламъ!» бойко замѣчаютъ. Я молчу и двигаюсь дальше. Двигались, двигались, и—шахъ и матъ! «Ахъ», всхватывается о. протоіерей, хватаясь за длинные свои волосы; ну, это такъ удалось, я невнимательно игралъ. Сыграемъ другой разъ». «Сыграемъ», говорю я скромно. «Надо же отомстить».—«Надо». Присѣли, сыграли. И второй матъ былъ для моего партнера еще большею неожиданностью. «Ну, ваше в-біе, вы изучали-съ игру». «Нѣтъ, не изучалъ».—«Да какъ же такъ?»—«Природное дарованіе», отвѣчаю я скромно. А о. протоіерей считалъ себя чуть не первымъ игрокомъ въ Казани. Онъ былъ какой-то двоюродный протоіерею Андрею Гурьичу Ласточкину, родителю моей партнерши Анны Андреевны, и уступалъ иногда въ игрѣ развѣ только Андрею Гурьичу своему свояку, который былъ побиваемъ развѣ только Анною Андреевною, своею милою дочерію, такъ что Анна Андреевна, кромѣ одолѣвающихъ силъ присущихъ ей полу, была и по искусству чуть не первый шахматобійца по Казани. Не помню, гдѣ въ первый разъ мы съ нею сразились. Увы! Анна Андреевна была побѣждена. Сразились второй разъ у Ал. Ив. Гринева: тамъ побѣжденная разъ или два, въ третій разъ она пріобрѣла нѣкоторое равновѣсіе силъ, попросту—игра кончилась ничѣмъ. Въ этотъ вечеръ у нихъ это былъ послѣдній случай нашей шахматной борьбы: тутъ первый разъ я побѣдилъ, а второй разъ Анна Андреевна наконецъ меня побила. На этомъ мы съ нею и покончили. Но это такъ себѣ, эпизодически.

А дѣло въ томъ, что начался семейный вечеръ. Слово за слово. Напились чаю, поставили разнообразныя сласти, подошелъ старикъ отецъ Андрей Гурьичъ, пить начали прямо съ шампанскаго. Выставили какіе-то фамилные бокалы и кубки среброкованные, позлащенные. Налили благородной влаги. Хозяинъ, почти 40 лѣтній профессоръ, поднялъ

своей бокаль, съ лицомъ матово-блѣднымъ (господствующій у него колоритъ), рукою отъ волненія дрожащею, и началъ говорить голосомъ прерывающимся отъ приступавшихъ и подавляемыхъ слезъ. И не могу я все припомнить, и мнѣ самому неловко-совѣстно повторять, такъ какъ здѣсь на мой счетъ употреблены были выраженія сильнѣйшія; въ заключеніе говорено совершенно взволнованнымъ голосомъ: «память о васъ я передамъ моимъ дѣтямъ и внукамъ, чтобы и они помнили васъ и молились за васъ».... Какъ разъ около этой поры подошелъ старецъ-тесть. Онъ поддержалъ зятя словами совершенно простыми: «знаете, ваше в-біе, мнѣ и прежде нечего было искать въ васъ, тѣмъ болѣе теперь. И не свои слова я скажу, а то, что говаривали они тутъ (указывая на двухъ профессоровъ).... Вѣдь они тутъ частенько собирались и говорили совершенно свободно, не въ выносъ. Хорошій вы человѣкъ! И лучше васъ ректора не бывало. Дай вамъ Богъ всего хорошаго! Дай Богъ намъ увидѣть васъ своимъ Казанскимъ». Сими глубоко-сочувственными благословеніями и старыхъ и молодыхъ и малыхъ глубоко тронутый до умиленія, я и препровожденъ былъ изъ этого благословеннаго дома. Да благословить его Богъ нынѣ и присно!

Такъ какъ предыдущее я писалъ нѣсколько дней тому назадъ и серію прежнихъ мыслей забыть, а перечитать свое маранье не хочется, то мы снова поставимъ тему, какъ устроился и состоялся прощальный обѣдъ, тогда какъ я отъ него энергически отказывался. А вотъ какъ. 10-го Іюня послѣ благодарственнаго молебствія по окончаніи годичнаго круга ученія, всѣ наставники зашли ко мнѣ засвидѣтельствовать по обычаю свое почитаніе ректору. Здѣсь Наѳанаилъ Петровичъ, какъ и прочіе, стали предлагать мнѣ обѣдъ, равно какъ стали настаивать, чтобъ я отказалъ Академіи свой большой фотографическій портретъ. Я, какъ и прежде, поблагодарилъ и отказался. «Да почему вы на всѣ наши заявленія отвѣчаете отказомъ?»— «Вамъ извѣстно, я человѣкъ безъ заднихъ мыслей и говорю прямо. Обѣда я боюсь, какъ бы онъ не отразился въ Петербургѣ какою либо клеветою и сплетнею. А портретъ теперь оставить было бы нескромностью; но съ теченіемъ времени я спешу съ этой же фотографіи портретъ хорошій масляными красками и вышлю. Когда же я на этотъ счетъ не былъ господиномъ своего слова? Сказалъ и исполню, конечно, понимая, что предложеніе Академической корпораціи по этому предмету дѣлаетъ мнѣ великую честь». Такъ и разошлись. Но когда вышли всѣ, снова воротились ко мнѣ три профессора: Михаилъ Яковлевичъ Красинъ, Александръ Александровичъ Неврасовъ и Василій Васильевичъ Миротворцевъ съ заявленіемъ, что «надо, ваше в-біе, дѣлать обѣдъ, какъ хотите. Положимъ, надо не

для васъ, но для насъ. Что скажутъ въ городѣ? Пойдутъ толки. Лучше сдѣлать». «Ну, хорошо, благодарю васъ; если вы совершенно настойчиво хотите, то что же я слишкомъ серьезнаго могу имѣть противъ обѣда? Мы напуганы Петербургомъ и трусливы. Но съ другой стороны мы и не дѣти же. Ну пускай ихъ тамъ поскалозубятъ, когда угодно, если болѣе полезнаго дѣлать имъ нечего». Тутъ я принималъ во вниманіе и другія точности. «Во первыхъ, всѣ ли будутъ желать обѣда? Миѣ было бы прискорбно, если бы одинъ-два человѣка выбрали это обстоятельство случаемъ къ непріятной манифестаціи. Если обѣда не будетъ, какая миѣ тутъ потеря? Никакой. Но если обѣдъ состоится съ прискорбной манифестаціей, то для чего же подвергъ бы себя скандалу? Кромѣ того нѣкоторые изъ васъ разъѣзжаются сей часъ же въ разныя стороны; зачѣмъ же миѣ васъ стѣснять? Но если вы всѣ этого хотите, то миѣ ничего больше не остается, какъ поблагодарить васъ. Я въ нашемъ распоряженіи». Такъ и рѣшено: быть обѣду.

Между тѣмъ получилъ указъ о назначеніи въ Донскаго викарія и, рѣшившись отбыть на хиротонію не ранѣе 16—17 Іюня, я написалъ въ Петербургъ къ преосв. Павлу о причинахъ, по которымъ мы остановились на такомъ рѣшеніи. 12-го Іюня къ вечеру я получилъ отъ преосв. Павла отвѣтъ. Въ отвѣтѣ значилось, что содержаніе моего письма онъ сообщалъ владыкѣ митрополиту Исидору; владыка сказалъ, что слово прибыть немедленно, должно было понять въ совершенно буквальный смыслъ,—что мое замедленіе задерживаетъ его въ Петербургъ, такъ какъ онъ получилъ уже отпускъ, что я долженъ поспѣшить прибыть въ Петербургъ не позже 25 Іюня; и тогда хиротонія моя можетъ состояться 29-го Іюня,—въ противномъ же случаѣ она должна отложиться до Августа; впрочемъ, митрополитъ и совѣтуетъ миѣ прожить каникулы въ Казани, такъ какъ въ Академіи только что начались большія капитальныя работы, надъ которыми лучше надзирать настоящему ректору, чѣмъ правящему должностъ ректора. Если бы это письмо получено было 12-го Іюня поутру, до состоявшагося въ этотъ день послѣдняго при миѣ засѣданія Академическаго Совѣта, то, быть можетъ, я и остался бы въ Казани до Августа, такъ какъ сильно дорожилъ благополучнымъ началомъ работы исходатайствованной мною перестройки Академіи, и тогда само рѣшеніе этого вопроса въ Совѣтѣ пошло бы по другому пути. Но рѣшеніе это уже состоялось: я откланялся Совѣту какъ переставшій быть ректоромъ Академіи; правящимъ должностъ ректора уже объявленъ, согласно резолюціи владыки, старшій изъ помощниковъ ректора Н. П. Соколовъ. Ворочаться назадъ было и не морально, и во всѣхъ отношеніяхъ неловко.—Я рѣшился быть

въ Петербургъ не позже 25-го Іюня. Съ письмомъ преосв. Павла въ рукахъ я отправился къ Н. П. Соколову и заявилъ ему, что нашъ владыка по маршруту долженъ быть въ Казани 16-го Іюня, 17-го нужно дать ему отдохнуть, 18-го нужно устроить закладку новыхъ построекъ въ Академіи и прощальный обѣдъ, а 19-го Іюня я исчезаю изъ Казани. Въ томъ же смыслѣ я телеграфировалъ и къ владыкѣ, и сталъ рѣшительно ликвидировать свои Казанскія дѣла и приготавливаться къ отъѣзду.

Владыка преосв. Антоній своевременно прибылъ, какъ предполагалъ. Мы увидѣли его 17-го поутру и устроили дѣло, какъ предположили, т. е. упросили его пожаловать завтра 18-го Іюня на освященіе закладки и къ обѣду. Тутъ 17-го Іюня я у него послѣдній разъ предъ хиротонією обѣдалъ и простился.

Александръ Ивановичъ Гренковъ съ супругою Марією Николаевною, доцентъ Александръ Васильевичъ Вадковскій и помощникъ бібліотекаря Михаилъ Богословскій отправлялись со мною (конечно случайно, такъ пришлось) на одномъ пароходѣ до Нижняго и до Москвы. Ровно въ 8 часовъ утра пароходъ тронулся. Я стоялъ безъ шляпы, пока были въ виду мои почтенные сослуживцы; когда же разстояніе слило ихъ для моихъ глазъ въ неразличимую сѣрую массу, я сѣлъ на скамью и закрылъ руками лицо, облившееся слезами. Академія стала прошедшимъ. А меня жизнь несла впередъ—назадъ къ Петербургу, гдѣ было такъ много родственнаго моему сердцу, гдѣ все стало отъ времени такъ чуждо, отъ разныхъ случайныхъ вліяній даже враждебно.

На переѣздѣ отъ Казани въ Нижній помню и потому могу записать одинъ только разговоръ. Мои академическіе спутники ѣхали во 2-мъ классѣ, тогда какъ я ѣхалъ въ 1-мъ, поэтому я могъ встрѣчаться съ ними только изрѣдка на палубѣ. Въ 1-мъ же классѣ со мною ѣхалъ недавно бывшій Казанскій градскій голова Варакинъ, очень богатый купецъ и почтенный, серьезный, хотя и малообразованный человекъ; кромѣ него какой-то молодой человекъ, Москвичъ, я принялъ его за богатаго купеческаго сына, кончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ, знающій всю подноготную этого Университета, отлично образованный, понимающій и много видѣвшій, переиспытавшій человекъ; наконецъ мужчина среднихъ лѣтъ въ полу-военномъ костюмѣ, оказалось бывшій или настоящій исправникъ Нижегородской губерніи, Нижегородскаго уѣзда. Не имѣя привычки представляться своимъ случайнымъ спутникамъ, долго я не вмѣшивался въ ихъ общую бесѣду, особенно же въ бесѣду двухъ—Нижегородца и Москвича. Наконецъ слышу,

что ведется ими преупорно бесѣда о томъ, какъ весело, сыто, богато и вообще отлично живутъ Россійскіе монахи. Разговоръ принималъ нѣсколько щекотливый, неумѣстный въ моемъ присутствіи оборотъ. Я вмѣшался: «Позвольте вамъ доложить, что я монахъ».—Они, конечно, спросили у Казанскаго нашего спутника и знали, кто я.—«Вы говорите о монахахъ, что они отлично живутъ. Вы какихъ разумѣли, ученыхъ чиновныхъ монаховъ или неученыхъ?»—«Всякихъ».—«Хорошо, станемъ говорить о неученыхъ».—«Ну, напр. у Сергія монахи очень много получаютъ денегъ», говоритъ Москвичъ.—«Вы хорошо это знаете?»—«Да, напр. нѣкоторые мои родные исповѣдуются у Сергія и даютъ тамъ изрядно».—«Допустимъ. Доходовъ монашескихъ въ Лаврѣ Сергіевой я не знаю; зато хорошо знаю доходы монаховъ Лавры Александро-Невской. Но говорю вамъ навѣрное, у насъ въ нашемъ мѣрѣ принято, что самая выгодная для монаховъ служба—это въ Александро-Невской Лаврѣ. Угодно вамъ знать, что тамъ доходы іеромонаха простираются среднимъ числомъ до 500 руб., немногимъ болѣе, немногимъ менѣе». «Да за одну исповѣдь даютъ по 25 р.»—«Хорошо, даютъ; да многихъ ли вы знаете, которые по стольку даютъ? А главное, многимъ ли даютъ? Обыкновенно въ Лаврахъ бываетъ по одному, по два духовника, особенно почтенные люди, старые, незазорной жизни. Они становятся центрами притеченія и стороннихъ не-Лаврскихъ исповѣдниковъ.

Не знаю, сколько въ годъ такіе духовники получаютъ. Знаю только, что ихъ самихъ приходится на Лавру одинъ, два, много-три человека».—«Да монахи вообще такіе упитанные».—«Вообще ли? Вы видите больше только Лаврскихъ. Скажу опять-таки, что лучший столъ имѣется въ Александро-Невской Лаврѣ. Вы согласились бы весь вѣкъ не ѣсть мяса?»—«О, сохрани, Богъ!»—«Отчислимъ тѣ дни, когда монахи даже рыбы не ѣдятъ, т. е. цѣлый Великій постъ, весь Спасовъ постъ, недѣлю передъ Рождествомъ, среды и пятки Петрова и Филиппова постовъ и нѣкоторые еще особые дни. Вы на однихъ грибахъ да на капустѣ согласились бы просидѣть столько времени въ году?»—«О, сохрани, Богъ!»—«Хорошо. Столъ Александро-Невской Лавры я зналъ съ дѣтства, но въ 1864—65 годахъ я, уже въ санѣ архимандрита, череднаго, сидѣлъ на этомъ столѣ въ продолженіе года и трехъ мѣсяцевъ. Вотъ его ежедневный составъ въ мясоѣдъ, не говоря о постахъ: ежедневно щи со снѣтками или рыбною затиркою, холодное—кусочъ соленой рыбы, уха или супъ съ рыбою и каша. Годы и сидячая ученая жизнь испортили мой желудокъ. Обыкновенно изъ этого стола перваго и послѣдняго блюда я не ѣлъ, а питался только двумя средними. А вы какъ, согласились бы жить на такой порціи цѣлый годъ?»—«О, со-

храни Богъ!» — «Монахи дебелы.» — «Сказать отчего? Въ Лавры принимаютъ людей только съ талантами, большею частью голосистыхъ. Голосистый человѣкъ, почти всегда, бываетъ хорошо развитый крѣпкій организмъ,—особенно басы. Забудьте, сколько часовъ въ продолженіе дня монахъ стоитъ на ногахъ. Разумѣю опять Лавру С.-Петербургскую. Въ будни въ 4 часа утра, идетъ она 2 часа, многіе изъ нихъ должны служить раннія, или прислуживать при нихъ, въ тоже время многіе изъ нихъ бываютъ панихидные, молебенные; къ полудню должны всѣ отстоять позднюю обѣдню 1½ часа, служащіе должны отстоять вечернее-утреннее правило; въ праздничные дни должны отстоять или утреню 3—4 часа или съ вечера всенощную столько же времени. Отекъ ногъ отъ стоянія, расширеніе ножныхъ венъ—это монашеская болѣзнь. Попробуйте повести такой образъ жизни одну недѣлю,—посмотрѣлъ бы я, что вы къ концу ея почувствуете въ ногахъ. Почувствуете, что ноги ваши отяжелѣли. У монаховъ ноги всегда, особенно къ старости, тяжелы. Моціона у монаховъ почти никакого, изъ монастыря выходитъ приходится рѣдко, прогулки не выносятъ отекишія ноги. При стоячей службѣ гигиена требуетъ, чтобъ человѣкъ больше лежалъ. И вотъ никогда непрогудивающійся, неизмѣющій почти никакого моціона монахъ отстоялъ службу и ложится отдохнуть. Пища въ желудокъ положена непитательная, неудобоваримая, тяжелая, для сваренія желудка отецъ пропуститъ рюмочку водочки. И вотъ вамъ тучность къ зрѣлымъ лѣтамъ, развивающаяся почти неизбежно вслѣдствіе негигиеническихъ условій быта, а вовсе не вслѣдствіе счастливой жизни». — «Да они превесело живутъ», говоритъ Нижегородскій исправникъ, «когда я бывало прѣзжалъ къ настоятелю Оранской пустыни, такъ мы превесело время проводили.» — «А эта Оранская пустынь въ вашемъ Нижегородскомъ уѣздѣ?» — «Въ моемъ.» — «Оно и понятно. Весело у настоятеля бывало, когда и именно потому что вы бывали. Вы приносили съ собою веселье и заражали настоятеля неволею быть веселымъ, а прежде всего предъ вами развернуться.» — «Да, самъ Нектарій хапалъ.» — «Какъ это хапалъ?» — «Хапалъ, ахъ какъ хапалъ!» — Къ изумленію моему въ этомъ пунктѣ стали поддерживать Нижегородца и Москвичъ, и даже Казанецъ. — «Кто, Нектарій? Ахъ, какъ хапалъ! Ахъ, какъ хапалъ!» — «Но скажите же Бога ради, какъ это Нектарій хапалъ? Въ чемъ состояло это хапанье?» — «Въ чемъ», объяснялъ Нижегородецъ, «да вотъ въ чемъ. Я исправникъ Нижегородскаго уѣзда, позвольте вамъ доложить. Вотъ и идетъ распоряженіе отъ губернатора, заготовить Нектарію лошадей, ѣдетъ по моему уѣзду. Получаю маршрутъ, ставлю лошадей. А вы знаете, что значитъ поставить по уѣзду подъ архіерея лошадей?» Тутъ я на минуту прерву моего оратора.

Переправляясь теперь въ Ново-Черкасскъ чрезъ Царицынъ, когда спустился я на пути изъ Саратова до Камышина, здѣсь въ Камышинѣ какимъ-то образомъ узналъ исправникъ, что на пароходѣ сидитъ нѣкій архіерей Никаноръ и счелъ любопытнымъ для себя посмотрѣть на меня. Разговорились. Между прочимъ онъ рассказываетъ мнѣ къ слову: «Быль проѣздомъ губернаторъ князь Щербатовъ и говоритъ: готовьте тамъ-то и тамъ-то лошадей подъ архіерея, ѣдетъ молъ. Я и говорю его сіятельству: «охъ, ваше сіятельство, лучше бъ я тутъ провелъ батальонъ солдатъ, чѣмъ одного архіерея. Горы извольте видѣть, косые спуски буграки, и тутъ извольте спускать да поднимать, да вытаскивать его карету; порѣжешь лошадей, измучишь людей, самъ выбьешься изъ силъ, и радъ, радъ еще, коли вездѣ поможешь бѣдѣ. А то бываетъ—моченьки нѣтъ». Теперь обратимся къ нашему Нижегородскому оратору: «Вотъ,—говоритъ я и поставилъ по уѣзду по маршруту лошадей. А онъ, Нектарій-то, доѣхалъ только до Оранской пустыни, ха-апнулъ, знаете, да и былъ таковъ, дальше не поѣхалъ, боленъ молъ».—«Опять таки,—вопрошаю,—я не понимаю, какъ это онъ, доѣхавъ до Оранской пустыни,—хапнулъ! Какъ вы говорите?»—«Да, Нектарій хапалъ, хапалъ, охъ, какъ хапалъ!» поддерживаютъ Нижегородца Москвичъ и Казанецъ.—«Тамъ же есть вѣдь настоятель,—добиваюсь я,—казначей, братство, завистливые глаза, злые языки, приходо-расходныя книги. Не понимаю, какъ это можно пріѣхать въ пустынь, хапнуть и удрать?»—«Какъ, я вамъ скажу. Да просто приказалъ казначею, чтобъ было ему столько-то тысячъ къ отъѣзду въ Петербургъ».—«Опять-таки не понимаю; да вѣдь казначей не дастъ?»—«Какъ не дастъ? Да монастырь-то архіерейскій; самъ же онъ и настоятель».—«Ну, во-отъ, такъ давно бы вы и сказали! Архіерей настоятель пустыни! Такъ какое же, видите вы, тутъ хапанье? Вѣдь всякому настоятелю не-общезительнаго монастыря, будь онъ простой строитель-іеромонахъ, принадлежитъ въ монастырѣ третья часть доходовъ.

Преосв. Нектарій бралъ свое. И этотъ преосвященный, Филаретъ, безъ сомнѣнія получаетъ свою третью часть. И вотъ на такомъ-то основаніи, просто не понимая нашихъ ни законовъ, ни обычаевъ, вы кричите: Нектарій хапалъ! Позорите имя достойнаго іерарха. И мнѣ удивительно, что именно это имя Нектарія окружное купечество избрало мишенью своего злословія. Впрочемъ, мнѣ понятна причина. Известно, что онъ отнялъ у Нижегородскаго купечества какія-то тамъ лавки, что ли, и приписалъ ихъ къ архіерейскому дому. И городское общество до сихъ поръ не можетъ простить ему это посягательство. Но если въ наше время архіерей осилилъ отобрать что-либо у обще-

ства въ пользу архіерейскаго дома, то при современной тенденціи свѣтскихъ обществъ отнимать у монаховъ, у монастырей, право Нектарія, значить, было безспорное, иначе онъ ничего не подѣлалъ бы. А со стороны общества была только узурпація права. И этого-то общество не можетъ ему простить, что онъ ограничилъ эту узурпацію». Ну и такъ далѣе. Вообще, это мое глубокое убѣжденіе, основанное на тысячѣ наблюденій, что свѣтское, вообще мірское общество относится къ нашему званію съ несправедливою неуважительностью, презрѣніемъ и даже отвращеніемъ. Такъ какъ я всегда ѣзжу инкогнито безъ всякихъ выѣсокъ моей исключительности, простымъ священникомъ, полу-монахомъ, то не разъ натыкался на возмутительное обращеніе, чему ниже и представлю примѣры.—До Москвы изъ Нижняго, въ той же компаніи, доѣхали мы благополучно. Въ Москвѣ, простившись со своими академическими спутниками, я только перебрался съ вокзала Нижегородскаго на вокзалъ Николаевскій, и 21-го числа съ 9 часовымъ поѣздомъ двинулся къ Петербургу. Вотъ тутъ-то и былъ случай оскорбительнаго обращенія со мною, какъ съ монахомъ. Надо сказать, что пассажирскій поѣздъ уходитъ изъ Москвы въ Петербургъ въ 8 часовъ; дополнительный же къ нему, съ двумя только классами II и III, идетъ въ 9 часовъ. Я поспѣлъ на 9 часовой поѣздъ и поѣхалъ во II классѣ. На станціи Любань этотъ поѣздъ нагоняется и перегоняется почтовымъ поѣздомъ, отчего нашъ поѣздъ долженъ былъ стоять здѣсь 54 минуты. Это было поутру уже 22 Іюня. Такъ какъ съ самой Москвы я не выходилъ изъ вагона, то здѣсь рѣшился воспользоваться долгимъ стояніемъ поѣзда, чтобы размять спину прогулкою по длиннымъ галлереймъ, идущимъ кругомъ грандіозной станціи. Гуляя я больше по галлерей задней стороны, такъ какъ она была совершенно уединенна и на сѣверной сторонѣ совершенно тѣнистая, тогда какъ южная, людная, была облита лучами лѣтняго солнца. Смотрю, подходятъ сюда два господина, оба выглядываютъ чиновными именно по желѣзной дорогѣ людьми. Сначала стоятъ, посматривая на меня. Потомъ садятся. Ведутъ разговоръ очень громко и грозно..... «О, монахи!... Монахи!» кричитъ одинъ. «Да, если монастыри истребить нельзя, то шали-и-шь..... у меня монахъ... отрекся отъ міра».—«Сиди взаперти, а то.....» идутъ сальные анекдоты..... «такъ, знаете, эта монахиня и убѣжа-а-ла...» И прочее въ этомъ родѣ. Въ тотъ моментъ, когда я прохожу вблизи и мимо собесѣдниковъ, они нарочно поднимаютъ голосъ и ввертываютъ какую-либо сальность. Я на нихъ преупорно посматриваю,—ничего не бывало, взглядами же не прошибешь, не смущаются. Наконецъ, наслушавшись скандаловъ, я сѣлъ на свое мѣсто. Двинулись. Смотрю—одинъ изъ господъ, рассказывавшихъ эти скандалы, сидитъ въ одномъ со мною вагонѣ, въ

группѣ ново-поступившихъ вояжеровъ. Смотрю, поднимается и уходитъ, а затѣмъ входитъ въ сопровожденіи оберъ-кондуктора осматривать билеты. Когда онъ вышелъ, я обращаюсь къ группѣ, съ которою овъ разговаривалъ: «позвольте, г. г., спросить васъ, кто этотъ господинъ?» — «Да ревизоръ при дорогѣ». — «Что значитъ ревизоръ?» — «Ревизуетъ билеты, чтобъ кондукторы не возили безбилетныхъ» — «Ну, а какой онъ вѣры, православной?» — «Нѣтъ, такъ себѣ Англишмень. Знаете, есть такіе, развелась на Руси цѣлая порода иностранцевъ, которые на Руси родятся, и старѣются, и умираютъ, и хорошо по-русски говорятъ, а вѣкъ свой остаются Англишменами или Нѣмцами». — «Ну, а много ли монастырей въ вашихъ окрестностяхъ?» — «Нѣтъ, здѣсь не слышно». — «Я такъ и понялъ. Этотъ господинъ и еще другой, котораго также и принялъ за служащаго при дорогѣ, подняли, мнѣ показалось, нарочно, чтобъ я слышалъ, принимая меня за монаха, скандальный разговоръ о монахахъ. Да, они не ошиблись, я дѣйствительно монахъ, архимандритъ и бывший ректоръ Д. Академіи. Прошу васъ, г. г., передайте этому господину, что тѣмъ менѣе отъ нихъ, какъ служащихъ при дорогѣ, путешественникъ можетъ ожидать оскорбленій; я заплатилъ деньги за проѣздъ и имѣю право на неприкосновенное спокойствіе и, если нарушаю уставовъ, на защиту моего права и уваженіе, особенно отъ служащихъ при дорогѣ, начиная отъ низшаго служителя и кондуктора и до начальника станціи, что, если бы вѣхала здѣсь собака, за которую заплачены на основаніи законоположеній слѣдующія деньги, то и ту они обижать не смѣютъ».

Черезъ нѣсколько минутъ мой ревизоръ вошелъ и сѣлъ среди своей группы. Наклонившись ему рассказали, что я сказалъ: ничего, глазомъ не моргнулъ. А уже сѣдовласый мужъ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ опять. Старѣйшій изъ группы, къ которому я обращался, теперь обратился ко мнѣ: «Мы ему говорили, онъ говоритъ, что онъ ругалъ католическихъ монаховъ». — «Хорошо», возражаю я, «я не имѣю никакого юридическаго основанія утверждать, что онъ оскорблялъ меня лично. Но они оскорбляли званіе, которое я ношу. Они видѣли предъ собою священника; а почему они могли думать, что я не архіерей? И между тѣмъ они явно нарочно оскорбляли мое званіе. Но извѣстно, это вещь рискованная, извѣстно, что въ Старой Руссѣ была свалка между военными и чинами свѣтскими, которые вздумали ругать военное званіе въ лицѣ офицеровъ. Ужели этому господину понравилось бы, если бы я предъ нимъ сталъ кричать, что эти Нѣмцы да Англишмены не воруютъ у насъ на Руси наши деньги, а просто разбоемъ грабятъ? Они ругали католическихъ монаховъ! Вотъ во Франціи ругали, ругали,

да и доругались до того, что стали стрѣлять монаховъ: такъ ужели же мы на Руси хладнокровно должны видѣть и слышать распространение подобвхъ идей?» — Мой баринъ, видя, что разговоръ принимаетъ щекотливый оборотъ, замѣчаетъ: «Вы насъ просили сказать этому господину; мы ему и сказали». — «И благодарю васъ,—говорю я,—я заговорилъ объ этомъ предметѣ только потому; что встрѣчаю на своемъ вѣку не мало подобныхъ опытовъ,—что нашему брату, облеченному священнымъ саномъ, шагу нельзя ступить по нашимъ путямъ сообщенія, чтобы не наткнуться на оскорбленіе со стороны какого-либо грубаго и невѣжественнаго человѣка». Тѣмъ разговоръ кончился и не возобновлялся, тѣмъ болѣе, что скоро мы очутились въ Петербургѣ.

Ну и что же Петербургъ, старый другъ, вторая или даже первая моя родина? А что Петербургъ?... Произвелъ на меня блистательное впечатлѣніе. Вообще въ Петербургѣ, во всю мою бытность отъ 22 Іюня по 14-е Іюля, погода стояла превосходная, до 4—5 Іюля даже положительно знойная. Съѣвъ въ крытую пролетку, я скоро очутился въ Лаврѣ. Все тоже. Иду къ кельямъ намѣстника. Звоню, никто не отпираетъ. Жду. Приходить человѣкъ. «Вы къ отцу-намѣстнику?» — Да. — «Да его нѣтъ, онъ уѣхалъ». — Куда? — Въ Воронежъ — А кто же править должность намѣстника? — Казначей о. архимандритъ Филиппъ». — А, старый знакомый. — О. Филиппъ объявилъ мнѣ, что меня ждали давно, что квартира давно готова, но не подъ звѣздочкой, гдѣ поселился теперь секретарь владыки, а въ прежде бывшей квартирѣ о. Аввакума. — А, знаю. Туда въ ту же минуту я и отправился. Скоро подѣхалъ съ вещами и Артемій, мой келейникъ. Къ изумленію своему я встрѣтилъ въ Лаврѣ большую предупредительность къ своему лицу. Данная мнѣ квартира была достаточно вычищена, обставлена необходимою мебелью, снабжена даже необходимыми для житья предметами, какъ-то тюфякомъ, подушками, самоваромъ и т. д. Неожиданная предупредительность эта объяснялась однакоже особеннымъ вліяніемъ моего покровителя преосв. Павла. Забравшись въ новоотведенную квартиру, только лишь сталъ я приводить себя въ порядокъ, т. е. мыться, чесаться, одѣваться, какъ является келейникъ владыки-митрополита съ приказаніемъ: «пожалуйте къ владыкѣ». Я изумился даже тому, какъ могъ такъ скоро митрополитъ даже узнать, что я прибылъ, а не только, что требовать меня къ себѣ. Загадка объяснилась однакоже тѣмъ, что, идя по дѣламъ къ владыкѣ, случайно узналъ о моемъ прибытіи преосв. Павелъ, и конечно сказалъ эту новость, которая, какъ оказалось, интересовала владыку по особенному совпаденію обстоятельствъ. Келейнику владыки я отвѣтилъ; что сейчасъ пожалую

и въ ту же минуту вручилъ ему на всю братію митрополичьихъ келейниковъ 10 руб. Вообще этотъ вопросъ этихъ назойливыхъ Петербургскихъ поздравленій, приносимыхъ Петербургскою Синодскою, Лаврскою челядью шокировалъ меня такъ, что я рѣшился разсѣчь гордіевъ узелъ своею своеобычностью. Вручая 10 руб. келейнику, я выразилъ желаніе, чтобъ его братія не беспокоила меня поздравленіями. Черезъ нѣскольکو часовъ прикатилъ пока одинъ отъ лица прочихъ и Синодскій курьеръ съ поздравленіемъ. Но я, поблагодаривъ его за поздравленіе, вынесъ и далъ ему прочитать нижеслѣдующее росписаніе:

1) Келейникамъ его высокопреосвященства.	10 р.
2) Лаврскому разсылному.	1 »
3) Лаврской прислугѣ (по преимуществу повару, привратнику и банщику).	5 »
4) Швейцару резиденціи г. оберъ-прокурора.	1 »
5) Прислугѣ канцеляріи оберъ-прокурора.	5 »
6) Швейцару камеры Св. Синода.	1 »
7) Прислугѣ Синодальной канцеляріи.	5 »
8) Прислугѣ Хозяйственнаго Управленія.	5 »
9) Прислугѣ Духовно-Учебнаго Комитета.	4 »
10) Прислугѣ Синодальнаго Контроля.	3 »

Итого.... 40 р.

Предъявивъ курьеру поздравителю это росписаніе, я отчеканилъ ему слѣдующую фразу: «По этому росписанію я разошлю, что слѣдуетъ, чрезъ Лаврскаго разсылнаго. Затѣмъ прошу не беспокоить ни себя, ни меня. Прошу васъ передать это другимъ». И дѣйствительно, во всю мою бытность, Синодская прислуга не тронула моихъ дверей; приходила только прислуга Синодальной типографіи, но ушла ни съ чѣмъ. Въ самый день хиротоніи послѣ обѣда, когда я былъ въ совершенно благостномъ настроеніи, осмѣлились поздравить меня только келейники владыки-митрополита, и я велѣлъ выдать имъ по полтиннику на брата, итого 4 р. Да настойчиво усиливались поздравить меня сторожа Лаврскаго собора. Эти не разъ толкались въ мою дверь; однажды стали толкаться въ такую пору, когда я только что выходилъ изъ двери, и я спѣлъ имъ слѣдующую пѣсню: «Вы настойчиво толкаетесь. Ищите какъ бы права. На Лаврскую прислугу дано, что могъ я дать. Почему васъ обдѣлили, не мое дѣло разбирать это. Вы не нищіе, я не богачъ. Одѣлить всѣхъ бѣдныхъ людей я не могу. Если же вы еще побездокоите меня, то пожалуюсь». Впрочемъ въ день отъѣзда изъ Петербурга я выдалъ на нихъ 2 руб. Итого на этого

рода гратуляціи вышло 46 руб. Остальные свои расходы приблизительно я замѣчу въ своемъ мѣстѣ.

Не успѣлъ я одѣться и выйти изъ своей кельи, да запутался еще въ выходахъ, такъ какъ нѣкоторые проходы въ Лаврѣ закрыты, какъ бѣжитъ второй посланецъ: «Пожалуйте же ко владыкѣ, владыка ожидаетъ».—Иду, иду, какъ видите.—Вхожу въ прихожую. «Пожалуйте», говорятъ. Вхожу въ пріемную. «Пожалуйте». Вхожу въ залу. «Пожалуйте», говорятъ, «прямо въ кабинетъ». Вхожу, крещусь, кланяюсь иконѣ, кланяюсь владыкѣ въ ноги. Сидитъ въ углу на диванчикѣ, въ рясѣ съ тремя звѣздами, въ клобукѣ; приподнялся полубокомъ, изъ-за стола благословилъ, опустился на диванъ, сѣлъ.

Нѣсколько въ сравненіи съ 1864—65 годами утончился; но нельзя сказать постарѣлъ. Указываетъ противъ себя на стулъ. «Присядьте-ка... Ну, что вы такъ долго не ѣхали?» Я объясняю. «Ну вотъ вы меня задерживаете, я отъ Государя Императора и отпускъ получилъ. Только ваша хиротонія останавливаетъ. Вотъ мы (синодалы) собираемся только разъ въ недѣлю по Средамъ. Такъ вотъ завтра бы (въ Среду) и совершить ваше нареченіе. Готовы ли вы?» — «При этомъ вѣдь требуется рѣчь?»—вопрошаю я. «Да, рѣчь», отвѣтствуетъ, «готова ли?» — «Писалъ кое-что». — «Ну да вѣдь и выучить нужно, потому что нѣкоторые коноузятся. Набьется тамъ этихъ свѣтскихъ».—Я хотѣлъ прочитать рѣчь по тетрадкѣ.—Надо сознаться, что это было мое намѣреніе. Объясняя его разнымъ лицамъ, я упиралъ на тотъ новаго времени обычай, что въ наше время императоры, короли, первые министры, президенты разныхъ собраній, академики за торжественными объѣдами свои напередъ обдуманная, написанная и взвѣшенная рѣчи читаютъ; рѣчь при нареченіи есть рѣчь изъ наиболѣе обдуманныхъ и взвѣшенныхъ; ничего не могло бы быть натуральнѣе, какъ если бы произносящій волею - неволею не попадалъ здѣсь въ фальшивое положеніе яко бы импровизацію; да и кромѣ того разъ навсегда наша братія избавилась бы отъ крайняго положенія при приготовленіи и произношеніи этой рѣчи. Но какая же ново-модная идея можетъ помѣститься въ консервативной по естеству головѣ Россійскаго первосвятителя?!...

«Ну вотъ», возражаетъ онъ,... прочитать... Такъ лучше совсѣмъ не нужно рѣчи... Объ этомъ у насъ дѣйствительно, было разсужденіе въ Синодѣ, чтобы совсѣмъ этихъ рѣчей не было. Гдѣ же ваша рѣчь? Принесите.—«Она у меня здѣсь, оставилъ въ прихожей».—«Ну, принесите». А я захватилъ съ собою и портфель и въ немъ написанную и переписанную еще въ Казани рѣчь.

Взглянулъ владыка-митрополитъ Исидоръ на мою рѣчь. «О-о-о, большая!»

Это проповѣдь настоящая! И начинается текстомъ. Надо посмотрѣть... А то бы сегодня вотъ и повѣстки разослать къ членамъ Синода, что завтра нареченіе. Тогда хиротонію можно бы совершать въ день свв. Апостоловъ Петра и Павла... Если же не завтра, то нареченіе въ слѣдующую Среду... Оставьте посмотрю». Я поднялся, взявъ благословеніе и вышелъ.

Отъ владыки-митрополита отправился я къ преосв. Павлу. Слово объ отношеніяхъ моихъ къ этому человѣку. Онъ изъ Тверскихъ, пріѣхалъ въ Академію въ числѣ, помнится, троихъ, которые были Самуиль Васильевичъ Михайловскій, Павелъ Васильевичъ Лебедевъ и Петръ Лебедевъ, онъ самый. (Кажется, преосв. Феоногъ Астраханскій также ихъ землякъ, назывался, помнится, Иванъ Лебедевъ; впрочемъ имя и фамилію его помню нетвердо). Они по Академіи моложе меня курсомъ и первые по курсу мои слушатели-ученики. Когда юнаго бакалавра преосв. ректоръ Макарій ввелъ меня въ классъ, я сказалъ первую лекцію, такъ себѣ толково и вообще добропорядочно, но вторую о современномъ положеніи Православія и требованіяхъ отъ современной богословской православной науки сказалъ такъ, что мои слушатели на стѣну брались; изъ нихъ первый Петръ Лебедевъ. Съ тѣхъ поръ и осталась добрая память. Какъ иногда важно сказать хорошую лекцію! Сдѣлавшись изъ Петра Лебедева монахомъ Павломъ и опредѣленный наставникомъ-помощникомъ ректора въ С.-Петербургскую семинарію, онъ былъ добрымъ, милымъ и дорогимъ собесѣдникомъ моимъ и собутыльникомъ, вообще прекраснымъ товарищемъ. Меня послали въ Ригу ректоромъ семинаріи, а онъ дѣлалъ свою карьеру въ Петербургѣ, былъ инспекторомъ семинаріи, потомъ переведенъ въ инспектора С.-Петербургской Академіи, тамъ подписался къ адресу всѣхъ наставниковъ объ увеличеніи содержанія, за что сосланъ былъ ректоромъ семинаріи въ Смоленскъ уже при митрополитѣ Исидорѣ. Изъ Смоленска Исидоръ же, хотя по воспоминанію и не долюблялъ его, боясь, чтобы не поставили ректора-протоіерея, поспѣшилъ взять его къ себѣ ректоромъ въ С.-Петербургскую семинарію; отсюда скоро онъ поступилъ С.-Петербургскимъ викаріемъ и, заслуживъ общее расположеніе митрополита, оберъ-прокурора, С.-Петербургскаго духовенства и даже Петербургской близкой къ церкви и духовенству публики, назначенъ епископомъ въ Кишиневъ. Въ мою бытность въ С.-Петербургѣ это дѣло и состоялось. Онъ былъ всегда моимъ почитателемъ, другомъ и покровителемъ по воспоминаніямъ еще первыхъ годовъ моей службы. Второй разъ въ жизни мы встрѣтились съ нимъ въ Витебскѣ, когда онъ переѣзжалъ изъ Смоленска въ С.-Петербургъ и останавливался у меня; въ третій

разъ встрѣтились, когда я, назначенный, при сильномъ его содѣйствіи, въ ректора Казанской Академіи, ѣхалъ въ Казань по желѣзной дорогѣ чрезъ С.-Петербургъ и останавливался у него. Четвертый разъ въ жизни мы столкнулись съ нимъ теперь при посвященіи моемъ во епископа и назначеніи его въ Кишиневъ. Кстати записать здѣсь слова владыки Исидора; когда кто-то сказалъ ему теперь: «зачѣмъ вы отпускаете отъ себя преосв. Павла?» владыка говоритъ: «вотъ когда меня отпускалъ изъ Москвы въ Полоцкъ владыка Филаретъ, то и говорить: «жаль мнѣ тебя отпускать туда, да что дѣлать? Быть можетъ ты будешь такой же митрополитъ, какъ и я». «Такъ и я скажу: почему знать? Быть можетъ, преосв. Павелъ будетъ такой же митрополитъ, какъ и я».

Какъ и слѣдовало ожидать, преосв. Павелъ встрѣтилъ меня дружескими объятіями. За всѣми наставленіями и совѣтами, конечно, я обращался къ нему, равно какъ и за разнообразными, сколько явными, столько же и секретными, новостями.

Другими моими ближайшими собесѣдниками были чередные архимандриты Палладій, ректоръ Могилевской семинаріи, мой товарищъ по Могилевскому училищу и С.-Петербургской семинаріи, Павелъ Ганкевичъ, бывшій (по окончаніи курса въ Академіи) наставникомъ Могилевской семинаріи и священникомъ, потомъ по смерти жены—монах-инспекторъ, а затѣмъ и ректоръ той же семинаріи, 20 лѣтъ прослужившій на одномъ мѣстѣ, человекъ близкій ко мнѣ по многимъ отношеніямъ; а другой Іустинъ, ректоръ семинаріи Ярославской по Академіи товарищъ преосв. Павла, милый, ловкій Иванъ Охотинъ. Іустинъ при мнѣ утверждёнъ викаріемъ Волынскимъ, а Палладій въ день моего нареченія, 30-го Іюня, избранъ во епископа Выборгскаго, викарія С.-Петербургскаго. Разумѣется, томительнымъ вопросомъ дня и минуты была моя рѣчь. Чтѣ-то скажетъ владыка-митрополитъ. Въ этотъ самый день, 22 Іюня, онъ не сказалъ ничего, но па завтра, когда я стоялъ на ранней 7-часовой обѣднѣ въ большой Крестовой церкви, когда обѣдня дошла еще только до Херувимской пѣсни, за мною пришли: «пожалуйте ко владыкѣ». Вхожу. Принимаетъ въ кабинетъ же, сидитъ на томъ же диванчикѣ, въ рясъ нараспашку и безъ клобука. «Присядьте-ка... Ну вотъ читалъ... Эта рѣчь не годится... И изумляюсь я, какъ это вы стали на эту точку зрѣнія. Вѣдь это автобіографія. Такъ зачѣмъ же Св. Синоду знать, какъ вы тамъ въ дѣтствѣ плакали, и регентъ тамъ и проч?... Вѣдь здѣсь будетъ много стороннихъ, это значитъ себя самого отдавать на критику... И этотъ текстъ, егда бѣ юнъ... Да Вѣдь чтѣ идетъ къ Апостолу, то не обо всякомъ можно сказать... Да

я велика; вѣдь это цѣлая проповѣдь... Рѣчь должна быть въ четвертку, а вашего письма въ осьмушку не болѣе. По моему, изъ вашей рѣчи можетъ идти только вотъ это: самый конецъ. Надо написать другую... Вы знаете, какъ эти рѣчи пишутся, форма установившаяся: «ну избраніемъ Св. Синода и утвержденіемъ Государя..., нѣсколько словъ, и до-вольно; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Потрудитесь».

Я взялъ благословеніе и вышелъ, правда, безъ особаго смущенія. Трудно было ожидать, чтобъ эта рѣчь прошла. Тѣмъ не менѣе много тревожныхъ мыслей прошло чрезъ мою голову. «Вы знаете какъ эти рѣчи пишутся»... Очень, молъ, знаю какъ, очень плохо пишутся, такъ что ихъ-то, эти рѣчи, никто въ Россіи и не читаетъ, до того онѣ однообразны, пусты и скучны... Но не по одному самолюбію я не могу такъ написать, какъ эти рѣчи пишутся... Я не могу, неспособенъ такъ написать. Съ другой стороны я не могу, не долженъ такъ написать... Было время, и живые люди знаютъ это, что я не хотѣлъ быть архіереемъ; было время, что я говорилъ громко, что ни подъ какимъ видомъ не буду, не хочу и не могу быть архіереемъ, а теперь беру архіерейскій санъ... Долженъ сказать по совѣсти: «благодарю», да благодарю, «пріемлю», вотъ уже тутъ съ ограниченіемъ тревоги; «ничтоже вопреки глаголю», вотъ уже увы! ни подъ какимъ видомъ такъ просто. Именно я не могу сказать по совѣсти: «ничтоже вопреки глаголю». Нѣтъ, если бы добрая воля... Если бы не толкали въ шею... Если бъ не было грозы, что толкнуть въ шею именно въ извѣстную одну опредѣленную сторону, да, тогда: «возглаголалъ бы вопреки»... Подождемъ вотъ времени, когда для архіерейства понадобятся люди близкіе къ семейности: нѣтъ, они непременно стануть вопреки глаголати... И это время недалеко, мы до него уже и дожили. Меня же, кому видно тамъ, толкали, толкали въ шею по цѣлой Россіи; теперь толкають въ шею снова, выталкивая съ одного мѣста, мѣста крайне дорогаго для моего сердца, и... запрещаютъ даже оговориться. Пиши, молъ, какъ извѣстно эти рѣчи пишутся: «избраніемъ и утвержденіемъ... Мое недостойнство просить вашихъ молитвъ, не святые, но святѣйшіе отцы»... Этакое рабство, подумаешь; да и не граждански-житейское рабство, но моральное: пиши, какъ велятъ, говори, какъ требуютъ, думай какъ желаютъ... И нельзя цошеведиться... И приказываютъ холодно, степенно, категорически, безъ тѣни помысла о какомъ-либо возраженіи... Но не могу же я. Нѣсмь якоже прочіи человѣцы, не хищницы, праведницы, святые Божіи... Отъ меня, мытаря-либерала, доктора богословія не того ждешь, съ позволенія вашего сказать, Россія... Ну

еще разъ запретите... Совсѣмъ запретите... Пусть совсѣмъ рѣчи не будетъ. Но я не могу написать, какъ пишутъ.

Но размышляй, какъ хочешь, ропщи сколько хочешь, а рѣчь писать надобно. А для писанія рѣчи нужно было выбрать удобное время, которое выбрать, когда не отъ себя зависишь, не такъ-то просто.

Это объясненіе со владыкою-митрополитомъ было 23 Іюня, въ Среду поутру. Въ этотъ же день нужно было ѣхать къ синодаламъ, оберъ-прокурору и синодскимъ генераламъ, такъ какъ въ этотъ одинъ въ недѣлю день они съѣзжались съ дачъ въ С.-Петербургъ для присутствія въ Синодѣ. Начинаю съ Василія Борисовича Бажанова. Доложили. «Дома, пожалуйста, минуточку подождите, вотъ здѣсь посидите». Занимается съ секретаремъ. Выходитъ. «Ну, поздравляю... Ну, что, какъ? Рады? Ну, что у васъ тамъ, въ Казани?»—Хорошо у насъ въ Казани.—«Въ Академіи?»—Хорошо у насъ въ Академіи.—«Ой ли?»—Да.—«Но вѣдь вотъ горе, скверный духъ у васъ въ Казанской Академіи».—Ахъ, ваше в-обіе, вотъ горе, что здѣсь въ Петербургъ повторяются старыя были и небылицы, чего или никогда не было, или было да прошло и слѣда не оставило. Духъ скверный... Не стану защищать прошлое; не знаю, не мое дѣло, но за настоящее ручаюсь честнымъ словомъ. Ни тѣни стародавняго духа отрицанія. Могу сказать даже, что наши академическіе студенты, сталкиваясь теперь со студентами Университета, держатъ противъ нихъ всегда контрверсію: гдѣ продолжаютъ нападать на христіанство, на всякую метафизику, а наши защищаютъ и остаются побѣдителями, потому что наши основательныѣ.—«Приятно слышать. Ну, а преосв. Антоній, какъ вы съ нимъ жили?»—Отлично жилъ.—А надобно сказать, что, когда, отправляясь въ Казань, въ провздъ чрезъ Петербургъ, я представлялся Василію Борисовичу, онъ далъ мнѣ предостереженіе: «Смотрите, опасайтесь преосв. Антонія. Съ этимъ вамъ труднѣе будетъ ужиться, чѣмъ съ кѣмъ-либо. Человѣкъ переходчивый, щекотливый, дядюшкою избалованный, выросшій подъ дядюшкинымъ крыломъ и т. д.» Василій Борисовичъ на мои слова въ похвалу преосв. Антонія опять изумился. Но я заговорилъ съ совершеннымъ воодушевленіемъ, такъ какъ въ Петербургѣ наиболѣе превратно представляютъ нашего преосв. Антонія; а поспѣвшиль тутъ коснуться всѣхъ сторонъ этого благодѣянаго, высокаго характера: «Преосв. Антоній, ваше в-біе единственный въ своемъ родѣ человѣкъ, святой человѣкъ... Человѣкъ, не собирающій о подчиненныхъ никакихъ сплетенъ, но христіански чуждающійся: духа осужденія ближняго, старающійся видѣть въ нихъ скорѣе добрую сторону, чѣмъ ху-

дую. И судьба его такова, что къ нему ссылають. Но у него, подь вліяніемъ просто его присутствія, не только сдержанны, но чуть не святы и Сергій, и Самуилъ. И онъ никогда почти не даетъ ни совѣтовъ, ни предостереженій, ни внушеній, ни выговоровъ. Благожелательность къ людямъ безпримѣрная. Все, что можно, онъ готовъ сдѣлать и сдѣлаетъ для ближняго. И самъ прогнѣю пою, сдѣлаетъ; и попросятъ, сдѣлаетъ. Къ Аксе мѣи благожелательность величайшая; вѣдь всѣхъ, кого могъ, онъ осыпалъ благодѣянїями. Ни на какія наши представленія отказа никогда. Онъ возражаетъ Св. Синоду противъ новыхъ уставовъ; но вѣдь онъ все исполняетъ, елико можетъ, и у него все жизнь и дѣятельность, что у другихъ звучное слово и мертвая буква. У него выборы благочинныхъ, съезды и все прочее, и все это не на бумагахъ, а на дѣлѣ. Не говорю объ истинно-монашеской чистотѣ его жизни. Дѣло дѣлаетъ, не задерживаетъ ничего и рѣшаетъ все быстро; слѣдитъ за литературою, многое пишетъ, въ тоже время ежедневно у всѣхъ Божїихъ службъ бываетъ неотложно, Антоній—молитвенникъ, ваше в-обіе». Мнѣ показалось, что подь конецъ моей взволнованной рѣчи самъ Василій Борисовичъ былъ поколебленъ. Разставаясь съ нимъ, я сказалъ: «быть можетъ, ваше в-обіе, видимся послѣдній разъ въ жизни. Такъ примите же, ваше в-обіе, выраженіе глубочайшей моей признательности за все добро, какое отъ васъ я видѣлъ».

Отсюда я отправился въ Синодскій домъ на Литейной. Юрїя Толстаго не было дома; швейцаръ далъ лоскутокъ бумаги, на которомъ я расписался. Михаилъ Абрамовичъ Воскресенскій и Ненарокомовъ принимали; рѣчь и тамъ и здѣсь велась о томъ же преосв. Антонїи, что-де «онъ все еще волнуется, все еще протестуетъ, все еще сочиняетъ возраженія на новые порядки; самолюбивъ очень, раздражителенъ». На эти насмѣшливыя, пренебрежительныя выходки Петербургской свѣтско-синодской власти я отвѣчалъ тому и другому, какъ и многимъ другимъ, что «нашъ оберъ-прокуроръ хочетъ быть современнымъ министромъ. Онъ реформаторъ, забираетъ въ своихъ реформахъ, широко и глубоко. И что же онъ реформируетъ? Церковь, учрежденіе наиболѣе неприкосновенное. Что же мудренаго, если въ его широкой дѣятельности есть стороны, которыя не всѣмъ нравятся? Если бы нашъ Синодъ былъ дѣйствительно Синодъ—соборъ, то, положимъ, что здѣсь были бы, и безъ сомнѣнїя, были бы, сторонники оберъ-прокурора, лѣвая сторона; но были бы и центръ и правая сторона. Ну, положимъ, что преосв. Антоній составлялъ бы крайнюю правую сторону, крайнюю оппозицію; ну, что же тутъ преступнаго или страннаго? Не скорѣе ли странно то, что въ этомъ, съ точки зрѣнїя крайняго самовластія, находятъ странность?»

Рѣзкость моего тона пусть не изумляетъ, я выражался еще рѣзче, чему будутъ представлены примѣры, вообще прошелъ по Петербургу рѣзкою полосою. Іоанна Васильевича Рождественскаго, преосвященныхъ архіепископа Василя и Никандра, епископа Тульскаго (только что прибывшаго въ С.-Петербургъ) не засталъ. Зато протоіерея Іосифа Васильевича Васильева засталъ въ самомъ средоточіи его дѣятельности, именно въ Учебномъ Комитетѣ, и достаточно насладился его бесѣдою.

Темою бесѣды былъ опять же преосв. архіепископъ Казанскій Антоній съ его настояніями предъ Св. Синодомъ, чтобъ въ Казанской семинаріи вмѣсто большаго числа уроковъ по Греческому языку часть этихъ уроковъ была отдѣлена, въ миссіонерскихъ видахъ, на преподаваніе языка Татарскаго; Комитетъ же, а лучше сказать сзади Комитета самъ оберъ-прокуроръ графъ Толстой, покровительствуя на словахъ миссіонерству, въ томъ числѣ и Казанскому, стоятъ за неприкосновенность Семинарскаго Устава: ихъ мысль—преподавай въ семинаріи Татарскій языкъ, сколько хочешь, только не трогай уроковъ, назначенныхъ для другихъ предметовъ, а татарщину свою преподавай въ класснаго времени. Вообще говорятъ: «пустъ преосв. Антоній изыщеть пастырскія средства дѣйствованія на Татаръ», тогда какъ сами за правило приняли отказывать ему во всемъ, что онъ ни представлялъ бы на ихъ усмотрѣніе и разрѣшеніе.

И. А. Чистовича я думалъ застать здѣсь же; однако же его не было. Впрочемъ онъ не заставилъ себя ждать и самъ прикатилъ ко мнѣ въ Лавру.

Съ 23 на 24-е Іюня слушалъ всеношную, такъ какъ на завтра я, по старому знакомству, приглашенъ былъ настоятелемъ Ямской Іоанна Предтечи церкви протоіереемъ Іоанномъ Константиновичемъ Яхонтовымъ сослужить въ ихъ церкви преосв. Павлу. Такъ какъ вторымъ архимандритомъ приглашенъ былъ о. Геласій, единственный въ настоящее время членъ Цензурнаго Комитета, то мнѣ вмѣстѣ съ нимъ и пришлось ѣхать къ литургіи и здѣсь во время переѣзда вести рѣчь о современномъ состояніи Цензурнаго Комитета: «Видите, что цензурный комитетъ таетъ, какъ снѣгъ весною отъ лица огня, самимъ временемъ сводится на нѣтъ... Кто изъ членовъ умеръ, кто выбылъ, и остался азъ одинъ, и ищутъ души моя изъяти ю, другихъ не назначаютъ..... говорятъ, оберъ-прокуроръ и не желаетъ уже назначать монаховъ. Новый Цензурный Комитетъ, говорятъ, будетъ соединенъ съ свѣтскимъ цензурнымъ комитетомъ и подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ. Оклады будутъ хорошіе, не ниже 3000 р. Ну знаете, для такихъ окла-

довъ найдутъ и людей получше насъ. Монаха при комитетѣ не будетъ ни одного, это вѣрно; будутъ ли священники, неизвѣстно; а что свѣтскіе будутъ—это вѣрно».—А въ Синодѣ никто не возражаетъ?—Да кому же возражать? Имъ все равно: они членами Цензурнаго Комитета не будутъ.... И знаете, смѣшно, и жалко, и странно комитетъ—это я, я—это комитетъ. Вотъ я пишу: «въ Цензурный Комитетъ члена онаго такого-то представленіе или донесеніе... Это я самъ себѣ доношу или представляю.... Или журналъ: въ присутствіе комитета явились члены онаго такіе-то, архимандритъ Геласій—и только».... Вообще о. Геласій очень мило и остроумно подшучиваетъ надъ самимъ собой, т. е. надъ умирающимъ комитетомъ. Богослуженіе въ Ямской церкви шло величаво; проповѣдь Іоаннъ Константиновичъ произносилъ, какъ ксендзъ Католическій, воздвигая гласъ; стеченіе народа было весьма значительное; квартира у настоятеля, въ полномъ смыслѣ, великолѣпная; обѣдъ былъ роскошный и веселый, и 25 рублей, по старому обычаю, мнѣ, какъ архимандриту, дали. Было бы, пожалуй, даже совсѣмъ весело, если бы за шею не грызла забота о рѣчи при нареченіи.

Съ утра въ Пятницу 25-го Іюня пришлось запереть дверь на замокъ и приняться за перо. Рѣчь эта въ новомъ изложеніи приняла слѣдующій видъ:

Ваше святѣйшество! Обязываемый чиноположеніемъ церковнымъ, въ эту священно-торжественную въ моей жизни минуту, отвѣчать предъ вами и всею церковью, благодарю, приѣмлю и ничтоже вопреки глаголю, что я и выразилъ уже какъ устами, такъ и самымъ предстоаніемъ здѣсь, чтобы отвѣчать открытымъ сердцемъ, какъ на исповѣди, какъ предъ Богомъ. Прошу вашего благословенія остановить на минуту мой смиренный взоръ и ваше высокое вниманіе на церковно-историческомъ явленіи, что въ древней церкви призываемыя къ епископству лица, и это величайшія свѣтила церкви, бѣгали епископскаго сана, а нынѣ подобнаго не представляется. Отчего это? За христіанскую древность отвѣтила церковная исторія. Древніе угодники Божіи, страшась, бѣгали епископства, потому что епископство сразу выдвигаетъ человѣка изъ среды прочихъ, воздвигаетъ на вершину, поставяетъ на свѣщникъ, дѣлаетъ главою церкви, источникомъ жизни, средоточнымъ чувствилищемъ церковнаго тѣла. Что же отсюда? А то, что епископство лишаетъ избраннаго почти всѣхъ благъ міра сего: отторгаетъ отъ семейственности, устраняетъ отъ родства; взамѣнъ этого, какъ предъ очи Спасителя на горѣ искушенія, пододвигаетъ подъ глаза избраннаго красная міра сего, но съ условіемъ, чтобы онъ ими не пользовался, или поль-

зовался съ крайней умѣренностью и осмотрительностью: яства и питія съ условіемъ, чтобы онъ постился, ткани и утварь съ требованіемъ, чтобы онъ ихъ презиралъ, славу мірскую съ заповѣдью, чтобы онъ ея бѣгалъ, и съ угрозою, что если онъ потянется за ними, то низринется въ бездну.... Епископство отнимаетъ много и духовныхъ благъ. Василій, Григорій, Златоустъ чувствовали, что епископство, извлекая ихъ изъ возлюбленнаго ими уединенія, затруднить ихъ въ подвижничествѣ иноческой жизни; равно какъ и теперь мы видимъ, что не рѣдко инокъ добропорядочный въ общемъ строѣ жизни, выдвинутый на высоту начальствованія, начинаетъ колебаться духомъ и съ измученнымъ сердцемъ снова отбѣгаетъ искать отдыха въ пустыню уединенія; епископство лишаетъ душевной безмятежности, мира совѣсти, дѣлая избраннаго отвѣтственнымъ за свои грѣхи не только передъ благимъ Богомъ, но и предъ неправедно - суровымъ судомъ людскимъ; епископство возлагаетъ на избраннаго страшное обязательство высшаго нравственнаго совершенства, лишая его всякой надежды, что эти совершенства отъ него не будутъ судомъ людскимъ потребованы, а недостатки его подзирающимъ глазомъ не будутъ усмотрѣны; нѣтъ, на плеча его лягутъ и ложатся кромѣ своихъ еще грѣхи людскіе, потому что онъ глава, онъ свѣтъ, онъ сознаніе, онъ источникъ начало жизни, въ немъ сосредоточиваются всѣ нити чувствующаго церковнаго тѣла; онъ молитвенникъ, онъ освятитель, онъ жертва Богу за всѣхъ; въ него, какъ въ вершину, попадаютъ всѣ громы, его прежде всѣхъ колеблетъ всякая буря, разражающаяся по широтѣ церкви. И когда Аѳанасій, Григорій, Василій, Златоустъ говорили, что ужасаются епископства, они не преувеличивали, и жизнь оправдала ихъ горькія предчувствія: послѣ тяжкихъ трудовъ и ударовъ жизненнаго своего жребія, какъ загнанные рукою Божіею кони, они пали и отдали въ ружь Божіи духъ изнеможенный.

Отчего же теперь мы не видимъ, чтобы люди бѣгали епископства?

Оттого ли не бѣгаютъ, что не понимаютъ высоты и тяжести сана? Было бы совѣстно сказать, что мы понимаемъ высоту и тяжесть епископскаго сана, какъ понимали и чувствовали Василій Великій, Григорій, Златоустъ или Августинъ. Гдѣ встрѣтишь такихъ міровыхъ гениевъ, такія широкія сердца? Они были тончайшія чувствилища церковнаго тѣла. А церковь ихъ времени была церковь юная, чувствующая юную развивающую живнѣ, съ воспримчивостью и впечатлительностью юношескими; тогда какъ мы живемъ уже въ періодъ возмужалости, если только не дряхлѣнія христіанскаго человѣчества, когда и

чувствительность въ членахъ церкви земной уже пріослабѣваетъ и кипучее развитіе жизни уже замедляется и охладѣваетъ. Тѣмъ не менѣе и въ наше время много ли вниманія, много ли глубокомыслія нужно, чтобы видѣть, что къ прежнимъ тяготамъ епископства присоединились новыя? Развѣ епископъ теперь менѣе отвѣтственъ предъ Богомъ и предъ людьми? Слово Апостола: настѣй благовременнѣ и безвременнѣ... Умерщвляю тѣло мое и поработаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ исключимъ буду,—развѣ не для него сказано? И оно его не пугаетъ? И если бы онъ смежилъ очи и заснулъ, развѣ его не пробуждаютъ бури вѣка, которыя ему болѣе чѣмъ кому-либо воютъ грозою? Окружающее насъ спокойствіе нравственнаго міра только кажущееся. Не надо глядѣть далеко, во Францію; наша Русь шире и для бурь просторнѣе. Наши очи съ смятеннымъ изумленіемъ смотрѣли и сердца муками настоящаго и горькими предчувствіями будущаго болѣли, и ноги едва держали, а нѣкоторыхъ и не удержали бы, если бы другіе не поддержали, когда неслась грозная буря идей и событій надъ нашими головами. Эти бури по мѣстамъ, по временамъ взрываются и теперь, предвѣщая всеобъемлющій вихрь. Жизнь есть движеніе, есть борьба, есть неустанный подвигъ. А къ концу вѣковъ эта борьба, увеличиваясь больше и больше, должна кончиться небывалымъ и невозобразимымъ смятеніемъ, грозно сокрушительнымъ возстаніемъ духа міра сего на церковь Божию. Не слышимъ ли мы съ томительнымъ предчувствіемъ сердца громовъ надвигающейся бури въ этомъ гулѣ, съ какимъ духъ вѣка сего, тяготясь смиреннымъ положеніемъ церкви, вопить о нашихъ недостаткахъ и требуетъ отъ каждаго изъ насъ и отъ всѣхъ идеальнаго совершенства, якобы въ видахъ собственнаго назиданія, на самомъ же дѣлѣ въ духѣ Евреевъ, которые, не довольствуясь всѣмъ прошлымъ жизни Спасителя, требовали отъ Него еще чуда на крестѣ: спасися Самъ и сниди со креста, да вѣруемъ Ти?..

Отчего же мы не бѣгаемъ? Не изъ честолюбія ли и другихъ преступныхъ влеченій? Сказали бы мы, будь проклято честолюбіе, которое влечетъ человѣка на такой опасный путь, если бы уста наши не призваны были изрекать благословенія, а не проклятія. Не благословенныя самыя укоры въ подобной низости чувствъ, къ намъ обращаемыя. Мы попросили бы укоряющихъ указать намъ, своимъ примѣромъ въ подобномъ нашему положенію, путь, куда бѣжать отъ духа Господня и отъ руки Божіей, которая всюду способна и достать человѣка, и удержать, и наставить. Да и то только видимость, что мы не готовы были бѣжать. Конечно, любви Божіей, хотя и не человѣческимъ ушамъ слышенъ, быть можетъ, раздающійся въ душахъ, подобныхъ намъ,

трепетный вопль: горы, падите на насъ, и холмы, покройте насъ отъ лица Сидящаго на престолахъ. Но вѣра наша, стремленіе нашихъ сердецъ безсилны какъ сдвинуть горы съ своихъ основаній, такъ и со- вратить въ сторону теченіе церковной жизни, которое ставитъ насъ здѣсь, которое, если будетъ совращено, то міръ и увидитъ зрѣлище, отъ какого отвыкъ, что люди побѣгутъ отъ епископства, не находя въ немъ для себя ничего привлекательнаго. Мы не смѣемъ бѣжать, потому что жребіемъ нашей жизни вдвинуты въ священное, сросшееся и съ ду- хомъ и съ жизнью нашей церкви съ I-го и по сей XIX-й вѣкъ, великое учрежденіе слугъ церкви, оторвавшихся отъ міра и всецѣло отдавшихъ Богу съ силами и немощами своими; что въ мірѣ души все цѣлостно: какъ нарушеніе одной заповѣди есть нарушеніе всего закона, такъ соблюденіе одного изъ иноческихъ обѣтовъ (основного изъ нихъ—без- ропотнаго послушанія) приводитъ съ собой и облегчаетъ удовлевере- ніе и другихъ иноческихъ обязательствъ, потому что немного нужно надъ собою наблюденія, чтобы видѣть, что самоволіе (впрочемъ и не- возможное въ нашей иноческой жизни) приводитъ на край гибели, даже нравственной,—что, напротивъ, покорность волѣ Божіей и слѣдованіе призванію держать людей если не на уровнѣ, то вблизи нравственной высоты сана и положенія; потому что въ дому Божіемъ нужны со- суды—орудія Божественнаго домостроительства, и сосуды всякіе, зла- тые и глиняные, въ честь и не въ честь, сосуды гнѣва и милости и помилованія чрезъ гнѣвъ; потому что призваніе къ епископству вдви- гаетъ мѣрность избраннаго въ сомнѣ избранныхъ и отрѣшенныхъ отъ міра рабовъ Божіихъ, творцовъ церковной исторіи, отъ апостоловъ Павла и Іоанна и чрезъ Тита и Тимоѳея и даже до днесь.

Благодарю Тебя, милостивый, кроткій нашъ Спаситель, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ; твори, Боже, волю Твою надъ нами, и Твоя святая воля да будетъ нашею. Буди благословенно имя мудраго, многоопытнаго іерарха, твердая отеческая рука котораго много лѣтъ, особенно же въ годину искушенія, крѣпко держала меня въ прямомъ стояніи на жизненной дорогѣ и велѣніемъ Божиимъ теперь поставила здѣсь; молю Бога о милости долго послужить надежнымъ посохомъ его маститой старости. Буди благословенна пучина благодати іерарха, коему судилъ Богъ утишить и утѣшить послѣдніе годы моей небезпечальной жизни. Буди благословенна долготерпѣливая христопо- добная любовь всѣхъ васъ, мои отцы, мои воспитатели и братья, даже до сей священной въ моей жизни минуты утверждавшихъ не твердые шаги моей немощи отеческимъ и братскимъ внушеніемъ и милованіемъ, благимъ чаяніемъ и желаніемъ, добрымъ словомъ и молитвою.

Отцы святѣйшіе! Достоинство Златоустовъ и другихъ свѣтилъ церкви ими самими предъ святостью сана признано было устрашающимъ недостаткомъ; о моемъ же сравнительномъ достоинствѣ или недостаткѣ и рѣчи здѣсь не можетъ быть. Подклоню мою выю подъ возлагаемое иго только потому, что боюсь не подклонить, боюсь оскорбленія духа церкви и кары Божіей, потому что надѣюсь держаться за вашу твердость,—твердость всецерковнаго и особенно епископскаго сонма и идти вмѣстѣ и вслѣдъ за вами, а може поведетъ церковь Свою Господь. Благодарю за терпѣливое благоволеніе, приѣмлю милость за милость и ничтоже вопреки глаголю кромѣ только что немощенъ есмь отъ ложеснъ, отъ сосцу матере моя; поддержите немощь, подкрѣпите бесиліе, восполните скудость, помолитесь, помолитесь....

Заключеніе было взято изъ предыдущей рѣчи.

Съ этою ново-изложенною рѣчью иду къ преосвященному Павлу.— «Благословите прослушать, ваше преосвященство». Рѣчь прочитана. Его преосвященство замѣчаетъ: «Хорошо, картинно, славно.... Но—знаете.... Едва ли понравится владыкѣ».—«Отчего бы?»—«Знаете, не тотъ складъ, не тотъ языкъ; есть слова необычныя».—«Какія бы, на примѣръ?»—«На примѣръ, *отромъ*».—«Отчего же намъ и не сочинить? Складъ не тотъ; гдѣ же возьмешь тотъ, когда его у меня не обрѣтается?»—«Но я все-таки совѣтовалъ бы вамъ заняться обработкою языка, поддѣлкою рѣчи подъ принятый тонъ... Чтò же касается переписки, то тутъ есть такой, о. Антоній, іеродіаконъ; онъ всѣмъ переписываетъ эти рѣчи; такъ ужъ и положено давать ему за нихъ 3 рубля».

Съ этимъ наставленіемъ я и отправился къ себѣ. Зову о. Антонія. «Любезный братъ! перепишите и уреченные 3 рубля получите».—«Хорошо, ваше в-обіе».—«Къ какому же сроку?—Сегодня можете?»—«О! Никакъ! Завтра часамъ къ 8 утра».—«Нечего дѣлать, согласенъ».—«Пожалуйте бумаги».—Пошелъ къ сосѣду, о. Палладію, и у него выпросилъ два большіе листа бумаги въ расчетъ, что если одинъ листъ будетъ испорченъ, тогда можно употребить въ дѣло второй листъ. Отъ тревоги почти всю ночь провелъ безъ сна. Вообще, до самаго прибытія въ Новочеркасскъ сонъ у меня былъ крайне плохой. Здѣсь пробывъ съ недѣлю, вдругъ, къ изумленію своему, проспалъ я ночь хорошо, и говорю своему Артемію: «Вотъ, братъ, выучиваюсь спать». Въ Петербургѣ же въ тревожное время до нареченія вовсе почти не спалъ.

На завтра въ Субботу, 26-го Юня, я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь условленныхъ 8 часовъ утра, посылаю къ о. Антонію съ вопросомъ, не готова ли рѣчь? Не готова, и будетъ готова не ранѣе, какъ черезъ часъ. Ничего не оставалось дѣлать, какъ нетерпѣливо считать минуты до 9 часовъ. Вблизи около 9 часовъ входитъ самъ о. Антоній съ бумагами въ рукахъ. Слава Богу, думаю. Увы, не тутъ-то было. — «Ахъ, ваше в—обіе», скороговоркою сыплетъ о. Антоній, конфузясь: «Бѣда приключилась. Я писалъ, видите; но двухъ данныхъ вами листовъ бумаги недостало; кончикъ негдѣ приписать; пожалуйста еще листикъ бумаги». Беру бумаги у него изъ рукъ и къ изумленію своему вижу, что онъ разогналъ мою рѣчь на два листа, да пришелъ еще за третьимъ, тогда какъ митрополитъ велѣлъ, чтобы рѣчь была не болѣе четверти, или даже осьмушки листа. — «Ахъ, Боже ты мой!» тутъ я возопилъ въ свою очередь. «Истинная бѣда! Вѣдь владыка велѣлъ, какъ можно меньше, а вы разогнали на два листа»....—О. Антоній смутился. Я поправляюсь: «Да виноваты въ этомъ не вы, а я самъ; виновата рѣчь. Я никакъ не ожидалъ, что выйдетъ такъ много.... Что тутъ дѣлать?» Я тутъ же при немъ сталъ соображать, какъ бы сократить рѣчь, что бы тутъ выпустить, и опять обращаюсь къ нему съ просьбой: «Можете ли вы снова присѣсть сейчасъ же, переписать, что и какъ я сокращу. — «Ахъ, нѣтъ, мнѣ нужно идти сейчасъ въ крестовую ко владыкѣ на акаѣистъ». Видя, что съ нимъ толковать нечего, я даю ему 3 рублика. Но онъ отпихивается: «Нѣтъ, я не возьму». Мнѣ ничего не оставалось, какъ въ крайнемъ смущеніи съ нимъ раскланяться. Съѣлъ опять ломать голову надъ рѣчью, какъ бы сократить ее. Взявъ рукою властно, да и отчеркнулъ, что въ приложенной, переписанной о. Антонія рукою тетрадкѣ отчеркнуто. Вооружился вмѣсто трехъ двумя рубликами и отправился въ ту же минуту въ Академію. Къ счастью, тотчасъ при входѣ въ Академію встрѣтилъ своего ученика по Витебской семинаріи, кончившаго курсъ студента Пряникова и взмолился къ нему: «Другъ любезный! Спасите, помогите. Вотъ поощреніе—2 рублика. Отыщите охотника получить ихъ, каллиграфа; пусть присядетъ сейчасъ же и убористымъ, каллиграфическимъ почеркомъ переписать сію рѣчь. Прошу васъ». Съ тѣмъ ушелъ въ Лавру, въ крестовую на акаѣистъ Успенію Богоматери, который самъ владыка Исидоръ служилъ каждую Субботу. Нашелъ, что народу собирается къ этому акаѣисту и теперь столько же, сколько собиралось въ 1864—1865 годахъ, т. е. очень много, церковь была полна. Пѣніе стало слабѣе, такъ какъ пѣла только небольшая часть хора; голосъ у владыки митрополита сталъ тоже какъ будто слабѣе. Въ 1864 г. чтеніе Исидоромъ, первымъ чтецомъ, какого въ жизни я слышалъ, этого акаѣиста, тор-

жественнѣйшее пѣніе торжественнѣйшихъ Кіевскихъ распѣвовъ акаѳиста и канона, тихое паденіе иконы Успенія сверху внизъ въ царскихъ вратахъ, припаданіе народа къ землѣ, не говорю, что произвело на меня глубокое впечатлѣніе, но изломало меня сильнѣйшею истерикою. Теперь отъ многихъ причинъ я не вынесъ того же впечатлѣнія, и конечно отъ терзавшей меня заботы, такъ что я, не достоявъ даже до конца богослуженія, пошелъ въ тревогѣ домой и въ ту же минуту отправилъ Артемія въ Академію допытываться, не готова ли рѣчь. Къ счастью, онъ возвратился съ переписанною рѣчью въ рукахъ. Что значитъ интеллигенція, Академія, а не Лавра, студентъ, а не монахъ! Переписана истинно каллиграфически, убористо, какъ бисеромъ, съ чутьемъ cadaго штриха не только моего пера, но и мысли. И вышло всего неподный почтовый листъ, да еще порядочныя поля остались, однимъ словомъ, весьма благовидно и для дѣла пригодно. Въ ту же минуту иду ко владыкѣ. Не былъ принятъ. Сказано, что владыка усталъ, спотѣлъ, переодѣлся и отдыхаетъ. Рѣчь взята *).

Такъ какъ на завтра, 27 Іюня, въ Воскресенье, я не былъ назначенъ къ служенію литургіи, то, отслуживъ раннюю, разсчитывая, что въ Воскресенье владыка-митрополитъ къ себѣ меня не потребуетъ, я рѣшилъ воспользоваться днемъ, чтобы съѣздить въ Ораніенбаумъ—повидаться съ Иларіономъ Алексѣевичемъ Чистовичемъ и протоіереемъ Іоанномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ, которые тамъ, въ Ораніенбаумѣ, наняли свои лѣтнія дачи. Это свиданіе и собесѣдованіе съ И. А. Чистовичемъ было самое замѣчательное изъ всѣхъ, какія я имѣлъ въ С.-Петербургѣ. Вообще же я имѣлъ откровенныя объясненія съ преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ, членомъ Учебнаго Комитета, профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, законоучителемъ одного изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній, издателемъ извѣстнаго прекраснаго сборника сочиненій: «Матерьялизмъ, наука и христіанство» протоіереемъ Іоанномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ, протоіереемъ, однимъ изъ двухъ воспитателей Дагмары, Іоанномъ Алексѣевичемъ Вознесенскимъ и о. архим. Хрисанюмъ, ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Подведемъ теперь итоги ихъ откровеній. Начнемъ сверху. «Государь проводитъ весело свою жизнь, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ прежде толковали, а въ другомъ... Государыня-старушка и ворчливая старушка... Дворы Императрицы и Цесаревны глядятъ положи-

*) Рѣчь въ этой послѣдней редакціи напечатана въ III т. собранія „Поученій, бесѣдъ“ и проч. архіепископа Никанора, стр. 249—252, изд. II, Одесса 1890 г.

тельно врозь: Императрица окружена Нѣмцами, а Цесаревна отвращается Нѣмецкихъ тенденцій. Рассказываютъ, будто Цесаревичъ за какую-то выходку противъ Нѣмцевъ сидѣлъ подъ арестомъ. Исторія настоятеля Петропавловскаго собора, законоучителя университета, протоіерея Василя Петровича Полисадова: на лекціи, въ университетѣ онъ ругнулъ Пруссаковъ, употребивъ выраженіе: «распололись, какъ прусы»... На лекціи сидѣлъ студентъ Адлербергъ; Государь велѣлъ убрать Полисадова; только разъ пріѣзжаетъ въ Петропавловскій соборъ и видитъ Полисадова, да и обращается къ кому-то съ вопросомъ: «развѣ Полисадовъ еще здѣсь?» Сего двукратнаго обращенія вниманія Его Величества на почтеннѣйшаго, ученѣйшаго и заслуженнѣйшаго по разнымъ поприщамъ протоіерея было достаточно, чтобы его нахожденіе стало невозможнымъ и въ университетѣ, и въ Петропавловскомъ соборѣ; едва выплакавъ онъ у митрополита переводъ свой на второе мѣсто (сдѣлавшееся вакантнымъ) къ Исакіевскому собору. Законы у насъ еще Хивинскіе... Александра Іосифовна тоже старѣетъ и вообще много потеряла изъ прежняго шику... Николай Николаевичъ старшій, слышно, не очень-то близокъ къ своей почтенной и благочестивой супругѣ, которая, впадая въ крайность благочестія, втягивается въ собесѣдованія съ отцомъ протоіереемъ Лебедевымъ (моложе меня по С.-Петербургской семинаріи двумя курсами: и везетъ человѣку на зависть всему духовному Петербургу!), своимъ капелланомъ. Николай Николаевичъ Наумовъ, протоіерей-капелланъ Тиолискаго двора Великаго Князя Михаила Николаевича, переходитъ къ великому Зимнему дворцу на мѣсто дяди Наумова. Треповъ, говорятъ, протестантъ, нарочно корчитъ богомольнаго Русскаго. Министръ оберъ-прокуроръ на верху силы. Государь объявилъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ на министра нападали съ ѣдкостью, особенно Чевкинъ; за то министръ съ Государственнымъ Совѣтомъ теперь не чинится: «эти дураки забраковали было проектъ классицизма совсѣмъ»... Сидѣлъ онъ на какомъ-то торжественномъ актѣ съ преосв. Павломъ справа, тогда какъ Деляновъ сидѣлъ рядомъ слѣва; преосв. Павелъ говоритъ: «всѣмъ хорошо мое назначеніе въ Кишеневъ; одного жаль, что преосв. викарій тамъ многими годами старше меня». «Чѣмъ же тутъ стѣсняться?» возражаетъ графъ совершенно громко,— вотъ Иванъ Давидовичъ многими же годами старше меня, однакоже я министръ, а онъ—мой товарищъ». А надо знать, что они соперники. Чтò до отношеній графа къ Синоду, то въ Синодѣ онъ все не только настоящее, но и будущее: всѣмъ орудуетъ, все направляетъ, даже все важное дѣлаетъ оберъ-прокуроръ. У него и при дворѣ силу нѣкоторую имѣетъ только митрополитъ Псидоръ; его положеніе теперь совершенно благопріятно: оберъ-прокуроръ и дворъ его только одного нѣ-

сколько и честять и берегутъ, тогда какъ прежде, въ 1865—1866 г.г. имъ тяготились; за тоже и онъ служить имъ при случаѣ усердно. Рассказываютъ, что именно онъ, Исидоръ, такъ отдѣлалъ митрополита Иннокентія за его возраженія противъ оберъ-прокурорскихъ уставовъ, что тотъ совсѣмъ опѣшилъ и стусевался. Рассказываютъ, что какой-то старинный смолоду пріятель владыки Исидора, весьма чиновный человѣкъ (помнится, тайный совѣтникъ) разъ при людяхъ говоритъ: «Владыка! Ну чтобъ вамъ пошевелиться, заявить не для себя, а для церкви, что церковь въ ея настоящемъ положеніи, безъ патріарха, ну что такое»?!. Митрополитъ посмотрѣлъ на него, да и говоритъ: «N. N.—вичъ! Вѣдь ты старъ уже. Пора бы уходить, а ты все тотъ же, чтò былъ смолоду... Ну, заявилъ бы я, положимъ, ну что изъ этого вышло бы? Вѣдь сослали бы меня въ Соловки; этого мало: замуровали бы!»... Митрополитъ Арсеній, говорятъ, у графа потерялъ всякую репутацію: «интриганъ и узкій интриганъ»... Полагаютъ, что теперь если и будетъ вызванъ въ Синодъ, то единственно потому только, что онъ остался предсѣдателемъ комитета по переводу Свящ. Писанія. Москва въ Петербургскомъ мнѣніи крайне упала; все Московское рѣшительно не въ модѣ. Намѣстника Антонія сильно порицаютъ за отстающую чопорность. Алексія поспѣшили удалить; всѣмъ и всѣмъ онъ не нравился, особенно же Московскою манерою священнослуженія, особенно же пародированіемъ старческой немощи Филарета, его несоглаголаніемъ, тихоглаголаніемъ и немощью сложенія пальцевъ, благословляющей руки. Всего этого не могъ, ни руки сложить, ни громко говорить въ церкви и преосв. Алексій Рязанскій. Только разъ и вышелъ случай, что къ нему заѣхалъ за чѣмъ-то митрополитъ Исидоръ, а келейникъ Алексія и оплошалъ что-то сдѣлать, а Алексій вышелъ и ну на него шумѣтъ; а когда возвратился, митрополитъ ему и говоритъ: «а вотъ, преосвященный, такъ бы возглашать вамъ въ церкви»... О преосвященномъ Макаріи Виленскомъ, къ крайнему сожалѣнію, ничего не слышалъ я кромѣ осужденій и довольно рѣзкихъ. Рѣшительно, говорятъ, не имѣетъ государственнаго ума, въ дѣйствіяхъ не обнаруживаетъ никакого такта, въ сужденіяхъ по важнѣйшимъ доврѣннымъ ему вопросамъ, объ устройствѣ духовнаго суда и цензуры, онъ всегда на сторонѣ послѣдней написанной статьи. Ближайшіе же его сотрудники выдѣлываютъ съ нимъ такія штуки: сегодня въ совѣщаніяхъ установятъ извѣстное сужденіе, къ завтраму же пустятъ въ газету какую-либо статейку отъ неизвѣстнаго въ другомъ дальнѣйшемъ стилѣ; и глядятъ—въ слѣдующее засѣданіе преосв. Макарій толкуетъ уже другое. Затѣмъ снова пускалась статейка изъ того же лагеря, и преосв. Макарій толкуетъ уже новое. Наконецъ, они сами ему говорятъ уже:

«да, ваше высоко-ство, надобно же намъ на чемъ-либо остановиться»... Кто-то мнѣ рассказывалъ о состоятельности преосв. Макарія слѣдующее въ слѣдующихъ (подлинныхъ) выраженіяхъ: «по цензурѣ преосв. Макарій что-то полиберальничалъ было; а графъ какъ позвалъ его, да какъ далъ нагоняй, такъ онъ другое запѣлъ»...

Что за языкъ! Что за лакейство! Что за лакейскія отношенія! Рассказываютъ далѣе, что такъ какъ теперь предположено Духовно-цензурный Комитетъ учредить подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; между тѣмъ оклады членамъ Комитета предположены изрядные (3.000—4.000 р.), а предсѣдателю чуть ли не будетъ назначено и больше, то на одно изъ этихъ мѣстъ заявилъ себя кандидатомъ не кто другой, какъ самъ высокопреосвященный Макарій, объясняя, что-де «этотъ родъ занятій ближе къ его ученымъ склонностямъ, чѣмъ служба епархіальнаго архіерея; что, какъ архіерей, онъ кромѣ дрязгъ и тревоги ничего не видитъ, а оклады членовъ Цензурнаго Комитета удовлетворительные». Мало ему одного командира, оберъ-прокурора; пріятно еще побывать подъ ферулой министра Тимашева и подобныхъ. Въ дѣлахъ Синодскихъ онъ также до очевидности, не говоря бѣльшаго, несамостоятеленъ и уклончивъ, считая уклончивость, вѣроятно, за высокую политику, именно въ случаяхъ, въ которыхъ его голосъ услышать было и естественно и желательно, онъ опасается, хотя чуть-чуть скомпрометировать свое сужденіе; онъ отмалчивается, хотя бы своимъ молчаніемъ и накладывалъ тѣнь на предметы и лица, подлежащіе обсужденію; объ этомъ рассказывалъ мнѣ, указывая на факты, архіеп. Василій. Въ службѣ Божіей, говорятъ, до невыносимости манерничаетъ, раздражается, шумитъ; это рассказывалъ мнѣ одинъ Исаакіевскаго собора священникъ. Объ отношеніяхъ его къ Виленской кафедрѣ не слыхалъ. Преосв. Іосифъ Ковенскій во время хиротоніи въ Петербургѣ понравился, какъ человѣкъ ловкій, осторожный, приглядывающійся.

Архіепископъ Василій, членъ Синода, имѣетъ значеніе личности, занимающей одинъ изъ ступеней за Синодскимъ столомъ; на него, говорятъ, мало обращаютъ вниманія; однакоже онъ возвышаетъ свой голосъ и въ моемъ дѣлѣ былъ мнѣ полезенъ; сказываютъ, что онъ сталъ теперь весьма тароватъ: домашняя постановка его (это я самъ видѣлъ) теперь совершенно прилична; въ отношеніи къ низшей братіи старается подлаживаться благостью, всѣмъ рассказывая синодскія закулискости; за обѣдомъ у митрополита, въ день моей хиротоніи, больше молчалъ, за то, вышедши изъ-за обѣда къ преосв. Тихону, тамъ далъ уже волю своему языку, безконечному теченію рѣчи. Преосв. Никанора Туль-

скаго вызвали въ Синодъ, какъ Туляка (Туляки митрополить и В. Д. Бажановъ). Какъ идутъ теперъ дѣла, можно судить по тому, что на мѣсто ректора Казанской Академіи нашли, именно въ Тулѣ, трехъ способныхъ кандидатовъ, ректора и инспектора Семинаріи и даже смотрителя Д. Училища (всѣ трое протоіереи), и преосвященному Антонію внушено было, стороною, тайно, поспѣшить указать своихъ кандидатовъ, иначе была опасность, что поспѣшатъ назначить какаго-либо Туляка. Чтò сказать о личности преосв. Никандра? Личность благообразная, уже сѣдая борода лопатою, большая и сѣдая. Сѣрдца добраго (такое на меня произвелъ впечатлѣніе), характера благодушнаго, ума быть можетъ, и практическаго, но не широкаго и тѣмъ менѣе глубокаго. Онъ товарищъ преосв. Антонія по Академіи, или лучше представить его собственныя слова: «Вѣдь я ему товарищъ. Люблю его смертельно. И монахъ онъ хорошій. Но что же такъ? Зачѣмъ дѣлать себя попечителемъ Вселенской церкви? Вѣдь есть небесный Кормчій церкви, Который знаетъ, куда ведетъ ее. Такъ намъ-то какъ пристало вмѣшиваться въ Его планы? Онъ вѣдаетъ чтò дѣлаетъ». На это я и въ первый разъ, когда онъ былъ добръ (ко мнѣ заѣхалъ) и во второй, когда я отвозилъ ему благодарственную по хиротоніи икону, при Синодскомъ оберъ-секретарѣ Крыловѣ, возражалъ: «Такъ-то такъ, ваше преосвященство.... Небесный Кормчій, это вѣрно.... Но Небесный Кормчій Самъ же говоритъ, что когда Онъ придетъ второе на землю, то едва обрящеть вѣру: вѣрующихъ будетъ немного». — «Но вѣдь ихъ теперъ еще много; ничто существенное не трогается?» — «Я не говорю, что вѣрующихъ теперъ мало; напротивъ, много. Но тотъ же Небесный Кормчій говоритъ, что къ Нему на судъ явится немало людей, которые скажутъ: «Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, не въ Твое-ли имя творихомъ то-то и то-то? Господи, Господи! Отверзи намъ». Онъ же речеть имъ: аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ.... Ничто существенное не трогается. Г. оберъ-прокуроръ есть истинный министръ; онъ поситъ на своихъ плечахъ голову дѣйствительно-министерскую. И при Петрѣ существенное начало не трогали, т. е. говорили, что не трогаютъ. Однакоже послѣ Петра церковь въ своемъ бытіи радикально измѣнилась. Теперешнія же церковныя реформы забираютъ чуть ли не шире, врываються въ положеніе церкви чуть ли не глубже, чѣмъ Петровскія. Сознавая или не сознавая, къ чему стремятся, они (ясно) дѣйствуютъ въ духѣ вѣка и міра сего. Въ концѣ его реформъ свѣтится секуляризація церкви.... Удивительно ли, что такому результату понимающіе не вполне сочувствуютъ и возвышаютъ свой голосъ? Вѣдь графъ—не Петръ I-ый, а министръ XIX вѣка; но и противъ того ставали. Такъ чему же онъ графъ Толстой изумляется, слыша, что нѣ-

которые возвышают свой голосъ противъ его реформъ, очень широкихъ, надо сознаться?... Преосв. Антоній теперь одинокъ, никто его не поддерживаеъ, надъ нимъ подшучивають, ему отвѣчаютъ грозою.... Но и при Петрѣ I смиренная оппозиція пряталась въ монастырскомъ уединеніи. Святитель Димитрій Ростовскій, святитель Митрофанъ; а имъ-то и кланяется Русская земля. А тѣ которые при Петрѣ орудовали, Теофаны, Феодосы, не слишкомъ-то блистательную память по себѣ оставили и славу заслужили. Да и кончили не хорошо».... Между прочимъ я досконально узналъ, что на одну изъ бумагъ, писанныхъ преосв. Антоніемъ Казанскимъ, графъ такъ озлился, что въ Синодѣ заявилъ, что эту бумагу слѣдовало бы провести чрезъ III Отдѣленіе, прямо въ правительственныхъ нашихъ сферахъ предметъ названъ по имени, что графъ дѣло преосвященнаго Антонія не доведетъ до конца, т. е. до отставки, а развѣ самъ преосв. Антоній доведетъ свое дѣло до послѣдней крайности; всякая подписанная имъ бумага бываетъ исписана графскимъ карандашомъ, и на этой канвѣ вышиваются опредѣленія Учебнаго Комитета и самаго Синода. Каковъ графъ въ обращеніи съ духовными чинами, можно видѣть изъ обстоятельства, что назначенный изъ ректоровъ Витебской Семинаріи въ ректора Казанской Академіи и проѣзжая черезъ С.-Петербургъ, я расписался въ графской швейцарской, но прождавъ послѣ этого трое сутокъ въ С.-Петербургѣ, не былъ удостоенъ сіятельнаго лицезрѣнія. Оберъ-прокуроръ Свят. Синода не полюбопытствовалъ увидѣть челоуѣка, назначеннаго ректоромъ Академіи, хотя сей ректоръ Академіи расписался у него даже не въ передней, а просто въ швейцарской. И на этотъ разъ, назначенный изъ ректоровъ Академіи въ епископа-викарія Донского, я расписался въ швейцарской графа, но опять не былъ удостоенъ сіятельнаго лицезрѣнія; а что всего замѣчательнѣе, графъ не удостоилъ даже замѣтить, что нареченный викарій Донской у него расписался; это видно изъ того, что, сдѣлавъ митрополиту Исидору честь, какой отъ графа для первосвященника Русской Церкви не ожидали (заѣхать къ нему проститься передъ отъѣздомъ своимъ за границу), когда митрополитъ ему сказалъ, что вотъ у насъ будетъ хиротонія, графъ только спрашиваетъ: «Кого же это хиротонисать?»—«Да Никанора, бывшаго ректора Казанскаго».—«Да развѣ онъ здѣсь»? Митрополитъ послѣ и замѣчаетъ мнѣ: «Отчего же вы не были у графа?» Не знаю, какъ ему могла въ голову придти такая мысль, что я способенъ къ такой, совершенно немислимоу, дерзости. «Нѣтъ, в. в. я имѣлъ честь быть—расписаться у графскаго швейцара», смиренно отвѣтствовалъ я въ свое оправданіе. Вообще, теперь графъ въ такомъ положеніи, что Государь, освободитель, преобразователь, радъ, что нашелъ въ немъ реформатора и церкви

ну и реформируетъ. И нельзя сказать, что худо! Онъ дѣйствительно министръ, министръ въ духѣ Комитета Министровъ, въ духѣ высшаго свѣтскаго круга, въ духѣ государственномъ, который стремится подчинить себѣ духъ церковный, въ духѣ вѣка сего и міра сего, въ духѣ того великаго, многоопытнаго и дальнозоркаго министра, который, изучивъ ходъ міровыхъ и церковныхъ судебъ, въ продолженіе вотъ уже тысячелѣтія преискусно, предельновидно и прямо направляетъ дѣла борьбы противъ церкви и ея обособленности отъ міра. Валуевъ говорилъ: «Я не хочу умереть, не увидѣвъ Русскихъ священниковъ въ цивильномъ платьѣ». Ничего существеннаго они не трогаютъ.... Но дай мнѣ стриженные волосы, фракъ или сюртукъ и пальто или шинель, я не пойду въ театръ, быть можетъ, но заберусь еще куда-либо очень вѣроятно. А теперь увы! и пошелъ бы, да нельзя: узнаютъ, пальцами станутъ показывать, грязью Русскій народъ закидаетъ. Ничего существеннаго не трогаютъ.... Но этотъ склонъ администраціи къ секуляризаціи церкви уже и являетъ нѣкоторые плоды въ томъ, что Полищевъ, Васильевъ и Янышевъ не отрачиваютъ себѣ длинныхъ волосъ; а другіе изъ духовенства, напримѣръ, старикъ протодіаконъ Оболенскій стали до коротня стричь волосы головы и бороды. И Оболенскій не единственный примѣръ. Я видѣлъ въ церкви С.Петербургской Д. Академіи діакона, у котораго волосы подрѣзаны до скобки, отъ уха до уха, а бородка прилично по Петербургской картинкѣ подстрижена. Вотъ сію минуту вваливаютъ въ мою смиренную резиденцію, кажется, счетомъ 12 мальчугановъ, учениковъ Усть - Медвѣдскаго Д. Училища; одинъ постарше начинаетъ держать рѣчь: «Ваше преосвященство! Вотъ мы всѣ ученики такого-то училища».—Всѣ духовные?—«Да всѣ наши усидія употребляли. Теперь ѣхали сюда въ Семинарію держать экзаменъ. Насъ не приняли».—«Сколько», я спрашиваю, «здѣсь въ Семинарію могли принять по штату»?—40 человекъ.—«А сколько держали экзаменъ?»—42. —А сколько приняли?—16 человекъ. — Гм... — «Теперь мы всѣ не знаемъ, что съ собою дѣлать. Нѣкоторые даже въ такомъ положеніи, что не на что воротиться. Нѣкоторые—сироты, а другіе—дѣти дьячковъ»... Что жъ я могъ сказать имъ въ утѣшеніе? Вотъ сіи юноши, имѣя атестатъ объ окончаніи курса въ Духовномъ Училищѣ, не знаютъ, куда дѣваться. Ясно, что у нихъ, какъ и у родителей ихъ, явится вопросъ: къ чему же пригодно духовно-училищное образованіе, къ чему пригодны и самыя духовныя училища, когда они не открываютъ никакого, а запираютъ всѣ выходы въ жизнь? Калужское и Московское духовенство, слышно, уже поставили этотъ вопросъ (какъ и Виленское духовенство) официально и просятъ, чтобы духовныя училища ихъ мѣстностей были преобразо-

ваны въ прогимназіи. Я говорилъ власть и интеллигенція имущимъ въ С.-Петербургѣ: «въ Западной Европѣ это капиталный вопросъ между Католическою церковью и радикальною кликою о правѣ воспитанія народа; церковь хочетъ воспитывать народъ въ духѣ клерикальномъ, радикалы хотятъ—въ духѣ радикальномъ. Церковь ведетъ изъ-за этого вопроса великую борьбу. Мы же не доросли не только до постановки, но даже до пониманія этого вопроса. Попробовалъ было поставить его въ печати въ «Христіанскомъ Чтеніи» свѣтскій человекъ, А. И. Предтеченскій; но оберъ-прокурору достаточно было съѣздить по шапкѣ І. Л. Янышева, т.-е. два года не давать ему митры, чтобы уничтожить и малѣйшій запахъ этого вопроса. До сихъ поръ наша церковь, т.-е. духовенство, имѣли право воспитывать въ церковномъ духѣ хотя своихъ собственныхъ дѣтей. Теперь и это совершенно натуральное право у нихъ отнято: можно воспитывать въ нашихъ школахъ только горсточку, извѣстную норму нашихъ собственныхъ дѣтей; остальные же иди куда хочешь на всѣ четыре стороны»... «Вы ясно», говорилъ я, «стремитесь слить наши заведенія, академіи и гимназіи съ университетами и подчинить церковное воспитаніе свѣтскому контролю Министерства Народнаго Просвѣщенія».—«Да, эта цѣль сознана», спокойно отвѣчаютъ мнѣ.—«Вы радуетесь», говорилъ я протоіереемъ, «что васъ теперь ставятъ на мѣсто монаховъ. Не радуйтесь! Ужели вы думаете, что когда станутъ вѣшать насъ, то васъ будутъ падить и обѣгать? Ужели вы думаете, что когда не станетъ насъ, монаховъ, то вы начнете царствовать, ну хотя бы въ нашихъ школахъ, 50 лѣтъ? Ужели въ обществѣ, вы думаете, долго не родится вопросъ о томъ, что для успѣха дѣла безразлично, протоіерей ли будетъ ректоромъ Семинаріи или благоговѣйный свѣтскій мужъ?»—«Да, этотъ вопросъ о затруднительности находить ректоровъ изъ протоіереевъ уже поставленъ», хладнокровно отвѣчаютъ мнѣ; «говорятъ уже, что не только нужно, но и можно ставить ректорами свѣтскихъ начальниковъ-магистровъ». — «Наконечъ, мнѣ какъ-то сомнительнымъ представляется прерогативъ ректоровъ семинарій при существованіи свѣтскихъ ревизоровъ», замѣчаю я, «вотъ по моему истинные уполномоченные ректоры семинарій».—«Да графъ», спокойно отвѣчаютъ мнѣ, «къ тому же и стремиться, чтобы ректоры семинарій какъ можно меньше для дѣла значили». Сегодня вотъ (Августа 16-го 1871 г.), я читаю въ «Духовной Бесѣдѣ» утвержденное Государемъ опредѣленіе Свят. Синода объ открытіи при Духовно-Учебномъ Комитетѣ еще двухъ (вромѣ бывшихъ трехъ) должностей членовъ-ревизоровъ. Около Пасхи и позже былъ въ Казани членъ-ревизоръ Зинченко, ревизовавшій Казанскую семинарію. Ученикъ архіеп. Казанскаго Антонія по Кіевской Духовной Академіи, онъ отнесся въ

Казани къ преосв. Антонію весьма почтительно и, казалось, благопокорно и довѣрчиво; по крайней мѣрѣ, Антоній выражалъ и къ нему свое довѣріе и другимъ на его счетъ полную свою увѣренность въ его благонамѣренности. Оказалось же по справкѣ, что онъ секретно отъ преосв. Антонія, съ Ильминскимъ и свящ. Маловымъ обработалъ порученіе графа о раздѣленіи крещено - татарскихъ приходоу Казанской епархіи, совершенно вопреки видамъ преосв. Антонія. Я и спрашиваю въ Петербургѣ: «Да какъ же это такъ? Въ Казани являлъ знакъ малаго ягненка, такъ глубоко преданнаго своему воспитателю преосв. Антонію, а здѣсь у васъ дѣлаетъ нѣчто совершенно противное его видамъ?»—«Странный вы человекъ», возражаютъ мнѣ, «здѣсь отъ графа зависитъ все его положеніе, весь хлѣбъ и хорошій хлѣбъ. Недавно онъ получаетъ отъ графа награду денежную, тамъ чинъ не въ пору, тамъ орденъ на шею, тутъ въ дорогѣ, догоняетъ его тотъ же орденъ уже съ короною; теперь ему захотѣлось поѣхать на вакансію, но такъ, чтобы не терять служебныхъ преимуществъ, ему выдумываютъ якобы неотложное служебное порученіе, даютъ на проѣздъ деньги. Такъ какъ же, чудака вы этакій! промѣнять Зинченкѣ графа на Антонія?» Юридическій Комитетъ при Синодѣ будетъ; это будетъ, сколько я понялъ, нѣчто похожее на настоящій Учебный Комитетъ. «Учебный Комитетъ», такъ выражаются въ Петербургѣ, «это Синодъ по учебнымъ дѣламъ». И странно, что Синодъ соперничаетъ съ Комитетомъ..

Вотъ, нарочно, въ пику Комитету возьметъ да и передѣлаетъ какое-либо наше распоряженіе! Но они дѣла не знаютъ; дѣло воротится къ намъ же. Мы по всѣмъ пунктамъ его разработаемъ, да и снова въ Синодъ, а они и остаются съ носомъ. Гдѣ же имъ съ нами тягаться?» Но Юридическій Комитетъ даже номинально, а не только реально, будетъ нѣчто болѣе самостоятельное, чѣмъ Учебный Комитетъ, такъ что за Синодомъ останется, кажется, только право кассации. «Кто же будетъ засѣдать въ этомъ Комитетѣ?»—«Кто? М. И. Богословскій, Янышевъ, юристы».—«Ну, а архіереи не будутъ?»—«А зачѣмъ бы они тамъ были нужны? И безъ нихъ легко дѣло обойдется».—«Такъ насъ по церковнымъ канонамъ будутъ судить фрачники?»—«Ну ужъ и по церковнымъ канонамъ... На основаніи законовъ.—А фрачники?—Да развѣ теперь не они же васъ судятъ?»—«Господи, къ чему все это вѣдетъ?!»—«Къ чему вѣдетъ?»—«Да, къ чему вѣдетъ?»—Улыбаюся.—«Да вѣдь это вы сдвигаете церковь съ ея основъ!»—«А зачѣмъ бы ей быть вѣки вѣчные недвижимою на стародавнихъ ея основахъ? Нѣкоторое движеніе впередъ весьма желательно».—«Да вы все это дѣлаете никого не

спросясь, во имя монархическаго принципа, во имя самодержавія». — «Да во имя самодержавія». — «Да церкви, да Православію монархическій принципъ столько обязанъ, какъ и само государство». — «Ну, это еще вопросъ». — «А теперь вы созидаете для будущаго элементы борьбы и логически приводите самый консервативный элементъ въ государствѣ къ позыву становиться на сторону противниковъ принципа». — Улыбаются и говорятъ: «не велика бѣда». — «Да понимаетъ ли все это, графъ? Я слышала отзывъ весьма почтенныхъ и образованныхъ людей: отзывъ о немъ, что онъ только переодѣтый Головинъ, или даже Чернышевскій въ министерскомъ мундирѣ...

И вы хотите, чтобы академіи наши, семинаріи, училища были подъ одною кровлею съ университетомъ, гимназіями, подъ деспотическимъ господствомъ вчера Головина, сегодня Толстого, а завтра того же Головина или другого подобнаго?! — «Будутъ», отвѣчаютъ улыбаясь. — «Ужели у васъ никто этого не видитъ, никто не возражаетъ?» — «И видятъ немногіе, а возражать кому охота? Да и какой толкъ? Ничего не подѣлаешь, а себѣ непріятностей наживешь».

Что сказать о вліяніи на дѣла В. Б. Бажанова и І. В. Рождественскаго? Не усмотрѣлъ я ни откуда, чтобы они даже хлопотали, чтобы ихъ вліяніе было сильно. Іоаннъ Васильевичъ не прочь даже отъ деспотическихъ замашекъ, да чтобы въ личномъ къ нему уваженіи не манкировали. Якобы воцаряется поповскій элементъ съ упадкомъ или даже устраненіемъ монашескаго, они и довольны: цѣли ихъ жизни достигнуты. А что изъ этого вообще выйдетъ? О! это «вѣдаетъ Небесный Кормчій», какъ говоритъ пр. Никандръ Тульскій.

11-го Іюля были именины Ольги Васильевны Чистовичъ; на обѣдъ къ ней отправились два архіерея, Павелъ Кишиневскій и Тихонъ Выборгскій; а я, такъ какъ въ этотъ день служилъ литургію въ Исаакіевскомъ соборѣ, пріѣхалъ въ Ораніенбаумъ уже на 4-часовомъ поѣздѣ, въ 5 часовъ, когда почтенные гости сидѣли уже на диванчикѣ и кругомъ его на креслахъ въ послѣобѣденномъ состояніи. Ну, говоръ, для котораго и я, мой приходъ, мой видъ подали имъ неистощимую и шикарную тему. Да, я и забылъ сказать, что предсѣдательствовалъ здѣсь и предводительствоваъ разговоромъ Василій Борисовичъ. Къ 7 часамъ почтенные гости стали подниматься къ исходу на поѣздъ, такъ какъ другой послѣ 7 часовъ поѣздъ имѣлъ отойти только въ 10 часовъ. Василій Борисовичъ и напалъ на архіереевъ, зачѣмъ они въ клобукахъ и съ панагіями: «Ужели вы никакъ не можете отвыкнуть быть чучелами и развѣзжать пугалами человѣческаго рода?!» Тѣ

оправдываются, что мы-де и «сами стѣсняемся, но не смѣемъ, боимся владыки» и т. д. «Вѣдь, какъ посмотреть, какъ отнесутся» и т. д.— «Да, замѣчаетъ Василій Борисовичъ въ 1840 г. Синодъ судилъ Архангельскаго архіерея за то, что онъ посѣщаль для осмотра Англійское судно; зачѣмъ-де онъ, православный архіерей, осматриваль еретическое судно»... Вообще же мнѣ показалось, что бѣло-поповскій элементъ вліяетъ на ослабленіе монашеской неприкосновенности правовъ. О Михаилѣ Измаиловичѣ Богословскомъ вызналъ только, что онъ не въ ладахъ съ митрополитомъ и съ Василюемъ Борисовичемъ и всѣмъ Святѣйшимъ Синодомъ по какимъ-то своимъ текущимъ дѣламъ, по всегдашнему своему своеобразію и упрямству. О протоіерейхъ І. В. Васильевѣ и І. Л. Янышевѣ могу сказать больше. Сочувственно объ І. Л. Янышевѣ отзывается одинъ только И. А. Чистовичъ... Разноисточные отзывы другихъ довольно единодушны и даже единогласны. На эти отзывы я замѣчалъ: «когда они воцаряютъ новый принципъ взаимнѣ прежняго, монашескаго, имъ бы поберечь на первыхъ порахъ свою репутацію. У монаховъ начинающихъ были свои натуральные монашескіе грѣхи; у священниковъ-ректоровъ, людей семейныхъ должны быть свои замашки, напримѣръ, замашки пріобрѣтательности, деспотизма. Слѣдовало бы на первыхъ порахъ воздержаться, не торопиться обнаруживаться». Впрочемъ, лично на меня произведено впечатлѣніе далеко неблагоприятное. Когда я прибылъ въ С.-Петербургъ, І. Л. Янышева въ Академіи не было (онъ жилъ съ семействомъ на дачѣ въ Выборгѣ). Уже съ 1-го Іюля иду я по Лаврѣ и огибаю соборъ около большого крыльца; вижу довольно высокую, присогбенную, немножко съжившуюся фигуру священника въ шляпѣ, но со звѣздою.— «Ахъ, Іоаннъ Леонтьевичъ!—Ахъ, ваше высокопреподобіе, о. Никаноръ... Вѣдь мы съ вами однокашники» и пр. Но тутъ, чтобы не повторяться, я долженъ возвратиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, къ нареченію, а потомъ и рукоположенію меня во епископа.

Остановился я на томъ, что я рѣшилъ воспользоваться воскреснымъ днемъ 27 Іюня, чтобы съѣздить въ Ораніенбаумъ къ Чистовичу, въ расчетъ, что въ этотъ день владыка-митрополитъ меня къ себѣ не потребуетъ, тѣмъ болѣе, что еще съ вчерашняго дня, 26-го Іюня, по какому-то обязательному приглашенію, онъ выѣхаль изъ Лавры изъ Петербурга куда-то загородъ на закладку церкви, которая должна была совершиться 27-го Іюня, въ какомъ-то богоугодномъ заведеніи. Въ Ораніенбаумѣ я, съ величайшимъ удовольствіемъ и назиданіемъ, въ обществѣ Иларіона Алексѣевича и ангелоподобной супруги его Ольги Васильевны, провелъ время до 7 часовъ вечера; упрасивали меня, почти

принуждали, остаться до 10 часовъ вечера, но я уперся, выставя на видъ, что неравно владыка-митрополитъ потребуетъ къ себѣ. И дѣйствительно пока я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до С.-Петербурга, оттуда отъ вокзала доѣхалъ на извозчикѣ до Лавры, было уже около 9 часовъ вечера. И лишь только ввалился я въ свою келью и обратился къ своему келейнику съ вопросомъ: «Что, все благополучно?» какъ получилъ въ отвѣтъ: «Все-то все, да то худо, что митрополитъ спрашивалъ». — Давно ли? — Да часовъ около 7. — Нечего дѣлать, лучше теперь сходить». — Пошелъ, но келейники объявили, что владыка, уставши съ дороги, раздѣлся и отдыхаетъ... Пришлось ждать томительнаго завтра. 28 Іюня поутру отправился я по обычаю на раннюю обѣдню въ крестовую. Отсюда около половины обѣдни потребовали къ митрополиту. Вхожу послѣ томительно - проведенной, почти безсонной ночи съ мрачнымъ духомъ: «Что-то скажутъ и что я скажу, если скажутъ что-либо скверное?» Вхожу, поклонился. — «Присядьте... Ну, эту рѣчь можно произнести». Такъ у меня $\frac{3}{4}$ горы съ плечъ долой. Полдѣла сдѣлано, ни горя, ни щекотливаго объясненія не вышло. А рѣчонка-то забористая. Какъ это владыка отважился одобрить?! — «Только вотъ... Тутъ нѣкоторыя замѣчанія; а это вы кого разумѣете — Никандра?» — «Нѣтъ ваше восокопр-ство, Платона». — «А, Платона? А я подумалъ — Никандра, потому что вы въ прежней рѣчи упомянули какъ-то Никандра.... Оставить бы, потому вотъ я и читалъ, не понялъ, а какъ же другіе поймутъ слушая?... Да и что особеннаго онъ сдѣлалъ? Дѣлалъ то, что и другіе. А если вы у него служили, и онъ къ вамъ былъ ласковъ, то это была его обязанность.... Или ужъ если говорить, то прямо назвать бы».... Я поклонился и вышелъ уже другими ногами, не тѣми, какими минуту тому назадъ внесенъ былъ въ эти палаты. Въ ту же минуту отправляюсь къ преосв. Павлу и, торжественно кладя свою рѣчь на столъ, провозглашаю: «Побѣдиша!» 29 Іюня въ день первоверховныхъ Апостоловъ я имѣлъ удовольствіе участвовать при преосв. Тихонѣ въ служеніи литургии. На завтра же, на 30 Іюня (въ Среду) назначено было мое нареченіе.

Тутъ слово о моихъ званныхъ обѣдахъ. Не могу теперь сообразить, въ какой именно день представлялъ я митрополиту списокъ лицъ, которыхъ предполагалъ просить къ малому (по числу лицъ) обѣду въ день моей хиротоніи. Въ день же нареченія я рѣшилъ обѣда не дѣлать. Но когда я заявилъ это рѣшеніе, то къ нему почти всѣ отнеслись, какъ къ ереси, оскорбленію одного изъ Петербургскихъ догматовъ. — «Осудятъ», внушалъ преосв. Павелъ, «здѣсь привыкли. У меня по моемъ нареченіи обѣдало сто человекъ». Чередные внушали тоже.

«Впрочемъ, хорошо, покажите примѣръ; тогда и намъ легче будетъ. А то вотъ тутъ Псаакій дѣлалъ объѣдъ по нареченіи, такъ къ нему набилось всякой всячины, и монахи, и даже послушники. Ну и вышло какъ-то нехорошо». — «Да именно, этого-то я и не желаю, чтобы ко мнѣ набилась всякая всячина. Мой объѣдъ будутъ, если только будутъ ѣсть только тѣ, кого я позову, если только позову. Съ другой стороны я не понимаю и того, съ какой стати прилично торжествовать и праздничать прежде хиротоніи? Тутъ поститься и молиться нужно». Глубже же всего меня до послѣдней минуты смущала мысль: ну, а что какъ да выйдетъ что-либо совершенно-неожиданное, смерть внезапная, или что-либо въ родѣ скандала? Вотъ и попраздновали прежде времени!.. «Не перескочивши ровка, не кажи—гопъ!» гласить Бѣлорусская пословица. Но увѣренность, не смотря на противныя мои увѣренія, въ бытіи объѣда по моемъ нареченіи была такъ велика (уже не говорю о томъ, что мой келейникъ Артемій въ день нареченія въ синодскихъ палатахъ подслушалъ двухъ господъ, разсуждающихъ тихо: «что, братъ, покутимъ сегодня у Никанора»), что отъ своего стародавнишняго, наиболѣе знакомаго съ либеральными склонностями моего духа и ближайшаго его друга протоіерея Заркевича я получилъ черезъ предъявителя посланіе сицевое: «Сей человекъ есть Завитяевъ, онъ же и Александръ Ильичъ. Какъ ты тамъ ни вертись и не оригинальничай, а по нашему соображенію безъ объѣда въ день нареченія тебѣ не обойтись. Ты разсуждай тамъ, какъ хочешь; а вотъ тебѣ на всякій случай человекъ, лучше котораго никто не можетъ сдѣлать ничего подобнаго. Это нашъ кухмистеръ, человекъ честный, добросовѣстный и со вкусомъ» и т. д. Человекъ сей явился ко мнѣ 28-го Іюня. Однакоже, несмотря на убѣдительныя выраженія выше изложеннаго посланія, я объявилъ г. послу, что «въ день нареченія ничего не будетъ, это вѣрно. А будетъ-ли что-либо по нареченіи, это будетъ мнѣ самому ясно въ день нареченія. И потому, если угодно, навѣдайтесь вечеромъ въ день нареченія, 30-го Іюня». Онъ такъ и не навѣдался: такъ охолодилъ его мой рѣшительный тонъ. Для объѣда въ день хиротоніи я представилъ владыкѣ-митрополиту слѣдующій списокъ лицъ:

- 1) Членъ Св. Синода архіеп. Василій. 2) Никандръ, еп. Тульскій.
- 3) Павелъ, еп. Ладожскій. 4) Тихонъ, еп. Выборгскій. 5) Протопресв. В. Б. Бажановъ. 6) Протоіер. І. В. Рождественскій. 7) Протоіер. М. И. Богословскій. 8) Протоіер. І. В. Васильевъ. 9) Д. с. с. И. А. Чистовичъ. 10) Настоятель Исакиевскаго собора, если будетъ подводить къ хиротоніи. 11) Новопосвящаемый.

А предварительно нужно замѣтить, что на счетъ состава лицъ для этого обѣда я совѣтовался съ пр. Павломъ и И. Алекс. Чистовичемъ. Вотъ внушеніе пр. Павла: «Звать ли Василия Борисовича? Нужно вѣдь искать его на дачахъ.—Ужъ коли звать, такъ конечно, звать.—Звать ли І. В. Рождественскаго? Конечно звать, *любочестивъ бо сый владыка*....—Звать ли М. И. Богословскаго?—Вотъ не совѣтоваль бы. Не къ масти будетъ. Со владыкою не въ ладахъ, съ Василюмъ Борисовичемъ не въ ладахъ. Вы ихъ сведете, къ добру ли?—Звать ли Васильева?—Ахъ, не надо-бы.—Иларіона Алексѣевича?—Будетъ странностію. Тѣже вопросы предлагаю Иларіону Алексѣевичу, между прочимъ: «Звать ли Михаила Измайловича» — «Вотъ ужъ если кого, то именно его: вотъ ужъ этотъ человѣкъ всегда и безусловно на вашей сторонѣ».. — «Я хочу васъ внести въ списокъ.—Напрасно, ничего не выйдетъ».. — Прихожу со спискомъ къ владыкѣ-митрополиту. Разсматриваетъ:.. «ну зачѣмъ Бажановъ, Рождественскій?... На дачахъ теперь они.... Подниматься надобно, да и не охотники они до нашихъ обѣдовъ.... Ну, Чистовичъ это зачѣмъ?» — «Мой другъ и товарищъ».. — «Ну вотъ, вы здѣсь служили, позовете его; другіе обидятся, почему-де насъ не позвали, когда его позвали, скажутъ, потому, что зять Бажанова».

Насталъ день нареченія. Главною заботою было вызубреніе рѣчи. На зубреніе я не скупился, тѣмъ не менѣ весьма трусилъ, какъ бы въ волненіи при произнесеніи не сбиться. Особенно же памяти моей и языку не давалась фраза: *«Чувствительность въ членахъ церкви земной уже прослабѣваетъ и кипучее развитіе жизни уже замедляется и охлаждаетъ»*; подчеркнутые глаголы вязли на моемъ языкѣ и непременно спутывались, переставляясь одинъ на мѣсто другого. Но еще больше волновала меня боязнь, какъ бы не впасть въ истерику и не расплакаться, такъ какъ въ послѣдніе годы моей жизни этотъ недостатокъ, слезливость, сталъ моею болѣзнию, такъ что малѣйшее волненіе вызываетъ у меня слезы, волненіе же сильное вызываетъ рыданіе, судороги лица, затрудненіе говора, особенно при богослуженіи или произношеніи. Я почти увѣренъ былъ, что безъ того дѣло не обойдется. Когда настало время отъѣзжать въ Синодъ, я забѣжалъ въ Лаврскій соборъ поклониться моему ангелу, Александру - Невскому, попросить его заступленія, помощи и благословенія; оттуда пошелъ на благословеніе къ пр. Павлу: «Благословите, в. п., большимъ архіерейскимъ крестомъ перекрестите»; и когда сказалъ я эти слова, когда преосвященный поднялъ свою руку перекрестить меня, мое лицо вдругъ передернулось судорогой, и я зарыдалъ.—«Ахъ, Боже мой! Нужно удерживаться». «Я самъ это знаю; да что жъ, когда не могу? А тутъ еще

цѣлую ночь не спалъ; послѣ бессонницы со мной всегда бываетъ хуже, нужно выплакаться. Впрочемъ, это хорошо, что здѣсь случилось, послѣ будетъ легче; жаль только, что мало выплакался. Уже съ ночи слезы къ горлу подступали». Поѣхалъ, прибылъ въ Синодъ въ 11½ часовъ; оказывалось, что митрополитъ былъ уже въ Синодѣ. Въ этотъ день, 30 Іюня, синодалы служили панихиду въ Петропавловскомъ соборѣ по императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ; Василій Борисовичъ, обязанный служить панихиду для членовъ царской семьи, такъ и не былъ на моемъ нареченіи. Сталъ собираться людъ. Мы были, какъ водится, въ Синодальной церкви. Подходить ко мнѣ тотъ, другой; со всякимъ раскланяться, всякому слово сказать нужно. Товарищи замѣтили, что это меня волнуетъ, и стали останавливать подходящихъ, что бы не тревожили меня. Состояніе моего духа было самое томительное изъ всѣхъ состояній, какія приводилось мнѣ въ жизни пережить. Чтобы не волноваться, чтобы нервы были деревянные, я раза три прибѣгалъ къ каплямъ (смѣсь лавровишневой воды съ белладонною), которыя имѣю при себѣ всегда, именно отъ нервовъ. Между другими подходит раскланяться протоіерей І. В. Васильевъ. Здѣсь я воспользовался случаемъ попросить его, чтобы и онъ сдѣлалъ честь моему обѣду въ день моей хиротоніи.—«Знаете что», говоритъ онъ почти буквально словами митрополита, «не очень-то мы охочи до этихъ вашихъ обѣдовъ. На дачѣ живемъ, подниматься нужно... Да еще *рыбою вашею накормите*... Нѣтъ ужъ, Бога ради примите мое благодареніе такъ, какъ бы я съѣлъ вашъ обѣдъ.... А вотъ духовнаго обѣда, духовной пищи мы ждемъ отъ васъ», намекая на предстоящую рѣчь. Этотъ отказъ отъ обѣда развязалъ мнѣ руки въ томъ смыслѣ, что другихъ я уже и не рѣшился затруднять даже моею просьбою.

Томительное ожиданіе продолжалось какъ разъ до 1½ часа. Вотъ по обычаю появился предвѣстникъ отверстія дверей въ присутствіе Синода, оберъ-секретарь, онъ же и правящій должность директора, Павловскій. Наконецъ, милосердія двери открылись. Смотрю въ глубь залы: народъ, свѣтло и пр. День былъ превосходный, свѣтлый, знойный. Вотъ пошли изъ алтаря въ присутствіе діаконъ и протодіаконъ Оболенскій; потомъ протоіереи, настоятель Исаакіевскаго собора Лебедевъ и мой воспитатель по С.-Петербургской Семинаріи. (За ключаря крестъ на блюдѣ несетъ товарищъ, священникъ Платонъ Петровичъ Травлинскій, В. П. Полисадовъ; пошли чередные архимандриты Палладій Могилевскій и Іустинъ Ярославскій; возвратились, повели меня. Нужно ходить кругомъ Синодскаго стола, брать благословеніе. Дѣло облегчено было тѣмъ, что справа сидѣлъ одинъ митрополитъ Исидоръ,

а слѣва всѣ остальные и тѣхъ всѣхъ только трое: архіеп. Василій, Никандръ Тульскій и Іоаннъ Васильевичъ. Я взялъ предусмотрительность надѣть сапоги, которые сдѣланы мнѣ были еще въ 1865 г. въ Витебскѣ; въ 1871 года они пригодились тѣмъ, что, сдѣланные щегольски, они избавили меня отъ необходимости стучать по паркетному полу Синодскаго присутствія. Оберъ-секретарь Павловскій прочиталъ свое обычное: «Всечестный отецъ архимандритъ Никаноръ»... Митрополитъ возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ»... Запѣли. И пѣли всего только архіеп. Василій и Іоаннъ Васильевичъ; да и то настоящимъ порядкомъ, добропорядочнымъ обработаннымъ басикомъ пѣлъ только Іоаннъ Васильевичъ; преосвященный же Василій, глуховатый отъ старости, пѣлъ не только не въ тонъ, но и не въ попадъ его словамъ. Рѣчь. Прямо противъ меня стояло на концѣ большое зеркало, которое мѣшало мнѣ видѣть стоящихъ за столомъ. Я сдѣлалъ шагъ назадъ и началъ голосомъ чистымъ, звучнымъ. Шло добропорядочно до словъ: «буди благословенна долготерпѣливая, хриstopодобная любовь всѣхъ васъ, мои отцы, мои воспитатели и братья».... Тутъ я поклонился на три стороны; но когда сталъ прямо, приступъ волненія и настойчивость сдержаться разрѣшились такою борьбою, что я почувствовалъ, что дрожу и падаю; нужно было ухватиться за что-либо, за близъ стоящихъ людей..., но два шага впередъ, чуточку въ сторону отъ зеркала, и я— оперся на Синодскій столъ, сдержался, продолжалъ говорить почти не останавливаясь, отступилъ назадъ на мѣсто и кончилъ съ небольшою судорогой нижней челюсти, которую поддерживалъ рукою. Въ крайнемъ смущеніи пошелъ опять на благословеніе... Народъ справа стоялъ до кресла митрополита; кто тутъ былъ, я не смотрѣлъ и не видѣлъ. Слѣва за оберъ-прокурорскимъ столомъ сидѣло и стояло много людей; между стоящими я разглядѣлъ Васильева и Чистовича со звѣздою. Когда я двинулся отъ стола въ алтарь, навстрѣчу мнѣ поднялся Толстой Юрій; я благословилъ его въ смущеніи и спрятался поскорѣе въ алтарь. Между поздравителями профессоръ Казанской Духовной Академіи Николай Ивановичъ Ивановскій здѣсь же поздравилъ меня слѣдующею фразою: «поздравляю съ впечатлѣніемъ... съ произведеннымъ впечатлѣніемъ».

Тутъ же поистинѣ не $\frac{2}{3}$ горы; а чуть не цѣлая гора съ плечъ свалилась.

Остатокъ дня довольно весело и не безъ приключеній провели мы въ большой компаніи: преосв. Павелъ, И. А. Чистовичъ, I. Г. Заркевичъ, о.о. Палладій и Іустинъ и я. Къ преосв. Павлу подѣхалъ къ

вечеру М. И. Богословскій, а ко мнѣ тоже не кстати пришла сестра Александра Савишна Лонгенъ съ нарочно прѣхавшимъ изъ Гельсингфорса братомъ Михаиломъ Савичемъ Андруцкимъ. Выходитъ, что человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, а пожалуй еще третій дѣйтель толкаетъ. Предполагалось плакать и молиться въ этотъ день, а вышло, что и веселье духа, и благость, и разныя случайности привели къ довольно усерднымъ возліаніемъ шампанскаго въ честь боговъ языческихъ. И еще слава и благодареніе Богу!

На другой по нареченіи день, именно въ Четвергъ 1-го Іюля, случайно встрѣтилъ я, на Лаврскомъ дворѣ, какъ выше упомянуто, І. І. Янышева, котораго предполагалъ отсутствующимъ. Вечеромъ часамъ къ шести я пошелъ въ Академію сдѣлать ему визитъ. Иду и слышу въ Академической церкви звонъ. Чтò такое? Оказалось, что въ Академіи скончался отъ холеры кончившій курсъ студентъ, который готовился въ доценты. Это звонили къ выносу и ко всеобщей. О. ректоръ былъ уже въ церкви, куда и я пошелъ. Въ церкви кое-что постарѣло, кое-что перемѣнилось. Ректоръ самъ стоялъ и пѣлъ со студентами на клиросѣ. Служба Божія идетъ прекрасно, чтеніе разумное, пѣніе стройное, хотя хоръ по случаю вакансіи былъ и не въ сборѣ. Къ концу всеобщей я поспѣшилъ сдѣлать поклоненіе и инспектору Академіи Кириллу Ивановичу Лучинскому, моему бывшему наставнику. Но только лишь разговорился съ нимъ, сюда вошелъ и о. ректоръ. Хозяинъ усадилъ насъ за чайный столъ, и потекла бесѣда самая оживленная. Сознаться должно, что Іоаннъ Леонтьевичъ говоритъ мастерски. Къ крайнему, и кажется не моему только, а общему всѣхъ трехъ собесѣдниковъ, сожалѣнію, мнѣ необходимо было прервать бесѣду въ 8 часовъ, потому что я назначилъ въ этотъ день, въ этотъ часъ, свиданіе моему ближайшему знакомому и другу по Саратову Николаю Александровичу Мордвину, котораго дѣйствительно у себя и нашель. Тутъ, между прочимъ, о. ректоръ Академіи предложилъ мнѣ, или точнѣе, довольно настойчиво попросилъ напечатать мою рѣчь при нареченіи во епископа въ «Христіанскомъ Чтеніи», чтò, конечно, я принялъ не безъ удовольствія, сказавъ о. ректору, что «предлагать рѣчь для напечатанія съ моей стороны было бы нескромностію, но если вамъ угодно, то я съ удовольствіемъ принимаю эту честь».

На завтра 2-го Іюля въ Пятницу самолично понесъ я къ нему свою рѣчь, но опять не засталъ дома, такъ какъ онъ уже ушелъ въ церковь служить литургію. Во время обѣдни мы могли перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами только во время причастанія. Вручивъ

мою рѣчь, я предварилъ, что она тенденціозна и что «именно вашему высокопреподобию, именно въ вашемъ журналѣ, быть можетъ, было бы неловко напечатать эту рѣчь», разумѣя въ ней тенденціозный монахофильскій оттѣнокъ. «О», великодушно возразилъ о. ректоръ, «я къ этимъ вещамъ отношусь совершенно объективно».—«Еще я всепокорнѣйше прошу ваше в—добіе, если обстоятельства задержать васъ въ С.-Петербургѣ до Воскресенья, сдѣлать мнѣ честь и удовольствіе подвести меня къ хиротоніи».—«О, съ величайшимъ удовольствіемъ, за честь себѣ поставлю» и т. д. Литургія совершалась весьма чинно. Въ богослуженіи онъ немножко манеренъ, однакоже весьма приличенъ. Когда по окончаніи литургіи пошли они изъ алтаря на средину церкви на отпѣваніе, я пошелъ боковою алтарною дверью изъ церкви; но, поровнявшись къ главной входною въ церковь дверью, вижу что-то необычное. Приглядываюсь. Вижу, что о. ректоръ, вышедши изъ царскихъ вратъ, сталъ ближе къ правому клиросу противъ иконы Спасителя лицомъ къ народу; дальше противъ царскихъ вратъ и до лѣваго клироса расположились, какъ располагаются въ Пасху для христосованія, прочіе священнослужашіе, два священника и два діакона, тоже лицомъ къ народу, стоятъ и молчатъ. Прислушиваюсь; оказывается, что о. ректоръ почти шопотомъ говоритъ рѣчь. Что-жь это за рѣчь? Нѣчто до изумительности необычное. Во-первыхъ, шопотъ, возвышающійся до взрыва голоса; во-вторыхъ, совершенно спокойная неподвижная постановка тѣла, вдругъ оканчивающаяся сильными порывистыми жестами; никакого аналога предъ проповѣдникомъ, никакой тетрадки; рѣчь совершенно кабинетная, домашняя, разговорная... Родная наша Академія произвела на меня странное, скажу болѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже грустное впечатлѣніе. Напр., звоню въ квартиру ректора, встрѣчаетъ и провожаетъ баба, старуха, изъ кухни, замаранная. Звоню въ квартиру инспектора: открываетъ дверь смазливая чопорная дѣвчонка въ родѣ зайчика съ вертящеюся головкой; входя въ залу, ищу св. икону, чтобы перекрестить свой лобъ, увы! на мѣстѣ, гдѣ глаза прежде привыкли видѣть св. икону, вижу трюмо отъ потолка до полу, и послѣ въ цѣлой квартирѣ ни одной даже самой маленькой иконки, а вмѣсто того на стѣнахъ прекрасныя картины вакханокъ, бьющихъ въ бубенъ цыганокъ, на окнахъ занавѣси, на дверяхъ драпри вмѣсто старинной, суровато-монашеской простоты. Подъ окнами Академіи вижу нововыращенныя, изящно подстриженныя куртины и цвѣтники, но иду въ садъ и вижу, съ сердечною грустью вижу, что эти старинныя аллеи деревень, подъ которыми выросло столько серьезно мыслящихъ поколѣній, высыхаютъ погально, такъ что старый академическій садъ черезъ какихъ-либо

10 лѣтъ, не болѣе, совершенно вымретъ. Вотъ, по-истинѣ, тутъ шевельнулось въ моемъ сердцѣ чутье, одно изъ тѣхъ, которыя привыкъ я считать за вѣщія: умираетъ прежній принципъ... Посмотришь, въ Лаврѣ еще болѣе старыя аллеи, липы и березы, которыя были почти такъ же, какъ теперь, толсты, еще въ ту далекую пору, когда я гулялъ подъ ними еще мальчикомъ-семинаристомъ въ 40-хъ годахъ; онѣ и до сихъ поръ еще зелены, и прочны, и многолиственны, и привѣтливо-тѣнисты; тутъ также крѣпкая историческая жизнь, которою и Лавра и Русь жили вѣка. А въ Академіи садъ сравнительно молодой зачахъ, тамъ на него пахнулъ совсѣмъ иной вѣтеръ, тлетворный Самумъ, быть можетъ для новой жизни и благотворный вѣтеръ, но для старой, для жизни духа нашего и всѣхъ предшествующихъ поколѣній, мертвящій вѣтеръ... Простите, кому не понравится, но такъ.

Внушено мнѣ было, что поутру въ Субботу 3-го Юля, наканунѣ хиротоніи, нужно идти ко владыкѣ за благословеніемъ. Тотчасъ послѣ ранней литургіи я и отправился. Говорятъ «въ садъ пожалуйте, владыка тамъ, чай кушаетъ». Иду въ садъ къ особому домику. Говорятъ: «подождите». Походилъ по саду съ полчаса. «Пожалуйте». Въ домикѣ обширная комната на дачный манеръ. На диванчикѣ за большимъ столомъ сидитъ владыка въ подрясникѣ. Благословилъ.—«Присядьте-ка. Что это у васъ, отчего вы на нареченіи пришли въ такое волненіе?»—«Совѣстно сказать, но должно сознаться, что я подверженъ слабости нервовъ и особымъ нервнымъ припадкамъ. Малѣйшее волненіе и меня кидаетъ въ слезы. Тутъ, при произнесеніи рѣчи я употреблялъ крайнія усилія, чтобъ не расплакаться. Вдругъ отъ волненія почувствовалъ, что дрожу и готовъ упасть. Нужно былъ ухватиться за людей. Но думать тутъ некогда было, и я оперся въ столъ».—«Ну, знаете, лѣченье нужно, купанья, что-ли употреблять, чтобы укрѣпить нервы. А то съ годами это будетъ дѣлаться хуже. Я расскажу вамъ случай. Въ такихъ-то годахъ былъ въ Уѣбъ преосвященный Михаилъ. Съ нимъ это было. Да какъ? Вотъ онъ готовится къ службѣ, пришелъ въ церковь, облачился.... И вдругъ говоритъ: «Не могу».... разоблачается и уходитъ. Или даже иногда прочитаютъ часы, иногда дойдетъ дѣло до малаго входа, а далѣе—«не могу.... Сдѣлается трясеніе, нападетъ малодушіе». Бился, бился бѣдный и вынужденъ былъ оставить кафедру. А послѣ жилъ еще цѣлыхъ 16 лѣтъ. И со мною случалось: вдругъ за службою волненіе, дрожь, нападетъ какое-то малодушіе, кажется если бъ не оперся о престолъ, то и упалъ бы. Пр. Павелъ, вотъ и молодъ, а тоже подверженъ этому.... Нужно лѣчиться, принимать мѣры. Не то къ старости можетъ быть хуже.... Гдѣ и какъ вы тамъ жить будете въ

Ново-Черкасскъ?»—«Пр. архіеп. Платонъ писалъ мнѣ, что помѣщеніе назначено въ какомъ-то старомъ училищномъ домѣ, который отдѣлываютъ, а временно назначено помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ, помѣщеніе небогатое».—«Не богатое, это что? Я въ Грузіи 12 лѣтъ выжилъ вотъ въ какомъ помѣщеніи: входъ съ улицы въ комнату, величиною такъ въ половину этой комнаты. Тутъ у меня рабочій столъ, пріемная, зала, кабинетъ, и все тутъ; далѣе комната—гостиная, равнымъ счетомъ могутъ сѣсть плечо въ плечо 11 человѣкъ; затѣмъ комната—чуланчикъ съ окномъ кругленькимъ, вырѣзаннымъ въ двери; а потолки такъ высоки, что рукой можно достать. Когда былъ», (забылъ кто, Государь-ли покойный, или Цесаревичъ, нынѣшній императоръ).. намѣстникъ нарочно повелъ его ко мнѣ, чтобы показать, какъ Грузинскій экзархъ живетъ. Но къ сожалѣнію меня не предварили, я уѣхалъ въ контору. Такъ гость и неповѣдалъ мое помѣщеніе. Въ послѣдствіи времени я устроилъ для себя помѣщеніе, стало лучшимъ домомъ послѣ намѣстническаго. Но сначала вотъ какъ жить пришлось, и 12 лѣтъ. Слава Богу, что хоть гдѣ-либо есть пріютиться. Странный городъ этотъ Ново-Черкасскъ. Ничего тамъ не было на памяти еще живыхъ людей, никакихъ поселеній. Пришла фантазія Платову поставить тутъ городъ. На чтобы лучше Аксай? Я былъ тамъ: амфитеатромъ раскинуть по горѣ надъ самымъ Дономъ, торговый пунктъ. Нѣтъ, давай, поставимъ городъ на бесплодной горѣ. Построили, настроили. Оказалось, воды нѣтъ. Городъ и безъ воды! церковей нѣтъ. Давай строить соборъ свѣту на удивленье. Вывели громадное зданіе изъ мѣстнаго камня, который изъ земли вырубается топорами, потомъ на солнцѣ твердѣетъ. Забыли при постройкѣ, что камень этотъ принимаетъ влагу. Камень сѣлъ, и соборъ рухнулъ. Понадобились снова милліоны. Давай строить изъ кирпича. Строили, строили. Опять рухнуло!.. Расколъ тамъ—преосвященный Платонъ писалъ сюда, просилъ прислать ему миссіонера для собесѣдованій. Посылали Пафнутія. Эти собесѣдованія, коли они школьныя, ничего кромѣ зла они не дѣлаютъ. А вотъ проѣхалъ здѣсь Павелъ Прусскій и оставилъ двѣ единовѣрческія церкви. Надо умѣть, какъ за нихъ взяться. Эти мѣры полицейскія, разныя тамъ стѣсненія раскольниковъ ни къ чему онѣ не ведутъ... И къ чему этотъ расколъ приведетъ насъ, это одинъ Богъ святой знаетъ. Въдъ раскольниковъ считается 11 милліоновъ. А тутъ не такъ давно посылали изъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ повѣрить число раскольниковъ въ одной Ярославской губерніи; они и донесли, что явныхъ раскольниковъ $\frac{2}{3}$ всего населенія, а православныхъ $\frac{1}{3}$ всего населенія, да сколько между ними тайныхъ раскольниковъ, это еще неизвѣстно. Единственное средство, какое можно рекомендовать,—это себя и духо-

венство держать въ порядкѣ. А то мы къ сожалѣнію ослабѣваемъ. Взять примѣрно хоть здѣшнее столичное духовенство: старые обычаи забываются. Я получаю кучу писемъ по городской почтѣ, тамъ то, тамъ это, жалуются, что священники забыли, какъ надо перекрестить лицо свое по православному. Я и смотрю, въ Исакиевскомъ соборѣ—кто же? Ключарь, кто его знаетъ, что онъ тамъ такое болтаетъ рукою подъ ризою. Я и говорю ему: «Я съ тебя ризу здѣсь-же сниму, если увижу впередъ, что ты будешь креститься такъ»... Ну Боже благослови. Готовьтесь». Кромѣ этого о современномъ состояніи раскольниковскаго дѣла я узналъ только, что положительно созрѣваетъ мысль дать старообрядцамъ архіереевъ независимыхъ отъ Синода, и что преосвященному Ставропольскому намѣстнику Кавказскимъ данъ выговоръ за то, что при свиданіи съ раскольниковскимъ епископомъ онъ позволилъ себѣ вступить съ его лже-преосвященствомъ въ словопреніе.

Отъ владыки-митрополита я отправился къ архидіакону Валеріану вручить ему нижеслѣдующее расписаніе.

1) Архидіакону Валеріану	25 р.
2) Старшему иподіакону его высокопреосвященства, о. діакону Заозерскому.	20 »
3) Младшему иподіакону.	10 »
4) Хору его высокопреосвященства.	30 »
5) О. іеродіакону Антонію (тому самому, что трудился надъ перепискою моей рѣчи).	4 »
6) Двумъ чиновникамъ (посошнику и книгодержцу).	6 »
7) Письмоводителю его преосвященства, который приносилъ присягу.	5 »

Итого 100 р.

Остались довольны. Дали надлежащія братскія наставленія. Относительно остальныхъ нужныхъ совѣтовъ сказали, что дадутъ ихъ при самой хиротоніи, при дѣлѣ; тогда будетъ виднѣе. Послѣ хиротоніи чрезъ о. иподіакона Заозерскаго я вручилъ еще по 5 рублей двумъ іеродіконамъ, которые и въ день хиротоніи, и на завтра, при первомъ моемъ архіерейскомъ служеніи, мнѣ прислуживали. Да о. духовнику іеромонаху Ираклію вручилъ 25 р. послѣ исповѣди. И того на Лаврскую братію вышло всего 135 р.

Насчетъ нужныхъ архіерейскому сану украшеній, т. е. панагій, иконъ нужныхъ для поднесенія, надлежащія мѣры я взялъ заблаговременно. Именно взялъ изъ Казанскаго женскаго монастыря десять иконъ, возможно точныхъ копій съ подлинно Казанской иконы Божіей Матери;

онѣ пишутся въ самомъ монастырѣ монахинями на кипарисныхъ доскахъ и съ желательною безукоризненностію. Мои иконы тамъ же въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ были и освящены. За нихъ въ Казани я заплатилъ 70 р.; за укупорку особо заплатилъ сколько-то рублей, кажется 1 р. 50 к. Эти иконы нужно было обложить чистымъ бархатомъ и серебро-позлащенными рамками, что устроилъ для меня Григорій Григорьевичъ Петровскій, за что взялъ съ меня 130 р. Изъ этихъ иконъ одна изъ лучшихъ доведена опять чрезъ Казань до Новочеркасска для врученія архіепископу Платону, коему болѣе, чѣмъ кому - либо другому, я обязанъ своимъ архіерействомъ. Кромѣ того у того же Г. Г. Петровскаго я взялъ изящный, лучшій какой нашелъ въ лучшемъ магазинѣ, образъ Александра Невскаго, который представленъ мною въ Казани благодѣтелю моему архіеп. Антонію, и за него заплачено 20 р. Кромѣ того, по настоятельному совѣту Викентія Захарыча Маньковскаго, я рѣшился, вопреки моему первоначальному намѣренію, сѣздить съ визитомъ къ оберъ-секретарю Павловскому, какъ прекраснѣйшему, обязательнѣйшему человѣку, да онъ же кстати и правящій должность директора, да и угрожаемый директорствомъ синодальной канцеляріи, для чего вооружилъ одну изъ своихъ рукъ книгою своего «разбора», а другую иконою Спасителя, и сѣздилъ и не пожалѣлъ, потому что въ рѣчахъ, во всѣхъ жестахъ, въ выраженіи лица у этого человѣка выразалось столько доброты и готовности служить ближнему, что я почувствовалъ къ нему сердечную симпатію. Тому же г. Петровскому за эту икону заплатилъ я 15 р. У него же взяты панагія съ изумрудами, альмандинами и бѣлыми топазами за 85 р., къ ней цѣпочка за 18 р., панагія другая съ чеканнымъ образомъ, жемчугомъ и бѣлыми топазами за 80 р.; онъ же передѣлалъ мнѣ заново панагію, которою благословилъ меня преосв. Антоній Казанскій, съ добавленіемъ золота и аквамариновъ, за что взялъ 30 р., за цѣпочку къ ней 20 р. У него же увидѣлъ я панагію съ голубой эмалью, бѣлыми топазами, альмандинами и Бразильскими топазами, которую онъ оцѣнилъ въ 180 р., хорошая, великолѣпная панагія, для меня молодого архіерея, казалась мнѣ слишкомъ грандіозною, но для архіеп. Донскаго Платона, по его старости, величеству и сановитости, весьма подходящею. Долго я колебался между скупостію и хорошею мыслию поднести такую прекрасную вещь такому хорошему человѣку и такую подходящую вещь человѣку, которому я обязанъ панагіею. Наконецъ хорошее влеченіе одержало верхъ. Впрочемъ мое колебаніе въ томъ только и заключалось, что я не говорилъ Петровскому послѣдняго слова до послѣдняго дня; но самъ я съ перваго-же дня свиданія съ его панагіею зналъ, что она погибла для него навсегда. Взялъ и эту панагію и приписалъ къ сче-

ту 180 р. Кромѣ того мнѣ жаль стало стараго моего пріятеля Александра Ивановича Блюма, у котораго я взялъ двѣ митры и прекрасный золотой крестъ, когда ѣхалъ чрезъ С.-Петербургъ на ректорство въ Казанскую Академію; теперь Г. Г. Петровскій предвосхитилъ мое вниманіе тѣмъ, что у него кромѣ плохихъ я увидѣлъ три или даже четыре хорошихъ панагіи, изъ которыхъ взялъ три лучшія; а Блюмъ тоже показывалъ мнѣ штукъ 10 панагій, но самъ напередъ сознаваясь, что и знаетъ, что для моего вкуса онъ—увы! не подготовился; дѣйствительно, всѣ до одной его панагіи имѣють самый дюжинный обликъ. Такъ у него я рѣшился взять хотя что либо, чтобъ его не обидѣть, и взялъ двѣ цѣпочки, одну для своей панагіи съ чеканнымъ Спасителемъ, за которую заплатилъ 17 р., а другую для панагіи преосв. Платона, за которую заплатилъ 25 р. Кромѣ того въ Казани сдѣлалъ я одну рясу бархатную, другую хорошей шелковой матеріи, одинъ подрясникъ изъ высокаго моара, а другой простенькій бѣлобрысый для службъ, что все въ совокупности стоило около 300 р.; въ Петербургѣ сдѣлалъ новый клобукъ съ камилавкою, да на старую мою мантию нашилъ архіерейскіе источники, что стоило около 50 р. Такимъ образомъ за весь этотъ пригготовительный къ архіерейству снарядъ получится весьма добропорядочный итогъ въ 1035 р. 50 к.

Такъ какъ уже пошло на итоги, то представимъ здѣсь повѣствованіе и объ обѣдѣ, маломъ обѣдѣ, который былъ тамъ въ день хиротоніи. По совѣту съ преосв. Павломъ, я адресовался къ о. эконому митрополичьяго дома, крестовому іеромонаху Ісаи, чтобъ онъ устроилъ этотъ обѣдъ, какъ знаетъ, изъ блюдъ, какія ему угодно и чрезъ официанта, какого угодно.

Въ митрополичьихъ покояхъ строилъ эти обѣды одинъ уже извѣстный официантъ, по фамиліи что-то въ родѣ Хоменко. Рѣшено, что онъ накормитъ 10 человекъ и получитъ 100 р. Вина мои. Велѣно было взять вина у Елисеѣва; «владыка-де пьетъ Елисеѣвскія». Но у меня съ молодю былъ старый другъ Денкеръ съ погребомъ своимъ противъ Знаменья; у него же я бралъ, когда былъ череднымъ; отъ него же выписывалъ вина, когда былъ ректоромъ въ Витебскѣ; хотѣлось мнѣ и на этотъ разъ напомнить о своемъ существованіи своему другу. Я послалъ къ нему Артемія и велѣлъ сказать: «Скажи, что такой-то, вина берутся по такому-то случаю для митрополичьяго стола, чтобъ далъ вина хорошія». Денкеръ и К^о. отпустили вина хорошія, по ихъ словамъ, съ надлежащими совѣтами, какія требуютъ холоднаго содержанія, а какія терпятъ и теплое. Взято было:

1) Двѣ водки около	1 р. 50 к.
2) Два хереса »	4 »
3) Два портвейна красные	4 »
4) Два Шато-д-Икема	4 »
5) Два Мозельвейна	4 »
6) Два Шато-Лафита	4 »
7) Два Эля	2 » 20 к.
8) Два портера	2 »
9) Два Венгерскихъ	4 »
10) Шесть Клико	19 » 20 к.
Итого 48 » 90 к.	

Относительно же лицъ для этого обѣда дѣло располагалось такимъ образомъ, что изъ тѣхъ, кого я предполагалъ приглашать къ этому обѣду первоначально, оставались только:

- 1) Владыка митрополитъ
- 2) Архіепископъ Василій
- 3) Епископъ Тульскій Никандръ
- 4) Епископъ Кишиневскій Павелъ
- 5) Епископъ Выборгскій Тихонъ
- 6) О. ректоръ Академіи и

новопосвящаемый; а далѣе только предполагалось два чередныхъ архимандрита, но о нихъ и не было и не могло быть доложено митрополиту, и безъ его благословенія на обѣдъ въ его палаты они ни за что не пошли бы, хоть бы я и позвалъ. Но тутъ произошло новое обстоятельство. Владыка распорядился, чтобы при хиротоніи были всѣ наличные архіереи и оба чередные архимандрита. Но такъ какъ на 4-е Іюня падалъ въ городѣ какой-то крестный ходъ, то преосв. Павелъ и убѣдилъ владыку отрядить на крестный ходъ преосв. Тихона изъ опасенія, что «въ городѣ разсердятся, если на крестномъ ходѣ не будетъ ни одного архіерея». А вмѣстѣ съ преосв. Тихономъ отряжены были и чередные архимандриты. Такимъ образомъ и хиротонія моя теряла въ своей возможно-полной торжественности, и обѣдъ относительно лицъ присутствующихъ на немъ стѣснялся уже до малости, до 6 лицъ, между тѣмъ какъ деньги заплачены за 10 лицъ, и деньги большія. Выходило какъ-то неловко.

Въ такомъ расположеніи духа и вышелъ я къ 6 часамъ вечера на Лаврскій дворъ, чтобъ идти въ Крестовую ко всенощной. Тутъ по обычаю сошлись преосв. Павелъ, чередные Палладій и Іустинъ и я. Поднялся разговоръ о завтнешнемъ днѣ, объ обѣдѣ. Чередные и я жалѣли, что они не могли быть. Преосв. Павелъ гнѣвался на ризни-

чаго, что онъ для крестнаго хода въ городъ подвернулъ чередныхъ, а не Лаврскихъ архимандритовъ, которыхъ есть человѣкъ шесть. Однако же поправлять дѣло было поздно. О преосв. Тихонѣ онъ говоритъ мнѣ, что «вы можете просить его пожаловать на вашъ обѣдъ». Выходило все-таки 7 лицъ, тогда какъ обѣдъ заказанъ на 10. «А далѣе я долженъ сознаться въ секретѣ», говорю я, «что завтра послѣ обѣдни я позову служащихъ архимандритовъ». «Кого это? напустился на меня преосв. Павелъ, Лаврскихъ-то! Ни подъ какимъ видомъ». Меня это передернуло: «да почему?»—«Да потому я вамъ скажу, что въ чужой монастырь съ своими уставами не ходятъ... потому что, я вамъ скажу, владыка, съ позволенія вашего сказать, такъ надменень, что чередныхъ архимандритовъ позволяетъ приглашать къ нему только подумавши. Ихъ вотъ можно. Это особая статья, только потому, что одинъ изъ нихъ уже утвержденный архіерей, а другой избранный. А Лаврскихъ никого совершенно поп ad rem». «А вина взяли?» «Взялъ», говорю я, напередъ уже предаваясь трусости, чувствуя свою провинность.» «У кого?» «У Денкера», сознаюсь я». Преосвященный такъ и хлопнулъ руками по ляшкамъ: «ахъ, да вѣдь говорилъ же я вамъ взять у Елисеѣва. Вы все по своему, о. Никаноръ», выразился преосвященный съ многозначительнымъ упрекомъ.—«Да, вина, я увѣренъ, «хорошія», оправдывался я весьма смиренно». «Вы увѣрены! Да что же дѣлать, когда у владыки всегда подаются Елисеѣвскія. А портвейну взяли?»—«Взялъ... красного».—Преосвященный опять хлопнулъ себя по-боку: «краснаго! Да вѣдь говорилъ же я вамъ: бѣлаго! Вѣдь владыка пьетъ бѣлый и можно сказать только бѣлый».—«Ахъ ты Господи», сталъ я возмущаться, «все у васъ тутъ въ Петербургѣ достали. Архимандритовъ къ столу митрополита приглашать преступно. Петербургскій догмать! Вина брать непременно у Елисеѣва и ни подъ какимъ видомъ у Денкера—Петербургскій догмать! Портвейнъ ставить только бѣлый, потому что владыка пьетъ только бѣлый,—и это догмать. Ну, хорошо, я возьму бѣлаго портвейну, даже у Елисеѣва возьму; но перемѣнить всю пропорцію винъ: вѣдь это же составляетъ расчетъ». «И не надо всю: портвейнцу дѣйствительно пошлите взять», сталъ убѣждать меня преосв. Павелъ нѣсколько смягчающимся тономъ, «и именно у Елисеѣва. И вамъ скажу, что когда я рукополагался, то взялъ бутылочку особую для владыки—бѣлаго портвейнцу въ 4 р. Владыка, бываетъ, поставитъ эту бутылочку около себя, да другимъ-то и нѣтъ». «Ну хорошо, я пошлю двѣ». «Не надо двѣ, одну пошлите, да велите захватить еще аллашу; владыка, если когда и пьетъ спиртное, то только аллашь... А лаврскихъ архимандритовъ и не думайте», научаетъ меня преосв. Павелъ (причемъ мы по корридолу уже приближались къ Крестовой)

«ужь если хотите владыкъ сдѣлать удовольствіе, пригласите о. Исаію (эконома, въ родѣ дворецкаго митрополичьяго дома); да старичка Петра Алексѣевича (стародавній келейникъ владыки), приличіе будетъ». Этими словами преосв. Павелъ далъ моей возбужденности оружіе въ руки: «Ну хорошо, хорошо, все будетъ по вашему, Петербургскіе догматы будутъ соблюдены». Но это обстоятельство оставило во мнѣ навсегда прегрустное впечатлѣніе. «Если вы архимандритовъ трактуете хуже лакеевъ, то зачѣмъ же и ставить ихъ архимандритами»? При этихъ словахъ мы поднялись уже въ церковь. Отъ этого разговора такъ и пошла около меня поговорка: «Петербургскій догматъ!» «А что станете дѣлать», объявлялъ мнѣ по этому поводу И. А. Чистовичъ, «здѣсь все мало-мальски порядочное копируетъ дворъ. Въдъ около митрополита свой маленькій дворъ, свой этикетъ, свои привычки, свои, какія хотите, прихоти, которъ я для другихъ становится закономъ, — Петербургскимъ, какъ вы выражаетесь, догматомъ».

Всенощная, исповѣдь послѣ всенощной у лаврскаго духовника Ираклія совершилась по чину. О. Ираклій наложилъ на меня епитимію: «всякаго просителя принимайте сами. Сами выслушайте, что́ будетъ говорить. А то идешь съ прошеніемъ, возмутъ заглазно, и—пустъ даже сдѣлають, а все не то; на сердцѣ холодно, не приняли, ничего не спросили... Сами принимайте, сами всякаго принимайте и выслушивайте». Епитимія хорошая, разумная и гуманная и даже цѣлесообразная, потому что, можетъ быть подъ часъ и порядочною буквально епитиміею—наказаніемъ... Тутъ, кстати сказать. Есть обычай замѣчать, какой Апостоль, какое Евангеліе читаются, особенно же какое Евангеліе вскроется при возложеніи Евангелія на рукополагаемаго при хиротоніи. Какое Евангеліе вскрылось, мнѣ какъ-то не пришлось, да и не ловко было, спросить. Читалось же Евангеліе отъ Матѳея зачало 33, не особенно ясно подходящее. Но Апостоль читался трогательно подходящий и къ завѣщанію духовника, и къ нашему архіерейскому положенію вообще, и къ моему въ частности, зачало 16 (Рим. 15, 1—7): «Братіе! Должны есмы мы сильніи немощи немощныхъ носить и не себѣ угождати. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію. Ибо и Христось не Себѣ угоди, но якоже есть писано: поношенія поносящихъ тебѣ, нападоша на мя. Елика бо предписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы. Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дасть вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Исусѣ; да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Исуса Христа. Тѣмъ же пріемлете другъ друга, якоже и Христось пріялъ

вась во славу Божию». Свалились почти всѣ горы. Ночь прошла такъ себѣ, въ легкой полудремотѣ.

Настало утро 4-го Юля, прекрасное, свѣтлое, тихое, теплое утро. Нужно было предъ литургіею сдѣлать еще нѣкоторыя необычныя приготовленія. Во-первыхъ, призванъ былъ лаврскій разсылный и отправленъ за двумя бутылками высокаго портвейну и за алашемъ. Во вторыхъ, нужно было подписать архіерейскую присягу по данной формѣ. При этомъ началась и своя злоба этого свѣтлоторжественнаго въ моей жизни дня. Начались она вотъ съ сего. О. иподіаконъ Заозерскій далъ мнѣ установленную форму, по которой я долженъ былъ росписаться на архіерейской грамотѣ.

Форма сія слѣдующая:

- 1) Азъ Казанской Духовной Академіи ректоръ
- 2) Архимандритъ Никаноръ,
- 3) Нынѣ нареченный во епископа
- 4) Богоспасаемаго града Аксая
- 5) Викарій Донской епархіи
- 6) Сія здѣ написанная и
- 7) Подписанная моею рукою
- 8) Приемлю и вручаю предъ Св. Евангеліемъ.
- 9) Отцѣмъ и братіямъ моимъ
- 10) Преосвященнымъ митрополитамъ
- 11) Архіепископамъ и епископу и
- 12) Всему освященному собору
- 13) Во градѣ святаго Петра
- 14) Въ соборномъ Свято-троицкомъ храмѣ
- 15) Александро-Невскія Лавры
- 16) Лѣта Господня 1871-го
- 17) Мѣсяца Іулія въ 4-й день.

Съ подлинникомъ этой формы въ рукахъ я присѣлъ подписать архіерейскую присягу, да и пишу на 1-й страницѣ: «Азъ»,—на 2-й (по славянскому счету) «Казанской», на 3-й—«Духовной», да только тутъ, подписавъ уже нѣсколько страницъ, и сообразилъ, что въ цѣлой архіерейской присягѣ всѣхъ страницъ по Славянскому счету, т.-е. листовъ, имѣется 9, а страницъ по-Русскому счету имѣется 17 и для каждой изъ 17 страницъ въ формулѣ подписи назначена особая группа словъ, отъ чего я уже отступилъ подписавъ нѣсколько страницъ. Какъ тутъ быть? Подчищать и долго, и неблаговидно. А другой экземпляръ присяги теперь достать и негдѣ, и некогда. Самое лучшее вписать оставшіяся слова подписи на оставшихся страницахъ? Но будетъ на-

рушенъ одинъ изъ Петербургскихъ догматовъ? Вѣдь вздуютъ? Какъ быть? А, быть или не быть еретикомъ, за одно уже: вино куплено у Денкера, куда не шло, подписывай рука, какъ можешь. Я взялъ да и вписалъ всѣ остальные слова формулы на оставшихся страницахъ, раздѣливъ на группы, какъ самъ нашелъ нужнымъ и удобнымъ. Передъ хиротоніей уже въ соборѣ покаялся въ этомъ грѣхѣ о. Заозерскому,—ничего, сошло. Но другое злключеніе вышло поважнѣе, по крайней мѣрѣ гораздо тревожнѣе. Купленные для митрополичьяго стола вина, однѣ не боящіяся тепла, стояли у меня въ квартирѣ, а другія поставлены были въ какомъ-то изъ лаврскихъ погребовъ. Передъ обѣдней я и говорю моему Артемію: «Смотри же, какъ отведешь меня въ соборъ, сейчасъ же забери вина и сдай ихъ о. Псаин, какъ эти, которыя здѣсь у насъ, такъ и тѣ, что въ погребѣ. Пока звонить будутъ, успѣешь и вина сдать, и воротиться въ соборъ, чтобы видѣть церемонію». А я знаю, что онъ страстный охотникъ до торжественныхъ церковныхъ церемоній.

Вотъ и заблагоувѣстили къ архіерейской хиротоніи трезвономъ. Я одѣлся и собрался идти. Всѣ нужныя вещи, какъ-то мантия, mitra, свѣтлая архіерейская ряса, панагія, архіерейская присяга, были мною самимъ осмотрѣны, уложены и сданы Артемію, чтобы несть со мною въ соборъ. Я и пошелъ и пришелъ въ соборъ. Поклонился престолу и прочимъ святынямъ. Вижу, что о. ректоръ Академіи уже здѣсь; я пошелъ здороваться къ нему, отъ него къ другимъ, иные стали подходить ко мнѣ, народъ набирается въ алтарь, множество. Только вдругъ изъ забытья выводитъ меня о. архидіаконъ: «а гдѣ, ваше в—діе, у васъ архіерейская присяга?» — «Ахъ, здѣсь... Артемію! вещи!» — Не тутъ-то было, Артемія нѣтъ. Я присѣлъ, смотрю, жду, вотъ сейчасъ придетъ. Подходить о. иподіаконъ Заозерскій: «ваше в—діе, присяга, панагія, ряса?» — «Ахъ, представьте: келейника моего нѣтъ». Подходить другой, третій, всѣ напоминаютъ кто о присягѣ, кто о панагіи, кто о рясѣ. Что тутъ дѣлать?!. А тутъ десятки лицъ, изъ лавры, изъ города, священники, протоіереи. Чины подходятъ здороваться, поздравлять, когда у меня кошки мучительной заботы царапаютъ за сердце. Какъ быть? Нѣтъ Артемія! Осмотрѣлся сѣмо и овамо, нѣтъ. Нечего дѣлать, самъ побѣжалъ изъ собора въ келью, думая, не задержало-ль его что-либо. Цапъ за дверь, заперта. Я за колокольчикъ, давай звонить. Да безуміе же разбивать ни въ чемъ неповинный колокольчикъ, когда человека навѣрное тамъ нѣтъ. Но что же дѣлать? А спросить въ пустынныхъ коридорахъ, куда онъ дѣвался, некого. Побѣжалъ назадъ въ соборъ. Народу много, но все по-петербургски, чиновный, а

послать кого-либо куда-либо нельзя, некого. Подвернулся какой-то солдатикъ-сторожъ. «Христа ради, бѣги къ о. Исаи, тамъ мой келейникъ понесъ вина, скажи ему, чтобъ онъ сію минуту былъ здѣсь». Слава Богу, солдатикъ послушался, побѣжалъ; воротился, говоритъ: «былъ да ушелъ».—Ахъ ты Господи! вотъ искушеніе! «Бѣги Христа ради къ привратнику, тамъ погребъ, тамъ поставлены были наши вина, келейникъ мой долженъ быть тамъ». Послушался солдатикъ, побѣжалъ. А ужъ тутъ совсѣмъ звонъ оканчивается. Уже всѣ архимандриты одѣлись въ мантии. Одинъ я не одѣтъ, потому моей мантии нѣтъ. Попросить у кого-либо мантии? Но кто же сниметъ съ своего плеча мантию, чтобы отдать мнѣ? А уже совсѣмъ пора идти къ митрополиту, такъ какъ вѣрно было идти со славою. Воротился солдатикъ съ прежнимъ роковымъ: «нѣтъ и тамъ, былъ да ушелъ».—«Боже мой! поищите его Христа ради тутъ въ соборѣ; вѣроятно онъ пристроился около амвона среди народа, чтобы лучше видѣть. Скажите, чтобъ онъ сію минуту сюда шелъ. Гдѣ вещи?». «Вещи», тутъ солдатикъ домокнулся, «да никакъ это ваши вещи стояли на окнѣ». Посмотрѣли; точно мои вещи стояли на окнѣ. И что же это сдѣлалъ мой велейникъ?! Онъ шелъ съ вещами слѣдомъ за мною, пришелъ въ алтарь, сунулъ вещи на окно у жертвенника тамъ, гдѣ стояли и лежали десятки подобныхъ картонокъ съ митрами и связокъ съ мантиями и т. п., никому ни слова не сказалъ и пошелъ себѣ сдавать вино, какъ было приказано, и сдавши исчезъ куда-то, такъ что и концы въ воду. Ну, не до того было, чтобы сердиться. Слава Богу, что тревога благополучно обошлась. Меня поспѣшили одѣть, нужныя вещи съ моихъ рукъ взяли, и затѣмъ всѣ пошли встрѣчать и со славою вести владыку - митрополита къ литургии.

Наканунѣ хиротоніи владыка-митрополитъ между прочимъ сдѣлалъ мнѣ внушеніе, что первыя двѣ статьи присяги слѣдуетъ читать раздѣльно и внятно, а третью и послѣднюю, такъ какъ онъ есть только повтореніе двухъ предыдущихъ и имѣютъ только личное отношеніе къ посвящаемому, поскорѣе. Я такъ и сдѣлалъ. И послѣ сестра, которая была при хиротоніи, говорила, что «Символь вѣры вычитали такъ славно, какъ я отъ роду не слыхивала, а послѣ вы читали такъ скоро да такъ тихо, такъ жалъ»; на что я ей отвѣтилъ, что «скоро читалъ я по приказанію митрополита; если же Символь вѣры и еще кое-что читалъ я такъ, какъ вы отъ роду не слыхивали, то я расскажу вамъ анекдотъ. А. А. Цвѣтковъ (флотскій врачъ, женатый на родной ея старшей сестрѣ, сынъ Московскаго протоіерея, воспитанникъ Московскаго Университета, человекъ въ высшей степени остроумный и бонъ-

мотистъ), еще въ молодости моей рассказывалъ мнѣ, что онъ одинъ разъ слышалъ, какъ читалъ акаѳистъ Спасителю Московскій Филаретъ. «И скажу я вамъ»,—заклучилъ Александръ Николаевичъ свой рассказъ,—«Филаретъ прочиталъ акаѳистъ такъ, какъ, скажу я вамъ, ни одному дьячку въ мірѣ не прочитать».—Вообще священнодѣйствіе хиротоніи шло въ высшей степени священнолѣпно. Есть повѣрье, что во время хиротоніи должно стараться молить Бога о томъ, чего особенно себѣ отъ Бога хочешь. Вышло, что когда меня рукополагали во діакона (рукополагалъ ректоръ Академіи преосв. Евсеvій, теперь архіеп. Могилевскій 26 Сентября 1850 г.), хотя прислуживавшіе при хиротоніи Лаврскіе діаконы сильно затолкали и замяли меня, что мнѣ было непріятно, однакоже я былъ собранъ и молилъ Бога о томъ, о чемъ хотѣлъ. При рукоположеніи же во священника разстроило меня одно мелкое обстоятельство, которое предварено было мелкимъ же обстоятельствомъ при рукоположеніи еще во діакона. Именно въ тотъ разъ меня діаконы такъ замяли и затормошили, что мнѣ никакъ нельзя было просто удичить минуту, чтобы вытереть носъ. Въ этотъ разъ, при рукоположеніи во священника, рукополагалъ 30-го Іюня (въ этотъ же день 20-тъ лѣтъ спустя совершилось мое нареченіе во епископа) 1851 г. преосв. ректоръ Академіи Макарій, когда поставили меня противъ царскихъ вратъ, я, озаботившись носомъ, вынулъ платокъ, чтобы обтереться, да только это и помню, а что со мною было во время хиротоніи, совсѣмъ забылъ и забылся. Это оставило во мнѣ навсегда тревожное впечатлѣніе и предчувствіе... Потому-то опять, при хиротоніи во епископа, я рѣшился быть по возможности самосдержанъ, и когда поставили меня предъ престоломъ на колѣна, я стоялъ не шевеля ни однимъ мускуломъ и молясь Богу именно о томъ, о чемъ хотѣлъ, и такъ, какъ въ эту минуту себя чувствовалъ и могъ молиться... Только лишь меня облачили въ архіерейскій чинъ, я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ чего-то недостаетъ, какихъ-то оковъ, и тутъ такъ легко почувствовалось и свободно. Что такое? Отчего? Причина простая: сняли ризу, которая вяжетъ около рукъ, и надѣли саккосъ.

Все совершилось благополучно. Вторую часть возношеній при большомъ выходѣ произнесъ я голосомъ звонкимъ на весь соборъ, голосомъ, который прозванъ въ Петербургѣ дѣтскимъ: «смотрите, какой у него дѣтскій голосъ». Не дѣтскій голосъ, а мужской чистый оттого, что во всю жизнь былъ правильно упражняемъ. Въ этотъ же разъ владыка - митрополитъ рукоположилъ кого-то во священника. А мнѣ пришлось сидѣть среди стоянія всего собора, начиная съ митрополита, и рукополагать какого-то монаха Сергіевоу пустыни во іеродіакона.

При этомъ митрополитъ, стоя вблизи меня, приглядывается, какъ я слагаю персты для благословенія и говоритъ въ полголоса: «Слагайте персты правильнѣе». Послѣ литургіи, когда меня подвели къ амвону, владыка-митрополитъ, вручая жезлъ, тихимъ гласомъ прочиталъ мнѣ наставленіе въ самыхъ общихъ впрочемъ выраженіяхъ; потомъ заставилъ меня осѣнить соборъ и людъ Христовъ на всѣ четыре стороны, и священнодѣйствіе моей хиротоніи кончилось. Митрополитъ двинулся впередъ, я за нимъ. До выхода изъ собора ни онъ, ни конечно за нимъ я, народа не благословляли. Но когда, по снятіи мантии, выступили изъ собора, тутъ народъ обступилъ его и меня, и пришлось благословлять.

Такъ, благословляя чрезъ весь путь отъ собора до митрополитскихъ покоевъ мы добрались до дому. По входѣ въ гостиную митрополитъ говоритъ мнѣ: «Вы тутъ подождите и пейте чай. А я пойду переодѣнусь и отдохну немножко». Скоро вошли архіереи, архіеп. Василій, Никандръ Тульскій и Павелъ Кишиневскій, за ними и о. ректоръ Академіи. Всего выходило насъ готовыхъ приступить къ обѣду 6 человекъ; преосв. Тихонъ былъ прошенъ, но будетъ или нѣтъ, этого нельзя было сказать. Мнѣ хотѣлось устроить по своему. Стоитъ экономъ о. Исаія, онъ-то и вывелъ меня изъ затрудненія вопросомъ: «а что же, ваше преосвященство, сколько же лицъ у васъ будетъ обѣдать?» «Самъ не знаю», отвѣчаю я громко нарочно, чтобы слышалъ преосв. Павелъ, «я хотѣлъ побольше, но говорятъ нельзя». — «За чѣмъ же деньги пропадать будутъ?» возражаетъ о. Исаія.—«Что же дѣлать, не моя воля», говорю я, чтобы слышали; а потомъ, когда о. Исаія отодвинулся въ сторону, я говорю ему шопотомъ: «если можно устроить, чтобы къ обѣду пригласить о. о. архимандритовъ Филиппа (правящаго должность намѣстника), и о. ризничаго и о. Геласія» (выше-упомянутаго цензора), «то я былъ бы вамъ весьма признателенъ». — «Такъ отъ чего же?» говоритъ о. Исаія съ полною готовностію, «я сейчасъ устрою, скажу владыкѣ». И смотрю съ торжествомъ посматривая на преосв. Павла: входитъ одинъ архимандритъ, беретъ у владыки благословеніе и скромно садится, входитъ другой и садится, входитъ третій и садится. Выпили по чашкѣ чаю.—«Ну что же? кого ждать больше?» спрашиваетъ владыка. — «Преосв. Тихонъ прошенъ, отвѣчаемъ, но неизвѣстно, будетъ или нѣтъ».—«Ну, давайте обѣдать», рѣшаетъ владыка. А тутъ кстати и преосв. Тихонъ входитъ. Прочитали молитву. Митрополитъ подходитъ къ столу, гдѣ накрыта закуска.—«А это какое вино?» и беретъ опытною рукою какъ разъ за ту бутылочку высокаго (старого, какъ оказалось, съ 1820 г.) портвейну, которая именно для него предназначалась. Пошли въ столовую, сѣли: митрополитъ по-

среди́нъ; кругомъ стола, справа отъ него, Василій, далѣе Никандръ, далѣе три архимандрита, слѣва отъ митрополита новопосвященный, далѣе преосв. Павелъ, далѣе преосв. Тихонъ, далѣе два пустыхъ мѣста, такъ какъ столъ накрытъ былъ на 12 персонъ, а визави съ митрополитомъ ректоръ Академіи. Разговоръ держали владыка и ректоръ Академіи; а прочіе, начиная съ преосв. Василія, помалчивали. Бесѣда была впрочемъ довольно оживленная. Обѣдъ былъ такъ себѣ, приличный. Вѣна же, какъ нарочно, на подборъ превосходныя, что всѣми замѣчено и признано. Бутылочку отборнаго портвейнцу поставили около владыки; и замѣтилъ я какъ разъ то, что предсказалъ преосв. Павелъ: когда официантъ протянулъ было руку къ этой бутылочкѣ, чтобъ изъ нея налить, владыка ему флегматически говоритъ: «Ты не безпокойся, я самъ налью». Такъ эта бутылочка и осталась при немъ нетронутою. Я нарочно велѣлъ купить двѣ; но гдѣ была другая, здѣсь мнѣ трудно было разобрать. Послѣ обѣда мнѣ воротили ее нераспечатанною, и я отвезъ ее въ Ораніенбаумъ къ Ольгѣ Васильевнѣ Чистовичъ съ просьбою, чтобъ она этимъ виномъ 11-го Іюля, въ день своего Ангела, угостила своего папашу, Василія Борисовича и больше никого. Такъ она и сдѣлала. Впрочемъ и мнѣ рюмочка досталась: такъ себѣ мякенькое винцо...

Тосты провозглашалъ я: 1) за здравіе его величества Государя Императора, 2) Августѣйшихъ атамана и атаманиши войска Донскаго, 3) Св. Пр. Синода, 4) Митроп. Исидора, 5) Преосв. архіереевъ, отъ которыхъ удостоился я получить благодать архіерейства (тутъ, помнится, провозглашено было здорové и ново-посвященнаго), 6) Преосв. архіеп. Платона Донскаго и Антонія Казанскаго. Разговора положительно не помню, частію потому что былъ самъ утомленъ, но больше потому, что разговоръ былъ незначителенъ. Что позначительнѣе, то помню. Напримѣръ, преосв. Павелъ замѣтилъ, что въ Кишеневскомъ архіерейскомъ домѣ свои виноградники и свое винодѣліе; на это владыка кинулъ грубоватую фразу: «Такъ этакъ вы тамъ сопьетесь». Такъ какъ о. ректоръ Академіи держалъ какую-то, не помню подробностей, рѣчь о Цесаревичѣ и Цесаревнѣ: то я позволилъ себѣ вставить въ разговоръ слово о томъ, что «архіепископъ Платонъ особымъ письмомъ поручаетъ мнѣ, чтобы я чрезъ г. Синодальнаго оберъ-прокурора испросилъ себѣ позволеніе представиться ихъ высочествамъ Цесаревичу и Цесаревнѣ, какъ атаману и атаманишѣ войска Донскаго». Митрополитъ и прочіе промолчали. Но о. ректоръ подхватилъ: «Ахъ, это прекрасно! Они будутъ очень рады, повѣрьте». «Я опасаюсь», оговариваюсь я, «напротивъ, какъ бы не затруднить». «Ничуть, нима-

ло, смѣю васъ увѣрить», увѣряетъ о. ректоръ; они очень чувствительны и признательны къ подобнымъ изъявленіямъ преданности. И скажу вамъ, что для этого вовсе ненужно беспокоить г. оберъ прокурора, котораго кстати и нѣтъ; а достаточно записаться во дворцѣ Цесаревича (въ Аничкиномъ), въ конторѣ. Цесаревичу доложить. И будьте увѣрены, что будете допущены. Если же сверхъ чаянія откажутъ, то это значить, что рѣшительно нельзя принять».

Когда встали мы изъ-за стола, о. ректоръ усиленно развивалъ мнѣ свои увѣренія и убѣждалъ поступать такъ, какъ онъ совѣтуетъ. Послѣ обѣда владыка-митрополитъ насъ не удерживалъ, и мы тотчасъ же вышли. Но на пути меня задержали приглашеніемъ къ преосв. Тихону, къ которому зашли архіереи. Тамъ хозяинъ предложилъ Шампанское, а архіеп. Василій съ своей стороны нескончаемый разговоръ о своей дѣятельности въ присоединеніи Уніи. Отъ того и другого я скоро уклонился подъ основательнымъ предлогомъ, что «завтра я служащій, сегодня нужно слушать всенощную, передохнуть послѣ всяческой усталости». Этотъ резонъ всѣ признали резоннымъ и съ миромъ меня отпустили.

Теперь, оставшись одинъ, самъ я собою, иди отъ митрополичьихъ покоевъ домой уже въ санѣ архіерея, по этой аллеѣ, по которой я ходилъ такъ много и ребенкомъ въ началѣ 40-хъ годовъ, и юнымъ монахомъ въ началѣ 50-хъ, и въ тяжкомъ горѣ въ званіи чередного архимандрита въ половинѣ 60-хъ годовъ, я вадохнулъ полною грудью въ чувствѣ благодаренія Промыслу: «Слава Тебѣ Господи!».. и шелъ въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Но какъ разъ въ эту минуту подвернулась третья, впрочемъ и послѣдняя, злоба этого дня. «Теперь», говорю я сзади меня идущему Артемію, «надо позвать сейчасъ разсылнаго, чтобъ отправить сейчасъ телеграммы». «Телеграммы давно отправлены», самодовольно отвѣчаетъ Артемія.—«Какъ, отправлены! Кто тебѣ велѣлъ?»—«Да вы же сами приказали». Тутъ нужно перескочить назадъ. Съ утра вчера 3-го Іюля было сдѣлано распоряженіе, что по совершеніи рукоположенія литургію будетъ совершать одинъ митрополитъ въ сослуженіи только со мною. Отсюда дѣлалось заключеніе что владыка чувствуетъ себя хорошо и самъ предполагаетъ послѣ обѣдни благословлять народъ. Но къ вечеру вышло распоряженіе, чтобъ къ литургіи готовился и преосв. Павега. Отсюда сдѣлали заключеніе, что значить владыка послѣ обѣдни выйдетъ боковою дверью и отъѣдетъ въ каретѣ, а благословлять народъ пошлетъ преосв. Павла съ новопосвященнымъ, какъ въ послѣднее время владыка при хирото-

нїяхъ архіерейскихъ поступалъ не разъ. На этомъ основаніи мы предполагали, что благословлять народъ послѣ обѣдни придется мнѣ съ преосв. Павломъ, а не съ митрополитомъ. Въ этомъ предположеніи до обѣдни я написалъ двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія: «Пятигорскъ. Преосвященному Платону, архіепископу Донскому. Святыми молитвами вашими хиротонія совершилась. Никаноръ»; это одна. А другая: «Казань. Академія. Профессору Соколову. Доложите владыкѣ, святыми его молитвами хиротонія совершилась. Никаноръ». Приличіе требовало, особенно въ первой телеграммѣ, добавить въ подписи: «Епископъ Аксайскій, викарій Донской»; но до обѣдни у меня рука на это не налегала. Думалось, подпишись только—епископъ такой, а судьба и смутить..., и останешься въ сугубыхъ дуракахъ. Разсчитывалось, что когда благословляя народъ, мы съ преосв. Павломъ выйдемъ изъ собора, тутъ я улучу минуту забѣжать въ свою келью и подписаться: «епископъ Аксайскій, викарій Донской». Въ этой мысли я до обѣдни же и приказалъ Артемію, чтобы тотчасъ послѣ обѣдни былъ на готовѣ лаврскій разсылный, чтобъ отправить эти телеграммы. А Артемію, какъ и умный человекъ, позвалъ послѣ обѣдни разсылнаго, да телеграммы безъ полной подписи и отправилъ, да тутъ самодовольно и докладываетъ мнѣ: «телеграммы? онѣ давно уже отправлены». Это меня взорвало. Тутъ поднялась во мнѣ вся желчь, которую онъ такъ жестоко взволновалъ было поутру, запрятавъ отъ меня нужныя для литургіи и хиротоніи богослужебныя вещи. При своей природной вспыльчивости я и въ этотъ день не удержался: «Ахъ, ты, такой сякой... Да кто тебѣ велѣлъ?.. Да понимаешь ли ты, какую глупость ты сдѣлалъ? Понимаешь ли ты, что пусть та Казанская телеграмма идетъ въ Казань, тамъ не взыщутъ; но предъ преосв. Платономъ ты заставилъ меня разыграть роль дурака, поступлено не тонко». Ну гдѣ же наконецъ понимать и какъ растолковать ему эти тонкости?—«Да тамъ же была подпись», возражаетъ онъ обидѣвшись въ своей самоувѣренности, въ своей исправности. Конечно, лишь только пришелъ я въ свою келью, я въ ту же минуту поднесъ ему большой стаканъ Шампанскаго и получилъ отъ него поздравленіе: «Теперь поздравляю васъ, ваше преосвященство. Ей Богу, я думалъ»... Ну что тутъ думать, когда глупость сдѣлана, которую намъ съ Артеміемъ и объяснили. Изъ Казани телеграфировали: «Епископу Аксайскому Никанору. Преосвященный Антоній и Казанская Академія поздравляютъ ваше преосвященство. Соколовъ». А изъ Пятигорска телеграфировали: «Преосвященному Никанору, Донскому викарію. Радуюсь и поздравляю. Телеграфируйте, когда полагаете выѣхать и прибыть въ Новочеркасскъ. Архіепископъ». Получивъ эту послѣднюю телеграмму, я спрашиваю опять Артемія: «Ну теперь понимаешь ли ту глупость,

которую ты сдѣлалъ и которую тебѣ объясняютъ?» Ну гдѣ же ему понять!

Вечеромъ послѣ всенощной были у меня на бесѣдѣ преосв. Павелъ и Тихонъ, чередные архимандриты Палладій и Тихонъ, экононы лавры и митрополичьяго дома, архимандритъ Дороей и о. Исаія, и пили Шампанское, Венгерское и т. п. День прошелъ, слава Тебѣ Господи, свѣтло и торжественно.

На другой день, 5 Юля, въ день преподобнаго Сергія Радонежскаго, въ большой крестовой митрополичьей церкви я служилъ первую мою архіерейскую литургію и молебенъ преподобному Сергію. Вопросъ, какъ служилъ? По моему, почти безъ ошибокъ. Владыка выглядывалъ въ алтарь только въ такія минуты, въ которыя приходится дѣйствовать больше архіерею.

Служба, какъ необычная ранняя, сама собою нѣсколько ускорялась. Однимъ словомъ, все шло своимъ порядкомъ, за исключеніемъ только, что меня опять грызла во время службы тяжкая забота. Тутъ же сейчасъ послѣ литургіи, по Петербургскому догмату, слѣдовало идти къ владыкѣ въ мантии съ просфорою и подносною иконою. Иконы, какъ выше упомянуто, я вывезъ еще изъ Казани, но въ Петербургѣ отдалъ Петровскому для обдѣлки; а Петровскій, для выковки серебряныхъ рамъ, отдалъ какому-то мастеру-специалисту. Условлены были сроки, которые и прошли. Вечеромъ 4-го Юля я нѣсколько разъ посылалъ къ Петровскому. Кончилось тѣмъ, что отъ него прислано послѣднее слово: «Завтра поутру въ 8 часовъ, ранѣе иконы готовы быть не могутъ». Поутру предъ обѣдню я еще разъ послалъ къ нему сказать, что «онъ меня зарѣзалъ предъ владыкою-митрополитомъ». Принесли отвѣтъ, что иконы неготовы. Скрѣпя сердце, служилъ обѣдню, обдумывая, какъ избыть неловкаго положенія. Вдругъ, о радость! къ концу обѣдни говорятъ, что иконы принесены. «Несите сюда, поставьте здѣсь», говорю я, самъ себѣ не вѣря отъ радости, боясь, чтобъ иконы опять не убѣжали, «чтобъ глаза мои видѣли». Внесены двѣ лучшія. Въ концѣ службы мнѣ подають кропило и св. воду: «окропите». — «Да онѣ освящены еще въ Казани». — «Ничего, владыка любилъ, чтобъ на иконѣ были еще капли св. воды». Окропили. Спрашиваютъ: «которую владыкѣ?» «Эту», долженъ былъ я указать на лучшую не безъ сожалѣнія, хотя съ самой Казани назначалъ ее для преосв. архіепископа Платона. Впрочемъ, особенность ея заключалась только въ томъ, что позолотный фонъ ея пониженъ былъ вмѣсто гладкой, чеканною позолотою, отчего она выглядывала ярче; а все прочее въ ней было тоже, что и

въ другой. Сейчас же, по окончаніи службы Божіей, боковою алтарною дверью повели меня ко владыкѣ: «пожалуйте, уже ждетъ». Принялъ меня въ рясъ со звѣздами и въ клобукъ. Поднесъ я просфору и св. икону, объяснивъ, что «это подлинное изображеніе и по виду, и по величинѣ подлинной Казанской иконы Божіей Матери, писана тамъ же въ Казанскомъ Дѣвичемъ монастырѣ монахинями, на кипарисѣ, а здѣсь въ Петербургѣ только убрана». По разоблаченіи меня иподіаконами мы перешли въ гостиную и сѣли. Разговоръ продолжался часа два.

Владыка все время сидѣлъ въ клобукѣ, почему и я долженъ былъ сидѣть также въ клобукѣ. Разговоръ естественно коснулся многого, но больше меня самого и еще больше Казани и Казанскихъ. «Хорошо служите, виденъ навыкъ, но нѣсколько спѣшно. Архіерей долженъ каждому слову давать вѣсъ. Чтò незамѣтно въ священникѣ, то всякому видно въ архіерей. Нехорошо дѣлаетъ наша братія, когда служить искусственно, обдумывая каждый шагъ, каждый жестъ, какъ повернуться, какъ ступить. Но съ другой стороны неприлично архіерею бѣгать, быстро повертываться, вообще быть поспѣшнымъ въ жестахъ и словахъ. Народъ долженъ видѣть, что архіерей молится, и молится именно архіерей, давая смыслъ и значеніе каждому слову, каждому движенію. И когда молитва, въ приличной формѣ, будетъ исходить отъ сердца, народъ это почувствуетъ и пойметъ». Нѣсколько словъ о моемъ кашлѣ, совѣтъ лечиться, не запускать. «Какъ живутъ преосв. Викторинъ съ преосв. Антоніемъ»? «Хорошо живутъ, ваше в—ство; да съ Антоніемъ и нельзя жить худо».—«Гмъ»..., и молчаніе. Я продолжаю: «Вотъ въ три года моей жизни въ Казани я не замѣтилъ между ними ни тѣни разногласія, или разномыслія, или неоднѣйствія».—«Скорѣ, преосвященный Антоній, горячъ, не всегда дѣйствуетъ обдуманно. Въ Кіевѣ онъ избалованъ дядюшкою. Дядюшка скончался; а онъ все воображалъ, что времена тѣже. И какъ викарный, временно управляющій епархіею, и ну писать къ Васильчикову, генераль-губернатору, бумаги, да такія! предрезкія! такъ что генераль-губернаторъ мнѣ послѣ жалуется и говоритъ, что онъ не хотѣлъ дать серьезнаго хода этимъ бумагамъ только единственно изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди».

Когда, по прибытіи изъ Петербурга въ Казань я передалъ это преосв. Антонію, то онъ высказался по этому поводу такъ: «Стыдился бы онъ повторять это! Это и былъ единственный случай. Поводомъ къ нему была такъ-называемая въ Кіевѣ «Андреевская горка». Гора Св. Андрея, на которой по преданію извѣстно..., на которой стоитъ Ан-

древескій соборъ, священнѣйшій памятникъ, и онъ превратился было въ Кіевъ въ «Андреевскую горку». Къ тому же здѣсь, знаете главный проѣздъ изъ Лавры на Подоль, всѣ богомольцы тутъ проходятъ; намъ тутъ всегда приходилось проѣзжать, и—стыдно было проѣхать! Не знаешь бывало, куда глаза спрятать. Жиды-перекресты скубили всѣ мѣста и завели... крещеныхъ Жидовокъ цѣлыя заведенія, такъ что даже у Жидовъ была поговорка: «а, на Андрееву горку... крестилась... а... на Андрееву горку!»... Ну подите же! и случай былъ особый. Съ самаго начала, когда я сталъ викариемъ, управляющимъ епархіею, приходитъ ко мнѣ Жидъ-перекрестъ, просить о крещеніи Жидовки. Я по неопытности обѣими руками благословляю, принявъ такое горячее участіе. А мнѣ и объясняютъ: «да вѣдь это крестится на Андреевскую горку. А такъ отецъ не пускаетъ». Ахъ Ты, Господи... Вотъ тутъ-то я къ генералъ-губернатору, что-де «позоръ христіанскому имени, позоръ древнѣйшему и священнѣйшему памятнику, публичное, открытое посрамленіе»... Не тутъ-то было, только прогибаться изволили. А тутъ наѣхалъ сей *). И что-же? дѣло было кинуто. А сдѣлано послѣ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Опъ прогналъ оттуда всю эту погань... Такъ-то мы всегда и во всемъ! И до сихъ поръ еще чело-вѣкъ не только помнить, но и повторять!»

Продолжимъ затѣмъ рѣчь владыки-митрополита: «Ну и въ Смоленскѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Казань ѣздилъ опъ (преосв. Антоній) по Смоленской епархіи, замѣтилъ въ духовенствѣ безпорядки, между прочимъ, что не вездѣ еще вывелось при крещеніи обливаніе. Взялъ все это да и напечаталъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Ну, разумно ли? Раскольниковъ чего и надо, какъ не такихъ съ нашей стороны признаній. Ну, благородно ли въ отношеніи къ покидаемой епархіи—наплевать ей въ лицо, закидать грязью? Ну, хотѣлъ опъ, чтобъ замѣченные недостатки не оставались, чтобъ были исправлены, ну, возьми и напиши своему преемнику: вотъ что, любезный братъ, замѣтилъ я, но не успѣлъ исправить въ епархіи. Вотъ это было бы по-братски и цѣлесообразно... Вотъ и теперь, то—другое не правится ему, ну пишетъ, протестуетъ»... Перешла какъ-то рѣчь на Ташкентъ, на безлюдье, что некого послать въ Ташкентъ. Мнѣ, по ассоціаціи идей, какъ-то почувалось, не имѣетъ ли онъ въ виду для этого мѣста преосв. Викторина, викарія Казанскаго и Владимира, ректора Самарскаго. О Владимирѣ владыка распространялся долго: «не рѣчиствъ опъ, но дѣловой чело-вѣкъ». Я назвалъ о. Макарія Алтайскаго, на что вла-

*) Т. е. митрополитъ Исидоръ. П. Б.
I, 15

дыка возрадилъ напоминаніемъ столкновенія его съ миссіонерскимъ обществомъ: «ну пусть, не виновать онъ, но вялъ, неповоротливъ, не аккуратенъ». Я назвалъ еще о. архим. Александра, инспектора Витебской Духовной Семинаріи, какъ «въ совершенствѣ знающаго Китайскій языкъ, человѣка тонкаго», на что владыка возрадилъ напоминаніемъ давно извѣстной миѣ исторіи о сливочникѣ: «Иду я. Человѣкъ несетъ молоко, и не закрывши... Кому несешь? Иеромонаху Александру. Ну какая же тутъ тонкость? Постный день. Монастырь, лавра. Народъ ходитъ, видитъ. Нареканіе на всю Лавру. Ну какая же тутъ тонкость»? Это было въ 1865 г., когда о. Александръ, воротившись изъ Китая, проживалъ въ Лаврѣ. Это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе».

Въ этотъ же день я ѣздилъ къ преосв. Никандру Тульскому и архіеп. Василию съ благодареніемъ за участіе въ хиротоніи и съ поднесеніемъ иконъ. У перваго имѣлъ вышеописанный разговоръ о преосв. Антоніи, а съ послѣднимъ разговоръ о Витебскѣ и преосв. Саввѣ Витебскомъ (дѣло для моего описанія стороннее); но болѣе интересный для меня разговоръ былъ и здѣсь о томъ же преосв. Антоніи и обо мнѣ самомъ: «Это хорошо, хорошо... я душевно уважаю преосв. Антонія. Но... оберъ-прокуроръ сердится... На одну бумагу такъ разозлился, что ее, нужно бы, говорить, провести чрезъ III-е отдѣленіе... У васъ тамъ изъ Казани еще все пишутъ, и о васъ постоянно писали. Не разъ поднималась рѣчь въ Синодѣ: «миѣ, говорятъ, пишутъ». Не знаю, кто тамъ у васъ ему пишетъ». «Я знаю», я говорю, «кто ему пишетъ, Шестаковъ, попечитель Учебнаго Округа».—«И хорошо, хорошо, милость Божія, что вышли оттуда. А то сегодня говоритъ Синоду, послѣ завтра говоритъ Синоду: «миѣ пишутъ»; а въ третій разъ сказалъ бы: «принять надо». Ну и принять. А куда принять? Ничего подъ руками нѣтъ. Ну и ступай въ монастырь. Слава Богу, слава Богу!» «Да что же такое пишутъ, позвольте спросить?» «Не смѣтрите за студентами... И когда преосв. Платонъ потребовалъ васъ къ себѣ въ викарія, Исидоръ говорилъ, что онъ согласенъ; я говорю: «ну достойно и праведно». Макарій, вообразите, промолчалъ. Оберъ-прокуроръ не сказалъ ничего. Ну такъ и положили». Молчаніе Макарія тѣмъ болѣе странно, что не такъ давно предъ тѣмъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ въ энергическихъ выраженіяхъ желаетъ архіерейства миѣ. Значитъ, какъ поддѣлывается святитель (такой у насъ авторитетъ) подъ оберъ-прокурорскій тонъ! Еще страннѣе молчаніе Макарія въ другомъ обстоятельстве, о которомъ рассказалъ миѣ тутъ же тотъ же преосв. Василій. Преосв. Савва Витебскій, тѣсня и давя все мѣстное Витебское, и усиливалъ всюду поставить Владимирскихъ,

между прочимъ представилъ въ Синодъ объ увольненіи архим. Поліевкта отъ членства въ Консисторіи; между прочими основаніями своего представленія провель будто бы и такое: «Этотъ Поліевкть глупѣе третьекласснаго ученика; если же онъ и получилъ степень магистра богословія, то этимъ обязанъ архим. Никанору, который писалъ для него за дачи». Макарій промолчалъ, тогда какъ Поліевкть іеромонахъ изъ вдоваго священника, кончившій курсъ въ Могилевской Семинаріи во II-мъ разрядѣ, былъ вызванъ въ С.-Петербургскую Академію, правда, по моему указанію, въ качествѣ не студента, а просто священника для отправленія Божіихъ службъ (такъ какъ въ ту пору всѣ службы Божіи у насъ правилъ бакалавръ іеромонахъ, впоследствии епископъ Кириллъ, человѣкъ слабосильный и слабогрудый и отъ службъ, особенно частыхъ, изнемогавшій). Въ качествѣ іеромонаха священнослужащаго о. Поліевкть понравился всѣмъ, начиная съ преосв. ректора Евсевія, продолжая Макаріемъ, Іоанномъ и Кирилломъ и оканчивая даже свѣтскими профессорами. При ближайшемъ началѣ академическаго курса его приняли, послѣ надлежащаго приготовленія и экзамена, въ число студентовъ. Я былъ старшаго, а онъ младшаго курса студентъ и честный человѣкъ. Не помню даже, поправлялъ ли я сочиненія о. Поліевкта. Всякій зналъ, что онъ недалеко, но крайне трудолюбивъ, отлично скромнень и монахъ. Ему помогали всѣ, особенно же о. Кириллъ, превратившійся къ этой порѣ, къ окончанію Поліевктомъ курса, въ великаго человѣка. А Кириллъ и Макарій это были одна душа, одинъ совѣтъ, одно рѣшеніе. Макарій, Кириллъ и конференція рѣшили выпустить Поліевкта съ правомъ на степень магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ, которыя онъ отслужилъ безпорочно и получилъ магистерскій крестикъ, не ставъ, конечно, отъ этого геніемъ. II Макарій, ректоръ Академіи того времени, промолчалъ, при голословномъ, но крайне грубомъ, нареканіи на двухъ его учениковъ: на одного, что онъ подложно писалъ, а на другого, что ему подложно писали сочиненія, и потому свою ученую магистерскую степень онъ получилъ подложно, оставаясь тупѣе третьекласснаго школьника уѣзднаго училища! Сильно, значить, хочется Макарію быть Петербургскимъ митрополитомъ, благопокорнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ оберъ-прокурора. Впрочемъ, Господь видитъ и судитъ сердца человѣческія, а мы не видимъ, хотя и судимъ и, очень можетъ быть, ошибаемся.

Не доѣхавъ еще до квартиры преосв. Василія, въ этотъ же день, 5-го Іюля, заѣзжалъ я въ Синодъ, именно въ хозяйственное управленіе, чтобы выяснитъ себѣ вопросъ, когда и какъ буду я уволенъ, иначе сказать отъ кого и когда получу прогоны и получу ли какое-либо

вспоможение, имѣя въ виду, что лица моего положенія, т. е. хиротонисуемые въ архіерейство, всегда получали вспоможеніе не менѣе 600 р. О выдачѣ мнѣ прогоновъ на всякій случай я приготовилъ въ хозяйственное управленіе и просьбу. Директора Лаврова въ эту пору въ С.-Петербургѣ не было, онъ путешествовалъ. Я долженъ былъ обратиться къ правящему должностъ директора Смирнову. Объявляю, въ чемъ дѣло. Но начинается контръ-объясненіе о томъ, откуда и какъ и сколько и почему столько получилъ я прогоновъ, когда ѣхалъ изъ Казани въ С.-Петербургѣ. Объясняю: Въ указѣ мнѣ лично было сказано, что хозяйственному управленію предписано расчесть меня прогонами отъ Казани до С.-Петербурга. Такъ какъ прогоны мнѣ не выслались, то я обратился въ академическое правленіе съ просьбою о выдачѣ мнѣ прогоновъ заимообразно. Почему же васъ разочли на семь лошадей? Разочли, какъ ректора Академіи. Но вотъ въ законоположеніяхъ я не вижу статьи, какъ должно расчитывать прогонами ректоровъ академій, а вижу архимандритовъ I, II, III классовъ. Все равно, если бы мы просмотрѣли, то контроль усмотрить. Въ такомъ случаѣ я долженъ назвать вещи по имени. Когда изъ ректоровъ Витебской семинаріи меня назначили ректоромъ Казанской Академіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ прописано было «съ возведеніемъ 'меня лично во II классъ'». Возводитъ во II классъ меня не подобало, потому что въ Саратовѣ я былъ настоятелемъ второкласнаго монастыря. Это была—канцелярская ошибка, недосмотръ—возводитъ меня въ то, что мнѣ давно уже принадлежало и некогда не было узнать моимъ сослуживцамъ по Академіи: съ тѣхъ поръ какъ академіи существуютъ, ректоры ихъ всегда бывали архимандритами первоклассными; а теперь вдругъ ректора Казанской Академіи, бывшаго второкласснымъ архимандритомъ, возвели во второкласнаго. Поэтому меня и разочли прогонами какъ ректора Академіи, какъ первокласнаго,—тѣмъ болѣе, отнять.—Тѣмъ страннѣе было что прогоны мнѣ выданы заимообразно. Но для этихъ чиновъ-крючковъ цвѣты краспорѣчія значили мало. Умысль другой у нихъ тутъ былъ, дѣйствиительно ли я даже второклассный? Признаюсь, мое положеніе становилось щекотливо. «Да говорю же, что въ указѣ о назначеніи меня ректоромъ Казанской Академіи было сказано о возведеніи меня во II классъ». Многозначительное молчаніе.—«Посмотрите въ синодальномъ опредѣленіи; тамъ должно быть сказано». Директоръ перешептался съ начальниками отдѣлений; яено стало, что посылаютъ справляться въ синодальную канцелярію. Воротился наконецъ, принесъ синодальное опредѣленіе. Тогда директоръ обращается не ко мнѣ, а къ начальнику отдѣленія: «Такъ разочтите ихъ на 6 лошадей», разумѣя прогоны отъ Казани до С.-Петербурга; а потомъ, обращаясь ко мнѣ: «...а... это не угодно ли вамъ взять на-

зядь»... Я смотрю, въ чемъ дѣло. Это онъ возвращаетъ мнѣ мою просьбу назадъ. «Это бываетъ такъ, что митрополитъ долженъ донести Синоду, что вы рукоположены. Они намъ предпишутъ. Если же начинать дѣло по вашей просьбѣ, то понадобится двойное дѣлопроизводство. Но если вамъ угодно ускорить или направить дѣло; то негодно ли обратиться къ оберъ-секретарю Павловскому». Я вспыхнулъ: «конечно я не богатъ; но найду у себя средства доѣхать до Ново-Черкаска». Приобрѣтателемъ я никогда не былъ и ходить по канцеляріямъ не нахожу для себя удобнымъ. Всталъ и вышелъ. Такъ какъ по камерамъ хозяйственнаго управленія провожалъ меня Викентій Захарьевичъ Маньковскій, то я, остановившись, продолжалъ: «Просьбу безцеремонно возвращаетъ, отсылая меня къ Павловскому. Такъ я же не нищій и топтать полы канцелярій не стану. Прогоны мнѣ выдадутъ безъ моей просьбы. А если я попросилъ и пособія, то попросилъ моего права, потому что если даютъ всѣмъ, то должны дать и мнѣ. Получаютъ всѣ пособіе, значитъ это право. Или уже мнѣ судьба быть всегда обдѣленнымъ? Такъ пусть же они знаютъ, что я позволилъ себѣ попросить разъ, но другой разъ не попрошу». Я подумалъ, что сильно прогнѣваются. Оказалось же однако обратное: 8-го Іюля поутру прислали мнѣ черезъ чиновника показатъ подписанный членами Синода протоколь, въ которомъ рукою Исидора вписано было выдать мнѣ въ пособіе 500 р. (все таки, сотнею меньше всякаго изъ рукоположенныхъ); и такъ-какъ этотъ же чиновникъ привезъ мнѣ и архіерейскую грамоту, то и уѣхалъ отъ меня съ 10-ти рублевкою. А 10-го поутру пожаловалъ ко мнѣ старикъ усачъ разсылный, унтеръ съ книгою и съ 900 рублей прогонныхъ и пособія, за что и получилъ 10-ти рублевку, тѣмъ боѣе, что она была очень стара и пехороша. И такимъ образомъ разстались мы съ этимъ послѣднимъ представителемъ Святѣйшаго Синода къ обоюдному нашему удовольствію. Все это устроилось не только къ моему, но и къ общему многихъ удовольствію. А то Петербургскіе друзья мои совсѣмъ было струхнули. «Ну что, если пособія вамъ не дадутъ?» «Ну что жъ, уѣду безъ пособія. Потеряете только вы, потому что не сдѣлано обѣда». — «Однакоже у васъ есть характеръ». «Еще бы, а вы до сихъ поръ и не подозревали». Теперь же пособіе, для обѣда достаточное, было получено, и на почтовыхъ полетѣли приготовленія къ обѣду уже немалому, а большому.

Но тутъ слово о томъ, какъ устроилось мое представленіе его высочеству августѣйшему атаману войска Донского. По совѣту и указаніямъ о. ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, воспитателя Дагмары, І. Л. Мнышева, поѣхалъ я въ дворцовую контору Аннич-

кина дворца. Поразило меня то, во-первыхъ, что видалъ я дворцы, тысячи разъ видѣлъ и Аничкинъ дворецъ; но мнѣ въ голову не приходило, чтобъ этотъ дворецъ былъ собственно ни больше ни меньше, какъ цѣлый городъ, цѣлый большой кварталъ С.-Петербурга, съ тысячнымъ, конечно, населеніемъ придворныхъ паразитовъ. Хорошо. Въ глубинѣ одного изъ десятка особыхъ дворовъ, окруженныхъ громадными и очевидно весьма населенными зданіями, указали мнѣ огромное зданіе Придворной Конторы. «Вошелъ епископъ такой-то викарій Донскій». Какой-то безусый молокососикъ въ бархатномъ пиджачкѣ, взявъ мою докладную записку, указываетъ мнѣ на стулъ подлѣ самой двери: «А вотъ здѣсь, батюшка, посидите, подождите», и съ моею бумагою исчезъ за дверью. Я былъ во всѣхъ регаліяхъ и оставленъ у двери. Стоящій у притолки дверей камеръ-лакей, видя мое слишкомъ скромное положеніе, соблаговолилъ явить мнѣ свое придворное покровительство: «Да вамъ, батюшка, чего?»—«Прошу позволенія быть представленнымъ ихъ высочествамъ, Цесаревичу и Цесаревнѣ». «Да Цесаревны нѣтъ, она въ Гапсалѣ; а Цесаревичъ боленъ». «Чѣмъ боленъ?»—«Зубами, у нихъ олюсь, щека подвязана». Выходитъ молокососикъ: «пожалуйте», указывая на дверь. За дверью встрѣтилъ меня тоже довольно юный, не то полковникъ, не то генералъ, я не разобралъ.—«Вамъ, батюшка, угодно представиться Его Высочеству?»—«Да, желательно». «Гмъ... жаль, теперь все время разобрано... Впрочемъ будетъ доложено. Получите отвѣтъ». Я поклонился и вышелъ. Не помню, чтобъ тутъ меня даже посадили. Такъ высоко трактуетъ себя эта придворная челядь. Признаюсь, меня озабочивала мысль, что придется ѣхать, наряжаться, тревожиться. Готовилъ икону для поднесенія. Но дня черезъ три меня избавили отъ этой заботы. Откуда-то я воротился и спрашиваю келейника: «А что никто не спрашивалъ?» «Никто, да пріѣзжалъ курьеръ отъ Наслѣдника, что-ли. Сказывалъ, что Наслѣдникъ нездоровъ, пусть ѣдутъ съ Богомъ».—«Да долженъ же былъ онъ», допытываюсь я, «хоть бумагу оставить—отказъ.» «Сказалъ, что завтра заѣдетъ».—А зачѣмъ бы это завтра заѣзжать? Развѣ нельзя было оставить бумагу? «Зачѣмъ», смѣется мой келейникъ, «трехрублевку содрать». Я и дѣйствительно обезпокоился было заботой, что придется еще трехрублевку заплатить за отказъ. Но слава Богу, и отъ этой заботы избавился! Курьеръ второй разъ не пріѣзжалъ.—Тутъ какъ нарочно на смѣхъ, теперь на пути изъ Саратова до Камышина, ѣхали со мною на пароходѣ старый мой и добрый знакомецъ по прежней Саратовской жизни, ксендзъ-каноникъ, официалъ Римско-Католической Саратовской консисторіи оицецъ Зенонъ Юткевичъ. Разговорились о моей хиротоніи. Онъ рассказываетъ, какъ совершается архіерейская хиротонія у нихъ. Между разговорами онъ

сообщаетъ что у нихъ всякій новопосвященный бискупъ получаетъ отъ двора перстень рублей въ 600—700, получаетъ на облаченіе 1000 р. и посохъ и только; всегда представляется Императору. «А вы», спрашиваетъ онъ, «Императору представлялись?»—«Не удостоился», отвѣчаю я серьезно, нимало не конфузясь, «пріема отъ его сіятельства г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода! А это, чтобъ наши представлялись Императору, отмѣнено еще при Николаѣ. Съ нами не чинятся».

Тутъ еще слово о дворцовой донаціи новопосвященнымъ архіереямъ Русской Православной церкви. Миѣ говорятъ: «Вы получите отъ двора облаченіе и мантию».—«Знаю», говорю.—Совѣтуютъ всегда дать что-либо поставщику Лихачеву, говорятъ, «чтобъ получить что-либо порядочное».—«А сколько требуется дать?»—«Да хоть сотнягу».—«Не дамъ», говорю. Но не это удивительно, а то, что сей придворный поставщикъ портной Лихачевъ, вплывши въ мою келью смиренную придворнымъ фертомъ-живчикомъ, хотя уже и сѣдѣтъ, вдругъ предлагаетъ миѣ дать ему ни болѣе ни менѣе какъ взятку. «Ужели? Да».—«Но, выше преосвященство! Позвольте миѣ предложить нѣчто отъ моихъ издѣлій».—«Что бы такое?»—«Да вотъ-съ», вынимаетъ изъ чехла и вертитъ на рукѣ митру, которой цѣна за глаза 70 р.: по желтому моару на крестъ золотыя полоски съ блестками, иконки самыя дешевенькія, камушка, даже стеклышка ни одинаго. «А цѣна?» «150 р.»—«Позвольте же, миѣ кажется и цѣна высокою, и вещь невысокою».—«Какъ можно, помилуйте-съ», и засыпалъ и засыпалъ меня придворнымъ ораторствомъ въ похвалу грошовой вещи, языкомъ мелеть, рукою повертываетъ, ну точный гостинодворецъ.—«Позвольте же доложить вамъ», перерываю я его, «что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который обладаетъ порядочнымъ вкусомъ».—«Да не можетъ быть-съ, посмотрите»...—«Да позвольте же, у меня своихъ собственныхъ есть три митры, двѣ здѣсь налицо, и каждая изъ нихъ лучше вашей».—«Да не можетъ быть-съ»... «Да позвольте же, я вамъ скажу, что у васъ на иконкахъ и писаніе плохое».—«Да какъ можно-съ!»..—«Я скажу вамъ даже, что иконки писаны тою же рукою, что и у меня на одной изъ митръ, только мои гораздо тщательнѣе отдѣланы».—«Да не можетъ быть-съ». «Посмотрите... Артемій! подай мои митры». Посмотрѣлъ, согласился, что иконки писаны тою-же кистью; но давай укорять мои митры въ грубости фасона. «Да вѣдь здѣсь же Блюмъ дѣлалъ». Ну сконфузился человѣкъ и сѣхалъ на облаченіе, съ краскою конфуза на щекахъ, что-де «онъ еще не получилъ заказа отъ двора, но конечно получить».—«Это меня», охлаждаю я его, «нимало не тревожить. Эти облаченія даются всегда такія плохія, что архіереямъ въ худшихъ нигдѣ слу-

жить не приходится». — «Ну, знаете фасонъ»... — «Э, полноте, и шьютъ въ провинціи весьма тщательно. Это скорѣе забота двора, чѣмъ моя, чтобы отъ двора дано было что-либо порядочное. Это старинное право государей, за которое въ старые годы они сражались, великое право инвеституры, пересаженное и на Русскую почву великимъ умомъ, кажется Екатерины Великой. А теперь оно превратилось въ грошовый расчетъ Придворной Конторы». — «Помилуйте, теперь все такъ скупо, скудно-сь, и намъ все говорить, нельзя-ли дешевле?» — «Да и въ самомъ дѣлѣ, что-же можетъ быть дешевле парчи, которую вы показываете. Въдѣ ей цѣна даже при разной, неоптовой покупкѣ 3—4 р. Когда же архіереи надѣваютъ на свои плечи что-либо дешевле этого!»? Чтобы замаять скандалъ пустился было придворный человекъ въ политику, конца разговору не было видно, тогда какъ у меня сидѣлъ мой другъ П. А. Мордвиновъ. Я замолчалъ. И то человекъ не вдругъ догадался уйти.

На дняхъ я получилъ отъ Синодальнаго оберъ-прокурора бумагу, что-де «Государь Императоръ соизволилъ всемилостивѣйше пожаловать меня архіерейскимъ облаченіемъ», пока только бумагу, но не облаченіе. Конечно, Дихачевъ мнѣ отомститъ.

Осталось рассказать немного, два или три факта, какъ разстался я съ владыкою-митрополитомъ, какъ задалъ великій обѣдъ и оставилъ Петербургъ. Въ Петербургѣ въ послѣднее время на архіерейскія службы, какъ оказывается, стали скуны, не такъ какъ было при митрополитѣ Григоріи; либерализмъ, а скорѣе—облѣненіе и распущенность. И вотъ, 8-го Іюля, въ день Казанскія Божія Матери, назначена была одна только служба въ Казанскомъ соборѣ, на которую и приглашенъ былъ преосв. Павелъ.

А я, въ этотъ собственно - Казанскій праздникъ остался безъ службы. Это обстоятельство, какъ и другія соображенія, расположили меня съѣздить 8-го Іюля въ Ораниенбаумъ. Я обѣщаль привести Платіону Алексѣевичу, какъ истинному благодѣтелю моему, икону Казанскія Божіей Матери; а они съ Ольгою Васильевною обязывали меня быть у нихъ 11-го Іюля, въ день Равноапостольныя Ольги. Признаюсь, въ этотъ день быть у нихъ въ довольно-значительной публикѣ не хотѣлось; а икону отвезти было нужно, я и рѣшился воспользоваться для этого праздникомъ Казанскія Божія Матери. Отстоявъ раннюю въ Крестовой, я отправился на желѣзную дорогу. Тутъ случилось одно, повидимому незначительное, но по обычности частаго повторенія весьма многозначительное приключеніе. Когда въ первый разъ я ѣхалъ въ

Ораніенбаумъ, то по скромности взялъ билетъ во II-й классъ; скоро подошелъ ко мнѣ о. Александръ Соколовъ, мой ученикъ по Академіи, священникъ Никольскаго Морского собора; публика къ разъѣздамъ священниковъ во II-мъ классѣ привыкла, и мы доѣхали съ о. Александромъ благополучно, при чемъ онъ говорилъ мнѣ самые теплые комплименты и простился слѣдующими словами: «вотъ что значитъ быть хорошимъ человѣкомъ; вамъ всѣ сочувствуютъ, и я не встрѣчалъ ни одного, кто бы вамъ не сочувствовалъ». Но когда нужно было отправляться изъ Ораніенбаума, Пларіонъ Алексѣевичъ далъ мнѣ понять, что они провожаютъ на вокзалъ желѣзной дороги только I-во-классныхъ. Съ этого я и сталъ ѣздить въ I-мъ классѣ. Только вогъ въ эту вторую поѣздку я сѣлъ въ I-й классъ. А мнѣ памятно слѣдующее приключеніе еще съ 1865 г. Будучи череднымъ архимандритомъ, разъ поѣхалъ я съ однимъ совершенно приличнымъ молодымъ человѣкомъ въ Сергіеву Пустынь къ обѣднѣ; туда мы ѣхали во II-мъ классѣ, а оттуда сѣли въ I-й. Только что же? Подходить къ нашему купѣ какой-то унтервахтеръ и, видя, что въ I-й классъ сѣлъ священникъ, вдругъ при насъ самыми свирѣпыми выраженіями начинаетъ распекать кондуктора, зачѣмъ онъ насъ пустилъ, что-де «здѣсь ѣздить чиновные люди, неравно генералъ какой сядетъ»... Обидѣлся я тогда въ 1865 г. на этого глупаго и дерзкаго унтера, а теперь вижу, что онъ правъ, что онъ только службу свою правилъ, не больше, и интересы службы соблюдалъ. Вотъ теперь сижу я въ I-во-классномъ купѣ, пока поѣздъ еще не отошелъ изъ С.-Петербурга; подходят двѣ барыни, кондукторъ растворяетъ дверцу, одна барыня уже занесла ногу, но увидѣла что, о *horreur!* попъ и назадъ: «нѣтъ ли другого мѣста?»

Кондукторъ доказываетъ, что здѣсь не занято, что здѣсь просторно, что другихъ мѣстъ нѣтъ. Нѣтъ, ломаются мои барыни. Наконецъ, видя, что другого мѣста упорно имъ не отводятъ, лѣзутъ. Во-первыхъ, старыя; во-вторыхъ, рожи, особенно одна; т.-е. отъ нихъ отворотиться нужно... но Французскій діалектъ, и ясно—одна совсѣмъ большая барыня, *grande dame*, а другая приживалка. Но констатъ, безъ преувеличенія, одна въ мою сторону во всю путину такъ ни разу и не взглянула, другой пришлось сидѣть визави, а я, о несносный, о противный! гляжу въ ея сторону: то вѣдь надобно было любоваться этою пыткой, какую она выносила! Она готова была сорваться, выругать мое невѣжество, которое не боялось смотрѣть въ ея сторону. Но гдѣ же такой законъ, который запрещалъ бы? И, наконецъ, видить, что этотъ грубіанъ-невѣжа смотритъ такъ рѣшительно. И наконецъ, фи! Объ него мараться! Наконецъ, о *quelle rose!* (такъ кажется

написалъ). Какой-то un comte, съ дочкою, сановный старикъ лѣзетъ, да еще oncle? Въмѣсто двухъ стало ихъ, ягодъ одного поля, четверо. Діалектъ не иначе, какъ Французскій. Ъдутъ все au Saint Serge, à la messe. Попà, однакоже, хотя онъ и припрятанный монахъ и даже архіерей, выносить не могутъ. Дочка, — la comtesse, благо попалась особа красивая, лѣтъ 24, съ нервнымъ колоритцемъ, съ синевою подъ глазками, но еще цвѣтущая дѣва съ тонко-аристократическими чертами, большими голубыми глазами и Римскою горбинкою на носу. Да и сидитъ-то наискось визави; голосокъ такой звонкій; щебечеть, хохочетъ; еще не уходилась, не превратилась ни въ grande-dame, ни даже въ юную dame, ни въ старую дѣву, въ которую однакоже къ сожалѣнію своему явно начинала превращаться. Такъ какъ ни законами Россійской имперіи, ни уставами Петербургской желѣзной дороги не воспрещалось смотрѣть въ ту сторону, гдѣ сидѣли такіе большіе бары, но положеніе же мое въ углу купѣ давало моимъ глазамъ естественно направленіе внутрь вагона, именно въ ихъ сторону, то я и не находилъ нужнымъ прятать свои очи, и, прямая ось ихъ приходилась какъ разъ на эту юную высокочеловѣчную особу. И, Боже! посмотрѣть-то въ мою сторону ей—это унизиться; ругнуть меня, чтобы я не смотрѣлъ, и опасно и опять-таки унижительно! Въ этомъ адски-мучительномъ состояніи вдругъ загорится, загорится румянецъ во всю щеку отъ негодованія, съѣжитъ свои алыя губки гнѣвно... Ахъ Ты, Боже мой! Grand dieu! Смотритъ этотъ несносный, возмутительный. А теченіе рѣчи съ парà и съ grande-dame заставляетъ смѣяться: хохочетъ... Это преинтересно было мучить своимъ присутствіемъ и терзать своими взглядами этихъ породистыхъ, гордыхъ, жалкихъ и смѣшныхъ людей! Такъ-таки ни разу во всю путину въ мою сторону и не взглянули. Хотя и добровольная, но порядочная пытка! Удивляться надо, какъ выдержали эти аристократы, и куда уходитъ ихъ моральная сила и высокая ихъ благовоспитанность, которая такъ недешево обходится Россійскому народу. Доѣхавъ до Saint Serge, они избавились отъ кошмара неподходящаго спутничества и отправились à la messe модной, при которой даже барамъ присутствовать не унижительно. Но что за ужасъ былъ бы, куда бы спрятали они свои высокородныя очи, если бъ я тамъ служилъ! Но къ ихъ счастью тамъ конечно служилъ тоже довольно высокородный, изъ купческаго кажется сословія, о. архимандритъ настоятель Сергіевой пустыни, у котораго на моихъ глазахъ самъ молодой принце Горчаковъ и даже самъ comte Урусовъ брали благословеніе, въ день Александра Невскаго, въ толпѣ многихъ архимандритовъ и даже при архіереяхъ, обходя всѣхъ. Значить, архиман-

дрить барскій. На него смотрѣть самому высокородному тузу позволено и даже подѣ часѣ прилично.

Помимо этого смѣшного и досаднаго приключенія я сѣзидилъ благополучно, время провелъ весело и назидательно. Св. икону честному дому вручилъ къ истинному удовольствію прекрасныхъ хозяевъ и воротился къ 9 часамъ въ Лавру надлежащимъ порядкомъ. На вопросъ Артемію: «Все въ порядкѣ? Никто не спрашивалъ?»—«Все-то все, да митрополитъ присылалъ». А въ Ораніенбаумѣ меня оставляли ночевать, на что я возражалъ: «вотъ митрополитъ вздумаетъ уѣзжать, около него будутъ всѣ, а новаго Аксайскаго архіерея ни, испарился!».. Давно ли присылалъ?»—«Присылалъ да и уѣхалъ тотчасъ, четверть не больше спустя послѣ того, какъ вы уѣхали». Нечего дѣлать. Пусть впередъ не уѣзжаетъ украдкою, пусть казнится. Тѣмъ не менѣе и досадно было на такой промахъ, и жаль.

Назавтра о. Исаія мнѣ объяснилъ, что владыка жалѣлъ, что меня не видѣлъ, что онъ одного только меня и звалъ, велѣлъ сказать мнѣ, чтобы я кланялся преосв. Платону, уѣхалъ въ 12 часовъ, такъ что никто въ Лаврѣ и не зналъ; случайно подоспѣлъ проститься съ нимъ только преосв. Тихонъ. Въ заключеніе всего, такъ какъ митрополитъ очевидно благословилъ убираться во-свои, архіерейская грамота была получена, а 10 Юля и прогоны съ пособіемъ лежали уже въ карманѣ, то ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ проститься со всѣми и воспитателями и товарищами и прочими близкими за обѣдомъ и поворотить оглобли на Казань, какъ предположено до Новочеркасска.

Въ устройствѣ обѣда сдѣланы были распоряженія быстрыя въ моемъ духѣ и энергическія. Составленъ слѣдующій списокъ лицъ:

Л
а
в
р
а.	{	1. Павелъ, еп. Кишиневскій
		2. Тихонъ, еп. Выборгскій
		3. Хозяинъ
		4. Архим. Палладій, (товарищъ)
		5. Архим. Іустинъ, (совоспитанникъ по Академіи, молодежѣ курсомъ).
		6. Архим. Дороеей, (экономъ Лавры, давалъ лошадей)
		7. Іером. Исаія, (экономъ митрополичьяго дома; всякія услуги)
		8. Іером. Ираклій, (духовникъ)
		9. Архидіаконъ Валеріанъ
		10. Иподіаконъ Заозерскій.

А
н
н
н
н
н
н	{	11. Василій Ивановичъ Долицкій, (наставникъ мой)
		12. Кириллъ Ивановичъ Лучицкій, (наставникъ мой)
		13. Пларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ, (товарищъ и другъ и все такое)
		14. Ольга Васильевна Чистовичъ, (не товарищъ, но другъ)
		15. Евфрафъ Ивановичъ Ловягинъ, (наставникъ мой)
		16. Илья Ивановичъ Лебединскій, (докторъ, лѣчившій меня еще студента).
		17. Николай Ивановичъ Ивановскій—Академія Казанская.
С
е
м
и
н
а
р
і
н	{	18. Архим. Хрисанеъ
		19. Павелъ Андреевичъ Тронцкій, (мой воспитатель)
		20. Владиміръ Ивановичъ Ловягинъ, (товарищъ)
		21. Павелъ Ивановичъ Саввантовъ, (бывшій наставникъ Семинаріи и мой)
		22. Пегръ Ивановичъ Боголюбовъ, (то же).
К
о
н
с
и
с
т
о
р
і
н	{	23. Михаилъ Гавриловичъ Верещагинъ, (старецъ-секретарь)
		24. Александръ Тимоѣевичъ Камчатовъ, (протоіерей, бывший членъ)
		25. Андрей Алексѣевичъ Павловскій, (протоіерей)
		26. Петръ Осиповичъ Никитскій, (протоіерей)
		27. Николай Никитичъ Делицынъ, (священникъ, товарищъ и бывший другъ)
		28. Петръ Алексѣевичъ Горизонтовъ, (протоіерей).
О
б
щ
н
о
у	{	29. Викентій Захарычъ Маньковскій
		30. Константинъ Платоновичъ Платоновъ.
И
с
а
к
і
е
в
с
к
і
е
с
о
б
о
р
ъ	{	31. Настоятель-протоіерей Лебедевъ
		32. Василій Петровичъ Полисадовъ, (протоіерей, мой наставникъ по Семинаріи)
		33. Платонъ Петровичъ Травлинскій, (товарищъ по семинаріи и академіи; священникъ)
		34. Константинъ Никандровичъ Оболенскій, (протодіаконъ).

- Д р у з ь я и п р и я т е л ь н ы е .
- 35. Иоаннъ Григорьевичъ Заркевичъ, (протоіерей, товарищъ и другъ съ дѣтства)
 - 36. Иоаннъ Константиновичъ Яхонтовъ, (издатель Духовной Бесѣды)
 - 37. Дмитрій Иродіоновичъ Флоринскій, (товарищъ по семинаріи и академіи и другъ, ключарь Петропавловскаго собора)
 - 38. Иоаннъ Алексѣевичъ Вознесенскій, (учитель Дагмары, совоспитанникъ, ниже курсомъ)
 - 39. Павелъ Васильевичъ Лебедевъ, (протоіерей, товарищъ прежняго — мужъ нижеслѣдующей)
 - 40. Анастасія Дмитриевна Лебедева, (другъ съ дѣтства, по крайней мѣрѣ смолоду)
 - 41. Григорій Степановичъ Словцовъ, (протоіерей, товарищъ)
 - 42. Владиміръ Николаевичъ Владыкинъ, (товарищъ по Семинаріи)
 - 43. Евстафій Ѳеодоровичъ Горбацѣвичъ, (Евсташка красавчикъ, товарищъ по Семинаріи)
 - 44. Иоаннъ Тимоѳеевичъ Верховскій, (единовѣрческій священникъ, расколоучитель)
 - 45. Николай Ивановичъ Фасановъ, (протоіерей хлѣбосоль)
 - 46. Иванъ Васильевичъ Чельцовъ, (товарищъ, профессоръ Академіи).

Чтобъ отъ этого списка не отбиваться, и послѣ снова къ нему не возвращаться, скажемъ, что преосв. Павелъ, у котораго на подобномъ же обѣдѣ были тѣ же самыя дамы, которыя значатся и въ моемъ спискѣ, на этотъ разъ оказался рѣшительно противъ присутствія дамъ на моемъ обѣдѣ. И. А. Чистовичъ не позволилъ даже и заикнуться о присутствіи его жены. Такимъ образомъ не могла быть и Анастасія Дмитриевна, которая, кромѣ того, находилась подъ особеннымъ вліяніемъ преосв. Павла, по крайней родственной и дружеской близости его къ ея супругу Павлу Васильевичу; и къ лучшему. Потому что обѣдъ вышелъ дѣйствительно бойкій; а присутствіе дамъ могло дать ему другой колоритъ, ослабивъ его — положимъ одностороннюю, но характерную серьезность.

Протоіерей Камчатовъ, И. Н. Делицынъ, В. З. Маньковскій, К. К. Платоновъ, І. А. Вознесенскій, Г. С. Словцовъ, Н. П. Фасановъ не были, кто по не извѣстной для меня причинѣ, а кто потому, что опоздало приглашеніе, такъ какъ они жили по дачамъ. І. Т. Верховскій не былъ приглашенъ по настоящему совѣту преосв. Павла, кото-

рый находилъ его присутствіе на архіерейскомъ обѣдѣ неумѣстнымъ, а пожалуй даже и опаснымъ: «а какъ неравно онъ что-либо подмѣтитъ, да послѣ воспользуется своимъ наблюденіемъ; вѣдь язычекъ-то у него острый, а перо еще безпощаднѣе». А я хотѣлъ его позвать потому, что въ 1864—5 годахъ, будучи череднымъ архимандритомъ, какъ спеціалистъ по расколу, пользовался его вниманіемъ и ѣлъ его хлѣбъ-соль; да и потому еще, что просилъ его снестись съ кѣмъ-либо изъ вліятельныхъ старообрядцевъ на Дону, чтобъ отрекомендовать имъ меня съ благопріятной стороны. Наконецъ, Н. В. Чельцова пригласить я просилъ А. А. Чистовича, но тоже не соизволилъ, затрудняясь сноситься съ нимъ по-дружески, вслѣдствіе тяжкаго впечатлѣнія, вынесеннаго съ докторскаго своего диспута. Такимъ образомъ обѣдало только 36 лицъ изъ 46 приглашенныхъ или предполагававшихся. Обѣдъ заказанъ былъ счетомъ на 40, съ условіемъ накормить 45 человекъ за 200 р., тому Завитаеву, котораго рекомендовалъ І. Г. Заркевичъ. Завитаевъ послѣ обѣда, на которомъ явился истиннымъ артистомъ, выпросилъ съ меня еще за что-то 16 р., такимъ образомъ я ему заплатилъ 216 р., да восьми человекъ его прислуги далъ по полтиннику, и того всѣхъ 220 р. Вина взяты были у стараго друга моего Теодора Денкера и К^о по слѣдующему счету.

2 бутылки Англійской горькой по 65 к.	1 р. 30 к.
2 Аллашу по 75 к.	1 › 50 ›
6 Хересу по 1 р. 25 к.	7 › 50 ›
8 Рейнвейну Рюдесгейму по 1 р. 50 к.	12 › — ›
6 Портвейну бѣлаго по 1 р. 50 к.	9 › — ›
8 Шато-Икемъ по 1 р. 50 к.	12 › — ›
6 Шато-Лафиту по 1 р.	6 › — ›
6 Бургонскаго-Ажи по 1 р.	6 › — ›
5 Портеру по 1 р.	5 › — ›
5 Англійскаго Элю по 1 р. 10 к.	5 › 50 ›
12 Шампанскаго Редереру по 3 р. 20 к.	38 › 40 ›
8 Донскаго по 1 р. 25 к.	10 › — ›
20 Зельтерской воды по 10 к.	2 › — ›

Итого 116 р. 20 к.

Теперь только я соображаю, что на 36 дѣйствительно обѣдавшихъ лицъ приготовлена была батарея изъ 74 бутылки вина и другихъ хмельныхъ напитковъ не считая (да, забылъ, пиво и медъ вѣрно было поставить Завитаеву, за что онъ и взялъ съ меня 10 р.). Пива, меду, Зельтерской воды и оставшихся отъ митрополичьяго обѣда бутылочекъ,

правда, много и осталось, но и пито было... Правда, и день былъ знойный, и говорено много, и сидѣли большинство до Петербургскихъ (12 Юля) сумерокъ!

Сему торжеству вещественно-духовному предшествовало однакоже торжество для меня чисто-духовное. Хиротонія моя совершилась 4 Юля; затѣмъ заставили меня отслужить первую архіерейскую обѣдню 5-го Юля, нашли, что служу порядочно твердо, ну и больше не нужно. 8-е Юля прошло для меня безъ службы; приближалось воскресенье 11-го Юля. Иду я по одной изъ аллей лаврскаго двора, встрѣчаю архидіакона, который и говоритъ: «а чтобы вашему преосвященству отслужить у насъ завтра въ соборѣ»? На это я отвѣчаю ему: «служить радъ, назначать,—не отказываюсь, не назначаютъ, не навязываюсь». Какъ разъ въ эту минуту подходитъ преосв. Тихонъ, который, за отбытіемъ владыки-митрополита изъ С.-Петербурга, оставался единственнымъ правителемъ С.-Петербургской митрополіи, архидіаконъ ему и говоритъ: «да вотъ я говорю его преосвященству», указывая на меня; «чтобы ему отслужить у насъ завтра въ соборѣ»? Я повторяю мой отвѣтъ. А преосв. Тихонъ и говоритъ: «да не хотите ли вмѣсто меня завтра отслужить въ Исакіевскомъ соборѣ»? «Съ величайшимъ удовольствіемъ». Такъ и рѣшено. Рѣшено было между нами тремя архіереями, что Павелъ и Тихонъ поѣдутъ завтра въ Ораниенбаумъ къ Чистовичу на обѣдъ, а я отслужу въ Исакіевскомъ и прибуду туда же на пятичасовомъ поѣздѣ, затѣмъ всѣ трое оттуда отправимся въ 10 часовъ вечера.

Такимъ-то образомъ Богъ и судилъ мнѣ отслужить въ Исакіевскомъ соборѣ въ архіерейскомъ санѣ. Припоминаю обстоятельство, что въ 1865 г. я стоялъ въ Исакіевскомъ соборѣ, предъ амвономъ и истерически рыдалъ, когда бывший Псковскій ректоръ Виталій, назначенный епископомъ въ Томскъ, читалъ архіерейскую присягу, читалъ превосходно, съ величайшимъ чувствомъ и толкомъ, я слышалъ ее тогда въ первый разъ: «Яже (Пречистая Дѣва) буди мнѣ во всемъ животѣ моемъ помощница... Всѣмъ и всяцѣмъ еретикомъ анаѰема... анаѰема... анаѰема»!

Мнѣ думалось и чувствовалось тогда, что я никогда не буду произносить и не произнесу этихъ анаѰемъ, никогда не буду читать и не прочту эту присягу. Тогда кромѣ митрополитовъ Исидора и Арсенія еще и преосв. архіеп. Платонъ стоялъ на амвоноѣ и, невольнo сочувствуя моей истерикѣ, откашливался... Теперь на этомъ широкомъ амвоноѣ я стоялъ одинъ, въ этомъ величественно-прекрасномъ храмѣ, подъ

восхитительные для меня всегда въ музыкальномъ отношеніи звуки: Да возрадуется душа твоя о Господѣ, пускаемые подъ недосыгаемые своды большимъ и довольно стройнымъ Исакиевскимъ хоромъ. Я нашелъ, что да — Исакиевскій соборъ прекрасенъ съ двухъ пунктовъ зрѣнія—съ авмона, когда смотрѣть прямо на этотъ крупными штрихами обозначенный иконостасъ, полубланный изъ окна солнечнымъ свѣтомъ, а другою половиною погруженный въ густую тѣнь, и другой разъ—прямо изъ-за престола отъ горняго мѣста, когда смотришь прямо въ эти грандіозныи одна въ другую математически вѣрно и пропорціо-нально вкладывающіяся дуги полу-свѣтлыхъ, полу-сумрачныхъ сѣрыхъ арокъ.

День былъ восхитительный. Ну и отслужилъ я Господу Богу мѣр-нымъ, спокойнымъ, благодарнымъ духомъ въ семь храмъ, въ которомъ въ 1864 — 1865 г. подчасъ забывался отъ горя. Одинъ разъ преосв. Герасимъ, возвращаясь съ возгласа: призри съ небесе Боже..., и видя, что я (стоя слѣва) не беру у него креста, положилъ его на престолъ самъ—похоже на—швырнулъ: «летаетъ-де въ фантазіяхъ человѣкъ», тогда какъ къ ту пору отъ мрачныхъ думъ у меня мутилась голова.

Изъ пѣсни слова не выкинешь, а потому: запишу хоть нѣсколько и нескромно, самого себя совѣстно: быть можетъ и я, по образу старѣй-шей братіи, состарѣюсь, осунусь, разважничаясь, или изнебрежничаясь, или опущусь отъ душевнаго упадка. Но теперь о моемъ совершенно простомъ, безыскусственномъ, конфузливомъ служеніи протод. Оболенскій отозвался: «Скажу вамъ, вы служите пре-во-сходно. Не говорю хоро-шо, а пре-во-схо-дно. Я ихъ (архіереевъ) видѣлъ не десятки, а больше сотніи. Скажу вамъ, вы служите превосходно. Голосомъ звонкимъ, хотя и хриплымъ отъ кашля, на полъ-собора навѣрное, пѣвчимъ въ тонъ, и т. п.

Руки еще поднимаются свободно, отъ старости, отъ тука не отя-желѣли. Спина еще гнется легко; поднимать, опускать не-старческую немощь еще не нужно, даже прикосновенія иподіаконовъ во время по-клоновъ производять во мнѣ судорожную дрожь. Ахъ, сократить бы еще число рукоцѣлованій,—понстинъ неприятно, также производить во мнѣ нервное содроганіе. Нужна привычка къ этому великому излише-ству виѣшнихъ рабскихъ знаковъ уваженія клира ко владыкѣ на гла-захъ всей церкви и часто чужестранцевъ.

Въ 5 часовъ я былъ уже въ Ораніенбаумъ, гдѣ засталъ почтен-ный кружокъ двухъ архіереевъ, нѣсколько родственныхъ Иларіону Але-

ксѣвичу дамъ и кавалеровъ, подъ предсѣдательствомъ Василя Борисовича, наслаждающихся послѣобѣденною бесѣдою. Не знаю, какимъ образомъ у нихъ это состроилось; но ясно было, что мои архіереи измѣняютъ мнѣ и своему слову отъѣхать изъ Ораніенбаума вмѣстѣ со мною на 10-часовомъ поѣздѣ. Оказывалось нужнымъ или мнѣ одному ѣхать на 10-часовомъ поѣздѣ и, значить, возвращаться въ Лавру въ полночь, или теперь вмѣстѣ съ ними ѣхать на 7 часовомъ поѣздѣ или, наконецъ, ночевать. Я объявилъ, что ѣхать сейчасъ-же—это значить—лучше бы не ѣхать вовсе, возвращаться одному въ полночь неблаговидно; лучше воротиться завтра на утреннемъ 7 часовомъ поѣздѣ. И потому я объявилъ, что почую. Но пока перекидывались этими разсужденіями и нѣкоторыми другими (вышеозначенными рѣчами), вотъ имъ уже настала пора подниматься. А я уѣхалъ, какъ предположилъ, на завтра въ 7 часовъ утра вмѣстѣ съ Іоанномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ. Провожала насъ до вокзала ангелоподобная хозяйка, съ которою я здѣсь и простился, быть можетъ, навсегда.

Забирала меня, признаюсь, и съ вечера, и съ ночи, и теперь тревога. «А что, думаю, да какъ случится со мною что либо, какъ да не доѣду до Лавры я въ пору. Гостей назвалъ, обѣдъ стряпается, вина не куплены, да и не заказаны. Вотъ былъ бы вселенскій скандалъ!» Однакоже прибыли какъ разъ въ пору, часовъ около 9—10. Въ моей Лаврской квартирѣ были уже развалины. Вмѣсто меня и даже вмѣсто Артемія хозяйничалъ тамъ артистъ Завитаевъ. Въ свою пору все было готово. Обѣдъ назначенъ былъ въ 2 часа. Я былъ одѣтъ и готовъ принимать гостей въ квартирѣ о. Палладія въ 1 часъ. Но гости, какъ единъ человекъ, съ чисто-Петербургскою аккуратностію и взаимнымъ самоуваженіемъ, ввалились массою подъ предводительствомъ двухъ архіереевъ ровно въ 2 часа. Тутъ-то Іларіонъ Алексѣевичъ, сіявшій, къ слову сказать, звѣздою, и извинился: «Ужъ извините, грѣхъ на моей душѣ, не достало духа позвать И. В. Чельцова». Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы поднялись и перешли въ мою квартиру, гдѣ, призвавъ благословеніе Божіе на ястія и питія и предстоящій подвигъ, дружно двинулись на приступъ натискомъ брать эти батареи, нарывавшія адскій огонь изъ аллашевъ и разныхъ горькихъ, хересовъ, портувейновъ и пр. Съли подъ предсѣдательствомъ преосв. Павла. Слѣва очертался преосв. Тихонъ. Визави заняли К. И. Лучицкій, П. И. Савваитовъ, П. И. Лебединскій, настоятель Псакиевского собора Лебедевъ, протоіерей Яхонтовъ и Павловскій. В. И. Долопкому, П. А. Чистовичу и Е. И. Ловягину пришлось сѣсть слѣва отъ преосв. Тихона. Справа отъ преосвященнаго Павла сѣлъ (справа—не слѣва—случайно, а не

по расчету) я посадилъ воелъ себя Н. П. Ивановскаго, какъ единственнаго представителя Казанской Духовной Академіи (чѣмъ С.-Петербургская Духовная Академія, какъ покажутъ послѣдствія, была шокирована) а далѣе сѣли о.о. архимандриты Хрисанъ, Палладій и Іустинъ; а затѣмъ и всѣ. Маленькихъ людей тутъ не было, всѣ большіе, или лучше — всѣ равные. Но сверхъ чаянія преосв. Павелъ миѣ и шепчетъ: «Напрасно вы не посадили около себя нашего друга». А я ему въ отвѣтъ: «онъ большой человѣкъ, самъ найдетъ себѣ мѣсто, а я подъ свое покровительство взялъ свою Академію». Это, чего я не предвидѣлъ, было зерномъ спора, при обильномъ поливаніи Шампанскими и прочими добрыми влагами, выросшимъ въ большое, впрочемъ довольно красивое, по крайней мѣрѣ интересное, яблоко-раздора. Хорошо. Почали ѣсть и пить. Сначала я раза два поднимался посмотреть, вездѣ ли равномерно обильно разставлены щедро припасенныя мною батареи. Оказалось, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. И враговъ довольно, и нападеніе чинится отважное и неотступное. Съ половины обѣда, увѣренный въ блистательной баталіи, я уже и пересталъ подниматься, а только съ своего мѣста окидывалъ поле сраженія взоромъ полководца. Подали Шампанское. Начали за здравствовать съ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и преосв. митроп. Исидора; продолжили здравіемъ хиротонисавшихъ архіереевъ и господина преосв. Тихона; не помню, здѣсь ли, затѣмъ ли провозглашено было многолѣтствіе (протодіакономъ Оболенскимъ) и моему недостоинству; далѣе многолѣтствовали преосв. Платона Донскаго и Антонія Казанскаго съ пѣніемъ всесоборне: «Многая лѣта!» Теперь кстати скажу, что вообще въ Петербургѣ провинціальныя архіереи не имѣютъ популярности, даже извѣстности; имя Антонія Казанскаго вырастаетъ, такъ что знающіе люди, какъ бы согласившись, повтѣряютъ всѣ одну фразу: «Его время прійдетъ, но пока сдержанность и осторожность»; но если есть архіерейское имя, произносимое рѣшительно всѣми со всеобщимъ сочувствіемъ, то это имя архіеп. Платона. Могу смѣло сказать, что всякая, говорившая со мною, душа непремѣннымъ долгомъ поставляла выразить, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, свое сочувствіе и уваженіе преосв. Платону. Одинъ Петръ Ивановичъ Боголюбовъ говоритъ: «Я его ученикъ»; другой (протоіерей А. А. Павловскій) говоритъ: «Я и мы—вся семья свидѣтельствуемъ ему наше почитаніе вседомовно, такъ и скажите—вседомовно»; третій (В. П. Долоцкій): «отъ меня, знаете, глубочайшее почитаніе преосв. Платону; я, знаете, его глубоко уважаю и сердечно люблю этого человѣка»; четвертый (протодіаконъ Оболенскій): «онъ знаетъ на меня гнѣвается; но сдѣлайте милость, ваше преосвященство, не забудьте, отъ меня глубочайшее, наиглубочайшее почитаніе». Всего не вспомнить.

Но рѣшительно всѣ, всѣ до единой души. Кирилль Ивановичъ Лучицкій не отъ себя только глубочайшее сочувствіе передавалъ, но и отъ тестя своего доктора и генерала Ивана Васильевича Бобрикова: «онъ очень жалѣетъ, что и васъ не видалъ. Но не забудьте же, отъ насъ отъ всей семьи, глубочайшее уваженіе преосв. Платону». Архіереи всѣ, и самъ митроп. Исидоръ нашель нужнымъ передать мнѣ чрезъ о. Исаію, чтобъ я не забылъ передать его поклонъ преосв. Платону. Преосв. Тихонъ и Павелъ тоже. Василій Борисовичъ Бажановъ и Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій тоже, послѣдній крѣпко извинялся въ неаккуратной корреспонденціи: «Вѣдь у нихъ у всякаго канцелярія, писмоводители; а я всякую бумажонку отъ меня исходящую долженъ изобразить собственноручно до послѣдней строчки. Ну такъ и не успѣваешь. Пусть извинитъ ради Бога. Но глубокое ему мое и всегдашнее почитаніе». Имя преосв. Платона не только за объдомъ, но и послѣ объда долго было предметомъ самыхъ сочувственныхъ рѣчей и выраженій уваженія и благожелательства....

Объдъ между тѣмъ, шумъ и винопитіе шли своимъ чередомъ, и завязка всего этого узла приближалась къ развязкѣ. Смутно предносившаяся идея этого объда незамѣтно подходила къ своему выясненію. Начались спичи. Первымъ всталъ извѣстный литераторъ, протоіерей Іоаннъ Константиновичъ Яхонтовъ. Онъ смѣло далъ тему всему послѣдующему развитію спичей, заговоривъ о благотворномъ значеніи монашества для церкви вообще и для богословской науки въ частности, начавъ съ того, что онъ, самъ протоіерей и семьянинъ, всегда питалъ сочувствіе и привязанность къ представителямъ ученаго монашества; это потому, что его всегдашнимъ убѣжденіемъ было, что и это отрѣшенное отъ заботы мірской званіе необходимо у насъ для блага церкви, и скажу прямо, даже для развитія богословской науки и т. д. Преосвящ. Павелъ и я сказали вслухъ, что это заявленіе по обстоятельствамъ послѣднихъ дней есть своего рода мужественный подвигъ, заслуживающій съ нашей стороны признательности. Продолжалъ Василій Петровичъ Полисадовъ, сузивъ свою рѣчь на тему чисто-личную обо мнѣ, такъ какъ онъ мой наставникъ по семинаріи, зналъ меня съ раннихъ лѣтъ моей юности; затѣмъ плавно-отборною ораторскою фразою острилъ другъ мой съ дѣтства Іоаннъ Григорьевичъ Заркевичъ. Между тѣмъ я провозгласилъ четвертый тостъ за здоровье моихъ наставниковъ, воспитателей, друзей и товарищей. Пили и пѣли, приправляя ораторствомъ и хохотомъ. За этимъ тостомъ я обошелъ кругомъ столовъ всѣхъ моихъ гостей и перечекался се всѣми, потому что тутъ былъ всякій или наставникъ мой и воспитатель, или другъ и товарищъ;

даже о. Исаи сказалъ: «Пью ваше здоровье, какъ товарища и совопитанника по монашеству, потому что помню васъ канонархомъ, когда самъ бѣгалъ ежедневно въ Лавру молиться Богу, готовясь, какъ вы, къ монашеству». «Провозглашаю пятый тостъ и прошу позволенія, почтенные отцы и господа, провозгласить тостъ за Казанскую Академію». Единственный представитель оной профессоръ Н. П. Ивановскій поднялся и произнесъ рѣчь весьма сочувственную къ отношенію къ лицу ея бывшаго ректора о заслугахъ его не ученыхъ и административныхъ, которыя оцѣнены его сослуживцами при глубоко-сочувственномъ прощаніи съ о. ректоромъ къ самой Казани, но обративъ вниманіе свое и слушателей на другую сторону характера этого лица—именно на наиболѣе сочувственную, гуманную сторону его, какъ чловѣка... Но въ эту пору преосв. Павелъ шепчетъ мнѣ: «напрасно вы не провозгласили тостъ за Петербургскую Академію». Я шопотомъ же отвѣчаю: «провозгласилъ же я здорвье моихъ наставниковъ, воспитателей и т. д.; а того я и не замѣтилъ, что три слѣва отъ архіереевъ сидѣвшіе профессора Долоцкій, Чистовичъ и Ловягинъ, конечно подъ ваініемъ средняго: «не вставайте», не вставайте, не встали, когда я провозгласилъ тостъ за Казанскую Академію. Черезъ нѣсколько секундъ преосв. Павелъ опять шепчетъ: «Иларіонъ Алексѣевичъ требуетъ, чтобы вы провозгласили тостъ за С.-Петербургскую Академію». Я отвѣчаю шопотомъ: «да неловко же теперь, когда я уже напередъ провозгласилъ за Казанскую». Такъ какъ въ этотъ моментъ Н. П. Ивановскій кончилъ свою рѣчь, то я поднялся отвѣтить скороговоркою на три слова, его, Ивановскаго, Полисадова и Ихонтова, замѣтивъ по смыслу рѣчи послѣдняго, что «его заявленіе, какъ мужественное заявленіе убѣжденія, заслуживаетъ особенной нашей признательности, что-де-монашество до сихъ поръ давало церкви всѣ великія имена, начиная со вторыхъ послѣ Христа основателей христіанства, иночествовавшихъ апостоловъ Павла и Іоанна, что выяснено даже протестанскою богословскою школою, и до нашихъ дней, когда мы видѣли Филарета»... Но вдругъ поднимается мой другъ Иларіонъ Алексѣичъ, оказавшійся ратоборцемъ за противный принципъ, и говоритъ громко: «Я не уйду отсюда, пока вы не провозгласите здорвье С.-Петербургской Академіи, которой вы всѣмъ обязаны». — «Ахъ, Боже-жъ мой!» говорю громко и я стоя, какъ стоялъ, «я же провозглашалъ здорвье моихъ наставниковъ, воспитателей и пр. Желаю ей, какъ и здѣшней семинаріи (тоже моя alma mater) бытія многолѣтняго, столѣтняго, тысячелѣтняго, чтобъ она до скончанія вѣковъ процвѣтала, храня свою самобытность и обособленность, стоя на старыхъ принципахъ, на которыхъ стояли дондесъ». «Нѣтъ», громко и твердо настаиваетъ мой другъ, «вы должны про-

возгласить здорově Академіи въ настоящемъ ея составѣ, на настоящихъ принципахъ, при настоящемъ уставѣ». Это подлинныя слова моего друга, контръ - агента. Затѣмъ уже слова и понятія въ моемъ воспоминаніи спутываются съ шумомъ и гамомъ, съ выраженіями сочувствія, которыя, (не сильно ошибусь если скажу), всѣ были на моей сторонѣ.—«Желаю», кричу я звонкимъ голосомъ, покрывая гулъ тридцати голосовъ, «желаю вѣковѣчнаго процвѣтанія Академіи на старыхъ принципахъ. Если же вы настаиваете на новыхъ принципахъ, отличныхъ отъ старыхъ, въ такомъ случаѣ заявляю вамъ, что я архіерей, что я присягалъ»... «Браво, браво, такъ, такъ», общія восклицанія. «Мой почтенный другъ Иларіонъ Алексѣевичъ», продолжаю я, «вѣрить въ Entwicklung,—въ развитіе христіанской идеи. Я же въ это развитіе не вѣрю. Я полагаю, что принципъ Православія долженъ быть неподвиженъ. Долженъ быть неподвиженъ не только въ догматѣ, но и въ обрядѣ и въ канонѣ».—«Такъ, такъ, такъ, такъ», восклицанія. «Допускаю разнообразное живое приложеніе обряда и канона къ жизни въ ея жизненномъ развитіи»... Тутъ произнесъ «такъ», самъ Кирилль Ивановичъ Лучицкій.—«... Разнообразное приложеніе въ практикѣ, но въ теоріи, въ признаніи, въ исповѣданіи они должны быть нерушимо хранимы, какъ принципъ нашей церкви и царства, которое создано православіемъ. Если же мы сдвинемся съ принципа православія, то вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнемъ принципъ не только крѣпости нашего народа, но и бытія».—«Такъ, такъ, такъ!»—«Господа!» кричитъ, заглушая всеобщій шумъ и самъ Заркевичъ, чувствуя, что рѣчи принимаютъ щекотливое направленіе,—«Господа! Отцы! братія!... Позвольте остановить ваше высокое вниманіе на весьма важномъ предметѣ, слишкомъ существенно касающемся общаго нашего благоденствія и особенно благонастроеннаго, скажу болѣе, веселаго расположенія нашего духа, въ настоящій торжественный день и въ настоящую умирительно-празднственную минуту (слушаютъ)... Такъ какъ (весьма внушительно) сей обильный запасъ, предложенный щедрою рукою нашего пречтеннаго и прелюбезнаго друга, чрезъ пять минутъ долженъ истощиться»... Варывъ хохота и гаму.—«Поправка, поправка!» кричу я,—«чрезъ 10!.. Имамъ блага многа стояща за сею утлою преградой, сирѣчь—перегородкою», гдѣ дѣйствительно стояли еще десятки нераскупоренныхъ бутылокъ. Воодушевленіе всеобщее... Но сердечною рѣчью сгладить сказавшуюся серьезную разногласицу въ воззрѣніяхъ взялся Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, сказавъ спичъ на тему, что «обстоятельства жизни измѣняются, времена и поколѣнія уходятъ, рождаются новыя идеи и потребности, порождающія и новыя уставы жизни, но принципъ въ нашей Русской церковно и учебной жизни все одинъ! И не можетъ не

быть не одинъ». Наконецъ спичи во устахъ протоіерея-старца А. А. Павловскаго, опять В. П. Полисадова, опять Заркевича и въ заключеніи товарища моего по семинаріи Владыкина приняли опять личный сочувственный мнѣ колоритъ. И надо сказать, что въ то время спичеговореніе только прикрывало собою всеобщій одушевленный говоръ, такъ какъ говорящіе тутъ были всѣ, а слушающихъ, кажется, уже никого, кромѣ развѣ хозяина. При всеобщемъ воодушевленіи и благодареніи Богу за великія и богатыя милости мы поднялись и, перецѣловавшись, изыдохомъ въ сосѣдную квартиру моего товарища о. Палладія, гдѣ до сумерокъ и позже продолжали всякія изліянія и возліянія. Мой лучший другъ однакоже, кажется, изыде нѣсколько смущенный и имѣя нѣчто на мя. Ну что же? Два противныхъ лагеря.... Гдѣ же пункта соприкосновенія? О, есть, найдутся. Всѣ же прочіе, насколько мнѣ извѣстно, разошлись въ лучшемъ расположеніи духа, т. е. какъ въ лучшемъ? такъ что самъ солиднѣйшій и острый К. П. на другой по обѣдѣ день выразился: «Вы всегда оставляли во мнѣ пріятное впечатлѣніе и воспоминаніе, и въ студенчествѣ своемъ и теперь. Благодаримъ васъ за гостепрѣимство, за память, за добрыя къ намъ чувства». Нарочно прикатилъ назавтра Платонъ Петровичъ Травнинскій. «Ну, батюшка, обѣдъ! Но что же это! ч! Макарій во фракъ! Ну, съ какой стати, кто его уполномочилъ? Требуется настоятельно. Мы всѣ шли вчера и ругали его, признаюсь, на чемъ свѣтъ стоитъ». — «Любезный другъ! защищаю я, вѣдь онъ намъ преданнѣйшій человекъ, вѣдь другъ и благодѣтель. Онъ и тутъ имѣетъ добрую мысль и тенденцію, заставляя меня провозглашать за С.-Петербургскую Академію. Вѣдь они теперь соло, въ ихъ рукахъ вліяніе. Такъ ему не хотѣлось, чтобъ я оставилъ такое впечатлѣніе, какъ будто отбиваюсь отъ нихъ въ сторону. Къ сожалѣнію вышло только хуже, нѣчто неожиданное». «Ничего, ничего, не мѣшаетъ имъ напомнить, чтобъ не забывались». Самъ о. Исаія, и тотъ, встрѣтивъ меня на аллеѣ, сдѣлалъ такой отзывъ: «Это вы прекрасно, ваше преосвященство, о новомъ уставѣ имъ на обѣдѣ. А то право же, ладу съ ними нѣтъ. Все вверхъ ногами. Вотъ былъ хоръ митрополичій, нужны пѣвчіе. Теперь никто не идетъ и не живетъ. Чтò прикажете дѣлать? Все новые уставы. Бывало, въ семинаріи, въ училищѣ пѣвчимъ окажутъ и снисхожденіе. Теперь?! Никакого. Ну никого и не удержишь, никто и не живетъ. Потому трудъ лишній, а облегченія никакого. А еще, пожалуй, хуже. Пѣвчій, такъ и налягутъ еще хуже: «давай его сюда». Бѣда, просто разоренье отъ этихъ новыхъ уставовъ!» Ну а прочіе: «та-ко-го обѣда?... Ну признаюсь».... Ну а я самъ, чтò говорю о своемъ обѣдѣ?—«Пусть ихъ... По крайней мѣрѣ не такъ скоро забудутъ».

Забылъ еще сказать, что 9 Юля въ Пятницу я отвезъ иконы Казанскія Божія Матери: 1) Василию Борисовичу Бажанову, который сказалъ мнѣ, что отдаетъ такія иконы бѣднымъ невѣстамъ, на что сказалъ я: «Такъ какъ теперь я вижу ваше в—біе, вѣроятно, въ послѣдній разъ, то примите выраженіе моей глубочайшей признательности за всѣ благодѣянія, которыя видѣлъ я отъ васъ»; 2) Иоанну Васильевичу Рождественскому, который распространялся на тему, что помнить меня съ дѣтства, съ семинаріи; и 3) Михаилу Измаиловичу Богословскому, который, какъ человекъ всегда мнѣ благожелательный, послѣднимъ словомъ объявилъ мнѣ напрямки: «Не безпокойтесь, скоро увидимся, здѣсь увидимся». Надѣмся, что «вы и теперь не оставите вашихъ литературно-ученыхъ занятій».

13-е число посвящено было окончательнымъ расчетамъ и сборамъ. 14-го же Юля, поклонившись святому благовѣрному великому князю Александру Невскому, я отбылъ съ преосв. Павломъ Кишиневскимъ, который предварительно совершенному отбытію въ Кишиневъ ѣхалъ на Тверскую свою родину проститься съ родными, по Николаевской желѣзной дорогѣ до станціи Бологовской, откуда одинъ съ желейникомъ до Москвы, въ которую прибылъ 15-го Юля; поутру 16-го былъ въ Нижнемъ Новгородѣ; поутру 17-го былъ въ Казани. Столбы пыли въ Казани по улицамъ; невыносимая пыль и нечисть отъ всеобщаго ремонта въ Академіи. Какъ-то почувствовалось, что мнѣ здѣсь уже не мѣсто, самъ собою выметается старый духъ. 20-го Юля въ Ильинъ день я служилъ литургію въ малой Феодоровской церкви, обѣдалъ съ преосв. Антоніемъ и Викторинимъ у послѣдняго, гдѣ съ ними и простился, вечеромъ пилъ чай у именинника Ильи Степановича Бердникова, гдѣ шутилъ съ «веселыми и слѣпыми человекѣми», ночью до утра пилъ Шампанское въ небольшомъ кругу подъ сѣнію академическихъ кленовъ, при восхитительномъ смѣшеніи свѣчнаго и луннаго освѣщеній въ академическомъ саду, при чемъ и дамы пѣли: Многая лѣта.... Послѣ чего первоначало Казанской Духовной Академіи, Наапаилъ Петровичъ Соколовъ, съ сознаніемъ послѣдней минуты разлуки и конечно навсегда, говорилъ глубоко-прочувствованный и для меня незабвенный спичъ: «Ваше преосвященство! Раастаемся. Послѣднее мое вамъ слово. Говорю за себя; но думаю, что мнѣ будутъ сочувствовать эти почтенные господа и госпожи. Я здѣсь переживаю седьмого ректора. Кажется, приобрѣлъ навыкъ и вкусъ въ людяхъ. Позвольте вамъ заявить. Начитанность вы имѣете огромную, свѣдѣнія громадныя, способность усвоенія изумительную. Дѣятельность ваша въ Академіи была благотворная и благородная. Я ее знаю и столько, сколько другіе знаютъ, и больше другихъ знаю по особымъ и болѣе частымъ отноше-

ніямъ. Вы седьмой ректоръ, и изъ монашествующихъ вѣроятно послѣдній. Но скажу прямо: я пережилъ всѣхъ, что впереди ожидаетъ меня и Академію, не знаю. Но лучше васъ ректора я не встрѣчалъ. То же самое, что говорилъ мнѣ Михаилъ Сергѣевичъ Святославскій въ Ригѣ, что говорили мнѣ при прощаньи въ Витебскѣ. Съ этимъ словомъ Нафанаилъ Петровичъ тяжело надвинулъ шапку на глаза, мы всѣ проводили его почти молча до выхода изъ саду, онъ грузно опустился на своего бѣлаго коня и молча двинулся еще разъ, взмахнувъ шапкою: «прощайте!» Мы всѣ разошлись. Назавтра въ раннее утро, въ сопровожденіи единого Ильи Степановича Бердникова, я оставилъ Казанскую Духовную Академію, благословляя ее въ душѣ и рукою по всѣмъ угламъ и пунктамъ моего зрѣнія и воспоминанія: «Благослови Господи, помяни Господи, помяни Господи... Дай имъ миръ, тишину и изобиліе плодовъ вещественныхъ и духовныхъ и многая лѣта».

Кончилъ сіе писаніе сего 21-го Августа, какъ-разъ къ прибытію преосв. Платона, которое должно состояться завтра въ 5 часовъ вечера.

Слава и благодареніе Господу Богу Нашему за все, и тяжкое, и свѣтлое, не оставляющему насъ искуситися паче, неже можемъ понести, но творящему со искушеніемъ и избытіе.

Р. S. Вчера, 20-го Августа, я получилъ бумагу изъ Казанской Духовной Академіи отъ Августа 14-го за подписью уже «ректора Академіи протоіерея Александра Владимірскаго». А Петръ Васильевичъ Знаменскій говорилъ, что «теперь при ректорѣ появится еще ректорша съ такимъ же значеніемъ, вліяніемъ и правами». Хорошіе, лучшіе люди Владимірскіе; но все же—другой совѣмъ принципъ.

Р. S. Прибывшій 22-го Августа владыка Платонъ разсказалъ мнѣ двѣ вещи. 1) Когда онъ присутствовалъ въ Синодѣ, митрополитъ Исидоръ заявлялъ синодаламъ письмо митрополита Московскаго Филарета, который внушалъ синодаламъ поголовно всѣмъ потребовать у Государя своей отставки, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ служить имъ и вести дѣла нельзя, на что синодалы возразили: «Зачѣмъ же Филаретъ самъ въ свою пору этого не сдѣлалъ?» 2) М. Н. Муравьевъ, на разсужденія о лучшемъ устройствѣ Синода, сказалъ преосв. Платону: «Чудакъ вы, преосвященный! Старый человекъ, а такъ мало знаетъ положеніе дѣлъ. Вѣдь тогда Синодъ усилился бы? Да. Такъ ктожь этого же желаетъ, чудакъ вы!! Теперь Синодъ безсиленъ, и Россія этого не знаетъ; а тогда вся Россія узнаетъ, что Синодъ и есть и долженъ быть безсиленъ». 3) Теперь у преосв. Платона имѣются Записки митрополита Литовскаго Іосифа, присланныя для прочтенія по завѣщанію покойнаго автора. Увидимъ и прочитаемъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «ИЗДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХИВА».

У Александры Ивановны и Ольги Федоровны Кошелевыхъ въ Москвѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собиралось по Вторникамъ много знакомыхъ людей, по большей части умственного круга. На эти Вторники привлекало гостепрѣимство хозяевъ, непринужденность бесѣдъ и обычные ужины (всегда изъ однихъ и тѣхъ же блюдъ). Иногда бывали и чтенія. Разность во мнѣніяхъ не выступала рѣзко и не препятствовала искреннему обмѣну мыслей. Мнѣ доводилось бывать на этихъ Вторникахъ, что называется, завсегдатаемъ. Пріѣхалъ однажды профессоръ философіи въ Московскомъ Университетѣ, Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ. Онъ былъ воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, и вотъ что онъ разсказалъ про Кіевского митрополита Филарета. У него бывали по вечерамъ студенты Академіи. Онъ отличался благодушіемъ и подъ старость нерѣдко разсказывалъ, какіе бывали у него грѣхи. Къ числу ихъ причислялъ онъ такой случай. Когда, неожиданно для всѣхъ императоръ Николай Павловичъ назначилъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода молодого полковника, графа Н. А. Протасова (получившаго воспитаніе въ Петербургскомъ Іезуитскомъ пансіонѣ), члены Синода были озадачены. Серафимъ и оба Филарета, Московскій и Кіевскій, уговорилсь между собою дожидаться, чтобы графъ Протасовъ посѣтилъ ихъ. „Я всю ночь не спалъ. Всяка душа властѣмъ повинуетя. Не бо безъ ума мечъ носитъ, и другіе текеты приходили мнѣ въ голову, и на утро я уже отправился взглянуть на новое „царское око“. Глядь, Московскій уже тамъ; а вслѣдъ за мною пріѣхалъ и Серафимъ, и мы долгонько оставались въ пріемной, пока вышелъ къ намъ графъ Протасовъ“.

Лишь подъ конецъ долгой жизни, нашъ Московскій Филаретъ выразился В. В. Скрипичину: „кажется, что мы страдаемъ избыткомъ покорливости“. Въ Чудовомъ монастырѣ, когда кончилось отпѣваніе митрополита Филарета, нѣсколько архиереевъ поклонились одному высокому лицу, пріѣзжавшему изъ Петербурга, съ выраженіемъ благодарности за оказанную пріѣздомъ честь. Пріѣзжіи выражали свое негодованіе С. М. Соловьеву на эту приниженность.

*

Долго не могъ я понять, что побудило императора Николая Павловича назначить графа Протасова на важную должность оберъ-прокурора Св. Синода, т. е. главнаго распорядителя всѣхъ вышнихъ дѣлъ церкви. Го-

сударь, какъ извѣстно, былъ человѣкъ искренне-благочестивый. Онъ говорилъ, что желаетъ вѣрнѣе, какъ вѣрнѣе Русскій престолюдинъ, и конечно это желаніе возымалъ онъ отъ частаго общенія съ Русскимъ солдатомъ. Между тѣмъ назначеніе графа Протасова выходило какъ бы оскорбленіемъ если не первы, то ея представителей. Молодой, богатый и блестящій гвардеецъ, графъ, слышно было, даже плохо зналъ по-русски, съ дѣтства и въ пансіонѣ у иновѣрца усвоивъ себѣ Французскій языкъ, хотя родомъ изъ семьи благочестивой.

Объясненіе далъ мнѣ его родственникъ князь Д. А. Оболенскій. Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ Москву, обратился къ тестю графа Протасова, князю Дмитрію Владимировичу Голицыну съ вопросомъ: „Что же ты меня не благодаришь? Какое мѣсто я далъ твоему зятю!“ Князь молча поклонился. „Эхъ, Голицынъ, и ты тоже не понимаешь меня: вѣдь церковью-то править буду я самъ“.

Если и тогда дѣятельность Св. Синода была такова же, какъ она изображена въ Запискахъ архіепископа Никанора (см. „Русскій Архивъ“ 1807 г.), то намѣреніе Николая Павловича объясняется. Тутъ могло дѣйствовать и наслѣдственное побужденіе. Государь зналъ, что его отецъ даже намѣревался служить обѣдно, и его отговорили только тѣмъ, что онъ былъ двоеженецъ.

Не надо забывать, что въ синодальное управленіе при графѣ Протасовѣ сдѣлано было немало добраго, напримѣръ, посылка въ Іерусалимъ архимандрита Порфирія Успенскаго, или же появленіе въ печати ежегодныхъ отчетовъ оберъ-прокурора; не говоримъ о возникновеніи многихъ прекрасныхъ храмовъ. Пріятель графа Протасова, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, рѣдкій знатокъ всякой церковности, былъ ему совѣтникомъ въ случаяхъ затруднительныхъ. Вообще же, въ царствованіе Николая Павловича, наше духовенство значительно поднялось сравнительно съ предшествовавшимъ двадцатипятилѣтіемъ. А. И. Тургеневъ говорилъ, что когда онъ былъ правителемъ дѣлъ при князѣ А. Н. Голицынѣ, то вставалъ поздно и въ пріемной своей находилъ по нѣскольку человѣкъ архіереевъ и архимандритовъ. Въ послѣдніе годы Александрова царствованія состоялся указъ, по которому помѣщики не могли подносить больше одной рюмки вина священникамъ, приходившимъ на праздникъ со крестомъ. П. Б.

ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВИЩА ВЕЛИКОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

Существуютъ духовныя фамиліи, произведенныя отъ названій селъ, большею частью ивородческихъ, но по случайному созвучію со словами языковъ древнихъ и западно-европейскихъ, на первый взглядъ кажушіяся взятыми изъ этихъ языковъ. При склонности объяснять духовныя фамиліи изъ языковъ иностранныхъ эти фамиліи представляютъ большой соблазнъ для толкователя, и неожиданно встрѣтившееся названіе русскаго села жестоко разрушаетъ всѣ его дивинаторскія построенія и филологическія соображенія. Слѣдующія фамиліи, на первый взглядъ греческія, латинскія, нѣмецкія и англійскія, на самомъ дѣлѣ объясняются русскими, татарскими, мордовскими и т. п. названіями великороссійскихъ селъ: Алатовъ (Каз. кн., 285) не отъ *alatus* (крылатый), но отъ с. Алатъ Каз. у.; Алсянскій (Каз. Оп., 90) не отъ греч. *ἄλσος* (роща), но отъ с. Алзы Ардат. у. Симб. губ.; Брейтовскій (Яр. 5, 362) не отъ нѣм. *breit* (широкій), но отъ с. Брейтово Молож. у.; Брутовскій (Сузд., 159) не въ честь римскихъ Брутовъ, но отъ с. Брутова Владим. у.; Венетинскій (Каз. Оп., 152) не отъ Венетовъ или лат. *venetus* (голубой), но отъ села Венеты Лаишев. у.; Вераинъ (Яр. 70, 245) не отъ *versus* (стихъ), но отъ с. Вераина Ростов. у.; Верольскій (Спб., 643) не отъ названія болѣани *vegole*, но отъ Верольскаго погоста Новоладожск. у., Вирганскій (0, 565) не отъ популярной въ духовныхъ школахъ лозы—*virga*, но отъ названія трехъ селъ Нижнеломов. у. (двѣ Вирги Ивановскія и одна Вирга Сергіевская); Витальскій (Яр. 5, 363) не отъ лат. *vitalis* (жизненный), но отъ с. Виталей-Спаскаго на р. Виталькѣ Данил. у.; Еделевскій (89, 167) не отъ нѣм. *edel* (благородный), но отъ с. Едидева Буинск. у. Симбир. губ.; Зоновъ (Вят. 69, 270) не отъ греч. *ζώνη* (поясъ) или нѣм. *Sohn* (сынъ), но отъ с. Зоно Малмыж. у.; Иссинскій (88, 123) не отъ Киликійскаго города Исса, но отъ с. Иссы Инсар. у.; Ихтинскій (Вят. 69, 304) не отъ греч. *ἰχθῆς* (рыба), но отъ с. Ихты Яранск. у.; Кавскій (Тв. 4, 339) и Кавендровъ (0, 557) не отъ лат. *cavege* (остерегаться) или *caucus* (полый), но первая отъ с.

*) См. выше, стр. 75.

Кавы Новоторж. у., а вторая отъ с. Кавендры Наровчат. у.; Кавтеринъ (Пенз. 0, 561) не отъ греч. *καυτήριον* (клеймо), но отъ с. Кавторовко Саран. у. ¹⁾; Карницкій (Тул. 5, 187) не отъ лат. *caro, carnis* (мясо), но отъ с. Карничекъ Богородиц. у., Керскій (О. Р., I, 562) не отъ имени богинь судьбы *Κῆρες*, но отъ с. Керы Нижнедомов. у.; Кинобальскій (Вл., 125) не отъ греч. *κύων, κυνός* (собака) и *βάλλω* (бросаю) но отъ с. Кинобала Юрьев. у.; Колоновскій (Пенз. 68, 273) не отъ мѣстечка Колонъ, давшаго убѣжище Эдипу, но отъ с. Колоно Чембар. у.; Лоховъ (Сар. 2, 527) не отъ греч. *λόχος* (отрядъ), но отъ с. Лохо ²⁾ Сарат. у.; Моденскій (95, 176) не отъ Итальянскаго города Модены, но отъ с. Модни Новгород. у.; Нильскій (Вл. 4, 314) во Владимірской епархіи ³⁾ не отъ р. Нила, но отъ с. Ниловъ Переслав. у.; Омофоровскій (Вл., 182) не отъ греч. *ὠμοφόριον* (омофоръ, наплечникъ), но отъ с. Омофорова Покров. у.; Пертовъ (94, 245) не отъ шотландскаго города Перта, но отъ с. Пертова Шацк. у.; Пластиковъ (Д., III, 100) не отъ греч. *πλάσσω* (образую), но отъ с. Пластикова Сапожков. у.; Политовъ (Ряз., XXXI) не отъ греч. *πολίτης* (гражданинъ) или лат. *politus* (полированный, цивилизованный), но отъ с-ца Политова Донков. у. ⁴⁾; Симилайскій (98, 157) не отъ лат. *similis* (похожій), но отъ с. Симилай Саранск. у., Ставровскій (Вл., 7) во Владимірской епархіи не отъ греч. *στυρός* (крестъ), но отъ с. Ставрова Влад. у.; Терсинскій (Род., 487) не отъ лат. *tersus* (обтертый, чистый, прекрасный), но отъ с. Терсы Аткар. и Вольск. у.; Фатуевъ (Сарат. кн., 359) не отъ лат. *fatuus* (глупый), но отъ с. Фатуевки Мокшан. у.; Юнгеровъ (Пенз. 0, 578) не отъ нѣм. *jung* (молодой), но отъ с. Юнгеровки Аткар. у. ⁵⁾; Эксталева (89, 150) не отъ греч. *ἐκστέλλω* (отличаюсь, прил. *ἐκσταλείς*) но отъ с. Экстала Тамбов. у. Нѣкоторыя фамиліи, на первый взглядъ, кажущіяся произведенными отъ именъ библейскихъ, на самомъ дѣлѣ происходятъ отъ названій русскихъ селъ, напр. Амановъ (Д., II, 14) не въ честь погубленнаго евреями вельможи царя Ассиура, но отъ с. Аманова Скопин. у.; Сигорскій (Костр. 90, 177) и Сигорицкій (4, 218) не отъ библейскаго г. Сигора, но, вѣроятно, отъ с. Сигори Углиц. у.;

¹⁾ Является соблазнъ признать фамилію Кавтеринъ переводомъ на греческій фамиліи Клейменовъ отъ с. Клейменовки Пензен. у.

²⁾ Дохъ значить семга.

³⁾ Псковская фамилія Нильскій (Род. 316), м. б., другого происхожденія.

⁴⁾ Въ Тамбовской епархіи эта фамилія происходитъ отъ с. Политова Тамбов. у.; въ Казанской (Каз. 67, 54), м. б., другого происхожденія.

⁵⁾ Самая Юнгеровка получила нѣмецкое названіе; но фамилія Юнгеровъ взята не прямо изъ нѣмецкаго языка, но отъ названія села.

Эдемскій (Вл., 326) не отъ Эдема—рая, но отъ с. Эдемскаго Ковров. у. ¹⁾, Эдомскій (5, 214) не отъ Эдома-Исава, но отъ с. Эдомо ²⁾, Эммаусскій (Сп. архіер., 40) не отъ Палестинской веси, но отъ с. Эммауса Твер. у. ³⁾. Помимо этихъ, большею частью инородческихъ фамилій, нѣкоторыя фамиліи, кажущіяся искусственно образованными отъ славяно-русскихъ словъ для обозначенія тѣхъ или другихъ свойствъ учениковъ, на самомъ дѣлѣ безъ всякихъ мудрствованій произведены отъ названій сель и городовъ: Взорновскій (Сзд., 163) и Невзоровъ (Ген., III, 21) не отъ слова взоръ, но отъ с. Взорова Шуйск. у. и с. Невзорова Скопин. у.; Грудцынъ (Нж. 68, 259) не въ честь героя старинной повѣсти Саввы Грудцына, но отъ с. Грудцына Горбат. у.; Дѣвицынъ (Вор. 903, 103) не отъ слова дѣвица, но отъ города Нижняго-Дѣвица; Иговскій (Вл., 114) не отъ слова иго, но отъ Иговскаго погоста Меленк. у., Изволенскій (О. Р., I, 319) не отъ слова изволеніе (въ смыслѣ благое изволеніе, склонность къ хорошему), но отъ с. Изволи Александр. у. Влад. губ., Истинскій (Д., III, 248) не отъ слова истина, но отъ с. Истья Пронск. у., Ищеинскій (Тамб. 63, 201) не отъ слова ищя (истецъ), но отъ с. Ищеина Лебедян. у.; Китоврасовъ (Сар. 2, 594) не въ честь фигурирующаго въ апокрифахъ демона Асмодея-Китовраса ⁴⁾, но отъ с. Китовраса Балашов. у.; Недоходовскій (Кал. 5, 187) не указываетъ на малые доходы ученика, но произведена отъ названія с. Недоходова Мещов. у.; Перехвальскій (Д., III, 295) не отъ слова хвалить, но отъ с. Перехвали Донков. у.; Пестрицкій (Каз. кн., 225) не отъ слова пестрый, но отъ с. Пестрецовъ-Никольскаго Казан. у.; Побѣдимскій (Д., II, 240) не отъ слова побѣда, но отъ с. Побѣднаго Скопин. у.; Повѣдскій (0, 188) не отъ слова повѣдать, но отъ с. Повѣди Новоторж. у.; Поклонскій (Яр. 70, 244) не отъ глагола поклоняться, но отъ с. Поклоновъ Рост. у.; Прощаницкій (Псков. 2, 354) не отъ слова прощать, но отъ Прощаницкаго погоста Псков. у.; Святицкій (Нж. 4, 132) и Святитскій (Орл. 5, 347) не отъ слова святой, но первая отъ с. Святиць Семенов. у., вторая отъ с. Святицкаго Ливен. у.; Сластушенскій (7, 145) не отъ слова сласть, но отъ с. Старой Сластухи (Сердоб. у.) или Новой Сластухи (Аткар. у.); Смердынскій (81, 107) не отъ слова смердѣть, но

¹⁾ Въ Тамбовской епархіи (Тамб. 95, 572) и Архангельской (Арх. 5, 161) эта фамилія, вѣроятно, произведена отъ слова эдемъ—рай.

²⁾ Села въ Романовоборисоглѣбскомъ и Череповецкомъ уѣздахъ. Эдома означаетъ отдаленныя отъ деревни глѣсныя угодья.

³⁾ Въ другихъ епархіяхъ, напр. въ Олонецкой (Ол. 3, 446), м. б., отъ Палестинскаго Эммауса.

⁴⁾ Китоврасъ слово не славянскаго происхожденія, но искаженное греческаго κένταυρος

отъ с. Смердыни Весеьгон. у.; Сновѣдскій (Нж. 4, 553) не указываетъ на вѣдѣніе сновъ, но произведена отъ с. Сновѣдскаго Завода Ардат. у. Нижегород. губ.; Тырновскій (Д., II, 56) не отъ болгарскаго Тырнова, но отъ с. Тырнова Пронск. у.; Угодскій (Яр: 5, 331) не отъ слова угодить, но отъ с. Угодичей Ростов. у.; Уметскій (Тамб. 95, 398) не отъ слова уметы (пометь), но отъ с. Градскаго Умега Кирсан. у.; Утѣшинскій (Ряз. 5, 316) не отъ слова утѣшать, но отъ с. Спась-Утѣшенья Ряз. у., какъ это ясно изъ параллельной фамилии Спасоутѣшенскій (Ряз., XXXVI).

Иногда недовольствовались простою фамиліею, образованной отъ названія города или села, но старались придать ей извѣстную красоту и важность, напр. ученику изъ Вышняго Волочка вмѣсто фамилии Вышневолоцкій давали фамилію Вышнеградскій (Тв., 435), или переводили на какой-нибудь иностранный языкъ. Такимъ образомъ получились фамилии: вмѣсто Красновскій-Руберовскій отъ лат. *ruber* (красный), вм. Горскій-Монтановъ (Сад., 190) ¹⁾, отъ толщи (горный), вм. Холмскій-Лофицкій (1, 135) отъ греч. *λόφος* (холмъ), вм. Полянскій-Агровъ, Агеровъ (92, 201), Агровскій (Зн. III, 337), Агринскій (Зн. III, 340), Агриковъ и Камповъ (Вл., 121) отъ лат. *ager* и *saturus* и греч. *ἀγρός* и *ἄγροικος*, вм. Песковъ-Ареновъ (Д., II, 45) отъ лат. *agena*, вмѣсто Каменскій-Ляпидевскій ²⁾ отъ лат. *lapis*, вм. Приморскій-Понтовъ (75, № 26, 1), вм. Ключевъ-Фонтановъ (Нж., 4, 286), вм. Лѣсковъ-Дубровскій и т. п.,—Сильвинъ (Каз. 67, 568), Сильвинскій, Сильвановъ (Нж. 4, 387), Сильвановскій отъ *silva* (лѣсъ), и, можетъ быть, Илимовъ (О. Р., I, 147) отъ *λίμνη* (лугъ) (лѣсъ), вм. Островскій-Нисовъ (1, 146) отъ греч. *νῆσος*, вм. Лужновъ-Ливадоновъ (Нж. 4, 326) отъ греч. *λιβάδιον*; вм. Садовскій-Гортовъ (98, 151) отъ лат. *hortus* (садъ), вм. Садковскій-Гортулянскій (97, 161) отъ уменьшительнаго *hortulus* (садикъ), вм. Городецкій и Городковъ—Урбановъ (Пенз. 90, № 19, 12), Урбанскій (Ряз., XXXV) и встрѣчающаяся еще въ XVIII вѣкѣ Урбановскій (Оп. Син., XVI, 609) отъ лат. *urbs* ³⁾, Цивитатовъ (Тамб. 63, 238) отъ лат. *civitas*, (община, городъ), Полиевскій (Сар. 2, 612) отъ грч. *πόλις*, и Бурговъ (5, 200) отъ нѣм. *Burg* ⁴⁾, вм. Сельскій и т. п.—Рустицкій (Тр. Сарат.

¹⁾ Въ числѣ учениковъ С.-Петербургской семинаріи была странная греко-латинская фамилія Ксеномонтаповъ.

²⁾ Впрочемъ, въ Тульской семинаріи ученикъ Каркадиновскій (по с. Каркадинову Коломен. у или Епис. у.), впоследствии митрополитъ Московскій Сергій (†1898 г.), былъ переименованъ въ Ляпидевскаго независимо отъ своей прежней фамилии.

³⁾ Кроме значенія городской прил. *urbanus* значить цивилизованный и фамилія эта могла присвоиваться ученикамъ, отличавшимся *moribus urbanis* (Теод. 288).

⁴⁾ Или по имени автора извѣстной реторики Бургія.

Ком. 1888 г., IV, 435) и Агриколянскій (1, 134) отъ лат. *rusticus* (сельскій) и *agricola* (селянинъ). Въ Вологодской епархіи существуетъ фамилія Иллювиевъ (Вол. 5, 161), отъ *illuvies*—грязь, которая едва-ли не представляетъ латинскій переводъ фамиліи Грязовецкій отъ г. Грязовца въ Олонецкой епархіи—Енальскій (Ол. 3, 447), можетъ быть, отъ *ἐναλός* (морской) ¹⁾.

Болѣе сложные переводы представляютъ фамиліи: 1) Азагровъ (Ук. церквей г.С.-Петербурга, 1895 г. 10), которая, повидимому, состоитъ изъ словъ *ἀζα* (сухость) и *ἀγρός* (поле, нива) и представляетъ переводъ фамиліи, образованной отъ имени с. Сухой Нивы Демянск. у. Новгород. губ.; 2) Грандвильяжскій (4, 233), встрѣчающаяся въ Ярославской епархіи и представляющая французскій переводъ *grand* (великій) и *village* (село) существующей въ той же епархіи (4, 233) фамиліи Великосельскій ²⁾.

Вслѣдствіе того, что многія селенія получили названіе отъ фамилій дворянскихъ землевладѣльческихъ родовъ, среди духовенства встрѣчается много лицъ съ дворянскими фамиліями, произведенными отъ названій этихъ селеній. Не мало лицъ духовнаго происхожденія носятъ фамиліи титулованныхъ родовъ: Бобринскіе (89, 171) существуютъ въ Тульской епархіи (с. Бобринки Епифан. у.) ³⁾, Вадбольскіе (5, 164) въ Тульской (с. Покровское-Вадбольское Епифан. у.), Волконскіе — въ Самарской (Сам. 2, 31) и въ Саратовской (Сар. 2, 364; с. Волконщина Петров. у.) ⁴⁾, Гагарины—въ Рязанской (Д., III, 294; с. Гагарино Донков., Раненб. и Скопин. у. у.), Голицыны—въ Херсонской (76, 134), Горчаковы—въ Костромской (Род., 114), Долгоруковы—въ Московской (М., 105), Куракины въ Рязанской (97, 187), и Тверской (93, 371; Куракино 2 дер. Кашин. у.) и Саратовской (78, 136; с. Куракино Сердоб. у.); Маматовы—въ Саратовской (91, 204; с. Маматовка Аткар. у.), Меньшиковы—въ Вологодской (Вол. 69, 31), Казанской (Каз. 74, 639) и Тверской (94, 185), Мещерскіе—въ Владимирской (Сп. архіер. 906 г., 17; с. Мещеры ⁵⁾ Муром. у.), Московской (Адр. Кал. 903, 688); Нижегородской (Нж. 68, 256, с. Николо-Мещерскія Горы Горбат. у.),

¹⁾ Сравн. фамилію Миритимскій (Сад. 189), вѣроятно, Маритимскій, (*maritimus* морской).

²⁾ Фамилія Аграпольскій (Коз. Ол., 397) какъ будто состоитъ изъ греческаго слова „ἀγρός“ и Русскаго его перевода „поле“.

³⁾ По тому самому селу, отъ котораго получилъ свою фамилію первый графъ Алексій Григорьевичъ Бобринскій.

⁴⁾ Въ Московской (М., 41) и Калужской (7, 134) по с. Волконскому Козельск. у. есть фамилія Волконскій.

⁵⁾ Въ Кашинскомъ уездѣ есть деревня Мещеры.

Тверской (76, 120) и Орловской (Орл. 5, 246), Оболенские—въ Воронежской (Вор. 903, 111), Курской (78, 143), Орловской (Орл. 5, 256), Тульской (79, 135) и Тамбовской (Сп. арх. 906 г., 197) ¹⁾, Одоевские (76, 131) въ Новгородской, Прозоровские—въ Вологодской (Вол. 97, 214) ²⁾, Калужской (6, 235), Московской (Адр. Кал. 903 г., 565) и Воронежской (77, 131; Прозоровъ хуторъ Бобров. у.), Путятины—въ Рязанской (Д., I, 184; с. Путятино Раненб. и Сапожков. у.у.), Ромодановские—въ Московской (М., 42), Сицкие—въ Нижегородской (6, 243), Суворовы—повсемѣстно; Трубетские—въ Самарской (Сам. 2, 96; сс. Трубетчино въ Балашов. у. Саратов. губ., въ Сенгил. и Сызран. Симбир. губ.) и Пензенской (Пенз. 68, 347; с. Трубетчина Мокшан. у.), Урусовы—въ Рязанской (Д., III, 212; с. Урусово Раненб. у.), Ухтомские—въ Вологодской (Вол. 69, 377) и Ярославской (89, 174; с. Погорѣлая Ухтома Пошехон. у.); Хилковъ—въ Самарской (Сам. 2, 94; с. Хилково Самар. у.), Хованские—въ Астраханской (Астр. 5, 1036), Нижегородской (Нж. 4, 366), С.-Петербургской (Кут., 393), Саратовской (Сп. арх. іер. Всерос., 78; с. Хованщина Сердоб. у.) и Ярославской (Яр. 70, 243; с. Хованское-Ильинское Рост. у.); Шаховские—въ Тамбовской (Тамб. 95, 623; с. Шаховка Тамб. у.). Отсутствие княжескаго или графскаго титула не оставляетъ сомнѣнія въ неаристократическомъ происхожденіи перечисленныхъ фамилій; этого нельзя сказать о духовныхъ фамиліяхъ, тождественныхъ съ нетитулованными дворянскими и члены этихъ фамилій или умышленно могутъ причислять себя, или по ошибкѣ могутъ быть причисляемы къ старымъ дворянскимъ родамъ. Число людей съ дворянскими фамиліями весьма велико среди духовенства ³⁾: Анненковы—въ Нижегородской епархіи (Род., 15; с. Анненково Арзам. у.; сельцо Анненково Горбат. у.), Ансимовы существуютъ въ Орловской (Орл. 5, 38 и Астраханской 176, 132), Апраксины въ Нижегородской (89, 226; с. Апраксино въ Нижегород. и Сергач. у.у.), Симбирской (77, 114 с. Апраксино Ардат. у.) и Енисейской (81, 121); Апушкины въ Тамбовской (94, 69; с. Апушки Шацк. у.), Базилевские—въ Ярославской (Яр. 70, 242), Баратынские—въ Костромской (95 120) и Симбирской (93, 173), Бартеновы—въ Псковской (91, 243), Костромской (2, 131; с. Бартеново Нерехт. и Воскресенское—Бартеновщина

¹⁾ Въ формѣ Оболенскій эта фамилія существуетъ въ епархіяхъ Нижегородской (Нж. 4, 240) и Тульской (Тул. 5, 214).

²⁾ Есть и Прозоровы (Яр. 70, 406) по с. Прозорову-Михайловскому Молож. у.

³⁾ Вступленіе людей дворянскаго происхожденія въ бѣлое духовенство весьма рѣдко. За послѣдніе годы на перечень извѣстны случаи вступленія въ клиръ дворянъ: за это время кромѣ извѣстнаго Н. Толстого приняли священство Л. Чичаговъ (теперь епископъ Орловскій Серафимъ), Н. Веригинъ и два брата Арсеньевы.

Галицк. у.), и Вологодской (Вол. 5, 628), Бахметевы—въ Саратовской (Сар. 3, 328; с.с. Старая и Новая Бахметевка Аткар. у.), Безобразовы—въ Тамбовской (1, 149), Бекетовы—въ Пензенской (Пенз. 71, 21) и Орловской (83, 60), Боборыкины—въ Минской (1, 135), Бредихины—въ Тамбовской (98, 165; Бредихино дер. Тамб. у.), Булыгины—въ Тверской (Тв. 4, 343), Бурцевы—въ Тульской (80, 153; сц. Бурцево Кашир. у.), Бутурлины—въ Нижегородской (90, 137; с. Бутурлино Княгин. у.), Вадковскіе—въ Тамбовской, Васильчиковы—въ Тамбовской (1, 149), Веригины—въ Тверской (Тв. 4, 344) и Симбирской (77, 134), Вревскіе во Псковской (Род., 90; погостъ Вревъ Остров. у.), Вышеславцевы—въ Тверской (80, 141) и Калужской (79, 130), Головины—въ Пензенской (Пенз. 0, 574; с. Головинская Варижка Нижнелом. у.), Головкины—въ Уфимской (2, 164), Грибоѣдовы—въ Смоленской (5, 204) и Владимірской (Сзд., 169), Грифцовы—въ Рязанской (Ряз., XXXII ¹), Дашковы—въ Казанской (Каз. 67, 569) и Рязанской (Ряз. 5, 529; с. Дашково Ряз. у.), Есиповы—во Владимірской (Вл. 4, 194; сц. Есипово Пересл. у.), Загоскины—въ Иркутской, (Зн. III, 340) ²), Загряжскіе—въ Самарской (94, 134), Зубовы—въ Московской (Моск. Некрол., I, 481), Извольскіе—во Владимірской (98, 173); (с. Изволь Александр. у.) и Тульской 179, 135; с. Изволь Алексин. у.), Казариновы—въ Ярославской (Яр. 70, 245), Каракозовы—въ Пензенской (М. А., 542; с. Каракозовка Аткар. у. Сарат. губ.), Карамзины—въ Саратовской (5, 203) и Тамбовской (Тамб. 95, 387), Колачевы—въ Тверской (Тв. 4, 737; сц. Колачово Твер. у.), Московской (77, 125) и Ставропольской (87, 58), Колычевы—въ Тверской (88, 117) и Московской (М., 42; с. Колычово въ Звен., Колом., Мож., Подол. и Серпух. у. у.), Корсаковы—въ Нижегородской (78, 110; с. Корсаково Княгинин. у.), Курловы—въ Курской (2, 142), Лачиновы—въ Тамбовской (0, 188; с. Лача Темник. у.), Левашевы—въ Вятской (Вят. 69, 334), Пермской (7, 165), Казанской (Каз. Оп., 123; с. Левашево Спас. у.) Костромской (0, 194; с. Левашево Костр. у.) и Нижегородской (Нж. 4, 337; с. Левашево Ардат. у.), Левшины—въ Московской ³), Мансуровы—въ Казанской (Каз. кн., 512; с. Мансурово-Воскресенское Лаиш. у.), Марины—въ Самарской (4, 219 ⁴), Мордвиновы—въ Рязанской (Д., II, 352; с. Мордвиново Ряз. у.), Муромцевы—въ Казанской (Каз. 67, 188) и Самарской (99, 145), Мухановы—въ Пензенской (Пенз. 97, 511; с. Муханово Мокшан. у.), Набоковы—въ

¹) Въ Архангельской Гривцовы (Арх. 5, 163).

²) Можетъ быть, непосредственно отъ слова загазка—жукушка.

³) Иначе Левшиновы.

⁴) Ср. дер. Голубинный Маръ Новоузен. у. Маръ значитъ холмъ.

Черниговской (98, 392), Назимовы—въ Ярославской (Яр. 70, 243; 4 деревни въ разныхъ уѣздахъ съ именемъ Назимово) и Костромской (77, 132), Нарбековы—во Владимірской (2, 132) ¹⁾ Нелидовы—въ Казанской (94, 206), Новосильцевы—въ Иркутской (Зн., III, 433), Обрѣзковы въ —Нижегородской (93, 366), Огаревы—въ Рязанской (99, 169) ²⁾, Оржевскіе—въ Тамбовской (7, 174; три Оржевки въ Кирсан. у.), Панины —въ Костромской (89, 154; с. Панино Костр. у.) и Рязанской (Д., II, 107; с. Панино Спас. у.), Пестовы—въ Вологодской (Вол. 97, 241) ³⁾ и Тульской (Тул. 5, 238), Писемскіе—въ Костромской (3, 168), Порошины—въ Пермской (83, 61), Потемкины—во Владимірской (89, 144) Пушкины—въ Московской (79, 120; с. Пушкино въ Моск. и Верейск. уу.) и Калужской (95, 168; с. Пушкино Тарус. у.), Тверской (Тв. 4., 454) и Тамбовской (Тамб. 63, 136; с. Пушкино въ Елатом. и Усман. уу.), Раевскіе—въ Воронежской (Вор. 93, 69), Нижегородской (Род., 392) и Калужской (Кал. 5, 278; сц. Раевское Перемышл. у.), Сабуровы—Московской (79, 120; с. Сабурово въ Моск., Дмитр. и Колом. уу.), въ Пермской (4, 216), Вологодской (Вол. 97, 237), Нижегородской (Нж. 4, 3) и Тамбовской (Тамб. 4, 532; с. Сабурово въ Борисогл. и Елатомск. уу.), Савеловы—во Владимірской (Вл. 4, 41; с. Спасское-Савеловыхъ Юрьев. у.), Салтыковы—въ Пензенской (Пена. 68, 273; с. Салтыково-Карай Керенск. у.) и Тамбовской (Тамб. 5, 577; с. Салтыково-ка въ Моршан., Кирсан. и Спас. уу.) и Донской (76, 114), Самарины — въ Рязанской (87, 105; с. Самарино Раненб. у.) и Пермской (85, 41) ⁴⁾, Свиридовы — въ Орловской (Орл. 5, 177), Сенявины—въ Вологодской (Вол. 69, 53), Новгородской (Новг. 4, 904; с. Синявино Шлиссельб. у. С.-Пет. губ.) и Тульской (97, 254; с. Синявино Крапив. у.), Сипягины (Род., 411)—въ Тверской ⁵⁾, Скрябины — въ Воронежской (77, 116), Смольяниновы—въ Калужской (3, 166), Рязанской (Д., III, 292), Ставропольской (2, 175), Донской (96, 139), и Томской (76, 130), Соковины—въ Самарской (5, 161; Соковинка, сц. Бузул. у.), Спѣшневы—въ Рязанской (99, 169; с. Спѣшнево Донков. у.), Столыпины—въ Пензенской (5, 146;

¹⁾ Однофамильцевъ нынѣ угасшаго рода Нарбековыхъ въ Суздальской семинаріи было 9 (Сад., 191—192); въ спискѣ учениковъ Владимірской семинаріи Нарбековы занимаютъ 1½ стр. (Вл., 168—169).

²⁾ Иногда фамиліи Агаревъ (и Агаревскій, Астр. 5, 479) замѣняютъ фамилію Огаревъ (Пенз. 0, 583), если эта фамилія не произведена отъ имени Библейской Агари или Греч. прилаг. ἄγαρρος=ἄγωρος=immaturus, praematurus (Ducange, s. v.)

³⁾ Въ Вологодской губ. болѣе десяти селеній, носящихъ названіе Пестово.

⁴⁾ Самара во Владим. губ. означаетъ длинную одежду.

⁵⁾ Если только не Синягины, какъ можно думать, по нѣкоторымъ топографическимъ названіямъ Тверской губерніи.

с. Столыпино въ Пенз. и Городищ. уу.), Стрекаловы — въ Рязанской (1, 144; с. Стрекалово Скоп. у.), Строгановы—въ Московской (М., 155), Тверской (88, 117), Смоленской (Каз. Оп., 320) и Тамбовской (Тамб. 95, 145), Сухомлиновы—въ военномъ духовенствѣ (81, 129), Сушковы—въ Рязанской (81, 131; с. Сушково Зарайск. у), Талызины—въ Тверской (Тв. 4, 350) и Казанской (Каз. 67, 95; с. Талызино въ Ардат. и Курмыш. уу. Симб. губ.), Татищевы — въ Ярославской (Яр. 70, 244; Татищевъ погостъ Рост. у.), Уфимской (80, 163) и Оренбургской (Оренб. 5, 116; Татищевская станица Оренб. у.), Теляковскіе—въ Ярославской (91, 220; дер. Теляково въ Яросл. и Ром. Бор. уу.), Тимашевы—въ Самарской (7, 168; с. Тимашево Бугурусл. у.), Тутолмины—въ Тобольской (78, 121) и Тамбовской (5, 208), Ушаковы—въ Ярославской (Яр. 70, 245; с. Ушаково Мышкин. у.), Тверской (76, 120; с. Ушаково Стариц. у.) и Калужской (76, 121) ¹⁾, Храповицкіе — въ Новгородской (4, 214), Черкасовы — въ Казанской (88, 112; с. Черкасъ ²⁾ Каз. у.) и Смоленской (См., XI), Чичерины — въ Тамбовской (87, 89; с. Чичерино Козлов. у.), Чулковы—въ Вологодской (5, 170), Воронежской (86, 69), Архангельской (Арх. 5, 245), Смоленской (94, 184) и Оренбургской (0, 239), Шепелевы—въ Костромской (4, 209) и Тамбовской (Тамб. 95, 401) ³⁾, Шереметевы—въ Московской ⁴⁾, Рязанской (Д., 1, 88; с. Шереметево Раненб. у.), Воронежской (77, 131) и Тульской (Тул. 5, 186; с. Шереметево Кашир. у.), Шипковы—въ Тамбовской (88, 115), Оренбургской (86, 77) и Тверской (Тв. 4, 442), Юшковы—въ Вологодской (Вол. 69, 50), Нижегородской (Нж. 68, 271) Пермской (82, 48) и Екатеринбургской (7, 152), Языковы—въ Московской. Встрѣчаются среди духовенства лица и съ фамиліями польскихъ князей и графовъ: Вишневецкій въ епархіи Владимірской и Казанской (Каз. 67, 159), Любомирскіе въ Ярославской (Яр. 70, 244), Потоцкіе—въ Пензенской (99, 166), Казанской (Каз. 67, 382) и Нижегородской (Нж. 68, 263), Массальскіе—въ Ярославской (93, 177) ⁵⁾ и Ставропольской (84, 46). Такія фамиліи были получены нѣкоторыми учениками не отъ названій ихъ родныхъ селъ, но во-первыхъ въ честь представителей дворянскихъ фамилій, которые прославились или на военномъ поприщѣ, какъ Суворовъ, Кутузовъ, или въ литературѣ, какъ Карамзинъ, Баратынскій, Языковъ, во-вторыхъ, въ благодарную память

¹⁾ Въ Ярославской есть и старинная угасшая фамилія Хабаровыхъ (Яр. 70, 51) по погосту Хабарову Данил. у.

²⁾ Глузово-Авдреевское-Черкасъ.

³⁾ Шепелевскій заводъ Елатом. у.

⁴⁾ По многочисленнымъ въ Московской губ. Шереметевскимъ селамъ.

⁵⁾ По с. Массальскому Мышкин. у.

о лицахъ, покровительствовавшихъ ученикамъ или содержавшихъ ихъ во время учебнаго курса. Такими лицами прежде всего являлись помѣщики и вообще богатые прихожане: сынъ діакона Московской Предтеченской на Лубянкѣ церкви Павелъ Васильевъ (впослѣдствіе архіеп. Владимірскій и Воронежскій Пареній) былъ въ Московской Академіи названъ Чертковымъ, потому что «состоялъ на иждивеніи» богатаго прихожанина Черткова ¹⁾.

Иногда такое присвоеніе фамиліи происходило съ согласія Коммисіи Духовныхъ Училищъ: въ 1823 г. эта Коммисія постановила, чтобы «самобѣднѣйшіе» ученики Казанскихъ духовныхъ училищъ, содержаемые на проценты съ капитала въ 3000 р., пожертвованнаго кол. асессоршей М. Я. Кротковой, получали фамилію Кротковъ ²⁾. Наконецъ нѣкоторыя фамиліи, какъ Головинъ, Ушаковъ, и т. п., указывающія на извѣстные отличительные признаки человѣка, встрѣчаются среди духовенства совершенно независимо отъ какихъ-либо топографическихъ причинъ подобно тому, какъ эти фамиліи встрѣчаются среди купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Вообще было бы умѣстнѣе, если бы ученики духовныхъ школъ получали не самыя фамиліи помѣщиковъ и благодѣтелей, но производныя отъ этихъ фамилій съ окончаніемъ ской подобно тому, какъ въ Московскомъ Сиротскомъ Институтѣ стипендіаты кн. Голицына получали фамилію Голицынскій, а стипендіаты Шереметевой—фамилію Шереметевскій. Примѣры подобныхъ фамилій встрѣчаются и среди духовенства, напр. Голицынскій (Сар. 3, 500) ³⁾, Гагаринскій (99, 332) и Гагариновъ (1, 207), Урусовскій (1, 154), Шереметинскій (Общ. Шт. 1844 г., 132), Салтыковскій (79, 145), Столыпинскій (78, 121), Бекетовскій (Пенз. 97, 512) наравнѣ съ фамиліей Бекетовъ (Пенз. 71, 21) отъ с. Бекетовки Мокшан. у.

Нѣкоторыя фамиліи, повидимому, указываютъ на титулъ или званіе духовныхъ меценатовъ: нпр. Княжескій (Нж. 4, 244), Бароновъ (94, 216), Дворянскій (Уф. 5, 1216), Графовъ (82, 52), Адмираловъ (79, 123), Сенаторскій (90, 345), Синклитскій (Ук. ц. С.-Пет. 95 г., 114), хотя фамиліи Княжескій и Дворянскій могутъ быть и топографическаго происхожденія ⁴⁾, Бароновъ могла быть дана въ честь церковнаго исто-

¹⁾ В. М. Орловъ, Высокопр. Пареній, бывшій Архіеп. Владимірскій, впослѣдствіи Воронежскій, 2—3.

²⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. дух. сем., 152.

³⁾ По многочисленнымъ селеніямъ Саратов. губ. съ названіемъ Голицыно.

⁴⁾ Не мало сел. съ названіями Княжево, Княжье, Князь-Павлово, Князь-Иваново.

рика Цезаря Баронія, а Сенаторскій и Синклитскій могли быть даны или ученику изъ дѣтей клириковъ С.-Петербургской Сенатской церкви или ученику, который за хорошіе успѣхи сидѣлъ за переднимъ столомъ, называвшимся *senatus* ¹⁾. Нѣкоторыя духовныя фамиліи указываютъ вообще на отношенія между покровителемъ и покровительствуемымъ, какъ Меценатовъ (Яр. 5, 221), Протекторовъ (Уф. 5, 871), Клиентовъ (М., 44), Клиентовскій (О Р., II, 306). Иныя фамиліи свидѣтельствуютъ о какомъ то отношеніи къ аристократіи ихъ носителей, какъ Евгеновъ (Вл., 104) ²⁾, Нобилитетовъ (96, 171), Нобилевскій (81, 105).

Третью ступень развитія духовныхъ фамилій представляютъ фамиліи, произведенныя отъ названій храмовыхъ праздниковъ церквей, при которыхъ служили отцы воспитанниковъ. Эти фамиліи иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и топографическія, такъ какъ села часто называются по храмовому «вѣ-имя». Фамиліи храмовыя распространились позднѣе топографическихъ ³⁾: среди учениковъ Московской Академіи 1728 г. такія фамиліи, какъ Тресвяцкій (Оп. Син. Арх., VII, СХІ) составляли исключеніе; изъ учениковъ той же Академіи въ 1737 г. только немногіе носили храмовыя фамиліи, Богородскій, Веденскій или Введенскій, Никитскій, Покровскій, Харитоновскій (Оп. Син. Арх., XVI, 848 851, 852).

Между этими фамиліями преобладаютъ, конечно, произведенныя отъ самыхъ распространенныхъ «вѣ-имя», именно Никольскій ⁴⁾, Покровскій, Рождественскій, Троицкій и Успенскій: Спасскихъ не такъ много потому что съ ними конкурируютъ Преображенскіе. Весьма употребительны фамиліи, произведенныя отъ названій двенадцатыхъ праздниковъ, какъ Воскресенскій, Вознесенскій, Богоявленскій, Благовѣщенскій, Воздвиженскій, Введенскій; менѣе употребительны Срѣтенскій, Сошестввен-

Дворянщина (с. Кирсан. у.), Дворянскій Умысь (с. Саран. у.) и т. п. Фамилія Княгининскій (Нж. 4, 203) происходитъ отъ г. Княгинина. Фамилія Княжинскій въ Тамбовской епархіи (77, 122) происходитъ отъ с. Княжинна Тамб. у. Эта фамилія въ С.-Петербургской епархіи (77, 112) Западнорусскаго происхожденія (Род., 204).

¹⁾ Макарій, Ист. Киев. Ак., 58. Фамилія Дюковъ (83, 66) не отъ *duc* (герцогъ), во топографическаго происхожденія: ср. Дюкъ, с. Шацк. у., Дюкино, дер. Вышневолоцк. у. Дюково, дер. Ветлуж. у.

²⁾ Въ недавнее время во Владимирской епархіи былъ протоіерей Принкипсъ (иногда это имя пишется даже совсѣмъ по гречески Приглипсъ, 37, 43) Евгеновъ, имя котораго *prinsep* (принцъ) было, очевидно, подобрано къ его фамиліи (εὐγενής-благородный).

³⁾ Впрочемъ, въ 1686 г. при Спасской церкви города Путивля встрѣчается дьячекъ Андрей Ивановъ сынъ Спасской (М. А. М. Ю. Прик. ст. столбецъ 1109, л. 53).

⁴⁾ Съ вариантами Николаевскій, Николинъ (Сзд., 193) и Николевъ.

скій съ вариантами Духосошественскій, Духовъ (Каз. 74, 559) и Духовскій (Нж. 68, 262) отъ храма въ честь Сошествія Св. Духа и совсѣмъ рѣдко встрѣчается фамилія Спасовходскій (98, 262) отъ храма въ честь Входа Спасителя въ Іерусалимъ.

Существуютъ различные варианты этихъ храмовыхъ фамилій: вмѣсто Троицкій употребляются фамиліи Троицынь (Д., I, 222), можетъ быть Трисвѣтовъ (2, 157), латинскія Триницкій (Нж. 68, 270), Тринитатовъ (5, 167) и Тринитатскій (Сам. 2, 89) отъ trinitas и греческая Тріадскій (Пена. 68, 55 неоф.) отъ τριάς, вмѣсто Вознесенскій—Асцензовъ (М., 85) отъ ascensio, вмѣсто Рождественскій - Христорождественскій (1, 125) вмѣсто Воздвиженскій—Крестовоздвиженскій ¹⁾, вмѣсто Воскресенскій—Обновленскій (М. А. 540) и Слоущенскій, потому что Воскресенскіе храмы празднуютъ свои престольные праздники 13 Сентября, въ день обновленія Храма Воскресенія въ Іерусалимъ или по старинному Слоущаго (т. е. преславнаго) ²⁾ Воскресенія. Для разнообразія названія праздниковъ замѣнялись названіями мѣстъ, гдѣ совершились воспоминаемыя въ эти праздники событія, и вмѣсто Благовѣщенскаго получался Назаретскій или Назаретовъ (1, 139), вмѣсто Рождественскаго—Виодемскій (0, 177), вмѣсто Богоявленскаго—Іорданскій, вмѣсто Преображенскаго—Ѡаворскій или Ѡаворовъ, вмѣсто Вознесенскій—Елеонскій ³⁾. Нѣкоторыя храмовыя фамиліи употребляются въ испорченномъ мѣстнымъ говоромъ видѣ, нпр. Бавленскій (Сзд., 157) вмѣсто Богоявленскій отъ с. Бавленья, т. е. Богоявленья, Юрьев. у. ⁴⁾.

Много фамилій произведено отъ названій второстепенныхъ праздниковъ въ честь Богородицы и чудотворныхъ иконъ Ея: первое мѣсто между ними занимаетъ фамилія Казанскій, за нею слѣдуютъ Знаменскій, Владимірскій и Срѣтенскій отъ храмовъ въ честь Срѣтенія Владимірской иконы Богородицы, Смоленскій (Вл. 4, 303) и Одигитріевскій (Кал. 5, 223), Тихвинскій и согласная съ употребительнымъ въ богослужебныхъ книгахъ начертаніемъ Тихфинскій (3, 189), Боголюбскій, Корсунскій, Иверскій, Толгскій (77, 117), Грузинскій, Скорбященскій (М., 58), Неопалимовскій (М., 50) и Неопалимовъ (77, 128) отъ хра-

¹⁾ Также Ставровскій отъ σταυρός (крестъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда эта фамилія не произведена отъ названія села Ставрово.

²⁾ По другому толкованію словущее—„такъ называемое“ ибо 13 Сентября празднуется не самый праздникъ Воскресенія.

³⁾ Вмѣсто фамиліи Елеонскій встрѣчается Латинская Оливетскій (2, 152) отъ Mons oliveti вмѣсто Греч. βροστῶν ἔλαιων (гора оливо).

⁴⁾ Волости и важнѣйшія селенія Россіи, II, 243.

мовъ въ честь Неопалимыя Купины ¹⁾, Зачатейскій (Моск. Некр., I, 467) и Зачатскій (Ряз. 5, 317) отъ храмовъ въ честь Зачатія Богородицы, Похвальскій (Вл. 4, 317) и Похвалинскій (99, 203) отъ храмовъ въ честь Похвалы Богородицы, Ризоположенскій (Вл., 223) или просто Положенскій (Сл. Архіер. Іер. Всер., 61) отъ храмовъ въ честь Положенія Ризы или Пояса Богородицы ²⁾, Живоноснскій (92, 201) отъ храмовъ въ честь Живоноснаго Источника Богородицы.

Отъ храмовъ, посвященныхъ святымъ, получились многочисленныя фамиліи, изъ которыхъ самыя употребительныя слѣдующія: отъ храмовъ въ честь Архангела Михаила—Михайловскій, Архангельскій и Архангеловъ, отъ храмовъ въ честь Предтечи—Ивановскій, Предтеченскій, Предтечевскій и Обрѣтенскій (Нж. 4, 244) ³⁾, отъ храмовъ въ честь апостоловъ Петра и Павла—Петропавловскій и Петропавловъ (4, 215), Петровскій и Павловскій. Святые имѣющіе наибольшее число посвященныхъ имъ храмовъ, именно пророкъ Ілія, вмч. Георгій, Косма и Даміанъ, преп. Сергій, вмч. Параскева-Пятница, вмч. Димитрій Солунскій, князья Борисъ и Глѣбъ, вмч. Никита, архидіаконъ Стефанъ, Климентъ, папа Римскій, Александръ Невскій, цари Константинъ и Елена, богоотцы Іоакимъ и Анна, дали свои имена для образованія болѣе или менѣе употребительныхъ фамилій, какъ Ильинскій, Георгіевскій, Космодаміанскій (Тамб. 4, 532) Сергіевскій, Пятницкій, Дмитріевскій, Борисоглѣбскій и Глѣбскій (98, 137), Никитскій, Стефановскій, Климентовскій (4, 219) Александровскій ⁴⁾, Константиновскій и Цареконстантиновскій (Сзд., 215), Іоакиманскій (0, 176); храмъ въ честь Всѣхъ Святымъ дали фамилію Всѣхсвятскій (М., 45). Нѣкоторыя храмы называются по числу святыхъ, которымъ они посвящены, нпр. храмъ въ честь 3-хъ Вселенскихъ Святителей называется Тресвятскимъ или Троесвятскимъ,—въ честь 9 мучениковъ Кизическихъ—Девятисвятскимъ,—въ честь 40 мучениковъ Севастійскихъ—Сорокасвятскихъ; отсюда фамилія Троесвят-

¹⁾ Фамилія Гребневскій (Моск. Некроп., I, 328) происходитъ отъ названія с. Гребнева Богородск. у.

²⁾ Въ честь специально Московскаго праздника Положенія ризы Господней (10 Іюля), присланной въ 1626 г. въ Москву отъ Персидскаго шаха, есть церковь въ Москвѣ на мѣстѣ встрѣчи ризы у Донскаго монастыря; была въ Москвѣ другая церковь Положенія Ризы у Арбатскихъ воротъ (иначе Саввы Стратилата) близъ церкви Тихона Чудотворца, но упразднена въ концѣ XVIII вѣка; въ другихъ мѣстностяхъ такое „во-имя“ встрѣчается рѣдко, нар. въ с. Тихомъ Плесѣ Свіяж. у. (Богословскій, Справ. книга для Каз. еп., 8).

³⁾ Отъ храма въ честь Обрѣтенія головы І. Предтечи (24 Февраль и 25 Май).

⁴⁾ Фамилія Александровскій можетъ быть и топографической: митрополитъ Кіевскій Серапіонъ Александровскій († 1823 г.) былъ сынъ священника Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ г. Александровѣ Владим. губ.

скій (Вл., 291), Тресвятскій (Симб. 83, 458) и т. п. Менѣе употребительныя «вѣ-имя» дали и малоупотребительныя фамиліи, какъ и пр. Мирносицкій отъ храма въ честь Жень Миропосиць, Варваринскій и Варварскій (94, 334), Ольгскій (Олон. 3, 143), Магдалинскій (98, 151) ¹⁾, Сампсоніевскій (С.-Пб., 644) отъ храма во имя Самсона Страннопріимца въ С.-Петербургѣ, Симеоновскій (С.-Пб., 646) отъ Петербургскаго же храма во имя Симеона Богопріимца. Нѣкоторыя фамиліи образованы не отъ именъ храмовыхъ святыхъ, а отъ присвоенныхъ этимъ святымъ эпитетовъ, указывающихъ, на принадлежность даннаго святого къ извѣстному разряду святыхъ, особыя его качества и подвиги, мѣсто родины, мѣсто служенія и т. п.: храмы въ честь кого-либо изъ апостоловъ дали фамилію Апостольскій, въ честь Іоанна или Григорія Богослововъ—Богословскій ²⁾, въ честь Іоанна Златоуста—Златоустовскій, въ честь Георгія Побѣдоносца—Побѣдоносцевъ, въ честь Іоанна Воина—Воиновъ, въ честь Θεодора Стратилата—Стратилатовъ, въ честь архидіакона Стефана—Архидіаконскій (Нж. 68, 242), въ честь Безсребренниковъ Космы и Даміана—Безсребренниковъ (Пск. 2, 179), въ честь Димитрія Солунскаго—Солунскій. Нѣкоторыя фамиліи были образованы отъ названій храмовыхъ урочищъ; нпр. фамиліи Заяицкій отъ ц. Николы Заяицкаго въ Москвѣ, Левшинскій (М., 44) отъ ц. Покрова въ Левшинѣ въ Москвѣ, отъ ц. ц. Николы Гостунскаго, Великорѣцкаго, Златовратскаго (во Владимірѣ)—Гостунскій ³⁾, Великорѣцкій, Златовратскій; существующія въ нѣкоторыхъ городахъ «златоверхія» церкви дали фамилію Златоверхниковъ (93, 188; 96, 176). Отъ урочищъ сельскихъ церквей образованы фамиліи: Никологорскій (Вл. 4, 486) отъ с. Никола-Горы Вязник. у., Спасокукотцкій—отъ с. Спасъ - Кукса Сузд. у., Спасоломскій (Вол. 5, 144)—отъ с. Спасъ-Ломъ Пошехон. у. Сыновья клириковъ соборныхъ и кремлевскихъ церквей назывались Соборовыми и Соборновыми (96, 172), Кремлевыми и Кремлевскими (или отъ с. Кремлева, и пр. въ Скопинскому у.); сыновья клириковъ монастырей (дѣвичьихъ) получали фамиліи Дѣвиченскій (Пенз. 71, 233), Монастыревъ, Монастырскій, въ латинскомъ переводѣ Конвентовъ

¹⁾ Фамилія Софійскій указываетъ не на храмъ мц. Софіи, но на храмъ Софіи Премудрости Божіей (празднество всюду—15 Августа, въ Кіевѣ—8 Сентября).

²⁾ Фамилія Богословскій указываетъ также на особую способность ея носителя къ богословскимъ наукамъ: нпр., Архіеп. Подольскій Кирилль Богословскій-Платоновъ, докторъ богословія († 1841 г.), получилъ свою фамилію въ Троицкой семинаріи вмѣсто прежней Воздвиженскій, данной по селу (Ген. II, 133).

³⁾ Въ Калужской епархіи фамилія Гостунскій (Род., 116) произведена отъ названія самаго села Николо-Гостунъ Лихв. у., гдѣ явилась чудотворная икона Св. Николая, известная подъ именемъ Гостунской.

(Пенз. 0, 557) ¹⁾ или по отдѣльнымъ монастырямъ Новодѣвиченскій (Пенз. 3, 86), Хотьковскій (89, 158).

Самое имя ученика подавало поводъ къ присвоенію ему фамилии. Какъ извѣстно, при именахъ многихъ святыхъ находится эпитетъ въ формѣ прилагательнаго, образованнаго отъ названія мѣстности, въ которой святительствовадь тотъ или другой епископъ, пострадалъ мученикъ, подвизался преподобный. Часто къ имени ученика присоеди- нялся въ видѣ фамилии такой эпитетъ соименнаго ему святого. Фами- лию Александрійскій получали Аѳанасій, Кириллъ, Петръ, Артемій и другіе, соименные многочисленнымъ Александрійскимъ святителямъ и мученикамъ, Амасійскій (Нж. 68, 272)—Василій въ честь св. Василя Амасійскаго ²⁾, Амаѳунтскій—Тихонъ въ честь святого епископа Кипр- скаго города Амаѳунта ³⁾, Амморейскій (Вят. 69, 312)—соименный одному изъ 42 мучениковъ «иже во Амморіи» (6 Марта) нпр. Ѳеодоръ или Константинъ ⁴⁾, Анкирскій—Василій, Климентъ, Ѳеодотъ въ честь соименныхъ священномучениковъ ⁵⁾, Аѳонскій, Аѳоновъ (87, 44) Петръ и Аѳанасій въ честь соименныхъ Аѳонскихъ подвижниковъ ⁶⁾, Барскій Николай по имени «Варскаго града» (Бари), гдѣ почиваютъ мощи Мир- ликійскаго святителя ⁷⁾, Виѳанскій (90, 197)—Лазарь, Гангрскій (Костр. 90, 213)—Ипатій въ честь соименнаго священномученика, Гортинскій (Д., II, 154)—Евменій въ честь соименнаго святителя Критскаго го- рода Гортины ⁸⁾, Индійскій (СПБ., 651)—Іоасафъ въ честь соименнаго царевича Индійскаго, Іерапольскій (6, 248)—Аверкій въ честь равно- апостольнаго Аверкія, епископа Іерапольскаго ⁹⁾, Іерусалимскій—Ки-

¹⁾ Отъ позднѣйшаго значенія слова *conventus—collegium monachorum* (Ducange, Gl. Lat, s. v.), а отнюдь не отъ названія Французскаго революціоннаго собранія. Иногда сыновья клириковъ дѣвичьихъ монастырей получали прозвище отъ названій монастырей: нпр. епископъ Калужскій Евлампій Введенскій († 1813) былъ сынъ дьячка Юрьевскаго Введенскаго мон. (Ген. I, 334.

²⁾ Василій Амасійскій студ. V курса М. Ак. (М. А., 537).

³⁾ Тихонъ Амаѳунтскій—псаломщикъ Воронежской епархіи, начавшій службу въ началѣ 40-хъ годовъ (94, 101).

⁴⁾ Или Павелъ въ честь пѣнописца Павла Амморейскаго.

⁵⁾ Василій Анкирскій въ числѣ священнослужителей Костромской епархіи (Самаря- новъ, Памятная книжка, 57).

⁶⁾ Петръ Аѳонскій ученикъ Владимірской (Вл., 33) и Смоленской (См., VIII) семи- нарій; Аѳанасій Аѳонскій ученикъ Московской семинаріи (М., 66).

⁷⁾ Николай Барскій студ. XVI курса Моск. Ак. (М. А., 556). Эта фамилія можетъ быть и топографическая отъ довольно многочисленныхъ селеній съ названіемъ Барское.

⁸⁾ Или Кириллъ въ честь другого Гортинскаго святителя.

⁹⁾ Въ числѣ Владимірскихъ семинаристовъ (1822 г.) былъ Аверкій Іерапольскій (Вл., 117).

рилль и другіе, соименные многочисленнымъ Иерусалимскимъ святителямъ, Иорданскій—Герасимъ въ честь преп. Герасима иже на Иорданѣ, Катанскій—Левъ въ честь соименнаго святителя Сицилійской Катаны ¹⁾, Кесарійскій—Василій въ честь Василія Великаго и другіе въ честь многихъ соименныхъ имъ мучениковъ, пострадавшихъ въ разныхъ Кесаріяхъ, Кипрскій (88, 114)—Епифаній въ честь соименнаго святителя, Киркирскій (95, 439)—Арсеній въ честь соименнаго святителя (память 19 Января), Команскій (96, 251)—Александръ въ честь соименнаго священномученика, Коринѣскій—соименный какому-нибудь изъ Коринѣскихъ мучениковъ, нпр. Викторъ, Діодоръ и др. (память 31 Января), Критскій—Андрей въ честь кого-либо изъ двоихъ Андреевъ Критскихъ, творца великаго канона (4 Юля) и преподобно-мученика (17 Октября) ²⁾, Лаврскій (Нж. 4, 541)—Харитонъ, Евѣимій, Савва въ честь соименныхъ преподобныхъ, подвизавшихся въ лаврахъ ³⁾, Медиоланскій (Пенз. 71, 111)—Амвросій въ честь знаменитаго епископа Милана ⁴⁾, Милитинскій (М. 45)—Дометіанъ въ честь соименнаго святителя ⁵⁾, Неаполитанскій—Іануарій въ честь соименнаго священномученика ⁶⁾, Ниссовъ (Сар. 3, 252)—Григорій въ честь Григорія, епископа Нисскаго, Парійскій—Василій въ честь соименнаго священномученика ⁷⁾, Персидскій (Нж. 4, 202)—Симеонъ въ честь Симеона, епископа Персидскаго, и другіе, соименные многочисленнымъ персидскимъ мученикамъ, Римскій (Вол. 97, 250)—соименные многочисленнымъ святымъ папамъ, нпр. Левъ, и пострадавшимъ въ Римѣ мученикамъ, Самосатскій (2, 151)—Евсевій въ честь соименнаго священномученика, Севастійскій (или Севастическій)—Власій въ честь Власія, епископа Севастійскаго, или соименный одному изъ сорока мучениковъ Севастійскихъ ⁸⁾, Сигріанскій

¹⁾ Въ Нижегородской епархіи былъ священникъ Левъ Катанскій (78, 121).

²⁾ Ученикъ Владимірской семинаріи Андрей Агриковъ былъ переименованъ въ Критскаго (Вл., 133).

³⁾ Иногда, повидимому, фамилія Лаврскій давалась по созвучію съ именемъ ученика: нпр. Лавръ Лаврскій—ученикъ Московской семинаріи (М., 47).

⁴⁾ Также Назарій и другіе, соименные миланскимъ мученикамъ 14 Октября).

⁵⁾ Память (10 Января). Ту же фамилію могли получить и ученики, соименные довольно многочисленнымъ мученикамъ пострадавшимъ въ Армянскомъ городѣ Милитинѣ.

⁶⁾ Имена, подобныя имени Іануарій, не рѣдкость среди духовенства. Достаточно просмотрѣть страницу или двѣ какого-нибудь списка духовныхъ лицъ, чтобы натолкнуться на Иаованаила Адамантова, Лолія Тихомирова, Флегонта Авессаломова, Гамалила Попова, Анола Шляпина, Аорпала Оувейскаго, Кенсорина Жаворонкова, Фладеян Преображенскаго, Эксакустодіана Илжювіева и т. п. (Вол. Еп. Вѣд. 1869 г., passim).

⁷⁾ Во Владимірской семинаріи въ 1818—30 гг. было два Василія Парійскихъ (Вл., 134).

⁸⁾ Или отъ храма во имя 40 мучениковъ.

(Нж. 6. 262)—**Феофанъ** въ честь Феофана, игумена Сигрианскаго ¹⁾, Синадскій—**Михаилъ** въ честь соименнаго епископа Фригійскаго города Синоады ²⁾, Синайскій или Синаевъ—**Іоаннъ** въ честь знаменитаго игумена Синайскаго **Іоанна Лѣтвичника** ³⁾ и другіе, соименные преподобнымъ синаитамъ, Скитскій—**Макарій** въ честь соименныхъ преподобнаго, основавшаго монастырь въ Скитской пустынѣ ⁴⁾, Смирнскій **Поликарпъ** въ честь соименнаго священномученика, Солунскій—**Димитрій** въ честь соименнаго великомученика, Филадельфійскій (Тамб. 5, 576)—**Димитрій** въ честь соименнаго святителя (память 4 Января), Херсонскій—соименный одному изъ 7 священномучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонесѣ ⁵⁾, Цареградскій (Сам. 2, 91)—соименный одному изъ многочисленныхъ святыхъ патріарховъ Цареградскихъ, **Фессалоницкій** (Тв. 4, 448)—**Григорій** въ честь Григорія Паламы, архиепископа Фессалонитскаго (Фессалоники), **Фивейскій**—весьма часто **Павель** въ честь соименнаго ему Фивайдскаго подвижника ⁶⁾. Самой же тяжелой и замысловатой изъ фамилій этого рода едва ли не должно признать фамилію **Авситидійскій** (Нж. 68, 261), которую получилъ ученикъ съ именемъ **Іова** въ честь соименнаго ему многострадальнаго праведника, жившаго въ землѣ Авситидійской ⁷⁾.

Русскіе и славянскіе святыя дали свои эпитеты въ видѣ фамилій значительному числу соименныхъ имъ учениковъ духовныхъ школъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ **Александръ Невскій**, давшій фамилію **Невскій** весьма многочисленнымъ **Александрамъ** ⁸⁾. Менѣе употребительны фамиліи: **Бѣлоградскій** (Яр. 5, 425) въ честь мученика **Іоанна Бѣлоградскаго** (память 2 Іюня), **Бѣлозерскій** (98, 162) въ честь преподобнаго **Кирилла** и другихъ преподобныхъ **Бѣлозерскихъ**, **Вишерскій** (Вол. 5, 196) въ честь преп. **Саввы Вишерскаго**, **Волоцкій** — въ

¹⁾ Память 12 Марта. Сигрианскій монастырь близъ Кизика.

²⁾ Въ Тверской епархіи былъ свящ. Мих. Синадскій (87, 60).

³⁾ Въ Московской и Рязанской (1836 г.) семинаріяхъ были **Іваны Синайскіе** (М., 85; Ряз. XL), въ Нижегородской (1868 г.) **Іванъ Синаевъ** (Нж. 68, 263).

⁴⁾ Или отъ Ἐκόθης (Скѣвъ).

⁵⁾ Ученикъ Владимирской семинаріи **Василій Новосельскій** (1836 г.) былъ переименованъ въ **Херсонскаго** (Вл., 310); въ Нижегородской епархіи былъ священникъ (въ 1904 г. заштатный) **Капитонъ Херсонскій** (Нж. 4, 391). **Василій** и **Капитонъ** изъ числа 7 священномучениковъ **Херсонскихъ**.

⁶⁾ Во Владимирской семинаріи было три **Павла Фивейскихъ** (Вл., 303).

⁷⁾ Въ 1844 г. инспекторомъ **Печерскихъ** (Нижегородскихъ) училищъ былъ **Іовъ Григ. Авситидійскій** (Общ. Штатъ 1844 г. 129).

⁸⁾ Во Владимирской семинаріи до запрещенія мѣнять фамиліи было 8 **Александровъ Невскихъ** (Вл., 171).

честь преп. Іосифа Волоцкаго ¹⁾, Глушицкій (Вол. 69, 374) въ честь одного изъ преподобныхъ Глушицкихъ (Вологодскихъ), Дымскій (3, 179) въ честь преп. Антонія Дымскаго, Звенигородскій (Сам. 2, 112) въ честь преп. Саввы Звенигородскаго, Зеленецкій (93, 190) въ честь преп. Мартирія Зеленецкаго, Клопскій (97, 253) въ честь Михаила Клопскаго, юродиваго Новгородскаго, Комельскій (Тамб. 5, 575) въ честь одного изъ преподобныхъ Комельскихъ, Любимоградскій въ честь преп. Геннадія Любимоградскаго и Костромскаго ²⁾, Нуромскій (92, 185) въ честь преп. Сергія Нуромскаго ³⁾, Обнорскій (5, 184) въ честь преп. Павла Обнорскаго и другихъ преподобныхъ Обнорскихъ ⁴⁾, Ошевенскій (76, 125)—Александръ въ честь соименнаго преподобнаго, Пермскій въ честь Стефана, епископа Пермскаго, Печерскій (5, 177) въ честь кого-либо изъ многочисленныхъ преподобныхъ Печерскихъ, Прилуцкій въ честь преп. Димитрія Прилуцкаго ⁵⁾, Радонежскій въ честь преп. Сергія Радонежскаго ⁶⁾, Ростовскій (Тамб. 95, 313) въ честь Димитрія, митрополита Ростовскаго ⁸⁾ или другихъ многочисленныхъ Ростовскихъ святыхъ, Рыльскій (2, 338) въ честь Болгарскаго подвижника Іоанна Рыльскаго (память 19 Октября), Свирскій (6, 238) въ честь преп. Александра Свирскаго, Сербскій (М., 74) въ честь святыхъ Сербскихъ архіепископовъ Саввы (память 12 Января) и Арсенія (память 28 Октября), Суздальскій (Орл. 5, 256) въ честь преп. Евѣимія или кого другого изъ Суздальскихъ святыхъ, Тверскій въ честь великаго князя Михаила Тверскаго ⁹⁾, Черниговскій въ честь князя-мученика Михаила Чернигов-

¹⁾ Въ 1835 г. въ Саратовской епархіи былъ священникъ Іосифъ Волоцкій (Гр. Саратов. Арх. Кош. 1888 г., IV, 435).

²⁾ Въ Костромской епархіи былъ священникъ (въ 1903 г. заштатный) Геннадій Любимоградскій (3, 268). Монастырь Преп. Геннадія теперь въ Ярославской епархіи.

³⁾ Фамилія Нурминскій въ Казанской епархіи (Каз. 86, 435) происходятъ отъ с. Нурмы-Богородскаго Царевококш. у.

⁴⁾ Фамиліи Глушицкій, Обнорскій, Нуромскій и Комельскій употребляются въ Вологодской епархіи въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались вышеупомянутые преподобные. По смежности рѣкъ Комелы, Обноры и Нуромы одни и тѣ же святые называются разво, напр. Сергій Нуромскій и Обнорскій, Павелъ Обнорскій и Комельскій.

⁵⁾ Или по Ошевенскому погосту Каргопол. у.

⁶⁾ Въ Моск. Акад. былъ студентъ Дмитрій Прилуцкій (М. А., 385).

⁷⁾ Или по храму въ честь Сергія Радонежскаго: Антоній (въ мѣрѣ Александръ) Радонежскій, еп. Оренбургскій († 1872 г.) былъ сынъ священника с. Тепелева-Сергѣевскаго Нижегород. у.

⁸⁾ Въ Нижегородской епархіи былъ псаломщикъ (въ 1904 г. заштатный) Дмитрій Ростовскій (Нж. 4, 337).

⁹⁾ Въ 1898 г. въ Москвѣ былъ псаломщикъ Михаилъ Тверской (98, 439), прослужившій пятидесятилѣтіе.

скаго ¹⁾, Ярославскій (86, 78)—соименный кому-либо изъ святыхъ Ярославскихъ князей, напр. Василій, Константинъ, Ѳеодоръ.

Нѣкоторые эпитеты святыхъ, оканчивающіеся не на скій, а на въ и нъ, дали фамиліи съ чисто велико-русскими окончаніями въ и нъ. Апостолы Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ Зеведеевъ дали свои патронимическія прозвища въ видѣ фамилій ученикамъ, носившимъ имя Іакова ²⁾. Прозвища Сиринъ, Дамаскинъ и Малеинъ, указывающія на мѣсто рожденія или подвиговъ преподобныхъ Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина и Михаила Малеина, перешли въ видѣ фамилій къ ученикамъ, соименнымъ этимъ преподобнымъ ³⁾. Можетъ быть, употребительная вообще фамилія Агриковъ иногда давалась ученику съ именемъ Василій, какъ это было во Владимірской семинаріи (Вл., 16), подъ вліяніемъ продолженной «повѣсти о чудеси святаго отца Николая о Агриковѣ сынѣ Василіи» ⁴⁾.

Многочисленные фамиліи были произведены отъ прозвищъ святыхъ, выраженныхъ существительными, прилагательными и причастіями и указывающихъ или на принадлежность святаго къ извѣстному разряду святыхъ или на принадлежность къ братіи извѣстной обители или наконецъ на особыя его заслуги и дарованія. Уже въ 1728 г. въ Московской Академіи былъ ученикъ Василій Блаженковъ (Оп. Син. Арх., VII, СXLIX), названный такъ, можетъ быть, въ честь Василія Блаженнаго. Ученики, носившіе имена какого-либо изъ апостоловъ, могли получать фамилію Апостоловъ (О. Р., I, 468), носившіе имена мучениковъ или чудотворцевъ—фамиліи Мартировъ отъ греч. μαρτυρ (мученикъ) или Чудотворцевъ, греч. Θαυματουργовъ (Рус. Ст., XXVI, 430) ⁵⁾,

¹⁾ Во Владимірской семинаріи (1840 г.) былъ ученикъ Михаилъ Черниговскій. Впрочемъ, иногда фамиліи, производныя отъ Русскихъ городовъ и селъ, давались не въ честь святыхъ, а просто уроженцамъ этихъ городовъ и селъ: нпр. фамилія Коневскій (Нж. 68, 260) произведена отъ названія с. Конева Балахи. у., а не дана въ честь Преп. Арсенія Коневского (островъ Коневецъ).

²⁾ Иногда вмѣсто фамиліи Алфеевъ (Ряз. 5, 255) давалась фамилія Алфеевскій: нпр., въ С.-Петербургской Академіи былъ студентъ Яковъ Алфеевскій (4, 446).

³⁾ Вмѣсто Дамаскинъ употребляется и фамилія Дамаскинскій (Кут. 306), вмѣсто Сиринъ—Сириновъ (Вл. 244). Сириновъ можетъ происходить отъ прилаг. σερίνος (горячій). Ученикъ Владимірской семинаріи Михаилъ Ромодановскій былъ переименованъ въ Маленина (Вл., 154); Михаилы Маленны были и въ Троице-Лаврской семинаріи (Смирновъ, 550) и въ С.-Петербургской Академіи (Ч., 441).

⁴⁾ Повѣсть рассказываетъ, что Василій Агриковъ изъ Сарацынскаго плѣна былъ перенесенъ св. Николаемъ въ родителямъ даже съ кувшиномъ, изъ котораго онъ наливалъ вино своему господину.

⁵⁾ Въ Владимірской семинаріи былъ ученикъ Севастіанъ Мартировъ въ честь мученика Севастіана (Вл., 157), въ Рязанской Алексій Чудотворцевъ (Ряз., XLII) въ честь Чудотворца Алексія митрополита.

Михаилъ назывался Архангеловымъ ¹⁾, Яковъ—Израилевымъ (Сп. 1890 г., 140), Иванъ—Предтечинымъ (91, 365) и даже по-французски Батистовымъ (3, 369) въ честь Иоанна Предтечи ²⁾, Златоустовымъ (Сзд. 174), по-гречески Хризостомовымъ (Сар. 2, 619), въ честь Иоанна Златоустаго ³⁾, Воиновымъ—въ честь Иоанна Воина (Д., III, 115), Илья—Оесвитяниновымъ (Сам. 2, 96) въ честь пророка Иліи Оесвитянина, Оома—Дидимовымъ (Сам. 2, 16) въ честь апостола Оомы, нарицаемаго Близнецъ (*δίδυμος*), Андрей—въ честь апостола Андрея Первозваннаго Первозванскимъ (6, 245) или по-гречески Протоклитовымъ (97, 189), Игнатій—въ честь Игнатія Богоносца Богоносцевымъ (2, 150) или по-гречески Оеофоровымъ (Олон. 3, 450), Георгій—въ честь Георгія Побѣдоносца Побѣдоносцевымъ или по-гречески Тропеофоровымъ (Спб., 651) ⁴⁾, Діонисій—въ честь Діонисія Ареопагита Ареопагитскимъ (Пенз. 68, 349), Іосифъ—въ честь Іосифа Пѣснописца Пѣснописцевымъ (Нж. 68, 244). Мученики Оеодоръ и Андрей Стратилаты ⁵⁾ дали фамилію Стратилатовъ соименнымъ имъ ученикамъ ⁶⁾. Ученики, соименные преподобнымъ студитамъ, т.-е. монахамъ Константинопольскаго Студійскаго монастыря ⁷⁾, получали фамиліи Студитовъ, Студійскій и Студитскій (Спб. 645; Яр. 5, 364) ⁸⁾, соименные преподобнымъ савваитамъ, т.-е. подвижникамъ Палестинской Лавры св. Саввы ⁹⁾ — фамиліи Савваитовъ (0, 149) и Савваитскій (3, 141), соименные преподобнымъ декаполитамъ, т.-е. подвижавшимся въ области Десятиградія ¹⁰⁾,—Декаполитовъ и Декаполскій (85, 62) ¹¹⁾. Преп. Оеодоръ Трихина, названный такъ отъ одежды изъ грубаго волоса, далъ соименнымъ ему ученикамъ фа-

¹⁾ Впрочемъ, на семинарскомъ жаргонѣ „архангелами“ назывались великовозрастные ученики „сѣкуторы“ (Дубасовъ, Очерки Тамб. края, III, 163).

²⁾ Если только не отъ Греч. *βάπτιστος*—глубочайшій.

³⁾ Во Владимирской семинаріи былъ Иванъ Златоустовъ (Вл. 112).

⁴⁾ Егоры Побѣдоносцевы были и въ Московской (М. 61) и во Владимирской (Вл., 198) семинаріяхъ. Ученикъ Рязанской семинаріи Егоръ Городковъ съ 1808 г. былъ переименованъ въ Побѣдоносцева (Ряз., 103). Отъ храма въ честь Георгія Побѣдоносца на Варваркѣ получила начало и фамилія К. П. Побѣдоносцева (Р. Арх. 1907, № 4, 652).

⁵⁾ Можетъ быть, также Савва и Мелетій Стратилаты.

⁶⁾ Встрѣчаются въ клиръ Оеодоры Стратилатовы (93, 303; 95, 14), учившіеся до запрещенія мѣнять фамиліи; во Владимирской семинаріи былъ ученикъ Андрей Стратилатовъ (Вл., 275).

⁷⁾ Платонъ, Оеодоръ, Николай.

⁸⁾ Въ Суздальской семинаріи былъ Оеодоръ Студицкій (Сзд., 210), въ Московской Академіи—Платонъ Студійскій.

⁹⁾ Стефанъ и Іоаннъ.

¹⁰⁾ Григорій и Проковій.

¹¹⁾ Во Владимирской семинаріи былъ ученикъ Григорій Декаполитовъ (Вл., 90).

милию Трихинскій ¹⁾, Симеонъ Дивногорець, т.-е. подвижавшійся на Дивной горѣ близъ Антиохіи,—фамилію Дивногорскій (Орл. 5, 35) ²⁾. Фамилія Семіотрочевъ (97, 181) едва ли не была дана ученику, носившему имя одного изъ семи отроковъ иже во Ефесѣ, называемыхъ иначе спящими ³⁾. Во Владимірской семинаріи было два ученика съ фамиліей Твердисловъ, которую носилъ Ростовскій юродивый св. Исидоръ, въ Ярославской епархіи въ 1870 году былъ священникъ Николай Качановъ (Яр. 70, 406), напоминающій о Новгородскомъ юродивомъ св. Николаѣ Качановѣ, а фамилія Колычевъ могла быть дана ученику, имѣвшему имя Филиппъ, въ честь св. Филиппа Колычева.

Иногда, повидимому, ученики получали фамиліи отъ заглавій сочиненій ихъ патроновъ: такъ Иванъ могъ быть названъ Лѣствицынымъ (89, 177) въ честь Іоанна, писателя «Лѣствицы Райской» или Лѣстичника. Изобрѣтались и болѣе сложныя фамиліи, какъ Скинотворцевъ (Сар. кн., 294) для Павла въ честь соименнаго ему апостола, бывшаго «скинотворцемъ хитростію» (Дѣян. XVIII, 3), и Питоврановъ (Сар. 2, 356, 546), вѣроятно, для Іліи въ честь соименнаго ему пророка, котораго питали враны въ пустынь.

Не только святые, но и историческіе дѣятели и писатели давали свои прозвища и фамиліи соименнымъ имъ ученикамъ. Ученики, соименные знаменитымъ іерархамъ, иногда получали ихъ фамиліи, нпр. Стефанъ Яворскій, Михаилъ Десницкій, Александръ назывался Македонскимъ ⁴⁾, Платонъ или Сократъ Аѳинскими (Дѣят. Яросл. края, II, 223) въ честь жившихъ въ Аѳинахъ философовъ, Аполлоній—Родосскимъ по соименному писателю Александрійской эпохи, Діонисій—Галикарнассовымъ (5, 160) по автору «Римскихъ Древностей». Фамилію Самосатскій могъ получить не только Евсеій въ честь Самосатскаго священномученика, но и Лукіанъ въ честь Самосатскаго сатирика; Солунскимъ могъ быть названъ не только Димитрій, но и Симеонъ, послѣдній въ честь церковнаго писателя Симеона Солунскаго, котораго *Commentarius de divino templo* былъ въ числѣ семинарскихъ руководствъ ⁵⁾; Александрійскимъ

¹⁾ Въ 1868 г. въ Костромской епархіи былъ священникъ Теодоръ Трихинскій (Самаряновъ, 62).

²⁾ Эта фамилія можетъ быть заимствована и изъ Русской топографической номенклатуры: с. Дивная Гора Углицк. у. Дивногорскій (Дивогорскій) монастырь Коротояц. у.

³⁾ Или по храму ихъ имени. Придѣлъ въ честь Ефесскихъ отроковъ есть въ церкви Казанскаго Предтечева монастыря.

⁴⁾ Въ Нижегородской епархіи въ 1891 г. былъ псаломщикъ Александръ Македонскій, начавшій службу въ 1840 г.

⁵⁾ Благовѣщенскій, Ист. Каз. сем., 323.

могъ быть названъ не только Аванасій или Кириллъ въ честь соименныхъ святыхъ патріарховъ Александрійскихъ, но и Климентъ въ честь неканонизованнаго знаменитаго Александрійскаго церковнаго учителя III вѣка; могло быть, что Георгій получалъ фамилію Кедринъ (87, 53) въ честь Византійскаго хрониста Георгія Кедрина. Фамилія Роттердамскій (98, 164) могла быть дана Эразму въ честь знаменитаго гуманиста, котораго *Colloquia familiaria* переводились въ синтаксимъ ¹⁾. Иногда фамилии давались въ честь соименныхъ ученикамъ Русскихъ писателей: въ Рязанской семинаріи въ 1832 г. былъ ученикъ Михаилъ Херасковъ (Ряз., XXXV), и въ Смоленской въ 1837 г. даже Михаилъ Каченовскій (См., XI), причемъ послѣдній едва ли не былъ названъ въ честь извѣстнаго въ то время историка проф. Михаила Трофимовича Каченовскаго; въ Тамбовской епархіи въ 1897 г. былъ выслужившій пятидесятилѣтіе священникъ Герасимъ Павскій, получившій эту фамилію едва ли не въ честь извѣстнаго богослова, пострадавшаго за свой ученый либерализмъ, прот. Герасима Петровича Павскаго. Въ Рязанской епархіи въ 1855 г. былъ священникъ Іоаннъ Вышатиный (Д., II, 176), названный такъ, вѣроятно, въ честь знаменитаго Русскаго воеводы XI вѣка, Яна сына Вышатины. Мало того, фамилии давались иногда въ честь враговъ Россіи и гонителей Церкви: во Владимірской семинаріи въ концѣ XVIII вѣка былъ ученикъ Іеремія Вишневецкій (Вл., 70), соименный гонителю православія въ Польшѣ XVII вѣка кн. Іереміи Вишневецкому, и теперь еще существуетъ фамилія Копронимовъ (88, 131), данная, вѣроятно, какому-нибудь Константину въ память о соименномъ ему императорѣ-иконоборцѣ ²⁾.

Общественное положеніе учениковъ и званіе ихъ родителей, *conditio*, какъ оно называлось въ училищныхъ спискахъ, подало поводъ къ об-

¹⁾ Смирновъ С., Ист. Тр. Лавр. сем., 323. О популярности Эразма свидѣтельствуеъ господствовавшее въ некоторыхъ семинаріяхъ правило „*Erasmus pro calculo destinatur*“ (Пенз. 68, 63 неоп.), т. е. разучиваніе наизусть отрывка изъ Эразма назначалось ученику за разговоръ на Русскомъ языкѣ вмѣсто другаго наказанія.

²⁾ Въ клиръ въ 1887 году г. былъ священникъ Іоаннъ Нероновъ, получившій, можетъ быть, фамилію въ честь расколоучителя протопопа І. Неронова. Иногда такое сочетаніе имени съ фамиліей не было плодомъ перемѣны фамилии въ духовной школѣ, но имя было подобрано родителями къ фамилии. Въ настоящее время среди духовныхъ лицъ, учившихся, вѣроятно, послѣ запрещенія мѣнять фамилии, и среди учениковъ современныхъ духовныхъ школъ встрѣчаются, нпр. Дамаскинъ Иванъ (Тв. 4, 342), Афонскій Петръ (Тв. 4, 345), Сербскій Арсеній (Тв. 4, 344), Архангеловъ Михаилъ (Ряз. 5, 490), Яворскій Стефанъ (Тул. 5, 9), Прокоповичъ Теофанъ (92, 474), Пушкинъ Александръ (Тв. 4, 454), Сперанскій Михаилъ (Тв. 4, 348). Точно также и монахи при постриженіи иногда подбирали имя къ фамилии, нпр. Евангелъ Благовѣщенскій (4, 448), Филаретъ Филаретовъ, Θεодосій Θεодосіевъ.

разованію цѣлаго ряда духовныхъ фамилій. Фамиліи Пришлецовъ (Вл., 213), Иноградскій (М., 77), Ненашевъ (Орл. 5, 277 ¹⁾), Алиеновъ (Спб., 213) отъ alienus (чужой) ²⁾ и Вицинскій (Сп. архіер., 51) отъ vicinus (сосѣдній) ³⁾, какъ бы указываютъ на учениковъ иноепархіальныхъ. Противоположное значеніе имѣли фамилія старожиловъ. Безродные ученики назывались Безродовыми (Сзд., 157), по гречески Агеносовыми (5, 179). Весьма употребительны фамиліи Сироткинъ, Сиротининъ (Ряз. 5, 487), Сиротинскій, по-гречески Орфановъ, Орфановскій и Орфаницкій: въ Суздальской семинаріи за 10 лѣтъ было 7 Сиротинскихъ, 2 Орфанова и одинъ Орфановскій; встрѣчается и Французская форма этой фамиліи — Орфелиновъ (Нж. 4, 241) отъ orphelin Полусироты назывались Апатровыми (6, 250) и Амитровыми (97, 189) или Амитиловыми (90, 145). Ученики, имѣвшіе отцовъ и семьи, назывались Патровыми (О. Р., II, 19), Патрицкими (4, 201), Семейкиными и Семьинскими, хотя фамилія Семьинскій, встрѣчающаяся въ Суздальской семинаріи, произведена отъ с. Семьинскаго, Юрьев. у. Единственные сыновья получали фамилію Моногеновъ (6, 221), имѣвшіе братьевъ Полигеновъ (3, 171). По старшинству братья назывались Большовъ, Средневъ, Меньшовъ (Рус. Ст., XXXIII, 661) по-латыни Майоровъ (Сар. 3, 300) и Минорскій (4, 214) или Миноранскій (Тамб. 95, 393). Старшіе сыновья получали фамилію Первенцевъ (5, 190), по-латыни Примогенитовъ и Примогеновъ (94, 193); были ученики Новочадовы (95, 185), Близнецовы и Близнецкіе (Ук. церковей Спб., 83), по Греч. Дидимовы (Сам. 2, 16), а также Пасынковы (96, 181); Племянниковы (95, 183), Крестниковы (6, 256) ⁴⁾, Титорскіе (0, 239), т.-е. состоящіе въ опеку.

¹⁾ Впрочемъ, въ соседней съ Орловской Тульской епархіи есть с. Ненашево (Алексин. у.). Эта фамилія есть и въ Курской епархіи (82, 42).

²⁾ Фамилія Ислоницкій (М., 50) какъ будто противоположна ей по значенію.

³⁾ Если она не происходитъ отъ слова вице (прутъ).

⁴⁾ Эти фамиліи могутъ быть и топографическаго происхожденія: Пасынково 6 разъ встрѣчается среди селеній Ярославской губ.; въ Довковскомъ уездѣ есть с. Племянниково. Фамилія Дядьковъ въ Рязанской епархіи (82, 44) происходитъ отъ с. Дядькова Рязан. у. Фамилія Маминъ (77, 95) въ Пермской епархіи происходитъ отъ с. Маминскаго Екатеринбург. у.

ЗАВѢЩАНІЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

(Изъ Саратовскаго судебнаго архива).

О получившемъ у насъ громкую извѣстность Чернышевскомъ разсказывается немало разныхъ эпизодовъ, иногда не соотвѣтствующихъ его характеру и дѣятельности.

Одинъ изъ его современниковъ, тоже Саратовецъ, И. У. Палимсестовъ писалъ («Русскій Архивъ» 1890 г., вып. 4, стр. 553—562), что, «перейдя изъ дореформенной бursы въ свѣтлый храмъ науки» (университетъ), Чернышевскій будто сталъ уже не тѣмъ глубоко-вѣрующимъ юношей, какимъ былъ онъ въ годы семинарства въ Саратовъ, подъ руководствомъ добраго и кроткаго отца, человѣка высокой нравственности. Палимсестовъ, изображая Чернышевскаго чуть не атеистомъ, чуждымъ христіанскихъ воззрѣній, основываетъ свои мнѣнія частію на разговорахъ съ нимъ самимъ, частію на сочиненіяхъ его, а главнымъ образомъ на полученныхъ отъ своихъ знакомыхъ свѣдѣніяхъ, что Чернышевскій, живя послѣдніе годы въ Саратовѣ, «ни разу не посѣтилъ могилы горячо любимаго отца и умеръ не-христіаниномъ». Палимсестову говорили, будто «одно изъ близкихъ къ покойному существовъ, горячо молившееся за него въ Божьихъ церквахъ, постоянно просило его бросить прежнія идеи, и слышало въ отвѣтъ: «меня ничто не сломило, и это моя пища».

Но мнѣ, наоборотъ, разсказывали, что покойный архіепископъ Херсонскій Никаноръ, бывшій въ 50-хъ годахъ ректоромъ Саратовской духовной семинаріи, ставилъ Чернышевскаго по христіанскимъ убѣжденіямъ выше многихъ іерарховъ того времени.

Это было въ годы учительства (1851—1853) Чернышевскаго въ Первой Саратовской мужской гимназіи. Въ ту пору жилъ въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ. Нерѣдко случалось, что эти три лица сходились побесѣдовать о разныхъ отвлеченныхъ «матеріяхъ»:

— Я всегда пасовалъ, говорилъ архимандритъ Никаноръ, когда въ нашихъ спорахъ дѣло касалось до другихъ научныхъ предметовъ, даже въ исторіи и философіи. Ну, думаю, въ богословіи побѣда останется за мной. Но когда дѣло дошло и по этому предмету до преній,

я принужденъ былъ согласиться, что Чернышевскій и Костомаровъ знаютъ богословскую науку не хуже меня ¹⁾).

Нельзя не отмѣтить еще такого явленія, которое едва ли можно приписать простой случайности. Гдѣ бы ни жилъ Чернышевскій (особенно въ послѣдніе годы), квартира его приходилась по близости православнаго храма. Напримѣръ, въ Петербургѣ (въ 60-хъ годахъ) онъ жилъ на Большой Московской улицѣ, въ домѣ Есаулова, близъ Владимирской церкви; въ Астрахани (съ 1883 г.) сначала въ домѣ Полегаева, противъ Благовѣщенскаго женскаго монастыря и церкви Воздвиженія, а потомъ близъ Знаменской церкви на Бѣлогородской улицѣ; въ Саратовѣ—въ домѣ Никольскаго, противъ Александро-Невскаго собора. Правда, говорили, будто о томъ заботилась его набожная супруга, желавшая наставить мужа «на путь истинный»; но едва ли это вѣрно. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ Саратовскаго судебнаго архива за 1890/1 г. «*Объ утвержденіи домашняго духовнаго завѣщанія титулярнаго советника (?) Николая Гавриловича Чернышевскаго*», я отыскалъ выпись изъ метрической книги Нерукотворенно-Спасской (Сергіевской) церкви, выданную причтомъ 12 Октября 1890 г. повѣренному вдовы Чернышевскаго А. А. Токарскому ²⁾, въ которой между прочимъ значится, что Николай Гавриловичъ скончался 17-го, а погребенъ 20-го Октября 1889 г., на 61-мъ году жизни, «умеръ отъ апоплексіи мозга»; въ графѣ—«кто исповѣдывалъ и приобщалъ» показано: «*крестовой церкви іеромонаха Діонисія*». «Погребеніе совершалъ протоіерей Лавренгій Нечаевъ съ псаломщикомъ Аркадіемъ Князевскимъ на Воскресенскомъ кладбищѣ». Изъ сего явствуетъ; что Чернышевскій, въ противность сложившихся убѣжденій, умеръ христіаниномъ.

Заслуживаетъ вниманія и составленное имъ духовное завѣщаніе, которое приводимъ подлинникомъ.

«Астрахань, 1887 года, Іюля 18 дня.

«Я нижеподписавшійся, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, на случай смерти моей, о принадлежащемъ мнѣ имуществѣ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

1) Все мое движимое и недвижимое имущество ³⁾, гдѣ бы оно ни находилось и въ чемъ бы ни заключалось, завѣщаю въ полную

¹⁾ Любопытно, что въ этихъ спорахъ часто принималъ участіе Лютеранскій пасторъ Гроссъ.

²⁾ Братъ известнаго юриста и бывший депутатъ отъ гор. Саратова въ Первой Государственной Думѣ.

³⁾ У Чернышевскаго благопріобрѣтеннаго имущества не было. Отъ отца ему достался домъ въ Саратовѣ на углу Гимназической и Большой Сергіевской улицъ.

собственность возлюбленной женѣ моей Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской.

2) Ей же, Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской, завѣщаю весь капиталъ мой, какой окажется послѣ смерти моей ¹⁾, равно и тотъ, какой будетъ подлежать мнѣ къ полученію отъ кого и откуда бы то ни было.

3) Кромѣ тѣхъ наслѣдственныхъ правъ, которыя исчислены въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ сего завѣщанія, любезная жена моя, Ольга Сократовна Чернышевская, послѣ смерти моей, на основаніи 1085 ст. X тома, I части законовъ гражданскихъ, изданія 1857 года, имѣеть право пользоваться и распоряжаться на правѣ полной собственности всѣми моими сочиненіями и переводами, если таковыя останутся въ рукописи послѣ моей смерти и всѣми изданными при моей жизни ²⁾ и

4) Завѣщаніе это вступаетъ въ силу только послѣ смерти моей, и оно пріемницею правъ моихъ должно быть представлено къ засвидѣтельствуванію въ надлежащее судебное мѣсто. *Сію духовную писалъ собственною рукой самъ завѣщатель Николай Гавриловъ Чернышевскій.*

Подъ завѣщаніемъ въ качествѣ свидѣтелей подписались: врачъ управленія Калмыцкимъ народомъ надв. сов. Александръ Николаевичъ Орловъ, пот. поч. гражд. Степанъ Ивановичъ Козловъ, частный повѣренный Андрей Семеновичъ Гурьяновъ и отставной канцелярскій служитель Леонидъ Сергѣевичъ Цвѣтковъ.

По смерти Чернышевскаго его завѣщаніе было представлено (12 Октября 1890 г.) на утвержденіе въ Саратовскій Окружный Судъ. Послѣ допроса свидѣтелей чрезъ мирового судью 4-го участка гор. Астрахани, Окружный Судъ, въ засѣданіи 4 Октября 1891 г., назвавъ Чернышевскаго «титularнымъ совѣтникомъ» (хотя того не было указано ни въ завѣщаніи, ни въ прошеніи) призналъ завѣщаніе правильнымъ, ибо оно было составлено «безъ нарушенія установленныхъ формъ» и изъ него «не видно, чтобы завѣщатель *не имѣлъ права завѣщать*». Чернышевскій, какъ лишенный всѣхъ правъ состоянія, политическій ссыльный, едва ли имѣлъ это право.

Завѣщаніе было утверждено, и такимъ образомъ Саратовскій Окружный Судъ возстановилъ Чернышевскаго въ правахъ его послѣ смерти.

П. Юдинъ.

¹⁾ Капиталовъ никакихъ у него не было.

²⁾ Теперь сочиненія Чернышевскаго издаетъ сынъ его, Михаилъ Николаевичъ, живущій въ Петербургѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА *).

Наполеонъ на походѣ въ Россію.

Наконецъ, горя нетерпѣніемъ одолѣть Россію и желая избѣгнуть отъ Нѣмцевъ изъявленій объ ихъ покорности, Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Познани онъ пробылъ необходимое время для того, чтобы поправиться Полякамъ. Минуя Варшаву, гдѣ для войны не было настоящей нужды въ его присутствіи и гдѣ онъ снова встрѣтилъ бы политику, Наполеонъ остановился въ Торнѣ для осмотра его укрѣпленій, запасовъ и войска. Тутъ-то раздались вопли Поляковъ, которыхъ наши союзники немилосердно грабили и оскорбляли, вслѣдствіе чего Наполеонъ обратился къ Вестфальскому королю со строгими упреками и даже угрозами. Онъ могъ и самого себя упрекнуть какъ виновника этихъ безпорядковъ, которые его раздражали: ибо, если отъ Одера до Вислы и даже до Нѣмана провіанта было достаточно, и онъ хорошо были размѣщенъ, то не доставало менѣе удобопереноснаго фуража. Для корма лошадей наши кавалеристы уже были принуждены косить зеленую рожь и сдирать съ домовъ соломенные крыши. Правда, не всѣ дошли до этого; но, разъ безпорядокъ дозволенъ однимъ, какъ запрещать его остальнымъ?

По ту сторону Нѣмана злополучіе возрасло. Императоръ рассчитывалъ на множество легкихъ повозокъ и тяжелыхъ фургоновъ, предназначенныхъ для перевозки тяжести въ цѣлыя тысячи фунтовъ, по пескамъ, гдѣ повозки, вѣсомъ въ нѣсколько центнеровъ, передвигаются съ трудомъ. Эти транспорты были организованы въ батальоны и эскадроны. Каждый батальонъ легкаго обоза состоялъ изъ 600 повозокъ, годныхъ для перевозки 6.000 центнеровъ муки; батальонъ тяжелаго обоза перевозилъ волами 4.800 центнеровъ. Кромѣ того имѣлось 26 эскадроновъ военнаго обоза, множество повозокъ со всякаго рода орудіями, тысячи лазаретныхъ фургоновъ и артиллерійскихъ повозокъ, шесть понтонныхъ приборовъ и одинъ осадный. Провіантскій обозъ долженъ былъ получать грузъ изъ запасныхъ магазиновъ, устроен-

*) См. выше, стр. 5.

ныхъ на Вислѣ. Перейдя эту рѣку, армія получила приказъ, не останавливаясь, взять съ собой провіанту на 25 дней, но пользоваться имъ лишь за рѣкой Нѣманомъ. Впрочемъ, бѣдшая часть этихъ перевозочныхъ средствъ опоздала, потому ли, что составъ солдатъ-проводниковъ военнаго обоза былъ плохъ и дисциплина въ немъ не поддерживалась чувствомъ чести и честолюбія, или же, главнымъ образомъ, потому, что, при значительности разстояній, эти повозки были слишкомъ тяжелы для мѣстной почвы; лишения же и утомленіе при этомъ слишкомъ велики. Бѣдшая часть обоза едва добралась до Вислѣ Армія запасалась всѣмъ на ходу. Такъ какъ мѣстность, по которой двигались войска, была плодородна, то брали рѣшительно все: лошадей, повозки, скоть, всякаго рода съѣстные припасы; все это увозили, забирая даже жителей, годныхъ быть проводниками. Нѣсколько дней спустя, въ виду трудности перевоза черезъ Нѣманъ при быстротѣ первыхъ военныхъ переходовъ, пришлось настолько же равнодушно оставлять всѣ избытки этихъ неистовыхъ захватовъ.

Какой начальникъ могъ поручиться за толпу офицеровъ и солдатъ, распущенныхъ по всей мѣстности для поборовъ? Кому нести жалобы? Кого карать? Все дѣлалось на бѣгу; не было времени не только судить, но даже узнать виновныхъ; между дѣломъ, происшедшимъ вечеромъ и новымъ дѣломъ на слѣдующій день, этихъ дѣлъ возбуждалось такое множество! Въ то время въ одинъ день набиралось дѣлъ на цѣлый мѣсяць.

При томъ, примѣръ подавали нѣкоторые начальники: происходило соревнованіе во злѣ, и въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ союзниковъ превзошли Французовъ. Мы имъ служили учителями во всемъ; но, перенимая наши качества, они преувеличили наши недостатки. Ихъ грубое и звѣрское хищеніе было возмутительно.

12 Іюня императоръ отправился изъ Данцига въ Кѣнигсбергъ, гдѣ закончился осмотръ огромныхъ магазиновъ и второго мѣсто отдыха. Тамъ были сосредоточены запасы провіанта, столь же огромные, какъ и само предпріятіе. Ни одна мелочь не была упущена, ибо дѣятельный и страстный умъ Наполеона былъ въ то время весь устремленъ на эту важную и самую трудную часть похода, и тутъ онъ уже доходилъ до расточительности въ указаніяхъ, приказахъ и даже деньгахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма. Дни проходили въ томъ, что онъ диктовалъ предписанія по этому предмету; но и по ночамъ онъ вставалъ, чтобы повторить тѣже предписанія. Въ одинъ день, однимъ и тѣмъ же генераломъ было получено отъ него шесть депешъ, и всѣ шесть внушены одной и той же заботой. По пути изъ Кѣнигсберга въ Гумбиненъ Наполеонъ дѣлалъ смотръ нѣкоторымъ частямъ войска.

По своему обыкновенію, онъ прохаживался передъ рядами. Ему было извѣстно, какой полкъ былъ съ нимъ въ какихъ походахъ. Онъ останавливался передъ старѣйшими солдатами и однимъ словомъ, дружеской лаской, напоминалъ одному сраженіе у Пирамидъ, другому битвы подъ Маренго, Аустерлицемъ, Іеной или Фридландомъ. И ветеранъ, вообразивъ, что императоръ узналъ его лично, вытягивается, преисполняясь гордости, среди своихъ болѣе молодыхъ товарищей, которые ему завидуютъ. Наполеонъ шелъ дальше, не пропуская и самыхъ молодыхъ; казалось, все ихъ касающееся занимало его; ему извѣстны ихъ малѣйшія нужды, онъ спрашиваетъ ихъ, заботятся ли о нихъ начальники? Уплачено ли имъ жалованіе? Нѣтъ ли упущеній въ чемъ либо? Онъ желаетъ освидѣтельствовать ихъ ранцы. Наконецъ онъ останавливается въ серединѣ полка, освѣдомляется о незанятыхъ мѣстахъ и громко спрашиваетъ кто въ полку достойнѣйшіе; указанныхъ онъ подзываетъ къ себѣ и развѣдываетъ, сколько лѣтъ они состоятъ на службѣ, въ какихъ походахъ были, какія раны получили, каковы ихъ славные подвиги? Затѣмъ онъ производитъ ихъ въ офицеры и велитъ тотчасъ принять ихъ въ своемъ присутствіи, указывая куда именно. Эти особенныя подробности очаровываютъ солдатъ. Они говорятъ себѣ, что великій императоръ, разбиравшій сразу цѣлые народы, занимается ими, входитъ въ мельчайшія подробности; они составляютъ его старѣйшую, настоящую семью! Вотъ какимъ способомъ онъ заставлялъ любить войну, славу и его самого.

Все было готово. Отъ береговъ Гвадалквивира и Калабрскаго моря до рѣки Вислы 617 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 480 тысячъ находилось уже налицо; шесть понтонныхъ приборовъ и одинъ осадный, нѣсколько тысячъ повозокъ провіанта, несмѣтная стада быковъ, 1302 орудія и тысячи артиллерійскихъ повозокъ и лазаретныхъ фургоновъ. Все это было вызвано, собрано и разставлено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Русской рѣки. Опоздала только большая часть провіантскаго обоза.

60 тысячъ Австрійцевъ, Пруссаковъ и Испанцевъ шли проливать кровь за побѣдителя при Ваграмѣ, Іенѣ и Мадридѣ, за того, кто четыре раза сразилъ Австрію, побѣдилъ Пруссію и захватывалъ Испанію. И между тѣмъ всѣ были ему вѣрны. Принимая во вниманіе, что треть Наполеоновской арміи была ему чужда, либо враждебна, не знаешь, чему больше удивляться, отвагѣ ли одного или покорности остальныхъ. Такъ Римъ пользовался своими побѣдами для дальнѣйшихъ завоеваній.

Что касается насъ, Французовъ, онъ имѣлъ въ насъ людей преисполненныхъ усердія. Въ солдатахъ онъ находилъ привычку, любопытство, удовольствіе показать себя хозяевами въ новыхъ странахъ; осо-

бенно тщеславіе у болѣе молодыхъ воиновъ, имъ нужно было пріобрѣсти нѣкоторую славу, о которой они могли бы рассказывать потомъ съ шарлатанствомъ, столь обычнымъ солдатамъ; эти рассказы, всегда преувеличенные, были имъ необходимы при ихъ праздности, какъ только они переставали быть подъ ружьемъ. Къ этому нужно еще прибавить надежду на грабежъ. Требовательное властолюбіе Наполеона часто отталкивало отъ него его солдатъ такъ же, какъ грабежи солдатъ вредили его славі. Приходилось мириться съ 1805 года, точно по уговору: они терпѣли его властолюбіе, а онъ ихъ грабежъ.

Солдаты послѣднихъ наборовъ были, дѣйствительно, слишкомъ молоды и слабы; но въ арміи имѣлось еще много людей сильныхъ, рѣшительныхъ, привычныхъ къ критическимъ положеніямъ, людей, которыхъ ничто не удивляло. Ихъ можно было узнать впервыхъ по воинственному виду и по разговорамъ; у нихъ не было другихъ воспоминаній и надеждъ кромѣ войны; только о ней они и говорили. Ихъ офицеры были достойны ихъ, или становились таковыми: ибо, для того, чтобы сохранить вліяніе своего достоинства на такихъ людей, нужно было имѣть рубцы, которые можно было имъ показать; нужно было имѣть право ссылаться на себя.

23 Іюня, до разсвѣта, императорская колонна подошла къ Нѣману, котораго ей, однако, не было видно: опушка большого Пруссаго Пильницкаго дѣса и холмы вдоль Нѣмана скрывали за собой великую армію, готовую къ переходу рѣки.

Наполеонъ, прибывшій къ этому мѣсту въ каретѣ, въ два часа утра, сѣлъ на лошадь. Осмотрѣвъ положеніе Русской рѣки, онъ, не переодѣваясь (какъ о томъ ложно утверждали), воспользовался покровомъ ночи, чтобы перейти границу, которую пять мѣсяцевъ спустя не могъ переѣхать обратно иначе, какъ также въ темнотѣ ночной. Только что онъ приблизился къ рѣкѣ, какъ лошадь его вдругъ упала, сбросивъ его на песокъ. Кто-то при этомъ вскрикнулъ: «Плохое предзнаменованіе, Римлянинъ отступилъ бы назадъ!» Неизвѣстно, прозвонили ли эти слова самъ Наполеонъ или кто нибудь изъ его спутниковъ.

Произведя рекогносцировку, Наполеонъ отдалъ приказъ перекинуть къ вечеру слѣдующаго дня черезъ рѣку три моста близъ деревни Понѣманъ, послѣ чего онъ отбылъ въ мѣсто своей стоянки, гдѣ и провелъ весь день, частью у себя въ палаткѣ, частью въ Польскомъ домикѣ. Онъ лежалъ въ изнеможеніи, тщетно ища отдыха въ тяжелой атмосферѣ неподвижнаго знойнаго воздуха.

Какъ только наступила ночь, онъ отправился ближе къ рѣкѣ. Сперва переплыли ее въ челнокѣ нѣсколько саперовъ. Съ удивленіемъ они причалили и вышли безпрепятственно на Русскій берегъ, гдѣ, по-

видимому, царилъ миръ. Война шла съ занятой нами стороны; здѣсь же, на этой чужой землѣ, которую описывали столь грозной, все было тихо. Вскорѣ однако подошелъ простой казацкій офицеръ, командиръ патруля. Онъ шелъ одинъ и, казалось, воображалъ себя въ полной тишинѣ, не подозрѣвая, что вся Европа стояла передъ нимъ вооруженная. На его вопросъ къ чужеземцамъ, кто они такіе, тѣ отвѣчали: «Французы». — «Что вамъ нужно, и зачѣмъ вы идете въ Россію?» спрашиваетъ офицеръ. Одинъ изъ саперовъ неожиданно сказалъ въ отвѣтъ: «чтобы воевать съ вами, взять Вильну, освободить Польшу». Казакъ удалился; онъ исчезъ въ лѣсу. Тогда трое нашихъ солдатъ, изъ усердія и желая вывѣдать, что въ лѣсу, дали по немъ залпъ.

Такимъ образомъ, слабый звукъ трехъ выстрѣловъ, на которые не послѣдовало отвѣта, далъ намъ знать, что новая кампанія открылась и началось великое нашествіе.

Этотъ первый военный сигналъ сильно раздражилъ императора. Говорила ли въ немъ осторожность или предчувствіе?

Тотчасъ переправились черезъ рѣку триста стрѣлковъ для защиты имѣвшихъ быть наведенными мостовъ.

Въ тоже время изъ за холмовъ и изъ лѣса выступили всѣ Французскія колонны, безмолвно двигаясь къ рѣкѣ подъ защитою темноты. Замѣтить ихъ можно было лишь столкнувшись съ ними. Запрещены были не только огни, даже искры. Отдыхали съ оружіемъ въ рукахъ, точно въ присутствіи непріятеля. Поля зеленой ржи, смоченной обильной росой, служили ложемъ для людей и кормомъ для лошадей.

Прерывающая сонъ ночная прохлада, темнота, отъ которой часы кажутся еще продолжительнѣе и, наконецъ, опасности слѣдующаго дня, все это дѣлало положеніе тревожнымъ. За то ожиданіе разсвѣта поддерживало общую бодрость духа.

Провозглашеніе Наполеономъ войны было только что прочитано; всѣ шепотомъ повторяли другъ другу замѣчательнѣйшія мѣста изъ него; наше воображеніе воспламенялось воинственнымъ духомъ.

Передъ нами была Русская граница. Уже сквозь мракъ жадные взоры наши старались охватить эту землю, обѣщанную нашей славѣ. Намъ казалось, что мы уже слышимъ радостные крики Литовцевъ при появленіи своихъ освободителей; мы представляли ихъ себѣ на берегу Нѣмана простирающимися къ намъ съ мольбою руки. Здѣсь мы терпимъ нужду во всемъ, за то тамъ одарятъ щедро насъ. Они постараются снабдить насъ всѣмъ необходимымъ, мы будемъ окружены любовью и признательностью. Нужды нѣтъ, что приходится провести тяжелую ночь; скоро снова покажется дневной свѣтъ, а съ нимъ вернется тепло, и всѣ надежды воскреснутъ!

День насталъ. Но онъ обнажилъ намъ лишь пустынный сыпучій песокъ, да угрюмые, мрачные лѣса. Печально обратили мы тогда взоры на самихъ себя и почувствовали, какъ, при видѣ величественнаго зрѣлища, представляемаго нашей соединенной арміей, нами снова овладѣло чувство гордости и надежды.

Въ трехъ стахъ шагахъ отъ рѣки, на мѣстѣ наиболѣе возвышенномъ, виднѣлась палатка императора. Вокругъ нея всѣ холмы, ихъ склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми. Лишь только солнце озарило всю эту движущуюся громаду, покрытую сверкающимъ оружіемъ, былъ данъ сигналъ, и тотчасъ все войско тремя колоннами стало расходиться къ тремъ мостамъ. Видно было, какъ, извиваясь, они спускались къ небольшой равнинѣ, отдѣлявшей ихъ отъ Нѣмана, какъ они подошли къ нему и у трехъ переправъ вытянулись въ линію, чтобы ихъ перейти; какъ, наконецъ, вступили на эту чужую почву, которую шли разорить и въ скоромъ времени покрыли своими безчисленными останками.

Усердіе было такъ велико, что двѣ дивизіи авангарда, оспаривая одна у другой честь переправиться первыми, готовы были дойти до драки; успокоить ихъ стоило немалого труда. Наполеонъ успѣшилъ вступить на Русскую землю. Этотъ первый шагъ къ гибели былъ сдѣланъ имъ безъ колебанія. Сначала онъ стоялъ у моста, взглядомъ своимъ ободряя солдатъ, привѣтствовавшихъ его обычными криками. Солдаты, казалось, были болѣе воодушевлены, чѣмъ онъ, оттого ли, что это грандіозное нападеніе легло тяжестью ему на сердце, оттого ли, что, будучи физически утомленъ, онъ не могъ выносить чрезмѣрнаго зноя или, быть можетъ, оттого, что онъ былъ уже озадаченъ, не встрѣтивъ на пути своемъ ничего для побѣды.

Наконецъ его охватило нетерпѣніе. Внезапно онъ направился въ лѣсъ, который тянулся вдоль рѣки. Онъ скакалъ со всей быстротой, на какую была способна его лошадь; въ своемъ стремленіи онъ, казалось, хотѣлъ одинъ настичь непріятели. Онъ проѣхалъ въ этомъ направленіи больше мили все въ томъ же одиночествѣ, и ему все таки пришлось вернуться обратно къ мостамъ, откуда онъ снова спустился вдоль рѣки, подъ ея защитой, въ Ковно.

Намъ казалось, что слышенъ былъ грохотъ орудій. На ходу мы прислушивались, съ какой стороны завязывался бой. Но, кромѣ нѣсколькихъ кучекъ казаковъ, въ этотъ день, какъ и въ слѣдующіе за нимъ, одно небо было нашимъ врагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва Наполеонъ перешелъ рѣку, какъ вдругъ въ воздухѣ раздался глухой грохотъ; вскорѣ потемнѣло, поднялся вѣтеръ и за нимъ страшнѣйшіе раскаты грома. Это грозное небо, эта безпріютная мѣстность опечалили насъ.

Нѣкоторые даже, передъ тѣмъ еще восторженные, испугались, видя въ этомъ дурное предзнаменованіе. Имъ казалось, что эти огненные тучи собирались надъ нашими головами, чтобы, спустившись на землю, не дать намъ вступить на нее. Нестерпимая жара внезапно смѣнилась неприятымъ холодомъ. При переходѣ и особенно на послѣдующихъ bivуакахъ, погибло десять тысячъ лошадей. Большое число повозокъ покинуто въ пескахъ; позднѣе погибло еще много людей. Въ началѣ этой странной непогоды императоръ укрылся въ монастырѣ, но затѣмъ скоро уѣхалъ въ Ковно, гдѣ господствовалъ величайшій беспорядокъ. Раскатамъ грома ужъ болѣе не внимали; грозные звуки, гремѣвшіе еще надъ нашими головами, казалось, были забыты. Если это явленіе природы, обычное въ то время года, могло поразить нѣкоторые умы, то для большинства время предзнаменованій уже прошло.

Въ тотъ же день къ этому общему бѣдствію прибавилось особенное. За Ковной, у рѣки Вилии, Наполеонъ пришелъ въ негодованіе: мостъ черезъ рѣку былъ разрушенъ казаками и такимъ образомъ она являлась для Удинѣ препятствіемъ къ дальнѣйшему переходу. Наполеонъ, желая показать свое презрѣніе къ этому, какъ и ко всякому препятствію на своемъ пути, приказалъ эскадрону Польской гвардіи переправляться вплавъ. И эти отборные люди исполнили его приказаніе безъ малѣйшаго колебанія. Сперва они шли въ порядкѣ, а когда перестали доставать дно, то удвоили свои усилія. Скоро они вплавъ достигли середины рѣки; но тамъ слишкомъ быстрое теченіе разсѣяло ихъ. Лошади испугались, ихъ стало относить теченіемъ; уже они не плыли, ихъ несло въ беспорядкѣ. Тщетно всадники боролись съ быстротою теченія, силы начали имъ измѣнять и, наконецъ, они покорились своей участи. Гибель ихъ неминуема; но, вѣдь они гибнутъ за свою родину, они принесли себя въ жертву своему освободителю; и вотъ, за мигъ до своего исчезновенія подъ водой, они поворачиваютъ головы къ Наполеону и вскрикиваютъ: да здравствуетъ императоръ! Трое изъ нихъ особенно обращали на себя вниманіе: пока уста у нихъ оставались еще надъ водой, они въ послѣдній разъ повторили этотъ возгласъ и тотчасъ же погибли. Вся армія была охвачена ужасомъ и восхищеніемъ.

Что касается Наполеона, онъ настойчиво и спѣшно отдавалъ приказанія, необходимыя для спасенія утопавшихъ, но при этомъ не казался взволнованнымъ; быть можетъ, по привычкѣ владѣть собой, или потому что считалъ душевныя волненія на войнѣ слабостью, которой ему не должно было подавать примѣра, а наоборотъ, слѣдовало побуждать въ себѣ самомъ и, наконецъ, можетъ быть, онъ видѣлъ впереди еще болѣшія несчастія, передъ которыми случившееся было ничтожно.

Черезъ рѣку былъ перекинутъ мостъ, по которому маршалъ Удинъ перешелъ со вторымъ корпусомъ къ Кайдаки. Остальная армія въ это время переходила еще Нѣманъ, и на это понадобилось цѣлыхъ три дня. Итальянская армія перешла его только 29 числа, армія Вестфальскаго короля вошла въ Гродно только 30-го числа.

Изъ Ковны Наполеонъ въ два дня прибылъ къ тѣснинѣ, которую защищена равнина передъ Вильной, куда онъ не показывался, поджидая извѣстій съ аванпостовъ. Онъ надѣялся, что Александръ будетъ оспаривать у него этотъ городъ; звукъ выстрѣловъ уже увѣрялъ его въ этомъ, какъ вдругъ пришли ему донести, что городъ открытъ. Озабоченный и недовольный онъ двинулся впередъ, обвиняя генераловъ аванпоста въ томъ, что они дали Русской арміи ускользнуть. Онъ бросилъ этотъ упрекъ самому дѣятельному генералу, Монбрёну, и такъ разгорячился при этомъ, что началъ осыпать его угрозами. Пустыя обѣщанія безъ исполненія, буйность безъ всякихъ послѣдствій, да еще въ человѣкѣ кипучей дѣятельности, не столь достойны осужденія, сколь замѣчательны какъ доказательства важности, какую Наполеонъ придавалъ быстрой побѣдѣ.

При всей своей вспыльчивости, онъ весьма искусно расположилъ войска для вступленія въ Вильну. Впереди и позади себя онъ велѣлъ идти Польскимъ полкамъ. Но, будучи болѣе занятъ отступленіемъ Русскихъ, чѣмъ криками удивленія и благодарности Литовцевъ, онъ быстро прослѣдовалъ черезъ городъ и поспѣшилъ къ своимъ аванпостамъ, гдѣ только что, подъ напоромъ Русской гвардіи, погибло нѣсколько человѣкъ лучшихъ гусаръ 8-го корпуса, не получившаго поддержки при схваткѣ въ лѣсу. Сегюръ *), командовавшій ими, послѣ отчаяннаго сопротивленія, упалъ, пронизанный пулями.

Непріятель сжегъ свои мосты и магазины: онъ бѣжалъ разными дорогами, которыя всѣ вели къ Дриссѣ. Приказавъ собрать все, что уцѣлѣло отъ огня и возстановить пути сообщенія, Наполеонъ отправилъ Мюрата съ кавалеріей по слѣдамъ Александра; въ тоже время онъ послалъ Нея на лѣвый флангъ, чтобы поддержать Удинъ, который въ тотъ же день опрокидывалъ Витгенштейна отъ Девельтова до Вилькомира. Затѣмъ Наполеонъ вернулся въ Вильну, чтобы занять тамъ мѣсто Александра.

*) Братъ втора.

Въ ВильнѢ его ждали разложенныя карты, военныя донесенія и толпа офицеровъ, явившихся за приказами. Онъ находился на театрѣ войны въ минуту самаго важнаго своего дѣйствія. Предстояло принимать быстрыя и неминуемыя рѣшенія, отдавать приказы боевого движенія, устраивать лазареты, магазины, опредѣлять операціонныя линіи. Приходилось разспрашивать, читать, затѣмъ то и другое сличать и, наконецъ, найти и уловить истину, которая всегда точно бѣжитъ и скрывается среди тысячи противорѣчивыхъ отвѣтовъ и донесеній.

Это было еще не все. Въ ВильнѢ Наполеону нужно было образовать новую имперію; отсюда ему приходилось руководить Европейской политикой, Испанской войной и управленіемъ Франціи. Кромѣ того, его настоятельно призывала политическая, военная и административная переписка, накопившаяся у него за нѣсколько дней, въ ожиданіи великаго событія, отъ котораго зависѣли всецѣло (нѣкоторые и отчасти) всѣ его отвѣты.

Итакъ, онъ вернулся обратно въ Вильну и прежде всего бросился на постель, не столько для сна, сколько для размышленій въ тишинѣ; вскорѣ затѣмъ, внезапно вскочивъ на ноги, онъ быстро продиктовалъ только что обдуманые имъ приказы.

Въ это время пришли вѣсти изъ Варшавы и изъ Австрійской арміи. Императору не понравилась рѣчь, сказанная при открытіи Польскаго сейма; бросивъ ее, онъ воскликнулъ: «Это по-французски, а нужно чтобы было по-польски!» Что касается Австрійцевъ, отъ него не скрывали, что во всей ихъ арміи онъ могъ рассчитывать только на ея начальника. Это увѣреніе показалось ему достаточнымъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

Французскій министръ политическимъ агитаторомъ.

Дѣло № 24 (по описи № 188) объ открытіи акта всеобщаго вооруженія, составленнаго въ Варшавѣ Французскимъ министромъ дюкомъ де-Бассано *). 15 Апрѣля 1814. На 4 листахъ.

Письмо главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитинова къ генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго В. С. Ланскому.

Милостивый государь Василій Сергѣевич!

Г. управляющій Волынской губерніею на правѣ генераль-губернатора увѣдомилъ меня, что, при ретирадѣ непріятельскихъ войскъ изъ Россіи, Французскій министръ дюкъ-де-Бассано заѣхалъ въ Варшаву и заставлялъ тамъ сдѣлать актъ всеобщаго вооруженія. Сей актъ, хотя и не былъ приведенъ въ исполненіе, но многими подписанъ, и подписка происходила не въ одной Варшавѣ, но въ разныхъ мѣстахъ. Полагая, что, можетъ быть, въ числѣ подписавшихся на томъ актѣ есть и подданные Россійскіе, нужно бы было обнаружить тѣхъ людей, кои въ то время, когда Россія, по низложеніи врага, торжествовала и когда никакой имъ опасности не было отдѣлиться отъ непріятели и возвратиться въ нѣдра оной, оставались постоянными въ первой своей приверженности. А потому, если актъ сей, по занятіи Варшавы, достался въ наши руки, то нужно, чтобы онъ былъ извѣстенъ правительству для предпріятія мѣръ осторожности и при случаѣ возвращенія въ наши предѣлы кого-либо изъ подписавшихся на ономъ.

Отношеніе сіе представлялъ я на благоуваженіе Комитета г.г. Министровъ, который, по выслушаніи онаго, предоставилъ мнѣ отнестись къ вашему высокопревосходительству о доставленіи сюда копии съ означеннаго акта и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣнія, извѣстенъ ли былъ актъ сей нашему правительству по введеніи онаго въ Варшавское Герцогство и не сдѣлано ли какихъ по сему предмету распоряженій.

№ 355. 24 Марта 1814.

*) Hugues-Bernard Maret, съ 1809 г. duc de-Bassano, род. въ 1763 г., ум. въ 1839, министръ иностранныхъ дѣлъ у Наполеона.

Вслѣдствіе этого письма, В. С. Ланской далъ Варшавскому полицмейстеру Свѣчину соотвѣтствующее предписаніе, отъ 21 Апрѣля того же года за № 98, съ надписью: «секретъ».

Въ этомъ предписаніи, между прочимъ сказано: «Въ полномъ увѣреніи на дѣйствительность и благоразуміе вашего высокоблагородія, я поручаю вамъ безъ огласки, но со всею нужною осторожностію, развѣдать объ актѣ всеобщаго вооруженія и приложить всемѣрное стараніе къ открытію, въ чьихъ рукахъ таковой актъ находится. По мѣрѣ открытій, вы можете лично объясняться со мною и получать разрѣшеніе на дальнѣйшія дѣйствія, сохраняя оныя и сіе мое порученіе въ непроницаемой тайнѣ».

Польскіе Карбонаріи ¹⁾.

Секретное дѣло № 5 (по описи № 44) о существованіи тайнаго общества подъ названіемъ Карбонари (Угольщики). Декабря 1 дня 1820. На 51 листѣ.

Въ концѣ 1820 года въ Варшавѣ стало обнаруживаться тайное общество Карбонаріевъ. 1-го, 2-го и 7-го Декабря, въ домѣ почтоваго управленія былъ произведенъ, въ присутствіи генеральнаго директора полиціи и почтъ, ст. сов. Суминскаго, формальный допросъ, «ad generalia» и ad specialia ²⁾ апликанту ³⁾ Глембоцкому (20 лѣтъ), адъютанту администраціоннаго отдѣленія Мазовецкой воеводской комиссіи Новацкому (25 лѣтъ) и кандидату медицины и хирургіи Вержбовскому (22 лѣтъ), по обвиненію ихъ въ принадлежности къ Обществу Угольщиковъ (do sekty Węglarzy).

Не смотря на всю запутанность и сбивчивость показаній этихъ молодыхъ людей, старавшихся доказать, что поводомъ къ этому обвиненію послужила простая шалость, вызванная желаніемъ Вержбовскаго и Глембоцкаго подшутить надъ легковѣріемъ Новацкаго, который-де интересовался всѣмъ необыкновеннымъ и таинственнымъ, дѣло это съ достаточной ясностію устанавливаетъ принадлежность обвиняемыхъ къ тайному обществу Карбонаріевъ.

¹⁾ Карбонаріи (Carbonari) тайное общество, первоначально возникшее въ Италіи для борьбы съ началами „Священнаго Союза“ и во имя либеральныхъ и національныхъ идей, смѣнившихся впоследствии республиканскими и социалистическими. Съ 20-хъ годовъ оно входитъ въ тѣсную связь съ франмасонствомъ и постепенно утрачиваетъ отличавшій его романтическій характеръ. Съ этого же времени Парижъ становится центромъ карбонаризма (** Le Secret de la Franc-Maçonnerie. Paris. 1905. Paul Ginisky. Mémoires d'Anonimes et d'Inconnus 1814—1850. Paris, 1907 и др.).

²⁾ „Ad generalia“—вопросные пункты общаго характера о личности обвиняемаго и пр.; „ad specialia“—вопросные пункты по существу дѣла.

³⁾ Апликантъ—кандидатъ на должность.

У каждаго изъ юношей была какая-то эмблематическая ленточка, чернаго цвѣта, длиною въ пол-локтя и шириною въ одинъ цаль Польской мѣры ¹⁾; на одномъ концѣ этой ленточки, бѣлыми, едва замѣтными штрихами, былъ вышитъ знакъ ---|---| , а на другомъ—Римская цифра XVI. Вержбовскій носилъ ее въ видѣ банта на палкѣ.

Изъ дѣла видно, что Вержбовскій пользовался извѣстнымъ значеніемъ у Глембоцкаго и Новацкаго, которые отъ него же получили свои ленточки, вмѣстѣ съ разъясненіемъ значенія мистическаго знака ---|---| .

По его словамъ, знакъ этотъ представлялъ собою начальную букву Латинскаго слова Ното, человекъ. Каждый человекъ (говорилъ онъ) долженъ стремиться къ возможно-полному совершенству; но такое совершенство можетъ быть достигнуто лишь со вступленіемъ въ Общество Угольщиковъ, которое въ этомъ отношеніи имѣетъ всѣ преимущества предъ Обществомъ Вольныхъ Каменщиковъ (Франмасоновъ).

Вержбовскій же рассказывалъ своимъ пріятелямъ о своемъ знакомствѣ съ какимъ-то Итальянцемъ, прожившимъ нѣкоторое время въ Варшавѣ, подъ чужимъ именемъ, и затѣмъ неизвѣстно куда исчезнувшимъ.

Чѣмъ это дѣло кончилось, неизвѣстно; но Вержбовскій употреблялъ всѣ старанія для того, чтобы убѣдить слѣдователей, что все это была одна шутка и дѣтская болтовня, вызванная лишнимъ стаканомъ пунша, выпитаго имъ съ Глембоцкимъ и Новацкимъ въ какомъ-то трактирѣ, на Пивной улицѣ, гдѣ обыкновенно собиралась разная молодежь, для дружеской бесѣды и чтенія газетъ...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого допроса, именно 15 Юля 1821 года, на Польской пограничной таможи Гербы былъ задержанъ студентъ Краковскаго университета Мошинскій, у котораго были найдены какія-то подозрительныя письма и стихотвореніе въ честь Карбонаріевъ.

Въ этомъ стихотвореніи, имѣвшемъ цѣлью воспламененіе въ Полякахъ патріотическаго чувства, восхвалялось мужество и энергія иноземныхъ Карбонаріевъ, которые яко бы уже повсемѣстно свергли тирановъ, и выражалась увѣренность, что Польскіе Карбонарии вынесутъ на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть предстоявшей имъ работы и помогутъ родному краю разбить сковывавшія его цѣпи.

Dosyć już ludzkosc cierpiała,
Czas by wolność odzyskala!
Smierć i zagłada tyranów
Jest hasłem Węglarskich stanów ²⁾.

¹⁾ Локоть—мѣра, соответствующая длинѣ руки отъ локтя до конца среднего пальца, равняющаяся почти 14 вершкамъ; цаль—дюймъ.

²⁾ ... Довольно уже терпѣлъ народъ, пора воскреснуть свободѣ! „Смерть и гибель тиранамъ“, вотъ лозунгъ Союза Угольщиковъ!

Не смотря на отсутствіе въ перепискѣ о Мошинскомъ многихъ бумагъ, очевидно находящихся въ другомъ листѣ, все-таки изъ имѣющагося въ немъ Русскаго перевода съ донесенія президента Калишской воеводской комиссіи, Радошевскаго, на имя статсъ-секретаря, бригаднаго генерала Коссецкаго, отъ 19 Іюля (нов. ст.) 1821 г. за № 187, можно видѣть, что Мошинскій принадлежалъ *«къ союзамъ существующимъ между иностранными студентами, о каковыхъ упоминается въ предписаніи г. царскаго намѣстника»*, а также состоялъ *«въ связяхъ, имѣющихъ подобную цѣль, съ нѣкоторыми студентами Краковскаго университета»*.

Какъ видно изъ сдѣланной на этомъ переводѣ отмѣтки, подлинное донесеніе Радошевскаго, вмѣстѣ съ Французскимъ переводомъ, было препровождено 12 (24) того же Іюля, «при запискѣ», ген.-лейтенанту Куруть, конечно, для доклада великому князю цесаревичу.

Вслѣдъ за симъ между великимъ княземъ и Н. Н. Новосильцовымъ послѣдовалъ обмѣнъ нижеслѣдующихъ бумагъ.

Отъ его императорскаго высочества цесаревича ¹⁾ господину тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову.

Въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ вашего превосходительства отъ 18-го Іюля № 297 ²⁾, для взятія узаконеннымъ порядкомъ строгаго показанія съ студента Мошинскаго, подозрѣваемаго въ злоумышленіи противу правительства, который при проѣздѣ изъ Бреславля задержанъ на границѣ и содержится нынѣ подѣ арестомъ въ вѣдомствѣ плацъ-маіора Аксамитовскаго, приказалъ я командировать главнаго штаба моего оберъ-аудитора 7-го класса Іовца, коему вмѣстѣ съ симъ приказано явиться къ вашему превосходительству, о чемъ и имѣю честь васъ увѣдомить. Іюля 20 дня 1821 г. Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ.

№ 2911.

Рапортъ Н. Н. Новосильцова Е. И. В. великому князю цесаревичу отъ 20 Августа (1 Сентября) 1821 г., № 363.

(Черновикъ).

Имѣю счастье повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго высочества краткую выписку изъ показаній студентовъ Краковскаго университета Даміана Мошинскаго и Михаила Дайковскаго, отобранныхъ при допросѣ, учиненномъ имъ отъ прокуратора здѣшняго криминальнаго суда Фаленскаго, въ присутствіи оберъ-аудитора Іовца, наряженнаго къ сему по повелѣнію вашего высочества.

На этомъ заканчивается переписка о Мошинскомъ. Въ чемъ заключались его показанія, неизвѣстно.

¹⁾ Печатный бланкъ въ ширину листа.

²⁾ Этого донесенія, ни копии съ него, или черновика, въ дѣлѣ нѣтъ.

28 Марта 1827 года, къ командиру Донскаго казачьяго полка, подполковнику Катасонову 2-му, квартировавшему въ Калишѣ, явился нѣкто Юзефъ Олтаржевскій, управитель имѣнія Майковъ, съ просьбою отправить къ великому князю цесаревичу адресованный на имя его императорскаго высочества запечатанный пакетъ, гдѣ находится, по словамъ Олтаржевскаго, «*важный секретъ, котораго онъ никому объявить не можетъ*». Пакетъ этотъ былъ въ тотъ же день отправленъ Катасоновымъ по назначенію, при рапортѣ на имя графа Куруты, за № 414; а черезъ нѣсколько дней послѣ этого Н. Н. Новосильцовымъ была получена отъ Куруты такая бумага, отъ 5 Апрѣля 1827 г. за № 93:

Секретно.

Господину д. т. совѣтнику, сенатору и кавалеру Новосильцову отъ начальника главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича, ген.-лейтенанта, графа Куруты.

По повелѣнію его императорскаго высочества цесаревича, имѣю честь всепочтенно представить при семъ къ вашему высокопревосходительству на разсмотрѣніе списокъ съ доноса, сдѣланнаго Осипомъ Олтаржевскимъ, именующимся состоящимъ въ качествѣ управителя и войта селенія Майкова (близъ города Калиша), принадлежащаго Прусскому помѣщику Войцеху Липскому, въ коемъ онъ, Олтаржевскій, открываетъ существованіе тайнаго общества подъ названіемъ Карбонари, наименовывааетъ членовъ онаго и ихъ дѣйствія. Къ тому жъ обязываюсь присовокупить, что если ваше высокопревосходительство по своему соображенію изволите признать за необходимость принятіе по оному дѣлу какихъ - либо мѣръ, то въ такомъ разѣ о заключеніи вашемъ для доклада его императорскому высочеству цесаревичу, покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомить. Г.-л. графъ Курута.

Приложенный къ этому отношенію доносъ какъ бы приподнимаетъ предъ нами одинъ изъ угловъ картины уже подготовлявшагося возстанія.

«Какъ вѣрный подданный и благомыслящій человекъ (писалъ Олтаржевскій), я считаю своимъ священнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества о томъ, что можетъ имѣть въ настоящее время большое значеніе.

Я ненавижу всѣ революціонныя идеи, такъ какъ онѣ ведутъ только къ анархіи. Анархія, это—кровавый бичъ человечества (*anarchia iest krwawym biczem rodzaju ludzkiego*). Хорошо только то, что исходитъ съ высоты Престола»...

Такъ начинается Олтаржевскій свое письмо къ великому князю и затѣмъ послѣдовательно рассказываетъ о всемъ, что ему извѣстно о Польскихъ Карбонаріяхъ.

Будучи поставленъ, по своему служебному положенію, въ весьма близкія отношенія къ помѣщику Липскому, а также къ его друзьямъ и сосѣдямъ, Олтаржевскій уже съ 1821 г. начинаетъ внимательно при-сматриваться и прислушиваться къ происходящему вокругъ него броженію умовъ.

Онъ узнаётъ, наконецъ, что въ Царствѣ Польскомъ существуетъ революціонный союзъ, который раздѣляется на округа, соотвѣтствующіе гминамъ, и что въ каждомъ округѣ имѣется свой революціонный начальникъ, называемый войтомъ. Связанные между собою страшною клятвою и безусловнымъ повиновеніемъ заправиламъ союза, революціонеры устраиваютъ частые сѣзды и собранія, подъ видомъ охоты и вечеринокъ. Никакихъ письменныхъ сношеній у нихъ не допускается. Новые члены набираются преимущественно изъ людей малоизвѣстныхъ и молчаливыхъ, а главнымъ образомъ изъ молодежи. Каждый членъ, смотря по его средствамъ, дѣлаетъ извѣстные взносы въ кассу союза и, кромѣ того, обязывается имѣть собственное вооруженіе и лошадь.

Калишъ, гдѣ Олтаржевскому ежедневно приходится бывать, представляется ему настоящимъ гнѣдомъ безумцевъ (szalepców), не брезгающихъ никакими средствами для поддержанія какъ въ грамотномъ обществѣ, такъ и въ простомъ народѣ ужаснаго броженія. Калишское кредитное общество преисполнено революціоннаго духа. Но, повидимому, всего этого мало, такъ какъ Войцѣхъ Липскій восклицалъ: «умѣемъ говорить, а не умѣемъ дѣйствовать!» И онъ же однажды задался вопросомъ, почему еще живъ великій князь *)... Неустойчивость Португальскаго правительства, дающаго у себя убѣжище Испанскимъ и Итальянскимъ революціонерамъ, и рѣчь Англійскаго министра Канинга еще болѣе усиливаютъ дерзость заговорщиковъ.

Называя цѣлый рядъ именъ, Олтаржевскій указываетъ на слѣдующее.

*) По свидѣтельству генерала Колачковскаго (Wspomnienia, III, 125), однажды, незадолго предъ восстаніемъ, великій князь Константинъ Павловичъ, проѣзжая мимо Волинскихъ казармъ, съ глубокой грустью взглянулъ на нихъ и затѣмъ, обратясь къ сопровождавшему его адъютанту, сказалъ: „Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ. Да будетъ воля Божія; но меня тревожитъ судьба этихъ славныхъ людей. (Wiem co mnie czeka w Warszawie, niech sie dzi fe wola Boska; najbardziej chodzi mi o tychъ poczeiwychъ ludzi)“!..

Весною 1826 г., съѣхавшись въ Прусскомъ имѣніи Липскаго, заговорщики, послѣ продолжительнаго засѣданія, принялись разстрѣливать портретъ покойнаго императора Александра I. Черезъ нѣсколько дней, во время похоронъ одного изъ членовъ революціоннаго союза, говорились на его могилѣ самыя возмутительныя рѣчи, въ которыхъ, между прочимъ, упоминалось о «разбойничьей политикѣ» (*rozbojnicza politika*), раздѣлившей Польскій край на части. Около того же времени, какой-то Польскій офицеръ, находясь въ пріятельской компаніи, въ одномъ погребкѣ, поднявъ чарку за здоровье императора Николая I; присутствовавшій при этомъ нѣкто Блещинскій, отчаяннѣйшій революціонеръ (*pauzaralenszy rewolucyonista*) вырвалъ у офицера чарку и, выплеснувъ вино на полъ, сказалъ: «если бы ты поднялъ чарку за *его* убійство, то я бы выпилъ яду»...

Тотъ же Блещинскій передавалъ Олтаржевскому, что встрѣчалъ въ Варшавѣ двухъ Русскихъ офицеровъ съ очень хорошими, свободолюбивыми взглядами на вещи (*bardzo dobrze muslących na strone tak sie zowiacych liberalistów*)...

Прося цесаревича о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію надвигавшейся опасности и предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ свои услуги къ дальнѣйшему разоблаченію преступныхъ замысловъ, Олтаржевскій заканчиваетъ письмо сообщеніемъ только что переданныхъ ему, съ превеликою радостью (*z pauwekszą radością*) извѣстій о томъ, что генералъ Ермоловъ провозгласилъ себя королемъ Грузіи и что въ Петербургѣ вновь начались безпорядки...

Великій князь отнесся къ этому сообщенію весьма осторожно и недвѣрчиво. Это видно изъ того, что гр. Курута, по его повелѣнію, два раза обращался къ подполковнику Катасонову (отъ 2-го и 3-го Апрѣля за №№ 91 и 92), прося его «узнать подъ рукою, самымъ благоразумнѣйшимъ и осторожнѣйшимъ образомъ», «какого поведенія и состоянія Олтаржевскій и не вызванъ ли его доносъ желаніемъ уклониться «отъ требованія отчетности по дѣламъ къ должности его касающимся, а также по различнымъ подобнымъ сей или даже и инымъ какимъ либо причинамъ, включительно и частнымъ дѣлкамъ»...

Катасоновъ, представляя (6 Апрѣля 1827 г. за № 461) требуемая свѣдѣнія объ Олтаржевскомъ и говоря, что онъ ведетъ знакомство съ людьми, «принадлежащими къ партіи Немоевскихъ» *), прибавляетъ:

*) Во время возстанія 1830 года, Немоевскіе, Винцентій и Вонавентура, были членами особой комиссіи, назначенной революціоннымъ правительствомъ для разсмотрѣнія дѣйствій главнокомандующаго Польскихъ войскъ, генерала Скршинецкаго, котораго Поляки подозрѣвали въ измѣнѣ.

«но при всемъ томъ незамѣтно, чтобы онъ, Олтаржевскій, былъ одинаковыхъ съ ними мыслей, а, какъ полагаютельно, зазнакомился по необходимости или въ угодливость помѣщику Липскому»...

Этими свѣдѣніями и заканчивается данное дѣло, если не считать приложенной къ нему замѣтки на Французскомъ языкѣ, представляющей собою выдержку изъ рѣчи де-Маршанжи о тайныхъ обществахъ, произнесенной 29 Августа 1822 г., вѣроятно, въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій Франціи, по дѣлу о заговорѣ въ Ларошелѣ.

*

Въ началѣ Польскаго возстанія 1863 г., извѣстный Бакунинъ отправился въ Швецію съ цѣлью убѣдить Шведовъ, чтобы тѣ подняли оружіе противъ Россіи и кстати вернули себѣ Финляндію. Онъ добился аудіенціи у брата короля и Шведскихъ министровъ и всячески старался увѣрить ихъ въ неминуемости возстанія крестьянъ и въ сильномъ броженіи умовъ, якобы происходившемъ въ Россіи. Въ Стокгольмѣ былъ устроенъ банкетъ, на которомъ Бакунинъ, вслѣдъ за тостомъ, предложеннымъ хозяевами за «Молодую Россію», сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Господа, въ Россіи теперь образовалось обширное *патріотическое общество*—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ. Оно носитъ имя *Земля и Воля*. Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы Русскаго общества, всѣхъ Русскихъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имуществво и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне, и мильоны сектантовъ раскольниковъ, которые, желая того же, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. *Это общество*, правильно и крѣпко организованное, *стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію. Оно заключило формальный союзъ съ центральнымъ комитетомъ Варшавскимъ*, теперешнимъ временнымъ національнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каждой провинціей, большой и малой, абсолютное, неограниченное право располагать собою, по своимъ выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ *патріотами Малороссіи; и когда Финляндцы пожелаютъ, оно подастъ имъ руки на тѣхъ же условіяхъ*»... И т. д., и т. д. (Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, С.-Пб. 1906, т. XX, стр. 11—16).

Поль Жинисти, упоминая въ «Confessions d'un Carbonaro» (Mémoires d'Anonymes et d'Inconnus) о докладѣ де-Маршанжи и называя этотъ докладъ знаменитымъ («le réquisitoire fameux») говорить, что извѣстіе о смерти Наполеона сразу объединило во Франціи всѣхъ бонапартистовъ и республиканцевъ. Заговоры, прекратившіеся было со времени гнуснаго процесса въ Лионѣ (l'abominable procès à Lyon) снова начинаются. Полковникъ Sauset открываетъ, подъ фирмой «Bazar français», постоянную выставку художественныхъ произведеній; но это лишь маска: въ дѣйствительности, «Базаръ» является мѣстомъ свиданія Карбонаріевъ. Полковникъ Fabvier, будущій герой борьбы за независимость Грековъ, принимается за подготовку провинціи къ новымъ возстаніямъ. Съ тою же цѣлью во всѣ концы Франціи направляются отставные офицеры (officiers en demi-solde). Капитанъ Nantil готовится провозгласить въ Венсенѣ временное правительство, съ Лафайетомъ во главѣ, а капитанъ Dequivaulliers занять Тюильри и арестовать королевское семейство. Адвокатъ Rey обоимъ обѣщаетъ поддержку патріотовъ. Поддержка же ожидается и со стороны большихъ городовъ. Гарнизоны послѣднихъ, обработанные Карбонаріями (travaillées par les Carbonari), должны будутъ двинуться на Парижъ.. Но всѣ эти и другіе замыслы разбиваются въ моментъ осуществленія ихъ. Парижскій заговоръ обнаруживаетъ комендантъ Bégard, охваченный ужасомъ готовившагося предательства. Тайну заговора въ Бельфорѣ узнаетъ полиція. Въ Марсели заговоръ обнаруживаетъ капитанъ Sicard. Генералъ Бертонъ, шедшій съ небольшимъ отрядомъ на Сомюръ, выдается унтеръ-офицеромъ Woelfeld'омъ. Въ Ларошели заговоръ обнаруживаетъ унтеръ-офицеръ Gourillon.

Карбонаризмъ, распространившійся по всей Европѣ, вынуждаетъ, наконецъ, правительства къ принятію противъ него самыхъ суровыхъ мѣръ (Карлсбадская конференція).

Сообщилъ И. Попруженно.

ПИСЬМО ГРАФА Ф. В. РОСТОПЧИНА КЪ ОДНОЙ ПРОСИТЕЛЬНИЦЪ.

St. Pétersbourg, 1797 ou 27 Janvier.

Pardon si j'ai gardé le silence. Accuser la réception de votre lettre c'étoit peu de chose; il falloit vous annoncer quelque chose de bon et vous rendre compte des moyens dont je me suis servi pour soulager le triste sort dans lequel le malheur vous avoit, pour ainsi dire, enterré. J'ai écrit à mademoiselle de Nélidow, lui exposant par quelle gradation vous avez été amené à l'état actuel. Le lendemain elle parla à L'Empereur, et aujourd'hui, le Maître, généreux et réellement grand, a signé l'oukaze dont je vous envoie la copie. Écrivez une lettre à m-elle Nélidow et regardez la comme votre véritable bienfaitrice. Elle a agi si noblement, que c'est un devoir bien doux de lui devoir son bien-être. Envoyez moi cette lettre: je la lui remettrai moi-même. J'ai parlé au procureur-général prince Kourakine, pour qu'il remette à quelque tems la nomination de la terre que vous voulez avoir. Dites moi vos intentions, demandez au prince Dolgorouky, s'il ne connoit pas quelque bonne terre aux environs des siennes. *Только чтобъ была изъ дворцовыхъ.* Adieu. J'espère vous voir vers la mi-Mars. Je voudrois que vous fassiez la connoissance de ma bonne et respectable femme; mais elle reste ici pour inoculer la petite vérole à mon héritier, qui est assez laid, car c'est mon portrait, mais qui est drôle au possible. Je n'ai pas besoin de vous recommander la réconnoissance vis-à-vis de L'Empereur. Quand on pense comme vous, on sait sentir vivement, et vous serez dans le cas plus que personne. Tout à vous Rastopsin.

Федору Васильевичу Ростопчину.

на набережной, подлѣ дому графа Ивана Петровича Салтыкова.

(Изъ VI-й части Сборника П. И. Щукина).

Переводъ

Петербургъ, 1797 г. 27 Января.

Простите, что я хранилъ молчаніе. Увѣдомить о полученіи письма было недостаточно; надо было сообщить вамъ что-нибудь благопріятное и дать стчетъ въ средствахъ, которыя я употребилъ, чтобы облегчить вашу печальную участь, въ которую несчастье, такъ сказать, васъ повергло. Я написалъ Нелидовой, объяснивъ, какая послѣдовательность привела васъ въ настоящее положеніе. На другой день она говорила съ Государемъ, а сегодня Царь, великодушный и дѣйствительно великій, подписалъ указъ, копию съ котораго вамъ посылаю. Напишите Нелидовой и считайте ее вашей настоящей благодѣтельницею. Она дѣйствовала такъ благородно, что быть обязанной ей своимъ благополучіемъ пріятный долгъ. Пришлите мнѣ это письмо: я ей передамъ его самъ. Я говорилъ прокурору князю Куракину, чтобы онъ отложилъ на нѣкоторое время назначеніе земли, которую вы хотите имѣть. Скажите мнѣ свои намѣренія; спросите у князя Долгорукова, не знаетъ ли онъ какую-нибудь хорошую землю по сосѣдству со своимъ. *Только чтобы была изъ дворцовыхъ*. Прощайте. Надѣюсь видѣть васъ въ половинѣ Марта. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы познакомились съ моею доброю, достойною женою; но она остается здѣсь, чтобы привить осцу моему наслѣднику, который достаточно невзраченъ, такъ какъ онъ мой портретъ, но очень забавенъ. Мнѣ нѣтъ надобности совѣтовать вамъ восчувствовать благодарность къ Государю. Съ образомъ мыслей, какой у васъ, умѣешь живо чувствовать, а вы, болѣе чѣмъ кто либо, находитесь въ данномъ положеніи.

Весь вашъ Растопчинъ.

*

Письмо это писано въ концѣ третьяго мѣсяца по воцареніи императора Павла, когда не Растопчины только, но и многіе другіе возлагали великія надежды на прекрасныя свойства его сердца. Не знаемъ, кто Московская особа, къ которой письмо это обращено. Правилъ тогда Москвою князь Юрій Владимировичъ Долгорукій. Въ Мартѣ этого года Государь поѣхалъ въ Москву короноваться. Растопчинъ означилъ на письмѣ свое Петербургское мѣстожительство. Это по близости отъ Зимнаго дворца, нынѣ домъ Жеребцова. П. Б.

ПИСЬМО Ю. Ө. САМАРИНА КЪ А. О. СМІРНОВОЙ.

Прага, 18 (6) Августа 1868.

А что: когда вы взглянете на подпись этого письма, вспомните ли вы, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который знаетъ и понимаетъ васъ лучше всѣхъ и любить васъ искренно, не смотря на всѣ свои недостатки, въ которыхъ онъ вполне сознается, и на постепенное охлажденіе и высыханіе своего сердца, отъ котораго онъ страдаетъ болѣе, чѣмъ кто либо? На сей разъ я не только напоминаю о себѣ письмомъ, но еще прилагаю посылку (которую вы получите нѣсколько позднѣе), всѣ мои заграничныя изданія: второй томъ сочиненій Хомякова (богословскія) съ моимъ предисловіемъ, два первые выпуска «Окраинъ Россіи» новаго изданія, начатаго мною за границею, и брошюру о «Русскомъ администраторѣ», въ которой я являюсь только сотрудникомъ князя А. Васильчикова. Изданіе сочиненій Хомякова, вамъ уже извѣстныхъ, лежало у меня на сердцѣ, какъ невыполненный долгъ; я радъ, что мнѣ удалось исполнить его и хорошо ли, дурно ли, сказать про послѣдняго дѣятеля то, чего вѣроятно не рѣшился бы сказать другой, даже изъ числа тѣхъ немногихъ, которые понимали его значеніе. Все, что я издалъ, возбудитъ бурю: вознегодуетъ духовенство, вознегодуютъ всѣ власти и взбѣсятся Нѣмцы. Само собою разумѣется, что ни сочиненія Хомякова, ни мои брошюрки не удостоятся пропуска въ Россію. Mais à mon âge, quand on est seul et indépendant, quand on se sent inutile à qui que ce soit en particulier et qu'on a encore un reste de nerve, on n'est plus bon qu'à casser les vitres, pour la bonne cause bien entendu. C'est encore un moyen d'aérer, quand les croisées ne s'ouvrent pas *). Это единственное средство спастись отъ мучительнаго сознанія своего душевнаго и умственнаго одиночества.—А вы какъ перемогаетесь? Я не опускалъ случая разспрашивать объ васъ у Николая Михайловича и Аркадія Осиповича; но этими путями узналъ немного. Если на васъ найдетъ добрая мысль перекинуться со мною нѣсколькими словами, то адресуйте въ Москву на Ордынку, въ Толмачахъ, въ домъ графини Сологубъ: я выѣзжаю изъ Праги завтра и остановлюсь въ Берлинѣ ненадолго. Душевно вамъ преданный Ю. Самаринъ.

(Сообщено дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевною Соренъ).

*) Но въ моемъ возрастѣ, будучи одинокъ и независимъ и чувствуя себя бесполезнымъ для чего либо въ частности, еще съ остаткомъ силъ, я пригоденъ лишь для того, чтобы разбивать стекла, конечно ради хорошаго дѣла. Этимъ же и освѣжаешь воздухъ, когда окна не растворяются.

МОСКОВСКИЙ БУЛЬВАРНЫЙ СТИХОТВОРЕЦЪ-САТИРИКЪ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ Москвѣ Тверской бульваръ и Прѣсенскіе пруды были любимымъ мѣстомъ прогулокъ Московскаго общества. Тверской бульваръ, въ центрѣ города, между Никитской и Тверской улицами, тянется на протяженіи цѣлой версты въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалась зубчатая стѣна каменнаго Бѣлаго города съ Никитскими и Тверскими воротами по обоимъ концамъ. По бокамъ бульвара, обсаженнаго липами, шли въ то время дома, боярскіе особняки, принадлежавшіе Московскимъ старожиламъ или оставшимся не у дѣлъ вельможамъ, наполнявшимъ тогда Москву и жившимъ здѣсь воспоминаніями о прошломъ. Они чуждались новыхъ вѣяній, ворчали на окружавшее ихъ, среди котораго были не болѣе, какъ обломки отжившей старины, и жили среди обстановки и привычекъ временъ Екатерины и Павла. На Тверскомъ бульварѣ проживалъ одинъ изъ такихъ вельможъ, бывшій фаворитъ, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. До 1836 г. онъ жилъ по-царски, извѣстенъ былъ всей Москвѣ, уѣзжалъ къ себѣ въ подмосковное Братцево въ каретѣ съ императорскими гербами.

По утрамъ населеніе домовъ появлялось на бульварѣ, вечеромъ гуляніе переносилось на Прѣсенскіе пруды. Теперь отъ гулянья на Прѣсенскихъ прудахъ, осталось одно преданіе. Нижній прудъ уже почти засыпанъ и разбитъ на мелкіе участки съ деревянными плохенькими постройками, другой прудъ находится среди Зоологическаго сада, оглашаемаго воемъ волковъ и всякаго звѣрья въ клѣткахъ.

Прѣсенскіе пруды имѣютъ свою исторію. Когда-то, здѣсь, на Горбатомъ мосту, встрѣчалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ своего отца, митрополита Филарета, вернувшагося изъ Польскаго плѣна; затѣмъ тутъ была царская мельница, рѣчки Прѣсна и Синичка не обратились еще въ зловонные маленькіе ручейки, заражающіе воздухъ; въ прудахъ плавала рыба для патріаршаго стола; тогда, еще вода была настолько чиста, что въ ней могли жить осетры и стерляди, не отравляемые стоками нечистотъ съ фабрикъ разросшагося города *).

*) Рыбы въ Прѣсенскихъ прудахъ (перенесенной въ нихъ изъ пруда на мѣстѣ нынѣшней Театральной площади) было еще много въ управленіе Москвою графа Закревскаго. Кругомъ мѣстность болотистая. Нечистая вода спускалась въ Прѣсенскіе пруды даже и съ Большой Садовой улицы. Графъ А. Ѳ. Ростопчинъ, владѣвшій домомъ, гдѣ нынѣ Соѣйская больница, передавалъ вамъ, что однажды позволилъ онъ своему домо-

Къ началу XIX столѣтія Прѣсенскіе пруды были просто болотомъ, топью, заросшей камышомъ. Въ этомъ состояніи полной запущенности засталъ ихъ начальникъ Кремлевской Экспедиціи, въ вѣдѣніи которой они находились, столь извѣстный своимъ безжалостнымъ уничтоженіемъ Кремлевской старины, Петръ Степановичъ Валуевъ *). Пруды приведены были имъ въ порядокъ, вычищены; кругомъ, въ рошѣ, разбиты дорожки, устроились увеселительныя учрежденія, буфетъ и т. п. Въ дни гуляній—иллюминація. Прѣсенскіе пруды сразу привлекли къ себѣ Москвичей, такъ что одно время предполагалось даже офиціально именовать ихъ „Валуевскими“, а бульварный стихотворецъ въ восторгѣ писалъ:

„Я пройдуся къ прудамъ широкимъ,
То къ сему, то къ другому пруду,
И съ почтеніемъ глубокимъ
Ницъ Валуеву паду!“.

Безобидное увлеченіе москвичей до-пожарной Москвы Тверскимъ бульваромъ и Прѣсенскимъ гулянемъ нашло, однако, современныхъ обличителей, и среди грамотнаго общества сильно распространялись рукописныя стихи тогдашнихъ сатириковъ. Ихъ переписывали „сотни рукъ“ и съ жадностью читали. Самые стихи были ниже всякой критики, но, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „и злость, и ругательства ихъ тогда имѣли соблазнительную прелесть въ глазахъ почтенной публики“.

Тогдашняя полиція усердно искала автора этихъ „весьма оскорбительныхъ для публики стиховъ“, но тщетно. Какъ запретный плодъ, стихи интересовали всѣхъ, и какъ все, распространяемое въ рукописяхъ, они имѣли много разночтеній. Съ затаенною радостью читая пасквиль на ближняго, нерѣдко читающій находилъ и самого себя въ новомъ оборотѣ; особенно забавно, конечно, казалось то, что большинство лицъ изображалось съ свойственными имъ слабостями подъ своими собственными фамиліями. Въ отдѣльныхъ отрывкахъ, но по очень полному списку, напечатаны эти стихи въ книгѣ Пыляева „Старая Москва“; однако авторъ не могъ указать ни одного изъ „сочинителей“ этого распространеннаго въ то время въ Москвѣ „сатирическаго“ произведенія. Впрочемъ оно и неудивительно: такія произведенія создаются не однимъ лицомъ, а постепенно при участіи многихъ „острослововъ“; куплеты наслаиваются одинъ на другой

правителю прорыть канаву и по ней спустать накопившіяся нечистоты въ Прѣсенскій прудъ. „На другой день, говорилъ графъ, я отправился туда гулять и вижу множество всплывшей дохлой рыбы“. П. Б.

*) П. С. Валуевъ, дѣдъ бывшаго министра графа П. А. Валуева, род. 29 Іюня 1745 г., † 4 Іюня 1814г. Погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ. См. Московскій Некрополь, т. I. Прилагаемъ ниже краткія біографическія о немъ свѣдѣнія, взятые изъ изданія Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“, т. III, № 105.

имена до бесконечности мѣняются, и въ концѣ концовъ или произведеніе пристегивается къ какому-нибудь видному литературному имени, или имя автора совсѣмъ забывается. Съ виршами о Тверскомъ бульварѣ и Прѣсенскихъ прудахъ, конечно, случилось тоже самое, ибо приписать ихъ какому-нибудь видному стихотворцу никто бы не рѣшился.

Неудивительно, что полиція усердно искала пасквилянта; поэтъ вѣдь дерзнулъ коснуться личности родственниковъ самого главнокомандующаго Москвы, высококомѣрнаго, хотя и недалекаго вельможи, графа И. В. Гудовича *). Эти стихи престарѣлому фельдмаршалу, съ особеннымъ усердіемъ и ревностью преслѣдовавшему въ Москвѣ носителей очковъ (что тогда вошло въ моду) и ѣзду на тройкахъ, показались, конечно, обидными..... Но всѣ старанія полиціи были напрасны. Совершенно неожиданно удалось изловить одного изъ сочинителей лицу также пострадавшему и обиженному слѣдующими стихами:

„Мерлиній, дуракъ-красавчикъ,
Вотъ изволилъ прискакать,
Оправляя свой рукавчикъ,
Также тону хочеть дать.
Ну, его ли глухой рожѣ?
И чего ждать отъ него,
Коль мундиръ цѣнять дороже,
Нежели самого его!“.....

Повидимому стихотворецъ въ нашемъ вариантѣ помѣстилъ, весьма неосторожно, своихъ сослуживцевъ (у Пыляева ихъ нѣтъ) и даже самого себя, но въ весьма необходимомъ, даже лестномъ, сравнительно съ другими, для себя видѣ:

„Это что еще за спица
Такъ быстро сюда бѣжитъ,
Не еще-ль какая птица
Позабавить насъ летитъ?
Не Мяеновъ-ли чудотворный,
Нашъ прелестный новый франтъ,
Парень легкой и проворный,
Дамскій милый адъютантъ!
Никого себѣ подъ пару
Не беретъ сей господинъ,
Вѣчно ходитъ по бульвару
Какъ сироточка одинъ“.

*) Графъ И. В. Гудовичъ (р. 1741 г., † 22 Января 1821 г.) былъ женатъ на графинѣ Прасковіи Кирилловнѣ Разумовской († 2 Октября 1808 г.), отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей—Кирилла (который и упоминается въ стихахъ) и Андрея. Впрочемъ, Пыляевъ говоритъ, что подъ именемъ Кирилла нужно разумѣть графа Кирилла Разумовскаго.

Въ Іюнѣ 1811 года только что упомянутый Мерлинъ, штабъ-ротмистръ, гусарь, котораго авторъ стиховъ называетъ „гусарчикомъ милотворнымъ“, „Бовой королевичемъ вздорнымъ“, повидимому извѣстный гуляка, можетъ любить выпить и можетъ быть дуэлистъ ¹⁾). Заподозривъ синодскаго регистратора Павла Мяснова, служившаго во 2 отдѣленіи 6-го Департамента Сената, „въ выпускѣ пасквилей и въ причиненіи тѣмъ ему и знатнѣйшему обществу обиды“, Мерлинъ „принудилъ“ Мяснова ѣхать, вмѣстѣ съ нимъ, для заявленія къ оберъ-полиціймейстеру. По дорогѣ, въ каретѣ Мерлина, Мясновъ, по словамъ перваго, „опасаясь сужденія“, а по показанію послѣдняго „насилъственно, подѣ страхомъ лишенія жизни“, открылъ Мерлину, что сочинитель стиховъ онъ самъ. Тутъ же, въ каретѣ, близъ Конной площади, Мясновъ написалъ въ томъ подписку, которую и отдалъ Мерлину. На другой день Мясновъ отправился въ Управу Благочинія, гдѣ и заявилъ, что подписка вынуждена у него Мерлинымъ „насилъственно“, но было уже поздно: дѣло получило свой ходъ. Подписка Мяснова была представлена самому главнокомандующему графу Гудовичу, который 17 Іюля 1811 г. сообщилъ о находкѣ „сочинителя“ стиховъ оберъ-прокурору 6-го Департамента Правительствующаго Сената, находя, что „подписка, данная имъ Мерлину, отклоняетъ уже всякое насчетъ того сумлѣніе“.

Государь, до свѣдѣнія котораго было доведено объ открытіи автора „пасквильныхъ и оскорбительныхъ для публики стиховъ“, повелѣлъ предать Мяснова суду.

Допрошенный по этому поводу, Мясновъ не сознался, однако, „въ сочиненіи“ стиховъ и показалъ, что нашелъ ихъ самъ на бульварѣ, сѣдя тамъ въ 8 ч. вечера 11 Іюня и „какъ онъ уже видѣлъ ихъ въ рукахъ публики, то прочтя и не найдя въ нихъ никакой важности, кромѣ нелѣпаго ругательства, въ томъ числѣ и *на самую себя*, показалъ своимъ пріятелямъ, которые у него ихъ списывали, а возвратили-ль ему—не помнитъ; только они у него утратились, одному же чиновнику далъ своей руки неполные, написавъ, что могъ упомянуть ²⁾), а найденные имъ пропали“. Надо думать, однако, что Мясновъ не былъ такъ безгрѣшенъ; вѣроятно имъ самимъ было внесено нѣсколько разночтеній и вѣрнѣе всего именно мѣсто о самомъ себѣ и о нѣкоторыхъ его пріятеляхъ (Травинъ, Бобицынъ; такихъ нѣтъ въ другихъ спискахъ).

Надворный Судъ, гдѣ разсмотрѣно было дѣло Мяснова, мнѣніемъ полагалъ: наказать Мяснова содержаніемъ въ Смирительномъ домѣ 12 мѣся-

¹⁾ „Оправляя свой рукавичкѣ“, говоритъ стихотворецъ; въ то время присяжные бреттеры и дуэлисты для чего-то шпуровали себѣ одинъ рукавъ и часто такъ и ходили. Не намекъ ли тутъ, что и у Мерлина былъ такой же рукавъ?

²⁾ Вѣроятно это и есть тотъ списокъ, который здѣсь прилагается, (Архивъ Госуд. Совѣта, Департамента Гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, 1813 г., № 1721) и который попалъ въ руки Мерлину.

девъ, а стихи предать истребленію, при чемъ „по исполненію сего, подтвердить ему, Мяснову, чтобъ онъ впредь отъ подобныхъ поступковъ уклонялся и велѣтъ явиться въ команду его, отдавъ ему отобранную въ Уѣздномъ Судѣ шпагу“.

Московская Уголовная Палата, куда перешло дѣло по инстанціи, не признала, однако, Мяснова, въ виду его несознанія и „отреченія“ отъ своей подписки, виновнымъ въ „сочиненіи“, а только „въ разглашеніи“ и „на основаніи воинскихъ 21 и на 149-й артикулъ толкованія, замѣня бытіе его подъ судомъ и арестъ, усугубить содержаніемъ при командѣ подъ арестомъ 2 недѣли, въ томъ числѣ на хлѣбъ и водѣ 3 дня, съ строжайшимъ обязательствомъ подпискою, чтобы впредь по молодымъ своимъ лѣтамъ старался воздержать себя отъ всякихъ неприличныхъ званію и чести его дѣйствій“. Уѣздному Суду постановлено объявить строжайшій выговоръ „за преждевременный безъ всякой резолюціи арестъ“ Мяснова. Съ этимъ рѣшеніемъ Палаты согласился и графъ Гудовичъ.

Московскій 6-й Департаментъ Сената, разсмотрѣвъ дѣло и утвердивъ рѣшеніе Уголовной палаты въ той части, которая касалась самого Мяснова, обратилъ вниманіе на поступокъ штабъ-ротмистра Мерлина и на дѣйствія Московскихъ судебныхъ мѣстъ. Приводимъ вполнѣ это замѣчательное рѣшеніе Сената; о немъ было донесено Государю, и оно было утверждено Общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта 1 Декабря 1813 года.

„Сенатъ находитъ, что хотя и препровождена къ дѣлу данная Мясновымъ штабъ-ротмистру Мерлинію подписка, въ которой онъ призналъ себя сочинителемъ пасквильныхъ стиховъ, но Мясновъ о сей подпискѣ, что она взята вынужденно Мерлиніемъ и писана въ каретѣ его на Конной площади, объявлялъ на другой день полицейскому начальству, почему принять ее въ настоящемъ видѣ не можно, а заключается изъ сего насильственный его, Мерлинія, поступокъ и самоуправство, въ чемъ онъ изобличается обстоятельствомъ дѣла, сущностью самой той подписки и собственнымъ показаніемъ его Мерлинія, что подписка была писана на Конной площади, въ 10 шагахъ отъ дома 9-го класса Быховцова, чего бы безъ намѣренія исторгнуть подписку дѣлать не было никакой нужды: ибо писать всегда покойнѣе и приличнѣе въ покояхъ, нежели на дворѣ. Въ разсужденіи чего, Сенатъ, заключая изъ всего вышписаннаго, что штабъ-ротмистръ Мерлиній столько въ насильственномъ и самоуправномъ его поступкѣ съ Мясновымъ изобличенъ, сколько въ поступкѣ такового рода безъ свидѣтелей и въ каретѣ изобличену быть можно, полагаетъ дать знать о семъ военному его начальству, съ тѣмъ, чтобы взятіе имъ той подписки было не насильственно, то и тогда бы поступокъ его остался предосудительнымъ и по всемъ отношеніямъ неблагопрістойнымъ, потому что на розыски учреждена полиція и розыщики, частныя же лица никакого права не имѣютъ розыскивать, кто виноватъ и въ чемъ виноватъ.“

Какъ же по сему дѣлу открывается, во первыхъ: Московскій Уѣздный Судъ въ которомъ Мясновъ не судился и не могъ судиться, снялъ съ него шпагу, къ крайнему нарушенію правилъ, въ законѣ преподанныхъ, приведя въ за-

бвеніе, что не отрѣшенъ отъ должности, а чрезъ таковой поступокъ оскорбляется и самое начальство; во-вторыхъ, Надворный Судъ, забывъ также, что Мясновъ служащій и не отрѣшенъ, присудилъ его къ 12-мѣсячному содержанию въ Смирительномъ домѣ. Посему, присутствующихъ Уѣднаго Суда вызвавъ въ Губернское Правленіе, сдѣлать имъ паистрожайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что буде подобная неосмотрительность его дойдетъ впредъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, то имѣетъ онъ подвергнуться неминуемому взысканію по силѣ законовъ; Надворному же Суду дать замѣтить, чтобы онъ основывалъ заключенія свои на смыслѣ законовъ. Впрочемъ рѣшеніе Московской Палаты Уголовнаго суда 1-го Департамента, учиненное по сему дѣлу, съ коимъ согласился бывший главнокомандующимъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, какъ съ обстоятельствами дѣла и узаконеніями согласное, утвердить въ его силѣ“.

Ровно годъ спустя послѣ начала дѣла, министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ (въ то время уже славный писатель) получилъ отъ Мяснова слѣдующее письмо:

„Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Иванъ Ивановичъ.

Ревностное желаніе вступить въ армейскую службу, къ коей я, можно сказать, страстенъ, побудило меня осмѣлиться беспокоить ваше высокопревосходительство.

Извѣстно, что я имѣлъ несчастіе быть подозрѣваемъ въ сочиненіи ругательныхъ стиховъ и преданъ сужденію по высочайшему повелѣнію. Дѣло сіе теперь окончено; невинность моя и несправедливость подозрѣнія доказаны разсмотрѣніемъ и Палаты, и Правительствующаго Сената, резолюціею коего повелѣно: наказать меня арестомъ за необъявленіе тѣхъ стиховъ полиціи когда попались они ко мнѣ въ руки; до совершеннаго окончанія сего дѣла какъ ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, начальство мое не въ правѣ принять просьбу объ увольненіи меня изъ канцеляріи Сената; а всѣ вновь формирующіеся полки имѣютъ повелѣніе какъ можно скорѣе выступать и нѣкоторые изъ нихъ уже выступили, чѣмъ и уничтожается предпріятіе мое.

Сіе то самое и заставило меня искать въ вашемъ высокопревосходительствѣ благодѣтеля, который доставилъ бы мнѣ случай раздѣлить труды соотечественниковъ моихъ на полѣ брани и загладить остатки дурного мнѣнія, которое нѣкогда обо мнѣ имѣли.

Предая все сіе на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, съ несомнѣнною надеждою на великодушіе ваше, за счастье почитаю называться, милостивый государь, вашего высокопревосходительста всепокорнѣйшій слуга Павелъ Мясновъ.

Іюля 4-го дня 1812 г. Москва“.

Какіе были результаты этого письма, неизвѣстно; но Дмитріевымъ оно было передано къ дѣлу о Мясномъ, „признавая за нужное поставить его

просьбу въ виду Комитета“. Больше никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Мяснова не имѣется.

Стихи, за которые подвергся Мясновъ столькимъ мытарствомъ, находятся при дѣлѣ, но въ спискѣ, въ которомъ при перепискѣ, очевидно, еще прибавлено ошибокъ къ безграмотнымъ и безъ того виршамъ.

Послание къ автору стиховъ на бульварь.

Чѣмъ васъ прочи огорчили,
Стихотворецъ милый мой,
Что вы ихъ не помѣстили
Въ протоколъ прелестный свой?

И они также одѣты,
Всеякой тону задавалъ.
Ахъ, позволь, чтобъ ихъ портреты,
Хотя здѣсь я описалъ!

Вотъ катится чудной шарикъ
Въ красной лентѣ, со звѣздой,
То Нелединской сударикъ ¹⁾
И пьянюга дорогой.

Иноходцемъ запускаетъ,
Не жалѣя ничего,
Въ галерею поспѣшаетъ:
Тамъ мадера ждетъ его.

Банкъ ли пометать пуститься
Или штось сдѣлать порой,
Онъ всегда на все годится,
Малый этотъ золотой!

Выпивъ водки близко бочки,
Вотъ Алябьевы идутъ ²⁾,
То-то милые дружечки,
Едва головы несутъ.

¹⁾ Почему-то Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (род. 1752 г. † 1829), человекъ весьма почтенный, всеми уважаемый, былъ излюбленной мишенью для издѣвательства бульварнаго стихотворца. Очевидно, его слабости къ женщинамъ и къ тяжелымъ, чисто-русскимъ обѣдамъ были хорошо извѣстны въ Москвѣ. Прилагаемъ о немъ дальше краткія біографическія свѣдѣнія, изъ того же изданія Великаго Князя Николая Михайловича, т. III, № 163. Нелединскій названъ „шарикомъ“ по своему малому росту.

²⁾ Сыновья сенатора А. В. Алябьева, одинъ спортсменъ, другой — композиторъ извѣстныхъ романсовъ, картежникъ. См. о немъ „Разказы бабушки“ Благово.

Къ нимъ еще двое несчастныхъ
 Въ кадрили ловко подошли.
 Съ лицами отъ спирта красныхъ,
 Также на бульваръ пришли.

То Травня, пьянюга ловкой,
 И при немъ хорошій шутъ
 Бабицынъ, съ большой головкой,
 Ковыляютъ вмѣстѣ тутъ.

Это што еще за сшца
 Такъ быстро сюда бѣжить,
 Не еще ль какая птица
 Позабавить насъ летить?

Не Мясовъ ли чудотворной,
 Нашъ прелестный новой франтъ,
 Парень легкой и проворной,
 Дамской милой адъютантъ?

Никого себѣ подъ пару
 Не беретъ сей господинъ,
 Вѣчно ходитъ по бульвару,
 Какъ сироточка, одинъ.

И Волконской съ карусели
 Въ шпорахъ звонкихъ прикатилъ,
 Весь растрепанъ, какъ съ постели;
 Малой этотъ, право, милъ.

Мерлиный, дуракъ, красавчикъ,
 Вотъ изволилъ прискакать,
 Оправляя свой рукавичкъ,
 Также тону хочетъ дать.

Ну, его ли глушой рожъ,
 И чего ждать отъ него,
 Коли мундиръ цѣнять дороже,
 Нежелъ самого его?

Благо за свое старанье
 Славной получилъ покаръ,
 Чтобы дѣлать на гуляньѣ,
 Лучше бѣ дома пошнвалъ?...

Сыну глупому богатства
 Не помога, слышалъ я,
 Коли мудрости изрядства,
 Не купилъ онъ для себя.

Графъ, тому въ примѣръ, *Кирилла*.
 Хоть богатъ и знатенъ такъ,
 Но куда ни сунетъ рыла,
 Тотчасъ виденъ, что дуракъ.

Но не всѣхъ же, вѣдь, до крошки,
 Намъ сюда перенести,
 Не пора ли сѣсть на дрожки
 Да домой: ужъ время спать!

Стихи на пруды.

Въ жизни не любить двухъ милыхъ,
 Двухъ прекрасныхъ не видать,
 Двухъ гуляниевъ щастливыхъ
 На недѣлѣ не бывать.

Я пройду къ прудамъ широкимъ,
 То къ сему, то къ другому пруду,
 И съ почтеніемъ глубокимъ
 Ницъ Валуеву паду!

Тамъ мы слушаемъ каскады,
 Пару здѣсь лѣсокъ манить,
 За усталость ночь въ награду
 Часто мягкой лугъ дарить.

Но милѣй лѣсковъ и луга
 Женщинъ бабочекъ здѣсь рой,
 Между нихъ любви подруги
 Поздней тѣшутся порой.

Не жемчужная росина
 На листкѣ цвѣтовъ блеститъ,
 То Катюша, Катерина,
 Вельяминова глядитъ.

На сестрицѣ не сіяютъ
 Штукатура-алебастръ,
 Хоть и бронзой называютъ.
 Золота милѣй стократъ.

Вотъ Ивановъ *) нашъ въ мундирѣ,
 То и сѣ, ни Марсъ, ни Фебъ,
 Пусть бренчитъ себѣ на лирѣ,
 Продаетъ стихи на хлѣбъ.

*) Драматургъ Федоръ Ивановичъ Ивановъ († 1816 г.) авторъ „Маремъ Посадницы“.

Водить въ рынокъ Мельпомену,
За бездѣнокъ отдастъ,
„Марѳу-дворницу“ на сцену
Пусть запкою ведетъ.

Что Эхользины унылы;
Саша, душевѣка, такъ худъ?
Ахъ, вспорхнулъ румянецъ милый,
Слѣдъ бубновой виденъ тутъ...

Точно глестъ въ калликатурѣ,
Въ залъ судейской входитъ шить
Въ гибкой тоненькой фигурѣ
Нашъ Обрѣзковъ Сибаритъ ¹⁾

Дѣвъ Струговщиковыхъ тѣни
Въ царство хотъ небесъ ведутъ,
Но дусѣры милы пѣсни
По земному симъ поютъ.

Вотъ порхнули херувимы
Нѣжны Вамбульски княжны ²⁾.
Ахъ, и сами нелюдимы
Были бѣ ими еражены.

Вотъ и матушка родима
Афросимова ³⁾ бѣжитъ,
Съ ней ухваточка любима
Кулаками всѣхъ дарить.

Урожденна Шаховская
Чемоданчикъ свой несетъ,
Слышно: маменька, милая,
Дай скорѣй увидѣть свѣтъ.

Вертеръ въ горести, въ смущеньѣ,
То Ивановъ у Боковъ,
Какъ похулить просвѣщенъе,
Какъ бранить большихъ умовъ?

¹⁾ Эхользины и Обрѣзковъ служили въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Это Московскіе тогдашніе франты.

²⁾ Княжны Вадбольскія.

³⁾ Вдова генералъ-маіора Анастасія Дмитріевна Афросимова, известная въ Москвѣ своенравная и сумасбродная старуха, пользовавшаяся всеобщимъ почетомъ, ибо ея страшно боялись. Изображена въ „Войнѣ и Мирѣ“. О ней же въ „Разсказахъ бабушки“ Благово.

Прежде зналъ подборъ тарелки,
И какой накрыть конвертъ,
Нынѣ жъ знанья эти мелки,
Мечеть сердца grand увертъ.

Шиловской ему дорогу
Въ модны лавки проложилъ,
Шить чепцы, обути п ногу,
Шаркать мило научилъ.

Вотъ и Вамбургски другія
Притащились съ похоронъ,
Льются слезки дорогія,
Слышенъ вѣжный груди стонъ.

За Нащѣкиной ввязался
Мальчикъ, что любовь зовутъ,
Крѣпко за нее держался
И твердилъ ей во весь путь:

Ахъ, отдай мнѣ стрѣлы сильны,
Что украли на бѣду.
Дай за нихъ хоть глазки милы.
Съ чѣмъ я къ маменькѣ приду?

Не отвыкнулъ отъ привычки
Подпираться Калачевъ *),
Это сътъ для бѣдной птички,
Это славный птицеловъ.

Грузинъ князь, но не владѣтель,
Забѣгаетъ съ нимъ вездѣ,
Тамъ попалъ всегда, гдѣ мѣтилъ;
Лишь порхнулъ, то и въ гнѣздѣ.

У Толстой, Катюши, няня,
Хоть солдатская жена,
Пуще ноши барабана
Вздута гордостью она.

Стой во фронтъ и обернися—
То Веперы пивалцѣ,
Стѣнѣ низко поклонися,
Онъ поклонами лишь битъ.

Вотъ гусарчикъ милотворный,
Мерлинъ, рожницу несетъ,

*) Въ другихъ спискахъ „Баташовъ“, известный заводчикъ.

Королевичъ Бова вздорной,
Съ карусели онъ бредеть ¹⁾.

Вотъ Алеша, Алексѣи
Дышутъ зеркаломъ всегда,
Дома нѣтъ одной копѣйки,
Здѣсь милліоны иногда.

Тѣмъ прекраснѣйшихъ за ними
Если глазками сверкнуть,
По словамъ ихъ, могутъ ими
Запрудить хоть цѣлой прудъ.

Желта ленточка ластится
Обнимать сей милый ставъ;
Грибоѣдовой плѣнится
И холодной истуканъ.

Тянетъ вотъ Несвицкихъ тонныхъ
Сильна рота модныхъ словъ,
Въ точь Французски лексиконы
Въ кожу свернуты ословъ.

Черноглазу, круглолицу
Долгоруку толпа зрить,
Взялъ онъ Дашкова вдовицу
Мужъ сопливой говорить.

Тихо, сладко, нѣжно, плавно
По тропѣ катитъ кубарь:
То Нелединской ²⁾ нашъ славной

¹⁾ Шт.-ротмистръ Мерлицъ. Очевидно, этими стихами онъ былъ оскорбленъ, ибо въ другихъ спискахъ тутъ стоитъ „Злобинъ“, отецъ именитаго гражданина.

²⁾ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, единственный сынъ Александра Юрьевича († 1804 г.) отъ брака его съ княжной Татьяной Александровной Куракиной (р. 1732 г., † 1754 г.), родился въ Москвѣ 6 Сентября 1752 г. Отецъ его, сродѣльцъ уѣхалъ за границу, откуда вернулся лишь въ 1767 г., и маленькій Юша жилъ сперва у бабушки съ отцовской стороны, Анны Ивановны, рожд. Талызиной († 1764 г.), въ Москвѣ, а потомъ у другой бабушки, княгини Александры Ивановны Куракиной, въ Петербургѣ. Здѣсь росъ онъ, подъ надзоромъ тетки, княжны Агравены Александровны, вмѣстѣ съ двоюродными своими братьями, князьями Куракинскими, и въ 1769 г. былъ посланъ съ ними въ Страсбургскій университетъ, но пробылъ здѣсь лишь годъ. Записанный еще въ 1758 г. въ артиллерию, онъ былъ отправленъ, въ Маѣ 1770 г., во 2-ю армию, находился при осадѣ Бендеръ, состоя ординарцемъ у дѣда своего по матери, графа П. И. Панина, затѣмъ участвовалъ въ покореніи Крыма и въ Турецкой войнѣ; въ 1775 г., въ качествѣ кавалера посольства, сопровождалъ своего дядю, князя Н. В. Репнина, въ Царьградъ, въ

И смазливыхъ тѣней *) царь.
 Вотъ Китайскія обои,
 То Пескова между насъ.

1776—1779 г. находился въ Финляндіи, а затѣмъ, уже въ чинѣ подполковника, былъ въ Крыму, гдѣ, между прочимъ, занимался (1783) переводомъ „Заиръ“ Вольтера. Выйдя въ 1785 г. въ отставку полковникомъ, онъ поселился въ Москвѣ и въ Маѣ 1786 г. женился на княжнѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Хованской, а въ Сентябрѣ былъ назначенъ директоромъ Московскаго Главнаго Народнаго Училища. При воцареніи Павла I Нелединскій-Мелецкій былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ къ принятію прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя; во время коронаціи получилъ 800 душъ и сопровождалъ затѣмъ Императора въ его путешествіи по Россіи; въ 1798 г. произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и получилъ Аншу 1-й степени, но уже 22 Іюля былъ отставленъ и уѣхалъ въ Москву. За время службы при дворѣ приобрѣлъ особенное расположеніе императрицы Маріи Феодоровны, а также Е. И. Нелидовой. Въ Декабрѣ 1800 г. опала смѣнилась новой милостью: Нелединскому даны были чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора. Въ 1801 г. онъ, вмѣстѣ съ Лоуцкимъ, ревизовалъ Слободско-Украинскую губернію; въ 1802 г. былъ назначенъ членомъ совѣта вновь учрежденныхъ Московскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго; 4 Февраля 1813 г. былъ назначенъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Милости, довѣріе и даже дружба къ нему императрицы Маріи никогда не прекращались, и „bon vieux Nélédinsky“ всегда бывалъ у нея желаннымъ гостемъ. Въ 1814 г. онъ составилъ отъ имени Синода, Государственнаго Совѣта и Сената извѣстное прошеніе къ Александру I о принятіи титула „Благословенный“ и о разрѣшеніи воздвигнуть ему памятникъ, а затѣмъ завѣдывалъ устройствомъ праздника въ Павловскѣ для истрѣчи Государя. Удалившись, 22 Апрѣля 1826 г., отъ всѣхъ должностей, онъ переехалъ въ Калугу, къ зятю и дочери, Оболенскимъ, въ домъ которыхъ и скончался 13 Февраля 1829 г.; погребенъ онъ въ Калужскомъ Лаврентьевомъ монастырѣ.

Какъ писатель, Нелединскій-Мелецкій приобрѣлъ особенную извѣстность своими пѣснями, но выраженію Батюшкова, „вдохновенными страстью“, изъ нихъ одна: „Выйду я на рѣченьку, Погляжу на быстрю“.., не забыта и до сихъ поръ. Вообще пѣсни его (всего 17) высоко цѣнились современниками, отъ Карамзина до Жуковскаго и Пушкина; не будучи присяжнымъ литераторомъ, онъ считался „Анакреономъ и Шолье своего времени“, но писалъ очень мало. Человекъ съ природнымъ умомъ, образованный и начитанный, веселый, живой, пезамтичный и остроумный собесѣдникъ, онъ, кромѣ пѣсень, оставилъ нѣсколько одъ, хоровъ, басень, посланій, мадригаловъ, переводилъ изъ Лафонтена, Томаса, Шекспира, и самъ писалъ Французскіе стихи. „Во многихъ отношеніяхъ“, говоритъ князь Вяземскій, „Нелединскій былъ натура совершенно своеобразная, натура крайностей и противоположностей, но не противорѣчій... Щедро одаренная натура его умѣла и могла выпести, могла даже согласовать, уравновѣшивать внутреннія противорѣчія, это междоусобіе врожденныхъ свойствъ, склопностей, порывовъ, страстей“; такъ, будучи большимъ поклонникомъ женской красоты, повѣсой и волокитой, постоянно, даже на старости лѣтъ увлекался къмъ-нибудь, онъ нѣжно любилъ свою жену и долго оплакивалъ ея потерю. У него былъ одинъ сынъ, Сергѣй (р. 1795 г., † 1871 г.), умершій холостымъ и передавшій фамилію племяннику своему, князю С. А. Оболенскому, и двѣ дочери: старшая Аграфена (р. 1789 г., † 1829 г., два дня спустя послѣ смерти отца; съ 1809 г. за княземъ А. П. Оболенскимъ) и фрейлиня Софія, за Ѳ. В. Самаринымъ („Русскіе Портреты“, III, № 163).

*) „Смазливими тѣнями“ и „Лайсами“ назывались женщины легкаго поведенія.

Киричу, бѣлль въ нихъ слои,
Стѣну сложать въ добрый часъ.

Вотъ Аленушка-соловка
Къ намъ Колошина летитъ,
Маслитъ глазки очень ловко
И кудрями говоритъ.

Съ нею разныхъ птицъ подборы,
Гдѣ Загряжской бѣсѣ косой,
Ей кукуетъ нѣжны вздоры,
А Давыдовъ хотъ не пой!

Вотъ Алябьевы буяны,
Модвы куколки любви,
Вѣчно веселы и пьяны,
Безъ вина жъ хотъ не живи.

И Шатиловыхъ здѣсь пара,
Точно голубъ съ голубкомъ,
Вьются средъ любви и жара
И воркуютъ объ одномъ.

За Бараповой унылой
Тихо селезень плыветъ,
То Аргаматовъ нашъ милой
По гвардейски онъ идетъ.

Вотъ три Масловыхъ старушки
Экономку-мать ведутъ,
Крѣшко стянуты у душики,
Взоры чтутъ ея за кнутъ.

Но пора къ своей постели.
Мѣсяцъ всталъ среди воды,
Ахъ, до будущей недѣли
Адю, милые пруды!

Приложеніе.

Петръ Степановичъ Валуевъ, сынъ картографа и инженера генералъ-майора Степана Мпроновича, происходилъ изъ небогатаго и незнатнаго, хоти и древнаго рода, и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ женитьбѣ на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (р. 1757 г., † 1836 г.), имѣвшей хорошее родство, а также и своимъ личнымъ свойствамъ. Почти вся его служба прошла въ придворномъ вѣдомствѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1779 г. въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники и вскорѣ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Павелъ I пожаловалъ Валуеву въ 1796 г. тысячу душъ крестьянъ и званіе сенатора, а въ 1798 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; но въ 1800 г. Валуевъ подвергся немщности, уволенъ отъ службы и удаленъ изъ Петербурга. По вступленіи на престолъ Александра I. онъ былъ поставленъ во главѣ дворцоваго управленія въ Москвѣ, какъ главноначальствующій Кремлевской Экспе-

диции. Его дѣятельность въ Москвѣ оставила замѣтные слѣды: при немъ выстроено новое зданіе для Оружейной Палаты (на Сенатской площади), передѣланы Потѣшный и Слободской дворцы, и ему же обязаны своимъ благоустройствомъ грязные, запущенные Прѣспенскіе пруды, сдѣлавшіеся послѣ этого моднымъ мѣстомъ гуляній аристократической Москвы. Валуевъ кое-что сдѣлалъ для сохраненія памятниковъ старины своими заботами объ Оружейной Палатѣ и изданіемъ цѣнныхъ археологическихъ сочиненій о Палатѣ и о селѣ Коломенскомъ, но еще болѣе онъ принесъ непоправимаго вреда: горячій не по разуму блюститель вѣшняго порядка, чистоты и опрятности онъ уничтожилъ въ Кремлѣ много древнихъ зданій, „помрачавшихъ своимъ неблагообразнымъ видомъ прочія великолѣпнѣйшія зданія“, въ томъ числѣ разрушены Срѣтенскій соборъ, дворецъ Бориса Годунова, Гербовая башня, церковь св. Уара и т. п.; многое исчезло не потому, что было ветхо, а потому, что не отвѣчало взглядамъ и вкусамъ Валуева.

Дошедшіе до насъ отзывы современниковъ о Валуевѣ изображаютъ его человѣкомъ угодливымъ и низкопоклоннымъ передъ вышними и высококѣрными съ тѣми, отъ кого онъ не зависѣлъ. Вигель говоритъ, что Валуевъ всѣхъ перещеголялъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Екатерины II и презрительно смотрѣть на толпу, отъ которой началъ отдѣляться. Растопчинъ называетъ его самымъ низкопоклонствующимъ изъ всѣхъ льстецовъ, занимавшимся шпіонствомъ, съ покорностью переносившимъ униженіе отъ власти имущихъ и становившимся ихъ врагомъ послѣ ихъ паденія. Графъ Головкинъ пишетъ о немъ: „Voyant le grand-maître des cérémonies Valouev, personnage très ridicule et qui ne s'était avancé à la cour que par des enterrements et des obsèques, l'Impératrice dit à Monseigneur (Paul Ier): Qui de nous, pensez vous, doit mourir pour lui faire avoir le cordon bleu?“ Новые архивные документы обрисовываютъ еще одну черту характера Валуева: его исключительную страсть къ ссорамъ и передригамъ. Будучи оберъ-церемоніймейстеромъ, онъ постоянно ссорился съ начальниками Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ, а въ Москвѣ имѣлъ столкновенія съ генералъ-губернаторами, въ особенности съ Ростовчиннымъ. Постоянныя ссоры съ лицами высокопоставленными какъ будто идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ представленіемъ о Валуевѣ, какое о немъ составляетъ на основаніи отзывовъ современниковъ; но, очевидно, Валуевъ зналъ, съ кѣмъ можно ссориться безъ вреда для себя. Скончался онъ 4 Іюня 1814. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 8 Іюня напутствовалъ Валуева въ такихъ выраженіяхъ: „Aujourd'hui on enterre le vieux Valoueff, qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de récompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait“.

Валуевъ имѣлъ 4 сыновей и 5 дочерей: 1) Петра († 1812 г.), 2) Александра (отецъ графа П. А. Валуева), 3) Павла, 4) Степана († 1844 г.), 5) Екатерину (камеръ-фрейлпа, 1774—1848), 6) Анну, 7) Софію, 8) Анастасію 9) Прасковью (Аксакову).

4678. Графъ А. К. Толстой о постановкѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“. 1879. II, (7), 327—330. Его письма къ Ростиславу.
4679. По поводу постановки трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“. В. Д. Давыдова. 1879. II, (7), 331—332.
4680. Письмо гр. Д. А. Толстого къ Д. Н. Толстому. Сообщено И. С. Листовскимъ. 1905. I, (4), 687—689.
4681. Гр. Л. Н. Толстой. Предисловіе къ разсказамъ Мопасана. Замятка Д. А. Хомякова. 1898. III, (11), 441—444.
4682. Изъ письма къ издателю. Княжны В. П. Репнина. 1889. III, (12), 575—576. О разсказѣ гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“.
4683. Отзывъ бар. Э. О. Раденъ объ ученіи гр. Л. Н. Толстого. Сооб. К. П. Побѣдоносцевымъ. 1905. I, (4), 681—682.
4684. Портретъ (кн. П. А. Вяземскаго). Стихи Я. Н. Толстого. 1896. III, (9), 140—145.
4685. А. Ф. Томашевскій. Некрологъ. П. И. Баргенева. 1884. I, (1), 345—346.
4686. Письмо М. И. Топильскаго къ А. М. Кубареву. 1900. I, (2), 317.
4687. Письма М. И. Топильскаго къ А. М. Кубареву. Съ примѣч. И. В. Помяловскаго и П. П. Барсукова. Съ замѣткою о М. И. Топильскомъ. 1889. I, (1), 161—172.
4688. А. Н. Труворовъ. Ю. Б. 1893. II, (7), 431.
4689. Изъ воспоминаній П. В. Иутаты. (о Василѣ и Ѳедорѣ Туманскихъ). 1863. 350.
4690. Изъ Парижскихъ писемъ А. И. Тургенева. 1896. I, (2), 190—205.
4691. Письма къ А. И. Тургеневу. 1866. (4), 647—657. А. Ѳ. Мерзлякова, П. И. Новикова, Жуковскаго, Воейкова, К. И. Батюшкова, П. П. Румянцева, Пушкина, Карамзина.
4692. Письмо А. И. Тургенева къ кн. А. Н. Голицыну. 1892. I, (1), 93—95.
4693. Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. Сообщ. Ѳ. М. Дмитріевымъ. 1867. (4), 639—670. (Поправка. (5—6). 992).
4694. Два письма А. И. Тургенева къ Пушкину 1903. III, (12), 661. Здѣсь стихи П. Иванчина-Писарева.
4695. Изъ писемъ А. И. Тургенева къ брату его Николаю. 1895. III, (9), 33—76, (10), 194—208.
4696. А. М. Тургеневъ. Изъ одного дневника. 1904. III, (12), 623—624.
4697. Тургеневъ и Достоевскій. Письма Достоевскаго и И. С. Тургенева къ издателю „Русскаго Архива“. 1902. III, (9), 144—149. (Поправка. 1903. I, (4), 615).
4698. Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. Два письма гр. А. Ѳ. Орлова къ П. А. Ширинскому-Шихматову. Сообщ. гр. Д. А. Толстымъ. 1895. I, (2), 276.
4699. Письмо И. С. Тургенева къ П. В. Шумахеру. 1900. III, (10), 320.
4700. О письмахъ И. С. Тургенева. В. Я. Брюсова). 1902. I, (2), 367—368.
4701. Новое изданіе сочиненій И. С. Тургенева. П. Библиографа (П. П. Васильева). 1871. (2), 380—383.
4702. О переводѣ произведеній И. С. Тургенева на иностранныя языки. 1868. (2), 324—325.
4703. П. И. Тургеневъ. Д. Н. Свербеева. 1871. (11), 1962—1984.
4704. П. И. Тургеневъ и гр. Г. Разумовская. Письма гр. Г. Разумовской къ А. И. Тургеневу. 1895. II, (8), 484—519.
4705. Письмо П. И. Тургенева къ императору Николаю Павловичу 1895. III, (9), 30—32.
4706. Изъ писемъ П. И. Тургенева къ его братьямъ. 1895. II, (8), 465—483.
4707. Письмо П. И. Тургенева къ бра-

- ту его и къ Жуковскому. 1895. III, (11), 339—345.
4708. Письмо Н. И. Тургенева къ П. Я. Чаадаеву. 1872. (6), 1205—1207.
4709. Е. О. Тютчева. 1882. I, (2), 560.
4710. О. И. Тютчевъ. И. С. Аксакова съ гравиров. портретомъ. 1874. II, (10).
4711. О. И. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни. (В. Я. Брюсова) 1903. III, (11), 481—498. (12), 641—652. 1906. III, (10), 310—320.
4712. Тютчевъ и кн. Вяземскій. В. Я. Брюсова. 1903. II, (6), 289.
4713. Тютчевъ и Гейне. П. Ч-ва. 1875. I, (1), 128.
4714. Памяти О. И. Тютчева. (стихи). С. Иваненко. 1904. I, (3), 512.
4715. Изъ писемъ О. И. Тютчева. 1899. I, (2), 269—280. (3), 505—520. (4), 648—658. II, (5), 92—105. (6), 271—286. (8), 584—606. III, (9), 150—169. (11), 422—436 (Поправка. (12), 633).
4716. Изъ писемъ О. И. Тютчева. 1898. III, (12), 556—568.
4717. Письма О. И. Тютчева къ П. Я. Чаадаеву. Съ предисл. В. Я. Брюсова. 1900. III, (11), 410—421.
4718. О собраніи сочиненій О. И. Тютчева. В. Я. Брюсова. 1898. III, (10), 249—260.
4719. Стихотворенія О. И. Тютчева. Съ предисл. И. С. Аксакова. 1879. II, (5), 118—138.
4720. На Новый 1855 годъ. (Стихи). О. И. Тютчева. 1867. (12), 1638—1639.
4721. Изъ письма А. А. Половцова по поводу кончины О. И. Тютчева. 1874. I, (5), 1374—1376.
4722. Незданные стихи О. И. Тютчева. („Играй, покуда надъ тобой еще безоблачна лазурь“). Сообщено Н. Д. Голохвастовымъ. 1874. II, (7), 222—223.
4723. Незданные стихи О. И. Тютчева („Какъ ни бѣсилось злоръчье...“). 1874. II, (12), 1124.
4724. Незданное стихотвореніе О. И. Тютчева: „Вась развратило самовластье...“ 1881. II, (4), 340.
4725. Стихотвореніе О. И. Тютчева. А. Н. Муравьеву. Сообщ. В. С. Муравьевымъ. 1882. III, (6), 214.
4726. Незданное стихотвореніе О. И. Тютчева. Изъ Манцини. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. 1885. II, (6), 320—321.
4727. О. И. Тютчевъ „Москвичамъ“. („Куда себя морочите вы грубо...“) и „Огнѣть Москвичей“ (стихи кн. П. П. Мещерскаго). 1885. III, (10), 298.
4728. Три новыя стихотворенія О. И. Тютчева. 1892. (4), 536—537.
4729. Острое слово О. И. Тютчева. 1888. I, (4), 643.
4730. Папство и Римскій вопросъ съ Русской точки зрѣнія. Сочиненіе О. И. Тютчева. въ переводѣ В. Н. Ляскова. 1886. II, (5), 33—51.
4731. О (клеветливомъ) замѣткѣ издателя „Гражданина“. („Собраніе стихотвореній О. И. Тютчева“). П. И. Бартечева. 1886. I, (4), 535.
4732. Для біографіи гр. С. С. Уварова. 1871. (12), 2078—2103. Переписка его съ М. П. Погодинымъ.
4733. Біографическое извѣстіе о гр. С. С. Уваровѣ. 1871. (12), 2103—2108.
4734. Письмо къ Н. Н. о кончинѣ гр. С. С. Уварова. М. П. Погодина. 1871. (12), 2107—2112.
4735. Письмо гр. С. С. Уварова къ барону Штейну. 1871. (2), 0129—0134.
4736. Къ исторіи классицизма въ Россіи. Мнѣніе гр. С. С. Уварова. 1899. III, (11), 465—468.
4737. С. С. Уваровъ и адм. Шишковъ. Библиографическая замѣтка П. П. Барсукова. 1882. III, (6), 226—228.
4738. Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ. А. Гацискаго. 1886. I, (1), 55—68.
4739. Раскольники. Историко-бытовая драма А. Д. Улыбышева. 1886. I, (1), 5.

4740. Къ біографіи В. М. Ундольскаго. Записка его матери. 1886. II, (7), 439.
4741. Письма В. М. Ундольскаго къ А. Н. Попову. 1886. II, (6), 281—304.
4742. Письмо кн. С. С. Урусова къ И. В. Кирѣевскому. 1903. III, (11), 480.
4743. Памяти А. А. Фета. Ю. Барте-нева.) 1893. I, (2), 182.
4744. Происхожденіе А. А. Фета. П. Черногубова. 1900. II, (8), 523—536.
4745. О происхожденіи А. А. Фета. В. Н. Семеновича. 1901. I, (1), 165—173.
4746. Замѣтка о переводѣ рѣчей митроп. Филарета на Французскій языкъ г. Серпинѣ. 1868. I, (2), 322.
4747. Шутка про Т. И. Филиппова. 1901. II, (8), 590.
4748. Нѣсколько словъ стараго солдата о сѣрой шинели. Статья Г. Й. Филиппова. 1884. II, (3), 128—130.
4749. Василий Флеровъ и его сочиненіе „Стрѣла“. Д. Скворцова. 1896. I, (1), 61—76.
4750. Фонвизинъ. Изъ неизданныхъ Записокъ Клостермана. Сообщено Д. А. Толстымъ. 1881. III, (6), 291—299.
4751. „Альзира“ Вольтера въ переводѣ Фонъ-Визина. Съ предисл. А. И. Станкевича. 1887. III, (10), 304—312.
4752. Письмо Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзкову. Сообщ. П. К. Щербальскимъ. 1865. (8), 984—987.
4753. Библиографическія замѣтки. И. И. Ханенка. 1869. (12), 2026—2029. Стихотворенія А. В. Кольцова: 1) „Военная пѣснь“. 2) „Послѣдняя борьба“ и Е. Баратынскаго: „Моя звѣзда“.
4754. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. М. Н. Лонгинова. 1873. II, (8), 1453—1479.
4755. Разказы о Херасковѣ. Изъ Записокъ Ю. П. Бартенева. 1879. III, (9), 28—30.
4756. Письмо М. М. Хераскова къ Екатеринѣ Великой. Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1879. III, (9), 27—28.
4757. М. Д. Хмыровъ. (Некрологъ) П. Ефремова. 1873. I, (1), СХХVІІІ—СХХХVІІ.
4758. Анна Григорьевна Хомутова. Екате-рины Розе. 1867. (7), 1049—1052.
4759. А. С. Хомяковъ. В. Н. Ляковскаго. 1896. III, (11), 337—510, съ автографомъ Хомякова.
4760. А. С. Хомяковъ. П. И. Бартенева. 1904. I, (3), 519—520.
4761. Изъ воспоминаній объ А. С. Хо-мяковѣ. А. В. Рачинскаго. 1876. II, (5), 101—104.
4762. Мои воспоминанія объ А. С. Хо-мяковѣ. А. И. Кошелева. Съ пор-третомъ. 1879. III, (11), 265—300. Въ прилож. письма А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву.
4763. О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика (Л. М. Муромцева). 1879. III, (11), 363—364.
4764. Замѣтка объ А. С. Хомяковѣ. Н. П. Барсукова. 1884. III, (9), 158—159. Здѣсь и письмо гр. С. С. Уварова къ импер. Николаю.
4765. Къ біографіи А. С. Хомякова. 1893. II, (5), 105—128. Статья А. С. Хомякова о зодчествѣ.— Письмо къ А. С. Хомякову въ Парижъ отъ отца его о событіи 14 Декабря 1825 г.
4766. Къ столѣтію со дня рожденія Хомякова. Д. 1904. II, (5), 163—167.
4767. Коларъ и Хомяковъ. Читателя. 1897. I, (2), 310—317.
4768. Поправка (объ имущественныхъ дѣлахъ Хомякова). Д. А. Хомя-кова. 1904. III, (11), 464.
4769. По поводу отзывковъ о Хомяковѣ С. М. Соловьева и г. Боборыки-на. Ю. П. Бартенева. 1896. II, (5), 158.
4770. На кончину А. С. Хомякова. 1891. II, (6), 292.
4771. Объясненіе приложеннаго рисун-ка: А. С. Хомяковъ и его прія-тели. 1884. II, (4) 335—336.

- 4772.** Письма къ А. С. Хомякову. 1884. III, (5), 221—229. Брата его Ѳедора, Ф. Ф. Вигеля, В. А. Жуковскаго.
- 4773.** Письма Хомякова. (Съ подлинниковъ, изъ музея П. И. Щукина). 1899. II, (7), 464—470. Къ брату его Ѳедору, къ А. А. и П. А. Мухановымъ.
- 4774.** Письма А. С. Хомякова. 1884. III, (5), 202—220. Къ Н. М. Языкову, съ припискою Д. А. Валюева, къ неизвѣстному лицу, къ графинѣ А. Д. Блудовой, къ К. С. Аксакову, къ С. М. Сухотину.
- 4775.** Къ письмамъ Хомякова. Гр. А. Д. Блудовой. 1879. I, (3), 383—384.
- 4776.** Письма Хомякова къ С. Т. Аксакову. 1891. III, (12), 576—577. 1879. III, (11), 361. Объ условіяхъ съ крестьянами.
- 4777.** Хомяковъ къ И. С. Аксакову. 1893. III, (10), 197—208.
- 4778.** Письма Хомякова къ гр. А. Д. Блудовой. 1879. I, (3), 372—382.
- 4779.** Письмо Хомякова къ Д. А. Валюеву. 1903. II, (6), 287—288.
- 4780.** Письма Хомякова къ В. В. Ганкѣ. 1896. II, (5), 127—128.
- 4781.** Письма Хомякова къ А. Ѳ. Гильфердингу. 1878. II, (7), 366—388.
- 4782.** Письмо Хомякова къ А. И. Кошелеву (о допетровскомъ бытѣ и о Москвѣ). 1899. II, (6), 242—244.
- 4783.** Письмо Хомякова къ Л. М. Муромцову. 1897. I, (2), 318.
- 4784.** Изъ писемъ Хомякова къ М. С. Мухановой (1855—1857). 1879. III, (11), 354—357.
- 4785.** Записочка Хомякова (къ С. Д. Нечаеву, въ стих.). 1892. III, (12), 478.
- 4786.** Два письма Хомякова къ А. С. Норову. Сообщ. кн. Н. В. Шаховскимъ. 1894. I, (2), 223—224.
- 4787.** Два письма Хомякова къ Пальмеру. 1892. I, (3), 379—390.
- 4788.** Изъ писемъ Хомякова къ А. И. Попову. 1884. II, (4), 280—334.
- 4789.** Письмо Хомякова къ Лондонскому священнику Е. И. Попову. 1879. III, (11), 358—360.
- 4790.** Письма Хомякова къ Ю. Ѳ. Сарину. Съ предисл. И. С. Аксакова. 1879. III, (11), 301—353.
- 4791.** Письма Хомякова къ гр. А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову. 1879. I, (2), 246—250.
- 4792.** Письмо Хомякова къ Е. С. Шеншиной. 1879. III, (11), 362.
- 4793.** Неизданныя стихотворенія Хомякова. 1863. III, 222—223.
- 4794.** Неизданные стихи Хомякова. (Разговоръ съ С. С. Уваровымъ). 1863. Вып. IV, 303—304.
- 4795.** Неизданное пятистишіе Хомякова. 1866. (5), 777—771.
- 4796.** „Ермакъ“. Трагедія Хомякова, выпущенные цензурою стихи. 1897. I, (2), 308—309.
- 4797.** Изъ неизданной трагедіи Хомякова. Сцена въ Рязани (изъ Смутаго времени). 1899. I, (1), 185—191.
- 4798.** Замѣтка къ стихотворенію Хомякова „Звѣзды“. 1899. II, (8), 581—583.
- 4799.** Еще замѣтка о стихотвореніи Хомякова „Звѣзды“. Ю. П. Бартечева.) 1899. III, (11), 452—453.
- 4800.** Стихотворенія Хомякова съ его портретомъ, прилож. къ 4-му вын. 1900 г.
- 4801.** Н. П. Гилъровъ о „Семирамидѣ“ Хомякова. 1901. I, (1), 174—176.
- 4802.** Ф. Ф. Вигель по поводу стиховъ Хомякова „Россия“. 1905. I, (3), 522—523.
- 4803.** Замѣтка А. С. Хомякова объ Англіи и объ Англійскомъ воспитаніи. 1881. II, (3), 38—40.
- 4804.** Димитрій Самозванецъ. Трагедія Хомякова. 1886. II, особое прилож. къ 8-му вын.
- 4805.** Опытъ улучшенія зимнихъ дорогъ укатываніемъ. А. С. Хомяковъ. 1891. I, (3), 430—431.
- 4806.** Неизданная статья (о церковномъ управленіи). Съ предисл.*** 1899. I, (3), 522—528.
- 4807.** Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ, Д. Н. Свербеева. 1868. (6), 976—1001.

4808. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева. М. Н. Лонгинова. 1868. (7—8), 1318—1328.
4809. Письмо гр. Бенкендорфа къ кн. Д. В. Голицыну о Чаадаевѣ. 1885. I, (1), 132—133.
4810. Слово у гроба Чаадаева сказ. духовникомъ его (П. А. Сергіевскимъ). 1868. (6), 1002.
4811. Острое слово К. В. Чевкина. 1891. I, (1), 160.
4812. Алексѣй Ивановичъ Череннинъ. В. С. Малченко. 1906. I, (1), 166—171.
4813. П. Г. Чернышевскій. По воспоминаніямъ земляка. И. У. Палмпестова. 1890. I, (4), 553—568.
4814. Библиографія сочиненій А. П. Чехова. И. Ф. Масадова. 1906. II, (6), 281—306.
4815. О. В. Чижевъ. (Изъ рѣчи И. С. Аксакова). 1878. I, (1), 129—137.
4816. Духовное завѣщаніе О. В. Чижова. 1893. 319—321.
4817. Письмо О. В. Чижова къ В. А. Жуковскому. 1899. I, (4), 628—631.
4818. О. В. Чижевъ художнику А. А. Иванову. 1884. I, (2), 391—422.
4819. Письма О. В. Чижова къ одному сановнику (о цензурѣ). Сообщ. А. О. Т. 1883. II, (3), 207—208.
4820. Изъ записокъ А. А. Чумикова. 1902. III, (10), 187—213.
4821. Къ жизнеописанію князя А. А. Шаховскаго. Алексѣя Ярцова. 1896. I, (3), 351—360.
4822. Кн. А. А. Шаховской. А. А. Сиротинина. 1896. I, (4), 497—510.
4823. Письма кн. А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову. 1873. I, (4), 0470—0479.
4824. Письмо кн. А. А. Шаховскаго (къ гр. А. Х. Бенкендорфу о С. Т. Аксаковѣ). 1094. I, (3), 515—516.
4825. Русская думка. Стихи кн. А. А. Шаховскаго. Сообщ. А. Н. Щербининъ. 1896. I, (4), 510—511.
4826. Нѣсколько словъ о Н. И. Шеннигѣ. 1880. III, 326.
4827. Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ. М. П. Погодина. 1865. (3), 381—390.
4828. О библиотекѣ С. П. Шевырева. 1872. (2), 445—446.
4829. Изъ бумагъ С. П. Шевырева. 1878. II, (5), 47—87. Письма къ нему бар. Розена, С. Т. Аксакова, кн. В. О. Одоевскаго (здѣсь стихи С. А. Соболевскаго на кн. Одоевскаго), М. И. Глинки, А. А. Иванова, А. С. Хомякова, О. М. Бодянскаго, В. И. Даля. Стихи С. П. Шевырева предъ увольненіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Путевыя впечатлѣнія С. П. Шевырева отъ Москвы до Флоренціи.
4830. Изъ письма С. П. Шевырева къ А. П. Флагиной (о свиданіи съ Гёте). 1879. I, (1), 138—139.
4831. Письмо С. П. Шевырева къ М. А. Максимовичу. 1872. (6), 1208—1210.
4832. Къ біографіи Шевченка. Письмо княжны В. П. Ренниной. 1887. II, (6), 258.
4833. Къ біографіи Т. Г. Шевченки. П. Л. Юдина. 1898. I, (3), 463—476.
4834. Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. Сообщ. Н. М. Тереховымъ. 1899. I, (4), 643—647.
4835. Т. Г. Шевченко. Письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому. Сообщ. Н. М. Тереховымъ. 1898. III, (12), 550—555.
4836. Первая и послѣдняя моя встрѣча съ Д. С. Шишковымъ. Изъ Записокъ Д. П. Свербеева. 1871. (1), 162—182.
4837. Анекдотъ о А. С. Шишковѣ. 1863. 217.
4838. М. О. Шугуровъ. (Біографическій очеркъ). 1902. II, (6), 268—270.
4839. Изъ старыхъ стихотвореній. П. В. Шумахера. 1896. II, (5), 156—157.
4840. Памяти О. А. Шумигорской. (Е. С. Шумигорскій). 1892. I, (3), 340.
4841. А. П. Муравьевъ о Щановѣ. 1882. III, (6), 210—213.

- 4842.** П. К. Щебальскій. Некрологъ. Н. Н. Новикова. **1886.** II, (5), 119—128. Здѣсь письмо каноника Домагальскаго къ вдовѣ Щебальскаго.
- 4843.** Профессоръ П. С. Щепкинъ и В. Г. Бѣлинскій. Д. М. Щепкинъ. **1900.** I, (4), 652—654.
- 4844.** Павелъ Степановичъ Щепкинъ. Выдержка изъ его писемъ. Съ предисл. Д. М. Щепкина. **1899.** II, (6), 297—309.
- 4845.** Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. О. Щербини. Извлечено Н. О. Лернеромъ. **1906.** II, (5), 127—128.
- 4846.** Н. О. Щербинъ. (Стихи) О. И. Тючева. **1899.** III, (11), 436.
- 4847.** Профессоръ Эверсъ по Запискамъ П. В. Баталина. Съ предисл. Д. Д. Рябинина. **1878.** I, (4), 404—411.
- 4848.** Графиня Р. С. Эдлингъ. Некрологъ. А. Г. Тройницкаго. **1887.** III, (12), 532—534.
- 4849.** Воспоминанія о Е. А. Энгельгардтѣ. **1872.** (7—8), 1462—1491.
- 4850.** Педагогическія замѣтки Е. А. Энгельгардта. **1872.** (7—8); 1595—1600.
- 4851.** Николай Михайловичъ Языковъ. **1896.** III, (12), 637—638. Изъ письма С. П. Шевырева къ Н. В. Гоголю. Гоголь о Языковѣ.
- 4852.** Н. М. Языковъ. (Новые стихи его и письма). М. И. Семева. **1867.** (5—6), 711—748.
- 4853.** Два стихотворенія Н. М. Языкова. Съ предисл. В. М. Квяжвинича. **1871.** (7—8), 1303—1306.
- 4854.** Къ не нашимъ. Стихотвореніе Н. М. Языкова. **1879.** I, (3), 399—400.
- 4855.** Памяти Николая Федоровича Федорова. Ю. П. Бартевель. **1904.** I, (1), 191—192.
- 4856.** Николай Федоровичъ Федоровъ. В. А. Кожевникова. **1904.** I, (2), 315—325. (3), 390—401. (4), 545—554. II, (5), 5—26. III, (9), 106—124. (10), 225—261. **1905.** I, (1), 180—200. (2), 333—365. II, (7), 417—470. **1906.** I, (1), 63—102. (2), 260—301.
- 4857.** По поводу отзыва О. М. Достоевскаго о Н. О. Федоровѣ. Н. П. Петерсона. **1904.** II, (6), 300—301.
- 4858.** Изъ сборника Д. И. Языкова. Эпиграма на „Аглаю“, кн. Шаликова. Гартманъ. Ода на восшествіе на престолъ Александра I, Г. Д. Державина. **1863.** II, 111—112.
- 4859.** Сказка о Шибаршѣ. И. В. Бѣльева. **1863.** 444—452.
- 4860.** Старинныя стихотворенія. Посланіе къ Аркадію Ивановичу Толбугину. И. И. Дмитріева, Эпиграмма А. С. Хвостова. Какъ Карабановъ взялъ „Альзиру“, **1863.** (22), 894—837.
- 4861.** Поправка (къ стих. „Блаженство“), съ замѣткою М. А. Дмитріева. **1863.** 12, 953.
- 4862.** Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисловіемъ М. О. Шугурова. **1865.** (9), 1114—1119.
- 4863.** Старинное острословіе. **1869.** (9), 1568.
- 4864.** Образчики стариннаго остроловія. Сообщено П. А. Ефремовымъ. **1872.** (10), 2031—2036. На (С. Г.) Домашнева.—Челобитная отъ ера.
- 4865.** Старина Царекосельскаго Лицея. Я. К. Грота, **1875.** I, (4), 479—493. **1876.** I, (4), 481—487. Малиновскій и Вальховскій.—Матюшкинъ.—Бар. М. А. Корфъ.—И. Де-Будри.
- 4866.** Старинное острословіе. Прошеніе въ Небесную Канцелярію. **1875.** III, (10), 255.
- 4867.** Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други. Сообщено архим. Леонидомъ. **1877.** III, (11), 332.
- 4868.** Изъ стихотвореній былаго времени. **1882.** III, (6), 252—254. „За деньги лгать и клясться рада...“—„Братайтесь! къ взаимной оборонѣ...“—Подражаніе Фету. „Руси дѣтское незнанье...“—„Гу-

- манный внукъ воинственнаго дѣда...“.
- 4869.** Изъ забытыхъ стихотвореній. **1884.** I (1), 237—243. Братья—мошенники.—Къ графу З. Н. Ф. Павлова.—Русская пѣсня („Чѣмъ я Западъ огорчила?...“.—„Въ патриотическомъ задорѣ...“.—На б. А. К. М.—На И. И. Д(митріева).—Издателю „Вѣсти“ О. И. Тютчева. Поправка и дополненіе (2), 474 и III, (6), 448. Дополненіе внимательнаго читателя. III, (6), 447.
- 4870.** Изъ шуточныхъ стихотвореній недавней старицы. **1884.** II, (4), 478—480. Церемоніаль погребенія Кузьмина.—Соболевскій про Гулака-Артемовскаго.
- 4871.** Разныя разности (о Филаретѣ Московскомъ.—Россетъ и Симашко.—Стихотвореніе А. П. Елагининой: „Сорока и Василекъ“.—Стихи археолога А. Ф. Вельтмана—Малороссійская пѣсня полатыни О. М. Бодянскаго.—Н. М. Пановскій). **1885.** I, (1), 139—141.
- 4872.** Изъ стихотворнаго сборника стараго времени. **1886.** III, (9), 125—127. Посланіе М. А. Максимовича къ М. П. Погодину. Посланіе Н. М. Языкова къ А. С. Хомякову. Одно изъ послѣднихъ стихотвореній А. С. Пушкина („Пора, мой другъ, пора!“...).
- 4873.** Поправки и мелочи. (Евграфъ Алексѣевичъ Вердеревскій.—Отзывъ А. С. Пушкина.—Остроловія О. И. Тютчева и Н. Ф. Павлова). **1886.** III, (11), 432.
- 4874.** Сказка о живыхъ мертвецахъ. **1886.** III, (12), 519—520.
- 4875.** Изъ рукописнаго стихотворнаго сборника. **1890.** I, (2), 325—328. К. С. Аксаковъ: „Я не знаю, найду ли иль нѣтъ...“. Е. А. Баратынскій. „Братайтесь! Къ взаимной оборонѣ...“.—Кн. П. А. Вяземскій: „Бывало, я бывалъ непрочь отъ всякой драки...“.—Гр. П. X. Граббе: „И славы громъ...“.—И. Нагибинъ. Сфинксы надъ рѣкой и Невзвѣстнаго про И. С. Тургенева.
- 4876.** Изъ старинныхъ шуточныхъ стихотвореній. **1890.** III, (12), 563—566. Д. Н. Свербеева. „Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Аксаковъ...“ Военная пѣсня. Посвящается М. А. Дмитріеву. („Бли мы арбузы...“) —А. С. Хомякову („Поэтъ, механикъ и геологъ...“) К. С. Аксакову. („За мною очередь во-снѣтъ тебя теперь...“).
- 4877.** Старинное стихотвореніе. („Какъ распложаются журнальныя побранки...“). **1892.** I, (2), 272.
- 4878.** Казачья пѣсня. Съ послѣслов. А. А. Карасева. **1895.** II, (6), 240.
- 4879.** Изъ старыхъ стихотвореній. Шуточное посланіе О. М. Дмитріева къ акцизному чиновнику. **1895.** II, (6), 250—251.
- 4880.** Патриотическое стихотвореніе: „Геройскій подвигъ“. Сообщ. А. И. Станкевичъ. **1897.** I, (1), 177—178.
- 4881.** Изъ стараго стихотворнаго сборника. 1. „Онъ“ (К. С. Аксаковъ). —2. „Садовникъ“. (Басня). **1898.** III, (9), 144—147.
- 4882.** Цапלי. (Шуточное стихотвореніе). Сообщ. В. Я. Брюсовымъ. **1900.** II, (5), 105.
- 4883.** Изъ стараго стихотворнаго сборника. (Письмо учителя арифметики.—На О. В. Булгарина.—Предъ открытіемъ Дворянскаго банка). **1901.** III, (11), 430—432.
- 4884.** О стихотвореніи „Къ акцизному чиновнику“ В. Н. Насакина. **1902.** I, 189.
- 4885.** Разговоръ уѣздныхъ дворянъ о выборѣ судьи. **1902.** II, (7), 489—491.
- 4886.** Воронцовская бібліотека. **1896.** II, (8), 599.

Х У Д О Ж Н И К И.

- 4887.** Къ исторіи Русской гравюры. П. П. Бекетовъ. А. П. Новицкаго. **1893.** II, (6), 300—303.
- 4888.** Гѣте о Русскихъ иконахъ. Сообщ. Г. Бахманъ. **1901.** III, (10), 125—252. Объ Суздальской иконописи.
- 4889.** Новая свѣдѣнія о В. И. Баженовѣ. (Сообщ. В. Н. Рогожинимъ). **1899.** I, (4), 529—544.
- 4890.** Памяти А. П. Боголюбова. А. П. Новицкаго. **1897.** (3), 373—395.
- 4891.** В. Л. Боровиковскій. В. Горленка. **1891.** II, (6), 257—291.
- 4892.** Къ біографіи В. Л. Боровиковскаго. (X. Заѣщаніе его). Сообщ. С. П. Дягилевымъ. **1902.** II, (6), 61—64.
- 4893.** О картинѣ Брюлова: „Послѣдній день Помпей“. Изъ письма Ѳ. В. Чицова къ А. А. Иванову. **1885.** III, (10), 296—297.
- 4894.** Международная благодарность. (Мысли по поводу картинъ Верещагина и картинъ г. Матвѣева). В. А. Кожевникова. **1896.** I, (2), 257—265.
- 4895.** Оперы А. П. Верстовскаго. В. И. Родиславскаго. **1878.** II, (7), 389—390.
- 4896.** Воспоминаніе о М. И. Глинкѣ. В. Н. Кашперова. **1869.** (7—8), 1137—1144.
- 4897.** Письма М. И. Глинки къ В. Н. Кашперову (1856). **1869.** (7—8), 1143—1146.
- 4898.** Письма М. И. Глинки къ К. А. Булгакову, съ нотами и съ примѣч. М. П. Лонгинова и кн. В. Ѳ. Одоевскаго. **1869.** (2), 341—380.
- 4899.** Письма М. И. Глинки къ П. П. Дубровскому. **1890.** II, (7), 318—320.
- 4900.** Письмо А. А. Иванова о картинѣ его „Явленіе Христа народу“, изъ альбома кн. Е. А. Черкасской. **1878.** II, (6), 271—272.
- 4901.** Письма А. А. Иванова къ А. О. Смирновой. **1896.** I, (4), 601—604.
- 4902.** Автобіографія ваятеля Д. И. Тенсена. **1903.** III, (12), 652—653.
- 4903.** Ѳ. И. Тюрданъ. **1883.** III, (6), 391—398. Поправка. **1884.** I, (1), 250.
- 4904.** Изъ писемъ В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину. Сообщ. А. М. Лазаревскимъ. **1871.** (1), 0241—0244.
- 4905.** Ваятель М. П. Козловскій. А. Корсакова. **1892.** I, (4), 446—448. Списокъ работъ М. И. Козловскаго.
- 4906.** Д. Г. Левицкій. В. Горленка. **1892.** III, (10), 209—222.
- 4907.** Дополненіе къ списку портретовъ работы Д. Г. Левицкаго. В. К. Попаңдопуло. **1893.** I, (4), 445.
- 4908.** А. Ѳ. Львовъ. (Письмо къ Д. В. Разумовскому гр. Д. П. Толстаго). **1871.** (7—8), 1306—1312.
- 4909.** Къ біографіи композитора А. Ѳ. Львова. Письмо его къ архіеу. Нилу. Сообщ. Л. Н. Трефолевъ. **1899.** II, (11), 366—370.
- 4910.** Павелъ Степановичъ Мочаловъ. Статья М. Е. Кублицкаго. **1875.** III, (12), 484—494.
- 4911.** Изъ писемъ П. С. Молчанова къ кн. А. Б. Куракину. **1833.** III, (12), 523—596.
- 4912.** Шрамъ на головѣ Русскаго артиста (Н. М. Никифорова). Замѣтка В. Н. Родиславскаго. **1876.** III, (9), 128.
- 4913.** П. И. Савина-Орлова. Некрологъ. **1900.** II, (7), 406—408.
- 4914.** Изъ автобіографіи П. И. Орловой. **1899.** II, (5), 142—145. П. С. Мочалова.
- 4915.** Изъ воспоминаній о П. Г. Рубинштейнѣ и Московской Консерваторіи. В. А. **1897.** II, (11), 441—472.—П. И. Чайковскій.—Вечеръ у К. Н. Лядова.—М. А. Балакиревъ.—Бойцъ.
- 4916.** Погибшій талантъ. (Памяти А. К. Саврасова). П. Россіева. **1906.** I, (4), 613—618.
- 4917.** Воспоминаніе о П. М. Садов-

такъ сильно, что онъ отъ полученной раны чуть не умеръ. Панъ Струсъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ обоихъ арестовать. Воронца обезглавили и похоронили, а Щербину велѣли повѣсить. Но онъ и одного часу не пробылъ на висѣлицѣ: пѣхота сейчасъ же сняла его и, разрубивъ на куски, съѣла. Одного изъ челяди, который недавно умеръ, даже изъ могилы вырыли и съѣли. 26-го Октября выпалъ такой глубокой снѣгъ, что совершенно покрылъ всюкую траву и корни. Съ этихъ поръ страшный голодъ морилъ насъ: мы ѣли ремни, подруги, пояса, кожаные чехлы и падали, какія попадались. Въ Китай-городѣ, въ церкви Богоявленія, гдѣ и Греки бывають, мы нашли нѣсколько пергаментовыхъ книгъ; мы питались ими, а также травой, собранной до снѣга и приправленной свѣчнымъ саломъ“.

Иосифъ Будило еще болѣе яркими красками описываетъ тогдашнее бѣдственное положеніе Польскаго гарнизона. „Осажденные—читаемъ въ его дневникѣ—когда уже травъ, корешковъ, мышей, собакъ, кошекъ и падали не хватало, съѣдали плѣвныхъ и трупы, которые вырывали изъ земли. Пѣхота сама себя переѣла. Трускоскій, пѣхотный поручикъ, съѣлъ своихъ двухъ сыновей. Одинъ

гайдукъ тоже съѣлъ сына, другой—мать. Одинъ воинъ тоже съѣлъ своего слугу. Словомъ, сынъ отца, отецъ сына не жалѣли; господинъ долженъ былъ остерегаться слугъ, слуга—господина. Кто кого одолѣлъ, тотъ того и съѣлъ; болѣе здоровый освобождалъ себя отъ больного. Тотъ, чьего родственника или товарища съѣлъ кто нибудь другой, судился за него, какъ за свою собственность. Такое дѣло возникло было въ отрядахъ пана Леницкаго. Гайдуки съѣли мертваго гайдука, а родственникъ покойнаго изъ другого десятка жаловался своему ротмистру, что съѣсть его полагалось ему, какъ родственнику, а не кому-либо другому. Тѣ же отвѣчали: „Намъ полагалось его съѣсть, потому что онъ былъ съ нами въ одномъ строѣ, въ одной шеренгѣ, въ одномъ десяткѣ“. Ротмистръ не зналъ, какой произвести приговоръ и, опасаясь, чтобы какая-нибудь сторона, недовольная приговоромъ, не съѣла его самого, долженъ былъ бѣжать изъ суда“.

Въ изложеніи своемъ г. Кирхбергъ безпристрастенъ и вину бѣдствій возлагаетъ на честолюбіе Марины, Польскихъ паповъ и короля Сигизмунда, а въ томъ кто называлъ себя Димитріемъ безповоротно видитъ самозванца. П. Б.

Стихотворенія **Ө. И. ТЮТЧЕВА.**

Получать можно въ комторѣ „Русскаго Архива“. Цѣна 40 копѣекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

п а

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1908 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—90 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—30 коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книжки „Русскаго Архива“ *прежнихъ* (до 1906) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить въ какой книжкѣ искомая статья.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеньевъ.**

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

3.

Стр.

305. Указъ Петра Великаго Казанскому губернатору Салтыкову. 1722.
(О прощанъ записной книги).
306. Императрица Елисавета Петровна Ю. Ю. Броуну 1761.
307. Герой отечественныхъ и заграничныхъ войнъ Н. Н. Раевскій въ письмахъ къ младшему своему сыну. 1825—1829.
320. Послание князя П. А. Виземскаго иностранкѣ. 1832.
321. Изъ дневника священника (А. Г. Лебединцева) въ осажденномъ Севастополѣ. 1854—1855.
354. Письма И. С. Аксакова къ М. А. Максимовичу. 1859—1862. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Данилова.
363. Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ Ф. П. Мажеровскому. 1823—1835.
378. Пермское село Ныробъ, его древности и святыни. Н. А. Самина.
392. Успенскій соборъ въ Москвѣ. Исторія его отопленія. Протопресвитера В. С. Маркова.
436. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ въ Россіи.
448. Исторія и легенда (старецъ Федоръ Козьмичъ). А. А. Голомбѣвскаго.
463. Указъ Петра Великаго князю Григорію Волконскому. 1708.
463. О письмахъ фельдмаршала князи Витгенштейна.
464. Изъ Записной Книжки издателя «Русскаго Архива» (В. С. Россоловскій).
Внутри обложки: О Рязанской Гимназіи.
Приложенъ полуднръ Предметной Росписи «Русскаго Архива»
(Художники.—Книжныя заграничныя вѣсти).

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива *прежнихъ* (до 1907) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

Историческая записка о Рязанской Первой Мужской Гимназии. 1804—1904. Рязань. 1904. 8-ка, 358 стр. съ двумя видами.

Отлично изданная книга эта, кромѣ значенія своего для исторіи Русскаго просвѣщенія, дорога въ особенности лицамъ, которыя обучались въ Рязанской гимназіи и къ числу которыхъ принадлежатъ и пишущій эти строки, прожившій шесть лѣтъ (1841—1847) въ Благородномъ Пансіонѣ этой Гимназіи, въ этомъ прекрасномъ домѣ, посреди двухъ большихъ садовъ, съ просторнымъ дворомъ, съ больницею и съ банею въ особомъ зданіи. Все это жертва Рязанскаго простолюдина, откупщика Рюмина, сынъ котораго Николай Гавриловичъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ попечителемъ Гимназіи. Воспоминаніями отрочества и перехода въ возрастъ юношескій такъ и обвѣваешься при чтеніи этой книги, въ которой мы имѣемъ, кромѣ сухихъ числовыхъ показаній, полныя общей заимательности воспоминанія питомцевъ Гимназіи, поэта Я. П. Полонскаго, академика Янжула, библиографа В. И. Шенрока, Ш. В. Растова, В. В. Насакина, Н. А. Терновскаго, А. П. Соколова, А. М. Иванова и др. Нѣкоторые изъ нихъ пишутъ о лицахъ, которыя продолжали дѣйствовать и при мнѣ. Какъ не вспомнить добромъ преподавателя Закона Божія Я. П. Алешинскаго (умилявшаго насъ чтеніемъ Иннокентіевскихъ „Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа“), строгаго математика Маціевскаго, Нѣмецкаго учителя Г. Я. Аннелърота (усердно занимавшаго насъ перево-

дами), И. М. Родзевича, благодаря которому мы уже читали свободно Ливія (о пагубной прѣ между классицизмомъ и реализмомъ и въ поминѣ тогда не было), и въ особенности А. Г. Крастева, съ необыкновеннымъ искусствомъ преподававшаго Русскую словесность и умѣвшаго самую грамматику сдѣлать занимательною.

Мать платила за полное мое содержаніе, съ половины Августа до послѣднихъ чиселъ Іюня, по 500 р. ассигнаціями въ годъ. Насъ кормили сытно, насъ держали строго. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга принадлежитъ главному надзирателю Карлу Ивановичу Боссу, котораго слово было непререкаемо. Онъ жилъ въ самомъ пансіонѣ, и со звонкомъ въ рукѣ облеталъ обширныя спальныя комнаты, такъ что ровно въ 5 часовъ утра мы уже сядились готовить уроки, а въ 9 вечера всѣ въ Пансіонѣ спали. Босса боялись, но вотъ его черта. Въ 1854 г. одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ (Россинскій) поступилъ въ ополченіе, и когда ополченцевъ выстроили на площади для молебна передъ походомъ, подбѣжалъ къ нему старикъ Боссъ и подаль кулечекъ съ бутылкой вина и снѣдьями. Въ мое время директоромъ былъ Николай Николаевичъ Семеновъ. Императоръ Николай Павловичъ, знавшій его гвардейцемъ, выразилъ удивленіе, увидавъ его въ этой должности. Однимъ изъ предшественниковъ Семенова былъ Татариновъ, съ 1813 года служившій нашимъ комендантомъ въ Карлсруэ: это супругъ извѣстной Катерины Филипповны. Разсказывали, что императоръ Александръ Павловичъ, проѣздомъ черезъ Рязань, позвалъ его къ

УКАЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО КАЗАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ САЛТЫКОВУ, 1722 ГОДА.

(Изъ Персидскаго похода).

Посланъ къ тебѣ въ Казань подъячій Иванъ Андреевъ, и велѣно тебѣ розыскать о записной книгѣ отпускаемымъ изъ Казани всякимъ указамъ, которая изъ Казанской канцеляріи утерялась и чтобъ тоѣ книгу конечно сыскать и кто оную или укралъ или для какого коварства укрылъ, о всемъ доподлинно изслѣдовать какъ можно скорѣе и тотъ розыскъ прислать въ Астрахань немедленно, а по послѣдней мѣрѣ, кончая къ Октябрю мѣсяцу настоящаго 1722. А кто въ томъ виноватымъ явится, тѣхъ держать въ Казани подъ строгимъ арестомъ.

„Сіе учини безъ всякой поноворки, ибо на васъ то взыщется.
Петръ“ *).

Отъ Терекъ, изъ флоту въ 25 день.

Юля 1722-го.

Въ семь пакетѣ именной его императорскаго величества указъ о розыскѣ про утраченную записную указамъ книгу, писанъ отъ Тереку, изъ флоту Юля 25-го дня. Въ Казани полученъ Августа 28-го дня 1722-го году.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА О. О. БРОУНУ.

Императорскій указъ генералу Броуну, 21-го Февраля 1761 года.

Божією милостію, мы Елисавета Первая, императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу Броуну.

Изъ реляціи вашей отъ 6-го сего мѣсяца со многимъ сожалѣніемъ усмотрѣли мы, что слабое состояніе здоровья вашего неотмѣнно еще продолжается, и что потому принужденными вы находитесь просить

*) Обзначенное кавычками—своеручно. П. Б.

увольненія еще на одинъ годъ, дабы оное въ покоѣ возстановить и паки паки службѣ нашей себя посвятить.

И какъ желаемъ мы вамъ совершеннаго выздоровленія и службу вашу всегда полезною почитаемъ, то всемилостивѣйше и соизволяемъ, чтобы вы еще одинъ годъ въ деревнѣ пробить могли, а штатъ вашъ отпустили, который по выздоровленіи вашемъ всегда скоро набранъ быть можетъ.

Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Февраля 21-го дня 1761-го года.

По именному ея императорскаго величества указу:

Князь Н. Трубецкой.

Графъ Михайла Воронцовъ.

Графъ Александръ Шуваловъ.

Графъ П. Шуваловъ.

Иванъ Неплюевъ.

К. Яковъ Шаховской.

Статскій Совѣтникъ Дмитрій Волковъ *).

*) Это члены тогдашней Конференціи, которая правила Россією въ царствованіе Елисаветы Петровны. Графъ Броунъ, въ Семилѣтнюю войну, былъ раненъ въ черепъ. Съ золотой повязкою на немъ, онъ до глубокой старости служилъ Рижскимъ генералъ-губернаторомъ. Будучи католикомъ, служилъ онъ противомъсомъ тамошнему лютеранству. П. Б.

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНЫХЪ ВОЙНЪ Н. Н. РАЕВСКІЙ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ МЛАДШЕМУ СВОЕМУ СЫНУ.

1.

Въ письмѣ твоемъ, мой другъ Николушка, и брата Василья Льв.¹⁾, вы говорите, что Г. дѣлаеть мерзости. Я съ вами несогласенъ. Г. дѣлалъ всегда мерзости, а теперъ долженъ покрывать: во всемъ же, случившемся съ тобою, ты одинъ виновать.

Но по лѣтамъ твоимъ ты еще не только слишкомъ молодъ, но и долго еще молодымъ останешься, то есть я разумѣю, что во всякомъ случаѣ нечаянномъ и необыкновенномъ у тебя недостаетъ благоразумія, отъ чего ты дѣлаешь ежеминутныя ошибки.

Полковникъ твой требовалъ тебя къ себѣ. Я говорилъ тебѣ, что тебѣ должно ѣхать къ нему и сказать, что на сей ногѣ ты не можешь командовать ескадрономъ и для избѣжанія взаимныхъ неудовольствій ты рѣшительно не хочешь командовать ескадрономъ;—вмѣсто того ты начальнику своему велѣлъ сказать, что къ нему не поѣдешь и къ себѣ его непустишь. За сіи слова ты долженъ быть подъ судомъ.

Потомъ ты пересказалъ поступокъ Г. дивизионному начальнику при бригадномъ! Говоря при постороннихъ, это ужъ не есть келейно. Вотъ г. Д., такой же подлець какъ Г., поѣхалъ въ полкъ, сладили, замазали, скрыли, и ты остался во лжецахъ. Само собой разумѣется, что всякой подлець не хочетъ объявить себя таковымъ, старается скрывать себя; Г. это и сдѣлалъ, оправданіемъ своимъ онъ тебя обвиняетъ. Это все должно было быть, и ты остался въ дуракахъ!

Теперъ остается тебѣ сдѣлать послѣднюю глупость, то есть исторію личную съ Г., чтобъ дойти до вышней степени оной.

На сей почтѣ я пишу къ графу Витгенштейну²⁾; прошу его о твоемъ переводѣ въ другой полкъ, и чтобъ до онаго онъ бы отдалилъ тебя отъ твоего полка подъ какимъ бы предлогомъ то ни было.

Николаю Николаевичу Раевскому.

¹⁾ Василій Львовичъ Давыдовъ (позднѣ Декабристъ) единоутробный братъ Н. Н. Раевского по матери ихъ Екатерины Николаевны, рожд. Самойловой, племянницѣ князя Потемкина. П. Б.

²⁾ Графъ Витгенштейнъ былъ тогда главнокомандующимъ второй арміи. П. Б.

2.

6-го Декабря. Болтышка¹⁾.

Письмо твое, мой другъ Николушка, нашелъ я по возвращеніи своемъ изъ Умани вчерась. Я оставилъ Машиньку²⁾ здоровую; они къ Рожеству будутъ сюда. Благодарю за продажу лошади. Не упускай случая продать сърую, не дорожись. Молодыхъ жандармскихъ послать не могу. Ко мнѣ хотѣли приѣхать сюда ихъ посмотреть. О заплатѣ за починку коляски сейчасъ пишу къ Ивану Марковичу.

24-го Ноября я уже былъ извѣстенъ объ отчаянномъ положеніи Государя, 26-го о его кончинѣ воспослѣдовавшей 19-го.

Великой Князь Конст: еще въ Варшавѣ, а Мих. Пав. поскакалъ въ Петербургъ.

Поздравляю тебя съ именинами. Прощай, мой другъ.

Письмо и деньги завтра пойдутъ въ Крымъ.

Отошли коляску къ моему каретнику въ Кіевъ. Я заплачу.

Господину полковнику Раевскому въ Лысенкѣ.

3.

12-го Августа (1826) Москва.

Я хотѣлъ, по необходимости, но съ большимъ сожалѣніемъ, просить тебя въ отставку: боялся опасной праздности не только для чело-вѣка твоихъ лѣтъ, но и для старыхъ людей, какъ получили здѣсь извѣстія, что Персіяне сдѣлали нападеніе на границу нашу. Тотчасъ назначены 2 дивизіи 2-й арміи идти къ Ермолову. Дениса Давыдова назначили туда, но ожидали другога курьера, чтобъ узнать рѣши-тельно, война ли или самопроизвольный набѣгъ. Видно, что прибылъ другой курьеръ: ибо вчерась слышалъ навѣрно, что война, чему одна-кожъ я вѣрить не могу. Генераль Паскевичъ тотчасъ командированъ туда и уѣхалъ третьяго дня. Множество молодежи туда просится; многіе, какъ я слышу, отставные просятся въ службу; но я предупредилъ моею просьбой всѣхъ просящихся, въ запискѣ объяснилъ всѣ притчины, почему тебѣ нельзя оставаться въ сей дивизіи. Просьба моя принята хорошо: чрезъ нѣсколько дней выдетъ о семъ приказъ. Между тѣмъ, мой другъ, готовься въ дорогу. Коляска у тебя есть, нужно тебѣ взять камердинера и повара. Вьючное сѣдло тебѣ будетъ необходимо и что нибудь кухонной посуды. Продай лошадей своихъ. Искать для теби

¹⁾ Помѣстье Раевского въ Кіевской губерніи. II. Б.

²⁾ Позднѣ супругу Декабриста князя С. Г. Волконскаго. II. Б.

карты Кавказа, но не напольш, я при случаѣ тебѣ ее доставлю.—Къ Ермолову о тебѣ не пишу, имѣю на то притчины, не менѣе ты долженъ искать его расположенія.

Не будь лѣнивъ ни физически, ни морально. Тебѣ стыдно оставаться на ряду съ тѣми, кои не получили никакого образованія; убѣгай фамилярства съ старшими и младшими, но будь искателемъ благороднымъ образомъ, служи не какъ слѣпая машина, старайся узнавать и обстоятельства, и что для чего дѣлается.—У васъ не одна фронтовая будетъ служба, но и требующая соображенія. Береги свое здоровье, не ѣшь много, когда жарко, не пей до того, чтобъ охолодиться. По ночамъ берегись простуды; ты уже испыталъ болѣзнь отъ неосторожности на Кавказѣ. Будь умѣренъ въ ѣдѣ плодовъ и не пей послѣ ихъ воды, а немного водки; незрѣлые жъ плоды ядь совершенной. Я писалъ Паули о выдачѣ тебѣ 2000 р. на дорогу. Продашь лошадей, то денегъ будетъ довольно. Не лѣнись писать, чрезъ Екатеринославль въ Елисаветградъ. Будь благоразуменъ въ письмахъ. Возьми съ собой сѣдло свое, хоть одно со всѣмъ приборомъ; тамъ же ты увидишь, что тебѣ будетъ нужно. Лошадей купи тамошнихъ, т. е. горскихъ, не Персидскихъ: послѣднія требуютъ фуража, а тѣ и на подножномъ служить будутъ. Не покупай менѣе осьми лѣтъ, 9 и 10, эти вѣрнѣй и больше вынесутъ.

13-е.

Вечеромъ былъ у меня одинъ человѣкъ, который называетъ себя другомъ Паскевича; сказалъ мнѣ, что онъ съ тѣмъ посланъ, что надѣются, что Ермоловъ разсердится, откажется отъ команды и Паскевичъ замѣнитъ его. Но сей другъ завидуетъ ему. Думалъ заставить меня судить объ нихъ обоихъ и о семъ назначеніи, въ чемъ не удалось ему. Паскевичъ и 14 г-ль-лейт., сказываютъ, будутъ произведены въ полные генералы. Богъ да благословитъ тебя. мой другъ!

4.

20-е Сент. Мой другъ Николушка. Ты уже извѣщенъ о назначеніи твоёмъ въ командованіе Нижегородскаго драгунскаго полка. Требую и прошу тебя, чтобъ ты выполнялъ, мой другъ, все въ точности, что я тебѣ предписываю. Береги свое здоровье, воздержностию въ пищѣ и сбереженіемъ отъ простуды; когда тебѣ жарко, не напивайся до того, чтобъ тебѣ охолодиться. Берегись ночей, какъ бы тепло ни было.

Будь ласковъ, учтивъ съ подчиненными, но не фамилярентъ, и не дѣлай никогда имъ конфиденціи. Побѣди свою лѣность, будь опрятенъ. Къ Ермолову я не пишу: къ Паскевичу по тому самому не писалъ.

Не входи въ ихъ соперничество, которое должно существовать, хотя въ тайнѣ: оно до тебя не принадлежитъ. Наблюдай экономію въ полку; чѣмъ болѣе ты ее сдѣлаешь, тѣмъ болѣе будешь въ состояніи помогать офицерамъ. Нужно собрать капиталъ для сдачи полка; ты долженъ стараться, чтобъ твое командованіе не было намъ въ тягость; ты знаешь, что мы не богаты.

Экономія означаетъ порядокъ, употребленіе оной уже будетъ рѣшить о тебѣ мнѣніе. Не дурачься, какъ ты дѣлалъ, издержками на пустую наружность. Доброта лошадей, исправность орудій и аммуниціи, строгій присмотръ за кормомъ и за ковкой. Въ томъ краю сила драгунъ въ томъ состоитъ, чтобъ въ нуждѣ скоро спѣшиться и имѣть исправное ружье. Когда откомандированъ, неослабно всегда будь готовъ къ бою, обеспечивай себя въпереди двумя *enfants perdus* въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, имь нѣсколько людей въ подкрѣпленіе, всегда таковой же аріергардъ, а гдѣ можно крыльщики. Въ сраженіи кавалерійскомъ всегда оставлять часть въ устройствѣ, въ дефилеяхъ, есть ли непріятель засѣлъ въ выгодномъ мѣстѣ, турнируй его, хотя бы и трудно было; буде же ужъ нельзя, тогда не занимайся перестрѣлкой, бросься на него пылко.

На походъ, на лагеръ, всякій кустъ, всякая яма должны быть осматриваемы. Персіяне пользуются всѣмъ; заляжетъ съ кинжаломъ, и поодиначкѣ хватаютъ людей, или убиваютъ. Ни на шагъ отъ лагеря драгуна безъ ружья или вооруженнаго прикрытія. Будь твердъ, терпѣливъ, неторопливъ, а уже обдумавъ исполняй рѣшительно. Всегда имѣй сильный резервъ, какъ для нанесенія рѣшительнаго удара, такъ и своего сохраненія. Презирай опасность, но не подвергай себя оной изъ щегольства. Ничего болѣе придумать теперь не могу. Богъ съ тобой!

Возьми оба व्यюка; они тамъ необходимы. Пиши съ курьерами въ Петербургъ Катеринѣ Алексѣевнѣ *); она пересылать будетъ письма, а по почтѣ въ Елисаветградъ.

21-е. Война съ Персіей настоящая начнется весной. Государь хочетъ ихъ наказать, и я думаю, кончатъ приобщеніемъ ханства Ериванскаго; тогда только граница наша будетъ правильная и обеспечить отъ внезапныхъ нападений Персіянъ.

*) Е. А. Раевская, рожд. Константинова, внучка Ломоносова, супруга Н. Н. Раевского. П. Б.

5.

1-е Октября. Москва.

Дѣла мои заставляютъ меня, мой другъ, ѣхать на нѣсколько дней въ Петербургъ, куда послѣ завтраго я отправляюсь.

И отъ тебя ни слова не получаю.

Посланы тебѣ по почтѣ въ Вѣлкую Церковь карта Персіи, сѣдло съ приборомъ, стараго вина мадеры и рому, кристаллизированнаго лимоннаго сока, фляжку отъ Катиньки¹⁾. Естли это тебя не застало, то порщикъ твой Рубинъ, подноситель сего, все сіе тебѣ доставить.

Рубинъ былъ у меня въ полку Друвиля, замѣшанъ былъ въ исторію противъ него, и по моему представленію былъ отставленъ съ другими. Я объ немъ хлопоталъ, зная, что онъ это сдѣлалъ по молодости и чувствуетъ вину свою, и теперь помогъ ему войтить въ службу; онъ малой хорошій, и я надѣюсь, что будетъ тебѣ преданъ. Я ему далъ сто р. на дорогу.

Ермоловъ вѣсьма упалъ. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, что не пошелъ съ Паскевичемъ. При моемъ послѣднемъ представленіи Государь со мной о Паскевичѣ говорилъ въ такихъ выраженіяхъ, что конечно ему предстоитъ будущность самая блистательная. Поздравь его отъ меня съ побѣдой и съ будущими побѣдами.

Весной у васъ будутъ дѣйствія важныя, а на нынѣшній должно быть все кончено. Помни, мой другъ, все чтò я писалъ тебѣ, исполняй въ точности, и да благословитъ тебя Богъ! Прощай, мой другъ.

Николаю Николаевичу Раевскому. Присемъ посылается фляжка.

6.

3-го Декабря С. П. Б.

Послѣ завтраго, мой другъ Николушка, отъѣзжаю я домой; Государь сдѣлалъ мнѣ большое облегченіе въ моихъ дѣлахъ, милость его мы должны запечатлѣть въ сердцахъ нашихъ.

Письмо твое одно читалъ я!²⁾— . . . Я съ тобой несогласенъ. Впрочемъ *entousiasme* твой приличенъ дѣтамъ твоимъ.

Машинька по первому пути ѣдетъ въ Иркутскъ; я не смѣлъ отказать ей въ этомъ. Она здѣсь, здорова; надѣюсь, что чрезъ годъ мы

¹⁾ Дочь Раевского, Екатерина Николаевна, съ 1820 г. супруга Михаила Феодоровича Орлова. П. Б.

²⁾ Вѣроятно, было зачеркнуто въ подлинникѣ. П. Б.

ее увидимъ; сынъ ея остается у свекрови *), а весной я его возмю къ себѣ.

Я уже писалъ къ тебѣ, мой другъ, все что имѣлъ сказать, теперь остается просить, чтобъ Богъ благословилъ тебя. Надѣюсь, что ты во всѣхъ случаяхъ покажешь себя достойнымъ военнымъ человѣкомъ. Прощай!

Его высокоблагородію милостивому государю моему Николаю Николаевичу Раевскому. командиру Нижегород. драгун. полка въ Грузіи.

7.

Для сбереженія твоего здоровья.

Ты не послушалъ меня на Кавказѣ, спалъ раздѣтый на дорогѣ и получилъ жестоку лихорадку.

Не спать раздѣтому безъ покрывки на дворѣ во время жаровъ.

Не пить во время жаровъ до охлажденія и избѣгать утолять жажду одной водой.

Не ѣсть много фруктовъ, и никогда незрѣлыхъ и послѣ оныхъ не пить воды, а немного водки.

Прошу тебя, мой другъ, убѣдительно, не будь лѣнивъ, будь опрятенъ въ одеждѣ, благородно-искателенъ въ начальникахъ, избѣгай какъ съ ними такъ и съ младшими фамиліярства, ласковъ съ достойными, учтивъ только съ шалунами.

Будь дѣятеленъ, исполнителенъ, не откладывай до завтраго что можешь исполнить нынче, старайся видѣть все своими глазами. Конфиденціей подчиненнымъ не дѣлай никому.

Экономія въ полку доказываетъ порядокъ; не упущай ее, помогай изъ оной бѣднымъ офицерамъ, но благоразумно, равно и солдату, и собери капиталъ для сдачи полка, ибо мнѣ за тебя платить нечѣмъ. Ты знаешь, что мнѣ денегъ не жаль.

Въ кавалерійскихъ дѣлахъ никогда сражайся въ одну линію. Малый резервъ при неудачѣ атаки даетъ способъ справиться, устроиться. Когда бъ случилось быть окружену превосходной числомъ кавалерією, по частямъ атаковать въ право, въ лѣво, имѣя половину всегда въ резервѣ: она обеспечитъ тылъ и фланги.

*) У кавалерственной дамы Александры Николаевны Волконской (дочери фельд-маршала князя Репнина). На кончину младенца-внука ея написаны Пушкинымъ извѣстные стихи. П. Б.

Преслѣдуй меньшей половиной; другая, въ устройствѣ на рысяхъ, перемѣняетъ первыхъ, тогда первые устрояются и слѣдуютъ на рысяхъ.

Въ отрядахъ имѣй авангардъ, отъ котораго въпереди *des enfants perdus* *), съ фланговъ крыльщиковъ, арьергардъ.

Буде сражается пѣшій, въ резервахъ и въ маршѣ правила тѣжь.

Избѣгай перестрѣлокъ ружейныхъ. Азіатцы и лутче вооружены, и лутче насъ стрѣляютъ. Въ дефилеяхъ частью обходи ихъ фланги. Буде нельзя, то бери дефилеи грудью, но никогда всею силою, а съ сильнымъ резервомъ.

Не будь торопливъ и не будь нерѣшителенъ, старайся узнавать общія обстоятельства, по онымъ предположенію начальниковъ. Я не люблю Ермолова, потому не писалъ къ нему, и по сей притчинѣ удержался писать и Паскевичу; но онъ Паскевичъ вспомнить меня. Показывай добрую волю служить, узнавать свое ремесло; онъ тебя замѣтитъ и будетъ тебѣ полезенъ. Старайся быть съ нимъ ближе. Онъ человѣкъ достойный и достойный воинъ.

Исполняй свой долгъ противъ Ермолова. Мои дѣла съ нимъ должны быть тебѣ постороннія.

Будь чуждъ партіямъ, которыя должны быть у васъ.

Я вѣкъ мой жилъ и служилъ безъ интригъ, безъ *милостищювъ*, ни къ какимъ партіямъ не пристаналъ и не отсталъ ни отъ кого своихъ товарищей.

8.

18-е Апрѣля (1827). Болтышка.

Давно мы, другъ мой Николушка, не имѣемъ отъ тебя писемъ. Стыдно тебѣ лѣниться!

Я не писалъ къ тебѣ прежде нацѣтъ Ермолова: могло письмо попасться, теперь же судьба его рѣшена, то не будутъ приписывать мои сужденія намѣренію вредить ему. Богъ видитъ, что я жалѣю его; но нужно было поручить команду Грузіи другому. Онъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ, надѣялся всегда на свою хитрость; обманы рано или поздно открываются, на нихъ полагаться не должно. Ермоловъ умной, безкорыстной, трудолюбивый человѣкъ, но не военной: по этому самому, чувствуя сей недостатокъ, онъ разными штукаами, такъ сказать, выѣжжалъ, и наконецъ упалъ. Я не думаю, чтобъ чело-вѣка такого какъ онъ оставили: онъ человѣкъ государственной и много

*) Т. е. головорѣзы. П. Б.

можетъ быть полѣзенъ. Генералъ Паскевичъ вѣрно вспомнить нашу службу и будетъ къ тебѣ хорошъ; онъ знаетъ, что я всегда отдавалъ справедливость его достоинствамъ. Ермоловъ по твоёмъ пріѣздѣ умѣлъ и тебя восхитить собой. Я писалъ къ тебѣ, что я не раздѣляю твой антузіазмъ, не хотѣлъ болѣе сказать ничего, ибо зналъ будущее его паденіе, а я лежащаго не считаю благороднымъ битъ; но боялся, что ты, по молодости своей, въ своемъ восхищеніи не сдѣлалъ бы какой неосторожности. Часто отъ хорошаго чувства дѣлаютъ дурачества. источникъ оныхъ рѣдко разбирается и смѣшивается съ тѣми, которыя предосудительны.

Г-ль Паскевичъ человѣкъ благородный, хорошаго сердца, храбрый воинъ, и отъ природы одаренъ военными способностями и воображеніемъ, сверхъ того мнѣ извѣстно, что онъ занимался и старался . . . *)

9.

12-е Февраля 1828, Болтышка.

Непростительно тебѣ, мой другъ Николушка, что ты столько времени и случаевъ пропустилъ писать къ намъ. Когда бъ писалъ ты съ курьерами черезъ Петербургъ, я бъ не оставался въ совершенномъ невѣдѣніи о тебѣ. Потоцкій пріѣхалъ, письма не привезъ. Я знаю только по газетамъ, что ты встрѣчалъ Абасъ-Мирзу.

Мапинькѣ новое огорченіе: сынъ ея умеръ! Мы же всѣ здоровы въ уединенной Болтышкѣ. Кромѣ брата Александра никого не видимъ.

Если будетъ война съ Турками, будутъ дѣйствія и у васъ; жалѣть ты будешь, что покупаешь лошадей въ Россіи. Я слышу, что твои ремонтеры купили верховыхъ, потомъ по новому предписанію продали, и купили гнѣдыхъ, и что первыя были лутче. Прощай, мой другъ! Когда Богъ доставитъ мнѣ съ тобой видаться?

10.

16-го Маія 1828. Б.

Отъ 10-го Апрѣля письмо твое, мой другъ Николушка, получилъ вчерась. Отвѣчаю тебѣ на всѣ артикулы письма твоего. Что обстоятельства наши нехороши, то правда: я долженъ жить въ Болтышкѣ, иначе состояніе мое не позволяетъ. Когда бъ могъ продать Сунки, а еще лутче и Болтышку, я бъ въ нуждѣ не былъ: жилъ бы въ Москвѣ и въ Екимовскомъ. Ты можешь судить, мой другъ, что я пещусь не

*) Конца нѣтъ. П. Б.

о себѣ, а о сестрахъ. Аліонушка¹⁾ не здорова, Гр. Ол.²⁾ влюбленъ, сватался, она не пошла за него; я бѣ не отказалъ ему, но радъ, что сіе не исполнилось, ибо таковой союзъ утвердилъ бы еще болѣе въ несправедливомъ сомнѣніи.... которое ты угадать можешь Съ гр. Бр.³⁾ дѣйствительно разрывъ, который произошолъ не отъ матери, не отъ меня, не отъ сестеръ.... теперъ ты долженъ знать, отъ кого. Она поступила въ разсужденіи меня весьма гнусно; я былъ у нея послѣ сего одинъ разъ, и по наружности мы хороши. Она меня менажируетъ, больше я уже у ней не буду.

Катинька съ сестрами на нѣсколько дней въ Одессѣ; съ намѣреніемъ были не видаться съ гр. Воронцовой болѣе одного раза, но онѣ до сего не допустили и всякой день видѣлись. Гр. Вор. былъ у меня въ Елисаветградѣ, во время пребыванія Государя, три раза въ одинъ день.... Государь былъ ко мнѣ весьма милостивъ, но объ употребленіи меня ни слова. Видя положеніе моихъ дѣлъ и другія домашнія обстоятельства, ставятъ меня въ необходимость быть почти симъ довольнымъ. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой!

Его высокоблагородію милостивому государю моему Николаю Николаевичу Раевскому г-ну ком. Нижегородскаго драгунскаго полка въ Тифлисъ.

11.

25-го Сентября. Николаевъ.

Я ѣду въ деревню Машиньки на нѣсколько дней. Съ дороги пишу къ тебѣ, мой другъ Николушка. Говоритъ тебѣ нечего, мой другъ, сколько насъ утѣшаютъ извѣстія о твоей блестящей службѣ; просимъ только Бога, чтобъ Онъ сохранилъ тебя для тебя и для насъ. Большое ты мнѣ приносишь утѣшеніе, большую имѣю въ немъ и нужду. Сообщи тебѣ о нашихъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Гр. Воронцовъ, желая отдалить отъ Одессы твоего полусумасшедшаго брата, нашелъ благородный способъ сыскать на него донощика, будто онъ вольно говоритъ о правительствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ. Ты знаешь, мой другъ Николушка, можетъ быть эти всѣ дурачества влюбленнаго человѣка онъ дѣйствительно дѣлалъ, но предосудительнаго съ его чувствами несходно, и думая скрыть свое дѣйствіе, извѣщаетъ меня о томъ, что по повелѣнію Государя велѣно ему ѣхать въ Полтаву,

¹⁾ Елена Николаевна Раевская, предметъ восторговъ и стиховъ Пушкина, скончалась дѣвницею. П. Б.

²⁾ Графъ Олизаръ? П. Б.

³⁾ Графомъ Браницкимъ? П. Б.

впредь до разсмотрѣнія, *увѣряя притомъ, что онъ сему не притчиной, что онъ сему не вѣрилъ, но справлялся и дѣйствительно нашель, что донесеніе на него справедливо.* Я писалъ къ Государю всю истинну и въ томъ, что клеветникъ есть графъ Ворон.; но дѣла военныя, важныя обстоятельства притчиною, что по сіе время не имѣю никакого рѣшенія; ибо если я взнесъ ложь, то меня наказать надобно, а безъ отвѣта оставить нельзя. Алексаша живетъ свободно, но при душевномъ его положеніи, ему это убійственно.

Между тѣмъ гр. В. потерялъ въ публикѣ жену, себя, безвозвратно: всѣ въ Одессѣ знаютъ всю истинну. Нельзя, чтобъ Императрица, находившаяся тамъ, не была о семъ извѣстна и чтобъ Государь поступилъ такъ снисходительно, естлибъ повѣрилъ клеветѣ сей.

Я проводилъ мать и сестеръ, которыя поѣхали къ Катиньѣ. Меня жь обстоятельства хозяйственныя удерживаютъ здѣсь еще на время.

Да сохранить тебя Богъ! Я не могу тебя уговаривать, но долженъ тебѣ сказать, что головная храбрость важнѣй личной и что послѣднею употреблять должно когда только нужно. Прощай, мой другъ.

Поздравь графа! ¹⁾ Скажи ему, когда онъ будетъ фельдмаршалъ, что старшій командиръ его за честь себѣ поставить служить подъ нимъ.

12.

29-го Ноября 1828. Болтышка.

Пишутъ мнѣ, мой другъ Николушка, изъ Петербурга, что ты получаешь 3-го Георгія. Если это правда, то отъ всего сердца тебя поздравляю и обнимаю.

Я ѣздилъ въ Полтаву ²⁾ по дѣламъ брата, оставилъ здороваго, душевно жь не совсѣмъ. Впрочемъ пріѣздъ мой много его успокоилъ.

Скоро день Николая, у меня будетъ гостей полонъ дворъ, будемъ пить здоровье Государя, потомъ новаго кавалера, потомъ отца его.

Отъ матери и сестеръ и Орлова имѣлъ письма на послѣдней почтѣ; они всѣ здоровы.

Теперь вы герои свободны отъ воинскихъ мыслей, можно васъ занять и бездѣлками.

¹⁾ Паскевича.

²⁾ Гдѣ вѣдѣно было жить старшему сыну Раевского Александру, послѣ его исторіи съ графиней Е. П. Воронцовой. Братъ зятя Раевского, князь Н. Г. Реннинъ-Волконскій, генераль-губернаторъ, жилъ тогда въ Полтавѣ.

Мое утѣшеніе здѣсь новая оранжерея, которую пристроилъ къ комнатамъ сестеръ, такъ что въ оную окошко и дверь, удалась прекрасно, у насъ морозы 17 град., а я въ 12-ти градусной температурѣ подѣ грунтовыми лаврами и маслинами, окруженъ цвѣтами, зеленью, пью кофей и обѣдаю,.... одинъ. Последнее только портить все. Я ее выстроилъ для сестеръ, для раннихъ цвѣтовъ, однакожь два дерева покрыты апельсинами и померанцами, твоя жъ ранжерея весьма невыгодна; я обратилъ ее въ виноградную.

13.

3-го Апрѣля 1829, Милятино¹⁾.

Я возвращаюсь изъ Петерб., мой другъ Николушка, и письмо сіе въ третій разъ начинаю писать тебѣ. Пушкинъ хотѣлъ изъ Петербурга къ тебѣ ѣхать, потомъ изъ Москвы, гдѣ нездоровье его еще разъ удержало. Я ожидаю его извѣщенія и письмо сіе назначено къ отправленію съ нимъ. Начну бездѣлками. Посылаю тебѣ шитье генеральское и эпoletы, посылаю медали и деньги древнія, до коихъ ты былъ охотникъ²⁾. Они найдены въ землѣ въ Калужской губерніи.

Ты, мой другъ, утѣшеніе нашего семейства, коего, какъ тебѣ извѣстно, положеніе довольно грустно во всѣхъ отношеніяхъ. Братъ Александръ дурачествами навлекъ себѣ и намъ огорченій, которыя, какъ только дурачества, не заслуживали бѣ случившихся послѣдствій. Я ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представить истину и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтобъ я о семъ не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова Государю ни отъ кого о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоитъ въ esclandre³⁾ его исторіи съ Воронцовой. И такъ, проживъ больнымъ въ Петербургѣ мѣсяць, я представился и откланился, и чрезъ два дня уѣхалъ. Теперь ожидаю просухи, чтобъ возвратиться въ Болтышку. Катинька щастлива въ своемъ семействѣ, мужъ ея человекъ безцѣнной, намъ истинный родной дѣти премилыя; но дѣла его не въ цвѣтущемъ положеніи, деревня, въ которой онъ какъ заключенный, прескучная, грустная пустыня. Но они здоровы, и Орлова характеръ въ веселости не измѣняется. Машинька здорова, влюблена въ своего мужа, видитъ и разсуждаетъ по мнѣнію Волконскихъ, и Раевского уже ничего не имѣетъ. Въ подробности всего

¹⁾ Помѣстье М. Ѳ. Орлова въ Калужской губерніи.

²⁾ Н. Н. Раевскій (младшій) любилъ заниматься историческими розысканіями. По словамъ С. А. Соболевскаго, онъ сообщалъ ему книги о Стенькѣ Разинѣ. П. Б.

³⁾ Соблазнительная шумиха. П. Б.

воитить не могу, и силъ не станеть. Я и писалъ къ ней недѣлю назадъ въ послѣдній разъ. Аліона по нездоровью своему уже положила остаться въ дѣвкахъ, а Софья *) безцѣнная, какъ ожидать должно по обстоятельствамъ, будетъ имѣть ту же участь. Мое положеніе таковое, что я и въ деревнѣ чѣмъ жить весьма умѣренно едва едва имѣю, и въ передъ лутчаго не вижу; словомъ все покрыто самой черной краской.

Ты, мой другъ, есть наше утѣшеніе, но лѣность твоя къ намъ писать лишаетъ насъ онаго, тебѣ непростительно. Я по сію пору не знаю даже, сколько и какія ты заслужилъ награжденія. Но хотя бъ мы знали, что ты здоровъ!

Письмо сіе привезетъ къ тебѣ Ліолинька ou autrement Аліоша Черленевской, записанный юнкеромъ въ Нижегородской драгунской полкъ. Я ему далъ на дорогу 500 руб. Приѣдетъ ли онъ одинъ или съ Пушкинымъ, я не знаю, ибо ожидаю изъ Москвы его извѣщенія; имѣй о немъ попеченіе, чтобъ онъ не изшаллся. Онъ весьма новъ, и слабъ, и можетъ безъ того впасть въ пороки. Но не дуракъ и добръ.

Я ожидаю просухи. Жить здѣсь мнѣ нельзя, Орловымъ приѣхать ко мнѣ не можно, долженъ буду лишиться удовольствія быть въ соединеніи съ моимъ грустнымъ семействомъ, возвратиться въ Болтышку. Вотъ тебѣ картина моего положенія. Я крѣплюсь духомъ, мой другъ. Благодарю Бога. Онъ далъ мнѣ еще силы переносить обстоятельства, а не задумался бъ ни на минуту, когда бъ дѣло шло обо мнѣ одномъ, это видитъ Богъ, но будущность сестеръ и всѣхъ васъ мнѣ тягостна.

Мы встрѣтили праздникъ съ грустью по поламъ. Погода сдѣлалась дурная, и нынче снѣгъ покрылъ опять землю.

Увѣдомь меня, сдаешь ли ты полкъ, и имѣешь ли способы къ оному?

14.

1-го Октября. Б.

Письмо, въ которомъ описываешь, мой другъ Николушка, штурмъ *Ахалцка*, я получилъ. Мой другъ, ничто не удивить меня! И другія вѣсти подъ командою графа Ив. Фед. сдѣлають тожь, защита Ахал. не Турецкая, хотя и они храбро защищаются, но жителей Ахалц. можно считать горцами. Слава безсмертная Ив. Фед. Поздравь его отъ меня. Когда онъ посланъ былъ противу Персіянъ, многіе судили по незнанію и спрашивали меня. Мнѣ немудрено было предсказать подвиги его, и

*) Младшая дочь Раевского дѣвицею дожила до глубокой старости въ Болтышкѣ. Она отличалась большимъ умомъ. П. Б.

его умѣлъ узнать въ 12-мъ году, я отдавалъ ему справедливость предъ княземъ Смоленскимъ. Благодарю Бога. Онъ не далъ мнѣ чувства зависти, грызущаго большую часть людей, а теперь я ужъ внѣ поприща, и по той и по другой причинѣ возхищеніе мной изъявляемое не можетъ быть сомнительно. Поздравь его. Поздравляю тебя, мой другъ. Если Богу угодно съ одной стороны испытывать меня огорченіями, съ другой благодарить долженъ за услажденія по оныхъ получаемыя.

Можно и во второй арміи прославить подвигъ генерала Гейсмара, онъ достоинъ Ивана Федоровича. Теперь всѣ кричатъ про графа Эриванскаго. одни отъ чистаго сердца, другіе по рацетамъ, но съ тайнымъ чувствомъ зависти. Дай Богъ ему щастливыхъ успѣховъ. Дай Богъ, чтобъ ты сохранилъ его благорасположеніе. Я писалъ тебѣ еще прежде, мой другъ, то, что ты нашелъ въ немъ, кромѣ талантовъ и храбрости, онъ имѣетъ характеръ благороднѣйшій.

Я уже писалъ тебѣ, мой другъ, что живу одинъ, мать и сестры у Орловыхъ. Богъ даетъ мнѣ силы, переносу скуку и грусть, безъ малодушія. Я довольно здоровъ. Да сохранить тебя Всевышній. Не лѣнись, пиши чаще.

Его высокоблагородію, милостивому государю моему, Николаю Николаевичу Раевскому. Нижегород. драг. полка командиру. Въ Тифлисъ. Грузія.

* * *

Въ этихъ письмахъ выразился знаменитый воинъ, о которомъ такъ сочувственно отзывался въ письмѣ къ своему брату А. С. Пушкинъ, обласканный имъ и его семействомъ во время первой своей ссылки. На Кавказѣ и въ Крыму Пушкинъ заслушивался разсказовъ Раевского про старину, про войну отечественную, про чужіе края, про Парижъ. При Раевскомъ служилъ поэтъ Батюшковъ, про котораго князь П. А. Вяземскій передавалъ намъ, что онъ мечталъ о томъ, чтобы Государь изъ Парижа провозгласилъ о раскрѣпощеніи нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Внучатный племянникъ Потемкина, женатый на родной внучкѣ Ломоносова, Раевскій былъ другомъ Музъ. Сестра его супруги была предметомъ страсти Крылова. Преданія о Ломоносовѣ были родными у Раевскихъ (въ наши дни, старшій потомокъ Ломоносова, графъ Ностицъ, возобновилъ его памятникъ въ Александро-Невской лаврѣ. Ему предлагали просить о дозволеніи называться графомъ Ломоносовымъ-Ностицемъ). Пушкинъ говорилъ, что если въ Россіи пресѣчется династія Романовыхъ, то мѣсто ихъ займутъ Раевскіе. Отношенія Пушкина къ старшему изъ двухъ сыновей Раевского, Александру Николаевичу „Демону“, извѣстны. Лицо у него было смуглое, отъ Грека-дѣда.

Въ заключеніе прибавимъ, что позднѣе Пушкинъ отблагодарилъ Раевскихъ за гостепрѣимство: по его письму къ графу Бенкендорфу имущественныя дѣла ихъ устроены были императоромъ Николаемъ Павловичемъ. П. Б.

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО ИНОСТРАНКЪ.

На языкъ для Васъ чужомъ
Я подношу Вамъ стихъ покорной,
Онъ будетъ данью непритворной
Внесенной молча въ Вашъ альбомъ.

Такъ наши жертвоприношенья,
Что ни скажи Вамъ, ни ниши,
Все будетъ Вамъ безъ выраженья,
Все буквой мертвой безъ души.

Какой холодной онъ и грустной
Языкъ поэзіи изустной!
Какъ ограниченъ, бѣденъ онъ,
Условныхъ знаковъ, риѣмъ условныхъ,
И оборотовъ многословныхъ
Опредѣленный лексиконъ.

Но есть поэзія другая,
Природы пламенная дочь.
Разнообразная, живая
И мать-красавица точь въ точь:
Поэзія улыбки милой,
Чела младаго, свѣтлыхъ глазъ,
Которая съ волшебной силой
Такъ сладко говорлива въ васъ.

Такъ. Ваши очи голубья,
Гумяносвѣжія уста
И плечи пышно-молодыя
И всѣхъ движеній красота,
И прелести простосердечья,
Живаго чувства нѣжный цвѣтъ,
На всѣ глаза, на всѣ нарѣчья—
Поэзія, какой здѣсь нѣтъ!

Вяземскій. С.-Петерб. Августа 3-го 1832.

(Сборникъ П. И. Щукина, т. VI-й).

ИЗЪ ДНЕВНИКА СВЯЩЕННИКА ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

(1854—1855 г.).

13-го Октября 1854 г.—Утреню и литургію отслужили благополучно. Въ 12 часовъ слышалъ пріятную вѣсть, что нашими войсками отбиты три редута неприятельскихъ, взяты 3 орудія. Во 2-мъ часу разорвало бомбу надъ сѣвернымъ угломъ церкви со входа и вырвало кусокъ желѣза. Во время вечерни, едва сказалъ: „Благословенъ Богъ“—лопнула бомба на южной сторонѣ церкви. Дымъ и пыль понесло въ церковь, впрочемъ безъ поврежденія церкви. Замѣчательно, что эта бомба упала въ яму, вырытую вчерашней бомбой и также въ 4 часа. Послѣ вечерни еще разорвались двѣ бомбы на высотѣ церкви; осколки посыпались въ садъ, между церковью и домомъ. Сего же числа пало двѣ бомбы въ контору питейную, и одна ракета. Ракета же попала къ сосѣду П. Другому сосѣду ядромъ пробило ворота. „День прошедъ, благодарю Тя, Господи!...“

16-го Октября. 13-ый день осады Севастополя. Воскресеніе. Благовѣсть къ утрени въ 5 часовъ. Въ 6 часовъ утра погребли секретаря К., чиновника достаточнаго и любимаго купечествомъ; но теперь едва нашли нѣсколько человекъ, чтобы взять тѣло. Хоруговой или, по крайней мѣрѣ, креста, некому было взять. Спѣшили выносить тѣла къ пристани, чтобы не подвергнуться неприятельскимъ бомбамъ. Впрочемъ, почему-то выстрѣловъ не было слышно до половины 9-го часу. Сѣверная сторона теперь служитъ спасеніемъ для здоровыхъ и больныхъ, для живыхъ и умершихъ: тамъ теперь кладбище. Со стороны Херсониса и монастыря во весь день не было бомбардировки. А на остальныхъ пунктахъ—слабая. Весь день дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, по временамъ съ дождемъ. На линіи неприятельской не замѣтно было ни *дѣйствія*, ни людей. Не погода-ли тому причиной?—Мысль моя, что церковь служитъ цѣлью для неприятелей, сегодня нѣкоторымъ образомъ подтвердилась. Я предложилъ этотъ вопросъ знакомому поручику штурмановъ М. „Кто-то сказалъ неприятелямъ, что подъ церквями складъ пороху и снарядовъ, оттого-то они и цѣляютъ въ церкви“, сказалъ мнѣ М.—„Отъ кого вы слышали?“—„Мнѣ говорилъ лейтенантъ С.“—

Какъ бы то ни было, но это не можетъ быть выдумкой. Франзолъ*) 7 к. сер., говядины фунтъ 6 к. Воды трудно достать. Для арміи берутъ воду въ колодцахъ Хомутова и Грязнова.

20-го Октября. 16-ый день осады Севастополя. Утро тихое, безъ вѣтру; въ 6 ч. я вышелъ изъ дому, чтобы посмотрѣть новую батарею, устроенную въ городѣ, на возвышенномъ пустопорожномъ мѣстѣ, впереди театра. Оттуда прошелъ къ театральной площади и по большой улицѣ, къ базару и потомъ къ Графской пристани. На площадяхъ и улицахъ вездѣ войска напѣ. Идешь не городомъ, а лагеремъ. Всѣ двory большой улицы, отъ театра къ базару, заняты солдатами, гдѣ они расположились, какъ дома. Хозяева, вѣрно, выѣхали, и не замѣтно ихъ тамъ пребыванія. Индѣ съ галереи выглядываетъ человекъ или служанка: сторожа домовъ. По всему протяженію улицы ружья поставлены рогатками. Индѣ на воротахъ написано: такая-то рота, такого-то полка. Я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ посмотрѣть городъ, который, какъ говорили мнѣ, много пострадалъ отъ бомбардированія, особенно въ Артиллерійской части. Дѣйствительно, видны дома сгорѣвшіе; ихъ полагаютъ до двухъ десятковъ, но это, большею частью не дома, а домики или хижины. Одинъ изъ сгорѣвшихъ домовъ капитальныхъ и стольныхъ—это домъ Зол. . . . Пожару содѣйствовалъ сильный вѣтеръ. Кромѣ того, пожаровъ не тушили изъ опасенія подвергнуть команду гибельному дѣйствию бомбъ, которыя были нарочито бросаемы туда, гдѣ вспыхивалъ пожаръ. Видны язвы въ стѣнахъ домовъ и улицъ. Тамъ дыра въ крышѣ, тамъ труба слетѣла. Можно представить большое разореніе внутри домовъ, куда залетала одна разорвавшаяся бомба. Но руинъ въ городѣ, даже на близкомъ разстояніи, не видно. Замѣтное разореніе вы видите только въ извѣстныхъ линіяхъ, соответствующихъ непріятельскимъ батареямъ и направленію ихъ орудій. Баракамъ, находившимся подлѣ самыхъ бастионовъ, можно было ожидать постигшей ихъ участи: они загорѣлись и разрушены нашими руками. Во всякомъ случаѣ непріятели, и послѣ двухнедѣльной (дневной и ночной) бомбардировки, не могутъ похвалиться, чтобы они хотя отчасти разрушили городъ; ибо для глазъ ихъ городъ цѣль, какъ отчасти и для нашихъ—таковъ-же. Если намъ жалѣть должно, то о госпиталѣ, и то не зданіяхъ, въ которыхъ также не можетъ быть капитальныхъ поврежденій, а о жалкомъ положеніи больныхъ, которыхъ нужно было спасать изъ огня, а нѣкоторыхъ, очень понятно, и не успѣли спасти. За то, какая слава за сіе непріятелямъ, не уважившимъ и флага больныхъ, и раненыхъ! Хотя бы поучились у варва-

*) Мѣстное названіе блага хлѣба. Въ словарѣ Даля его нѣтъ. П. Б.

ровъ, у своихъ союзниковъ—Турокъ! Хотя бы затвердили декларацію Турецкаго паша въ Бухарестѣ, которою предписываетъ своимъ справедливую заботливость объ оставленныхъ Русскихъ раненыхъ!

Пришедши къ Графской пристани, я встрѣтился тамъ съ плачевнымъ зрѣлищемъ, подобнымъ вчерашнему вечеромъ. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ прежде совершалось одно веселіе, устроенъ перевязочный пунктъ для раненыхъ. Въ продолженіе дня дѣлается перевязка, вечеромъ отправляютъ раненыхъ на Сѣверную, а чаще *на онъ полъ* бытія, гдѣ, т. е. на Сѣверной сторонѣ, и кладбище. Не безъ труда и ночью на перевязочномъ пунктѣ: ибо и ночью, хотя въ меньшемъ числѣ, бывають раненые; кромѣ того принесенные вечеромъ не могутъ быть тогда же отправлены на Сѣверную, потому шествіе съ ранеными изъ дома Собранія къ Графской пристани бываетъ и утромъ. Печальная картина! Однихъ носятъ въ койкахъ, другихъ въ носилкахъ парусинныхъ, которыя уже почернѣли отъ крови, истекающей изъ раненыхъ. Стонувъ я не слышалъ (уже довольно они стонали, вѣрно, подъ ножомъ оператора); по блѣднымъ и полумертвымъ лицамъ страдальцевъ можно было судить объ ихъ состояніи. Главный докторъ на перевязочномъ пунктѣ, на вопросъ: много умирающихъ? отвѣчалъ безусловно: „нѣтъ“. „Впрочемъ, прибавилъ, мы ихъ недолго задерживаемъ здѣсь, а отправляемъ на ту сторону, въ госпиталь“. Я не былъ еще на той сторонѣ, т. е. Сѣверной; а пока замѣчу то, что слышалъ отъ бывшихъ тамъ о госпиталѣ, устроенномъ во временныхъ баракахъ, гдѣ видѣли тѣсноту, нечистоту и нужду всякаго рода... При перемѣнѣ обстоятельствъ, при критическомъ положеніи больныхъ и ежечасномъ умноженіи ихъ, порядокъ въ госпиталѣ прежняго мирнаго времени: медики собираются только въ извѣстные урочные часы, а во все прочее время одинъ дежурный медикъ, который не въ состояніи удовлетворить и тысячной доли настоящихъ потребностей госпиталя. Прислуги мало или почти нѣтъ. Больные муку терпятъ отъ жажды и тщетно вопіють о каплѣ воды. Въ пищѣ недостатокъ, за неприведеніемъ въ порядокъ разбитыхъ частей госпиталя. (Прислуги мало или почти нѣтъ). Многихъ умершихъ предають землѣ будто-бы безъ погребенія. Но тамъ есть госпитальный священникъ. Развѣ не успѣваетъ? Можно послать праздныхъ іеромонаховъ (нѣтъ Корнилова....) Прости мнѣ, Господи! Не сужу, а пишу, что слышалъ. Погребають нижнихъ чиновъ десятками, безъ гробовъ, въ общей ямѣ. Офицеровъ по два, по три, если случится, также въ общей ямѣ. Вчера похоронили двухъ медиковъ—одного армейскаго, другого—флотскаго, товарищей по ученію, въ общей ямѣ. Число потери нашей навѣрное доселѣ не могу узнать. Но вообще полагають до 4 тысячъ морскихъ чиновъ. Въ

послѣдніе дни убыль значительно меньше; круглымъ числомъ полагаютъ 25 человекъ въ день

22-го Октября. Батареи дѣйствовали всю ночь. Но особенно сильная началась канонада въ 5 часовъ. Въ обѣдни и въ утрени народу было мало, очень мало, судя по великому празднику. Люди живутъ на Сѣверной. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе о Сѣверной сторонѣ въ настоящее время, и послѣ обѣда я, на пароходѣ „Турокъ“, отправился на Сѣверную сторону. На дорогѣ къ пристани, у Михайловской церкви, я встрѣтилъ командира корпуса Д. Ну, слава Богу, если начальникъ здѣсь, значить и корпусъ уже его на мѣстѣ. На пароходѣ мнѣ сказали, что въ эту ночь еще войдутъ три полка въ городъ, для чего и пароходы и боты на готовѣ. Прекрасная была мысль—затопить кораблями фарватеръ: мы отказались отъ моря, за то свободно ходимъ по дорожному для насъ рейду. Пароходы день и ночь подъ парами, перевозятъ казенный и частный грузъ, войска и жителей. На Сѣверной я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, которые тамъ проводятъ день, а ночью перѣзжаютъ въ городъ, чтобы освѣдомиться о своихъ домахъ. Тамъ я увидѣлъ рынокъ—преимущественно съѣстной: ибо забота всѣхъ теперь ограничена насущнымъ хлѣбомъ, и то для одного лишь дня. На рынкѣ перемѣшаны здоровые съ больными въ сѣрыхъ чуйкахъ и бѣлыхъ колпакахъ. Какъ ни грустно посмотрѣть на этотъ бивуачный привалъ непріютныхъ семействъ, но все же здѣсь жизнь: продаютъ, покупаютъ, провожаютъ, даже многіе представляютъ видъ прогуливающихъ, Богъ знаетъ для развлечения или отъ неимѣнія пріюта. Тамъ обозы казенные, тамъ дилижансы (всѣхъ родовъ) отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ; переселеніе въ мирные города и въ ближайшій Симферополь продолжается. Вотъ вижу, возвращается изъ полиціи чей-то штабъ съ казеннымъ конвоемъ. Пройдя далѣе по дорогѣ къ казеннымъ баракамъ, въ которые переведенъ госпиталь, на возморѣ Сѣвернаго укрѣпленія, я замѣтилъ большія, какъ будто редуты, могилы, и далѣе рабочихъ, которые роютъ новыя могилы и погребателей. Боже мой! недостаетъ руки погребавшей. Продолжаю идти къ госпиталю и слышу громкую жалобу матроса, который пріѣзъ къ какому-то магазину убитыхъ. Онъ кричитъ, что не принимаютъ тамъ мертвыхъ, а велятъ везти прямо къ могиламъ.—„Куда я повезу, отвѣчаетъ онъ, когда могилы не готовы“, и пошелъ съ сими словами въ госпиталь, вѣроятно, просить у кого слѣдуетъ распоряженія. Не знаю, успѣеть-ли онъ въ этомъ; ибо такое время, что можно сомнѣваться въ исполненіи самыхъ законныхъ требованій. Не достаетъ рукъ для удовлетворенія самыхъ священныхъ потребностей. Сопровождаю носилки съ ранеными, которыхъ

привезли со мною же на пароходѣ, я пришелъ въ бараки и отыскалъ уголокъ, занимаемый о. Василиемъ, госпитальнымъ священникомъ, отъ котораго, къ удивленію моему, узналъ, что онъ уже требовалъ отъ начальства себѣ въ помощь іеромонаховъ, что сегодня ожидаетъ отвѣта т. е. удовольствіенія. Бѣдный о. Василій, онъ самъ едва одного себя со своимъ семействомъ спасъ отъ пожара и бомбъ, обращенныхъ на морской госпиталь. Церковь госпитальная почти вся разрушена. Тамъ, у о. Василія, я засталъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ, потомъ пришелъ и смотритель госпиталя Л. Отецъ Василій и на бивуакѣ отличается гостепріимствомъ: всѣмъ приходившимъ въ его палатку онъ радушно предлагалъ чай. За часомъ шелъ разговоръ о томъ, что у насъ дѣлается. Шла рѣчь о больныхъ, раненыхъ; нашихъ, съ убитыми, собственно по флоту, полагали въ 3 тысячи. Много выбыло офицеровъ. Три брата К. ранены, старшій безъ ноги. Удивлялись, какъ остался живъ лейтенантъ П., у котораго ядро сорвало эполету, оконтузило шею и плечо, а голова осталась на плечахъ. Съ восторгомъ говорили о лейтенантѣ К., командирѣ Волоховой батарееи. „Видали мы храбрыхъ, (такъ, по словамъ лейтенанта Б., отзывались о немъ безсрочные служители той батарееи)—но такихъ не видали и не увидимъ“. Когда орудія накалялись до такой степени, что опасно было заряжать ихъ, а между тѣмъ команда, вовсе не артиллерійская, выбила изъ силъ, онъ, уже получившій нѣсколько ранъ, послалъ команду внизъ, а самъ палилъ и охлаждалъ водою всѣ орудія. Непріятель, замѣтивъ молчаніе батарееи и полагая, что она сбита, подошелъ на картечный выстрѣлъ и открылъ новый убійственный огонь. Вызвавъ опять прислугу наверхъ, К. продолжалъ защищаться до вечера, или лучше, пока въ немъ самомъ держалась душа. Отъ ранъ онъ не могъ устоять; сидя на орудіи, онъ получилъ новую тяжелую рану въ шею и, зажавъ язву рукою, не переставалъ говорить: „хорошо, ребята! кончай, ребята!“ И когда дѣло дѣйствительно кончилось, тогда сказалъ: „ну, теперь ступай внизъ и меня берите“, ибо не могъ уже двинуться съ мѣста. Послѣ перевязки онъ отправленъ въ Симферополь, куда для всѣхъ раненыхъ путь открытъ, если сами этого пожелаютъ. Да и гдѣ съ ними дѣваться здѣсь?

Еще рассказывали анекдоты о мужествѣ матросовъ. Боцманъ безъ ноги просить, чтобы его поднесли къ орудію, которое онъ не успѣлъ навести на непріятели; когда его просьба не могла быть исполнена, онъ говоритъ: „Смотри же, Кузька, правѣе немножко, а не то будешь ты знать у меня и т. д.“. Да что и говорить о матросахъ? Когда въ 18 день бомбардированія Севастополя начальству пришла было

мысль смѣнить у баттареи прислугу, то на это матросы отвѣчали: „развѣ въ продолженіе 17 дней мы худо стояли? Зачѣмъ насъ смѣнять?“ и остались на своихъ мѣстахъ доселѣ.

Возвращаясь уже на заходѣ солнца домой, я замѣтилъ на Сѣверной любимаго матросами адмирала Нахимова.

25-го Октября. Бомбардировка была усиленная. Непріятели весь день были заняты уборкою тѣлъ и раненыхъ. Больно то, что нашихъ убитыхъ, какъ говорятъ, не убираютъ. А мы не можемъ взять ихъ подъ неприятельскими выстрѣлами. Тамъ лежатъ и живые, но тяжело раненые. Нѣсколькихъ подобрали послушники Инкерманской киновіи, по которымъ не стрѣляли неприятели. Другіе раненые, въ кустахъ лежащіе, опасаясь можетъ быть за жизнь самихъ подбирателей, просили прійти за ними ночью. Утромъ, на Графской пристани, я былъ свидѣтелемъ тяжкаго для сердца зрѣлища. Носили на барказъ мертвыя тѣла вчера раненыхъ, которые не пережили своихъ ранъ и сдѣланной имъ операціи, и ночью скончались. Клали мертвыхъ на барказъ, головою къ бортамъ, а ногами къ ногамъ; клали одного подлѣ другого по всему барказу, и потомъ другой рядъ надъ тѣми же тѣлами. Третьяго ряда я не дождался, не могши смотрѣть на невиданное мною зрѣлище. Были здѣсь и наши, въ сѣрыхъ шинеляхъ; ихъ немного: большею частью это были Французы—одни въ синихъ мундирахъ и панталонахъ (народъ рослый), другіе въ синихъ мундирахъ и красныхъ панталонахъ (народъ помельче, это, говорятъ, стрѣлки или штуцерные).

1855 г.

1-го Января. Въ самую полночь съ 3-го бастіона сдѣлана вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали и были преслѣдуемы до 3-ей траншеи. Въ плѣнъ взято 18 человекъ. Много положили на мѣстѣ. Наше „ура“ слышно было въ городѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ съ обѣихъ сторонъ открытъ огонь. Такимъ образомъ мы встрѣтили Новый годъ громами и молніями. Морозъ съ ночи былъ хорошій и сѣверный вѣтеръ съ небольшимъ снѣгомъ. Днемъ, хотя и падалъ снѣгъ, но при оттепели....

5-го Января. Утромъ былъ на рынкѣ. Все дорого, да и нѣтъ ничего. Бѣлый хлѣбъ, который прежде платили 15 к. теперь 40 к.

Въ полдень, по совершеніи литургіи, освятили соборнѣ воду. Народу, или лучше солдатъ, было довольно въ церкви, и не обошлось безъ шуму за воду, какъ обыкновенно бываетъ. Въ 4 часа, по желанію гг. офицеровъ, служилъ панихиду по Корниловѣ на могилѣ его.

День былъ тихій и ясный; морозъ держался; начиналъ южный вѣтерокъ. Со стороны непріятелей ничего особеннаго....

10-го Января. Съ полудня было ясно. Въ 11 часовъ я ходилъ въ домъ Благороднаго собранія, гдѣ перевязочный пунктъ для раненыхъ, исповѣдывать и приобщать раненаго лейтенанта Т. Этотъ молодой офицеръ три раза былъ охотникомъ на вылазкахъ, и въ четвертый—раненъ въ грудь на вылетъ. Доктора находятъ рану не смертельной и подаютъ надежду на выздоровленіе; но Богъ вѣсть! Больной самъ чувствуетъ себя очень трудно. Подлѣ него ухаживаетъ родной братъ его, на батарее тяжело контуженный. Война сродняетъ братьевъ, какъ и утроба матерняя. Сколько случаевъ, гдѣ братья родные вмѣстѣ падаютъ въ полѣ битвы и даже отъ одного ядра, вмѣстѣ ранены и встрѣчаются на перевязочномъ пунктѣ и потомъ въ госпитальной палатѣ! Уврачевавъ больного Т. св. тайнствами, и уже сложилъ было ризу съ епитрахилью и крестъ въ платокъ, и шель домой, какъ слышу голосъ другого больного: „дайте мнѣ, батюшка, поцѣловать крестъ“. Я, не медля, возложилъ на себя епитрахиль и поднесъ крестъ. Это былъ нашъ офицеръ безъ руки; я прежде призналъ его по физиономіи за Француза. Чтѣ значитъ болѣзнь!

14-го Января. Вчера прибыли въ 4 крытыхъ подводахъ сестры милосердія для услугъ раненымъ больнымъ. Вчера же привезена изъ Симферополя, по желанію полковника Б. полка, икона (въ копіи) Касперовской Божіей Матери для служенія въ полку молебна. Примѣръ этотъ возбудилъ такое-же благочестивое желаніе и въ другомъ полковомъ командирѣ....

19-го Января. Вечеромъ, въ 6 часовъ, получилъ я письмо изъ находящагося въ плѣну Георгіевскаго монастыря, отъ архимандрита Г. Имѣя подлинникъ послать владыкѣ, снимаю здѣсь копію:

„На первое письмо ваше я отвѣчалъ вамъ 22-го Декабря, а на второе отвѣчаю и передаю вамъ тоже самое, чтѣ было сказано въ первомъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что мы все, слава Богу, живы и здоровы, кромѣ эконома монастыря, іеромонаха Августина, который умеръ 22-го Сентября. Нуждъ, по особенной милости и благоснисхожденію къ обители нашей г. главнокомандующаго Французскими войсками, не имѣемъ. Богослуженіе совершается у насъ ежедневно.“

„Тогда, за поспѣшностью, не могъ больше ничего написать, а теперь могу вамъ передать и кое-что лишнее. Нашъ монастырь много пострадалъ 2-го Ноября отъ чрезвычайной бури: церковь Георгіевскую слишкомъ много повредило, и чуть-ли не до основанія, и теперь у насъ отправляются богослуженіе въ маленькой церкви, Дмитріевской;

Лазаревскій домъ разрушился почти до основанія; два новыхъ корпуса раскрыло, и хотя послѣ поправили, но при малѣйшемъ дождикѣ бываетъ течь сильная въ келіяхъ; а третій корпусъ, что близъ новыхъ корпусовъ, почти разрушился; много деревьевъ повредило, а нѣсколько совсѣмъ уничтожило; церковь Воздвиженскую наверху совсѣмъ раскрыло и часть ограды чугунной изломало; гостинницы тоже всѣ раскрыло и сараи повредило. Вотъ теперь какой нашъ монастырь! Будьте здоровы!“

14-го Января 1855 г.

„Испросите архипастырское благословеніе на главы наши. У насъ оказывается недостатокъ въ восковыхъ свѣчахъ для церкви; этого намъ не могутъ доставить, потому что подобнаго рода свѣчей у нихъ нѣтъ; нельзя ли будетъ вамъ прислать для монастыря хоть фунтовъ 15 мелкихъ свѣчей“.

„21-го Января. Въ 11 часовъ былъ у генерала С. съ письмомъ и посылкой въ монастырь, что и отправлено. Генералъ похвалился мнѣ, что онъ писалъ генералу Канроберу и благодарилъ его за уваженіе къ св. обители и вниманіе къ живущимъ въ ней“.

27-го Января получилъ отъ Владыки *) письмо, въ которомъ между прочимъ: „Мнѣ думается на горѣ Инкерманской выстроить малую церковь на память Инкерманскаго сраженія и для поминовенія въ немъ падшихъ на брани воиновъ. Справься, можно-ли возъмѣть ихъ имена. О семъ намѣреніи можешь сказать кому нужно, да пожалуй и каждому“. Свято для меня слово владыки моего, и я долженъ исполнить повелѣнное, но считаю не излишнимъ и свое мнѣніе о семъ предметѣ представить на усмотрѣніе его. Главное мѣсто сраженія, называемаго Инкерманскимъ, было на Сапунъ-горѣ, въ значительномъ разстояніи отъ Инкермана. Богъ вѣсть, не будетъ ли еще подобнаго кровопролитнаго сраженія на томъ или другомъ мѣстѣ, которое также будетъ имѣть право на память. Поелику же тѣла убитыхъ въ Инкерманскомъ сраженіи (кои успѣли унести) и умершихъ отъ ранъ тамъ полученныхъ (въ томъ числѣ и генерала Соймонова) погребены на Сѣверной, гдѣ теперь общее кладбище всѣхъ павшихъ при защитѣ Севастополя, то церковь, какъ памятникъ на брани убиеннымъ православнымъ воинамъ приличіе устроить на ихъ могилахъ, на Сѣверной. Въ балкахъ этой стороны немало есть жителей; батареи Сѣверныя тоже не имѣютъ церкви; кромѣ того на Сѣверной—главный для Севастополя привозъ базарный; потому церковь для усопшихъ была бы близкимъ

*) Пресвященнаго Иппокенгія.

прибѣжищемъ и для живыхъ. Первый случай объявить мысль владыкѣ я имѣлъ за обѣдомъ, 3-мъ штабъ-офицерамъ флотскимъ, которые напили се весьма благою и къ исполненію необходимую. Но какого рода должна быть церковь, родился вопросъ. Всѣ согласились, что она не можетъ имѣть постоянныхъ средствъ къ содержанію, находясь въ полѣ, вдали отъ жителей. Тамъ могутъ быть многочисленныя собранія напр. 24-го Октября въ день годовщины, во дни поминовенія церковнаго, и лѣтомъ могутъ избирать подобное мѣсто для прогулки. Слѣдовательно, тамъ можетъ быть какой-либо духовный старецъ въ качествѣ стража св. мѣста и при случаѣ молитвенника объ усопшихъ. Возьмѣть списокъ убитыхъ тамъ не трудно¹⁾

27-го Января. О. Василій сообщилъ мнѣ кое-что, о чемъ могу замѣтить здѣсь. 1) Сестры милосердія, прибывшія въ Севастополь, имѣютъ увѣдомленіе изъ придворной конторы Великой Княгини Елены Павловны, что къ нимъ назначены духовниками я и іеромонахъ Иннокентій, и желаютъ видѣться со мною. Поспѣшу. 2) Въ Морскомъ госпиталѣ, вслѣдствіе непрерывныхъ заботъ Царскаго дома, все улучшено до превосходной степени. 3) Московскіе купцы, на 99 тройкахъ, привезли превосходную крупу, сахаръ, чай, и все, и все. Это превосходно!²⁾

29-го Января. Зашелъ къ преосвященному митрополиту Агафангелу.... Тамъ засталъ я одного офицера съ батареею № 8, что противъ карантина, отъ котораго слышалъ, что по Херсонесской церкви³⁾, ограбленной до доски неприятелемъ, долго мы не рѣшались стрѣлять, уважая святыню; но когда въ ней засѣли неприятели съ штуцерами, то вынуждены были стрѣлять и по церкви, чтобы оттуда ихъ выгнать. По словамъ того же офицера, неприятельскіе стрѣлки прятались также въ известковой печи, устроенной О. В. въ Херсонесѣ; оттуда также заставили ихъ удалиться. Но нѣтъ возможности выбивать ихъ изъ груди камня, разсыпаннаго по всему Херсонесу, и изъ могильныхъ пещеръ, раскрытыхъ антикваріемъ Гр. А. Ч. Дѣма, за обѣдомъ, рѣчь была о вице-адмиралѣ Нахимовѣ, который вчера назначенъ товарищемъ генералу Сакену. Замѣчу, офицеры, съ которыми шла рѣчь о Нахимовѣ,

¹⁾ Какъ извѣстно, церковь воздвигнута на Сѣверной сторонѣ.

²⁾ Тутъ главнымъ дѣятелемъ былъ человекъ зоркаго ума и гениальнаго сердца—Василій Александровичъ Кокоревъ. У него была мысль и въ Турецкую войну устроить непрерывныя сообщенія Москвы съ мѣстами боя посредствомъ такихъ троекъ. П. Б.

³⁾ Это была временная церковь во имя св. равноапост. кн. Владиміра, устроенная на развалинахъ Херсонеса, уступленныхъ подъ инокескую киноію, по ходатайству преосвященнаго архіепископа Иннокентія.

принадлежать къ оппозиціи его. Мнѣ кажется, что когда человѣкъ имѣетъ приверженцевъ и противниковъ, то уже по одному этому стѣбитъ вниманія. И на это нужно талантъ, чтобы заставить говорить о себѣ; а чтобы раздѣлить общество непростое (каково общество флотскихъ офицеровъ)—для этого нужно что-нибудь особенное. . . .

31-го Января. Посѣтилъ раненыхъ больныхъ, за которыми сестры ухаживаютъ весьма усердно. Правда, при операціяхъ и перевязкахъ, онѣ составляютъ только третьи руки (первыя—докторовъ, вторыя—фельдшеровъ), поднося корпію и разныя бутылочки для примочекъ *). Но очень мило онѣ кормятъ, поятъ и ласкаютъ больныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна сестра трепала матроса по щекѣ, называя голубчикомъ и другими милыми именами, какъ другого заохочивала завтра на вылазку. Матросы, забывая боль, радостно улыбаются при этомъ. По объясненной одной изъ нихъ надобности въ иконахъ, для комнатъ больныхъ, сегодня отослали туда четыре.... Проходи мимо Михайловской (адмиралтейной) церкви, я замѣтилъ въ ней у самого амвона, на довольно высокомъ подножіи, крестъ, предъ которымъ стоятъ два подвѣчника. Я вошелъ въ церковь, чтобы разспросить, что за крестъ? Діаконъ могъ мнѣ только сказать, что крестъ этотъ (и еще другой подобный) присланъ изъ Москвы какимъ-то купцомъ для Севастополя. Но самый крестъ болѣе мнѣ сказалъ о себѣ: на лицевой сторонѣ, въ верхнемъ ободкѣ, Спаситель на тронѣ, подлѣ него Матерь Божія и Іоаннъ Предтеча. Въ среднемъ—распятіе Спасителя; у креста стоятъ дѣва Марія и Іоаннъ Богословъ. Въ нижнемъ—сошествіе во адъ. На четырехъ концахъ креста изображенія 12 апостоловъ, тоже въ золотыхъ ободкахъ. На другой сторонѣ изображеніямъ 12 апостоловъ соотвѣтствуетъ такое же число звѣздъ серебряныхъ. На оконечностяхъ креста, въ ободкахъ, слѣдующія изображенія: Рождество Христово, Сошествіе Св. Духа, Преображеніе, Вознесеніе и Успеніе Божіей Матери. На передней сторонѣ креста внизу надпись: „симъ побѣждай!“ На другой: „подобіе креста, принесеннаго равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ изъ Херсонеса“. Понятно, почему подобный крестъ присланъ въ даръ воинству, сражающемуся за вѣру и отечество именно тамъ, гдѣ крестился Первоначальникъ нашей вѣры и отечества, и откуда имъ принесенъ подобный крестъ въ первопрестольный градъ. Но желательно знать, какъ именно родилась эта мысль и какъ выражена самимъ благочестивымъ жертвователемъ этого побѣднаго знаменія

*) Это, впрочемъ, разумѣть должно о первыхъ перевязкахъ; послѣдующія дѣлали сами сестры.

Христоролюбиваго воинства. Постараюсь узнать и внести это въ дневникъ мой *)

4-го Февраля. Весь день очень теплый. Въ 9-мъ часу утра отслужилъ на перевязочномъ пунктѣ молебень съ водосвятиемъ. Раненыхъ подносили съ бастіоновъ, хотя, повидимому, пальба не часта. Сестра милосердія съ удивленіемъ рассказала мнѣ о казачьемъ Черноморскомъ офицерѣ, вчера приходившемъ на перевязочный пунктъ. Онъ контуженъ и просилъ пособія. Когда дежурный медикъ сказалъ ему, что долженъ онъ на нѣсколько дней остаться въ госпиталѣ или квартирѣ, онъ отвѣчалъ: „о, этого рецепта я не могу принять. Мнѣ дайте такое лѣкарство, чтобы я завтра же былъ здоровъ или по крайней мѣрѣ, чтобы я могъ пользоваться имъ тамъ—на баттареѣ, откуда я не отлучусь. Какъ, можетъ быть и эту ночь будетъ вылазка, а я буду въ госпиталѣ, когда мои товарищи будутъ въ дѣлѣ! Нѣтъ, благодарю, если нѣтъ такого лѣкарства, то я и безъ него иду на бастіонъ!“ Ему придумали нѣчто, что можно бы дать на руки, но нужно было еще послать въ аптеку, а была ночь. „Ну, такъ завтра“, и съ тѣмъ ушелъ на бастіонъ.— „Давно-ли офицеромъ?“ спросила сестра. „Здѣсь произведенъ“ былъ краткій отвѣтъ не краснорѣчиваго словомъ, а душой Черноморца. Вообще о Черноморцахъ, объ ихъ удалствѣ, отвагѣ—слава хороша....

7-го Февраля. Понедѣльникъ первой седмицы великаго поста. День пасмурный, вѣтеръ западный, палатъ изрѣдка и слабо. На утрени было людей немного. Послѣ утрени былъ у раненыхъ больныхъ. Во всякомъ изъ нихъ вѣра и вѣра живая. На вопросъ о здоровьѣ, одишь отвѣтъ у каждаго: „слава Богу, лучше себя чувствую“. Если кому хуже, то, сказавъ, что худо, заключить тѣмъ же: „слава Богу“. Тотъ просить помолиться о немъ и предлагаетъ гривенникъ на молебень. „Не надо, другъ мой“, отвѣчаю: „помолюсь, а безмездную молитву Господь скорѣе услышитъ“. Больной не соглашается и какъ-будто обидѣлся тѣмъ, что я не хочу принять денегъ.—„Вотъ же на что лучше употреби—наконецъ говорю ему—я пришлю къ иконѣ лампадку; такъ пусть твои деньги будутъ на масло для лампадки, которая тутъ-же у васъ будетъ теплиться“. Онъ остался этимъ доволенъ и успокоился. Другой: „теперь постъ, батюшка, я буду поститься“. „Нельзя,—отвѣчаю—ты боленъ и тебѣ даютъ пищу, которая была-бы лѣкарствомъ, а лѣкарство больному необходимо принимать. Не смущайся этимъ, здѣсь грѣха твоего не будетъ: предоставь поститься за тебя здоровымъ“. Успокоилъ тѣмъ одного,

*) Оказалось потомъ, что мысль жертвователю подалъ пресовищ. Иннокентій, который 26 Юня 1855 г., прибывъ въ Михайловскую церковь для служенія, нечаянно удивленъ былъ исполненіемъ, не будучи извѣщенъ о томъ.

а потомъ другого, который не рѣшался въ постѣ кушать скоромное. Еще одинъ хочетъ что-то сказать. „Что?“—спрашиваю.—„Батюшка, что мнѣ дѣлать? Мнѣ ночью все такое страшное представляется“.—„А ты съ вечера хорошенько молишь Богу, то и спать будешь спокойно“.—„Молюсь, батюшка!“—„А ты знаешь, что при каждомъ изъ насъ есть Ангель-Хранитель. Помолись еще ему: онъ не допуститъ на душѣ твоей ничего страшнаго“. Между тѣмъ эти грезы его бывають собственно отъ горячечнаго состоянія, какъ мнѣ объяснила начальница сестеръ Ек. М. Б.¹⁾ Что же сказать въ утѣшеніе беспомощному страдальцу, кромѣ утѣшенія вѣры? А почему знать, что тотъ, кого медики записали въ безнадежные, не встанетъ отъ одра надеждою на Бога и что самъ Ангель не станеть для него сестрой и даже лучшимъ медикомъ?...

8-го Февраля. Утро встрѣтило насъ не бомбардировкой, что многіе ожидали со страхомъ, а морозомъ, снѣгомъ и сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ въ продолженіе всей ночи. Такая переменна въ погодѣ очень могла произвести перемену въ намѣреніяхъ непріятеля, если они дѣйствительно намѣревались открыть новую бомбардировку. Номо prorogit, Deus disponit²⁾. У Него, Всемогущаго, все готово и все посылаеть съ премудрой цѣлью. Видимъ мы эту цѣль или нѣтъ—можемъ быть увѣрены, что любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое. Напр. и этотъ холодъ, послѣ дней совершенно лѣтнихъ, снѣгъ, мятель намъ во благое: ибо—очевидно—въ большой вредъ непріятелю. Благодареніе Богу!

Въ церкви службу нужно было сегодня уступить армейскимъ священникамъ, которые будутъ приобщать солдатъ Тобольскаго полка. Потому все утро я могъ употребить на служеніе раненымъ больнымъ, коихъ, благодареніе Богу, исповѣдалъ и приобщилъ 15 человекъ. Духъ вѣры, возгрѣваемый въ больныхъ истинно-христіанскимъ служеніемъ сестеръ попеченія, не угасаетъ ни въ комъ: прійдешь исповѣдать и приобщать одного или двухъ, а найдешь желающихъ 10. Рядомъ съ больнымъ, котораго я исповѣдалъ и приобщалъ, лежитъ солдатъ—Еврей безъ руки. Сестра уже не первый разъ хочетъ обратить на него мое вниманіе, говоря: „какъ жаль, что онъ не христіанинъ, а добрый Еврей и притомъ раненъ ужъ третій разъ“. Его полюбилъ и докторъ, который усердно смотритъ за нимъ и удерживаетъ на перевязочномъ пунктѣ, чтобы не передавать его на другія руки. Я самъ замѣтилъ въ немъ кромѣ терпѣнія и набожность: онъ молится по книгѣ. Добрый Еврей

¹⁾ Екатерина Михайловна Бакунина. П. Б.

²⁾ Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.

можетъ быть и добрымъ христіаниномъ. Болѣзненное его состояніе и сохраненіе его жизни, повидимому, представляетъ важный поводъ заговорить съ нимъ о вѣрѣ. Можетъ быть, этотъ самый случай занималъ и сестру, богатую чувствами христіанскими. Но мнѣ это самое обстоятельство и представлялось важнымъ здѣсь препятствіемъ, почему собственно я и не рѣшался вступитъ въ разговоры съ нимъ, зная, что Еврей вдругъ догадается, о чемъ священникъ станетъ съ нимъ говорить. И вотъ, когда я, пріобщивъ своего больного и уже сложивъ съ себя священное облаченіе, обратился къ Еврею съ вопросомъ: „а твое. Абрумъ, какъ здоровье?“ онъ, сказавъ: слава Богу, тотчасъ же сталъ противъ меня въ оборонительное положеніе. „Слава Богу“, отвѣчалъ онъ, „ужь три раза Богъ сохранилъ жизнь мою, я два раза раненъ на Дунаѣ: потому не надо перемѣнять той вѣры, въ которой кто родился“. Чтò мнѣ оставалось сказать ему на такой неожиданный отпоръ? Потому-что я не только не намекнулъ ему о перемѣнѣ вѣры, а даже, признаюсь, не думалъ на первый разъ объ этомъ упоминать. „И наше Святое Писаніе говоритъ—былъ мой отвѣтъ—что во всякой вѣрѣ, кто дѣлаетъ угодное Богу, пріятенъ ему. Потому продолжай, Абрумъ, дѣлать угодное Богу по твоей вѣрѣ, а тамъ Господь, сохранившій тебя отъ смерти, Самъ укажетъ тебѣ и истинный путь къ жизни“.

А вотъ чтò удивительно: иногда встрѣчаешь отпоръ въ больномъ христіанинѣ, именно, когда предлагаешь ему исповѣдываться и пріобщаться. Странный предрасудокъ не у однихъ простыхъ, а нерѣдко даже у образованныхъ, что это есть напутствіе къ смерти.

9-го Февраля. Вечеромъ былъ на перевязочномъ пунктѣ. Больные всегда рады посѣщенію и готовы поговорить. Тотъ жалуется на жаръ въ головѣ и грезы; другой все таки безпокоится, что онъ не постится; одинъ видѣлъ сонъ и желаетъ знать, чтòбы онъ значилъ; болѣе здоровые въ одинъ голосъ повторяютъ: слава Богу! слава Богу; отъ тѣхъ слышится жалоба, что холодно въ комнатахъ, мало отпускаютъ дровъ. Всякому что-нибудь скажешь въ утѣшеніе, и благодарятъ за посѣщеніе.

10-го Февраля. Въ 7 часовъ утра былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ исповѣдалъ и пріобщилъ четырехъ раненыхъ. Удивилъ меня одинъ къ тому своимъ препятствіемъ. Когда я объяснилъ ему важность и необходимость духовнаго врачевства, онъ, вздохнувъ, тотчасъ пожелалъ воспользоваться имъ, но при этомъ тихо промолвилъ: „какъ-же, у меня денегъ нѣтъ....“ Или такое бѣдное у него понятіе, или-такова уже привычка у православнаго, что онъ ничего не принимаетъ отъ священника безъ благодарности.

11-го Февраля... День прошелъ въ службѣ. Много было исповѣдниковъ. Во второмъ часу былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ присутствовалъ при операціи, когда отрѣзывали руку. Положимъ, что больной молчитъ отъ хлороформу, и что операція производится очень искусно и быстро, но невыносимо больно для сердца быть простымъ свидѣтелемъ этой страсти. Другому операція уже окончена. Онъ лежитъ и что-то говоритъ. Подхожу къ нему. „Благословите, батюшка!“ — „Господь тебя благословитъ. Какъ чувствуешь себя?“ — „Вотъ руки нѣтъ. Но я пойду и съ одной рукой, непременно пойду. Нужно молодымъ солдатамъ примѣръ показывать“.

И плачешь бѣдный не столько отъ боли, сколько отъ досады, что онъ не тамъ и не можетъ быть Французовъ....

14-го Февраля. Вечеромъ служилъ для больной сестры повечеріе и утреню. Бѣдная сильно занемогла, служа больнымъ и между прочимъ скорбить, что еще мало потрудилась....

15-го Февраля... Вечеромъ три дѣвицы, родныя сестры и дочери бѣдной вдовы, приходили ко мнѣ просить благословенія въ путь. — Куда? — „Куда-либо“, только изъ Крыму, изъ котораго даже побуждаютъ женскій полъ уѣзжать. Получили на то, какъ и всѣ, вспоможеніе отъ начальства.... „Гдѣ же вы будете жить?“ — Богъ вѣсть! Будемъ искать у помѣщиковъ мѣста ключницы, горничной и проч. Думаю, что Господь, любящій „сирѣ“ и „вдовицу“, укажетъ имъ пріютъ.

18-го Февраля. Сѣверный вѣтеръ дулъ ночью и теперь дуетъ; оттого стало въ городѣ сухо. Въ операціонной комнатѣ утромъ не засталъ ни одного раненаго; это рѣдко! Для одного больного отслужилъ въ палатѣ молебень. Исповѣдалъ и приобщилъ одного. Въ 12 ч. погребалъ сестру Кузнецову, умершую отъ тифуса. Погребеніе отпѣвали въ Михайловской церкви, а предали землѣ на Сѣверной, на новомъ кладбищѣ. Общія могилы роютъ теперь глубокія, примѣрно на 50 человекъ. По окончаніи войны предполагается всѣ могилы уровнять и сдѣлать курганъ, на которомъ будетъ поставленъ памятникъ.

21-го Февраля... Въ 4 часа еще однажды посѣтилъ раненыхъ и двумъ отнесъ по просфорѣ, ибо сами просили святого хлѣба. Въ больныхъ открывается потребность во всемъ священномъ. Болѣе ничего особеннаго не случилось.

23-го Февраля... Обѣдалъ у меня іеромонахъ Иннокентій, смотритель Инкерманской киновіи, которая еще существуетъ въ добромъ здоровьѣ, и его послушники тамъ витаютъ....

Весь этотъ день былъ для меня тяжелъ по причинѣ случившагося въ церкви воровства. Боже нашъ! Въ такое время, когда стыдно и сказать, чтобы были люди въ городѣ, не боящіеся гнѣва Божія! Однако есть. Горе намъ!....

25-го Февраля.... Сего же числа получилъ отъ преосвященнѣйшаго владыки нашего, архіепископа Иннокентія, важную бумагу: это прошеніе православныхъ жителей Крымскаго полуострова о дарованіи сему краю самостоятельной іерархіи или каѳедры архіерейской, чѣмъ будетъ почтена апостольская древность Православной Церкви, благоукашится колыбель Русскаго христіанства въ Крыму, поставится оплотъ противъ господствующаго въ немъ магометанства, положится одинъ изъ благонадежнѣйшихъ залоговъ къ полнѣйшему слиянію сего края съ составомъ Имперіи и преподается здѣшнему христіанскому населенію новое средство къ уврачеванію себя отъ язвъ, нанесенныхъ ему враждебнымъ вторженіемъ иноплеменниковъ и мятежнымъ возстаніемъ туземныхъ Татаръ....

28-го Февраля... Запишу копію письма, которое вчера встрѣтилъ у сестеръ. Оно передано имъ отъ начальника штаба кн. Васильчикова, для прочтенія раненымъ больнымъ:

„Къ раненымъ православнымъ воинамъ“.

Здравствуйте, мои незабвенные братцы! Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, поздравляю васъ; прижимая васъ къ сердцу, цѣлую ваши драгоценныя раны, коими вы украшены за православную вѣру и отечество. Посылаю вамъ рубахъ сколько могу. Увѣряю васъ, что непрестанно молю Спасителя Бога о укрѣпленіи силъ и дарованіи вамъ побѣды на врага.

Дражайшіе друзья! Желая вамъ всякаго добра и счастья, прошу принять мой дружественный совѣтъ.

Господи всесильне! Просвѣти и укрѣпи меня своею благодатью. Какія-бы ни находили скорби на васъ, но вы не унывайте: ибо Господь съ вами, и сила Божія совершается въ васъ наиболѣе; и притомъ направляйте сердца свои къ всемогущему Богу, и Онъ утѣшитъ васъ здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, какъ Податель жизни и благъ; молиться можно и сидя, и лежа, лишь бы съ душевнымъ расположеніемъ.

Милые голубчики! Кто не позавидуетъ изъ благоразумныхъ вашему счастью, что вы избраны защищать не только отечество свое дражайшее, но и Самого Бога Вседержителя. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пострадавъ за спасеніе рода человѣческаго, оставилъ намъ образецъ вѣры и любви къ достиженію царствія Божія. Надо же намъ

сберегать эти дары Божіи добрыми дѣлами: ибо Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Знайте, что ваша блистательная участь дорогѣ для всей Богохранимой Россіи, и всякъ изъ соотчичей вашихъ готовъ подать вамъ руку помощи и облегчить васъ искреннимъ усердіемъ. Стобитъ вамъ только, благословенные защитники Православія, бодриться и помышлять, что каждая капля крови вашей геройской оцѣняется вашимъ отечествомъ заботливымъ высоко и вознаграждается достойно любвеобильнымъ Царемъ, Отцомъ нашимъ. При томъ памятите, вѣрные сыны Востока и потомки благочестивыхъ предковъ Россіянъ, что св. Архистратигъ Михаилъ, воевода небесныхъ воинствъ и побѣдитель враговъ церкви Божіей, стоитъ съ вами за св. вѣру и облагодатствованнымъ мечомъ своимъ охраняетъ насъ всѣхъ отъ враговъ, и всѣ святые, радуясь вашему доброму подвигу, молятъ Христа Бога о исцѣленіи васъ. Будьте же спокойны, хранители земли Русской, и радуйтесь: ибо Самъ Царь Небесный избралъ васъ на это св. дѣло—защищать православную вѣру, распространенную въ нашемъ дражайшемъ отечествѣ Самимъ Творцомъ неба и земли чрезъ В. К. Владимира.

Вѣрите, что Всеблагій Господь исцѣляетъ васъ, исповѣдниковъ Его св. вѣры, выполняющихъ сильно истины Св. Евангелія.

А когда возстанете отъ одра болѣзни, то постарайтесь возблагодарить Всемилоствиваго Спаса всѣмъ сердцемъ за безчисленныя милости, и въ упованіи на всеильную благодать Его идите смѣло противъ враговъ и стойте твердо за православную вѣру, за благочестивѣйшаго царя и за отечество дражайшее. А на такое дѣло святое благословляю васъ благословіемъ Господнимъ и желаю вамъ духа христіанскаго, свойственнаго Русскому человѣку и сердцу. Цѣлую васъ еще, испрашивая вамъ отъ Господа Бога премилосердаго помощи вамъ.

Священникъ К..... М....

6-го Января 1855 г. Село В.

Потомъ посѣтилъ раненыхъ больныхъ въ Николаевской батарее, гдѣ они представляютъ гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, чѣмъ въ другихъ пунктахъ. Многіе изъ нихъ сидятъ и съ видомъ веселымъ, свидѣтельствующимъ о возвращеніи силъ; другіе прохаживаются, ведутъ разговоры и проч. Начинаютъ жить. Весьма пріятно было встрѣтиться съ больными, поступившими сюда изъ инженернаго двора: здѣсь былъ второй перевязочный пунктъ. Первый находился въ домѣ Благороднаго собранія. И еще одинъ—въ Корабельной части города. Они взаимно очень были рады, увидѣвъ знакомаго своего батюшку.

1-го Марта. Свѣтло всходило солнце, но не свѣтло было для насъ утро этого дня. Въ два часа ночи свиты Его Величества генераль-

маіоромъ кн. Паскевичемъ привезена въ Севастополь печальная вѣсть о кончинѣ Государя Императора и съ разсвѣтомъ была уже всеѣмъ извѣстною. Пока она еще носилась по городу слухомъ, никто не хотѣлъ вѣрить; страшно было даже слышать или передать ее другому; на крайность склонялись разумѣть это о Государынѣ Императрицѣ, о которой давно было извѣстно, что она больна и уже другой разъ потребовала къ себѣ дѣтей (В. К. Николая и Михаила Николаевичей) изъ Севастополя. Такъ говорили, а значить, что послѣдній разъ ихъ позвали домой по случаю болѣзни Государя Императора. Доблестные царевичи не могли впрочемъ застать своего августѣйшаго родителя въ живыхъ. Государь Императоръ скончался 18 Февраля, а они выѣхали изъ Севастополя на 22 Февраля ночью. Печаль неимовѣрная, неожиданная, глубокая! Одинъ Господь, поставляющій царей и преставающій, вѣдаетъ, для чего такъ неблаговременно для насъ воззвалъ къ Себѣ высокаго помазанника Своего, для чего въ такое время повелѣлъ зайти солнцу нашему... Да не рекутъ враги наши: Богъ оставилъ есть ихъ....

Въ 7 часовъ утра былъ у раненыхъ больныхъ въ инженерномъ домѣ, и еще не слышали здѣсь печальной вѣсти. Черезъ полчаса собрались медики и объявили о томъ за вѣрное. Безмолвіе было первымъ выраженіемъ невыразимой скорби. Чьему сердцу не была болѣзненна вѣсть эта? Кто не понималъ важности тяжкаго посѣщенія Божія? Не могшіе удержать своихъ чувствъ плакали.

На перевязочномъ пунктѣ засталъ 6 раненыхъ взрывомъ одной бомбы: одни тяжело, другіе—легче. Исповѣдалъ и приобщалъ двухъ.

Возвращаясь домой, я уже встрѣчалъ войска, проходившія къ Михайловской церкви, гдѣ на площади имѣли принести присягу вступившему на престоль государю императору Александру Николаевичу и наслѣднику престола цесаревичу великому князю Николаю Александровичу. Священная присяга началась въ 11 час. Поставлены были 5 налоевъ, на которыхъ лежали кресты и евангелія. По желанію генер. Сакена ускорить это дѣло, я послалъ еще съ своей церкви 2 наложя съ евангеліями и крестами. У каждаго наложя строились войска и, поднявъ руку, произносили за священниками присягу—генералы, и солдаты, и граждане вмѣстѣ, гдѣ кто могъ присоединиться. И въ другихъ пунктахъ города собирали баттарейныя и другія команды и приводили къ присягѣ такимъ же порядкомъ. Сначала читанъ былъ манифестъ государя императора Александра Николаевича о смерти его августѣйшаго родителя, потомъ приказъ его же величества съ объявленіемъ войскамъ послѣдней воли покойнаго императора и наконецъ присяга.

Въ 9 часовъ утра былъ у меня квартальный надзиратель отъ имени Севастопольскаго полицмейстера предварить, чтобы я не отлучался изъ дому, ибо нужно будетъ приводить къ присягѣ. Спросивъ, слышалъ ли я о кончинѣ Государи Императора, и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что этому слѣдовало быть по пророчествамъ. „Какимъ“? спрашиваю. „Греческимъ“, отвѣчаетъ: „гдѣ говорится о смерти въ это время великаго государя“. Квартальный— Грекъ, и я понялъ, о какихъ пророчествахъ говорить онъ. Богодухновенность и самая подлинность этихъ священныхъ для Грековъ пророчествъ (Агаѳангела) не доказана; однако многое и весьма многими— даже непростыми людьми, говорится въ пользу ихъ. Однажды (это было еще до осады) касательно этихъ пророчествъ я предложилъ многолѣтнему и высокаго сана старцу (изъ Грековъ) вопросъ, нѣтъ ли здѣсь подлога? Не представлены ли авторомъ будущими событія совершившіяся?— „Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ: „я имѣю эту книгу больше сорока лѣтъ, и на моихъ глазахъ исполнилось многое“; началъ исчислять политическія событія конца прошедшаго столѣтія и начала настоящаго и дошелъ, кажется, даже до Бельгіи. Въ настоящее время Греки ожидаютъ исполненія въ нихъ того, что касается Греціи и Царяграда. Я знаю одного изъ нихъ такого пылкаго патріота и горячаго приверженца пророческой книги (онъ знаетъ ее наизусть), который несутя рассказываетъ, какъ онъ будетъ жить въ воскресшемъ своемъ отечествѣ и заранѣе распределяетъ настоящимъ своимъ имѣніемъ, что въ церковь, что друзьямъ на память—и все за счастье (если увидить) отечества.

Весь день былъ ясный и теплый. На батареяхъ непріатели могли замѣтить отсутствіе или малое число гарнизона, отозваннаго для принесенія присяги. Могли ли знать они причину? Неизвѣстно; но переметчики, какъ говорятъ, случаются и съ нашей стороны. Въ арміи не безъ порочныхъ и. Подобные бѣглецы, конечно, не могутъ дать примѣра другимъ, ни тѣмъ болѣе пятнать вѣрность присягѣ Русскаго солдата.

3-го Марта. Къ вечеру, въ 5 часовъ, второй разъ посѣтилъ раненыхъ; на перевязочномъ пунктѣ нашелъ одного только новаго страдальца, раненаго въ руку. „Говѣлъ ли ты, другъ мой?“— „Благодаренье Богу, отговѣлся, какъ слѣдуетъ“, былъ отвѣтъ флотскаго унтеръ-офицера. Такіе отвѣты всегда даютъ раненые воины. Легче ему или очень трудно, а иной едва дышитъ, а на вопросъ, какъ твое здоровье? какъ себя чувствуешь? всегда прежде скажетъ: „Слава Богу, батюшка“, а потомъ уже скажетъ и что-нибудь о боли. Утѣшая страдальцевъ, я говаривалъ имъ: „Терпите, братцы. съ вѣрою. Обра-

щайтесь чаще мыслью къ Господу Иисусу, Который также имѣлъ на себѣ раны, принятыя за наши грѣхи. Не вы первые въ ранахъ; прежде васъ имѣлъ ихъ на себѣ Господь“. Усвоивъ эти мысли, они сами повторяютъ ихъ и уже такъ отвѣчаютъ на вопросъ о здоровіи: „Чтожь дѣлать? Нужно терпѣть. Господь терпѣлъ.... а мы грѣшныя“... и проч.

4-ое Марта.... Говѣющихъ было въ церкви немного; исповѣдь (послѣ повечерія) окончена въ часъ. Кажется, трудное время настоящее имѣетъ большое вліяніе на насъ грѣшныхъ; въ кающихся слышно болѣе искренности и сокрушенія сердечнаго.

Вечеромъ посѣтилъ опять перевязочный пунктъ (что въ домѣ Собранія), засталъ тамъ спокойствіе и тишину, чему утромъ было противное. Вновь раненыхъ поступило только три. Итого въ сутки было 73 раненыхъ, а не 80, какъ говорили утромъ. Это впрочемъ мало въ сравненіи съ 3 перевязочнымъ пунктомъ (съ Корабельной), гдѣ въ теченіе 3 дней раненыхъ постоянно около этого числа. Театръ войны вдругъ перенесенъ на Инкерманскую сторону, и тамъ стало больше потери.

5-го Марта. Утро и весь день холодно: дуетъ вѣтеръ сѣверный. Въ домѣ Собранія не было вновь раненыхъ. Счастливыи день или лучше ночь, ибо неизвѣстно, что будетъ къ вечеру. Всякій разъ входя въ этотъ домъ (прежде) веселія, нельзя не подивиться, какъ онъ удобенъ былъ тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ—домомъ плача. Это пріютъ для раненыхъ со всѣми удобствами, больному необходимыми. Прежде чѣмъ дойти до дверей залы, двери въ сѣняхъ сами затворялись за вами; вы не вносите къ больнымъ холоднаго воздуха. Главная зала, высоты въ два этажа, имѣетъ окна только вверху, отъ чего свѣтъ здѣсь для больныхъ умѣренный, воздухъ очищается, не подвергая ихъ сквозному вѣтру. Въ другихъ, меньшихъ залахъ голубые, малиновые и зеленые обои, все богатые, могутъ даже развлекать солдатика, не бывшаго никогда въ такихъ роскошныхъ палатахъ; могутъ, пожалуй, подчасъ заставить его забытья, что онъ въ лазаретѣ, и тѣмъ сократить иную минуту его страданій. Койки съ чистымъ на нихъ бѣльемъ и постелями, столики при каждой кровати и прочія принадлежности госпиталя, въ порядкѣ содержимыя сестрами, все это расположено съ такимъ удобствомъ и искусствомъ, что, при большомъ размѣрѣ залъ, составляетъ даже красоту своего рода. Всѣхъ кроватей здѣсь 182. Операціонная зала (прежде билліардная) весьма удобна для своего назначенія, какъ по вмѣстимости, такъ и по освѣщенію. Для дежурства медиковъ и сестеръ есть особые покои, и все это подъ рукой. Это прекрасно! И лучше ходить въ домъ плача, нежели веселія, говоритъ Премудрый.

Въ Инженерномъ домѣ и также въ домѣ Гущина и Орловскаго я засталъ тѣхъ же больныхъ, старыхъ знакомыхъ, кои всѣ, прежде чѣмъ подверглись врачеванію тѣла, уврачевали душу. Итакъ, кромѣ одного посѣщенія, я не имѣлъ сегодня случая услужить чѣмъ-либо раненымъ воинамъ. Потому мнѣ весьма пріятно было услышать отъ молодаго раненаго солдатика, что ему хотѣлось бы яблокъ, и услужить въ этомъ.

10-го Марта. Пока благодареніе Богу! На перевязочномъ пунктѣ и въ это утро я засталъ покой. Въ домѣ Орловскаго *) для одного больного служилъ молебень, другого исповѣдалъ и приобщилъ. Раненый матросъ предложилъ мнѣ за молебень деньги. Обыкновенно я совѣтую эти лепты обращать на масло для лампадки въ ихъ же палаткахъ, и я еще ни отъ кого не принималъ. При этомъ я имѣлъ въ виду между прочимъ и то, что не имѣющіе копѣйки не посмѣли бы обратиться съ просьбой помолиться за нихъ, если бы видѣли, что я принимаю за это деньги, какъ и дѣйствительно въ этомъ я не ошибся. Но на этотъ разъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны больного и долженъ былъ уступить. Больной до того обидѣлся, что у него навернулись слезы. Таковъ уже взглядъ утвердился у простыхъ людей, что если священнику ничего не дать, то и молитва Богомъ не принята.

Сегодня съ новоприбывшими для службы во флотъ іеромонахами получены отъ преосвященнаго архипастыря нашего, неусыпно пекущагося о духовныхъ нуждахъ паствы своей, „во обстояніи сущей“, списки Касперовской иконы Богоматери для раздачи по бастіонамъ и батгареямъ и также списки образа священномучениковъ, въ Херсонисѣ епископствовавшихъ.

17-го Марта....

Отъ адъютанта слышалъ, что Французы во время уборки тѣла (послѣ дѣла съ 10-го на 11-ое Марта) не могли надивиться нашей сѣрой формѣ—общей для генерала и солдата; они хвалились, что объ этомъ думаютъ и у нихъ, и одинъ баталіонъ будто бы одѣтъ уже подобнымъ образомъ. Нельзя было не замѣтить, что непріятели, прежде чѣмъ подняли переговорный флагъ, приготовились къ свиданію: всѣ у нихъ были въ чистомъ платьѣ, офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ, все до мелочи было на нихъ щеголевато, какъ будто не ими рыты траншеи, изъ которыхъ высыпали, какъ муравьи. Интересны, говорятъ, были любезности нашихъ удалыхъ матросовъ съ Французскими солдатами. Матросъ предлагаетъ Французу съ рожка табаку, тотъ угощаетъ его ромомъ; матросъ пьетъ кружку, затѣмъ другую—третью, и осушаетъ

*) Временный госпиталь.

фляжку къ удивленію Француза, для котораго это была дневная порція. За бесѣдою, конечно, непонятною, начинались болѣе понятныя лобзанія. „Ужели у васъ матросы доселѣ на баттаряхъ?“ спрашивали Французы, „Да много ли у васъ этихъ молодцовъ?“ Имъ отвѣчали, что съ 14 ко- раблей, и еще есть, слава Богу, сколько нужно.

18-го Марта....

Вечеромъ посѣтилъ больныхъ въ двухъ мѣстахъ. Въ Инженерномъ домѣ медики и сестры, служившіе раненымъ, пріобрѣли такую извѣстность и любовь у своихъ пациентовъ, что раненые, переведенные отсюда въ Николаевскую баттарею (госпиталь, устроенный въ этомъ огромномъ зданіи) просятся назадъ. Сегодня двое изъ такихъ возвратились изъ Николаевской баттары, и одинъ перепросился изъ Александровскаго госпиталя.

19-го Марта. Утро пасмурное, холодное и съ небольшимъ дождемъ. Отъ пальбы спокойно. Служилъ молебенъ на перевязочномъ пунктѣ для одного изъ раненыхъ. Уставъ бороться съ благодарностью раненыхъ, сталъ наконецъ принимать ихъ лепты и передавалъ уже тайно сестрамъ для обращенія на масло для лампадокъ въ палатѣ или же самихъ же больныхъ. Въ Инженерномъ домѣ исповѣдалъ и пріобщилъ двухъ трудно-больныхъ, кои посему пожелали того уже въ другой разъ. Еще напутствовалъ одного (ибо, кажется, не жить ему) въ домѣ Гущина. И отъ этого больного услышалъ тяжело выраженную скорбь, что денегъ у него нѣтъ (т. е. чтобы дать священнику). Ожидайте-жъ отъ больныхъ, при такомъ образѣ мыслей, чтобъ они сами сказали: хочу исповѣдаться и пріобщиться? Нѣтъ, съ такими необходимо обращаться, какъ съ дѣтми, не умѣющими говорить, коихъ желаніе нужно предупредить, угадывать, выспрашивать. Только-что возвратился домой, просятъ къ больной дамѣ, пожелавшей исповѣди и Св. Тайнъ. Она жаловалась на трудность настоящаго положенія. Дѣла, подъ выстрѣлами, хотя доселѣ хранима Богомъ, больная окружена дѣтми и, какъ видно, всѣми недостатками: мужъ на службѣ военной, которую трудно теперь соединить съ попеченіемъ о семействѣ; готова бы выѣхать куда-либо, но беременна, и дни для ней послѣдніе. Боже мой! Сколько здѣсь теперь скорбей и слезъ, которыя не для всѣхъ видимы. Осадное положеніе не помѣшало намъ сегодня разжиться и вербою, и мы совершали крестный ходъ съ ваями, какъ и въ обыкновенное время.

Слышу, что прибыли къ намъ сестры 4-го отдѣленія и устраиваются въ Александровскомъ госпиталѣ (въ морскихъ казармахъ, что на Корабельной). Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ, а увѣренъ, что все пойдетъ тамъ непремѣнно къ лучшему.

20-го Марта. Недѣля Вайй. На утрени, хотя церковь была наполнена преимущественно солдатами, при раздачѣ вербы тотъ же былъ беспорядокъ и шумъ. Вездѣ у православныхъ есть терпѣніе, въ однихъ храмахъ Божіихъ нѣтъ его. Чтò бываетъ при раздачѣ вербы, артоса, въ навечеріи Богоявленія, при освященіи воды въ одномъ годѣ, то и всегда: всякій хочетъ здѣсь упредить другого.

Послѣ утрени имѣлъ время сходить только напутствовать на перевязочный пунктъ, гдѣ впрочемъ не нашель особаго занятія. Дежурныя сестры сожалѣли, что не могли быть къ утрени, и звонъ, бывшій въ 4 часа, только напомнилъ, чего онѣ лишаются, т. е. вербы. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ имъ пучекъ праздничныхъ вѣтвей, съ тѣмъ чтобы удѣлили ихъ и другимъ сестрамъ.

Во время обѣдни церковь была полна, конечно, всякихъ воиновъ, преимущественно матросовъ и солдатъ. Стоялъ въ алтарѣ Крестовоздвиженской общины іеромонахъ Веніаминъ, котораго очень мнѣ хотѣлось пригласить къ себѣ и познакомиться съ нимъ поближе. Но онъ не имѣлъ времени обождать, а я задержанъ былъ въ церкви исправленіемъ требъ. Онъ спѣшилъ видѣться съ вновь прибывшими сестрами 4-го, вѣроятно, отдѣленія: онѣ только что прибыли въ Севастополь.

Послѣ обѣдни, проходя къ больному имяниннику, о. Лазарю, еще однажды зашелъ на перевязочный пунктъ, гдѣ засталъ больныхъ за обѣдомъ; пусть кушаютъ на здоровье. На пути слышалъ отъ штурманскаго офицера, что вчера непріатели чрезъ парламентаря просили нашего согласія по случаю праздника Пасхи (который въ этомъ году у нихъ совпалъ съ нашимъ?), на перемиріе на три дня. Въ Корабельной рассказывали даже, чтò отвѣчалъ на это князь Горчаковъ. Именно: „основываясь на политикѣ Англичанъ и Французовъ, какъ поступили они въ это время въ Одессѣ, онъ не можетъ довѣрить ихъ слову“.

Тамъ же слышалъ я, что планъ князя Горчакова, который скоро приведенъ будетъ въ исполненіе, состоитъ въ томъ, чтобы ударить на непріателей съ Чоргуня и завладѣть Сапунъ-горой, для чего будетъ сдѣлано прежде движеніе съ Севастополя, чтобы отвлечь отъ Чоргуня Англичанъ. Для этого князь Горчаковъ съ своей главной квартирой переходитъ на Чоргунъ.

Еще—какъ о невѣроятномъ случаѣ—рассказывали о побѣдѣ 10-ти матросовъ съ однимъ... офицеромъ. Четверо изъ нихъ Поляки:—это понятно. Прочихъ нечѣмъ защитить. Къ утѣшенію есть и лучшій примѣръ: унтеръ-офицеръ, взятый при вылазкѣ въ плѣвъ, съ опасностью жизни нашель случай возвратиться къ намъ. Унтеръ-офицеръ

весьма дѣльный и многое интересное могъ сообщить князю Горчакову, который наградиль его тремя стами рублей и обѣщаль офицерскій чинъ.

Еще изъ того же источника: при поднятіи 12-го Марта переговорнаго флага, когда наши съ врагами ходили переговариваться не какъ съ врагами, матросъ повель туда и своего маленькаго сына. Французъ далъ мальчику монету и приглашалъ идти къ нимъ. „Нѣтъ—отвѣчалъ матросенокъ—пойдемъ къ намъ“.

Вечеромъ былъ я у старца-митрополита Агаангела, ради его собственнаго дѣла, и между прочимъ предложилъ ему церковный вопросъ настоящаго времени: когда быть въ Великій Пятокъ выносу плащаницы, такъ какъ по случаю праздника Благовѣщенія въ этотъ день должна быть литургія, а по уставу субботня вечерня полагается послѣ царскихъ часовъ, предъ литургіей? Ужели предъ литургіей, какъ вынось плащаницы обыкновенно бываетъ на вечернемъ богослуженіи? Или послѣ литургіи, которая во всякомъ случаѣ должна совершиться раньше вечерняго времени, и даже до полудня? Изъ Пасхалии, начинающей съ 1808 года, видно, что это первый случай такого степенія въ подвижныхъ праздникахъ, а потому это обстоятельство по новости есть, дѣйствительно, для всѣхъ вопросъ.

21-го Марта. Утро посвятиль службѣ на перевязочномъ пунктѣ. Для солдата-католика, за неимѣніемъ ксендза, чтобы исповѣдать и приобщить этого раненаго, я отслужилъ, по его желанію, молебенъ. Приобщая одного больнаго, который вечеромъ еще объявилъ на то свое желаніе, возбудилъ желаніе и въ другомъ, который хотя и говѣль недавно, но пожелалъ и теперь укрѣпить себя „хлѣбомъ животнымъ“.

Потомъ служба церковная и служебная... Почти ни съ кѣмъ не видѣлся и ничего особеннаго не слышалъ.

Вечеромъ побывалъ еще однажды на перевязочномъ пунктѣ и еще встрѣтился съ инвалидомъ, отыскивающимъ священника для отпѣванія умершихъ солдатъ: такъ внимательны армейскіе священники къ своей обязанности, которую сами отняли у іеромонаховъ. Спрашивается: чѣмъ же заняты они? Ровно ничѣмъ. Только и было у нихъ чрезъ цѣлый годъ одно занятіе, пока говѣли солдаты. На перевязочномъ пунктѣ и въ госпиталяхъ, мною посѣщаемыхъ, теперь ранены большею частью изъ солдатъ и разныхъ полковъ; но никогда я не встрѣчался тамъ съ какимъ-либо полковымъ священникомъ, чтобы пришелъ навѣстить своего солдата. Они, кажется, также съ ними мало знакомы, какъ я, не принадлежащій полку. Между тѣмъ офицеры приходятъ навѣстить своихъ солдатъ.

22-го Марта. Сегодня теплѣе вчерашняго (первые три дня были очень холодны). Больныхъ только посѣтилъ, но служить имъ не представлялось потребности.

Получена сегодня почта, напр., изъ Одессы, отъ 20-го Марта. Петербургская почта тоже, почти чрезъ мѣсяцъ, получена въ одинъ разъ. Едва мы узнали, что дѣлается вокругъ насъ. Носился слухъ, что Наполеонъ прибылъ въ Крымъ, къ своей арміи. Теперь изъ газетъ видимъ по крайней мѣрѣ, что онъ выѣхалъ туда. Сегодня мимоходомъ слышалъ я, что и матросы разсуждали о Наполеонѣ, какъ пріѣхавшемъ.

Служеніе Страстной седмицы, если бы не случилось нѣсколько десятковъ солдатъ, вышедшихъ изъ госпиталей и теперь говѣющихъ, было бы почти безъ слушателей, между тѣмъ какъ бывало въ мирное время церковь едва едва вмѣщала молитвенниковъ, и притомъ на половину людей высшаго общества... Впрочемъ, какъ утренняя бываетъ вечеромъ, то, кажется, освѣщеніе церкви привлекаетъ немалое число и мимоходящихъ, которые потомъ и остаются въ церкви и до конца служенія.

Четвертый бастионъ затихъ совершенно, какъ и непріатели противъ него замолчали. Въ дѣйствиі дневномъ и ночномъ Корниловъ бастионъ и редуты: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій, также бастионы №№ 1 и 2 и 3, вообще вся Инкерманская или юго-восточная сторона.

Слышалъ, что сестры 4-го отдѣленія уже устроились въ Александровскомъ госпиталѣ. Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ. Любопытно видѣть, какъ все тамъ непременно должно пойти къ лучшему. День сухой и теплый, только съ вѣтромъ.

23-го Марта. Утромъ стало извѣстно, что ночью убиты въ траншеяхъ: капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, старшій и лучшій сынъ вице-адмирала Серебрякова, Сахаровъ, отличный офицеръ, и контуженъ лейтенантъ Лазаревъ. Предъ разсвѣтомъ былъ слышенъ частый огонь пушечный и батальный, какъ будто на Черной рѣчкѣ и продолжался часа два. Не было ли тамъ какого дѣла?

Больные многіе поправляются, нѣкоторые ходятъ, новыхъ поступаетъ мало, всѣ недавно отговѣли; потому священнику службы, при посѣщеніи ихъ, особенной не представляется, кромѣ отпѣванія умершихъ, что на мнѣ не лежитъ. Итакъ и сегодня больные не дали мнѣ труда.

Сегодня снабдилъ трехъ іеромонаховъ плащаницами для бастионовъ (порадовался я такой христіанской заботливости флотскихъ командировъ о своей командѣ), двухъ іеромонаховъ—потирами, для приобщенія тѣхъ

изъ команды, кои почему-либо не успѣли еще отвѣтъ, и роздалъ чрезъ тѣхъ же іеромонаховъ для семи батальоновъ и редутовъ присланныя отъ его высокопреосвященства (архіепископа Иннокентія) списки иконы Богоматери Касперовскія. Нѣтъ, впрочемъ, у насъ и маленькой батареи, гдѣ бы не было знамени вѣры. Едва успѣли гдѣ насыпать валъ небольшой, ставятся орудія, ставится тутъ же въ нишѣ икона святаго и теплится лампадка.

Вечеромъ, окончивъ исповѣдь, поспѣшилъ навѣстить больныхъ сестеръ, изъ коихъ двѣ (въ томъ числѣ и начальница) пожелали завтра приобщиться. Служба всенощная, благодареніе Богу, идетъ безъ тревоги отъ выстрѣловъ. Изъ-за Корабельной сюда не достигаютъ, кромѣ ракетъ, которыхъ давно съ той стороны не бросаютъ.

24-го Марта. День, какъ и вчерашній, теплъ и безвѣтренъ.

Въ 7 часовъ исповѣдалъ и приобщилъ начальницу сестеръ, Бакунину и исповѣдалъ только сестру одну; потомъ медика больного, состоящаго въ штатѣ общины, также исповѣдалъ и приобщилъ. Приготовилъ и послалъ письмо въ Георгіевскій монастырь о. архимандриту Геронтію, при которомъ на плѣнную братію, къ празднику Пасхи, артось, пасху и 2 десятка красныхъ яицъ. Затѣмъ былъ въ церкви, изъ которой или отъ службы церковной возвратился въ первомъ часу. Пилъ чай и читалъ вмѣстѣ полученныя сегодня бумаги, письма и газеты. Затѣмъ приходитъ одинъ іеромонахъ, съ которымъ нужно было поговорить, потомъ другой—и для того полчаса времени. Отъ сего, т. е. отъ Іова слышалъ, что іеромонахъ Никандръ*), бывший духовникомъ его высочества въ настоящую четыредесятницу получилъ крестъ, украшенный брилліантами, на золотой цѣпочкѣ, но тоненькой. Говоритъ, что великіе князья не благодарили его деньгами, и потому этотъ крестъ данъ ему не какъ знакъ отличія, а какъ даръ. Отъ того же іеромонаха слышалъ, будто-бы, по словамъ Французскаго парламентаря, архимандритъ Георгіевскаго монастыря и братія, находящіеся въ плѣну у Французовъ, получаютъ отъ нихъ на содержаніе свое жалованье: архимандритъ—по чину полковника, а іеромонахи—по капитанскому чину.

Въ 7 час. вечера благовѣсть къ богослуженію Страстей Христовыхъ, которому въ 8 час. открывшійся сильный огонь за Корнилова-бастіономъ придалъ характеръ и другихъ страстей. Громъ орудій поражалъ слухъ молящихся, а молнія огня этого, блиставшая въ окнахъ

*) Отецъ Никандръ (позднѣе архимандритъ) былъ приглашенъ княземъ С. М. Воронцовымъ (который тоже былъ раненъ подъ Севастополемъ) въ Алушку настоятелемъ тамошней, нынѣ разрушенной, церкви. Онъ былъ изъ кунечскаго званія. Онъ оставилъ по себѣ отличную-добрую память. П. Б.

церкви, поражала и зрѣніе внимавшихъ чтенію Страстей Христовыхъ. Благодареніе Богу, пальба пупечная скоро смѣнилась штуцерною, потомъ замолкла и послѣдняя. Церковь была полна военнаго народа. Значить, кто имѣеть усердіе, всегда можетъ улучшить часть на молитву, какія бы обстоятельства и обязанности ни ограничивали его. Офицеры, впрочемъ, часто выходили изъ церкви и прислушивались, не бьютъ-ли тревогу.

25-го Марта. Великій Пятокъ и праздникъ Благовѣщенія. Совпаденіе великаго праздника съ великимъ днемъ скорби для церкви и христіанъ было очень давно, по крайней мѣрѣ никто не могъ припомнить этого случая. Потому, уже за недѣлю встрѣчали священниковъ вопросами: какъ это будетъ? А священники повторяли этотъ вопросъ другъ другу. Ибо хотя въ уставѣ на такой случай и есть особый уставъ, но тамъ ничего не сказано объ выносѣ плащаницы, что въ Россіи бываетъ въ Пятокъ, а не въ Субботу только, какъ говорится въ уставѣ. Въ своей церкви я разсудилъ прежде отдать честь празднику, которому и была совершена въ свое время литургія и въ облаченіи свѣтломъ, вечерню же Великой Субботы, которая по уставу поставлена предъ литургіей, я оставилъ вечернему времени, къ которому православные обвыкли собираться на выносъ плащаницы. Достоинно замѣчанія обстоятельство: послѣдніе дни предъ Пасхой, обыкновенно, люди бываютъ заняты суетливымъ приготовленіемъ къ празднику и при царскихъ часахъ (богослуженіи весьма важномъ) храмы бываютъ почти пусты; теперь же праздникъ Благовѣщенія привлекъ слушателей къ царскимъ часамъ, предшествовавшимъ литургіи.

Въ вечернемъ богослуженіи, при выносѣ плащаницы, тоже очень довольно было молящихся. Слово мое старалось указать слушателямъ приличествующее чувство въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нынѣ предстоимъ мы гробу Господню, оглашаемые въ одинъ и тотъ же день и гласомъ архангела-благовѣстника, и гласомъ надгробнаго пѣнія церковнаго благовѣствованному архангеломъ Сыну Божію, и гласомъ громовъ вражескихъ.

Впрочемъ, въ послѣдніе два дня Страстной седмицы, злоба вражеская, казалось, затихла. На перевязочныхъ пунктахъ немного было раненыхъ. Дни были очень теплые. Въ палатахъ больныхъ окна были открыты, чтобъ очистить ихъ воздухомъ свѣжимъ. Иные бѣлили и мыли полы, а больные, кто могъ, бродилъ по двору, глазѣли на свѣтъ Божій, который рады были видѣть, и на людей; совершенно безсильные лежали на койкахъ, среди двора.

Суевѣности въ городѣ особой не было замѣтно, какъ это бываетъ предъ праздникомъ. Многихъ занималъ вопросъ: какъ обойдутся съ нами въ праздникъ враги наши, у которыхъ также въ этомъ году праздникъ Пасхи совпалъ съ нашимъ стилемъ?

26-го Марта. Великая Суббота. Къ утрени благовѣсть былъ въ 2 часа ночи. Пришедши въ церковь чрезъ четверть часа послѣ благовѣста, я уже засталъ тамъ пришедшихъ помолиться, въ томъ числѣ и военныхъ, офицеровъ. Можно, очень можно, во всякую стражу и при трудныхъ обстоятельствахъ воздать Божія Богови и Кесарева Кесареви. „Непорочны“ и канонъ были кончены до разсвѣта, и поелику къ темнотѣ ночной присоединился и туманъ, то обхождение съ плащаницей вокругъ церкви, хотя освѣщеніе при этомъ было немалое, едва-ли было замѣчено врагами. Замѣчательно, что это освѣщенное шествіе не было встревожено даже ни однимъ выстрѣломъ пушечнымъ. Звонъ колоколовъ при этомъ былъ, какъ обыкновенно, погребальный.

По окончаніи утрени, прилучившемуся армейскому священнику я исповѣдалъ предъ Богомъ грѣхи свои. Благодарю Господа, не погубившаго меня въ моихъ беззаконіяхъ и давшему время на покаяніе мое, по крайней мѣрѣ устное. Буду-ли лучше отъ сей поры, одинъ Господь вѣдаетъ. Затѣмъ раздробилъ я агнецъ, приготовленный въ запасъ и просушилъ Дары Святыя.

Въ 7 часовъ посѣтилъ сестеръ общины Крестовоздвиженской, изъ коихъ одна, больная, требовала меня еще вечеромъ, но по встрѣтившемуся мнѣ важному препятствію я не могъ быть тамъ вчера. Большую засталъ я дѣйствительно въ недугѣ, но болѣе душевномъ, нежели физическомъ. Какъ ни высока цѣль общины, какъ ни тщательно сдѣланъ для нея выборъ лицъ, какія бы мѣры къ соблюденію въ общинѣ духа мира и любви ни были приняты, но поелику лица не изъяты отъ недостатковъ человѣческихъ, то неизбѣжны бываютъ и нѣкоторые недостатки или немощи въ самой общинѣ. Бываютъ характеры отъ природы, въ которыхъ люди не сходятся; присоедините къ сему разность происхожденія, разность воспитанія и разность лѣтъ; возьмите во вниманіе и то обстоятельство, что община таковыхъ лицъ составлена наскоро, и вы поймете, что въ прекрасной по цѣли этой общинѣ жизнь не возможна безъ нѣкоторой тѣни. Къ счастью, усердіе сестеръ въ служеніи больнымъ такъ велико и у всѣхъ ихъ эта черта такъ обща, что она служитъ самымъ крѣпкимъ союзомъ общины. Смотри на сестеръ въ ихъ службѣ, нельзя и подозрѣвать, чтобы въ ихъ общинѣ былъ какой недостатокъ въ согласіи или любви. Его можно замѣтить лишь изъ разговоровъ съ сестрами, кои хотятъ духовному отцу открыть

свою печаль. Изъ этого источника стало мнѣ извѣстно, что званіе начальницы отдѣленія есть у нихъ предметъ тѣсноты и для одной— предметъ искательства, что для сихъ начальницъ старшинство начальницы всей общины М. С. какъ будто не по душѣ, что младшія сестры не съ одинаковой охотой дежурятъ въ томъ или въ другомъ мѣстѣ, инымъ хотѣлось бы быть именно на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ чаще бываетъ начальство, гдѣ всегда посѣтители и свидѣтели ихъ сердоболія. Мнѣ кажется (въ чемъ сознавалась одна сестра), что подавляется чистое усердіе къ страждущему иногда тѣмъ побужденіемъ въ служеніи, да „видими будутъ предъ человѣки“. Если бы ту-же сестру, которая при свидѣтеляхъ такъ неутомима въ служеніи больнымъ, обречь на этотъ трудъ гдѣ-либо въ уединенномъ мѣстѣ, думаю, не стало бы той энергіи. По крайней мѣрѣ я знаю, что одна сестра обижалась тѣмъ, что ей не хотѣли поручить дежурства на перевязочномъ пунктѣ. Къ этой-то сестрѣ я и пришелъ въ это утро. „Что, вы не здоровы?“— „Ахъ, батюшка, меня всѣ обижаютъ. Я не могу переносить этого“ и проч. и проч. Уже не въ первый разъ мнѣ это слышать отъ нея. Сестра сама причиною, что по несчастному характеру своему нарывается на обиды и нерѣдко вынуждаетъ ихъ. Добрая христіанка, богомольная, но терпѣнья не имѣетъ ни капли. Не трудно повтореніемъ смѣшныхъ капризовъ и претензій потерять уваженіе у подругъ и войти между ними въ притчу. Пораженное самолюбіе обращается въ горячку душевную, отъ которой не можетъ не горѣть и тѣло. Оказалось, что больная нуждалась не въ исповѣди и причастіи, къ чему въ тревожномъ своемъ состояніи была не способна, а во вразумленіи, которымъ едва нѣсколько успокоилъ ее. Вечеромъ посѣтилъ ее опять и засталъ хотя въ постели, но въ расположеніи души довольно спокойномъ. Утромъ исповѣдалъ говѣвшую сестру одну. Въ госпиталѣ предъ праздникомъ почти не представлялось занятій; на перевязочномъ пунктѣ тоже было нелюдно. Вечеръ, какъ и день весь, предъ Пасхой былъ тихій и теплый. На рынкѣ суетились запастись для праздника хлѣбомъ и не находили его: ибо закупали еще въ печи. Но въ чемъ было совершенное отсутствіе, такъ это въ ягненкахъ и поросенкахъ. Пасхальные столы рѣдко были съ агнцемъ.

27-го Марта. Пасха. Ночь провели мы въ тревожномъ ожиданіи, какова будетъ она и какъ встрѣтимъ праздникъ. Молящихся у плащаницы и внимавшихъ чтенію Дѣяній Апостольскихъ было далеко меньше, чѣмъ въ обыкновенные годы. Нѣсколько разъ звали меня въ церковь, для освященія пасохъ на батареи и бастіоны. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ посту, когда нельзя было въ своемъ домѣ. Благовѣсть къ пасхальной утрени былъ въ 12 часовъ ночи, одно-

временно во всѣхъ церквахъ. Внѣшняго освѣщенія на храмахъ не было, о чемъ г. губернаторъ счелъ нужнымъ предупредить духовенство. Пришедши въ церковь, я засталъ ее уже полною народа, конечно, военнаго. Впрочемъ, начальство все было въ Михайловской церкви; у насъ выше полковниковъ никого не было. При обычномъ вокругъ церкви обхожденіи, съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“..., мы не были тревожимы выстрѣлами, хотя освѣщеніе отъ свѣчъ въ рукахъ народа было немалое. Можетъ быть, непріатели, у коихъ также былъ теперь тотъ-же праздникъ, не думали о насъ; по крайней мѣрѣ мы не могли не думать о нихъ, зная изъ прошлогодняго праздника Одесскаго. Благодареніе Богу, для перваго дня опасенія наши миновали.

Намъ, приходскимъ священникамъ, некуда было ходить, съ праздничнымъ обычнымъ христославленіемъ. Городъ давно пустъ отъ нашихъ прихожанъ, кто же изъ гражданъ по торговымъ занятіямъ оставался въ Севастополь, то и тѣ по случаю праздника выѣхали къ семействамъ въ Симферополь.

Я посѣтилъ вмѣсто того раненыхъ, которымъ это чрезвычайно отраднo было. Въ то время (въ 8 часовъ утра) шла ихъ перевязка. Посѣтилъ и сестеръ Крестовоздвиженской общины въ ихъ квартирѣ.

День былъ не совсѣмъ ясный, вѣтрeный и предвѣщавшій перемѣну погоды.

Въ непріятельскихъ траншеяхъ сидѣли съ ночи и весь этотъ день Турки, которые производили пальбу весьма частую, даже залпами, когда на нихъ никто не нападалъ. Полагаютъ, что это они дѣлаютъ изъ трусости. Была пальба и пушечная, но не частая. Съ нашей стороны стрѣляли лишь по необходимости. У Французовъ въ продолженіи всего дня слышны были музыка и пѣніе. Они праздновали Пасху, предоставивъ насъ Туркамъ.

28-го Марта. Второй день Пасхи. По вчерашнему дню можно было на сегодня ожидать дождя; дѣйствительно, онъ начался еще до разсвѣта, съ ночи. Но утромъ, предъ благовѣстомъ къ утрени, полился на насъ и другой дождь—огненный. Онъ шелъ съ небольшими промежутками и днемъ, и ночью въ продолженіи 10 дней. Бомбардировку непріатели одновременно открыли по всей линіи баттарей отъ Херсонеса до Инкермана по Севастополю. Хотя флотъ не принималъ участія въ бомбардировкѣ, но громъ орудій, трескъ лопавшихся бомбъ и визгъ идеръ живо представляли ужасъ 5-го Октября, несмотря на то, что въ теченіи полгода мы привыкли ко всякому страху. Дождь и сырость ослабляли теперь эффектъ, но они же придавали ему что-то другое, особенное, съ ненастьемъ погоды гармонировавшее и наводившее уны-

ніе на душу. Церковь, вчера полная, сегодня, на второй день праздника, вдруг опустѣла. Во время утрени, отъ близкаго взрыва бомбы, въ церкви произошло такое сотрясеніе, что, стоя у престола, я почувствовалъ подъ ногами сотрясеніе пола. Въ надеждѣ на покровъ небесный, мы продолжали, какъ и прежде, богослуженіе безостановочно и своевременно во всѣ дни бомбардировки. Одно ядро ударило въ карнизъ церкви и, нанеши язву храму, отлетѣло въ садъ, другое на излетѣ легло у порога церковнаго дома, въ которомъ имѣю квартиру. Въ самой квартирѣ моей отъ взрыва другой бомбы, близъ саду лопнувшей, въ четырехъ окнахъ разбиты стекла.

Что было въ эти дни на бастіонахъ и баттарейхъ? Тѣже громы съ нашей стороны, какъ и въ первую бомбардировку, только съ вѣрнѣйшимъ расчетомъ и потому рѣже, чѣмъ иногда выстрѣлы непріятельскіе. Наученные опытомъ, наши моряки-артиллеристы не спѣшили удивить врага частымъ огнемъ, а вѣрнымъ прицѣломъ наносили вѣрный вредъ непріятелю. Нѣкоторые изъ баттарей непріятельскихъ уже въ первый день замолкли; нѣкоторые изъ ближайшихъ, вновь ими построенныхъ, будучи сбиты, не открывали потомъ огня; враги опять принялись съ баттарей прежнихъ, находящихся на дальнѣйшемъ разстояніи.... Противъ Корниловскаго бастіона, у Англичанъ взорванъ на воздухъ пороховой погребъ, чѣмъ нанесенъ ударъ и самой баттарей. У 4-го и 5-го бастіоновъ взорвано непріятелями нѣсколько контръминъ, не безъ вреда для людей, но безъ всякаго для бастіоновъ. къ которымъ враги успѣли подступитъ своими подкопами на весьма близкое разстояніе. На 5 и 6 бастіонѣ у насъ взорвало по небольшому пороховому погребу, но къ счастью безъ значительнаго вреда.

Въ снарядахъ непріятельскихъ замѣчена была и особенность. Ядра были и коническія, которыя летятъ съ гораздо большею быстротою и сильнѣе пробиваютъ стѣны и во что попадаютъ. Бомбы оказывались начиненными, кромѣ пороха, и свинцовыми пулями.

Надъ южной бухтой, противъ устроеннаго нами изъ военныхъ судовъ моста, непріятелями устроена особая баттарей, которою усиливались потопить этотъ мостъ. Потопили четыре судна въ нѣсколько дней. На затопшемъ суднѣ ставили ночью баржи, и народъ на зло врагамъ продолжалъ ходить по мосту, пока наконецъ не сбита была сама баттарей, вредившая мосту. Когда устроили другой мостъ выше перваго и вѣтъ выстрѣловъ, то суда, составлявшія первый мостъ, вывели въ доковую бухту. Новый мостъ изъ плотовъ на бочкахъ; онъ идетъ отъ новаго или Лазарева адмиралтейства къ казармамъ рабочихъ эки-

пажей. По этому новому мосту уже ходили 15 Апрѣля. Но и на немъ убито три человѣка.

Что было въ городѣ, или съ городомъ во время этой пасхальной бомбардировки? Новыя батгарейи непріятельскія, съ которыхъ какъ бы съ намѣреніемъ прежде не открывали огня, устроены были на такихъ пунктахъ, съ которыхъ громили именно тѣ мѣста въ городѣ, гдѣ жители доселѣ считали себя сколько нибудь безопасными и потому оставались на жительствѣ. Потому отъ мала до велика все было вдругъ объято ужасомъ и, спасая жизнь, пробиралось къ Екатерининской пристани, чтобы оттуда (уйти) на Сѣверную. Преимущественно на улицахъ замѣтно было бѣгство женскаго пола съ дѣтьми и узлами. Въ Николаевской батгарейѣ я встрѣтилъ потомъ цѣлый лазаретъ раненыхъ женщинъ и дѣтей. Тутъ лежали цѣлое семейство несчастное: мать, два сына-мальчика, третій убитъ, и дочь придавленная камнями разбитой хижины. Одна бѣдная женщина лишилась ноги, собирая щепки у шлаубаума. Въ Александровскихъ казармахъ, занятыхъ подъ госпиталь и гдѣ находился 3-й перевязочный пунктъ, медику оторвало руку и контузило одну сестру общины Крестовоздвиженской.

Тамъ былъ слѣдующій замѣчательный случай, о которомъ мнѣ рассказывалъ смотритель сухопутнаго госпиталя, Шаіевъ. Бомба, пробивши въ зданіи крышу и потолокъ и не причинивши въ 25-й палатѣ, куда попала, никакого вреда больнымъ въ этомъ этажѣ, вышла въ окно и тамъ отъ земли, гдѣ ударилась, вѣроятно объ камни, сдѣлавъ рикошетъ, попала въ окно, въ подвалъ четвертаго этажа, того-же зданія, гдѣ скрывавшую мать лишила трехъ дѣтей. Малюточкѣ оторвало головку, и смотритель со слезами на глазахъ рассказывалъ объ этой ангельской головкѣ съ бѣлокуроыми кудрями. Были несчастные случаи и въ Корабельной слободкѣ. Убиваетъ мать, а грудной ребенокъ остается живымъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая на первомъ перевязочномъ пунктѣ въ городѣ. Сердоболіе сестеръ, питавшихъ грудного ребенка коровимъ молокомъ, не продлило жизни пораженнаго малютки: онъ скоро скончался. Такіе случаи несчастные побудили полицію повторить понудительныя мѣры преимущественно противъ женскаго пола объ удаленіи ихъ изъ города. Между прочими мѣрами принята та, что женщинъ, коль скоро зачѣмъ либо переѣхали на Сѣверную сторону, назадъ въ городъ не стали перевозить. А на Сѣверной—привозъ и главный теперь рынокъ, такъ что довольно многимъ есть интересъ переплыть на Сѣверную и потомъ быть тамъ задержаннымъ. Э тотъ женскій полъ преимущественно жены матросовъ и ихъ удалое племя. Духъ свой моряки передали и своимъ женамъ, которыя показали безстрашіе

свое не однимъ пребываніемъ въ городѣ бомбардируемомъ, но и особенными примѣрами того. Именно въ Октябрьскую бомбардировку онѣ посѣщали своихъ мужей на бастионахъ и баттаряхъ (одна же 5-го Октября цѣлый день носила на 4-й бастионъ воду для питья, подносила и ядра); такъ и теперь, даже на 2-й день праздника Пасхи, являлись къ мужьямъ съ праздничнымъ обѣдомъ изъ дому (это мнѣ рассказывалъ офицеръ съ 3-го бастиона, какъ очевидецъ). Слышенъ и виденъ еще одинъ родъ бѣзстрашныхъ женщинъ, остающихся въ городѣ, о которыхъ не знаю, что сказать болѣе, какъ то, что онѣ задержаны самимъ дьяволомъ, который и здѣсь имѣетъ жатву и злыхъ дѣлателей своихъ. Впрочемъ и на Сѣверной, гдѣ ищутъ безопасности, слышно, не безопасно отъ ракетъ и бомбъ, бросаемыхъ непріятелями отъ Херсонеса и чрезъ Сѣверную бухту, отъ Инкерманскихъ высотъ.

Что было на перевязочныхъ пунктахъ? Здѣсь-то особенно было видно, что съ нами совершается въ тотъ праздникъ святой, который христіане привыкли проводить въ дняхъ радостяхъ. Въ продолженіи 10 дней здѣсь двери почти не затворялись отъ вносимыхъ и выносимыхъ раненыхъ. Были приносимы и такіе страдальцы, коимъ всякая человѣческая помощь была бесполезна. Но такихъ доктора, только взглянувъ сострадательнымъ взоромъ, на Латинскомъ языкѣ признавали безнадежными и, не медля, приказывали нести въ Гуцинъ домъ, который уже давно прослылъ „домомъ смерти“. Здѣсь въ это время былъ переполненъ страдальцами не только домъ и его галереи, но и большой конюшенный сарай. Между этими умирающими священнику, для оказанія имъ послѣдней помощи, можно было только прелазить, а не ходить: такъ ихъ здѣсь было много. Такими же безпомощными наполненъ потомъ и инженерный домъ, гдѣ какъ и въ Гуцина домѣ, тревожили какъ больныхъ, такъ и служащихъ имъ вражескіе снаряды. Мнѣ самому въ Гуцинъ домъ 29 Марта пришлось подвергнуться этому страху. Въ шесть часовъ утра я по обыкновенію пришелъ исповѣдывать и приобщать раненыхъ больныхъ, въ каковыхъ никогда нѣтъ тутъ недостатка. Исповѣдавъ и приобщивъ четырехъ во внутреннихъ комнатахъ, я перешелъ въ залу обращенную на улицу, чтобы тоже преподавать больному, лежавшему за неимѣніемъ мѣста на полу. Только что началъ читать приготовленные къ тому молитвы, поисповѣдовалъ, — гдѣ-то близко сильный взрывъ, задрожалъ домъ, зашумѣла крыша отъ сыпавшейся черепицы, и всѣ окна въ залѣ въ моментъ растворились. Хоть нѣсколько при этомъ разбилося, но и стекломъ никого ни изъ больныхъ, ни изъ здоровыхъ не задѣло. Такимъ образомъ, дѣло Божіе поневолѣ пришлось совершить и со страхомъ Божіимъ.

Легко раненыхъ, по осмотрѣ ранъ, уже перевязанныхъ, отправляли въ Николаевскую баттарею, которая, какъ ни вмѣстительна, уже не имѣла мѣстъ, по крайней мѣрѣ кроватей для легко раненыхъ. Много лежало ихъ здѣсь кучами такъ, на каменномъ полу, въ ожиданіи отъ сердобольныхъ сестеръ чаши воды или куска хлѣба, ибо и это при общей суматохѣ, при быстромъ умноженіи больныхъ, противъ дневнаго заготовленія довольствія, нелегко выполнялось. Нужно впрочемъ замѣтить, что легко ранеными были тутъ не такіе больные, которые имѣли легкую боль, но тѣ, что требовали ампутаціи, и слѣдовательно были терпимы до нѣкотораго досуга медикамъ.

* * *

Достопочтенный Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ (род. въ 1818 г., † 20 Февр. 1898), воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, священникомъ при Севастопольской Петропавловской церкви, велъ свой дневникъ по приказанію архіепископа Иннокентія, который самъ посѣтилъ осажденный Севастополь и былъ такъ недружелюбно принятъ княземъ Меншиковымъ. Отецъ Арсеній кончилъ жизнь соборнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ. За сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ его драгоцѣннаго дневника, памятника пастырской доблести, мы обязаны благодарностью протоіерею Сергію, преподавателю Св. Писанія въ Одесскомъ Кадетскомъ корпусѣ. П. Б.

ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

Письма И. С. Аксакова къ М. А. Максимовичу служатъ продолженіемъ переписки семейства Аксаковыхъ съ Малорусскимъ историкомъ, часть которой была напечатана С. Пономаревымъ подъ заглавіемъ: „Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу (письма С. Т. Аксакова и др.)“ въ „Кіевской Старинѣ“ 1883 г. Апр. Помимо дружескихъ отношеній ко всѣмъ членамъ славнаго семейства Аксаковыхъ, Максимовича связывали съ И. С. Аксаковымъ и общіе труды, понесенные ими по изданію „Русской Бесѣды,“ для завѣдыванія редакціей которой Максимовичъ былъ вызванъ въ 1857 году въ Москву изъ его Золотоношскаго имѣнія. Впослѣдствіи Максимовичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ изданій И. С. Аксакова, который относился къ Максимовичу съ глубокимъ уваженіемъ.

В. Даниловъ.

I.

Москва. 15-го Іюля 1859.

Любезнѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ. Я получилъ вчера ваше письмо, котораго начало относится къ тому времени, которое вы называете „на полу-Петра“. Пишу вамъ въ половинѣ Іюля и не знаю, какъ называть это время: на полу-лѣто, или иначе какъ? Маменька и всѣ наши благодарятъ васъ за привѣтъ и дружбу, и всѣ вамъ изъ Золотоглавой Москвы въ Золотоношское приволье посылаютъ поклонъ и благопожеланья. У насъ дома еще все очень грустно, очень сдвлено *). Братъ Константинъ Сергѣевичъ, хоть и работаетъ надъ филологіей, но работа плохо спорится. На дняхъ вы получите и IV книгу „Бесѣды“, которую я выдалъ 9 Іюля, слѣдовательно гораздо раньше срока: это оттого, что лѣтомъ всѣмъ, и типографіи въ особенности, очень досуже, да и мнѣ хотѣлось быть еще посвободнѣе. V книгу выпущу не раньше конца Сентября...

Кошелевъ былъ въ Карлсбадѣ, откуда цѣлый мѣсяцъ никому не писалъ, и наконецъ написалъ мнѣ на дняхъ, что онъ наслаждался совершеннымъ бездѣйствіемъ и беззаботностью, и что у него такая натура—чуть переступилъ границу, и Россія какъ бы не существовала. Я отвѣчаю ему и поздравляю съ такою счастливою натурою.

*) 30 Апрѣля этого года скончался Сергій Тимоѣевичъ Аксаковъ.

Онъ отправился въ Швейцарію и сѣверную Италію, а къ 20-му Іюля будетъ въ Остенде. Ольга Θεодоровна¹⁾ была въ Славянскѣ и познакомилась съ Соханской²⁾: дѣвица 32 лѣтъ, собою весьма некрасивая, но красоты душевной, по словамъ О. Θ., необыкновенной. Теперь Кошелева должна быть на пути въ Крымъ, т. е. въ Ялту.

Недавно было экстраординарное собраніе нашего Общества³⁾, и вотъ по какому случаю. Подрѣзалъ насъ О. Макс. Бодянскій въ качествѣ директора типографіи. Сначала съѣздили мы къ нему съ Лонгиновымъ и предварили о предстоящемъ печатаніи Трудовъ Общества безъ цензуры, а по опредѣленію самого Общества. Бодянскій обѣщаль содѣйствіе. Препроводили къ нему рукописи при отношеніи; вслѣдъ затѣмъ узнали, что онъ не печатаетъ. Тѣдемъ опять. Бодянскій объяснилъ, что онъ не считаетъ себя вправѣ печатать безъ дозволенія цензуры, что ему нужно удостовѣреніе въ правѣ Общества, дабы не отвѣчать предъ начальствомъ и пр., и что онъ пошлетъ запросъ въ Цензурный Комитетъ. Послѣ долгихъ толкованій, онъ предложилъ намъ самимъ сочинить за него бумагу въ Цензурный Комитетъ, что я и сдѣлалъ. Вопросъ Бодянскаго Комитету долженъ былъ заключаться только въ томъ, не послѣдовало ли измѣненій въ высочайше утвержденномъ уставѣ Общества 1827 года? Онъ обѣщаль переписать бумагу буквально и такъ и послать, но надуль, т. е. онъ переписалъ ее слово въ слово, но прибавилъ, не подвергнется ли типографія отвѣтственности, если напечатаетъ безъ цензурнаго дозволенія. Если бы онъ ограничился первымъ вопросомъ, то Цензурный Комитетъ (какъ намъ обѣщали цензора) отвѣчаль бы просто: измѣненій не послѣдовало, и всѣ были бы правы и ограждены. Но на послѣдній вопросъ Комитетъ не могъ отвѣчать положительно и представилъ вопросъ объ этомъ на разрѣшеніе въ Петербургъ. Въ собраніи Общества рѣшено: просить попечителя понудить типографію къ исполненію требованій Общества, согласно высочайше утвержденному уставу. Попечитель будетъ отвѣчать, что объ этомъ представлено въ Петербургъ (что мы теперь знаемъ только частнымъ образомъ), и тогда послать отъ Общества энергическій протестъ къ министру. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Общество рѣшило твердо отстаивать свои права. Негодованіе противъ Бодянскаго было сильное, многіе члены предложили исключить его, но вопросъ этотъ отложенъ до ординарныхъ собраній. Кстати случилось предсѣдатель-

¹⁾ Кошелева, супруга А. И. Кошелева.

²⁾ Надежда Степановна Соханская-Кохановская, писательница.

³⁾ Общество Любителей Россійской Словесности.

ствовать Хомякову. Онъ, ничего не зная, пріѣхалъ на три дня въ Москву, какъ разъ ко времени, назначенному для собранія ¹⁾).

Здѣсь Смоляръ ²⁾). Онъ живетъ у Погодина.

О Кулишѣ и прочей Малороссійско-Петербургской братіи свѣдѣній не имѣю... О газетѣ я еще и не подавалъ прошенія, по случаю отсутствія министра изъ Петербурга; тамъ теперь форшнейдерствуетъ Мухановъ ³⁾). Собираю прозаическія сочиненія Хомякова. Почти весь собралъ I томъ. Осенью или зимою нужно будетъ приступить къ печатанію. Если самъ Хомяковъ и никто другой не возьмется за это дѣло, возьмусь я.

Новостей очень мало, почти нѣтъ никакихъ. О Петербургской комиссіи по крестьянскому вопросу ровно ничего не знаемъ. Вотъ тема, на которую я желаю имѣть статьи отъ васъ и отъ прочихъ Кіевскихъ ученыхъ: „О границахъ Польши“. Намъ необходимо полюбовно, сначала на бумагѣ, размежеваться съ Поляками. Безъ этого невозможна искренность сближенія; невозможно и правительству поднимать знамя національностей или воевать съ Австріей. Безъ этого—вѣчный поводъ къ недоразумѣнію. Въ Червонной Руси этотъ вопросъ рѣшается легко, но онъ сложнѣе въ Бѣлоруссіи и затруднительнѣе въ Литвѣ. Вы бы могли, въ письмѣ къ Грабовскому ⁴⁾ разработать эту тему и напечатать въ „Бесѣдѣ“ ⁵⁾). Грабовскій пусть отвѣчаетъ, и такимъ образомъ возбудится мирная полемика.

Прощайте, добрѣйшій Михаилъ Александровичъ, поцѣлуйте ручку у Марьи Васильевны ⁶⁾). Будьте здоровы и наслаждайтесь ласками Малороссійской природы. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

II.

Статейку посылаю, но не надолго. Она очень интересна и должна быть непременно помѣщена въ „Парусъ“. Отчего тутъ пропущены 4 стиха? Знаете что? *Виноградъ* какъ-то рисуется въ воображеніи сла-

¹⁾ Данное письмо служитъ объясненіемъ писемъ Хомякова къ Максимовичу. См. „Русскій Архивъ“, вып. 1, 1908 г.

²⁾ Луницкій этнографъ. У него за границую учился одинъ изъ внуковъ М. П. Погодина. П. Б.

³⁾ Николай Алексѣевичъ Мухановъ, оберъ-форшнейдеръ, т. е. главный разрѣзывать кушанья при столѣ царскомъ. Къ нему см. посланіе Хомякова: „Благочестивому Меценату“. П. Б.

⁴⁾ М. А. Грабовскій—Польскій беллетристъ и историкъ, писавшій также по-русски.

⁵⁾ Такой статьи Максимовичемъ не было написано.

⁶⁾ Супруга Максимовича.

босильнѣ *хмѣля*. У насъ слово: „хмѣлинка“ означаетъ искру Божию и не въ одномъ пьяномъ смыслѣ употребляется. Премного и много благодарю васъ, дорогой Михайль Александровичъ. Весь вашъ Ив. Ак. ¹⁾
9-го Дек. (1858 г.).

III.

Наконецъ услышали мы вашъ голосъ, почтеннѣйшій Михайль Александровичъ; признаюсь откровенно,—хотя не сомнѣвался нисколько въ вашемъ участіи,—ваше молчаніе меня смущало. Понимаю также, что писать вамъ было тяжело, а письма Маріи Васильевны пропадали ²⁾).

Вы хотите въ Москву; для себя лично я хотѣлъ бы того же, но вспомните, Михайль Александровичъ, что Москва теперь уже не та. Все перемѣнилось. Вамъ будетъ здѣсь очень тяжело и грустно. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали ³⁾), трое сошли въ могилу, и кто же эти трое? самые главные члены нашего общества ⁴⁾). Грустно вамъ будетъ въ нашемъ домѣ. Еще грустнѣе видѣть многочисленную семью сиротъ—дѣтей Хомякова. Кошелева уѣхала за границу съ дочерью и, вѣрно, проведетъ тамъ зиму. Александръ Ивановичъ ⁵⁾), послѣ кончины Хомякова, весь отдался интересамъ хозяйственнымъ и административнымъ. Этою зимою онъ былъ приглашенъ правительствомъ въ разныя комиссіи, гдѣ членомъ, гдѣ предсѣдателемъ, и почти все время жилъ въ Петербургѣ. Будущею зимою, вѣроятно, будетъ то же. Николай Елагинъ назначенъ мировымъ посредникомъ и потому зиму проведетъ, по всей вѣроятности, въ деревнѣ, а съ нимъ, конечно, и Авдотья Петровна ⁶⁾). Я умоляю Василя Елагина пріѣхать съ Катериной Ивановной ⁷⁾) на зиму въ Москву, чтобъ не было такъ пусто въ ней для меня. Шевыревъ со всей семьей заграницей. Сами посудите, какъ грустна и пуста Москва. Къ тому же интересы внѣшніе, правда весьма важные, совер-

¹⁾ Изъ нѣсколькихъ мелкихъ записокъ И. С. къ Максимовичу мы приводимъ только одну эту, ради оригинальности ея словотолкованія. Рѣчь здѣсь идетъ о статьѣ Максимовича: „Разборъ стихотвореній Языкова“, помѣщенной въ № 1 „Паруса“ 1859 года. Годъ подъ запискою поставленъ нами. В. Д.

²⁾ Въ данный промежутокъ времени семью Аскаковыхъ постигли, одна за другою, двѣ скорби: 30-го Апр. 1859 г. скончался Сергѣй Тимошеевичъ, а 7-го Декабря 1860 г.—Константинъ Сергѣевичъ.

³⁾ Это было весною 1859 года.

⁴⁾ Т. е., С. Т. и К. С. Аскаковы и А. С. Хомяковъ.

⁵⁾ Кошелевъ.

⁶⁾ Елагина, по первому браку Кирѣвская, мать Петра и Ивана Васильевичей Кирѣвскихъ.

⁷⁾ Супруга Василя Алексѣевича Елагина, рожд. Мойеръ.

шенно заслонили интересы духовные, отвлеченные, литературные. Языкъ событій заглушаетъ литературную рѣчь. Хорошо жить въ Москвѣ и при малыхъ средствахъ, когда есть цѣлая среда, грѣющая, сочувственная, животворящая; но когда этой среды нѣтъ, тогда и недостатокъ удобствъ матеріальныхъ въ жизни дѣлается ощутительнѣе.

Тѣмъ не менѣе я даю вамъ слово искать для васъ здѣсь возможно прибыльныхъ занятій и тотчасъ васъ увѣдомить, когда найду. Сюда переводится Румянцовскій Музей, и учреждается Публичная бібліотека. Нельзя ли будетъ вамъ занять тамъ мѣсто одного изъ бібліотекарей, самыхъ главныхъ, разумѣется, не тѣхъ, которые дежурять? Я справлюсь *).

Къ осени выйдутъ въ свѣтъ печатаемые мною: одинъ томъ Полн. Собр. Сочин. Хомякова (разныя статьи); два тома Полн. Собр. Сочиненій брата Константина Сергѣевича (историч. сочиненія и разныя статьи), и вѣроятно, Полн. Собр. Сочин. Кирѣевскаго. Теперь дѣло стоитъ за біографіей, которая окончательно составлена всей семьей Елагиныхъ, но теперь исправляется Кошелевымъ.

Мнѣ разрѣшили издавать газету „День“, еженедѣльную, не политическую, но, впрочемъ, со Славянскимъ отдѣломъ. Я начну издавать не раньше Октября 1-го. Веру на себя обузу страшную. Сотрудниковъ нѣтъ; самъ я уже не тотъ, но куда живъ, долженъ по силамъ своимъ трудиться и ратовать за общее земское дѣло. Это для меня во всякомъ случаѣ рискъ: начинаю съ 500 рублями (да и тѣ заняты), а чтобы покрыть издержки годового изданія, нужно не менѣе 2000 подписчиковъ. Сами же вы можете судить, благопріятное ли теперь время для изданія газеты. Цензура вообще стала строже. Еще не знаемъ, каковъ будетъ новый министръ просвѣщенія, адмиралъ графъ Путятинъ. Онъ еще не вступилъ въ должность. Извѣстно только, что онъ религіозенъ до фанатизма, ханжа, и что все это у него какъ-то мирится съ англоманствомъ, да и женатъ онъ на Англичанкѣ. Вы, разумѣется, во всякомъ случаѣ будете участвовать въ моей газетѣ, любезнѣйшій

*) Письмо И. С. Аксакова вноситъ новый фактъ въ біографію Максимовича. Біографъ послѣдняго С. Пономаревъ, еще при жизни самого ученаго, писалъ: „Весною 1859 года Максимовичъ окончательно возвратился на родину, избѣгая суеты столичной“ („М. А. Максимовичъ“, 1872 г., стр. 66). Судя по письму Аксакова, можно скорѣе думать, что это удаленіе въ деревню было вынужденнымъ вслѣдствіе недостатка средствъ. Между тѣмъ литературныя стремленія влекли Максимовича въ центръ умственной жизни— Москву. В. Д.

Михаиль Александровичъ, неправда ли? Участіе ваше мнѣ истинно дорого ¹⁾).

Общество наше спитъ, т. е., печатаются пѣсни и словарь Даля, но все это какъ-то не даетъ жизни самому Обществу, и когда назначаются сѣзды, такъ не собирается и 8 человѣкъ. Весь смыслъ его въ публичныхъ засѣданіяхъ, на которыхъ я читалъ нѣкоторыя статьи и стихи брата, не пропускаемые цензурою въ печать.

Хотѣлось бы многого и многого, и то надо бы, и то можно бы сдѣлать, да—масла нѣтъ! И кругомъ нѣтъ масла! Нечѣмъ грѣть и горѣть. Но не хочу наводить на васъ грусть. Пусть свѣтъ ее дыханіе теплаго вѣтра, шелестящаго зеленыя вербы Михайловой Горы! Очень бы желалъ обнять васъ, видѣть вашу семейку и поцѣловать ручку Маріи Васильевнѣ. Прощайте. Сестра хотѣла писать къ вашей женѣ. Мы здоровы, но лѣто проводимъ въ Москвѣ. У насъ при домѣ, впрочемъ, хорошенькій садикъ. Весь вашъ Ив. Аксаковъ. 19 Іюня 1861. Москва.

IV.

27-го Сентября 1861. Москва.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ. Простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Причина тому—прискиваніе квартиры, и по пріисканіи—перевозка. Наконецъ все это уладилось; вотъ вамъ нашъ новый адресъ: на *Стридоновкѣ, домъ Вечеслова*. Тутъ же помѣщается и моя контора. Отъ всей души благодарю васъ за статьи, вами присланныя, и непременно начну помѣщать ихъ со 2-го №. Съ 1-го № потому не помѣщаю ихъ, что избѣгаю повторенія „Паруса“ ²⁾, а также и потому, что хочу предпослать напередъ статью объ „Основѣ“ ³⁾ вообще и объ отношеніи моей газеты къ выражаемому „Основой“ направленію. Вы чрезвычайно ловко и удачно поражаете вашего противника ⁴⁾, и надѣюсь, не оскудѣетъ ваша литературная помощь мнѣ и на будущее время. Само собою разумѣется, что я охотно отпечатаю вамъ „Оборону“ отдѣльной книжечкой. Воспоминаніе о Мицкевичѣ возмю у Лонгинова.

¹⁾ Въ „Днѣ“ (1861 г. №№: 3, 5, 7 и 9) Максимовичъ помѣстилъ свою „Оборону Украинскихъ повѣстей Гоголя“, направленную противъ отрицательныхъ статей Кулиша о Гоголѣ.

²⁾ Закрытъ въ 1859 году на второмъ №.

³⁾ Украинскій журналъ, издававшійся въ началѣ 60-ыхъ годовъ Вѣлозерскимъ.

⁴⁾ Кулиша. См. примѣчаніе къ пред. письму.

Обстоятельства, окружающія рожденіе „Дня“, такъ трудны, что, право, всякой другой отступился бы отъ этого дѣла. Начать съ того, что цензура получила *секретное* предписаніе имѣть' строжайшій надзоръ за моею газетою, и что мнѣ назначены два цензора, а третій—самъ предсѣдатель Щербининъ (теперь вѣдь особые предсѣдатели, отъ правительства). Цензора же всѣ, кромѣ Гилярова, подборъ тупиць и трусовъ. Но и Гиляровъ, послѣ разныхъ цензурныхъ исторій, вслѣдствіе которыхъ едва не лишился мѣста, сталъ боязливъ и капризенъ до нельзя.— Написалъ я пространную и серьезную программу, кажется, удачную и признанную за умѣренную всѣми благоразумными людьми; ее не пропустили, и я долженъ былъ ограничиться простымъ извѣщеніемъ, которое вамъ и посылаю. Но и тутъ Главное Управление Цензуры прислало запросъ, какъ смѣли пропустить это объявленіе, несогласное будто бы съ высоч. утвержденной программой. Несогласіе состоитъ въ томъ, что у меня противъ программы прибавленъ отдѣлъ *Смѣсь*. Впрочемъ, надѣюсь, что этотъ запросъ не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Посмотримъ, но я твердо намѣренъ держаться до послѣдней крайности.

М. П. Погодинъ, чрезвычайно разстроенный происшествіемъ со своею статьею, напечатанною въ „Акціонеръ“, и обрушившимися на него со всѣхъ сторонъ ругательствами, уѣзжаетъ на зиму изъ Москвы, не то въ Сибирь, не то въ Карачарово къ Уварову. Кажется—рѣшится на послѣднее. А. И. Кошелевъ и Елагины всѣ въ деревнѣ. Авдотья Петровна здорова. Самаринъ въ Самарѣ. Чижовъ *все хвораетъ* *). „Вѣстникъ Промышленности“ за неимѣніемъ подписчиковъ, прекращается. Я надѣюсь недѣли черезъ двѣ выдать первые томы Полн. Собранія сочиненій брата и Хомякова. Время чрезвычайно трудное. Со всѣхъ сторонъ подняты важные общественные вопросы, постановка которыхъ и самое разрѣшеніе въ обществѣ происходятъ чрезвычайно неправильно и безобразно вслѣдствіе невозможности рѣшать ихъ явно въ печати, и вслѣдствіе сильнаго развитія подземной или подметной печатной литературы. Теперь въ Петербургѣ просто terror: нѣкоторые литераторы и многіе гвард. офицеры сидятъ въ крѣпости, обвиненные или уличенные, навѣрное не знаю, въ составленіи дикой и глупой прокламаціи къ молодому поколѣнію. Разумѣется, честная, явная литература не имѣетъ съ этимъ дѣломъ ничего общаго, но она стѣснена и не можетъ предлагать противоядіе сильно отовсюду расточаемому яду. Появились листки, Богъ знаетъ гдѣ, на деревянныхъ станкахъ печатаемые, подъ названіемъ „Великороссъ“. Во 2 № ставится вопросъ о

*) Θεод. Васил.—писатель.

возможномъ отдѣленіи Южной Руси¹⁾). Какъ бы хотѣлось отдѣлать этого Великоросса, посягающаго на цѣлость Русской земли, но возражать нельзя, и Великороссъ въ чести у многихъ! Теперь страшныя исторіи происходятъ въ Петербургѣ съ университетомъ. Вслѣдствіе разившейся въ студентахъ чесотки адресовъ, больше смѣшныхъ и глупыхъ, чѣмъ серьезныхъ и опасныхъ, университетъ закрыли, о чемъ возвѣстила намъ сегодня печатная телеграмма. Мѣра слишкомъ сильная и неблагоуразумная, и нелѣпая во всѣхъ отношеніяхъ. Студенты, въ числѣ болѣе 1000, найдя университетъ запертымъ, отправились съ Васильевского Острова на Владимирскую улицу, т. е., прошли чрезъ весь городъ—къ попечителю требовать объясненія. Не знаю, кто распорядился въ отсутствіе Государя, но противъ студентовъ выдвинули войска, и дѣло чуть чуть не дошло до кровопролитія. Скверно! не можешь сочувствовать ни одной сторонѣ, ни правительству, ни обществу, все кругомъ разлагается, и поддерживаемыя²⁾ только *врою* въ народъ,—но вѣдь только *врою*. Прощайте, однако, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, обнимаю васъ и прошу поцѣловать ручку у Маріи Васильевны. Будьте здоровы и съ вашимъ Алексѣйкомъ!³⁾ Наши всѣ вамъ очень кланяются. Преданный вамъ отъ всей души Ив. Аксаковъ.

V.

Посылаю вамъ, дорогой Михаилъ Александровичъ, ваши двѣ статейки, 6 и 7-ую, а остальные постараюсь напечатать въ самомъ скоромъ времени. Дѣйствительно, читатели начинали скучать этой полемикой, тѣмъ болѣе, что Кулишовскія бредни⁴⁾ имѣли слабый отголосокъ

¹⁾ Приводимъ относящееся сюда мѣсто изъ названной прокламаціи: „Извѣстно, что (Украинскій) народъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣлется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что, при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, Великороссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ элементы національнаго могущества.“.—Нѣтъ смысла заднимъ числомъ возражать на эти слова, но слѣдуетъ замѣтить, что представители революціоннаго общества навязывали Украинскому народу сепаратистическія стремленія не съ меньшею развязностью, чѣмъ нѣкоторые государственныя политики. В. Д.

²⁾ Т. е., правительство и общество. Впрочемъ, не совсѣмъ ясна конструкція. В. Д.

³⁾ Алексѣй Михайловичъ, сынъ Максимовича, нынѣ членъ Витебскаго Окружного Суда.

⁴⁾ По поводу Украинскихъ повѣстей Гоголя.

въ обществѣ. Къ тому же „Основа“ хирѣеть и едва ли будетъ продолжаться по недостатку поддержки со стороны Малороссіи. Это жаль. Если бы „Основа“ не проповѣдывала, или вѣрнѣе, если бы не пахло отъ нея духомъ отдѣленія отъ Россіи, она могла бы содѣйствовать возбужденію мѣстнаго народнаго элемента, возбужденію, которое такъ необходимо, чтобы съ успѣхомъ бороться противъ Польской стихіи. Съ одними казенными средствами трудно побѣдить этотъ элементъ общественный, а не государственный.

Кошелевъ въ деревнѣ. Пожертвованіе въ публичную бібліотеку онъ разсрочилъ на 10 лѣтъ. У него большія непріятности. . . .—Очень радъ, что мой „День“ вамъ нравится. Не знаю, посланы ли вамъ сочиненія Хомякова, брата и Кирѣевскаго. Если нѣтъ, то по напечатаніи послѣднихъ двухъ статей вашей критики, пришлю и ихъ вмѣстѣ съ оттисками. Маменька и сестры вамъ очень кланяются, а также и Марья Васильевнѣ. Будьте здоровы, обнимаю васъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

25-го Марта 1862. Москва.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ФАВСТУ ПЕТРОВИЧУ МАКЕРОВСКОМУ.

1.

Говоря съ тобою какъ я всегда привыкъ, то есть какъ съ самимъ собою, я не могу тебѣ не ввѣрить, что дѣло идетъ о славномъ для меня мѣстѣ выбираемомъ между двумя. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это кончилось, покуда я здѣсь; но не извѣстно, когда составятся штаты, и положеніе утвердится. По душевной моей привязанности къ Москвѣ, я худшее предпочту лутчему, лишь бы только жить у васъ. Знай, милый другъ, это про себя, а любопытнымъ отвѣчай въ случаѣ вопросовъ на мой щетъ: мудрено ли, что онъ остался долѣе (разумѣется ежели бы это сбылось)? Во первыхъ ваканціи проведетъ съ сыномъ, а во 2-хъ Марья Константиновна¹⁾ ожидаетъ роды свои въ семь мѣсяцѣ. Не смотря на все это, вѣроятно, что я Пасху возьму съ вами, а не здѣсь. Твои настоянія, милый другъ, и доуки жены моей рѣшили меня объяснить съ братомъ касательно пріисканія мѣста. Онъ тотчасъ одобрилъ мысль мою и началъ дѣйствовать. Начало общаетъ блистательный успѣхъ. Зная твою молчаливость, я не прошу тебя о тайнѣ. Все это совершенно между нами, Наташею²⁾, братомъ и пятымъ еще лицомъ.

Гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, тамъ всегда куча народу. Посмотри-ка здѣсь. И для меня это задача: всѣ облиты кружевами, золотомъ, экипажи и лошади чудесные, а спроси, право нѣтъ 50 р. въ карманѣ, всѣ, всѣ холятся какъ нашъ Чижъ³⁾.

Мы третьяго дня хотѣли было ѣхать къ твоему министру⁴⁾, но сказали, что не принимаетъ. Его фактотумъ, ворочающій и управляющій всѣмъ домомъ Галицкой, отчаянно занемогъ, а вчера и умеръ.

¹⁾ Супруга К. Я. Булгакова. П. Б.

²⁾ Супруга А. Я. Булгакова. П. Б.

³⁾ Князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, по своей матери двоюродный братъ А. и К. Я. Булгаковыхъ. П. Б.

⁴⁾ Т. е. графу Д. А. Гурьеву. Ф. П. Макеровскій былъ начальникомъ Горнаго Правленія въ Москвѣ. П. Б.

Они огорчены, и потеря весьма чувствительная; ибо гр. Гурьевъ, живучи почти по царски, очень мало издерживалъ. Графъ Кочубей брату разъ сказалъ: пусть Галицкой возмется за моимъ домомъ и дѣлами смотрѣть, я ему дамъ все содержаніе и 15 т. р. жалованья въ годъ. Такъ вотъ, братъ, бѣдному и нечестолюбивому человѣку лутче служить вельможѣ какому, нежели Государю. Братъ получилъ вчера эстафету отъ гр. Браницкой*), дающей ему неприятную комисію возвѣститъ ей дочери и зятю г. Воронцовымъ о смерти ихъ сына, груднаго ребенка. Отецъ и мать очень огорчены, и мы всѣ у нихъ дежуриимъ почти цѣлый день. Здѣсь настали очень сильные морозы, ночью и днемъ 3 и 4 градуса, но снѣгъ весь и ледъ съ улицъ свезли.

С.-Пбургъ. Марта 20-го 1823.

2.

С.-Пбургъ, 24 Марта 1823.

Воронцовы въ горѣ, и мы все у нихъ, угѣшаемъ ихъ послѣ печальнаго извѣстія о кончинѣ ихъ сына. Вотъ чета рѣдкая. Какая дружба, согласіе и нѣжная любовь между мужемъ и женою! Это точно два ангела. Мы въ Среду о тебѣ думали у Гурьева. Несельроде, поговоря съ тестемъ своимъ, подошелъ къ брату и сказалъ: *N'avez vous pas quelqu'un, donnez nous un brave homme pour vice-gouverneur ici*. Брату никто не пришелъ въ голову кромѣ тебя, но ты имѣешь пріютъ хорошій. Я подумалъ о Брокерѣ (человѣкъ усердной и честной), но не смѣлъ говорить, не зная его мыслей; онъ и жена его не любятъ Питера, а дѣло должно рѣшиться на дняхъ. Видѣлъ я у Гурьева вашихъ Ланскихъ, кои ѣдутъ на дняхъ въ Москву навсегда, видно, чтобы быть поближе къ наслѣдству старика Одоевскаго. Спрашивали оба о васъ у меня. Майковъ прочь отъ театра; не знаютъ еще, кто займетъ его мѣсто, онъ ищетъ сенаторства. Князь Дм. Волод. боленъ. Вотъ, кажется, и все.

3.

Марта 26-го 1823.

Я только было принялся къ тебѣ писать, любезнѣйшій мой другъ, явился нечаянно Воронцовъ звать къ себѣ обѣдать, долго заболтались, не могъ отказаться, хотя и обѣдалъ у него вчера съ братомъ. Въ Воскресенье неожиданно передъ обѣдомъ изволилъ его ошастливить Государь императоръ своимъ посѣщеніемъ и пробылъ съ часъ. Графъ и графиня восхищены его ласкою. Вчера имѣли они кучу визитовъ отъ

*) Это теща гр. М. С. Воронцова, который въ это время готовился къ должности Повороссійскаго генераль-губернатора и жилъ въ Петербургѣ. П. Б.

придворныхъ подлецовъ. Право, гадко смотрѣть на эту гнусную толпу не имѣющую никакого собственнаго чувства.

Встрѣча моя съ Государынею подлинно меня безъ ума восхитила. Вчера имѣлъ я опять щастіе истрѣтить ея вел-во на лѣстницѣ Эрмитажа, и она изволила сказать: *On voit que vous aimez la peinture, vous venez souvent ici.* Это моя любезнѣйшая прогулка.

Буше этотъ, человѣкъ предерзкой, мнѣ много объ немъ говорилъ Воронцовъ, знающій его коротко. Я тебя увѣряю, что ежели бы я былъ въ Москвѣ, я бы ему не спустилъ его нахальства. Французу потакать опасно: сидеть и на носъ, только позволяй. Я справлюсь, зачѣмъ вытребованы планы Правленія, а на щетъ серебряниковъ будь совершенно покоенъ, это все вздоръ. Я брату говорилъ о тѣхъ, коихъ ты желаешь представить; онъ тоже говоритъ, что министру недолго сказать и имѣть его согласіе, но лучше все таки прежде поговорить намъ съ Мечниковымъ. Теперь явилась и хозяйка наша Мамонова, а я безъ церемоніи продолжаю тебѣ писать, сидя въ своемъ халатѣ. Вотъ у насъ какъ! Она велитъ кланяться твоей Соф. Серг. *)

Вася Голицынъ подалъ графинѣ Соф. Влад. отчетъ въ управленіи своемъ Строгановскимъ имѣніемъ. Онъ въ 17 мѣсяцовъ сдѣлалъ экономіи на 470 т.; у нихъ тоже открыты золотоносные пески, какъ у Яковлева, но очень еще мало. Мосты сняты и, кажется, Нева сегодня пройдетъ. У Французскаго посла гр. Лафероне жена родила дочь. Государь изволилъ быть воспріемникомъ съ гр. Несельродшею. Братъ устроилъ съ кн. Дм. Волод. дѣло о дилижансѣ между Москвою и Троицею. Князь былъ въ лихорадкѣ, однакоже вчера выѣхалъ и былъ первый разъ въ Совѣтѣ, куда ѣздитъ регулярно. Закревскій сказывалъ, что скоро будетъ сюда Нейдгардтъ, нашъ Московскій, на мѣсто Желтухина начальникомъ Гвард. Штаба, а Ж. отпущенъ на Кавказъ.

4.

28 Апрѣля 1823.

Здѣсь все еще не утихаютъ разговоры о Гурьевой отставкѣ. По городу ходятъ стишки на этотъ случай. Вотъ они, только совѣтую тебѣ не показывать: иной тебя еще осудитъ, а завистники твои напишутъ сюда, что ты въ Москвѣ раздаешь пасквили на бывшаго начальника. Мечниковъ все еще тутъ. Одинъ горный чиновникъ былъ у него на дняхъ. М. ему сказалъ съ улыбкою: ну, поздравляю васъ съ новымъ начальникомъ, а тотъ ему въ отвѣтъ: равнодѣрно и в-е пр-во могу

*) Супругъ Ф. П. Макевскаго, рожд. Мосоловой. П. Б.

поздравить. Ну! да Богъ знаетъ еще, возразилъ Мечниковъ (изъ чего заключаютъ, что онъ не останется). Канкринъ очень горячо принялся за дѣло и два раза уже работалъ съ Государемъ. Братъ очень его на-смѣшилъ, встрѣтись съ нимъ во дворцѣ; онъ ему очень серьезно говоритъ: я радъ, что васъ встрѣчаю и увѣряю васъ, Егоръ Францовичъ, что, не смотря на перемѣну эту, я все буду одинаковъ къ вамъ. Гурьева встрѣтилъ братъ вчера у Несельрода, и старикъ, рассказывая ему о прощаніяхъ чиновниковъ своихъ съ нимъ, самъ имѣлъ слезы на глазахъ, и подлинно онъ награждалъ ихъ удивительно.

Я получилъ изъ Парижа брошюрку выданную тамъ и напечатанную графомъ *Th. V. Rostochin*, заглавіе ея *La vérité sur l'incendie de Moscou*. Она подписана графомъ и опровергаетъ всѣ нелѣпости, кои Наполеонъ и Французы на его щетъ публиковали въ 12 году. Графъ рассказываетъ всѣ происшествія того времени, исторію Верещагина, пожара, шара и пр.; онъ выписываетъ ихъ бюлетени и дѣлаетъ на нихъ возраженія и пр.; очень любопытно.

Взметневъ, о коемъ упоминается въ стихахъ, мужъ Гурьевой любовницы, и онъ фаворитъ.

5.

1 Маія 1823. П.-бургъ.

Ежели такъ много говорятъ у васъ о дѣтияхъ поселенцевъ, то какую же тревогу надѣлаетъ въ Москвѣ отставка Гурьева! Это же какъ снѣгъ на голову. Ты однакоже будь покоенъ: ты не потеряешь ничего. Новый твой командиръ брату хорошій пріятель. Вчера онъ сюда пріѣзжалъ поутру, но къ сожаленію брата не было дома; онъ поѣхалъ къ отъѣзжающему завтра князю П. М. Волконскому, который также препоручаетъ брату дѣла въ отсутствіе свое. Братъ поѣдетъ къ Канкрину, ибо этотъ велѣлъ ему сказать, что желаетъ его видѣть. Много будетъ труда новому министру, но зато можетъ и пріобрѣсть большую себѣ славу. Гурьевъ, опомнясь отъ перваго удивленія, теперь, кажется, доволенъ, что избавился большихъ заботъ и болѣе имѣетъ свободнаго времени. Братъ у него вчера ужиналъ, а я полѣнился одѣваться и остался вечеръ у Чижа.

Новаго только знаю, что несчастный Павелъ Никол. Приклонской въ самый день Пасхи прощенъ. Не знаю, возвращены ли ему съ свободою чины и дворянство, только онъ отъ болѣзней весь разслабъ, а другіе говорятъ, что онъ очень шибко пилъ, не ѣлъ ничего, а положенные ему въ сутки 50 коп. пропивалъ. Жена же ничего ему не

давала. Въ Воскресенье много было свадебъ въ городѣ, но я слышалъ только о Гагариновой, ихъ вѣнчали въ домовой церкви гр. Гурьева.

Министръ юстиціи остается, бумаги его вѣдомства, кои даны были гр. Аракчееву на разсмотрѣніе, велѣно ему возвратить съ тѣмъ, чтобы рѣшены были эти дѣла по его министра юстиціи мнѣнію. За это было неудовольствіе, то симъ и прекратилось все, и онъ остается. Скажи это доброму нашему. П. И. Нарышкину, къ коему не успѣю писать теперь.

6.

Маія 4-го дня 1823.

Отъѣзжающій завтра кн. П. М. Волконской также брату оставляет довѣренность для хожденія за его дѣлами; всѣ на него налагають, но есть случаи (яко сей) что нельзя отказаться. Братъ былъ у Канкринна вчера, нашелъ его окруженнаго директорами въ мундирахъ и лентахъ, хотѣлъ было бросить работу, братъ же уѣхалъ, чтобы не мѣшать, но Канкринъ сказалъ: И! К. Я.! У меня отъ васъ нѣтъ секретовъ; долго говорилъ, вспоминалъ житье Парижское, гдѣ былъ онъ съ братомъ въ одной комиссіи и пр. Однимъ словомъ, назначеніе Канкринна не только не будетъ тебѣ вредно, но даже и очень полезно. У брата есть одна славная мысль, о коей поговоримъ когда будемъ вмѣстѣ. Теперь твои труды будутъ награждаемы, и команда твоя выйдетъ изъ ржавчины. Новаго не слышно ничего кромѣ двухъ свадебъ и то у васъ: Соф. Урусова за Мятлева и княжна Черкаская, сестра Нейдгардта, за Буксегвдена. Вчера отправилась въ Москву наша графиня Мамонова. Мы не можемъ нахвалиться ея дружбою; добрая дѣвка, но вѣтрена и своевольна отъ того, что родилась въ золотыхъ охлопкахъ и избалована съ ребячества. Я бы очень желалъ, чтобы она помирилась съ братомъ. Двое ихъ на свѣтѣ только и тутъ еще не ладятъ. Лотерея Головинская отложится, я думаю, на мѣсяць, потому что неизвѣстно, проданы ли или нѣтъ билеты, кои въ чужихъ краяхъ, и кому имянно. Множество стѣдитъ это труда брату, и очень онъ будетъ радъ, когда избавится этого бремени, которое все лежитъ на немъ.

Братъ получилъ странное письмо изъ Риги отъ какой-то гр. Фитингофъ, урожденной Сакенъ. Она даетъ ему № своего билета Головинскаго и прибавляетъ: *Je ne désire gagner que la prime de 200 m. rbl. si cela arrive, je prie V. E. de m'envoyer cent mille rbl. par estafette et de vouloir bien garder les autres 100 m. rbl. pour vous.* Братъ ея не знаетъ въ лицо даже, и этотъ даръ, хотя и *воздушный*, очень насъ интригуетъ.

7.

С.-Петербургъ, 8-го Маія 1823.

Гурьевъ работалъ еще разъ съ Государемъ въ Субботу и на послѣдкѣ выпросилъ своимъ кое-что, напр. Рибопьеру алмазные знаки 1-й Анны, Взметневу чинъ ст. совѣтника, Дружинину и Чекменеву аренды, 2-го Владимира Вронченкѣ. Вотъ, кажется, и все. Тутъ бы вѣрно доложилъ онъ и о Мечниковѣ: но мнѣ кажется, что директора отпустить нельзя, покуда новому министру все не объяснить и не сдать дѣла какъ должно, на это надобно не одинъ день. Я тебѣ скажу для твоего единственнаго свѣдѣнія, хотя братъ и запретилъ, что братнина цѣль помѣстить Соймонова на мѣсто М. въ случаѣ отбытія сего. Я увѣренъ что Канкринъ послѣдуетъ совѣту брата и возьметъ къ себѣ сего рѣдкаго человѣка, но все это только еще предположенія, и ты ради Бога молчи, самъ почувствуешь, что огласка надѣлала бы много зла и тебѣ, и брату, и Соймонову. Ты будешь очень доволенъ твоимъ новымъ министромъ, человѣкъ очень справедливый и работающій. Государь и императрица Елис. Алек. въ Царскомъ уже, а Мар. Ѳедор. въ Павловскомъ, хотя время и нехорошо, и холодно. Воронцовъ сказалъ намъ подъ секретомъ, что Государь ему объявилъ о назначеніи его генералъ-губернаторомъ во всѣ Новороссійскія губерніи съ присовокупленіемъ къ онымъ Бессарабіи. Указъ будетъ на дняхъ объявленъ; ему даетъ Г. избрать Одессу или какой хочетъ городъ для своего пребыванія. Вор. хочется жить въ Крыму гдѣ нибудь.

Братъ тебя обнимаетъ, кн. П. М. Волконской препоручилъ ему всѣ свои дѣла. Онъ съ легкой руки успѣлъ продать дорого его деревню. не приносившую почти дохода, а купилъ ему дешево домъ гр. Головина, однакоже за 500 т., приносящій 57000 р. дохода. Славное дѣло, ибо домъ тотчасъ закладывается въ 200 т. р., то покупка дѣлается безъ денегъ. Князь не богатъ, это его очень поправитъ. Братъ послалъ къ нему эстафету въ Царское, она его еще застала, и князь П. М. пишетъ самое дружеское благодарительное письмо брату и говоритъ въ концѣ: я объяснилъ Государю, какимъ образомъ я могъ сдѣлать столь большую покупку, и васъ прошу также въ публикѣ говорить о семъ, дабы иной не подумалъ, что я, разстроившій себя по службѣ, въ оной нажился; а я дорожу мнѣніемъ честныхъ людей.

Напрасно думаешь ты, что Кампенгаузенъ прибрать хочетъ къ себѣ горную часть. Неправда, ибо онъ и Министерство Финансовъ отказалъ. Когда Аракчеевъ сталъ его щупать на этотъ щоть, то К. ему сказалъ: Государь во мнѣ воленъ; но ежели я буду назначенъ на мѣсто гр. Гурьева, то въ тотъ же день лягу въ постелю и прежде отставки своей не оставлю ея.

8.

Отъ брата имѣю кучу писемъ. Все еще не извѣстно точно, когда будетъ коронація, а думаютъ въ Августѣ. Братъ получилъ по назначенію покойной императрицы Е. А. табакерку брильянтовую и съ шифромъ. Лонгиновъ тогда говорилъ, что она должна быть въ 10 т. р. Это вниманіе весьма для него лестно. Каково донесеніе Комиссіи? Какіе злодѣйскіе и вмѣстѣ глупые были замыслы? Ежели тебѣ не нуженъ этотъ экземпляръ, то запечатавъ отправь къ тестю черезъ его контору. Пусть себѣ читаетъ и ахаетъ. Экъ ихъ сколько собралось Пугачевыхъ!

22-го Іюня

1826.

9.

Пятница 11-го Іюля 1826.

Я не понимаю, что здѣсь дѣлается: засѣдатель созвалъ старостовъ нашихъ въ Кресты за дѣломъ, не говоря какимъ, да всѣхъ, посадя въ телѣги, увезъ силою въ Талицы, гдѣ, сказываютъ, должны они ожидать губернатора. Не понимаю этого Турецкаго манера дѣйствовать, но буду благодарить за всѣхъ помѣщиковъ Оболянинова *) и князя Дм. Влад., когда буду въ Москвѣ.

10.

(Москва). Пятница вечеромъ. (Лѣто 1831).

Напрасно ты такъ пугаешься, даже въ Петербургѣ идетъ уже лучше: 4-го было вновь 388 больныхъ, а 5-го токмо 137. Однакоже Потоцкій таки умеръ, также и Ланжеронъ, ихъ похоронили ночью безъ церемоніи. О другихъ смертяхъ не слышно. Дворъ не переѣзжаетъ въ Царское, тамъ оказалась въ окрестностяхъ холера; Императрица изволила родить въ Петергофѣ. Здѣсь все тихо и безболѣзненно, что тебѣ сказали при отъѣздѣ суцій вздоръ. Въ Варшавѣ была контръ-революція въ нашу пользу, тутъ участвовали и Польскіе генералы, но открыли заговоръ и арестовали всѣхъ участниковъ. Паскевичъ доноситъ отъ 25-го, что готовится Вислу переходить, зайдутъ Варшавѣ въ задъ, не трогая Праги. Съ Французами чуть не дошло до разрыва, но писать это длинно, расскажу тебѣ какъ увидимся; покуда слажено опять.

Я думалъ было обѣдать сегодня у Новосильцова, вмѣсто того получилъ приглашеніе на обѣдъ отъ об.-полицмейстера, надобно ѣхать, нечего дѣлать. Иные говорятъ, что онъ празднуетъ свое новоселье въ

*) Губернскаго предводителя Московскаго дворянства. П. Б.

домъ Кологривовой, а другіе, что это прощальный обѣдъ князю Дм. Вл., отъѣзжающему послѣ завтра. Впрочемъ одно другому не мѣшаетъ. Послѣ завтра хотимъ переѣхать въ городъ. Импер. фамилія остается жить въ Царскомъ С. до 6-го Ноября. Катя пишетъ, что они въ радости. Государь давалъ ученіе лейбъ-гусарамъ и очень благодарилъ Соломирскаго, онъ командуетъ полкомъ. Хомутовъ еще слабъ послѣ горячки.

Вотъ тебѣ письмо, милый другъ. Твоему Канкрину бриліантовые шифры Государя на эполеты, т. е. быть при особѣ Государя, оставаясь тѣмъ что есть.

Я имѣлъ ужасную ночь, жену перепугалъ и насилу утомился; видѣлъ я во снѣ, что братъ умеръ, началъ метаться, плакать, выть, такъ что и пришедъ въ себя не могъ до утра успокоиться, сдѣбалась дрожь. Наташа меня шубою укутала, и я поспалъ, теперь только что встревоженъ.

Есть дама одна, которая слышала, что у тебя есть табакерка съ портретомъ моимъ писаннымъ въ мою молодость. Она очень желаетъ его видѣть, хотя мое самолюбіе павлиное отъ сего важно пострадаетъ, но надобно хоть прошедшимъ похвастать, ежели нельзя настоящимъ. Пришли мнѣ, мой другъ любезный, портретъ сей писанный въ Вѣнѣ въ профиль, кажется, въ шинели.

Вчера приходилъ камерлакей сказывать, что императрицѣ угодно, чтобы Катинька явилася сегодня въ 12 часовъ къ ней въ простомъ кругломъ платьѣ. Я долженъ ее туда везти, а потому не могу ѣхать къ заставѣ съ тобою. Печальная церемонія продолжится до часу, я думаю. Не знаемъ мы за чѣмъ дочь требуетъ Ея Вел-во: это не общее представленіе, ибо другимъ фрейлинамъ не дано знать, не первое ли это дежурство, а княгиня Е. А. думаетъ, что не возьметъ ли ее Государыня съ собою въ институтъ.

11.

Петербургъ, 1-го Іюня 1832.

Я былъ чрезмѣрно обласканъ княземъ Ал. Ник. и Несельродомъ, да и всѣми вообще. Вотъ, братъ, какъ одно обстоятельство вовсе переменяетъ вещи, лица, сношенія! Все идетъ очень хорошо. Я отъ графа Несельрода слышалъ что князь А. Н. въ послѣдній разъ въ Петергофѣ не работалъ съ Государемъ; онъ вчера туда поѣхалъ и сказалъ брату; что доложить обо мнѣ; впрочемъ Е. В. изволить сюда прибыть скоро, 3 или 4 имѣетъ быть праздникъ въ Елагинскомъ дворцѣ; полагаютъ, что и я буду званъ яко камергеръ. Скоро надѣюсь тебѣ возвѣстить уже не по секрету, а теперь говори всѣмъ одно: ни Булгакова, ни другога

не назначают; видно, есть другія дѣла важнѣйшія, коими занимаются, а А. Я. ничего мнѣ не говоритъ объ этомъ хотя и пишетъ*). Ну, братъ, что за дача у брата! прелесть, я не знаю здѣсь лутчей. Пишу тебѣ имѣя въ глазахъ величественную Неву, множество дачъ украшаютъ горизонтъ: кн. Долгорукой, Юсупова, Бобринской, князя Сер. Гагарина и пр. правѣ прекрасный мостъ Бетанкуровой конструкціи, далѣе дворець вел. князя Мих. Павловича, лѣвѣ Крестовскій островъ, рядомъ дачи гр. Мамоновой, Закревскаго, Гурьева, Лаваля. Лодки и барки плаваютъ безпрестанно. У брата садъ прекрасный; домъ расположенъ нельзя лутче.

То-то твой графъ Ег. Фр. будетъ хорошъ въ усахъ; многимъ однакоже дано позволеніе не носить, яко то князю П. М. Волк., князю Д. И. Лобанову, принцу Виртембергскому, а здѣсь есть уже портреты Государя съ усами. Къ императору, сказываютъ, идутъ они, а къ вел. князю нѣтъ. Хочется мнѣ въ Субботу пуститься въ лагерь Краснаго Села къ вел. князю М. П. съ моимъ почтеніемъ, а то иначе не увижу его выс-во.

12.

5-го Іюня 1832. Спб.

Меня обласкать изволилъ вел. князь М. П., у коего былъ я почти часъ. Е. в-у принесли бумаги я хотѣлъ откланяться, но онъ приказалъ мнѣ сѣсть передъ собою и работалъ при мнѣ. Я, чтобы не быть бесполезнымъ, просилъ позволить засыпать бумаги имъ подписываемыя. Много было рѣчи о Москвѣ, которую все очень любить. Е. в. угодно было приказать мнѣ возвратиться обѣдать съ нимъ, и насъ было 5: в. князь, Полетика, фл.-адъют. Киль, дежурный адъютантъ Грессеръ и я. Много мы смѣялись за обѣдомъ, а послѣ принялись за сигары. В. К. должно было ѣхать къ Государю, чтобы сопровождать Его Вел-во на гулянье верхомъ. Очень ласково меня отпустилъ отъ себя, прибавя: я радъ, что съ тобою столкнулся, а депутатовъ Московскихъ я къ сожалѣнію моему не видалъ, посылалъ отыскивать Олсуфьева къ обѣду нашему, но онъ уже уѣхалъ. Къ водамъ не будетъ вѣроятно е. в., а великая княгиня еще менѣе, ибо здоровье ея, благодареніе Богу, не имѣетъ нужды въ водахъ. Житье мое здѣсь преблаженное. Утры провожу въ городѣ. Государю угодно, чтобы я вникалъ въ новую должность, вчера ходилъ я съ братомъ по всѣмъ экспедиціямъ. Какъ это все чисто здѣсь и прекрасно устроено! Надобно будетъ поставить это на ту же

*) Дѣло идетъ о назначеніи А. Я. Булгакова Московскимъ почтдиректоромъ на мѣсто умершаго И. Я. Рунковского. П. Б.

ногу въ Москвѣ. Въ Воскресенье кончатся положенныя е. в. двѣ недѣли для моего изученія, тогда и указъ подпишется. Спасибо, здѣсь меня мало атакуютъ, не какъ въ Москвѣ. Здѣсь у всякаго свои дѣла, коимъ всякой даетъ преимущество; правда, что и сходбищъ мало, ибо всѣ разбросаны по дачамъ.

Привезли сюда колонну ужасную для монумента Александра I. Она стоитъ передъ дворцомъ на особо построенномъ для сего суднѣ. Экая громада! И какія дѣлаются приуготовленія, подмости! Точно дремучій лѣсъ, вся площадь дворцовая занята. Чудеса совершаются въ Петербургѣ. На гуляньѣ бывшемъ на Елагинѣ имѣлъ я щастіе видѣть Государя и императрицу. Императоръ былъ верхомъ съ наслѣдникомъ, а Мих. Павл. и государыни въ коляскѣ. Бездна народу и славный былъ фейерверкъ.

13.

15-го Іюня 1832. СПБ.

Часто мы съ братомъ тебя вспоминаемъ и сожалѣемъ, что ты не съ нами. Безпрестанно являются поздравляльчики и чтѣ обѣдъ, то Шампанское. Ежели долго пробуду, раззорю брата. Сегодня ты уже въ полномъ удовольствіи и читаешь указъ о моемъ назначеніи. Посниковъ сказывалъ вчера, что когда получили онѣй въ Сенатѣ, то всѣ порадовались. Сегодня должно бы присягать, но я не получилъ еще повѣстки, а не пришлютъ, то придется ждать будущей Пятницы. Жаль мнѣ Корсакову; хорошо, что успѣла пристроить послѣднюю свою дочь. Штѣ не говори, а она была добрая женщина. Вяземскаго теперь собаками не отыщешь, рыскаетъ по дачамъ; переговорю съ нимъ и отдамъ ему записку твою при первомъ свиданіи, также и Карнюшкѣ скажу. Вчера очень много было гостей у брата, между прочими и графъ Литта, Поццо-ди-Борго и пр. Сошлись нѣсколько Италіянцовъ съ Този, пѣли и смѣшили насъ, а я по вечерамъ дуюсь все въ билліардъ съ однимъ молодымъ Курляндцомъ, барономъ Иксулемъ, но до сихъ поръ мало зашибъ еще. Мнѣ теперь точно въ раю, отъѣздъ мой будетъ и грустенъ, а вмѣстѣ и радостенъ. Теперь у меня одна мысль имѣть щастіе видѣть общаго отца, а моего августѣйшаго Благодѣтеля. Не извѣстно еще, когда изволить ѣхать Государь; но вѣрно, что онъ поѣдетъ и на Москву, а князь Алекс. Николаевичъ мнѣ уже говорилъ: когда вы отправитесь въ Москву, то хорошенько осмотрите гостиницы, и въ случаѣ какого нибудь замѣчанія напишите намъ тотчасъ. По Нарвскому тракту было что-то не такъ, и окружному инспектору Добровольскому была нахлобучка. Время здѣсь дурно, холодно, сыро, фруктовъ вовсе не будетъ, а сѣно теперь уже по 2 р. 50 коп. пудъ. Братья тебя

обнимаетъ. Онъ уѣхалъ уже рано въ городъ. Вчера двое молодыхъ людей подъ моими окнами катались на крошечномъ яликѣ, на парусахъ, только много форсировали, вѣтеръ усилился, несчастные были опрокинуты у самаго моста, одного брошенными съ моста веревками спасли, а тѣло молодаго князя Хованскаго и до сихъ поръ не отыщутъ, вчера цѣлый день барки разѣзжали и искали тѣло. Это уже второй примѣръ. Когда я обѣдалъ у великаго князя, то также утонули почти подъ балкономъ е. в-ва двое кадетъ.

14.

С.-Пбургъ 12-го Іюля 1832.

Помыкалъ я горе. за то теперь блаженствую. Мы были вчера съ братомъ у князя Ал. Ник., который меня очень обласкалъ. Въ Воскресенье надѣюсь имѣть щастіе видѣть Государя, августѣйшаго моего Благодѣтеля, въ Пятницу буду присягать въ Сенатъ. Ну, братъ, большую дѣлаю я тревогу въ городъ. Вчера была бездна народу у брата съ поздравленіями. Начинали было колебаться въ моемъ назначеніи, ибо оно тянулось, а теперь заговорили о большомъ кредитѣ брата: ибо натурально, что не меня, а его хотѣли наградить моимъ назначеніемъ на такое мѣсто. Пріятно мнѣ видѣть всеобщее одобреніе, но конечно есть и завистники; но они притаились. Я читалъ Полетикѣ твою комисію, и онъ очень благодаритъ тебя за позволеніе у тебя остановиться, будетъ въ началѣ Августа къ намъ. Напрасно вы ждете Государя теперь. Несомнѣнно, что е. в. изволить быть въ Москвѣ проѣздомъ, но когда имянно, не знаемъ еще.

15.

22-го Іюля 1832. СПБ.

У Бога теперь только прошу имѣть щастіе удостоиться видѣть Государя. Придется ѣхать въ Петергофъ, но я пошелъ бы туда пѣшкомъ, босой. Князь А. Н. хотѣлъ при первой работѣ доложить Государю. Теперь маневрами заняты всѣ, даже дамы скачутъ туда отсюда. Они продолжатся пять дней и должны кончиться завоеваніемъ Петергофа. Канкрину я не видалъ еще. Ея дни среды, обѣдаютъ у нея и бываетъ много послѣ. Я былъ туда и одѣлся третьяго дня, да братъ сталъ уговаривать: успѣешь и въ другой разъ, поѣдемъ лучше въ Нѣмецкой театръ, а тамъ къ Ламсдорфу. Я такъ и сдѣлалъ, и Вяземской меня прождалъ у Канкриныхъ. Графъ сталъ хилъ, страдаетъ глазами и ходитъ все въ зеленыхъ очкахъ. Сказываютъ, что онъ купилъ славнѣйшее имѣніе въ Курляндіи. Я тебѣ совралъ о Полетикѣ: къ концу Августа будетъ онъ уже назадъ сюда, и скоро собирается уже къ вамъ ѣхать,

а тебя заранѣе благодарить за гостепріимство. Очень тебѣ кланяется Посниковъ, возвышая тебя до небесъ. Вчера насъ уморилъ со смѣху: ты знаешь какую ему Богъ далъ губу; надобно, чтобы эту же губу да укусила еще какая-то муха, отъ чего губа уподоблялась совершенной колбасѣ; страшень былъ, и онъ самъ надъ собою все подшучивалъ. Вчера участвовалъ я въ комитетѣ бывшемъ въ почтовомъ совѣтѣ, гдѣ трактовали о новыхъ почтовыхъ предположеніяхъ. Теперь братъ старается ускорить ходъ внутреннихъ почтъ, завести тяжелую почту съ иностранными державами для посылокъ, распространить пароходы и пр. Со временемъ почтовая часть дойдетъ до желаемого и возможнаго совершенства.

16.

С.-Пбургъ. 9-го Декабря 1835.

Ты мнѣ говоришь: ради Бога самаго сохрани согласіе въ семьѣ, не мсти и дай что можешь женѣ твоего брата. Въ семъ случаѣ увидишь ты, поступаю ли я сходно съ твоими совѣтами. На панихидѣ я былъ рядомъ съ Кривошапкинымъ на хорахъ, онъ началъ тутъ говорить со мною о братѣ и пр. При раздѣлѣ нашемъ мы раздѣлили также и долги, но осталось тысячъ 30, о коихъ мы должны были съ братомъ условиться при первомъ свиданіи, а между тѣмъ проценты платили вмѣстѣ, стало быть все осталось нерѣшеннымъ отъ постигшаго насъ нещастія. Я сказалъ тутъ же Кривошапкину, что, не смотря на мое гибельное положеніе въ семъ году отъ прокормленія крестьянъ, отъ приданаго Кати, и отъ офицерства Кости, я сіи съ лишкомъ 30 тысячъ долгу беру на себя одного, чтобы облегчить участь дѣтей братниныхъ. Онъ меня обнялъ тутъ же и спросилъ: могу я это объявить М. К.? Можете. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ, я его не видалъ вчера и сегодня, она мнѣ не сказала да и не скажетъ, вѣрно, спасибо; но я не въ претензіи. Надобно мнѣ тебѣ передать черту, которая дѣлаетъ честь Полетикѣ. Братъ былъ ему долженъ 15 т. р. П. И. въ завѣщаніи своемъ деньги сіи жертвовалъ въ пользу брата; теперь же онъ, лихась преждевременною чловѣка, который точно былъ его благодѣтелемъ много разъ, отдалъ заемное письмо изорванное Егору Львовичу для передачи Мар. Конст. Конечно Полетика имѣетъ чѣмъ жить, бездѣтенъ, не огнимаетъ ни у кого, но все таки я его давеча цаловалъ и благодарилъ за брата и за дѣтей его. Долгъ такимъ образомъ убавится на 50 т. почти. Богъ меня, надѣюсь, не покинетъ. Надѣюсь, что письмо мое тебя несколько успокоитъ, ибо вижу изъ твоего, какъ ты смущень. Все это извѣстно тебѣ одному, ибо я никому не писалъ и не говорилъ о всѣхъ сихъ дѣлахъ и раздорахъ. Дай Богъ тебѣ успокоиться, а поведеніе

наше вѣрно одобришь, оно точно сходно со всѣмъ тѣмъ, что ты намъ внушаешь въ письмѣ твоёмъ, т. е. союзъ, тишина, согласіе семейное, почтеніе къ праху нашего покойнаго ангела. Мы дѣлаемъ все что можемъ для этого, не смотря на всѣ досады и огорченія. Богъ судья другимъ! Вотъ такъ-то и Колтовская была неблагодарна къ памяти отца нашего. Богъ насъ не оставилъ. Я теперь занимаюсь переборкою сестры во дворецъ; ѣздилъ я съ Олинькою туда смотрѣть, комнаты очень хороши, тѣсновато, но какъ быть, сосѣдки люди прекрасные, три сестрицы Путятинны мои старыя знакомыя, приняли насъ какъ бы родныхъ, вызываясь ухаживать за сестрами. Ёздилъ я къ князю П. М. онъ боленъ, не ловко было его просить, я отправился къ гр. Кутайсову, его просилъ, онъ обѣщалъ комнаты хорошенько меблировать, почтенная его мать, у коей я долго сидѣлъ, также мнѣ обѣщала понукать сына своего, благодаря за почталіона, котораго далъ я графинѣ изъ Москвы сюда. Это разъ. Я былъ у в. князя въ Генварѣ, онъ былъ милостивъ, чтобы не заставить меня ждать, принялъ меня въ рубашкѣ, при мнѣ мылся и одѣвался ѣхать во дворецъ поздравлять Государя, объявилъ мнѣ объ офицерствѣ Кости, и я отъ туда прямо поскакалъ въ казармы обрадовать Костю.

Государь посѣтилъ Горный Корпусъ и очень былъ недоволенъ, велѣлъ одному мальчику раздѣться, нашелъ на немъ нечистую, всю изорванную рубашку, осмотрѣлъ самъ постели, которыя также были очень неопрятны. Теперь пойдетъ все иначе. Балъ Александровыхъ былъ прекрасный. Государь съ Ольгою два раза изволилъ разговаривать, хвалилъ ея платье, прибавляя улыбаясь: я васъ оставляю, вы сегодня страшны, опасны! Што бы тебѣ привезти дѣтей къ намъ посмотрѣть Катинькинъ костюмъ, право стоитъ того.

Въ Петербургѣ умеръ скоропостижно комендантъ Мартыновъ. Всѣ очень его хвалятъ, и Государь, сказываютъ, очень сожалѣетъ. Ты знаешь что В. Д. Олсуфьевъ на мѣсто Небольсина сюда, а бѣдный вице губернаторъ новый Новосильцевъ боленъ, жаръ да лихорадка попеременно.

Я обрадованъ теперь извѣщеніемъ отъ графа Бенкендорфа, что Государь въ Казань ѣхать уже не изволилъ. Слава Богу! Право, дуца была не на мѣстѣ. Шутка ли: девять перевозовъ водою! А въ Свіяжскѣ разлитіе простирается на 13 верстъ. Какъ камень съ сердца! Сію минуту получаю приглашеніе обѣдать у Ихъ Им. Величества къ 4-мъ часамъ.

Ольга пишетъ изъ Комо въ восхищеніи отъ нанятаго ими прекраснаго загороднаго дома, здоровье поправляется, всякой день навѣ-

щаетъ ее Наслѣдникъ, играютъ въ билиардъ въ à la guerre и пр. Онъ очень милостивъ къ моимъ, и его выс-во живетъ очень близко отъ моихъ. Всѣ они пробудутъ тамъ мѣсяць. Наслѣдникъ поѣдетъ на два мѣсяца въ Венецію, а тамъ къ великому посту въ Римъ.

Въ Парижѣ не наступила еще что они называютъ la saison des bals, то и немного фасоновъ нарядныхъ, посылаю тебѣ, мой милый другъ, послѣднія картинки. Катинька пишетъ, что выѣдутъ сюда 23 числа. Государь на праздникъ ихъ полка посадилъ Соломирскаго возлѣ себя за столомъ.

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, рыбы присланной мнѣ Перовскимъ изъ Оренбурга. Кушайте на здоровье. Костя пишетъ мнѣ, что они будутъ сюда только черезъ двѣ недѣли, хотя п. д. отпускъ у него уже въ карманѣ. Я нахожу, что умно дѣлаютъ.

Я вчера въ 5 минутъ перваго часа посадилъ Государя въ пошевни. Онъ, увидя меня, изволилъ сказать: здравствуй Булгаковъ и прощай! Што дорога? Снѣгъ до Завидова в. в-во. Жаль, что не до Петербурга, отвѣчалъ Государь и помчался. Мнѣ очень жаль, что я не былъ на обѣдѣ у князя Дм. Вл. и не удостоился долѣе говорить съ Государемъ, а хотѣлось ему сказать словечко: но надѣюсь, что князь Ал. Ник. не будетъ такъ безжалостенъ и не откажетъ мнѣ побывать въ Петербургѣ. Я вчера отыскалъ Арендта, говорилъ съ нимъ, прося его побывать у брата, онъ мнѣ отвѣчалъ: непременно! Мы такъ всѣ любимъ К. Я. Мнѣ уже и Раухъ писалъ о болѣзни. Почта еще не бывала.

Я двѣ радости получилъ отъ двухъ дочерей, Государь назначилъ попечительство къ заводамъ и имѣнію Соломирскаго, что было уже отказано одинъ разъ, но добрый В. Князь М. П. это устроилъ въ теперешнее пребываніе Государя въ Петербургѣ. Соломирскіе въ восхищеніи, и есть отъ чего. Я ожидаю всякую минуту своего Долгорукова, онъ уже оставилъ Баденъ и я даже получилъ уже для него письмо отъ Ольги.

Весь Петербургъ теперь только занятъ обрюхатѣвшею фрейлиною Пушкиною. Государь всегда великъ во всѣхъ случаяхъ. Узнавши, кто сдѣлалъ брюхо, а именно князь Трубецкой молодой повѣса сынъ генералъ-адъютанта, онъ ихъ велѣлъ тотчасъ обвѣнчать и объявилъ, что они годъ уже какъ тайно обвѣнчаны, ибо дѣйствительно—ни онъ ни она не могли получить позволенія у своихъ родителей, когда просили оное. Экой страмъ! Это дочь Петра Клавдеевича Пушкина, сестра ея за казакомъ генер. Орловымъ.

По совѣту твоему осмѣлился я сказать Государю. Онъ очень милостиво принялъ слова мои и послѣ нѣкоторыхъ распросовъ изволилъ сказать: „ежели онъ ей нравится, то съ Богомъ, онъ хорошій малый, я его люблю, только не позволяй ему выходить въ отставку, надобно, чтобы онъ служилъ, онъ не потеряетъ этимъ“. Послѣ этого, Государь ускорилъ все, ибо сѣвши ужинать за маленькой столъ, онъ посадилъ возлѣ себя Ольгу, а Соломирскому велѣлъ сѣсть возлѣ Кати, да пятымъ посадилъ Віелегурскаго, изволилъ пить шампанское за здоровье будущихъ супруговъ. Хотя теперь всѣ видѣли и поняли; но я все таки не объявляю изъ уваженія къ Дм. Павл., коего отвѣтъ изъ Вѣны (конечно благопріятный) будемъ ожидать.

Въ Петербургѣ странно сбывается: ледъ такъ толстѣетъ, что ѣздить по Невѣ въ каретахъ, тогда какъ на улицахъ пыль, деревья распускаются и дамы гуляютъ въ капотцахъ. Великіе Князья Ник. и Михаилъ и Александра Николаевна ѣдутъ 26-го Апрѣля, Императрица 28-го, а Государь 3-го Маія и всѣ прибудутъ въ Берлинъ 7-го Маія. Князь Волконскій сопровождаетъ Ея Вел-во, а Государя Бенкендорфъ.

Сію минуту почта приноситъ награды моимъ чиновникамъ, жаль, что не къ празднику, также прислали мнѣ для тебя 25 т. руб. серебромъ монеты въ 25 узлахъ.

ПЕРМСКОЕ СЕЛО НЫРОБЪ, ЕГО ДРЕВНОСТИ И СВАТЫНИ *).

Село Ныробъ, расположенное въ 8 верстахъ къ Сѣверу отъ уѣзднаго города Чердыни, Пермской губ., снискало себѣ извѣстность, какъ мѣсто ссылки дяди перваго государя изъ дома Романовыхъ, боярина Михаила Никитича Романова, и какъ мѣсто явленія по близости Ныроба иконы св. Николая чудотворца въ XVII столѣтїи.

М. Н. Романовъ, обвиненный въ желанїи отравить царя Бориса какими-то зельями, подброшенными ему врагами, былъ привезенъ изъ Москвы въ Ныробъ осенью 1601 г. за стражей. Стали рыть для него землянку, но тутъ помѣшали работѣ сани, на которыхъ онъ былъ привезенъ: схвативъ эти сани рукою, онъ отшвырнулъ ихъ далеко въ сторону, чѣмъ удивилъ стражу, такъ какъ тяжелыя сани едва нѣсколько человѣкъ могли приподнять. Доказательствомъ его силы могли служить и оковы, какими онъ скованъ былъ: вѣсили они около 3 пудовъ, согласно сказанія надписи. Страдальца бросили въ яму величиною около одной квадратной сажени, тогда какъ онъ былъ высокаго роста. Хлѣбъ и воду давали ему въ небольшое окошечко сверху.

Строгая стража, окружавшая его, подъ начальствомъ пристава Романа Тушина, слѣдила за нимъ; но сострадательные Ныробцы старались тайно помогать ему приношенїями чего-либо съѣстнаго чрезъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей, которыя, играя возлѣ ямы, какъ-бы невзначай, опускали въ яму чрезъ оконце дудки, наполненныя молокомъ или квасомъ. Но эта невинная хитрость была скоро раскрыта по чьему-то доносу; тюремщики, желая выслужиться передъ начальствомъ, схватили 5—6 человѣкъ изъ Ныробцевъ и отправили въ Сыскной Приказъ въ Москву, гдѣ ихъ подвергли пыткамъ, такъ-что вернулось изъ нихъ только двое, а остальные померли въ тюрьмѣ.

По другому преданїю, несчастный бояринъ, томясь въ подземельѣ, подкрѣплялъ себя пѣніемъ псалмовъ и божественныхъ пѣснопѣній и пѣлъ такъ умирительно, что жители Ныроба сходились его послушать.

[*) По списку населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи (изданному Пермскимъ губернскимъ земствомъ 1904 г.) въ селѣ Ныробѣ дворовъ 123, душъ 424 м., 441 ж., всего 865 жителей.

По однимъ извѣстіямъ, онъ въ томъ же 1601 году задушенъ или заморенъ голодомъ. Тѣло его было погребено въ Ныробѣ, въ пустомъ мѣстѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, уже по смерти Годунова, въ 1606 г. оно вырыто, увезено въ Москву и похоронено въ родовой усыпальницѣ бояръ Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Надъ землянкою, гдѣ Михаилъ Никитичъ томился въ заточеніи, позже выстроена была сперва деревянная, а потомъ каменная часовня, а въ одной изъ церквей с. Ныроба, стоящей на мѣстѣ погребенія его праха, устроена гробница, и доселѣ сохраняются историческія оковы узника, состоящія изъ цѣпи, кандаловъ и замка къ нимъ. Всѣ эти живые памятники пребыванія Михаила Никитича въ с. Ныробѣ сохраняются до нашихъ дней (я осматривалъ ихъ въ Мартѣ 1907 г.). Темница или землянка находится подъ часовней. Изъ часовни въ подземелье ходъ съ лѣсенкой у лѣвой стороны. Нынѣшній видъ этой подземной темницы ничѣмъ не отличается отъ подвала; стѣны выведены изъ бутоваго нетесаннаго камня, потолокъ сводомъ изъ кирпича. Въ одной изъ стѣнъ сдѣлано углубленіе, обозначающее мѣсто стоявшей когда-то печи. Душно и темно въ этой ямѣ, безъ огня ничего нельзя видѣть. Стѣны землянки теперь обложены бутовымъ камнемъ, а потолокъ, служащій поломъ для часовни, выведенъ сводомъ изъ кирпича.

Часовня надъ темницей сначала была деревянная. Она построена была вскорѣ по смерти боярина въ 1602 г., какъ гласитъ письменное сказаніе, находящееся въ этой часовнѣ. Въ 1793 г. вмѣсто деревянной построили нынѣшнюю каменную во имя архангела Михаила. Съ наружной стороны этой часовни по карнизу зданія сдѣлана Славянской вязью слѣдующая надпись: „По указу Ея Императорскаго Величества *) въ Вятской духовной преосвященнаго Лаврентія, епископа Вятскаго и Великопермскаго, консисторіи, въ 7109 году (1601 г.) присланъ былъ съ Москвы отъ царя Бориса Годунова въ Пермь Великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ въ заточеніе блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ родной, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Россіи самодержцу, былъ дядя родной. Въ погостъ Ныробъ, въ заточеніи, въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ; на томъ мѣстѣ построена была деревянная часовня. Нынѣ вмѣсто оной деревянной, по указу Ея Императорскаго Величества, въ 1793 году, построена сія каменная часовня, единственно

*) Т. е. Екатерины Великой. Она изучала нашу до-Петровскую старину и еще въ 70-хъ годахъ въ своемъ „Антидогѣ“ воздавала похвалы Филарету Никитичу. П. Б.

въ память бывшаго на томъ мѣстѣ въ заточеніи боярина Михаила Никитича Романова, тцаніемъ и коштомъ здѣшной волости крестьянъ и усерднымъ стараніемъ крестьянина Максима Пономарева“.

Гробница боярина М. Н. Романова находится въ Богоявленской (зимней) церкви села Ныроба, въ передней части, за лѣвымъ клиросомъ у сѣверной и поперечной стѣны, въ углу, гдѣ устроена ниша, въ которой и стоитъ скромная по виду гробница. Надъ нею сдѣланъ позолоченный рѣзной балдахинъ, полукругомъ примыкающій къ стѣнѣ, въ которой сдѣлана ниша. На куполообразной крышѣ его находилась вырѣзанная изъ дерева и окруженная позлащеннымъ сіяніемъ книга, на которой были слова: „воззоветъ ко Мнѣ и услышу его, съ нимъ есмь въ скорби“. Ниже крыши по карнизу балдахина надпись: „смириша въ оковахъ нозѣ его, желѣзо пройде душу его“. Внутри балдахина надъ гробницей изображено: „положиша мя въ ровѣ преисподнемъ и въ темныхъ сѣни смертней, и азъ къ Тебѣ, Господи, воззвахъ“. На гробницѣ помѣщена доска, потемнѣвшая отъ времени, на которой надпись съ лѣтописью событія и означеніемъ, что надпись сдѣлана въ 1840 году. На доскѣ написано слѣдующее: „Присланіе боярина Михаила Никитича Романова въ Ныробъ въ 7109 году. Присланъ былъ изъ Москвы царемъ Борисомъ Годуновымъ, за стражею Романомъ Тушинымъ съ командою въ лѣтнее время, въ глухой кибиткѣ, окованъ желѣзами, въ Пермь Великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ въ заточеніе блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи самодержцу былъ дядя родной и святѣйшему патриарху Филарету братъ родной; въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ и преставился. Въ 7110 г. (1602 г.) на той темницѣ построена часовня деревянная и погребенъ былъ у церкви Николая Чудотворца подлѣ алтаря на сѣверной сторонѣ, и гдѣ тѣло его лежало, построена была церковь и въ ней гробница. покрыта сукномъ, и крестъ вышить, и повелѣніемъ государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи самодержца, тѣло его по преставленіи въ пятое лѣто изъ земли взято ничѣмъ невредимо. только отъ руки отъ перста нѣкоторый членъ земля взявъ, и сvezено къ Москвѣ и положено у Спаса на Новомъ, и гдѣ прежде тѣло лежало, та гробница и все строеніе отъ пожару сгорѣли, и послѣ, по указу преосвященнаго Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, такожде часовня, а въ ней гробница построена, покрыта сукномъ краснымъ и крестъ вышить; а въ 7237 (1729 г.) году деревянная церковь и часовня, грѣхъ нашихъ ради, Божіимъ попущеніемъ, паки сгорѣли,

а нынѣ на томъ мѣстѣ построена каменная церковь и въ ней гробница, покрыта сукномъ зеленымъ, и крестъ вышитъ; такъ же и на семь мѣстѣ построена каменная часовня единственно въ воспоминаніе здѣсь представляшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова. На семь невинномъ страдальцѣ были: желѣза 1 пудъ 38 фунт., ручныя желѣза 12 фунт., кандалы или ножныя желѣза 19 фунт., замокъ 10 фунт., а всего 3 пуда⁴. Та же надпись имѣется на южной стѣнѣ.

И понынѣ возлѣ гробницы стоитъ особый ящикъ съ этими историческими оковами-желѣзами, а именно: шейная цѣпь вѣсомъ 1 пудъ 10 фунт., кандалы 10 фунт., замокъ 10 фунт., а всего около 1 пуда 30 фунт. Вѣсъ наличныхъ желѣзъ не соотвѣтствуетъ обозначенному въ надписи, что дало поводъ нѣкоторымъ изъ изслѣдователей (даже г. Дмитріеву) считать эти оковы подложными, причемъ-де, подлинныя оковы хранятся въ частныхъ рукахъ, у одного изъ мѣстныхъ любителей старины (г. Белдыцкаго), съ которыхъ и были сдѣланы копіи, и одна изъ нихъ хранится въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. Но мнѣніе о подложности Ныробскихъ оковъ еще не доказано съ положительной достовѣрностью. Народное преданіе, наоборотъ, считаетъ оковы, нынѣ хранящіяся въ Ныробской церкви, за настоящія, причемъ часть ихъ была увезена въ Москву вмѣстѣ съ прахомъ боярина, отчего и произошла разница въ вѣсѣ. Ныробскія оковы имѣютъ блестящій видъ отъ того, что богомольцы во время службы церковной надѣваютъ на себя части ихъ, приписывая имъ чуть не цѣлебную силу. Это мы наблюдали лично. Изъ всѣхъ частей оковъ интересенъ по оригинальности устройства замокъ (вѣсъ болѣе 10 ф.) къ нимъ, имѣющій „особенное, хитро придуманное устройство: его дужка вставлялась сбоку и замыкалась тремя штифтами на толстыхъ пружинахъ. Рукоять дужки имѣла отверстіе, точно такъ же, какъ и нижній гребень замка, и въ эти-то два отверстія входили кончныя кольца ручныхъ цѣпей. Ключъ съ квадратной узорчатой бородкой вставляется въ заднюю стѣнку замка, поворотомъ въ бокъ прижимались пружины, и дужка отпиралась“ (Вагнеръ).

Эти цѣпи народъ чтитъ, какъ святое воспоминаніе о замученномъ невинномъ страдальцѣ: ни одна имущая рука не забываетъ поставить свѣчку или на гробницѣ, или въ часовнѣ. Многіе богомольцы, стекающіеся въ Ныробъ (въ наше посѣщеніе однихъ „причастниковъ“ было постомъ каждодневно не менѣе 100—150 человекъ), берутъ съ собою на память по горсткѣ песку изъ подземелья, полагая, что онъ имѣетъ

силу исцѣлять отъ болѣзней. Мнѣ пришлось видѣть порядочную ямку, по этой причинѣ образовавшуюся въ углу подземелья.

Ныробцы за проявленный ихъ предками подвигъ челоѡколюбія пользовались впоследствии особою царскою милостью и были, по грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1621 г., освобождены отъ уплаты казенныхъ оброковъ и податей, а причту назначена была казенная руга или жалованье; кромѣ того, въ церковь села Ныроба изъ Москвы, въ видѣ царской милости, не разъ присылались иконы, облаченія, кресты, колокола и т. п. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1647 г. подтвердилъ всѣ грамоты своего предшественника, а въ 1648 г. повелѣлъ надѣлить причтъ землею.

При Петрѣ I повелѣно было съ 1720 года взыскивать однако съ Ныробцевъ подушную подать и рекрутскіе сборы на общемъ основаніи, и только за духовенствомъ оставлены прежнія льготы. Императрица Елисавета подтвердила прежнія льготы Ныробцевъ особымъ указомъ Сенату въ 1742 г. 23-го Марта 1744 г. Ныробу данъ былъ изъ Соликамской воеводской канцеляріи важнѣйшій указъ, представляющей полный сводъ всѣхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Екатерина II въ 1775 году дала причту новую жалованную грамоту. Съ 1852 года всѣ льготы Ныробскому духовенству были отмѣнены, и оно сравнено было въ правахъ съ прочимъ духовенствомъ сельскихъ приходоѡ, крестьяне же лишились своихъ льготъ гораздо ранѣе.

Многія челобитныя Ныробскихъ крестьянъ, тѣснимыхъ воеводами, правившими съ нихъ незаконно подати, въ противность грамотамъ, оставались безъ послѣдствій, благодаря царившей тогда „канцелярской волокитѣ“, но все-же долгое время Ныробцы пользовались *льготами*.

Истекшее недавно 300-лѣтіе со времени кончины Михаила Никитича прошло въ Ныробѣ незамѣченнымъ въ остальной Россіи; но вѣрные Ныробцы на свои деньги увѣковѣчили это событіе отливкою новаго колокола, вѣсомъ 301 пудъ и 2 фунт., съ соответствующей надписью. Колоколь этотъ не могъ быть помѣщенъ на колокольную, нынѣ пришедшую въ ветхость, и временно виситъ подъ навѣсомъ у церкви.

Въ Ныробѣ двѣ каменные церкви, изъ которыхъ одна во имя св. Николая или Никольская лѣтняя, а другая Богоявленія зимняя; съ каждой изъ нихъ связаны историческія воспоминанія.

Первая церковь деревянная и построена въ Ныробѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (въ 1613—1617 г.) по слѣдующему случаю.

Лѣтъ черезъ семь послѣ увезенія въ Москву праха Михаила Никитича, около 1614 г., въ верстѣ отъ Ныроба, тогда бывшаго еще жал-

кой деревушкой въ 5—6 дворовъ, явилась въ лѣсу икона св. Николая при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Купцы, ѣхавшіе съ Печеры чрезъ такъ называемый „Бухонинъ волокъ“ домой, первые увидали явленную икону, о чемъ и рассказали въ гор. Чердыни. Жители этого города увезли явленный образъ къ себѣ въ городъ, но на другое утро икона очутилась въ лѣсу на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Дважды еще пытались Чердынцы уносить къ себѣ эту икону, но видя, что труды ихъ напрасны и усматривая въ этомъ волю свыше, порѣшили оставить икону на прежнемъ мѣстѣ, и построили тамъ часовню, видимую и понынѣ.

Когда извѣстіе объ этомъ достигло до царя Михаила Ѳеодоровича, то онъ повелѣлъ построить въ Ныробѣ на казенное иждивеніе церковь, прислать для нея сосуды, ризы и прочія принадлежности, опредѣливъ къ ней причтъ изъ двухъ священниковъ, которымъ назначено отъ казны сначала по 18, затѣмъ по 20 рубл. въ годъ. (См. Берха, Путешествіе въ города Чердынъ и въ Соликамскъ. Спб. 1821 г.) Но эта первая древнѣйшая деревянная церковь стояла не долго, пожаръ уничтожилъ ее. Той-же участи подвергались еще послѣдовательно одна за другой три деревянныхъ-же церкви, во имя того-же святаго отстроенныя (церковь горѣла въ 1617, 1680 и наконецъ въ 1729 г.). Столь частые пожары побудили духовенство и жителей воздвигнуть новый храмъ во имя Алексія, Человѣка Божія, но и эта церковь сгорѣла, едва было окончено ея освященіе, а духовенство еще не разошлось изъ-за трапезы по случаю торжества освященія.

Замѣчательно, что при всѣхъ этихъ пожарахъ уцѣлѣла чудотворная икона, уже и тогда мѣстно чтимая Ныробцами. На поклоненіе этой святыни стекается множество богомольцевъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстностей.

Эту икону Ныробцы почитаютъ за подлинную явленную икону, отличая отъ списковъ съ нея, появившихся въ болѣе позднее время. Изъ источниковъ извѣстно, что въ XVIII в. поднимался высшей духовною властью вопросъ о томъ, есть-ли Ныробская икона св. Николая подлинная явленная и бываютъ-ли отъ нея чудотворенія, но вопросъ этотъ остался неразрѣшеннымъ окончательно по отсутствію несомнѣнныхъ случаевъ.

Нынѣ эта святыня с. Ныроба, т. е. подлинная явленная икона св. Николая, явившаяся когда-то въ лѣсу, а также списокъ съ нея, почитаемый Ныробцами также за чудотворную икону, хранятся въ другой, не въ Никольской, а въ Богоявленной церкви села Ныроба, такъ какъ Богоявленскій храмъ стоитъ на мѣстѣ стариннаго Никольскаго деревяннаго, окончательно уничтоженнаго пожаромъ въ 1729 г.

Нынѣшняя каменная Никольская церковь построена въ 1704 г., освящена въ 1705, какъ видно изъ имѣющейея стѣнной надписи внутри храма, и построена еще въ то время, когда рядомъ почти (на мѣстѣ нынѣшней зимней Богоявленской церкви) существовалъ деревянный храмъ, воздвигнутый или отстроенный вновь послѣ пожара 1680 г., посвященный ранѣе тому-же св. Николаю.

Построеніе этого новаго храма, стоящаго во всей красѣ и понынѣ, рядомъ съ другимъ деревяннымъ въ честь его-же, въ небольшомъ селѣ какъ Ныробъ, кажется не совсѣмъ обычнымъ. О построеніи его существуетъ немало легендъ, слышимыхъ и по нынѣ, въ родѣ того, что строитель его былъ неизвѣстно кто и откуда; на чьи средства построенъ храмъ, тоже неизвѣстно. Рассказываютъ также, что и самая постройка этой церкви велась и произошла не совсѣмъ обычно: казалось, что возведены только еще фундаментъ и небольшая часть каменнаго зданія, а оно вдругъ явилось, какъ-бы изъ земли выросло, послѣ чего строители исчезли, не получивъ даже слѣдуемой имъ за построеніе платы.

Берхъ въ своемъ „Путешествіи“ рассказываетъ, что хотя эта церковь, возведенная уже изъ прочнаго матеріала, кирпича, не подвергалась пожарамъ, но неизвѣстно черезъ сколько лѣтъ по построеніи ея, молнія ударила въ куполь и выбила глазъ написанному тамъ сатанѣ. Поврежденіе исправили немедленно, но лѣтъ пять спустя, молнія ударила опять въ тоже мѣсто, которое также зачинили. Въ 1792 г. былъ опять подобный же ударъ молніи, но въ этотъ разъ, по совѣту заѣхавшаго сюда преосвященнаго, не поправляли уже сбитое мѣсто. Въ 1814 г. опять ударила молнія и оставила знакъ вершка на 2 выше прежняго.

Въ Мартѣ 1907 г. мнѣ довелось слышать при осмотрѣ этой церкви отъ сторожа, что живопись, сплошь покрывающая этотъ храмъ внутри, ни разу не подновлялась со времени построенія и что при бывшихъ къ тому попыткахъ въ самомъ началѣ дѣло прерывалось какимъ-либо случаемъ; такъ, на его памяти, на живописца, хотѣвшаго подновлять стѣнную живопись, сверху обрушилось паникадило и искалѣчило художника, послѣ чего работы были прекращены, а случай объясненъ былъ, какъ знаменіе свыше, что дѣло это не угодно Богу. Въ стѣнной надписи, имѣющейея на южной стѣнѣ церкви, ничего не сказано о томъ, кто его строилъ, на чьи средства и по чьему повелѣнію.

Внутренность храма, не смотря на обиліе живописи, мѣстами попортившейся, производитъ нѣсколько мрачное впечатлѣніе, далеко не соответствующее чудной красотѣ наружной. Она построена и отдѣлана

въ родѣ старинныхъ Московскихъ церквей, полагають, Шведскими плѣнными, нѣскольکو позже построившими въ Чердыни каменное зданіе Богословской перкви, по желанію тогдашняго Сибирскаго губернатора князя М. П. Гагарина.

Корпусъ зданія Никольской церкви 4-хъ-угольной съ 2-мя рядами оконъ, между которыми идетъ рядъ живописныхъ изображеній святыхъ, напоминаетъ подновленный Византійскій стиль; паперть замѣнена крыльцомъ съ колонками, прорѣзными оконцами и фигурной кладкой. Снаружи вся церковь обложена тяжелымъ поясомъ изъ кирпича и гончарной глины, и все это росписано красной, зеленой, желтой, синей красками, вслѣдствіе чего получаютъ чарующее впечатлѣніе и своеобразная прелесть.

Изъ числа достопримѣчательностей Никольской церкви упомянемъ изображение на одной стѣнѣ внутри храма св. мученика Христофора съ собачьей головой, вмѣсто лица человѣческаго, съ оскаленными зубами. Св. Христофоръ изображается въ одѣяніи Римскаго воина во весь ростъ, съ опущеннымъ мечемъ у лѣвой ноги и съ поднятымъ крестомъ въ правой рукѣ. Образъ этого святаго почитается охотниками изъ Чердынскаго края какъ покровитель „собакъ“, и они, занимаясь промысловой охотой, предъ отправленіемъ на промыселъ, нерѣдко ставятъ свѣчу или заказываютъ молебень „собачьему богу“, по ихъ выраженію.

Богоявленская или зимняя церковь построена позже Никольской, въ 1736—1741 гг. на мѣстѣ бывшаго здѣсь, какъ сказано, деревяннаго Никольскаго храма (сгорѣвшаго въ 1729 г.). Внешность ея, въ противоположность Никольской церкви, не обращаетъ на себя особаго вниманія, но за то внутри ея нынѣ хранятся главнѣйшія достопримѣчательности с. Ныроба, а именно въ ней находится гробница и оковы боярина М. Н. Романова, уже описанныя нами; здѣсь же находятся и святыни Ныроба: подлинная явленная икона Св. Николая и увеличенный позднѣйшій списокъ съ нея. Нѣскольکو страннымъ кажется, что достопримѣчательности, пользующіяся Всероссійской извѣстностью, помѣщены не въ главной Никольской, какъ древнѣйшей, церкви, а въ Богоявленской; но это объясняется тѣмъ, что Богоявленская церковь стоитъ на мѣстѣ старинной Никольской, отчасти и тѣмъ, что Никольская церковь холодная (лѣтняя), лѣто же на Сѣверѣ слишкомъ коротко.

Внутри Богоявленская церковь раздѣляется поперечной стѣной на переднюю и заднюю (трапеза), изъ которой ведутъ въ первую 3 прохода, соотвѣтственно 3 вратамъ алтаря. Задняя менѣе украшена живо-

писью; изъ иконъ обращаетъ на себя вниманіе старинная рѣзная икона св. Параскевы и около нея великомуч. Екатерины и Варвары. Въ передней части храма высокій иконостасъ въ 5 ярусовъ, гробница М. Н. Романова въ лѣвомъ углу, вправо позади праваго клироса на особомъ аналоѣ помѣщается подлинный чудотворный образъ св. Николая, почитаемый именно за тотъ самый, который явился въ лѣсу въ началѣ XVII в. и уцѣлѣвшій, не смотря на бывшіе въ Ныробѣ неоднократные пожары.

Явленная икона св. Николая сверху покрыта ризою, а самое одѣяніе святителя таково: подризникъ черный, риза, евангеліе, палица и ободокъ надъ святителемъ кирпичнаго темно-краснаго цвѣта; омофоръ—темно-коричневый, точки—золотыя. На правомъ бедрѣ изображены складки одежды отъ колѣна. Ободокъ и подставка подъ нимъ написаны на иконѣ, а не выпуклые, при чемъ ободокъ кирпичнаго, а подставка—песочнаго цвѣта. Наружная риза серебро-позлащенная.

Кромѣ этой иконы св. Николая, въ той же церкви есть икона того же святаго, называемая просто *чудотворной*; она есть списокъ съ явленной (выше описанной); она помѣщается по правую сторону царскихъ вратъ въ нижнемъ ярусѣ иконостаса за стекломъ и имѣетъ увеличенный размѣръ по сравненію съ подлинной явленной иконой. Эта икона изображаетъ святителя Николая въ епископскомъ облаченіи во весь ростъ, при чемъ по сторонамъ образа изображены событія изъ жизни его (ихъ нѣтъ у явленнаго образа), такъ что весь образъ св. Николая имѣетъ $5\frac{1}{2}$ четвертей въ длину и $4\frac{1}{2}$ въ ширину (считая съ рамкой или кіотомъ). Эта икона почитается одинаково съ явленной и каждое лѣто ее носятъ въ Чердынъ къ 8-му Іюля, а черезъ каждыя 3 года въ Соликамскъ и его уѣздъ къ 9-й Пятницѣ послѣ Пасхи, тогда какъ подлинная явленная икона св. Николая изъ Ныробскаго храма нигуда не выносятся.

Эти Ныробскія святины извѣстны далеко за предѣлами Пермскаго края, какъ-то: въ Вяткѣ, Вологдѣ, Казани, Оренбургѣ, Челябинскѣ.

Изъ старинныхъ вещей церковныхъ, имѣющихся нынѣ въ этомъ храмѣ замѣчательны: деревянный, обложенный серебромъ крестъ съ частицами св. мощей, серебряныя вѣнцы и сосуды, нѣсколько евангелій, обложенныхъ серебромъ, съ выпуклыми и рѣзными фигурами.

Колокольня у обоихъ храмовъ общая и помѣщается отдѣльно, какъ-у всѣхъ старинныхъ церквей. Зданіе ея тяжелое, массивное, высокое, въ недавнее время накренилось на-бокъ и дало трещину, вслѣдствіе чего ее предположено сломать и соорудить новую, для чего уже заготовленъ камень.

Изъ числа старинныхъ колоколовъ замѣчательнъ одинъ небольшой колоколь, съ отлитымъ на немъ 1600 годомъ, недавно подновленный въ Мотовилихѣ; на немъ имѣется слѣдующая надпись на Шведскомъ языкѣ (хорошо сохранившаяся), указывающая имя мастера или владельца завода, гдѣ онъ отлить, и мѣсто отливки городъ Кампенъ. Надпись гласитъ: „A^o 1600 Henrich Wegewart Got mi in die stadt Campen“.

Сколько извѣстно, надпись эта сообщается нами впервые (желательнъ точный переводъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамота царя Михаила Ѳеодоровича 1627 года.

Списокъ съ грамоты великаго государя слово въ слово: „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи въ Пермь великую въ Чердынъ воеводѣ нашему Петру Володимировичу Клубкову-Масальскому да подъячому Тимоѳею Пчелину.

Били намъ челомъ и отцу нашему в. г. святѣйшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи Пермскаго Чердынскаго уѣзда Ныробскаго погоста церкви Николы Чудотворца попъ Илья да дьячекъ Гришка, да пономарь, да проскурня, а сказали: по нашей грамотѣ велѣно воеводѣ Гаврилу Веревкину да подъячому Савѣ Лухневу въ Ныробской погостъ къ церкви Николы Чудотворца призвати дву поповъ, да дьякона, да дьячка добрыхъ; и двумъ-де попамъ и дьякону, и дьячку и пономарю и проскурнѣ у тоѣ церкви тою деревнею, въ которой та церковь стоитъ, и приходомъ прокормиться нечѣмъ, потому что въ той деревнѣ люди бѣдны и скудны, промысловъ у нихъ никоторыхъ нѣтъ и хлѣбъ не родится, а прежде-де того имъ церковникамъ давалась руга изъ мірскихъ сборныхъ денегъ на весь крылось по осмнадцати рублевъ на годъ, и тѣмъ-де они питались, а нынѣ-де земскіе цѣловальники со 131 (1623) года по 135 (1627) годъ Іюля по 1-е число тоя руги изъ мірскихъ не дають, и впредь-де имъ, будучи у церкви, безъ нашего жалованья безъ руги прокормиться нечѣмъ. Да въ прошломъ-де 132 (1624) году по нашему указу присланы того Ныробскаго погосту къ Николѣ Чудотворцу ризы тафтяныя, и на Евангеліе оболочка бархатна, и у Николы-де Чудотворца скудно въ церкви образами и книгами и колоколами, а прихожанъ-де у тоѣ церкви всего шесть человекъ, и тѣ люди молотчіе, и по нашему-де указу тѣхъ крестьянъ, которые живутъ въ томъ погостѣ, велѣно обѣлить и оброкъ съ нихъ сложить, и никакихъ податей править не велѣно, и на тѣхъ-де крестьянѣхъ сборщикъ Алексѣй Чирковъ править дани и оброку за два годы за прошлый за 134 (1626) да за 135 (1627) годъ по шти рублевъ полъодиннадцаты деньги; а отъ тѣхъ-де нашихъ податей тѣ крестьяне хотятъ

брести розно, и впредь-де у чудотворцова образа у Николы Чудотворца то мѣсто запустѣть и церковь стоять будетъ безъ пѣнья, и намъ бы ихъ пожаловать велѣти бѣ то наше богомолье у чудотворнаго образа у Николы Чудотворца образами и книгами и колоколы устроить, и наше бѣ жалованье имъ церковникомъ, Чердынскимъ старостамъ и цѣловальникомъ за прошлые годы за пять лѣтъ заслуженныя деньги и впредь, велѣти выдавать попрежнему, и по нашей бы по прежней грамотѣ съ тѣхъ крестьянъ, которые живутъ въ томъ погостѣ, нашихъ податей править не велѣть, чтобъ то наше богомолье не пустѣло и безъ пѣнья не было и крестьяня врознь не разбрелися. И въ Новгородской чети сыскано въ отпускѣ.

Въ прошломъ во 130 г. Апрѣля въ 3 день писалъ къ намъ изъ Перми Великой изъ Чердыни воевода Василей Бутурлинъ, что по нашему указу досматривалъ онъ въ Ныробскомъ погостѣ церковь Николы Чудотворца и казны, и та-де церковь Николы Чудотворца додѣлана вся церковною казною, а церковныхъ причетниковъ у той церкви попь, да дьячекъ, да пономарь, да проскурница, а безъ руги-де тѣмъ погостомъ церковнымъ причетникомъ прокормиться нечѣмъ, хлѣбъ морозомъ бѣетъ часто, а у иныхъ-де храмовъ идетъ нашей руги попомъ по десяти рублевъ, дьякономъ по шти рублевъ, дьячкомъ и пономаремъ по четыре рубли; а сколько у того храму Николы Чудотворца строенія и чтѣ съ Ныробскаго погоста крестьяне всякихъ доходовъ платятъ, и тому прислалъ къ намъ роспись. Да въ прошломъ-де во 135 г. Апрѣля въ 4 день писалъ къ намъ изъ Чердыни воевода Гаврило Веревкинъ да подъячей Сава Лухневъ, что они по нашей грамотѣ къ той церкви къ прежнимъ служителемъ попа да дьякона призывали и призвати не могли, потому что въ Чердыни гулящихъ поповъ и дьяконовъ нѣтъ, да и потому де, что въ Ныробскомъ погостѣ у Николы Чудотворца двумъ попомъ и дьякону и дьячку и пономарю тоу деревню и приходомъ прокормиться не можно.

И по той ихъ отпискѣ послана къ нимъ наша грамота, а велѣно въ тотъ Ныробской погостъ къ церкви Николы Чудотворца попа и дьякона и дьячка призвать добрыхъ съ посаду или изъ Пермскаго уѣзда кто похочетъ, а церковное строеніе, чтѣ отослано съ нимъ Савою, ризы и на Евангеліе оболочка бархатна, и имъ то все церковное строеніе велѣно отдать попрежнему къ церкви Николая Чудотворца, а у себя тово церковного строенія держать имъ не велѣно. А что по прежней нашей грамотѣ велѣно имъ Гаврилу и Савѣ къ церкви Николы Чудотворца обѣлить деревню, въ которой та церковь стоитъ, и всякія подати съ нея сложить и съ окладу выложить, для помину боярина Михайла Никитича Романова, и они ту деревню обѣлили и изъ доходу сложили. И то во Новгородской Четверти невѣдомо, потому что они о томъ изъ Перми къ намъ не писывали; а въ Чердынскихъ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Михайла Кайсарова, дьяка Марка Мартемьянова съ товарищи 131 (1623) и 132 (1624) годовъ написано: погостъ Ныробъ на рѣчкѣ на родникѣ, а въ немъ церковь Николы Чудотворца, а въ погостѣ Ныробѣ восемь дворовъ крестьянскихъ да дворъ бобыльскій, людей въ нихъ 12 человекъ, да пять мѣстъ

дворовыхъ пустыхъ, пашни паханныя худья земли 37 четь съ осьминоку, да перелоговъ 12 четь въ полѣ, а въдву потому-жь, сѣна 120 копенъ, сошного письма въ живущемъ (?) пол-пол-пол-четь сохи, а денежныхъ всякихъ доходовъ съ погоста Нырыба дани и за ямскія и за примѣтные и за городовую и за засѣчное и за емчужное дѣло *) и казначеевыхъ и дѣячихъ и за намѣстничъ доходъ и съ бобыльскаго двора оброку и пошлинъ рубль тридцать алтынъ. А тово въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ подъ тѣмъ погостомъ не подписано, что, по нашей грамотѣ съ тѣхъ крестьянъ наши всякіе доходы велѣно сложить церковникомъ на пропитанье; а Новгородской чети въ приходной книгѣ прошлыхъ годовъ 134 (1626) и 135 (1627) тотъ погостъ Нырыбъ, противъ писцовыхъ книгъ Михайла Кайсарова съ товарищи, нашими всякими денежными доходы въ окладъ написанъ съ Чердынскими волостями вмѣстѣ.

И мы Пермскаго уѣзда Николы Чудотворца Нырыбскаго погоста попа Илью и всѣхъ церковныхъ причетниковъ пожаловали, велѣли имъ въ тотъ Нырыбской погостъ Николѣ Чудотворцу дать церковново строенья образъ дванадесять праздниковъ, да книгъ, Уставъ да Минею Общую, да другую половину Прологу, съ Евдокеина дни Марта съ 1 числа, да три колокола—вѣсомъ колоколь два пуда, да колоколь полтора пуда, да колоколь путь девять гривенокъ; а деньги за тѣ книги, за Уставъ и за Минею и за колокола велѣли есмь дати на Москвѣ изъ Новгородской Четверти; и съ обѣленные ихъ деревни нашихъ податей и оброку на прошлые годы на 134 и 135 имати на нихъ не велѣли, изъ оброку ту деревню велѣли выложить. И по нашему указу то церковное строенье, книги и колокола посланы нынѣ къ вамъ съ Москвы въ Пермь Великую въ Чердынъ Ныробскаго погоста съ дьячкомъ съ Гришкою Ивановымъ, да тогожь погоста съ крестьяниномъ Степанкомъ Васильевымъ; а тоя церкви Николы Чудотворца попу Ильѣ, и дьячку, и пономарю, и проскурницѣ наше жалованье руги велѣли давать противъ преждево, какъ давали и собирали мірскіе люди, по осминадцати рублевъ въ годъ на весь соборъ изъ нашихъ изъ Пермскихъ доходовъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ, въ Перми Великой, въ Чердыни, въ церковь Николѣ Чудотворцу въ Ныробской погостъ велѣли написать иконникомъ добрымъ церковнаго строенья образъ дванадесять праздниковъ, да книгу Прологъ другую половину Марта съ числа съ добраго перевода, а деньги за тѣ образы за письмо иконникомъ и книжному мастеру, какъ они образы и книгу напишутъ, велѣли-бѣ есте по уговору имъ дати изъ нашей казны изъ Пермскихъ изо всякихъ доходовъ, что доведетца дати-дачу велѣли бѣ есте написати въ расходныя книги и въ смѣтной списокъ именной себѣ статьею. А какъ тѣ образы и книги напишутъ, и вы бы то церковное строенье, образы и книги и колокола, которые будутъ привезены отъ насъ съ Москвы къ вамъ въ Пермь, взявъ у дьячка Гришки и у крестьянина Степашка, отдали бѣ есте въ Ныробъ погостъ къ церкви, къ Николѣ Чудотворцу, попу Ильѣ и церковнымъ причетникомъ; да имъ же бы есте попу и дьячку и пономарю и проскурницѣ на нынѣшной на 136 (1628) годъ и впредь

*) По словарию Даля емчужомъ въ Вологодской губерніи называется селитра. П. Б.

давали нашего жалованья денежные руги на весь соборъ по осминадцати рублевъ на годъ изъ нашихъ изъ Пермскихъ доходовъ, да тоѣ бѣ дачу велѣли писати въ расходныя книги и въ смѣтной списокъ имянной себѣ статьею; а что имъ которая деревня обѣлена, и вы бѣ съ той деревни нашихъ никакихъ податей и дани и оброку за прошлые годы на 134 и на 135 годъ и впредь имати на крестьянѣхъ ихъ не велѣли, и изъ окладу ту деревню велѣли выложить. Да какъ то церковное строенье, образы и книги и колокола къ Николѣ Чудотворцу въ Ныробской погостъ отдадите все сполна, и что отъ образовъ иконникомъ и отъ книги отъ письма дадите денегъ, и какъ ихъ ту обѣльную деревню изъ окладу выложите, и вы бѣ о томъ о всемъ отписали къ намъ къ Москвѣ подлинно, а отписку велѣли бѣ отдати въ Новгородской чети дьякомъ нашимъ Байму (?) Болтину да Дементью Образцову, чтобы про то въ четверти было вѣдомо; а прочеть сю нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ, оставили у себя, а сю нашу подлинную грамоту отдали Ныробскаго погоста Никольскому попу Ильѣ и всѣмъ причетникомъ, и они ее у себя держали впредь для иныхъ нашихъ воеводъ и привязныхъ людей. Писано на Москвѣ, лѣта 7136 (1628) Ноября въ 30.

А позади подлинной великаго государя грамоты пишутъ дьякъ Дементей Образцовъ.

Грамота 1647 года.

„155 (1647) году Марта въ 25-е мы, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи самодержецъ, сее жалованное грамоту слушавъ и выслушавъ Чердынскаго уѣзду Ныробскаго погоста Никольскихъ поповъ попа Аванасья и попа Ивана съ причетники, пожаловали велѣли подписать на свое государево цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи имя, и сее грамоты рудить никому не велѣли ничѣмъ, а велѣли ходити во всемъ потому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано.

А подписалъ государевъ царевъ и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи дьякъ Иванъ Фодоровъ“.

* * *

Такія грамоты пойметъ и нынѣ любой простолюдинъ въ самомъ глухомъ углу Россіи, и какъ разнятся онѣ отъ современныхъ указовъ и распоряженій съ словосочиненіемъ народу чуждымъ, со словами иностранными, иной разъ невразумительными и для людей грамотныхъ.—Романовы дорожили всѣмъ, до нихъ относящимся. Въ наши дни Ныробцы вѣроятно очутились въ вѣдомствѣ Министра Государственныхъ Имуществъ, гдѣ хозяйничалъ въ 1852 году графъ Киселевъ, недоброй памяти. П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОЧНИКОВЪ ПО ИСТОРИИ С. НЫРОБА.

1. Новый лѣтописецъ (прибавленіе къ Никоновской лѣтописи) въ изд. Импер. Академіи Наукъ 1792 г. т. VIII, ст. 71-я.
2. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго т. XI, ч. 2-я и примѣчанія 147, 148, 149 и 154.
3. Соловьевъ, Исторія Россіи т. VIII, стр. 69—75.
4. Г. Ф. Миллеръ, Ежемѣсячн. изд. Академіи Наукъ 1761 г., Февраль.
5. Рычковъ, Дневныя записки путешествія (1769—70 г.) Спб. 1772 г. стр. 123—124.
6. Щепатовъ, Словарь географическій Росс. госуд.
7. Берхъ, Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ. Спб. 1821 г. стр. 99—108.
8. Вагнеръ, проф. Отъ Черлыни до Ныроба. „Перм. Сборникъ“ изд. 1860 г. т. 2-й стр. 1—9, съ 5-ю рисунками.
9. Коробовъ, Присланіе М. Н. Романова въ с. Ныробъ „Перм. губ. вѣд.“ 1862 г., № 33.
10. Поповъ Георгій, Явленная и чудотворная икона св. Николая въ с. Ныробѣ. „Перм. епарх. вѣд.“ 1872 г. № 41.—Бояринъ М. Н. Романовъ въ заточеніи въ с. Ныробѣ, тамъ-же 1873 г. № 10.
11. Капустинъ, Ныробскіе акты 1621 и 1627 г.г. „Перм. епарх. вѣд.“ 1870 г., № 30.
12. Поповъ, Вас. Еф., Бояринъ М. Н. Романовъ и мѣсто его заточенія с. Ныробѣ. „Перм. епарх. вѣд.“ 1880 г. №№ 5, 7, 8, 18, 19, 23, 24, 27, 31 и 33 (изд. и въ видѣ отдѣльной брошюры. Пермь. 1880 г. стр. 1—37.)
13. Дмитріевъ, А. А., Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края (См. Календарь Перм. губ. на 1883 г., гл. V).
14. Его-же, *Ссылка околышчаго М. Н. Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности* (въ Памятн. книжкѣ Пермской губ. на 1892 годъ, а также въ Сборникѣ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермскою губ. (изд. Перм. губ. статистическаго комитета), вып. III, 1891. Наиболѣе обстоятельное научное изслѣдованіе съ основательною критикою источниковъ.
15. Дмитріевъ, А. А., Новоспасскій монастырь, какъ усыпальница бояръ Романовыхъ, „Перм. епарх. вѣдом.“ 1888 г. № 4-й.
16. Истоминъ, Ѡ. М., О религіозномъ состояніи обитателей Печорскаго края. „Церк. Вѣд.“ 1890 г. № 19-й.
17. Поповъ, Ив., Село Ныробъ и его достопримѣчательности. „Перм. епарх. вѣд.“ 1896 г. №№ 4 и 5, а также издана отдѣльной брошюрой.
18. Шишонко, Пермская лѣтопись. 7 томовъ (о Ныробѣ подъ соотв. годами).
19. Снѣгиревъ, Ново-Спасскій ставропигіальный монастырь въ Москвѣ. 1863 г.
20. Путеводитель по Уралу, изд. редакціи газеты „Ураль“, 1-е 1900 г., 2-е изд. 1902 стр. 11—13, съ рисункомъ часовни.
21. В. А. Весновскій, Иллюстрированный путеводитель по Уралу. 1904 г., стр. 117—121.
22. Хребтовъ, Село Ныробъ. „Историч. Вѣстникъ“ 1906 г., кн. 7-я (Іюль), съ 4-мя рисунками и видами с. Ныроба, церквей, часовни и балдахина.

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Устройство его отопленія.

Московскій Большой Успенскій соборъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доселѣ существуетъ, былъ построенъ, въ теченіе пяти лѣтъ, при благовѣрномъ великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, знаменитымъ въ то время Итальянскимъ строителемъ Аристотелемъ Фіоравенти, и торжественно освященъ, 11-го Августа 1479 года, Всероссійскимъ митрополитомъ Геронтіемъ.

Какъ житель теплой страны, гдѣ храмы не нуждаются въ отопленіи, строитель Успенскаго собора не имѣлъ въ виду необходимости отопленія и не сдѣлалъ никакихъ къ тому приспособленій. Въ то время и на Руси не было обычая отоплять храмы. Поэтому, верхніе своды и перекрытія соборнаго храма сдѣланы были очень тонкими и легко пропускающими тепло. Можно представить, какой нестерпимый холодъ бывалъ въ соборѣ въ лютые зимніе морозы, особенно при устройствѣ пола изъ чугунныхъ плитъ. Неудивительно, что иногда въ зимнее время здѣсь совсѣмъ не совершалась церковная служба, а отправлялась она, вмѣсто того, или въ церкви Двѣнадцати Апостоловъ, или въ Николо-Гостунскомъ соборѣ, или же, впоследствии, въ Чудовѣ монастырѣ. Павелъ Алеппскій, архидіаконъ Антиохійскаго патріарха Макарія, дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе о службѣ въ Успенскомъ соборѣ: „при торжественномъ служеніи въ недѣлю Православія царь, стоя предъ патріаршимъ мѣстомъ, держалъ правую руку за пазухою, по причинѣ холода¹⁾. А въ праздникъ Петра митрополита, 21-го Декабря, отъ сильнаго холода и стужи мы едва не погибли, особенно потому, что стояли на желѣзныхъ плитахъ. Богъ свидѣтель, что душа чуть не покинула насъ“²⁾.

Но мысль объ устраненіи этого неудобства при совершеніи богослуженія въ Успенскомъ соборѣ явилась только въ половинѣ девятнад-

¹⁾ Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII-го вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ Арабскаго Г. А. Муркоса. Ч. 3, стр. 130.

²⁾ Тамъ же. Ч. 4, стр. 106.

цатаго столѣтія и принадлежала благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу. На первыхъ порахъ она встрѣтила препятствіе со стороны осторожнаго блюстителя старины и благоговѣйнаго охранителя ея святынь, Московскаго м. Филарета, и могла осуществиться только впоследствии, съ воцареніемъ Государя Императора Александра Николаевича, по высочайшему его повелѣнію.

Исторія устройства отопленія Московскаго Большаго Успенскаго Собора особенно любопытна по выдающемуся значенію тѣхъ лицъ, которыя принимали въ немъ дѣятельное участіе, каковы: м. Филаретъ и графъ А. А. Закревскій.

Въ Апрѣлѣ 1849 года оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Н. А. Протасовъ, вошелъ къ Государю Императору Николаю Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія. „Вашему Величеству угодно было предварительно одобрить мысль—сдѣлать Московскіе Успенскій и Архангельскій соборы теплыми. Вслѣдствіе сего долгомъ почитаю нынѣ всеподданнѣйше представить, что какъ высочайше утвержденная коммиссія о построеніи въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя состоитъ изъ такихъ лицъ, которыхъ участіе въ семь дѣлъ необходимо, имѣетъ опытнѣйшаго по сей части архитектора Тона и располагаетъ всѣми потребными для таковаго предмета способами, то не благоволите ли высочайше возложить на вышеупомянутую коммиссію приведеніе упомянутаго предположенія въ исполненіе, съ отнесеніемъ и нужныхъ на сіе издержекъ на счетъ суммъ, въ ея вѣдѣніи находящихся, и съ тѣмъ, чтобы распоряженіе оной касательно вышеозначеннаго предмета происходили по сношенію ея съ митрополитомъ Московскимъ“.

На этомъ докладѣ Государь Императоръ соизволилъ написать: „согласенъ, но прежде хочу видѣть планъ и проэктъ“.

Далѣе, 17-го Сентября того же 1849 года, послѣдовало къ высокопреосвященнѣйшему Филарету отъ вице-президента коммиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя, князя Сергія Михайловича Голицына, отношеніе, въ которомъ онъ, прописывая, что предсѣдатель коммиссіи построенія храма, Московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, въ предложеніи своемъ коммиссіи отъ 24-го Апрѣля 1849 г. изъяснилъ, что Государю Императору благоугодно было высочайше повелѣть сдѣлать Московскій Успенскій соборъ теплымъ и исполненіе сего возложить на коммиссію построенія храма, съ отнесеніемъ нужныхъ для сего издержекъ на счетъ суммъ, въ вѣдѣніи коммиссіи находящихся, и съ тѣмъ, чтобы

распоряженія ея по сему предмету происходили по сношенію съ его высокопреосвященствомъ. Къ этому князь С. М. Голицынъ присовокупилъ, что 18-го числа того же Апрѣля высочайше повелѣно главному архитектору комиссіи Тону заняться изготовленіемъ плана и проэктвъ сихъ работъ для предварительнаго представленія его императорскому величеству. Послѣ сего старшій помощникъ Тона, академикъ Каминскій, донесъ комиссіи, что, для вѣрнаго дознанія, есть ли подъ Успенскимъ соборомъ фундаментъ и какой глубины, необходимо около одной изъ наружныхъ стѣнъ собора вырыть яму, и что наблюденіе за этимъ г. Тонъ возложилъ на него, вмѣстѣ съ архитекторомъ Реймерсомъ. Комиссія, въ общемъ присутствіи ея, бывшемъ 12-го Сентября 1849 г., разрѣшивъ произвести означенную работу, постановила: просить его высокопреосвященство о распоряженіи допустить гг. Каминскаго и Реймерса къ производству оной.

Когда высочайшее повелѣніе объ устройствѣ отопленія Успенскаго собора было сообщено м. Филарету, онъ, послѣ официальнаго увѣдомленія о полученіи сего повелѣнія, писалъ графу Н. А. Протасову слѣдующее. „Сіятеильнѣйшій графъ, милостивый государь. Дѣло объ устройствѣ отопленія Успенскаго и Архангельскаго соборовъ начинается. Полагаю полезнымъ, чтобы ваше сіятельство имѣли свѣдѣніе о ходѣ оногo. Для усмотрѣнія сего препровождаю при семъ списокъ отношенія моего къ г. Московскому военному генералъ-губернатору отъ 23-го дня прошедшаго Февраля № 111. Изъ онаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что мною обращено вниманіе на отношеніе предприемаемаго дѣла къ церковному удобству и къ народному мнѣнію. Что и сіе послѣднее соображеніе не должно быть оставлено безъ вниманія, сіе нѣкоторымъ образомъ получаетъ уже подтвержденіе, какъ показываетъ прилагаемая при семъ выписка изъ письма отъ 22-го Февраля, присланнаго по городской почтѣ на имя одного изъ членовъ консисторіи *). Нельзя опредѣлить, между многими ли распространены мысли, изложенныя въ письмѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что сохранить святыню Успенскаго собора неприкосновенною и древностъ, сколь можно, неизмѣнною, есть общее желаніе, особенно въ среднемъ и низшемъ классѣ народа. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. Московскій. 2-го Марта 1850 года“.

*) На дняхъ въ народѣ разнесся слухъ: какъ Успенскій соборъ будутъ дѣлать теплымъ, то будто будутъ выносить св. мощи, тревожить патріарховъ Гермогена и Филарета Никитича и проч. Правда ли? и т. д.

Представленіе м. Филарета объ оставленіи Успенскаго собора неприкосновеннымъ возымѣло дѣйствіе, какъ это видно изъ того, что 25-го Августа 1851 г. послѣдовало отъ гр. А. А. Закревскаго отношеніе съ увѣдомленіемъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу, оставаться ли Успенскому собору въ Москвѣ въ теперешнемъ его положеніи навсегда, или устроить его теплымъ, Государь Императоръ въ 22-й день Августа 1851 г. высочайше повелѣтъ соизволилъ: „оставить, какъ есть, навсегда“.

Съ воцареніемъ Императора Александра Николаевича вопросъ объ устройствѣ отопленія Успенскаго собора не замедлилъ снова возникнуть.

Гр. Закревскій отношеніемъ отъ 29-го Августа 1858 г. увѣдомлялъ о томъ м. Филарета. Въ Мартѣ 1856 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе сдѣлать Московскій Успенскій соборъ теплымъ, и исполненіе сего дѣла возложено на комиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Составленные для сего предмета начальные проэскты архитекторами комиссіи и высочайше учрежденнымъ при ней архитектурнымъ совѣтомъ, были рассмотрѣны по высочайшему повелѣнію въ департаментѣ проэсктовъ и смѣтъ, который, послѣ соображеній своихъ и продолжавшейся съ архитектурнымъ совѣтомъ переписки, призналъ удобнѣйшимъ примѣнить къ Успенскому собору способъ отопленія Курскаго собора, изобрѣтенный инженеръ-капитаномъ Быковымъ; по сему генералъ Чевкинъ препроводилъ съ высочайшаго соизволенія въ комиссію на зависящее отъ нея распоряженіе изложеніе въ общихъ чертахъ этого проэскта съ одобрительнымъ мнѣніемъ департамента проэсктовъ и смѣтъ.

Самый проэсктъ Быкова заключается въ слѣдующемъ: устроить двѣ или три, по извѣстной ему методѣ, печи, въ подвалахъ близъ лежащаго зданія Синодальной Конторы и провести теплый воздухъ, сперва посредствомъ подземныхъ теплопроводовъ, потомъ по наружной стѣнѣ собора въ особыхъ двухъ контрфорсахъ до оконъ храма, чрезъ которыя теплый воздухъ войдетъ во внутренность собора чрезъ отверстіе, не покрытое стеклами, оставленное въ верхнихъ частяхъ рамъ. Для отопленія алтарей въ каждомъ изъ нихъ будетъ сдѣлано по возврату, выходящему наравнѣ, или немного выше, горизонта пола, а въ верхней части каждаго изъ такихъ возвратовъ будетъ расположено по тепловой трубѣ, сообщенной съ тепловою камерою; что же касается ризницы и другихъ мѣстъ, огражденных сводами, то обогрѣваніе ихъ будетъ произведено вытяжными душниками, расположенными въ оконныхъ переплетахъ.

Присутствіе Коммисіи, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла и принявъ въ соображеніе окончательное мнѣніе по сему предмету архитектурнаго совѣта, согласующееся съ таковымъ же департамента проэктовъ и смѣтъ, также убѣдилось, что способъ Быкова дѣйствительно удобопримѣнимъ къ отопленію Успенскаго собора на томъ основаніи, что по этой самой методѣ Курскій соборъ, имѣющій гораздо большую величину, по сдѣланному департаментомъ проэктовъ и смѣтъ изслѣдованію, уже отапливается со всѣми требуемыми удобствами, причемъ имѣется еще въ виду то, что предполагаемая изобрѣтателемъ работы, требующія времени не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, не могутъ произвести ни малѣйшихъ по собору поврежденій, ни препятствій самому богослуженію; что ежегодное количество топлива, назначенное Быковымъ, 80 квадратныхъ сажень сухихъ березовыхъ дровъ, для поддержания постоянной въ соборѣ теплоты около 12 градусовъ Реомюра, когда нѣтъ въ немъ народа, а въ ризницѣ около 10 градусовъ, весьма умѣренно, при общей сухости воздуха; все это вмѣстѣ представляетъ особенныя удобства и пользу. А потому Коммисія заключила повергнуть всѣ обстоятельства этого дѣла на высочайшее благоусмотрѣніе и если его императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть предоставить Быкову устройство отопленія Успенскаго собора, на объявленныхъ имъ окончательныхъ условіяхъ, то, дабы не терять удобнаго для начатія работъ въ нынѣшнемъ году времени, разрѣшить приступить къ тѣмъ работамъ немедленно.

Въ дополненіе къ сему, отношеніемъ отъ 1-го Сентября 1858 г., графъ Закревскій, увѣдомляя м. Филарета о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу графа относительно устройства отопленія Московскаго Успенскаго собора Государь Императоръ 30-го Августа высочайше соизволилъ утвердить предположеніе Коммисіи о предоставленіи капитану Быкову устройства сего отопленія по изобрѣтенному имъ способу и на объявленныхъ условіяхъ, просилъ его высокопреосвященство сдѣлать зависящее распоряженіе о допущеніи Быкова къ производству работъ по отопленію собора, чтобы не терять удобнаго къ тому времени, такъ какъ, по объявленному изобрѣтателемъ условіямъ, высочайше утвержденнымъ, эти работы должны быть начаты въ томъ же 1858 году.

На это отношеніе владыка отвѣтствовалъ, что онъ предложилъ Синодальной Конторѣ, чтобы дано было соотвѣтственное сему предписаніе Успенскому протопресвитеру съ сакелларіями и сдѣлано было распоряженіе по Синодальному дому.

Между тѣмъ отъ 9-го Октября того же 1858 г. его высокопреосвященствомъ было представлено Святѣйшему Синоду слѣдующее донесе-

ніе. „По начатому производству при Московскомъ Успенскомъ соборѣ внѣшнихъ приготовительныхъ работъ для устройства онаго теплымъ, дошло до меня не официальное, но тѣмъ не менѣе требующее не отложнаго вниманія свѣдѣніе, что предполагается сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полукруглыхъ стѣнъ сдѣлать пять проломовъ для проведенія трубъ; что одну трубу, имѣющую вводить въ соборъ теплоту, а другую, извлекающую изъ собора воздухъ, предполагается вывести въ главномъ алтарѣ собора, близъ горняго мѣста, или между горнымъ мѣстомъ и престоломъ; для сего надобно будетъ вырыть ямы и въ нихъ произвести каменные работы.

Неизвѣстно мнѣ, было ли въ виду, при разсмотрѣніи проекта сего устройства, предположеніе пяти проломовъ въ фундаментѣ восточной стороны храма. Равно неизвѣстно мнѣ, было ли обсуждено и признано ли удобнымъ и то, что стоящіе на горнемъ мѣстѣ и близъ онаго въ священнослуженіи, будутъ имѣть близъ себя трубу, изливающую широкимъ потокомъ теплоту (сколько извѣстно, въ пять квадратныхъ четвертей въ отверстіи), и другую, влекущую въ себя воздухъ.

Особенно же, по долгу служенія моего, не могу не помыслить съ заботою и нѣкоторымъ страхомъ о томъ, чтѣ должно происходить во святомъ алтарѣ храма, издревле святаго, первенствующаго въ Россійской церкви, — храма древнихъ митрополитовъ, святѣйшихъ патріарховъ, Святѣйшаго Синода, храма священнаго царскаго вѣнчанія, близъ горняго мѣста, съ котораго благословляли православный народъ святители Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ. Придутъ землекопы и каменщики, выроютъ ямы и наполнятъ алтарь грудями земли и щебнемъ проломаннаго фундамента; потомъ принесутъ матеріалы, которыми работаютъ теперь, и между прочимъ, котель кипящей смолы (для залитія каменной кладки въ землѣ, чтѣ и теперь видно въ работахъ внѣ собора), и, выводя трубу, въ тоже время, для этой трубы, будутъ высѣкать часть стѣны также внутри алтаря.

Нельзя не ожидать, что при видѣ сего, и при слышаніи о семъ, благочестивое чувство православнаго народа будетъ тронуту болѣзненнымъ образомъ, и, какъ о печальномъ знаменіи, будутъ о семъ толковать и тѣ, которые, будучи немирны съ православною церковію, остаются еще мирными съ древнею святынею Успенскаго собора.

Убѣжденіе въ важности сего предмета побуждаетъ меня неукоснительно представить объ ономъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода (которому непосредственно подвѣдомъ Успенскій соборъ), чтобы разсмотрѣніе сіе могло произойти прежде, нежели начатыя работы проникнуть въ алтарь.

Мнѣ неизвѣстны подробности дѣла такъ, какъ были извѣстны подробности прежняго проэкта, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Притомъ познаніе и опытность спеціальныя нужны по сему предмету. Съ вѣроятностію, однако, можно сказать, что дѣло можетъ быть произведено съ оставленіемъ главнаго алтаря неприкосновеннымъ. Если чрезъ окно можно наполнить теплою весь соборъ: то конечно, чрезъ предъалтаріе можно наполнить теплою главный алтарь.

Пять проломовъ алтарныхъ стѣнъ, кажется, не были назначены, когда дѣло разсматривалось въ главномъ управленіи публичныхъ зданій.

Для сего же о всемъ вышеизложенномъ отношусь я нынѣ же къ г. Московскому военному генералъ-губернатору, какъ председателю комиссіи для построенія храма Христа Спасителя, подъ вѣдомствомъ которой производятся работы при Успенскомъ соборѣ.“

Въ то же время Синодальная Контора предписала Успенскому протопресвитеру съ сакелларіями, чтобы они немедленно объявили производителю работъ по устройенію Успенскаго собора теплымъ: не приступать къ пробиванію алтарной стѣны собора, и особенно стѣны главнаго алтаря, впредь до особаго распоряженія.

Но гр. Закревскій, считая дѣло по устройству отопленія Успенскаго собора во всѣхъ подробностяхъ оконченнымъ, увѣдомлялъ отъ 27-го Октября 1858 г. митрополита, что имъ сдѣлано предписаніе Московскому коменданту о немедленномъ назначеніи достаточной военной стражи во все время производства работъ по отопленію Московскаго Успенскаго собора для охраненія онаго отъ вѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по ходу работъ таковая стража признается нужною.

Прежде чѣмъ получено было это увѣдомленіе, м. Филаретъ отъ 26-го того же Октября 1858 г. писалъ къ графу Закревскому. „Протопресвитеръ Успенскаго собора представилъ мнѣ слѣдующее. По устройенію Московскаго Успенскаго собора теплымъ, отъ юго-восточнаго угла алтаря до Синодальнаго дома проведена подземная каменная труба, а отъ нея къ каждому изъ пяти отдѣленій алтаря до фундамента проведены меньшія, и всѣ сіи трубы сверху засыпаны землей; остается одно только отверстіе у главной трубы при входѣ въ Синодальный домъ.

Нынѣ, проходя чрезъ сіе отверстіе, приступаютъ къ дѣланію проломовъ въ фундаментъ четырехъ стороннихъ отдѣленій алтаря, для устройенія внутри каждаго отдѣленія, кромѣ средняго, теплопроводовъ и вытяжныхъ трубъ.

Когда пробиты будут отверстія въ фундаментѣ и будутъ устроиться теплопроводы и вытяжныя трубы, чрезъ означенное отверстіе большой подземной трубы можно будетъ проходить внутрь алтаря, и потому должны быть приняты особыя мѣры къ охраненію святыни и драгоценностей собора.

Для сего внутри собора, съ утра до вечера, во время производства работъ, предполагается учредить постоянный надзоръ чрезъ одного изъ священниковъ и діаконовъ и чрезъ двухъ сторожей собора. Но во время ночи, съ окончанія до начатія дневныхъ работъ, когда соборъ будетъ запертъ, для охраненія онаго должна быть учреждена особая наружная стража у отверстія большой канавы. Стража сія необходима будетъ и тогда, когда въ соборѣ у сѣверныхъ дверей будетъ устроиться большая вытяжная труба, долженствующая имѣть четыре квадратныхъ аршина въ разрѣзѣ, которая отъ Синодальнаго дома и доведена уже до дверей собора. Равнымъ образомъ нужна будетъ таковая же стража, когда подъ двумя окнами собора съ сѣверной стороны будутъ пробиваться отверстія для устройства теплопроводовъ, по коимъ работы между соборомъ и Синодальнымъ домомъ уже кончены.

Естьли сію наружную стражу учредить изъ однихъ только сторожей или звонарей собора: то она будетъ недовольно благонадежна. Посему признается нужнымъ, чтобы съ настоящаго времени до окончанія означенныхъ работъ назначена была военная стража изъ двухъ часовыхъ.

Усматривая изъ сего описанія работъ, что въ продолженіе оныхъ соборъ дѣйствительно будетъ имѣть отверстія, доступныя входу отвнѣ, и что внѣшнее охраненіе его чрезъ сторожей собора можетъ оказаться неудовлетворительнымъ, долгомъ поставляю обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, дабы благоволено было обратитъ начальственное вниманіе на вышеизложенныя обстоятельства и сдѣлать распоряженіе къ охраненію собора отвнѣ достаточною стражею, до совершенія вышеописанныхъ работъ“.

При отношеніи отъ 28-го Октября того же 1858 г. гр. А. П. Толстой препроводилъ къ м. Филарету списокъ съ полученнаго имъ отношенія главноуправляющаго путями сообщенія и публичными заданіями съ приложеніемъ и изъясненіемъ высочайшаго повелѣнія касательно способовъ къ устройенію Успенскаго собора теплымъ съ сколь возможно меньшимъ разстройствомъ внутренности алтаря, вмѣстѣ съ копіею донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Коммиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Отношеніе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями было слѣдующаго содержанія. „По высочайшему повелѣнію ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ списокъ съ донесенія Св. Синоду митрополита Московскаго объ усмотрѣнномъ неудобствѣ отъ производства строительныхъ работъ по отопленію алтаря Успенскаго собора. Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу опасеній высокопреосвященнаго Филарета, высочайше повелѣть соизволилъ: удержавъ въ полной силѣ предназначенное отопленіе алтаря, сообразиться ближе объ удобнѣйшемъ способѣ достиженія сего, съ наименьшимъ расстройствомъ внутренности алтаря, имѣя въ виду, не окажется ли возможнымъ и удобнымъ устроить теплопроводныя трубы снаружи, чрезъ среднія окна восточной стороны собора, способомъ избраннымъ для самой церкви. О такомъ высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ къ исполненію Московскому военному генералъ-губернатору, почитаю долгомъ увѣдомить ваше сіятельство, съ препровожденіемъ копіи съ объяснительной по предмету сему записки капитана Быкова, принявшаго на себя устройство трубъ и печей для отопленія Успенскаго собора“.

Содержаніе копіи съ донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Коммиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, представленной 15-го Октября 1858 года, слѣдующее.

„10-го Октября я имѣлъ честь получить запросъ Коммиссіи относительно устройства отопленія Успенскаго собора и спѣшу представить самое подробное объясненіе противъ всѣхъ пунктовъ запроса, которымъ почтила меня коммиссія.

1. Сколько будетъ сдѣлано проломовъ сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полуциркулярныхъ стѣнъ для проведенія въ оныя трубы?

По проѣкту моему предполагалось сдѣлать алтарь по крайней мѣрѣ столько же теплымъ и сухимъ, какъ и самую церковь; но такъ какъ три алтаря и два промежуточные тоже полуциркулярныя пространства между ними составляютъ пять отдѣленій, не имѣющихъ между собою почти никакого сообщенія, кромѣ небольшихъ дверей, то по необходимости надобно было каждый изъ нихъ отапливать отдѣльно, что предполагалось произвести посредствомъ отверстій, пробитыхъ въ стѣнѣ подъ землею и выходящихъ въ сказанное отдѣленіе непосредственно подъ поломъ. Каждое изъ отверстій, по одному въ каждомъ отдѣленіи, имѣющее около квадратнаго аршина сѣченія, предполагалось раздѣлить на двѣ части; изъ верхней части, имѣющей около 80 квадратныхъ вершковъ, теплый воздухъ предполагалось провести въ каждое изъ отдѣленій, вертикальнымъ теплопроводомъ, имѣющимъ тоже сѣченіе

80 квадратных вершковъ и въ вышину вдвое болѣе человѣческаго роста, сдѣланнымъ изъ листового желѣза съ двойными стѣнками и съ прокладкою внутри войлокомъ. До той же высоты, до которой стѣны покрыты сукномъ или бархатомъ, предполагается отдѣлать точно также сукномъ или бархатомъ, а далѣе предполагалось отдѣлать подъ бронзу; нижняя же часть предназначалась для вытягиванія уже остальнаго воздуха изъ алтарей, который, пройдя подземною трубою до вытяжной трубы, сею послѣднею долженъ быть выброшенъ вонъ, поверхъ крыши синодальнаго зданія. Я не имѣю надобности прибавлять, что въ замѣнъ выброшеннаго сыраго воздуха точно такое же количество наружнаго сухаго воздуха будетъ входить въ храмъ, и такимъ образомъ въ ономъ будетъ постоянно поддерживаться, какъ требуемая степень сухости, такъ равно и легкость воздуха. Такія предположенія въ общихъ чертахъ были представлены департаменту проэктовъ и смѣтъ и архитектурному совѣту и удостоились одобренія, какъ того, такъ и другого, и мнѣ остается только привести пояснительныя причины, которыя, конечно, имѣли въ виду ученые совѣты департамента проэктовъ и смѣтъ и архитектурный, но которыя не были выражены письменно только потому, что онѣ составляютъ основныя начала строительнаго искусства, извѣстнаго всѣмъ ученымъ.

Пробитіе отверстій въ каждомъ изъ отдѣленій не будетъ ли вредно прочности храма?

Такъ какъ фундаментъ Успенскаго собора имѣетъ глубины около 8 аршинъ, то означенныя отверстія будутъ находиться почти въ 7-ми-аршинномъ разстояніи отъ основанія и будутъ представлять подъемныя окна, совершенно безопасныя для храма, имѣющаго 73 окна снаружи, и которыхъ сѣченіе втрое болѣе, а простѣнки во многихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, вдесятеро менѣе. Четырехъ-вѣковой опытъ показалъ, что наружныя окна не вредятъ прочности зданія; послѣ этого нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы подземныя окна меньшихъ размѣровъ и въ несравненно меньшемъ числѣ повредили этой прочности; если наружныя отверстія оправдываются необходимостію пропустить свѣтъ въ храмъ, то подземныя оправдываются тоже необходимостію пропустить въ храмъ тепло.

Но возможно ли пробивать стѣну храма, составляющаго святыню для всѣхъ насъ Русскихъ?

Вопросъ этотъ подлежитъ рѣшенію однихъ нашихъ верховныхъ пастырей церкви, и потому я не позволю себѣ ни малѣйшихъ разсужденій по сему предмету, ограничиваясь только представленіями, что для того, чтобы устроить отопленіе Успенскаго собора, мнѣ необходимы

естественныя средства, мнѣ необходимо, чтобы позволено было сдѣлать отверстія, сквозь которыя я могъ бы пропустить тепло; я принимаю смѣлость напомнить, что исторія Успенскаго собора показываетъ, что въ прежнія времена позволяли себѣ дѣлать проломы въ стѣнахъ во многихъ случаяхъ, между прочимъ проломали даже дымовую трубу, предполагая устроить отопленіе одного изъ алтарей, но которое не состоялось, вѣроятно, потому, что не умѣли взяться за дѣло. Даже въ новѣйшія времена необходимость, подобная той, которая нынѣ предстоитъ въ отопленіи Успенскаго собора, заставила дотронуться до живописныхъ изображеній святыхъ угодниковъ, чтобы возобновить для православныхъ ихъ лики въ первобытномъ состояніи.

2. Въ какомъ именно мѣстѣ главнаго алтаря предполагается вывести теплопроводную и возвратную трубы, то есть, близъ юрняго мѣста или между юрнимъ мѣстомъ и престоломъ, и не будетъ ли это устройство служить неудобствомъ стоящимъ на горнемъ мѣстѣ и близъ онаго въ священно-служеніи отъ трубъ, одной изливающей широкимъ потокомъ теплоту, а другой, влекущей въ себя воздухъ?—Недѣлю тому назадъ я обозрѣвалъ, вмѣстѣ съ протопресвитеромъ Успенскаго собора мѣста, въ которыхъ приличнѣе всего сдѣлать таковыя возвраты, прося его довести объ этомъ до свѣдѣнія его высокопреосвященства и испросить его разрѣшенія и благословенія. Нынѣ я повторяю тоже самое: мѣста для возвратовъ будутъ тамъ, гдѣ назначить ихъ духовное начальство, въ стѣнѣ или въ полу, подлѣ стѣны, для меня все равно; я сдѣлаю такъ, какъ мнѣ приказано будетъ и благословлено святымъ владыкою. Что же касается до опасенія, будто труба, изливающая широкимъ потокомъ тепло, будетъ беспокоить архипастыря, стоящаго на горнемъ мѣстѣ, и другихъ, окружающихъ его, то я долженъ сказать, что хотя подобное опасеніе и совершенно естественно, но при моей системѣ отопленія оно не имѣетъ мѣста, и я могу сослаться на свѣдѣтельство опыта въ Курскомъ соборномъ храмѣ. Любопытные, желая дознаться, откуда идетъ тепло въ соборъ, обыкновенно обходятъ всю церковь, дотрогиваясь до стѣнъ, чтобы по ощущенію узнать, гдѣ проведено тепло, и никакъ этого не могутъ замѣтить осязаніемъ, а прибѣгаютъ обыкновенно къ догадкамъ, замѣчая отверстія, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ частяхъ храма. Тоже самое будетъ и въ Успенскомъ соборѣ: ни архипастырь, стоящій на горнемъ мѣстѣ, ни окружающіе его, не въ состояніи будутъ замѣтить дѣйствія теплопровода иначе, какъ только потому, что въ алтарѣ будетъ тепло, самый же теплопроводъ на осязаніе будетъ холоденъ, а воздухъ, выходящій изъ него на высотѣ вдвое болѣе человѣческаго роста и имѣющій температуру съ

небольшимъ въ 30°, естественно поднимаясь кверху, не можетъ никого беспокоить. Это я говорю изъ опытовъ, опираясь не на одинъ Курскій храмъ, но и на всѣ храмы, которыхъ отопленіе я устраивалъ: вездѣ для любопытныхъ представлялась таже самая задача, отъ чего храмъ тепелъ, когда теплаго воздуха нигдѣ не чувствуется.

Что же касается до возвратовъ, то я опасаясь, что дѣйствіе ихъ могутъ сравнивать съ дѣйствіемъ холоднаго наружнаго воздуха, входящаго въ церковь сквозь такія же отверстія. Дѣйствительно, вліяніе подобнаго холоднаго потока воздуха было бы губительно для здоровья служащихъ, и строитель, допустившій подобную ошибку, справедливо долженъ нести всю тягость отвѣтственности за оную; теплый же воздухъ алтарей, втягиваемый возвратами, неощутителенъ ни для кого, кромѣ тѣхъ, которые нарочно приложатъ къ отверстию платокъ или обнаженную руку; въ главномъ же алтарѣ присутствіе вытяжнаго отверстія нельзя будетъ узнать ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, потому что оно будетъ закрыто скамьями, окружающими горнее мѣсто, и въ отверстіяхъ между скамьями и поломъ, около трехъ вершковъ, тяга будетъ такъ слаба, что ни платокъ, ни обнаженная рука ничего не укажутъ.

3. *Въ какое именно время приступлено будетъ къ работамъ внутри главнаго алтаря, и какъ долго онъ продолжаться?*—Къ работамъ внутри главнаго алтаря приступлено будетъ только тогда, когда мнѣ это будетъ разрѣшено; что же касается до продолженія ихъ, то предполагалось произвести оныя, какъ то ниже будетъ объяснено, въ нѣсколько дней незамѣтно ни для служащихъ, ни для молящихся.

4. *Какія будутъ приняты мѣры къ устраненію въ главномъ алтарѣ собора разныхъ нечистотъ, неизбежныхъ при такихъ работахъ, какъ-то: при рытіи ямъ—наносной земли, при проломъ фундамента—щебня, а также при носкѣ матеріаловъ для новыхъ работъ и кипящей смолы для заливки каменной кладки въ землю?*—Проламываніе отверстій предполагалось произвести все снаружи до тѣхъ поръ, пока дойдутъ до шести вершковъ разстоянія отъ внутренней поверхности стѣны; при такомъ расположеніи всѣ нечистоты, каковы щебень и другія, а также и запахъ отъ кипящей смолы, никакимъ образомъ не могутъ быть ни видимы, ни ощущаемы въ алтаряхъ. Остальную же стѣнку въ шесть вершковъ толщиной предполагалось пробрать изъ самыхъ алтарей въ часы между обѣдной и вечерней, съ уборкой въ тотъ же промежутокъ времени всѣхъ нечистотъ и съ употребленіемъ, какъ средства противъ сырости, вмѣсто смолы, топленого воску; такимъ образомъ,

ни нечистота, ни запахъ, не могутъ оскорбить чувства священнослужителей.

Для объясненія настоящаго положенія дѣла я считаю долгомъ прибавить, что на другой же день послѣ полученія запроса Коммиссіи я испросилъ позволеніе представиться его высокопреосвященству для личныхъ объясненій, и въ разговорѣ, которымъ святой владыка почтилъ меня, онъ изволилъ сказать мнѣ слѣдующія слова: „можетъ быть, я соглашусь на пробитіе четырехъ отверстій въ четырехъ отдѣленіяхъ, кромѣ главнаго алтаря; но въ этотъ послѣдній, я полагаю, можно попасть изъ сосѣдняго отдѣленія, проводя трубу сначала подъ поломъ, потомъ подъ дверь, послѣ чего можно около этой же самой двери поднять тепловую трубу по стѣнѣ; въ этомъ препятствіи не будетъ“.

Какъ христіанинъ, я не могу не благоговѣть предъ желаніемъ нашего общаго архипастыря; но, какъ инженеръ, я считаю долгомъ сдѣлать нѣкоторыя представленія.

1, Размѣры каждаго изъ теплопроводовъ расчислены такъ, чтобы онъ могъ нагрѣвать каждое изъ отдѣленій особенно; ежели же одному изъ сихъ теплопроводовъ, расчисленному для одного отдѣленія, предназначено будетъ обогрѣвать два отдѣленія, то, конечно, этотъ теплопроводъ окажется недостаточнымъ.

2, Этотъ теплопроводъ, продолженный подъ поломъ внутри храма, потребуетъ отверстія въ стѣнѣ вчетверо болѣе квадратнаго аршина; ибо величина теплопроводовъ расчитана такимъ образомъ, чтобы внѣ собора они имѣли измѣренія съ избыткомъ достаточныя для удовлетворительнаго отопленія собора; отверстія же въ стѣнахъ собора расчитаны такъ, что, съ уменьшеніемъ ихъ, я уже не могу удовлетворить условіямъ, на которыя я обязался форменнымъ актомъ.

3, Устройство теплопровода по второму отдѣленію неизбежно повлечетъ за собою нечистоты, несравненно болшія тѣхъ, которыя потребуетъ проламываніе стѣнки только въ шесть вершковъ толщиною, какъ это было описано выше.

Впрочемъ все будетъ зависѣть отъ воли его высокопреосвященства, и я только покорнѣйше прошу Коммиссію довести мои представленія до свѣдѣнія святаго владыки.

Въ ожиданіи рѣшенія мною приказано не дотрогиваться до стѣнъ храма; но чтобы не упустить немногіе дни, остающіеся для постройки, мною приказано также продолжать начатыя проводы, не дотрогиваясь до стѣнъ храма, съ тѣмъ, что ежели его высокопреосвященство не изволилъ одобрить мои представленія, то проводы будутъ засыпаны безъ

всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Ожидая того, что Коммисіи благоугодно будетъ приказать по настоящему дѣлу, я принимаю смѣлость просить ее быть снисходительною къ отопленію тѣхъ частей собора, въ которыхъ моя мысль не будетъ приведена въ исполненіе, и если бы мнѣ не позволено было войти ни съ возвратомъ, ни съ теплымъ душникомъ ни въ одинъ изъ алтарей, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего было бы то, что, хотя въ церкви температура, сухость и благорастворенность воздуха будутъ никакъ не ниже того, на что я обязался, но температура алтарей только на 10° была бы выше наружнаго воздуха. а сырость въ оныхъ достигла бы крайнихъ предѣловъ“.

Синодальному оберъ-прокурору владыка писалъ. „Препровождая при семъ списокъ съ донесенія моего Св. Синоду, покорнѣйше прошу ваше сіятельство принять въ соображеніе, что естли изложенныя мною обстоятельства Св. Синодъ найдетъ дѣйствительно требующими вниманія, то нужно немедленное распоряженіе, чтобы работы при алтарѣ Успенскаго собора пріостановлены были до разсмотрѣнія дѣла и до открытія способа устранить представляющіяся затрудненія“. Отношеніемъ отъ 17-го Октября 1858 г. графъ Закревскій увѣдомлялъ, между прочимъ, его высокопреосвященство. Получивъ отношеніе отъ 9-го Октября, въ которомъ изложены разныя неудобства и препятствія, могущія встрѣтиться при исполненіи работъ по устройству отопления Успенскаго собора, въ особенности по отопленію главнаго алтаря, я потребовалъ немедленно отъ производящаго работы инженеръ-капитана Быкова подробныя объясненія противъ каждаго пункта замѣчаній, равно мнѣніе по сему предмету наблюдающаго за работами старшаго помощника главнаго архитектора коммисіи коллежскаго совѣтника Каминскаго, каковыя свѣдѣнія и доставлены въ Коммисію 16 и 17 Октября (препровождаемыя при семъ).

Препровождая при семъ въ комитетъ на благоуваженіе вашего высокопреосвященства какъ объясненіе капитана Быкова, такъ и мнѣніе архитектора Каминскаго, я имѣлъ честь покорнѣйше просить васъ въ послѣдствіи распоряженій вашихъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Мнѣніе свое относительно работъ по устройству отопления Успенскаго собора старшій архитекторъ Каминскій изложилъ въ слѣдующемъ рапортѣ въ Коммисію для построенія храма во имя Христа Спасителя.

„Прочитавъ со вниманіемъ возвращаемыя при семъ отношеніе высокопреосвященнаго м. Филарета къ его сіятельству гр. Арсенію Андреевичу, и донесеніе въ Коммисію инженеръ-капитана Быкова, по поводу замѣчаній его высокопреосвященства на отопленіе алтарей Успенскаго собора, присланныя ко мнѣ канцелярією 16-го Октября

за № 747, по приказанію его сіятельства, для представленія по сему дѣлу моего заключенія, имѣю честь почтительнѣйше донести Коммиссіи, что я въ подробности разсматривалъ всѣ алтари Успенскаго собора вмѣстѣ съ Быковымъ, который мнѣ показывалъ мѣста, гдѣ предполагается вывести въ алтаряхъ теплоту и устроить отверстія вытяжныхъ каналовъ, и нашелъ проэктъ его весьма удобнымъ къ исполненію. Не говоря о боковыхъ придѣлахъ, гдѣ устройство теплыхъ и вытяжныхъ каналовъ сдѣлать легко, въ главномъ придѣлѣ я не предвижу ни одного изъ опасеній, означенныхъ въ вышеупомянутомъ отношеніи владыки.

Вѣроятно его высокопреосвященству было ошибочно донесено, что Быковъ предполагаетъ, производя внутри алтарей работы, громоздить въ сей святынѣ разные матеріалы, произшедшіе отъ проломки стѣнъ и производить кипящею смолою неприятный запахъ. Устраненіе сихъ неудобствъ и способъ выведенія теплаго воздуха и вытяжныхъ отверстій такъ, чтобы ни первый, ни вторые не беспокоили служащихъ, какъ предполагаетъ все это устроить г. Быковъ, по мнѣнію моему, весьма уважительны и практичны“.

Отъ 20-го Октября м. Филаретъ писалъ гр. Закревскому:

„При отношеніи вашего сіятельства 17-го Октября 1858 г. за № 750 препровождены ко мнѣ въ копіяхъ рапорты инженеръ-капитана Быкова и старшаго помощника главнаго архитектора Коммиссіи построенія храма Христа Спасителя, относительно устраненія затрудненій при устройеніи теплымъ алтаря Успенскаго собора, и требуется увѣдомленіе о послѣдствіи моихъ по сему предмету распоряженій.

Въ первой части рапорта инженеръ-капитана Быкова разсматривается вопросъ: *сколько будетъ сдѣлано проломовъ сквозь фундаментъ пяти алтарныхъ полукружныхъ стѣнъ?*

Предложеніе сего вопроса инженеръ-капитану для Коммиссіи храма доказываетъ, что сей вопросъ не былъ прежде ясно представленъ сей Коммиссіи.

Изъ сего ваше сіятельство благоволите усмотрѣть, что не напрасно о семъ предметѣ упомянуто было въ отношеніи моемъ отъ 9 Октября, дабы значительной важности вопросъ о числѣ и безопасности сихъ проломовъ достигъ разрѣшенія, устраняющаго всякое сомнѣніе.

Теперь вопросъ о безопасности *проломовъ* (непонятно и не точно прежде названныхъ *возратами*, тогда какъ они не только *возвращаютъ* изъ собора, но и *вводятъ* въ соборъ теплоту) разрѣшенъ по принадлежности, моему же сужденію сей предметъ не подлежитъ.

Но въ сей первой части рапорта нужно для дальнѣйшаго разсмотрѣнія замѣтить неточность показанія, что пять отдѣленій алтаря не

имѣютъ между собою никакого сообщенія, кромѣ небольшихъ дверей. Напротивъ того, главный алтарь съ сѣвернымъ предъалтаріемъ, гдѣ жертвенникъ, сообщается не *небольшою дверью*, а двумя открытыми арками внизу и двумя вверху; южное предъалтаріе также сообщается *аркою*; а крайнее сѣверное отдѣленіе (придѣлъ Петровскій) отдѣляется невысокою стѣною: слѣдственно есть свободное сообщеніе воздуха между сими тремя отдѣленіями.

Во второй части рапорта объяснено, что втеченіе теплаго воздуха, въ главномъ алтарѣ близъ горняго мѣста, и обратное влеченіе воздуха не будетъ затруднять священнослужащихъ. И сіе удостовѣреніе не подлежитъ моему сужденію и остается на отвѣтственности имѣющаго спеціальное знаніе и опытъ.

Въ третьей части рапорта полагается, что работы внутри главнаго алтаря произведены будутъ въ нѣсколько дней назамѣтно для служащихъ и молящихся. Сіе должно признать удовлетворительнымъ, если можно сіе исполнить. Но непонятно, какъ сіе можетъ быть исполнено, когда нужно будетъ отнять бархатное обложеніе стѣны и ступени сопрестолія, разрыть землю, окончить проломъ фундамента и высѣчь часть алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста.

Въ четвертой части рапорта разсматривается вопросъ, какія мѣры приняты будутъ для устраненія неблаговидности при производствѣ работъ въ главномъ алтарѣ.

Въ сей части Быковъ прописываетъ слова, которыя полагаетъ слышанными отъ меня, слѣдующія: „можетъ быть я соглашусь на пробитіе четырехъ отверстій въ четырехъ отдѣленіяхъ, кромѣ главнаго алтаря; но въ этотъ послѣдній, я полагаю, можно попасть изъ сосѣдняго отдѣленія, проведя трубу, сначала подъ поломъ, потомъ подъ дверью, послѣ чего можно около этой же самой двери поднять тепловую трубу по стѣнѣ; въ этомъ препятствіи не будетъ“.

Словъ: *подъ дверью*, и *около двери*, не могъ я сказать, потому что здѣсь двери нѣтъ; а, какъ сказано выше, главный алтарь съ сѣвернымъ предъалтаріемъ сообщается двумя арками внизу и двумя арками вверху.

Дѣйствительно же сказано мною, что если проломаніе четырехъ стѣнъ алтаря въ отношеніи къ способу отопленія необходимо и въ отношеніи къ зданію безопасно, то должно подчиниться необходимости. Что же касается до главнаго алтаря, то, по уваженію къ преимущественной святости сего мѣста, я продолжалъ и продолжаю предлагать, чтобы сохранить оный, сколь возможно, неприкосновеннымъ.

До моего разсмотрѣнія относится церковная сторона дѣла, а не художественная. Но какъ изъ вышесказаннаго о дверяхъ видно, что Быковъ неточно сохраняетъ въ памяти внутреннія подробности алтарей: то мнѣ позволительны нѣкоторыя соображенія, доступныя и не специалисту.

Главный алтарь съ двумя ближайшими къ нему отдѣленіями сообщается открытыми арками, четвертое сѣверное отдѣленіе отдѣляется отъ ближайшаго къ нему отдѣленія и отъ главнаго алтаря невысокою стѣною. Слѣдственно теплота, проведенная въ два сѣверныя отдѣленія, можетъ изъ нихъ свободно сообщаться главному алтарю.

Для главнаго алтаря, повидимому, все равно, будетъ ли теплопроводное отверстіе на правой сторонѣ онаго близъ окна, или на лѣвой близъ арки.

Естьли двумя теплопроводными отверстіями въ окнахъ признается возможнымъ наполнить огромное пространство всего собора, изъ котораго много теплоты уносить будутъ куполы: то почему, кажется, не наполнить теплотою сравнительно небольшое пространство главнаго алтаря двумя или тремя путями изъ Петровскаго придѣла и изъ отдѣленія жертвенника, такъ что одно изъ отверстій будетъ открыто въ самый главный алтарь изъ трубы, проведенной въ отдѣленіи жертвенника.

Естьли не будетъ трубы въ главный алтарь: то трубу въ отдѣленіи жертвенника нужно будетъ удвоить, но не учетверить, какъ сказано въ рапортѣ.

Быковъ, касаясь своимъ сужденіемъ и церковнаго приличія, замѣчаетъ, что устройство трубы въ отдѣленіи жертвенника повлечетъ за собою болѣе нечистоты, нежели было бы въ главномъ алтарѣ. Но ему неизвѣстны церковныя соображенія, сюда относящіяся. Престолъ главнаго алтаря и горнее мѣсто освящены муропомазаніемъ; жертвенникъ не имѣетъ подобнаго освященія; надъ престоломъ бываетъ призываніе Святаго Духа и совершается таинство; къ главному алтарю относится 69 правило шестого вселенскаго собора: *только царь одинъ, ижеже никтоже отъ мірскихъ чловѣкъ во очистилище да видеть*. Изъ сего можно усмотрѣть, что не наравнѣ съ жертвенникомъ или предъалтаріемъ, а несравненно въ высшей степени требуетъ благоговѣйнаго охраненія алтарь, и притомъ алтарь древнихъ святителей, алтарь храма царственнаго.

Посему и по прежнимъ моимъ соображеніямъ, уступая необходимости, чтобы устроены были проломы и теплопроводы въ четырехъ боковыхъ отдѣленіяхъ алтаря, обязанностію почитаю вновь обратиться

къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, чтобы обѣщанное въ отношеніи вашего сіятельства отъ 29 Августа недопущеніе по собору никакихъ поврежденій примѣнено было преимущественно къ главному алтарю, чтобы устроеніе отопленія его соглашено было съ его неприкосновенностію, и для того теплота введена была въ него черезъ его арку изъ отдѣленія жертвенника.

Я предлагалъ сіе инженеръ-капитану и архитектору при протопресвитерѣ Успенскаго собора, и они, по разсмотрѣннн подробностей, признали сіе возможнымъ. Я съ своей стороны объявилъ имъ, что въ семъ смыслѣ продолжать работы нѣтъ препятствія со стороны церковныхъ соображеній“.

20 Октября 1858 г. м. Филаретъ писалъ къ оберъ-прокурору Св. Синода гр. А. П. Толстому: „Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 9 дня сего Октября долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что, по отношенію моему къ Московскому генераль-губернатору относительно способа отопленія алтаря Московскаго Успенскаго собора, отъ Комиссіи для построенія храма Христа Спасителя даны были инженеръ-капитану .Быкову вопросы и полученные отъ него въ рапортѣ объясненія его и согласный съ ними рапортъ помощника главнаго архитектора сообщены были мнѣ при полученномъ 19 дня отношеніи гр. А. А. Закревскаго. Вслѣдствіе же сего нынѣ имѣлъ я личное сношеніе съ означенными инженеръ-капитаномъ и архитекторомъ при протопресвитерѣ Успенскаго собора, и они признали возможнымъ главный алтарь Успенскаго собора оставить неприкосновеннымъ, проведя въ него теплоту чрезъ предъалтаріе жертвенника, о чемъ нынѣ же отношусь я къ Московскому генераль-губернатору и вслѣдъ за симъ не премину доставить вашему сіятельству списокъ съ сего отношенія, излагающаго обстоятельства дѣла“.

Отъ 29 Октября 1858 г. въ отвѣтъ на это отношеніе оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой писалъ: „Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 28 Октября за № 6718 имѣю честь увѣдомить ваше высокопреосвященство, что объ отзывѣ вашемъ къ Московскому военному генераль-губернатору за № 445 и о сдѣланномъ мною по оному сношеніи съ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями по дѣлу объ устроеніи Успенскаго собора теплымъ, я имѣлъ счастье третьяго дня лично докладывать Государю Императору. Его Величество, удостоивъ высочайшаго вниманія ходатайство ваше, соизволилъ отозваться, что производителямъ означенныхъ работъ преподаны уже надлежащія наставленія, и Его Величество изволитъ надѣяться на опытность и зна-

ніе ихъ, что при семъ сооруженіи требованія искусства будутъ сколь можно согласованы съ требованіями церковными“.

На этомъ же отношеніи собственноручно графомъ приписано: „Вчера ввечеру я видѣлся съ генераломъ Чевкинымъ, который сказалъ мнѣ, что его мысли совершенно согласны съ мыслями вашего высокопреосвященства, и что онъ полагаетъ возможнымъ ограничиться четырьмя проломами въ боковыхъ частяхъ алтаря“.

31 Октября 1858 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

По сдѣланному мною распоряженію, вслѣдствіе отношенія вашего высокопреосвященства отъ 26 сего Октября (№ 460) объ охраненіи отъ вѣтъ Московскаго Успенскаго собора, въ продолженіи работъ по отопленію онаго, достаточною стражею, Московскій комендантъ донесъ мнѣ, что требуемые вашимъ высокопреосвященствомъ ночные два поста, для охраненія наружной стороны собора отъ юго-восточнаго угла алтаря до Синодальнаго дома, съ 29 числа Октября учреждены: первый у крыльца Синодальнаго дома, а второй при входѣ въ Успенскій соборъ съ сѣверной стороны.

Отъ того же 31 Октября гр. Закревскій писалъ владыкѣ:

„Коммиссія для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, имѣвъ сужденіе по отношенію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, въ которомъ изъяснены: вновь высочайшая воля объ удержаніи въ полной силѣ предназначеннаго отопленія главнаго алтаря Московскаго Успенскаго собора съ наименьшимъ, по возможности, разстройствомъ внутренности онаго, и предположеніе о примѣненіи къ главному алтарю способа отопленія самой церкви посредствомъ наружныхъ теплопроводовъ чрезъ окна, 31 числа Октября заключила, что встрѣтившіяся началью со стороны вашего высокопреосвященства препятствія по устройству отопленія главнаго алтаря нынѣ совершенно устранены предположеніемъ ввести въ алтарь теплоту чрезъ отдѣленіе жертвенника, что признано и капитаномъ Быковымъ возможнымъ къ исполненію безъ малѣйшаго нарушенія основныхъ условій отопленія собора; а какъ этотъ послѣдне-представленный способъ не измѣняетъ ни условій заключеннаго съ Быковымъ договора, вообще на отопленіе собора, ни наружнаго фасада зданія и оказывается удобнѣйшимъ для достиженія наименьшаго разстройства внутренности главнаго алтаря, то оный въ настоящемъ случаѣ долженъ быть преимущественно допущенъ къ исполненію, тѣмъ болѣе, что изъясненное въ означенномъ отношеніи генералъ-адъютанта Чевкина предположеніе примѣнить къ отопленію главнаго алтаря способъ отопленія самой церкви, по отзыву Быкова, требуетъ продолжительнаго обсужденія во многихъ отно-

шеніяхъ, между тѣмъ какъ работы его ведутся уже такимъ образомъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Успенскій соборъ можетъ быть, согласно его обязательству, вполне отопленъ.

На семъ основаніи Коммиссія разрѣшила капитану Быкову продолженіе работъ отопленія главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника по сдѣланнѣмъ вашимъ высокопреосвященствомъ указаніямъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ предназначенные договоромъ результаты отопленія остались не измѣнными. Такимъ распоряженіемъ представится начатымъ работамъ безостановочное теченіе и способъ къ окончанію оныхъ въ условленный срокъ.

О семъ заключеніи коммиссія имѣетъ честь увѣдомить ваше высокопреосвященство съ препровожденіемъ въ копіяхъ: означеннаго отношенія генерала Чевкина отъ 19 Октября и трехъ объясненій капитана Быкова отъ 27 и 29 Октября“.

Копія съ отношенія главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями на имя предсѣдателя Коммиссіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя отъ 19 Октября № 8266:

Митрополитъ Московскій изъяснилъ Святѣйшему Синоду объ усмотрѣнномъ неудобствѣ отъ производства строительныхъ работъ по отопленію алтаря Успенскаго собора, присовокупивъ, что ваше сіятельство изволите быть о семъ увѣдомлены. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опасеній высокопреосвященнаго Филарета высочайше повелѣтъ извоилъ: удержавъ въ полной силѣ предназначенное отопленіе алтаря, сообразиться ближе объ удобнѣйшемъ способѣ достиженія сего съ наименьшимъ разстройствомъ внутренности алтаря, имѣя въ виду, не окажется ли возможнымъ и удобнымъ устроить теплопроводныя трубы снаружи, чрезъ среднее окно восточной стороны собора, способомъ избраннѣмъ для самой церкви.

Обязываюсь къ сему присовокупить, что какъ изъ вновь представленнаго объясненія инженеръ-капитана Быкова усматривается, что опасенія высокопреосвященнаго митрополита Московскаго обращены почти исключительно на главный алтарь, то именно для этой части, казалось бы, предпочтительно былъ удобенъ способъ провода тепла снаружи собора чрезъ среднія окна восточной стороны онаго; если же удобство сіе дѣйствительно подтвердится на мѣстѣ, то въ такомъ случаѣ необходимо расположить трубы такъ, чтобы фасадъ собора не былъ нарушенъ.

Копія съ донесенія отставнаго инженеръ-капитана Быкова въ Коммиссію по постройкѣ храма Христа Спасителя 27 Октября 1858 г.:

21 Октября я имѣлъ честь получить отъ канцеляріи Коммиссіи копію съ отношенія къ его сіятельству г. предсѣдателю Коммиссіи главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями съ тѣмъ, чтобы я представилъ объясненіе, признается ли удобнымъ проводъ теплаго воздуха въ главный алтарь, на который преимущественно обращены опасенія высокопреосвященнаго, тѣмъ же способомъ, какъ это сдѣлано для самой церкви, т. е. проведя оный снаружи, избѣгая въ тоже время нарушенія фасада собора.

Способъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, самый лучшій изъ всѣхъ въ искусственномъ отношеніи; я постоянно объ немъ думалъ, и, приведя всѣ теплопроводныя трубы къ стѣнамъ алтарей противъ самыхъ оконъ, я подготовилъ на всякій случай возможность исполнить эту мысль, ежели это будетъ мнѣ разрѣшено; но въ настоящее время едвали она удобоисполнима, ибо этотъ способъ проведенія тепла, лучшій и простѣйшій въ отношеніи строительнаго искусства, есть самый трудный въ отношеніи религіозномъ; его невозможно привести въ исполненіе, не получивъ согласія отъ всѣхъ подлежащихъ властей, для чего должно быть обсуждено прежде, можно ли проламывать стѣну главнаго алтаря, не оскорбивъ религіозныхъ понятій православныхъ, не будетъ ли при этомъ измѣненъ фасадъ собора, а все это потребуетъ переписки нѣсколькихъ мѣсяцевъ, между тѣмъ, какъ работы ведутся такимъ образомъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года Успенскій соборъ будетъ вполне отопленъ, если только не послѣдуетъ особенныхъ, не зависящихъ отъ меня, препятствій.

Есть еще и другое, высшей важности соображеніе. Чтобы подчиниться указаніямъ его высокопреосвященства м. Филарета, я добровольно вызвался, если мнѣ это будетъ разрѣшено, устроить отопленіе главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника, подъ полною моею отвѣтственностію.

Сей послѣдній способъ, изложенный въ моемъ донесеніи Коммиссіи отъ сего же числа, хуже того, который былъ предварительно обдуманъ мною и обсужденъ учеными совѣтами департамента проэктовъ и смѣтъ и архитектурнымъ; онъ представляетъ болѣе трудности въ своемъ исполненіи, требуетъ болѣе времени и издержекъ для приведенія его въ дѣйствіе, но онъ удовлетворяетъ религіознымъ требованіямъ, которымъ высокопреосвященный м. Филаретъ служитъ главнымъ представителемъ, и потому я вновь почтительнѣйше прошу Коммиссію дозволить мнѣ, если сіе возможно, подъ моею полною отвѣтственностію и безъ малѣйшаго уклоненія отъ кондицій, устроить отопленіе главнаго алтаря по указанію его высокопреосвященства.

Копія съ донесенія инженеръ-капитана Быкова въ Коммиссію отъ 27 Октября 1858 г.:

21 Октября я имѣлъ честь получить отъ канцеляріи Коммиссіи копію съ отношенія его сіятельства предсѣдателя Коммиссіи высокопреосвященнаго м. Филарета, съ тѣмъ, чтобы я представилъ по оному надлежащія объясненія, каковыя и спѣшу представить со всею возможною подробностію, дабы его высокопреосвященство и Коммиссія изволили усмотрѣть, что довѣренное мнѣ отопленіе Успенскаго собора производится со всею обдуманностію, какой требуютъ и столь важная цѣль, и столь великая оказанная мнѣ довѣренность.

Его высокопреосвященство изволилъ изъяслять опасеніе о томъ, что вопросъ о числѣ проломовъ не былъ прежде мною ясно представленъ Коммиссіи.

27 Мая текущаго года архитектурному совѣту благоугодно было предложить мнѣ разные вопросы относительно средствъ, какими я предполагаю сдѣлать теплымъ Успенскій соборъ. Въ числѣ сихъ вопросовъ одинъ относится къ тому, какими средствами я предполагаю сдѣлать теплыми алтари. Въ отзывѣ моемъ, отъ 9 Іюля текущаго года, отвѣчая подробно на всѣ предложенные мнѣ вопросы объ алтаряхъ, я имѣлъ честь донести слѣдующее: „для отопленія же алтарей въ каждомъ изъ нихъ будетъ сдѣлано по возврату, выходящему наравнѣ или немного выше горизонта пола, а въ верхней части каждаго изъ такихъ возвратовъ будетъ расположено по тепловой трубѣ, сообщенной съ тепловою камерою. Теплый воздухъ этой трубы уже самъ собою будетъ стремиться подняться кверху, но этому восхожденію, еще кромѣ того, будетъ содѣйствовать втягиваніе, производимое возвратами: такимъ образомъ отопленіе алтарей будетъ совершенно обезпеченнымъ“. Это предположеніе вмѣстѣ съ другими удостоилось одобренія архитектурнаго совѣта и Коммиссіи.

Въ отношеніи его высокопреосвященства замѣчено, что неточно названы возвратами проломы, которые не только возвращаютъ изъ собора, но и вводятъ въ соборъ теплоту. Нѣтъ возможности не признать всей справедливости такого замѣчанія, но мое изобрѣтеніе еще такъ ново, что оно не можетъ имѣть совершенно правильной номенклатуры; даже теперь я затруднился бы дать правильное названіе отверстію, которое нижнею частію вытягиваетъ изъ собора воздухъ, а верхнею вводитъ въ соборъ тепло. Еще важнѣе замѣчаніе его высокопреосвященства, что три отдѣленія имѣютъ между собою сообщеніе; но отверстія, которыми сообщаются эти отдѣленія, недостаточны для того, чтобы,

отопивъ одно изъ нихъ, можно было бы съ увѣренностію ожидать, что сосѣднее отдѣленіе будетъ тоже теплымъ, и только въ этомъ смыслѣ я доносилъ Коммиссіи, что каждое изъ отдѣленій должно имѣть необходимо свое особенное отопленіе.

Его высокопреосвященство изволилъ изъяснить сомнѣніе въ томъ, чтобы я могъ въ нѣсколько дней окончить работы въ главномъ алтарѣ, что выражается слѣдующими словами: „но не понятно, какъ сіе можетъ быть исполнено, когда нужно будетъ отнять бархатное обложеніе стѣны и ступени сопредстоля, разрыть землю, окончить проломъ фундамента и высѣчь часть алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста“. Въ донесеніи моемъ Коммиссіи отъ 16 Октября, излагая приведеніе въ исполненіе прежде обдуманнаго мною и утвержденнаго департаментомъ проэктовъ и архитектурнымъ совѣтомъ предположенія объ отопленіи алтарей, назначалось проломать изъ алтаря только стѣну въ 6 вершковъ толщиною на пространствѣ примѣрно около квадратнаго аршина, вставить въ верхнюю часть сего отверстія уже готовую тепловую трубу, съ временнымъ отнятіемъ скамей и подрѣзаніемъ оныхъ на 3 вершка высоты отъ полу. Обѣщаясь произвести подобныя работы въ нѣсколько дней, я не сказалъ ничего такого, что нельзя бы было исполнить въ таковой промежутокъ времени. Что же касается до высѣченія части алтарной стѣны до двойной высоты человѣческаго роста, то о семъ не упоминается въ моемъ донесеніи Коммиссіи. За недѣлю до сего донесенія, какъ въ ономъ значится, было обсужденіе средствъ, какимъ образомъ приличнѣе провести въ алтари теплый воздухъ, и при этомъ было сказано, что можно бы высѣчь для тепловой трубы часть алтарной стѣны, на что я отвѣчалъ, что прежде всего надобно знать, соизволитъ ли на сіе святой владыка: не имѣя въ виду такого соизволенія, я въ донесеніи моемъ предполагалъ устройство тепловаго душника безъ всякаго просѣченія стѣны, но просто приставя оный къ стѣнѣ.

Далѣе его высокопреосвященство замѣчаетъ, что я передалъ неправильно его слова. Для меня не можетъ быть никакого оправданія въ томъ, что, осмѣлясь привести слова святаго владыки, я передалъ ихъ не точно такъ, какъ онѣ были сказаны; но чтобы уменьшить, насколько возможно, мою вину, я позволю себѣ обратить вниманіе его высокопреосвященства на то обстоятельство, что смыслъ приведенныхъ мною словъ не очень много удаляется отъ тѣхъ, которыя онъ изволилъ помѣстить въ своемъ отношеніи. Въ словахъ, невѣрно мною приведенныхъ, особенное вниманіе его высокопреосвященства обратилось на неправильное названіе дверью узкаго и невысокаго отверстія,

покрытаго аркою, которымъ проходятъ изъ отдѣленія жертвенника въ главный алтарь, въ которомъ однакоже створчатой двери не имѣется. Какъ инженеръ, аркою я не могъ его назвать, ибо въ строительномъ искусствѣ аркою зовется только кругообразное, или, правильнѣе сказать, криволинейное покрытіе отверстія между двумя вертикальными стѣнами; правильно я могъ бы назвать его только проходомъ, служащимъ для сообщенія двухъ отдѣленій, или двернымъ отверстіемъ. Но, проходя нѣсколько разъ вмѣстѣ съ другими этимъ путемъ изъ алтаря въ отдѣленіе жертвенника и обратно, я, слѣдуя принятымъ въ общежитіи выраженіямъ, назвалъ его дверью,—это ошибка, но нѣтъ никакой возможности въ донесеніи, которое должно быть написано въ возможно кратчайшее время и въ которомъ единственную цѣлю имѣлось изложить дѣло такъ, чтобы мысль доносящаго была высказана сколь возможно яснѣе и понятнѣе, нѣтъ никакой возможности прибѣгать къ перифразамъ, безупречнымъ въ отношеніи точнаго означенія каждаго предмета, но дѣлающимъ главную существенную мысль непонятною.

Его высокопреосвященство изволить замѣчать, что „если двумя теплопроводными отверстиями въ окнахъ признается возможнымъ наполнить теплотою огромное пространство всего собора, изъ котораго много теплоты уносить будутъ куполы: то почему, кажется, не наполнить теплотою сравнительно небольшое пространство главнаго алтаря двумя или тремя путями изъ Петровскаго придѣла и изъ отдѣленія жертвенника, такъ что одно изъ отверстій будетъ открыто въ самый главный алтарь изъ трубы, проведенной въ отдѣленіе жертвенника?“ Два теплопроводныя отверстия, о которыхъ изволить упоминать его высокопреосвященство, въ настоящее время остаются совершенно открытыми, и простымъ измѣреніемъ на мѣстѣ можно убѣдиться, что каждое изъ нихъ имѣетъ около двухъ квадратныхъ аршинъ, а оба въ совокупности 4 квадр. арш. или болѣе 1000 квадр. вершковъ. Для каждаго изъ пяти алтарныхъ отдѣленій теплопроводъ назначается въ 80 квадр. вершковъ, что въ совокупности составитъ для всѣхъ 400 квадр. вершковъ. Если принять въ соображеніе, что труба, проводящая тепло въ алтари, имѣетъ несравненно большее протяженіе (около 20 саж.), чѣмъ трубы, проводящія тепло въ церковь (около 4 саж.), если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что трубы, проводящія тепло въ алтари, имѣютъ меньшую высоту, и слѣдовательно меньшую тягу, чѣмъ тѣ, которыя проводятъ тепло въ церковь: то становится яснымъ, что нѣтъ возможности уменьшить сумму общаго сѣченія оныхъ. Алтари имѣютъ пространство меньшее, чѣмъ церковь; но количество тепла, нужное для отапливанія какого нибудь пространства, зависитъ не отъ одного

кубическаго содержанія, но главнѣйше отъ квадратнаго содержанія стѣнъ, подверженныхъ охлаждающему дѣйствию наружнаго воздуха, а таковыя стѣны алтарей составляютъ около третьей доли всѣхъ стѣнъ собора. Охлаждающее дѣйствиё куполовъ, конечно, велико; но изъ пяти таковыхъ куполовъ только три принадлежатъ самой церкви, два же находятся въ алтаряхъ.

Его высокопреосвященство въ своемъ отношеніи отъ 20 Октября изволилъ сказать: „если не будетъ трубы въ главный алтарь: то трубу въ отдѣленіи жертвенника нужно будетъ удвоить, но не учетверить, какъ сказано въ рапортѣ“ (Быкова).

Вышеприведенныя слова, конечно, составляли бы математическую истину, еслибы, сообразно первоначальному проекту, проводъ въ каждое изъ алтарныхъ отдѣленій оканчивался около внутренней поверхности алтарныхъ стѣнъ, но при предположеніи отопить главный алтарь черезъ отдѣленіе жертвенника, дѣло совершенно измѣняется: тепловая труба должна быть продолжена подъ поломъ сего отдѣленія, и потомъ, по тѣснотѣ мѣста, крутымъ (хотя и округленнымъ) колѣномъ, должна повернуть къ главному алтарю. Всѣмъ инженерамъ, на обязанности которыхъ лежитъ проведеніе жидкостей капельныхъ (какъ при водопроводахъ) и газообразныхъ, какъ при устройствѣ газопроводныхъ трубъ, паропроводящихъ трубъ и теплопроводныхъ, всѣмъ извѣстно, что длина проводящей (капельную или газообразную жидкость) трубы, имѣетъ главнѣйшее вліяніе на опредѣленіе ея сѣченія: чѣмъ труба длиннѣе, тѣмъ сѣченіе ея должно быть болѣе для достиженія той же цѣли; каждое крутое колѣно имѣетъ почти тоже неблагоприятное вліяніе, какъ и протяженіе трубы, ибо при каждомъ крутомъ колѣнѣ неизбѣжны удары жидкостей въ стѣны и перемѣшиваніе токовъ, вредящее требуемому полезному дѣйствию. Въ настоящемъ случаѣ есть еще одно особенное обстоятельство: теплопроводная труба должна быть протянута до главнаго алтаря, между тѣмъ какъ возвратная труба должна остановиться у внутренней поверхности алтарной стѣны, и такимъ образомъ теплый проводъ, естественно находящійся сверху возврата, необходимо закроетъ сей послѣдній, а слѣдовательно возвратное отверстіе должно быть сдѣлано уже не вдвое болѣе, а вчетверо болѣе, дабы оно могло вполне удовлетворять своему назначенію.

Я ограничу этимъ мои объясненія, и да проститъ мнѣ святой владыка смѣлость, съ которою я позволилъ себѣ противорѣчить ему; но къ особамъ, стоящимъ столь высоко, какъ его высокопреосвященство, уваженіе доказывается не безмолвнымъ согласіемъ, но почтительнымъ представленіемъ истины. Въ настоящемъ дѣлѣ я не могу думать

о моей личности, она необходимо должна исчезнуть совершенно въ важности дѣла; но отопленіе Успенскаго собора довѣрено мнѣ съ высочайшаго соизволенія, и потому на мнѣ лежитъ священная обязанность доказать, что я понимаю всю важность возложенной на меня довѣренности, что все производится обдуманно, и что я въ состояніи вполне исполнить принятое мною обязательство.

Свидѣтельствомъ преданности моей къ архипастырю можетъ служить добровольно принятое мною обязательство въ 20 день Октября, когда я имѣлъ счастье представляться къ его высокопреосвященству. Я принялъ, сообразно указаніямъ его высокопреосвященства, на свою отвѣтственность отопленіе главнаго алтаря чрезъ отдѣленіе жертвенника, съ проводомъ тепловой трубы въ углубленіе въ стѣнѣ, составляющемъ нынѣ шкафъ, и съ пробитіемъ отверстія въ золотомъ полѣ, находящемся подъ изображеніемъ святаго угодника, никакимъ образомъ не дотрогиваясь до самого изображенія.

Я отвѣчаю за успѣхъ дѣла десятью тысячами рублей, которыя остаются въ залогъ до удостовѣренія, что принятыя мною обязанности исполнены совершенно удовлетворительно; я отвѣчаю еще болѣе потерю добраго имени въ случаѣ, ежели бы дѣло не было совершено съ полнымъ успѣхомъ. Понимая всю важность подобной отвѣтственности, я тѣмъ не менѣе принимаю ее и беруся отопить главный алтарь сообразно указаніямъ его высокопреосвященства. Хотя я сознаю, что способъ этотъ хуже того, который былъ прежде составленъ и одобренъ учеными совѣтами, хотя и требуетъ болѣе соображеній, времени для исполненія, и будетъ стоить мнѣ болѣе издержекъ, но я радъ всѣмъ этимъ пожертвовать, лишь бы только исполнить волю нашего архипастыря. Смѣю надѣяться, что невозможно представить болѣе искренняго доказательства благоговѣнія къ святому владыкѣ, и что мнѣ будутъ прощены противорѣчія, которыхъ я не могъ не сказать, отвѣтствуя на порученное мнѣ дѣло и сознавая, что я его вполне понимаю и имъ владѣю.

Но я долженъ прибавить, что въ то время, когда я обязался предъ его высокопреосвященствомъ устроить отопленіе главнаго алтаря сообразно его указаніямъ, я не зналъ, что по этому предмету уже объявлена высочайшая воля; нынѣ же, зная это, я понимаю, что сужденіе о томъ, что я могу измѣнить и чего не могу, уже мнѣ не подлежитъ, и я могу только почтительнѣйше просить Коммисію разрѣшить мнѣ, если это возможно, подъ моею полною отвѣтственностію, отопить главный алтарь сообразно предначертаніямъ его высокопреосвященства.

* * *

Копія съ донесенія отст. кап. инженера Быкова въ Коммиссію по построенію храма Христа Спасителя отъ 29 Октября 1858 г.:

27 Октября я имѣлъ честь получить отъ канцеляріи Коммиссіи копію съ отношенія м. Филарета къ его сіятельству г. предсѣдателю Коммиссіи съ тѣмъ, чтобы я донесъ, дѣйствительно ли необходимо во время работъ по отопленію Успенскаго собора назначеніе военнаго караула.

По сію пору нигдѣ въ Успенскомъ соборѣ проломы не доведены до такой степени, чтобы они составляли сквозное отверстіе, и я буду прилагать все возможное стараніе, чтобы отдалить это настолько, сколько это будетъ совмѣстно съ условіемъ, чтобы въ Декабрѣ мѣсяцѣ Успенскій соборъ былъ вполне отопленъ. Тѣмъ не менѣе нынѣ же я признаю военную стражу излишнею до совершеннаго окончанія работъ; по окончаніи же работъ въ семь, конечно, не будетъ болѣе предстоять никакой надобности, ибо всѣ проходы со стороны синодальнаго зданія будутъ закрыты рѣшетками изъ толстаго желѣза, въ алтаряхъ же и въ церкви будутъ тоже желѣзныя рѣшетки, хотя и болѣе легкія и притомъ нѣкоторыя створчатыя съ замками, чтобы можно было, въ случаѣ непредвидимой нынѣ нужды, попасть въ трубы. Это расположеніе, при которомъ въ трубы можно попасть только изъ самой церкви, конечно, представляетъ все возможное обезпеченіе. Мнѣ остается прибавить, что входъ къ печамъ будетъ устроенъ по желанію духовнаго начальства, или изъ самой комнаты сторожей Успенскаго собора, причемъ понадобится проламывать стѣну и для топки носить дрова со двора, чрезъ вышесказанную комнату,—такое расположеніе вполне безопасно, но можетъ быть вредно для здоровья сторожей;—или изъ входа въ комнату сторожей, что можетъ быть проведено въ исполненіе безъ всякаго проламыванія, стѣны; выборъ будетъ зависѣть отъ духовнаго начальства.

* * *

Отъ 13 Ноября 1858 г. оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Толстой увѣдомлялъ м. Филарета:

Главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу имъ полученнаго отъ генераль-адъютанта гр. Закревскаго сообщенія о сдѣланномъ распоряженіи къ отопленію главнаго алтаря Успенскаго собора, не производя проломовъ въ стѣнахъ алтаря, но пропускомъ теплоты чрезъ отдѣленіе жертвенника (на что изъявлено и соглашеніе вашего высокопреосвященства) высочайше соизволилъ распоряженіе сіе

одобрить. Долгомъ поставляю сообщить о семъ вашему высокопреосвященству въ дополненіе къ отношенію моему отъ 28 Октября за № 6718.

Отъ 17 Ноября 1858 г. гр. Закревскій писалъ владыкѣ:

Производящій устройство отопления Московскаго Успенскаго собора инженеръ-капитанъ Быковъ 17 Ноября донесъ Коммиссіи, что подъ отдѣленіемъ одного изъ алтарей собора открылся значительный земляной проваль, отъ котораго могутъ произойти опасныя послѣдствія, почему Коммиссія нынѣ же поручила высочайше учрежденному при ней архитектурному совѣту произвести немедленное распоряженіе къ освидѣтельствуванію означеннаго провала и сдѣлать подрбное постановленіе, съ участіемъ довѣреннаго съ духовной стороны лица о положеніи того провала и о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для отвращенія опасныхъ для сего послѣдствій.

Увѣдомля о семъ ваше высокопреосвященство, я, согласно съ заключеніемъ Коммиссіи, препровождаю въ копіи донесеніе капитана Быкова и покорнѣйше прошу о назначеніи довѣреннаго съ духовной стороны лица для присутствованія при означенномъ освидѣтельствующемъ сдѣлать зависящее распоряженіе и почтить меня о томъ увѣдомленіемъ.

Копія съ донесенія инж. Быкова Коммиссіи отъ 17 Ноября:

Честъ имѣю донести Коммиссіи, что по проломѣ стѣны въ отдѣленіи жертвенника, по направленію пролома, усмотрѣнъ неправильный проваль, примѣрно аршинъ тринадцати длиною, вышиною въ иныхъ мѣстахъ въ два, въ другихъ въ три и четыре аршина, и шириною столько же неправильною, какъ и высота, отъ трехъ до пяти аршинъ. Такимъ образомъ половина пола этого отдѣленія держится на воздухѣ и, къ несчастію, тоже самое должно сказать о жертвенникѣ, который, весь сдѣланный изъ камня, представляетъ тяжелую массу въ нѣсколько сотъ пудовъ и можетъ рухнуть со дня на день.

Донося объ этомъ обстоятельствѣ Коммиссіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своею обязанностію представить на ея благоусмотрѣніе мое мнѣніе по сему предмету.

Не придавая преувеличеннаго значенія настоящему факту, нельзя не признать, что онъ тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, при которыхъ одному лицу вѣрить нельзя, а потому я почтительнѣйше прошу Коммиссію назначить лица, какія она сочтетъ нужнымъ для того, чтобы онѣ обще со мною могли осмотрѣть и засвидѣтельствовать существованіе такого провала и обследовать причины онаго..

Трудно понять, отъ чего могъ произойти подобный проваль; причины онаго, конечно, будутъ открыты лицами, которымъ поручено

будетъ освидѣтельствованіе провала, до тѣхъ же поръ я полагаю, что пространство подъ поломъ было наполнено органическими веществами, которыя, исплѣвъ, произвели оказавшуюся пустоту; подобное мнѣніе можетъ имѣть нѣкоторую опору въ томъ, что при выемкѣ земли для теплопроводныхъ трубъ, пройдя глубину трехъ аршинъ, мнѣ пришлось вынимать цѣлые слои обгорѣлой ржи.

Но если этотъ провалъ произошелъ не отъ подобной причины, а отъ другой, какъ на примѣръ, отъ осадки земли, тогда случай становится чрезвычайной важности и требуетъ особенныхъ мѣръ.

Впрочемъ я полагаю, что открытіе подобнаго провала есть событіе благодѣтельное: ибо одинъ разъ какъ онъ извѣстенъ, можно принять мѣры къ отвращенію тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя были бы неизбѣжны, если бы жертвенникъ и полъ рухнули во время богослуженія.

Я долженъ еще представить Коммиссіи, что для того, чтобы можно было освидѣтельствовать провалъ, необходимо снять полъ въ одной половинѣ отдѣленія жертвенника. Движеніе, которое при этомъ произойдетъ въ каменной кладкѣ, можетъ повлечь за собою прежде всего паденіе жертвенника, а затѣмъ и остального пола, и потому я покорнѣйше прошу Коммиссію разрѣшить мнѣ, или кому она прикажетъ, разобрать жертвенникъ; издержки, необходимыя на столь непредвидѣнный случай, не могутъ входить въ счетъ той суммы (тридцать одной тысячи рублей серебромъ), за которую я взялся устроить отопленіе Успенскаго собора.

Впрочемъ, не смотря на случай, о которомъ я имѣю честь доносить, я буду работы продолжать по прежнему, съ тою цѣлю, чтобы въ Декабрѣ мѣсяцѣ настоящаго года отопленіе Успенскаго собора было вполне окончено; ибо событіе, о которомъ я имѣю честь доносить, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя могутъ только нѣсколько замедлить устройство отопленія, но никоимъ образомъ не могутъ остановить его.

На отношеніе ген.-губ. Закревскаго м. Филаретъ отвѣчалъ отъ 18 Ноября 1858 г.:

„Въ соотвѣтствіе отношенія вашего сіятельства отъ 17 Ноября № 853 о назначеніи довѣреннаго съ духовной стороны лица для присутствованія при освидѣтельствovanіи усмотрѣннаго въ Успенскомъ соборѣ, подъ отдѣленіемъ жертвенника, провала, положено мною слѣдующее. 1) Къ предполагаемому освидѣтельствovanію открытаго въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала депутатомъ съ духовной стороны назначить сакелларія Петра Виноградова. 2) Поелику пред-

полагается снять полъ въ одной половинѣ отдѣленія жертвенника, что, по отзыву инженера, можетъ повлечь за собою прежде всего паденіе жертвенника: то жертвенникъ разоблачить въ присутствіи протопресвитера и обоихъ сакелларіевъ и тщательно осмотрѣть, не окажется ли притомъ предметовъ требующихъ особеннаго сохраненія, и таковые удалить и помѣстить по приличію. 3) Въ тоже время по той же причинѣ удалить съ него двѣ иконы съ кивотами, изъ которыхъ одна стоитъ за жертвенникомъ, а другая при стѣнѣ. 4) Мѣсто мощей святителя Петра со стороны отдѣленія жертвенника закрыть тщательно приличною плотною завѣсою. Подобнымъ образомъ закрыть арки въ главный алтарь. 5) Затѣмъ допустить разобрать жертвенникъ и матеріаль его вынести и положить въ приличномъ мѣстѣ отдѣльно отъ другихъ матеріаловъ. 6) Послѣ сего допустить разобраніе пола и что далѣе необходимо потребуется. 7) Для продолженія священнослуженія устроить временный жертвенникъ въ одной изъ вышеуказанныхъ арокъ, преимущественно въ восточной. 8) Для охраненія святыни учредить чередованіе соборныхъ священно-церковно-служителей во время работъ въ соборѣ. 9) Какъ дѣло не требуетъ медленія, то сіе распоряженіе объявить непосредственно протопресвитеру къ немедленному исполненію“.

Отъ 22 Ноября 1858 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

Высочайше утвержденный при Коммисіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя архитектурный совѣтъ, по освидѣтельствованіи на мѣстѣ при депутатѣ съ духовной стороны оказавшагося подъ отдѣленіемъ жертвенника Московскаго Успенскаго собора землянаго провала, нашель, что оный произошелъ, вѣроятно, отъ разрушившихся отъ времени бывшихъ въ семь мѣстѣ склеповъ и что, для избѣжанія вредныхъ послѣдствій, необходимо разобрать съ возможными мѣрами предосторожности надъ симъ проваломъ полъ въ отдѣленіи жертвенника и самый жертвенникъ, и устроить подъ проваломъ надлежащій сводъ, по которому вновь настлатъ полъ. А такъ какъ работы эти требуется произвести безъ малѣйшаго отлагательства, дабы не произошло затрудненія или даже замедленія въ самомъ устройствѣ отопленія собора, то Коммисія поручила немедленное исполненіе оныхъ тому же инженеръ-капитану Быкову, принявшему на себя все вообще устройство отопленія собора подъ наблюденіемъ архитектора Коммисіи.

Сообщая о семъ мнѣніи архитектурнаго совѣта и распоряженіи Коммисіи вашему выс-тву, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, для допущенія къ немедленному производству вышеозначенныхъ работъ въ отдѣленіи жертвенника собора,

дать, кому слѣдуетъ, предписаніе и почтить меня о томъ своимъ увѣдомленіемъ.

23-го Ноября митрополитъ увѣдомилъ гр. Закревскаго, что о допущеніи къ немедленному разобранію пола у жертвенника и къ устройству надъ проваломъ надлежащаго свода нынѣ же объявлено Успенскому протопресвитеру.

29-го ноября депутатъ съ духовной стороны сакелларій П. Виноградовъ представилъ митрополиту копію съ составленнаго архитектурнымъ совѣтомъ, по освидѣтельствованію открытія въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала, журнала слѣдующаго содержанія.

Слушали переданное изъ Коммиссіи для построенія храма Христа Спасителя въ копіяхъ постановленіе Коммиссіи отъ 17-го Ноября, состоявшееся по случаю открывшагося землянаго провала подъ отдѣленіемъ одного изъ алтарей Успенскаго собора, каковымъ постановленіемъ предложено совѣту означенный провалъ освидѣтельствовать въ присутствіи депутата съ духовной стороны и сдѣлать заключеніе о тѣхъ способахъ, кои должны быть приняты для предохраненія алтаря отъ опасныхъ послѣдствій, и 2) отношеніе м. Филарета на имя предсѣдателя Коммиссіи о назначеніи депутатомъ съ духовной стороны для предложеннаго освидѣльствованія означеннаго провала сакелларія Петра Виноградова. Архитектурный совѣтъ, по выслушаніи сего и по освидѣльствованіи, вмѣстѣ съ означеннымъ съ духовной стороны депутатомъ сакелларіемъ Петромъ Виноградовымъ, открывшагося въ Успенскомъ соборѣ подъ отдѣленіемъ жертвенника провала, находитъ, что оный вѣроятно произошелъ отъ разрушившихся отъ времени, бывшихъ въ семь мѣстѣ, склеповъ; для избѣжанія же вредныхъ послѣдствій совѣтъ призналъ необходимымъ: разобрать со всевозможными мѣрами предосторожности надъ симъ проваломъ полъ въ отдѣленіи жертвенника и самый жертвенникъ, и устроить надъ проваломъ надлежащій сводъ, по коему вновь настлатъ полъ. Эти работы должны быть произведены съ большою осторожностію и тщательностію, при особомъ наблюденіи довѣреннаго отъ Коммиссіи лица и за отвѣтственностію исполнителя работъ. Такъ какъ работу слѣдуетъ произвести безотлагательно, то совѣтъ полагалъ бы возложить на архитектора, который будетъ назначенъ для наблюденія, составить смѣту по ходу работъ и по справочнымъ современнымъ цѣнамъ, а того, кто будетъ исполнять работу, обязать подпискою объ уступкѣ извѣстнаго процента съ смѣтной суммы. Вслѣдствіе сего совѣтъ полагаетъ просить его превосходительство барона Андрея Ивановича сообщить о семъ заключеніи Коммиссіи для

построенія храма Христа Спасителя, а депутату съ духовной стороны дать копію съ сего журнала.

Отъ 2-го Декабря 1858 г. гр. Закревскій писалъ къ владыкѣ митрополиту:

Производящій устройство отопления Московскаго Успенскаго собора отст. инж.-кап. Быковъ нынѣ доводитъ до свѣдѣнія Коммисіи, что работы по сему предмету приходятъ уже къ совершенному окончанію, и печи постепенно для просушки отапливаются.

А какъ въ 4 пунктѣ заключеннаго съ Быковымъ 3-го Сентября, по высочайшему соизволенію, контракта, опредѣлено, чтобы на отопленіе собора во все время года употреблять березовыхъ сухихъ одиннадцати—вершковой длины дровъ не болѣе 80 квадратныхъ сажень лучшей кладки, то имѣя сіе въ виду, я нужнымъ счелъ увѣдомить васъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, о существѣ донесенія капитана Быкова, на тотъ конецъ, не изволите ли признать благовременнымъ сдѣлать зависящее распоряженіе относительно заготовленія для отопленія собора во все холодное время года, предполагаемаго количества и качества дровъ; а также назначенія одного истопника, который бы въ теченіе нѣкотораго времени могъ приспособить себя, при указаніи Быкова, къ правильному уходу за топкою печей, устроенныхъ въ Синодальномъ зданіи.

10-го Февраля 1859 г. гр. Закревскій писалъ владыкѣ: Инженеръ-капитанъ Быковъ, производящій по высочайшей волѣ устройство отопления Успенскаго собора, 4 Февраля, донося Коммисіи, что сдѣланныя имъ, просушенные постепенно, печи доставляютъ уже въ соборъ предполагаемую мѣру тепла и исполняются всѣ прочія условія договора, кромѣ ризницы, температура коей еще не установилась въ уровень съ другими частями собора, а также нѣкоторыхъ остающихся мелочныхъ исполненій въ работахъ, проситъ сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи собора.

Присутствіе Коммисіи, по разсмотрѣніи обстоятельствъ этого дѣла, 10-го Февраля признало своевременнымъ приступить нынѣ къ означенному формальному освидѣтельствуванію собора и положило исполнить оное чрезъ гг. членовъ своихъ—сенаторовъ Дмитрія Дмитріевича Ахлестышева и Александра Ивановича Казначеева, при участіи отъ архитектурнаго совѣта предсѣдателя его инженеръ генераль-маіора барона Дельвига и со стороны духовной депутата.

Увѣдомляя о семъ ваше вы-ство, я, согласно съ помянутымъ заключеніемъ Коммисіи, покорнѣйше прошу назначить довѣренное съ

духовной стороны лицо для присутствія при такомъ освидѣтельствovaniи собора и о назначенiи такового лица меня увѣдомить.

Отъ 11-го Февраля 1859 г. м. Филаретъ увѣдомилъ гр. Забрѣвскаго, что довѣреннымъ съ духовной стороны лицомъ для присутствія при освидѣтельствovaniи устройства отопленiя Успенскаго собора назначенъ протопресвитеръ Успенскаго собора, о чемъ ему объявлено.

Отъ 26-го Февраля 1859 г. протопресвитеръ Успенскаго собора Дим. Новскій доносилъ м. Филарету: При освидѣтельствovaniи устройства отопленiя собора, производившемся 16-го и 20-го числа Февраля чрезъ членовъ коммисси для постройки храма Христа Спасителя г.-лейтенанта Д. Д. Ахлестышева, т. с. А. Н. Казначеева и предсѣдателя архитектурнаго совѣта барона Дельвига, по назначенiю вашего высокопреосвященства я находился въ качествѣ депутата съ духовной стороны. Въ тотъ и другой день температура въ соборѣ была выше 12-ти, а въ ризницѣ 6-ть градусовъ тепла. Воздухъ въ соборѣ оказался чистымъ и легкимъ, внутреннiя стѣны сухими, стѣнопись собора нисколько не поврежденною. Самыя работы по отопленiю собора свидѣтельствовавшiе признали произведенными прочно изъ хорошихъ матеріаловъ; замѣчено только поврежденiе штукатурки на контрафорсахъ, устроенныхъ снаружи собора для теплопроводовъ. Неоконченными работами, какъ внутри, такъ и внѣ собора, составлена вѣдомость, но о времени окончанiя сихъ работъ свидѣтельствовавшiе въ сужденiе не входили, хотя я съ своей стороны представлялъ надобность поспѣшить окончанiемъ работъ въ четырехъ отдѣленiяхъ алтаря. По свѣдѣнiямъ, полученнымъ свидѣтельствовавшими отъ производящаго отопленiе собора инженеръ-капитана Быкова, на отопленiе онаго донинѣ употребляется въ день отъ полуторы до двухъ сажень березовыхъ дровъ, каковое количество оказалось много превышающимъ то, которое причитается на день изъ предположенныхъ договоромъ 80-ти сажень въ годъ. Но Быковъ прибавляетъ отъ себя объясненiе, почему въ настоящее время должно быть употребляемо гораздо большее, противъ предположеннаго, количество дровъ, и его объясненiе свидѣтельствовавшими признано уважительнымъ, а въ удостовѣренiе того, что на будущее время достаточно будетъ для отопленiя собора предположенныхъ 80-ти сажень, Быковъ представилъ, что въ теченiе слѣдующихъ двухъ лѣтъ отопленiе собора принимаетъ на себя съ полученiемъ денегъ только за 80-ть сажень въ годъ, на что свидѣтельствовавшiе изъявили свое согласiе. Затѣмъ ими предположено выдать Быкову деньги, сколько по ихъ соображенiямъ слѣдуетъ, и съ прописанiемъ всего вышеизложеннаго въ большой подробности составленъ актъ освидѣтельствovaniя. Какъ въ семъ

актъ заключается многое, что находится внѣ предѣловъ возложеннаго на меня порученія, а о томъ, что я предлагалъ словесно относительно неоконченныхъ работъ, призналъ нужнымъ объяснить и письменно: то означенный актъ я подписалъ съ присовокупленіемъ отъ себя объясненія, и копію съ сей моей подписи долгомъ поставляю нижайше представить на благоусмотрѣніе.

Копія. При освидѣтельствovanіи собора былъ и вполнѣ подтверждаю то, что говорится въ семъ актѣ о настоящемъ состояніи температуры въ соборѣ, о легкости и чистотѣ воздуха, о сухости внутреннихъ стѣнъ, о томъ, что стѣнопись собора при производствѣ работъ осталась неприкосновенною, и также признаю, что нѣтъ надобности, чтобы въ ризницѣ температура была выше 6-ти градусовъ, естли при сей степени тепла можно будетъ избѣжать сырости. Но относительно неоконченныхъ внутри собора, и особенно въ четырехъ отдѣленіяхъ алтаря, работъ, я съ своей стороны долгомъ поставляю присовокупить, что это для собора имѣетъ значительную важность, потому что до окончанія сихъ работъ не можетъ производиться служеніе въ двухъ придѣлахъ собора, а въ одномъ изъ нихъ, Петропавловскомъ, съ наступленія поста настонтъ надобность служить каждую Субботу. Да и въ новомъ алтарѣ въ отдѣленіи жертвенника до окончанія работъ не могутъ быть поставлены на своемъ мѣстѣ жертвенникъ и принадлежащій къ нему иконостасъ съ иконами, а таковое положеніе алтаря и неудобно для служенія и неблаговидно, и потому торжественныя служенія въ соборѣ не совершаются. Что касается до того, что производящій устройство отопленія собора инженеръ-капитанъ Быковъ въ доказательство того, что на будущее время для отопленія собора достаточно будетъ предположенныхъ 80-ти сажень, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, принимаетъ отопленіе собора на себя съ полученіемъ денегъ только за 80 квадратныхъ сажень березовыхъ дровъ въ годъ: то я безъ разрѣшенія начальства входить о семъ въ сужденіе не могу, а сужденіе о другихъ, предполагаемыхъ симъ актомъ распоряженіяхъ, почитаю ко мнѣ не относящимся.

Отъ 27-го Февраля 1859 г. его в-ство писалъ гр. Закревскому:

„Отъ протопресвитера Успенскаго собора имѣю свѣдѣніе, что произведено освидѣтельствovanіе работъ по устройенію отопленія Успенскаго собора, и что не опредѣлено еще время совершеннаго окончанія оныхъ.

Одно изъ затрудненій есть то, что за неокончаніемъ работъ въ алтарѣ Петропавловскаго придѣла не совершается въ семъ придѣлѣ служеніе раннихъ литургій, нужное для причаetниковъ.

Но гораздо важнѣйшее затрудненіе происходитъ отъ неокончанія работъ въ отдѣленіи жертвенника при главномъ престолѣ. Временный жертвенникъ по нуждѣ поставленъ въ самомъ главномъ мѣстѣ, что не сообразно съ древнимъ устройствомъ, неблаговидно и неудобно для соборныхъ служеній.

Въ великій Четвертокъ, Пятокъ, Субботу и въ день Пасхи всегда совершались соборныя архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ, когда онъ былъ холодный. Тѣмъ паче необходимо, чтобы онъ совершались въ немъ и нынѣ.

Но сему предшествовать должно поставленіе новаго жертвенника въ принадлежащемъ ему отдѣленіи и освященіе онаго; а также и для всего собора по освященіи воды окропленіе съ молитвою. Сіе нужно совершить тоже соборнымъ служеніемъ въ недѣлю Вай, чтобы удобно было совершить служеніе въ великій Четвертокъ, продолжительное и безъ особыхъ прибавленій.

Долгомъ поставляю покорнѣйше просить вниманія вашего сіятельства къ такому стеченію обстоятельствъ и принять мѣры, чтобы работы въ Успенскомъ соборѣ окончены были къ недѣлѣ Вай, къ пятому дню Апрѣля“.

Отъ 27-го Февраля 1859 г. гр. Закревскій писалъ м. Филарету:

Предоставленное, по высочайшему соизволенію, отставному инженеръ-капитану Быкову, устройство по изобрѣтенной имъ системѣ отопленія Московскаго Успенскаго собора нынѣ совершенно окончено и по произведенному формальному освидѣтельствованію собора чрезъ членовъ Коммиссіи, сенаторовъ: Ахлестышева и Казначеева, предсѣдателя архитектурнаго совѣта барона Дельвига, при депутатѣ съ духовной стороны, 16-го и 20-го Февраля, подтверждается составленнымъ актомъ, что при 9° и 15° наружной температуры,—въ соборѣ оказалось по Реомюру 12¹/₇ и 12¹/₂ градусовъ тепла, безъ народа, въ алтарѣ 13, а въ ризницѣ 6 градусовъ; при этомъ воздухъ во всѣхъ частяхъ храма чистъ, лежокъ, стѣны совершенно сухи, и не оказалось поврежденій въ живописи, и во всемъ прочемъ по внутренности собора, кромѣ того, произведенныя Быковымъ работы исполнены изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно, во всемъ соотвѣтствуютъ своей цѣли, и вообще признается, что изобрѣтенная капитаномъ Быковымъ система отопленія весьма полезна и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна.

Присутствіе Коммиссіи, при внимательномъ разсмотрѣніи акта означеннаго освидѣтельствованія, признало оное во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ и основательнымъ, а по сравненіи изложенныхъ результа-

товъ съ силою контракта, на этотъ предметъ заключеннаго, оказалось, что сущность обязательства Быкова исполнена совершенно удовлетворительно. Что же касается до невставленныхъ еще въ отверстія теплопроводовъ и возвратовъ желѣзныхъ рѣшетокъ и другихъ незначительныхъ работъ, то это замедленіе, по удостовѣренію Быкова и отзыву гг. свидѣтельствовавшихъ, происходитъ единственно изъ предосторожности, чтобы не уменьшить преждевременно токовъ входящаго въ соборъ и выходящаго изъ онаго воздуха, и тѣмъ самымъ упрочить улучшение отопления и провѣтриванія; а температуру ризницы, дошедшую до 6 градусовъ тепла, Быковъ обязывается довести до условленной степени, хотя, по мнѣнію гг. свидѣтельствовавшихъ и отзыву духовенства, теперешняя температура весьма для нихъ достаточна; когда же сдѣлается въ ризницѣ, вмѣсто глухой желѣзной двери, рѣшетчатая, то температура въ ней можетъ еще возвыситься сама собою. Вслѣдствіе сего Коммиссія опредѣлила: обязать Быкова подпискою: а) въ своевременномъ возвышеніи температуры ризницы; б) въ возможномъ ускореніи, согласно предложенію депутата съ духовной стороны, окончанію всѣхъ остающихся неисполненными мелочныхъ работъ, и в) въ передѣлкѣ въ лѣтнее время штукатурки наружныхъ теплопроводовъ и трубъ.

И какъ за симъ окончательнымъ распоряженіемъ обязанность Коммиссіи въ наблюденіи за устройствомъ отопления Успенскаго собора совершенно оканчивается, за исключеніемъ только послѣдующаго осмотра оставшихся несдѣланными показанныхъ незначительныхъ работъ, то, согласно съ заключеніемъ общаго присутствія Коммиссіи, поднеся объ успѣхѣ устройства означеннаго отопления Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопреосвященству копію съ составленнаго по произведенному свидѣтельству собора акта и покорнѣйше просить о сдѣланіи зависящаго отъ вашего вы-ства распоряженія къ предоставленію Быкову въ теченіе двухъ слѣдующихъ зимъ отопления Успенскаго собора на предложенныхъ имъ условіяхъ, показанныхъ въ актѣ, съ тою собственно цѣлью, чтобы въ это время истопники, поставленные отъ духовнаго начальства, могли настоящимъ образомъ пріучиться къ дѣлу и чтобы получилась полная увѣренность, что при устроенныхъ въ Успенскомъ соборѣ печахъ не потребуется во все холодное время года болѣе 80 квадратныхъ сажень сухихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины, лучшей укладки, для поддержанія въ соборѣ условленной температуры, съ тѣмъ только, что обязательство это, въ случаѣ смерти Быкова, не должно относиться до его наслѣдниковъ. Сверхъ того, такъ какъ и свидѣтельствовавшіе соборъ, равно архитекторъ

Коммисіи и контролеръ признають необходимымъ, чтобы двѣ комнаты надъ печами въ зданіи Синодальной Конторы оставались навсегда не занятыми, съ одной стороны по неудобству для живущихъ отъ сильно возвышенной температуры, а съ другой потому, что поверхность самыхъ печей должна быть для всегдашняго необходимаго наблюденія за ними непремѣнно открыта, чего при деревянной настлѣжкѣ половъ достигнуть будетъ невозможно, то такое важное замѣчаніе, признанное присутствіемъ Коммисіи весьма правильнымъ и полезнымъ, имѣю честь также отнести на благоусмотрѣніе и зависящее распоряженіе вашего высокопреосвященства.

Копія съ освидѣтельствванія Успенскаго собора:

Первое освидѣтельствованіе работъ отставнаго инженеръ-капитана Быкова по отопленію Успенскаго собора въ Москвѣ было произведено нами 16-го Февраля. При наружной температурѣ— 9° по Реомюру температура внутри собора была $+12\frac{1}{4}^{\circ}$, въ алтарѣ $+13^{\circ}$, въ ризницѣ 6° . Второе освидѣтельствованіе было произведено 20-го Февраля: при наружной температурѣ— 15° , температура внутри собора была $+12\frac{1}{2}^{\circ}$, въ алтарѣ $+13^{\circ}$, въ ризницѣ 6° . При обоихъ свидѣтельствахъ воздухъ во всемъ храмѣ найденъ былъ чистый, сухой и легкій. При началѣ топки собора 23-го Декабря 1858 года, внутри онаго, по показанію генералъ-маіора барона Дельвига, было— $2\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру, стѣны были холодныя, и внутренность куполовъ и части стѣнъ покрыты толстымъ слоемъ инея. Быковъ увеличивалъ постепенно температуру собора, довелъ ее до вышеозначенной степени безъ всякаго поврежденія въ живописи и во всемъ прочемъ во внутренности собора. Въ договорѣ, заключенномъ съ Быковымъ, температура должна быть въ соборѣ выше $+11^{\circ}$, а въ ризницѣ около $+10^{\circ}$. Слѣдовательно относительно собора Быковъ въполнѣ достигъ уже предназначенной цѣли. Относительно же ризницы Быковъ полагаетъ, что современемъ и въ оной температура достигнетъ $+10^{\circ}$; но въ этомъ, согласно показанію соборнаго духовенства, не предстоитъ особой надобности. Впрочемъ во всякомъ случаѣ достиженіе въ ризницѣ означенной температуры не будетъ представлять затрудненія, если желѣзную глухую дверь, ведущую въ ризницу, замѣнить таковою же рѣшетчатою. Относительно прочности постройки печей, трубъ отъ оныхъ до собора, равно всѣхъ другихъ работъ принятыхъ Быковымъ, то по наружности оказываются онѣ прочными и цѣли своей соотвѣтствующими. Сверхъ того старшій архитекторъ Каминскій, постоянно наблюдавшій за ихъ производствомъ, свидѣтельствуеть также о хорошемъ качествѣ матеріаловъ и прочности всѣхъ произведенныхъ работъ. Можно замѣтить только одно то,

что штукатурка на пилястрахъ, пристроенныхъ къ стѣнамъ храма для пропуска въ нихъ теплаго воздуха, и по дымовой трубѣ была произведена въ зимнее время и потому, при наступленіи теплаго времени можетъ повредиться; но Быковъ обязывается немедленно ее исправить, въ чемъ и предлагаетъ обязать его подпискою, равно и въ производствѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ работъ, еще имъ не оконченныхъ на сумму до 180 руб. (которыхъ вѣдомость, составленная контролерами Коммиссіи, полковникомъ Ильинымъ и старшимъ архитекторомъ Каминскимъ, при семъ прилагается). По договору, заключенному съ Быковымъ, на отопленіе собора во все холодное время года, постоянно поддерживая въ немъ температуру до $+ 11^{\circ}$, должно быть употребляемо березовыхъ сухихъ дровъ 11-ти вершковой длины не болѣе 80 квадратныхъ сажень лучшей кладки. До сего времени употреблялось на отопку печей въ сутки отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 сажень означенныхъ дровъ, что превышаетъ болѣе, чѣмъ вдвое, количество дровъ, назначенное по договору; но Быковъ обязался употреблять показанное въ договорѣ количество дровъ, предполагая начать отопку собора при лѣтней температурѣ; между тѣмъ, какъ выше объяснено, эта топка начата 23-го Декабря при температурѣ въ соборѣ отъ $-2\frac{1}{2}$ по Реомюру, а потому необходимо было согрѣть промерзшія стѣны собора и ихъ высушить. Быковъ представилъ докладную записку, изъ которой видно, что излишнее противъ договора количество дровъ было употреблено имъ именно на означенныя нагрѣваніе и осушку стѣнъ собора. Изложеніе, сдѣланное въ этой запискѣ, признается нами правильнымъ. Сверхъ того вытяжная труба, имѣющая въ сѣченіи 2 квадратныхъ сажени, до сего времени остается постоянно открытою для выпуска остатковъ сыраго и вообще дурнаго воздуха изъ собора. По просушкѣ онаго, эта труба будетъ открываться только при большомъ стеченіи народа, а въ остальное время будетъ закрыта, что произведетъ значительное сбереженіе топлива. Сверхъ того Быковъ въ докладной запискѣ изъясняетъ просьбу свою о томъ, чтобы ему дозволено было топить соборъ въ продолженіе двухъ слѣдующихъ зимъ, съ платою за 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ въ 11 вершковъ, по современнымъ справочнымъ цѣнамъ и по 10 руб. въ мѣсяцъ на истопника. Такое предложеніе Быкова мы находимъ полезнымъ для того, чтобы въ это время поставленные отъ духовнаго вѣдомства истопники могли пріучиться къ дѣлу, и чтобы всѣ получили полную увѣренность въ томъ, что при устроенныхъ Быковымъ печахъ не потребуется во все холодное время года болѣе 80 сажень означенныхъ дровъ; при чемъ поставить Быкову въ обязанность поддерживать температуру въ соборѣ не менѣе $+ 11^{\circ}$ по Реомюру и принять на себя производство ремонтныхъ исправленій по отопленію, на что онъ изъ-

явилъ свое согласіе и за заготовленныя старостою Успенскаго собора дрова онъ готовъ уплатить по цѣнѣ, въ которую обошлось это заготовленіе.

Переходя къ сравненію топлива, употребляемаго печами, изобрѣтенными Быковымъ, съ употребляемыми Голландскими и Аммосовскими печами, мы приходимъ къ слѣдующему результату. На отопленіе 20-ти кубическихъ сажень внутренняго пространства до температуры 14° полагается въ зимнее время по Св. Зак. трехполѣнныхъ дровъ 1 саж. 1 арш. $3\frac{2}{3}$ верш. Это количество, превращенное въ вѣсъ по причинѣ качества этихъ дровъ въ продажѣ, составляетъ около 300 пуд., а слѣдовательно на каждую сажень внутренней вмѣстимости потребовалось бы 15 пудовъ, а на весь соборъ до 30,000 пудовъ, полагая же въ обыкновенной, длиною 11 вершк. сажени хорошаго качества дровъ по 75 пуд., потребовалось бы 400 саж., т. е. впятеро болѣе, чѣмъ при печахъ Быкова. При Аммосовскихъ печахъ хорошаго устройства идетъ на каждую кубическую сажень 6 пуд. лучшихъ сухихъ березовыхъ дровъ, а слѣдовательно потребовалось бы на отопленіе собора во все холодное время года 12.000 пуд., составляющихъ 160 квадр. саж. или вдвое болѣе противу печей г. Быкова. Но эти расчеты приняты при кирпичныхъ стѣнахъ, а такъ какъ проходъ тепла черезъ известковый камень, изъ котораго сложены стѣны собора, относится къ таковому же черезъ кирпичъ, какъ 25 къ 15: то дѣйствительно потребовалось бы при Голландскихъ печахъ не 400, а $666\frac{2}{3}$, а при Аммосовскихъ не 160, а $266\frac{2}{3}$ сажень. На возвышеніе температуры отъ $+11^{\circ}$, назначенныхъ Быковымъ, до $+14$ обыкновенной температуры комнаты, потребовалось бы ежедневно въ печахъ Быкова около пуда дровъ и слѣдовательно во всю зиму составляло бы весьма незначительное количество дровъ, такъ что опредѣлительно можно сказать, что при Голландскихъ потребовалось бы слишкомъ въ 8, а при Аммосовскихъ въ 3-раза болѣе, чѣмъ въ печахъ Быкова.

За симъ остается намъ выразить, что успѣхъ печей, устроенныхъ въ Успенскомъ соборѣ, вполне удовлетворителенъ и прибавить къ этому, что такъ какъ Быковъ отапливалъ въ текущую зиму соборъ на свой счетъ (чего по договору не было поставлено ему въ обязанность), то мы полагаемъ правильнымъ уплатить ему и за сей годъ за 80 саж. дровъ; сверхъ того, такъ какъ Быковымъ задѣланъ провалъ, образовавшійся въ отдѣленіи жертвенника, и эта работа не входила въ его обязанность, то предоставить ему представить въ Коммиссію смѣту издержкамъ на задѣлку этого провала, по которымъ уплатить ему деньги, предварительно препроводивъ смѣту на разсмотрѣніе и повѣрку

установленнымъ порядкомъ. Что касается до выдачи остальной трети денегъ, слѣдующихъ Быкову по договору, то мы полагаемъ возможнымъ теперь же произвести эту выдачу, оставивъ до окончанія работъ деньги, которыя причтутъ Быкову за работы по задѣлкѣ провала, а равно и за дрова, употребленныя въ семь году для отопки собора. На подлинномъ подписали членъ Коммисіи: Дмитрій Ахлестышевъ, А. Казначеевъ, предѣдатель архитектурнаго совѣта инженеръ-г.-маіоръ баронъ Дельвицъ.

Отъ 2-го Марта 1859 г. графъ Закревскій писалъ владыкѣ-митрополиту:

Изъ отношенія моего отъ 27-го минувшаго Февраля ваш. выс-ву извѣстно, что на непремѣнную обязанность Быкова возложено уже возможное ускореніе окончанія оставшихся не сдѣланными нѣкоторыхъ мелочныхъ работъ по устройству отопленія Московскаго Успенскаго собора, а также вставки рѣшетокъ въ отверстія теплопроводовъ и возвратовъ въ алтарѣ и соборѣ, и что это замедленіе происходитъ единственно для улучшенія и упроченія самаго отопленія и провѣтриванія.

А нынѣ, вслѣдствіе отношенія ваш. вы-ства отъ 27-го Февраля, по распоряженію моему потребовано отъ Быкова, чтобы исполнилъ всѣ вообще работы по собору, какія только остаются неоконченными наружно и внутренно къ опредѣленному времени, и полагать должно, что всѣ эти работы окончены имъ будутъ, согласно желанію вашего вы-ства, къ началу будущаго Апрѣля мѣсяца.

Отъ 19-го Марта Московскій комендантъ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ писалъ митрополиту:

Предѣдатель коммисіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя Москов. воен. г.-губер. отъ 27-го Октября 1858 г. согласно отзыва вашего высокопреосвященства предписалъ мнѣ сдѣлать распоряженіе о назначеніи къ Успенскому собору, по случаю производства въ ономъ работъ, нужное число часовыхъ, вслѣдствіе сего съ Октября того же года и учреждены три поста: 1-й у крыльца Синодальнаго дома, 2-й при входѣ въ Успенскій соборъ съ сѣверной стороны и 3-й въ зданіи Синодальнаго дома, гдѣ устраиваются печи.

Но какъ работы въ Успенскомъ соборѣ, что видно изъ предписанія его сіятельства, должны быть кончены еще въ Ноябрьѣ прошлаго года, то по сему имѣю честь просить ваш. выс-ство почтить меня своимъ увѣдомленіемъ, имѣется ли въ настоящее время въ помянутыхъ часовыхъ надобность и когда оныя можно будетъ снять.

Резолюція его высокопреосвященства отъ Марта 21-го: 1) отвѣтствовать, что хотя главные работы совершены, но нѣкоторыя работы

не окончены и остаются еще отверстія и непрегражденные ходы, требующіе охраненія; по отзыву же инженера, производящаго работы, оныя совершенно могутъ быть окончены не ранѣ недѣли, о чемъ и не премину увѣдомить безъ промедленія. 2) Затѣмъ къ дѣлу въ Синодальной Конторѣ, которая благоволила, по окончаніи работъ, поручить мнѣ увѣдомить.

Увѣдомленіе послано за подписью м. Филарета. 22-го Марта 1859 г.

Въ исполненіе указа Синодальной Конторы протопр. Новскій доносилъ 6-го Апрѣля Конторѣ, что работы по отопленію собора: а) у крыльца Синодальнаго дома, гдѣ выведены вытяжныя трубы, и б) въ стѣнѣ Синодальнаго дома, противъ сѣверной стороны собора окончены, и въ часовыхъ здѣсь надобности не имѣется; работы же въ зданіи Синодальнаго дома, при входѣ къ печамъ, по удостовѣренію Быкова, будутъ окончены завтра, 7-го Апрѣля.

1-й Московскій комендантъ генер.-маіоръ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ увѣдомилъ Синодальную Контору 8-го Апрѣля 1859 г., что учрежденные на время производства отопленія Успенскаго собора три поста сего числа имѣютъ быть сняты.

30-го Апрѣля 1859 г. прокуроръ Синодальной Конторы вошелъ въ оную съ слѣдующимъ предложеніемъ. Определеніемъ Конторы Святѣйшаго Синода отъ 5-го Марта предоставлено мнѣ войти въ соображеніе относительно предположенія свидѣтельствовавшихъ устройство отопленія Большаго Успенскаго собора, двѣ комнаты надъ устроенными въ Синодальномъ домѣ для отопленія собора печами, по неудобству для жилыхъ отъ высокой въ нихъ температуры, и для того, чтобы поверхность печей всегда была открыта для наблюденія, оставить не жилыми. Почему, принимая въ соображеніе, что въ означенныхъ комнатахъ, до устройства подъ ними печей, имѣли казенныя квартиры одинъ чиновникъ и сторожъ Синодальной Конторы, что помѣщеніе ихъ въ Синодальномъ домѣ необходимо для службы, что другихъ квартиръ въ этомъ домѣ нѣтъ, да притомъ эти именно квартиры назначены для сего по плану на перестройку Синодальныхъ зданій, высочайше утвержденному въ Февралѣ 1851 г., я просилъ устроившаго отопленіе собора инженеръ-капитана Быкова изыскать средства къ устраненію препятствій для жилья въ означенныхъ комнатахъ и получилъ отъ него словесный отзывъ, что предполагаемая въ означенныхъ комнатахъ высокая температура можетъ быть устранена настилкою сверхъ кладки печей кирпича съ войлоками, что вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ сохраненію тепла для собора и предохранитъ отъ поврежденія самыя печи, и что поэтому нѣтъ препятствій сдѣлать эти комнаты жилыми, но для исполненія сего необходимо разрѣшеніе Коммисіи построенія храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ.

13-го Августа 1859 г. протопр. Новскій доносилъ Синодальной Конторѣ, что изъ работъ по устройству отопления Успенскаго собора въ первыхъ числахъ Апрѣля оставались не оконченными работы внутренней и теплопроводной трубъ въ Дмитриевскомъ предѣлѣ. Но не смотря на это, по поставленіи на своемъ мѣстѣ вновь устроеннаго для главнаго алтаря жертвенника 5-го Апрѣля, онъ былъ освященъ м. Филаретомъ. Работы же въ Дмитриевскомъ предѣлѣ не могли быть окончены вмѣстѣ съ другими внутри собора, потому что при пробитіи въ фундаментъ восточной стѣны сего предѣла отверстія для вытяжной и теплопроводной трубъ, оказалось подъ поломъ сего предѣла пустое пространство, и Быковъ, прежде окончанія трубъ въ семь предѣлѣ, предполагалъ сдѣлать, что окажется нужнымъ для поддержанія пола, а для сего, равно какъ и для работъ снаружи собора по исправленію каменнаго помоста и наружной штукатурки въ разныхъ мѣстахъ нужно было лѣтнее время. По наступленіи лѣтняго времени, внѣ собора, что нужно Быковымъ не исправлено: къ окончанію же работъ по Дмитриевскому предѣлу онъ до сего времени не приступалъ.

28-го Августа 1859 г. протопр. съ сакелларіемъ и соборн. старостою доносили Синодальной Конторѣ: Мы вполне согласны предоставить Быкову въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ отопленіе собора съ платою ему за 80 сажень лучшихъ березовыхъ 11 вершковыхъ дровъ. Что же касается 1) назначенія истопника, который бы въ теченіе нѣкотораго времени могъ приспособить себя при указаніи Быкова къ правильному уходу за топкою печей, то, такъ какъ двое звонарей Ивановской колокольной употребляемы были Быковымъ для топки печей до наступленія теплаго времени и уже пріучились къ уходу за печами, то въ третьемъ истопникѣ, на котораго Быковъ требуетъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, надобности не будетъ, особенно если, какъ предполагалъ Быковъ, дровъ для отопленія будетъ употребляться вдвое меньше противъ прошлой зимы. 2) Вмѣстѣ съ отопленіемъ собора въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, Быковъ принимаетъ на себя и производство ремонтныхъ исправленій по отопленію, съ тѣмъ впрочемъ, что, въ случаѣ смерти его, могущей послѣдовать и ранѣе двухъ лѣтъ, обязательство сіе не должно относиться до его наслѣдниковъ. Но состояніе здоровья Быкова таково, что съ Марта до нынѣ, т. е. до конца Августа, онъ по болѣзни не могъ явиться въ соборъ, и отъ того работы по устройству отопления, требующія личнаго его наблюденія, остаются не оконченными; и какъ время, когда нужно будетъ приступить къ отопленію собора, уже близко, то можно опасаться, что и по наступленіи сего времени Быковъ, по состоянію своего здоровья не будетъ способенъ имѣть наблюденіе за производствомъ по отопленію собора работъ. А къ тому времени не

только работы по устройству отопленія должны быть окончены, но вновь быть исправлены устроенныя для сохраненія въ соборѣ теплоты двери, потому что онѣ разохлись; должны также быть замѣнены новыми нѣкоторыя изъ оконныхъ рамъ, оставшіяся въ прошломъ году не перемѣненными и нынѣ оказывающіяся ветхими; кромѣ того, можетъ быть, окажутся нужными исправленія въ самихъ печахъ и трубахъ, которыя, какъ извѣстно, устроены Быковымъ по изобрѣтенному имъ самимъ способу и слѣдственно исправленіе оныхъ не можетъ быть поручено другому, кому сей способъ неизвѣстенъ.

Посему просимъ Контору войти въ надлежащее сношеніе съ Коммиссіею, которою предоставлено Быкову устройство отопленіе собора, чтобы она или самага Быкова, если позволить ему состояніе здоровія, побудила немедленно приступить, какъ къ окончанію того что по устройству отопленія остается не оконченнымъ, такъ и къ устройству ремонтныхъ исправленій, или, въ случаѣ болѣзненнаго его состоянія, возложила сіе дѣло на другаго по своему усмотрѣнію.

Синодальною Конторою опредѣлено предоставить Синодальному члену м. Филарету отнестись къ предсѣдателю Коммисіи Москов. воен. г.-губер. гр. Строгонову, дабы обратилъ вниманіе и учинилъ начальственное распоряженіе: 1) о побужденіи инж. капит. Быкова немедленно приступить къ окончанію работъ по устройству отопленія Успенскаго собора, равно и къ производству ремонтныхъ въ ономъ исправленій; 2) чтобы, по его желанію, было поручено ему отопленіе собора въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, въ предложенныхъ имъ условіяхъ съ тѣмъ однакоже, чтобы, если окажется возможнымъ, соборъ освобожденъ былъ отъ платы по 10 руб. въ мѣсяцъ на третьяго истопника и 3) чтобы помѣщенія въ Синодальномъ домѣ, подъ которыми устроены печи для отопленія собора, согласно отзыву Быкова, были оставлены по прежнему жилыми, и чтобы для сего разрѣшено было ему, согласно съ предположеніемъ его, сдѣлать, сверхъ кладки духовыхъ печей, настилку кирпича съ войлокомъ, вмѣнивъ ему въ обязанность исправить въ тѣхъ помѣщеніяхъ повредившіеся во время производства работъ: полы, двери, рамы, отъ Русской печи дымовую трубу, съ разборкой поверхъ крыши другой ветхой трубы, оставшейся отъ уничтоженной Русской печи, и исправленіемъ на томъ мѣстѣ самой крыши, и чтобы все сіе исполнено было въ возможно скоромъ времени.

Отъ 8-го Октября 1859 г. предсѣдатель Коммисіи воен. г.-губер. Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ отвѣчалъ:

Присутствіе Коммисіи для построенія храма Христа Спасителя по выслушаніи отношенія ваш. выс-ва отъ 9-го Сентября, на имя предсѣдателя Коммисіи съ представленіями Конторы Святѣйшаго Синода

протопр. и сакелларіемъ Успенскаго собора 6-го Октября заключило: „Изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ этого дѣла оказывается, что устройство отопленія Московскаго Успенскаго собора, по представленію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, поручено съ высочайшаго соизволенія, инженеръ-капитану Быкову, на предложенныхъ имъ условіяхъ, а на Коммиссію возложено было одно дѣлопроизводство по устройству этого отопленія, но никакъ не дальнѣйшія распоряженія по самому отопленію собора и ремонту онаго; а потому, когда приведено было въ дѣйствіе устроенное Быковымъ отопленіе, которое по формальному освидѣтельствуванію гг. членовъ Коммиссіи, при посредствѣ предсѣдателя архитектурнаго совѣта и депутата съ духовной стороны, оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ, Коммиссія сочла обязанности свои по сему предмету совершенно оконченными, донесла Его Императорскому Величеству о достиженіи предположенныхъ результатовъ отопленія, сообщила о семъ г.-адъютанту Чевкину и произвела окончательный расчетъ съ Быковымъ, а дальнѣйшія затѣмъ распоряженія по содержанію самого отопленія и проч. передала 27-го Февраля на усмотрѣніе и исполненіе самого духовнаго начальства. Что же касается до помѣщеній въ Синодальномъ зданіи надъ печами собора, то Коммиссія тогда же присовокупила свое мнѣніе объ оставленіи этихъ помѣщеній незанятыми для удобнѣйшаго наблюденія за состояніемъ самыхъ печей. А какъ всѣ предположенныя высочайше утвержденными кондиціями результаты отопленія уже достигнуты, замедленіе же въ окончаніи самыхъ незначительныхъ работъ въ Дмитріевскомъ придѣлѣ собора происходитъ отъ не предвидѣнныхъ причинъ, то есть, по случаю оказавшейся подъ поломъ онаго пустоты, то присутствіе Коммиссіи въ настоящемъ случаѣ признаетъ относящимся до своей обязанности только понужденіе къ скорѣйшему окончанію сихъ послѣднихъ работъ въ означенномъ придѣлѣ (о чемъ Быкову и предписано 6-го сего Октября), но входитъ въ дальнѣйшія распоряженія по самому отопленію собора, ремонту онаго и проч. считаетъ себя не въ правѣ, и все сіе зависитъ совершенно отъ самого духовнаго начальства, на усмотрѣніе коего всѣ эти обстоятельства и были предоставлены въ свое время, равно какъ и основанное на предположеніи гг. свидѣтельствовавшихъ соборъ мнѣніе объ оставленіи незанятыми помѣщеній надъ печами собора, а потому и сей предметъ въ хозяйственномъ распоряженіи зависитъ также отъ усмотрѣнія духовнаго начальства.

Синодальной Конторою опредѣлено: относительно отопленія Успенскаго собора предоставить протопресвитеру, а о помѣщеніяхъ надъ соборными печами прокурору Синодальной Конторы войти въ сношеніе съ инженеръ-капитаномъ Быковымъ и донести Конторѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.*)

Наполеонъ въ Россіи.

16-го Іюля, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны; 17-го числа онъ изнемогалъ отъ сильнѣйшаго зноя въ Свенціанахъ, а 18-го былъ въ Глубокомъ; остановился въ тамошнемъ монастырѣ, а оттуда близъ лежащее мѣстечко показалось ему скорѣе кучкой шалашей, въ какихъ живутъ дикіе люди, чѣмъ Европейскимъ селеніемъ.

Въ то время въ арміи его только что распространилось воззваніе Русскихъ къ Французамъ, и Наполеонъ, найдя въ немъ лишь пустыя ругательства, сопровождаемая призывомъ къ бѣгству, пришелъ въ негодованіе. Волнуясь, онъ продиктовалъ отвѣтъ, но тутъ же разорвалъ его, затѣмъ второй, который постигла таже участь и, наконецъ, третій, удовлетворившій его. Это тотъ самый отвѣтъ, который былъ помѣщенъ въ газетахъ за подписью Французскаго гренадера. Такимъ же образомъ Наполеонъ диктовалъ все, до простѣйшихъ писемъ, отправлявшихся изъ его кабинета или изъ штаба. Онъ безпрестанно ограничивалъ роль своихъ министровъ и генерала Бертье, обращая ихъ въ своихъ секретарей. Въ его отяжелѣвшемъ тѣлѣ духъ продолжалъ оставаться дѣятельнымъ, и въ этомъ неравновѣсіи заключалась одна изъ причинъ нашихъ несчастій.

Съ покореніемъ Литвы цѣль военныхъ дѣйствій была достигнута, а между тѣмъ казалось, будто война едва начата: ибо покорены были земли, но не люди; Русская армія сохранилась въ полномъ своемъ составѣ; оба ея крыла, разъединенныя быстротою перваго нападенія, только что вновь соединились. Стояло лучшее время года. И при этихъ-то условіяхъ Наполеону вздумалось безповоротно рѣшить, оставаться ли ему на берегахъ Днѣпра и Двины, откуда онъ могъ обмануть непріятеля въ своихъ намѣреніяхъ тѣмъ вѣрнѣе, что самъ въ нихъ ошибся.

Уже на картахъ его была обозначена оборонительная линія: осадная артиллерія пойдетъ на Ригу, лѣвый флангъ арміи обопрется объ

*) См. выше.

этотъ укрѣпленный городъ; затѣмъ будетъ принято угрожающе-оборонительное положеніе въ Динабургѣ и Полоцкѣ. Витебскъ, который такъ легко укрѣпить, а также лѣсистыя возвышенности, расположенныя вокругъ города, послужатъ лагеремъ, укрѣпленнымъ въ центрѣ. Оттуда, до самаго Юга, Березина и прилежація болота вмѣстѣ съ Днѣпромъ оставляютъ возможность прохода лишь черезъ нѣсколько тѣсинъ; малаго количества войскъ будетъ тамъ достаточно. Далѣе, на правой сторонѣ великаго пути находится городъ Бобруйскъ. Уже отданъ приказъ завладѣть этой крѣпостью. Помимо этого имѣлось въ виду возстаніе населенныхъ южныхъ областей: онѣ помогутъ Шварценбергу прогнать Тормазова, и армія усилится многочисленнымъ казацкимъ войскомъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ этихъ мѣстъ, человекъ, въ которомъ все, включительно до наружности, обличало знатное происхожденіе, посѣдѣшилъ присоединиться къ освободителямъ его родины; его-то императоръ и намѣтилъ главою возстанія.

При такомъ распредѣленіи недостатка не окажется ни въ чемъ: Курляндія будетъ кормить Макдональда; Самогитія—Удинѣ, а плодородныя равнины вокругъ Глубокаго—императора; остальное довершать южныя области. Кромѣ того, главные запасы арміи находятся въ Данцигѣ, а ея пакгаузы въ Вильнѣ и Минскѣ. Такимъ образомъ армія будетъ въ связи съ только что освобожденной ею землей, на которой рѣки, болота, продукты, жители, все вмѣстѣ явятся для насъ вѣрной защитой.

Таковъ былъ планъ Наполеона. Онъ обозрѣвалъ Витебскъ и его окрестности, какъ бы изучая мѣста, гдѣ ему придется долго остаться. Разныя учрежденія уже тамъ заводились: выстроено 36 печей, въ которыхъ можно сразу выпекать 29 т. фунт. хлѣба. Не ограничиваясь только полезнымъ, Наполеонъ желалъ заняться и украшеніемъ города. Нѣсколько каменныхъ домовъ портили дворцовую площадь: приказано гвардіи сломать ихъ и убрать всѣ обломки. Онъ уже мечталъ даже о зимнихъ увеселеніяхъ: изъ Парижа пріѣдутъ актеры въ Витебскъ, а такъ какъ этотъ городъ малолюденъ, то будутъ привлечены сюда зрительницы изъ Варшавы и Вильны.

Въ это время Наполеону свѣтила его звѣзда, и было бы благополучіемъ, если бы потомъ онъ не сталъ принимать побужденій своего нетерпѣнія за внушенія генія. Но онъ поддался своему собственному увлеченію: въ немъ все шло отъ него самого; попытки внушить ему осторожность оставались безуспѣшны. Тщетно въ то время одинъ изъ его маршаловъ сулилъ ему вызвать возстаніе Русскихъ зазывами, разбрасывать которыя было поручено офицерамъ его авангарда. Этого

генерала опьянили Поляки своими легкомысленными обѣщаніями, которыя внушала имъ обманчивая надежда, свойственная всѣмъ утратившимъ отечество, и которою обольщается честолюбіе довѣрчивыхъ начальниковъ.

Но самыя пылкія и частыя внушенія шли отъ Мюрата. Этотъ король, утомленный покоемъ, будучи ненасытенъ славою и чувствуя врага по близости, не могъ воздержаться. Онъ покинулъ авангардъ и пріѣхалъ въ Витебскъ. Оставшись наединѣ съ императоромъ, онъ, закусивъ удила, упрекалъ Русскую армію въ малодушіи и, слушая его, казалось, будто подъ Витебскомъ Русская армія нарушила обѣщаніе явиться на свиданіе, точно рѣчь шла о поединкѣ. По его словамъ это была армія обѣятая ужасомъ, и достаточно одной легкой кавалеріи Наполеона, чтобы обратить ее въ бѣгство. Такая вспышка горячности вызвала въ Наполеонѣ улыбку; чтобы охолодить его, онъ сказалъ: „Мюратъ, первая Русская кампанія окончена; водрузимъ здѣсь наши знамена. Двѣ большія рѣки обозначаютъ нашу позицію; построимъ по этой линіи блокаузы; пусть всюду скрещиваются огни; поставимъ батальонъ въ карѣ. По угламъ его и снаружи помѣстимъ пушки, а внутри будутъ расквартированы войска, и тамъ-же будутъ находиться магазины. 1813 годъ увидитъ насъ въ Москвѣ, а 1814—въ Петербургѣ. Война съ Россіей, война трехлѣтняя“.

Такимъ образомъ умъ Наполеона обнималъ все сразу, и онъ обозрѣвалъ армію въ 400 тысячъ человѣкъ такъ же ясно, какъ одинъ полкъ. Въ тотъ же день онъ громко обратился къ одному изъ начальниковъ со слѣдующими памятливыми словами: „Что касается васъ, милостивый государь, подумайте о томъ, чтобы устроить насъ здѣсь, такъ какъ, (громко прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ офицерамъ) мы не повторимъ безумія Карла XII“. Но вскорѣ затѣмъ дѣйствія его опровергли эти слова, и каждый удивлялся его равнодушію при отданіи приказаній въ такомъ большомъ дѣлѣ. На лѣвомъ флангѣ Макдональду не посылалось ни инструкцій, ни средствъ, чтобы завладѣть Ригой; на правомъ нужно было взять Бобруйскъ. Эта крѣпость возвышается посреди большого и глубокаго болота. Осада ея была поручена кавалерійскимъ полкамъ.

Въ былое время Наполеонъ отдавалъ приказанія почти исключительно при возможности ихъ выполнения; но свершились чудеса Прусской войны, и съ тѣхъ поръ невозможность уже не допускалась. Попрежнему отдавались приказанія, которыя приходилось пытаться исполнять, потому что до сихъ поръ все удавалось. Сначала это требовало большихъ усилій, но не всѣ изъ нихъ оказывались удачными.

Стали падать духомъ; глава же продолжалъ упорствовать: онъ привыкъ всѣмъ повелѣвать, а подчиненные начали привыкать не все исполнять.

Между тѣмъ Домбровскій былъ оставленъ передъ Бобруйскомъ со своей Польской дивизіей, состоявшей, по словамъ Наполеона, изъ 8,000 человѣкъ, хотя онъ зналъ, что въ то время въ ней насчитывалось всего 1,200 человѣкъ. Но таковъ былъ его обычай; рассчитывалъ ли онъ, что слова его, будучи повторяемы, обмануть непріятеля или, быть можетъ, такимъ преувеличеннымъ численіемъ онъ хотѣлъ дать почувствовать генераламъ, чего онъ отъ нихъ ожидалъ.

Изъ домовъ Витебска взоръ падалъ отвѣсно въ Двину, либо на дно овраговъ, окружавшихъ городскую стѣну. Въ этихъ мѣстахъ снѣгъ лежитъ долго; просачиваясь вглубь по менѣе плотнымъ слоямъ, онъ размываетъ землю, которая и обваливается. Отъ этого образуются столь неожиданные глубокіе овраги, которыхъ въ иномъ мѣстѣ нельзя и замѣтить въ нѣсколькихъ шагахъ: въ обширныхъ равнинахъ подобные овраги останавливали кавалерійскія атаки.

Для Французовъ было достаточно мѣсяца, чтобы привести этотъ городъ въ безопасность даже противъ правильной осады; но пренебрегли приложить малую долю искусства къ условіямъ окружающей природы. Въ тоже время было отказано въ нѣсколькихъ милліонахъ, необходимыхъ для набора Литовскаго войска. Князь Сангушко долженъ былъ ѣхать на Югъ, чтобы взяться за руководство возстаніемъ; въ императорской квартирѣ его задержали. Близкія къ Наполеону лица не обманывались. Они помнили, что при первомъ взглядѣ на опустѣвшій Русскій лагерь и покинутый Витебскъ, услыжавъ, какъ они радовались тому, Наполеонъ внезапно повернулся къ нимъ и воскликнулъ: „Чтожь, вы думаете, что я пришелъ издалека, чтобы пріобрѣсти эти развалины!“ Кромѣ того было извѣстно, что, имѣя великую цѣль, онъ не составлялъ яснаго плана, потому что любилъ, какъ это подобало его быстрому уму, совѣтоваться только съ обстоятельствами.

Впрочемъ, вся армія была осыпана милостями своего вождя. Если ему встрѣчались обозы раненыхъ, онъ останавливалъ ихъ, освѣдомлялся объ ихъ участи, объ ихъ страданіяхъ, о дѣлахъ, въ которыхъ они потерпѣли пораженіе, и уходилъ не иначе, какъ утѣшивъ словами и щедро одаривъ.

Особенное его вниманіе было замѣтно къ гвардіи: онъ лично дѣлалъ ей ежедневно смотры, расточая похвалы, а иногда приказанія. относящіяся больше къ начальникамъ, чѣмъ нравилось солдатамъ и устраняло ихъ жалобы. Ежедневно ходилъ онъ осматривать печи,

пробовать хлѣбъ и удостовѣрялся въ правильности всякихъ раздачь. Часто посылалъ онъ вина отъ своего стола ближайшему отъ себя часовому. Однажды онъ собралъ цвѣтъ своей гвардіи; нужно было имъ назначить новаго начальника, и онъ представилъ его имъ самолично, затѣмъ, въ ихъ присутствіи, поцѣловалъ его. Такія заботы одни объясняли признательностью за прошлое, другіе требовательностью къ будущему. Послѣдніе отлично видѣли, что въ первые же дни Наполеонъ надѣялся получить отъ Александра новыя предложенія мира и что крайняя нужда и ослабленіе арміи озабочивали его. Приходилось дать время длинной вереницѣ отставшихъ больныхъ догнать однимъ свой корпусъ, другимъ госпиталямъ; наконецъ, нужно было создать госпитали, набрать припасовъ, дать отдыхъ лошадямъ, дожидаться походныхъ госпиталей, артиллеріи и понтонныхъ приборовъ, которые съ трудомъ тащились еще по пескамъ Литовскимъ, догоняя насъ.

Кромѣ того, его обременяла переписка съ Европой, и наконецъ, донималъ убійственный климатъ: переходя изъ одной крайности въ другую, онъ то засушиваетъ, то затопляетъ, то сжигаетъ, то холодитъ землю и ея обитателей. Атмосфера тамъ вѣроломна: зной расслаблялъ наши тѣла какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе чувствительными къ холоду, который въ скоромъ времени долженъ былъ наступить. Императоръ не былъ изъ числа менѣе чувствительныхъ къ переменамъ этого климата. Но, освѣжившись отдыхомъ и не видя ни одного посланца отъ Александра, онъ вдругъ былъ охваченъ нетерпѣніемъ. Въ немъ стало замѣтно безпокойство, отъ того ли, что (какъ всѣмъ людямъ дѣятельнымъ) ему было тягостно бездѣйствіе, и онъ предпочиталъ опасность непріятности ожиданія, или его волновала надежда пріобрѣтенія, которая у большинства людей сильнѣе сладости сбереженія или страха потери.

Тогда-то особенно его стала преслѣдовать картина плѣнной Москвы; въ обладаніи этимъ городомъ онъ видѣлъ конецъ своимъ опасеніямъ, цѣль своихъ надеждъ. Съ тѣхъ поръ уже можно было предвидѣть, что столь пылкій и безпокойный умъ, привыкшій идти къ цѣли кратчайшимъ путемъ, не станетъ ждать еще восемь мѣсяцевъ, когда цѣль его такъ близка и 20-ти дней достаточно для ея достиженія.

Впрочемъ, да не спѣшать осудить этого необыкновеннаго чело-вѣка въ слабостяхъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ. Изъ его собственныхъ словъ будетъ видно, до какой степени его политическое положеніе осложнялось военнымъ положеніемъ. Позднѣе, когда видно будетъ, что судьба Россіи зависѣла отъ нѣсколькихъ лишнихъ часовъ здоровья,

измѣнившаго Наполеону у самой Москвы, стануть меньше порицать принятое имъ рѣшеніе.

Казалось, что сперва онъ не смѣлъ самому себѣ признаться въ своемъ дерзкомъ замыслѣ; но, мало по малу, онъ отважился обсудить его, и тогда мучительная нерѣшительность овладѣла всѣмъ его существомъ. Его видѣли блуждавшимъ по комнатамъ, точно его преслѣдовало опасное искушеніе. Ни на чемъ онъ не могъ остановиться: то принимался за работу, то снова бросалъ ее: ходить безцѣльно, спрашивая который часъ, обращая вниманіе на погоду, и вдругъ, погруженный въ свои мысли, онъ останавливался, съ озабоченнымъ видомъ, напѣвая что-то, и за тѣмъ шагаль снова. Въ смущеніи, онъ обращался съ отрывистыми словами къ тѣмъ, кто приходилъ къ нему. „Ну, такъ что жъ намъ дѣлать? Оставаться, или идти впередъ? Какъ остановиться на такомъ славномъ пути!“ Не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ ходить какъ бы въ поискахъ чего-то или кого-то, кто бы могъ заставить его остановиться на какомъ либо рѣшеніи. Наконецъ, обремененный столь важной мыслью и точно въ изнеможеніи отъ своей нерѣшительности, онъ бросился на одну изъ постилокъ, по его приказанію разостланныхъ на полу въ его помѣщеніи, оставивъ на изнуренномъ отъ зноя и умственного напряженія тѣлѣ лишь самую легкую одежду. Въ такомъ видѣ онъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ Витебскѣ.

Когда тѣло его находилось въ покоѣ, мысль становилась еще болѣе дѣятельной. „Сколько побудительныхъ причинъ къ тому, чтобы спѣшить въ Москву! Возможно ли вынести скуку семи зимнихъ мѣсяцевъ въ Витебскѣ! Значить, ему, до сихъ поръ всегда нападавшему, придется теперь обороняться? Такое положеніе недостойно его, онъ не привыкъ къ тому, оно не соотвѣтствуетъ его генію.

Въ Витебскѣ ничего еще не рѣшено, а между тѣмъ какое большое разстояніе отдѣляетъ его отъ Франціи! Европа увидитъ, наконецъ, что онъ остановился, онъ, никогда ни передъ чѣмъ не останавливавшійся! Развѣ продолжительность такого предпріятія не усугубитъ опасности? Неужели онъ дастъ время вооружиться всей Россіи! До какихъ же поръ возможно будетъ ему продлить столь неопредѣленное положеніе, не уменьшая обаянія своей безошибочности, ослабленнаго уже сопротивленіемъ Испаніи, и не порождая опасныхъ надеждъ въ Европѣ? Чтò будутъ думать, когда узнаютъ, что подъ его знаменами уже не доставало одной трети арміи? Слѣдовало, поэтому, поскорѣе поразить людей блескомъ большой побѣды, сокрывъ столько жертвъ подъ грудю лавровъ!“

Съ этихъ поръ Наполеонъ находитъ въ Витебскѣ лишь расходы. неудобства и безпокойства оборонительнаго положенія, въ Москвѣ же—миръ, изобиліе, пополненіе военныхъ издержекъ и безсмертную славу. Онъ убѣждаетъ себя въ томъ, что для него благоразуміе состоитъ только въ смѣлости; что обо всѣхъ ненадежныхъ предпріятіяхъ можно сказать тоже чтò объ ошибкахъ: въ началѣ онѣ всегда ненадежны, за то часто бываетъ выгодно ихъ окончить; что чѣмъ меньше онѣ имѣютъ оправданій, тѣмъ больше отъ нихъ требуется успѣха; что, значить, слѣдуетъ кончать данное предпріятіе, раздуть его, удивить весь міръ, сразить своею отвагой Александра и вырвать возмездіе, которое бы вознаградило за все потери.

И такъ. опасность, которая, казалось бы, должна была отозвать Наполеона къ Нѣману или побудить основаться на Двинѣ, толкала его въ Москву. Таково условіе ложнаго положенія, въ которомъ все представляетъ опасность: какъ смѣлость, такъ и осторожность; остается только выбрать ту или другую ошибку, возлагая надежду на ошибки непріятели и на удачу.

Рѣшившись наконецъ, Наполеонъ внезапно встаетъ, какъ бы для того, чтобы не дать времени вернуться къ тяжелой нерѣшительности и, весь въ думѣ о планѣ, который доставить ему побѣду, онъ бѣжитъ къ своимъ картамъ: онъ видитъ на нихъ Смоленскъ и Москву; съ самодовольствомъ повторяетъ названія „Великая Москва, святой городъ“, которыя еще болѣе усиливаютъ его одушевленіе.

Охваченный своей страшной мыслью, онъ точно одержимъ военнымъ гениемъ. Голосъ его крѣпнеть, взглядъ сверкаетъ, весь онъ становится страшнымъ. Все отъ него удаляются столько же изъ чувства страха, какъ и благоговѣнія; наконецъ, онъ останавливается на своемъ планѣ, рѣшеніе имъ принято, походъ намѣченъ: сразу все въ немъ успокоивается: черты лица его снова принимаютъ выраженіе спокойной и ясной веселости.

Какъ только намѣреніе Наполеона опредѣлилось, для него стало важно, чтобъ оно не вызвало неудовольствія въ окружающихъ. Онъ считалъ, что убѣжденность вызоветъ въ нихъ больше рвеніе, чѣмъ повиновеніе. Къ тому же, по ихъ чувствамъ онъ судилъ о чувствахъ всей остальной арміи; и конечно, какъ всякаго человѣка, его стѣсняла молчаливая досада людей близкихъ къ нему: онъ чувствовалъ себя неловко, видя неодобрительные взгляды и несогласныя съ нимъ мнѣнія окружающихъ. А потомъ, заставить ихъ одобрить этотъ планъ значило, въ нѣкоторомъ родѣ, заставить раздѣлить и тяготѣвшую надъ нимъ отвѣтственность.

Приближенные выразили свое несогласіе каждый по своему: Бертье грустнымъ видомъ, жалобами и даже слезами; Лобо и Коленкуръ откровенностью, отличавшейся у перваго крайней жестокостью, извинительной въ столь храбромъ воинѣ, а у втораго настойчивостью, доводимой до упрямства и горячностью, доходившей до свирѣпости. Императоръ съ досадой отвергъ ихъ замѣчанія. Обратившись главнымъ образомъ къ своему адъютанту и Бертье, онъ воскликнулъ, „что слишкомъ обогатилъ своихъ генераловъ, которые падки только къ удовольствіямъ охоты и блеску своихъ пышныхъ выѣздовъ въ Парижъ, а потому, конечно, война имъ прискучила“. Послѣ того, какъ была такимъ образомъ задѣта ихъ честь, отвѣтовъ больше не послышалось: оставалось склонить головы и покориться. Въ нетерпѣливомъ волненіи Наполеонъ сказалъ одному изъ генераловъ своей гвардіи: „вы родились на полевой стражѣ и на ней же умрете!“

Что касается Дюрока, сначала онъ выразилъ свое неодобреніе холоднымъ молчаніемъ, а затѣмъ откровенными отвѣтами, правдивыми заявленіями и краткими замѣчаніями. Императоръ отвѣчалъ ему, что отлично видитъ стараніе Русскихъ заманить его, и тѣмъ не менѣе все таки слѣдуетъ идти дальше, до Смоленска, гдѣ онъ устроится; весной же 1813 года, если Россія не заключитъ мира, она погибнетъ: Смоленскъ есть ключъ отъ двухъ дорогъ, на Петербургъ и на Москву, и необходимо завладѣть имъ; потому что тогда можно будетъ одновременно идти на обѣ столицы съ тѣмъ, чтобы въ одной все разрушить, а въ другой все сохранить. На это гофмаршалъ замѣтилъ, что ни въ Смоленскѣ, ни даже въ Москвѣ, онъ не достигнетъ лучшаго мира, какъ въ Витебскѣ и что Пруссаки слишкомъ ненадежные посредники, чтобы можно было настолько удалиться отъ Франціи. Императоръ возразилъ, что въ такомъ случаѣ, если нельзя будетъ надѣяться на удачу въ войнѣ съ Россіей, онъ отъ нея откажется, обративъ оружіе противъ Пруссіи, которую и заставить уплатить военныя издержки.

Пришла очередь высказаться Дарю. Этотъ генералъ правдивъ до крутости и непоколебимъ до безчувствія. Запла рѣчь о походѣ на Москву (одинъ Бертье присутствовалъ при этомъ), вопросъ разбирался въ продолженіи восьми часовъ сряду. На вопросъ императора, что думаетъ Дарю объ этой войнѣ, тотъ отвѣчалъ, что она не національна: что ввозъ нѣкоторыхъ Англійскихъ товаровъ въ Россію и даже возстановленіе Польскаго королевства не достаточныя причины для такой дальней войны; „не только ваша армія, но даже мы всѣ не понимаемъ ни цѣли, ни необходимости въ ней, и все говорить за то, чтобы хоть здѣсь остановиться“. Императоръ на это сказалъ съ крикомъ, что

„Развѣ его считаютъ за сумасшедшаго? Неужели думаютъ, что онъ ведетъ войну ради своего удовольствія? Развѣ не слышали, какъ онъ говорилъ, что Испанская и Русская война двѣ язвы, истощающія Францію, и она не можетъ ихъ вынести обѣ сразу! Онъ желаетъ мира; но чтобы заключить его, нужно быть вдвоемъ, а онъ одинъ. А развѣ къ нему пришло хотя бы одно письмо отъ Александра? Чего же ему ждать въ Витебскѣ? Рѣки, правда, обозначаютъ позицію; но, вѣдь зимой въ этой странѣ рѣкъ нѣтъ, такъ что онѣ указываютъ призрачную линію, разграничивающую, но не отдѣляющую. Поэтому пришлось бы возвести искусственную линію, построить города, крѣпости, недоступныя никакимъ стихіямъ: все нужно создать, и небо, и землю; такъ какъ всего не достаточно. даже съѣстныхъ припасовъ, приходилось либо истощать Литву и тѣмъ вооружить ее противъ себя, либо разоряться. Въ Москвѣ можно всего набрать, здѣсь придется все покупать. И такъ, продолжалъ онъ, вы не можете заставить меня жить въ Витебскѣ, а я не могу вамъ запретить это: ни вы, ни я не смогли бы здѣсь заниматься своимъ дѣломъ. Если вернуться въ Вильну, тамъ легче прокормить, но обороняться тамъ не легче; значить, пришлось бы отступить до Вислы и потерять Литву, тогда какъ въ Смоленскѣ онъ далъ бы рѣшительную битву, или по крайней мѣрѣ имѣлъ бы позицію на Днѣпрѣ. Онъ прекрасно видитъ, что вспоминаютъ о Карлѣ XII; но, если не было примѣра счастливаго похода на Москву, то потому что не нашлось человѣка, чтобы предпринять его. На войнѣ во всемъ играетъ роль на половину удача; если бы всегда дожидались полного соединенія благоприятныхъ обстоятельствъ, то никогда бы ничего не предпринимали; чтобы кончить что нибудь, необходимо начать: нѣтъ предпріятія, въ которомъ бы все содѣйствовало успѣху, и во всѣхъ людскихъ планахъ случайность имѣетъ свое мѣсто; и наконецъ, не правило дѣлаетъ успѣхъ, а успѣхъ—правило, и если бы онъ достигъ успѣха новыми походами, то изъ новаго успѣха вывели бы новыя правила. Мало еще пролитой крови, а Россія слишкомъ велика, чтобы уступить безъ боя. „Если понадобится, я буду добиваться этой битвы до святаго города, и выиграю ее. Миръ ждетъ меня у воротъ Москвы. А когда честь спасена, въ случаѣ если Александръ будетъ продолжать упорствовать, ну, тогда я буду договариваться съ боярами, если не со всѣмъ населеніемъ этого города: оно довольно единодушно; оно и образовано; пойметъ свои выгоды, постигнетъ свободу“. И онъ закончилъ словами: „къ тому же Москва ненавидитъ Петербургъ, и мнѣ надо воспользоваться ихъ соперничествомъ, такъ какъ послѣдствія такой ненависти неисчислимы.“

Такимъ образомъ императоръ, увлекшись разговоромъ, обнаружилъ

свои надежды. Дарю на это отвѣчалъ ему, что „война—игра, которую Наполеонъ хорошо знаетъ и всегда въ ней выигрываетъ, изъ чего можно заключить, что онъ ведетъ войну съ удовольствіемъ; но что въ данномъ случаѣ приходится побѣждать не столько людей, сколько природу. Вслѣдствіе ли бѣгства, болѣзни или голода, но армія убавилась уже на треть. Если въ Витебскѣ недостаетъ съѣстныхъ припасовъ, то что же будетъ дальше? Офицеры, которыхъ онъ посылаетъ на поиски за припасами, вовсе не являются назадъ или же возвращаются съ пустыми руками. То небольшое количество муки или скота, которое удается собрать, тотчасъ поѣдается гвардіей; слышно, какъ другіе отряды говорятъ, что гвардія все вытребуется себѣ и все поглощаетъ, находясь на какомъ-то преимущественномъ положеніи. Ни походный госпиталь, ни фургоны, ни стада быковъ, ничто ни могло слѣдовать за арміей; для больныхъ не было лазаретовъ: не доставало ни съѣстныхъ припасовъ, ни помѣщеній, ни лѣкарствъ. И такъ, все говоритъ за то, чтобы остановиться, тѣмъ болѣе, что за Витебскомъ нельзя больше рассчитывать на хорошее отношеніе мѣстныхъ жителей. По тайному предписанію Наполеона, ихъ вывѣдывали, но безуспѣшно. Какъ поднять ихъ за свободу, которой они даже по имени не знаютъ? Чѣмъ взять эти почти дикіе народы, не имѣющіе ни собственности, ни потребностей? Что взять съ нихъ? Чѣмъ ихъ соблазнить? Единственное ихъ благо—жизнь.“

Бертье прибавилъ, что если мы пойдемъ дальше, то въ пользу Русскимъ будетъ слишкомъ большая растянутость нашихъ фланговъ, голодь и въ особенности ихъ суровая зима; между тѣмъ какъ если императоръ остановится, онъ обратитъ зиму себѣ въ пользу и станетъ повелителемъ дѣла, которое поведетъ близко отъ себя, вмѣсто того чтобы увлекаться обманчивой, безцѣльной и неопредѣленной войной.

Такъ возражали Бертье и Дарю. Императоръ слушалъ ихъ спокойно; чаще же онъ прерывалъ ихъ искусными разсужденіями, по своему желанію предлагая вопросъ или отстраняя его, если онъ становился слишкомъ убѣдительнымъ. Но, какъ ни неприятны были истины, которыя приходилось ему слушать, онъ терпѣливо выслушивалъ ихъ и такъ же терпѣливо отвѣчалъ на нихъ. Во все время этого пренія его слова, ухватки, всѣ его движенія были замѣчательны по снисходительности, которыми, впрочемъ, онъ всегда отличался въ своей домашней жизни; этимъ и объясняется, что, не смотря на всѣ злополучія, онъ все таки еще любимъ былъ тѣми, кто зналъ его близко.

Не удовлетворившись мнѣніями своихъ приближенныхъ, Наполеонъ вызвалъ къ себѣ поочередно нѣсколькихъ армейскихъ генераловъ;

но своими вопросами онъ подсказывалъ имъ отвѣты; нѣкоторые же изъ нихъ, всю свою жизнь проведеніе въ арміи и привыкшіе повиноваться его голосу, подчинялись ему въ этихъ бесѣдахъ точно такъ же, какъ на поляхъ сраженія. Другіе не высказывались, выжидая хода событій: въ присутствіи постоянного удачника они таили ихъ опасливую думу и, разсчитывали, что въ случаѣ успѣха, получатъ выговоръ. Большинство высказало одобреніе, хорошо зная, впрочемъ, что если бы даже они отважились разгнѣвать Наполеона и посовѣтовали остановиться, онъ все таки пошелъ бы впередъ. Въ виду предстоящихъ новыхъ опасностей, они предпочли сдѣлать видъ, что готовы подвергнуться имъ добровольно. Имъ казалось болѣе удобнымъ быть неправыми заодно съ Наполеономъ, чѣмъ правыми вопреки ему.

Нашелся между ними и такой, кто, не довольствуясь одобреніемъ, началъ подстрекать Наполеона. Изъ преступнаго тщеславія онъ снискалъ еще болѣе довѣрія Наполеона, преувеличивъ ему наличный составъ своей дивизіи, такъ какъ послѣ столькихъ трудовъ, при отсутствіи военныхъ дѣйствій, для начальниковъ считалось заслугой умѣніе сохранить подъ знаменами наибольшее число солдатъ. Такимъ образомъ начальники угождали императору, дѣйствуя на самую слабую его сторону, слѣдствіемъ чего являлись награды. Одинъ изъ нихъ, стараясь особенно понравиться, началъ нагло хвалиться бодростью своихъ солдатъ, исхудалыя лица которыхъ плохо согласовались съ лестью начальника. Императоръ вѣрилъ въ эту бодрость, потому что она была ему желательна и потому еще, что видѣлъ солдата только на смотрахъ, когда его присутствіе, военный парадъ и заразительность возбужденія при многолюдствѣ, поднимали духъ, гдѣ, наконецъ, все, включительно до тайныхъ приказовъ по начальству требовало бодрости.

Но и такое поверхностное знакомство касалось одной гвардіи. Въ арміи же солдаты жаловались на его отсутствіе: они видѣли его исключительно въ дни сраженій, когда имъ нужно было умирать, но никогда онъ не показывался имъ съ заботою о ихъ жизни. Всѣ были тамъ для него, а онъ, казалось, былъ тамъ уже не для нихъ. Армія страдала и жаловалась, недостаточно сознавая, однако, что тутъ и заключалось одно изъ злополучій этого похода. Необходимость разбросанности отдѣльныхъ корпусовъ, для пріисканія продовольствія, держала Наполеона вдали отъ арміи. Одна гвардія съ трудомъ могла жить и укрываться отъ непогоды близости отъ императора. остальная армія находилась далеко отъ него. Дѣйствительно, только что было совершено нѣсколько неблагоразумныхъ поступковъ: неизвѣстно по чьему приказанію въ императорской квартирѣ позволили себѣ задержать для гвардіи нѣсколько обозовъ со съѣтными припасами, принадлежавшихъ другимъ

частямъ. Такое насиліе, при зависти, какую всегда возбуждаютъ къ себѣ отборные корпуса, раздражило армію. Жалобы ея не дошли до императора, котораго снѣдало жестокое горе: ему стало извѣстно, что въ одномъ только Витебскѣ три тысячи солдатъ больны диссентеріей и что эта болѣзнь производитъ опустошеніе во всей арміи. Главная причина заболѣваній заключалось во ржи, которою солдаты питались въ разваренномъ видѣ. Желудки ихъ, привычные къ хлѣбу, выблеивали эту холодную и неудобонаримую пищу. Императоръ умолялъ своихъ врачей найти средство. Одинъ день его видѣли менѣе озабоченнымъ. „Дави нашелъ то, чего не могли открыть люди науки, сказалъ онъ; я только что получилъ объ этомъ извѣстіе. Вся суть въ томъ, что нужно жарить рожь прежде чѣмъ готовить изъ нея кушанье“, и глаза Наполеона заблестѣли надеждой, вопрошая врача, который предложилъ сдѣлать опытъ. Императоръ тотчасъ позвалъ къ себѣ двухъ гренадеровъ своей гвардіи, посадилъ ихъ около себя за столъ и приказалъ попробовать приготовленный такимъ способомъ хлѣбъ; но это плохо имъ удавалось, несмотря на то, что онъ собственноручно прибавилъ къ такой снѣди своего вина.

Но и при такихъ лишеніяхъ, уваженіе къ побѣдителю Европы и необходимость поддерживали духъ солдатъ. Они считали, что слишкомъ уже втянулись въ дѣло; для того же чтобы поскорѣй выкарабкаться, необходима побѣда, и одинъ Наполеонъ могъ ее дать. Кромѣ того, несчастіе повысило качество арміи: оставшіеся въ ней могли быть только отборнѣйшими душевно и тѣлесно. Скука и неудобства несчастныхъ стоянокъ волновали этихъ людей. Оставаться на одномъ мѣстѣ казалось для нихъ невыносимымъ; отступить—невозможнымъ; значить, необходимо одно: идти впередъ. Громкія названія, Смоленскъ и Москва, не внушали страха. Въ прежнее время, и людей обыкновенныхъ утрашила бы неизвѣстность страны, народа и дальность разстоянія, при которой все осложняется; теперь же именно это и привлекало; люди только и находили удовольствіе въ рискованныхъ положеніяхъ, которыя, чѣмъ были опаснѣе, тѣмъ казались заманчивѣе; предстоящія же опасности придавали положенію исключительность. Ощущенія эти были полны привлекательности для умовъ дѣятельныхъ, всего извѣдавшихъ и жаждавшихъ новизны. Для честолюбія не было преградъ; все внушало страсть къ славѣ, для которой предоставлялось безпредѣльное поприще. Какъ измѣрить силу обаянія могущественнаго императора, способнаго сказать своимъ солдатамъ послѣ побѣды подъ Аустерлицемъ: „Называйте своихъ дѣтей моимъ именемъ, позволяю вамъ это; если же между ними окажется достойный меня, завѣщаю ему все свое имущество и провозглашу его своимъ наслѣдникомъ!“

13-го числа Наполеонъ выѣхалъ изъ Витебска, гдѣ пробылъ двѣ недѣли.

ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ.

...О немъ и нынѣ спорятъ вновь...

(Кн. П. А. Вяземскій).

Съ появленіемъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (№ 7, 1907) изслѣдованія Великаго Князя Николая Михайловича, посвященнаго „Легендѣ о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича“ (вышло 2-мъ изданіемъ отдѣльно), въ разныхъ концахъ Россіи возникъ живой интересъ къ уже почти забытому вопросу. Въ печати сообщаются новыя данныя въ подтвержденіе легенды, предпринимается изданіе жизнеописанія и матеріаловъ о Феодорѣ Козьмичѣ Томскимъ книгопродавцемъ Д. Романовымъ (съ продажею теперь же изображеній старца); говорятъ, что въ Томскѣ образовался даже цѣлый кружокъ, поставившій себѣ цѣлью всякія изысканія о личности знаменитаго Сибирскаго старца.

Остается только радоваться неожиданному возбужденію (столь рѣдкому у насъ) интереса къ прошлому; но при этомъ слѣдуетъ пожелать однако бѣльшаго спокойствія и безпристрастія, которыя устранили бы попадающіяся иногда теперь явныя нарушенія требованій исторической критики. Благодаря этому возникновенію интереса и вызванному имъ всестороннему изысканію, кто знаетъ, можетъ быть, кому нибудь, даже можетъ быть кружку въ Томскѣ, удастся, въ концѣ концовъ, безспорно открыть: кто именно то лицо, которое скрывало свои настоящія званіе и имя и жило въ Сибири съ Марта 1837 года подъ видомъ и съ именемъ „старца Феодора Козьмича“. Нельзя не привѣтствовать и того, что редакція Саратовской газеты „Волга“ открыла радушно столбцы для всесторонняго обсужденія занимающаго насъ въ данномъ случаѣ обстоятельства. Естественно, что въ такомъ діаметрально-противоположномъ дѣлѣ, какъ убѣжденіе въ томъ, что Александръ I скончался 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ, и вѣра, что Государь скрылся изъ Таганрога и умеръ въ Сибири 20 Января 1864 г.,— всѣ, интересующіеся этимъ вопросомъ, дѣлятся на два лагеря: одни, сторонники легенды, искренне и глубоко вѣрятъ, что преданіе о Феодорѣ Козьмичѣ не легенда, а историческій случай, полный глубокаго трагизма; другіе, умиляясь передъ поэтическимъ замысломъ народнаго

творчества въ „легендѣ“, которая только въ 60-хъ гг. девятнадцатаго столѣтія нашла себѣ конкретную личность въ Сибири, въ старца Федора Козьмича, не находятъ въ себѣ достаточно „вѣры“ и, въ силу исторической критики, не считаютъ возможнымъ признать тождество императора Александра I съ невѣдомымъ Сибирскимъ старцемъ, умершимъ 20 Января 1864 года (80 лѣтъ, какъ записано въ метрикѣ о его кончинѣ).

Изъ сказаннаго ясно, что нижеподписавшійся принадлежитъ къ числу противниковъ не „легенды“, а превращенія ея въ исторію. Чтобы дальше не оговариваться, я долженъ сказать, что глубоко убѣжденъ всею массою имѣющагося подъ руками матеріала, что импер. Александръ I дѣйствительно скончался 19 Ноября 1825 года въ Таганрогѣ и мирно почиваетъ въ Петропавловскомъ соборѣ, не замѣненный въ гробу ни фельдъегеремъ Масковымъ, ни кѣмъ либо другимъ. Это не значитъ однако, что мною отрицается интересъ къ личности Федора Козьмича. Я не считаю его также какимъ либо зауряднымъ бродягою, „непоминающимъ родства“, какихъ тогда было особенно много въ Сибири. Напротивъ, мое искреннее желаніе—узнать, кто былъ именно отшельникъ-старецъ, окруженный ореоломъ святости. При этомъ у меня есть даже нѣкоторыя свои соображенія на этотъ счетъ; но я считаю преждевременнымъ сообщать ихъ, въ виду неимѣнія серьезныхъ фактическихъ доказательствъ, вводить же субъективный элементъ чувства и догадокъ нахожу лишнимъ.

Къ сожалѣнію, самъ старецъ Федоръ Козьмичъ оставилъ въ полномъ недоумѣніи какъ тѣхъ, кто серьезно считалъ его Александромъ, такъ и другихъ, не соглашающихся съ этимъ. Въ сущности говоря, вѣдь, старецъ никому и никогда не открывалъ своего имени, своего званія и происхожденія; даже передъ кончиною на вопросы, кто онъ (значить, и близкіе этого не знали!), онъ отвѣчалъ: „это Богу извѣстно!“ Федоръ Козьмичъ выслушивалъ все, что ему по этому поводу говорили, иногда дѣлалъ намеки на свое какое-то особенное происхождение, а затѣмъ оставлялъ всѣхъ въ полномъ недоумѣніи, не опровергая, впрочемъ, и того, во что хотѣлось вѣрить его окружающимъ; этимъ же послѣднимъ почему-то захотѣлось ходившую по Руси „легенду“ объ исчезновеніи Александра I приурочить именно къ нему, неизвѣстному благочестивому старцу. Правда, похороны Федора Козьмича были торжественныя, стеченіе народа было громадное; но, вѣдь, въ Томскѣ и въ то время ни для кого не было тайною, за кого считали Федора Козьмича, котораго, кромѣ того, чтили почти какъ святого. На могилѣ его поставили крестъ съ надписью „Великій, *благословенный* старецъ“... Если

туть въ созвучіи словъ и заключался будто бы „особенный намекъ“; то, вѣдь, эта эпитафія не была сочинена или завѣщана самимъ старцемъ, а, вѣроятно, написана тѣми же Хромовыми или кѣмъ либо другимъ; что же касается словъ „великій старецъ“, то развѣ не заслуживалъ этого названія Ѳеодоръ Козьмичъ, и безъ всего прочаго, только своею святостью и извѣстностью среди народа, хотя бы подобно Оптиному старцу Амвросію?

Отъ старца не осталось рѣшительно ничего, что давало бы почву для догадокъ о его происхожденіи, кромѣ его „тайны“. Допускаю, что „тайна“ Ѳедора Козьмича, т. е. листочки бумаги съ загадочными фразами и какимъ-то шифромъ, писаны самимъ старцемъ; но ни то, ни другое до сего времени не разгадано, хотя, можетъ быть, и дѣйствительно раскрыло бы „тайну“ старца. Seriously нельзя смотрѣть на остроумное раскрытіе шифра, сдѣланное И. С. Петровымъ (напечатано Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ во 2-мъ изданіи его книги) и на фразу, далеко неграмотную, имъ прочитанную; избранный Петровымъ способъ, можетъ быть, при извѣстномъ терпѣніи и находчивости, приведетъ еще къ другимъ комбинаціямъ буквъ и дастъ возможность прочесть и другую какую нибудь фразу, при иномъ направленіи предвзятой мысли.

Другихъ бумагъ, о которыхъ ходили слухи и говорилъ Хромовъ, старецъ не оставилъ. Конечно, Великому Князю Николаю Михайловичу все это могло бы быть извѣстно скорѣе, чѣмъ кому-либо другому.

Говорятъ, затѣмъ, о сходствѣ старца въ натурѣ и на его портретахъ съ Александромъ I; но съ 1825 по 1860 г. прошло 35 лѣтъ и, думается, что чрезъ такой промежутокъ времени трудно говорить серьезно о сходствѣ, и въ чертахъ лица ветхаго старца, обросшаго бороною, отыскать черты лица Государя, умершаго далеко не старымъ: при томъ, объ этомъ сходствѣ говорили въ Сибири люди, едва ли видѣвшіе когда Александра I, а если и видѣвшіе, то развѣ когда нибудь мелькомъ и, конечно, также болѣе 35 лѣтъ назадъ. Еще въ болѣе степеніи тоже приходится сказать о сходствѣ старца съ Александромъ I по портретамъ; къ сожалѣнію портреты старца настолько плохи и неискусно писаны, что серьезно говорить о нихъ нельзя. Нужно только совсѣмъ отказаться судить по нимъ о сходствѣ лица старца съ портретами Александра I, лицо котораго плохо удавалось даже первокласснымъ художникамъ.

Говоря о сходствѣ, сторонники легенды умалчиваютъ о томъ безусловно-разительномъ сходствѣ съ живымъ, мягкимъ, улыбающимся лицомъ Александра, которое мы видимъ въ гипсовой маскѣ, вос-

произведенной теперь впервые въ книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича. Впрочемъ, нельзя умолчать, что нѣсколько мистически настроенный Н. К. Шильдеръ находилъ по портретамъ Федора Козьмича сходство въ чертахъ его лица съ лицомъ Александра. Спорить съ этимъ трудно; ибо это, конечно, уже чувство совершенно субъективное, подобное разсказу о явленіи тому же Н. К. Шильдеру во снѣ Федора Козьмича, который будто бы исцѣлилъ его отъ головныхъ болей. Это уже область чудеснаго; но, не отрицая и этого, должно однако сказать, что для этого Федоръ Козьмичъ долженъ быть признанъ не непременно императоромъ Александромъ, явившимся своему историку, а только святымъ *).

Однако, цѣль наша—не входить въ подробный разборъ всѣхъ доказательствъ, представляемыхъ въ пользу того, что Сибирскій старецъ есть Александръ I, а указать только на фактическій матеріалъ, имѣющійся у той и другой стороны, и остановиться на нѣкоторыхъ приемахъ, нечуждыхъ пристрастія; а тамъ уже пусть самъ читатель судить, какая чашка вѣсовъ перевѣшивается, въ смыслѣ достовѣрности и тяжести историческаго и фактическаго матеріала.

Богатство положительнаго документальнаго матеріала такъ велико, что всякій историческій фактъ, обоснованный такъ серьезно, былъ бы признанъ самою придирчивою критикою безусловно-доказаннымъ, если бы только въ данномъ вопросѣ не замѣшивались вѣра въ чудесное и своя доля фанатизма. Существуютъ, вѣдь, на лицо всѣ официальные акты и документы, протоколы болѣзни и вскрытія тѣла, подробныя донесенія съ пути слѣдованія тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, протоколы вскрытія гроба и осмотра тѣла, церемоніаль и актъ погребенія въ соборѣ. Существуетъ затѣмъ рядъ писемъ, записокъ и свидѣтельствъ близкихъ людей, бывшихъ съ Александромъ I въ Таганрогѣ: письма князя Волконскаго, Дибича, доктора Стофрегена, Записки Шѣнига о вскрытіи тѣла („Русск. Арх.“ 1881 г.), о которыхъ П. И. Бартечевъ сообщалъ намъ, что Записки эти напечатаны полностью, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ органовъ; Записки сопровождавшаго тѣло и слѣдившаго все время за состояніемъ балзамированія лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова; далѣе, показанія при-

*) Самъ достопочтенный, добродушный и необычайно-трудолюбивый Николай Карловичъ Шильдеръ, сколько намъ извѣстно, предавался иногда увлеченіямъ фантазіи, что могъ онъ унаслѣдовать отъ своего знаменитаго родителя. Дальнѣйшія разысканія объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ невозможны безъ четырехтомнаго сочиненія Шильдера; но мы уже имѣли случай замѣтить, что это сочиненіе—не исторія, а приведенное въ порядокъ собраніе анекдотовъ, и при томъ слѣланное съ вредзвѣтною мыслию унижить Александра и возвеличить Сперанскаго. П. Б.

слуги и кучера И. Байкова, который всю зиму мерзъ на козлахъ траурной колесницы и готовъ былъ обрить себѣ бороду, чтобъ не разлучиться съ своимъ благодѣтелемъ, пока онъ былъ еще тутъ, на землѣ.

Чтобы безслѣдно исчезнуть, Государю нужно было имѣть такъ много сообщниковъ! Неужели всѣ эти близкіе люди были участниками тайны: и Волконскій, и Чернышевъ, и Дибичъ, и всѣ доктора, и камердинеръ „Геогровичъ“, и Плья Байковъ? Но тогда это едва ли была бы уже тайна; во всякомъ случаѣ эта тайна въ предѣлахъ времени, и не дѣти, такъ внуки или правнуки узнали бы ее изъ первоисточника, отъ кого либо изъ участниковъ или ихъ женъ. Наконецъ, для того, чтобы скрыться, Александру I нужно было согласіе и участіе его супруги, императрицы Елисаветы Алексѣевны, такъ какъ, живя въ Таганрогѣ, они почти не разлучались, и окружающіе (Тарасовъ) называли ихъ „молодыми супругами“. Допустимъ мало вѣроятное, что такое согласіе было получено; но сколько въ такомъ случаѣ нужно было истинно-драматическаго таланта, чтобы разыграть у гроба чужого для императрицы покойника неподдѣльную скорбь, убиваться, ходить по два раза въ день къ гробу, подолгу смотрѣть на него, писать о своемъ горѣ, наконецъ... чтобъ умереть отъ полнаго истощенія силъ и отъ скорби, полгода спустя, въ Бѣлевѣ, 3-го Мая 1826 г., передъ тѣмъ написавъ императрицѣ-матери: „Notre Ange est au ciel, et moi, je végette encore sur la terre“...*)

Про Александра I, только что вновь сблизившагося и полюбившаго свою, давно покинутую, супругу, отправившаго ее лѣчиться въ Таганрогъ и окружившаго нѣжными заботами, рассказываютъ сторонники легенды, что онъ имѣлъ въ сущности другую цѣль, потому что захватилъ съ собой какой-то похоронный церемоніаль.

Положимъ, однако, что всѣ многочисленные участники заговора, окружавшіе постель государя при послѣднихъ минутахъ его жизни и изображенные на рисункѣ кончины Александра, даже съ императрицею во главѣ, положившіе фельдъегеря Маскова въ гробъ императора, всѣ они свято хранили и сохранили навсегда тайну; что графъ В. В. Орловъ-Денисовъ также былъ участникомъ этого безпримѣрнаго въ исторіи заговора противъ царствующаго государя, въ союзѣ съ нимъ самимъ; допустимъ, что Тарасовъ усердно ходилъ и заботился о сохранности тѣла покойника, лежавшаго въ гробу (казалось, какъ разъ нужно было позаботиться о противоположномъ); но неужели можно было смѣло открывать гробъ, не опасаясь, что возникнетъ сомнѣніе у людей, наиболѣе знавшихъ императора, у его многочисленныхъ генералъ и флигель-адъютантовъ, смѣнявшихся въ теченіи пути, у цѣловавшаго

*) Нашъ Ангелъ на небѣ, а я прозябаю еще на землѣ.

тѣло графа Комаровскаго. у графа Аракчеева, близкаго государю съ молодыхъ его лѣтъ... Игра была бы черезчуръ неосторожной!

Но и на это находятя объясненія. Говорять, что Масковъ, фельдъегерь, умершій за 2½ недѣли до кончины государя, при паденіи изъ телѣжки въ г. Орѣховѣ и тамъ похороненный (гдѣ же его берегли съ 3-го по 19-го Ноября?) имѣлъ большое сходство съ императоромъ. Но чѣмъ это документально можетъ быть доказано? Кромѣ преданія въ его семьѣ, почему-то пріятно убѣжденной, что въ Петропавловскомъ соборѣ лежитъ не Александръ I, это ничѣмъ не подтверждается. Во всякомъ случаѣ доказательства слабы и едва-ли не отъ послѣдующаго къ предъдущему.

Разсказываютъ еще. со словъ профессора И. Т. Тарасова, будто старикъ лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ упоминалъ о сходствѣ Маскова съ Александромъ: въ своихъ воспоминаніяхъ, подробно описывая смерть Маскова, въ собственномъ его присутствіи (ибо онъ былъ посланъ государемъ оказать убившемуся фельдъегерю медицинскую помощь) Тарасовъ ничего не говоритъ объ этомъ сходствѣ. Равно и профессоръ И. Т. Тарасовъ намъ лично въ Сентябрѣ 1907 г. того не передавалъ.

Впрочемъ, тутъ мы встрѣчаемъ одинъ изъ типичныхъ пріемовъ критики, какими пользуются сторонники легенды. Перейдемъ къ подробному разбору другихъ подобныхъ случаевъ, стараясь провѣрить нѣкоторыя изъ таковыхъ доказательствъ.

Въ Петербургѣ вся царская семья, видѣвшая тѣло государя, ни минуты не сомнѣвалась, что видитъ предъ собой покойнаго старшаго своего члена, столь всѣмъ близкаго, и благоговѣйно цѣловала его руку. Сопровождавшіе тѣло, и графъ Орловъ-Денисовъ, и докторъ Тарасовъ, увѣряли, что тѣло сохранилось вполне хорошо, при чемъ послѣдній даже былъ того мнѣнія, что оно „можетъ быть открыто для всѣхъ“. Конечно, объ этомъ едва-ли старались бы лица, совершавшія подлогъ, хотя бы и удачно: это мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Тарасова. уже въ то время появились „нелѣпыя слухи“, о которыхъ онъ такъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Слухи тѣ были различны: 1) одни утверждали, что въ гробу, вмѣсто императора, лежитъ кукла; 2) другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственной смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя нелѣпости, легко въ то время могущія произвести безпокойства и безпорядокъ въ народѣ“.

Д. К. Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ пишетъ о прощаніи царской семьи съ покойникомъ.

„10-го Марта отъ князя Голицына¹⁾ я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня: „Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?“ Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ 12 часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловъ-Денисовъ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна²⁾, родственно проститься съ покойникомъ. Въ 11½ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй; перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ. и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколькихъ минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполне выразить оную!“

По свидѣтельству Записокъ Герлаха, императрица-мать три раза подходила къ тѣлу, цѣловала руку и восклицала „*Oui, c'est mon cher fils Alexandre; ah, comme il a maigri!*“³⁾ Казалось, это явное доказательство въ пользу того, что императрица Марія Ѳеодоровна узнала въ покойникѣ своего сына; оказывается, что это не такъ: принцъ Вильгельмъ Пруссій въ тоже время „былъ глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора“, поэтому значить, что у самой императрицы видимо было сомнѣніе.

Но при такихъ приемахъ критики является невозможнымъ вообще что-либо доказать. Такіе приемы, однако, далеко не единственны. Сто-

¹⁾ Т. е. отъ князя Александра Николаевича Голицына, который былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ покойному государю людей. П. Б.

²⁾ Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. П. Б.

³⁾ Да, это, мой дорогой сынъ Александръ: ахъ, какъ онъ исхудалъ!

ронники легенды утверждаютъ, какъ вѣчто положительное, какъ фактъ, что старикъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ и пережившій четырехъ государей „прямо-таки отказался присягать новымъ (sic) государямъ“ („Волга“, № 9). Кажется, положительное извѣстіе, наводящее на сомнѣніе; но откуда оно взято? Оказывается, оно находится только въ сборникѣ „слуховъ“, записанныхъ какимъ-то дворовымъ человѣкомъ и хранящемся въ архивѣ канцеляріи военнаго министра. Источникъ, едва ли имѣющій серьезное историческое значеніе. Мы не хотимъ опорочивать голословно этого документа, но въ сборникѣ находятся и другіе, подобные же, „слухи“; ихъ много, почему же не взять изъ сборника и другія извѣстія, въ родѣ такихъ: „Государя убили, изрѣзали“..., „Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ“..., „царскаго кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ пирожкѣ“...? и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, это и были тѣ самыя „вздорные слухи“, которые распространяли по Москвѣ „кумушки и пустословы“ и о которыхъ писали братья Булгаковы и говорилъ Тарасовъ.

Обращаясь теперь къ другимъ доказательствамъ, въ родѣ перечисленныхъ въ № 9 (1908 г.) газеты „Волга“, остановимся еще на двухъ слѣдующихъ.

По поводу напечатаннаго въ первый разъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ отрывка изъ дневника императрицы Елисаветы Алексѣевны, заключающаго въ себѣ подробное изложеніе всего хода болѣзни ея супруга, всѣхъ измѣненій въ его положеніи, разговоровъ государя и т. п., возбужденъ сторонниками легенды вопросъ, почему же дневникъ обрывается на вечеръ 11-го Ноября, когда Государю стало временно лучше?... Далѣе широкое поле для догадокъ... Къ великому сожалѣнію, на этомъ рукопись обрывается; можетъ быть, удрученной горемъ императрицѣ не было уже времени писать дневникъ, а можетъ быть конецъ затерялся. Какъ бы то ни было, теперь можно съ увѣренностью сказать, что и въ концѣ ничего особеннаго не было въ смыслѣ благоприятномъ для легенды. Дѣло въ томъ, что теперь извѣстны письма императрицы къ ея матери, принцессѣ Баденской, за все время до самой кончины Елисаветы Алексѣевны: въ этихъ письмахъ она подробно описываетъ послѣдніе дни жизни Александра, его страданія и кончину, а также послѣдующее затѣмъ время въ Таганрогѣ: императрица ежедневно посѣщаетъ тѣло, сообщаетъ о постепенномъ измѣненіи лица покойнаго и другія различныя подробности. Эти письма въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы *).

*) Заранѣе привѣтствуемъ это изданіе. П. Б.

Съ возбужденіемъ вопроса о личности Ѳедора Козьмича особенно повезло Д. К. Тарасову. О немъ вспомнили и теперь стараются выставить его, какъ одного изъ активныхъ участниковъ подлога въ Таганрогѣ и, слѣдовательно, хранителей тайны. Началось это съ легкой руки П. А. Россіева, напечатавшаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1907 г. свои замѣтки и соображенія, явившіяся результатомъ свиданія его съ племянникомъ покойнаго лейбъ-медика, профессоромъ Московскаго университета И. Т. Тарасовымъ. Должно, однако, оговориться, что лично намъ, уже послѣ Россіева, въ Сентябрь 1907 г., уважаемый Иванъ Трофимовичъ, прежде всего, прямо заявилъ, что П. А. Россіевъ все имъ сказанное „черезчуръ подчеркнулъ“; трудно сказать, конечно, въ какой мѣрѣ это было сдѣлано, тѣмъ не менѣе фактъ нѣкотораго преувеличенія несомнѣнно на лицо. Доказательства (которыя приведены въ № 9 „Волги“) будто бы „страннаго поведенія“ лейбъ-хирурга Тарасова въ отношеніи старца Ѳедора Козьмича сводятся къ слѣдующему: 1) онъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра I, 2) считалъ его „святымъ человѣкомъ“, 3) „страшно взволновался, какъ будто его задѣли за живое, какъ будто подняли покровъ надъ тайною“ и т. д., когда однажды мать И. Т. Тарасова сказала: „отчего же императоръ Александръ Павловичъ и не могъ принять образъ старца Ѳедора Козьмича? Всякое бываетъ“!.., 4) вспоминая Маскова, Тарасовъ будто бы говорилъ о его сходствѣ съ Александромъ, и это-де подало поводъ къ легендѣ, что въ 1826 г. хоронили не государя, и прибавлялъ: „явный вздоръ!“, 5) Тарасовъ имѣлъ большія средства, „которыя нельзя было нажить практикой“; значить, его особо наградили свыше, осыпали деньгами, конечно за какія-то особенныя заслуги, и 6) самое важное,—будто Д. К. Тарасовъ, „человѣкъ религіозный, никогда не служилъ панихидъ по Александрѣ Благословенномъ вплоть до 1864 г., а когда въ Сибири умеръ Ѳедоръ Козьмичъ, Тарасовъ сталъ служить панихиды ежегодно. И все тайкомъ! Случайно узнали объ этомъ отъ кучера и, вѣдь, что курьезно: Тарасовъ не ѣздилъ служить панихиды въ Петропавловскій соборъ, а либо въ приходскія церкви, либо въ Исаакіевскій и Казанскій соборы“.

Встрѣчаемъ и здѣсь тѣ же „курьезные“ приемы критики: Александръ I „святой человѣкъ“—значить, Ѳедоръ Козьмичъ: „явный вздоръ“ говоритъ Тарасовъ о слухахъ (также, какъ и въ своихъ „Запискахъ“),—значить, напротивъ: ибо сказано „съ подчеркиваніемъ, назидательно“, поэтому,—нельзя вѣрить; тутъ явное желаніе скрыть истину. Но вѣдь нельзя же такъ относиться хотя бы даже къ словеснымъ свидѣтельствамъ. спустя 45 лѣтъ послѣ разговора „однажды“.

Останавливаясь на послѣднемъ пунктѣ, т. е. на служеніи панихидъ Тарасовымъ, мы хотѣли бы спросить: сколько же разъ служились эти панихиды послѣ смерти Ѳеодора Козьмича? Какъ будто, по разсказу, много разъ, ибо и въ ириходскихъ церквахъ, и въ соборахъ Исакиевскомъ и Казанскомъ; а чѣмъ доказать, что онъ не служилъ панихидъ и раньше, разъ это дѣлалось тайкомъ (раньше кучеръ могъ и не сказать, или его не спрашивали!); кромѣ того, не видно, въ какой день служились эти панихиды: 19 ли Ноября или 20 Января? Вотъ сколько недоумѣній является по поводу этого свидѣтельства. Можемъ однако замѣтить, что много панихидъ послѣ смерти Сибирскаго старца Д. К. Тарасовъ служить не могъ. Дѣло въ томъ, что профессоръ Н. Т. Тарасовъ ошибается, говоря, что его дядя скончался „въ первой половинѣ 70-хъ годовъ“. Лейбъ-хирургъ Тарасовъ родился въ ночь съ 25 на 26 Октября 1792 г., а умеръ въ Царскомъ Селѣ 12 Юня 1866 г., 74 лѣтъ: значить, Тарасовъ пережилъ всего на 2 года Ѳедора Козьмича. умершаго далеко, въ Сибири, 20 Января 1864 г., и могъ, вѣроятно, отслужить по немъ не болѣе 2—3 панихидъ. Еще вопросъ: какъ могъ знать кучеръ, по комъ служилъ Тарасовъ панихиды, если онъ желалъ это скрыть, сдѣлать „тайкомъ“?

Кажется, ничего нѣтъ особеннаго въ томъ, что старикъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра, котораго онъ искренне и „сыновне“ любилъ и основательно считалъ своимъ благодѣтелемъ, такъ какъ послѣ его кончины окончилась и его, удачно начавшаяся, придворная карьера. Тяжело, конечно, ему было вспоминать все то, чтѣ онъ пережилъ въ Ноябрь 1825 г. въ Таганрогѣ и чтѣ такъ подробно и добросовѣстно занесъ въ свои, забытыя теперь, „Воспоминанія“. изъ которыхъ выше нами приведено нѣсколько выдержекъ и къ которымъ мы теперь обратимся. Эти „Воспоминанія“, напримѣръ, сейчасъ же и разъяснятъ намъ, откуда у Тарасова были большія средства, не смотря на то, что послѣ кончины Александра I, благодаря прояскамъ Вилліе, онъ почти былъ удаленъ отъ двора. Никакихъ особыхъ наградъ онъ не получалъ, но практика дала ему нѣкоторыя средства, которыя онъ вложилъ въ торговля операціи своего земляка Рязанскаго откупщика, извѣстнаго богача Рюмина; именно это увеличило быстро и весьма значительно капиталъ Тарасова. Въ своихъ Воспоминаніяхъ, писанныхъ спустя много лѣтъ, („переступивъ за полвѣка моей жизни“; подаренная Тарасову въ 1820 г. въ Тропау Александромъ I ентовая шуба прожила у него 30 лѣтъ, т. е. 1820+30=1850 г.). Тарасовъ описалъ послѣдніе дни жизни Александра такъ точно, какъ запечатлѣлось это въ его памяти, съ подробнымъ перечисленіемъ бывшихъ тутъ докторовъ, съ указаніемъ

признаковъ болѣзни, способовъ лѣченія и самыхъ лѣкарствъ; наконецъ, онъ точно описалъ самую кончину, окружающихъ, свои чувства, отказъ отъ участія въ бальзамированіи „изъ сыновняго чувства“, при чемъ назвалъ всѣхъ участниковъ.

Вотъ что пишетъ Тарасовъ: „17 Ноября. Ночь Государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 удареній (поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала). Но къ вечеру положеніе Государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни“.

„18 Ноября. Ночь всю провелъ Государь въ забытіи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, Государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру Государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10 часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ Государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій. *Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.* Наступило 19 Ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи Государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи Императора“.

„Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и на св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умишительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ минутъ утра незабвенный и великій монархъ

мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!...“

„Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ ровно 12-ть часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты“.

Очевидно, человѣкъ много пережилъ и перечувствовалъ въ эти дни; можно-ли такъ лгать? Наконецъ, можетъ быть, имѣло бы смыслъ въ то время, для сохраненія тайны, одному изъ участниковъ этого событія такъ фальсифицировать свои Записки; но не надо забывать, что „Воспоминанія“ Д. К. Тарасова, его „признанія моей жизни“, писаны имъ исключительно для дѣтей его (чтобы они могли „почерпать изъ нихъ полезное и поучительное“) приблизительно въ срединѣ 1850-хъ гг., когда онъ былъ уже давно вдали отъ двора. Какой смыслъ имѣло бы ему, на старости лѣтъ, выдумывать, лгать, сочинять такую сложную по мелочности картину смерти Александра I, ему, человѣку, хотя рѣзкому, но прямому и религіозному? Для чего нужно это было, когда всѣ участники и свидѣтели давно сошли со сцены, большею частью уже умерли? Легче было бы, кажется, Тарасову совсѣмъ не писать своихъ воспоминаній, разъ онъ былъ участникомъ исчезновенія изъ Таганрога Александра I или совершителемъ подлога въ гробу императора, чѣмъ безцѣльно, бессмысленно сочинять небылицы и брать новый грѣхъ на душу.

Свѣряя всѣ мелочныя показанія Тарасова съ свѣдѣніями другихъ лицъ и, главное, остальныхъ врачей, мы поражаемся точностью и необыкновеннымъ согласіемъ всѣхъ свидѣтелей, писавшихъ въ разное время, по разнымъ поводамъ и разными способами (воспоминанія, записки, письма и т. п.). О ходѣ болѣзни согласно говорятъ императрица-супруга, докторъ Стофрегенъ, бывшій при государѣ съ 9 Ноября и писавшій брату 23 Ноября о кончинѣ государя Рейнгольдъ, и другіе. Современникъ со словъ доктора Рейнгольда рассказываетъ слѣдующее. „Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е Ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Штофрегень говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. На 18 Ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Но часы пробили 9, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка, и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія; онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогаго для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, слышались плачь и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной сталъ покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглядъ его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрыть глаза. Въ насъ снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ Императора, выразился при этомъ весьма характеристично: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“. Но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Въ Четвергъ, 19-го Ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ нескоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгой агоніей: она сопровождалась стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвѣстницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5 останавливалось вовсе; наконецъ, въ 10³/₄ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ; она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлѣчимымъ недугомъ, вынесетъ столько нечеловѣческихъ усилій, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природную крѣпость своего организма поддержи- ваетъ строгою и воздержною жизнію“.

Вскрытіе производилось 20 Ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Докторъ Стофрегень о результатахъ вскрытія говоритъ только, что оно подтвердило діагнозъ врачей; они не ошиблись. По его мнѣнію государь скончался отъ тифа.

Когда приняты были врачами, потерявшими надежду, уже послѣднія, энергическія мѣры, и къ головѣ государя было поставлено 30 пиявокъ, съ его многолѣтнимъ другомъ, княземъ П. М. Волконскимъ „сдѣлалось дурно; онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣлъ, подавленный горемъ“. 19 Ноября въ 10 часовъ утра этотъ наиболѣе близкій Александру I человѣкъ началъ писать письмо Милорадовичу: „Увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой немовѣрной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лѣкарства, всегда почти въ безпамятствѣ“. Загѣмъ письмо брошено, наступили послѣднія минуты, и въ 2 часа дня Волконскій продолжалъ на томъ же начатомъ письмѣ: „Россія осиротѣла; въ $\frac{3}{4}$ 11-го часа не стало Государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сомкнула губы, приняла послѣдній его вздохъ.... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте“.

Въ тоже время Дибичъ 19 Ноября писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать къ вашему императорскому величеству письмо сіе; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сіе выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ вашего императорскаго величества, обожаемый нами государь нашъ императоръ Александръ Павловичъ въ сіе утро кончилъ жизнь свою отъ тяжкой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе. По отправленіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Вилламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды; съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную“. („Истор. Вѣстникъ, № 7, 1907 г.).

Всѣ эти достопамятныя извѣстія сходятся одно съ другимъ; нѣтъ ни одного голоса, ни одного свидѣтеля, который становился бы въ противорѣчіе, даже въ подробностяхъ и мелочахъ. Кажется, ни одно историческое событіе не можетъ быть такъ прочно подкрѣплено различными свидѣтельствами очевидцевъ-современниковъ, писавшихъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, какъ фактъ смерти Александра I-го 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ. Въ любомъ судеб-

номъ процессѣ такое согласное показаніе свидѣтелей убѣдило бы судьей въ непреложности и дѣйствительности факта извѣстнаго событія.

Скептицизмъ въ исторіи особенно желателенъ, ибо требуетъ болѣе точной провѣрки и самого себя, и источниковъ, требуетъ изысканія и представленія все новыхъ положительныхъ данныхъ; но когда этотъ скептицизмъ переходитъ въ упорное отрицаніе, тогда онъ не только теряетъ свою цѣнность, но и дѣлаетъ невозможнымъ всякую борьбу съ нимъ; при этомъ условіи ни опровергнуть, ни доказать чего-либо нельзя, какъ нельзя убѣдить человѣка, говорящаго: „такъ-то такъ, а все-таки“.....

Чтобы покончить съ нашей замѣткой по поводу того скорѣе психологическаго, чѣмъ фактическаго матеріала, который обыкновенно выдвигается впередъ сторонниками легенды, остается еще сказать, что нельзя опровергать, конечно, субъективныя убѣжденія многихъ лицъ, особенно Сибиряковъ, въ томъ, что Ѳедоръ Козьмичъ былъ не кто иной, какъ императоръ Александръ I. Это уже дѣло вѣры, и эта вѣра въ Сибири очень крѣпка, что доказывается обиліемъ того повѣствовательнаго (при полномъ отсутствіи фактическаго и документальнаго) матеріала, который былъ собранъ Н. А. Лашковымъ (тоже Сибирякомъ, проникнутымъ при томъ большимъ пѣтетомъ къ предмету своихъ изысканій).

Еще послѣднее замѣчаніе. Часто указывается на посѣщеніе могилы старца въ Томскѣ многими высокопоставленными лицами. Думается намъ, однако, что это доказательство не имѣетъ большого значенія; легенду, конечно, знаютъ многіе, можетъ быть иныя вѣрятъ въ нее, но, конечно, никто точно не знаетъ и не имѣетъ доказательствъ того, кто былъ именно этотъ старецъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ, употребившій такъ много труда и стараній, чтобы разгадать „тайну“ Ѳедора Кузьмича, дѣлая свои предположенія о Семенѣ Великомъ, сынѣ Павла Петровича, прямо высказываетъ, что ему неизвѣстно, кто былъ Ѳедоръ Козьмичъ. Авторъ пока только вполне ясно и безповоротно доказалъ, что таинственный старецъ не былъ покинувшій престолъ Александръ Павловичъ. Посѣщается могила Ѳедора Козьмича, личность котораго связана съ поэтической легендой, какъ одна изъ немногихъ достопримѣчательностей Томска, а служатъ на ней панихиды потому, что народу въ Томскѣ памятна отшельническая, благочестивая жизнь старца, окруженная ореоломъ святости, чего никто и не отрицаетъ.

А. Голомбѣвскій.

УКАЗЪ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢВИЧА ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРУ ГРИГОРІЮ ВОЛКОНСКОМУ, 9 НОЯБРЯ 1708 ГОДА.

Божією поспѣшествующею милостію, мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель. Наше царское величество объявляемъ симъ Прилуцкого полку наказному полковнику и коменданту и полковой старшинѣ и казакомъ, обрѣтающимся въ замкѣ Прилуцкомъ.

По нашему великого государя нашего царского величества указу, посланъ въ замокъ Прилуцкой, для лучшей обороны отъ непріятельскаго наступленія и измѣнника Мазепы, съ войскомъ нашимъ Великороссійскимъ генераль нашъ маеоръ князь Григорей Волконской. Того ради мы великій государь повелѣваемъ вамъ онаго въ замокъ Прилуцкой впустить немедленно безо всякого супротивленія. Буде же кто дерзнетъ сему нашему великого государя указу учиниться ослушенъ и ево генерала нашего маеора впустить съ войскомъ во оной не похощетъ, и съ тѣми такожь учинено будетъ какъ и съ сѣдящими въ Батуричѣ, которые, ослушаясь нашего великого государя указу, войскъ нашихъ не впустили, взяты отъ нашихъ войскъ приступомъ, и которые противились тѣ побиты, а заводчики изъ нихъ казнены.

Данъ сей нашъ царского величества указъ за подписаніемъ нашея власныя руки и припечатаніемъ нашея царственныя печати въ Глуховѣ, Ноября въ 9 (9) день 1708-го (1708). *Царь Петръ.*

(Слѣды красной восковой печати съ изображеніемъ двухглаваго орла).

О письмахъ фельдмаршала князя Витгенштейна.

Lettres du feld-marechal prince de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg à sa femme, pendant les guerres Napoléoniennes. 1804—1814. Réunies par les soins de madame la princesse Léonille de Sayn-Wittgenstein-Sayn, née princesse Bariatinsky. Lausanne. 1805.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906 года, въ статьѣ г-на Пущило, читатели познакомились съ этимъ героемъ Отечественной войны, спасшимъ Петербургъ отъ непріятельскаго нашествія. Въ этой статьѣ изображена умиленная память его о своей матери. Въ настоящей книгѣ онъ привлекателенъ, какъ супругъ. Его добросердечіе, скромность въ увѣдомленіяхъ о блистательныхъ его побѣдахъ, сердечная простота, снисходительность въ сужденіяхъ о другихъ дѣятеляхъ грознаго времени, достойны вѣчной похвалы. Такъ какъ письма эти исполнѣ семейныя, то можно бы пожелать, чтобы оглашены были и отвѣтныя.

Императрица Елизавета Алексѣевна высоко цѣнила доблестнаго воина и прекраснаго человѣка, о чемъ свидѣлствуютъ ея письма къ супругѣ фельдмаршала („Русскій Архивъ“ 1906 г.), рожденной Снарской. Императоръ Александръ Павловичъ (на 8 лѣтъ моложе Витгенштейна) зналъ его съ ранняго своего дѣтства, такъ какъ будущій фельдмаршалъ, оставшись сиротою, жилъ у своей мачихи, графини Анны Петровны Бестужевой-Рюминой (невѣстки канцлера), рожденной княжны Долгорукой, а потомъ у ея родственницы Н. В. Салтыковой, мужъ которой былъ главнымъ воспитателемъ Александра Павловича. Витгенштейнъ выросъ въ Русской семьѣ, хорошо говорилъ порусски, любилъ Русскихъ солдатъ и былъ ими любимъ.

Государь цѣнилъ своего полководца и проливалъ на него обильныя щедроты своей милости. Отношенія бывали простыя. Напр. 6 Сентября 1813 г. Витгенштейнъ пишетъ: „Сегодня Государь прибылъ ко мнѣ на аванпосты и просилъ позавтракать. Я подалъ ему ветчины тобою присланной. Она очень хороша, и отъ нея осталось весьма немного. Пришли еще по первой оказіи“.

Книжка издана невѣсткою фельдмаршала, второю супругою его старшаго сына, княгинею Леонилой Ивановной, рожд. княжною Барятинскою. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ.

В. С. Россоловскій.

10-го Января 1908 года скончался въ Петербургѣ В. С. Россоловскій.

Лѣтъ 20 тому назадъ случилось мнѣ гостить у одного богатаго человѣка, жившаго въ огромномъ домѣ, наполненномъ всякаго рода драгоценностями (у него однихъ лампъ зажигалось болѣе 80). Довѣренное лицо завѣдывало, какъ домомъ, такъ и всѣмъ наличнымъ имуществомъ; у негоже были ключи какъ отъ денегъ, такъ и отъ бумагъ и вещей. Случилось несчастіе: это лицо постигла внезапная смерть. Благопріятель мой не зналъ, какъ ему быть. Полицейское начальство прислало ему на ночь сторожей. На другое утро онъ приходитъ ко мнѣ и сообщаетъ, что взялъ себѣ домоправителемъ *Вячеслава Сильвестровича Россоловскаго*.—И не побоялись вы? Вѣдь и имя, и отчество, и фамилія Польскія! А ну какъ онъ станетъ дѣйствовать по Польскому катихизису?—На слѣдующее утро новый домоправитель пришелъ ко мнѣ знакомиться, и одинъ взглядъ на него разсѣялъ мои опасенія: лицомъ своимъ онъ чрезвычайно напомнилъ мнѣ старшую дочь Сергѣя Тимофеевича Аксакова, Вѣру Сергѣевну. Россоловскій оказался роднымъ внукомъ младшей сестры Аксакова, Глуминой, племянникомъ знаменитаго спирита Юма и почтеннаго профессора Бутлерова. Мы скоро сблизились съ нимъ и затѣмъ оставались непрерывно въ дружескихъ отношеніяхъ, потому между прочимъ, что онъ завѣдывалъ бумагами близкаго мнѣ И. С. Аксакова. Отъ него я узналъ, что отецъ его былъ сосланъ въ Уфимскій край за участіе въ Польскомъ мятежѣ 1831 года; но въ Россоловскомъ не было ничего мятежнаго. Въ „Новомъ Времени“ сказано, что онъ происхожденія Татарскаго; вѣроятно, предокъ его былъ однимъ изъ Крымскихъ Татаръ, нѣкогда поселившихся въ Литвѣ.

П. Б.

- скомъ. С. Соловьева. 1783. I, (2), 149—155.
4918. Стихи на могильномъ камнѣ актера Садунова. 1869. (9), 1568.
4919. А. В. Ступинъ и его ученики. (Арзамасская школа живописи). Барона Н. Врангеля. 1906. I, (3), 432—448.
4920. Композиторъ Сѣровъ на Петербургской гауптвахтѣ. Сообщ. А. К. Жизневскимъ. 1883. III, (5), 202—203.
4921. О художникѣ Флавицкомъ. О. Глинки. 1905. II, (7), 480. Къ статьѣ о самозванкѣ Таракановой.
4922. М. С. Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. А. В. Щепкиной. 1889. I, (4), 529—554.
4923. Первое появленіе М. С. Щепкина на сценѣ Московскаго театра. В. Н. Рогожина. 1898. III, (12), 547—549.
4924. О духовномъ происхожденіи М. С. Щепкина. Щ. 1900. III, (11), 440—442.
4925. Два письма М. С. Щепкина къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. И. Шенрокомъ. 1889. I, (4), 555—558.
4926. Щепкинъ, Мочаловъ и Ленскій. 1885. I, (4), 660. Стихи Д. Т. Ленскаго о Мочаловѣ.
4927. А. С. Яковлевъ. Изъ исторіи Русскаго театра. А. Н. Сиротина. 1889. II, 399—424.
4928. Публичные концерты и балы въ столицахъ. С. Танѣва. 1885. II, (7), 442—446. Исторія музыки съ 1120 г. до послѣдняго времени.
4929. Къ исторіи театра въ Юго-западномъ краѣ. Черниговскія афиши 1828 года.—Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX в. (В. Калаша). 1901. II, (6), 244—247.
4930. Двухсотлѣтіе Русскаго сценическаго искусства и „Комедійной Московской школы“. Звенигородца. 1889. III, (12), 570—572.
4931. Къ статьѣ о двухсотлѣтіи комедійнаго дѣла въ Россіи. Г. Воробьева. 1891. III, (12), 570—571.
4932. Управление Русскими театрами въ Петербургѣ и Москвѣ. М. Н. Лонгинова. 1870. (8—9), 1551—1558.
4933. Нѣсколько замѣтокъ для исторіи Русскаго театра и для біографіи нѣкоторыхъ старинныхъ Русскихъ актеровъ. М. Н. Лонгинова. 1870. (7), 1348—1366. О Мих. Дм. Чулковѣ, Мих. Поповѣ, Татьянѣ Матв. Троепольской, Петрѣ Ал-сѣев. Плавильщиковѣ и Яковѣ Емьян. Шуперинѣ.
4934. Замѣтки къ первоначальной исторіи Русскаго театра. М. Н. Лонгиновъ. 1873. II, (10), 2042—2046.
4935. Артистическая семья. Къ исторіи Русскаго театра. А. Н. Сиротина. 1887. II, (7), 371—389. Вас. Ѳедот. Рыкаловъ.—Елис. Вас. Рыкалова.—Степанова.
4936. Любительскіе спектакли въ Москвѣ въ пятидесятихъ годахъ. Изъ воспоминаній отставнаго режиссера. С. Соловьева. 1874. I, (1), 203—222.
4937. Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 году. Сообщено К. М. Петровымъ, 1870. (4—5), 954—959.
4938. Старинная афиша маскарада въ Михайловскомъ дворцѣ (1844). 1884. III, (5), 59—64.
4939. Для исторіи Русскаго народнаго театра. (Аника воинъ и Смерть), съ предисловіемъ А. А. Котляревскаго. 1864. (10). 1091—1099.
4940. Маскарады въ столицахъ. (Матеріалы для исторіи). С. Танѣва. 1885. III, (9), 148—153. При Аннѣ Іоанновнѣ, Екатеринѣ Великой, Николаѣ Павловичѣ и Александрѣ Николаевичѣ.
4941. О пасторѣ Лонгѣ. 1863. (7), 576. Англійскій пасторъ.
4942. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. (Некрологъ). И. И. Жинзифова. 1864. (3), 329—334.
4943. Людовикъ XVIII-й въ Россіи. 1877. III, (9), 48—91.

- 4944.** Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго. К. И. Жинзифова. **1863.** III, 217—221.
- 4945.** Некрологъ Болгарина Саввы Влковича Филаретова. **1867.** (1). 118—119.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ *).

(Отзывы о Россіи).

- 4946.** Adams, Quiny. Memoirs of John. Edited by Charles Francis Adams. Vol. II. Philadelphia, 1874. **1875.** I (2), 236—237.
- 4947.** Aksakoff, Ivan. Condensé Spech of mr. London 1876. **1877.** I, (4), 453.
- 4948.** Arneht. Geschichte M. Theresiens. **1876.** I, (3), 298.
- 4949.** Arneht. Geschichte Maria Theresia's. Letzte Regierungszeit. Band 2. **1878.** I, (2), 186—187.
- 4950.** Арнольдъ, Артуръ. Черное море и Дунай. **1869.** (2), 034.
- 4951.** Atkinson, I. Bearington. An Art-Tour to the Northern Capitals of Europe. Lond. 1874. **1875.** I, (2), 245.
- 4952.** Barkley. Bulgaria before the War. Lond. 1877. **1878.** I, (2), 196—197.
- 4953.** Barry, Herbert. Ivan at Home, or Pictures of Russian Life, London, 1872. **1873.** I, (1), CXX.
- 4954.** Barry, Herbert. Russia in 1870, London, 1871. **1872.** (3—4), 753—754.
- 4955.** Barry, Herbert. Russian Metallurgical Works, Iron, Copper and Gold, London, 1870. **1871.** 4—5, 0968.
- 4956.** Beheim, Schwarzbach, Hohenzollernsche Colonisationen, Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 239.
- 4957.** Bernhardi. Geschichte Russlands u. der europäischen Politik in den I. 1814 bis 1831. Leipzig. 1877. **1879.** I, (2), 258.
- 4958.** Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815. Herausg. von E. von Colomb. Gen. Stuttgart, 1877. **1878.** I, (2), 187—188.
- 4959.** Boukharow, Dmitri. La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu' à nos jours. Amsterdam. 1876. **1877.** I, (4), 450.
- 4960.** Boulger, Demetrius. The Lief of Iakoob-Beg, Ameer of Kashar. London. 1878. **1879.** I, (2), 261.
- 4961.** Браунъ. Страна Тора. Лондонъ. 1867. **1868.** (2), 317—318.
- 4962.** Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Dreissig Jahre eines fürstlichen Frauenlebens, herausg. v. Ph. Walter. 2 Bände. Wien, 1877. **1878.** I, (2), 192—193.
- 4963.** Bryce, James. Transcaucasia and Ararat, being Notes of a Vacation Tour in the Autumn of 1876. Lond. 1877. **1878.** I, (2), 203.
- 4964.** Brüggén. Polens Auflösung. Culturgeschichtliche Skizzen aus den letzten Jahrhunderten der polnischen Selbstständigkeit. Leipzig. 1878. **1879.** I, (2), 258.
- 4965.** Burnaby, Fred. A ride to Khiva. Travels and Adventures in Centrl. Asia, London 1876. **1877.** I, (4), 449.
- 4966.** Calendar of State-Papers. Foreign Series, of the Reign of Elizabeth, 1556—1558, preserved in the State-Paper Department of Her Majesty's Public Record Office, by Allan Crosby. London, 1872. **1873.** I, (1) CXV—CXVI.
- 4967.** Carrington, George. Behind the scenes in Russia, Lond. 1874. **1875.** I, (2), 246.
- 4968.** Celestin. Russland seit der Abschaffung des Leibeigenthums. Laibach, 1875. **1876.** I, (3), 302—303.

*) Сообщаемы были К. П. Побѣдоносцевымъ. П. Б.

4969. Charles Williams. The Armenian Campaign. London. 1878. 1879. I, (2), 257.
4970. Codice diplomatico delle colonie Tauroliguri durante la signoria dell' Ufficio di S. Giorgio, ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom. I. Fasc. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova. 1871 (4—5), 0973—0974.
4971. Conversion de s. a. mad. la princesse Alexandrine de Dietrichstein, née comtesse de Schouwaloff. Paris 1879. 1880. I, 373—374.
4972. Correspondance de l' empereur Napoleon I. Томы 23 и 24. 1869. (2), 028—029.
4973. Correspondance du comte Panin avec le comte Rostopchin. 1876. III, (12), 432—436.
4974. Corry. Shadows of coming events. London 1876. 1877. I, (4), 448.
4975. Curiosità e Ricerche di storia Subalpina. (Никомеди Бианки). 1877. I, (4) 443—444.
4976. Dall, Will. Alaska and its Resources, Boston, 1870. 1871. (4—5), 0965.
4977. Dalton. Johannes von Muralt. Eine Pädagogen und Pastoren Gestalt der Schweiz und Russlands, Wiesbaden 1876. 1877. I, (4), 443.
4978. Де. Русское управление въ Польшѣ, съ разсказомъ о Польскомъ мятежѣ 1863 г. Лондонъ. 1868. (2), 320.
4979. Défense de Sébastopol. Ouvrage rédigé sous la direction du lieutenant général de Todleben. Pétersbourg. Uebersetzung aus dem Russischen. 1. Theil. 2. Bde 4 (I. IX и 917 S. mit Stein und Kupfertafeln und 10 lith Karten). Berlin, Mittler. 1866. (5), 773—776.
4980. Der Emancipationskampf des vierten Standes. 2 тома. Berlin, 1874—1875. 1876. I, (3), 304—305.
4981. Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. Band I. Leipzig, 1870. 1872. (3—4), 758—759.
4982. Dixon, W. Herpworth. Free Russia. London, 1870. 1871 (4—5), 0967—0968.
4983. Drei Bilder aus dem livländischen Adelsleben des XVI Jahrh. Leipzig. 1878. 1879. I, (2), 258.
4984. Duncker, Max. Aus der Zeit Friedrichs Wilhelm III. Leipzig, 1876. 1878. I, (2), 187.
4985. Дюре. Русскій портретъ. (Биографія дочери гр. Сперанскаго, Багреевой-Сперанской). Лейпцигъ. 1867. 1868. (2), 328.
4986. Дюси, Эдуардъ. Мѣсяцъ въ Росіи во время бракосочетанія Цесаревича. Лондонъ. 1867. 1868. (2), 317.
4987. Эккартъ. Черты общественнаго развитія въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Россіи за два столѣтія. Лейпцигъ. 1869. 1869. (2), 031—033.
4988. Eckardt. Livland im 18-ten Jahrhundert. 1 Band. Leipzig, 1876. 1877, I, (3), 422.
4989. Eckardt, Julius. Jungrossisch und altlivländisch-politische und culturgeschichtliche Aufsätze, Leipzig, 1871. 1872. (3—4,) 752.
4990. Eckardt, Julius. Modern Russia, Lond. 1869. 1871. (4—5), 0970—0971.
4991. Де ла Феррьеръ. Два года должностнаго пребыванія въ Петербургѣ. Рукописи, письма и историческіе документы, вывезенные изъ Франціи въ 1789 г. Парижъ. 1867. 1868. (2), 321.
4992. Фонтонъ, Ф. П. Воспоминанія. Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры Дунайской арміи въ 1828 и 1829 г. Лейпцигъ. 1862. 8°, 2 т. 1863. 172—174.
4993. Franzoz, K. E. Aus Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bucowina, Südrussland und Rumönien. Leipzig, 1876. 1877. I, (4). 417—418.
4994. Freeman, Edward. The Ottoman Power in Europe, its Nature, its Growth and its Decline, London, 1877. 1878. I, (2), 195—196.
4995. Gedenkblätter. Prag. 1874. (Памятные Листы,—изд. Франца

- Палацкаго, Прага, 1874). **1875.** I, (2), 241.
- 4996.** Geikie, A. Life of Sir Roderick Murchison, London, 1875, **1877.** I, (4), 444.
- 4997.** Gesellschaft, Neue Bielder aus Petersb. Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 246.
- 4998.** Comte Fedor Golovkine. La cour et le règne du Paul I-er. Portraits, souvenirs et anecdotes. Avec introduction et notes par S. Bonnet. Avec portraits. Paris, librairie Plon. 1905. 8°. **1905.** II, обл. (5-го вып.).
- 4999.** Grenzstein, A. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. Juriew 1899. **1901.** II, обл. (8-го вып.).
- 5000.** Grove, Crawford. The Frosty Caucasus etc. London, 1875. **1876.** I, (3), 305.
- 5001.** Guillardet, Fred. Mémoires sur la chevalière d'Eon. Paris, Dentu. **1868.** (2), 319.
- 5002.** Guthrie, Mrs. Through Russia, 2 vis. Lond, 1874. **1875.** I, (2), 243.
- 5003.** Hofmeister. Das europäische Russland. Militarische Landes und Volksstudien. Berlin 1876. **1877.** I, (4), 447.
- 5004.** Hochstetter, Ferd. Asien, seine Zukunftsbahnen und seine Kohlenschätze. Eine geographische Studie. Wien 1876. **1877.** I, (4), 448.
- 5005.** Howarth, Henry. History of the Mongols from the Nineteenth Century, London 1876. **1877.** I, (3), 423—424.
- 5006.** Гюппе. Обзоръ управленія Польской республики, Berlin, 1868. **1869.** (2), 026—027.
- 5007.** Ходзько, А. Coup d'oeil général sur la littérature russe depuis Pierre-le-Grand jusqu'à nos jours. M. Э. Шугурова. **1866.** (5) 771—773.
- 5008.** Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Kritisch nachgewiesen von Jos. und Germ. Jiricek. 1862. 8°. П. Гильтебрандта. **1863.** 269—270.
- 5009.** Joynville, C. Life and Times of Alexander I, emperor of the Russias. London, 1875. **1876.** I, (3) 297.
- 5010.** Johnstone, Munro Butler. A Trip up the Volga. Oxford, 1875. **1876.** I, (3), 303—304.
- 5011.** Joseph II und Leopold von Toskana. Ihr Briefwechsel, herausg. v. Alfred Retterson Arneth. 2 Bände. Wien. 1872. **1872.** (3—4), 765—771.
- 5012.** K. O. Friend or Foes? London. 1878. **1879.** I, (2) 257.
- 5013.** Karamzine. Lettres d'un voyageur Russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789—1790). Traduites du Russe; accompagnées des notes et d'une notice biographique sur l'auteur. Paris. Emile Mellier. 1867, XXIV et 364 pages. M. H. Лонгинова. **1867.** (3), 467—470.
- 5014.** Рѣдкая книга. Remarques sur la langue Russe et sur son alphabet. Avec des pièces relatives à la connaissance de cette langue, publiées et augmentées par Théodore Karjavine, ancien intèrprète pour Roi à la Martinique. A. Sant Pétersburg 1791. A. A. Титова. **1906.** I, (1), 156—157.
- 5015.** Kennan, George. Tent-Life in Siberia and Adventures among the Kozaks and other Tribes in Kautchatka and Northern Asia. London 1870. **1871.** (4—5), 0965—0966.
- 5016.** Knox, Thomas. Overland through Asia. London. **1872.** (3—4), 755—756.
- 5017.** Bibliografija Hrvatska Dio prvi. Tiskane knjige. Uredio. I. Kukuljevic Sakcinski. U Zagrebu. 1860. 8° II. A. Гильтебрандта. **1863.** 268—269.
- 5018.** Finnische Geschichte, Leipzig, 1874 (Коскинена), **1875.** I, (2) 242.
- 5019.** Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. 1—r Theil (Graz, 1874, 336 стр. **1875.** I, (2), 242.
- 5020.** La vie intime de Voltaire aux Délices et à Fernay, 1754—1778, d'

- après des lettres et des documents inédits, par Lucien Percy et Gaston Mangras, Paris, 1885. **1885.** II, (8), 585.
- 5021.** Landen. Die trinitarische Lehrdifferenz zwischend abendländischer und der morgenländischer Kirche. Eine dogmatgeschichtliche Untersuchung: Bonn 1876. **1877.** I, (4), 457—458.
- 5022.** Latham. Russian and Turk from a geographical, ethnological and historical Point of View. London. 1878. **1879.** I, (2), 256.
- 5023.** Aus meinem Leben. Von Louis Schneider, Berlin, 1879 **1880.** I, 374—376.
- 5024.** Lebscheid. Das Politische Testament Peters des Grossen. Berlin. 1870. **1872.** (3—4), 760—761.
- 5025.** Le Pays Thougou-Slave, son état physique et politique, Paris, 1874. **1875.** I, (2), 247.
- 5026.** Lorenzen, par. H. Hiort. Livre d'or des souverains, Paris 1895. К. А. Губастова). **1895.** III, (11), 405.
- 5027.** Lettre à m. H. de Treitschke à propos de quelques jugements sur l'église de Russie. Leipzig, 1874. **1875.** I, (2), 253.
- 5028.** Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760—1850. Extraits de ses archives. Publiés et annotés par le comte A. de Nesselrode. Paris. 2 vol. **1904.** II. (обл. 7-го выш).
- 5029.** Lindheim. Rusland in der neuesten Zeit. Wien 1876. **1877.** I, (4), 446.
- 5030.** Is Russia wrong? London. 1876. **1878.** I, (2), 189—190.
- 5031.** Lehmann, Max. Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig, 1875. **1877.** I, (3), 420.
- 5032.** Лескюръ. Секретная переписка о Людовикѣ XVI, Маріи Антуанетъ, о придворной и городской жизни. Парижъ 1866. **1868.** (2), 321—322.
- 5033.** Лоусъ. Вокругъ Кремля или кар-
тины жизни въ Москвѣ. Lond. 1868. **1869.** (2), 029.
- 5034.** Mac Gahan, I. A. Campaign on the Oxus and the Fall of Khiva. Lond. 1874. **1875.** I, (2), 249.
- 5035.** Martin, Theodore. The Life of H. R. H. the Prince-Consort. Lond. 1874. Smith, Elder and Co. **1875.** III, (2), 237; **1877.** I, (3), 422—423; **1878.** I, (2), 191.
- 5036.** Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum versionem latinam glossarium. Edidit Fr. Miklosich. Volumen primum, textum russico-slovenicum continens. Vindobonae. G. Braumüller. 1860. 8° II. А. Гильтебрандта. 1863. 268.
- 5037.** Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum, emendatum, auctum edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, Guilelmus Braumüller, 1862. 8° II. А. Гильтебрандта. 1863. 269—270.
- 5038.** Motley. Peter the Great, въ журн. North American Review 1845 г. и въ сборн. Essays from The North American Review, edited by Rice, Lond. 1879. **1880.** I. 378—380.
- 5039.** Мюррей, Амелія. Воспоминанія съ 1803 по 1837 г. London 1868. **1869.** (2), 027—028.
- 5040.** Noorden. Europäische Geschichte im 18 Jahrhundert, 1 Abth. Der Spanische Erbfolgekrieg, 2 Band. Düsseldorf, 1874, 592 стр. **1875.** I, (2), 238—239.
- 5041.** Замѣтки на воспоминанія Фридриха Великаго (Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse, Berlin, 1788). **1887.** II, (7), 307—309.
- 5042.** Oeuvres choisies de Pierre Tcha-daieff, publiées pour la première fois par le pr. Gagarin, de la compagnie de Jésus. Paris et Leipzig, chez A. Franck. 1862. 8°. М. Н. Лонгинова, **1863.** 270—272.
- 5043.** Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Berlin. 1877. **1877.** I, (3), 422.
- 5044.** Oncken, Wilhelm. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 2

- Band. Berlin. 1879. **1881**. I, 382—383.
- 5045.** Очерки Русской жизни прежде и послѣ освобожденія крестьянъ, изд. профес. Морли. Лондонъ. 1866. **1868**. (2), 320.
- 5046.** (Палацкій Францъ). Gedenklblätter. Prag, 1874. **1875**. I, (2), 241—242.
- 5047.** Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, T. 2. Berlin. 1879. **1880**. I, 376—378.
- 5048.** Palmer, M. The Patriarch and the Tsar. London, Trübner. (1876). **1878**. I, (2) 193—194.
- 5049.** Rome et Demetrius. Paris. 1879. **1880**. I, 383.
- 5050.** Popadopol Calimach, Alexandr. Sofia Paeeolog, nepòta Imperatului Constantin XII Paleolog, si Domnita Olena, filia Domnului Moldovei Stefan-cel-Mare. Anale Academici Romane, tom. XVII. **1896**. III, (обл. 10-го выш.).
- 5051.** Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege. Heransg. v. Alfred von Vivenot. Bd. 2. Wien. 1874. **1875**. I, (2), 239.
- 5052.** Ral, Edward. The Land of the North Wind, or Travels among the Laplanders and the Samoyedes, Lond., 1875. **1876**. I, (3), 304.
- 5053.** Ralstone, W. R. S., by, Early Russian History. Four Lectures., Lond. 1874. **1875**. I, (2), 237.
- 5054.** Prokech-Osten, comte. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne (1813—1828). Paris 1876. **1877**. I, (3), 421—422.
- 5055.** Rambaud, Alfred. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877. Paris. 1878. **1879**. I, (2), 257.
- 5056.** Ranke. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürst v. Hardenberg. 4 Bände. Leipzig, 1876. **1878**. I, (2), 185.
- 5057.** Rathery. Un gentilhomme francais au XVIII siècle. Paris, 1876. **1878**. I, (2), 188.
- 5058.** Rawlinson, H. England and Russia in the East. London, 1875. **1876**. I, (3), 308.
- 5059.** Roepell, Richard. Polen um die Mitte des 18 Jahrhundert. Gotha, 1876. **1877**. I, (3), 421.
- 5060.** Romanof, H. C. Historical Narratives, from the Russian. Lond. 1871 **1872**. (3—4), 758.
- 5061.** Roth, Henry Ling. A Sketch of the Agriculture and Peasantry of Eastern Russia. London. 1878. **1879**. I, (2), 262.
- 5062.** Rousset, M. C. Histoire de la guerre de Crimée. Paris, 2 vls, 1877. **1878**. I, (2), 190.
- 5063.** Russel, maior Frank. Russian wars with Turkey. London. 1877. **1878**. I, (2), 191.
- 5064.** Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, par Sabathier de Cabres. Berlin, Asher. 1862. 8°. **1863**. 537—541.
- 5065.** Sarauw, Chr. Russlands kommerzielle Mission in Mittelasien, Leipz. 1871. **1872**. (3—4), 756—757.
- 5066.** de Ségur, A. Vie du comte Rastopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris, 1872. **1873**. I, (1), CXVI—CXVII.
- 5067.** Schaefer. Geschichte der siebenjährigen Kriegs. Berlin. 1870. **1872**. (3—4), 761.
- 5068.** Schayler. Turkistan. Notes of a journey in Russian. Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Lond. 1876. **1877**. I, (4), 450—452.
- 5069.** Smith, Bosworth. Mohammed and Mohamedanism. 2 Edit. Lond. 1876. **1877**. I, (4), 450.
- 5070.** Shaw, Robert. Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar (formerly Chinese Tartary) and Return Journey over the Karakoram Pass. Lond. Murray, 1871. **1872**. (3—4), 757—758.
- 5071.** Sorel. La question orientale au 18-me siècle. Paris, 1878. **1879**. I, (2), 256—257.
- 5072.** The life and correspondence of

- A. P. Stanley. London 1893. **1894**. I, (3), 458—462.
- 5073.** Stied, Ludwig. Karl Ernst von Baer. Eine biografische Skizze. Braunschweig. 1878. **1879**. I, (2), 259.
- 5074.** Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christ. Friedr. v. Stockmaer, Braunschweig, 1872. **1873**. I, (1), CV—CIX.
- 5075.** Thilman, Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der Asiatischen Türkei. Leipzig, 1875. **1875**. I, (2), 244—245.
- 5076.** Tongini, C., Barnabite. The Pape of Rome and the Papes of the oriental orthodox Church. London, 1871. **1873**, I, (1), CIX—CX.
- 5077.** Trésor des pièces rares et curieuses, relatives à l'Histoire de la Russie, offertes aux bibliophiles Russes. **1873**. I, (1), CXIV—CXV.
- 5078.** Turnerelli, Tracy. Two Nights in a Launted House in Russia. A Christos Tale. Lond. 1873. **1875**. I, (2), 351—352.
- 5079.** Уимперъ, Фридерикъ. Путешествія и приключенія въ терри- торіи Аляскъ, бывшей Русской Америкъ и въ разныхъ частяхъ сѣвернаго берега Тихаго океана. Лондонъ. 1866. **1869**. (2) 033—034.
- 5080.** Шеферъ, Исторія Семилѣтней войны, Berlin. **1869**. (2), 025.
- 5081.** Russland unter Peter dem Grossen, nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's, herausg. v. Dr. Ernst Herrmann. Leipzig, 1872. **1873**. I, (CX—CXIV).
- 5082.** Wahl, O. W. The Land of the Czar, Lond. 1875. **1875**. I, (2), 245.
- 5083.** Wallace, Mackenzie. Russia. 2 vl. London. 1877. **1878**. I (2), 201—203.
- 5084.** Wardi. Serbien in seinen politischen Beziehungen, insbesondere zu Russland. Ein historischer Essay. Leipzig, 1877. **1879**. I, (2), 256—257.
- 5085.** Wassiltchikoff, A.. Liste alphabétique de Portaits Russes. 2 тома. **1875**. III, (12), 469—471.
- 5086.** Despatches, correspondence etc. of the duke of Wellington. London, 1877. **1878**. I, (2), 190.
- 5087.** Видаль, Донъ Франциска де Пауль. Современная исторія Оттоманской Имперіи, или о Восточной войнѣ, со времени вѣзда князя Меншикова въ Константинополь для разрѣшенія Турецко-Русскаго вопроса. Мадритъ. 1854. Священ. К. Кустодіева. **1869**. (5), 751—758.
- 5088.** Wood, Herbert, Major. The Shores of Lake Aral, London 1876. **1877**. I, (4), 445—446.
- 5089.** Wyllie. Essais on the External Policy of India, London 1876. **1877**. I, (4), 449.
- 5090.** Aus den Papieren des Ministers und Burggrafen von Marienburg Theodor von Schön. Berlin. 1876. **1878**. I, (2), 186.
- 5091.** Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz. Wien, 1877. **1878**. I, (2), 188—189.
- 5092.** Vambery, Hermann, ordentl. Professor der orientalischen Sprachen an der königl. Universität zu Pest. Russlands Machtstellung in Asien, eine historisch-politische Studie. **1872**. (3—4), 756.
- 5093.** The songs of the Russian People, as illustrative of Slavonic Mythology and Russian social Life. London. Ellis and Green. 1872. **1873**. I, (1). CXX—CXXII.
- 5094.** Telfer, Butchan. The Crimea and Transcaucasia, Lond. 1876. **1877**. I, (4), 446.
- 5095.** The Diary of H. M. the Shah of Persia during his Tour through Europe in 1873, transl. by Redhouse. Lond. 1874. **1875**. I, (2), 245.
- 5096.** The Correspondence of the Right Honorable William Wickham from the year 1794, edited, with notes, by his Grondson, W. Wickham. 2 v. London 1870. **1872**. (4—5), 0971—0973.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ И СТАТЬЯХЪ.

а) Въ „Русскомъ Архивѣ“.

- 5097.** Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ четвертый 1896. I. (3), 480.
- 5098.** Новооткрытая библиографическая рѣдкость: Алькоранъ о Магометѣ. П. А. Ефремова. 1888. I, (4), 644—646.
- 5099.** Аванасьевъ, А. Н. Народныя Русскія сказки. (Замѣтка). 1864 (1). 201.
- 5100.** О книгѣ И. П. Барсукова: Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій *** 1891. II, (7), 403—404.
- 5101.** Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Отзывы В. Васильевского и И. Помяловскаго. На обложкахъ 1889—1905 г.
- 5102.** Историческія статьи въ журналахъ не-историческихъ (Ю. П. Бартенева). На обложкахъ. 1895 и 1896.
- 5103.** О книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“ (изданіи П. Н. Батюшкова). А. Ѳ. Бычкова. 1890. III, 376—379.
- 5104.** Западнѣй край въ его историческихъ памятникахъ. Н. А. Попова. 1875. I, (2), 232—235. Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ „Имперіи“, изд. по высоч. повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, вып. 6-й.
- 5105.** Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. П. Н. Батюшковымъ. 1873. I. (1), СXXXVII—СXLIV.
- 5106.** Беллярминовъ, И. Элементарный курсъ Всеобщей и Русской исторіи. Преподавателя исторіи (Ш. И. Мельникова). 1873. I. (1), СXLIV—СLIV.
- 5107.** О смутномъ времени. Письма К. Н. Бестужева-Рюмина. Ю. и П. Бартенева. 1898. III, (11), 453—456.
- 5108.** Васильевскій. Византія и Печенѣги. Д. И. Иловайскаго. 1873. I. (3), 0425—0432.
- 5109.** Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Томъ пятый, съ портретомъ Н. К. Загряжской. У. Ш. 1895. I, (1), 156—160.
- 5110.** Волконская (ур. княжна Бѣлосельская), кн. Зинаида Александровна. Сочиненія. 1865. 8°. 1867. (2) 311—313.
- 5111.** „Архивъ Князя Воронцова“, 30 книгъ. Исторіографическая замѣтка. 1884. III, (5), 236—237.
- 5112.** По поводу статьи Греча о Плюшарѣ и объ Энциклопедическомъ лексиконѣ М. Н. Лонгинова. 1870. (10), 1940—1942.
- 5113.** Исторія перваго Энциклопедическаго лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ Н. И. Греча. 1870. (7 и 10), 1247—1272.
- 5114.** Объ изданіи Чепскимъ ученымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Езбергомъ газеты „Словѣникъ“. 1863. (2), 175.
- 5115.** По поводу записокъ кн. С. Г. Волконскаго. В. С. Иконникова. 1902. II, (6) 265—267.
- 5116.** Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. Начало Россіи. 1863. II, 171.
- 5117.** Вышеславцевъ, А. Очерки перомъ и карандашомъ изъ кругосвѣтнаго плаванія. 1863. 171.
- 5118.** Герценъ, А. Собраніе сочиненій. Томъ 1-й 1876. I, (3), 311.
- 5119.** Древній Русскій бытъ. Церковная трапеза и народный судъ. И. З. 1904. III, (11), 404—419.
- 5120.** Голицына, князя. Выдержки изъ дневника и переписки. 1869. (2), 028.
- 5121.** Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви Е. Е. Голубинскаго. А. А. Титова. 1903. I, (3), 425—429.

себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ вдвоемъ. Въ мое время два раза прїѣзжалъ въ Гимназію попечитель учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ, оба раза почти невзначай. Онъ не любилъ пышныхъ встрѣчъ, и онъ не допустилъ бы, на примѣръ, того, что бывало позднѣе, въ знаменитый объѣздъ Россіи графомъ Д. А. Толстымъ, въ одномъ изъ округовъ: на видномъ мѣстѣ гимназической залы, красовалась богато переплетенная книга *Histoire du Catholicisme en Russie*. Графъ Строгановъ обогатилъ нашу гимназическую бібліотеку отличными книгами, а много позднѣе, будучи Московскимъ генераль-губернаторомъ, перевзвалъ къ себѣ правителемъ канцеляріи нашего И. М. Родзевича.

Выражаемъ признательность нашу господину директору Рязанской Гимназіи Николаю Яковлевичу Самойловичу за доставленіе въ „Русскій Архивъ“ этой книги.

Курская Гимназія, основанная тоже первымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Завадовскимъ, будетъ праздновать въ этомъ году свое столѣтіе. Станемъ ждать и ея памятной книги. П. Б.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Лицейскіе стихи Пушкина по рукописямъ Московскаго Румянцовскаго Музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Малая 8-ка. 98 стр. съ виньетками.

Изящно изданная книжка, содержащая въ себѣ добросовѣстный трудъ по разбору и прочтенію черновой

подлинной тетради съ Лицейскими стихотвореніями Пушкина. В. Я. Брюсовъ оказалъ истинную услугу всякому, кто дорожитъ поэзіею Пушкина. Имъ неопровержимо доказано, что даже Академическое изданіе Лицейскихъ Пушкинскихъ стиховъ полно недосмотровъ и сдѣлано небрежно. Благодаря В. Я. Брюсову, мы теперь имѣемъ цѣлыхъ четыре стихотворенія Пушкина въ томъ видѣ, какъ они создались у него еще въ Лицеѣ. Позднѣе Пушкинъ переделывалъ ихъ и улучшилъ, но они и первоначально прекрасны. Каждый новый звукъ его лиры есть цѣнное пріобрѣтеніе родной поэзіи. Къ нему можно примѣнить сказанное имъ же про стихи Жуковскаго. Чтобы не пачкать рукописи, Жуковскій писалъ иногда на полоскахъ сдѣланныя имъ измѣненія и поправки и наклеивалъ ихъ на томъ, что прежде было имъ написано; но иной разъ, при чтеніи, преждее нравилось ему больше измѣненнаго, и однажды, читая стихи свои пріятелямъ, онъ сорвалъ ногтемъ наклейку и бросилъ ее подъ столъ. Пушкинъ полѣзъ туда, положилъ въ карманъ сорванную полоску и сказалъ: „что Жуковскій бросаетъ, то намъ дорого“.

Удивительно, отчего такой бібліографъ, такой знатокъ классической, Русской и Европейской поэзіи, какъ В. Я. Брюсовъ, уже заявившій себя работами по біографіямъ Пушкина, Баратынскаго, Тютчева, не состоитъ въ числѣ лицъ занимающихся въ Императорской Академіи Наукъ изданіемъ сочиненій великаго поэта. Пожелаемъ, чтобы онъ продолжалъ свои отлично удавшіяся разысканія и на остальныя произведенія Пушкина. П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

**Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ**.

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1908

4.

Стр.

465. Изъ записной книжки Коленкура (Наполеонова посла при нашемъ дворѣ). 1808.
476. Изъ Записокъ графа Филиппа Сегюра. Наполеонъ въ Россіи.
493. Изъ архива Н. Н. Новосильцева. Англійскіе миссіонеры и Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Библія изъ Англии.—Загадочный Англійскій генералъ.
524. Изъ писемъ А. П. Буниной къ М. Н. Семенову. 1823. Сообщилъ Н. Я. Гротъ.
536. Дѣло о разореніи общественныхъ садовъ въ Курскѣ. 1826. Сообщилъ С. Е. Кожуховъ.
541. Памяти Филарета митрополита Московскаго. Рѣчь Ю. П. Бартемева.
548. Успенскій соборъ въ Москвѣ. Устройство его отопленія. Протопресвитера В. С. Маркова.
583. Боевое крещеніе. 1877. Разсказъ А. А. Амоева.
619. Изъ Записокъ архіепископа Леониды. 1865 (И. Д. Чертковъ).
621. Письмо императрицы Маріи Александровны къ Н. А. Шторху по кончинѣ А. Г. Тройницкаго.
622. Екатерина Великая и Шведскій бракъ. (1796)
Внутри сорочки о Перепискѣ А. С. Пушкина.
Приложенъ 23 полулистъ Предметной Росписи «Русскаго Архива»
(Отзывы о книгахъ и статьяхъ.—Архивы.)

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива *прежнихъ* (до 1907) годовъ можно получать по 50 копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ «Предметная Роспись» даетъ возможность находить, въ какой книжкѣ находится искомая статья.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА.
Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова.

Томъ I-й (1815—1826). СПб. 1906. IV и 393 стр. Тоже. Томъ 2-й (1829—1832). СПб. 1908. XII, 399 и XII стр. 8-ка.

Въ разработкѣ минувшей Русской жизни вопліѣ отдѣлено нынѣ значеніе писемъ, этихъ минутныхъ, но животрепещущихъ показателей о времени и о лицахъ, которыя ихъ писали.

Помогая графу Л. Н. Толстому въ первомъ изданіи его „Войны и Мира“, мы указывали ему неосновательность въ изображеніи Кутузова (который яко бы ничего не дѣлалъ, читалъ романы и переваливался грузнымъ старческимъ тѣломъ сбоку на бокъ). Доставлены были графу для прочтенія тогдашнія письма Кутузова къ Д. П. Троицкому, исполненныя заботъ и попеченій. Графъ Толстой возразилъ: „въ письмахъ всё лгутъ“.

Конечно, не всё. Но отъ художника нечего и ждать полной правды исторической; онъ долженъ быть обязательно правдивъ только въ области изящнаго. Само собою разумѣется, что въ письмахъ бываетъ ложь односторонности, и отдѣльно взятыя, безъ поясненій, они могутъ ввести въ заблужденіе; но лица, поставленныя судьбою на виду, платятъ за свое высокое положеніе тѣмъ, что все имъ принадлежащее подвергается суду „къ соблазну жадной“ толпы. Такъ напр. въ многотомномъ изданіи всего чтò осталось своеручнаго послѣ Гёте, печатаются не только всё его письма, самыя ничтожныя, но даже перечни бѣлья, которое отдавалъ онъ мыть прачкѣ. Не безъ грѣха въ этомъ отношеніи и наша братья, архивисты. У

насъ этимъ грѣшили въ особенности Тихонравовъ и Шенрокъ относительно Гоголя, не внявъ его загробному негодованію. Таковое, пожалуй, испытываетъ и тѣнь Пушкина по поводу издаваемыхъ нынѣ его писемъ. Но эти письма совершенно особаго склада, и читатели могутъ только радоваться ихъ *полному* появленію въ печати, такъ какъ ими невольно зачитываешься.

Сколько намъ извѣстно, изданію писемъ съ отвѣтами на нихъ и вообще всей переписки первый у насъ примѣръ поданъ архіепископомъ Саввою: въ Запискахъ своихъ онъ приводитъ полученное письмо и вслѣдъ за нимъ помѣщаетъ свой отвѣтъ на него. Но самая дѣятельность высокопреосвященнаго Саввы не выходила изъ круга духовенства, тогда какъ Пушкинъ откликался на всякаго рода явленія современной ему жизни и чтò ни писалъ онъ, все запечатлѣно необыкновеннымъ его дарованіемъ.

В. И. Саитовъ возымѣлъ плодотворную мысль издать письма Пушкина вмѣстѣ съ тѣми, которыя онъ получалъ, и, благодаря этому, получается живая, разнообразная и поучительная картина, отъ которой оторваться жаль, особливо такому усердному любителю и почитателю Пушкина, какъ пишущій эти строки и теперь, благодаря двумъ этимъ книгамъ, узнающій про него много для себя новаго. Отмѣнно любопытны письма князя П. А. Вяземскаго. Онъ и его супруга княгиня Вѣра Феодоровна цѣнили Пушкина чрезвычайно и принимали сердечное участіе во всѣхъ его нуждахъ и невзгодахъ. Въ особенности княгиня была ему истиннымъ другомъ (онъ былъ у нея наканунѣ своего поединка и передалъ чтò ему предстояло на другой день). Беззавѣтнымъ его поклонникомъ является и П. А.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОЛЕНКУРА.

Людовикъ Коленкуръ (1773+1827) принадлежалъ къ числу наиболѣе преданныхъ своему императору Французскихъ генераловъ. Онъ прожилъ три года въ Петербургѣ Французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ и вель про себя нѣчто въ родѣ дневника, куда заносилъ доходившіе до него дворскія и городскія извѣстія, слухи и сплетни, равно какъ и то, что доходило до него изъ за предѣловъ Россіи, о дѣлахъ общеевропейскихъ. Коленкуръ далъ этимъ замѣткамъ кличку „говорять“ (on dit), и эти „говорять“ содержатъ въ себѣ немало любопытнѣйшихъ указаній; ибо далеко не все изъ его записей принадлежитъ къ празднымъ вымысламъ „къ соблазну жадной“ толпы: много наблюдалъ онъ лично; самъ же онъ былъ человѣкъ умный и достопочтенный, умѣвшій, подобно нашему Карамзину, до конца быть другомъ повелителю своему и вѣрноподаннымъ своей родины. Наполеонъ на островѣ св. Елены вспоминалъ про его преданность и правдивость. Онъ уговаривалъ не начинать похода въ Россію, не идти на Москву, и онъ же въ простыхъ санкахъ уѣзжалъ изъ Россіи вдвоемъ съ Наполеономъ (который покрылся Еврейскою кацавейкою для того, чтобы его не опознали).

Съ Россіею Коленкуръ познакомился еще въ 1801 году, когда первый консулъ посылалъ его на коронацію Александра Павловича. Получивъ имя герцога Виченцскаго, съ 1807 г., послѣ Тильзитскаго мира по 1811 годъ былъ онъ у насъ представителемъ Европейскаго владыки, и никто изъ пословъ ни до него, ни послѣ, не имѣлъ въ Россіи такого значенія, какъ Коленкуръ. Русскіе люди негодовали на угодливость, которую выказывалъ ему Государь. Въ великолѣпной обстановкѣ пріѣзжалъ онъ на дворцовую площадь или на Марсово поле для присутствованія при гвардейскихъ парадахъ. Покойный графъ Киселевъ рассказывалъ, что въ эти дни Александръ Павловичъ по нѣскольку разъ подбѣгалъ къ окну Зимняго дворца посмотреть, не ѣдетъ ли Коленкуръ и при появленіи его коляски посиѣшалъ внизъ, чтобы сѣсть на коня. И. Н. Скобелевъ (дѣдъ современнаго намъ героя), въ то время квартальный надзиратель Адмиралтейской части, нарочно сдѣлалъ какое-то затрудненіе такому торжественному поѣзду Коленкура на царскій смотръ и, благодаря этому, получилъ народную извѣстность еще до 1812 года. Въ Петербургѣ сначала считали

Коленкура участникомъ въ гибели герцога Энгіенскаго (изъ за которой началась наша первая несчастная война съ Наполеономъ); но нынѣ доказано, что это была клевета его враговъ.

Нижеслѣдующія выдержки переведены изъ VI-го тома „Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей“, изданнаго въ нынѣшнемъ году Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Къ этому тому приложенъ превосходный портретъ Коленкура. Записки его до сихъ поръ не изданы вполнѣ; можетъ быть, тому препятствуетъ его безпристрастіе по отношенію къ Россіи.

П. Б.

1808-й годъ.

13-го Января 1808. Нарышкина родила черезъ 9 мѣсяцевъ и 5 дней, считая со дня отъѣзда Государя; утверждаютъ, что происходилъ семейный споръ, на которомъ отцовство приписывалось племяннику Льву¹⁾. Онъ служить гусаромъ гвардіи и всегда въ Петербургѣ.

Много было генеральскихъ производствъ, но предметомъ разговоровъ служить одинъ только графъ Павелъ Строгановъ²⁾, безсмѣнный начальникъ медицинскаго департамента, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, ѣздившій въ Англію, казацкій офицеръ, получившій Георгіевскій крестъ за то, что отнялъ у маршала Нея повозку и привезъ въ Петербургъ бывшее въ ней его платье, теперь генераль-майоръ.

Говорятъ только о мундирахъ, бредятъ только платьями, въ которыхъ явятся на смотръ на праздникъ встрѣчи двухъ императоровъ³⁾; все на Французскій ладъ: генеральское шитье, офицерскіе эполеты, перевязи замѣнъ портупей у солдатъ, музыка во Французскомъ вкусѣ, Французскіе марши, Французскія ученья.

Частныя письма изъ Русскаго посольства, доставленныя курьеромъ

¹⁾ Знаменитая Поляка, Марія Антоновна, рожд. княжна Четвертинская (1779—1854) въ первомъ бракѣ за оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ (1764—1838). Говорится о рожденіи ея дочери Софьи, которую такъ любилъ императоръ Александръ Павловичъ. Племяннику ея мужа Льву Александровичу (двоюродному брату фельдмаршала князя Воронцова), который потомъ женился на Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой, было тогда 23 года отъ рожденія. Въ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича „Русскіе портреты“ помѣщенъ прекрасный портретъ Маріи Антоновны съ этою малюткой-дочерью. За 9 мѣсяцевъ и 5 дней до ея рожденія Государь уѣхалъ въ армію во время второй войны съ Наполеономъ.

²⁾ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1779—1817), товарищъ дѣтства Александра I. Послѣ Бородинской битвы, гдѣ онъ отличился, генераль-лейтенантъ. См. въ I-й кн. „Русскаго Архива“ 1887 г. статью про него и его учителя Ромма.

³⁾ Состоявшейся въ этомъ году только въ Сентябрѣ этого года въ Эрфуртѣ.

графа Толстого¹⁾). Онъ привезъ множество извѣстій изъ Англіи насчетъ Австрійской деклараціи²⁾). Они подняли вновь шумиху изъ-за брака императора Наполеона съ великою княжною Екатериною. Объ этомъ всюду разговоры, при чемъ увѣряють, что это только эхо Парижскихъ разговоровъ. О томъ же гласятъ письма изъ Вѣны и изъ Германіи.

Высшее общество потѣшается насчетъ гр. Толстой, жены посла. Впередъ, говорятъ, хочется смѣяться надъ ея смѣшными претензіями: высокая, сухая, мало свѣтская, безъ внѣшности, безъ ума, но между тѣмъ повелѣвающая супругомъ; такую рисуется она. Осталось у нихъ восьмеро дѣтей, изъ которыхъ четверо ее сопровождаютъ.

Полковникъ Чернышевъ³⁾, который повезъ графу Толстому депеши, во всѣхъ случаяхъ отмѣнно предупредителенъ и вѣжливъ ко всему, что имѣетъ отношеніе до Франціи. Онъ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ значительныхъ здѣшнихъ семействъ. Государь отличаетъ его.

Молодая Влодекъ считается послѣднею побѣдою Государя.

Когда императору Александру выражали сожалѣніе, что ему придется разстаться съ сестрою Екатериною, она сказала, что нечего жалѣть, такъ какъ она явится залогомъ вѣчнаго мира и что вѣдь ее выдадутъ за величайшаго изъ когда-либо жившихъ людей. Хотятъ, чтобы эта великая княжна не высказывала Французскому послу⁴⁾ такого предпочтенія, какъ она это дѣлаетъ; ибо это дѣло обусловленное и, какъ ей извѣстно, устроившееся. Императоръ Александръ лично велъ его въ Маѣ мѣсяцѣ⁵⁾. Императрица-мать была этимъ крайне довольна, чему приписывается ея предупредительность къ послу. Царствующая императрица приходила отъ этого въ ужасъ, особенно принцесса Баденская Амалия⁶⁾, которая съ досады больше недѣли сидѣла у нея запершись. Австрійскій посолъ и весь Вѣнскій дворъ были отъ этого въ

¹⁾ Графъ П. А. Толстой—нашъ посолъ въ Парижѣ. Супруга его, Марья Алексѣевна, рожд. княжна Голицына. См. о ней переписку Кристина съ княжною Туркестановою „Русскій Архивъ“ 1882 и 1883 г.

²⁾ Вѣроятно, это относится къ тому, что императоръ Францъ не захотѣлъ жениться на Екатеринѣ Павловнѣ.

³⁾ Александръ Ивановичъ, поздыѣ графъ и князь, по матери племянникъ Екатерининскаго любимца Ланскаго, по отцу въ родствѣ съ графами Чернышовыми, происходившими отъ денщика Петра Великаго Черныша (Малороссіянина).

⁴⁾ Коленкуръ нерѣдко говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

⁵⁾ Т. е. въ Тильзитѣ.

⁶⁾ Сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны.

ярости, такъ какъ эта княжна была отвергнута, когда умерла послѣдняя императрица *).

Бурдѣ, Голландскій повѣренный въ дѣлахъ, войдя въ первѣй въ кабинетъ его величества, вообразилъ, что передъ нимъ Государь, тогда какъ это былъ ген.-адъютантъ Уваровъ. Онъ усердно кланялся, подалъ свои грамоты и сталъ произносить рѣчь, и Уваровъ остановилъ его только при произнесеніи словъ: ваше императорское величество. Много смѣялись тому при дворѣ и въ городѣ.

28-го Февраля 1808 г. Великая княжна Екатерина сочетается съ императоромъ, ибо она учится танцовать Французскія кадрили.

Нарышкина снова торжествуетъ надъ своими соперницами. Мелкія заботы о балахъ и за ужиномъ продолжаются у нея; каждое утро ее встрѣчаютъ пять или шесть разъ то верхомъ, то въ саняхъ.

Общее мнѣніе противъ войны въ Финляндіи; но лица, находящія эту войну безнравственною, суть тѣже, которыя недавно считали нападеніе на Копенгагенъ весьма нравственнымъ. Многіе офицеры говорили съ кислою улыбкою офицерамъ состоящимъ при послѣ: „Вы проведете зиму въ Петербургѣ, а насъ посылаете въ Финляндію. Эту войну съ Швеціею ведемъ мы для вашего императора“.

Гвардейскій гусарь Левъ Нарышкинъ, которому слѣдовало быть съ полкомъ въ Павловскѣ, сказался больнымъ, гулялъ по Петербургу и съ утра до вечера ухаживалъ за своей тетушкою. Наскучивъ встрѣчать его повсюду, великій князь на дняхъ послалъ къ нему полковаго командира и своего врача, чтобы они удостовѣрились въ его болѣзни. Это было утромъ, мнимый больной находился дома, и посланные донесли только, что онъ не очень здоровъ. Часъ спустя, недомогавшій появился на общественномъ гуляньѣ, кланялся со всѣми и даже встрѣтилъ Государя, который, увидя его, отъ него отвернулся. Досадуя на то, что не привлекъ къ себѣ вниманія Государя, онъ нарочно помѣстился среди улицы, чтобы великій князь его замѣтилъ; но тотъ притворился, что его не видитъ и на утро послалъ за нимъ и приказалъ ему ѣхать тотчасъ же въ полкъ. Нарышкинъ не послушался и до того разсердился великаго князя, что тотъ велѣлъ ему идти подъ арестъ. Нарышкинъ не отдавалъ своей шпаги. Наконецъ его препроводили во дворецъ, гдѣ содержатся арестованные, и вечеромъ одинъ свитскій офицеръ отвезъ его въ полкъ. По законамъ онъ долженъ быть разжалованъ въ солдаты.

*) Императрица Марія Теодоровна очень хотѣлось выдать дочь за овдовѣвшаго императора Франца (см. письма къ ней изъ Вѣны отъ князя Куракина въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г.), который въ первомъ бракѣ женатъ былъ на ея сестрѣ Елисаветѣ.

Великій князь этого требуетъ; но надѣются, что прекрасные глаза, его очаровавшіе, обезоружатъ соперника, который его великодушнѣе. Этою исторіею занимались болѣе, нежели Финляндскою войною.

Весь Петербургъ видѣлъ двѣ прекрасныя колонны въ четыре фута вышины, два стола и полукруглую вазу въ три фута, всѣ изъ малахита; еще четырехугольную въ три фута, на подобіе древней, вазу изъ Сибирскаго порфира. На нихъ буква N. Все это сдѣлано въ Россіи и посылается императору Наполеону¹⁾.

16-го Марта 1808 г. Недавно ночью великій князь²⁾ пошелъ дозоромъ по постамъ. Всѣ офицеры, за исключеніемъ одного Французскаго выходца, спали раздѣтые; на слѣдующій день громкія жалобы, всѣ посажены подъ арестъ. Точно такой-же дозоръ нѣсколько дней спустя, а именно вчера; таже картина.

5-го Апрѣля 1808 г. Къ Нарышкиной вернулась вся ея сердечная власть. Толстой³⁾ и еще кое-кто умоляютъ Государя жить съ государыней, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы имѣть отъ нея ребенка. Напрасно: Государь рыцарски любитъ Нарышкину. Нѣсколько дней назадъ онъ мнѣ говорилъ, что ему совѣстно понапрасну обманывать ее и говорить, что онъ любитъ ее ради нея самой; что онъ ее любитъ ради ихъ двухъ дѣтей, а также потому, что она никогда не заговаривала съ нимъ о дѣлахъ и что между ними все было-бы кончено въ тотъ день, когда она вздумала-бы вмѣшаться въ государственныя дѣла⁴⁾. Онъ увѣрялъ меня, что такого рода жизнь вернула ему полное счастье, что эта связь, вдобавокъ, не въ тягость государству и что хотя она длится уже шесть лѣтъ, онъ никогда не могъ принудить Нарышкину принять деньги и проч. „Мнѣ жаль императора“⁵⁾ добавилъ онъ, „если онъ никого не любитъ. Это отдыхъ послѣ трудовъ. Бываютъ мгновенья, когда чувствуется потребность не быть болѣе государемъ, быть увѣреннымъ, что вы любимы, что заботы и ласки, вамъ оказываемыя, не

¹⁾ Въ Кремлевскомъ дворцѣ хранится и отвѣтный, наглый даръ Наполеона Александру Павловичу: это посуда Сервскаго фарфора съ изображеніями Наполеоновскихъ побѣдъ.

²⁾ Константинъ Павловичъ.

³⁾ Братъ нашего посла при Наполеонѣ, обергофмаршалъ графъ Николай Александровичъ (котораго обязанностью было между прочимъ будить Государя по утрамъ).

⁴⁾ Однако изъ писемъ А. Я. Булгакова (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года) видно, какъ много значила Марья Антоновна. Въ рукахъ нашихъ были письма къ одному изъ будущихъ министровъ отъ его матери: она требуетъ отъ него, чтобы для успѣха въ службѣ онъ ежедневно навѣщалъ Марью Антоновну.

⁵⁾ Т. е. Наполеона.

жертва, принесенная съ честолюбивой и корыстолюбивой цѣлями, и вотъ это-то и утѣшаетъ. Чернышевъ передавалъ мнѣ о красавицахъ-Парижанкахъ, между прочимъ, объ одной госпожѣ Казані; по его словамъ, это прелестнѣйшее созданіе, какое можно представить; императоръ къ ней привязывается. Все, чего я хочу, это видѣть его счастливымъ. Должно быть, онъ нуждается въ отдохновеніи, хотя онъ слишкомъ стоекъ, чтобы быть сантиментальнымъ. Наконецъ, все это для личности и ничего для дѣла: это не дастъ намъ ни тому, ни другому дѣтей, которыя обезпечили-бы будущность“.

Толки о разводѣ вновь поднялись съ извѣстіемъ о поѣздкѣ въ Испанію; въ тоже время императрица *) отправилась будто въ Этрурію. Продолжаютъ желать, чтобы выборъ императора Наполеона палъ на в. к. Екатерину. Въ обществѣ говорятъ даже, будто-бы спрошенный о вѣроисповѣданіи митрополитъ Платонъ заявилъ, что схизма не есть ересь и что спастись можно и въ Римскомъ католичествѣ, только не въ протестанствѣ. Этотъ вздоръ, я думаю, сочиненъ; потому что я, обезпокоенный Московскими ложными слухами, будто-бы дворянство вынесло изъ своего собранія бюсты императора, послалъ туда молодого человѣка изъ своего посольства узнать, что случилось, и митрополитъ прислалъ мнѣ съ нимъ банку оливокъ. Этотъ гостинецъ сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и на немъ-то, думается, построили этотъ вздоръ. Москва (хотя это гнѣздо недовольныхъ, прежнихъ и новыхъ) очень спокойна. Моего молодого человѣка принимали всюду очень привѣтливо, даже съ почетомъ; всѣ, безъ различія мнѣній, высказывались объ императорѣ Наполеонѣ съ удивленіемъ. Императоръ Александръ, говорятъ, черезчуръ добръ: онъ разошелся съ Англійей въ угоду Франціи, надѣясь имѣть Валахію, и вотъ теперь онъ ввязался въ эту войну, которая разоряетъ Россію и не даетъ намъ ни копейки, ибо мы не можемъ сбывать своихъ производствъ; Франція не желаетъ уступать ему этой области дешевле, чѣмъ цѣною захвата Пруссіи, цѣною національнаго безчестья. Сравниваютъ Екатерину съ Александромъ; иные, болѣе благоразумные, не забыли царствванія Павла и благословляютъ то. Вотъ Московскія рѣчи. Бюсты во всѣхъ домахъ; но мнѣ сообщено, что ихъ уносили. Рекомендаціи, коими я моего посланца снабдилъ къ прежнимъ знакомымъ, принимались очень хорошо. Онъ пробылъ въ Москвѣ пять недѣль; всѣ его донесенія для меня успокоительны.

7-го. Об.-полицмейстеръ Эртель замѣненъ генер. Балашовымъ, о которомъ говорятъ много хорошаго. Ко всему примѣшиваютъ Французовъ, и говорятъ, что это произошло по настоянію Французскаго посла,

*) Жозефина.

такъ какъ Эртель не любитъ Французовъ и во время войны худо съ ними обращался. Нѣкая Фридрихсъ, Француженка, жена фельдъегеря и съ годъ любовница великаго князя, родила мальчика. Онъ велѣлъ перевезти его къ себѣ во дворецъ, и сама императрица-мать позаботилась о матери. За нею ухаживаютъ во дворцѣ великаго князя, и онъ въ восхищеніи.

Младшій изъ сыновей находящагося въ Парижѣ герцога Ольденбургскаго пріѣхалъ сюда 26-го (Марта). Онъ родственникъ царскому семейству по отцу и по матери, и его помѣстили при дворѣ. Французскій посолъ шутя спросилъ графа Румянцова передъ обѣдомъ 10-го числа, не это ли князь Сербскій, о которомъ онъ подумывалъ. Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и что Греческое исповѣданіе не допускаетъ браковъ между родными, но что бывало немало разрѣшеній.

Много толковали про указы о чинахъ; но въ кругахъ мыслящихъ гораздо больше разговоровъ про устройство университетовъ, въ особенности о кафедрѣ богословія.

19-го Іюня 1808 г. Мамзель Жоржъ¹⁾ много говорила объ императорѣ Наполеонѣ, увѣряя, что въ продолженіи двухъ лѣтъ она ему нравилась. По ея словамъ, она была безумно въ него влюблена и оставалась все то время ему вѣрна. Съ тѣхъ поръ она была близка съ герцогомъ Бергскимъ²⁾, герцогомъ Вюрцбургскимъ и, наконецъ, съ Бенкендорфомъ, за котораго, по ея утвержденію, выходитъ за-мужь.

24-го Іюня 1808 г. Пріѣхавшая къ величайшему изумленію всѣхъ мамзель Жоржъ сказала, что заплатила тысячу экю³⁾ за паспортъ. Ждутъ Бенкендорфа⁴⁾, который долженъ явиться какъ курьеръ съ первыми депешами; такъ какъ онъ жилъ съ нею, то думаютъ, что она предприняла поѣздку, чтобы не разставаться съ нимъ. Онъ далъ ей письмо къ своему отцу въ Ригѣ; она передала его проѣздомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, она желаетъ выйти за него замужь, ибо у нея не можетъ быть ни намѣренія, ни надежды выступить въ театрѣ, гдѣ не ставятъ трагедій.

¹⁾ Маргарита Жозефина Веймаръ (род. 1786 г., сконч. 1867 г.) извѣстная подъ именемъ „мамзель Жоржъ“, трагическая актриса. Наполеонъ жилъ съ нею еще въ 1806 г.

²⁾ Мюратомъ, зятемъ Наполеона.

³⁾ Талеровъ?

⁴⁾ Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, при Николаѣ шефъ жандармовъ.

7-го Юля 1808 г. 2-го Юля увѣряли о смерти Англійскаго короля ¹⁾ и о томъ, что полномочный министръ для заключенія мира ²⁾ прибылъ въ Калѣ.

Много смѣялись надъ письмомъ оберкамергера Ш.... къ Государю, въ которомъ тотъ просилъ у него четырехъ милостей: во-первыхъ, не состоять на придворной службѣ до поправленія здоровья, между тѣмъ, при желаніи, на поклонъ къ ихъ величествамъ ѣздить; во-вторыхъ, не бывая при дворѣ, совершать прогулки и выѣзжать по своимъ дѣламъ; въ-третьихъ, считаясь для службы больнымъ, бывать на обѣдахъ и на спектакляхъ у императрицы-матери; наконецъ, чтобы эти льготы не помѣшали Государю оказывать ему и другія милости, буде онъ сталъ-бы въ таковыхъ нуждаться. *Согласенъ безъ ущерба для другихъ*, написалъ въ отвѣтъ Государь.

Прекрасная Нарышкина ѣздила на богомолье въ монастырь за 80 верстъ отъ Петербурга ³⁾ возблагодарить Небо за исцѣленіе дочери.

16-го Юля 1808 г. Императоръ Александръ отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю совершаетъ любимыя прогулки въ Парголово (въ 3 верстахъ отъ Петербурга). Часто онъ ходитъ окольными путями и чрезъ поля. Нѣсколько дней назадъ, крестьяне, недовольные тѣмъ, что топчаты ихъ хлѣбъ, вырыли ямы и, не зная, кто ихъ топчетъ, принесли жалобу. Объ этомъ донесли, и Государь велѣлъ ихъ вознаграждать.

Императрица-мать очень не одобряла Бенкендорфа, который увѣряетъ всѣхъ, что онъ и не думаетъ жениться на мамзель Жоржъ, а проситъ только отправить его въ Финляндскія войска, желая заслужить тамъ чинъ полковника, на что недавно изъявлено Государемъ согласіе.

Продолжаютъ жаловаться на странность военнаго министра Аракчеева. Онъ посадилъ въ крѣпость и отдалъ подъ судъ одного изъ поставщиковъ арміи. По его настоянію устраненъ графъ Ливенъ, занимавшійся дѣлами по войнѣ. За тѣмъ онъ уволилъ также князя Волконскаго, а позавчера услалъ въ пограничную армію одного флигель-адъютанта за то, что тотъ спалъ въ то время, какъ Государь ѣздилъ на пожаръ (горѣло зданіе строящейся больницы Вдовьяго дома). Молодежь нѣсколько поуспокоилась; но такая странность не согласуется

¹⁾ Георгъ III, впавшій снова въ неизлѣчимую душевную болѣзнь. Это извѣстіе было невѣрное: король прожилъ до 1820 года.

²⁾ Англій съ Францією; миръ не состоялся.

³⁾ Тихвина пустынь?

со снисходительностью, оказанною молодому Нарышкину, который не послушался великаго князя. Объ этомъ кричать, но не громко, потому что министръ въ силѣ.

Изданъ указъ о производствѣ въ чины по выбору; полковники предлагаютъ производить офицеровъ до капитанскаго чина. Эта перемѣна произвела много говору.

27-го Іюля 1808 г. Частныя письма изъ Вѣны миролюбивы, также, по слухамъ, и настроеніе общества.

Бенкендорфъ не женится на мамзель Жоржъ. Она ходатайствовала о поступленіи на службу, чего и добилась: поэтому, 24-го играла на сценѣ въ Павловскѣ у императрицы-матери.

Дюпоръ пріѣхалъ изъ Вѣны 25-го и явился во Французское посольство какъ Французъ и путешествующій оперный артистъ. Посоль не принялъ его. Приглашеніе его еще не рѣшено.

Государь видѣлъ въ Павловскѣ мамзель Жоржъ. Онъ нашелъ ее прелестной, но блѣдной, и на парадѣ обратился къ послу съ словами: „Это принадлежность императора. Жаль, что ей приходится здѣсь играть съ плохими лицедѣями: она испортится, станетъ бесполезной и очутится не причемъ въ 6 недѣль, а въ нуждѣ, можетъ быть, черезъ 3 мѣсяца. Она безъ ума отъ Бенкендорфа, у котораго ничего нѣтъ и которому не позволять на ней жениться. Миѣ жаль ея. Нужно быть сострадательнымъ къ ней, г. посолъ!“— „Мы не нуждаемся въ лицедѣяхъ, и Франція населена настолько, что не побѣжитъ за дезертирами“, былъ отвѣтъ.

Нарышкина въ тревогѣ, такъ какъ, по слухамъ, Государь нашелъ мамзель Жоржъ въ его вкусѣ, и сообщилъ ей объ этомъ.

9-го Августа 1808 г. Г-жа Мартѳовская, одна изъ наперсницъ Нарышкиной, поселилась въ Петергофѣ въ хижинѣ Англійскаго сада; тамъ были свиданія.

Утромъ третьяго дня Государь пилъ чай въ Петергофѣ у г-жи Северинъ, красивой, молодой супруги Нѣмецкаго купца: это та, что живетъ въ Парголовѣ *).

*) Кажется, это мать Дмитрія Петровича Северина (что былъ нашимъ посланникомъ въ Баварію). Нѣкогда Пушкинъ писалъ ему: „Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ“. Овдовѣвъ, Северина жила въ Москвѣ, гдѣ была наперсницею холостяка И. И. Дмитриева, который взялъ подъ свое покровительство ея сына и звалъ его *mon pupille*.

Нарышкина перестала принимать своего шурина ¹⁾, благодаря появлению мамзель Жоржъ, которую она обвиняетъ въ наущничествѣ императрицѣ-матери. Работаютъ надъ примиреніемъ, но миръ не возстановленъ.

5-го Ноября 1808 г. В. князя Константина думаютъ сдѣлать королемъ Польскимъ. Говорятъ, что императрица на третьемъ мѣсяцѣ беременности. Нарышкина, ѣздившая въ Гродну, въ отсутствіе Государя, подъ предлогомъ повидаться со своей семьей, а на самомъ дѣлѣ заставить Государя вернуться ²⁾ черезъ этотъ городъ, чтобы увидѣть ее, не достигла цѣли. Съ своей стороны, она не захотѣла отправиться въ Ригу, гдѣ ей указывалось свиданіе. Ея отсутствіе возстановило въ правахъ государыню. Однако Польшку ждутъ черезъ недѣлю, и всѣ думаютъ, что она будетъ принята хорошо.

* * *

По возвращеніи изъ Эрфурта государь ³⁾ остановился въ Гатчинѣ у матери только на три-четверти часа. Онъ пріѣхалъ въ городъ въ 2 часа по-полуночи и тотчасъ вошелъ къ царствующей государынѣ, которая была въ постели.

По слухамъ, онъ былъ довольно сухъ съ матерью, которой писалъ изъ Веймара (чтобы намекнуть на ея страхи): „Сегодня мы оставили Эрфуртскую крѣпость, и съ сожалѣніемъ объ императорѣ Наполеонѣ. Я вамъ пишу изъ Веймара“. Графъ Толстой, которому, какъ увѣряютъ, императрица-мать сказала при отъѣздѣ, что онъ отвѣтитъ Богу и Россіи за отъѣздъ Государя и за это путешествіе, по возвращеніи не вошелъ въ покои императрицы, которая удивилась тому и послала за нимъ въ переднюю, гдѣ онъ оставался. — „Почему вы не вошли, любезный графъ, какъ дѣлали прежде?“ — „Потому что я не забылъ вечера, когда мы уѣзжали“. — „Не стоить говорить объ этомъ, возразила она; ошибки всегда возможны. Александръ видѣлъ лучше меня. Я мать, мой безпокойства естественны; но я всегда съ удовольствіемъ смотрю на вѣрныхъ слугъ Государя. Онъ возвратился, прошлое надо забыть“.

¹⁾ Т. е. Александра Львовича Нарышкина. Онъ былъ директоромъ императорскихъ театровъ.

²⁾ Изъ Эрфурта (куда ѣздила и Коленкуръ).

³⁾ Знаменитое свиданіе въ Эрфуртѣ происходило въ Сентябрь 1808 года. Не только въ Берлинѣ, но и у насъ опасались за судьбу Государя: Наполеонъ могъ поступить съ нимъ какъ съ Испанскимъ королемъ. Отъ „нечестиваго Корсиканца“ (infâme Corse), какъ звалъ Наполеона гр. С. С. Воронцовъ, всего можно было ждать.

15—23-го Ноября 1808 г. Знатныя семейства недовольны бракомъ великой княжны Екатерины съ принцемъ Ольденбургскимъ. Дѣти ихъ (говорять они) будутъ занимать большія должности. Чтò имъ дѣлать въ государствѣ, въ какомъ рангѣ они будутъ состоять? Къ чему это Нѣмецкое родоначаліе между трономъ и ними?¹⁾ Другіе-же видять тутъ дѣло честолюбія императрицы-матери, предлагающей націи дорогое для Русскихъ имя, чтобы, съ помощью его уравновѣситъ и въ случаѣ нужды замѣнить вліяніе своего сына въ государствѣ. Принцъ малъ ростомъ, невзраченъ, худъ, въ прыщахъ, говоритъ невнятно. Принцесса Амалія увѣряла кого-то, что великая княжна была влюблена въ него; другіе-же думаютъ, что она играетъ этимъ чувствомъ съ досады, что не удалось выйти за кого-то другого. Ея мать въ неистовствѣ оттого, что это разстроилось²⁾ въ Мюнхенѣ.

9-го Декабря 1808 г. Бенкендорфъ уѣхалъ въ Финляндію. Нарышкинъ, мужъ прелестницы, занялъ его мѣсто у мамзель Жоржъ.

Государь собиралъ всѣхъ военныхъ, офицеровъ и солдатъ, на праздникъ военнаго ордена Св. Георгія. Всего собралось въ дворцовыхъ залахъ числомъ до 1,365. Послѣ обѣдни пляски посреди этой военной группы. Присутствовали императорская фамилія и весь дворъ, также какъ и Французскій посоль, котораго Государь самъ пригласилъ. Это единеніе пожалованныхъ орденомъ солдатъ съ офицерами, хотя и въ порядкѣ заслугъ каждаго, вызвало много пересудовъ, все равно какъ допущеніе Финскихъ депутатовъ въ театръ Эрмитажа, куда также допущены были и выборные отъ крестьянъ.

¹⁾ Опасныя вздорныя: три Ольденбургскія поколѣнія принесли Россіи великія услуги.

²⁾ Императоръ Францъ вмѣсто Екатерины Павловны женился на принцѣ Баварскаго дома.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА*).

Наполеонъ въ Россіи.

До Лядъ всѣ мѣстечки казались намъ скорѣе Еврейскими, чѣмъ Польскими. Литовцы бѣжали иногда при нашемъ приближеніи, Евреи же оставались: ничто не могло бы побудить ихъ покинуть свои жалкія жилища. Ихъ можно было узнать по картавому произношенію, по торопливому и изворотливому обороту рѣчи, по живости движеній и по цвѣту лица, разгоряченному низкой страстью къ наживѣ. Особенно обращали на себя вниманіе ихъ жадные пронзительные взгляды и вытянутыя заостренныя лица, которыхъ не можетъ сдѣлать привѣтливыми злобная и вѣроломная улыбка. Ихъ гибкая и тощая фигура, торопливая походка, бородка, по большей части рыжая, длинные кафтаны съ кожаными поясами: все, кромѣ грязи, отличаетъ ихъ отъ Литовскихъ крестьянъ; все въ нихъ изобличаетъ народъ опозоренный. Кажется, что они покорили Польшу, размножаясь въ ней и высасывая всѣ ея жизненные соки. Въ былое время ихъ вѣра, а теперь воспоминаніе объ осужденіи, бывшемъ слишкомъ долгое время всемірнымъ, сдѣлало Евреевъ врагами челоувѣчества; прежде они нападали съ оружіемъ въ рукахъ, теперь дѣлаютъ тоже самое хитростью. Въ Россіи питаютъ отвращеніе къ этому племени, можетъ быть, потому, что Евреи чуть не иконоборцы, тогда какъ Русскіе доводятъ поклоненіе образамъ до идолопоклонства. По суевѣрію ли, или боязни соперничества, но Русскіе запретили Евреямъ вѣздъ въ Россію, и тѣ вынуждены съ безсильной ненавистью сносить презрѣніе Русскихъ. Но еще большую ненависть возбудило въ нихъ наше разграбленіе. Всѣми ненавидимые, шпіоны обѣихъ армій, изъ мести или страха, Евреи продавали одну армію другой, смотря по обстоятельствамъ, и потому еще, что продаютъ рѣшительно все. Тагъ какъ за Лядами начинается исконная Русь, то Евреи намъ болѣе не встрѣчались. Взоры наши отдохнули отъ ихъ отвратительнаго присутствія; за то другія нужды заставили о нихъ пожалѣть: сожалѣли объ ихъ дѣятельной и промышленной корысти, благодаря которой за деньги можно было все отъ нихъ полу-

*) См. выше стр. 436.

чать; сожалѣли объ ихъ искаженномъ Нѣмецкомъ нарѣчїи, единственномъ, понятномъ для насъ въ этихъ пустыняхъ языкѣ, на которомъ всѣ они говорятъ, нуждаясь въ немъ для торговли.

„Все готовится къ сраженію. Я выиграю его, и тогда мы увидимъ Москву“, сказалъ Наполеонъ. Принцъ Евгеній на это промолчалъ; на вопросы же маршала Мортъе, при выходѣ его отъ императора, принцъ отвѣтилъ: „Москва насъ погубитъ!“ И такъ, начинали уже порицать дѣйствія Наполеона. Дюрокъ, самый сдержанный изъ всѣхъ, другъ и наперсникъ императора, во всеуслышаніе говорилъ, что не предвидитъ времени нашего возвращенія. Однако такъ открыто говорили только между собой, ибо чувствовали, что разъ рѣшеніе принято, все должно содѣйствовать его исполненію и чѣмъ положеніе становилось опаснѣе, тѣмъ болѣе требовалось мужества; а потому одно слово, могущее расхолодить рвеніе, было бы уже измѣною. Вотъ почему опровергавшіе императора своимъ молчаніемъ или даже словами въ его палаткѣ, выйдя изъ нея, казались преисподненными довѣрія и надеждъ. Это было для нихъ дѣломъ чести, толпа же приписывала это лести.

Когда императоръ узналъ, что Смоленскъ окончательно занятъ его войсками, что пожаръ почти потушенъ, когда дневной свѣтъ и многія донесенія достаточно его озарили, когда наконецъ онъ увидѣлъ, что здѣсь, какъ у Нѣмана, какъ въ Вильнѣ и въ Витебскѣ, манящій его призракъ побѣды, который онъ въ воображеніи почти держалъ въ рукахъ, опять отъ него ускользаетъ, онъ сталъ медленно направляться къ главному мѣсту своего безплоднаго завоеванія.

По своему обыкновенію, императоръ сперва объѣхалъ поле битвы, чтобы опредѣлить значеніе приступа, заслугу оказаннаго сопротивленія и обоюдныя потери. Онъ нашелъ это поле покрытымъ множествомъ убитыхъ Русскихъ и малымъ числомъ нашихъ. Трупы большею частью были раздѣты, въ особенности Французовъ, которыхъ можно было узнать по ихъ бѣлизнѣ и по меньшей, чѣмъ у Русскихъ, костлявости и мускулистости. То былъ печальный смотръ мертвымъ и умирающимъ, въ которомъ было тяжело принимать участіе и отдавать отчетъ. О страданіи Наполеона можно судить по его раздражительности и по искажившимся чертамъ его лица; но политика была его второю природою: она быстро заставляла его сдерживаться.

Такой подсчетъ убитыхъ, на другой день послѣ сраженія, былъ столь же обманчивъ, сколь отвратителенъ; большинство нашихъ труповъ уже успѣли убрать, оставивъ на виду только непріятельскіе; мѣра эта была принята въ предупрежденіе тягостнаго впечатлѣнія на нашихъ

солдаты и по вполне естественному желанію скорѣе подобрать и спасти своихъ умирающихъ и отдать послѣдній долгъ своимъ умершимъ прежде, чѣмъ подумать о непріятельскихъ.

Несмотря на это, императоръ объявилъ, что его потеря наканунѣ была гораздо меньше, чѣмъ у Русскихъ; что завоеваніе Смоленска дѣлало его хозяиномъ Русскаго солончака и что его министръ государственныхъ доходовъ могъ рассчитывать на лишніе 24 милліона. Невѣроятно и неправдоподобно, чтобъ онъ могъ предаваться подобному заблужденію; а между тѣмъ казалось, будто на этотъ разъ онъ примѣнилъ къ себѣ ту силу внушенія, которою такъ широко умѣлъ пользоваться по отношенію къ другимъ.

Продолжая свой осмотръ, Наполеонъ подѣхалъ къ однимъ изъ воротъ крѣпости, противъ предмѣстья, расположеннаго на правомъ берегу Днѣпра и еще занятаго Русскими. Тамъ, окруженный маршалами Неемъ, Даву, Мортъе, фельдмаршаломъ Дюрокомъ, графомъ Лобъ и еще однимъ генераломъ, онъ сѣлъ передъ избой на цыновку, не столько въ цѣляхъ наблюденія за непріателемъ, сколько потому, что чувствовалъ потребность облегчить себѣ сердце отъ давившей его тяжести, ища въ угодливости своихъ генераловъ или въ ихъ усердіи ободренія противъ событій и противъ самого себя.

Онъ говорилъ долго, горячо, непрерывно. „Какой позоръ для Барклая! Безъ битвы отдалъ главный городъ древней Руси! А между тѣмъ какое поле битвы представлялось здѣсь для него! Какъ выгодно оно было для него! Укрѣпленный городъ, на который можно опереться въ случаѣ пораженія, этотъ городъ и рѣка приняли бы и скрыли его потери. И какого онъ имѣлъ противника! Армію, правда, большую, но стѣсенную слишкомъ узкимъ пространствомъ, имѣвшую для отступленія однѣ пропасти. Она сама какъ бы стала подъ его удары. У Барклая не достало только рѣшимости. И такъ, все покончено съ Россіей: армія ея существуетъ не для защиты городовъ, а какъ свидѣтельница ихъ паденія. На какомъ же, болѣе благоприятномъ мѣстѣ, Барклай, наконецъ, остановится? Какую позицію рѣшится онъ отстаивать, разъ отданъ Смоленскъ, городъ имъ же названный святымъ и укрѣпленный, этотъ ключъ Москвы, оплотъ Россіи, пресловутая могила Французовъ? Скоро увидятъ, какъ эта потеря отразится на Русскихъ. Ихъ солдаты, Литовцы, даже сами уроженцы Смоленска, возмущенные отдачею города безъ боя, убѣгутъ изъ полковъ“.

Наполеонъ прибавилъ, что „изъ достовѣрныхъ донесеній извѣстна незначительность Русскихъ дивизій; большинство ихъ уже въ разстрой-

ствѣ; мало по малу онѣ таютъ, и скоро у Александра не будетъ больше арміи. Вооруженныя пиками толпы крестьянъ, которыхъ только что видѣли позади войскъ, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, до чего доведены ихъ генералы“.

Когда императоръ разсуждалъ такимъ образомъ, надъ головой его свистѣли Русскія пули; но, въ своемъ увлеченіи, онъ ихъ не замѣчалъ. Онъ ожесточался на главнокомандующаго и на непріятельскую армію, точно могъ ее уничтожить своими разсужденіями, не будучи въ силахъ сдѣлать это побѣдою. Никто ему не отвѣчалъ; было очевидно, что онъ не искалъ совѣтовъ, а говорилъ самъ съ собой; что онъ отбивался отъ собственныхъ мыслей, стараясь этимъ потокомъ предположеній внушить себѣ инныя мысли и такимъ образомъ увлечь другихъ и себя самого.

Впрочемъ, онъ не давалъ времени себя прерывать. Словамъ о незначительности и разстройствѣ непріятельской арміи никто не вѣрилъ; но чтѣ было ему отвѣчать? Онъ ссылался на положительныя данныя, присланныя Лористономъ; ихъ исказили, вмѣсто того чтобы исправить. Исчисленіе Русскихъ военныхъ силъ, сдѣланное Французскимъ посломъ въ Россіи, было точно; въ другихъ же свѣдѣніяхъ, не столь вѣрныхъ, сколь пріятныхъ, это исчисленіе было убавлено на одну треть!

Послѣ часовой бесѣды императоръ, взглянувъ на почти покинутую непріателемъ возвышенность праваго берега Днѣпра, воскликнулъ: „Русскіе—бабы, они признаютъ себя побѣжденными“. Онъ старался убѣдить себя въ томъ, что Русскіе отъ сношеній съ Европой утратили свое дикое, суровое мужество. Между тѣмъ, предъидущій войны просвѣтили ихъ, и теперь Русскіе находились въ состояніи такого народа, который, сохранивъ еще всѣ свои первоначальныя свойства, имѣетъ уже и инныя, пріобрѣтенныя.

Наполеонъ сѣлъ на лошадь. Только тогда фельдмаршалъ обратилъ вниманіе одного изъ насъ на то, что если бы Барклай, отказавшись принять сраженіе, былъ дѣйствительно столь оплошенъ, то императоръ не придавалъ бы такого значенія своему желанію убѣдить насъ въ этомъ.

Наконецъ, Наполеонъ въѣхалъ въ Смоленскъ. Въ то время, какъ онъ проѣзжалъ ширину городскихъ стѣнъ, графъ Лобдъ воскликнулъ: „вотъ прекрасный входъ для расквартированія войскъ“. Такое восклицаніе было равносильно совѣту остановиться здѣсь; но императоръ отвѣтилъ на это лишь строгимъ взглядомъ.

Однако, этотъ взглядъ скоро перемѣнилъ свое выраженіе, не имѣя возможности ни на чемъ остановиться кромѣ обломковъ, мимо кото-

рыхъ тянулись наши раненые, и кучь дымящагося пепла, на которыхъ лежали человѣческіе скелеты, высохшіе и почернѣвшіе отъ огня. Такое великое разрушеніе поразило Наполеона. Такъ вотъ каковы были плоды его побѣды! Городъ, гдѣ его солдаты должны были, наконецъ, найти кровь, съѣстные припасы, богатую добычу, обѣщанное возмездіе за столько перенесенныхъ бѣдствій, представлялъ собою однѣ развалины, среди которыхъ приходилось стоять на бивакахъ. Безъ сомнѣнія, вліяніе его на окружавшихъ было велико, но могло ли оно пересилить природу? Чтѣ же теперъ всѣ они стануть дѣлать?

Нужно сказать, что здѣсь бѣдственное положеніе арміи уже не скрывалось отъ Наполеона: ему было извѣстно, что солдаты спрашивали другъ у друга, съ какой цѣлью ихъ заставили сдѣлать 800 миль, чтобы найти лишь болотную воду, голодь, да бивуаки на землѣ. Вѣдь, только въ этомъ и состояло ихъ завоеваніе: имуществомъ ихъ было только то, чтѣ они сюда привезли. Если же приходится все тащить съ собой, нести Францію въ Россію, такъ зачѣмъ же ихъ вывели изъ Франціи?

Даже нѣкоторые генералы, и тѣ начинали утомляться; одни останавливались по болѣзни, другіе роптали. Какая нужда имъ въ томъ, что императоръ ихъ обогатилъ, когда они не могутъ пользоваться своимъ богатствомъ? Какая радость, что онъ ихъ поженилъ, когда онъ же, постояннымъ отсутствіемъ, обрекаетъ ихъ на вдовство? Чтѣ имъ въ подаренныхъ Наполеономъ дворцахъ, когда онъ заставляеть ихъ безпрестанно кочевать по голой чужой землѣ, покрытой инеемъ? Съ каждымъ годомъ война осложнялась: новые походы заставляли искать новыхъ враговъ. Скоро уже мало будетъ Европы, понадобится Азія.

Многіе, особенно среди союзниковъ, дерзали думать, что пораженіе было бы даже выгоднѣе, чѣмъ побѣда, ибо переменна счастья, пожалуй, отбила бы у императора охоту къ войнѣ; по крайней мѣрѣ онъ велъ бы ее на болѣе близкомъ разстояніи. Генералы, близко стоявшіе къ Наполеону, удивлялись его довѣрчивости. „Развѣ онъ не вышелъ почти изъ предѣловъ Европы? А если Европа противъ него подымется, кто останется у него изъ подданныхъ? Только его солдаты! А вмѣсто имперіи—лагерь. Кромѣ того, треть арміи, состоя изъ чужеземцевъ, станетъ ему враждебна“. Такъ говорили Мюратъ и Бертье. Замѣтивъ въ двухъ главныхъ своихъ маршалахъ, да еще въ минуту, когда нужно было дѣйствовать, тоже безпокойство, съ которымъ онъ самъ боролся, Наполеонъ пришелъ въ раздраженіе. Онъ осыпалъ ихъ упреками, какъ это часто бываетъ въ домашней жизни князей, которые менѣе всего щадятъ наиболѣе вѣрныхъ людей. Въ этомъ и

заключается неудобство благоволенія, уравнивающимъ его преимуществу.

Изливъ свою досаду въ цѣломъ потокѣ словъ, императоръ снова подозвалъ къ себѣ Мюрата и Бертье; но на этотъ разъ они были недовольны и держались поодаль. Тогда императоръ старался ласками исправить свои рѣзкости: онъ называлъ Бертье „своей женой“, а свои вспышки „семейными ссорами“.

Въ это именно время прибыли Раппъ и Лористонъ. Однако Наполеонъ ни о чемъ не спросилъ сановника, прибывшаго изъ самой столицы. Зная, вѣроятно, откровенность своего бывшаго адъютанта и его мнѣніе о настоящей войнѣ, онъ боялся услышать вѣсти, мало удовлетворительныя. Но Раппъ, ѣхавшій по нашимъ слѣдамъ, не могъ молчать. „Отъ Нѣмана армія прошла всего сто миль, но все въ ней уже измѣнилось. Офицеры, догонявшіе ее на почтовыхъ отъ самой Франціи, пріѣзжали испуганные. Они не понимали, какимъ образомъ побѣдоносный походъ, когда не было еще сраженій, могъ оставить за собою больше развалинъ, чѣмъ пораженіе. Они встрѣчались со всѣмъ, что шло для соединенія съ арміей и что отстало отъ нея; словомъ, со всѣмъ, что не было возбуждено присутствіемъ начальства, примѣромъ или военными дѣйствіями. Видъ каждаго полка, въ зависимости отъ разстоянія, отдѣляющаго его отъ родины, внушалъ то надежду, то тревогу или только жалость. Въ Германіи, до Одера, гдѣ тысячи предметовъ постоянно напоминали Францію, молодые солдаты еще не чувствовали себя совсѣмъ оторванными отъ родины; они казались бодрыми и веселыми; за Одеромъ же, въ Польшѣ, гдѣ почва, ея произведенія, жители, одежда нравы и все, даже жилища, имѣли своеобразный видъ, гдѣ ничто не напоминало имъ родины, о которой они скорбѣли, солдаты начали пугаться пройденнаго разстоянія, и уже признаки усталости и скуки омрачали ихъ лица. Какое безмѣрное разстояніе должно было отдѣлять ихъ отъ Франціи, если они уже достигли неизвѣстныхъ имъ земель, въ которыхъ все для нихъ было полно столь печальной новизны! Сколько ими уже пройдено и сколько еще оставалось пройти! Самая мысль о возвращеніи лишала ихъ бодрости духа, а между тѣмъ нужно было еще идти и идти. Солдаты жаловались на то, что съ выходомъ изъ Франціи ихъ утомленіе возрастало, тогда какъ средства бороться съ нимъ уменьшались. Дѣйствительно, сначала не доставало вина, потомъ пива и даже водки; наконецъ, пришлось довольствоваться только водой, но и ея часто не хватало. Тоже было съ пиццей и съ остальными жизненными потребностями; при такомъ послѣдовательномъ лишеніи, за постепеннымъ ослабленіемъ тѣла слѣдовалъ упадокъ духа. Тре-

вожимые смутнымъ безпокойствомъ, они проходили мрачное однообразіе густыхъ и безмолвныхъ лѣсовъ, слѣдовали вдоль высокихъ стволовъ, обнаженныхъ до самой вершины, пугаясь своего безсилія посреди такой необъятности. И тогда у нихъ составлялись странныя и зловѣщія представленія о географическомъ положеніи этихъ незнакомыхъ мѣстъ; охваченные тайнымъ ужасомъ, они колебались идти дальше въ эти обширныя пустыни.

Раппъ видѣлъ все это. Онъ только что пріѣхалъ и, со свойственной ему рѣзкой откровенностью, не утаилъ отъ своего повелителя всѣхъ подробностей; но императоръ удовольствовался слѣдующимъ отвѣтомъ: „я нанесу рѣшительный ударъ, и тогда всѣ сплотятся“.

Себастиани, подобно другимъ, настаивалъ принять въ расчетъ положеніе арміи. „Оно ужасно, возразилъ императоръ, я это знаю“. Отъ Вильны онъ тащилъ за собой половину арміи, а теперь уже двѣ трети; значить, нечего терять времени; нужно вырвать миръ, а миръ этотъ въ Москвѣ. Къ тому же подобная армія уже не можетъ остановиться: при ея составѣ и разложеніи только движеніе впередъ и поддерживаетъ ее. Можно подвинуться къ передовымъ ея частямъ, но нельзя ни остановиться, ни отступить. Такая армія годна для атаки, а не для обороны, для дѣйствія, но не для стоянки на позиціи. Такъ Наполеонъ говорилъ съ приближенными; съ генералами же, командующими дивизіями, онъ велъ иной разговоръ.

Смѣлые отвѣты священника, единственнаго, оставшагося въ Смоленскѣ, еще болѣе освѣдомили Наполеона относительно слѣпой ярости, внушенной противъ насъ всему Русскому народу. Переводчикъ, испуганный такой ненавистью, привелъ священника къ императору. Почтенный священникъ сперва сталъ съ твердостью упрекать Наполеона въ мнимыхъ святотатствахъ; онъ не зналъ, что Русскій главнокомандующій самъ велѣлъ сжечь торговыя помѣщенія и церкви, обвинивъ въ этихъ гнусностяхъ насъ, чтобы купцы и крестьяне были противъ насъ за одно съ дворянствомъ. Императоръ слушалъ его внимательно: „А ваша церковь, спросилъ онъ наконецъ, сожжена?—Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ священникъ: Господь могущественнѣе васъ; Онъ защититъ церковь, ибо я отперъ ее для всѣхъ несчастныхъ, оставшихся безъ крова вслѣдствіе пожара въ городѣ“. Тронутый такимъ отвѣтомъ, Наполеонъ сказалъ: „Да, вы правы. Господь позаботится о невинныхъ жертвахъ войны; васъ же Онъ наградитъ за ваше мужество. Вернитесь, добрый пастырь, къ вашимъ обязанностямъ. Если бы всѣ ваши священники послѣдовали вашему примѣру, если бы они подло не нарушили проповѣди мира, предписанной имъ Богомъ, если бы они не

покинули церквей, которыя отъ одного ихъ присутствія дѣлаются священными, мои солдаты уважали бы ваши святыя убѣжища: вѣдь всѣ мы христіане; вашъ Богъ и нашъ Богъ“.

Съ этими словами Наполеонъ отправилъ священника къ церкви съ конвоемъ и вспомогательнымъ войскомъ. При видѣ солдатъ, входящихъ въ церковь, поднялся раздирающій крикъ. Толпа испуганныхъ женщинъ и дѣтей тѣснилась у алтаря; но священникъ, возвысивъ голосъ, крикнулъ имъ: „Успокойтесь! Я видѣлъ Наполеона, я говорилъ съ нимъ. О, дѣти мои, какъ насъ обманули! Французскій императоръ вовсе не таковъ, какимъ вамъ его описали. Знайте, что и онъ, и его солдаты вѣруютъ и поклоняются тому же Богу, какъ и мы. Войну онъ ведетъ не изъ за вѣры; у него политическій споръ съ нашимъ Государемъ. Солдаты его сражаются только съ нашими солдатами; они не убиваютъ, какъ намъ это говорили, стариковъ, женщинъ и дѣтей. Успокойтесь же, и возблагодаримъ Господа за то, что мы освободились отъ тяжелаго долга ненавидѣть ихъ, какъ язычниковъ, нечестивцевъ и поджигателей“. Послѣ этого священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ; въ слезахъ всѣ повторяли за нимъ молитвы.

Но именно эти слова священника показывали, до какой степени Русскій народъ былъ обманутъ. Остальное населеніе бѣжало. Съ этихъ поръ ужъ не только армія, но все народонаселеніе, вся Россія отступала передъ нами. Императоръ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ населеніемъ изъ рукъ его ускользало одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ побѣды.

И дѣйствительно, въ Витебскѣ Наполеонъ поручилъ двумъ лицамъ вывѣдать настроеніе народа. Надлежало подкупать крестьянъ обѣщаніемъ свободы и привлекать на нашу сторону, возмутьивъ ихъ болѣе или менѣе повсемѣстно. Но подѣйствовать удалось лишь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ крестьянъ, которыхъ, быть можетъ, Русскіе оставили шпионами среди насъ. Эта попытка послужила лишь къ обнаруженію плана Наполеона и заставила Русскихъ насторожиться противъ него.

Къ тому же мѣра эта была противна Наполеону, котораго по его природѣ гораздо больше влекло на сторону королей, чѣмъ народовъ. Онъ прибѣгалъ къ ней неохотно. Позднѣе, въ Москвѣ, было имъ получено нѣсколько заявленій, въ которыхъ главы семействъ жаловались на то, что господа обращаются съ ними какъ со стадомъ скотовъ. Тутъ же они просили Наполеона провозгласить отмѣну рабства, предлагали свои услуги въ качествѣ главарей нѣсколькихъ частичныхъ возстаній, обѣщая въ скоромъ времени сдѣлать ихъ повсемѣстными. Но предложенія

эти были отвергнуты. У варварскаго народа появилась бы варварская же свобода при необузданной, ужасной распущенности. Нѣсколько мѣстныхъ возмущеній въ бывшее время показали, до какихъ предѣловъ это можетъ дойти. Русскіе дворяне, подобно поселенцамъ Санъ-Доминго, были бы истреблены. Опасеніе это взяло верхъ надъ мыслями Наполеона, что и обнаружилось изъ его словъ. Это и побудило его не стараться болѣе подстрекать народъ къ бунту, съ которымъ онъ не въ силахъ былъ бы справиться.

Впрочемъ, господа стали подозрѣвать своихъ крѣпостныхъ. Среди столькихъ опасностей они признавали именно эту наибольшую. Сперва они дѣйствовали на умы своихъ несчастныхъ рабовъ, поглупѣвшихъ отъ всякаго рода принужденій. Священники, которымъ народъ привыкъ вѣрить, обманывали ихъ лживыми рѣчами, увѣряя, будто мы дьявольскіе легіоны, а начальствуетъ надъ нами Антихристъ, будто мы духи ада, видъ которыхъ вызываетъ ужасъ, а прикосновеніе оскверняетъ. Наши плѣнные замѣтили, что, не смѣя пользоваться посудой, бывшею въ употребленіи у нашихъ, эти несчастные бросали ее свиньямъ. Между тѣмъ мы приближались: при нашемъ появленіи эти грубыя басни должны были исчезнуть. Но вотъ дворяне, вмѣстѣ со своими рабами, бѣгутъ въ глубь страны, точно при появленіи опасной заразы. Свое имущество, жилища, все, что могло бы ихъ удержать или послужить намъ, все принесено ими въ жертву. Между собою и нами они сѣютъ голодъ, пожары, пустыни. Такая стойкая рѣшимость была принята ими столько же противъ своихъ рабовъ, сколько противъ Наполеона. Приходилось продолжать уже не войну царей между собой, а сословную войну, войну вѣроисповѣдную, національную, всѣ эти войны вмѣстѣ. Тогда-то императоръ и увидалъ всю громадность своего предпріятія: чѣмъ дальше онъ шелъ впередъ, тѣмъ болѣе оно передъ нимъ разрасталось. Пока Наполеонъ имѣлъ противниками только королей, будучи выше всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, онъ одерживалъ побѣды шутя; но короли побѣждены, онъ добрался до народовъ, и тутъ предъ нимъ стала другая Испанія, далекая, безплодная, безконечная, на другомъ концѣ Европы. Онъ пораженъ, онъ колеблется и, наконецъ, останавливается.

Съ другой стороны, въ Москвѣ онъ нападетъ на дворянство, въ его помѣстьяхъ, съ его стародавней честью; путь къ этой столицѣ короче; представляя меньше препятствій, онъ даетъ больше надеждъ: тамъ находится великая Русская армія, которую нужно уничтожить; тамъ надежда на сраженіе, надежда, ударомъ въ сердце, расшатать всю Россію въ этой отечественной войнѣ.

Изъ трехъ плановъ (идти на Кіевъ, оставаться въ Смоленскѣ или идти на Москву) онъ считалъ только третій осуществимымъ, не смотря на наступавшее позднее время года. Между тѣмъ передъ его глазами лежала Исторія Карла XII, не Вольтеровская, которую онъ въ нетерпѣніи только что отбросилъ, считая ее слишкомъ романической и неправдивой, а дневникъ Адлерфельда. Онъ читалъ его и все таки не остановился. Сопоставляя оба эти похода, Наполеонъ находилъ въ нихъ множество несходностей, къ которымъ и привязывался, ибо кто можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ? Къ чему примѣръ прошлаго въ мірѣ, гдѣ никогда не бываетъ двухъ людей, двухъ вещей или положеній совершенно одинаковыхъ? Тѣмъ не менѣе за это время Наполеонъ часто произносилъ имя Карла XII.

Наполеонъ вступилъ въ Вязьму, гдѣ пришлось пробыть нѣкоторое время, чтобы разузнать, въ чемъ именно состояло новое завоеваніе и какую онъ могъ извлечь изъ него пользу. Извѣстія, полученные изъ внутренней Россіи, показывали, что непріятельское правительство приписывало себѣ наши успѣхи, стараясь увѣрить, будто потеря столькихъ областей входила въ общій планъ отступленія, принятый имъ заранѣе. Изъ захваченныхъ въ Вязьмѣ бумагъ было видно, что въ Петербургѣ служились благодарственные молебны по случаю мнимыхъ побѣдъ въ Витебскѣ или въ Смоленскѣ. Удивленный этимъ Наполеонъ вскрикнулъ: „Каѣ! Молебны! Значить, они осмѣливаются лгать передъ Богомъ также какъ передъ людьми!“ *) Впрочемъ, большинство перехваченныхъ Русскихъ писемъ выражало тоже удивленіе. „Въ то время какъ наши города горятъ, говорится въ письмахъ, мы здѣсь только и слышимъ звонъ колоколовъ, благодарственные молебны и торжествующія донесенія. Повидимому насъ хотятъ заставить благодарить Бога за побѣды Французовъ. И такъ ложь разносится и въ воздухѣ, и по землѣ, и устно, и письменно: лгутъ небу и землѣ, повсюду лгутъ. Наши великіе люди обращаются съ Россіей какъ съ ребенкомъ, но глупо считать насъ столь легковѣрными!“ Соображенія эти были бы справедливы, если бы столь грубыя мѣры были приняты для обмана тѣхъ, кто умѣлъ написать подобныя письма. Однако нашли, что хотя политическая ложь введена въ общее употребленіе, но, доведенная до крайности, навлекаетъ насмѣшку надъ правителями или управляемыми, а пожалуй, надъ тѣми и другими.

Намъ сообщили, что непріятель двигается по всему Бородинскому полю, покрываетъ его окопами, желая видимо тамъ укрѣпиться, чтобы больше не отступать. Наполеонъ объявилъ своей арміи о предстоящей

*) Наполеону ли было винить въ этомъ Александра? П. Б.

битвѣ. Онъ далъ ей два дня на отдыхъ, на приготовленіе оружія и на сборъ военныхъ припасовъ, предупредивъ отряды, посланные за провіантомъ, „что если они не вернуться на слѣдующій день, то лишать себя чести принять участіе въ бою“. Мирно занявшись осмотромъ окрестностей своей главной квартиры, онъ обратилъ вниманіе и на успѣхи земледѣлія; при видѣ же Гжатска, на рѣкѣ, вливающейся въ Волгу, онъ, покорившій столько рѣкъ, снова почувствовалъ нервныя волненія, доставленныя ему его славой: слышали, какъ онъ гордился тѣмъ, что сталъ хозяиномъ этихъ водъ, которымъ суждено видѣть Азію, какъ будто онъ неслись, чтобы возвѣстить о немъ въ этой части свѣта и открыть ему туда путь.

Императоръ расположился лагеремъ позади Итальянской арміи, налѣво отъ большой дороги. Старая гвардія расположилась вокругъ его палатокъ. Какъ только стрѣльба прекратилась, зажглись огни. На сторонѣ Русскихъ они мерцали большимъ полукругомъ; а на нашей— блѣднымъ неровнымъ свѣтомъ и беспорядочно, такъ какъ войска прибывали поздно, второпяхъ, въ незнакомую мѣстность, гдѣ ничто для нихъ не было приготовлено, гдѣ не доставало топлива, въ особенности въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Императоръ спалъ мало. Только что вернулся изъ взятаго нами редута генералъ Коленкуръ. Ни одинъ плѣнный къ намъ въ руки не попалъ; удивленный этимъ, Наполеонъ задавалъ множество вопросовъ. „Развѣ кавалерія не атаковала своевременно? Значить, Русскіе рѣшили либо побѣдить, либо умирать?“ На это ему отвѣчали, что, возбужденные начальниками и привыкшіе воевать съ Турками, которые приканчиваютъ плѣнныхъ, Русскіе предпочитали быть убитыми, чѣмъ сдаваться. Тутъ императоръ впалъ въ глубокое раздумье. Признавъ, что самымъ важнымъ боемъ будетъ артиллерійскій, онъ умножилъ приказы, съ требованіемъ поспѣшнаго прибытія артиллерійскихъ парковъ, еще не соединившихся съ арміей.

Никогда не было такого спокойствія какъ въ день, предшествовавшій великой битвѣ. Точно сговорились! Къ чему причинять себѣ бесполезное зло? Развѣ завтрашній день не долженъ все рѣшить? Къ тому же, нужно было каждому приготовиться къ бою; отдѣльные корпуса, ихъ вооруженіе, припасы, все это приходилось объединить въ одно общее цѣлое, такъ какъ при переходѣ все болѣе или менѣе разстроилось. Генераламъ надлежало сообразить общіе планы атаки, защиты и отступленія; нужно было сообразоваться съ ними и съ мѣстностью, чтобы предоставить наименьшую долю случайностямъ.

И такъ, готовые начать страшную борьбу, оба эти колосса внимательно слѣдили одинъ за другимъ, глазами измѣряя другъ друга и въ тишинѣ готовясь къ ужасному бою.

Не сомнѣваясь больше въ предстоящей битвѣ, императоръ вошелъ къ себѣ въ палатку, чтобы продиктовать приказъ, и тутъ-то онъ задумался о своемъ положеніи. Онъ видѣлъ обѣ арміи равными по силѣ. Съ той и другой стороны было приблизительно по 120 тысячъ чело-вѣкъ, при 600 орудіяхъ. Русскіе имѣли слѣдующія преимущества: они занимали болѣе выгодную позицію, у всей ихъ арміи былъ одинъ об-щій языкъ, одна общая форма, одна народность, сражающаяся за одно общее дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ у Русскихъ было много иррегулярнаго войска и рекрутовъ. У Французовъ тоже количество людей, но больше настоящихъ солдатъ. Наполеону только что представили отчетъ о со-стояніи его корпусовъ: передъ глазами его лежалъ подсчетъ военныхъ силъ въ дивизіяхъ и, такъ какъ дѣло шло о сраженіи, а не объ одномъ только смотрѣ или распредѣленіи войскъ, то на этотъ разъ отчеты не были преувеличены. Его армія, правда, очень убавилась; но она была здорова, подвижна, нервна, подобно мужскому тѣлу, которое, только что утративъ юношескую округлость, обнаруживаетъ болѣе мужественныя и рѣзкія формы.

Вопреки этому, уже нѣсколько дней императоръ, находясь среди своей арміи, видѣлъ ее молчаливою. То было безмолвіе, выражающее ожиданіе, либо изумленіе, подобное тому, какое бываетъ въ природѣ передъ сильной грозой или въ толпѣ въ минуту большой опасности.

Наполеонъ чувствовалъ, что войскамъ нуженъ отдыхъ и что они его найдутъ только въ смерти или въ побѣдѣ. Онъ поставилъ ихъ въ такую необходимость одержать побѣду, что нужно было во что бы ни стало восторжествовать. Безразсудство положенія, въ которое онъ по-вергъ свою армію, было очевидно; но онъ зналъ, что изо всѣхъ оши-бокъ Французы прощаютъ охотнѣе всего эту и что, наконецъ, они не сомнѣваются ни въ себѣ, ни въ немъ, ни въ общемъ исходѣ, каковы бы ни были частичныя злополучія.

Впрочемъ, онъ рассчитывалъ на ихъ привычность и на потреб-ность ихъ въ славѣ, даже на ихъ любопытство: безъ сомнѣнія каждому изъ нихъ хочется увидѣть Москву, сказать, что былъ въ ней, полу-чить въ Москвѣ обѣщанныя награды, быть можетъ, пограбить ее, а главное, найти тамъ покой. Наполеонъ уже не видѣлъ восторженности въ своей арміи, за то въ солдатахъ было нѣчто болѣе прочное: въ нихъ была полная вѣра въ его счастливую звѣзду, въ его геній, созна-ніе своего превосходства и гордая увѣренность побѣдителей передъ побѣжденными.

Проникнутый этими чувствами, императоръ диктуетъ простое, вѣрное и искреннее провозглашеніе, подходящее къ даннымъ обстоятель-

ствамъ, къ людямъ не-новичкамъ въ своемъ дѣлѣ, которыхъ, послѣ столькихъ страданій, нечего больше возбуждать.

По странной случайности въ этотъ именно день императоръ получилъ изъ Парижа портретъ Римскаго короля, этого ребенка, принятаго имперіей также, какъ самимъ императоромъ, съ тѣмъ же восторгомъ, съ тѣми же надеждами. Со дня его появленія на свѣтъ, ежедневно видѣли, какъ Наполеонъ, во внутреннихъ покояхъ дворца, отдавался выраженію самыхъ нѣжныхъ къ нему чувствъ. Когда же среди столь отдаленныхъ полей и всѣхъ, всѣхъ грозныхъ приготовленій, онъ вновь увидѣлъ милый образъ, воинственная душа его размякла! Онъ собственноручно выставилъ портретъ передъ своей палаткой, позвалъ офицеровъ и даже солдатъ старой гвардіи, съ тѣмъ, чтобы душевное волненіе его раздѣлили съ нимъ его старые гренадеры, желая показать свою частную семью семьѣ военной, желая, наконецъ, чтобы среди великой опасности сіялъ этотъ символъ надежды.

Онъ призываетъ къ себѣ Бесьера, того изъ маршаловъ, на котораго болѣе всѣхъ полагался въ дѣлѣ начальствованія арміей; онъ желаетъ знать, не нуждается ли въ чемъ эта оставшаяся лучшая часть войска. Нѣсколько разъ онъ снова призываетъ его, чтобы повторить свои безотлагательные вопросы. Онъ велитъ выдать этимъ старымъ солдатамъ сухарей и рису изъ запасныхъ фургоновъ на три дня. Боясь, чтобы его приказаніе не было исполнено, онъ опять встаетъ, лично спрашиваетъ гренадеровъ, дежурившихъ у входа въ его палатку, получили ли они этотъ провіантъ и только послѣ утвердительнаго отвѣта возвращается къ себѣ и засыпаетъ.

Но вскорѣ онъ опять зоветъ. Адьютантъ застаетъ его опершимъ голову на руки; слушая его, казалось, будто онъ размышлялъ о суетности славы. „Что такое война? Ремесло дикарей, гдѣ все искусство состоитъ въ томъ, чтобы въ данномъ положеніи оказаться сильнѣйшимъ“. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на непостоянство судьбы, которое и онъ начинаетъ испытывать. Возвращаясь къ болѣе успокоительнымъ мыслямъ, онъ припоминаетъ, что ему говорили о медлительности и нерадивости Кутузова и удивляется, что не предпочли ему Бенигсена. Задумавшись о критическомъ положеніи, въ которое онъ самъ себя ввергъ, Наполеонъ прибавляетъ, „что великій день готовится; будетъ ужасная битва“. Онъ спрашиваетъ Раппа „вѣрить ли онъ въ побѣду?—Конечно, отвѣчаетъ тотъ, но побѣда будетъ кровавая“. На это императоръ возразилъ: „Я это знаю, но у меня 80 тысячъ человекъ; изъ нихъ я потеряю 20 тысячъ, а съ 60 тысячами войду въ Москву. Тамъ насъ нагонятъ отставшіе, затѣмъ маршевой батальонъ, и мы окажемся сильнѣе, чѣмъ

до сраженія⁴. Присутствіе врага успокоило, наконецъ, императора, и онъ искалъ нѣкотораго отдыха.

Только что сдѣланные имъ вмѣстѣ съ арміей переходы, усталость предыдущихъ дней и ночей, столько заботъ, долгое ожиданіе, все это изнуряло его. Съ наступленіемъ холодной погоды онъ простудился; его снѣдали нервная лихорадка, сухой кашель и сильная жажда. До утра онъ тщетно старался утолить мучившую его жажду. Эта болѣзнь осложнилась прежнимъ недугомъ. Съ вечера онъ борется съ мучительнымъ приступомъ этой жестокой болѣзни (трудность мочеиспусканія), которая уже давно ему угрожала. Наконецъ, въ 5 часовъ утра, офицеръ отъ Нея пришелъ доложить, что маршалъ все еще видитъ Русскихъ и просить разрѣшенія идти на нихъ въ атаку. Извѣстіе это вернуло какъ будто Наполеону его силы, истощенныя лихорадкой. Онъ встаетъ, зоветъ къ себѣ приближенныхъ и восклицаетъ: „Наконецъ-то они наши! Впередъ! Идемте! Отворить ворота Москвы!“ Почти весь этотъ день онъ то садился, то медленно прохаживался впередъ и немного влѣво отъ редута, взятаго 5-го числа, по краямъ оврага, далеко отъ битвы, которую ему было едва видно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла за возвышенность. Не было въ немъ безпокойства, когда битва снова представилась его взорамъ; не было чувства нетерпѣнія ни къ своимъ, ни къ непріятелю. Онъ дѣлалъ лишь нѣсколько движеній, выражавшихъ грустную покорность, когда каждую минуту приходили сообщить ему о потерѣ лучшихъ его генераловъ. Неоднократно онъ вставалъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снова садился.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него съ удивленіемъ. Прежде, при большихъ столкновеніяхъ, въ немъ замѣчалась спокойная дѣятельность; а тутъ были тяжелое спокойствіе, кротость вялая, бездѣятельная. Нѣкоторые видѣли въ этомъ упадокъ, обыкновенное послѣдствіе сильныхъ ощущеній; другіе вообразили, что онъ уже всемъ пресытился, даже волненіями въ битвахъ. Одни замѣтили, что такая спокойная твердость, такое хладнокровіе великихъ людей въ роковыхъ случаяхъ, со временемъ, когда года истощать ихъ силы, превращается въ равнодушіе и отяжелѣніе. Наболѣе ему преданные объясняли его неподвижность необходимостью, при командованіи на большомъ пространствѣ, оставаться больше на одномъ мѣстѣ, дабы знать, куда направлять извѣстія. Были, наконецъ, и такіе, которые болѣе разумно объясняли это ослабѣвшимъ здоровьемъ, скрытымъ страданіемъ и началомъ серьезнаго заболѣванія.

Страданія Наполеона, видимо, усилились. Онъ съ трудомъ сѣлъ на лошадь и медленно направился къ Семеновскимъ высотамъ. Тамъ

онъ нашелъ поле битвы, не вполне приобрѣтенное, все еще оспариваемое вражескими ядрами и даже пулями.

Среди грохота боя, когда еще дѣйствовалъ пылъ Нея и Мюрата, Наполеонъ оставался все тотъ же, съ ослабѣвшимъ голосомъ и вялой походкой. Впрочемъ, видъ Русскихъ и свистъ ихъ пуль и ядръ вдохновили его; онъ отправился разсмотрѣть ихъ послѣднюю позицію вблизи и захотѣлъ вырвать ее у нихъ. Но Мюратъ, показывая ему на наше почти уничтоженное войско, заявилъ, что для этого понадобилась бы гвардія, противъ чего возсталъ Бесьеръ, настаивая, какъ всегда, на значеніи этого отборнаго корпуса. Онъ указалъ на отдаленность арміи отъ подкрѣпленій, и на то, что между Наполеономъ и Франціей лежитъ Европа, почему и слѣдуетъ сохранить по крайней мѣрѣ эту горсть солдатъ, которые постоятъ за него. Такъ какъ было около пяти часовъ, Бертье прибавилъ, „что уже слишкомъ поздно; непріятель укрѣпляется въ своей послѣдней позиціи; пришлось бы бесполезно пожертвовать еще нѣсколькими тысячами людей“.

Послѣ этого Наполеонъ ограничился тѣмъ, что совѣтовалъ побѣдителямъ осторожность. Затѣмъ, опять таки шагомъ, вернулся къ своимъ палаткамъ, раскинутымъ за батареей, которая была взята два дня тому назадъ и передъ которой онъ простоялъ съ утра почти неподвижнымъ зрителемъ всѣхъ превратностей этого ужаснаго дня.

Когда Наполеонъ вернулся къ себѣ въ палатку, къ физическому изнеможенію его прибавилось и тяжелое душевное уныніе. Онъ видѣлъ поле сраженіе, говорившее ему больше, чѣмъ говорили люди. Побѣда, которой онъ такъ добивался и купилъ столь дорогой цѣной, была все таки не полная. Въ самомъ дѣлѣ, потери были огромны, но успѣхъ не окупалъ ихъ. Каждый изъ окружавшихъ Наполеона оплакивалъ смерть друга, родственника или брата; въ этихъ битвахъ жребій падалъ на самыхъ лучшихъ. Пало или ранено сорокъ три генерала. Какая скорбь въ Парижѣ! Какое торжество для его враговъ! Какой опасный поводъ для замысловъ Германіи! Въ арміи, и даже у него въ палаткѣ, побѣда оставалась безмолвной, угрюмой, одинокой, не вдохновляя даже льстецовъ. Позванные Наполеономъ Дюма и Дарю слушали его молча; но видъ ихъ, опущенные глаза и само молчаніе говорили достаточно.

Въ тоже время слышали, какъ Мюратъ воскликнулъ, что „въ этотъ великій день онъ не узнавалъ генія Наполеона“. Вице-король признавался, что ему была непонятна нерѣшительность его приѣмнаго отца. Когда императоръ вызвалъ къ себѣ Нея, тотъ съ особеннымъ упорствомъ сталъ совѣтовать ему отступленіе. Только тѣ, кто не отходилъ отъ Наполеона, видѣли, что побѣдитель столькихъ народовъ былъ на

этотъ разъ побѣжденъ сильнѣйшей лихорадкой и въ особенности роковымъ возвратомъ мучительной болѣзни, которую въ немъ вызывали каждое слишкомъ рѣзкое движеніе и сильная продолжительная тревога. Они высказали то, что самъ Наполеонъ писалъ 15 лѣтъ тому назадъ въ Италіи: „Здоровье на войнѣ необходимо, и его ничѣмъ не замѣнишь“.

Поле битвы, которое обзрѣвалъ императоръ, представляло зрѣлище ужасающее. Все къ этому содѣйствовало: темное небо, холодный дождь, сильный вѣтеръ, сожженные селенія, взбуровленная равнина, покрытая развалинами и смертными останками; на горизонтѣ печальная и мрачная зелень сѣвернаго лѣса, повсюду солдаты, бродившіе среди труповъ и искавшіе военныхъ припасовъ даже въ ранцахъ своихъ мертвецовъ-товарищей; ужасныя раны (Русскія пули были крупнѣе нашихъ); молчаливые бивуаки: не было слышно ни пѣнія, ни разказовъ, одно угрюмое безмолвіе.

Вокругъ знаменъ виднѣлись уцѣлѣвшіе офицеры, унтеръ-офицеры и нѣсколько солдатъ, число которыхъ было едва достаточно для охраны знамени. Одежда на нихъ изорванная въ ожесточенной борьбѣ, почернѣвшая отъ пороха, запачканная кровью; и однако, среди этихъ ломотьевъ, среди нищеты и злополучія, видъ у нихъ гордый, и даже при появленіи императора раздавалось нѣсколько побѣдныхъ криковъ, правда, рѣдкихъ и нервныхъ; ибо въ этой арміи, способной какъ къ увлеченію, такъ и къ оцѣнкѣ, каждый помышлялъ о положеніи общемъ. Французскіе солдаты въ этомъ отношеніи почти не ошибаются. Они удивились, видя такое множество убитыхъ и раненыхъ непріятелей и такъ мало плѣнныхъ, число которыхъ не доходило до восьми сотъ. По числу этихъ-то и судили они объ успѣхѣ. Мертвые болѣе свидѣтельствовали о храбрости побѣжденныхъ, чѣмъ о самой побѣдѣ. Если осталая армія отступала въ порядкѣ, гордо и безъ упадка духа, какая была нужда въ выигрышѣ самого поля битвы? Развѣ въ такой обширной странѣ Русскіе могутъ чувствовать недостатокъ земли для сраженія? Что до насъ, ея было и безъ того слишкомъ много, гораздо больше, чѣмъ сколько мы могли удержать за собой. Это ли называется завоеваніемъ! Развѣ длинная и узкая борозда, которую мы, начиная съ Ковны, съ такимъ трудомъ проводили по пескамъ и золѣ, не сомкнется позади насъ подобно слѣду отъ корабля въ обширномъ морѣ? Достаточно нѣсколькихъ плохо вооруженныхъ крестьянъ, чтобы ее уничтожить.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь, позади арміи, они заберутъ нашихъ раненыхъ и бѣглецовъ. Въ короткое время въ ихъ руки попало пять-сотъ человѣкъ отставшихъ. Нѣсколько Французскихъ солдатъ, задер-

жанныхъ такимъ образомъ, притворились, будто примкнули къ казакамъ, помогали имъ дѣлать новыя поимки Французовъ до той минуты, когда, очутившись вмѣстѣ съ вновь пойманными въ значительномъ количествѣ, они внезапно все вмѣстѣ отдѣлились отъ своихъ слишкомъ доврчивыхъ враговъ.

Императоръ могъ сдѣлать оцѣнку своей побѣды только по числу мертвыхъ. Земля была до такой степени усѣяна трупами Французовъ, что, казалось, принадлежала гораздо больше имъ, чѣмъ оставшимся въ живыхъ; тамъ было больше мертвыхъ побѣдителей, чѣмъ живыхъ. Среди этихъ труповъ, по которымъ приходилось идти, слѣдуя за Наполеономъ, чья-то лошадь наткнулась на раненаго и вырвала у него послѣдній признакъ жизни или крикъ боли. Императоръ, до той минуты безмолвный, угнетенный видомъ столькихъ жертвъ, тутъ разразился; онъ облегчилъ себя криками негодованія и заботою объ этомъ несчастномъ. Кто-то, думая его успокоить, замѣтилъ, что то былъ Русскій, на что императоръ съ живостью возразилъ: „нѣтъ враговъ послѣ побѣды, есть только люди!“ Затѣмъ онъ разослалъ сопровождавшихъ его офицеровъ спасать тѣхъ, чьи стоны раздавались отовсюду.

При этомъ печальномъ смотрѣ императоръ напрасно искалъ успокоительнаго для себя заблужденія, заставляя пересчитывать оставшихся въ небольшомъ количествѣ плѣнныхъ и подобрать нѣсколько подбитыхъ пушекъ. Единственными трофеями этой неполной побѣды было отъ семи до восьми сотъ плѣнныхъ и около двадцати сломанныхъ орудій.

Генералы авангарда сносились съ Наполеономъ письмами. Онъ же три дня оставался въ Можайскѣ, затворившись въ комнатѣ, сиѣдаемый горячкой и тревогами. Сильнѣйшій насморкъ лишалъ его возможности говорить. Будучи безъ голоса, онъ вынужденъ былъ диктовать одновременно семи лицамъ, заставляя ихъ писать на разныхъ листкахъ краткое содержаніе депешъ. При появленіи же какихъ либо затрудненій, онъ изъяснялся знаками.

Наполеонъ только что узналъ, что непріятельская армія была обнаружена: она не отодвинулась на свой правый флангъ, къ Калугѣ, чего онъ опасался, но по прежнему отступала. Отъ Москвы мы были въ двухдневномъ разстояніи.

Громкое названіе Москва и возлагасмыя на нее надежды возстановили силы Наполеона, и 12-го Сентября онъ уже былъ въ состояніи нагнать въ каретѣ свой авангардъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

Польская депутація къ князю Іосифу Понятовскому.

Дѣло № 1 (по описи № 4) по повелѣнію его свѣтлости господина генераль-фельдмаршала князя Кутузова Смоленскаго о непрепятствованіи тому, чтобы посланы были къ князю Понятовскому депутаты. 21 Марта 1813. На одномъ листѣ.

Собственноручное письмо князя М. И. Кутузова-Смоленскаго къ
В. С. Ланскому. Секретно.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичь!

Вслѣдствіе предшедшаго отношенія моего къ вашему высокопревосходительству о назначеніи для составленія Центральнаго Комитета въ Варшавѣ избранныхъ уже сеймовыхъ пословъ, я прошу васъ елико можно ускорить наименованіемъ ихъ и призывомъ въ Варшаву, сообразуясь при наименованіи съ благомысліемъ и добрымъ къ намъ расположеніемъ; и ежели бы они пожелали назначить изъ себя депутацію для отправленія къ князю Понятовскому, съ наклоненіемъ дабы онъ для спокойствія здѣшняго края и вообще народа, которымъ.....¹⁾ пользуется, оставилъ намѣреніе сопротивляться оружіемъ и положился на великодушіе и щедроту Его Императорскаго Величества, то въ семъ не препятствовать и даже содѣйствовать приличнымъ впрочемъ съ вашей стороны внушеніемъ, что сіе необходимо для ихъ самихъ, и когда депутація составлена будетъ, то, дабы не тратить времени, вы можете позволить отправиться къ князю Понятовскому чрезъ корпусъ генерала Сакена²⁾, предъувѣдомя только его о семъ и донеся въ тоже время мнѣ.

Подвигъ сихъ депутатовъ не долженъ никакъ казаться быть дѣланымъ по настоянію нашему; и для того позволяю здѣсь употребить

¹⁾ Одно слово неразборчиво написано.

²⁾ Сакенъ (фонъ-дерь-Остенъ-Сакенъ), кн. Фабианъ Вильгельмовичъ (1752—1837). Послѣ Суворовскаго похода проживая плѣннымъ въ Нанси, онъ близко познакомился съ Французами.

развѣ только постороннее внушеніе; впрочемъ, князь Любецкій изъяснить вамъ отъ меня многое словесно.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга князь Смоленскій.

Марта 18 дня 1813. Г. Калишъ.

Примѣчаніе. Князь Іосифъ Понятовскій (1763—1813), родной племянникъ Польскаго короля Станислава-Августа. По провозглашеніи конституціи 3 Мая 1791 года, ему было поручено главное командованіе надъ Польскою арміею, которая защищала берега Днѣпра и Днѣстра; одной дивизіею этой арміи командовалъ Костюшко. По присоединеніи Станислава-Августа къ Тарговицкой конфедераціи, Іосифъ Понятовскій съ другими генералами подалъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Во время возстанія Костюшки, Понятовскій сражался подъ его начальствомъ и въ Герцогствѣ Варшавскомъ былъ военнымъ министромъ; въ войну 1809 года былъ принужденъ сдать Варшаву Австрійскимъ войскамъ, которыхъ, впрочемъ, вытѣснилъ потомъ изъ предѣловъ Герцогства. Въ 1812 г. Понятовскій сталъ во главѣ Польскаго корпуса Наполеоновской арміи. По отступленіи Французовъ изъ Россіи, онъ занялся въ Герцогствѣ Варшавскомъ формированіемъ новой Польской арміи, которую и привелъ къ Наполеону подъ Люденъ въ числѣ 13000 человекъ. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, названной Нѣмцами „битвой народовъ“ (Völkerschlacht), Понятовскій получилъ маршальское достоинство, вмѣстѣ съ приказаніемъ прикрывать отступление Французской арміи. При исполненіи этого порученія, Понятовскій, трижды раненый, утонулъ въ рѣкѣ Эльстерѣ (19 Октября 1813 г.).

Поляки самоотверженно и геройски умирали за Наполеона, не сознавая, что онъ самымъ хладнокровнымъ образомъ пользовался ими для своихъ цѣлей, „en faisant couler leur sang, pour servir son ambition effrénée“, какъ выразился графъ Мариоль („Mémoires du comte de Moriolles“. Paris, 1902), приводящій въ своихъ запискахъ такую бесѣду въ Тильзитѣ между Наполеономъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

„Un autre fois, causant avec Napoléon, dans l'embrasure d'une fenêtre, qui donnait sur la rue, ce monarque y vit passer un homme, dont la figure couverte d'une énorme moustache, le frappa. Il le fit remarquer au grand-duc. Monseigneur, dont la mémoire est un prodige, dit à Napoléon: „Je connais cet homme, c'est un Polonais, il s'appelle un tel et a servi dans tel régiment.—Ah! ah! dit l'Empereur, je ne doutais que c'était un de ces jean f... de Polonais, qui veulent être une nation et qui n'ont pas les moindres éléments pour le devenir. Je ne peux pas souffrir ces gens-là!“

Изъ Поляковъ развѣ только очень немногіе, какъ, напримѣръ, князь Антоній Радзивиллъ, не увлекались Наполеономъ, превосходно понимая его Польскую политику. Между прочимъ, Радзивиллъ даже ѣздилъ въ Краковъ въ Январѣ 1813 г. съ намѣреніемъ оторвать Понятовскаго отъ союза съ Франціей. Польскій генералъ Колачковскій („Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiego“, księga II, od roku 1813 do 1820. W Krakowie. 1899), говоря

объ этой поѣздкѣ, утверждаетъ, что она послѣдовала якобы по порученію Пруссаго и Россійскаго дворовъ. Понятовскій отнесся къ предложеніямъ Радзивилла весьма недружелюбно, а Французскій посоль Биньонъ, узнавъ о цѣли его приѣзда, потребовалъ было немедленнаго арестованія его. Въ концѣ концовъ, Радзивилла отпустили домой безъ всякой обиды ((bez szwanku).

Депутація, о которой говорится въ письмѣ князя Кутузова къ Ланскому, если и ѣздила къ князю Понятовскому, то дальнѣйшія событія показали, что она не привела къ желательнымъ послѣдствіямъ.

Высочайшее повелѣніе о составленіи отчета по бывшему Герцогству Варшавскому.

Дѣло № 31 (по описи № 171) объ исполненіи высочайшаго указа, въ ¹²/₂₄ день Маія 1815 года состоявшагося, о составленіи обще съ членами Совѣта въ теченіи пяти мѣсяцевъ подробнаго изложенія всего, что учинено было по разнымъ частямъ внутренняго управленія Герцогства Варшавскаго. 30 Маія 1815 г., на трехъ листахъ.

КОПІЯ ИМЕННАГО УКАЗА НА ИМЯ В. С. ЛАНСКАГО.

Василій Сергѣевичъ! Желая совершеннѣе вникнуть въ состояніе бывшаго Герцогства Варшавскаго и въ полной мѣрѣ обозрѣть мѣстныя пособія и удобства свойственныя оному краю, вознамѣриваясь также ознаменовать монаршее благоволеніе наше къ тѣмъ особамъ, кои успѣли дѣйствительными заслугами и отличными по службѣ подвигами оправдать оказанную имъ довѣренность со времени учрежденія Временнаго Верховнаго Совѣта, повелѣваю вамъ совокупно съ прочими членами онаго составить въ теченіи пяти мѣсяцевъ подробное изложеніе всего, что учинено было по разнымъ частямъ внутренняго управленія и, совершивъ сей трудъ, немедленно мнѣ представить. Объемля такимъ образомъ всѣ дѣла и принятія правительствомъ мѣры, нужно будетъ излагаемое основать на доказательствахъ, изъ производства дѣлъ почерпнутыхъ, въ видѣ отчета съ приобщеніемъ къ подлиннику Польскаго перевода. Оный преданъ будетъ тисненію для общенароднаго о семъ свѣдѣнія.

Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Вѣна Маія ¹²/₂₄ дня 1815 года.

Примѣчаніе. Нѣкоторое представленіе о томъ, что было учинено по разнымъ частямъ внутренняго управленія б. Герцогства Варшавскаго, со времени учрежденія Верховнаго Временнаго Совѣта, можетъ дать рѣчь графа Мостовскаго (министра внутреннихъ дѣлъ и полиціи), сказанная 15 Марта 1818 г. при открытіи императоромъ Александромъ въ Варшавѣ перваго сейма, на которомъ въ числѣ депутатовъ находился и великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, избранный населеніемъ Новой Праги, предмѣстья Варшавы,

наиболѣе пострадавшаго отъ войны (П. М. Майковъ. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. Варшавскій сеймъ 1818 года. „Русская Старина“, 1903 г., Мартъ). По словамъ графа Мостовскаго, Герцогство Варшавское, послѣ удаленія центрального его правленія, находилось вполнѣ въ бѣдственномъ положеніи, которое увеличивалось страхомъ отъ приближавшихся Русскихъ войскъ, страхомъ, внушаемымъ характеромъ войны. Его Величество, желая успокоить умы и увѣрить ихъ въ безопасности личной и имущественной, приказалъ князю Кутузову издать 8 Января 1813 г. воззваніе къ народу, которое обезпечивало имущество и личность всѣмъ жителямъ Герцогства Варшавскаго, а также служившимъ при прежнемъ правительствѣ. Симвъ послѣднимъ предлагалось продолжать отправленіе служебныхъ обязанностей, а военно-начальникамъ различныхъ Русскихъ отрядовъ предписано уважать мѣстныя власти и оказывать имъ должное содѣйствіе при надобности.

Порядокъ былъ возстановленъ по областямъ, и жители могли замѣтить, какъ осторожно съ ними обходились; какія принимались мѣры, чтобы Русскія войска долго не пребывали въ Герцогствѣ вообще и возможно менѣе проходили черезъ Варшаву, потому что она потерпѣла болѣе всѣхъ. Образцовое поведение этихъ войскъ и строгая дисциплина всѣмъ извѣстны. Но мѣстныя власти не дѣйствовали съ должнымъ единствомъ, потому что отсутствовала власть центральная. Это побудило устроить временное правительство, т. е. Верховный Совѣтъ. Поляки, извѣстные патріотическими взглядами и привязанностію къ родинѣ, были призваны къ этому правленію и получили особыя инструкціи. При этомъ остались всѣ должностныя лица, и никого не преслѣдовали. Положеніе страны было отчаянное. Безполезно говорить о разореніи, истощеніи и бѣдности страны, вызванныхъ усиліями, понесенными въ войнахъ Наполеона. Отъ Польши чрезмѣрно много требовалось для потребностей Французской арміи, размѣры которыхъ не соотвѣтствовали средствамъ страны. Затѣмъ большая смертность развилась въ городахъ и селеніяхъ вслѣдствіе болѣзней въ войскахъ и неосторожнаго перемѣщенія госпиталей. Для облегченія всего этого была учреждена особая центральная коммиссія. Она снабдила страну солью, дозволила ввозъ товаровъ, оживила торговлю, отмѣнила выдачу войскамъ говядины и водки отъ обывателей; строго было запрещено прибѣгать къ реквизиціямъ; взысканіе недоимокъ, состоявшихъ по 1-ое Іюня 1813 г., было отмѣнено и, наконецъ, Александръ въ Труа издалъ 1-го Февраля 1814 г. указъ объ отмѣнѣ налога на напитки по деревнямъ, сбора съ патентовъ, а также личныхъ податей, дававшихъ около 6-ти милліоновъ флориновъ въ годъ. Проѣздомъ черезъ Пулавы императоръ приказалъ возвратитъ обывателямъ *подымную подать въ двойномъ размѣрѣ*. Желая поднять сельское хозяйство, разоренное поставками бьюковъ для транспортовъ, онъ приказалъ раздать земледѣльцамъ до 5000 лошадей, оставшихся излишними для военнаго вѣдомства за расформированіемъ арміи. Польская армія была въ жалкомъ положеніи; большая часть ея находилась въ плѣну. По распоряженію Императора, плѣнные были освобождены и получили позволеніе возвратиться на родину. Видимо оказывалось уваженіе этимъ храбымъ воинамъ. Прежде нежели была рѣшена

участь Герцогства Варшавскаго, этой арміи сохранили все ея содержаніе, чины, знаки отличія. Она скоро явилась предметомъ особливої заботливости августѣйшаго брата Императора; онъ сдѣлался главнымъ ея начальникомъ. Благодаря настойчивости Александра, въ продолженіи долгихъ и сложныхъ переговоровъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, выгоды Польши не были упущены, и его благосклонныя намѣренія получили осуществленіе. Когда судьба вновь принудила взяться за оружіе, Александръ былъ до того благосклоненъ къ Польшѣ, что освободилъ ее отъ участія во вновь возникшей войнѣ. Онъ учредилъ временное правительство, начерталъ основныя начала конституціи, а затѣмъ даровалъ странѣ 15 Ноября 1815 года конституціонную хартію“.

Преобразование Россійскаго временнаго правительства.

Дѣло № 53 (по описи № 251). 1 Юня 1815 г. На шести листахъ.

Копія именнаго указа В. С. Ланскому.

Василій Сергѣевичъ! По совершенномъ прекращеніи временныхъ причинъ и обстоятельствъ, коими руководствуясь призналъ я нужнымъ опредѣлить Россійскихъ чиновниковъ въ званія надзирателей и помощниковъ по разнымъ частямъ внутренняго управленія въ округахъ бывшаго Герцогства Варшавскаго, равно какъ и по провіантской части, таковое распоряженіе въ отношеніи къ должностямъ временно имъ препорученнымъ было бы *) устанавливаемому отнынѣ въ семь краѣ порядку и клонилось бы единственно къ отягощенію онаго, толико уже претерпѣвшаго въ военное время. По сему, уваживъ истощенное сіе положеніе, повелѣваю вамъ снестись по сему предмету съ г. тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ и, сообразивъ съ нимъ удобнѣйшія мѣры, немедленно мнѣ представить: 1-ое, имянной списокъ всѣмъ Россійскимъ чиновникамъ, состоящимъ подъ вашимъ вѣдѣніемъ, съ означеніемъ исправляемыхъ ими должностей, производимаго имъ жалованья, ихъ поведенія и того общенароднаго объ нихъ мнѣнія, которое снискано каждымъ при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей. При семь случаѣхъ потребно также означить мѣста, при которыхъ они находились въ Россіи и какое получали жалованье по прежнему ихъ званію. 2-ое, засвидѣтельствованіе трудовъ и заслугъ каждаго чиновника, съ означеніемъ, по благоусмотрѣнію вашему, денежныхъ награжденій, знаковъ отличія и другаго рода возмездій, соразмѣрныхъ оказанному имъ усердію, безкорыстію и способностямъ. 3-е, начертаніе тѣхъ распоряженій, посредствомъ коихъ удобнѣе можно будетъ приступить къ постепенному ихъ увольненію отъ исправляемыхъ ими должностей въ теченіе пяти мѣсяцевъ, считая отъ сего числа. Въ исполненіе сего

*) Въ этомъ мѣстѣ, очевидно, пропущено какое-то слово.

начнете вы сіе преобразование съ чиновниковъ, коихъ содѣйствіе въ производствѣ дѣлъ не признано будетъ необходимымъ. Вы не оставите при семъ случаѣ представить и о тѣхъ, которые, отличными качествами успѣвъ пріобрѣсти особенное жителей уваженіе, изъявляютъ желаніе получить право гражданства наравнѣ съ тамошними уроженцами, съ намѣреніемъ посвятить себя службѣ нашей въ семъ краѣ.

Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Вѣна. Маія 12/24 дня 1815.

Англійскіе миссіонеры и Еврейскій вопросъ. 1816.

Дѣло № 105 (по описи № 357). На 51 листѣ.

Письмо князя А. Н. Голицына¹⁾ къ Н. Н. Новосильцеву.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыскій²⁾ въ 1814 г. представлялъ Государю Императору, что многія особы духовнаго и свѣтскаго званія желаютъ учредить въ Варшавѣ Библейское Общество, подобное состоявшемуся въ Россіи.

Его Императорское Величество изъявилъ на сіе высочайшее соизволеніе; но по обстоятельствамъ, препятствовавшимъ сему предпріятію совершиться, Общество доселѣ не было учреждено. Пребываніе нынѣ въ Варшавѣ агента Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества и члена Россійскаго Общества г. Пинкертонъ, извѣстнаго по усердію и дѣятельности его къ распространенію чтенія Слова Божія, представляетъ возможность возобновить сіе дѣло

Поручая г. Пинкертонъ въ благорасположеніе вашего превосходительства, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, оказать содѣйствіе ваше къ учрежденію въ Варшавѣ Библейскаго Общества. Честь имѣю быть и пр.

№ 154. С. П-бургъ. Августа 9 дня. 1816.

Записка Новосильцова къ графу Курутъ, отъ 7/19 Декабря 1822 г., № 910.

Члены Лондонскаго общества для обращенія Евреевъ, гг. Гофъ и Вендтъ, пріѣхавшіе съ высочайшаго дозволенія въ Россію, съ намѣреніемъ распространять христіанское ученіе между Евреями, и на осно-

¹⁾ Голицынъ кн. Александръ Николаевичъ (1773—1844), министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

²⁾ Чарторыскій, или же Чарторижскій, кн. Адамъ Адамовичъ (1770—1861).

ваніи открытыхъ листовъ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, данныхъ имъ на свободное пребываніе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россійской имперіи, гдѣ признають они нужнымъ, прибывъ нынѣ въ Варшаву въ намѣреніи возвѣщать христіанское ученіе между Евреями Царства Польскаго, просятъ предстательства моего, дабы по примѣру дозволенія, какое дано отъ здѣшняго правительства находящемуся въ Варшавѣ члену Лондонскаго Библейскаго Общества раздавать переводъ Библии, дозволено имъ было раздавать между Евреевъ экземпляры Новаго Завѣта и другія духовныя сочиненія, какія раздавали они въ Россіи.

Я всепокорнѣйше прошу его превосходительство Дмитрія Дмитріевича Куруту войти о семъ къ Государю Цесаревичу съ представленіемъ, и какое послѣдуетъ на сей предметъ повелѣніе Его Императорскаго Высочества почтить меня увѣдомленіемъ.

Письмо (подлинникъ) князя Голицына къ Новосильцову.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ.

По высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, воспослѣдовавшему на докладъ мой, прибыли въ Россію въ прошломъ 1822 г. члены Лондонскаго общества для обращенія Евреевъ, Коль, Беккеръ, Гофъ и Вендтъ, имѣя цѣлю раздавать между Евреями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обитають, экземпляры Новаго Завѣта и разнаго рода духовныхъ сочиненій. Они снабжены тогда же отъ г. управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ открытыми листами, предоставляющими имѣть пребываніе имъ въ Россіи, гдѣ пожелаютъ, и поручающими мѣстнымъ начальствамъ оказывать имъ законное покровительство и защиту.

Такимъ образомъ они отправились въ разныя мѣста для произведенія въ дѣйствіе предначертанной для нихъ цѣли. Но одинъ изъ нихъ, г. Беккеръ проѣхалъ и далѣе, въ Царство Польское, откуда писалъ въ недавнемъ времени, что онъ встрѣчаетъ крайнее затрудненіе въ полученіи изъ Польскихъ таможенъ Новыхъ Завѣтовъ и Еврейскихъ книжекъ, каковыя присылаются къ нимъ. Посему онъ и просилъ убѣдительно объ отвращеніи отъ него сихъ неудобствъ.

По докладѣ мною объ ономъ, Государь Императоръ высочайше указать мнѣ соизволилъ снести съ вашимъ превосходительствомъ о мѣрахъ къ безпрепятственному полученію г. Беккеромъ всѣхъ означенныхъ книгъ изъ Польскихъ таможенъ, какія вы признали бы нужными предпринять. Посему покорнѣйше прошу васъ о мнѣніи вашемъ по

таковому обстоятельству меня увѣдомить, для скорѣйшаго облегченія Беккера въ благотворныхъ дѣйствіяхъ, къ распространенію Евангельскаго Свѣта между Евреями служащихъ.

Въ С.-Петербургѣ 12-го Маія 1823 г. № 114.

Очевидно, наше правительство мечтало, подобно Наполеону, объ ассимиляціи Евреевъ. Въ „Gazete korespondenta warszanskiego i zagranicznego“ за 1806 годъ (№№ 78, 79 и 80) встрѣчаемъ весьма интересныя свѣдѣнія о созванномъ Наполеономъ въ Парижѣ съѣздѣ Французскихъ Евреевъ. Имъ было предложено Наполеономъ 12 вопросныхъ пунктовъ, вытекавшихъ изъ главнаго положенія: относятся ли Евреи къ Французамъ какъ къ своимъ братьямъ, или же какъ чужеземцамъ (czyli żydzi mają francuzów za swoiigh braci, czyli za obcych)? Сущность отвѣтовъ Еврейскаго съѣзда заключалась въ слѣдующемъ: начать съ того, что главный и единственный двигатель Еврейскаго народа, это всегдашняя любовь къ ближнему. Самъ Богъ заповѣдалъ Евреямъ оставлять на поляхъ часть жатвы для бѣдняка, для чужеземца и для вдовы. „Не обходитесь, повелѣлъ Богъ, дурно съ чужеземцемъ, не дѣлайте ему обиды, любите его“. Моисей и Давидъ еще болѣе пояснили эту заповѣдь, а одинъ изъ рабиновъ, Гилесъ, сказалъ: „не дѣлай ближнему твоему того, чего не желаешь себѣ; это есть религія, а все остальное лишь консеквенція ея.“ Евреи никогда не были „гандляжами“, а только земледѣльцами. Если же и вели торговлю съ сосѣдями, то вели ее честно и не имѣли никакого понятія о лихвѣ и процентахъ до тѣхъ поръ, пока не познакомились съ Римскимъ правомъ, трактующимъ объ этихъ вещахъ. Да и то, знакомство это было чисто теоретическое. Хотя, конечно, нельзя утверждать, чтобы среди Евреевъ не нашлось человѣка, чувствующаго склонность къ лихвѣ, но это единственные факты, существующіе и среди христіанъ... Евреи, избравшіе Францію своимъ отечествомъ, горячо любятъ ее и подчиняются законамъ ея, какъ настоящіе Французы. Весьма естественно, что Французовъ они считаютъ своими братьями, родниться съ которыми, посредствомъ браковъ, не воспрещается „Еврейскимъ правомъ“. Чувство любви къ Франціи на столько сильно у нихъ, что передъ нимъ исчезаютъ всѣ ихъ расовыя и религіозныя связи съ чужеземными Евреями. Англійскій, на примѣръ, или Нѣмецкій Еврей является для Французскаго Еврея совершеннымъ чужеземцемъ, и самъ, въ свою очередь, чужеземецъ для нихъ, и т. д.

Между прочимъ, въ той же газетѣ, № 104, помѣщено извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ, въ Парижѣ, любопытной книги, на Еврейскомъ и Французскомъ языкахъ, трактующей о томъ, что такое Еврей-христіанинъ („Co jest izraelita-chrzescianin? Filozofia nasza jest religia Abrahama, a po tym idzie akt wiary“). Авторъ этой книги, поручикъ императорскаго дома инвалидовъ, крещеный Еврей Русь обращается къ молодымъ Евреямъ съ совѣтомъ вступать на службу подъ знамена Наполеона, съ цѣлью возвращенія Іерусалима и возстановленія Соломонова храма.

**Письмо Н. Н. Новосильцова къ князю А. Н. Голицыну.
30-го Августа (11-го Сентября) 1823 г. № 945.**

Александръ Николаевичъ! На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 22-го Маія сего года за № 114, по высочайшему повелѣнію ко мнѣ послѣдовавшаго, о доставленіи прибывшему въ Царство Польское члену Лондонскаго Общества г. Беккеру средствъ къ безпрепятственному полученію имъ задержанныхъ на Польскихъ таможахъ книгъ Новаго Завѣта и другихъ Еврейскихъ книжекъ, служащихъ къ распространенію между Евреями христіанской вѣры и выписываемыхъ имъ отъ иностранныхъ обществъ, спѣшу вашему сіятельству, нынѣ, по возвращеніи моемъ изъ г. Вильны, сообщить въ копіи полученный мною на сіе отъ Намѣстника Царства Польскаго князя Заіончка *) за № 11502 отвѣтъ, и съ приложеннымъ при ономъ рапортомъ, послѣдовавшимъ къ нему отъ правительственной комиссіи финансовъ Царства Польскаго, изъ коего ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что г. Беккеръ самъ причиною остановки, которую онъ встрѣтилъ на здѣшной таможнѣ; ибо вмѣсто того чтобы, по существующимъ здѣсь правиламъ, предварительно истребовать чрезъ правительственную комиссію вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго отъ здѣшной же комиссіи финансовъ надлежащій паспортъ для пропуска въ Царство Польское выписываемыхъ имъ изъ заграницы духовныхъ Еврейскихъ книгъ и особое отъ оной на то дозволеніе, желалъ прямо провезти тѣ книги чрезъ таможду, которая за неимѣніемъ у него таковыхъ видовъ и задержала оныя на основаніи постановленія комиссіи финансовъ и правилъ вновь учрежденнаго тарифа.

**Изъ рапорта правительственной комиссіи финансовъ князю
Заіончкѣ, отъ 2-го Іюля н. ст. 1823 года.**

На основаніи вновь учрежденнаго тарифа Еврейскія книги запрещено ввозить; а хотя книги выписываемыя членомъ Лондонскаго Общества г. Беккеромъ для распространенія между Евреями христіанской вѣры по уваженію настоящей ихъ цѣли и должны бы быть изъемлемы изъ таковаго запрещенія, но поелику писаны онѣ на Еврейскомъ

*) Заіончекъ, Іосифъ (1752—1826 г.), Польскій генералъ. Сражался подъ знаменами Костюшки; послѣ взятія Русскими войсками Праги и Варшавы, поступилъ на службу Франціи. Въ сраженіи подъ Бородинымъ потерялъ ногу. Въ 1815 г. императоръ Александръ назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ и возвелъ въ княжеское достоинство.

языкъ, а за всѣми таковыми велѣно отъ комиссіи финансовъ, для отвращенія всякаго злоупотребленія, имѣть надзоръ, и безъ предварительнаго разрѣшенія комиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія Царства Польскаго оныхъ не пропускать: то и осторожность таковая, необходимая для пользы края, не будетъ для сказаннаго Общества, въ которомъ есть г. Беккеръ членомъ, въ Царствѣ Польскомъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ, если только г. Беккеръ заблаговременно и чрезъ посредство комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія требовать будетъ себѣ паспорта.

Чтоже же касается до остановки, на кою нынѣ приносятъ жалобу г. Беккеръ, оная произошла отъ того единственно, что г. Беккеръ тогда уже требовалъ паспорта, когда книги его прибыли на границу Царства, а потому оныя за неимѣніемъ таковаго и задержаны таможеню. За министра, статсъ-совѣтникъ Платеръ. Генеральный секретарь Крушинскій.

Письмо Н. Н. Новосильцова къ графу Курутъ, отъ 1-го Іюня 1827 г., № 823.

Милостивый государь графъ Дмитрій Дмитриевичъ!

Находящіеся въ Варшавѣ члены Лондонскаго Общества для обращенія Евреевъ Георгъ Вендтъ и Макъ-Коль, имѣя желаніе отправиться въ мѣстечко Бердичевъ, въ намѣреніи распространять христіанское ученіе между тамошними Евреями, просили меня исходатайствовать для нихъ паспортъ на проѣздъ въ Бердичевъ и снабдить ихъ письмомъ къ Волынскому гражданскому губернатору, дабы онъ принялъ ихъ въ свое покровительство.

Въ подкрѣпленіе просьбы своей, они представили мнѣ: 1) Открытый листъ, данный 21-го Іюля 1822 г. на имя Георга Вендта отъ управлявшаго тогда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, свидѣтельствующій, что онъ Вендтъ прибылъ въ Россію съ высочайшаго соизволенія блаженныя памяти государя императора Александра Павловича и имѣетъ позволеніе отъ правительства на свободное пребываніе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россійской имперіи, гдѣ признаетъ нужнымъ. 2) Подлинное письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Матушевича отъ 11-го Августа 1826 г. изъ Москвы къ Макъ-Колю писанное, въ которомъ по порученію графа Нессельроде увѣдомляетъ его г. Матушевичъ, что его величество Государь Императоръ высочайше дозволяетъ Самсону Меіерсону и Ивану Гольдбергу содѣйствовать ему въ предпріятомъ имъ распространеніи христіанской вѣры между Евреями, и что общія начала изложенныя на сей предметъ въ инструкціи, данной ему упомянутымъ Лондонскимъ Обществомъ, его императорскимъ величествомъ одобрены.

Хотя письма сего и не могу принять за формальное объявление высочайшей воли, однакожь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно писано было по приказанію графа Нессельроде, и что дѣло сіе было представлено его императорскому величеству.

Несомнѣнно, эти господа Англійскіе миссіонеры прекрасно знали, въ какой ужасной грѣховности обрѣтались Бердичевскіе Евреи и какъ, вслѣдствіе этого, нуждались въ благотворномъ воздѣйствіи членовъ Лондонскаго просвѣтительнаго общества. Объ этой грѣховности мы имѣемъ свидѣтельство Киевскаго ген.-губернатора Бибикова, по поводу возбужденнаго въ 1843 г. ходатайства именитыхъ домохозяевъ Бердичева объ обращеніи этого мѣстечка въ городъ, съ учрежденіемъ въ немъ городской думы и магистрата. Не взирая однакоже на утвержденіе просителей, что Правительствующій Сенатъ еще въ 1801 г. признавалъ Бердичевъ „коммерческимъ въ Европѣ мѣстомъ“, а также на ихъ собственные заявленія о томъ, что „въ число естественныхъ богатствъ Бердичева полагается природный умъ жителей“ и что „онъ великими своими успѣхами принесетъ пользу государству и частнымъ людямъ немалую“, ген.-ад. Бибиковъ обрисовалъ прежній и современный ему Бердичевъ въ самыхъ темныхъ тонахъ. Оказывается, что въ прежнее время Бердичевъ былъ средоточіемъ контрабанднаго промысла; въ немъ обращались миллионныя капиталы, похищенные утайкою казенныхъ пошлинъ и совершались всѣ роды преступленій безнаказанно и безгласно, чему способствовало также снисходительное отношеніе къ Бердичевскимъ Евреямъ Житомирскихъ властей. Въ Бердичевѣ дѣлали все, что хотѣли. Бердичевъ былъ могуществомъ, спасавшимъ отъ суда и закона всякое преступленіе. Огромныя ярмарки соединяли въ немъ, по нѣскольку разъ въ годъ, едва-ли не большую часть Поляковъ Галиціи, Познани, Царства Польскаго и западныхъ губерній. Они ѣхали туда какъ по долгу. Огромная карточная игра, тамъ происходившая, служила также цѣлью пріѣзда. Поляки проигрывались и утѣшали себя мечтами о какомъ нибудь тайномъ политическомъ обществѣ. Бердичевъ не разъ былъ и мѣстомъ съѣзда политическихъ заговорщиковъ, и отъ него преступныя правила и мысли развозились во всѣ концы бывшей Польской республики... и т. д. (А. Мердеръ. Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. „Русская Старина“, 1901 г. Апрель). Прибавимъ къ этому, что въ Бердичевѣ же, между прочимъ, происходили свиданія членовъ Южнаго Общества съ представителями Верховнаго Совѣта Польскаго тайнаго (патріотическаго) общества.

Рапортъ Н. Н. Новосильцова, отъ 22-го Ноября (4-го Декабря) 1829 г. за № 1722 великому князю Цесаревичу.

Ваше высочество! Тотчасъ по полученіи вашего повелѣнія отъ 7/10 Ноября, по поводу прошенія, поданнаго на высочайшее имя гг. Макъ-Колемъ и Беккеромъ, я съ величайшимъ вниманіемъ разсмотрѣлъ и самую просьбу этихъ лицъ, и препровожденные ко мнѣ документы, съ тѣмъ, чтобы представить вашему высочеству самый обстоятельный и мотивированный докладъ по этому дѣлу.

Я началъ съ того, что собралъ справки о поведеніи означенныхъ миссіонеровъ и, въ этомъ отношеніи, полученныя мною свѣдѣнія оказались для нихъ благопріятными.

Просители называютъ себя агентами одного частнаго общества въ Лондонѣ, которое имѣетъ цѣлью обращеніе Евреевъ (въ христіанскую вѣру). Президентомъ этого общества состоитъ членъ Англійскаго парламента, Томасъ Бэрингъ, а вице-президентомъ г. Леви Уэй, который былъ извѣстенъ съ хорошей стороны въ Бозѣ почивающему императору Александру. Это общество находится подъ покровительствомъ Англиканскихъ епископовъ, Глостерской епархіи и св. Давида. Оно существуетъ уже 11 лѣтъ, успѣвъ основать за это время свои миссіи, для обращенія Евреевъ, въ Амстердамѣ, Франкфуртѣ, Лейпцигѣ и Польшѣ. Денежныя средства общества слагаются изъ добровольныхъ взносовъ; но, какъ объясняютъ сами просители, общество не имѣетъ правительственной санкціи и не пользуется его покровительствомъ.

Гг. Макъ-Коль и Беккеръ находятся въ Варшавѣ около пяти лѣтъ. Когда они прибыли сюда, ни тотъ, ни другой не были пасторами. Г. Беккеръ, Нѣмецъ, былъ посвященъ въ духовный санъ г. Дилемъ, въ Варшавской реформатской церкви, а г. Макъ-Коль, какъ Англичанинъ, предпочелъ получить посвященіе въ Лондонѣ отъ Англиканскаго епископа, послѣ чего снова возвратился въ Варшаву. Оба они отправляютъ Англиканское богослуженіе въ Варшавской реформатской церкви, что на улицѣ Лешно. Тамъ же они произносятъ проповѣди передъ мѣстной Англиканской общиной и увѣщываютъ Евреевъ. Съ нѣкотораго, впрочемъ, времени, они начали отправлять свое богослуженіе, утреннее только, въ одномъ частномъ домѣ, нанятомъ ими въ той же улицѣ. Это произошло вслѣдствіе того, что реформатское богослуженіе, обыкновенно, продолжается очень долго, и имъ приходилось или служить свою утреню въ это же самое время, или же ждать окончанія реформатской службы.

Такимъ образомъ, означенныя лица являются, съ одной стороны, въ качествѣ священниковъ Варшавской Англиканской общины, состоящей изъ 40 человѣкъ, и съ другой—въ качествѣ агентовъ Лондонскаго общества обращенія Евреевъ въ христіанство, сохраняя при этомъ, въ такой двойственной роли ихъ въ Царствѣ, свое званіе иностранцевъ и не принося вѣрноподаннической присяги.

Ихъ труды по обращенію Евреевъ имѣли до настоящаго времени довольно ограниченныя результаты. Въ прошломъ году, какъ эти миссіонеры сами объясняютъ, они окрестили всего только 14 Евреевъ; въ текущемъ же году крещенія помогались (надоѣдали) 12 человѣкъ, но не

не получили его: одни—потому, что не были достойны этого таинства, а другіе—въ виду отсутствія у нихъ средствъ къ существованію послѣ обращенія. Миссіонеры ничего не упоминаютъ о тѣхъ, надъ кѣмъ они трудились въ предшествовавшіе годы. Впрочемъ, они обращаютъ Евреевъ не въ Англиканскую религію, исповѣдуемую Англійскимъ королемъ, а въ реформатскую, въ храмъ, въ которомъ они же и отправляютъ богослуженіе. На ихъ обязанности лежитъ также раздача Евреямъ экземпляровъ Новаго Завѣта и книгъ благочестія, напечатанныхъ на жаргонѣ Польскихъ Евреевъ; такихъ книгъ, со времени своего прибытія сюда, они уже распространили около 3000 томовъ, какъ сами о томъ заявили въ запискѣ, поданной правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Какъ Англиканскіе священники, они могутъ быть сравнены съ духовными особами въ Англійскихъ факторіяхъ, заведенныхъ въ Россіи; что же касается ихъ функцій по обращенію Евреевъ, то въ этомъ отношеніи воздѣйствіе ихъ на подданныхъ здѣшняго края осуществляется во имя какой-то частной иностранной власти. Въ этомъ отношеніи ихъ слѣдовало бы подчинить правительственному надзору.

Именно, какъ миссіонеры по обращенію Евреевъ и агенты добровольнаго общества, они и подали прошеніе на высочайшее имя съ ходатайствомъ объ облегченіи имъ ихъ работъ.

Прошеніе это содержитъ въ себѣ три главныхъ пункта.

1) Они ходатайствуютъ о томъ, чтобы миссіонерамъ было дано общее разрѣшеніе работать надъ обращеніемъ Евреевъ и чтобы, въ силу такого разрѣшенія, прибывающіе изъ Лондона миссіонеры могли, не обращаясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ С.-Петербургъ, получать соотвѣтственное уполномочіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго. Они ходатайствуютъ, сверхъ того, чтобы его величество соизволилъ на возобновленіе разрѣшенія, даннаго имъ почивающимъ въ Бозѣ императоромъ Александромъ, на проповѣданіе Евангелія Евреямъ бывшихъ Польскихъ провинцій, присоединенныхъ затѣмъ къ Имперіи;

2) Чтобы было дозволено имъ открывать элементарныя школы для образованія Еврейской молодежи;

3) Чтобы книги, предназначенныя для обращенія Евреевъ, не подлежали вѣдѣнію комитета Еврейской цензуры, которая, естественно, противодѣйствуетъ обращенію своихъ единовѣрцевъ и уже помѣшала распространенію тысячи экземпляровъ Еврейской Библии, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней оказались опечатки, хотя Лондонское изданіе является болѣе правильнымъ, чѣмъ всѣ другія такого рода изданія,

предназначенныя для Евреевъ. Наконецъ, они просятъ, дабы имъ разрѣшено было самимъ печатать книги, необходимыя для ихъ дѣла.

Независимо этихъ трехъ пунктовъ они ходатайствуютъ еще о томъ, чтобы его величество удостоилъ споспѣшествовать основанію ремесленнаго дома для молодыхъ крещенныхъ Евреевъ; въ этомъ домѣ ихъ обучали бы книгопечатанію, переплетному и токарному ремесламъ. Для старыхъ же прозелитовъ и для женщинъ могла бы быть основана колонія, уже разрѣшенная указомъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра, послѣдовавшимъ въ 23 день Марта 1817 года.

Его величество изволилъ повелѣть препроводить это прошеніе сначала къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Послѣдній, не останавливаясь специально на первомъ пунктѣ ходатайства и сдѣлавъ историческій очеркъ всего, что касается миссіонеровъ, высказалъ мнѣніе, что Англиканскую миссію для обращенія Евреевъ слѣдовало бы поставить въ зависимость отъ министерства духовныхъ дѣлъ; чтобы миссіонеры подлежали юрисдикціи соединенной Лютеранско-реформатской консисторіи; чтобы книги ихъ были разсматриваемы цензурою, установленною для Еврейскихъ книгъ; чтобы они давали правительству клятвенное обѣщаніе въ томъ, что сношенія ихъ съ Лондонскимъ обществомъ будутъ проходить чрезъ руки правительства, подобно тому, какъ это практикуется въ сношеніяхъ католическихъ епископовъ съ Римскимъ престоломъ; чтобы они представляли въ министерство духовныхъ дѣлъ періодическія донесенія о своей дѣятельности, доселѣ почти неизвѣстной этому министерству; наконецъ, такъ какъ учрежденіе элементарныхъ Еврейскихъ школъ входитъ въ общіе планы правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, то чтобы миссіонерамъ былъ воспрещенъ всякій иной прозелитизмъ, за исключеніемъ того, который имѣетъ цѣлью обращеніе Евреевъ.

Вслѣдъ за симъ, по повелѣнію его высочества, былъ затребованъ отзывъ отъ Правительственнаго Совѣта. Послѣдній отнесся къ предположенію министра духовныхъ дѣлъ о необходимости установленія зависимости Англійской миссіи отъ его министерства, какъ къ излишнему требованію. Точно также онъ нашелъ излишнимъ и подчиненіе миссіонеровъ главной протестантской консисторіи, въ виду того, что эти миссіонеры исповѣдуютъ другіе религіозные принципы, если, конечно, не сдѣлать одного изъ нихъ членомъ той же консисторіи. Равно излишнимъ представляется Правительственному Совѣту воспрещеніе миссіонерамъ всякаго иного прозелитизма, за исключеніемъ того, который имѣетъ цѣлью обращеніе Евреевъ; потому что въ этомъ отношеніи существуютъ общіе законы, и дѣло идетъ не о томъ, что запрещено

миссіонерамъ, а о томъ, что имъ дозволено. Что касается вопроса объ учрежденіи школъ для Еврейской молодежи, то Совѣтъ полагаетъ, что ходатайство миссіонеровъ можетъ быть удовлетворено, сообразно съ общими планами, принятыми комиссіею духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Засимъ, книги, печатаемыя самими миссіонерами, или же присылаемыя имъ изъ за границы, должны подлежать, по мнѣнію Совѣта, общей цензурѣ, и, наконецъ, предположеніе объ устройствѣ колоній для новообращенныхъ Евреевъ признается заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что Евреи будутъ разсматриваться тогда уже какъ хрістіане.

Представляя вашему высочеству отчетъ объ этихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ, по поводу прошенія гг. Магъ-Коля и Беккера, министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и Правительственнымъ Совѣтомъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность доложить о томъ, что мнѣ внутренно внимательнымъ изученіемъ этого вопроса и чтеніемъ означенныхъ мнѣній.

1) Англійскіе миссіонеры просятъ объ общемъ разрѣшеніи для обращенія Евреевъ, чтобы оно распространялось и на ихъ новыхъ сотрудниковъ, которые будутъ прибывать изъ Лондона, не нуждаясь въ испрашиваніи особыхъ, каждый разъ, разрѣшеній изъ С.-Петербурга, и чтобы такое общее разрѣшеніе имѣло силу и по отношенію къ Польскимъ провинціямъ, присоединенныхъ къ Имперіи, на что, по словамъ просителей, уже послѣдовало согласіе почивающаго въ Бозѣ императора Александра.

Это общее разрѣшеніе просители уже имѣютъ для себя лично; что же касается новыхъ миссіонеровъ, которые будутъ пріѣзжать изъ Лондона лишь время отъ времени, то я не вижу никакого неудобства въ томъ, что ими будутъ испрашиваемы спеціальныя, каждый разъ, разрѣшенія. Вѣдь, могутъ же встрѣтиться случаи, когда придется сдѣлать какое нибудь возраженіе противъ кого-либо изъ новыхъ миссіонеровъ. Засимъ, что касается дозволенія Евангельской проповѣди Евреямъ въ бывшихъ Польскихъ, а нынѣ Русскихъ провинціяхъ, то, казалось бы, что этого нельзя допустить безъ дальнѣйшаго обсужденія вопроса; ибо, хотя Англиканскіе миссіонеры занимаются здѣсь обращеніемъ Евреевъ въ реформатское исповѣданіе, признанное въ Царствѣ, но въ тѣхъ Польскихъ провинціяхъ, гдѣ не имѣется реформатской церкви, они могли бы обращать Евреевъ въ Англиканское исповѣданіе, что поставило бы новообращенныхъ во всемъ, что касается религіи, въ зависимость отъ Англійскаго короля, какъ главы Англиканской церкви. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы еще подождать того времени, когда опытъ миссіи

просителей увѣнчается спасительной перемѣной въ Евреяхъ Царства, что не очень-то замѣтно пока.

2) Они просятъ о дозволеніи имъ устраивать элементарныя школы для образованія Еврейской молодежи. Просьба эта можетъ быть удовлетворена, но съ тѣмъ, чтобы эти школы находились подъ наблюденіемъ протестантской консисторіи и надзоромъ правительства, какъ всѣ другія школы.

3) Наконецъ, они просятъ объ особомъ разрѣшеніи относительно освобожденія отъ Еврейской цензуры книгъ, предназначенныхъ для обращенія Евреевъ, какъ тѣхъ, которыя будутъ печатать они сами, такъ и тѣхъ, которыя будутъ получаться ими изъ за границы. Въ этомъ отношеніи они выражаются весьма неправильно. Въ Варшавѣ нѣтъ Еврейской цензуры, или же цензуры, исполняемой Евреями; но есть Цензурный Комитетъ, состоящій изъ христіанъ и имѣющій цѣлью разсмотрѣніе книгъ, написанныхъ на Еврейскомъ языкѣ. Въ этомъ Комитетѣ находится только одинъ Еврей, и то не въ качествѣ члена, а эксперта. Было бы весьма неудобно освобождать отъ цензуры, установленной для книгъ, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны, книги, напечатанныя или введенныя въ Царство неизвѣстными индивидуумами. Всякое правительство имѣетъ въ этомъ отношеніи право надзора и отказаться отъ него не можетъ, безъ опасности.

Добавочное ходатайство Англійскихъ миссіонеровъ о дозволеніи имъ устроить ремесленный домъ, въ которомъ они обучали бы молодыхъ новообращенныхъ Евреевъ книгопечатанію, переплетному ремеслу и токарному, это ходатайство могло бы быть удовлетворено, тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ молодые Евреи, послѣ обращенія своими родственниками, имѣли бы возможность обезпечить свое существованіе. Кромѣ того, это способствовало бы распространенію въ краѣ ремеслъ, къ которымъ вообще Евреи весьма склонны. Конечно, учрежденіе и содержаніе такого дома должно зависѣть отъ средствъ самихъ просителей или же того общества, которое ихъ прислало, но никакъ не за счетъ правительства.

Что касается учрежденія колоній для старыхъ прозелитовъ и для женщинъ, то я въ этомъ отношеніи присоединяюсь къ мнѣнію Правительственнаго Совѣта, который находитъ, что подобныя учрежденія не представляютъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ колонисты, послѣ обращенія ихъ, должны быть уже разсматриваемы какъ христіане.

Во всякомъ случаѣ, я того мнѣнія, что Англійскіе миссіонеры во время пребыванія своего въ Царствѣ должны быть подчинены соединен-

ной Евангелической консисторіи, которой не могут не признавать уже потому, что одинъ изъ нихъ, г. Беккеръ, былъ посвященъ въ духовный санъ членомъ этой консисторіи, г. Дилемъ; и наконецъ еще потому, что сами они проповѣдуютъ въ реформатской церкви и обращаютъ тамъ же Евреевъ, слушающихъ ихъ проповѣди. По моему мнѣнію, нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы, какъ предлагаетъ Правительственный Совѣтъ, одинъ изъ этихъ миссіонеровъ былъ членомъ означенной Консисторіи; ибо Англійскіе миссіонеры, будучи иностранцами и не принимая вѣрнопопданнической присяги, не могли бы, вслѣдствіе разницы въ религіозныхъ принципахъ, быть безпристрастными сотрудниками признанной и законной церковной власти, ни составлять часть такого учрежденія какъ соединенная консисторія протестантскихъ церквей въ Варшавѣ. Не будучи признаны никакою властью, зависимые, какъ агенты, по обращенію Евреевъ, отъ какого-то общества, они, по необходимости, должны быть подчинены надзору правительства и наблюденію той самой консисторіи, членомъ которой желаютъ сдѣлать одного изъ нихъ.

По моему мнѣнію, чрезъ эту именно консисторію должны производиться всѣ сношенія Англійскихъ миссіонеровъ съ Лондонскимъ обществомъ, и такимъ образомъ, при посредствѣ этой консисторіи, означенныя сношенія будутъ подчинены контролю Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Имѣю честь представить при семъ разные документы, которые нашему высочеству было благоугодно передать мнѣ.

При всемъ томъ, не рѣшаясь удовлетворить прошенію означенныхъ иностранцевъ безъ соизволенія на то Государя Цесаревича, честь имѣю просить ваше сіятельство довести обстоятельство сіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, и почтить меня увѣдомленіемъ, благоугодно ли будетъ Его Императорскому Высочеству, чтобы я удовлетворилъ изъясненному ихъ желанію.

При семъ честь имѣю приложить обѣ вышеупомянутыя бумаги въ подлинникъ для представленія Его Императорскому Высочеству.

**Рапортъ Н. Н. Новосильцова Цесаревичу, отъ 4 Марта
1829 года, № 367. Варшава.**

Ваше Императорское Высочество соизволили передать мнѣ прошеніе Англійскаго миссіонера Меколь, жалующагося на здѣшнюю цензуру Еврейскихъ книгъ съ тѣмъ, чтобы я представилъ мое мнѣніе по оному.

Во исполненіе такового вашего императорскаго высочества повелѣнія, требовалъ я отъ здѣшной правительственной духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія комиссіи соотвѣтственныхъ по содержанию упомянутаго прошенія объясненій, изъ коихъ оказалось, что всѣ показанія миссіонера Меколь суть неосновательны; ибо Цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ состоитъ не изъ однихъ только, какъ проситель утверждаетъ, Евреевъ, но изъ христіанъ, подъ предсѣдательствомъ христіанина. Также усматривается, что здѣшной цензуры никогда намѣреніемъ не было дѣлать затрудненія благотворной цѣли Англійскихъ миссіонеровъ въ обращеніи Евреевъ въ христіанскую вѣру; ибо она, слѣдуя предписаннымъ ей правиламъ, не стѣсня ни въ чемъ миссіонеровъ, не позволяла токмо распространять между Евреями сочиненія, которыя бы, подъ предлогомъ наставленія въ христіанской религіи, питали въ семъ народѣ злобу и ненависть противъ Римско-Католическаго и Греческаго исповѣданій, на что посягнули миссіонеры выписаніемъ изъ за границы служащихъ къ тому сочиненій, въ чемъ ваше императорское высочество удостовѣриться соизволите изъ прилагаемыхъ при семъ въ переводѣ отношенія ко мнѣ г. министра Грабовскаго *) и двухъ извлеченій изъ рапортовъ Цензурнаго Еврейскихъ книгъ Комитета, касательно двухъ такового рода сочиненій, изъ коихъ одно, на Нѣмецкомъ языкѣ напечатанное, у сего представляется.

Сверхъ того изъ вышесказаннаго отношенія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія оказывается, что Англійскіе миссіонеры кромѣ вышеупомянутаго упущенія употребляютъ даже во зло по своекорыстнымъ видамъ дарованное имъ правительствомъ дозволеніе выписывать изъ за границы книги, а именно экземпляры Библии; ибо распространяютъ печатанныя въ Англии Еврейскія Библии въ подрывъ Еврейскихъ типографій въ Царствѣ.

По всѣмъ симъ причинамъ не заслуживаетъ по мнѣнію моему прошеніе Англійскаго миссіонера уваженія. При семъ имѣю счастье представить обратно подлинное прошеніе г. Меколь.

*) Грабовскій, Станиславъ. О немъ генералъ Колачѣвскій („Wspomnienia“, III, 30) говоритъ, что онъ былъ сыномъ короля Станислава Августа и известной Польской красавицы, пани Грабовской, слылъ за челоѣка весьма ученаго, много читалъ, плавно говорилъ; но все это было очень поверхностно. Въ дѣйствительности, у Грабовскаго не было ни опредѣленнаго взгляда на вещи, ни твердаго характера. Это была живая энциклопедія, поставленная во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Сходство его съ Станиславомъ-Августомъ было поразительное. Въ немъ были всѣ слабости отца, за исключеніемъ лишь волокитства. Впрочемъ, онъ былъ очень религіозенъ, и вслѣдствіе этого недруги называли его ставленникомъ Іезуитовъ (zwolennikiem Iezuitów).

Переводъ отношенія г. министра, предсѣдательствующаго въ Правительственной Коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго, отъ 28 Февраля 1829 г. (н. ст.) за № $\frac{2467}{332}$ въ Н. Н. Новосильцову.

Сходно отношенію вашего в-прева отъ $13/25$ слѣдующаго мѣсяца за № 252, при коемъ объявлено мнѣ, для представленія соотвѣтственныхъ объясненій, содержаніе просьбы Англійскаго миссіонера для приведенія Евреевъ въ христіанскую вѣру здѣсь находящагося г. Александра Меколь, поданной на высочайшее имя его императорскаго высочества Государя Цесаревича, въ коемъ проситель жалуется на здѣшнюю Еврейскихъ книгъ цензуру, якобы оная самовольно и неправильно задерживала оному миссіонеру книги, изъ Англійи имъ выписанныя, а именно экземпляры Библии, имѣю честь представить слѣдующія замѣчанія, изъ коихъ вапе высокопревосходительство, ложность, безосновательность и неправильность сказанной жалобы, увидѣть изволите.

1) Не соглашается съ истиною утвержденіе просителя, якобы здѣшній цензурный Еврейскихъ книгъ и сочиненій комитетъ составлялся изъ самыхъ только Евреевъ, ибо имѣеть онъ въ числѣ членовъ своихъ и христіанъ, и даже отъ начала утвержденія онаго христіанинъ въ немъ предсѣдательствуетъ.

2) Комитетъ сей ничего окончательно не дѣлаеть, но мнѣніе свое представляетъ на усмотрѣніе Правительственной Коммиссіи духовныхъ дѣлъ, которая, по разсмотрѣніи дѣла, рѣшаетъ оное.

3) Таковое мнѣніе, особливо въ случаѣ, когда какое либо сочиненіе признается подлежащимъ запрещенію, Комитетъ основываетъ на доказательствахъ, каковыми суть: выписка нѣкоторыхъ важнѣйшихъ мѣстъ сочиненія, а въ таковомъ сужденіи Цензурный Комитетъ далъ неоспоримые доводы своего безпристрастія, совершеннаго знанія дѣла и проницательности при отправленіи дѣлъ ему порученныхъ.

4) Уже нѣсколько разъ Цензурный Комитетъ Еврейскихъ книгъ находилъ въ сочиненіяхъ миссіонерами выписанныхъ мнѣнія и мысли, уставамъ всякой правильной цензуры противныя, а нѣсколько тому времени назадъ Правительственная Коммиссія симъ же миссіонерамъ повелѣла вывезти изъ края нѣкоторыя книги, по поводу, что заключали въ себѣ дерзкія оскорбленія духовенства Католическаго исповѣданія, коему конституціею признается особое попеченіе правительства. Въ сихъ книгахъ духовенство находится представленнымъ въ видѣ,

якобы торгуетъ спасеніемъ душъ прихожанъ. Тамъ находятся равнымъ же образомъ поношенія святыхъ истинъ Католической вѣры, и даже догматовъ Греческаго исповѣданія, доказательствомъ чего служить при семъ прилагаемая выпись изъ рапорта сказаннаго Комитета о двухъ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ: *Of Jews orew*, и два письма отъ нѣкоего купца въ Лондонѣ къ его другу въ Амстердамѣ.

5) Неосновательно также показаніе просителя, якобы рапортъ Цензурнаго Еврейскихъ книгъ Комитета, касательно книги, имъ просителемъ перепечататься имѣющей, былъ ложнымъ. Сказанный комитетъ не былъ того мнѣнія, какъ полагаетъ проситель, дабы сочиненіе сіе запрещено было, но представилъ только надобность перемѣнъ нѣкоихъ мѣстъ, а именно необходимость упущенія одного изъ оныхъ, гдѣ весьма общее выраженіе могло бы имѣть вредное вліяніе на умы еще недостаточно утвержденные въ вѣрѣ, а можетъ быть и дать поводъ къ неповиновенію постановленіямъ правительства. Книжка сія, на Еврейскомъ и Еврейско-Нѣмецкомъ языкахъ въ Лондонѣ напечатанная, находилась и въ моихъ рукахъ на языкѣ Нѣмецкомъ, которую имѣю честь при семъ препроводить, съ означеніемъ вышеупомянутаго мѣста на страницѣ 4.

6) Что же касается Библии нынѣ просителемъ выписанной, усматриваю надобность упомянуть, что Библия сія есть совершенно новаго изданія, почему требуетъ со стороны цензуры новаго разсмотрѣнія. Строгое же пересмотрѣніе и повѣрка столь важнаго сочиненія, въ коемъ малѣйшія повидимому ошибки и погрѣшности, весьма важныя могутъ имѣть послѣдствія, требуетъ значительнаго времени, тѣмъ паче, что цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ, усмотрѣвъ въ сей Библии значительное количество оныхъ, съ строжайшею осторожностію, начатое оной разсмотрѣніе обязанъ продолжать, о чемъ ваше высокопревосходительство съ сообщеннаго при семъ въ копіи рапорта удостовериться изволите.

Рапортъ сей есть вмѣстѣ доказательствомъ, что правительственная Комиссія упредила жалобу просителя, возобновивъ къ цензурному Комитету повелѣніе, касательно сообщенія оной мнѣнія о вышесказанной Библии, однакожь послѣдства таковаго своего повелѣнія, по поводу уважительныхъ причинъ, такъ скоро имѣть не можетъ.

Такимъ образомъ цензурный Еврейскихъ книгъ Комитетъ, удостоверясь въ сдѣланныхъ ему г. Меколемъ упрекахъ, имѣетъ въ обязанности присовокупить, что Правительственная Комиссія, исполняя высочайшую волю блаженной памяти государя императора и царя Александра I, не только не дозволяетъ съ своей стороны затруднять

въ чемъ либо дѣйствій Англійскихъ миссіонеровъ, но даже сама исходатайствовала имъ у Правительственной Коммисіи свободу выписыванія Еврейскихъ книгъ изъ за границы, хотя таковыя, яко въ таможенномъ тарифѣ непомѣщенные, не должны быть выписываемы. Но упомянутые миссіонеры, побуждаемы пользою выигрыша, во зло употребляютъ сіе дозволеніе, потому что отъ нѣсколькихъ лѣтъ уже выписываютъ изъ Англійи вмѣсто полной Библіи большое число экземпляровъ Ветхаго завѣта, безъ присовокупленія Новаго; каковое изданіе Ветхаго завѣта будучи безъ малѣйшихъ объясненій ни въ чемъ способствовать не можетъ къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру, а служитъ только къ значительному урону Еврейскихъ типографій въ Польшѣ и въ Россіи, гдѣ Еврейская Библія доселѣ съ успѣхомъ печаталась: ибо, будучи необходима для: каждаго Еврея, покупается въ большемъ числѣ.

Извлеченіе изъ двухъ рапортовъ Цензурнаго Еврейскихъ книгъ и сочиненій Комитета въ Правительственную Коммисію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія касательно двухъ сочиненій на Еврейско-Нѣмецкомъ языкѣ, въ весьма значительномъ числѣ Англійскими миссіонерами въ Царство Польское высланныхъ.

I. Относительно сочиненія подъ заглавіемъ *Of Jews crew*.

Нельзя также не упомянуть здѣсь мѣста, на стр. 94, въ упомянутомъ сочиненіи находящагося, котораго очевидно намѣреніемъ есть испроверженіе правила въ религіи Римско-Католической, весьма важнаго и необходимаго, которое въ переводѣ слѣдующаго есть содержанія: „А большая часть ихъ священниковъ, которые очень хорошо знаютъ худыя дѣла и безчестное житіе ихъ прихожанъ, однакожь именемъ своего Мессіаши разрѣшаютъ оныхъ отъ грѣховъ. Подобны они симъ въ древнихъ временахъ ложнымъ у Израильтянъ Пророкамъ, о которыхъ Господь рекъ устами Іереміи (глава 23, стихъ 17): Глаголятъ отвергающимъ мя, глагола Господь. Миръ будетъ вамъ, и всѣмъ, иже ходятъ въ похотѣхъ своихъ, и всякому ходящему въ строптивствѣ сердца своего рекоша: не придутъ на васъ злая. Такожъ (въ сей же главѣ, стихъ 14) и въ пророцѣхъ Іерусалимскихъ видѣлъ ужасная, прелюбодѣйствующихъ и ходящихъ во лжи, и скрѣпляющихъ руки строптивымъ, да отвратятся кійждо отъ пути своего лукаваго; быша мнѣ вси аки Содомъ. Такимъ образомъ наставляють они (т. е. священники) людей, дабы ненавидѣли Израильтянъ и насмѣвались ихъ вѣрованію во спасеніе свое. Они живутъ между собою въ совершенномъ

развратѣ нравовъ и безпорядкѣ, но книга ихъ закона, которую они Евангелиемъ называютъ, не преподаетъ имъ сіи, но противныя наставленія.

II. Касательно сочиненія подъ заглавіемъ: Два письма отъ купца въ Лондонѣ къ его другу въ Амстердамѣ.

Письма сіи заключаютъ въ себѣ разговоръ между нѣкимъ Езуитомъ, Саліонъ называющимся, и раввиномъ Ионатаномъ; кромѣ сихъ лицъ входитъ еще въ сей разговоръ одинъ ревностный протестантъ, именемъ Баве. Цѣлю разговора есть, дабы убѣдить раввина Ионатана въ истинѣ наиглавнѣйшихъ основаній христіанской религіи. Но надобно обратить вниманіе, къ чему все сіе наиболѣе клонится. Раввинъ представленъ въ видѣ истинно рѣдкаго человѣка, то есть знающаго весьма хорошо всю исторію и церковныя дѣйствія Римско-Католическаго исповѣданія, который, для оказанія неосновательности мнѣнія Езуита, повѣствуетъ о многихъ весьма удивительныхъ чудесахъ, о коихъ упоминаютъ церковные писатели. Сіе разительное повѣствованіе трогаетъ самаго Езуита, повергаетъ его въ страхъ и молчаніе такъ, что, наконецъ, сказанный протестантъ Баве, не желая допустить, чтобы раввинъ Ионатанъ остался побѣдителемъ, начинаетъ обширную рѣчь, въ коей соглашается, что упомянутыя раввиномъ чудеса, сотворенныя святымъ Францишкомъ, Іаковомъ, Георгіемъ, Патрикіемъ, Николаемъ и проч., не суть правдоподобны, и по таковомъ сознаніи продолжаетъ умствованіе свое, клонящееся къ собственнымъ видамъ.

Для выигранія времени, нѣсколько только мѣстъ рѣчи сей г. Баве въ переводѣ при семь сообщая, которыя находятся на страницѣ 33 и буквою *a* означены. „Но у послѣдователей папы еще случаются чудеса; они не безпокоятся, какой ущербъ таковымъ поведеніемъ причиняютъ христіанской вѣрѣ и общей пользѣ христіанства. Такимъ образомъ обманываютъ священники глупыхъ и легкомысленныхъ людей, обращая въ свою корысть понятія ихъ о мнимомъ спасеніи душъ“.

На сей же страницѣ подъ буквою *b*. „Никогда не можно было удобнѣе приискать перчатки по своей рукѣ, ниже башмака по ногѣ, какъ могутъ быть примѣнены къ Римскому папѣ слова Священнаго Писанія, гласящія о упадкѣ религіи; ибо очевидно о немъ говорится, когда упоминается, что сей упадокъ послѣдствіемъ ухищреній дьявола, посредствомъ могущества, торжества и ложныхъ чудесъ.“

На страницѣ 33 мѣсто буквой *c* означенное. „Въ другомъ мѣстѣ Новый завѣтъ говоритъ о звѣрѣ, подъ видомъ коего особа упомянутая означается, коему міръ удивляться будетъ и даже поклоненіе въ

молитвахъ отдавать, по тому поводу, что многія въ очахъ людей сотворить чудеса, но довольно уже о таковыхъ чудесахъ и безчестныхъ выдумщикахъ оныхъ“.

Но всего удивительнѣе, что самъ Езуитъ (какъ авторъ Англинскій, утверждаетъ) такъ сильно сею рѣчью протестанта поражается, что, перейдя на сторону его, такимъ образомъ изъясняется (страница 38 и 39, буква а): „Долженъ тебѣ сознаться въ томъ (говоритъ Езуитъ протестанту), что я есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ Римско-Католическими, но я не зналъ, что церковь наша вѣрованіемъ въ чудеса, какія среди оной существовали, причинила подобную гибель христіанской вѣрѣ. Сознаюсь и въ томъ, что отъ давняго времени былъ я того мнѣнія, что чудеса нашихъ святыхъ, между нами только уважительныя, суть по большей части ложны и выдуманы“.

Сей же Езуитъ заключаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: „Я думаю, что уже для меня и для иныхъ христіанъ наступило время, дабы подумать о уничтоженіи связи съ тою Церквою, которой основанія и обыкновенія суть побужденіемъ токмо косность и пребывать паче въ жидовщинѣ и въ невѣріи“.

Исполняя предписаніе Правительственной Коммиссіи отъ 5-го сего Генваря за № 14937/3077 о разсмотрѣніи Еврейской Библии, Английскими миссіонерами сюда выписанной, и представленіи о ней своего мнѣнія, Комитетъ имѣетъ честь, при возвращеніи приложеній, объяснить слѣдующее:

I. Вообще извѣстно, что малѣйшая ошибка или погрѣшность въ Священномъ Писаніи составляетъ немалую важность. Строгое за симъ наблюденіе (которое, кромѣ достаточнаго познанія предмета, продолжительнаго требуетъ времени) есть священною и трудною обязанностію тѣхъ лицъ, коимъ ввѣряется оное. Тѣмъ болѣе нужно прилежное вниманіе къ подлиннику Еврейскому, гдѣ не только слова и буквы, но и разнаго рода точки и ударенія имѣютъ влияніе на смыслъ цѣлыхъ выраженій.

Съ сей точки смотря на сей предметъ, цензурный Еврейскихъ книгъ и сочиненій комитетъ, получивъ отъ Правительственной Коммиссіи на разсмотрѣніе и мнѣніе Еврейскую подлинную Библию (Ветхій завѣтъ) новаго изданія, въ 1827 г. изъ Англійи выписанную, почелъ обязанностію строго исполнить сіе возложенное на него дѣло, и какъ ни тяжелъ и продолжителенъ былъ трудъ сей, занимался онъ безпрерывно въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ разсмотрѣніемъ сей книги.

Прежде объясненія существа дѣла, цензурный комитетъ полагаетъ необходимымъ представить содержаніе весьма громкаго заглавія сей книги, для удостовѣренія, что чѣмъ болѣе оно общаетъ, тѣмъ менѣе соглашается съ истиною. Сіе примѣчаніе равно послужитъ и къ доказательству того справедливаго основанія, на коемъ Комитетъ, между прочимъ, утверждаетъ свое мнѣніе о семъ сочиненіи, ниже, подъ буквою *d* изъясненное.

„БИБЛІЯ

(Ветхій завѣтъ),

„напечатанная съ точками, удареніями и съ примѣчаніями *криутиель* „называющимися.....*) (что значитъ: *читается иначе, а пишется иначе*), „также..... (что значитъ: находится въ текстѣ слово, которое не „читается, или противно). Съ буквами большими или меньшими, выше „линіи или наоборотъ написанными: все сіе по предписаннымъ правиламъ авторовъ Масоры..... *Содержитъ она также выписку главъ „подъ названіемъ Гафторесъ..... на праздники и суботные дни Израиль- „тянь, которая находится въ концѣ сей Библии. Сдѣлана тщательнѣй- „шая и точнѣйшая поправка древнѣйшихъ погрѣшностей, ошибкою „или незнаніемъ предмета учиненныхъ и пр.“.*

Еще кромѣ сего въ самомъ заглавіи тщеславія, изданіе сіе наполнено ошибками и погрѣшностями, происходящими или изъ недостатка словъ и буквъ, или изъ неправильнаго употребленія точекъ и удареній, которыя въ языкѣ Еврейскомъ, заступая мѣсто гласныхъ и грамматическихъ знаковъ, а сверхъ того имѣя опредѣлительнѣйшія качества, относительно формъ, наклоненій, времени, числа, рода, лица и проч., заслуживаютъ такового же вниманія, какъ и самыя выраженія. Цензурный Комитетъ открылъ уже болѣе трехъ сотъ такового рода ошибокъ въ семъ изданіи, но для выигрыша времени и въ избѣжаніе утомительнаго труда въ описаніи оныхъ, представляетъ при семъ выписку ста только таковыхъ ошибокъ. На каждую погрѣшность Комитетъ присовокупилъ свои замѣчанія, изъ коихъ всякій, незнающій даже Еврейскаго языка, можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности оныхъ и вмѣстѣ будетъ въ состояніи оцѣнить сей немаловажный трудъ.

Въ собраніи, что въ теченіе шести слишкомъ лѣтъ неоднократно была уже выписываема Англійскими миссіонерами въ Царство Польское

*) Точками обозначены мѣста съ Еврейскимъ текстомъ, изображеннымъ въ оставленной при дѣлѣ копіи перевода ломанными линіями.

Еврейская Библия, подъ видомъ, какъ бы она служила къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру, встрѣчаются слѣдующіе вопросы и слѣдующіе на оныя отвѣты:

а) Можетъ ли Еврейская Библия (именно, Вѣтхій завѣтъ), безъ малѣйшихъ объясненій, указаній или розысканія, то есть въ такомъ видѣ, въ какомъ изданіе оной Англійскими миссіонерами выписанное, хотя нѣсколько способствовать къ обращенію Евреевъ въ христіанскую вѣру? На вопросъ сей долженъ послѣдовать тотъ отвѣтъ: что таковая Библия утверждаетъ еще болѣе Еврея въ его собственномъ вѣроисповѣданіи.

в) Не служитъ ли другое какое либо, въ видѣ пользы, намѣреніе поводомъ къ распространенію таковой Библии?

Сіе могло бы имѣть мѣсто въ отношеніи къ переводу и индѣ, но не на счетъ подлинной Еврейской Библии, тѣмъ менѣе въ отношеніи къ Евреямъ въ Польшѣ, гдѣ всякій Израильтянинъ имѣетъ хотя одинъ экземпляръ Библии что и миссіонерамъ Англійскимъ весьма извѣстно.

с) Быть можетъ, что миссіонерамъ симъ нужна сія Библия для общаго съ Евреями розысканія и указанія мѣстъ, которыя имъ словесно въ предпринятой цѣли желаютъ объяснить? Отвѣтъ: Для достиженія сей цѣли довольно бы было нѣсколько экземпляровъ, а не тысяча и болѣе, какъ всегда выписываются. Сверхъ того, въ какомъ намѣреніи (что изъ выше приведеннаго заглавія оказывается) помѣщены въ сей Библии новаго изданія, по краямъ страницъ и въ особенной на концѣ сочиненія выпискѣ „Замѣчанія по такъ называемымъ Гафторамъ“, съ изъясненіемъ порядка ихъ назначенія, на дни суботніе и праздничные, и таковыя же замѣчанія по церемоніальному обряду всѣхъ ветхозавѣтныхъ. На сей важный вопросъ не только можно отвѣчать, что Библия съ подобными замѣчаніями, касающимися церемоніальнаго обряда въ Еврейскихъ школахъ во время богослуженія, бывъ равно полезнаю и выгодною для ветхозавѣтныхъ, болѣе отъ нихъ покупается нежели Библия, въ коей нѣтъ подобныхъ замѣчаній.

II. Изъ вышеизложеннаго оказывается: по 1-му, что упоминаемая новаго изданія Библия исполнена ошибокъ и погрѣшностей, и что, сверхъ того, въ ней значительный недостатокъ словъ и буквъ, чего въ важности Священнаго Писанія ни подъ какимъ видомъ ни оправдать, ни тѣмъ паче допустить нельзя, то изъ сего само собою извлекается то предположеніе, что духъ корыстолюбія соединяется съ дѣятельностію иностранныхъ миссіонеровъ, и что таковой привозъ сюда Еврейской Библии, подвергая Польскія и Россійскія типографіи значи-

тельному урону, не заслуживаетъ совершенно снисхожденія, то есть изъятія отъ общаго высочайшаго указа, запрещающаго выписываніе книгъ изъ заграницы; тѣмъ болѣе что таковая Библия служить не къ обращенію, но даже къ утверженію Евреевъ въ ихъ вѣроисповѣданіи.

Посему Цензурный Комитетъ мнѣніемъ полагаетъ:

дабы вышесказанной ошибочной Библии 1000 экземпляровъ, по словамъ участвующаго въ семь дѣлъ просителя, а быть можетъ и болѣе, немедленно отсюда вывезены были, и дабы отъ сего времени Правительственная Коммиссія не позволяла выписывать изъ Англій не только столь ошибочныхъ, но даже и правильнѣйшихъ Еврейскихъ Библий.

Надѣясь, что Правительственная Коммиссія благосклонно приметъ откровенность, съ какою Цензурный Комитетъ изъясняетъ мнѣніе свое, доказывающее вниманіе въ исполненіи порученнаго ему дѣла и безпристрастіе въ открытіи истины, Комитетъ осмѣливается объ одномъ еще обстоятельстве упомянуть.

III. Говорятъ, что сказанные миссіонеры дѣлаютъ приготовленія къ основанію въ Варшавѣ типографіи. Но кажется, что Правительственная Коммиссія, принявъ въ разсужденіе:

а) что Англичане, привыкшіе къ неограниченной свободѣ печатанія, по свойству своему далеки отъ сего ограниченія;

в) что если бы Англичанамъ, живущимъ въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ законъ подъ разнымъ видомъ спасительную полагаетъ преграду, позволено имѣть свою типографію, тогда очень было бы затруднительно остановить ихъ, такъ сказать, привычку; а извѣстно, что случай дѣлается иногда матерью порока;

с) что сіи иностранцы, какъ уже Комитетъ въ первыхъ своихъ рапортахъ и замѣтилъ, не останавливаютъ себя въ упрекахъ духовнымъ и даже нѣкоторымъ обрядамъ Римско-Католическаго и Греческаго исповѣданія, и что въ послѣднемъ ихъ сочиненіи находилось выраженіе оскорбительное подъ видомъ политическимъ.

д) что по милостивому исходатайствованію Правительственной Коммиссіи, дарована имъ была доннынѣ свобода (хотя оную во зло употребили) въ выписываніи изъ за границы тѣхъ Еврейскихъ книгъ, которыя служатъ къ обращенію ветхозавѣтныхъ:

то по симъ поводамъ не благоугодно ли будетъ коммиссіи воспретить учрежденіе въ здѣшнемъ краѣ типографіи подобными иностранцами миссіонерами?

Въ заключеніе просить Комитетъ возвратить ему прилагаемый при семь экземпляръ Англійской Библии, какъ сего требуетъ порядокъ дѣлъ и надлежащая осторожность.

А. Стернь. I. Тугендгольдъ.

Тотъ же самый Тугендгольдъ, состоявшій въ 1831 г. при Виленскомъ цензурномъ комитетѣ для разсматриванія Еврейскихъ книгъ, обращалъ вниманіе нашего правительства на то, что у Русскихъ Евреевъ находятся въ обращеніи книги секты Хасидовъ, и при этомъ настаивалъ на необходимости принятія мѣръ къ пресѣченію этого зла. „Секта Хасидовъ (какъ писалъ въ 1834 г. статсъ-секретарь Блудовъ гр. Уварову) возникшая въ новѣйшія времена, искажаетъ Еврейскій законъ и издаетъ самыя вредныя для общества книги, заключающія ложныя и противныя богопознанію и нравственности правила. Увлекаясь этимъ обманомъ, Еврейскій народъ предается совершенной праздности, пронырствамъ, распутству и всѣмъ порокамъ. Хасидскія правила столь распространены между Евреями западныхъ губерній, что теперь почти нѣтъ ни одной книги старинной печати и изданій, гдѣ они не были бы включены особыми прибавленіями или вложеніемъ въ переплетъ; Хасидскія книги читаются съ невѣроятною жадностью, и всѣ мѣры правительства для пресѣченія этого зла оказываются недостаточными“.... Въ 1836 г. кн. А. Н. Голицынъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь Императоръ, по его докладу, высочайше повелѣлъ опредѣлить на вакантное мѣсто, цензоромъ Еврейскихъ книгъ кандидата медицины Липса, перешедшаго изъ Еврейства въ Православіе, и сообразить, на основаніи объясненій и доводовъ Липса, не лучше ли учредить цензуру Еврейскихъ книгъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ обращаться къ князю Голицыну, Липсъ сообщалъ свои обширныя разсужденія и доводы извѣстному протоіерею Павскому, который написалъ ему, 12-го Мая 1837 г., любопытное письмо, бывшее потомъ въ виду и у князя Голицына, и у Государя Императора. „Четыре тетради ваши, писалъ о. Павскій, которыя вы довѣрили мнѣ перечитать, чтобъ слышать мое мнѣніе, я пересмотрѣлъ, и съ удовольствіемъ вижу изъ нихъ, что вы съ великою ревностью и съ большимъ умѣньемъ раскрываете зло, таящееся въ Еврейскихъ обществахъ благословеннаго отечества нашего. Хотя я часто имѣлъ случай говорить съ Евреями и всегда былъ увѣренъ, что причиною ихъ невѣжества, безсовѣстности и подлости есть незаконное раввинское и талмудическое ученіе; но прочитавъ ваши выписки и разсужденія, еще яснѣе узналъ, что такъ называемые учителя Евреевъ суть люди безнравственнѣйшіе и губятъ бѣдный народъ свой безъ всякаго милосердія“.... „Особенно ужасны и возмутительны правила новѣйшихъ ихъ законодателей, и тѣмъ они вреднѣе, что вездѣ предложены съ доказательствами, и доказательства заимствованы изъ Св. Писанія, но ихъ мыслямъ перетолкованнаго“.... „А что же пишется въ ихъ книгахъ?“ Весь міръ существуетъ для Евреевъ. Все богатство міра принадлежитъ Евреямъ. Христіане пользуются благами міра незаконно. И потому Еврей долженъ всякими мѣрами переводить богатство изъ рукъ христіанскихъ въ свои руки,

какъ законную свою собственность. Однимъ только Евреямъ Богъ далъ душу разумную, а христіане не имѣютъ души. И потому не грѣшно убивать христіанина, какъ бездушнаго. Если иногда и говорится въ законахъ Еврейскихъ, что надобно молиться за царей, то здѣсь не разумѣются цари христіанскіе, а раввины“.... „Не ужасно ли читать тѣ мѣста, гдѣ о Спасителѣ нашемъ говорится съ презрѣніемъ, таинства христіанскія называются мерзостью, Государь Императоръ непріателемъ“.... И т. д. (Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. Русская Старина, 1903 г. Іюнь).

Его императорскому высочеству, государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора Новосильцова рапортъ (черновизъ) отъ 4-го Мая 1829 г., № 688.

Рапортомъ отъ 4-го Марта сего года за № 367, имѣлъ я счастье довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества объясненія Правительственной духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Коммиссіи противъ жалобы Англійскаго миссіонера Меколь на здѣшнюю цензуру Еврейскихъ книгъ.

Нынѣ Коммиссія сія въ удостовѣреніе о вредномъ провозѣ Еврейскихъ книгъ чрезъ Англійскихъ коммиссіонеровъ въ Царство Польское и въ обнаруженіе истиннаго въ семъ провозѣ намѣренія, доставила мнѣ копію рапорта Цензурнаго Еврейскихъ книгъ Комитета, отъ 3-го Маія н. с., вмѣстѣ съ выпискою о ошибкахъ въ Еврейской Библии чрезъ оныхъ коммиссіонеровъ сюда привезенной и показаніемъ превратнаго смысла, въ понятіи многихъ реченій отъ упомянутыхъ ошибокъ происходящаго.

Сію копію рапорта Комитета и означенную выписку долгомъ поставляю всенижайше представить при семъ вашему императорскому высочеству, присоединивъ къ тому Россійскій переводъ донесенія Комитета.

Здѣсь будетъ умѣстно привести любопытную страничку изъ брошюры Тальмейэра: *Comment on fabrique l'opinion*, Paris, 1905. Страничка эта озаглавлена: *Les Juifs et les Sociétés secrètes*. Авторъ говоритъ: „Voltaire, à un moment, comme l'établit sa correspondance (Lettres à d'Alembert, 1761, 1763, 1768), médita une entreprise consistant à faire reconstruire le temple de Jérusalem, et on peut lire, d'autre part, sous la plume de James Darmesteter, l'écrivain juif bien connu, d'ailleurs écrivain distingué et professeur à l'école normale: «Le juif est le docteur de l'incrédule. Tous les révoltés de l'esprit viennent à lui dans l'Ombre ou à ciel ouvert. Il est à l'oeuvre dans l'immense atelier de blasphèmes du grand

empereur Frédéric et des princes de Souabe ou d'Arragon. C'est lui qui forge tout cet arsenal meurtrier de raisonnements et d'ironie qu'il léguera aux sceptiques de la Renaissance, aux libertins du grand siècle. Le sarcasme de Voltaire n'est que le dernier et retentissant écho d'un mot murmuré six siècles auparavant dans l'Ombre du Ghetto, et plus tôt encore, au temps de Celse et d'Origène, au berceau même de la religion du Christ...» (Cité dans la remarquable brochure: La question juive et la révolution sociale, par le marquis de la Tour-du-Pin la-Charce).

«Voilà, chez un des grands Juifs intellectuels et officiels du présent régime, un témoignage bien embarrassant pour ceux qui nient l'existence des sociétés secrètes comme l'élément historique, et l'intimité occulte des juifs, de la philosophie du XVIII siècle et de la Maçonnerie. Saint-Beuve constate lui-même l'allure maconnique d'une partie de la correspondance de Voltaire».

ЗАГАДОЧНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛЬ.

(Дѣло № 25-й. На 44 листахъ, по описи № 139).

Варшавскій комендантъ г.-м. Левитскій генераль-губернатору Герцогства Варшавскаго, Ланскому.

Прибывшій изъ Дрездена въ Варшаву именующійся Англинскимъ генераломъ Ашардъ, имѣя паспортъ изъ Лейпцига отъ находящагося тамъ въ качествѣ уполномоченнаго генерала, д. ст. сов. Бюлера, выданный на слѣдованіе въ главную квартиру соединенныхъ дѣйствующихъ армій, яко неправильно сюда заѣхалъ, навлекъ на себя нѣкоторое подозрѣніе, и потому его сіятельство г-нъ главнокомандующій резервною арміею приказать изволилъ, впредь до забранія объ немъ выправки, имѣть его подъ полицейскимъ надзоромъ, дабы онъ никуда отсель отлучаться не могъ, почему и писалъ я Варшавскому полицмейстеру принять мѣры, чтобы сей Ашардъ, впредь до разрѣшенія, изъ города никуда не отлучался и даже изъ готель-де-Альманъ квартиры на другую не переходилъ. Какъ же нынѣ получилъ я отъ полицмейстера Свѣчина увѣдомленіе, что означенной Ашардъ вчерашняго числа тайнымъ образомъ, оставя свои вещи, изъ города отлучился, то о семъ случаѣ на благоразсмотрѣніе вашего в-ства почтеннѣйше довести честь имѣю.

№ 2284.

3-го Іюля 1814. Варшава.

Спустя два дня, тотъ же комендантъ вошелъ къ Ланскому съ новымъ рапортомъ, къ которому была приложена копія съ полученнаго

генераломъ Левицкимъ донесенія Сохачевского окружнаго начальника, подполковника Григоровича отъ $\frac{4}{16}$ Юля за № 919.

Подполковникъ Григоровичъ доносилъ, что, по полученіи отъ плацъ-адъютанта Вайгеля „свѣдѣнія о сыскѣ Ашарда“, онъ немедленно послалъ казаковъ и гардистовъ розыскивать бѣглеца и вотъ „сей часъ“ узналъ отъ нихъ, что Ашардъ 2-го Юля, вечеромъ, былъ въ деревнѣ Кампиносъ, Сохачевского повѣта, у помѣщика Карчевскаго, тамъ ужиналъ и ночевалъ, а на разсвѣтъ, отправленный Карчевскимъ въ деревню Кампонъ, нанялъ лодку и поспѣшилъ въ Торнъ, выдавая себя за возвращающагося изъ плѣна Французскаго офицера, графа Ланжерона.

Въ заключеніе донесенія говорится, что Вайгель уже напалъ на слѣдъ Ашара и отправился за нимъ въ погоню; самъ же Григоровичъ, „въ предосторожность, послалъ къ военному коменданту, г.-м. Падѣйскому ештафетомъ донесеніе о сыскѣ Ашарда, съ описаніемъ примѣтъ и одежды“. „Сего подозрительнаго челоуѣка (какъ сказано въ разосланныхъ въ разныя мѣста, по приказанію В. С. Ланскаго, предписаніяхъ о поимкѣ Ашарда и доставленіи къ самому г.-губернатору, „подъ надежнымъ карауломъ“) можно опознать по нижеописаннымъ примѣтамъ. Онъ молодъ, росту средняго, блондъ, въ синемъ мундирѣ съ генеральскими знаками, на которыхъ много золотыхъ петлицъ; имѣеть много орденовъ иностранныхъ, между коими есть Россійскій орденъ на шеѣ св. Владимира 3-й степени“.

Черезъ нѣсколько дней Варшавскимъ комендантомъ было получено отъ военнаго начальника въ Кенигсбергѣ, г.-лейт. гр. Северса увѣдомленіе (отъ 9 Юля за № 182), изъ котораго узнаемъ, что какъ ни старался Ашардъ, „при содѣйствіи мѣстныхъ жителей Герцогства Варшавскаго“, „скрыть свой побѣгъ разными трактами и водою“, но отправленный по его слѣдамъ плацъ-адъютантъ Вайгель настигъ его, въ одномъ Прусскомъ мѣстечкѣ, Мевѣ, и тамъ арестовалъ, при содѣйствіи мѣстнаго бургомистра. Сей послѣдній, однакоже, затруднялся передать Ашарда своею властью въ распоряженіе Вайгеля и потому отправилъ арестанта въ Маріенвердеръ. Маріенвердерскія власти, на требованіе графа Северса о передачѣ Ашарда, отвѣтили, подобно Мевскому бургомистру, что, по законамъ Прусскимъ, не могутъ этого сдѣлать безъ позволенія главнаго правительства въ Берлинѣ. Тогда гр. Северсъ написалъ къ „нашему министру, въ Берлинѣ находящемуся“, чтобы онъ „помянутаго Ашарда потребовалъ отъ Прусскаго правительства и отправилъ бы прямо въ Дрезденъ къ тамошнему г.-губ. князю Репнину, гдѣ все слѣдствіе, какъ по показанію Ашарда и по найденнымъ у него бумагамъ, должно быть произведено“.

Вслѣдствіе этого Варшавскій комендантъ немедленно переслалъ въ Дрезденъ, чрезъ Россійскаго министра въ Берлинъ, имѣвшуюся у него переписку объ Ашардѣ, съ разными документами.

Письмо князя Н. Г. Репнина къ В. С. Ланскому.

Секретное.

Милостивый государь Василій Сергѣевичъ!

Англичанинъ Ашаръ, называвшійся бригаднымъ генераломъ Англійской службы и осмѣлившійся надѣть знаки отличія св. Владимира 3-го класса и св. Анны 2-ой степени, по подозрѣніямъ взятъ былъ въ Дрезденъ на замѣчаніе и на сихъ дняхъ тайнымъ образомъ отсюда скрылся. Мнѣ извѣстно навѣрное, что онъ имѣетъ пріятельскую связь съ г.-маіоромъ графомъ Мамоновымъ, что подтверждаетъ еще письмо отъ графа къ нему писанное и здѣсь на почтѣ распечатанное.

Какъ мнѣ необходимо нужно узнать, гдѣ находится сей Англичанинъ, то за нужное почель покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство приказать брать подъ замѣчаніе письма къ графу Мамонову *); не будетъ ли между оными писемъ и отъ Ашара, и не возможно ли будетъ чрезъ то узнать, гдѣ онъ находится. Если сіе случится, то всепокорнѣйше прошу ваше в.-ство не оставить меня о томъ извѣстить; если же бы сей Англичанинъ нашолся въ Герцогствѣ Варшавскомъ, то приказать его задержать. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Князь Репнинъ. Дрезденъ, 12 Іюля 1814 года.

*) Какъ извѣстно, графъ Мамоновъ мечталъ объ учрежденіи въ Россіи особаго тайнаго общества „Русскихъ Рыцарей“ и проектировалъ цѣлую схему преобразованій, между прочимъ, раздѣленіе Россіи на восемь царствъ, съ выдѣленіемъ царства Польскаго, Курляндіи, Лифляндіи, Финляндіи и Грузіи въ особыя автономныя единицы, учрежденіе народнаго вѣча и проч., ни словомъ не обмолвясь при этомъ о монархической власти и, по всѣмъ даннымъ, имѣя въ виду республиканское устройство нашего отечества (В. Семевскій. Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей Декабристовъ. Русское Богатство. 1907 г., Декабрь).

ИЗЪ ПИСЕМЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ БУНИНОЙ КЪ ПЛЕМЯННИКУ ЕЯ М. Н. СЕМЕНОВУ.

Съ А. П. Буниной (р. 1774 † 1829), этой Россійской „Сафо“, которую баловали, очевидно не безъ основанія, теплымъ участіемъ и поощреніемъ какъ съ высоты престола (императоръ Александръ I), такъ и съ высотъ Русскаго Парнаса (Державинъ, Дмитріевъ), литературный міръ знакомъ до сихъ поръ лишь по ея писательской дѣятельности, по ея стихамъ, за которыми (при ихъ посредственности) по поэтическому дарованію автора современники и критика признавали извѣстное литературное значеніе¹⁾. О личности же этой достойной и оригинальной женщины—предтечѣ новѣйшихъ Русскихъ писательницъ—и о внутренней жизни ея извѣстно очень немного. Вотъ почему могутъ представлять нѣкоторый интересъ печатаемые ниже письма А. П. Буниной къ одному изъ ея племянниковъ, М. Н. Семенову; они даютъ матеріалъ для ея нравственной характеристики, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ довольно занимательны въ бытовомъ отношеніи.

Михаилъ Николаевичъ Семеновъ (р. 1798 † 1861), къ которому обращены эти письма, былъ сынъ помѣщика Рязан. губ., секундъ-майора Ник. Петр. Семенова²⁾ и сестры А. П. Буниной—Марьи Петровны, женщины, подобно своей сестрѣ, выдававшейся умомъ, образованіемъ и душевными качествами. Старшій его братъ Петръ Николаевичъ (р. 1791 † 1832)³⁾, талантливый

¹⁾ О Буниной см. М. Хмырова „Разсвѣтъ“ 1861, № 11), очеркъ А. П. Чехова, Истор. Вѣстн. 1895, т. 62. Венгерова „Источники Словаря Русск. Писателей“, т. I, стр. 380 (также Г. Геннади, Спр. Словарь). Срв. нашу замѣтку „Альбомъ А. П. Буниной, Русск. Арх. 1902, Мартъ. См. еще „Русскіе портреты XVIII—XIX в.“ изд. В. К. Николаи Михайловича. т. III вып. 1. № 76 (Спб. 1907). Произведенія Буниной изданы ею въ Спбургѣ въ 1819 г.: „Собраніе Стихотвореній Анны Буниной“, въ 3-хъ частяхъ.

²⁾ Сестра Н. П. Прасковья Петровна была за Милоновымъ. Ихъ сынъ, поэтъ Мих. Вас. Милоновъ, приходился такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ дѣтей Ник. Петр. и вмѣстѣ со старшимъ Петр. Ник. воспитывался въ Московскомъ Университет. пансіонѣ.

³⁾ П. Н. Семеновъ былъ женатъ на Алек. Петр. Бланкѣ, внучкѣ извѣстнаго архитектора, строителя Моск. Воспитательнаго дома К. И. Бланка (котораго сынъ Бористъ былъ женатъ на дочери сестры Анны Петр. Буниной—Варварѣ П. Усовой). Дѣти П. Н. Семенова—извѣстные дѣятели крестьянской реформы, ближайшіе сотрудники гр. Я. И. Ростовцева, прославившіе имя Семеновыхъ и въ наукѣ, и въ литературѣ: сенаторъ Н. П. Семеновъ († 1904) и членъ госуд. сов. П. П. Семеновъ Тянь-Шанскій (крестникъ А. П. Буниной); сестра ихъ—Нат. Петр. Гротъ (авторъ книги „Изъ Семейной Хроникѣ“ Спб. 1900). О П. Н. Семеновѣ см. замѣтку Я. К. Грота „Объ авторѣ Митюхи Валдайскаго“. Труды Я. К. Г., т. III.

драматическій писатель, поэтъ и актеръ, былъ любимымъ въ своемъ полку Измайловскимъ офицеромъ, храбрымъ воиномъ кампаній 1812—14 гг., а по выходѣ въ отставку—гуманнымъ помѣщикомъ и благодѣтелемъ своихъ крестьянъ. Ему принадлежитъ нѣсколько популярныхъ нѣкогда пьесъ и забавныхъ пародій. О драматическомъ его талантѣ говорить С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Михаилъ Николаевичъ былъ также Измайловскимъ офицеромъ, но дослуживъ до полковничьяго чина, въ концѣ 1820-хъ годовъ вышелъ въ отставку, женился на княжнѣ А. А. Волконской и поселился въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи Подосинки Рязан. губ. (Раненбург. у.). Посвятивъ себя всецѣло сельскому хозяйству, онъ съ увлеченіемъ вводилъ въ немъ разныя улучшения и вкладывалъ въ него много труда и денегъ, но безъ особенной для себя прибыли. По словамъ жившей у него въ молодые его годы племянницы Н. П. Гротъ (до ея замужества), „земледѣіе въ его имѣніяхъ поставлено было на образцовую ногу, но денегъ въ домѣ никогда не было, потому, что все, что получалось, уходило на разныя предпріятія къ расширенію и улучшенію хозяйства и даже на разные комерческіе обороты, какъ-то поставку въ казну хлѣба, сукна, вина. Но отъ этихъ оборотовъ, къ которымъ онъ имѣлъ, къ сожалѣнію, большую страсть, онъ только терпѣлъ убытки. Былъ онъ и посредникомъ по размежеванію въ Раненбургскомъ уѣздѣ¹⁾“. Мих. Ник. былъ человекомъ умный, живой и отзывчивый, но консерваторъ по убѣжденіямъ, съ симпатіями къ національно-бытовой Русской старинѣ (до-Петровской). Въ концѣ 1856 г., наканунѣ работъ по крестьянской реформѣ, онъ написалъ и представилъ Государю записку о современномъ состояніи Россіи (съ экономической, финансовой и административной точекъ зрѣнія), въ которой сказались его консервативныя воззрѣнія²⁾.

Другіе два брата М. Н., о которыхъ идетъ рѣчь въ письмахъ А. П., заявили себя также почтенными дѣятелями на поприщѣ службы гражданской, не только административной, но и педагогической, а младшій и въ литературѣ. Приводимъ и о нихъ нѣсколько данныхъ. Николай Николаевичъ Семеновъ (по порядку 3-ій братъ³⁾), род. въ 1796 г., ум. въ 1870-хъ), отданный въ кадетскій корпусъ, былъ взятъ оттуда по болѣзни и затѣмъ (въ 1812 г.) опредѣленъ также въ Измайловскій полкъ. Оставивъ военную службу въ 1825 г., онъ женился на Л. А. Минхъ, дочери извѣстнаго Харьковскаго профессора-медика, былъ затѣмъ директоромъ гимназіи въ Рязани, а позже, перейдя въ Министерство Внутр. Дѣлъ, былъ губернаторомъ сперва въ Минскѣ, а потомъ въ Вяткѣ (во время ссылки туда Салтыкова Щедрина, нашедшаго въ домѣ Н. Н. радушный пріемъ). Младшій братъ (5-ый) Василій Николаевичъ (род. 1800 г. ум. 1862 г.)⁴⁾

¹⁾ „Изъ Семейной хроники“, стр. 88.

²⁾ Записка эта хранится въ моемъ семейномъ архивѣ.

³⁾ Второй, Александръ, герой Бородинской битвы (два раза былъ раненъ), умеръ рано.

⁴⁾ Онъ былъ женатъ на А. И. Уваровой, двоюродной сестрѣ гр. Я. И. Ростовцева (ихъ матери были сестры Кусовы).

былъ послѣ старшаго, Петра, самый талантливый, образованный и дѣятельный. Онъ кончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ (II выпуска, почти товарищемъ Пушкина, съ которымъ былъ хорошо знакомъ), куда былъ отданъ въ 1812 г., затѣмъ служилъ въ Павловскомъ полку, откуда стремился перевестись въ Измайловскій, что однакожь не удалось. Серіозные, литературные вкусы склонили его къ учено-литературнымъ работамъ и опредѣлили родъ его службы: онъ былъ цензоромъ и вступилъ въ близкія связи съ литературнымъ кругомъ. Позже онъ былъ вице-губернаторомъ въ Орлѣ, затѣмъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и наконецъ членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній. Онъ оставилъ слѣды своими трудами въ литературѣ и Русской историографіи ¹⁾.

К. Гротъ.

1.

28-го Февраля 1812-го года С. П.

Любезный Мишенька!

Письмо твое отъ 8-го Февраля принесло мнѣ большое удовольствіе. Въ немъ такъ подробно и мило описано твое времяпрепровожденіе ²⁾, что я премного тебя, мой другъ, благодарю. Желала бы чаще и чаще получать о васъ извѣстія, самыя свѣжія и подробныя; но что съ вами дѣлать? Какъ васъ и чѣмъ, молодыхъ людей, принудить къ тетушкамъ писать? Это выше меня, выше васъ и выше возможности! Не ты, мой другъ, первый, не ты послѣдній; не тобой началось, не тобой и кончится. Я не только не требую отъ молодого человѣка всегдашней точности и непоколебимой степенности, но даже ихъ боюсь. Потому что много разъ собственными глазами видѣла въ вашемъ и нашемъ полѣ одинакія явленія, а именно: кто въ ребячествѣ разсуждаетъ, тотъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ будетъ безъ разсудка; кто въ молодости ни въ чемъ не проступается, тотъ, приближаясь къ старости, будетъ вѣтрень и на каждомъ шагу сдѣлаетъ тысячу дурачествъ. Итакъ, мой другъ, уступимъ каждому времени то, что составляетъ его сущность. Пускай зимой идетъ снѣгъ, весной зеленѣетъ травка, лѣтомъ цвѣтутъ цвѣты, осенью зрѣютъ плоды. Намъ очень непріятно видѣть въ Петербургѣ среди зимы ежедневные дожди и половодье, точно также непріятно, когда человѣкъ въ осень жизни своей не печется о домѣ, о семействѣ, о исполненіи своихъ обязанностей, весь преданъ суетности и теряетъ

¹⁾ В. Н. переложилъ на Русск. яз. въ стихахъ драму „Земную ночь“ Раупаха (Спб. 1835), издалъ съ примѣчаніями одинъ томъ Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи (XV—XVI в.), Спб. 1836 т. I (въ которомъ ему принадлежитъ переводъ трехъ писателей) и проч.

²⁾ Мих. Ник. былъ именно въ этомъ году, 14-ти лѣтъ, опредѣленъ въ Измайловскій полкъ. Воспитаніе онъ получилъ домашнее.

время свое на мелочи. Природа свое возьметъ. Переломить ее или заглушить нельзя; развѣ каторжной работой. Мнѣ случалось видѣть грубыя и неприступныя сердца въ молодыхъ людяхъ; что же изъ сего выходило? Когда приближалось время, въ которое должно дѣйствовать по разсудку, они управлялись однимъ сердцемъ и нѣжничали не къ мѣсту. Изъ этого не должно заключить, будто молодому человѣку должно безпрестанно вѣтренничать и забывать свои обязанности. На все мѣра, и величайшее находится разстояніе между порядочнымъ молодымъ человѣкомъ и негодеемъ.

Ахъ, милый мой! Я Лизаньку *) свою проводила. Какъ она плакала, какъ грустила: вѣришь-ли, измучила меня своею тоскою. Она поѣхала съ Смоленской помѣщицей Энгельгардовой, которая живетъ въ 70 верстахъ отъ ея маменьки. Одно письмо отъ нея получила, что доѣхали до Энгельгарда деревни; прошло двѣ почты, и нѣтъ болѣе писемъ, что меня обезпокоить; боюсь, не занемогла-ли она.

На сценѣ моего маленькаго театра перебивало много переменныхъ кулисъ и дѣйствій. Сперва страдальческая постель—докторъ и друзья кругомъ, страхи, вздохи, смѣхи, ожиданье, удачи и неудачи разныхъ родовъ. Потомъ выѣзды и суета, не для самой себя. Сверхъ извѣстныхъ тебѣ лицъ, Соломка въ главной роли былъ и есть. Благородный характеръ сей роли ручается, что и впередъ будетъ. Ахвердовы, Олсуфьевы, Мордвиновы, Данилевскіе: вотъ всѣ тебѣ лица. Вседневное же лицо и несомнѣнное Александра Ильинишна.

Олсуфьева съ сестрой, дѣтьми, племянникомъ поѣхали на 10 мѣсяцевъ въ Нижегородскія деревни. Телепневы пріѣхали сюда навсегда для воспитанія своей дочери.

Что болѣе тебѣ сказать? О придворныхъ праздникахъ, живыхъ картинахъ, *romances en action*, *charrades en action*, думаю, молва донесла до васъ извѣстія. Въ Воскресенье на 1-ой недѣлѣ былъ въ Державиной домѣ благородный концертъ, какъ прошлаго года. Было два еще въ филармонической залѣ и будетъ одинъ отъ Патриотическаго женскаго общества.

Будь великодушень, мой милый, и прости, что такъ скверно пишу. Не выходя изъ порядка вещей и уступая природѣ, чувствую: руки дрожать, зрѣніе притупилось, память измѣняетъ и голова замирается.

*) Елис. Парѣ. Бунина, молодая дѣвушка изъ семьи дальнихъ родственниковъ, Смоленскихъ Бунинныхъ, которой по смерти ея отца покровительствовала А. П., помѣстивъ ее и сестру ея въ институтъ, а позже пріютивъ ихъ въ домѣ своего племянника Д. М. Бунина въ Рязанск. губ. въ имѣніи, которое впоследствии и досталось Елис. Парѣ. (Дуроломовка).

Какъ мнѣ жаль бѣднаго Николая ¹⁾! Чтò подумать [о] Васинькѣ ²⁾? Вижу благородную твою заботливость о моемъ спокойствіи, которое ты хочешь сберечь и пишешь ко мнѣ, что Васинька еще не выѣхалъ; между тѣмъ мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ давно и долженъ уже быть здѣсь.

Цѣлую тебя, искренная въ дружбѣ и преданная душой Анна Бунина.

За портретъ, вѣтреникѣ, о сю пору не прислалъ денегъ. Однако я заплатила свои и отправила на нынѣшней почтѣ къ папинькѣ ³⁾. Я не взяла копій, потому что совершенно имъ недовольна. Похожъ какъ двѣ капли воды, но безобразенъ; краснота непомѣрная; на носу рожа. У меня была вечеринка; я его нарочно поставила: всѣ ахали отъ сходства и находили безобразнымъ.

2.

6-го Ноября, 1821-го года.

Любезный мой другъ Михаилъ Николаевичъ!

Поздравляю тебя съ днемъ твоего Ангела. Желаю, милѣйшій, чтобы сей новый твой годъ принесъ тебѣ своимъ теченіемъ новыя выгоды и постоянное счастье; ибо дошли до меня слухи, что у тебя бродить въ головѣ намѣреніе жениться. Но исполненіе таковаго намѣренія тогда только приведетъ къ счастью, когда выборъ упадетъ на достойную дѣвицу, могущую сдѣлать мужа счастливымъ, а сіе едвали зависить отъ насъ самихъ; потому что проницательность наша ограничена. Нельзя судить о нравѣ и о способностяхъ той особы, съ которою живешь не въ одномъ домѣ и не въ тѣсной связи; а только видишь, и то всегда въ ложномъ свѣтѣ, иногда въ лучшемъ, иногда въ худшемъ.

Тебя, милый Николай Николаевичъ, поздравляю съ именинникомъ. Скажу вамъ, что Васинька, недѣлю тому назадъ, ушелъ въ походъ въ должности квартирера. Мнѣ его очень жаль, такъ жаль, что я съ самаго его отъѣзда не могу преодолѣть и разсѣять своей скуки... У меня онъ былъ каждый день, выключая того времени, когда проказилъ, тогда не смѣлъ глазъ показать. Доброе его сердце и нѣжность къ роднымъ много общаются. Если къ несчастью сіе общаніе и не вполне совершится, то по крайней мѣрѣ нельзя его не любить.

¹⁾ Ник. Ник. Семеновъ, см. выше.

²⁾ Вас. Ник. Семеновъ, о немъ выше.

³⁾ Т. е. Ник. Петр. Семенову. Едва-ли здѣсь рѣчь идетъ о большомъ портретѣ самой А. П. работы Варнека, который впоследствии достался Нат. Петр. Гротъ отъ ея бабушки Марьи Петровны, а нынѣ у меня; одна изъ копій его находится въ Академіи Наукъ. Скорѣе, какъ можно заключить изъ одной записочки А. П., здѣсь разумѣется портретъ М. Н. Семенова.

П. П. Мартыновъ¹⁾ обошелся съ нимъ весьма милостиво и обѣщалъ ему о переводѣ въ свой полкъ. Васинька былъ въ совершенномъ восторгѣ; но я до тѣхъ поръ не повѣрю и не могу радоваться, пока не увижу его въ Измайловскомъ мундирѣ, или по крайней мѣрѣ не прочту въ Приказахъ²⁾. Опыты убѣдили меня, что обѣщаніе и исполненіе суть два обстоятельства совершенно между собою разныя. Постарайтесь, милые, всѣми силами, просите Мартынова, божитесь ему, что ей-ей Васинька у него не будетъ изъ дурныхъ,—надѣюсь, онъ останется имъ довольнымъ. Васинька самъ мнѣ простодушно сказалъ, что подъ надзоромъ и покровительствомъ двухъ старшихъ братьевъ, онъ будетъ лучше. Онъ сдѣлалъ дружескую связь съ вашимъ Крюковымъ, котораго я хотя и не имѣю чести знать, но слышу, что онъ человѣкъ степенный. Жаль, что вы меня не предупредили о семь г. Крюковѣ и не сказали мнѣ вашего мнѣнія; ибо для Васиньки ничто столь не важно, какъ связи съ степенными людьми.

И имѣю всегда причину быть вами недовольною въ разсужденіи малаго вашего ко мнѣ вниманія. Въ Петербургѣ—по рѣдкому свиданію; въ разлукѣ—по рѣдкимъ письмамъ. Но чтò значитъ для васъ, довольна я или нѣтъ? Значитъ или не значитъ, не менѣе отъ того однакоже изъясляю мое желаніе получать ваши письма.

Чтò вы дѣлаете, чтò съ вами происходитъ, поѣдете ли въ отпускъ, и пр. и пр.? Стыдно и грѣшно оставлять меня въ невѣдѣніи. Не могу я не быть благодарною Васинькѣ, который, не смотря на величайшее въ лѣтахъ нашихъ разстояніе, всѣхъ васъ ко мнѣ ближе. Я забыла у него спросить о золотой табакеркѣ, подаренной ему Петромъ Петровичемъ³⁾, то когда онъ пріѣдетъ, спросите милые, гдѣ она.

Вы всѣ три брата очень счастливы на лотереи; почему очень совѣтую вамъ взять на знаменитую Головинскую, каждый братъ на свое имя и еще одинъ билетъ на все семейство. Ей, ей можно порисковать! Присылайте деньги; авось Провидѣніе въ окошко подастъ съ надписью: *на доброе употребленіе и полезныя дѣла*.

Братъ Иванъ Петровичъ⁴⁾ три мѣсяца безпрестанно боленъ; а я другую недѣлю страдаю отъ грудной болѣзни⁵⁾. Думаю отъ заботъ и тре-

¹⁾ Командиръ Измайловскаго полка, впоследствии Петербургскій комендантъ.

²⁾ Переходъ этотъ не состоялся, и В. Н. оставилъ вскорѣ военную службу.

³⁾ П. П. Бунинъ—братъ Анны Петровны.

⁴⁾ Морской офицеръ, участникъ Шведской войны, имѣлъ большія связи въ кругу литераторовъ, въ который и ввелъ свою сестру.

⁵⁾ У Анны Петр. обнаружилась тогда болѣзнь рака, которая очевидно готовилась уже давно. Эта болѣзнь, все развивавшаяся, въ послѣдніе годы и принудившая ее оставить Петербургъ, свела ее въ могилу въ 1829 г.

вогъ открылась тяжкая рана; а скука ее поддерживаетъ. Желаю вамъ совершеннаго здоровья. Поклонитесь Петру Петровичу¹⁾ и Александру Наркизовичу²⁾. Цѣлую васъ и жду вашихъ писемъ. Преданная въ дружбѣ къ вамъ Анна Бунина.

3.

10-го Декабря 1822-го. Ревель.

Мой другъ, милый Михаилъ Николаевичъ! Получа сегодня первое, но милое твое письмо, спѣшу тебя, друга моего, за оное благодарить. Недѣлю назадъ, я писала къ тебѣ черезъ Ивана Петровича и покорнѣйше тебя просила сдѣлать мнѣ милость выкупить обѣ мои вещи, которыя за отъѣздомъ вашимъ и за отъѣздомъ Лисенко могутъ пропасть, и я чрезъ того лишусь послѣдняго; ибо повидимому имѣніе мое, отправленное въ Маршу (?), для меня скончалось. Не откажи, любезнѣйшій, и помоги мнѣ въ семъ случаѣ.

Въ письмѣ твоємъ нѣтъ болѣе ни слова о поѣздкѣ въ Ревель. И такъ это была шутка! Ахъ, Миша, Миша! Напрасно ты думаешь, что мнѣ весело въ Ревелѣ. Можетъ ли быть весело тому, кто приближается къ смерти, и не видитъ подлѣ себя ни ближняго, ни друга? Здоровье мое очень плохо: грудь дѣлается хуже и хуже, и кажется будто идетъ къ развязкѣ.

Я здѣсь очень мало выѣзжаю; едва-ли черезъ недѣлю, иногда дѣнь черезъ 10. Шитье для Ивана Петровича и ужасная съ нимъ переписка беретъ все мое время. Притомъ часто нездорова, и также заботы отнимаютъ куражъ.

Поздравляю съ прошедшимъ именинникомъ. Поцѣлуй его отъ меня, поздравь и извини, что я къ нему не писала. Повѣришь-ли, всякое письмо пишу, какъ на почтовыхъ; такъ спѣшу, что себя не помню. Всякій день встаю до свѣту и съ огнемъ обѣдаю, хотя не чувствую голода. Есть-ли удосужусь, на будущей почтѣ буду писать къ тебѣ свободнѣе, не спѣша; ибо отправлю Ивана Петровича вещи, слѣдовательно буду свободна. Ты менѣе моего занятъ; пиши, мой другъ, ко мнѣ. О моей поѣздкѣ въ деревню и полагать нельзя: ни денегъ, ни здоровья нѣтъ. Здѣсь васъ всѣ ждуть и хотять съѣхаться ко мнѣ танцовать, когда вы пріѣдете. Цѣлую тебя. Вѣрная въ дружбѣ А. Б.

Поклонись отъ меня доброму своему товарищу.

¹⁾ Другой братъ А. П.

²⁾ Ильину.

4.

21-го Ноября 1823-го года. Середа.

Что дѣлается съ вами, любезный Михаилъ Николаевичъ? Какъ вы дошли, и какъ устроились, обо всемъ нетерпѣлива знать. Что до меня, то хотя я обѣщала тебѣ вести мой журналъ, но боюсь, что въ немъ не будетъ разнообразія; потому что всѣ выѣзды мои ограничиваются однимъ только домомъ Николая Семеновича¹⁾; ибо съ самой нашей разлуки я нигдѣ кромѣ его не бываю. Однако, должно соблюсти условіе, и такъ слушай.

Въ *Воскресенье* поутру я проснулась часа два до свѣта и слышала барабанъ, который отзывался въ моемъ сердцѣ, потому что увѣдомлялъ о вашемъ уходѣ. Въ 12 часовъ привезли изъ колоніи мои бюсты; въ часъ я пошла къ Ивану Петровичу, въ 5 поѣхала къ Мордвиновымъ, которые прислали за мной карету. Тамъ нашла Бакунину фрелину и Анну Семеновну. Обѣдали: Вѣра Николаевна²⁾ съ дѣтьми, Мина Фондезина³⁾, Деденевъ, Глинка, Скипаръ, Свиньинъ и болѣе никого. Вечеромъ были Муравьевъ женатый и князь Меншиковъ. День и вечеръ провели довольно живо.

Въ *Понедѣльникъ* опять у Мордвиновыхъ. Поутру бюсты мои отравились къ Александру Николаевичу. Я стояла у окна и смѣялась, какъ ихъ укладывали въ сани, послали имъ постель и одѣли одѣяломъ, оставя наружи всѣ 7 лицъ. Онѣ поставлены на 7 книжныхъ шкаповъ въ библиотекѣ. Генріета Александровна⁴⁾ мнѣ сказала: *j'admire le courage de votre neveu, il me plait; il est résigné.* Обѣдала я одна, было очень весело; мы шутили и дѣлали фокусы. Вечеромъ всѣ сѣли за работу; а Генріета Александровна начала намъ читать вслухъ, какъ вдругъ одинъ за другимъ, и домъ наполнился гостями, что намъ очень было не по вкусу. Сперва пріѣхали Арсеньева съ мужемъ; потомъ молодые Лашкаревы съ сестрою; потомъ невѣста Лобри съ женихомъ, съ отцомъ и съ матерью, и еще мужчины. Въ 10 часовъ всѣ разѣхались. Я шепнула Натальѣ Николаевнѣ⁵⁾: „завтра я буду обѣдать у Рахмановыхъ!“ Она шепнула мнѣ: „а я поѣду къ Нинушкѣ“. Марья Яковлевна шепнула ей: „меня завезите къ Талызинымъ!“ *Я тѣмъ же тономъ:* куда хорошо? Кто-же будетъ слушать Аксенова?⁶⁾ (Глинка хотѣлъ его при-

¹⁾ Графъ Н. С. Мордвиновъ, адмиралъ, членъ Государств. Совѣта.

²⁾ Столыпина, дочь Н. С. Мордвинова.

³⁾ Фонъ-Дезень.

⁴⁾ Супруга Н. С. Мордвинова, рожд. Коблѣ, Шотландка.

⁵⁾ Это дочь Н. С. Мордвинова, позднѣе супруга А. Н. Львова.

⁶⁾ Сем. Ник. Аксеновъ, извѣстный тогда учитель пѣніи и игры на гитарѣ.

вести объдать, съ тѣмъ, что послѣ объда онъ будетъ играть на гитарѣ). *Она тѣмъ же тономъ:* мнѣ непремѣнно должно ѣхать; притомъ я очень люблю гитары. Марья Як. тѣмъ же тономъ: и мнѣ непремѣнно должно быть у Талызиныхъ. *Я вслухъ:* Генріета Александровна! Вы однѣ будете слушать Аксенова! Наталья Николаевна ѣдетъ къ Нинушкѣ. Марья Яковлевна къ Талызинымъ. Наталья Николаевна вслухъ: вотъ прекрасно! вы, первая начинщица, на насъ жалуетесь! Анна Петровна хочетъ ѣхать завтра къ Рахмановымъ. *Генріета Александровна:* Нѣтъ. мой другъ, я васъ не пущу, извольте пріѣхать ко мнѣ; я пришлю за вами карету.

Во *Вторникъ* карета у крыльца, и я опять у Мордвиновыхъ. Глинка пріѣхалъ одинъ; Аксену было поручено отправлять погребеніе старика Татищева¹⁾. Я нашла Анну Семеновну; Наталья Николаевна уѣхала къ Нинушкѣ, которая нездорова. Въ домѣ величайшая тишина, и всѣ ходятъ на пальчикахъ: Николай Семеновичъ нездоровъ и съ нами не кушалъ. Въ 9 часовъ карета поѣхала за Натальей Николаевной и меня завезли домой.

Среда. Собираюсь къ Рахмановымъ; но куда попаду, не знаю. Чтò еще прибавить? Своего нечего. Развѣ сказать, что въ Субботу Вѣра Николаевна съ Н. Н. и съ А. Н. ѣздили къ Лореровой. Началось тѣмъ, что Лизогубъ давалъ концертъ на фортепіано; потомъ танцы.

Пиши, мой милый, ко мнѣ, какъ ты устроился,—пріѣхали ли Пскеули; познакомился-ли ты съ ними и когда ты будешь въ Петербургъ? Сія послѣдняя статья занимаетъ меня болѣе всего, увѣдомъ съ точностію. Когда я къ тебѣ сіе пишу, колокола возвѣщаютъ день пріѣзда Принцесы²⁾. Была повѣстка военнымъ и придворнымъ съѣзжаться ко двору. Мнѣ очень бы хотѣлось попастьъ къ Мордвиновымъ, чтобы узнать отъ Александра Николаевича, чтò было.

5.

26-го Ноября. Продолженіе.

Среда, была у Рахмановыхъ.

Четвертъ у Мордвиновыхъ. Объдалъ Глинка. Наталья Николаевна объдала и цѣлый вечеръ провела у Ахвердовыхъ. Вечеромъ Глинка читалъ *La mort de Socrate par Lamartine*.

Пятница. Объдала и цѣлый вечеръ провела съ Натальей Николаевной у Ахвердовыхъ, праздновали канунъ именинъ вмѣсто именин-

¹⁾ Вѣроятно, графъ Николай Алексѣевичъ Т., генер. отъ инф. род. 1736 г..

²⁾ Будущей великой княгини Елены Павловны.

наго дня. Катерина Борисовна съ Нинушкой поѣхали при насъ на балъ къ Хвостовымъ. У Ивана Петровича былъ обѣдъ, на который и меня приглашали.

Суббота у Мордвиновыхъ. Наталья Николаевна обѣдала и цѣлый вечеръ провела у кухни своей Корсаковой, а Анна Семеновна съ нами.

Воскресенье. У Мордвиновыхъ. По обыкновенію Столыпина всѣ: Катерина Борисовна съ Нинушкой, Глинка съ Аксеновымъ, Зыковъ. Послѣ обѣда Марья Яковлевна играла на фортепьянахъ превосходную пьесу, съ особеннымъ мастерствомъ. Пристали (за исключеніемъ хозяевъ) къ Аксену; онъ послалъ за гитарой и усладилъ слушателей.

Вотъ, мой другъ, тебѣ простой, мало любопытный и неразнообразный мой журналъ. Налобно включить въ него, что два раза мимоходомъ была я у Ивана Петровича; но онъ даже не заглянулъ ко мнѣ, хотя часто выѣзжаетъ со двора, какъ самому тебѣ извѣстно, и третьяго дня былъ на балѣ у Зейделя; но Зейдель важнѣе меня, и я съ нимъ равняться не смѣю. Приѣзжай сюда въ Субботу поутру и прямо ко мнѣ, чтобы застать меня дома. Впродолженіе сей недѣли много накопилось о чемъ поговорить и что сказать.

Пожалуйста попроси брата, чтобы купилъ мнѣ (на 5 р.) сѣрой пицей бумаги, каковую прошлаго года покупалъ и привезъ бы съ собой. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма и желаю, чтобы оно предшествовало приѣзду. До свиданія, милый.

Цѣлую тебя и брата. Любящая васъ Анна Бунина.

6.

Par secret.

Mon cher neveu!

Je m'empresse à vous communiquer une chose bien étonnante. Un de ces jours, on m'annonce une visite, et un jeune homme bien gracieux, mais inconnu se présente à moi. Comment croyez-vous, mon cher, de la part de qui était-il venu? Non, vous n'en pourriez pas deviner! C'est,—jugez de ma surprise, c'est—de Sa Majesté l'Empereur lui-même! Souverain unique. sans égaux, ni rival! Il étend Sa charité et Sa bienveillance jusqu'au plus petit et plus obscure sujet de Son royaume. Il Lui paraît peu de m'avoir comblé de Sa bonté, de m'avoir tant de fois secouru, sans que je l'ai mérité. Il s'intéresse à moi, . Il veut savoir de ma propre bouche la raison, qui m'oblige à m'éloigner de Pétersbourg!

Vous pouvez bien juger, mon cher neveu, jusqu'à quel point j'en étais émue et attendrie. Mon âme est pénétrée de reconnaissance. L'envoyé m'a dit, que je ferai mieux d'exposer mes raisons sur le papier qui sera remis chez Sa Majesté¹⁾.

Depuis votre départ je souffre des vapeurs de mon abominable logement et je cours continuellement pour me trouver un autre. Les fatigues, les vapeurs et le refroidissement m'ont donné des maux de tête si violents, que je n'ai pas pu écrire ce papier; même, je n'ai pas pu me rendre hier (Dimanche) chez les Mardvinoffs. Venez, mon cher, si vous pouvez le 15 de ce mois, c'est à dire le Samedi, pour deux jours; je vous montrerai mon papier et je me flatte que vous n'êtes point indifférent à mon égard. Quand à vous, je vous dirai qu'on vous porte de l'intérêt; le reste je me ménage à vous communiquer en présence.

Répondez moi vite, pourriez vous venir ce Samedi et sachez garder le secret. Цѣлую тебя. Любящая тетка Анна Бунина. 10-го Декабря 1823-го г. (Притиска) Насилу могу писать, отъ того такъ дурно написано. Чтò не присылаете бумаги? Миѣ не на чемъ писать.

7²⁾.

Письмо твое, любезный Михаилъ Николаевичъ, я получила и благодарю за то, что хотя взявъ на себя трудъ оправдываться и вывелъ меня изъ сомнѣнiя на счетъ молчанiя своего. Мой другъ, всегда можно найти отговорки; кто не любитъ признаться, тотъ всегда будетъ правъ. Но я привязана къ роднымъ моимъ безъ малѣйшей лжи и притворства; слѣдовательно расположена болѣе къ любви, нежели къ досадѣ. и ничего иного не желаю, какъ чтобы видѣть тебя счастливымъ.

Остатся въ Петербургѣ я не имѣю расположенiя, и чтò бы ни случилось, въ половинѣ Февраля отсюда ѣду и уже такъ устраиваю мои дѣла, и веду къ одному концу. Въ запискѣ къ Высокому моему Покровителю прописала я причины моего отъѣзда и для себя самой ничего не просила. Когда увидимся, дамъ прочитатъ тебѣ сiю записку:

¹⁾ Въ Июль 1814 года на устроенныхъ для вѣзда въ Царское Село воротахъ въ честь возвратившагося изъ-за границы Александра Павловича красовались два стиха, сочиненные А. П. Буниной:

Тебя грядущаго со славою.
Врата побѣды не вмѣстятъ.

²⁾ Это письмо не имѣетъ даты. Но по содержанiю видно, что оно писано вслѣдъ за предыдущимъ (т. е. около 20-го Декабря 1823 г.).

слѣдствія по ней еще нѣтъ никакого. Кто внушилъ Ему ко мнѣ сожалѣніе, тотъ опредѣлитъ и развязку. Я разумѣю подъ симъ Верховнаго Владыку и Творца міровъ.

Въ нынѣшній Понедѣльникъ была у Мордвиновыхъ лотерея, которая шла столь хорошо и такъ всѣхъ увеселила, что всѣ просили еще одной. Добрые хозяева назначили еще одну наканунѣ Новаго Года.

Я не жду васъ первые дни праздника, но прошу тебя пріѣхать въ Субботу, то есть за два дня до Новаго Года и отвѣчаю тебѣ, что проведемъ нѣсколько дѣнь вмѣстѣ съ большимъ удовольствіемъ. Къ Крещенію же я сама пріѣду дня на три въ Ропшу; предвари о томъ Лалаевыхъ. Пришлите мнѣ бумагу, мнѣ не на чемъ писать. Я наняла квартиру у самаго Покрова съ Нѣмцами, которые будутъ меня и кормить и поить. Прошу писать ко мнѣ безъ всякаго отлагательства, чтобы медленіемъ не наводитъ на меня сомнѣнія въ полученіи сего письма.

Пиши положительно и побольше, чѣмъ докажешь, что точно любишь любящую тебя Анну Бунину.

Сообщилъ Н. Я. Гротъ.

ДѢЛО О РАЗОРЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ САДОВЪ ВЪ КУРСКѢ

Курской Градской Полиціи.

17 Іюля 1826 г.

№ 6507.

Курскъ.

Вчерашній день въ 2 часа по полудни ѣхалъ и мимо Егорьевской площади, гдѣ все было въ порядкѣ; возвращаясь же въ 5 часовъ, усмотрѣлъ, что заведенные на площадяхъ у Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ по обѣимъ сторонамъ сады совершенно истреблены, деревья частью выкопаны съ корнемъ, а прочіе порублены и растащены по дворамъ. Столь дерзостный поступокъ, влекущій дурныя послѣдствія и явно показывающій неповиновеніе власти, долженъ быть разслѣдованъ и вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть преданы суду, дабы прекратить всякое своеволие и неопозволительныя дерзостныя поступки.

Почему предписываю Градской Полиціи тотчасъ по полученіи сего командировать частнаго пристава Каменева и велѣть ему произвести аккуратнѣйшимъ образомъ слѣдствіе, открыть виновныхъ въ таковой дерзости и, предавъ ихъ строгому сужденію по законамъ, о послѣдующемъ успѣшнѣе мнѣ донести.

Подпись: Гражданскій губернаторъ А. Кожуховъ.

1826-го года Іюля 17 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи представленныя частнымъ приставомъ Каменевымъ Курскіе мѣщане Аванасій Сыромятниковъ и Матвѣй Назаровъ въ нижеслѣдующемъ при священническомъ увѣщаніи допрашиваны и показали:

1) Звать его Аванасій Ѳедоровъ сынъ Сыромятниковъ, отъ роду ему 17 лѣтъ, грамотѣ не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ по старообрядческому обряду бываетъ. Курскій онъ мѣщанинъ, жительство имѣеть въ 3-й города Курска части, на углу Егорьевской площади, въ домѣ отца его, Курскаго мѣщанина Ѳедора Михайлова сына Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ и семействомъ. Сего Іюля 16-го числа, пополудни часу въ 4-мъ, сидѣлъ онъ близъ дома своего на улицѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Курскими же мѣщанами Матвѣемъ Андреевымъ сыномъ Назаровымъ и другими въ отдаленности коихъ припомнить не можетъ, то въ оное время шедшій мимо Курскій же купецъ Никита Ивановъ сынъ Машнинъ, сказывая, что градской глава Иванъ Васильевъ сынъ Антимоновъ, давши ему, Машнину, будто записку, приказалъ обвѣститъ около Егорьевской площади жителей, чтобы около устроен-

ныхъ на тѣхъ площадяхъ садовъ обобрали огорожу, о чемъ сказывая, что будто онъ многихъ и обвѣстилъ, каковыми словамъ онъ, Аванасій, руководствуясь, въ тожь время съ собравшимися во многомъ количествѣ неизвѣстными ему по именамъ и прозваніямъ людьми, онъ, разбирая таковую огорожу, во многомъ количествѣ сложили оную въ кучу, чему былъ началомъ, Аванасій. Между тѣмъ собравшимися съ разныхъ сторонъ сада неизвѣстными жителями, по отдаленности коихъ узнать не могъ изъ нихъ никого, съ лопатами и заступами, и самый садъ вырыть и снесенъ неизвѣстно ему куда; напредъ сего никакихъ злодѣяній онъ не учинялъ и въ семъ допросѣ показалъ самую истину.

2) Звать его Матвѣй Андреевъ сынъ Назаровъ, отъ роду ему 47 лѣтъ, грамоты умѣеть, у исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ ежегодно, Курскій онъ мѣщанинъ, жительства имѣеть 3-й части въ собственномъ своемъ домѣ, въ Троицкомъ приходѣ, на Данецинской улицѣ, а торгъ производить сыпкою хлѣба на Егорьевской площади въ нанимаемой при домѣ мѣщанина Ѳеодора Сыромятникова лавкѣ. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу во 2-мъ, находясь онъ близъ воротъ означеннаго Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ и сыномъ его Аванасьемъ, то въ это время шедшій мимо насъ Курскій купецъ Никита Машнинъ, остановясь, сказавши, что градской глава приказалъ обнесенную огорожу вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади сада разобрать, то отвѣтилъ Ѳеодоръ Сыромятниковъ, что буде такъ, то онъ ее съ прочими разбереть, послѣ чего какъ Машнинъ, такъ и онъ, Назаровъ, вскорѣ потомъ пошли въ свои дома обѣдать, и кто безъ бытности его разобралъ около сада огорожу и истреблялъ самый садъ не видалъ и при томъ самъ не былъ и ни отъ кого не слыхалъ. По отходѣ же его въ домъ въ лавкѣ остался племянникъ его мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ, въ чемъ и показалъ самую истину. Къ сему допросу Курскій мѣщанинъ Матвѣй Назаровъ руку приложилъ.

1826-го года Іюля 19 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи Курскіе купецъ Ѳеодоръ Сыромятниковъ и однодворецъ Михайло Агиболовъ по дѣлу о истребленіи на Егорьевской площади садовъ и о прочемъ допрашиваны и показали:

1) Звать его Ѳеодоромъ Михайловъ сынъ Сыромятниковъ, отъ роду ему 56 лѣтъ, грамотѣ умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ по старообрядческому уставу бываетъ, Курскій онъ 3-й гильдіи купецъ, жительства имѣеть въ 3-й части въ собственномъ своемъ съ семействомъ домѣ. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу въ 4-мъ или 5-омъ, вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади противъ его дома казеннаго сада огорожи самъ онъ и никѣмъ другимъ не разбиралъ и сада не истреблялъ и кто все производилъ, не видалъ. Того жъ числа по полудни часу въ 1-мъ или во 2-мъ когда сидѣлъ онъ близъ воротъ его дома вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Матвѣемъ Андреевымъ сыномъ Назаровымъ и еще не припомнить съ кѣмъ, шедшу мимо Курскому жъ купцу Никитѣ Машнину и сказавшему, что градской глава Антимоновъ приказалъ вокругъ сказаннаго сада обобразить огорожу, ему о томъ, что самъ съ прочими послѣ обѣда разбереть, не говорилъ, да напредъ сего никакихъ зло-

дѣяній онъ не чинилъ, подѣ судомъ не былъ и въ семь допросѣ показаль самую сущую правду. Купецъ Ѳедоръ Сыромятниковъ.

2) Звать его Михайлою Петровъ сынъ Агибаловъ, отъ роду ему 50 лѣтъ, грамотѣ не умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ ежегодно, Курскаго уѣзда деревни Волобуевой онъ однодворецъ, гдѣ по сказкамъ 7 ревизіи въ подушномъ окладѣ написаннымъ состоитъ, а жительство имѣеть лѣтъ десять по найму города Курска 4-й части въ домѣ купца Бориса Ѳедорова Сыромятникова, безъ бытности котораго и семейства его въ домѣ, сего Іюля 16-го числа по полудни часу въ 4-мъ, вышедши онъ на улицу со двора сказаннаго хозяина его Сыромятникова и увидѣвши множество народа выкапывающихъ на Егорьевской площади насаженныя деревья, не спрашивая ни у кого, потому что знакомыхъ не было, съ какого повода оныя то дѣлали, взявши желѣзную лопату и себѣ вырвыши пять разныхъ деревьевъ, посадилъ оныя противъ хозяйскаго дома близъ балкона по тротуару. Напредъ сего подѣ судомъ и наказанъ ни за что онъ не былъ и въ семь допросѣ показаль всю истину. Къ сему допросу вмѣсто однодворца Михаила Агибалова по его личному прошенію канцелиристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ.

1826-го года Іюля 17 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи представленный въ оную Курскій мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ о истребленіи насаженнаго на Егорьевской площади казеннаго сада при священническомъ увѣщеваніи допрашиванъ и показаль:

Звать его Иваномъ Алексѣевъ сынъ Пискуновъ, отъ роду 18-ть лѣтъ, грамотѣ умѣеть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ, Курскій онъ мѣщанинъ, гдѣ по сказкамъ 7 ревизіи въ подушномъ окладѣ написаннымъ состоитъ и жительство имѣеть 3-й части въ домѣ дяди его Курскаго жъ мѣщанина Матвѣя Назарова, съ коимъ въ нанимаемой у мѣщанина Ѳедора Сыромятникова на Егорьевской площади при домѣ лавкѣ занимается покупкою и продажею муки и прочаго. Сего Іюля 16-го числа по полудни часу во 2-мъ, когда находился онъ, Пискуновъ, близъ воротъ сказаннаго Сыромятникова вмѣстѣ съ нимъ, сыномъ его Никитою и дядею Матвѣемъ Назаровымъ, въ каковое время шедшіи мимо ихъ Курскій же купецъ Никита Машнинъ остановясь сказавши, что Градской Глава приказаль обнесенную огорожу вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади сада разобрать, по отвѣтѣ Ѳедора Сыромятникова, что съ прочими разбереть и самъ отъ нихъ пошелъ, послѣ чего какъ дядя его Назаровъ, такъ и онъ, Пискуновъ, пошли въ домъ обѣдать, то Аванасій Сыромятниковъ съ прочими неизвѣстными ему людьми вокругъ сада огороду уже разобраль, по приглашенію котораго и онъ, Пискуновъ, разбирая огороду, слегка три снесъ въ кучу, пошелъ въ лавку для отдачи проданнаго покупщикамъ 200 мѣръ овса. Между тѣмъ и самый садъ также не примѣтилъ онъ кѣмъ въ большемъ количествѣ собравшагося народа былъ истребленъ, но былъ ли при томъ сказанный Сыромятниковъ Аванасій, равно и отецъ его Ѳедоръ, не замѣтилъ. Напредъ сего судимъ и наказанъ онъ ни за что не былъ и въ семь допросѣ показаль самую сущую истину. Къ сему допросу Курскій мѣщанинъ Иванъ Пискуновъ руку приложилъ.

1826 года Іюля 17 дня въ присутствіи Курской Градской Полиціи, по сыскѣ 3-й гильдіи купецъ Никита Ивановъ сынъ Машнинъ противъ предписанія г. Курскаго гражданскаго губернатора и допроса мѣщанина Аванасья Сыромятникова по дѣлу о разломаніи около устроенныхъ на Егорьевской площади садовъ огорожи и насаженныхъ деревьяхъ спрашиванъ и показаль:

Сего Іюля 16 числа, будучи я по надобности въ Курской Градской Думѣ спрашивая градскаго главу Антимонова, какое послѣдовало отъ господина Курскаго гражданскаго губернатора и кавалера Алексѣя Степановича Кожухова на словесную ихъ просьбу разрѣшеніе о разборѣ вокругъ насаженнаго на Егорьевской площади сада огороженнаго лѣса, на каковыя мои слова оный Антимоновъ сказалъ, чтобы я такую огорожу разобралъ, для взятія которой къ перевозкѣ обѣщаль прислать строителя, и когда шелъ я того числа по полудни въ 2 часа къ своему дому, то о семъ и сидѣвшему близъ своего дома въ 3-й части Курскому мѣщанину Федору Сыромятникову приказывалъ, но съ сыномъ его Аванасьемъ и ни съ кѣмъ другимъ въ то время не вѣдался и о томъ, равно и о имѣвшейся у меня якобы данной градскимъ главой о томъ резолюціи не говорилъ, а пошелъ прямо въ свой домъ и кто разбилъ около сада огорожу и повырылъ самый садъ поистинѣ не видать и ни отъ кого не слыхаль и самъ при томъ не былъ, въ чемъ и показаль самую сущую правду. Къ сему показанію Курскій купецъ Никита Машнинъ руку приложилъ.

Къ присяжному листу подписались: по сему листу присягали однодворецъ Степанъ Ивановъ и крестьянинъ Федотъ Тихоновъ, а вмѣсто нихъ неграмотныхъ но ихъ личному прошенію канцеляристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ. Къ присягѣ приводилъ священникъ Николай Бордаковъ.

1826 года Іюля _____ дня, въ присутствіи Курской Градской Полиціи по сыскѣ нижеписанные люди по прочтеніи изложенныхъ пунктовъ подѣ присягою въ нижеслѣдующемъ спрашиваны и показали:

1) Звать его Федотомъ Ивановъ сынъ Тихоновъ, отъ роду ему 36 лѣтъ, грамотѣ писать не умѣть, на исповѣди и у причастія Святыхъ таинъ бываетъ, Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, деревни Милягиной, помѣщицы Анны Александровой дочери Соколовой онъ крестьянинъ, а съ прошлаго года находится по пашпорту въ городѣ Курскѣ, квартируя 3-й части въ домѣ кушца Василія Тихонова, и занимается печеніемъ пшеничныхъ булокъ. Сего Іюля 16-го, по полудни часу въ 4-мъ, покушавшись онъ на рѣкѣ Тускорѣ и возвратясь на Егорьевскую площадь къ оставленнымъ имъ булкамъ, остановясь вмѣстѣ съ булочникомъ же Стефаномъ Ивановымъ, производимую на той площади сыномъ Курскаго мѣщанина Федора Сыромятникова Аванасьемъ со многими неизвѣстными ему Курскими жителями топорами насаженнымъ деревьямъ порубку видѣлъ дѣйствительно, изъ чего жъ сіе произошло-не извѣстенъ, въ чемъ и показаль самую истину,

2) Звать его Стефаномъ Александровъ сынъ Ивановъ, отъ роду имѣть 45 лѣтъ, грамотѣ писать не умѣть, на исповѣди и у причастія Святыхъ та-

инь бываетъ, Фатежскаго уѣзда, деревни Заболота онъ однодворецъ, а жительство съ давнихъ лѣтъ имѣеть въ городѣ Курскѣ, квартируя въ 3-й части близъ Егорьевской площади у умершаго священника Алексѣя по прозванію неизвѣстнаго, занимается на Егорьевской площади продажей кваса и сбитня. Сего Іюля 16-го числа, по полудни часу во второмъ, отлучась онъ съ показанной Егорьевской площади по надобности и оттоль возвратясь часа черезъ два, производимую Курскимъ мѣщаниномъ Афанасьемъ Сыромятниковымъ со многими неизвѣстными ему людьми порубку топорами и вырытіе заступами насаженнаго сада видѣлъ дѣйствительно, но съ какого повода сіе производилось, ему не извѣстно, въ чемъ и показали самую истину. Къ симъ допросамъ вмѣсто крестьянина Федота Тихонова и однодворца Стефана Иванова за неумѣніемъ грамотѣ коихъ по ихъ личномъ прошенію канцеляристъ Иванъ Платоновъ руку приложилъ.

Его высокоблагородію
господину Курскому полицмейстеру Ивану Нестеровичу Гейдилевичу.
3-й части частнаго пристава
Рапортъ.

Во исполненіе вашего высокоблагородія приказанія отправлялся я неоднократно къ Курскимъ купцамъ Никитѣ Иванову сыну Машинну, Феодору Михайлову сыну Сыроматникову и мѣщанину Ивану Алексѣеву сыну Пискунову для обязанія ихъ подпискою о насаженіи на Егорьевской площади, вновь садовъ. токмо оныя Сыромятниковъ, Машининъ и Пискуновъ таковой подписки по многимъ моимъ отъ нихъ требованіямъ не дали, о чемъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести.

Частный приставъ Анфилоговъ.

Августа 4 дня 1826 года.

Г. Курскому полицмейстеру.

26 Августа 1826 г.

№ 8252.

Курскѣ.

Донесеніе ваше отъ 4 Августа № 3655 при семъ къ вамъ яко не дѣльное возвращаю, поелику я словесно вамъ никогда не приказывалъ обязать подписками именно Курскихъ купцовъ Никиту Иванова сына Машинина, Феодора Михайлова сына Сыромятникова и мѣщанина Ивана Алексѣева сына Пискунова, но приказывалъ обязать виновныхъ, которыхъ вы давно уже должны были обнаружить, и потому, замѣчая вамъ такое бездѣйствіе, строжайше подтверждаю доставить ко мнѣ безотложно подписку тѣхъ людей, кои своевольно приступили къ истребленію садовъ на Егорьевской площади.

Курскій гражданскій губернаторъ А. Кожуховъ.

(Сообщено С. Е. Кожуховымъ).

Намъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло. Напомнимъ только, что императоръ Александръ Павловичъ, благоволившій А. С. Кожухову, былъ любитель садовъ и, во время своихъ частыхъ переѣздовъ по Россіи, приказывалъ разводить сады. Ему обязана и Москва своимъ Александровскимъ садомъ. П. Б.

ПАМЯТИ ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

(Сказано въ 78-мъ общемъ собраніи Союза Русскихъ Людей
23-го Ноября 1907 года.)

19-го Ноября исполнилось 40 лѣтъ послѣ кончины Филарета митрополита Московскаго.

Время является лучшимъ судьей дѣятелей общественныхъ и государственныхъ: унося своимъ теченіемъ все легковѣсное, служащее отвѣтомъ на запросы минуты, оно оставляетъ нетронутымъ существенное и важное. Волнующая насъ, оглушающая своимъ шумомъ, ослѣпляющая мишурнымъ блескомъ мимотекущая повседневность исчезаетъ какъ облако, расплывающееся въ синевѣ небесъ, и остается правда жизни. Въ этомъ смыслѣ можно назвать исторію раскрытіемъ народной совѣсти; въ благодарной или негодующей совѣсти народной остается лишь то, что достойно памяти и вниманія.

Какъ часто, особенно въ наше легкомысленное и легковѣрное время, среди нашего такъ называемаго общества, носящагося безъ руля и вѣтрила отъ одного увлеченія къ другому, возникаютъ, повидимому, высокіе столпы, могучіе властители думъ современнаго поколѣнія, и какъ часто слава такихъ минутныхъ кумировъ таетъ быстро какъ воскъ предъ лицомъ огня, разлетается какъ дымъ, мимо идетъ, какъ день вчерашній. Читаешь напримѣръ Бѣлинскаго, бывшаго руководителемъ и вдохновителемъ цѣлыхъ поколѣній, клявшихся „словами учителя“, и поражаешься, до какой степени вывѣтрилось его обаяніе, какъ полиняли краски его нѣкогда блестящей и пышной мантии, и какъ безсодержательны, мало того, ненужны его рѣчи, такъ недавно кружившія головы и чаровавшія сердца.

Совсѣмъ не то испытываешь, когда читаешь сочиненія дѣйствительно глубокія, когда смотришь на произведенія большихъ мастеровъ и приглядываешься къ дѣятельности великихъ людей, выразителей духа своего народа. Время „не тронуло ихъ крыломъ своимъ“, годъ лишь

прибавили имъ особую красу, и они доставляютъ намъ усладу, утѣшеніе и наставленіе не менѣе, чѣмъ современникамъ. И это потому, что они отображаютъ въ себѣ не суету, а вѣчное и неизмѣнное, потому что они служатъ правдѣ и истинѣ, которыя не текутъ во времени, но черезъ которыя проносится бурный потокъ времени, безсильный сокрушить ихъ.

Къ такимъ историческимъ дѣятелямъ, значеніе и вѣсь коихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ въ нихъ вглядываешься, принадлежить и Филаретъ Московскій.

50 лѣтъ находился онъ въ первыхъ рядахъ Церкви видимой; 40 лѣтъ занималъ онъ кафедру митрополита Московскаго и все время своего архипастырскаго служенія, пребывалъ аки градъ, на горѣ и высоко держалъ свѣточъ истины Церкви Невидимой, озаряя и освѣщая свѣтомъ немеркнувшей правды не только вопросы церковные, но и все то, что волновало сердца и занимало умы его паствы. И въ такихъ случаяхъ святитель Московскій показывалъ такой тонкій здравый смыслъ, просвѣщенный свѣтомъ Христовымъ, что его рѣшенія, мнѣнія, изреченія являются въ полномъ смыслѣ выраженіемъ Русскаго народнаго духа.

Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми проявленіями умственной, государственной и общественной жизни Россіи и Западной Европы и неусыпно стоялъ на стражѣ, охраняя Русскихъ людей отъ увлеченія лживыми призраками, отъ погони за блудячими огоньками.

Въ проповѣдяхъ своихъ онъ умѣлъ раскрыть такую глубину мыслей, такую строгую послѣдовательность ихъ сочетанія, что дѣйствительно онѣ служили и служатъ лучшею школою любомудрія. Каждое слово, и всякій отзывъ, и даже мимолетныя замѣчанія проникнуты у него нерушимою цѣльностью міросозерцанія стройнаго. Все сведено къ тому, что „едино на потребу“, и великій учитель умѣлъ показать, что правильное разрѣшеніе какого угодно вопроса возможно лишь при свѣтѣ лучезарномъ Христовой Правды. И всѣ его произведенія какъ бы проникнуты духомъ псалма 138-го; „камо пойду отъ духа Твоего, „и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси; „аще сниду во адъ, тамо еси; аще возьму крилъ мои рано и вселюся „въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ „мя десница Твоя“.

Исполненіе завѣта Греческаго мудреца сводитъ многообразіе жизни къ единому источнику не является у Филарета чѣмъ-то придуманнымъ или вымученнымъ; нѣтъ, сама логика приводитъ его къ Первоисточнику жизни и правды.

И какъ много умѣлъ проявлять святитель находчивости и того, что называется тактомъ, при различныхъ случаяхъ. Перечислить все эти случаи значило бы перечитать все его рѣчи и слова по поводу событій общественныхъ *).

Приглашаютъ его на торжество открытiя больницы при Московскомъ Университетѣ (28-го Сентября 1848 г.), и Филаретъ произноситъ проникновенное слово, которое можетъ служить назиданiемъ для всякаго врача и до сихъ поръ. Онъ предупреждаетъ увлеченiе материализмомъ, онъ говоритъ: „Страшно имѣть въ рукахъ здравiе и жизнь ближняго. Если бы врачъ видѣлъ больного насквозь: то конечно вѣрнѣе направлялъ бы въ цѣль врачебныя средства; но онъ нерѣдко стоитъ предъ тѣломъ больнаго, какъ предъ затворенномъ домомъ, и сквозь нѣкоторыя скважины не столько видитъ, сколько угадываетъ, что происходитъ внутри. Тѣлоразсѣченiе открываетъ двери въ пустой домъ, и потому не можетъ показать многого, что происходитъ въ немъ въ присутствii хозяина, то есть души, одушевляющей тѣло. Душу же кто можетъ прослѣдовать по ея сокровеннымъ входамъ и исходамъ въ глубинахъ вещества грубаго, въ высотахъ вещества тонкаго? Между тѣмъ, если отъ нея зависитъ жизнь: то возможно ли, чтобы отъ различныхъ ея состоянiй не зависѣли степени жизни—здоровье и болѣзнь?... Я хочу подать мысль, что врачъ не слишкомъ долженъ полагаться на одну свою проникательность и знанiе, и что взоръ ума его не долженъ погрязать въ веществѣ. Чтобъ врачевать больнаго, врачъ долженъ прозрѣвать внутрь его, прорекать сокровенное въ немъ: сiе требуетъ чистоты сердца и возвышенiя духа. Скажемъ не обинуясь: сiе требуетъ возвышенiя духа къ горнему духу премудрости и разума. Какъ всякую истинную, такъ и врачебную, Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его познанiе и разумъ (Притч. II, 6)⁴.

Я полагаю, что всякiй нравственно настроенный врачъ долженъ призадуматься надъ приведенными словами Филарета.

Размѣры замѣтки не позволяютъ мнѣ остановиться на его бесѣдѣ о трудолюбii, на удивительномъ словѣ по поводу столѣтiя Московскаго Университета (1855 г.), гдѣ онъ, исходя изъ положенiя, что истина есть одна изъ естественныхъ и существенныхъ потребностей духа чело-вѣческаго, показываетъ, какимъ образомъ истина Христова можетъ и должна быть руководительницею для людей ищущихъ истинъ научныхъ; еще болѣе жалѣю, что не имѣю возможности прочесть слово въ день Димитрiя Царевича, въ которомъ онъ съ изумительнымъ проникнове-

*) Въ собранiи было прочтено въ извлеченii три проповѣди м. Филарета.

ніемъ говоритъ объ христіанствѣ обмірщившемся. Писанія Филарета таковы, что, взявъ его книгу въ руки, не имѣешь силы оставить ее. пока не сдѣлаешь крайнее напряженіе воли.

Приведу вамъ выдержки изъ его отвѣта Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія на избраніе попечителемъ онаго. Этотъ отвѣтъ относится уже къ глубокой старости святителя. но какою юною силою духа вѣсегъ отъ него.

„...Трудящіеся въ пользу истиннаго просвѣщенія должны имѣть въ виду и въ соображеніи черты отличающія истинную мудрость, дабы произведеніе труда ихъ не оказалось обезображеннымъ, и дабы вмѣсто истинной мудрости не явилось у нихъ ложнаго мудрованія. Мудрость христіанская должна быть *чиста*, чиста по ея источнику, по ея побужденіямъ и цѣли. Ея чистый источникъ есть Богъ, Его слово, заключенное въ священныхъ писаніяхъ, уясненное церковными опредѣленіями, ученіемъ и духовнымъ опытомъ богомудрыхъ мужей. Ея чистая цѣль также есть Богъ—Его познаніе во Христѣ и Ему благоугожденіе блаженнотворное. Дѣятельное нужно вниманіе для охраненія сей чистоты отъ нечистыхъ вліаній несмирннаго разума, который самъ хочетъ быть источникомъ истины,—который не признаетъ своихъ предѣловъ предъ безконечнымъ и непостижимымъ,—который истину вѣчную находя старою, имѣя побужденіемъ любопытство и цѣлію тщеславіе, безъ разбору гоняется за новымъ, и, какъ руководителю началу, слѣдуетъ духу времени, хотя бы это время предпотопное,—который, лѣнясь потрудиться, чтобы возникнуть въ истинную область духа, погружается въ вещество, и здѣсь погрязаетъ. Мудрость христіанская *мирна*, и подвизающійся для нея долженъ быть миренъ.... не взволнованъ страстями. Только въ тихой, а не волнуемой водѣ отражается образъ солнца; только въ тихой не волнуемой страстями душѣ можетъ отразиться вышній свѣтъ духовной истины.... Мудрость христіанская *кротка*. О семъ качествѣ, кажется, особенно нужно помнить въ настоящее время, напомнить имѣющимъ притязаніе на просвѣщеніе или на служеніе просвѣщенію. Духъ порицанія бурно дышетъ въ области Русской письменности. Онъ не щадитъ ни лицъ, ни званій, ни учреждений, ни властей, ни законовъ. Для чего это? Говорятъ для исправленія. Но мы видимъ, какъ порицаніе сражается съ порицаніемъ, удвоенными и утроенными нападеніями, и ни одна сторона не обѣщаетъ исправиться. А что въ самомъ дѣлѣ должно произойти, если все будетъ обременено, и всѣ будутъ обременены порицаніями? Естественно, уменьшеніе ко всему и ко всѣмъ уваженія, довѣрія, надежды. Итакъ, созидаетъ ли духъ порицанія или разрушаетъ?“

Что изъ приведенныхъ мною словъ Филарета утратило свое значеніе или потеряло свою силу? Мудрость истинная, мудрость, для которой нѣтъ ни времени, ни пространства, говорить намъ устами святаго Москвитина.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести вамъ стихотворный обмѣнъ съ Филаретомъ Пушкина. Здѣсь встрѣтились два свѣтила Русскаго народа, и взаимное ихъ вниманіе другъ другу еще болѣе возвышаетъ ихъ обоихъ.

26 Мая 1828 года Пушкинъ написалъ свое стихотвореніе

Даръ напрасный, даръ случайный...*)

Стихотвореніе попало въ руки къ Е. М. Хитрово, и чрезъ нее Филаретъ познакомился съ этимъ воплощеньемъ души великаго поэта, котораго напрасно въ послѣднее время желаютъ изобразить глубоко уравновѣшенной личностью. Спокойствіе и лучезарность Пушкина дались ему путемъ глубокой и упорной внутренней работы.

Филаретъ не могъ не отвѣтить на дерзкій вызовъ и написалъ отвѣтъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ Бога волн тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я произвольной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ.
Сердце самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ Забытый мною,
Прояснись сквозь тяжкихъ думъ,
И соизждутся Тобою
Сердце право, здравый умъ.

Отвѣтъ Пушкина отъ 19 Января 1830 года всѣмъ извѣстенъ. На необычайную высоту поднялся поэтъ и показалъ, что въ глубинѣ его души не звучать лукавыя струны и что раны его совѣсти нельзя принимать за самоѣ совѣсть.

*) Стихотвореніе это было воплощеньемъ отчаянія: Пушкину грозила въ это время новая ссылка, отъ которой спасло его поначеніе Государя Николая Павловича (по наущенію враговъ его, митрополитъ Серафимъ поднялъ дѣло о Гавриладѣ). Тогда же А. А. Оленина, на которой онъ думалъ жениться, отказала ему по приказанію своихъ родителей. Все это могло быть извѣстно митрополиту Филарету. Мнѣ очень жаль, что въ бесѣдѣ съ митрополитомъ позабылъ я спросить, былъ ли у него Пушкинъ послѣ этого обмѣна стихами. Надо полагать, что Елисавета Михайловна повезла его на Троицкое подворье. П. Б.

Не побоюсь показаться смѣшнымъ, если скажу, что въ сокровищницѣ Русскаго духа это стихотвореніе является лучшею и драгоцѣннѣйшею жемчужиной, и Филарету мы обязаны тѣмъ, что владѣемъ ею.

* * *

Удивительны судьбы Россіи! Вглядываясь въ нихъ спокойно, начинаешь все болѣе и болѣе въ прихотливомъ ходѣ ея историческихъ событій прозрѣвать какую-то высшую таинственную силу, въ которой чувствуется рука Промысла.

Митрополитъ Филаретъ совершалъ свой жизненный подвигъ въ то время, когда величавая работа Славянофиловъ лишь начиналась или не была извѣстна, когда еле еле намѣчалось великое дѣло возрожденія Русскаго общества и возвращенія его „домой“ къ роднымъ завѣтамъ родной исторіи, когда признакомъ образованности считалась приверженность къ Западному укладу жизни, когда незнаніе своего признавалось даже за хорошій тонъ, когда все свое казалось такимъ жалкимъ, некрасивымъ, безтолковымъ, ничтожнымъ, въ то время, когда Православная Церковь—видимая находилась въ полномъ порабощеніи у гражданской власти, а ея бытовая сторона и догма сохраняли господство какъ бы по недоразумѣнію. Могъ ли равняться ея скромный служебный обиходъ съ пышностью Римско-католическаго богослуженія? Или ея немудреные служители съ высокоучеными и свѣтски-ловкими патерами и пасторами? Кромѣ того, широкая волна невѣрія и рационализма охватила Западъ, захлестывала и лучшіе умы Россіи; мѣры претительныя и строгости цензурныя не достигали своей цѣли, а православной апологетики почти не было.

И вотъ явился Филаретъ Московскій.

Съ умомъ ясности необычайной и со стальнымъ характеромъ онъ не могъ не внушать самага глубокаго уваженія. И самъ императоръ Николай Павловичъ долгое время въ благопокорливомъ и смиренномъ іерархѣ, по нашимъ понятіямъ даже слишкомъ воскурившемъ оиміамъ властителю міра сего, видѣлъ себѣ какъ бы соперника, такъ какъ въ немъ чувствовалась несокрушимая мощь воли.

Можно было поучиться у него и мудрости житейской, можно было спросить совѣта: съ изумительною ясностью разбирался онъ въ такъ называемыхъ казусахъ и рѣшалъ самые запутанные вопросы съ простотою необыкновенною.

А въ проповѣдяхъ своихъ онъ раскрывалъ сокровища Православія съ такою полнотою, что передъ ними блѣднѣютъ глубокомысленнѣйшія

апологетическія произведенія Западно-Европейскихъ высокоученыхъ прославленныхъ богослововъ.

Наконецъ, самая внѣшность Филарета была необыкновенно изящна, такъ что его иноземные почитатели приписывали ему самое высокое и даже Царственное происхожденіе. Скромный въ своемъ домашнемъ обиходѣ, въ простой ряскѣ и скуфеечкѣ, онъ въ богослуженіи являлся въ блистаніи злата и каменія чества.

Священнослуженіе Филарета имѣло значеніе, по словамъ очевидцевъ, высоко-художественное: торжественное величіе носило отпечатокъ какого-то мистическаго проникновенія.

Такой человекъ не могъ не привлекать вниманія и заставлялъ задумываться даже легкомысленныхъ людей...

Словомъ, Филаретъ не только своими твореніями, но и своею личностью являлся апологетомъ Православія, и все его полувѣковое служеніе архипастырское явилось и для Россіи и для всего свѣта свидѣльствомъ неложнымъ, что Православіе не есть только видъ отживающей вѣры—христіанства, что оно не есть источникъ оцѣпененія умственнаго и слѣпаго изувѣрства,—но ключъ воды животворящей и единственное вѣрное средство къ правильному и прочному домостроительству, какъ общественному, такъ и государственному, такъ какъ оно есть высшее проявленіе въ жизни истинъ богооткровенныхъ, ибо въ основаніи его лежитъ,—Христось, Который есть и Путь, и Истина, и Жизнь.

Въ твореніяхъ Филарета и сочиненіяхъ Пушкина почерпаешь отраду и утѣшеніе особенно въ наше лукавое время, и не потому только, что ихъ произведенія сами по себѣ служатъ услугою духовною. Помышляя о томъ народѣ, который создалъ языкъ, какимъ писали они, начинаешь смотрѣть впередъ безъ боязни. Великій народъ съумѣетъ выйти на правильный путь и долженъ имѣть великое будущее, лишь бы онъ оставался вѣренъ своему драгоцѣннѣйшему сокровищу: Православію.

Юрій Бартенева.

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Устройство его отопленія *).

Протопресвитеръ Димитрій Новскій съ сакелларіями Петромъ Виноградовымъ и Петромъ Сокольскимъ и соборнымъ старостою Иваномъ Смирновымъ доносили Синодальной Конторѣ отъ 5-го Февраля 1861 года:

Какъ Быковъ въ теченіе почти всего лѣта 1859 г. былъ боленъ, а осенью выбылъ изъ Москвы и не являлся до осени 1860 г., то входить съ нимъ въ сношеніе мы возможности не имѣли. Между тѣмъ 1) бывшія въ Дмитріевскомъ придѣлѣ не оконченными работы по отопленію въ Октябрѣ 1859 г. были окончены по распоряженію сына Быкова; 2) необходимыя исправленія въ рамахъ и дверяхъ, устроенныхъ для сохраненія теплоты въ соборѣ, произведены были нами на соборную сумму; 3) третій истопникъ отъ Быкова былъ присланъ, и мы не могли его отвергнуть, чтобы не произошло остановки въ отопленіи; 4) затѣмъ отопленіе собора производилось во всю зиму подъ наблюденіемъ сына Быкова, которымъ и покупаемы были для сего дрова.

Опытъ прошедшей зимы показалъ, что далеко не было достигнуто то, что обѣцано было Быковымъ въ заключенномъ имъ съ Коммиссіею для построенія храма Христа Спасителя контрактѣ по устройству отопленія собора. Ибо: 1) Температура въ соборѣ, вмѣсто обѣцанныхъ 12 град. тепла, въ теченіе прошедшей зимы была обыкновенно отъ 7 до 9 градус., выше же 10 градус. восходила только въ великіе праздники, когда собиралось очень много народа. 2) Температура въ Петропавловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ, находящихся на лѣвой и правой сторонахъ главнаго алтаря, была ниже, нежели въ соборѣ и главномъ алтарѣ, потому что проведенныя въ тѣ придѣлы теплопроводныя трубы нисколько не давали тепла, а оно притягиваемо было туда уже изъ собора и главнаго алтаря устроенными тамъ вытяжными трубами. 3) Температура въ помѣщеніяхъ ризницы была не болѣе 5 град., и отъ того явилась тамъ сильная течь съ оконъ и стѣнъ, и

*) См. выше стр. 392.

показалась сырость въ нѣкоторыхъ шкафахъ, устроенныхъ для храненія утвари и ризницы, что и продолжалось до лѣтняго времени. 4) Въ бывшіе прошлой зимой сильные морозы промерзали соборные куполы, покрываясь съ внутренней стороны снѣгомъ, а потомъ давая течь. 5) Иногда проникалъ въ соборъ дымъ и нерѣдко ощущаемъ былъ печной запахъ, и что безъ сомнѣнія, было главной причиной того, что съ того времени, какъ началось отопленіе собора, стѣнное писаніе и позолота на сводахъ, колоннахъ и стѣнахъ, а также и на иконостасахъ, значительно потемнѣли. Наконецъ 6) для отопленія собора, по договору Быкова, во все холодное время года должно выходить лучшихъ березовыхъ четвертныхъ дровъ не болѣе 80 сажень, для удостовѣренія въ чемъ Быковъ и принялъ на себя отопленіе собора на два года съ тѣмъ, чтобы получать отъ собора только за 80 сажень въ годъ, по справочнымъ цѣнамъ; но въ прошедшую зиму было употреблено имъ на отопленіе собора березовыхъ дровъ, правда, не лучшихъ, а какія случались на рынкахъ, болѣе 200 сажень. Впрочемъ, согласно данному слову при принятіи на себя отопленія собора, онъ за прошедшую зиму не считаетъ себя вправѣ требовать съ собора въ уплату за дрова болѣе того, что причитается за 80 сажень по справочнымъ цѣнамъ, да и разсчета, сколько должно уплатить ему за прошедшую зиму донинѣ не представилъ, а явившись въ концѣ Сентября въ соборъ въ счетъ слѣдующихъ ему денегъ потребовалъ 600 руб. серебр., и мы, соображая, что 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ, по прошлогоднимъ цѣнамъ, стоятъ никакъ не менѣе 600 руб., деньги сіи ему выдали.

Относительно нынѣшней зимы Быковъ еще прежде чрезъ сына своего увѣрялъ насъ, что въ эту зиму будетъ тепло и сухо не только въ соборѣ, но и въ ризницѣ, и предварительно требовалъ, чтобы отъ собора была сдѣлана починка дверей, устроенныхъ для сохраненія тепла въ соборѣ, но потомъ разохшихся, также, чтобы возобновлена была штукатурка около всѣхъ зимнихъ рамъ и замазка всѣхъ стеколъ въ рамахъ, что все нами и исполнено было еще до наступленія холоднаго времени. Въ концѣ Сентября, явившись самъ, онъ потребовалъ дозволить ему пробить отверстіе, въ 20 верш. въ высоту и въ 10 верш. въ ширину, во внутренней стѣнкѣ между ризницею и входомъ въ Похвальскій придѣлъ, находящійся подъ юго-восточною главою собора. Какъ по осмотру архитектора къ устройенію сего отверстія никакого препятствія не оказалось, то мы не могли не допустить Быкова къ устройенію того отверстія, и онъ устроилъ его, утвердивъ въ немъ желѣзную рѣшетку. Затѣмъ Быковъ нашелъ нужнымъ передѣлать самыя печи, устроенныя подъ Синодальнымъ домомъ для отопленія собора, потому что онѣ, какъ оказалось, устроены были безъ фунда-

мента и отъ того сѣли. Двѣ изъ сихъ печей въ началѣ Октября были разобраны, а третья оставалась для отопленія собора, отъ чего при наступленіи морозовъ температура въ соборѣ понизилась до пяти градусовъ, и какъ въ соборѣ, такъ особенно въ ризницѣ, стала показываться сырость. Но съ половины Ноября, когда стали топиться и двѣ передѣланныя печи, температура въ соборѣ стала постепенно возвышаться, и съ послѣднихъ чиселъ Ноября въ соборѣ и въ среднемъ отдѣленіи алтаря постоянно бываетъ отъ 10 до 12 градусовъ. Въ Петропавловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ, хотя температура нѣсколько ниже собора и средняго отдѣленія алтаря, потому что устроенныя здѣсь теплопроводныя трубы еще не даютъ тепла, но при настоящей температурѣ въ соборѣ и здѣсь тепла достаточно. Равнымъ образомъ и въ ризницѣ, посредствомъ вышеозначеннаго вновь устроеннаго отверстія, температура стала уравниваться съ температурою собора и появившаяся въ ней въ началѣ зимы сырость нынѣ исчезла, потому что чрезъ оное отверстіе воздухъ изъ Похвальскаго придѣла, болѣе теплый, нежели въ соборѣ, идетъ въ ризницу, а отсюда, чрезъ входныя рѣшетчатыя двери ризницы, идетъ внизъ.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что отопленіе собора въ нынѣшнюю зиму будетъ въ лучшемъ противъ прежняго положеніи, особенно, если будетъ достигнуто, что находящіяся въ придѣлахъ теплопроводныя трубы будутъ дѣйствовать, а это, по увѣренію Быкова, производящаго нынѣ отопленіе, будетъ непременно достигнуто. Только по началу зимы можно предполагать, что и нынѣ на отопленіе собора потребуется дровъ не 80, а гораздо болѣе 200 сажень. Когда топились одна печка, дровъ употреблялось два аршина въ сутки, а когда стали топиться всѣ три печки, дровъ употребляется болѣе двухъ сажень. Для болѣе вѣрнаго дознанія, сколько именно въ теченіе всей зимы употреблено будетъ дровъ на отопленіе собора, истопниками-звонарями каждодневно записывается количество употребленныхъ дровъ, и о количествѣ употребленныхъ въ теченіе всей зимы дровъ, равно и о томъ, будутъ ли въ соборѣ и въ ризницѣ надлежащая теплота и сухость, по окончаніи зимы будетъ донесено Синодальной Конторѣ.

Тѣже лица отъ 10-го Января 1861 г. доносили Синодальной Конторѣ, что Быковъ представилъ счетъ слѣдующихъ ему за отопленіе собора съ Октября 1858 г. по Апрѣль 1860 года денегъ, и по сему счету требуетъ уплаты за 80 саж. дровъ, полагая круглымъ числомъ за каждую сажень по 18 руб. сер. и за истопника въ теченіе 7 мѣсяцевъ по 12 руб. за каждый мѣсяць, всего за дрова и истопника 1524 руб., а за исключеніемъ уплаченныхъ ему 600 руб. 924 рубля.

Часть сихъ денегъ, именно 300 руб. сер., по настоящему требованію Быкова, мы уже и выдали ему подъ росписку; а какъ изъ акта освидѣтельствованія работъ по отопленію Успенскаго собора между прочимъ видно, что Быковъ, для удостовѣренія, что при устроенныхъ имъ печахъ на отопленіе собора во все холодное время года не потребуется болѣе 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ, изъявилъ желаніе отапливать соборъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ зимъ, съ платою ему за 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ, длиною въ 11 вершковъ по современнымъ справочнымъ цѣнамъ и по 10 руб. сер. въ мѣсяцъ на истопника, кромѣ поставленныхъ отъ собора истопниковъ: то относительно выдачи Быкову остальныхъ по счету денегъ долгомъ поставляемъ представить на благоусмотрѣніе и распоряженіе Конторы.

Отъ 4-го Мая 1861 г. № 53, тѣже лица доносили Конторѣ:

Инженеръ-капитанъ Быковъ, производившій устройство отопления Успенскаго собора и самое отопленіе онаго въ теченіе прошедшихъ двухъ зимъ, представилъ намъ счетъ слѣдующихъ ему денегъ за отопленіе собора въ теченіе истекшей зимы. Въ семъ счетѣ, полагая сажень дровъ по 12 руб., исчисляетъ онъ за 80 саж. 960 руб., и за истопника за 7-мь мѣсяцевъ, полагая по 12 руб. въ мѣсяцъ, требуетъ 84 руб., итого 1044 рубля; а съ исчисленными имъ за отопленіе въ первый годъ 1524-мя рублями, за исключеніемъ выданныхъ ему изъ собора въ разное время 1700 руб., просилъ уплатить ему остальные 868 руб. серебр.; въ доказательство же справедливости назначенной имъ цѣны за лучшія дрова по 18 рублей среднимъ числомъ за сажень въ первую зиму и по 12 руб. за послѣднюю зиму, представилъ свидѣтельство, полученное имъ отъ правителя канцеляріи при Коммисіи для построенія въ Москвѣ храма Христа Спасителя; изъ сего свидѣтельства видно, что при составленіи проэкта для устройства отопления собора дѣйствительно предполагалось нужнымъ для отопления собора въ годъ 6000 пудовъ сухихъ березовыхъ дровъ, или 80 саж., полагая вѣсъ сажени въ 75 пудовъ.

Представляя означенный счетъ и свидѣтельство на начальственное благоразсмотрѣніе Конторы Свят. Синода, долгомъ поставляемъ донести, что: 1) При представленіи послѣдняго счета, кромѣ выданныхъ Быкову въ разныя времена 1700 руб., по настоящему его требованію, выдано нами ему еще 300 руб. съ роспискою подъ тѣмъ же счетомъ, и потому за два года отопления уплачено ему до нынѣ 2000 руб.. 2) Назначенная Быковымъ за послѣднюю зиму цѣна дровъ по 12 руб. за сажень, по нашему мнѣнію, умѣренна, потому что въ послѣднюю зиму дрова были дороже, нежели въ предшествовавшую, за исключеніемъ

конца той зимы, когда подвозъ дровъ на рынки, по причинѣ глубокаго снѣга, и испортившейся дороги, сдѣлался весьма затруднительнымъ; въ это время лучшія дрова продавались дѣйствительно дороже 20 руб.; но это время было не долѣе полутора мѣсяца, а Быковъ за всю предшествовавшую зиму назначилъ круглымъ числомъ по 18 руб. за сажень. 3) Во всю послѣднюю зиму количество употреблявшихся на отопленіе собора дровъ каждодневно было записываемо истопниками изъ звонарей, и по сей запискѣ оказывается, что въ теченіе всей зимы употреблено было на отопленіе собора дровъ 293 саж., но дрова покупаемы были не лучшія, а посредственные. 4) Температура въ соборѣ въ теченіе той же зимы, хотя не часто достигала до условленнаго количества 12 град., когда не было въ соборѣ много богомольцевъ, но кромѣ начала зимы, когда перекладывались печи, о чемъ объяснено было нами въ донесеніи отъ 5-го Декабря 1860 г. № 187, тепла было вообще достаточно, — именно иногда отъ 8, а большею частію отъ 9 до 11 град.; равно и въ ризницѣ, послѣ устройства отверстія для проведенія въ оную воздуха, изъ Похвальскаго придѣла, о чемъ также объяснено было нами въ томъ же донесеніи за № 187, было и тепла достаточно и сухо. Но 5) въ Петропавловскомъ и Дмитріевскомъ придѣлахъ теплопроводныя трубы опять тепла не давали, и отъ того въ сихъ придѣлахъ температура была не вполне достаточна. Быковъ, для того, чтобы пустить въ сіи трубы тепло, предполагалъ въ коридорѣ при печахъ устроить желѣзную стѣнку, но это остается еще не исполненнымъ. 6) Изъ устроенныхъ для отопленія собора подъ Синодальнымъ домомъ трехъ печей двѣ, болѣе повредившіяся, какъ объяснено было нами въ вышеозначенномъ донесеніи, Быковымъ въ Октябрѣ 1860 г., были разобраны и, по утвержденіи подъ ними фундамента, вновь сложены, и потому нынѣ находятся въ прочномъ видѣ, но третья изъ нихъ требуетъ еще передѣлки, что Быковъ и почитаетъ себя обязаннымъ сдѣлать; равнымъ образомъ на немъ же лежитъ обязанность за дѣлать отверстіе въ вытяжной трубѣ при выходѣ ея изъ-подъ земли при Синодальномъ домѣ, которое нынѣ только закрыто желѣзнымъ листомъ и засыпано землею. Быковъ обѣщаетъ и это сдѣлать, какъ слѣдуетъ, но изъявляетъ надежду, что изъ-за означенныхъ, требующихся со стороны его исправленій, уплата слѣдующихъ ему денегъ не будетъ остановлена. Наконецъ 7) долгомъ поставляемъ представить въ начальственное вниманіе Конторы Св. Синода, что, по случаю прекращающейся нынѣ со стороны Быкова обязанности отапливать соборъ, мы имѣли надобность въ подробномъ отъ него наставленіи относительно отопленія; и какъ печи устроены по изобрѣтенному имъ самимъ и, по собственному его увѣренію, никому неизвѣстному способу: то

просимъ, чтобы, въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій въ печахъ, или въ случаѣ другихъ какихъ либо затрудненій, намъ предоставлено было право обращаться къ нему, Быкову, съ надеждою, что онъ не откажетъ намъ въ потребныхъ для насъ указаніяхъ.

Протопр. Д. Новскимъ было представлено въ Контору отъ 9-го Октября 1861 г. за № 164 слѣдующее донесеніе.

Указами Синод. Конторы отъ 5-го Іюня 1861 г. за № 566, предписано мнѣ войти въ сношеніе съ производившимъ устройство отопленія Успенскаго собора инженеръ-капитаномъ Быковымъ и просить его, 1) чтобы, не пропуская лѣтняго времени, были исполнены зависящія отъ него по устройству отопленія исправленія; 2) просить также о сообщеніи свѣдѣній, почему условіе контракта,—что для отопленія собора во все холодное время потребуется не болѣе 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины,—до нынѣ далеко не достигало исполненія, и можно ли надѣяться, что впредь, хотя въ среднія зимы, при условленномъ количествѣ дровъ, достаточно будетъ и условленнаго количества; и 3) какъ печи для отопленія собора устроены Быковымъ по изобрѣтенному имъ самимъ и никому другому неизвѣстному способу, и топка оныхъ до нынѣ производилась подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ: то, по случаю прекращающейся нынѣ со стороны его, Быкова, обязанности отапливать соборъ, просить его, чтобы въ руководство на будущее время дано было имъ подробное наставленіе относительно отопленія, и также, чтобы, въ случаѣ могущихъ встрѣтиться недоразумѣній, дозволено было обращаться къ нему для полученія нужныхъ указаній.

По принятой Быковымъ обязанности въ теченіе двухъ лѣтъ отапливать соборъ и производить ремонтныя исправленія въ устроенныхъ имъ печахъ, онъ самъ признавалъ себя обязаннымъ исполнить слѣдующее: 1) перекласть одну изъ печей, которую, по оказавшимся въ ней поврежденіямъ отъ непрочности фундамента, еще въ прошломъ году вмѣстѣ съ другими двумя предполагалось перекласть, но которая, по позднему времени, осталась тогда не перекладенною и нынѣ не можетъ топиться безъ перекладки; 2) въ тепломъ коридорѣ при печахъ сдѣлать поперечную стѣнку изъ листоваго желѣза, нужную, по признанію самого Быкова, для того, чтобы пустить тепло въ теплопроводныя трубы, идущія отъ печей въ разныя отдѣленія алтаря, такъ какъ сіи трубы до нынѣ тепла не давали, и тепло въ алтарь привлекалось уже изъ собора вытяжною трубою; и 3) сдѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, оставленное въ вытяжной трубѣ при выходѣ ея изъ-подъ земли

у Синодальнаго дома, которое только на время закрыто было желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но остается въ семь положеніи и до нынѣ.

Означенный указъ, съ изъясненіемъ всего вышеозначеннаго, по случаю болѣзни самого Быкова, я тогда же читалъ сыну его, Александру Быкову, при выдачѣ ему изъ собора, согласно тому же указу, послѣднихъ причитавшихся Быкову за двухлѣтнее отопленіе собора денегъ; и помянутый сынъ его тогда увѣрилъ меня отъ имени своего отца, что, такъ какъ онъ лично его высокопреосвященству, митрополиту Московскому, далъ слово исполнить благовременно все, что нужно по устройству отопленія, то и не преминетъ все это исполнить, не пропуская лѣтняго времени. Но лѣтомъ Быковъ отправился въ С.-Петербургъ и въ Августъ мѣсяцъ, не видя со стороны его никакихъ распоряженій о производствѣ означенныхъ исправленій, я напоминалъ ему письмомъ, что удобное для производства исправленій время истекаетъ, и просилъ поспѣшить исполненіемъ оныхъ. Не получивъ же на сіе никакого отвѣта, и опять не видя со стороны его никакихъ распоряженій къ производству исправленій, Сентября 12-го дня я призывалъ помянутаго сына его, и, узнавъ отъ него, что отецъ его живетъ еще въ С.-Петербургѣ, и былъ боленъ, просилъ его содѣйствія, чтобы неотлагательно было приступлено къ перекладкѣ печи и производству другихъ исправленій; но сынъ его объявилъ, что безъ приказаній отца приступить къ сему дѣлу не можетъ, почему я просилъ его немедленно написать о семъ къ отцу и въ тоже время и самъ опять писалъ къ нему, но опять ни отвѣта на сіе никакого я не получалъ, ни работа по производству исправленій до нынѣ не начинается. Между тѣмъ съ 1-го дня—сего Октября наступили уже морозы и надлежало бы начать отопленіе, и оно хотя можетъ производиться посредствомъ двухъ перекладенныхъ осенью прошедшаго года печей, но, при перекладкѣ третьей печи, теплый коридоръ, изъ котораго идетъ тепло въ соборъ, держать тепла не будетъ, и оттого необходимо должна послѣдовать остановка въ отопленіи; если же эта печь останется на зиму безъ перекладки. и не будетъ по ветхости топиться, то при сильныхъ морозахъ соборъ не будетъ достаточно нагрѣваться; да и поперечная стѣнка, для сбереженія тепла въ соборѣ, необходима; потому что безъ нея, какъ объяснено выше, теплопроводныя трубы въ алтарѣ остаются безъ дѣйствія, и для нагрѣванія алтаря всегда должна быть открыта вытяжная труба, а она, притягивая тепло изъ собора, уносить его наружу.

О семъ затрудненіи по отопленію собора долгомъ поставляю представить на начальственное благоусмотрѣніе Конторы Св. Синода и покорнѣйше просить, дабы благоволено было принять зависящія отъ

оной мѣры какъ къ устраненію сего затрудненія въ настоящее время, такъ и къ предотвращенію подобныхъ затрудненій на будущее время; ибо если въ три года послѣ устройства печей всѣ онѣ потребовали перекладки, то можно предполагать, что эта надобность встрѣтится и впредь не въ очень продолжительномъ времени; можно ли въ подобныхъ случаяхъ обращаться за указаніями къ кому либо кромѣ Быкова, устроившаго печи по собственно имъ изобрѣтенному способу,—это неизвѣстно, а настоящій опытъ показываетъ, что затрудненія по отопленію собора будутъ неминуемы, если кромѣ его никто не будетъ указанъ, къ кому можно было бы обращаться за руководствомъ въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій по устройству отопления.

По сему донесенію Конторою положено обратиться отъ лица его высокопреосвященства къ главному управляющему путями сообщенія и публичными зданіями объ изысканіи и указаніи способовъ по успѣшному отопленію собора.

На отношеніе объ этомъ былъ полученъ 28-го Ноября 1861 г. слѣдующій отвѣтъ за № 7860:

Ваше высокопреосвященство отъ 12-го минувшаго Октября за № 1052, сообщая мнѣ о неудовлетворительномъ устройствѣ капитаномъ Быковымъ печей въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, изволили просить: объ изысканіи и указаніи способа къ устраненію происходящихъ отъ сего неудобствъ и безпрепятственному отопленію собора и объ истребованіи отъ Быкова свѣдѣнія о количествѣ дровъ, какое для отопления зданія потребуется въ теченіи года, а также и наставленія по производству самого отопления. Изъ отношенія сего видно: 1) Быковъ обязывался отапливать соборъ во все зимнее время 80 сажнями березовыхъ дровъ лучшаго качества и поддерживать температуру въ соборѣ до 11°, когда нѣтъ стеченія народа. Между тѣмъ на отопку собора въ двѣ первыя зимы 1859, 1860 и 1861 годовъ Быковъ употребилъ въ первую зиму 240, а въ послѣднюю 293 саж. дровъ березовыхъ только не лучшаго качества, при чемъ температура собора рѣдко возвышалась до 11°, когда не было стеченія народа.

2) Одна изъ трехъ печей, устроенныхъ Быковымъ, не можетъ топиться по оказавшимся въ ней поврежденіямъ; Быковъ, обязанный ее исправить, не смотря на неоднократныя требованія, этого не исполнилъ.

3) Быковъ хотя и предполагалъ для болѣе равномернаго отопления двухъ придѣловъ, устроенныхъ въ алтарѣ, направить къ онимъ тепло, посредствомъ особой желѣзной стѣнки и задѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, находящееся въ вытяжной трубѣ, которое только вре-

менно закрыто желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но по нынѣ этого не исполнилъ.

4) Въ отопленіи собора на будущее время могутъ возникнуть затрудненія, если кромѣ Быкова нельзя будетъ ни къ кому другому обращаться для исправленія поврежденій въ печахъ, коихъ устройство извѣстно одному лишь Быкову.

Согласно желанію вашего высокопреосвященства, изложенному въ этомъ отзывѣ, я поручилъ инженеру г.-майору барону Дельвигу осмотрѣть печи собора совмѣстно съ наблюдавшимъ за постройкой оныхъ архитекторомъ Каминскимъ.

Во исполненіе чего баронъ Дельвигъ донесъ намъ слѣдующее:

1) Температура въ соборѣ всеми признается достаточною. Недостаточная нѣсколько температура въ придѣлахъ, внутри алтаря, можетъ быть повышена устройствомъ, предположеннымъ Быковымъ, и этимъ нѣсколько уменьшится количество топлива, употребляемаго доселѣ въ большей мѣрѣ противу предназначеннаго Быковымъ. Впрочемъ очень вѣроятно, что все другія, предположенныя для Успенскаго собора печи, гораздо болѣе дорогія, чѣмъ печи, устроенныя Быковымъ и требовавшія разныхъ передѣлокъ въ соборѣ, употребляли бы еще большее количество топлива, при чемъ температура въ соборѣ могла бы не достигать и 11°.

Быкову принадлежитъ заслуга отопки Успенскаго собора съ уничтоженіемъ сырости безъ поврежденія живописи, не смотря на то, что отопка началась 22-го Декабря, когда внутри собора было 2° мороза, и все стѣны и куполь онаго покрыты были инеемъ, а также безъ всякихъ передѣлокъ и измѣненій въ соборѣ. Успѣхъ сей, весьма важный для всякаго храма, а въ особенности для Успенскаго собора, едва ли могъ бы быть достигнутъ при устройствѣ другаго рода печей.

2) Въ одной изъ устроенныхъ Быковымъ печей дѣйствительно выкрошился топочный сводъ, исправленіе его обязанъ сдѣлать Быковъ: и за эту работу лучшей печникъ въ Москвѣ проситъ 50 руб., большаго же поврежденія въ этой печи не замѣчено.

3) Устройство для улучшенія отопленія придѣловъ въ алтарѣ Быковъ обязанъ тоже произвести на свой счетъ.

Что же касается до затрудненій въ исправленіи печей, устроенныхъ по способу, извѣстному одному Быкову, и въ отопленіи ихъ, то баронъ Дельвигъ не полагаетъ ихъ затруднительными, такъ какъ исправленіе построенныхъ печей, ничего въ нихъ неизмѣняющаго, можетъ быть произведено каждымъ хорошимъ печникомъ, подъ наблюденіемъ

архитектора; а отопленіе производилось уже два года, такъ что служители, состоящіе при соборѣ, должны были къ нему приспособиться. Впрочемъ, конечно, было бы неизлишнимъ имѣть на этотъ счетъ наставленіе отъ Быкова, которое онъ могъ бы передать особому архитектору, избранному для постоянного наблюденія за этими печами.

За симъ о всѣхъ недостаткахъ въ отопленіи Успенскаго собора, какъ сообщенныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ, такъ и найденныхъ генералъ-майоромъ барономъ Дельвигомъ при осмотрѣ печей, капитанъ Быковъ представилъ слѣдующія объясненія:

1) По условію назначалось на отопленіе собора въ теченіе зимняго времени 80 саж. однополѣнныхъ 11-ти вершковыхъ березовыхъ дровъ наилучшаго качества; при этомъ имѣлся въ виду средній расчетъ, соотвѣтствующій зимѣ средней суровости. При возложенной на него обязанности производить отопленіе въ теченіи двухъ прошедшихъ зимъ, было расходуемо, сколько онъ помнитъ, 170 саж. дровъ обыкновенныхъ рыночныхъ, низкаго качества, при чемъ послѣдняя зима была необыкновенно сурова, ибо морозы, постоянно сильные, доходили даже до 36°.

2) Температура воздуха въ двухъ боковыхъ отдѣленіяхъ алтаря необходимо должна быть нѣсколько ниже, чѣмъ въ церкви; это небольшое различіе существуетъ во всѣхъ церквахъ, гдѣ устроено отопленіе системы Быкова. Если эта температура оказывается недостаточною, необходимо принять мѣры для ея возвышенія. Устройство желѣзной перегородки въ теплопроводѣ никогда не предполагалось и ни къ чему не поведетъ; по этому мысль объ устройствѣ этой стѣнки должна быть совершенно оставлена, а тѣмъ болѣе предположеніе о закрытіи вытяжной трубы, которое было бы положительно вредно для собора, какъ влекущее за собою неизбѣжную сырость въ зданіи. Закрытіе даже временное отверстія сей трубы желѣзнымъ листомъ и засыпка его землею было бы ошибочное. Напротивъ, отверстіе вытяжной трубы должно быть всегда открыто въ пустой церкви въ той мѣрѣ, какъ указано было Быковымъ, а при наполненіи народомъ открыто вполне. Возвысить же температуру въ отдѣленіяхъ алтаря Быковъ полагаетъ увеличеніемъ входнаго отверстія или возврата въ вытяжную трубу. Передѣлка эта будетъ имъ сдѣлана тотчасъ по прибытіи въ Москву, куда онъ полагаетъ возвратиться въ непродолжительномъ времени.

3) Передѣлку поврежденнаго топочнаго свода въ одной изъ печей онъ теперь же прикажетъ произвести сыну своему; но необходимо, чтобы начальство собора допустило его къ этой работѣ, не ожидая возвращенія самого Быкова.

4) Наставленіе о топкѣ печей дано будетъ Быковымъ непременно по возвращеніи въ Москву.

Протопресвитеръ съ сакелларіями и соборнымъ старостою, 18 Января 1862 г. за № 13, представилъ въ Синод. Контору слѣдующее объясненіе противъ донесенія г.-маіора барона Дельвига и объясненія капитана Быкова по дѣлу объ остающихся неисполненными нѣкоторыхъ обязательствахъ со стороны Быкова по устройству отопленія собора.

1) Въ донесеніяхъ Конторѣ Св. Синода 5 Декабря 1860 г., 4 Мая и 9 Октября 1861 г. г. мы между прочимъ изъяснили, что при началѣ зимы 1860—1861 г. Быковъ нашелъ нужнымъ передѣлать печи, устроенныя имъ для отопленія собора, потому что онѣ, какъ оказалось, были устроены безъ фундамента и отъ того повредились,—что двѣ изъ нихъ въ началѣ Октября 1860 г. были имъ, Быковымъ, разобраны, и, по утвержденіи фундамента, сложены вновь, третья же осталась не передѣланною, и хотя въ эту зиму могла топиться, но въ слѣдующую зиму 1861—1862 г. безъ передѣлки топиться не можетъ,—что Быковъ обѣщаль и эту печь передѣлать, но къ зимѣ 1861—1862 г. она осталась не передѣланною и топиться не можетъ. Г.-майоръ баронъ Дельвигъ, по осмотрѣ этой печи съ архитекторомъ Каминскимъ, наблюдавшимъ за постройкой печей, донесъ, что въ ней дѣйствительно выкрошился топочный сводъ, большаго же поврежденія въ ней не замѣчено. Быковъ по этому предмету объяснилъ, что онъ теперь же прикажетъ сыну своему произвести передѣлку топочнаго свода, и вслѣдствіе сего въ первыхъ числахъ Декабря подъ наблюденіемъ сына Быкова топочный сводъ въ этой печи передѣланъ, и съ того времени начала она топиться.

Не имѣя техническихъ свѣдѣній, особенно не имѣя возможности знать, въ твердомъ ли состояніи находятся многія, по системѣ Быкова устроенныя внутреннія перегородки означенной печи, и проченъ ли у нея фундаментъ, или она утверждена такъ же не прочно, какъ оказались двѣ другія, мы не можемъ утверждать, вся ли эта печь требовала передѣлки, или нужно было передѣлать только топочный сводъ; но вѣрно то, что Быковъ предполагалъ и обѣщаль и эту третью печь переключить всю, какъ переключены были двѣ первыя. Только тогда, какъ дошло до свѣдѣнія Быкова, что Конторою Св. Синода предполагается не разрѣшать выдачу послѣднихъ причитавшихся ему за отопленіе собора денегъ, пока не переключена будетъ печь, и не исполнены будутъ другія исправленія, сынъ Быкова объявилъ протопресвитеру, что, если удержаны будутъ послѣднія деньги, отецъ его не будетъ переключивать печи, а исправить только сводъ, хотя лучше бы было переключить ее всю, и хотя отецъ его хотѣлъ и обѣщаль это сдѣлать. Почему

протопресвитеръ, по званію члена Конторы Св. Синода, и содѣйствовалъ, чтобы разрѣшено было выдать послѣднія деньги Быкову прежде перекладки печи, и Конторою Св. Синода это было разрѣшено и вмѣстѣ съ симъ поручено было протопресвитеру просить Быкова, чтобы, не пропуская лѣтняго времени, произведена была имъ передѣлка печи и исполнены были другія исправленія по устройству отопленія. Это рѣшеніе Конторы было объявлено сыну Быкова, при полученіи имъ послѣднихъ денегъ, и онъ тогда увѣрялъ, что не сводъ только, а вся печь переколота будетъ своевременно. Теперь, послѣ столь долгихъ переговоровъ объ этой печи, дѣло кончилось переколотою топочнаго свода, исполненною въ полторы сутки при самыхъ незначительныхъ на это расходахъ. Но послѣ всего сказаннаго позволительно усумниться въ прочнось этой печи, тѣмъ болѣе, что одна сторона оной, съ которой производится топка, имѣетъ явные признаки, что она осѣлась, и если бы истопники не замазывали часто являющіяся на ней трещины, то она стала бы давать дымъ.

2) Въ тѣхъ же донесеніяхъ Конторѣ Св. Синода мы изъясняли, что устроенныя въ разныхъ отдѣленіяхъ алтаря теплопроводныя трубы тепла не даютъ, и для того температура въ придѣлахъ собора недостаточна,—что Быковъ, чтобы пустить въ сіи трубы тепло, предполагалъ раздѣлить коридоръ при печахъ стѣнкою изъ листоваго желѣза, но это остается не исполненнымъ. Г.-маіоръ баронъ Дельвицъ и самъ Быковъ признаютъ нужнымъ принять мѣры для возвышенія температуры въ придѣлахъ, но Быковъ объяснилъ, что устройство желѣзной перегородки въ теплопроводѣ никогда не предполагалось, и ни къ чему не поведетъ; поэтому мысль объ устройствѣ стѣнки должна быть совершенно оставлена; возвысить же температуру въ отдѣленіяхъ алтаря онъ полагаетъ увеличеніемъ входнаго отверстія изъ возврата въ вытяжную трубу, что и обѣщаетъ исполнить по прибытіи въ Москву.

Мы съ своей стороны никакъ не принимаемъ на себя и разсуждать, что должно быть сдѣлано для возвышенія температуры въ придѣлахъ, и намъ никакъ не могла бы придти мысль объ устройеніи въ теплопроводѣ желѣзной стѣнки, которую теперь Быковъ совершенно оставляетъ, если бы отъ него же, отъ Быкова, чрезъ сына его не слышали мы о предположеніи устроить эту стѣнку, такъ какъ до сихъ поръ не могъ намъ придти на мысль и теперь предполагаемый Быковымъ способъ увеличенія температуры въ придѣлахъ. Но дѣло въ томъ, что нынѣ уже третья зима послѣ устройенія собора теплымъ, а трубы, устроенныя для проведенія тепла въ отдѣленія алтаря, никакого дѣйствія не имѣютъ; въ подземной трубѣ, въ которой сходятся всѣ оныя

трубы, сдѣлалось сыро, алтарь нагрѣвается только вытяжной трубой, привлекающею теплый воздухъ изъ собора и выносящею его наружу, чрезъ что сильно утрачивается теплота въ соборѣ, въ придѣлахъ, и особенно въ Дмитріевскомъ, гдѣ обыкновенно дожидается опредѣленнаго времени, облачается и разоблачается старшее духовенство столицы, собирающееся въ соборъ во всѣ торжественные дни, почти всегда бываетъ холодно и сыро, между тѣмъ для приведенія всего этого въ лучшее положеніе Быковымъ до сего времени ничего не предпринимается.

3) Въ тѣхъ же донесеніяхъ Конторѣ Св. Синода мы объясняли о необходимости задѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, имѣющееся въ подземной трубѣ у синодальнаго дома, гдѣ вытяжная часть ея выходитъ изъ подъ земли, потому что оно только на время закрыто было желѣзнымъ листомъ и засыпано землею, но остается въ семъ положеніи и до нынѣ. Въ донесеніи г.-майора барона Дельвига объ этомъ отверстіи ничего не говорится, а Быковъ въ объясненіи своемъ сказанное нами относить къ отверстію вытяжной трубы при окончаніи ея вверху надъ синодальнымъ домомъ и доказываетъ, что даже временное закрытіе сего отверстія желѣзнымъ листомъ и засыпка его землею было бы ошибочно и вредно.

Но объ отверстіи, которое имѣетъ вытяжная труба вверху и которая открывается и закрывается въ указанной Быковымъ мѣрѣ особо устроеннымъ для сего способомъ, мы говорили, и говорили на основаніи акта освидѣтельствованія собора, только то, что оно для сбереженія тепла въ соборѣ могло бы не всегда и въ меньшей мѣрѣ оставаться открытымъ, если бы алтарь нагрѣвался не одною вытяжною трубою, какъ теперь, а преимущественно устроенными для сего въ немъ теплопроводными трубами, нынѣ не дѣйствующими; нужнымъ же признавали, а теперь признаемъ, задѣлать надлежащимъ образомъ отверстіе, имѣющееся подъ землею въ проходящій отъ алтаря къ синодальному дому трубѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытяжная труба выходитъ изъ подъ земли, то есть, ближе стѣны синодальнаго дома. Здѣсь труба оставлена была не конченною для того, чтобы окончательныя работы, при выходѣ трубъ въ алтарь, производились не чрезъ алтарь, а чрезъ трубу; это отверстіе, служившее лазеею для рабочихъ, при начатіи отопленія не было задѣлано, какъ слѣдуетъ, а только было закрыто желѣзнымъ листомъ съ войлокомъ и засыпано землею, вѣроятно потому, что предполагалась еще надобность проходить трубою, чтобы что-либо осмотрѣть и поправить въ вѣтвяхъ этой трубы, выходящихъ въ алтарь, но въ этомъ положеніи остается и до нынѣ, и мѣсто, подъ которымъ

оно находится, до нынѣ не вымощено камнемъ. Задѣлать надлежащимъ образомъ это отверстіе нужно потому, что чрезъ него и нынѣ, по разрытіи у синодальнаго дома земли, безъ труда можно пройти въ алтарь собора. Изъ словъ Быкова по сему предмету можно заключить, что онъ о существованіи этого отверстія даже не знаетъ, но сыну его неоднократно было говорено о необходимости задѣлать это отверстіе, и онъ отъ имени отца обѣщаль, что оно будетъ задѣлано надлежащимъ образомъ.

4) Относительно температуры собора въ донесеніи отъ 5 Декабря 1860 г. мы изъяснили, что въ первую зиму послѣ устроенія собора теплымъ и послѣ принятія Быковымъ на себя обязанности отапливать соборъ, т. е. въ зиму 1859—1860 г., далеко не было достигнуто что обѣщано было Быковымъ, ибо температура въ соборѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 12-ти градусовъ, была большею частію отъ 7-ми до 9 градусовъ, а въ придѣлахъ и ризницѣ не болѣе пяти градусовъ, и отъ того въ ризницѣ явилась сильная течь съ оконъ и стѣнъ и сырость въ шкафахъ, въ болѣе сильные морозы промерзали соборные куполы, покрываясь съ восточной стороны снѣгомъ и потомъ давая течь, въ соборѣ отъ печей нерѣдко проникалъ дымъ, и это, безъ сомнѣнія, было причиною, что съ того времени, какъ началось отопленіе собора, стѣнное писаніе въ соборѣ и позолота на иконостасахъ значительно потемнѣли. Въ томъ же донесеніи о началѣ слѣдующей зимы 1861—1862 г. мы объясняли, что пока не переключивались двѣ печи и соборъ отапливался только одною, температура въ соборѣ была около 5 градусовъ, и какъ въ соборѣ, такъ и особѣнно въ ризницѣ, стала показываться сырость; но съ половины Ноября, когда стали топиться и двѣ переключенныя печи, температура стала постепенно возвышаться и къ 5 Декабря усиленною топкою возвышена была до условленной степени. А какъ вмѣстѣ съ симъ Быковымъ для уравниенія температуры собора съ температурою ризницы пробито было отверстіе въ стѣнѣ между ризницею и входомъ въ Похвальскій придѣлъ, то при возвышеніи температуры въ соборѣ сдѣлалось и въ ризницѣ тепло и сухо. Послѣ 6 Декабря температура въ соборѣ хотя и понизилась, но нѣсколько времени продолжала быть не менѣе 9 град. и къ 25 Декабря усиленною топкою опять возвышена была до 11 градусовъ, но за тѣмъ, при наступившихъ сильныхъ морозахъ и усиленною топкою не могла быть возвышена болѣе 8 град. Впрочемъ, собственно для собора температура въ эту зиму, какъ объясняли мы въ донесеніи отъ 4 Мая 1861 г., была еще достаточна; въ придѣлахъ же температура была неудовлетворительна, и соборные куполы въ сильные морозы опять промерзали, покрываясь съ внутренней стороны снѣгомъ.

Таково же состояніе температуры въ соборѣ и въ настоящую зиму. Въ вѣдущейся по отопленію собора ежедневной записи видно, что 20 Октября, когда г.-майоръ баронъ Дельвигъ и архитекторъ Каминскій осматривали печи, въ соборѣ было $9\frac{1}{2}$ град., въ алтарѣ $8\frac{3}{4}$, въ Дмитріевскомъ придѣлѣ менѣе 6-ти, наружная температура была тогда отъ 2 до 4 градусовъ тепла, зданіе собора еще не остыло, топили тогда по полусажени въ день лучшихъ березовыхъ двовъ, т. е. такое количество, которое, если полагать круглымъ числомъ на всякій день всего холоднаго времени года, то составитъ въ годъ около ста сажень. Послѣ 20 Октября, пока наружная температура была въ нѣсколько градусовъ тепла, при топкѣ по полусажени въ день, температура въ соборѣ возвысилась было до $10\frac{1}{2}$ град., но съ наступленіемъ морозовъ, хотя и умѣренныхъ, она упала до 7 градусовъ, хотя стали топить уже по сажени въ день; и только послѣ того, какъ въ первыхъ числахъ Декабря, по распоряженію Быкова, исправлена была третья печь, и на три печи стали употреблять по $1\frac{1}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ сажени въ день, температура въ соборѣ возвысилась до $9\frac{1}{2}$ градусовъ, а чтобы къ торжеству 25 Декабря, при умѣренныхъ морозахъ, возвысить ее до 11 градусовъ, надобно было топить по 2 сажени; но и при этой топкѣ 31 Декабря, когда морозъ дошелъ до 25 градусовъ, температура въ соборѣ и алтарѣ упала на 7 град., а въ Дмитріевскомъ придѣлѣ на 4; по сему должно было увеличить суточное количество дровъ до $2\frac{1}{2}$ саж., но при всемъ томъ 6 Января и въ послѣдующіе дни можно было имѣть въ соборѣ и алтарѣ не болѣе 8 град., и показался снѣгъ не только въ куполахъ, но и на горнемъ мѣстѣ главнаго алтаря, гдѣ въ извѣстное время богослуженія становится служащій архіерей. Въ вѣрности сихъ показаній мы свидѣтельствуемъся вѣдущеюся въ соборѣ ежедневною записью, какъ топлива, такъ и тепла, и всѣми, не только служащими при соборѣ, но и часто посѣщающими соборъ, какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами. Г.-майоръ баронъ Дельвигъ въ донесеніи своемъ, не указывая на степени температуры, бывающей въ соборѣ при разныхъ степеняхъ наружной температуры, говоритъ вообще, что температура въ соборѣ всѣми признается достаточною; недостаточною, и то не вполне, а нѣсколько, признаетъ онъ температуру въ придѣлахъ, и полагаетъ, что она можетъ быть возвышена предположеннымъ Быковымъ устройствомъ. Самъ Быковъ въ своемъ объясненіи о температурѣ въ соборѣ вовсе не упоминаетъ, какъ будто вполне достигнуто то, что обѣщаль онъ и чего достигнуть обязался контрактомъ; признаетъ только себя обязаннымъ возвысить температуру въ придѣлахъ и то условно: если эта температура оказывается недостаточною.

Но заключеннымъ съ Быковымъ контрактомъ по устройенію со-

бора теплымъ полагалось, что для поддержанія постоянной въ соборѣ теплоты около 12-ти и въ ризницѣ около 10 град., достаточно будетъ на все холодное время 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ; и послѣ формальнаго освидѣтельствованія устройства отопленія въ Февралѣ 1859 года чрезъ назначенныя для сего лица, въ числѣ коихъ были и баронъ Дельвигъ съ архитекторомъ Каминскимъ, въ составленномъ о томъ актѣ принято было за несомнѣнное, что эта степень теплоты, при употребленіи условеннаго количества и качества дровъ, будетъ постоянно поддерживаться, и Быкову, для удостовѣренія въ семъ принявшему на себя отопленіе собора въ теченіе двухъ зимъ, поставлено было въ обязанность поддерживать температуру въ соборѣ не менѣе 11 градусоѡвъ. Это обязательство Быкова относительно температуры собора можетъ ли почитаться исполненнымъ, когда трехлѣтній опытъ отопленія собора показываетъ, что и при употребленіи втрое большаго противъ условія количества топлива, въ умѣренные морозы температура въ соборѣ бываетъ 8 и 9 градусоѡвъ, въ морозы же около 25 град., даже при употребленіи на отопленіе до 2½ саж. въ сутки, не можетъ выходить выше 8 градусоѡвъ? Да и безъ отношенія къ данному Быковымъ обязательству означенная температура собора, вопреки увѣренія Дельвига, не всѣми признается достаточною. Для богомольцевъ приходящихъ и остающихся въ соборѣ во время службы въ теплой одеждѣ, конечно достаточно 8 и 9 градусоѡвъ. Но для высшаго и старшаго духовенства и для высшихъ сановниковъ столицы, собирающихся въ соборѣ въ торжественные дни, температура въ соборѣ часто оказывается недостаточною, хотя для сихъ дней употребляется особенное стараніе нагрѣть соборъ сколько возможно, и хотя въ теченіе дня температура обыкновенно возвышается отъ стеченія народа. Въ прошедшую зиму, по недостатку тепла въ соборѣ, не только въ нѣкоторые торжественные, не табельные, дни, но и 19 Февраля въ высокоторжественный день Восшествія на престолъ Государя Императора, соборное служеніе было совершаемо не въ соборѣ, а въ Чудовомъ монастырѣ; и въ нынѣшнюю зиму по той же причинѣ Ноября 19 дня, торжественное служеніе по случаю крещенія Великаго князя Михаила Михайловича совершено было также не въ соборѣ, а въ Чудовѣ монастырѣ, а 1 Января, конечно, по опасенію холода, при совершавшемся въ соборѣ торжественномъ служеніи литургіи и молебствія, изъ высшихъ сановниковъ Москвы почти никого не было. Всего же яснѣе о недостаткѣ тепла въ соборѣ свидѣтельствуетъ появляющійся постоянно въ каждую зиму снѣгъ внутри куполоѡвъ собора, а нынѣ появившійся и на горнемъ мѣстѣ.

5) О количествѣ употребляемыхъ для отопленія собора дровъ мы доносили, что и въ первую зиму 1859—1860 г. употреблено Быко-

вымъ болѣе 200 сажень, а во вторую 1860—1861 г., болѣе жестокую и продолжительную, по точному дознанію, употреблено было болѣе 293 саж. березовыхъ дровъ, только не лучшаго качества. Вслѣдствіе сего Конторою Св. Синода поручено было протопресвитеру просить Быкова о сообщеніи свѣдѣнія, почему условіе заключеннаго съ нимъ договора относительно количества дровъ до нынѣ не достигало исполненія и можно ли надѣяться, что впредь, хотя въ среднія зимы при условленномъ качествѣ дровъ, достаточно будетъ и условленнаго количества ихъ. Быковъ на этотъ вопросъ не только протопресвитеру не отвѣтствовалъ, но и въ представленномъ г. главноуправляющему путями сообщеніи и публичными зданіями объясненіи прямого отвѣта не даетъ; говоритъ только, что при заключеніи съ нимъ контракта имѣлся въ виду средній расчетъ, соотвѣтствующій зимѣ средней суровости, послѣдняя же зима была необыкновенно сурова, ибо морозы, постоянно сильныя, до 36° (по показанію „Московскихъ Вѣдомостей“ самыя сильныя морозы 6 и 14 Января 1861 года были въ 31°, а по нормальнымъ термометрамъ на университетской обсерваторіи отъ 32 до 33°). Дровъ же обыкновенныхъ рыночныхъ низкаго качества было имъ, Быковымъ, расходуемо, сколько онъ помнитъ, до 170 сажень.

О количествѣ дровъ, употребленныхъ Быковымъ въ первую зиму, точныхъ свѣдѣній и мы не имѣемъ, но сынъ Быкова, который завѣдывалъ покупкою дровъ, говорилъ, что имъ въ одну зиму было куплено, сколько онъ помнитъ, 217 сажень, да заготовленныхъ отъ собора было имъ принято и употреблено 15 саж.; поэтому нами и донесено было неопредѣленно, что вышло болѣе 200 сажень. О количествѣ же дровъ, употребленныхъ во вторую зиму, нами занесено было на основаніи двухъ записей, изъ коихъ въ первой записывалась складка покупаемыхъ дровъ, при чемъ всегда были звонари, исправляющіе должность истопниковъ, а во второй, которая сохраняется и до нынѣ, записывалось каждодневно съ точностію количество сожигаемыхъ дровъ. Изъ сей послѣдней записи видно, что соборныя печи въ послѣднюю зиму топились со 2 Октября 1860 г. по 22 Апрѣля 1861 г. включительно, всего, за пропускомъ трехъ дней (16, 20 и 21 Апрѣля), 200 дней; съ начала зимы по 13 Ноября, по случаю перекладки двухъ печей, топилась одна печь и употреблялось дровъ $\frac{2}{3}$ сажени въ сутки; въ послѣдующіе пять дней, когда просушивались перекладенныя печи, употреблялось въ сутки отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени, а по просушкѣ печей, по усилившимся морозамъ съ 19 Ноября по 19 Февраля, за исключеніемъ немногихъ дней, употреблялось отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ саж., изъ числа же остальныхъ 59 дней, въ 16 употреблялось болѣе сажени, въ восемь ровно по сажени, и въ 35 менѣе сажени, но болѣе двухъ аршинъ. Вѣрность

сей записи доказывається и тѣмъ, что выше сказано нами о количествѣ дровъ, употребляемыхъ въ сутки въ нынѣшнюю зиму при различныхъ степеняхъ мороза, а эта записъ показываетъ, что во вторую зиму употреблено дровъ всего 298 саж., 26 вершковъ. Но какъ мѣра дровъ въ этой записи показывалась уже послѣ расколки оныхъ, то въ донесеніи нашемъ показано не это количество, а 293 саж., сколько ихъ записано въ покупкѣ и складкѣ. Что дѣйствительно такое количество дровъ куплено и употреблено было для отопленія собора, это подтверждалъ и сынъ Быкова, распорядившійся отопленіемъ собора и покупкою дровъ, когда показываема была ему записъ употребленныхъ и записъ купленныхъ дровъ; а каждагодно употреблять такое количество дровъ для собора обременительно, и средства собора впоследствии могутъ оказаться для сего недостаточными.

6) Въ донесеніи отъ 4 мая 1861 г. мы, между прочимъ, представляли во вниманіе Конторы Св. Синода, что по случаю прекращающейся со стороны Быкова обязанности отапливать соборъ, мы имѣемъ надобность въ подробномъ отъ него наставленіи относительно отопленія; и какъ печи устроены по изобрѣтенному имъ самимъ и никому другому неизвѣстному способу: то просили мы, чтобы, въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій въ печахъ, или въ случаѣ другихъ какихъ либо затрудненій, намъ предоставлено было право обращаться къ нему, Быкову, съ надеждою, что онъ не откажетъ въ подобныхъ указаніяхъ. Въ донесеніи барона Дельвига по сему предмету говорится, что отопленіе производилось уже два года, такъ что служители, состоящіе при соборѣ, должны были къ нему приспособиться; изъ чего должно заключить, что просимое нами отъ Быкова наставленіе относительно отопленія, по мнѣнію барона Дельвига, не нужно. Но какъ отопленіе собора до нынѣшней зимы производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сына Быкова, и поставленъ былъ отъ Быкова особый истопникъ съ производствомъ ему отъ собора жалованья, поставленные же отъ собора два истопника изъ звонарей были только исполнителями ихъ приказаній, слѣдственно только собственнымъ соображеніемъ могли доходить, какъ въ какомъ случаѣ слѣдуетъ поступать, а при такомъ положеніи могли и не узнать многого, что нужно, притомъ одинъ изъ нихъ уже умеръ, да и другаго можетъ встрѣтиться надобно перемѣнить: то имѣть при соборѣ наставленіе относительно производства отопленія и обращенія съ печами мы признаемъ нужнымъ. Самъ Быковъ въ своемъ объясненіи говоритъ, что требуемое наставленіе дано будетъ имъ непремѣнно по возвращеніи въ Москву, слѣдственно признаетъ это наставленіе нужнымъ: но половина зимы уже прошла, а нужное наставленіе не приходитъ. Относительно того, можно ли бу-

дети обращаться къ нему, Быкову, за получениемъ нужныхъ указаний въ случаѣ могущихъ произойти поврежденій по устройству отопленія, онъ ничего не говоритъ, но и просить его теперь слѣдуетъ не объ этомъ, а о приведеніи въ настоящее положеніе того, къ исполненію чего обязанъ онъ заключеннымъ съ нимъ договоромъ.

Наконецъ 7) донесеніемъ отъ 9 Октября 1861 года, доводя до свѣдѣнія Конторы Св. Синода, что Быковъ, не смотря на неоднократныя отъ протопресвитера просьбы какъ словесныя, чрезъ—сына его, такъ и письменныя, къ производству зависящихъ отъ него исправленій, къ устройству отопленія, не приступаетъ, протопресвитеръ представлялъ во вниманіе начальства, что подобнаго рода затрудненія будутъ неизбежны, если, кромѣ Быкова, ни къ кому другому не можно будетъ обращаться для полученія указаний по устройству отопленія, и просилъ объ изысканіи способовъ къ устраненію сихъ затрудненій. Но исхода изъ сихъ затрудненій не представляется и теперь. Изъ всего, что для безпрепятственнаго и болѣе успѣшнаго отопленія собора обязанъ былъ благовременно сдѣлать Быковъ къ нынѣшней зимѣ, сдѣлано только то, что печь, не могшая по ветхости топиться, исправлена на скорую руку, и то уже въ Декабрѣ, когда стали усиливаться морозы, послѣ неоднократныхъ о томъ просьбъ, дѣланныхъ по порученію Конторы Св. Синода, да и не по вниманію къ симъ просьбамъ, а вслѣдствіе сношенія его высокопреосвященства, митрополита Московскаго, съ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Для возвышенія температуры въ придѣлахъ собора и баронъ Дельвицъ и сынъ Быкова признаютъ нужнымъ принять мѣры, но мѣры для сего Быковъ предполагалъ принять еще предъ прошедшею зимою, между тѣмъ ничего не предпринимается и въ настоящую зиму, и, можетъ быть, ничего не будетъ сдѣлано и на будущую зиму. Для возвышенія температуры въ соборѣ Быковъ ничего и не обѣщаетъ предпринимать, хотя она много ниже условленной; но появляющійся ежегодно снѣгъ въ куполахъ, и потомъ дающій течь, не можетъ не обращать на себя заботливаго вниманія; и вѣроятно могутъ быть изысканы и предприняты средства къ устраненію сего важнаго недостатка по отопленію собора. Печь, которую Быковъ предполагалъ перекласть всю, но въ которой нынѣ перекладенъ только топочный сводъ, по окончаніи нынѣшней зимы непременно потребуетъ перекладки. Баронъ Дельвицъ исправленіе устроенныхъ Быковымъ печей не находитъ затруднительнымъ, говоря, что исправленіе печей, ничего въ нихъ не измѣняя, можетъ быть произведено каждымъ хорошимъ печникомъ подъ наблюдениемъ архитектора. Но печникъ можетъ взяться и испортить, а архитекторъ безъ предписанія начальства едвали и согласится взяться за дѣло, которое произ-

ведено по новому, изобрѣтенному самимъ Быковымъ, способу, и исполненіе котораго поручено Быкову съ высочайшаго разрѣшенія. Впрочемъ и баронъ Дельвицъ въ заключеніи своего донесенія говоритъ, что было бы излишнимъ имѣть на этотъ счетъ наставленіе отъ Быкова, которое онъ могъ бы передать особому архитектору, избранному для постояннаго наблюденія за этими печами. Мы же съ своей стороны, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, не только находимъ не излишнимъ, но признаемъ необходимымъ, чтобы избранъ былъ особый архитекторъ и назначенъ сперва для приведенія устройства отопленія въ возможно лучшее положеніе, а затѣмъ для постояннаго наблюденія за исправностію этого устройства.

Синодальною Конторою было опредѣлено: 1) списокъ съ объясненій протопресвитера съ сакелларіями и старостою представить митрополиту, а также препроводить къ главноуправляющему путями сообщенія и просить его обратить вниманіе на изложенныя обстоятельства и чтобы, или самому Быкову поставлено было въ обязанность озаботиться неотложнымъ приведеніемъ устройства отопленія собора въ положеніе, болѣе соотвѣтственное заключенному съ нимъ договору, или же былъ избранъ и назначенъ особый архитекторъ; 2) списокъ тѣхъ же объясненій препроводить оберъ-прокурору свят. Синода.

Въ отвѣтъ на отношеніе митрополита главноуправляющій путями сообщенія и публичн. зданіями отъ 22-го Февраля 1862 г. за № 1250 писалъ:

Ваше высокопреосвященство отъ 26-го минувшаго Января № 103, сообщивъ мнѣ, что въ донесеніи инженерагенераль-маіора барона Дельвига и въ объясненіи капитана Быкова относительно отопленія Московскаго Успенскаго собора, о которыхъ я увѣдомлялъ васъ отъ 28-го Ноября 1861 г. № 7860, многое оказалось несходно съ тѣмъ, что видно изъ донесеній протопресвитера собора и сакелларіевъ съ церковнымъ старостою, и о чемъ изложено было въ отзывѣ вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 10-го Октября 1861 г. № 1052, изволите просить распоряженія, чтобы Быкову поставлено было въ обязанность озаботиться неотложнымъ приведеніемъ устройства отопленія собора въ положеніе болѣе соотвѣтственное заключенному съ нимъ договору, или чтобы для сего и для постояннаго наблюденія за исправностію того устройства былъ избранъ и назначенъ особый архитекторъ.

Изъ доставленныхъ бумагъ видно: 1) печь, которую Быковъ предполагалъ передѣлать всю, но въ которой нынѣ перекладенъ только топочный сводъ, не можетъ признаваться прочною и по окончаніи

нынѣшней зимы, по всей вѣроятности, потребуетъ передѣлки. 2) Хотя способъ для возвышенія температуры въ придѣлахъ собора Быковъ предполагаетъ употребить не тотъ, который предполагался прежде, но баронъ Дельвигъ и самъ Быковъ находятъ нужнымъ принять мѣры для уравненія температуры въ придѣлахъ, а между тѣмъ и въ нынѣшнюю зиму ничего по сему предмету не сдѣлано. 3) Отверстіе въ трубѣ, которое признавалось и теперь признается нужнымъ задѣлать, вовсе не то, которое задѣлывать Быковъ находитъ ошибочнымъ и вреднымъ. 4) Температура въ соборѣ обыкновенно бываетъ не только много ниже той, которую обѣщаль Быковъ, но и сама по себѣ недостаточна, а потому, для возвышенія оной, сколько окажется возможнымъ, особенно для того, чтобы не промерзали своды и горнее мѣсто, должны быть приняты какія либо мѣры. 5) Быковымъ въ послѣднюю зиму на отопленіе собора дѣйствительно употреблено до 293 сажень березовыхъ, только не лучшихъ дровъ; опытъ же настоящей зимы показываетъ, что если не будетъ улучшено устройство отопленія, то не много менѣе означеннаго количества потребно будетъ на отопленіе собора и въ менѣе суровыя зимы, а означенное количество, въ сравненіи съ условленнымъ количествомъ 80 сажень, чрезмѣрно велико, и для каждагоднаго употребленія онаго собственныя средства собора впослѣдствіи могутъ оказаться недостаточными. 6) Наставленіе относительно производства отопленія хотя Быковъ и прежде обѣщаль, и въ настоящемъ объясненіи обѣщаетъ дать непремѣнно, но и это остается неисполненнымъ, а посему затрудненія по дѣлу отопленія собора представляются неизбѣжными и нынѣ, если кромѣ Быкова ни къ кому другому не можно будетъ обращаться, для полученія нужныхъ указаній. 7) Для устраненія сихъ затрудненій протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою собора признаютъ нужнымъ назначеніе особаго архитектора сперва для приведенія устройства отопленія въ возможно лучшее положеніе, а за тѣмъ и для постояннаго наблюденія за исправностію сего устройства.

Вслѣдствіе этого, я снова поручаль инженеръ-г.-маіору барону Дельвигу осмотрѣть отопленіе Успенскаго собора, и по объясненію съ соборнымъ духовенствомъ сообразить нужныя мѣры къ приведенію этого отопленія въ надлежащій порядокъ.

Баронъ Дельвигъ донесъ мнѣ, что изъ личныхъ его объясненій съ протопресвитеромъ собора и съ Быковымъ оказывается слѣдующее: 1) Протопресвитеръ полагаетъ, что та изъ трехъ печей, которую Быковъ назначилъ передѣлать всю, но только исправилъ, не имѣетъ должнаго фундамента; но Быковъ этого не признаетъ, и дѣйствительно, въ данныхъ имъ въ Ноябрь 1861 г. объясненіяхъ онъ ничего не

упоминаетъ о совершенной передѣлкѣ печи, и устройство подъ оной болѣе глубокаго фундамента между стѣнами Синодальнаго зданія, не повредивъ этихъ стѣнъ, было бы затруднительно; топочный же сводъ въ ней Быковымъ переложень.—Незначительныя трещины въ печи, если таковыя будутъ еще оказываться, Быковъ находитъ достаточнымъ замазывать. 2) Поднятіе температуры въ придѣлахъ Быковъ обѣщается исполнить, но объясняетъ, что не могъ этого сдѣлать въ прошедшее лѣто, будучи задержанъ въ Петербургѣ важными работами, и приступить къ оному согласно обѣщанію, данному имъ вашему высокопреосвященству, съ наступленіемъ удобнаго времени. 3) Въ отношеніи вашего высокопреосвященства упомянуто было о задѣлкѣ надлежащимъ образомъ отверстія, находящагося въ вытяжной трубѣ. Быковъ не понялъ, какое это отверстіе, и, полагая, что подъ этимъ разумѣлся одинъ изъ душниковъ, отозвался о неудобствѣ закрытія онаго; но какъ нынѣ, по мѣстномъ осмотрѣніи оказалось, что это простое рабочее отверстіе (лазь), сдѣланное въ кирпичномъ сводѣ, близъ вытяжной трубы, то Быковъ полагаетъ эту незначительную работу произвести по наступленіи теплаго времени. 4) Быковъ утверждаетъ, что температура въ соборѣ была постоянно достаточна въ двѣ зимы, въ которыя онъ производилъ отопку собора, и что пониженіе температуры въ настоящую зиму происходитъ, по его мнѣнію, отъ недостаточности отопления. 5) Быковъ утверждаетъ, что при употребленіи лучшихъ березовыхъ дровъ на его печи, для поддержанія въ соборѣ обѣщанной имъ температуры, не можетъ требоваться того количества дровъ, которое предполагается соборнымъ духовенствомъ, и что по сдѣланіи имъ въ наступающее лѣто улучшеній, потребное количество дровъ уменьшится. 6) Наставленія относительно производства отопления Быковъ еще не далъ, полагая, что люди, находившіеся въ продолженіи трехъ зимъ при производившейся имъ топкѣ, должны были вполнѣ ее изучить; но обѣщается дать это наставленіе. 7) Признанное барономъ Дельвигомъ въ донесеніи отъ 2-го Ноября 1861 г. излишнимъ, чтобы Быковымъ было передано наставленіе особому архитектору, назначенному для постоянного наблюденія за печами, соборное духовенство находитъ нужнымъ, и Быковъ не отказывается дать оное.

Имѣю честь сообщить о всемъ изложенномъ, вслѣдствіе отношенія за № 103, и присовокупить, что я, вмѣстѣ съ симъ, сдѣлалъ распоряженіе объ отобраніи подписки отъ Быкова на производство, по наступленіи удобнаго теплаго времени, предполагаемыхъ имъ въ соборѣ работъ, и о томъ, чтобы наставленіе о содержаніи печей и отопленіи собора было передано имъ архитектору IV округа путей сообщенія, которому поручится постоянное наблюденіе за означеннымъ отопленіемъ.

Синодальною Конторою было опредѣлено: дать знать указомъ протопресвитеру съ сакелларіями и церковнымъ старостою, чтобы донесли при наступленіи времени, удобнаго для работъ, приступлено ли къ онымъ.

Протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою доносили Конторѣ 12-го Іюля 1862 года:

Указомъ Синодальной Конторы отъ 12-го Марта 1862 г. № 289 дано намъ знать, что главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями сдѣлано распоряженіе объ отобраніи отъ инженера капита-на Быкова подписки на производство, по наступленіи удобнаго теплаго времени, предполагаемыхъ имъ по устройству отопленія собора работъ, и о томъ, чтобы наставленіе о содержаніи печей и отопленіи собора было передано имъ архитектору IV округа путей сообщенія, которому поручится постоянное наблюденіе за означеннымъ отопленіемъ; по наступленіи же удобнаго для работъ времени, тѣмъ же указомъ предписано намъ донести, приступлено ли будетъ Быковымъ къ обѣщаннымъ имъ исправленіямъ.

Состоящій въ IV округѣ путей сообщенія и публичныхъ зданій архитекторъ Александръ Мейнгардъ въ Маѣ объявилъ намъ, что постоянное наблюденіе за печами собора возложено на него, Мейнгарда, и что самъ Быковъ находится нынѣ въ Москвѣ. Почему, при наступленіи удобнаго для печныхъ работъ времени, какъ архитекторъ Мейнгардъ, такъ и мы относились къ Быкову съ просьбою объ исполненіи того, что онъ обязанъ и обѣщалъ сдѣлать по устройству отопленія, но онъ объявилъ намъ, что для производства обѣщанныхъ имъ исправленій въ настоящее время онъ не имѣетъ средствъ, но готовъ приступить къ дѣлу, если деньги за матеріалы и работы будутъ уплачиваемы въ настоящее время отъ собора. Онъ же даетъ обязательство, что деньги, уплаченныя изъ собора за тѣ исправленія, какія онъ долженъ сдѣлать на свой счетъ, будутъ возвращены имъ въ соборъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Хотя на основаніи отобранной отъ Быкова по распоряженію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями подписки нынѣ опять слѣдовало бы просить начальство о побужденіи Быкова къ немедленному исполненію обѣщанныхъ имъ исправленій на его счетъ, но какъ по прежнему опыту можно заключить, что и побужденіе начальства едва ли будетъ имѣть какой-либо успѣхъ, а время удобное для работъ будетъ опущено, между тѣмъ предполагаемое Быковымъ устройство для возвышенія температуры въ алтаряхъ и перекладка третьей печи признаются имъ самимъ необходимыми, и по исполненіи

сего можетъ значительно сократиться употреблявшееся до нынѣ на отопленіе собора количество дровъ: то мы признаемъ за лучшее согласиться уплату денегъ за матеріалы и работы, потребныя на предполагаемая Быковымъ исправленія, въ настоящее время производить изъ суммъ собора, а отъ Быкова взять предлагаемое имъ обязательство о возвращеніи въ соборъ тѣхъ денегъ, какія употреблены будутъ на производство предполагаемыхъ имъ исправленій, не далѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ, и на семь основаніи допустить его къ началю исправленій.

Синодальною Конторою (Указомъ отъ 19-го Іюля 1862 г. № 747) разрѣшено было допустить Быкова къ производству исправленій на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Протопресвитеръ Дим. Новскій, сакелларіи П. Виноградовъ и П. Сокольскій и церковный староста И. Смирновъ въ Августъ 1862 г. доносили Синодальной Конторѣ:

Во исполненіе Указа Конторы отъ 19-го Іюля за № 747, инженеръ капитанъ Быковъ былъ допущенъ нами къ производству предполагаемыхъ имъ исправленій по отопленію собора съ тѣмъ, чтобы деньги за потребныя для сего матеріалы и работы въ настоящее время уплачивать изъ собора, и поставленнымъ нами отъ указаннаго имъ печника работникамъ приказалъ разобрать переднюю часть повредившейся печи; когда же работники, исполнивъ что было имъ приказано, обратились къ нему за дальнѣйшими приказаніями, тогда оказалось, что онъ и съ сыномъ своимъ, которому обыкновенно поручаетъ надзоръ за работами, отправился въ С.-Петербургъ. Какъ начатыя работы, за отъѣздомъ его, должны были остановиться по 30 Іюля, то мы спрашивали его по телеграфу, скоро ли онъ возвратится для продолженія работъ, но отвѣта, который просили дать въ тотъ же день, до нынѣ не получаемъ. Благопочтительнѣйше донося о семъ, долгомъ поставляемъ просить побудить Быкова къ безотлагательному исполненію предполагаемыхъ имъ исправленій по отопленію собора, которыя онъ обязанъ сдѣлать вслѣдствіе отобранной по распоряженію главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями подписки, къ производству коихъ въ настоящее время даны ему способы отъ собора.

Посему Синодальною Конторою опредѣлено: предоставить его высокопреосвященству отнестись къ главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями и просить его о споспѣшествованіи, чтобы давно ожидаемая и нынѣ начатыя, но внезапно прерванныя Быковымъ, работы по устройству отопленія собора были произведены безъ дальнѣйшаго отлагательства.

На отношеніе митрополита генераль Чевкинъ отъ 13-го Августа 1862 г. № 1301 отвѣчалъ:

Получивъ 9-го сего Августа отношеніе вашего высокопреосвященства за № 823 о побужденіи отставнаго инженеръ-капитана Быкова къ окончанію начатыхъ въ семь году, но, по случаю отъѣзда его въ С.-Петербургъ, прерванныхъ, работъ по исправленію отопленія Успенскаго собора, поспѣшаю увѣдомить, что Быковъ нынѣ дѣйствительно находится въ С.-Петербургѣ, гдѣ его присутствіе было необходимо по устройству здѣсь отопленія нѣкоторыхъ зданій печами его системы; но на этихъ же дняхъ онъ отправляется обратно въ Москву.

По объясненію Быкова, исправленіе печей въ соборѣ было остановлено собственно по случаю храмоваго праздника собора, такъ какъ производство въ то время печныхъ работъ, хотя и не въ самомъ соборѣ, но въ сосѣдственныхъ съ нимъ зданіяхъ, могло бы представить видъ не соотвѣтственный торжественности случая; по прибытіи же въ Москву Быковъ обѣщаетъ немедля приступить къ работѣ и кончить исправленіе отопленія непременно до наступающей осени.

Впрочемъ около 19-го сего Августа я полагаю самъ быть въ Москвѣ и осмотрѣть работы Быкова, и надѣюсь, что все будетъ имъ сдѣлано къ полному удовольствію вашего высокопреосвященства.

Отъ 28-го Августа 1862 г. протопресвитеръ Д. Новскій доносилъ его высокопреосвященству:

По устройству отопленія Московскаго Успенскаго собора нынѣ производится исправленіе и, между прочимъ, у Синодальнаго дома сдѣлано отверстіе въ подземной вытяжной трубѣ, которою можно пройти въ алтарь собора.

Хотя для охраненія собора на время производства работъ учреждена стража изъ звонарей и сторожей собора, но какъ эта стража менѣе благонадѣжна, нежели военная, а во время устроенія означенной трубы въ 1858 г. учреждена была стража изъ часовыхъ военныхъ: то долгомъ поставляю нижайше представить на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, не соизволено ли будетъ огнестись, куда слѣдуетъ, чтобы и нынѣ, пока не задѣлано будетъ отверстіе вытяжной трубы, поставлена была при ней стража изъ часовыхъ военныхъ.

1862 г. Сентября 29-го № 139 протопресвитеръ Д. Новскій доносилъ его высокопреосвященству:

По случаю производящихся исправленій въ устройствѣ отопленія Успенскаго собора, вслѣдствіе донесенія моего отъ 28-го Августа, по

распоряженію военнаго генераль-губернатора поставленъ былъ для охраненія собора военный караулъ. Нынѣ хотя исправленія по устройству отопленія собора еще не всѣ окончены, но отверстіе въ вытяжной трубѣ, при которомъ нуженъ былъ военный караулъ, уже закрыто. О чемъ вашему высокопреосвященству долгомъ поставляю низжайше донести и доложить, что поставленный въ означенномъ мѣстѣ военный караулъ нынѣ можетъ быть упраздненъ.

23-го Мая 1863 г. за № 68 протопресвитеръ, сакелларіи и церковный староста допосили Синодальной Конторѣ;

Указами Синодальной Конторы отъ 19-го Іюля 1862 г. за № 747 разрѣшено намъ, согласно представленію нашему, допустить производившаго устройство отопленія собора инженеръ-капитана Быкова къ производству обѣщанныхъ имъ исправленій съ платою слѣдующихъ за матеріалы и работы денегъ изъ суммъ собора и со взятіемъ отъ Быкова обязательства, что деньги, употребленныя на тѣ исправленія, которыя должны быть отнесены на его счетъ, будутъ имъ возвращены въ теченіе двухъ лѣтъ; о количествѣ же сихъ денегъ предписано намъ по окончаніи исправленій донести.

Во исполненіе сего Быковъ въ томъ же Іюлѣ былъ допущенъ нами къ производству предположенныхъ исправленій; при чемъ оказалось нужнымъ одну изъ печей разобрать до основанія, въ основаніе же оной положить плиты изъ дикаго камня, стоящія 450 руб. и затѣмъ печь строить вновь; оказалось такъ же нужнымъ перекласть топочные своды въ другихъ двухъ печахъ и устроить третью дымовую трубу, и затѣмъ многое было дѣлаемо, что Быковъ признавалъ нужнымъ для того, чтобы трубы, проведенныя отъ печей въ алтарь, давали тепло. За всѣ матеріалы и работы по означеннымъ исправленіямъ уплачиваемы были деньги изъ собора, и соборной суммы въ Октябрѣ и Ноябрьѣ на это израсходовано 2993 руб. 59 коп., а съ присовокупленіемъ къ нимъ 104 руб. 50 коп. употребленныхъ въ Январѣ того же 1862 г. на разныя починки по устройству отопленія, весь расходъ въ 1862 г. по сему предмету простирается до 3098 руб. 9 копѣекъ.

Топка печей начата была непосредственно послѣ того, какъ онѣ были приготовлены, именно съ 4-го Октября, и производилась въ теченіе всей зимы подъ управленіемъ самого Быкова чрезъ поставленныхъ имъ истопниковъ. Температура въ соборѣ во всю эту зиму была удовлетворительна; въ соборѣ и главномъ алтарѣ постоянно было тепла отъ 10 до 12 град.; въ придѣлахъ и ризницѣ температура была хотя ниже, но сырости не было; дымъ въ соборъ не проникалъ. Но то, что особенно признавалось нужнымъ для уменьшенія количества топлива и

что Быковъ обѣщалъ непременно сдѣлать, именно, чтобы алтарь нагрѣвался непосредственно отъ печей, а не вытяжною трубою, привлекающею тепло изъ собора, оказалось еще не достигнутымъ: и потому, для удержанія означенной температуры въ соборѣ дрова лучшія березовыя 12-ти вершковой длины и самой лучшей полной кладки употреблялись въ сутки по назначенію Быкова въ слѣдующемъ размѣрѣ: когда морозъ не было, или были отъ 1 до 10 градусовъ, употреблялось отъ $\frac{1}{2}$ саж. до $1\frac{1}{2}$ саж., а въ морозы отъ 11 до 20 и выше градусовъ употреблялось отъ одной до двухъ сажень. Почему, хотя въ общей сложности въ прошедшую зиму вышло на отопленіе собора, дровъ много менѣе противъ прежнихъ зимъ, именно 164 саж., а съ присовокупленіемъ 12 сажень употребленныхъ на просушку печей, 176 саж., но это уменьшеніе зависѣло не столько отъ улучшенія устройства отопленія, сколько отъ того, что прошедшая зима была непродолжительна и весьма тепла, въ сравненіи съ другими. Топка производилась въ теченіе 175 дней, тогда какъ, наприм., въ зиму 1860—1861 г. топили печи 200 дней; изъ числа 175 дней топки въ 41 день вмѣсто морозовъ было нѣсколько градусовъ тепла; 8 дней было, въ которые ртуть стояла на точкѣ замерзанія; 64, въ которые морозъ былъ отъ 1 до 5 град., 43, въ которые морозъ былъ отъ 6 до 10 град., а только 16, въ которые морозъ былъ отъ 11 до 20 град., и только три дня, въ которые морозъ былъ отъ 20 до 23 или 24 градусовъ. Въ зиму средней продолжительности топочныхъ дней бываетъ около 190, т. е. на 15 дней болѣе прошедшей зимы и если бы въ эти 15 дней былъ морозъ около 20 град., то, судя по количеству дровъ, какое назначено было Быковымъ для топки при разныхъ степеняхъ мороза, противъ израсходованнаго въ прошедшую зиму, количества дровъ, потребовалось бы лишнихъ 30 сажень, и неизвѣстно, могла ли бы удержаться въ соборѣ температура не менѣе 10 градусовъ. А изъ 113 дней, въ которые или не было мороза, или онъ былъ не болѣе 5 град., могло быть болѣе 50 дней съ морозомъ около 10 градусовъ, и тогда на каждый изъ сихъ дней потребовалось бы лишнихъ по полусажени. По симъ изображеніямъ нельзя еще не желать, чтобы устройство отопленія собора было приведено въ болѣе удовлетворительное положеніе, и особенно, чтобы алтарныя трубы проводили тепло, что, по увѣренію Быкова, непременно будетъ достигнуто предъ наступленіемъ будущей зимы: такимъ образомъ, какъ по сему случаю, такъ и по оказавшимся по окончаніи прошлой зимы поврежденіямъ нѣ двухъ печакъ, въ которыхъ прошедшимъ лѣтомъ были переделаны только топочные своды, для будущей зимы опять потребуются работы, наблюденіе за коими опять принимаетъ на себя самъ Быковъ, и увѣряетъ, что работы сіи будутъ незначительны.

Что касается до количества денегъ, которыя, изъ 2993 руб. 59 коп., уплаченныхъ въ Октябрѣ и Ноябрьѣ 1862 г. за матеріалы и работы, должны быть отнесены на счетъ Быкова: то онъ, безъ сомнѣнія, не приметъ на свой счетъ 450 руб., заплаченныхъ за плиты изъ дикаго камня, положенныя въ основаніе печи, потому что это сдѣлано не по его, мысли а по мысли главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями; не могутъ также быть отнесены на его счетъ расходы по передѣлкѣ топочныхъ сводовъ въ двухъ печахъ, потому что печи сіи оставлены были Быковымъ твердыми послѣ двухлѣтняго его управленія отопленіемъ. Сколько же именно денегъ будетъ принято имъ на свой счетъ, того онъ, не смотря на неоднократно сдѣланныя ему протопресвитеромъ напоминанія, не объясняетъ и письменнаго обязательства объ уплатѣ сихъ денегъ не даетъ.

Синодальною Конторою отъ 24 Юля за 1863 года за № 764 было опредѣлено: поручить протопресвитеру съ сакелларіями и церковнымъ старостою настоятельно требовать отъ Быкова, чтобы, не опуская лѣтняго времени, распорядился исправленіемъ вновь оказавшихся въ печахъ поврежденій и исполнилъ то, что признано нужнымъ, чтобы алтарныя трубы проводили тепло, и сдѣлать съ нимъ расчетъ, сколько изъ числа употребленныхъ въ Октябрѣ и Ноябрьѣ на исправленіе печей соборныхъ денегъ должно быть отнесено на счетъ самого Быкова, и, согласно его обѣщанію, требовать, чтобы сіи деньги были возвращены въ соборъ въ назначенный имъ срокъ.

15 Марта 1865 г. за № 50 протопресвитеръ, сакелларіи и церковный староста доносили Синод. конторѣ:

Послѣ зимы 1863—1864 г. мы доносили Конторѣ Св. Синода, что предъ наступленіемъ оной Быковымъ перекладена была одна изъ соборныхъ печей, которая послѣ двухлѣтняго управленія его отопленіемъ собора осталась ветхою, что тогда же исполнены имъ нѣкоторыя работы по устройству отопления, остававшіяся до того времени не оконченными, а также и тѣ, которыя признавалъ онъ нужными для того, чтобы алтарныя трубы давали тепло, но что сей цѣли тогда еще не было достигнуто, и по окончаніи зимы опять оказались нужными нѣкоторыя исправленія, которыя Быковъ и обѣщаль исполнить къ слѣдующей зимѣ, равно какъ достигнуть и того, чтобы алтарныя трубы проводили тепло.

Вмѣстѣ съ симъ мы доносили, что, согласно разрѣшенію Конторы Св. Синода, на всѣ означенныя исправленія предъ зимою 1862—1863 г. употреблены были соборныя деньги, коихъ на сіе и было израсходовано 2993 р. 59 коп., а Быковъ съ своей стороны обѣщаль, что

деньги, употребленные на тѣ исправленія, которыя лежали на его отвѣтственности, будутъ возвращены имъ въ соборъ въ теченіи двухъ лѣтъ; сколько же изъ означенныхъ денегъ 2993 р., 59 к., будетъ принято имъ на свой счетъ, того не объясняетъ.

Вслѣдствіе сего указомъ Конторы Св. Синода отъ 24 Іюля 1863 г. № 764 было предписано намъ настоятельно требовать отъ Быкова, чтобы, не опустя лѣтняго времени, распорядился исправленіемъ вновь оказавшихся въ печахъ поврежденій, равнымъ образомъ исполнилъ то, что признается нужнымъ, чтобы алтарныя трубы проводили тепло, а также сдѣлать съ нимъ расчетъ, сколько изъ числа употребленныхъ въ Октябрѣ и Ноябрьѣ на исправленіе печей соборныхъ денегъ должно быть отнесено на счетъ Быкова и, согласно его обѣщанію, требовать, чтобы сіи деньги возвращены имъ были въ соборъ въ означенный срокъ.

Послѣ неоднократныхъ съ нашей стороны требованій, въ концѣ Сентября 1863 г. Быковъ распорядился исправленіемъ оказавшихся въ печахъ поврежденій, а для того, чтобы алтарныя трубы давали тепло, по желанію его устроены были въ теплой камерѣ желѣзные щиты, и чрезъ это было наконецъ достигнуто, что въ алтарь пошло тепло, и въ правомъ отдѣленіи алтаря, гдѣ прежде температура была много ниже средняго отдѣленія алтаря, стало теплѣе, нежели въ соборѣ и въ среднемъ отдѣленіи алтаря. Это удовлетворительное состояніе температуры въ соборѣ и отдѣленіяхъ алтаря продолжалось во всю зиму 1863—1864 гг.; но какъ въ теченіе сей зимы, равно какъ и предшествовавшей, управлялъ отопленіемъ самъ Быковъ, и оно производилось назначенными имъ для сего печниками, отъ собора же поставлялись только дрова и платились означеннымъ печникамъ деньги, одному 25 руб., а другому 20 руб. въ мѣсяцъ, то оставалось дознать: можетъ ли отопленіе собора производиться безъ завѣдыванія онымъ самимъ Быковымъ, и не чрезъ печниковъ имъ поставленныхъ, а чрезъ обыкновенныхъ истопниковъ. Почему на нынѣшнюю зиму 1864—1865 г. мы уже отказались отъ предложенія Быкова, чтобы опять управлять ему отопленіемъ на прежнихъ условіяхъ, и опытъ сей зимы показалъ, что отопленіе собора безъ затрудненія можетъ производиться чрезъ благонадежныхъ изъ числа звонарей, подъ наблюденіемъ одного, пріучавшагося къ сему дѣлу соборнаго сторожа. Послѣ сего устройство отопленія собора и можетъ быть признаваемо оконченнымъ.

Относительно количества потребныхъ для отопленія собора дровъ, хотя предполагалось, что, когда алтарныя трубы будутъ производить тепло, потребно будетъ для отопленія гораздо менѣе, нежели сколько

употреблялось прежде; однакоже на самомъ дѣлѣ сего не послѣдовало. Въ зиму 1862—1863 г., когда еще алтарныя трубы оставались безъ дѣйствія, при наблюдении за отоплениемъ Быкова, для поддержанія температуры отъ 10 до 12 град. употреблено было лучшихъ дровъ самой полной кладки 164 саж., а съ присовокуплениемъ 12 сажень, употребленныхъ на просушку печей въ такое время, когда уже должна была производиться настоящая топка, 176 саж., въ слѣдующую зиму 1863—1864 г., когда уже алтарныя трубы стали давать тепло, подъ наблюдениемъ также самого Быкова, для поддержанія той же температуры, такого же качества и кладки дровъ, употреблено было болѣе означеннаго количества, однакоже менѣе 200 саж. Но при семъ должно принять во вниманіе, что объ означенныя зимы были и теплы и непродолжительны; а въ нынѣшнюю зиму, которая много холоднѣе обѣихъ предшествовавшихъ, количество употребленныхъ на отопленіе собора дровъ при хорошемъ ихъ качествѣ, и также при хорошей, хотя не чрезмѣрно усиленной, кладкѣ, вѣроятно, дойдетъ до 200 саж. А изъ сего видно, что условіе контракта, коимъ полагалось, что для отопленія собора въ теченіе всего холоднаго времени года для поддержанія температуры въ 12 град. достаточно будетъ 80 саж. лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковъ длины и лучшей кладки,—должно быть признано неисполненнымъ.

О семъ Конторѣ Св. Синода благопочтительнѣйше доносимъ. Что же касается денегъ, истраченныхъ въ 1862 г. взаимобразно отъ собора на тѣ исправленія, которыя Быковъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичными зданіями обязанъ былъ произвести на свой счетъ, то сколько изъ истраченныхъ тогда на всѣ вообще исправленія денегъ будетъ принято Быковымъ на его счетъ, онъ до нынѣ никакого свѣдѣнія намъ не далъ, хотя протопресвитеромъ неоднократно было о семъ ему напоминаемо; на послѣднее же въ недавнемъ времени сдѣланное ему письменное напомяніе объяснилъ чрезъ своего сына, что теперь онъ нездоровъ, по выздоровленіи же дастъ письменный отвѣтъ, который по полученіи и будетъ представленъ нами Конторѣ Свят. Синода.

Конторою опредѣлено: считать устройство отопленія собора оконченнымъ, а условіе считать неисполненнымъ, о чемъ донести Свят. Синоду. Касательно разчета въ деньгахъ предоставить протопресвитеру войти въ сношеніе съ Быковымъ и о послѣдующемъ донести Конторѣ.

Святѣйшему Синоду Московскою Конторою онаго было донесено:

По дѣлу объ устройствѣ отопленія Московскаго Успенскаго собора по проэкту инженеръ-капитана Быкова, Св. Синоду 19 Сентября 1858 г. за № 1011 донесено было отъ сей Конторы, что на таковое устрой-

ство послѣдовало высочайшее повелѣніе, а исполненіе сего дѣла возложено на комиссію для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя.

Сею комиссіею 3 Сентября 1858 г. по высочайшему соизволенію заключенъ былъ съ Быковымъ контрактъ съ такимъ между прочимъ со стороны его условіемъ, что при устроенныхъ имъ печахъ для поддержанія въ соборѣ температуры не менѣе 12 градусовъ, а въ ризницѣ не менѣе 10 град. по Реомюру, потребно будетъ во все холодное время года березовыхъ сухихъ 11-ти вершковой длины дровъ не болѣе 80 квадратныхъ сажень лучшей кладки.

Печи для отопленія собора устроены подъ зданіемъ Синодальнаго дома и въ Декабрѣ мѣсяцъ того же 1858 года, прежде окончанія нѣкоторыхъ работъ, приступлено было къ отопленію оныхъ. Затѣмъ, по прошенію Быкова 16 и 20 чиселъ Февраля 1859 года, членами комиссіи, при протопресвитерѣ собора, произведено было формальное свидѣтельствованіе работъ по устройству печей и самаго отопленія собора, при чемъ работы найдены произведенными прочно, изъ хорошихъ матеріаловъ, не доконченныя же работы признаны незначительными; воздухъ въ соборѣ оказался чистымъ и легкимъ, внутреннія стѣны собора сухими, стѣнопись въ соборѣ неповрежденною, въ тотъ и другой день температура въ соборѣ была выше 12-ти, а въ ризницѣ выше 6 град. тепла. Но какъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ свидѣствовавшими устройству отопленія отъ Быкова, на отопленіе собора употреблялось въ день отъ полуторы до двухъ сажень березовыхъ дровъ, каковое количество много превышаетъ то, которое причитается на день изъ предположенныхъ договоромъ 80 саж. въ годъ: то Быковъ въ удостовѣреніе, что на будущее время достаточно будетъ для отопленія собора въ годъ 80 саж. 11-ти вершковой длины лучшихъ березовыхъ дровъ, предложилъ, что въ теченіе двухъ слѣдующихъ зимъ отопленіе собора принимаетъ на себя съ тѣмъ, чтобы получать отъ собора плату только за 80 саж. въ годъ, и поддерживать въ соборѣ установленную температуру тепла. Это предложеніе Быкова, съ согласія сей Конторы, было принято комиссіею, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ-лѣтняго управленія его отопленіемъ, и ремонтъ по устройству отопленія былъ на его же отвѣтственности, и Быковъ на семъ условіи допущенъ былъ къ отопленію собора въ теченіи двухъ лѣтъ.

Но двухлѣтній опытъ, какъ довелъ до свѣдѣнія Конторы Св. Синода протопресвитеръ собора, показалъ, что въ теченіе двухъ зимъ условленная температура тепла въ соборѣ не была достигаема, что въ продолженіе этихъ зимъ тепло было въ соборѣ и алтарѣ большею ча-

стію отъ 7 до 9 и рѣдко до 10 градусовъ, а въ придѣлахъ и ризницѣ собора температура была еще ниже; дровъ же употреблялось на отопленіе въ каждую зиму гораздо болѣе 200 сажень.

Кромѣ сего доведено было до свѣдѣнія Конторы, что нѣкоторыя работы по устройству отопленія, и по окончаніи двухлѣтняго управленія отопленіемъ Быковымъ, оставлены не оконченными, и изъ трехъ соборныхъ печей одна осталась ветхою и не было еще достигнуто того, чтобы теплопроводныя трубы, проведенныя въ алтарь, давали тепло, нагрѣвался же алтарь только вытяжною трубою, которая, привлекая тепло изъ собора, выносила его наружу.

Вслѣдствіе переписки о семъ съ главнымъ управленіемъ путями сообщенія и публичными зданіями, симъ управленіемъ въ 1862 году поставлено было Быкову въ обязанность озаботиться неотложнымъ приведеніемъ устройства отопленія собора въ положеніе, болѣе соотвѣтственное заключенному договору, а также произвести нѣкоторыя ремонтныя исправленія. Но какъ большую часть потребныхъ работъ Быковъ обязанъ былъ произвести на свой счетъ, а по наступленіи лѣтняго времени онъ отозвался, что собственныхъ средствъ не имѣеть, то, для скорѣйшаго приведенія устройства отопленія въ лучшее положеніе, Конторою Свят. Синода, въ согласность съ представленіемъ протопресвитера собора, дозволено было платить деньги за матеріаль и работы изъ соборныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы затраченныя за Быкова деньги, согласно его обѣщанію, были имъ возвращены въ соборъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ Маѣ 1863 г. протопресвитеръ съ сакелларіями и церковнымъ старостою донесли сей Конторѣ, что на матеріальныя работы, по перекладкѣ печи и другимъ исправленіямъ, уплачено изъ соборныхъ суммъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1862 г. 2993 руб. 59 коп.; а какъ нѣкоторые расходы на матеріалы и работы Быковымъ не могли быть приняты на его счетъ: то онъ, протопресвитеръ, обращался къ нему съ требованіемъ свѣдѣнія, сколько именно изъ числа израсходованныхъ денегъ принято будетъ имъ на свой счетъ; но Быковъ сего свѣдѣнія не далъ. При семъ протопресвитеръ объяснилъ, что, послѣ произведенныхъ исправленій, въ теченіе зимы 1862—1863 г. отопленіе собора производилось удовлетворительнѣе, но, при всемъ стараніи Быкова, не было еще имъ достигнуто, чтобы алтарныя трубы проводили тепло; впрочемъ на слѣдующую зиму 1863—1864 г. онъ обѣщалъ непремѣнно сего достигнуть и также подъ своимъ наблюденіемъ произвести исправленіе поврежденій, оказавшихся въ двухъ печахъ, которыя, хотя были исправлены, но перекладены не были. Почему Контора Свят. Синода предписала протопресвитеру съ сакелларіями и церк. старостою, чтобы

настоятельно требовали отъ Быкова приведенія всего въ порядокъ, и сдѣлали съ нимъ расчетъ въ томъ, сколько онъ принимаетъ на свой счетъ изъ числа денегъ, издержанныхъ на матеріалы и работы въ Октябрѣ и Ноябрьѣ 1862 г., и чтобы сіи деньги возвращены были въ соборъ въ назначенный имъ срокъ.

Протопресвитеръ съ сакелларіями и церк. старостою отъ 15 Мая 1865 г. донесъ Конторѣ Свят. Синода, что, послѣ неоднократныхъ съ ихъ стороны требованій, въ концѣ Сентября 1863 г. Быковъ распорядился исправленіемъ оказавшихся послѣ зимы 1862 г. поврежденій въ печахъ, а для того чтобы алтарныя трубы давали тепло, по указанію его устроены были въ теплой камерѣ желѣзные щиты, и чрезъ это было наконецъ достигнуто, что въ алтарь пошло тепло, и въ правомъ отдѣленіи алтаря, гдѣ прежде температура была много ниже средняго отдѣленія алтаря, стало теплѣе, нежели въ соборѣ и среднемъ отдѣленіи. Это удовлетворительное состояніе температуры въ соборѣ и отдѣленіяхъ алтаря продолжалось во всю зиму 1863—1864 г., но какъ въ теченіе сей зимы, равно какъ предшествовавшей, управлялъ отопленіемъ самъ Быковъ, и оно производилось назначенными имъ для сего печниками, отъ собора же поставлялись только дрова и платились назначеннымъ имъ для сего печникамъ деньги, одному по 25 руб., а другому 20 руб. въ мѣсяцъ, то оставалось дознать, можетъ ли отопленіе собора производиться безъ завѣдыванія онимъ самого Быкова и не чрезъ истопниковъ имъ поставляемыхъ, а чрезъ обыкновенныхъ истопниковъ. Почему на послѣднюю зиму 1864—1865 г. они уже отказались отъ предложенія Быкова, чтобы опять ему управлять отопленіемъ на прежнихъ условіяхъ, и опытъ сей зимы показалъ, что отопленіе собора безъ затрудненія можетъ производиться чрезъ благонадежныхъ изъ числа звонарей, подъ наблюденіемъ одного пріучившагося къ сему дѣлу соборнаго сторожа. Послѣ чего устройство отопленія собора и можетъ быть признаваемо оконченнымъ.

Что же касается денегъ, истраченныхъ въ 1862 г. взаимобразно отъ собора на тѣ исправленія, которыя Быковъ обязанъ былъ произвести на свой счетъ, то сколько изъ истраченныхъ тогда на всѣ вообще исправленія денегъ будетъ принято Быковымъ на свой счетъ, онъ до нынѣ никакого свѣдѣнія не далъ, хотя протопресвитеромъ неоднократно было о семъ ему напоминаемо; на послѣднее же, въ недавнемъ времени сдѣланное ему, письменное напоминаніе объяснилъ чрезъ своего сына, что теперь онъ нездоровъ, по выздоровленіи же дастъ письменный отвѣтъ, который и будетъ представленъ имъ Конторѣ Св. Синода.

По выслушаніи сего донесенія опредѣлено: по изъясненномъ въ донесеніи протопресвитера Успенскаго собора съ сакелларіями и цер-

ковнымъ старостою основаніямъ, устройство отопленія собора считать поконченнымъ, а условіе заключеннаго съ Быковымъ контракта, коимъ полагалось, что на отопленіе собора въ холодное время года, для поддержанія въ немъ температуры въ 12 градусовъ, будетъ достаточно 80 сажень лучшихъ березовыхъ дровъ 11-ти вершковой длины, по опыту нѣсколькихъ годовъ, признать не исполненнымъ; о чемъ къ свѣдѣнію и донести Святѣйшему Синоду, о семъ Московская Контора онаго симъ благопочтительнѣйше и доносить. 31 Мая 1865 года, № 608.

Такъ закончилось устройство отопленія Московскаго Большого Успенскаго собора. Нельзя сказать, чтобы оно было совершено вполне успѣшно. Главный недостатокъ всей сложной системы сооруженія для отопленія собора заключается въ томъ, что печи, долженствующія доставлять тепло для огромнаго зданія собора, раздѣляющагося, притомъ, на многія помѣщенія (придѣлы, ризницы), отдѣленные одно отъ другого сплошными каменными стѣнами, расположены въ слишкомъ отдаленномъ отъ собора разстояніи, обуславливающимъ собою устройство болѣе или менѣе длинныхъ теплопроводныхъ каналовъ, отъ 15 до 85 аршинъ. Проходя такое далекое разстояніе, тепло, по необходимости, постепенно теряясь на своемъ пути, доходить до мѣста своего назначенія въ весьма небольшомъ количествѣ, или же совсѣмъ пропадаетъ, исчезая въ стѣнкахъ каналовъ. Совершенно изолировать каналы отъ охлаждающаго ихъ со всѣхъ сторонъ пространства нѣтъ никакой возможности, при всѣхъ стараніяхъ техниковъ. Отъ того и бываетъ, что въ то время, какъ входитъ изъ печи въ теплопроводный каналъ воздухъ, нагрѣтый до 80 градусовъ по Реомюру, онъ выходитъ изъ каналовъ, достигая собора, самыхъ короткихъ въ 15 аршинъ, съ температурою въ 40 градусовъ, а изъ самыхъ длинныхъ, въ 15 аршинъ,—въ 20 градусовъ и менѣе,—до 10 градусовъ. Можетъ ли такое малое количество тепла достаточно обогрѣть такое огромное зданіе собора? Понятно, почему при морозахъ въ 15 градусовъ внѣшней температуры въ соборѣ тепла бываетъ не болѣе семи градусовъ.

Для изолированія теплопроводныхъ трубъ отъ окружающей ихъ холодной среды, инженеръ Быковъ, при первоначальномъ устройствѣ ихъ обложилъ ихъ войлокомъ и деревянными досками. Но, какъ оказалось впоследствии, дерево и войлокъ, сохраняя въ каналахъ тепло, представляли страшную опасность въ случаѣ проникновенія къ нимъ огня. Такая опасность и обнаружилась въ половинѣ Декабря 1899 г., когда отъ проникшей, неизвѣстно, какимъ образомъ, въ каналъ искры стали сначала тлѣть, а потомъ и загорѣлись находившіяся въ нихъ

доски и войлокъ. Пожаръ могъ бы проникнуть въ соборъ и коснуться его вѣковой святыни, если бы, съ неимоверными усиліями, пожаръ не былъ, хотя и не скоро, потушенъ, не коснувшись внутренности собора; по молитвамъ святителей Московскихъ, мощи которыхъ нетлѣнно почиваютъ въ этомъ Всероссійскомъ соборѣ, милостію Божіею, пожаръ ограничился истребленіемъ деревянной обшивки каменныхъ каналовъ и войлока, отъ горѣнія котораго смрадъ, наполнившій соборъ, былъ столь великъ, что запахъ его давалъ себя чувствовать въ продолженіи почти цѣлаго года.

Въ избѣжаніе на будущее время повторенія подобной опасной катастрофы, рѣшено было деревянную обшивку теплопроводныхъ трубъ замѣнить кирпичною ихъ облицовкою, что устраняло всякую опасность отъ пожара, но за то менѣе способствовало сохраненію тепла въ каналахъ. Недавно произведенная облицовка стѣнъ каналовъ особеннымъ кирпичемъ, мало проводящимъ тепла, не много помогла дѣлу, хотя предпринята была по проѣкту одной изъ лучшихъ техническихъ конторъ. Для улучшенія устройства отопленія Московскаго Успенскаго собора остается одно средство—прибѣгнуть къ новѣйшимъ способамъ отопленія большихъ зданій, бывшимъ совершенно неизвѣстными пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; изъ нихъ самую, надежную по нашему мнѣнію, могла бы быть система такъ называемаго водяного отопленія; но примѣненіе ея къ отопленію собора можетъ встрѣтить непреодолимое препятствіе, кромѣ ея дороговизны, еще въ размѣщеніи теплопроводныхъ батарей по внутреннимъ стѣнамъ собора, которые почти сплошь установлены неприкосновенными по своей святынѣ гробницами.

Прот. В. Марковъ.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ.

Спокойно и тихо отбывала наша 1-я гренадерская дивизія лѣтомъ въ 1877 году свой учебный лагерь подъ г. Москвою. Смотры, парады, ученя, ежедневно совершенствуя насъ подъ барабанъ и музыку, шли своимъ порядкомъ и доводили эту науку до той высоты искусства, которое, по взглядамъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ начальниковъ, должно было служить лучшимъ залогомъ будущихъ побѣдъ нашихъ на ратномъ полѣ. А война съ Турціею, начавшаяся въ тотъ годъ еще съ ранней весны, между тѣмъ, разгоралась все болѣе и болѣе, и хотя нѣсколько вновь мобилизованныхъ корпусовъ давно уже двинулись изъ Россіи на усиленіе нашихъ дѣйствующихъ армій, но дѣла тамъ шли какъ-то не вполне удачно, и со дня-на-день можно было ожидать распоряженій о мобилизаціи новыхъ частей, въ число которыхъ, по всѣмъ даннымъ, должны были попасть и войска Московскаго гарнизона. Ничего и говорить, что весь военный міръ, слѣдя съ лихорадочнымъ трепетомъ за ходомъ войны, былъ крайне заинтересованъ событіями, происходившими на нашихъ окраинахъ, и за газеты взялись даже тѣ, кто прежде никогда ихъ и въ руки не бралъ. Въ офицерскихъ кружкахъ спорили, толковали, дѣлая различные выводы и предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ армій; но почти всѣ были убѣждены, что война надолго не затянется.

Но вотъ мы прочли о мобилизаціи гвардіи, которая готовится къ выступленію въ походъ, а 22-го Іюля состоялся высочайшій приказъ о мобилизаціи и 1-й гренадерской дивизіи. Изъ этого приказа мы узнали, что гвардія идетъ къ Балканамъ, а наша дивизія въ Азіатскую Турцію.

Какъ ни готовы мы были къ этому извѣстію, тѣмъ не менѣе оно все-таки немало озаботило многихъ изъ насъ и въ особенности тѣхъ, кому приходилось бросать семью, наскоро устроить свои дѣла и готовиться въ походъ за нѣсколько тысячъ верстъ. Дѣла предстояло много, хотя, простоявъ безвыходно семнадцать лѣтъ въ Москвѣ, полки 1-й гренадерской дивизіи успѣли такъ сродниться съ нею, что имъ,

конечно, не легко было покинуть, и может быть надолго, свои насиженные мѣста, но надъ этимъ никто много не задумывался, и за дѣло принялись всѣ съ большою энергіею.

По плану мобилизаціи укомплектованіе запасными должно было начаться черезъ пять дней, и 7-го Августа полки наши, уже сформированные по военному составу, должны были выступить въ походъ. Въ этотъ короткій промежутокъ времени нужно было обмундировать прибывшихъ изъ запаса, подучить ихъ строю, стрѣльбѣ и вообще подготовить части настолько, чтобы съ ними можно было стать въ ряды боевыхъ войскъ.

Время летѣло быстро, и мы не успѣли оглянуться, какъ подкатило 7-е Августа. Наканунѣ, по случаю выступленія въ походъ, въ лагерной церкви назначенъ былъ общій молебень. Съѣхалось къ намъ все начальство, а за нимъ вскорѣ прибылъ и самъ командующій войсками генералъ Гильденштубе. Онъ обошелъ полки, поздравилъ всѣхъ съ походомъ, но, разставаясь съ своими любимыми гренадерами, видимо былъ такъ разстроены, что могъ сказать въ напутствіе намъ лишь нѣсколько словъ и послѣ богослуженія тотчасъ уѣхалъ изъ лагеря.

На другой день съ раннего утра началось выступленіе. Полки выходили изъ лагеря по-эшалонно, по прибытіи къ Рязанскому вокзалу тотчасъ-же становились въ линію противъ вагоновъ, которые уже были готовы, чтобы везти насъ до самыхъ горъ Кавказа. Здѣсь сказали мы послѣднее „прости“ нашей милой Москвѣ и, разцѣловавшись съ своими близкими, собравшимися проводить насъ на поѣздъ, понеслись въ ту невѣдомую даль, изъ которой многимъ уже не суждено было возвратиться.

Въ семь дней, не вылѣзая изъ вагоновъ, мы перенеслись на Югъ. Во Владикавказѣ сдѣлали дневку, которою многіе не преминули воспользоваться, чтобы запастьсь Кавказскими бурками, оказавшими впоследствии намъ неоцѣненные услуги, и 16-го Августа потянулись походнымъ порядкомъ большою Военно-грузинскою дорогою по горамъ Кавказа.

Не буду останавливаться на видахъ этой живописной дороги, которая уже много разъ была описана видѣвшими ее, и скажу только, что эти черныя, глубокія ущелья, эти скалы съ ветхими замками, напоминавшими времена давно отжившаго рыцарства, производили на всѣхъ насъ то чарующее впечатлѣніе, которому невольно поддаешься при первомъ взглядѣ на нихъ. Въ особенности меня поразило видѣ Дарьяльскаго ущелья съ вѣчно бушующимъ въ немъ Терекомъ, и мнѣ

припомнилось тутъ извѣстное стихотвореніе нашего незабвеннаго поэта Лермонтова:

„Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
„Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
„Старинная башня стояла,
„Чернѣя, на черной скалѣ“....

Тутъ словъ немного, но въ нихъ поэтъ удивительно вѣрно и ярко изобразилъ характеръ нашей благословенной Грузіи, которая, кажется, никогда не утратитъ своей обаятельной прелести, такъ притягивающей сюда туристовъ всѣхъ странъ.

Переваливъ Гуть-гору, эту высшую точку главнаго Кавказскаго хребта, покрытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣчнымъ снѣгомъ, мы спустились въ долину рѣки Арагвы и уже до Мцхета (станціи Потифлисской желѣзной дороги) продолжали путь среди виноградныхъ садовъ, которыми почти сплошь покрыта эта долина. Жара стояла страшная, доходившая днемъ до 45°, и потому всѣ переходы намъ приходилось дѣлать только ночью.

Отъ Мцхета поѣздъ желѣзной дороги въ нѣсколько часовъ перенесъ насъ къ станціи Михайловской, откуда полкъ уже въ полномъ составѣ съ музыкою и пѣснями двинулся по Боржомскому ущелью къ селенію Боржомъ—лѣтней резиденціи Великаго Князя Михаила Николаевича, гдѣ въ то время пребывало все его августѣйшее семейство. Переходъ былъ небольшой, и къ полудню мы уже входили въ это селеніе, за которымъ въ небольшой прекрасной рощицѣ и расположились бивакомъ. Но только что успѣли мы разбить свои палатки, какъ на бивакъ къ намъ подкатило нѣсколько экипажей, высланныхъ по приказанію ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Теодоровны, которая изволила пригласить всѣхъ офицеровъ полка къ себѣ на завтракъ. Мы живо перемѣнили мундиры, успѣлись въ поданные экипажи и поѣхали во дворецъ.

Никогда не изгладится у меня изъ памяти тотъ милостивый пріемъ, который оказанъ былъ намъ тогда великою княгинею. Въ немъ столько было привѣтливости, ласки и теплой простоты, что растрогалъ всѣхъ насъ до глубины души. Обходя залъ, гдѣ мы представлялись ея высочеству, она многихъ офицеровъ изволила разспрашивать о ихъ семействахъ и близкихъ, оставленныхъ въ Москвѣ, и затѣмъ, обратясь къ командиру нашего полка генералу Дену, пожелала узнать, нѣтъ-ли между его офицерами служившихъ прежде на Кавказѣ.

Въ полку въ это время изъ Кавказцевъ я былъ только одинъ, и потому генераль Денъ тутъ-же представилъ меня ея высочеству.

— Въ какомъ полку вы служили на Кавказѣ? обратилась ко мнѣ съ вопросомъ великая княгиня, и на мой отвѣтъ, что я служилъ въ Дагестанскомъ ея высочества Великаго Князя Николая Михайловича полку, изволила также поинтересоваться, давно-ли я „переведенъ“ съ Кавказа.

— Только три года назадъ, ваше императорское высочество, отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ, которое вызвано было такимъ благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ великой княгини.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжала ея высочество,—вы были, вѣроятно, и на томъ смотру, когда вашъ полкъ такъ блестяще представленъ Великому Князю главнокомандующему въ семьдесятъ первомъ году въ Чирь-Юртѣ?

— Точно такъ, ваше высочество, я былъ на этомъ смотру и въ числѣ другихъ удостоился тогда получить похвалу Ея Императорскаго Высочества.

Великая княгиня милостиво кивнула мнѣ головой и, пригласивъ офицеровъ къ завтраку, сама изволила ввести насъ въ столовую, гдѣ за общимъ столомъ мы и размѣстились вмѣстѣ со всей ея августѣйшей семьей.

Нужно сознаться, однако, что, находясь въ кругу высочайшихъ особъ, мы въ началѣ невольнo чувствовали себя нѣсколько стѣсненными, но простота, любезное обхожденіе съ нами самой великой княгини и ея августѣйшихъ дѣтей скоро заставило насъ настолько освоиться съ ихъ обществомъ, что мы потомъ уже менѣе застѣнчиво отвѣчали на всѣ вопросы, которые они задавали намъ, помня, однако, наставленіе командира полка самимъ не вдаваться ни въ какіе разговоры.

Послѣ роскошнаго завтрака всѣ перешли на огромную террасу, выходившую въ садъ, куда поданы были кофе и чай. Здѣсь ихъ императорскія высочества Михаилъ Михайловичъ и Георгій Михайловичъ, разложивъ карты на столахъ, тотчасъ-же принялись знакомить насъ съ расположеніемъ отряда, въ который мы слѣдовали, подробно при этомъ указывая позиціи, занимаемыя Турецкими войсками, и нужно было удивляться тѣмъ яснымъ свѣдѣніямъ, которыми обладали оба великіе князя, тѣмъ болѣе, что Михаилу Михайловичу въ то время было всего пятнадцать лѣтъ, а Георгію Михайловичу минуло только четырнадцать.

Когда офицеры, по знаку командира полка, начали откланиваться ея высочеству, она собственноручно изволила дать каждому изъ насъ санитарную книжку, въ которой, кромѣ наставленія о перевязкахъ, было вложено нѣкоторое количество корпіи, бинтовъ и другихъ пере-

визочныхъ принадлежностей. Этотъ драгоценный подарокъ впоследствии оказалъ намъ великую услугу и далъ возможность, благодаря своевременной перевязкѣ на самомъ полѣ сраженія, спасти многихъ раненыхъ отъ неизменемой смерти. Раздавая книжки и замѣтивъ меня среди другихъ, ея высочество изволила еще разъ обратиться ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Прошу васъ передать мой поклонъ его высочеству Николаю Михайловичу. Онъ находится теперь въ отрядѣ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ.

Конечно, такое порученіе было для меня высокою милостью великой княгини, и я отвѣчалъ, что счастливъ буду исполнить приказаніе ея императорскаго высочества.

На возвратномъ пути мы воспользовались случаемъ и заѣхали въ Боржомскій госпиталь, чтобы навѣстить своего бывшего товарища, поручика Введенскаго, переведеннаго еще до войны въ Кавказскія войска и теперь находившагося на излѣченіи отъ раны въ этомъ госпиталѣ. Мы застали его уже почти совсѣмъ оправившимся, но едва лишь успѣли съ нимъ обмѣняться нѣсколькими словами, какъ въ госпиталь изволила прибыть ея высочество великая княгиня Ольга Ѳеодоровна. Это было обычное время посѣщенія ею раненыхъ. Боясь нашимъ присутствіемъ помѣшать великой княгинѣ, мы тотчасъ распрощались съ Введенскимъ, пожелали ему полного выздоровленія и пошли въ свой лагерь.

На другой день рано утромъ полки выступили къ селенію Бакурьяны. Путь нашъ теперь лежалъ черезъ имѣніе Великаго Князя Михаила Николаевича по Бакурьянскому, Цихверскому и Чернорѣченскому ущельямъ. Это чудное, живописное мѣстечко, съ роскошною растительностью, покрыто почти сплошь превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, по которому проходитъ очень хорошая дорога до самаго селенія Бакурьяны, лежащаго на значительной высотѣ. Небольшая деревушка расположена въ густомъ лѣсу и населена выходцами изъ Малороссіи, перекочевавшими сюда еще со временъ намѣстника Кавказа князя Воронцова. Здѣсь мы переночевали и на слѣдующій день, около полудня, подошли къ перевалу невысокаго горнаго хребта, за которымъ уже начинается бесплодная долина Арменіи, тянущаяся до самаго города Ахалкалаки на протяженіи болѣе чѣмъ тридцати верстъ.

Хотя дороги этой части Закавказья въ сухое время довольно сносны, но въ ту пору, вслѣдствіе выпавшихъ передъ тѣмъ дождей, онѣ были такъ испорчены, что Его Императорское Высочество главнокомандующій, чтобы не замедлить наше движеніе, приказалъ всѣ слѣ-

довавшіе въ отрядѣ эшелоны перевозить отсюда на лошадяхъ до самой границы. Это разстояніе, приблизительно около 70 верстъ, мы сдѣлали въ два дня на подводахъ, выставленныхъ отъ духоборскихъ селъ, и такимъ образомъ 3-го Сентября перешли у селенія Шаштана рѣчку Арпа-чай, тогдашнюю границу нашу съ Азіатскою Турціей.

Природа этого края очень бѣдна и представляетъ рѣзкую противоположность очаровательной Грузіи съ ея богатою растительностью, густыми лѣсами и чрезвычайно разнообразными видами. Населеніе ютится здѣсь уже не въ домахъ, а въ какихъ-то полутемныхъ хлѣвахъ, размѣщаясь вмѣстѣ со скотомъ, и живетъ до крайней степени грязно. Только приближаясь къ самой границѣ, встрѣчается нѣсколько селеній духоборовъ, которые, какъ вредные сектанты, были выселены сюда въ 1841 г. изъ нашихъ южныхъ губерній. Живя въ этой чужой и глухой странѣ, духоборы эти однако не только сохранили свой природный языкъ, но даже и весь тотъ образъ жизни, какой они вели въ Россіи. Чистота, опрятность съ нѣкотораго рода даже зажиточностью проглядываютъ у нихъ во всемъ, и отрадно было встрѣтить то благосостояніе, какимъ пользуются здѣсь эти загнанные отщепенцы Русскаго народа.

Отъ границы до Кюрюкъ-Даръ, гдѣ тогда находился нашъ главный отрядъ, оставалось лишь около двухъ небольшихъ переходовъ; но въ виду распространившагося слуха о намѣреніи Турецкаго главнокомандующаго Мухтара-паши сдѣлать со значительными силами нападеніе на слѣдовавшіе въ отрядъ эшелоны, начальникамъ частей приказано было принять всѣ мѣры военныхъ предосторожностей, какъ при движеніи, такъ и при остановкахъ. Однако, слухъ этотъ, неизвѣстно гдѣмъ пущенный, оказался совершенно ложнымъ, и мы преблагополучно достигли 4 Сентября рѣки Карсъ-чай, гдѣ и назначенъ намъ былъ послѣдній ночлегъ передъ вступленіемъ въ лагерь отряда. Здѣсь мнѣ сообщили офицеры ранѣе прибывшаго эшелона, что къ нимъ на бивакъ утромъ пріѣзжалъ Его Императорское Высочество главнокомандующій вмѣстѣ съ своимъ августѣйшимъ сыномъ Николаемъ Михайловичемъ, который изволилъ у нихъ справляться обо мнѣ, называя меня по фамиліи. Это новое вниманіе высочайшихъ особъ ко мнѣ, простому офицеру, было для меня такъ неожиданно и, понятно, такъ лестно, что я всю ночь не могъ сомкнуть глазъ отъ волненій. Обдумывая, въ какихъ словахъ я долженъ буду передать Его Высочеству порученіе, данное мнѣ великою княгинею, его августѣйшею матерью, но, конечно, ничего не придумавъ лучшаго, какъ обратиться къ командиру полка и просить по этому поводу его указаній.

— Теперь я не могу ничего на это вамъ отвѣтить, сказалъ мнѣ генералъ Денъ, но когда прибудемъ въ отрядъ, я разузнаю обо всемъ и тогда сообщу какъ и гдѣ вамъ нужно будетъ представиться Великому Князю.

На слѣдующій день, уже на походѣ насъ встрѣтилъ генералъ Гейманъ, въ отрядъ котораго назначалась вся наша дивизія. Я зналъ Геймана еще въ то время, когда мы вмѣстѣ съ нимъ были въ Шапсугскомъ отрядѣ генерала Рудановскаго, при дѣйствіяхъ его въ 1860 году за Кубанью. Тамъ Гейманъ, тогда еще молодой, энергичный офицеръ, въ чинѣ капитана, командовалъ стрѣлковыми ротами Кабардинскаго полка и съ своими охотниками наводилъ такой страхъ на горцевъ, что при встрѣчѣ съ нимъ они почти всегда разбѣгались, не успѣвъ послѣ перестрѣлки часто захватить даже своихъ раненыхъ и убитыхъ. Охотники Геймана подбирали въ этомъ случаѣ оставленныхъ горцами людей и приносили ихъ въ лагерь, а на другой день смотришь, бывало, Шапсуги ужъ шлютъ къ нему депутатовъ съ быками, предлагая ими выкупать своихъ раненыхъ и убитыхъ съ платою за каждаго по одной парѣ воловъ.

Съ того времени прошло болѣе семнадцати лѣтъ, и хотя годы успѣли уже наложить на этого героя свою печать, но не ослабили, однако, въ немъ той энергіи и отваги, которыя выдвинули его потомъ на степень тѣхъ славныхъ полководцевъ, имена которыхъ и теперь еще громко звучатъ въ устахъ старыхъ Кавказцевъ*).

Остановивъ полкъ, генералъ Гейманъ поздоровался съ людьми, объѣхалъ все ряды и, выразивъ удовольствіе командиру полка за бодрый и молодецкій видъ солдатъ, самъ повелъ ихъ въ лагерь.

Свѣжіе, щегольски одѣтые баталіоны наши съ музыкою и пѣснями двинулись къ биваку и черезъ полчаса въ стройномъ порядкѣ уже входили въ лагерь отряда, гдѣ и расположились по указанію самого генерала Геймана.

Но мы не успѣли еще приступить къ разбивкѣ своего лагеря, какъ показалась коляска Великаго Князя главнокомандующаго, который изволилъ пожелать лично привѣтствовать первую часть прибывшихъ изъ Москвы гренадеръ. Подъѣхавъ къ флангу полка, который быстро успѣлъ выстроиться, Его Высочество вышелъ изъ экипажа и въ сопро-

*) Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный человѣкъ сдѣлался жертвою эпидемическаго тифа, страшно свирѣпствовавшаго въ зиму того года въ нашихъ войскахъ. Отправившись послѣ заключенія мира изъ Эрзерума въ Карсъ, онъ дорогою сильно промокъ подъ дождемъ и, по прибытіи на мѣсто, черезъ нѣсколько дней умеръ отъ тифа.

вожденіи Великаго Князя Николая Михайловича направился по фронту, здороваясь съ каждою ротою отдѣльно. Поравнявшись съ моею ротой, Его Высочество на минуту пріостановился и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ фамилія?

— Штабсъ-капитанъ Аноевъ, Ваше Императорское Высочество.

— Гдѣ вы прежде служили?

— Въ Дагестанскомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича полку.

— Вамъ приказано передать поклонъ вашему бывшему шефу, проговорилъ Великій Князь, и указавъ мнѣ рукою на своего августѣйшаго сына, какъ-бы разрѣшая тѣмъ передать порученіе, данное мнѣ великою княгинею, послѣдовалъ самъ дальше.

Подойдя ко мнѣ и подавъ руку, Его Высочество Николай Михайловичъ изволилъ спросить, давно-ли я переведенъ съ Кавказа, труденъ-ли для насъ былъ походъ, поинтересовался затѣмъ узнать, прибыли-ли съ нами люди Екатеринославскаго полка, прикомандированные къ нашему полку, и подавъ вторично мнѣ руку, послѣдовалъ за Великимъ Княземъ главнокомандующимъ.

Черезъ полчаса лагерь нашъ былъ разбитъ, и мы принялись было уже за чай, который денщики успѣли намъ приготовить, какъ къ биваку нашему подкатилъ цѣлый транспортъ пустыхъ фургоновъ, присланныхъ Тифлискимъ гренадерскимъ полкомъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ штабъ-офицеровъ, черезъ котораго Тифлисы приглашали всѣхъ офицеровъ нашихъ къ себѣ въ лагерь на обѣдъ.

Нижнихъ чиновъ звать къ себѣ явились фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

Само собою, что отъ такого любезнаго приглашенія нашихъ новыхъ товарищей никто не отказался и, отправивъ съ разрѣшенія командира полка роты, мы разошлись по фургонамъ и покатали къ Тифлисамъ.

Кавказскій обычай встрѣчать и провожать войска знакомыя и незнакомыя, съ которыми случай сводить (хотя и временно) существуетъ издавна. Выражая собой отношенія братства и взаимной услуги, онъ сильно способствовалъ объединенію частей духомъ отваги и проявленію въ нихъ того самоотверженія, которыя давали имъ средства преодолѣвать иногда большія препятствія. Высшее начальство принимало всегда самое дѣятельное участіе въ этихъ оживленныхъ и въ высшей степени знаменательныхъ обѣдахъ и пріемахъ, гдѣ части сходились

одна съ другой, между собою знакомились и могли многому научиться отъ тѣхъ, кто освоился уже ранѣе, какъ съ мѣстностью, такъ и съ духомъ противника.

Тифлисы встрѣтили насъ съ музыкой и послѣ обоюднаго представленія другъ другу пригласили въ свои лазаретные шатры, гдѣ приготовлены были столы для общей товарищеской трапезы. Сюда къ этому времени собрались генераль Гейманъ, начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи генераль Соловьевъ, начальникъ нашей дивизіи генераль Роопъ и многіе другіе, ставшіе уже героями войны и украшенные высокими знаками боевыхъ отличій.

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, обѣдъ затянулся до поздняго времени. Много тутъ сказано было рѣчей, много провозглашено тостовъ за присутствующихъ и осушено бокаловъ съ пожеланіемъ общихъ успѣховъ въ нашихъ будущихъ дѣлахъ, и далеко за полночь ужъ было, когда распрощались мы, наконецъ, съ радушными Тифлисами и, отуманенные ароматами Кахетинскихъ и другихъ винъ, разѣхались по своимъ лагерямъ.

Карояльская позиція находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1854 году одержана была генераломъ Муравьевымъ знаменитая побѣда надъ Турками. Занимая протяженіе около трехъ верстъ, она упиралась правымъ флангомъ въ селеніе Кюрюкь-Даръ, а лѣвымъ—въ гору Карояль, отъ которой, понижаясь постепенно къ равнинѣ, идетъ длинный рядъ холмовъ, соединяющихъ ее съ Аладжинскимъ хребтомъ. Этотъ хребетъ тянется слишкомъ на двадцать верстъ и въ данное время служилъ мѣстомъ расположенія арміи Мухтара-паши, въ которой насчитывалось около 60 тысячъ человѣкъ и 130 полевыхъ орудій. Впереди нашей и непріятельской позиціи далеко разстилалось ровное поле, покрытое высокою и сочною, хотя мѣстами уже пожелтѣвшею, травою, скрывавшею отъ глазъ глубокія балки и ложбины, усѣяныя огромными камнями. Эти камни разбросаны также по всей равнинѣ, и въ особенности ихъ много вблизи крѣпости Карса, гдѣ они встрѣчаются иногда очень большихъ размѣровъ. Вся эта мѣстность—такъ называемая Карская долина—почти безводна и только у самаго подножія Аладжинскаго хребта орошается небольшою рѣчкою Маврякъ-чай, которая находилась вся въ мѣстѣ расположенія Турецкихъ войскъ и потому для насъ была совершенно недоступна.

Хотя при отсутствіи воды въ этой мѣстности наши отряды могли встрѣтить большія затрудненія при наступленіи ихъ на позицію Турокъ, тѣмъ не менѣе съ прибытіемъ 40-й, а вслѣдъ за ней нашей 1-й гренадерской дивизіи, въ главной квартирѣ рѣшено было во 2-й половинѣ

Сентября мѣсяца приступить къ дѣйствіямъ и начать ихъ одновременно общимъ наступленіемъ на всѣ пункты непріятельскаго расположенія.

Первые слухи объ этомъ пошли по обыкновенію съ отряднаго базара этого главнаго разсадника всѣхъ новостей. Тамъ усиленно начали говорить о скоромъ выступленіи войскъ изъ лагеря, и между прочимъ, рассказывали, что Мухтаръ-паша будто бы даже самъ намѣревается атаковать нашъ главный отрядъ, отбросить его къ Александроплю и стать съ своею арміею у нашей границы. Конечно, послѣдній толкъ былъ не болѣе, какъ фантазіею досужихъ людей, и вытекалъ, какъ надо предполагать, изъ тѣхъ неудачъ, которыя предшествовали снятію нами еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ первой осады Карса и отступленію затѣмъ всего дѣйствующаго отряда къ Кюрюкъ-Дарѣ. Однако, разрѣшилось все это тѣмъ, что 18-го Сентября всѣмъ войскамъ приказано было получить фуражъ на четыре дня, оставить тяжести на мѣстѣ и готовиться къ выступленію, имѣя при себѣ лишь обозъ перваго разряда.

19-го Сентября къ отряду нашему у Кюрюкъ-Дарѣ присоединился Ардаганскій отрядъ генерала Комарова, и въ тотъ же день всѣ войска получили диспозицію, по которой 20-го Сентября предполагалось атаковать Турокъ на всѣхъ ихъ позиціяхъ и главный ударъ направить на части Карскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ Визинкеву и къ горамъ Большой и Малой Ягнамъ, составлявшимъ лѣвый флангъ Аладжинской позиціи.

Для выполненія этой задачи всѣ войска были раздѣлены на три большіе отдѣла: правое крыло, лѣвое крыло и резервъ.

Правое крыло подъ личною командою самого корпуснаго командира генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова состояло, вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему Ардаганскимъ отрядомъ, изъ 32 баталіоновъ пѣхоты, 37 эскадроновъ кавалеріи и 104 орудій. Весь этотъ отрядъ предназначался для атаки на обѣ Ягны, въ то время, когда лѣвое крыло, удерживая правый флангъ Мухтара (расположенный отъ Инахъ-Тенеси до Суботана) долженъ былъ не допускать его подать помощь Карскимъ отрядамъ, занимавшимъ самые важные операціонные пункты и ключъ всѣхъ Турецкихъ позицій.

Какъ наибольшая и главная часть, правое крыло въ свою очередь подраздѣлено было на четыре колонны: лѣвая, генерала Шака, изъ 7 баталіоновъ, предназначалась дѣйствовать противъ аула Хаджи-Вади; средняя, генерала Шереметева, изъ 4½ баталіоновъ должна была захватить гору Большія Ягны и затѣмъ выдвинуться къ Визинкеву;

правая, генерала графа Граббе (въ составъ которой вошелъ нашъ Перновскій полкъ, поступивъ по соединеніи съ отрядомъ генерала Комарова, подъ общее начальство генераль-лейтенанта Роопа, у котораго образовалось 13 баталіоновъ пѣхоты, 19 эскадроновъ кавалеріи и 34 орудія) предназначена была вести атаку противъ горы Малыя Ягны. Резервъ праваго крыла, подъ командою генерала Соловьева, состоялъ изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, 4 сотенъ кавалеріи и 14 орудій.

Общее начальство надъ лѣвою и среднею колоннами поручено было генераль-лейтенанту Гейману, у котораго въ общемъ находилось 11 баталіоновъ пѣхоты, 4 сотни кавалеріи и 14 орудій. Колоннамъ праваго крыла предполагалось выступить изъ Кюрюкъ-Даръ въ 11 часовъ ночи, чтобы съ разсвѣтомъ внезапно захватить гору Большія Ягны, находившуюся верстахъ въ 14 отъ лагеря, и одновременно съ этимъ начать атаку на гору Малыя Ягны. Въ случаѣ удачи обѣ эти горы слѣдовало немедленно укрѣпить къ сторонѣ противника и, оставивъ на нихъ небольшіе гарнизоны, продолжать наступленіе на Визинкѣвъ.

Съ цѣлью вызвать соревнованіе между полками разныхъ дивизій, тождественные по номеру полки обѣихъ гренадерскихъ дивизій были сведены въ одну колонну. Такъ въ общій резервъ назначены были первые полки; въ резервъ праваго крыла—вторые; третьи вошли въ составъ правой колонны и, наконецъ, четвертые въ составъ лѣвой и средней колоннъ. Такое раздѣленіе сдѣлано было въ виду того, что полки эти, какъ знакомые другъ другу по той встрѣчѣ, которую Кавказскіе гренадеры дѣлали Московскимъ въ день ихъ прибытія въ отрядъ, могли и въ бою оказать болѣе дѣятельную поддержку одинъ другому.

Часовъ около 4-хъ вечера, 19-го Сентября, одна часть правой колонны подъ начальствомъ генерала графа Граббе сосредоточилась у Кюрюкъ-Даръ, а другая подъ начальствомъ генерала Комарова у селенія Полдырвана. Затѣмъ съ наступленіемъ сумерекъ обѣ эти колонны, предшествуемая авангардомъ изъ кавалеріи и конной артиллеріи, должны были двинуться по дорогѣ къ горѣ Кабахъ-Тапа, сдѣлать тамъ большой привалъ и послѣ него наступать далѣе по южному склону горы Ташки-Тапа съ такимъ расчетомъ, чтобы еще до разсвѣта авангардамъ этихъ колоннъ стать на главной дорогѣ изъ Карса и отражать всякія попытки непріятеля помѣшать дѣйствіямъ нашихъ войскъ противъ укрѣпленій Малой Ягны.

Съ разсвѣтомъ отрядъ генерала Комарова долженъ былъ повести атаку на укрѣпленія Малой Ягны съ западной и сѣверо-западной сторонъ, а отрядъ генерала графа Граббе поддержать эту атаку, дѣйствуя противъ укрѣпленій на той же горѣ съ Сѣвера.

Вотъ планъ, который надлежало исполнить войскамъ нашего праваго фланга.

Карская долина, окаймленная съ обѣихъ сторонъ горными хребтами, представляетъ широкую равнину, протянувшуюся, какъ выше сказано, почти до самой крѣпости Карса. Она вся изрѣзана дорогами, пересѣкавшими ее въ разныхъ направленіяхъ, и потому при наступившей темнотѣ у насъ ушло много времени на приведеніе всѣхъ колоннъ въ тотъ порядокъ, который онѣ должны были принять по диспозиціи движенія. Частямъ безпрестанно приходилось дѣлать остановки, чтобы пропустить впередъ то кавалерію, то артиллерію, которыя, пугаясь въ огромномъ числѣ войскъ по лабиринту дорогъ, долго не могли найти опредѣленныхъ имъ мѣстъ въ колоннахъ. Но вотъ, наконецъ, все пришло въ надлежащій порядокъ, и отрядъ нашъ уже безъ остановокъ тронулся впередъ.

Ночь стояла теплая, безоблачная. Мириады звѣздъ горѣли яркими огнями и, точно самоцвѣтные камни, блестя въ прозрачномъ воздухѣ. Всюду было тихо, даже какъ-то безжизненно, и только въ Турецкихъ лагеряхъ, расположенныхъ по Аладжѣ, кое-гдѣ мелькали огоньки костровъ, обозначая мѣста нахождения Турецкихъ войскъ, которыя однако не обнаруживали пока ничѣмъ приготовленій къ встрѣчѣ съ Русскими. Казалось, Турки еще не знали о нашемъ движеніи, но снятые ими повсюду аванпосты заставляли предполагать, что о наступленіи Русскихъ имъ уже хорошо было извѣстно.

У горы Кабахъ-Тапъ наша колонна была остановлена для привала. Какъ всегда, офицеры собрались по кучкамъ и тосковали о предстоящемъ дѣлѣ съ Турками. А что дѣло съ ними намъ предстояло, и дѣло серьезное—это можно было предвидѣть изъ того, что нашъ Перновскій полкъ вмѣстѣ съ Тифлисскимъ должны были атаковать позицію Турокъ на Малой Ягнѣ со стороны едва доступной, которая при значительномъ гарнизонѣ, была къ тому-же еще и хорошо укрѣплена *).

Мнѣ какъ-то не хотѣлось принимать участіе въ толкахъ офицеровъ, я отошелъ въ сторону, растянулся на лужайкѣ и сталъ всматриваться въ переливы сверкавшихъ надо мною звѣздъ. Мои мысли унеслись къ далекой родинѣ—милой Москвѣ, гдѣ такъ недавно еще я видѣлъ свою старушку-мать; вспомнились ея горькія рыданія, съ которыми она, крестя и обнимая, провожала меня на войну; вспоминалась и та маленькая комнатка, изъ окна которой, бывало, я часто смотрѣлъ на эти-же самыя звѣзды, и мнѣ страстно хотѣлось, хотя-бы черезъ нихъ, передать

*) На Малой Ягнѣ стоялъ Махмудъ-паша съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 8-ю орудіями. (Записки Англійск. корреспонд. Нормана. „Воен. Сборн.“ 1878 года).

привѣтъ моимъ близкимъ и друзьямъ. Я такъ увлекся своими воспоминаніями, что не сразу даже замѣтилъ, какъ подошелъ и усѣлся около меня подпоручикъ Ревенскій, только что передъ тѣмъ переведенный изъ моей роты въ другую. Это былъ еще совсѣмъ юный офицеръ, выпущенный недавно изъ военнаго училища въ нашъ полкъ и передъ выступленіемъ въ походъ назначенный ко мнѣ въ роту. Какъ прекрасный товарищъ, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ офицеровъ и былъ общимъ любимцемъ моихъ солдатъ. Ему пришла въ голову мысль, по случаю своего перевода, проститься съ людьми моей роты, и онъ убѣдительно сталъ просить меня разрѣшить ему это сдѣлать тутъ же на привалѣ.

Я хотѣлъ отклонить Ревенскаго отъ его намѣренія, опираясь на тотъ доводъ, что среди военныхъ не считается добрымъ знакомъ прощаться передъ боемъ со своими сослуживцами, но онъ продолжалъ настаивать на своей просьбѣ и съ грустною улыбкою сказалъ мнѣ:

— Не знаю, капитанъ, почему, но я никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что сегодня меня или убьютъ, или ранятъ.

— Полноте, возразилъ я Ревенскому, и не думайте лучше объ этомъ. Вы знаете, я уже давно обстрѣленный солдатъ, и вѣрьте, что почти всѣмъ такъ кажется, кто въ первый разъ идетъ въ бой. Быть убитымъ или получить рану—есть дѣло случая, но Богъ милостивъ, мы съ вами, можетъ быть, не разъ еще побываемъ подъ вражьиими пулями и послушаемъ ихъ звонкаго пѣнія.

Однако, мнѣ не удалось разсѣять мрачныя предчувствія Ревенскаго. Онъ остался при своемъ убѣжденіи и горячо поблагодарилъ меня, когда я, наконецъ, согласился на его просьбу.

И вѣдь какъ это ни странно, а предчувствіе не обмануло Ревенскаго: онъ дѣйствительно въ тотъ же день былъ серьезно раненъ; нѣсколько мѣсяцевъ потомъ лѣчился въ госпиталѣ, даже какъ будто и поправился тамъ, но не на долго: рана его имѣла роковыя послѣдствія, и онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, не увидѣвъ уже болѣе своей родины.

Ровно въ три часа ночи колонна наша тронулась дальше. У Турокъ продолжали мелькать еще огоньки, но попрежнему царила все та же глубокая тишина. Прошли еще пять, шесть верстъ, и на Востокѣ начали показываться первые проблески утренняго разсвѣта; отъ горъ пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, изъ ущелій сталъ медленно выползати густой туманъ, и вскорѣ вся окрестность покрылась такою непроницаемою мглою, что въ двухъ шагахъ невозможно было ничего разсматрѣть. Полчаса спустя, туманъ, однако, началъ разсѣиваться, и въ

блеснувшихъ лучахъ показавшагося солнца сразу вдругъ открылась, не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ насъ, гора Малая Ягны со всѣми ея укрѣпленіями.

Приостановивъ движеніе, чтобы дать стянуться войскамъ, генераль Роопъ приказалъ нашему полку, какъ бывшему въ головѣ колонны, завернуть правымъ плечомъ впередъ и фронтомъ наступать прямо на укрѣпленія Малой Ягны, принявъ уже на походѣ боевой порядокъ. Но едва лишь вызванные въ цѣпь роты стали занимать свои опредѣленные мѣста, какъ на вершинѣ Малой Ягны показался густой клубъ порохового дыма, и вслѣдъ затѣмъ первая Турецкая граната съ визгомъ пронеслась надъ нашими головами, ударившись гдѣ-то недалеко позади насъ въ землю. За первую гранатою пролетѣла вторая, за ней третья, и бой начался.

Это было около 5½ часовъ утра.

Еще цѣпи не успѣли взять настоящихъ дистанцій отъ резервовъ, какъ къ 1-му баталіону подскочилъ командиръ полка полковникъ Бѣлинскій. Онъ налету сдѣлалъ указанія баталіонному командиру, куда наступать его ротамъ и, крикнувъ солдатамъ, что надѣется увидѣть ихъ скоро на горѣ, поскакалъ вдоль цѣпи къ 3-му баталіону, который, обогнувъ гору съ правой стороны, началъ въ это время тоже развертываться въ боевую линію.

Не забуду той минуты, когда полковникъ, проѣзжая по цѣпи моей роты и желая, вѣроятно, отдать еще какое-то приказаніе командиру баталіона, приостановился было на минуту, какъ вдругъ одна Турецкая граната съ шумомъ упала какъ разъ между нимъ и мною и въ тотъ-же мигъ съ трескомъ разорвалась. Меня обсыпало всего землею и въ то же время такъ сильно ударило комкомъ сухой грязи, что я даже свалился съ ногъ. Падая, я видѣлъ, какъ поднялась на дыбы лошадь полковника Бѣлинскаго, видѣлъ, какъ она потомъ понесла его куда-то дальше, но самъ въ первую минуту не могъ уяснить себѣ, цѣль я или раненъ. Ко мнѣ подбѣжало нѣсколько человекъ солдатъ, чтобы оказать помощь, и тутъ только я убѣдился, что, по счастію ни одинъ изъ осколковъ разорвавшейся гранаты не зацѣпилъ меня.

Конечно, такой счастливый случай со мною и полковникомъ Бѣлинскимъ, который тоже остался невредимъ, можно объяснить только тѣмъ, что Турки открыли вначалѣ огонь съ очень большого разстоянія, почему всѣ осколки гранаты, упавшіе съ навѣса, полетѣли черезъ головы, не ранивъ никого изъ насъ.

Между тѣмъ цѣпи наши подвигаясь впередъ, вскорѣ усилены были

ротами второй линии, и затѣмъ дальнѣйшее наступленіе пошло уже перебѣжками по уставному порядку.

Вначалѣ ружейный огонь Турокъ, открытый ими также съ огромнаго разстоянія, не приносилъ намъ много вреда, но чѣмъ болѣе приближались мы къ ихъ укрѣпленіямъ, тѣмъ чаще и чаще изъ цѣпи стали раздаваться крики съ требованіемъ подать носилки для раненыхъ. Впрочемъ, войдя въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня, мы почти совсѣмъ перестали терпѣть отъ Турецкой артиллеріи, которую непріятель направилъ черезъ наши головы на батареи, стоявшія на позиціи какъ разъ позади наступающихъ колоннъ.

Трудно описать то тяжелое нравственное состояніе, какое испытываешь, находясь подъ сводомъ цѣлой массы свистящихъ со всѣхъ сторонъ гранатъ. Тутъ невольно какъ то поддаешься жуткому ощущенію; нервная система дѣлается возбужденной до крайней степени, и человѣкъ доходитъ иногда до такого оупцѣнія, что становится совершенно равнодушнымъ къ тѣмъ ужасамъ, какіе совершаются на его глазахъ. Я помню, въ цѣпи моей роты, при одной изъ перебѣжекъ, Турецкая граната разорвала буквально на части моего солдата. Проходя мимо, я видѣлъ окровавленные куски тѣла убитаго, разбросанные по сторонамъ, но эта страшная картина не произвела на меня сильнаго впечатлѣнія, и мое сердце не содрогнулось даже при видѣ такой ужасной смерти.

Однако, движеніе наше вверхъ по совершенно открытой и крутой покатости Малой Ягны, которая прекрасно обстрѣливалась Турками, становилось съ каждымъ шагомъ все труднѣе и труднѣе. Хотя за камнями, разсыпанными по горѣ, и въ небольшихъ ложбинкахъ можно было кое-гдѣ находить прикрытіе отъ Турецкихъ пуль, но все же при перебѣжкахъ цѣпи наши несли довольно большія потери убитыми и ранеными, которыхъ солдаты тотчасъ-же сносили внизъ, передавая ихъ санитарамъ. Впрочемъ, надобно сказать, что, несмотря на крайне невыгодное положеніе нашихъ баталіоновъ, общее наступленіе всѣхъ частей велось въ совершенномъ порядкѣ, безъ всякой суеты и въ первое время напоминало даже тѣ маневрированія, которыя мы еще такъ недавно производили подъ Москвою. Стройность движеній, при ощутительныхъ уже потеряхъ доходила до того, что генераль Руппъ, начальникъ нашей дивизіи, выражая одобреніе полку, не могъ, между прочимъ, не замѣтить, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такого порядка отъ той части, которая первый разъ вступаетъ въ серьезный бой.

Но какая стройность, какая храбрость можетъ принести положи-

тельный успѣхъ, если задача, данная какой-нибудь части, будетъ невыполнима? А задача наша состояла въ томъ, чтобы атаковать и взять Турецкія укрѣпленія на Малой Ягнѣ,—такія укрѣпленія, на которыя, взглянувъ еще въ началѣ боя, тотъ же генераль Роопъ (человѣкъ пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ военномъ мѣрѣ) сказалъ, что взять эти укрѣпленія съ тѣмъ количествомъ войскъ, какое у него имѣется подъ рукою,—едва ли будетъ возможно. И слова этого генерала дѣйствительно оправдались: еще до полугоры цѣпи и резервы наши могли двигаться безъ большихъ затрудненій, но отсюда начинался до того крутой и сильно обстрѣливаемый Турками подъемъ, что дальнѣйшее наступленіе, безъ сильныхъ резервовъ, становилось почти невозможнымъ и могло грозить только лишь огромными, но совершенно бесполезными потерями для боевыхъ частей. Это всѣмъ было ясно, и движеніе первыхъ линій, постепенно замедляясь, пріостановилось, наконецъ, совсѣмъ. И вотъ почти четырнадцать часовъ къ ряду, подъ убійственнымъ огнемъ Турецкихъ укрѣпленій, слабо прикрытые кое-гдѣ небольшими камнями и бугорками пролежали мы, не сдѣлавъ ужъ болѣе ни шагу впередъ и лишь поддерживая незначительный огонь, который, конечно, не могъ принести существеннаго вреда противнику, прекрасно защищенному своими укрѣпленіями. Такая пассивная роль и къ тому же проведенная безъ сна ночь въ походѣ, а главное, весь день немилосердно палящее солнце, до того разморили меня, что я началъ было уже совсѣмъ впадать въ дремоту, несмотря на грохотъ и свистъ гранатъ и пуль, проносившихся тучами надъ моей головой, какъ я услышалъ крикъ:

— Ваше благородіе, прощайте! умираю!

Я повернулъ голову въ сторону кричавшаго и увидѣлъ моего солдата Соловьева, который, поднявшись на ноги и ухватившись руками за голову, стоялъ, какъ окаменѣлый, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Прострѣленная фуражка его валялась тутъ же на землѣ, и самъ онъ, окровавленный съ лицомъ искаженнымъ отъ страха и боли, бормоталъ какія-то несвязныя рѣчи—все повторяя, что онъ умираетъ. Быстро перескочивъ къ раненому, я приказалъ ему лечь на землю, вытащилъ изъ кармана санитарную книжку (дорогой подарокъ великой княгини (Ольги Феодоровны), и съ помощью солдатъ тутъ же перевязалъ бинтомъ его головную рану. Рана Соловьева была довольно серьезна, но, вѣроятно, благодаря своевременно сдѣланной ему мною перевязкѣ и вслѣдствіе этого незначительной потерѣ крови, солдатъ мой остался живъ, вылѣчился потомъ въ госпиталѣ и въ скоромъ времени возвратился опять въ мою роту.

Нужно замѣтить, что въ дѣлѣ у Малой Ягны, вслѣдствіе крайне

невыгоднаго положенія нашего относительно противника, раны Турецкими пулями были большею частью или головныя, или приходились въ верхнюю часть туловища, что и было одною изъ главныхъ причинъ, почему у насъ оказался очень большой сравнительно процентъ убитыхъ и тяжело раненыхъ при перебъжкахъ и въ особенности при остановкахъ.

Часу во второмъ дня къ батарее, стоявшей позади насъ, прибыла изъ резерва батарея 1-й артиллерійской бригады, и обѣ онѣ, соединившись вмѣстѣ, начали громить учащеннымъ огнемъ Турецкія укрѣпленія. Хотя разстояніе отъ этихъ батарей до Турецкихъ укрѣпленій было никакъ не менѣе 1,000 сажень, но батареи эти такъ хорошо успѣли пристрѣляться, что огонь Турокъ вскорѣ сталъ значительно ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ прекратился. Воспользовавшись этимъ случаемъ, генералъ Роопъ далъ сигналъ къ общей атакѣ; но, къ сожалѣнію, въ то время, когда нашей артиллеріи нужно было для подготовки атаки усилить еще болѣе огонь, оказалось, что у нея уже не было ни одного снаряда, а пополнить зарядные ящики изъ артиллерійскаго пярка, находившагося гдѣ-то очень далеко, было и некогда да и невозможно. Замѣтивъ это обстоятельство, Турки несдерживаемые болѣе нашею артиллеріею, возобновили огонь и развили его до такой силы, что продолжать атаку и рассчитывать на удачу для насъ было уже трудно.

Между тѣмъ, расположенный правѣ насъ 3-й баталіонъ нашего полка, имѣя передъ собою болѣе отлогую покатость горы и потому болѣе доступную для наступленія, хотя и медленно, но продолжалъ все подвигаться впередъ. Поддерживаемый съ фланга двумя сотнями казаковъ, онъ нѣсколько разъ пытался было овладѣть лежащими передъ нимъ Турецкими ложементами, но не имѣя за собою, какъ и мы, достаточно сильнаго резерва, могъ занять новую линію лишь нѣсколько ближе къ ложементамъ и тѣмъ долженъ былъ ограничиться. Часу въ четвертомъ баталіонъ этотъ еще разъ пошелъ въ атаку и, съ крикомъ „ура“ бросившись на Турецкіе ложементы тотчасъ же успѣлъ овладѣть частью ихъ; услыхавъ этотъ крикъ, оба наши баталіона, чтобы поддержать атаку 3-го баталіона, двинулись было тоже впередъ, но осыпаемые градомъ пуль и картечными гранатами продвинулись только шаговъ на сто далѣе и, не видя передъ собою никакихъ закрытій, за которыми можно было бы задержаться, опять пріостановились. Въ это время со стороны крѣпости Карса появилась значительная часть неприятельской кавалеріи, намѣревавшаяся ударить въ тылъ нашему правому флангу. Дѣло грозило большою опасностію для всего правого флан-

говаго отряда. но командиръ 3-го баталіона майоръ Пруцкій не потерялся. Поспѣшно подбѣжавъ къ орудіямъ, онъ вмѣстѣ съ командиромъ батареи собственными руками повернулъ два изъ нихъ кругомъ; взвизгнула картечь въ воздухъ и всей массой врѣзалась въ самую середину мчавшейся на нихъ Турецкой кавалеріи. Все это сдѣлано было такъ быстро и удачно, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кавалерійская колонна, не ожидавшая такой встрѣчи, смѣшалась въ беспорядочную толпу, повернула тотчасъ же назадъ и скрылась за ближайшею высотой. Благодаря такому отпору, Туркамъ не удалось прорвать нашихъ слабыхъ резервовъ, которые при ударѣ на нихъ большой массы кавалеріи, конечно, не могли бы удержаться на своихъ мѣстахъ *).

Однако выдвинувшись значительно впередъ и занявъ Турецкіе ложементы, 3-й баталіонъ Перновцевъ не могъ долго удерживать ихъ за собою и, видя, что у насъ атака не увѣнчалась успѣхомъ, долженъ былъ, спустя нѣкоторое время, оставить занятые имъ ложементы и отойти на свои прежнія мѣста. Такимъ образомъ, атака и этого баталіона, хотя болѣе удачная, чѣмъ наша, не достигла своей цѣли и осталась также для общаго дѣла бесплодна.

А день между тѣмъ началъ уже клониться къ вечеру, и хотя мы продолжали еще вести бесполезную перестрѣлку, но по всѣмъ даннымъ можно было видѣть, что взять Малыя Ягны намъ не удастся. Приходилось оставаться на своихъ позиціяхъ и ждать приказаній или сигнала объ отступленіи.

Часу въ 8-мъ, когда сумерки густою тѣнью начали ложиться на землю, прозвучалъ, наконецъ, издали сигналъ къ отступленію. Боевыя линіи, поддерживая огонь, стали медленно отходить назадъ, но утомленные продолжительнымъ боемъ и понеся довольно большія потери въ людяхъ, не могли, конечно, сохранить той стройности, какую онѣ имѣли при движеніи впередъ. Къ этому времени бой у Малой Ягны началъ мало по малу стихать и совсѣмъ прекратился лишь тогда, когда послѣдніе остатки нашего отряда, спустившись внизъ, стали собираться къ перевязочному пункту, который находился близъ Карской дороги. Сюда при помощи своихъ товарищей вереницами плелись со всѣхъ сторонъ раненые, сюда же на носилкахъ и даже просто на шинеляхъ солдаты сносили тѣла убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ оказалась такая масса, что за недостаткомъ мѣсть въ лазаретныхъ фурахъ, многихъ такъ и пришлось нести на все время на рукахъ. При наступ-

*) Впослѣдствіи выяснилось, что этимъ кавалерійскимъ отрядомъ командовалъ сынъ Шамиля—Кази-Магома, взятый въ 1859 году нами въ плѣнъ на Гунибѣ и потомъ отпущенный на свободу вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ Шамиля.

пившей темнотѣ, а главное не получая опредѣленныхъ указаній, никто не зналъ, куда идти, что дѣлать и какъ быть съ тѣми ранеными, кому не успѣли еще сдѣлать никакой перевязки. Солдаты разныхъ полковъ, перемѣшавшись, шли толпой и поодиначкѣ, слѣдуя одинъ за другимъ. Многихъ офицеровъ не оказалось при частяхъ и гдѣ былъ командиръ полка (полковникъ Бѣлинскій) тоже никто не зналъ. Командованіе надъ частью собравшихся людей нашего полка принялъ на себя командиръ 2-го баталіона—маіоръ Ржонсницкій, который, случайно встрѣтивъ на перевязочномъ пунктѣ командира бригады—графа Граббе, успѣлъ получить отъ него только одно приказаніе: отступить туда, куда направляются всѣ. Это, поистинѣ сказать, былъ какой-то невообразимый хаосъ, въ которомъ трудно было и разобраться. Хорошо еще, что вначалѣ путь нашего отступленія обозначался цѣлымъ рядомъ огней горѣвшей яркимъ пламенемъ сухой травы, которую солдаты нарочно поджигали, чтобы оставить слѣдъ для тѣхъ, кто шелъ за ними, а то, въ этой темнотѣ, могла произойти еще бѣлая путаница, и будь Турки посмѣлѣе и пусти нѣсколько свѣжихъ эскадроновъ кавалеріи для преслѣдованія насъ, они въ то время могли бы надѣлать намъ много бѣдъ. Но Туркамъ, какъ видно, и самимъ было не до преслѣдованія, благодаря чему наше беспорядочное отступленіе совершилось вполне благополучно.

Не такъ дѣло шло у горы Большія Ягны, гдѣ атаку вели Несвижскій и Мингрельскій гренадерскіе полки. Тамъ, по разсказу участниковъ, послѣ полудня обоимъ этимъ полкамъ удалось не только завладѣть всѣми укрѣпленіями, бывшими на этой горѣ, но даже захватить въ плѣнъ до 150 человекъ Турокъ и одно орудіе. Удержавъ въ этотъ день за собою всѣ взятыя укрѣпленія, полки эти, однако, въ виду необезпеченности ихъ фланговъ и общаго отступленія отрядовъ съ своихъ позицій, должны были бросить гору Большія Ягны и рано утромъ слѣдующаго дня отойти назадъ, разрушивъ предварительно на ней всѣ укрѣпленія до основанія. Турки тотчасъ же заняли опять эту гору, быстро возвели вновь на ней укрѣпленія и такимъ образомъ Большія и Малыя Ягны, составлявшія весьма важные опорные пункты Турокъ, остались въ ихъ рукахъ.

А мы между тѣмъ, продолжая отступленіе, миновали по пути небольшой станъ генерала Комарова, который съ нѣсколькими сотнями казаковъ расположился бивакомъ на самой дорогѣ, и пройдя съ полверсты далѣе, остановились, чтобы, во-первыхъ, дать отдыхъ людямъ, а, во-вторыхъ, рѣшить общимъ совѣтомъ: идти ли намъ дальше или заночевать тутъ же. Темнота осенней ночи, совершенное невѣдѣніе о

противникѣ и положеніи нашихъ войскъ, а главное большая нужда для всѣхъ въ водѣ, поставили маіора Ржонсницкаго въ крайнее затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ самому и потому, склоняясь къ мнѣнію большинства офицеровъ, онъ рѣшилъ послать старшаго офицера къ генералу Комарову, какъ начальнику одной изъ колоннъ нашего отряда, и просить на этотъ предметъ его указаній; при чемъ, если можно, добыть какія-либо свѣдѣнія, гдѣ можно найти воду. Съ этимъ порученіемъ верхомъ на лошади маіора Ржонсницкаго отправленъ къ генералу былъ я.

Генераль Комаровъ, приказавъ разбить себѣ шатеръ, уже совсѣмъ кажется расположился отдохнуть, но услыхавъ, что кто-то подѣхалъ къ казаку, стоявшему часовымъ у его палатки, и приказываетъ доложить о себѣ генералу—тотчасъ же изъ палатки спросилъ: кто къ нему пріѣхалъ и что ему надобно.

Отвѣтивъ генералу, что я офицеръ и присланъ къ нему изъ Перновскаго полка, который, отступая, остановился недалеко отсюда, что при насъ много раненыхъ и что за отсутствіемъ командира полка замѣнившій его штабъ-офицеръ проситъ его превосходительство дать, если онъ можетъ, указаніе: остановиться ли ему тутъ же, или направиться дальше, а также, гдѣ можно найти воду, въ которой очень нуждаются всѣ раненые.

— Скажите вашему командиру, или кто за него остался,—крикнулъ мнѣ сердито генераль,—что воды около васъ цѣлая рѣка, а у меня ея цѣлое море, и если вашъ командиръ хочетъ, то можетъ расположиться тамъ у себя или на берегу моего моря. А затѣмъ прощайте,—проговорилъ тѣмъ же тономъ генераль, давая мнѣ знать, что онъ не намѣренъ со мною ни о чемъ болѣе разговаривать.

Хотя ни около насъ, ни около бивака генерала Комарова не было даже и признака какой-нибудь воды, но получивъ такой категорическій отвѣтъ, мнѣ не оставалось, конечно, ничего больше, какъ возвратиться назадъ и передать маіору Ржонсницкому. Рѣшивъ продвинуться еще дальше, въ надеждѣ набрести гдѣ-нибудь на воду и тамъ остановиться до утра, маіоръ Ржонсницкій приказалъ поднять раненыхъ, выславъ впередъ въ видѣ авангарда мою роту, и тронулся опять въ путь.

Такъ прошли мы еще пять, шесть верстъ, какъ вдругъ передній патруль далъ мнѣ знать, что впереди имъ замѣчено что-то чернѣющее, похожее на колонну, стоящую на мѣстѣ. Опасаясь какъ бы въ темнотѣ не натолкнуться на какой-нибудь Турецкій отрядъ, я пріостановилъ роту, взялъ двухъ человекъ изъ патруля и вмѣстѣ съ ними

осторожно сталъ приближаться къ видимому предмету, но оказалось, что это былъ просто обозъ нашей правофланговой колонны, который еще засвѣтло получилъ приказаніе отойти къ горѣ Кабахъ-Тапа и оставаться тамъ до распоряженія. Тутъ находились всѣ наши верховыя лошади и часть взятыхъ съ бивака солдатскихъ палатокъ, изъ которыхъ одна была даже разбита и стояла вблизи повозокъ.

Пославъ доложить майору Ржонсницкому, что впереди на самой дорогѣ стоитъ нашъ обозъ и что авангардъ остановился около него, я заглянулъ въ палатку и нашелъ въ ней только одного юнкера не помню какого полка, который, примостившись въ уголкѣ, при свѣтѣ маленькаго огарочка, сидѣлъ около чайника и преспокойно пилъ чай. Этотъ чай по своему виду похожъ былъ болѣе на жидкій кофе. Увидя меня, юнкеръ доложилъ, что находится здѣсь за старшаго при обозѣ и предложилъ чаю, извиняясь, впрочемъ, что чай ему пришлось заварить въ плохой водѣ; да и ту, говорилъ онъ, солдаты разыскали въ какой-то лужицѣ. Конечно, я не отказался хоть чѣмъ-нибудь промочить свое пересохшее горло, и выпивъ почти залпомъ двѣ кружки этой бурды, отзывавшейся сильно болотной тиной, растянулся тутъ-же прямо на голой землѣ и черезъ нѣсколько минутъ заснулъ, какъ убитый.

Дѣло 20 Сентября, если и нельзя было отнести къ числу удачныхъ для насъ, тѣмъ не менѣе, оно имѣло по результатамъ весьма важныя послѣдствія на весь ходъ дальнѣйшихъ операцій нашихъ въ Анатолиі. И если, удержавъ почти всѣ позиціи, Мухтаръ-паша могъ считать это дѣло для себя выиграннымъ, тѣмъ не менѣе, онъ увидѣлъ, что имѣеть дѣло теперь уже не съ тою малочисленною Русскою арміею, какою она была еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и что вторичная атакъа, поведенная Русскими другимъ путемъ, можетъ имѣть для него и инныя послѣдствія. И когда на слѣдующій день онъ увидѣлъ, что Русскіе не только не намѣрены отступить къ своимъ прежнимъ позиціямъ у Кюрюкъ-Дара, но съ ранняго утра завязали опять бой по всей линіи, онъ, говорятъ, какъ Пирръ послѣ битвы при Героклеѣ съ горечью воскликнулъ: „еще одна такая-же побѣда моихъ легионовъ и я останусь и безъ арміи, и безъ Карса!“ Разчитывая всетаки, что Русскіе не могутъ двинуться къ Карсу, имѣя у себя въ тылу почти всю Турецкую армію, Мухтаръ-паша, нашелъ, однако-же, необходимымъ сократить слишкомъ растянутый фронтъ своей позиціи; бросилъ укрѣпленную гору Кизиль-Тапа—чрезвычайно важный для него стратегическій пунктъ—и, оставивъ у селенія Субботана для охраны бродовъ черезъ рѣчку Маврякъ-чай нѣсколько таборовъ пѣхоты съ частью

артиллеріи, сталъ переводить всѣ свои войска изъ Карской долины на Аладжинскія высоты¹⁾).

Впрочемъ, въ послѣдующій день бой нашъ съ Турками ограничивался почти только лишь одною артиллерійскою канонадою, но ни та, ни другая сторона въ общее наступленіе не переходили. Съ нашей стороны въ это время шла подготовка къ новой атакѣ Турецкихъ укрѣпленій и кромѣ того, являлась необходимость дать нѣсколько дней отдыха войскамъ, пробывшимъ весь день 20 Сентября въ 1-й линіи. почему Его Высочество главнокомандующій отдалъ даже приказаніе отвести эти войска къ Караялу, гдѣ оставался лагерь съ кухнями, и тамъ ожидать послѣдующихъ распоряженій. Въ силу такого приказанія, Перновскій полкъ, собравшійся въ полный составъ у Кабахъ-Тапа. 21 Сентября долженъ былъ слѣдовать къ Караялу и занять свой прежній лагерь. Погода стояла жаркая, а пройти нужно было не менѣе 15-ти верстѣ.

Хотя такой переходъ былъ не великъ, но проведя наканунѣ весь день въ бою безъ пищи и воды и двѣ ночи къ ряду безъ сна, изнуренные до крайней степени, голодные, грязные, потянулись мы опять по этой безводной пустынѣ. Черная, какъ сажа, пыль,²⁾ поднявшись густымъ столбомъ, при совершенномъ безвѣтріи, стояла надъ головами, залѣзая въ глаза, уши, ротъ и, ложась толстымъ слоемъ на потныя лица, вскорѣ преобразила всѣхъ насъ въ какихъ то чумазыхъ Эѳіоповъ. И смѣшно, и жалко было смотрѣть тогда намъ другъ на друга, но при данной обстановкѣ можно-ли было заботиться о своемъ благообразіи, когда не только что освѣжить себя, но даже нельзя было найти воды, чтобы утолить мучительную жажду?

Медленно и тяжело тащилась наша колонна. Солдаты шли молча и только потряхивая головами, старались освободиться отъ насѣвшей на нихъ пыли; многіе уже стали отставать и плелись за колонною, какъ вдругъ впереди показался Его Высочество главнокомандующій, который со свитою и полуэскадромъ драгунъ направился какъ разъ навстрѣчу намъ къ передовымъ линіямъ, гдѣ кипѣлъ сильный артиллерійскій бой. Подѣхавъ къ полку и поздоровавшись съ людьми, Его Высочество поздравилъ полкъ „съ первымъ крещеніемъ“, какъ онъ

¹⁾ Гора Кизиль-Тана, занятая однимъ батальономъ Имеретинскаго полка, при ночномъ нападении Турокъ 13 Августа 1877 года, была взята ими съ боя со всѣми находившимися на ней орудіями и вновь занята нашими войсками 26 Сентября того-же года.

²⁾ Почти во всей Карской области высокаго качества черноземъ и если взять комъ сухой земли, то по цвѣту его трудно отличить отъ обыкновеннаго каменнаго угля.

изволил самъ выразиться, поблагодарилъ за труды вчерашняго боя и тутъ-же сообщилъ командиру полка, что имъ сдѣлано распоряженіе о подвозѣ къ намъ нѣсколькихъ бочекъ съ водою и о томъ, что на Караялѣ уже готовъ обѣдъ для полка и всѣмъ по чаргѣ водки.

Велико бываетъ иногда значеніе одного лишь слова, чтобы поднять не только духъ, но и физическую силу человѣка. Услыхавъ изъ устъ самого августѣйшаго главнокомандующаго о столь сердечной заботливости его, солдаты приободрились; стали также подтягиваться и длинные хвосты отсталыхъ, а тутъ вдругъ грянула полковая музыка какой-то маршъ и оживила еще болѣе всѣхъ.

— Воду везутъ! воду везутъ! пронесся вдругъ радостный крикъ по рядамъ полка, когда вдали показался цѣлый транспортъ повозокъ съ бочками воды, и батальоны веселѣе зашагали впередъ.

Большого труда стоило командирамъ установить порядокъ при раздачѣ воды, и только благодаря ихъ распорядительности всѣ бочки съ водою остались цѣлы и ни одна капля этой живительной влаги не пропала у насъ даромъ.

Пять дней нашъ полкъ простоялъ на позиціи у Караяла, и въ ночь на 27-е Сентября передвинуть былъ опять къ горѣ Кабахъ-Тапà, войдя съ этого времени подъ общую команду графа Граббе въ глубокой резервъ отряда генерала Геймана. Въ передовыхъ линіяхъ ежедневно продолжали кое-гдѣ вспыхивать отдѣльныя стычки съ Турками, но тѣмъ пока все и ограничивалось. Только Грузинскій гренадерскій полкъ имѣлъ однажды довольно серьезное дѣло. Поддерживаемый Ростовскими гренадерами этотъ полкъ, послѣ молодецкой атаки, успѣлъ занять селеніе Субботанъ, быстро перебрався затѣмъ черезъ глубокой оврагъ и, сбивъ удачнымъ натискомъ Турокъ съ ихъ превосходной позиціи, тотчасъ-же занялъ ее. Турки защищались здѣсь отчаянно, но отстоять своей позиціи не могли и съ огромными потерями должны были отступить. Въ этомъ дѣлѣ Грузинцы потеряли около 100 человѣкъ убитыми и ранеными, и, несмотря на всѣ усилія Турокъ выбить потомъ ихъ изъ этой позиціи, все-таки удержались на ней и даже тамъ прочно укрѣпились.

Но если находясь въ глубокомъ резервѣ, нашему отряду не предстояло попасть скоро опять въ дѣло, то съ другой стороны ему могла угрожать серьезная опасность со стороны крѣпости Карса, гдѣ въ то время у Турокъ былъ довольно сильный гарнизонъ. Выдѣливъ оттуда болѣе или менѣе значительный отрядъ, Турки смѣло могли произвести диверсію къ Кабахъ-Тапà, отбросить въ сторону нашъ небольшой и притомъ слишкомъ отдаленный отъ прочихъ войскъ отрядъ и такимъ

образомъ появиться въ тылу нашихъ боевыхъ линій. Предвидя это, графъ Граббе, съ занятіемъ этой позиціи, тотчасъ-же приступилъ къ работамъ по приведенію въ оборонительное положеніе всего бивака. По его указанію, къ сторонѣ Карса возведено было нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, которыя ночью занимали дежурныя части, высылая отъ себя аванпостную цѣпь и секреты.

Трудное время тогда переживалось нами у этой Кабахъ-Тапа: цѣлый день подъ палящими лучами солнца приходилось проводить на работѣ по устройству укрѣпленій, а ночью или занимать аванпосты. или безъ палатокъ и дровъ дрожать отъ холода на бивакѣ, валяясь на голой землѣ и прикрываясь лишь только своими поношенными шинелями, подбитыми, какъ говорится, вѣтромъ. Къ тому же всѣ кухни наши, за неимѣніемъ воды вблизи бивака, оставались на Караялѣ, т. е. почти въ 15 верстахъ, и мы принуждены были довольствоваться пищею, привозимою оттуда на ротныхъ лошадяхъ всего разъ въ сутки, да и весьма въ ограниченномъ количествѣ. Впрочемъ, даже и такимъ удобствомъ мы пользовались не все время, потому что вскорѣ почти всѣ лошади наши пали отъ изнуренія, и мы остались на однихъ сухаряхъ и вдобавокъ безъ воды, которая находилась отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

Такъ протянулось время до 3-го Октября. Помню, въ этотъ день была тихая, ясная погода, канонада съ обѣихъ сторонъ, какъ и въ предшествующіе дни, началась часовъ съ 8 утра, и ничто, казалось, не предвѣщало для насъ новаго, какъ вдругъ около полудня отъ генерала Геймана получено было приказаніе: „оставить у Кабахъ-Тапа одинъ баталіонъ и двигаться остальнымъ частямъ вмѣстѣ съ артиллеріею къ Аладжинскимъ высотамъ. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ—отрядъ получить приказаніе на походъ“.

—Ну, слава Богу!—говорили солдаты,—куда бы не идти все будетъ лучше, чѣмъ торчать у этой Кабахъ-тапы.—Будь ей неладно, засушила она насъ тутъ совсѣмъ, проклятая!

Назначивъ отъ полка въ составъ выступающей колонны 1-й и 3-й баталіоны подъ общюю команду подполковника Марушевскаго, самъ полковникъ Бѣлинскій, въ виду важности занимаемаго пункта, долженъ былъ, по приказанію графа Граббе, остаться со 2-мъ баталіономъ своего полка на бивакѣ и присоединиться къ отряду впоследствии, когда получить на то приказаніе.

Часу въ первомъ дня колонна, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Перновскаго, одного баталіона Несвижскаго полковъ съ 6 сотнями кавалеріи и 8 орудіями, подъ начальствомъ графа Граббе, выступила

съ бивака, взявъ направленіе, какъ было указано, къ Аладжинскимъ высотамъ. Впереди на нѣсколько верстъ разстилалась передъ нами гладкая равнина, которая давала возможность всей колоннѣ идти широкимъ фронтомъ, и мы, быстро подвигаясь впередъ, успѣли уже пройти около двухъ верстъ, какъ къ графу Граббе прискакалъ адъютантъ дивизионнаго штаба съ приказаніемъ 1-му баталіону Перновцевъ направляться къ батарее осадныхъ орудій, стоявшей среди открытаго поля, и прикрывать ее, а остальнымъ частямъ взять полъ-оборота вправо и поддержать Ростовскій полкъ, который въ это время готовился идти въ атаку на Авліаръ.

Такимъ образомъ, входя въ сферу боевыхъ линій, отряду нашему пришлось съ первыхъ же шаговъ разъединиться и дѣйствовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

А бой между тѣмъ съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе разгорался. Весь склонъ Аладжинскихъ высотъ, по которому у Турокъ разсыпано было множество батарей и ложементовъ, задымился густыми клубами пушечной и ружейной пальбы и точно кипѣлъ въ огнѣ, осыпая тучами гранатъ наши колонны, подступавшія все ближе и ближе къ высотамъ. Турки держались крѣпко, хотя при ясномъ солнечномъ днѣ въ бинокли можно было разсмотрѣть, какъ они то и дѣло усиливались резервами, спускавшимися къ нимъ одинъ за другимъ съ горы.

Но вотъ часу въ 4-мъ вправо отъ насъ послышались крики „ура“. Это Ростовцы, предводимые своимъ командиромъ, полковникомъ Анчутинымъ, шли брать Турецкіе редуты, расположенные нѣсколькими ярусами по Авліарской горѣ. Окутанные пороховымъ дымомъ цѣпи Ростовцевъ быстро двигались впередъ и, не смотря на страшный огонь съ редутовъ, этотъ славный полкъ въ какіе-нибудь полчаса успѣлъ на глазахъ нашихъ выбить Турокъ изъ позицій и овладѣть почти всеми ихъ редутами. Это была великолѣпная атака, стоившая не малыхъ потерь Ростовцамъ и въ томъ числѣ ихъ командира полка, который тутъ тяжело былъ раненъ и вынесенъ солдатами изъ боя.

Уже близилось къ вечеру, когда замѣтно стало, что Турки начинаютъ колебаться и отводить свои войска и артиллерію къ вершинамъ Аладжинскаго хребта. Въ это время со стороны селенія Паргета мы увидѣли Великаго Князя главнокомандующаго, который съ своимъ штабомъ довольно быстро приближался къ ложементамъ (за ними мы стояли въ прикрытіи осадной батареи). Несмотря на то, что около этихъ ложементовъ было очень небезопасно и что на глазахъ самого Великаго Князя нѣсколько Турецкихъ гранатъ, перелетѣвъ черезъ наши головы, тутъ-же разорвались, Его Высочество близко подѣхалъ къ

баталіону, освѣдомился какая это часть и лично далъ приказаніе подполковнику Нарушевскому двинуться съ его батальономъ на дымокъ Турецкой батареи, продолжавшей учащеннымъ огнемъ обстрѣливать наши ложементы и, если успѣетъ обойти ее, то отрѣзать ей отступление.

Быстро развернувшись по-ротно въ одну линію, батальонъ форсированнымъ шагомъ двинулся по указанному Великимъ Княземъ направлению, безъ большого затрудненія перебрался черезъ рѣчку Маврякчай и сталъ подниматься на гору.

Надобно сказать, что Аладжинскія высоты со стороны Карской долины имѣютъ очень крутые скаты, пересѣченные во многихъ мѣстахъ глубокими и трудно проходимыми оврагами. Тутъ нѣтъ дорогъ, и встрѣчаются только едва сносныя тропинки, почему подъемъ отсюда на высоты чрезвычайно труденъ. Къ тому-же, всѣ болѣе доступныя мѣста защищены были ложементами, прочно устроенными для пѣхоты и батарей, которыя хотя и брошены были уже Турками, но представляли большія препятствія для нашего движенія; нужно было или обходить эти преграды, или карабкаться по крутизнамъ брустверовъ, плотно утрамбованнымъ камнями и щебнемъ. Все это, конечно, очень замедлило наше наступленіе и такъ нарушило связь между частями батальона, что двѣ роты (1-я и 2-я) разошлись съ остальными, при которыхъ находился командиръ батальона, и вскорѣ обѣ эти части потеряли одна другую изъ вида.

Хотя къ этому времени стрѣльбы уже нигдѣ не было слышно и, повидимому, бой совсѣмъ затихъ, но полное невѣдѣніе о противникѣ, который могъ еще гдѣ-нибудь задержаться, и совершенное незнакомство съ географическимъ положеніемъ мѣстности, заставили насъ, съ капитаномъ Тихвинскимъ—командиромъ 1-й роты—съ удвоенною осторожностью продолжать движеніе до перевала Аладжинскихъ высотъ, съ расчетомъ тамъ пріостановиться и рѣшить, что предпринять дальше. Тутъ произошелъ у насъ весьма неприятный случай, который стоилъ одной человѣческой жизни и въ которомъ, къ прискорбію моему, виновниками были солдаты моей роты. Дѣло въ томъ, что при подъемѣ на гору солдаты мои захватили въ какой-то лощинкѣ притаившагося тамъ Турецкаго солдата и, какъ плѣннаго, тотчасъ-же привели его ко мнѣ. Это былъ тщедушный, маленькаго роста пѣхотинецъ въ поношенной одеждѣ и, по внѣшнему виду, скорѣе похожъ былъ на нищаго, чѣмъ на какого-нибудь воина. Дрожа отъ страха, онъ началъ что-то лепетать, указывая на свою голову и на ноги; но, конечно, я ничего не могъ понять изъ его рѣчи и потому приказалъ фельдфебелю

отобрать отъ него оружіе и вести подъ строгимъ надзоромъ за ротою. Но не прошло полчаса, какъ ко мнѣ явился фельдфебель и доложилъ, что плѣнный Турокъ сначала шелъ смиренно, а потомъ вдругъ началъ упираться, не хотѣлъ идти съ конвоемъ и, пользуясь темнотою, пытался было даже бѣжать отъ него.—А Мироновъ, ваше благородіе (пониживъ голосъ продолжалъ фельдфебель) стукнулъ его легонько прикладомъ, да видно зацѣпилъ какъ-нибудь неловко, такъ что Турокъ перевернулся раза два на мѣстѣ, да тутъ-же и грохнулся на земь мертвымъ.

И до чего, подумаешь, дешева жизнь человѣка на войнѣ! Попытался было этотъ несчастный улизнуть къ своимъ; думалъ, пожалуй, вернуться скоро на родину, гдѣ, можетъ быть, давно уже ждала его семья, считая дни и часы, когда опять свидится съ нимъ, а тутъ вотъ стукнули его *легонько*, какъ говорилъ мой фельдфебель, и не стало бѣдняка. Конечно, не прошло это даромъ Миронову, да и фельдфебелю досталось немало за то же; но дѣлать было нечего, и ужь видно такова была судьба этого злополучнаго сына правовѣрныхъ, хотя, признаюсь откровенно, я былъ отчасти и радъ освободиться отъ моего плѣнника, который могъ оказаться шпиономъ и навести на насъ тутъ гдѣ-нибудь скрытую часть Турокъ.

Мы были уже недалеко отъ перевала, когда одинъ изъ патрулей далъ знать, что впереди слышенъ стукъ колесъ не то обоза, не то артиллеріи, но за темнотою нельзя опредѣлить, Турки это передвигаются или наши. Тотчасъ были высланы во всѣ стороны развѣдчики, которые скоро вернулись и доложили, что за переваломъ горы стоитъ какая-то часть нашихъ войскъ и, повидимому, расположилась тутъ на бивакѣ. Это, какъ оказалось, былъ одинъ изъ отрядовъ генерала Лазарева, дѣйствовавшаго со стороны Дигора и Аляма.

Здѣсь намъ удалось получить свѣдѣнія, что генераль Роопъ съ частью своего отряда находится всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, и потому, не теряя времени, мы направились туда.

А ночь между тѣмъ становилась все темнѣе и темнѣе; небо заволокло тучами, и уже съ трудомъ можно было разбирать ту тропинку, по которой мы шли, какъ вдругъ позади послышался чей-то голосъ:

—Какого полка батальонъ идетъ?

—Перновцы, отвѣтили солдаты и начали разступаться по сторонамъ тропинки, чтобы дать проѣхать двумъ какимъ-то всадникамъ въ буркахъ, которые, лавируя между лѣсомъ солдатскихъ штыковъ, осторожно пробирались впередъ. Выѣхавъ къ головѣ колонны, первый изъ всадниковъ освѣдомился у насъ: „куда слѣдуютъ роты“, и, узнавъ, что мы разыскиваемъ отрядъ генерала Роопа, предложилъ намъ сопутство-

вать и указать дорогу, такъ какъ ѣхалъ туда же. Это были офицеръ генеральнаго штаба и сопровождавшій его линейный казакъ.

—Знаете ли, господа, сказалъ офицеръ, поѣхавъ рядомъ съ нами, что почти вся Турецкая армія окружена нашими войсками и вѣроятно въ настоящее время уже ведутся переговоры о сдачѣ намъ ея въ плѣнъ. Я не знаю еще подробностей, какъ произошло это дѣло, продолжалъ офицеръ, но это уже совершившійся фактъ.

Конечно, сомнѣваться въ достовѣрности сообщенія штабнаго офицера было нельзя, но это извѣстіе возбудило въ насъ большой интересъ узнать поскорѣе о подробностяхъ такого важнаго событія, и мы, забывъ усталость, пустились, какъ говорится, на всѣхъ парусахъ впередъ.

А подробности этого дѣла, какъ потомъ намъ стало извѣстно изъ реляціи, заключались въ слѣдующемъ.

Было около семи часовъ вечера и начинало уже темнѣть, когда къ драгунамъ генераль-лейтенанта Роопа выѣхалъ со стороны Турокъ командовавшій здѣсь генераль Омаръ-паша со своимъ начальникомъ штаба Гассанъ-пашею и заявилъ генераль-князю Чавчавадзе о намѣреніи положить оружіе. Вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла всѣ наши войска, дѣйствія повсюду тотчасъ были прекращены и бой окончился. Его Высочество главнокомандующій, только что поднявшійся въ это время на Визинкѣвскія высоты и получившій здѣсь положительное извѣстіе о готовности Омара-паши сдать остатки арміи, послалъ своего адъютанта, полковника Петерса, къ генералу Роопу съ порученіемъ вести безотлагательно переговоры о сдачѣ и въ тоже время извѣстилъ о семъ корпуснаго командира, уполномочивъ его немедленно утвердить капитуляцію. Благодаря случайности, мы попали къ генералу Роопу въ то самое время, когда, согласно приказанія главнокомандующаго, генераль только что приступилъ къ составленію условій сдачи Турецкой арміи, и такимъ образомъ были свидѣтелями весьма любопытнаго акта, которымъ завершилось славное дѣло 3-го Октября.

Первое, чтó бросилось намъ въ глаза, это была небольшая группа Турецкихъ военачальниковъ, пріѣхавшихъ къ генералу Роопу для переговоровъ о сдачѣ Турецкой арміи. Тутъ находились Омаръ-паша, его начальникъ штаба Гассанъ-паша и нѣсколько штабныхъ офицеровъ. Расположившись на буркахъ, разостланныхъ по землѣ, они сидѣли въ порядкѣ подчиненности: генералы впереди, за ними штабные офицеры, а позади всѣхъ, держа въ поводу офицерскихъ лошадей, стоялъ ихъ собственный конвой, состоявшій изъ тридцати довольно чисто одѣтыхъ кавалеристовъ. Самъ Турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша, какъ носился слухъ, еще засвѣтло успѣлъ скрыться съ нѣсколькими таборами

и бѣжалъ въ Карсъ, предоставивъ Омару сдавать плѣнную армію на тѣхъ, конечно, условіяхъ, какія будутъ ему предъявлены Русскими.

Омаръ-паша, состоявшій въ Турецкой службѣ начальникомъ дивизіи, въ послѣднее время командовалъ однимъ изъ корпусовъ дѣйствующихъ войскъ. Это былъ тучный, еще довольно бодрый и крѣпкій старикъ на видъ лѣтъ шестидесяти. Онъ природный Турокъ, но воспитывался въ Вѣнѣ, гдѣ получилъ хорошее образованіе и въ совершенствѣ владѣлъ Нѣмецкимъ и Французскимъ языками. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ, небольшого роста, сухощавый молодой генералъ его начальникъ штаба Гассанъ-паша. Оба генерала были въ черныхъ, Турецкаго покроя кафтанахъ, но безъ всякихъ внѣшнихъ отличій и только по кистямъ ихъ фесокъ можно было опредѣлить, какое каждый изъ нихъ занималъ положеніе въ арміи. Тутъ же, шагахъ въ тридцати отъ Турокъ, около небольшого костра, сидѣли также на буркахъ генералъ Роопъ и генералъ Денъ, составляя условія сдачи, которыя съ ихъ словъ записывалъ при свѣтѣ костра адъютантъ, подставивъ себѣ вмѣсто стола Турецкій барабанъ.

Пользуясь случаемъ поближе разсмотрѣть Турокъ, мы тотчасъ же обступили плѣнныхъ и при помощи одного нашего офицера, хорошо владѣвшаго Нѣмецкимъ языкомъ, завели съ ними разговоръ. Помню, Омаръ-паша очень сокрушался, что изъ кабуровъ его кто-то вытащилъ пару его дорогихъ пистолетовъ. Онъ полагалъ, что это сдѣлали наши казаки или милиціонеры и убѣдительно просилъ принять мѣры къ розыску этой пропажи. Мы тотчасъ же приказали тщательно осматрѣть находившихся тутъ милиціонеровъ и казаковъ, но пистолетовъ Омара-паша ни у кого изъ нихъ не оказалось, и, кажется, они такъ и пропали безслѣдно.

Тѣмъ временемъ составленное условіе о сдачѣ Турецкой арміи было готово, и генералъ Роопъ, пригласивъ къ себѣ пашей, приступилъ было уже къ чтенію его, какъ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей, и къ костру подѣхалъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Всѣ поднялись, чтобы встрѣтить корпуснаго командира, который, сойдя съ коня, крѣпко расцѣловался съ генераломъ Роопомъ, вѣжливо, но сдержанно отвѣтилъ на поклонъ тутъ же ему представленныхъ пашей и, усѣвшись около костра на разостланную для него бурку, предложилъ всѣмъ также садиться, указавъ около себя мѣсто генералу Роопу.

Пока шло разсмотрѣніе этого военнаго ареопага, я успѣлъ при-
моститься за самой спиной генерала Роопа, а потому отлично могъ видѣть и слышать все, что тамъ происходило.

Изложивъ корпусному командиру кратко, но чрезвычайно обстоятельно о дѣйствіяхъ своихъ войскъ и обрисовавъ въ яркой картинѣ послѣдній моментъ атаки его на Визинкѣвъ и Орлокскія высоты, генераль Рюопъ предложилъ затѣмъ приступить къ чтенію составленнаго имъ условія о сдачѣ Турецкой арміи; но Лорисъ-Меликовъ попросилъ повременить чтеніемъ ихъ и, отыскавъ глазами полковника Кишмишева, который находился въ свитѣ его, дружески сказалъ ему:

—Кишмишевъ! я расцѣловалъ бы тебя, голубчикъ, если бы ты досталъ мнѣ стаканъ чаю. У меня такъ пересохло горло,—обратился онъ къ генералу Рюопу, что я почти совсѣмъ не могу говорить*).

Полковникъ въ ту же минуту куда-то исчезъ, и не прошло и четверти часа, какъ всѣмъ генераламъ и обоимъ Турецкимъ пашамъ линейный казакъ уже разносилъ чай, подавая его на бубнѣ, замѣнявшемъ на этотъ разъ собою подносъ.

Надобно потолкаться цѣлый день по жарѣ, вдоволь наглотаться этой страшной Азіатской пыли, ничего не пить и не ѣсть болѣе полусутокъ, чтобы понять, съ какою завистью смотрѣли мы теперь на всѣхъ этихъ счастливицевъ, у которыхъ въ рукахъ дымились стаканы съ горячимъ чаемъ. При данной обстановкѣ это была величайшая роскошь, но понятно, что никто изъ насъ простыхъ смертныхъ о ней тутъ не смѣлъ и помышлять.

Но вотъ послѣ небольшого промежутка, когда генералы нѣсколько утолили жажду, началось чтеніе условій сдачи Турецкой арміи. Условія, написанныя на Русскомъ и Французскомъ языкахъ и, по прочтеніи ихъ, тутъ же утвержденныя почти безъ всякихъ измѣненій корпуснымъ командиромъ, заключались въ слѣдующемъ:

1. Принимая въ соображеніе мужество, выказанное Турецкими войсками въ сегодняшнемъ бою, офицеры всѣхъ частей сохраняютъ оружіе и все при нихъ частное имущество, въ томъ числѣ и лошадей.

2. Всѣ лица, не принадлежащія къ частямъ войскъ, подводчики и проч., также слуги и офицерскіе деньщики, имѣютъ право возвратиться во-свои.

3. Всѣ тѣ, которые не упомянуты во 2-мъ пунктѣ, сдаются, какъ военнопленныя, и должны сдать весь военный матеріаль, въ томъ числѣ: знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артиллерійскіе и пѣхотные парки, госпиталя и вообще все военное имущество.

*) Полковникъ Кишмишевъ состоялъ при штабѣ дѣйствующаго корпуса и постоянно находился при Лорисъ-Меликовѣ.

4. Сдача всего, что поименовано и упомянуто въ 3-мъ пунктѣ, должна быть сдѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ: всѣ войска, которыя сдаются, какъ военноплѣнные, въ порядкѣ номеровъ частей, кладутъ оружіе, артиллерія сдаетъ орудія въ указанномъ мѣстѣ; затѣмъ всѣ эти войска, въ полномъ составѣ, спускаются съ Орлокской горы, гдѣ они теперь находятся, въ указанное мѣсто.

5. Сдача военноплѣнныхъ и военнаго имущества должна начаться въ два часа утра 4-го Октября 1877 года.

6. Къ числу лицъ, которыя получаютъ право возвращаться во свояси, принадлежатъ три врача, состоящіе при арміи.

Подписали: начальникъ отряда дѣйствующаго корпуса Кавказской арміи генераль-лейтенантъ Роопъ.

Генераль-лейтенантъ атаманской арміи Омаръ.

Адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полковникъ Петерсъ.

Въ концѣ капитуляціи написано по-русски рукою генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова:

„Капитуляцію эту, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказскою арміею, утверждаю.“

Командующій дѣйствующимъ корпусомъ генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ *).

Подписывая эту капитуляцію, Омаръ-паша просилъ однако Лорисъ-Меликова отложить сдачу арміи до разсвѣта, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что въ такую темную ночь онъ находитъ неудобнымъ передавать оружіе и боевые запасы, а главное сильно опасается за безпорядокъ, который можетъ произойти въ его войскахъ при объявленіи имъ о капитуляціи; но генераль Лорисъ-Меликовъ настаивалъ на своемъ и требовалъ, чтобы сдача началась никакъ не позже 2-хъ часовъ ночи.

—Что будетъ утромъ, сказалъ онъ по-русски генералу Роопу, я не знаю, но нахожу необходимымъ воспользоваться теперь же всѣмъ, что у насъ имѣется въ рукахъ.

Затѣмъ корпусный командиръ приказалъ генералу Роопу немедленно отправить Гассанъ-пашу на Орлокъ къ Турецкимъ войскамъ для объявленія имъ о капитуляціи и послать туда же еще одинъ баталіонъ для усиленія Екаторинославскаго полка, который находился у Орлока,

*) Извлечено изъ журнала военныхъ дѣйствій.

съ тѣмъ, чтобы въ назначенный часъ приступить къ принятію плѣнныхъ и оружія*).

Такъ какъ всѣ войска генерала Роопа оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застало ихъ приказаніе о прекращеніи боя и тутъ находился одинъ лишь только нашъ баталіонъ, уже соединившійся къ этому времени въ полный составъ, то ему и приказано было съ проводникомъ немедленно слѣдовать къ Орлокской горѣ и поступить тамъ въ распоряженіе командира Екатеринославскаго полка. И вотъ, благодаря стеченію этихъ обстоятельствъ, намъ пришлось быть очевидцами какъ самой сдачи плѣнныхъ, такъ и всѣхъ трофеевъ захваченныхъ вмѣстѣ съ ними.

Было еще совсѣмъ темно, когда передъ нашими глазами замелькало множество огней на Орлокской высотѣ, съ которой мы подходили. Это горѣли костры, разложенные по всему спуску Орлока, по которому уже были разставлены шпалерами баталіоны Екатеринославцевъ для обозначенія пути слѣдованія съ горы плѣнныхъ Турокъ. Сложивъ свое оружіе, плѣнные около 2-хъ часовъ ночи начали спускаться. Они шли рота за ротой, имѣя въ головѣ каждая своихъ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были верхами, но большинство плелось пѣшкомъ. Глядя на сумрачныя и изможденные многими лишеніями лица солдатъ, на ихъ до крайней степени обветшалую обмундировку и опанки, служившіе у большинства обувью вмѣсто сапогъ, съ трудомъ вѣрилось, чтобы это было то войско, которое такъ мужественно и долго сражалось съ нами во многихъ бояхъ. Въ особенности поражалъ насъ бѣдный багажъ солдатъ, состоящій изъ какихъ-то маленькихъ узелковъ, которые каждый изъ нихъ несъ въ рукахъ. Это было уже до того что-то убогое, что жалко даже было смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, которымъ предстояло съ такимъ нищенскимъ запасомъ совершать далекій путь по чужой невѣдомой имъ странѣ.

Долго пришлось ждать, когда спустились наконецъ съ горы послѣднія части плѣнныхъ. На Орлокѣ оставались для охраны Турецкаго оружія лишь нѣсколько ротъ Екатеринославскаго полка, которыя приказано было немедленно смѣнить двумя ротами Перновцевъ. Эта доля выпала на мою и 1-ю стрѣлковую роты, которыя подъ моей командой, какъ старшаго, тотъ-часъ-же и были отправлены туда.

*) По возвращеніи изъ плѣна Омаръ-паша за сдачу своей арміи на Аладжинскихъ высотахъ 3-го Октября, вмѣстѣ съ Гассанъ-пашею были преданы военному суду, который, найдя ихъ обонихъ виновными въ этомъ, приговорилъ Омаръ-пашу къ разжалованію и пяти годамъ заточенія въ крѣпости, а Гассанъ-пашу къ разжалованію и ссылке на шесть мѣсяцевъ въ Брусу. (Мат. для истор. войны 1877 и 1878 года въ Азіат. Турціи. Воен. сборн. 1880 г.).

Вершина Орлокской горы, куда послѣ полудня 3-го Октября были загнаны остатки Турецкой арміи и затѣмъ сдавшіеся намъ въ плѣнъ, представляетъ довольно значительную возвышенность съ нѣсколько покатою площадью, версты на полторы въ длину и около полуверсты въ ширину. Вся эта огромная площадь почти сплошь загромождена была длинными рядами составленныхъ въ козла ружей, около которыхъ большими кучами и просто разбросанными по землѣ валялось множество разнаго рода оружія большею частію изломаннаго и исковерканнаго, вѣроятно уже намѣренно, Турками.

Массы боевыхъ патроновъ въ металлическихъ коробкахъ и прямо разсыпанныхъ по землѣ до того усѣявали густо всю площадь, что не было свободнаго мѣста, куда бы можно было ступить ногою не наткнувшись на цѣлыя груды ихъ. Тутъ же, въ отдаленіи отъ складовъ оружія, стояло въ полной упряжкѣ нѣсколько батарей и артиллерійскихъ парковъ, лошади которыхъ, точно для общей гармоніи, стояли понуро опустивъ головы и какъ-бы довершали печальный видъ этой обстановки.

Смѣняя часовыхъ солдатами моихъ ротъ и подтвердивъ каждому изъ нихъ, чтобы они не подпускали никого къ охраняемому оружію, а въ особенности Курдовъ и нашихъ милиціонеровъ, очень падкихъ на всякую поживу, я неожиданно наткнулся вдругъ на цѣлую массу Турецкихъ раненыхъ, лежавшихъ прямо на голой землѣ. Судя по большому количеству этихъ раненыхъ, надобно было предположить, что у Турокъ здѣсь былъ одинъ изъ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ. Конечно, зная хорошо, какъ Турки мало обращаютъ вниманіе на своихъ раненыхъ и больныхъ, меня нисколько не удивило, что я не встрѣтилъ здѣсь ни Турецкихъ врачей, ни фельдшеровъ, которые могли бы оказать имъ какую-нибудь помощь, но тѣмъ не менѣе меня не могла не поразить картина, которую я увидѣлъ тутъ. Представьте себѣ большую площадь, на которой нѣсколько сотъ человекъ валяется распростертыми на голой, сырой землѣ. Истекая кровью, одни находились уже въ предсмертной агоніи, другіе, оглашая воздухъ мучительными стонами, метались въ бреду; нѣкоторые, замѣтя меня, проходившаго съ солдатами, силились приподняться, что-то лепетали, прося вѣроятно о помощи, но тутъ же въ изнеможеніи падали на землю и опять неслись тѣже стоны. тѣже душу надрывающіе стоны!

Тяжело и больно было видѣть этихъ несчастныхъ въ такомъ ужасномъ положеніи, но конечно, я ничѣмъ не могъ облечить ихъ страданій и глубоко потрясенный этой страшною картиною пошелъ далѣе.

Да, не приведи Богъ никому видѣть людей такъ безжалостно брошенныхъ на произволъ судьбы и погибающихъ безъ всякой помощи! Но не такой ли удѣлъ можетъ постигнуть каждаго, обрекающаго себя на жертву этихъ варварскихъ войнъ, которыя всегда приносили человечеству одни только страданія и скорби?!

Не могу забыть еще одной маленькой, но полной драматизма сцены, которую, будь я художникъ, я непременно изобразилъ бы на полотнѣ. Недалеко отъ группы раненыхъ, я увидѣлъ, при слабо мерцавшемъ огонькѣ почти совсѣмъ уже потухавшаго костра тяжело раненаго Турецкаго офицера, который лежалъ, такъ же, какъ и солдаты, прямо на голой землѣ. Жизнь уже слабо боролась со смертію въ этомъ человѣкѣ; онъ умиралъ, оставленный всѣми, и только большая черная собака, вѣрный другъ его, не покинула въ послѣднія минуты умирающаго. Бѣдное животное, инстинктивно чуя близкую разлуку съ своимъ господиномъ, точно какъ изваяніе сидѣло неподвижно у изголовья раненаго и не сводило пристальнаго взора съ лица его. Собака видимо настолько была поглощена своимъ горемъ, что даже не шевельнулась, когда я близко подошелъ къ раненому. Я нѣсколько минутъ простоялъ, наблюдая эту нѣмую и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную сцену и, признаюсь, она произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что долго потомъ мнѣ все мерещились этотъ умирающій офицеръ и его собака.

Начинало свѣтать, и вершины горъ, выдѣляясь изъ мрака, стали окрашиваться пурпуровымъ отблескомъ утренней зари, когда явилась смѣна моимъ ротамъ. Я передалъ смѣнившему меня офицеру посты при охранѣ Турецкаго оружія, собралъ людей и, спустя полчаса, присоединился къ своему полку, который, находясь уже весь въ сборѣ у подножія Орлокской горы, получилъ къ этому времени приказаніе конвоировать вмѣстѣ съ Екатеринбургскимъ полкомъ плѣнныхъ до Визинкѣва.

Часовъ около 8-ми утра вся партія плѣнныхъ, окруженная конвоемъ двухъ полковъ, тронулась въ путь. Это была толпа болѣе девяти тысячъ человѣкъ, смѣсь пѣхотинцевъ, кавалеристовъ, башибузуковъ въ разныхъ формахъ обмундированія и всѣ въ красныхъ фескахъ. Замкнутая со всѣхъ сторонъ плотнымъ кольцомъ сверкавшихъ штыковъ, эта толпа имѣла очень оригинальный видъ, и взору казалось издали какъ-будто какое-то сказочное чудовище медленно ползло, извиваясь по долинѣ. Утро было свѣжее, безоблачное, но дьявольская пыль. этотъ бичъ Карскихъ долинъ, окутавшая насъ почти съ первыхъ-же

шаговъ, до того была невыносима, что, казалось, въ ней просто можно было задохнуться.

Помню, на пути ко мнѣ подошелъ одинъ изъ Турецкихъ офицеровъ и, чисто заговоривъ по-русски, убѣдительно просилъ достать ему гдѣ-нибудь хоть нѣсколько глотковъ воды, чтобы немного утолить нестерпимую жажду. Это былъ красивый, молодой человекъ, съ черными усиками, живыми, выразительными глазами и по типу лица похожъ былъ болѣе на Славянина, чѣмъ на Османлиса. Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить просьбу этого офицера, потому что никакихъ запасовъ воды съ нами не было, но меня, однако, крайне заинтересовала его правильная Русская рѣчь и я спросилъ: не живаль-ли онъ когда-нибудь въ Россіи?

— Я Полякъ. отвѣтилъ офицеръ. воспитывался въ уѣздномъ городкѣ Плоцкой губерніи и во время Польскаго возстанія въ шестьдесятъ третьемъ году бѣжалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ Турцію. Тамъ, поступивъ въ Оттоманскую армію солдатомъ, я нѣсколько лѣтъ служилъ въ Адрианополѣ, а послѣднее время, уже офицеромъ, въ одномъ изъ таборовъ, расположенныхъ въ Карсѣ. Намъ не повезло, какъ видите, въ настоящей войнѣ, продолжалъ офицеръ, почти вся армія наша въ плѣну и одинъ Аллахъ теперь вѣдаетъ, куда закинетъ насъ судьба.

Разсказывая о себѣ, офицеръ этотъ очень рѣзко порицалъ Турецкое правительство, которое, по словамъ его, всегда много обѣщаетъ, но мало даетъ, и, кажется, не очень сокрушался, что попалъ къ намъ въ плѣнъ, изъ котораго, видимо, рассчитывалъ ернуться опять на свою родину.

Мнѣ не понравился развязный тонъ этого господина и въ особенности его слишкомъ неслестный отзывъ о правительствѣ, которому онъ служилъ и которое давало ему средства къ жизни, и я, оборвавъ съ нимъ разговоръ, тронулъ коня впередъ.

На Визинкѣвѣ плѣнные переданы были другимъ частямъ войскъ, которыя назначены были сопровождать эту партію до города Александрополя, а мы, присоединившись къ своему отряду, расположились вмѣстѣ съ нимъ на бивакѣ.

Блестящимъ дѣломъ на Аладжинскихъ высотахъ и окончился второй періодъ нашей кампаніи. Анатолійская армія была совершенно разбита: большая часть ея находилась въ плѣну, остальная бѣжала въ Карсѣ и скрылась за стѣнами этой крѣпости, а самъ Мухтаръ-паша, не предвидя уже для себя побѣдныхъ лавровъ, предоставилъ защиту

крѣпости Хуссейнъ-пашѣ и, захвативъ съ собою нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, ускакалъ въ Эрзерумъ.

Это былъ первый серьезный ударъ, нанесенный Туркамъ Русскими; второй еще болѣе сильный послѣдовалъ мѣсяць спустя на стѣнахъ Карса, чѣмъ и закончились всѣ военныя дѣйствія въ Карской области.

Подводя въ заключеніе итоги потерь при нашихъ операціяхъ съ 20-го Сентября по 3-е Октября нужно сказать, что если они и выразились въ довольно значительныхъ цифрахъ, то далеко однако не могли идти въ сравненіи съ потерями Турокъ, у которыхъ, не считая убитыхъ и раненыхъ, взято было только въ плѣнъ 3-го Октября: 7 пашей, 250 офицеровъ и болѣе 9 тысячъ солдатъ съ полнымъ ихъ вооруженіемъ, артиллерією, обозами, тремя тысячами лошадей и огромными запасами боевого матеріала*).

Само собою, такія трофеи краснорѣчивѣе всего говорятъ о нашей громкой побѣдѣ, поставившей высоко славу Русскихъ войскъ, связанныхъ съ именами знаменитыхъ полководцевъ Лорисъ-Меликова, Геймана, Лазарева и съ именемъ, стоявшаго во главѣ ихъ, нашего августѣйшаго главнокомандующаго Великаго Князя Михаила Николаевича.

А. А. Аноевъ.

*) По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ нашихъ войскахъ за эти двѣ недѣли насчитывалось всѣхъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ: 83 офицера и 3300 человекъ нижнихъ чиновъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА ЛЕОНИДА. ФЕВРАЛЬ 1865.

8. Мы оба, я и А. Н.¹⁾ обѣдали у Владыки. Столъ, какъ и всегда изящный, и блины: сколько удобно, Владыка соблюдаетъ обычаи старины. Впрочемъ между нимъ и Муравьевымъ не завязываются разговоры очень интересные; ибо Муравьевъ своими крайними и рѣзкими сужденіями уже очень надоѣлъ ему, особенно же тѣмъ, что всякій разъ дурно отзывается объ Ахматовѣ, къ которому Владыка очень расположенъ. Однако Владыка былъ очень любезенъ, и мы отъ 2 до 5 у него просидѣли. Я засталъ у себя баронессу Александру Ивановну Боду съ маленькою дочерью Маріей²⁾, которая называетъ меня своимъ „другомъ“. Баронесса проситъ меня на погребеніе ея отца д. т. с. Ив. Дм. Черткова³⁾.

9. Съ 5 до 8 правила, отъ 8 до 10 занятіе отчетомъ, потомъ въ 11 выѣздъ на выносъ тѣла и литургію. Выносъ былъ изъ домовоѣ церкви⁴⁾. Она не худа, но не лучше прочихъ частей дома. Какъ Георгіевскому кавалеру ему отдана военная почестъ. Церковь малая, порядочно отдѣлана, но полъ небрежно посланъ. О іереѣ баронесса отозвалась: „не нравится мнѣ, слишкомъ веселый“. Архимандрита не было, а священники путались словно сельскіе. Чертковъ послѣдніе годы жилъ очень уединенно. Прежде любилъ вино и веселье, и хотя тосковалъ по женѣ⁵⁾ и боясь, чтобы она ему не явилась, завелъ все-нощное чтеніе Псалтири, чрезъ старушекъ; однако у него ежедневно пировала Рапелъ въ то время, когда онъ вознамѣрился имѣть домовую церковь. Всѣ эти странности кончились тѣмъ, что послѣдніе годы онъ

¹⁾ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

²⁾ Впослѣдствіи супруга Михаила Сергѣевича Сухотина.

³⁾ Шталмейстеръ Иванъ Дмитріевичъ Чертковъ р. 29 Д. 1796 † 6 Ф. 1865.

⁴⁾ Домъ этотъ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, нынѣ А. В. Станкевича.

⁵⁾ Елена Григорьевна, рожд. баронесса Строгонова (р. 11 Ф. 1800 † 25 Іюня 1832), единственная сестра пяти братьевъ (позднѣе графовъ) Строгоновыхъ.

былъ почти затворникомъ и пріобщался Св. Таинъ каждую недѣлю¹⁾. Привычка къ набожности отъ ранняго возраста привела таки къ благому концу.

10. Обѣдали мы съ Анд. Н. у пр. Саввы. Тамъ былъ новый преосвященный Томскій²⁾. Очень развязный, воспитанникъ Петерб. Академіи, былъ священникомъ и служить съ 1833 года. Владыка хвалится тѣмъ, что Московскіе воспитанники, вышедшіе въ архіерейство, не такъ развязны въ манерахъ.

Вечеромъ были Нейдгартъ, Горчаковъ, В. А. Муханова, кн. Е. П. Долгорукая, Муромцевъ, братъ и кто-то еще. Когда Муханова и Нейдгартъ говорили о Каирѣ и Палестинѣ, гдѣ они бывали, то еще большѣе мнѣ стало, что желаніе мое видѣть Палестину такъ неосуществимо для меня, между тѣмъ какъ для другихъ это такъ доступно.

11. Братъ былъ на поминкахъ Сапелкина въ единовѣрческомъ женскомъ монастырѣ и въ восхищеніи отъ чрезвычайней стройности и общаго вниманія къ богослуженію. „Понятно, говоритъ онъ, почему они держатся даже мелочей, даже ошибокъ граматическихъ такъ строго: они боятся, что, сдѣлавъ малѣйшую уступку, они вступятъ на путь уступокъ и потеряютъ существенное: чинъ и благообразіе службы церковной“.

Іереи ихъ въ службѣ не носятъ никакихъ отличій.

(Изъ „Душеполезнаго Чтенія“ 1907 года).

¹⁾ У него въ спальнѣ стоялъ гробъ. Ш. Б.

²⁾ Виталій (Вертоградовъ), въ 1833 г. поступилъ учителемъ въ Калужскую духовную семинарію, въ 1841 г. священникъ, въ 1846 г. постриженъ въ монахи, 10 Января 1865 хиротонисанъ въ епископа Томскаго, † 25 Ноября 1866 г. А. С.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ КЪ СТАТСЬ-СЕКРЕТАРЮ Н. А. ШТОРХУ.

Je viens d'apprendre par l'Empereur la mort de Troinitsky et en suis consternée! Dites à pauvre veuve la part que je prends à son malheur et nos regrets bien sincères, à l' Empereur et à moi, de la perte que nous faisons personnellement par sa mort.

М.

Переводъ.

Я узнала отъ Государя о смерти Тройницкаго, и это меня поразило. Скажите его бѣдной вдовѣ, что я вполне сочувствую ея горю и передайте ей искреннія сожалѣнія Государя и мои. Смерть его личная для насъ утрата,

М.

Александръ Григорьевичъ Тройницкій скончался въ Петербургѣ въ Пятницу, 12-го Марта 1871 г. въ пятомъ часу утра. Первая панихида у его тѣла назначена была въ 1 ч. дня. Около полудня статсь-секретарь Николай Андреевичъ Шторхъ *) привезъ семьѣ умершаго только полученное имъ письмо Императрицы Маріи Александровны. Самое письмо написано на небольшомъ листѣ почтовой бумаги, вверху котораго оттиснуто, золотомъ и красками—Марія, Зимній Дворецъ. Письмо сложено вдвое и вложено въ соответствующаго размѣра конвертъ, на которомъ Ея Величествомъ написано „Шторху“. Г. Т.

Напомнимъ, что 12-го Марта нынѣшняго года исполнился сто одинъ годъ со дня рожденія А. Г. Тройницкаго. Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ дѣятелѣ можно найти въ I-ой книгѣ „Русскаго Архива“ 1894 года. П. Б.

*) Товарищъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, исправлявшій въ то время должность Главноуправляющаго за отсутствіемъ Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго.

Къ бракосочетанію Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Павловны съ Шведскимъ принцемъ.

Наша Москвичка, Великая Княжна Марія Павловна, праправнучка Екатерины Великой, вступаетъ въ бракъ съ принцемъ Шведскимъ, и все общаетъ этому союзу благополучіе. Русскіе люди сердечно желаютъ „совѣта и любви“ молодой царственной четѣ.

Этимъ союзомъ переносится наше архивное помышленіе къ осени 1796 года, когда возможность подобнаго бракосочетанія занимала умы предковъ нашихъ и долженствовала повести къ особымъ международнымъ сопряженіямъ. Не проявились они, какъ извѣстно, по той причинѣ, что царственный женихъ не рѣшался изъяснить окончательное согласіе на устроеніе во дворцѣ своемъ православнаго храма. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, прося позволенія еще подумать. Дѣло не было кончено, и Государыня вступила въ переписку съ молодымъ королемъ, котораго рожденіе она нѣкогда привѣтствовала, посылая ему придуманное ею для внука своего дѣтское платьице*). Письма Екатерины къ молодому Шведскому королю удивительны: рѣдко кто изъ свѣтскихъ лицъ, за всю нашу исторію, писалъ съ такою убѣдительною о преимуществахъ исповѣданія Православнаго.

Какъ бы предчувствуя близкую свою кончину, Екатерина позаботилась объ устройствѣ дворцовой церкви для своей внучки. Иконостасъ, иконы, богослужебная утварь, ризы, книги отвезены были въ Стокгольмъ, гдѣ и хранились въ Русскомъ посольствѣ до нашихъ дней. Лишь недавно, когда потребовалась церковь для Гамбургскаго нашего консульства, все это, по мысли К. П. Побѣдоносцева, перевезено въ Гамбургъ. Какъ ни важно было для Швеціи укрѣпить связи съ Россіею, но упрямство дяди, герцога Зюдерманландскаго (позднѣе Карла XIII-го) одолѣло юношу-короля. Его совѣтники могли рассчитывать, что Екатеринѣ оставалось жить недолго, а наслѣдникъ ея былъ собрать по масонству ихъ герцога. Вспомнимъ также, что лютеранство въ тогдашней Швеціи отличалось нетерпимостью; а про наше исповѣданіе тамъ мало знали, видя въ немъ то же, что нѣкогда такъ претило Шведамъ въ католичество, въ борьбѣ съ которымъ воспрославилъ Шведское имя Густавъ-Адольфъ. П. Б.

*) Такое же подарила она племянницѣ князя Потемкина, графинѣ Браницкой, и оно хранится въ Одессѣ, въ Архивѣ Князя Воронцова (имѣя графини Е. А. Воронцовой-Дашковой). П. Б.

СО Д Е Р Ж А Н І Е
ПЕРВОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»

1908 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

463. Указъ Петра Великаго князю Григорію Волконскому. 1708. (О Батуринскихъ казакахъ).

305. Указъ Петра Великаго Казанскому губернатору Салтыкову. 1722. (О пролажѣ записной книги).

306. Императрица Елисавета Петровна Ю. Ю. Броуну 1761.

295. Письмо графа **Ф. В. Ростопчина** къ одной просительницѣ. 1797.

465. Изъ записной книжки **Боленкура**, Наполеонова посла при нашемъ дворѣ. 1808г.

5, 227, 486 и 476. Изъ Записокъ графа **Филиппа Сегюра**: Наполеонъ передъ походомъ въ Россію и въ Россіи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.

307. Герой отечественныхъ и заграничныхъ войнъ **Н. Н. Раевскій** въ письмахъ къ младшему своему сыну. 1825—1829.

286 и 498. Изъ архива **Н. Н. Новосильцова**. Поляки послѣ Наполеонова нашествія на Россію. (Попытка всеобщаго вооруженія въ Варшавскомъ Герцогствѣ.— Учрежденіе верховнаго временнаго совѣта.— Загадочный Англійскій генераль.— Обращеніе Евреевъ въ христіанство.— Польскіе Карбонаріи). Сообщилъ **И. Г. Попруженко**.

99. Масонскія собранія, торжества и стихи въ честь императора Александра Павловича. Сообщено **Т. О. Соколовскою**.

524. Изъ писемъ **А. П. Бунной** къ **М. Н. Семенову**. Сообщено **Е. Я. Гротомъ**.

105. Императоръ Александръ Павловичъ въ послѣдніе свои годы (изъ Записокъ г-жи **Буань**).

536. Дѣло о разореніи общественныхъ садовъ въ Курскѣ. 1826. Сообщено **С. Е. Божуховымъ**.

64. Конрадъ Валенродъ. Переписка **Н. Н. Новосильцова** съ графомъ **Д. Д. Куррутою** и донесеніе великому князю Константину Павловичу о **Мицкевичѣ**. 1828.

298. Московскій бульварный стихотворецъ-сатирикъ **А. А. Голомблевскаго**.

107. Полузабытая могила (**Кулибина**). **П. А. Россіева**.

98. Письма императрицы **Маріи Феодоровны** къ **Ханыкову** о **Павловскомъ дворцѣ**.

25. Письма князя **А. А. Шаховскаго** къ князю **Э. П. Мещерскому**: Россія и Европа. 1833.

368. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ **Ф. П. Макеровскому**. 1823—1835.

115. Баронъ **Пасхинъ**. **А. А. Голомблевскаго**.

181. Прожитое и пережитое. Воспоминанія доктора **П. С. Алексѣева**.

541. Памяти **Филарета митрополита Мо-**

сковскаго. Рѣчь **Ю. П. Вартенева** въ союзѣ Русскихъ людей 23-го Ноября 1907 г.

321. Изъ дневника священника (**А. Г. Лебединцева**) въ осажденномъ Севастополѣ. 1854—1855.

588. Боевое крещеніе. Въ Закавказьѣ. 1877. **А. А. Аноева.**

145. Записки архіепископа **Никанора:** „Моя хиротонія“. 1871 годъ.

448. Исторія и легенда (старецъ **Оедоръ Козьмичъ**). **А. А. Голумбевскаго.**

463. О письмахъ фельдмаршала князя **Витгенштейна.**

354. Письма **И. С. Аксакова** къ **М. А. Максимовичу.** 1859—1862. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **В. В. Данилова.**

320. Посланіе князя **П. А. Вяземскаго** иностранкѣ. 1832.

109. **В. А. Жуковский:** его замѣтки о великомъ князѣ **Александрѣ Николаевичѣ,** завѣщательное письмо къ супругѣ своей и записка о рожденіи своей дочери

297. Письмо **Ю. Ф. Самарина** къ **А. О. Смирновой.** 1868.

134. **А. С. Хомяковъ** и **М. А. Максимовичъ** (новыя письма **А. С. Хомякова**). Съ предисловіемъ и примѣчаніями **В. В. Данилова.**

274. Завѣщаніе **Н. Г. Чернышевскаго.** (Сообщилъ **П. А. Юдинъ**).

249 и **464.** Изъ записной книжки издателя „Русскаго Архива“ (Объ отношеніи духовныхъ властей къ свѣтской.—О **В. С. Россоловскомъ**).

378. Пермское село **Ныробръ,** его древности и святыни. **Н. А. Сангина.**

392 и **550.** Успенскій соборъ въ Москвѣ. Исторія его отопленія. **Протопресвитера В. С. Маркова.**

75 и **251.** Фамильныя прозвища Велико-русскаго духовенства въ XVII и XIX столѣтіяхъ. **В. В. Шереметевскаго.**

619. Изъ записокъ архіепископа **Леонида.** 1865.

621. Письмо императрицы **Маріи Александровны** статсъ-секретарю **Шторху.** 1871.

622. Къ бракосочетанію великой княжны **Маріи Павловны.**

144. Поправки и мелочи.

Внутри сорочекъ. Отзвывы **Т. О. Соколовская** (Русское масонство).—Записки **И. В. Чернова.**—**А. П. Лапская** о **Н. Н. Пушкиной.**—О Рязанской Гимназіи.—О перепискѣ **Пушкина.**—Новая Польская книга о **Маринѣ Мвишекъ.**

Приложены полулисты **Предметной Рописи „Русскаго Архива“.** (Писатели.—Художники.—Книжныя заграничныя вѣсти.—Архивы).

5221. Горленко, В. П. Украинскія были. 1900. I, (1), 159—160.
5122. Даль, В. Толковый словарь Велико-русского языка. 1863. 495—496.
5123. Забѣтка объ Англійскомъ переводѣ Записокъ княгини Дашковой. М. Ѡ. Шугурова. 1881. II, (3), 132—140.
5124. Забѣлинъ, И. Исторія города Москвы. С. П. Бартенева. 1902. III, (9), 152—160.
5125. Историко-критическія замѣтки Д. И. Иловайскаго: В. Г. Васильевскаго Житія свв. Георгія Ама-стридскаго и Стефана Сурожскаго, В. И. Сергѣевича, Русскія юриди-ческія древности. 1895. I, (2), 249—264.
5126. О нѣкоторыхъ изданіяхъ по исто-ріи Кавказа. Е. А. Козубскаго. 1896. III, (12), 536—546. Э. В. Бриммеръ. О Запискахъ П. К. Менькова.
5127. Новыя изданія по исторіи Кав-каза. Е. А. Козубскаго. (XVIII-й томъ „Кавказскаго Сборника“). 1898. I, (1) 169—176.
5128. Лебедевъ, Петръ. Графы Панины. 1863. 74—75.
5129. Черное Малороссійское духовен-ство былого времени. А. С. Ле-бедева. А. А. Титова. 1903. II, (6), 145—166.
5130. Сочиненія Лермонтова, приве-денныя въ порядокъ С. С. Ду-дышкинымъ. М. Н. Лонгинова. 1863. 571—575.
5131. Лихутинъ, М. Д. Русскіе въ Азиат-ской Турціи въ 1854 и 1855 г. 1863. 350—351.
5132. Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б. Русская Родословная книга. ***. 1895. II, (7), 375—377.
5133. Объ энциклопедическихъ лекси-конахъ въ Россіи Ѡ С. (С. А. Соболевскаго) 1870. (10) 1937—1940.
5134. Библіотека А. С. Норова. Ѡ С. (С. А. Соболевскаго). 1869. (4), 065.
5135. Альманахъ „Звѣздочка“ 1826 г. М. И. Семевскаго. 1869 (4), 053—060.
5136. Объ изданіи г. Семевскимъ жур-нала „Русская Старина“. 1870. (2) 525—526.
5137. Первый Русскій провинціаль-ный журналъ „Уединенный По-шехонецъ“. Л. Н. Трефолева. 1879. III, (9), 88—135. А. П. Мельгуновъ. В. Д. Санковскій, Михаилъ Пермскій, Алексѣй Вер-ницкій, С. Н. Веницеевъ, Иванъ Слатвинскій, Василій Пустовой-товъ, В. Г. Рубанъ, В. П. Пет-ровъ, А. И. Перепечинъ, П. И. Фоввизинъ, архіеп. Арсеній. Сти-хи Стефана Яворскаго. Иона Ѡед. Фортунатовъ. Кучумовъ. Еврей-кровоопійцы.
5138. Савеловъ, Л. М. Указатель по исторіи и генеалогіи Россійскаго дворянства. Н. Ч. 1893. I, (3), 456—457.

б) Внутри обложекъ „Русскаго Архива“.

5139. Алексѣевъ В. Суворовъ-поэтъ. Письма Суворова къ разнымъ ли-цамъ. Забѣтка В. В(рюсова). 1901. III, (9).
5140. Арсеневъ, Ю. Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій, его пере-писка съ Галицкой вѣтчиной. 1903. II, (8).
5141. Каталогъ выставки иллюстрацій къ царствованію Александра III. Собранія Г. П. Анненкова. 1903. III, (12).
5142. Викторъ Антоновичъ Арцымо-вичъ. Воспоминанія. Спб. 1904. 8°. 1904. II, (7).
5143. Барсуковъ, А. П. Родъ Шереме-тевыхъ. Книги седьмая и осьмая. III, (10). 1904. II, (7).
5144. Барсуковъ, А. П. Списокъ горо-довыхъ воеводъ. А. Титова. 1902. III, (10).
5145. Берло, А. Арсеній Берло, епи-скопъ Переяславскій. 1904. III, (9).
5146. Воспоминанія К. Н. Бестужева-

- Рюмина (до 1860 года). Изданы Л. Н. Майковымъ. 1902. I, (1).
5147. Божеряновъ, И. Н. Жизнеописаніе императрицы Александры Теодоровны. 1900. II, (7).
5148. Божеряновъ, И. Н. Гр. Е. Ф. Канкринъ. Изданіе гр. И. В. Канкринна. 1898. I, (3).
5149. Бодяновская, М. С. Библіотека указателей. Выпускъ 1-й. „Дневникъ“ А. В. Никитенко, т. 1—111. „Воспоминанія“ И. И. Панаева. 1903. III, (12).
5150. Браиловскій, С. Н. Семень Сергѣевичъ Бобровъ. А. Яцимирскаго. 1896. III, (11).
5151. Бурцевъ, Александръ. Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ. Л. М. Савелова. 1897. III, (10).
5152. Бѣлецкій, А. Сборникъ документовъ музея гр. М. Н. Муравьева. 1906. II, (6).
5153. Бѣляевъ, И. С. Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломскіе посадскіе люди Юдины. В. Я. Б(рюсова). 1900. III, (9).
5154. Утвержденіе Русскаго владычества на Кавказѣ. Н. Н. Бѣлявскаго. 1904. III, (9).
5155. Дневникъ Васильева. 1896. II, (4).
5156. Военскій, К. Императоръ Николай и Польша въ 1830 г. 1905. II, (5).
5157. Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы, собранные княг. Е. Г. Волконскою. Н. Ч. 1901. II, (6).
5158. Записки кн. С. Г. Волконскаго. 1901. III, (11).
5159. Воспоминанія о студенческой жизни. 1899. II, (6).
5160. Вяземскій, кн. П. А., собраніе сочиненій. Томъ XII. 1896. III, (9).
5161. Гиляровъ, Н. П. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1899. II, (6). 1900. II, (6).
5162. Глѣбова-Стрѣшневна, княгиня Е. Ф. „Mon Aieule“. 1898. II, (6).
5163. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. 1902. (1).
5164. Головнина, Ю. Д. На Памирахъ. Записки Русской путешественницы. 1902. I, (3).
5165. О сочиненіяхъ И. Ф. Горбунова. 1900. I, (4).
5166. Грановскій, Т. Н. Избранныя сочиненія. Редакція В. А. Соколова. 1905. III, (12).
5167. Гротъ К. Я., Н. М. Карамзинъ и Ф. Н. Глинка. 1903. III, (12).
5168. Гротъ, К. Я. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго. 1901. III, (10).
5169. Капнисть, П. И., графъ. Сочиненія. 1901. I, (3).
5170. Воспоминанія Фаддея Вылежинскаго, 1903. II, (8).
5171. Архивъ села Вошажникова. Бумаги гр. Б. П. Шереметева. 1901. I, (3).
5172. О родѣ Рахманиновыхъ. К. А. Губастова 1895. III, (11), 330—338. и А. Яцимирскаго 1896. III, (11).
5173. Дягилевъ, С. П. Русская живопись въ XVIII в. Д. Г. Левицкій. 1902. II, (6).
5174. Екатерина II, императрица. Сочиненія. На основаніи подлинныхъ рукописей, съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Сочиненія драматическія. 4 тома. Спб. 1901. 8°. П. Б(артенева). 1901. II, (7). 1902, (8), 1904, (10), 1906. III, (10).
5175. Завитневичъ, В. З. А. С. Хомяковъ. 1902. II, (4).
5176. Загоскинъ, Н. П. Исторія Казанскаго Университета. 1905. I, (4).
5177. Извѣковъ, Н. Д. Православныя церкви въ Литовской епархіи. 1859—1889 г. 1900. II, (7).
5178. Иконниковъ, В. С. Кіевъ въ 1654—1855 гг. 1905. I, (4).
5179. Иловайскій, Д. И. Исторія Россіи. Михайль Фёдоровичъ и Алексѣй Михайловичъ Романовы. Ю. П. Б(артенева). 1899. I, (3). 1905. II, (8).
5180. Каптеревъ, Н. Ф. Сношенія Иерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей. А. Яцимирскаго. 1896. III, (11).

5181. Касаткинъ, В. В. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи. 1906. III, (12).
5182. Кеневичъ, В. Примѣчанія къ баснямъ. М. Н. Лонгинова. 1868. (11), 1817—1819.
5183. Ключевскій, В. О. Краткое пособіе по Русской исторіи. С. И. Кедрова. 1900. II, (5), 82—92.
5184. Столѣтіе Военнаго Министерства. 1905. III, (11).
5185. Козубскій, Е. И. Дербентское городское упрощенное общественное управленіе. 1906. III, (12).
5186. Кологривовъ, С. Н. Государева большая шкатула. 1903. III, (12).
5187. Колчинъ, А. В. Памяти А. С. Пушкина. Н. О. Лернера. 1890. III, (10).
5188. Кони А. Ф. Очерки и воспоминанія, Д. Х(омякова). 1906. I, (2).
5189. Костомаровъ. Сѣвернорусскія народоправства. 1863 I, 74.
5190. Коммиссія Куломзина о земледѣліи въ Забайкальской области. 1899. I, (4).
5191. Кульманъ, Н. К. Рукописи В. А. Жуковскаго, въ бібліотекѣ гр. Бобринскихъ. 1901. III, (12).
5192. „Архивъ Князя Ф. А. Куракина“. Книга VIII-я подъ ред. В. Н. Смольянинова. Ю. П. Б(артенева). 1899. II, (7). Тоже. Книга IX-я. 1902. III, (9).
5193. „Восемнадцатый Вѣкъ“. Историческій сборникъ князя Ф. А. Куракина подъ редакцію В. Н. Смольянинова и Н. А. Свворцова. 1904. I, (3). 1905. I (2).
5194. „Девятнадцатый Вѣкъ“. Историческій сборникъ, издаваемый княземъ Ф. А. Куракинымъ, подъ редакцію В. Н. Смольянинова. М. 1903. 8^о. 1903. II, (8).
5195. Письма гр. Г. Г. Куселева къ сыну Александру. 1901. I, (1).
5196. Ладъженскій, И. Н. Родословная Молоствовыхъ. Л. М. Савелова. 1901. I, (1).
5197. Лалаевъ, М. С. Николой I, зиждитель Русской школы. 1896. II, (6).
5198. Лалаевъ, М. С. Очеркъ жизни вел. кн. Михаила Павловича. 1898. I, (2).
5199. Лернеръ, Н. О. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя. 1903. III, (10^о).
5200. Ломоносовскій Сборникъ. Для исторіи химіи въ Россіи. 1902. I, (3).
5201. Лѣтопись историкородословнаго общества въ Москвѣ, съ портретомъ вел. кн. Сергія Александровича. 1905. II, (6).
5202. Любецкій архивъ гр. Милорадовича Выпускъ первый. Л. М. Савелова. 1898. II, (7).
5203. Майковъ, Л. Н. Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина. 1903. I, (2).
5204. Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей. Л. М. Савелова. 1898. II, (5).
5205. Марковъ, В. С. О Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ. 1903. I, (3).
5206. Мандельштамъ, І. О характерѣ Гоголевскаго стиля. В. Я. Брюсова. 1902. II, (4).
5207. Записки Петра Кононовича Менюкова. 1898. II, (6).
5008. Минхъ, А. Н. Словарь Саратовской губерніи. 1904. II, (5).
5209. Михайловъ, А. Черняевъ. Біографическій очеркъ. 1906. II, (7).
5210. Михайловъ, К. Н. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. 1901. III, (12).
5211. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. 1902. III, (9). 1903. I, (3).
5212. Нѣчто о стихотвореніяхъ Феофана Прокоповича. (Письмо къ П. И. Бартеневу М. Максимовича). 1872. (5), 997—1004.
5213. Московскій Румянцовскій и Публичный музеи. 1897. III, (12).
5214. Исторія изданія „Опыта о чловѣкѣ“ (сочиненія Поне), въ переводѣ Поповскаго. Н. С. Тихонравова. 1872. (7—8), 1311—1322.
5215. Замятка къ статьѣ: „Исторія изданія опыта о чловѣкѣ“. П. А.

- Ефремова. 1872. (10), 2031—2032.
5216. Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковского. К. И. Жинзифова. 1863. 217—221.
5217. Запѣтки на „Словарь“ Д. А. Ровинскаго. Письмо къ издателю (кн. М. А. Кантакузена). 1889. II, (6), 308—310.
5218. Книга бытія моего. Порфирія Успенскаго. Изданіе Сырку. 1897. II, (6).
5219. Потоцкій, Степанъ. Инзовъ Иванъ Никитичъ. 1904. III, (10).
5220. Проскурниковъ, Т. В. Городъ Короча. В. Я. Б(рюсова) 1900. III, (10).
5221. Исторія Россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Переводъ съ Англ. гр. Е. В. Путятина. 1897. III, (9).
5222. Пушкинъ и его современники. Выпускъ I. 1904. I, (1).
5223. Пушкинъ. Сочиненія, подъ ред. П. А. Ефремова. Т. I и II. В. Б(рюсова). 1902. III, (12), 525—Тоже. Т. VII. 1903. III. обл. 10-го вып.—Тоже. Т. VIII. 1905. II, (7).
5224. Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1901. III, (12), и 1906. III. (9).
5225. Николай Михайловичъ, Великій Князь. Графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ. 1903. II, (7). Поправка (9).
5226. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Луи-де-Сентъ-Обенъ. П. Б(артенева). 1902. II, (6).
5227. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. 1905. I, (3); II, (8); III, (12).
5228. Новый Запѣтъ Господа нашего Иисуса Христа. Переводъ В. А. Жуковскаго. Берлинъ. 1895. 8°. 1896. III, (9).
5229. Православное исповѣданіе въ царствованіе Александра III-го. 1902. I, (4).
5230. Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Съ примѣчаніями В. И. Саитова. 1900. I, (2).
5231. Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1894 г. 1897. III, (12).
5232. Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1904. III, (12).
5233. Павловъ, Н. М. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. 1899. (2) (Ю. П. Бартенева); 1900. I, (3); 1902. I, (3). 1904. I, (2).
5234. Панчулидзевъ, С. Исторія кавалергардовъ. 1899. III, (12), 597—608. 1902. I, (3). 1904. I, (3).
5235. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. Т. 1-й. М. Н. Лонгинова. 1871. (1), 0246.
5236. Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ. Ю. П. Б(артенева). 1900. I, (1).
5237. Плотноиковъ. А. Ѳ. Нарымскій край. И. Б. 1904. III, (9).
5238. Письма Погодина, Шевырева и Максимовича къ кн. Вяземскому. Съ примѣчаніями Н. П. Барсукова. 1901. II, (1).
5239. Покровскій, А. Лѣтопись церкви въ Страннопріимномъ домѣ гр. Шереметева. Изд. М. I. Романовой. 1897. III, (11).
5240. Пушкинскіе дни въ Одессѣ. В. Я. Б(рюсова). 1901. I, (4).
5241. Пушкинъ и его современники. 1905. III, (10).
5242. По поводу академическаго изданія сочиненій Пушкина. Н. М. Горбова. 1900. I, (2), 309—310.
5243. Пушкинъ, Сочиненія. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, съ примѣч. Л. Майкова. Томъ первый. 1899. III. об. 9-го вып. В. Я. Б(рюсова). 1900. III. обл. 11-го вып.—Томъ второй. Н. О. Л(ернера). 1906. I, (8), 602—604.
5244. Изъ замѣтокъ Любителя Старины на послѣднее изданіе сочиненій Пушкина. 1884. I, (2), 472—473.
5245. Запѣтка о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина. М. А.

- Веневитинова. 1899. II, (7), 470—472.
5246. Старое о Щегловѣ. И. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Валерія Брюсова. 1901. III, (12), 574—579.
5247. Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1906. I, (4).
5248. Татевскій Сборникъ С. А. Рачинскаго. 1900. I, (2).
5249. Рогожинъ, В. Н. Указатель къ Опыту Россійской Библиографіи В. С. Сопикова. Ю. П. Б(артенева). 1900. I, (3).
5250. Ровинскій, Д. А. словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. 1889. II, (8), 581.
5251. Самаринъ, Ѳеодоръ. О мірской надѣльной землѣ. Замячанин на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянахъ. Ю. П. Б(артенева), 1902. III, (11), 429.
5252. Савва. Палеографическіе снимки съ Греческихъ и Славянскихъ рукописей А. Е. Викторова. 1863. 487—492.
5253. Сборникъ матеріаловъ по Русской исторіи начала XVII вѣка. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1896. 8°. 1896. I, (3), 479.
5254. Сборникъ Муханова. Изданіе второе, А. Ѳ. Бычкова. 1867. (7), 1180—1181.
5255. „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“. 1868. (2), 335.
5256. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1896. III, (9).
5257. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1899. III, (11).
5258. Сборникъ старинныхъ бумагъ, въ музеѣ П. И. Щукина. 1897. III, (9). 1899. II, (6), 359—360. 1902. I, (4).
5259. Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя государемъ наследникомъ цесаревичемъ. Ѳ. И. Тимирязева. 1873. I, (6), 1089—1102.
5260. Середонинъ, С. М. Комитетъ Министровъ при Александрѣ I-мъ. 1902. I, (4).
5261. О Русскомъ Эндиклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (по отношенію къ Кавказу). Е. И. Козубскаго. 1894. I, (3), 436—452.
5262. Русскій біографическій Словарь. Т. I. 1896. III, (6).
5263. Соколовскій, М. С. Кадетскій Журналъ. 1905. III, (10).
5264. Соколовъ, Селивестръ. Очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода и кладбища. Него (А. А. Титова). 1902. I, (2).
5265. Старина и Новизна. 1897. II, (8), 491—494. 1901. II, (8). 1902. I, (4), 1904. I, обл. 1904. III, (12). 1905. II, (5). 8°. 1905. III, (12). 1906. III, (11).
5266. „Стороженко“ Семейный Архивъ. 1903. I, (4); 1896. III (12).
5267. Субботинъ, Н. Служеніе церкви борьбою съ расколомъ. 1902. III, (12).
5268. Письма и бумаги Суворова. Изд. В. Алексѣевъ. 1900. III, (12).
5269. Сѣверные Цвѣты. Альманахъ на 1901 г. Книгоиздательство „Скорпионъ“. 1901. II, (5).
5270. Татищевъ, С. С. Родъ Татищевыхъ. 1900. III, (12).
5271. Труфилевъ, Е. П. Къ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. 1905. I, (1).
5272. Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и Миръ“ Гр. Л. Н. Толстого. 1868. (3), 515—528.
5273. По поводу новаго изданія сочиненій Ѳ. И. Тютчева. В. Я. Брюсова. 1900. I, (3), 405—420.
5274. О новомъ изданіи сочиненій Ѳ. И. Тютчева 1886. III, (12), 534—536.
5275. Успенскій, Александръ. Записныя книги и бумаги старинныхъ дворянскихъ приказовъ. 1906. I, (4).
5276. Успенскіе, М. и В. И. Замятки о древне-Русскомъ иконописаніи. Св. Алимпій и Андрей Рублевъ. 1902. I, (1).

5277. Уткинскій Сборникъ. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Изданіе М. В. Беэръ. 1904. II, (6).
5278. Фетъ, А. Полное собраніе стихотвореній. Подъ редакціей Б. В. Никольскаго. В. Я. Б(рюсова). 1901. II, (6).
5279. Филипповъ, А. Н. Бумаги Кабинета Министровъ Анны Иоанновны. 1906. I, (1).
5280. Фонъ-Фрейманъ, О. Р. Пажи за 183 года. 1898. II, (5), 176.
5281. О сочиненіи архим. Фотія: „Сказаніе о житіи епископа Пензенскаго“. Н. П. Барсукова. 1895. III, (12), 489—490.
5282. Хайновскій, I. А. Свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси. А. Яцимирскаго. 1896. III, (10).
5283. Харламовичъ, К. В. Архимандритъ Макарій Глухаревъ. 1906. I, (2).
5284. Хомяковъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. 8 т. 1900. I, (4); 1901. III, (11); 1905. I, (1).
5285. Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней Русской литературѣ. В. Я. Б(рюсова). 1900. III, (9).
5386. Хрущовъ, И. П. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. В. Я. Б(рюсова). 1901. III, (12).
5287. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Д. В. Цвѣтаева. 1903. II, (5).
5288. Череванскій, В. Двѣ волны. 1898. III, (11).
5289. Библиографическое пополненіе (о Чулковско-Новиковскомъ пѣсенникѣ). Э. С. (С. А. Соболевскаго). 1870. (10), 1935—1937.
5290. Распечатаніе алтарей въ храмахъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища. Изд. гр. А. В. де-Шамборанта и Д. П. Дориньяка. 1906. II, (6).
5291. Шведская война. 1808—1809 гг. 1906. I, (4).
5292. Исторія Московскаго университета за истекшее столѣтіе, С. П. Шевырева. Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, С. П. Шевырева. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ и славянскихъ, Буслая, Клима, Меншикова и Петрова.—„Въ Воспоминаніе 12-го Января 1855 года“, 1867. (7), 1177—1180.
5293. Шенрокъ, В. П. А. Кулишъ. Биографическій очеркъ. В. Я. Б(рюсова). 1902. I, (2).
5294. Шенрокъ, С. Т. Аксаковъ и его семья. 1905. I, (2).
5295. Шереметевъ, гр. С. Д. Отголоски XVIII вѣка. Ю. Б(артенева). 1897. II, (8).
5296. Шереметевъ, Павелъ, гр. Отзвуки разсказовъ И. О. Горбунова. 1901. III, (10).
5297. Шереметевъ, Павелъ, гр. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. 1902. II, (8).
5298. Шереметевъ, Павелъ, гр. Замѣтки. 1905. III, (11).
5299. Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ Первый. Ю. П. Б(артенева). 1897. II, (7), 495—496 1897. II, (8 и 9).
5300. Шильдеръ, Н. К. Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованіе. 1903. III, (11).
5301. Шляпкинъ, И. А. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. 1903. II, (6).
5302. Щепкинъ, Евгений. Русско-Австрийскій союзъ во время Семилѣтней войны. 1903. I, (3).
5303. Щербатовъ, М. М., кн. Сочиненія. Т. I. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Изд. кн. Б. С. Щербатова. 1896. III, (9).
5304. Щербатовъ кн., А. О. Князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. 1896. III, (9). 1905. I, (3).
5305. Оедоровъ, К. М. Жизнь Русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. 1905. III, (10).
5306. Яблочковъ, М. Т. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Л. М. Савелова. 1903. II, (5).

- 5307.** Энгельгардъ, Н. Исторія Русской литературы XIX столѣтїя. В. Я. Брюсова. 1902. I, (4).
- 5308.** Гг. авторамъ и издателямъ статей и книгъ по Русской исторїи. 1894. I, (1).
- 5309.** Къ издателямъ С.-Петербургскихъ газетъ и журналовъ. (Воспрещеніе перепечатокъ статей изъ „Русскаго Архива“). 1869. (12).
- 5310.** Историческія статьи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. 1905. II (5) и III, (9).
- 5311.** Историческія статьи въ духовныхъ изданїяхъ 1895 и 1896 г. 1895 и 1896. I, обл. (2, 3); II, (6, 7, 8); III, (10, 11). 1896. I, (3, 4); II, (5, 8).
- 5312.** Бумаги, относящїяся до войны 1812 г., изд. П. И. Щукинымъ. 1898. I, (4); 1899. III, (10).
- 5313.** Историческія статьи въ неисторическихъ повременныхъ изданїяхъ. В. Я. Брюсова. 1902. I—III.

АРХИВЫ И АРХЕОЛОГИЯ.

- 5314.** Голландскій отзывъ объ изданїи Румянцовскаго Музея. 1898. I, (4), 626—627.
- 5315.** О средствахъ и препятствїяхъ сохранности церковныхъ древностей и рукописей въ церквахъ и монастыряхъ. Записка м. Московскаго Филарета. XVIII вѣкъ, I, 453—464.
- 5316.** Изъ старыхъ рукописей. Съ предисл. А. А. Титова. 1906. II, (5), 5—13. Посланіе епископа Аванасїя въ Ярославскій Магистратъ, 1783 г.—Письмо къ митр. Платону Симоновскаго архим. Амвросїя Андреевскаго, 1782 г.—Письмо протоіер. Петра Алексѣева къ архіеп. Гавріилу, 1769 г.—Сколокъ старинной записки свадебной, отъ крѣпостныхъ дѣлъ данной, 1582 г.
- 5317.** Обзоръ дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій 1891—1893 г. Аскалона Труворова. 1891. III, (12) 583—606. 1893. I, (2), 183—201,
- 5318.** О главныхъ задачахъ Археологическаго Института по мысли Калачова. Н. Покровскаго. 1891. III, (12), 607—612.
- 5319.** О состоянїи Археологическаго Института въ 1893—1894; 1894. III, (9), 137—141. въ 1895, III, (10), 221—214, поправка (11) 412.
- 5320.** Настоящее и будущее архивныхъ комиссій. (По поводу книги Д. Я. Самоквасова: „Централизація архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россїи“). С. И. Кедрова. 1900. III, 85—104.
- 5321.** Изъ рѣчи Л. М. Савелова на областномъ Историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимірѣ. 1906. III, обл. (9-го вып.).
- 5322.** Изъ архивныхъ дѣлъ. Сооб. П. Л. Юдинъ. 1896. III, (11), 305—312. О судьбѣ путешественника Шлагинтвейша.—О первомъ изданїи полнаго собранїя сочиненїй Н. В. Кукольника.—Знатный плѣнникъ (Персидскїй царевичъ).
- 5323.** Изъ домашняго архива А. Н. Булыгина. Съ предисл. кн. Д. Д. Оболенскаго 1904. I, (3), 536—543.
- 5324.** Изъ семейнаго архива Александра Алексѣевича Васильчикова. 1867. (7), 1028—1046. Письмо А. И. Архаровой къ М. П. Посниевой. Письмо М. И. Посниковой къ А. И. Архаровой (о свиданїи съ императоромъ Александромъ, 1818 г.).

- 5325.** Изъ Ватиканскаго Архива, съ замѣткою Н. Прокоповича. 1900. III, (7), 349—354. Письмо гр. П. А. Румянцова.
- 5326.** Изъ семейнаго архива села Вытебита. Письма Н. И. Зиновьева къ сыну въ Лейпцигъ. Съ предисл. Н. П. Барышникова. 1870 (4—5), 932—954.
- 5327.** Объ архивахъ Дагестанской области. Е. И. Козубскаго. 1895. I, (1), 37—41.
- 5328.** Изъ бумагъ Диканьскаго архива князя Кочубея. 1871 (9), 1408—1446. Докладъ гр. П. И. Панина Екатерининъ. Двѣ бумаги гр. Н. И. Панина по поводу кончины Иоанна Антоновича.—Мысль гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго объ устройствѣ воинской части въ Россіи. Поправка 1871 (10), 1636—1873. II, (9), 1685—1693. Письма кн. Потемкина и гр. С. Р. Воронцова къ кн. Безбородкѣ.
- 5329.** Архивъ Донскаго дворянства. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Л. М. Савелова. 1898. III, (10), 294—296.
- 5330.** Листокъ изъ архива села Знаменки. Н. П. Барсукова. 1885. I, (1), 137—138.
- 5331.** Архивъ гр. Игельстрома. Съ предисл. гр. Д. Н. Толстого. 1886. III, (11), 341—371. (12), 480—496.
- 5332.** Изъ архива митрополита Леонтія, 1892, III, (9), 95—111. Письма гр. П. Д. Киселева, I. Л. Янышева, I. В. Васильева, гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. (Освященіе православнаго храма въ Парижѣ).
- 5333.** Семейныя безобразія былаго времени. Сообщ. Н. П. Розановымъ. 1894. II, (6), 268—296. III, (11), 319—336. (12), 539—564. Изъ бракоразводныхъ дѣлъ архива Московской Духовной Консисторіи.
- 5334.** Изъ бумагъ Мятлевскаго архива. 1892. III, (9), 66—94. Письма къ гр. П. Г. Чернышову. Анны Иоанновны, гр. А. И. Ушакова, С. О. Апраксина, Екатерины Великой къ гр. И. П. Салтыкову.
- 5335.** Изъ древлехранилища Нижегородской духовной семинаріи. Сообщ. О. Кудринскій. 1897. III, (10), 153—156. Несудимая грамота патриарха Іова Арзамасскому Спасо-Преображенскому монастырю.—Настольная и опустная грамота, митр. Іоны, Ржевскому священнику Василию Андрееву. Молитва святому Димитрію Ростовскому.
- 5336.** Изъ Ольденбургскаго великогерцогскаго архива. Переведено А. И. Станкевичемъ. 1904. I, (3) 369—389. Извѣстія о царичѣ Екатерининъ Алексѣевнѣ. Письмо о царствованіи Екатерины Первой. Тайныя извѣстія о Русскомъ дворѣ.
- 5337.** Изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива. (Съ предисл. П. А. Вяземскаго). 1866. (2), 217—254. (3), 473—512. (6), 859—903. (7), 1065—1088. 1868. (3), 436—461. Письма 1812 г. къ князю Вяземскому: Гр. М. А. Милорадовича. К. Н. Батюшкова. Карла Юнкера. Н. М. Карамзина. М. Жофруа. Д. П. Северина. П. В. Мятлева. Н. О. Грамотина. В. Л. Пушкина. съ прилож. стих. Къ жителямъ Нижняго Новгорода. Н. О. Остолопова (Посланіе въ стихахъ). Письма Шлецера и А. И. Тургенева. Литературныя Арзамазскія шалости. Надпись къ портрету, сочинена обществомъ молодыхъ любителей Россійска красна слова. Приказъ Семену Гаврилову. Притчи. Эпиграфы изъ сочиненій гр. Хвостова.—Басни.—Письма Д. В. Дашкова, Сильвіо Пеллико и Варгагена Фонъ-Энзе., К. Н. Батюшкова. Поправка къ этому (10), 1506. Стих. Жуковскаго, А. И. Тургенева, Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова, 1815 г. Три бумаги гр. С. С. Уварова. Письма П. А. Плетнева, Гоголя, П. Я. Чаадаева, Сильвіо Пеллико (2 письма), Баруффи, С. Л. Пушкина, Кольцова, И. П. Мятлева.

Плетневъ, старательно оберегавшій денежныя его выгоды. (Иногда тысячи рублей передавалъ онъ Пушкину, вырученныя за его сочиненія).

Но особенно баловалъ Пушкина своею привязанностью П. В. Нащокинъ, безграмотныя письма котораго очень цѣнны. Онъ въ нихъ весь съ безобразіемъ своего быта, съ художественнымъ чутьемъ, съ постояннымъ горѣвшимъ огнемъ въ душѣ, съ благимъ помысломъ въ сердцѣ. Къ нему могъ относить Пушкинъ стихи свои:

.... Кто всѣ дѣла, всѣ чувства мѣрять
Услужливо на нашъ аршинъ,
Кто клеветы про насъ не съеть,
Кто насъ заботливо лелѣетъ,
Кому порокъ нашъ не бѣда,
Кто не замѣнитъ никогда.

Не даромъ вдова Пушкина извѣщала Нащокина о воспитаніи дѣтей своихъ.

Для Нащокина не было у Пушкина тайны. Я зналъ этого необыкновеннаго человѣка на склонѣ его лѣтъ. Онъ такъ много дѣлалъ добра, что вдова его долгіе годы могла жить пособіями лицъ имъ облагодѣтельствованныхъ. Подобно Американцу графу Толстому, Нащокинъ умеръ стоя на колѣняхъ и молясь Богу.—Любопытно, что письма барона Дельвига не свидѣтельствуютъ объ особенной искренности въ его дружбѣ къ Пушкину; а письма Пушкина къ А. Н. Вульфу совсѣмъ таки холодны. Демонъ А. Н. Раевскій вовсе не такъ ядовитъ, какъ про него думали (онъ и младшій его братъ не схожи другъ съ другомъ и внѣшностью, и нравомъ: первый—въ дѣда своего Грека Константинова, второй—въ Самойловыхъ). Чаадаевъ обличается въ своемъ напускномъ значеніи. А. И. Тургеневъ пишетъ о немъ:

„Деликатно хочю напомнить ему, что можно и должно менѣе обращать на себя и на das liebe Ich вниманія, менѣе ухаживать за собою, и болѣе за другими, не повязывать пять галстуховъ въ утро, менѣе даже и холить свои ноги и зубы и свой желудокъ, а избытокъ отдавать тѣмъ, кои и отъ крупницъ падающихъ сыты и здоровы“. Тѣмъ не менѣе Чаадаевъ былъ, хотя самовлюбленный, но добрый человѣкъ, и разочаровавшійся въ немъ Пушкинъ сохранялъ къ нему дружеское чувство.

На 123 стр. 2-го тома Переписки находимъ любопытное указаніе на то, что сношенія Пушкина съ Филаретомъ продолжались и послѣ извѣстнаго обмѣна стихотвореніями. Тутъ посредницею была дочь князя Кутузова, Е. М. Хитрово, достойная благодарной памяти потомства за свою восторженную приверженность къ этимъ гениальнымъ людямъ.—Оказывается, что отношенія къ графу Бенкендорфу не были такъ угнетательны для Пушкина, какъ обыкновенно думаютъ у насъ; а про императора Николая Павловича (одареннаго чувствомъ изящнаго), и говорить нечего: онъ спасъ поэта отъ ссылки въ Сибирь, приказавъ затушить дѣло объ извѣстной поэмѣ. „Ты зовешь меня въ Пензу, писалъ Пушкинъ князю Вяземскому 1 Сентября 1828 г.; а того и гляди, что я поѣду далѣе, прямо, прямо на Востокъ.“ Шла война, и Государь въ это время находился въ Турціи. Тутъ, можетъ быть, дѣйствовалъ Жуковскій черезъ князя А. Н. Голицына, и въ перепискѣ сего послѣдняго съ Государемъ надо искать разъясненія для исторіи Гаврилады.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ третьей книги этого превосходнаго изданія. Богъ въ помощь В. И. Саитову! П. В.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которые подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—90 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—30 коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

**Московскіе подписчики 1908 года, покупаая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**